This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

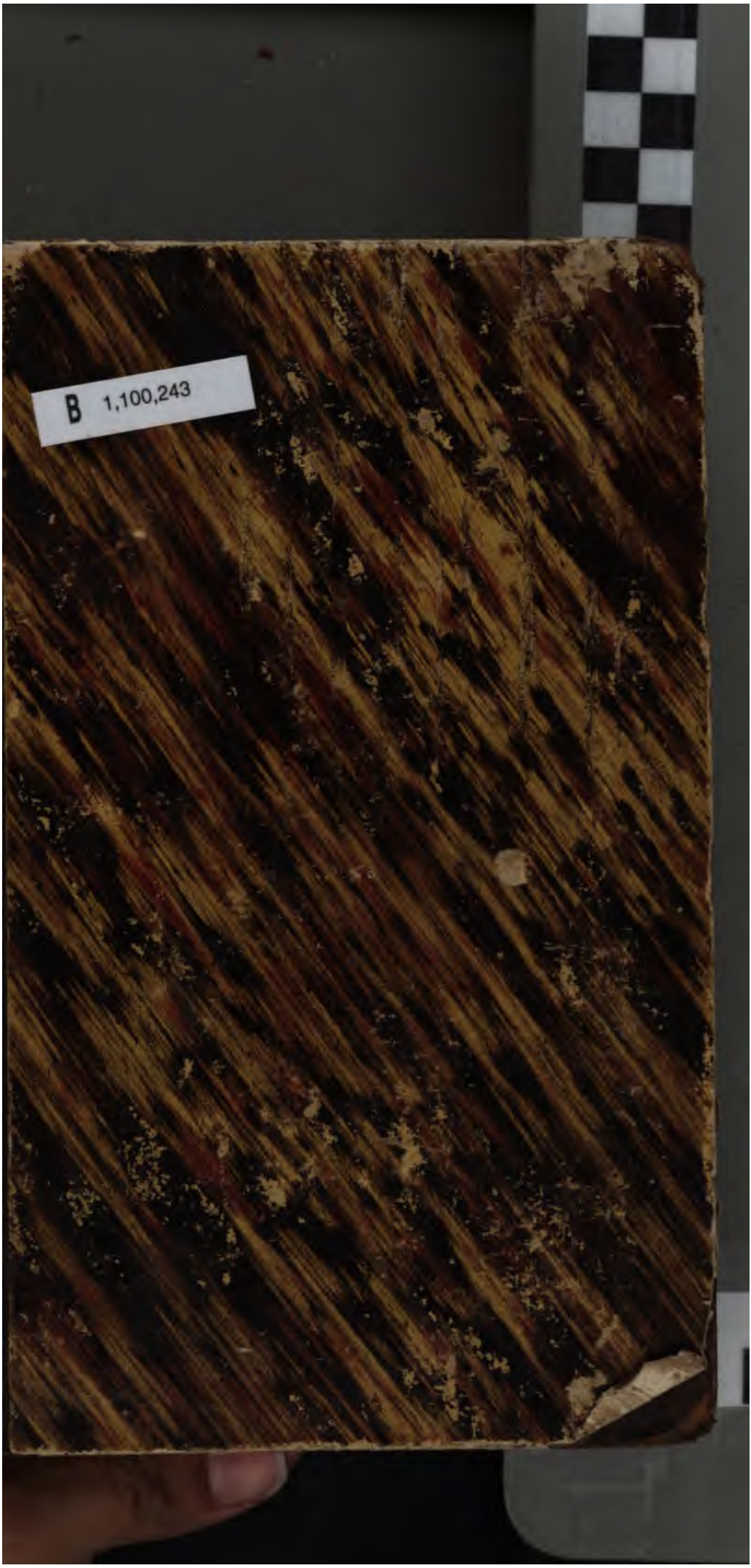
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


B 1,100,243

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.
1869.

[redacted]

v. 81

КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ЕВГЕНІЙ БОЛХОВИТИНОВЪ

I.

Евѳимій Болховитиновъ родился въ Воронежѣ 18-го декабря 1767 года. Отецъ его, священникъ Входо-Іерусалимской,—иначе называемой Ильинскою,—церкви *, умеръ когда Евѳимію было только десять лѣтъ. Воронежъ въ то время бѣденъ былъ учебными заведеніями; духовная семинарія до начала 1777 года состояла изъ одного риторическаго класса и съ 1761 года нѣсколько лѣтъ оставалась безъ префекта. **

* Г. Пономаревъ въ *Матеріалахъ для біографіи митрополита Евгенія* замѣчаетъ: „Отецъ его у иныхъ называется священникомъ Входо-Іерусалимской, у другихъ церкви Иліи Пророка; это разнорѣчіе, пожалуй, еще можно объяснить: отецъ Алексѣй, вѣроятно, былъ переводимъ съ мѣста на мѣсто. Все-таки и это обстоятельство требуетъ повѣрки въ источникахъ воронежскихъ“ (стр. 6). Г. Ивановскій уже положительно утверждаетъ что отецъ Евгенія „былъ священникомъ въ городѣ Воронежѣ, *сперва* Входо-Іерусалимской, а *потомъ* церкви Иліи Пророка, при которой и скончался“. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1867 года, декабрь стр. 708.) Мнимое разнорѣчіе о мѣстѣ служенія священника Болховитинова разрѣшается слѣдующими словами его сына въ *Историческомъ описаніи Воронежской губерніи*: „Церковь Входо-Іерусалимская одноштатная, каменная, построена съ 1767 по 1770 годъ на мѣсто деревянной. Нынѣ въ сей церкви придѣлъ во имя Св. Пророка Иліи, отъ коего *сперва* и церковь прозвана *Ильинскою*, а настоящая освящена уже въ 1780 году“ (стр. 71).

** *Историческое описаніе Воронежской губерніи*, стр. 65—66.

Евѳимій Болховитиновъ учился сначала въ архіерейскомъ пѣвческомъ хорѣ, потомъ, около 1775 года, поступилъ въ воронежскую семинарію. * Въ риторическомъ классѣ Болховитинова застала реформа этого учебнаго заведенія: съ начала 1777 года въ семинаріи открытъ былъ новый, философскій классъ. Въ немъ Болховитиновъ пробылъ только годъ, прошедши такимъ образомъ въ воронежской семинаріи риторическій курсъ и половину философскаго, который, по семинарскимъ правиламъ, долженъ былъ продолжаться, какъ и риторическій, два года. Важная перемѣна произошла въ судьбѣ бѣднаго семинариста. Воронежскимъ епископомъ былъ въ то время Тихонъ III. Этотъ молодой архіерей рѣзко отличался отъ своихъ предшественниковъ на воронежской каѳедрѣ. Девятымъ епископомъ воронежскимъ былъ Кириллъ Лятневецкій, умершій въ 1771 году. „Сей пастырь на Воронежѣ (по словамъ Болховитинова) былъ *первый изъ ученыхъ:* ибо прежде его бывшіе воронежскіе преосвященные *были изъ неучившихся въ школахъ*, кромѣ развѣ преосвященнаго Веніамина, который, сказываютъ, *нѣсколько* обучался латинскому языку въ волошскихъ училищахъ.“ ** Тихонъ III получилъ образованіе въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, въ послѣдствіи преподавалъ въ ней философію и былъ ея префектомъ. Вниманіе образованнаго епископа остановилось на Евѳиміи Болховитиновѣ, и въ 1778 году *** онъ отправилъ десятилѣтняго мальчика, на семинарскій счетъ, въ Москву слушать науки въ той академіи гдѣ онъ самъ нѣкогда учился и училъ. **** Болѣе десяти лѣтъ прожилъ Бол-

* Въ семинаріи преподавались тогда греческій, французскій, нѣмецкій языки. Тамъ же, стр. 65.

** Тамъ же, стр. 208.

*** Самъ Евгеній годомъ отправленія своего въ Москву невѣрно называлъ 1784. Въ вѣдомостяхъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи записано: „Евѳимъ Болховитиновъ поступилъ учиться въ академію въ 1778 году, 11-ти лѣтъ отъ роду“. Смирновъ, *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи*, стр. 390. Это офиціальное указаніе подтверждается свидѣтельствомъ самого Евгенія, что онъ учился въ воронежской семинаріи „до половины курса философіи“. Философскій курсъ продолжается въ семинаріяхъ два года; въ Воронежѣ онъ былъ открытъ въ 1777 году, и слѣдовательно въ началѣ 1778 года Болховитиновъ уже оставилъ семинарію.

**** Г. Ивановскій смѣшиваетъ Тихона III съ Тихономъ I, святымъ, когда замѣчаетъ: „Полное описаніе жизни Тихона составляетъ какъ

ховитиновъ въ Москвѣ. Здѣсь, еще въ годы ученья, началъ онъ печатать свои переводы и даже самостоятельные литературные труды. Въ нихъ ясно выразились литературныя симпатіи Болховитинова, и опредѣлились вопросы которые занимали его мысль на школьной скамьѣ. Наука духовной академіи, повидимому, не вполнѣ удовлетворила Болховитинова. Самъ митрополитъ Платонъ, стоявшій во главѣ Славяно-Греко-Латинской академіи, не былъ доволенъ преподаваніемъ въ ней философіи за то время когда учился въ ней Болховитиновъ: въ 1783 году Платонъ прямо объявилъ что „въ продолженіе восьми лѣтъ своего управленія академіей онъ не встрѣчалъ между учениками еще *ни одного* достойнаго имени студента философіи". * Нравственная философія преподавалась въ самомъ ограниченномъ объемѣ; Платонъ не придавалъ ей особеннаго значенія въ ряду наукъ академическихъ, замѣчая что „мораль человѣческая слаба и не дѣйствительна, а должна почерпаема быть изъ слова Божія въ богословскомъ классѣ". ** Ученическіе диспуты по-прежнему играли важную роль въ академическомъ образованіи. „Публичные диспуты, или состязанія, бывали четырежды въ годъ, а иногда и больше, смотря по окончанію частей богословія и философіи; приватные же диспуты бывали *каждый мѣсяцъ; сверхъ того*, обучающіеся богословію, философіи и риторикѣ упражнялись *каждую субботу* чтеніемъ сочиненныхъ ими проповѣдей, диссертацій и другихъ писаній, по удостоенію учителей своихъ." *** Поэзію преподавалъ въ академіи Михаилъ Завьяловъ ****, оставившій нѣсколько жалкихъ похвальныхъ одъ и переводъ изъ Эразма Роттердамскаго: *Христіанинъ—воинъ Христовъ и побѣдоносное его оружіе, или спасительныя правила жизни христіанскія, подробно и ясно разсмотрѣнныя*

бы памятникъ благодарности бывшаго воронежскаго семинариста заботливому о судьбѣ его пастырю, память котораго равнымъ же образомъ съ глубокимъ уваженіемъ чтитъ весь православный русскій народъ." *Журн. Мин. Нар. Прос.* 1867, дек., 712. Евгеній издалъ описаніе жизни Тихона I, покровителемъ же его былъ Тихонъ III.

* Смирнова, *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи*, стр. 299.

** Тамъ же, стр. 301.

*** *Христіанскій календарь на лѣто 1784* стр. 494.

**** Тамъ же, стр. 496.

и на священномъ писаніи основанныя. Краснорѣчію русскому и латинскому учили по риторикамъ Бургія, Воссія и Ломоносова. Книга, изданная Помеемъ въ концѣ XVII вѣка, *Pantheum mythicum, seu fabulosa deorum historia* служила въ классѣ поэзіи руководствомъ при изученіи римскихъ поэтовъ: ее переводили студенты на русскій языкъ, „оставляя непристойныя мѣста". * Только въ классѣ нѣмецкаго языка можно было отдохнуть студентамъ надъ переводами изъ Галлера, Лессинга и Клопштока. ** Ясный и положительный умъ Болховитинова рано почувствовалъ бѣдность и неполноту схоластическаго преподаванія въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Болховитиновъ записался слушателемъ въ Московскій университетъ, и сталъ здѣсь посѣщать лекціи *исключительно* иностранныхъ профессоровъ: *Шадена* по всеобщей нравственной философіи и политикѣ, *Роста*—по опытной физикѣ, *Бодуэна*—по французскому краснорѣчію, *Гейма*—по нѣмецкому языку. Лекціи университетскихъ профессоровъ сгладили въ Болховитиновѣ односторонность богословскаго преподаванія въ академіи. Шаденъ, остававшійся „всю жизнь хранителемъ святой вѣры" ***, вооружавшійся постоянно на „плевелы и подавляющій души вѣчною смертію волчецъ безбожія, деизма и натурализма" ****, въ своихъ рѣчахъ и лекціяхъ ссылался на *Опытъ объ исторіи гражданскаго общества Фергюсона*, въ которомъ мораль уже поставлена была независимо отъ религіи. Въ преподаваніи нравственной философіи Шаденъ держался Якоби, одного изъ первыхъ послѣдователей Фергюсона въ Германіи. Въ университетѣ, на лекціяхъ нравственной философіи, Болховитиновъ слышалъ объ ученіяхъ діаметрально-противоположныхъ тѣмъ воззрѣніямъ съ которыми онъ знакомился въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Англійскіе деисты и французскіе матеріалисты не подвергались полному и безусловному гоненію со стороны Шадена: профессоръ нравственной философіи считалъ „достойными прочтенія" сочиненія Шефтсбюри, слѣдовалъ

* Смирнова, *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи*, стр. 306.

** Тамъ же, стр. 310.

*** *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, ч. XVI, стр. 31—32.

**** Шадена, *Слово о правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ.* Пер. Грачевскаго, 1771 г., стр. 66.

Локку въ ученіи о разумѣніи человѣческомъ, ссылался на Кондильяка и на „просвѣщеннѣйшихъ мужей“ Дидро и Даламбера. * Гораздо враждебнѣе относился Шаденъ къ идеалистическому направленію, порицая въ особенности Руссо, который „Эмиля ко всякой независимости воспитывая и напаевая струями равенства, дѣлаетъ неспособнымъ къ сожитію въ обществѣ, особенно монархическомъ. ** Въ лекціяхъ о политикѣ Шаденъ старался поддержать въ слушателяхъ любовь и уваженіе къ охранительнымъ началамъ и недовѣрчиво относился къ Монтескьё *** за его равнодушіе къ монархіи, которая была политическимъ идеаломъ Шадена. Болховитиновъ раздѣлялъ взглядъ Шадена на *Духъ законовъ*. Въ лѣта зрѣлыя онъ отзывался объ этой книгѣ одному изъ своихъ друзей такимъ образомъ: „Авторъ писалъ ее во время повсемѣстнаго почти нечестія, которое тогда было въ модѣ и которымъ всякій тогдашній ученый щеголять старался. Впрочемъ, скажу вамъ, что и *по философскому отношенію мыслей*, книга сія давно уже признана во многихъ своихъ началахъ неосновательною и запутанною.... Довольно для насъ и выписокъ изъ нея. Прочія мысли пусть останутся въ обаяніи революціонныхъ головъ, отъ которыхъ да избавитъ Господь Богъ отечество наше. Новизно-любивые умы чаще всего бываютъ не истино-любивы, а только славолюбивы, хотя бы то и на счетъ общаго блага. Они похожи на непріятелей отечеству, у которыхъ аксіомою Виргиліево слово:

Dolus, an virtus, quis in hoste requirat?“ ****

Лекціи Шадена обращали Болховитинова къ философскимъ и литературнымъ авторитетамъ Англіи и Франціи. Въ Москвѣ, этой „столицѣ русской литературы“, по выраженію Болховитинова †, его охватило литературное движеніе создавшее и подготовившее Карамзина. Съ полною силой, во всей энергіи развивалась въ Москвѣ дѣятельность Новиковскаго

* Тамъ же, стр. 25, 53, 56, 89.

** Тамъ же, стр. 34.

*** Тамъ же, стр. 56.

**** *Письма митрополита Евгенія къ Городчанинову*, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. XCIV, отд. VII, стр. 11.

† Переписка Евгенія съ Державинымъ. Чтеніе Я. К. Грота, стр. 109.

кружка, когда Болховитиновъ пришелъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ. Трудно было свѣжему и живому человѣку избѣгнуть вліянія „ученаго Общества“, распространявшаго съ такою настойчивостью интересъ къ нравственной философіи и къ вопросамъ просвѣщенія въ московскомъ обществѣ. Съ именемъ „Компаніи типографической“ связанъ одинъ изъ первыхъ студенческихъ трудовъ Болховитинова— *Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ съ присовокупленіемъ отборнѣйшихъ ихъ мнѣній, системъ и нравоученій*, сочиненное г. Фенелономъ, архіепископомъ Камбрійскимъ *. Въ предисловіи Болховитиновъ и Розановъ, трудившійся вмѣстѣ съ нимъ надъ переводомъ этой книги, ясно намекаютъ на то что переводческая и журнальная дѣятельность „ученаго Дружескаго Общества“ побудила ихъ перевести это произведеніе Фенелона: *„Ободряемы будучи примѣромъ другихъ*, мы предпріяли доставить нашимъ соотечественникамъ на собственномъ языкѣ такую книгу, которую *по предпочтенію* любовь къ нимъ, съ позволенія празднаго времени, побудила насъ перевесть.“ Жизнеописаніями древнихъ философовъ и характеристиками ихъ ученій Новиковъ наполнялъ цѣлые томы своего періодическаго изданія *Утренній Свѣтъ*. ** Переводчикамъ Фенелоновой книги особенно нравились въ ней „расположеніе порядочное и обстоятельное, штиль *естественный* и *отрывной*: въ ней можно *съ перваго взгляду* видѣть рожденіе, воспитаніе, путешествія, приключенія, положенія физическія, мнѣнія нравственныя и политическія и замысловатыя рѣчи каждаго изъ всѣхъ древнихъ греческихъ философовъ, и притомъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ, *въ отрывности, разнообразіи и пріятности.*“ Академическіе студенты, сидѣвшіе надъ переводомъ Фенелона, уже искали въ литературномъ произведеніи *естественнаго, пріятнаго, отрывистаго изложенія*; напыщенный складъ русскихъ писателей половины прошлаго вѣка начиналъ надоѣдать; молодежь желала и ждала *естественнаго, пріятнаго*

* Переведена съ французскаго въ Московской академіи 1787 года. Москва, въ типографіи Компаніи типографической. 1788. Въ предувѣдомленіи переводчики называютъ эту книгу „первымъ опытомъ“ своихъ трудовъ.

** Такова напримѣръ 5-я часть *Утренняго Свѣта*, вышедшая вторымъ изданіемъ въ 1785 году.

литературнаго языка: готовившаяся реформа литературной рѣчи являлась сознаваемою потребностью. Въ классахъ поэзіи разбирались въ академіи стихотворенія Ломоносова, Кантемира, Сумарокова и Державина *; но не всѣ изъ этихъ „классическихъ“ русскихъ писателей нравились Болховитинову. „Сумарокова (писалъ онъ въ 1807 году) нынѣ уже не могутъ и изъ книжныхъ лавокъ выжить, несмотря на то что современники величали его и Расиномъ, и Лафонтеномъ и пр. О Петровѣ скажу я вамъ, что онъ есть стихотворецъ, но *не на русскомъ языкѣ*. Пусть его переведутъ на другой языкъ, тогда будутъ имъ восхищаться, такъ точно какъ Кантемиромъ на французскомъ языкѣ“. ** Положительный, реальный умъ Болховитинова чуждался безсодержательнаго риторства и болѣзненной искусственности ложнаго классицизма. „Надобно стараться (писалъ онъ въ 1805 году), чтобы въ журналѣ было болѣе *матеріи* нежели *словесныхъ расширеній*. Вѣкъ *словеснаго краснорѣчія* нынѣ уже проходитъ. Всѣ жаждутъ *вещей*, а не *словъ*.“ *** Въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія русскіе писатели чувствовали стремленіе освободиться отъ оковъ риторическаго и ложно-классическаго направленія; ими овладѣвали мечты о простотѣ и сантиментальная грусть объ утраченной природѣ. „Въ авторствѣ (говорилъ Болховитиновъ словами одного изъ любимыхъ своихъ писателей) *la nature fait mieux, que l'art.* **** Совершенная *тщательность* и *исправность* въ сочиненіяхъ почти всегда пахнетъ *натужностію.... Геній не терпитъ неволи и порабощенія правиламъ*.“ † Карамзинъ шелъ далѣе по той дорогѣ на которой стоялъ Болховитиновъ — студентъ академіи и слушатель университета; Карамзинъ какъ бы осуществилъ литературныя надежды его. „Что съ Шишковымъ они не сошлись (писалъ Болховитиновъ о Карамзинѣ), это естественно проистекаетъ отъ различія ихъ геніевъ. Одинъ хочетъ еще составить правила, а другой *давно уже* написалъ *образцы почти классическіе. Не реторы, а ораторы плѣняютъ читателей*.“ ††

---

* Смирнова, *Исторія Сл.-Гр.-Лат. академіи*, стр. 306.

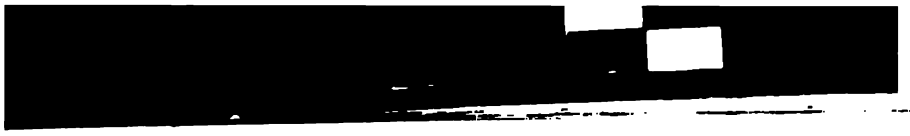
** Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 140.

*** Тамъ же, стр. 129.

**** Тамъ же, стр. 102.

† Тамъ же, стр. 163.

†† Тамъ же, стр. 161.



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.
1869.

никто истинно понимаетъ волю Божію и проницаетъ въ Его дѣянія; *никто* есть совершеннѣйшій метафизикъ: ибо ясно разумѣетъ существо и свойство духовъ; *никто* есть совершеннѣйшій физикъ: ибо въ тонкости вѣдаетъ *симпатію, антипатію* и *магнетизмъ существъ*.... Сверхъ сего *никто* еще совершенъ и въ нравственномъ отношеніи; *никто* есть истинный и дѣйствительный юриспрудентъ: ибо справедливо всякому достойное воздаетъ.... Въ заключеніе всего *никто* есть и могущественный повелитель: ибо чего не могутъ повелѣть всѣ, повелѣваетъ *никто:* всѣ монархи міра могутъ повелѣть только дѣлать, но *никто* можетъ повелѣть *хотѣть дѣлать*. У *никого* во власти состоитъ превращать нравы человѣческіе; ибо *никто* можетъ исправить мздоимство подъячаго, вертопрашество петиметра, жеманство кокетки, надменность глупаго и высокомысліе нѣкоторыхъ ученыхъ. *Никто* можетъ отучить придворнаго отъ ласкательства и пронырства, щеголя отъ долговъ, купца отъ божбы и всевозможнаго увѣренія, а особливо *модныхъ любовниковъ* отъ хитростей и обмана." *

Еще опредѣленнѣе высказались литературныя симпатіи Болховитинова въ выборѣ для перевода брошюры несомнѣнно вышедшей изъ лагеря послѣдователей и приверженцевъ Вольтера. Она носитъ названіе: *Парнасская исторія*, заключающаяся въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ *первая* содержитъ описаніе горы Парнаса, находящихся на немъ строеній, окрестныхъ потоковъ, источниковъ, болотъ, лѣсовъ и обрѣтающихся тамъ животныхъ; а *вторая* жителей, правленія, чиновъ, судилищъ, жертвоприношеній, праздниковъ и торговъ парнасскихъ. ** Подъ видомъ описанія Парнаса и изложенія его исторіи авторъ этой брошюры изображаетъ различныя направленія во французской литературѣ XVIII вѣка и дѣлаетъ краткій очеркъ развитія европейской словесности съ эпохи Возрожденія. Поборники академическихъ правилъ, риѳмачи, не признающіе ничего кромѣ своихъ піитикъ, представители отвлеченной схоластической эрудиціи выведены здѣсь въ видѣ парнасскихъ *животныхъ*. „При подошвѣ горы, въ лощинѣ и долинахъ есть многочисленныя

* *Похвальное слово чему-нибудь*, стр. XII—XV.

** Переведена С. Евѳ. Болх., Москва. Въ тип. Пономарева, 1788. Переводъ сдѣланъ въ 1787 году. *Осьмнадцатый вѣкъ*, I, стр. 449.

животныя, подобныя ослamъ, которыхъ называютъ грамматофорами. Но у насъ еще нѣтъ столь сильныхъословъ, какъ сіи животныя. Они служатъ парнасскимъ жителямъ возовыми скотами и употребляются для перевозки тяжестей. Естьли вѣрить преданію, то сіи животныя были прежде людьми чрезмѣрно трудолюбивыми и которые, за то что старались и думали помѣститься на горѣ, въ сіи виды превращены. Впрочемъ они не одинакаго рода: одни изъ нихъ по природѣ кротки и ручны, изъ нихъ все можно сдѣлать, даже можно ихъ заставить идти по мѣстамъ не очень приступнымъ, и только бы имъ примѣтить какой-нибудь слѣдъ, хотя бы то былъ человѣческій, хотя бы скотскій, они идутъ прямо и не сбиваются съ сихъ тропинокъ. Другіе же, напротивъ, норовистѣе самыхъ лошадей: они рвутся, бьютъ, свергаютъ сѣдока на землю и болѣе упрямы нежели лошаки. Они кусаютъ всякаго кого только встрѣтятъ, и не терпятъ ни ведущаго, ни запрягающаго, ниже обуздывающаго ихъ. Однакоже *нѣтъ ничего имъ пріятнѣе тяжскаго ига*; а подъ величайшимъ вьюкомъ они не только не развѣшиваютъ ушей, какъ обыкновенные ослы, но еще чѣмъ больше на нихъ тяжести, тѣмъ они прямѣе ихъ держатъ. Словомъ, *въ томъ они свое удовольствіе получаютъ чтобы быть подъ бременемъ.*“ * Чтобъ эта характеристика не осталась слишкомъ общею, *Парнасская исторія* прибавляетъ, что къ числу подобныхъ грамматофоровъ относятся аббатъ д'Оливе и „предшественникъ его Менажъ“, извѣстный своимъ заступничествомъ за удержаніе архаизмовъ въ литературномъ языкѣ. *Ронсаръ* и *Малербъ* не пользуются почетомъ въ *Парнасской исторіи*; во главѣ французскихъ писателей XVII вѣка поставленъ человѣкъ, котораго романтическій геній менѣе другихъ способенъ былъ подчиняться теоріи и правиламъ, узаконеннымъ академіей— Корнель. Напротивъ „*строгіе законы* и *тяжкое иго*, наложенное“ Малербомъ на французскую литературу, „были *источниками того отвращенія*, которое имѣли къ нему, и тѣхъ возмущеній, которыя появлялись со всѣхъ сторонъ“. ** Онъ былъ низложенъ Корнелемъ. Стихотворцы-маскатели и ложные меценаты одинаково ненавистны автору *Парнасской исторіи*; они одинаково грѣшатъ противъ *всеобщихъ*

* *Парнасская исторія*, стр. 26—28.
** Тамъ же, стр. 52.

законовъ поэзіи: „запрещено всякому парнасскому обитателю обѣщевать безсмертіе за подарокъ старой шапки, худой епанчи, изношеннаго кафтана, или нѣсколькихъ копѣекъ“. * *Парнасская исторія* не даетъ на Парнасѣ мѣста сочинителямъ анаграммъ, акростиховъ, загадокъ и логогрифовъ: всѣ эти „многотрудныя бездѣлицы и заботныя *пустоши*“ представляютъ „трудъ безполезный и излишній“. Болховитиновъ зналъ, что сатирическія выходки автора *Парнасской исторіи* имѣли полное примѣненіе къ современнымъ ему русскимъ стихотворцамъ; переводчикъ прибавилъ въ примѣчаніяхъ, что законъ объ изгнаніи съ Парнаса сочинителей „многотрудныхъ бездѣлицъ“ прилагается къ Хераскову и его сотрудникамъ по изданію *Свободныхъ Часовъ* **, журнала, наполненнаго подобными „пустотами“. Теорію торжественной оды Болховитиновъ слышалъ въ академическихъ классахъ риторики и поэзіи; примѣненіе ея къ дѣлу всегда бывало при академическихъ торжествахъ. Въ пору ученья Болховитинова въ Славяно-Греко-Латинской академіи „сироты и самые бѣднѣйшіе ученики ея (до 50 человѣкъ) жили въ монастырѣ въ бурсѣ и *имѣли обыкновеніе* предъ праздниками Воскресенія и Рождества Христова ходить съ книгою *ко всѣмъ человѣколюбивымъ покровителямъ наукъ*, которыя деньги и употреблялись для ихъ пропитанія“ ***. Этотъ обычай вызывалъ и поддерживалъ у академистовъ поздравительные стихи и похвальныя оды ихъ меценатамъ. Въ послѣдніе годы своего академическаго курса Болховитиновъ печаталъ болѣе чѣмъ могло бы позволить время преданнаго учебнымъ занятіямъ ученика академіи. Появленіе одного изъ своихъ переводовъ онъ прямо объясняетъ „позволеніемъ празднаго времени“. Не проявлялось ли здѣсь отчасти и охлажденіе Болховитинова къ нѣкоторымъ изъ академическихъ курсовъ? Судя по выбору французскихъ брошюръ для перевода, симпатіи Болховитинова не всегда были тамъ куда стремилось склонять ихъ академическое преподаваніе.

Авторъ *Парнасской исторіи* принадлежалъ къ горячимъ сторонникамъ „безсмертнаго“ Вольтера: „кротость правленія

---

* *Парнасская исторія*, стр. 65—66.

** Тамъ же, стр. 64.

*** Аполлоса (ректора академіи), *Христіанскій календарь на 1784 годъ*, стр. 495.

его со дня на день привлекаетъ ему множайшихъ защитниковъ изъ стихотворческаго юношества, которому онъ весьма нравится". * Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о знаменитомъ противникѣ Вольтера, Фреронѣ, воспитанникѣ іезуитовъ, выступившемъ на защиту религіи открытымъ врагомъ французской философіи и особенно Вольтера: Фреронъ не въ силахъ идти по непроходимымъ горамъ Парнаса и вознестись на верхъ его: „въ ослабленіи и изнеможеніи задыхаясь, остается въ тинѣ" **. Брошюра, переведенная Болховитиновымъ, дѣлаетъ даже очень ясный намекъ на комедію Вольтера *L'Ecossaise*, гдѣ Фреронъ, подъ именемъ Фрелона, выведенъ былъ омерзительнымъ шпіономъ и политическимъ доносчикомъ. Самыя грязныя обвиненія и безцеремонныя ругательства сыпались въ этой піесѣ на Фрерона, который высидѣлъ на ея первомъ представленіи до конца и не замедлилъ напечатать въ своемъ журналѣ отчетъ объ этомъ спектаклѣ, подъ заглавіемъ: *Rélation d'une grande bataille* ***. Объ этомъ эпизодѣ изъ литературной распри между Вольтеромъ и Фрерономъ (1760 г.) такъ вспоминаетъ *Парнасская исторія:* „Недавно появилась *рота гусаровъ* подъ предводительствомъ *капитана Фрелона*, который рѣшился идти на приступъ и испровергнуть зданіе (храма Памяти на Парнасѣ). Таковое несчастіе едва только отвращено было бдительною стражею, которую вездѣ около храма разставили истинные потомки Академовы и *вѣрныя чада Софіи и здраваго вкуса.*" ****

Послѣдніе годы пребыванія Болховитинова въ Москвѣ совпадали съ эпохою появленія первыхъ переводовъ Карамзина изъ Галлера, Лессинга, Шекспира. Болховитиновъ переживалъ ту же тревожную пору „бури и порывовъ", которой полными выразителями были у насъ Кутузовъ, Петровъ, Ленцъ, Карамзинъ. Умственный кругозоръ Болховитинова былъ уже чѣмъ у Карамзина и друзей его молодости; образованіе перваго было односторонніе, бѣднѣе чѣмъ то широкое, либеральное, исполненное терпимости и космополитизма направленіе которое получилъ Карамзинъ среди

* *Парнасская исторія*, стр. 21, 61.

** Тамъ же, стр. 17.

*** Nisard, *Les ennemis de Voltaire*, p. 218. Hatin, *Histoire de la presse en France*, II, 404.

**** *Парнасская исторія*, стр. 11.

„любослововъ“ Дружескаго ученаго Общества. Но Болховитинова одушевляло то же недовольство *правилами*, та же вражда къ старымъ литературнымъ преданіямъ, то же исканіе чего-то лучшаго, которыми такъ полонъ былъ Карамзинъ и которыя заставили его сказать: „Времена Расина и Буало прошли и не возвратятся; вѣкъ Вольтеровъ, Руссо, энциклопедистовъ, *Духа Законовъ* не уступаетъ ихъ вѣку“. „Дикій и чувствительный“ Петровъ, во многомъ „напоминавшій Руссо“, * обращалъ Карамзина къ простотѣ и неиспорченности будничной, свободной отъ стѣснительныхъ условій жизни и доказывалъ ему превосходство деревни предъ городомъ. „Сія матерія (писалъ онъ Карамзину) *давно уже часто и пространно* была нами трактована. Позволь только спросить у тебя: какъ можетъ *находить вкусъ въ бельлетрахъ, въ искусственномъ подражаніи прекрасной натурѣ* тотъ, кто въ самомъ оригиналѣ не находитъ пріятностей, когда оный представляется ему въ лучшемъ своемъ видѣ?“ ** Этому сантиментальному стремленію къ природѣ искали литературнаго выраженія и находили его въ англійской литературѣ. Она наиболѣе удовлетворяла сантиментальному настроенію, желанію простоты и свободы, чувству недовольства холодными условіями свѣтскихъ и литературныхъ приличій, стремленіямъ къ иному, идеальному міру, которыми проникнуты были лучшіе представители московской литературной молодежи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Въ стихотвореніи „Поэзія“, написанномъ въ 1787 году, говоря „о поэтахъ которые наиболѣе трогали и занимали его душу,“ *** Карамзинъ провозгласилъ, что

Британія есть мать поэтовъ величайшихъ.

Эти слова были выраженіемъ убѣжденія господствовавшаго въ кружкѣ молодыхъ писателей того времени. Пѣсни Оссіана, Грея, Томсона, Юнга дѣлались предметомъ горячаго изученія, подражаній, переводовъ. Въ *Московскомъ журналѣ* 1792 года **** Карамзинъ напечаталъ это юношеское свое

---

* Собственныя слова Карамзина.

** Письма Петрова къ Карамзину. *Русскій Архивъ* 1863 г., вып. 5 и 6, стр. 483.

*** Собственное признаніе Карамзина въ примѣчаніи къ этому стихотворенію.

**** *Моск. Журналъ* 1792, сент. Ни въ одномъ собраніи сочиненій Карамзина оно не перепечатано.

стихотвореніе, въ которомъ съ такою ясностію отпечатлѣлись его первыя литературныя симпатіи, закрѣпленныя въ послѣдствіи ближайшимъ и многосторонняимъ знакомствомъ съ западно-европейскою литературой: Карамзинъ понималъ, что въ этомъ стихотвореніи выразились взгляды и сочувствія не его одного, а цѣлаго литературнаго поколѣнія, ему современнаго. Въ ряду „величайшихъ поэтовъ Британіи“ Карамзинъ называетъ Оссіана, пѣсни котораго

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.

Рядомъ съ нимъ онъ ставитъ Мильтона, котораго „гремящія страшныя пѣсни“ то веселятъ душу, то „извлекаютъ ручьями слезы изъ очей“; друга и утѣшителя несчастныхъ Юнга, который „съ смертію дружа, дружитъ насъ и съ жизнію.“

Но особенно прославляетъ Карамзинъ Томсона:

Природу возлюбивъ, природу разсмотрѣвъ,
И вникнувъ въ кругъ временъ, въ тончайшія ихъ тѣни,
Намъ Томсонъ возгласилъ природы красоту,
Пріятности временъ.

Тѣ же стремленія охватывали Болховитинова въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Въ числѣ самыхъ близкихъ къ нему академическихъ товарищей былъ Протопоповъ, который, будучи даже священникомъ, не могъ бросить чтенія Жанъ-Жака Руссо, и переводилъ его: онъ любилъ его „не какъ антагониста религіи, а какъ умѣющаго *трогать* душу и разговаривать съ сердцемъ, чувствительнаго писателя“. * Другимъ пріязненнымъ Болховитинову товарищемъ былъ Розановъ, чувствовавшій особенную склонность къ сантиментальнымъ повѣстямъ и романамъ. Онъ „выбралъ изъ разныхъ французскихъ авторовъ“ и напечаталъ *Пріятныя и любопытныя повѣсти* крайне сантиментальнаго направленія; ему же принадлежитъ переводъ слезливаго романа *Лолотта и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставшихся на необитаемомъ островѣ.* Сантиментальныя повѣсти и чувствительные разказы любилъ Болховитиновъ; „трагическія исторіи были ему по вкусу“; ** *Исповѣдь* Жанъ-Жака Руссо

* Собственныя слова Протопопова. *Библ. Записки* 1858, № 24, стр. 756.

** *Библіограф. Записки* 1859 г., стр. 67.

называлъ *книгою о величествѣ Божіемъ*: * даже въ лѣта зрѣлаго мужества онъ переводилъ то что̀ казалось ему „трогательнымъ“. ** Спокойная, уединенная жизнь, вдали отъ шума и роскоши свѣта, всегда нравилась Болховитинову. Въ 1804 году онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: „Я живу попеременно то въ Новѣгородѣ, то въ Хутынѣ, но охотнѣе въ послѣднемъ, гдѣ роскошная природа живитъ меня свѣжими своими красотами.

Мой садъ не аглинской, но фруктовъ въ оном болѣ;
Они сочнѣй Петропольскихъ, растущихъ по неволѣ;
Театръ мой—цѣлый садъ; музыка—птичьи хоры;
Мой пышный дворъ—друзей любезныхъ разговоры;
Мой эрмитажъ—въ саду, въ сгустившихся кустахъ;
Моя кунсткамера—въ снопахъ и закромахъ,
Вся академія—природа предо мной:
Въ ней лучше учится и сердце, и умъ мой.

„Вотъ вамъ въ худыхъ стихахъ картина удовольствій, которыя желалъ бы удѣлить вамъ.“ ***

Впечатлительная, горячая натура Болховитинова, не умѣвшаго сдерживать порывы своего чувства, **** искала себѣ

---

* Тамъ же, стр. 68.

** Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 105. Позволяю себѣ высказать предположеніе, что Болховитинову принадлежитъ переводъ сантиментальной книжки: „*Прекрасная Полонянка. Истинная повѣсть о кораблекрушеніи и плѣнѣ дѣвицы Аделины, графини де-Сентъ-Фаржель, на шестнадцатомъ году ея возраста, въ краяхъ Алжирскаго государства, въ 1782 году.* Москва. Въ тип. Пономарева, 1787.“ *Въ 12-ю долю листа.* Это предположеніе основывается: 1) на слѣдующей распискѣ, данной Болховитиновымъ цензурѣ въ 1787 году: „Оную Прекрасную Полонянку долженъ я представить въ оригиналѣ и въ печатной книгѣ г. духовному цензору и не выпускать въ свѣтъ, пока не получу билета отъ него. Московской Академіи студентъ Евѳимъ Болховитиновъ.“ (*Осьмнадцатый вѣкъ*, I, 449). 2) Самъ Болховитиновъ въ перечнѣ своихъ литературныхъ трудовъ указываетъ, повидимому, на эту брошюру, невѣрно приводя ея заглавіе въ такомъ видѣ: *Историческое примѣчаніе объ Алжирѣ*, Тунисѣ..... *Въ 12-ю д. л.* Выставленныя на *Прекрасной Полонянкѣ* „перевелъ съ французскаго *П. Б.*“ могли быть намѣреннымъ сокрытіемъ имени переводчика.

*** М. П. Погодина, *Утро*, III, 375.

**** „Я часто (писалъ Болховитиновъ въ 1794 году) бываю горячъ до бѣшенства, и если въ сіи минуты горячности моей случится мнѣ

пищи и удовлетворенія въ той же англійской литературѣ. Но Болховитиновъ не могъ сдѣлать англійскихъ поэтовъ предметомъ такого живаго и непосредственнаго изученія къ какому способенъ былъ Карамзинъ: Болховитиновъ не зналъ англійскаго языка. При томъ живомъ интересѣ который пробуждали въ образованныхъ людяхъ, въ читающей молодежи Екатерининской эпохи, соціальныя и философскія произведенія французскихъ и англійскихъ мыслителей, семинаристъ, выведенный Радищевымъ въ знаменитомъ *Путешествіи изъ Петербурга въ Москву*, кажется списаннымъ съ натуры. Юноша съ волосами примазанными квасомъ, бредущій пѣшкомъ въ Петербургъ чтобы „сыскать случай для пріобрѣтенія науки", такъ жалуется въ книгѣ Радищева на долю семинаристовъ: „Сколь великій недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія! Одно свѣдѣніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума, алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита Ливія, даже Тацита почти знаю наизусть; но когда сравню знанія семинаристовъ съ тѣмъ что̀ я имѣлъ случай по счастію моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ протедшимъ столѣтіямъ.... Насъ учатъ философіи, проходимъ мы логику, метафизику, нѣмку, богословіе, но, по словамъ Кутейкина въ *Недорослѣ*, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться? Аристотель и схоластика донынѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Я, по счастію моему, знакомъ сталъ въ домѣ одного изъ губернскихъ членовъ въ Новгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ немъ малое знаніе во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользоваться книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда *одинъ* латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для свѣдущихъ латинскій языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ!" Семинаристъ, ратующій противъ семинарской схоластики и исключительнаго господства латинскаго языка въ преподаваніи, является приверженцемъ ученій Монтескье и Блекстона: „не худо бы было (заключаетъ онъ свою рѣчь) заставлять

писать, то я противъ воли обижаю... Горячность можетъ вводить людей въ разныя погрѣшенія; но она никогда не доказываетъ ни хитраго, ни вѣроломнаго, ни злаго сердца." Письма Болховитинова къ Селивановскому. *Библ. Записки* 1859 г.. стр. 72.

судей нашихъ имѣть сію книгу * вмѣсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать нежели въ календарь." **

Въ Славяно-Греко-Латинской академіи Болховитиновъ встрѣтилъ тѣ же явленія, на которыя сѣтовалъ семинаристъ Радищева. Съ англійскими писателями Болховитиновъ знакомился чрезъ французскіе переводы. Акензайдъ, современникъ Томсона, Юнга, Грея и Макферсона, издателя такъ-называемыхъ пѣсенъ Оссіана, остановилъ на себѣ вниманіе Болховитинова: онъ перевелъ съ *французскаго* поэму его *Удовольствія отъ способности воображенія.* *** Для Болховитинова подлинникомъ служилъ переводъ Акензайдова произведенія сдѣланный проповѣдникомъ крайняго матеріализма, сотрудникомъ Дидро по энциклопедіи, ревностнымъ покровителемъ матеріалистовъ и авторомъ *Système de la nature*—барономъ Гольбахомъ: отсюда заимствовалъ Болховитиновъ и всѣ свои примѣчанія къ этой поэмѣ и „чертежи", или краткія изложенія, предпосланныя каждой части поэмы. **** Болховитинову нравилось и содержаніе поэмы, и тѣ свойства литературнаго дарованія Акензайда которыя выступаютъ въ этомъ произведеніи. „Предметъ здѣсь описываемый (говоритъ Болховитиновъ) поистинѣ достоинъ вниманія, и объясненіе онаго долженствуетъ быть *съ жаромъ* и, какъ говорятъ, *энтузіазмомъ;* но съ сей-то стороны ничего и не найдется въ укореніе сочинителю." Предметъ поэмы представлялъ дѣйствительно особенный интересъ для молодыхъ писателей бывшихъ современниками начальныхъ трудовъ Карамзина. Съ восторженною рѣчью обращался послѣдній къ *фантазіи*, „усладительницѣ своей жизни", „утѣшительницѣ людей", и думалъ въ уединенной кущѣ, посвященной этой

---

* *Истолкованія Англиканскихъ законовъ* Блекстона вышли въ переводѣ Десницкаго въ 1780—1782 гг.

** Радищева, *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.* Подберезье.

*** *Удовольствія отъ способности воображенія*, Англинская поэма въ трехъ пѣсняхъ, сочиненія Г. Акенсида. Съ французскаго на россійскій языкъ переведена С. Евѳимомъ Болховитиновымъ. Моск. Въ тип. Гиппіуса. 1788.

**** Впрочемъ нѣкоторыя примѣчанія и чертежи принадлежатъ самому Акензайду. Гольбахъ перевелъ поэму Акензайда съ перваго ея изданія; въ послѣдствіи оно было совершенно передѣлано и значительно распространено авторомъ.

богинѣ, „*удалясь отъ всего міра*, сидѣтъ въ молчаніи и *съ крѣпкимъ терпѣніемъ сердца* внимать шуму ея приближающагося полета“. * Пріятель Карамзина Подшиваловъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ переводъ обширной статьи Аддисонова *Зрителя*: „О удовольствіяхъ воображенія.“ **

Докторъ Акензайдъ былъ восторженнымъ поклонникомъ древнихъ классиковъ. Его благородная личность одушевлена была мечтами о первобытной общественной свободѣ. Акензайдъ былъ непримиримымъ врагомъ невѣжества и угнетенія, въ какихъ бы сферахъ оно ни проявлялось. Бросая въ своей поэмѣ взглядъ на развитіе изящныхъ искусствъ съ эпохи Возрожденія, Акензайдъ говоритъ: „Искусства были долгое время порабощены тиранству и безпорядкамъ дворовъ. Несмотря на ихъ противожеланіе, они принуждены были однакожъ чрезъ три вѣка посвящать имъ свои труды.“ Возвращаясь къ своему вѣку, Акензайдъ восклицаетъ: „Что я зрю?—Се свѣтоносная эпоха предвѣщается.... Храмъ свободы навсегда возвышается при благополучныхъ брегахъ Альбіона; онъ подаетъ общее убѣжище всѣмъ дарованіямъ, устремляющимся къ блаженству общества. Тамъ-то свита мудрости, тамъ-то добродѣтели, увидѣвшись съ своими друзьями, отъ которыхъ онѣ долгое время пребывали отлученными, облобызаются и совокупятся, какъ и прежде, съ любезною толпою искусствъ, Музъ и Грацій. Порокъ, роскоществующій ихъ драгоцѣнными дарами, не будетъ уже ихъ посвящать презрительнымъ предметамъ; негодовательные взоры гражданина и мудреца не будутъ уже принуждены отвращаться съ омерзеніемъ отъ ихъ прелестей; сила законовъ и наука философіи не будутъ уже добычею помраченію, надменности и рабству.“ *** Другими словами: „добро, истина и красота связаны нераздѣльно. Красота сошла съ небесъ для того, чтобы быть посреди призраковъ сего міра залогомъ доброты и истины; ибо *доброта* и *истина* не что иное какъ одна и та же вещь; красота въ нихъ пребываетъ, и они обитаютъ въ красотѣ“. „Отдѣленіе сочиненій философскихъ (по Акензайду) есть злоупотребленіе, которымъ заражены новѣйшіе ученые.“ „Душа, душа одна заключаетъ

* *Московскій Журналъ*, 1791 г., сентябрь, стр. 323.

** *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, X, 484; XI, 183; XII, 3. 207.

*** *Удовольствія отъ способности воображенія*, стр. 51–52.

въ самой себѣ живые источники *высокости* и *красоты*; тамъ-то красота имѣетъ свой престолъ". Для Акензайда искусство было такимъ же подражаніемъ природѣ какъ для Баттё, котораго Карамзинъ и Петровъ называли „наставникомъ поэтовъ". Но природа доставляетъ удовольствіе только *чувствительнымъ душамъ*. Она совершенствуетъ нравственныя свойства человѣка. „Блаженъ тотъ, котораго ни разслабительный гласъ роскоши, ни гнусныя приманки богатствъ, ни суетныя желанія честей не отвратили отъ всегда новыхъ удовольствій, которыя воображеніе почерпаетъ въ природѣ для услажденія душевныхъ способностей. Не можно всѣмъ людямъ достигнуть завиднаго величества; но природа, справедливая для всѣхъ своихъ чадъ, умѣетъ раскрывать гораздо бо́льшія сокровища.... Для него весна сыплетъ утѣшительную чувствамъ росу и развертываетъ листки изъ зеленыхъ пучковъ; для него рука осени даетъ плодамъ видъ, столь же прекрасный какъ злато, и покрываетъ каждую плодоносную вѣтвь пурпуромъ живѣйшихъ утреннихъ небесъ. Всякій часъ, проходя, платитъ ему дань; всегда новыя красоты рождаются подъ его стопами и представляются глазамъ *въ уединенной прогулкѣ*; онъ чувствуетъ себя влекомымъ непонятными прелестями..... И не только онъ чувствуетъ всегда новыя удовольствія, но еще его душа, внимательная ко впечатленіямъ дѣлаемымъ въ ея орудіяхъ всеобщею гармоніей, становится сама гармоническою. Привыкши помышлять о красотахъ священнаго порядка въ существахъ, ее окружающихъ, она ищетъ уже и въ самой себѣ порядка, соотвѣтствующаго оному.... Чрезъ сіе упражненіе способности ея очищаются; каждая страсть становится пріятнѣйшею, умѣренною и гораздо кротчайшею." Въ природѣ все „извѣщаетъ, къ чему Творецъ предопредѣлилъ способности человѣка. Мы чувствуемъ въ самихъ себѣ его всевышнюю силу; онъ вѣщаетъ нашему сердцу, что мы сотворены отъ Него для того, чтобы мы созерцали и любили такъ, какъ онъ созерцаетъ и любитъ, всеобщій кругъ жизни и существованія,— чтобы мы были по примѣру Его величественны, всегда дѣйствующи и благодѣтельны. Такимъ образомъ смертные, которыхъ дѣла природы имѣютъ право плѣнять, созерцаютъ Творца въ образѣ тварей каждый день; они болѣе и болѣе познаютъ его намѣренія, поступаютъ по его предписаніямъ и стараются учинить себя участниками его блажен-

ства." * Таковы основныя мысли поэмы Акензайда. Въ его идеалахъ такъ много родственнаго съ поэзіей Томсона, что Болховитиновъ могъ бы примѣнить къ нему слова сказанныя Карамзинымъ объ авторѣ *Четырехъ временъ года:*

Ты выучилъ меня природой наслаждаться
И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ея. **

II.

Въ концѣ 1788 года Болховитиновъ возвратился въ Воронежъ.

Покровителя его, епископа Тихона, не было въ этомъ городѣ: еще въ іюнѣ этого года онъ былъ перемѣщенъ въ Тверскую епархію. *** Воронежскимъ епископомъ Болховитиновъ засталъ Иннокентія, члена Россійской Академіи, который, по свидѣтельству Академіи, „отъ избранія его въ члены оной до отбытія изъ С.-Петербурга рачительно соучаствовалъ въ собраніяхъ Академіи и сообщилъ ей полезныя примѣчанія" **** при составленіи академическаго словаря. Новый епископъ, заботливо слѣдившій за благосостояніемъ семинаріи, вскорѣ имѣлъ возможность оцѣнить умъ и многостороннюю образованность Болховитинова. Послѣдній, тотчасъ по пріѣздѣ въ Воронежъ, 9-го января 1789 года назначенъ былъ учителемъ риторики и французскаго языка. Молодой наставникъ горячо принялъ къ сердцу успѣхи воронежскихъ семинаристовъ. Для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ этомъ учебномъ заведеніи не было учителей; въ семинарскомъ курсѣ замѣтно было много пробѣловъ. Болховитиновъ принялъ на себя трудъ устранить по возможности неполноту семинарскаго преподаванія и расширить его предѣлы. Онъ первый ввелъ въ воронежской семинаріи и принялъ на себя преподаваніе греческихъ и римскихъ древностей (въ

---

* *Удовольствія отъ воображенія*, стр. 149—151.

** *Московскій Журналъ* 1791 г., сентябрь, стр. 174.

*** Болховитинова, *Описаніе Воронежской губерніи*, стр. 214.

**** Красовскаго, „Опытъ исторіи Россійской академіи" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ.* ч. LX, отд. III, стр. 103.

видѣ особаго, самостоятельнаго предмета), священной герменевтики, церковной исторіи и ново-греческаго языка. *

Въ теченіи пяти лѣтъ въ семинаріи не было ректора. Исправляя эту должность, Болховитиновъ читалъ семинаристамъ догматическое и нравственное богословіе; за неимѣніемъ учителя философіи, преподавалъ и эту науку.

Человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ, съ живымъ сочувствіемъ къ новому литературному движенію, начавшемуся въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, Болховитиновъ не приносилъ схоластики въ аудиторіи воронежской семинаріи. Въ основу своего курса риторики Болховитиновъ положилъ книгу аббата Трюбле: *Réflexions sur l'éloquence en général et sur celle de la chaire en particulier* (Séconde édition, augmentée de plusieurs analyses d'ouvrages d'éloquence. Paris 1764). ** Каковы бы ни были насмѣшки Вольтера надъ этою „le premier livre du second ordre“ ***, *Размышленія* Трюбле выдѣлялись рѣзкими достоинствами изъ ряда латинскихъ риторикъ, бывшихъ тогда въ употребленіи въ духовныхъ семинаріяхъ. Въ основѣ книги Трюбле лежитъ мысль, что природа выше искусства; онъ преслѣдуетъ вычурность и схоластику. „Есть еще особое краснорѣчіе школьное, краснорѣчіе риторическое, пышное, надутое и пр., которое столько же невкусно для отличныхъ свѣтскихъ людей, какъ и для народа.... Школьнаго краснорѣчія существенный признакъ есть декламація, состоящая въ чрезвычайномъ увеличиваніи или уменьшеніи своей матеріи *одними только словами*, безъ основательныхъ доводовъ. Слишкомъ блистательный и цвѣтущій слогъ неумѣстенъ въ проповѣдяхъ.“ **** „Онѣ должны быть понятны

---

* Прот. Ѳаворова, Рѣчь, произнесенная на годичномъ торжественномъ собраніи университета Св. Владиміра, 3-го сент. 1867 года, въ *Трудахъ Кіевской духовн. академіи*, 1867, августъ, стр. 258.

** Свое руководство по риторикѣ Болховитиновъ напечаталъ подъ заглавіемъ: *Размышленія о краснорѣчіи вообще и особенно о проповѣдническомъ краснорѣчіи. Изъ сочиненій г. аббата Трюблета, переведенныхъ въ Воронежской семинаріи, для пользы юношества, воспитывающагося въ той же семинаріи*. М. въ типогр. Селивановскаго. 1793.

*** Ср. Вольтера *Le pauvre diable*, стихотвореніе, написанное сарказмомъ на Трюбле.

**** *Размышленія о краснорѣчіи*, стр. 37, 74.

для всѣхъ, и потому въ нихъ не надобно отвращаться низкихъ и простонародныхъ мыслей и словъ. Мы находимъ въ превосходныхъ писателяхъ и въ превосходнѣйшихъ ихъ сочиненіяхъ тому примѣры. Кажется, что они тѣмъ хотѣли показать что они не имѣютъ той *чрезвычайной уже разборчивости, которая похожа на брюзгливость* и происходитъ иногда отъ хвастовства, а иногда отъ несмѣлости." * Болховитиновъ не требуетъ чтобы проповѣдникъ былъ ученымъ богословомъ; но онъ долженъ знать свою особую и обширную науку: это—„наука религіи, наука *смысла и духа религіи*, наука того въ чемъ состоитъ подлинная и основательная добродѣтель". ** Проповѣдника, передающаго слушателямъ духъ религіи, Трюбле ставитъ выше богослова. „Догматы религіи довольно уже доказаны. Богословъ контраверсистъ, или спорной полезенъ только тогда, когда нужно оспаривать какую-нибудь ересь; а ереси не всегда бываютъ.... Проповѣди только проповѣдуютъ *правоту и человѣколюбіе*; а въ спорныхъ богословскихъ книгахъ часто добродѣтели сіи нарушаются". *** Проповѣдь должна дѣйствовать на сердце; образцы для проповѣди — апостолы, которые уловляли сердца людей простотой своего сокрушавшаго сердце слова. „*Такъ ты хочешь*, скажутъ мнѣ, можетъ-быть, *ты хочешь сдѣлать всѣхъ проповѣдниковъ такими же простыми въ проповѣдяхъ, каковы миссіонеры?* Да, я этого желалъ бы, не желая однакожъ чтобъ они во всемъ были имъ подобны. Простота миссіонеровъ не только не недостатокъ, а напротивъ того превосходное качество; потому что безъ нея они не имѣли бы самаго важнѣйшаго и полезнѣйшаго качества, то-есть *благочестивой и умилительной трогательности*." **** Учитель воронежскихъ семинаристовъ горячо нападаетъ на тѣхъ проповѣдниковъ которые любили ослѣплять слушателей блескомъ своего „замысловатаго и цвѣтистаго" слова. Вдохновленный негодованіемъ на этихъ эгоистическихъ поклонниковъ своего риторскаго таланта, онъ обращается къ нимъ со стихами Ламотта:

---

* Тамъ же стр. 43.

** Тамъ же стр. 65.

*** Тамъ же стр. 80.

**** Тамъ же стр. 46.

философская поэма англійскаго стихотворца являлась въ русскомъ переводѣ. Еще въ 1754 году конректоръ Академіи Наукъ, въ послѣдствіи профессоръ Московскаго университета, Поповскій перевелъ ее стихами съ того же самаго французскаго перевода которымъ отчасти руководствовался и Болховитиновъ *. Не ранѣе 1757 года могъ быть напечатанъ переводъ Поповскаго: встрѣтились важныя къ тому затрудненія со стороны духовной цензуры. Самъ Поповскій находилъ нужнымъ сдѣлать въ предисловіи къ своему переводу слѣдующую оговорку: „А какъ матерія сія нѣжная, то можетъ найтись кому-нибудь нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей религіи; въ чемъ однако справедливый читатель меня извинитъ для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мнѣ будетъ, если гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею религіею; второе—что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно, хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, однако поправлять не имѣлъ никакого права.“ ** Духовная цензура строго отнеслась къ переводу Поповскаго; она нашла что „издатель оныя книги ни изъ священнаго писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожь и мнѣнія о множествѣ міровъ, священному писанію совсѣмъ не согласныя“. *** Кураторъ Московскаго университета, Шуваловъ, находившій книгу Попе „весьма небезполезною учащемуся юношеству“, передалъ ее для новаго разсмотрѣнія архіепископу Амвросію Зертисъ-Каменскому. Переводъ Поповскаго съ поправками противныхъ священному писанію мѣстъ, сдѣланными Амвросіемъ, былъ наконецъ

* Приложенныя къ переводу Поповскаго гравюры заимствованы изъ амстердамскаго изданія *Oeuvres diverses de Pope, traduites de l'Anglais. Nouvelle edition.* Amsterdam et Leipzig. MDCCLIV. Здѣсь помѣщены два перевода *Опыта*; одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ; послѣдній принадлежитъ аббату Дю-Ренелю (Du-Resnel). Изъ этого изданія Болховитиновъ заимствовалъ всѣ приложенныя имъ къ своему переводу *Опыта о человѣкѣ* примѣчанія. Переводъ Болховитинова сдѣланъ уже съ подлинника, но при пособіи французск. перевода.

** *Опытъ о человѣкѣ*. М. 1756, стр. 5.

*** П. П. Пекарскаго *Матеріалы для исторіи русской литературы*, въ *Библ. Зап.* 1859 г., стр. 489—490.

изданъ, и притомъ на первый разъ такъ, что исправленныя цензурою мѣста напечатаны были болѣе крупнымъ шрифтомъ чѣмъ текстъ принадлежавшій Поповскому, „какъ будто бы (острилъ по этому случаю Тепловъ) читатель самъ не могъ различить стиховъ поповскихъ отъ стиховъ Попов-скаго“ *. Большею частію цензурою исправлены были отдѣльныя слова и термины. Стихи о множествѣ міровъ замѣнены были другими. Совершенной передѣлкѣ подверглись напримѣръ слѣдующіе стихи Поповскаго, въ которыхъ упоминалось множество міровъ: **

Міръ каждый въ степеняхъ порядокъ наблюдаетъ,
И чинъ въ теченіяхъ всечастно нагляда етъ;
Но чинъ сей надлежитъ не только для него,
Какъ и до зданія вселенныя всего;
Въ единомъ изъ міровъ малѣйшій непорядокъ
Не одного его приводитъ лишь въ упадокъ,
Но всѣхъ другихъ міровъ и весь вселенной кругъ
Къ паденью страшному влечетъ съ собою вдругъ;
Оставитъ тутъ земля свой путь въ минуту кратку,
Хотя то тамъ, то тутъ, безъ чина и порядку,
И солнце, и луна и весь строй свѣтлыхъ звѣздъ
Подвигнутся съ своихъ въ нестройномъ бѣгѣ мѣстъ,
И ангели съ круговъ, которыми владѣютъ,
Въ семъ замѣшательствѣ стремглавъ списпасть имѣютъ;
Тогда бы тварь на тварь и міръ на міръ упалъ,
Вся твердь бы потряслась, весь свѣтъ бы возстеналъ. ***

Оптимизмъ Поне и его апологія страстей были стушеваны цензорами перевода Поповскаго. Измѣнены были стихи, въ которыхъ говорилось что разумъ —

---

* Фонъ-Визинъ въ чистосердечномъ признаніи.

** Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится подъ № 236 рукопись *Опытъ о человѣкѣ*, на которой приписано: „Переведено съ французскаго переводу профессор. Николаемъ Поповскимъ: Списано съ подлинника прежде, какъ оной святѣйшимъ синодомъ былъ поправленъ.“ Изъ этой рукописи заимствуемъ свѣдѣнія о поправкахъ цензурою перевода Поповскаго.

*** Ср. съ печатнымъ пѣснь I, стихъ 461 и слѣд. Всѣ упоминанія о множествѣ міровъ уничтожены. Такъ 37 стихъ первой пѣсни: *Хотя тѣмъ міраме нѣтъ предѣловъ, ни числа* измѣненъ такъ: Хотя тѣмъ *кругомъ;* ст. 535 вмѣсто: *Хотя бы въ мірѣ семъ, хотя бъ въ другомъ ты былъ*, стоитъ: Хотя бъ ты въ мірѣ семъ, хотя бъ гдѣ *инде* былъ.

Не долженъ истреблять онъ въ насъ страстей конечно,
Но только управлять волненіе сердечно,
Плѣнившую насъ страсть не долженъ выгонять
И съ нею такъ, какъ другъ, не недругъ поступать. *

Наконецъ возгласы Попе о тщетѣ религіозныхъ споровъ, возгласы, въ которыхъ просвѣчивалъ религіозный индифферентизмъ автора, были затемнены и получили въ цензорской передѣлкѣ другой оттѣнокъ. Въ переводѣ Поповскаго стояло:

Пусть спорятъ глупые ревнители чрезъ мѣру,
Которую почесть всѣхъ долженъ лучше вѣру: —
Котора главному изъ всѣхъ концу вредитъ,
Та вѣра на себѣ имѣетъ ложный видъ. **

Въ печати явилось:

Пусть, кто хочетъ, споритъ отъ ревности чрезъ мѣру и т. д.

Болховитиновъ занимался теодицеею Попе при иныхъ условіяхъ чѣмъ Поповскій. Надъ его переводомъ не тяготѣла такая строгая и взыскательная цензура съ какою долженъ былъ имѣть дѣло профессоръ временъ Елизаветы Петровны. Болховитиновъ, правда, чувствовалъ также потребность оговорить нѣкоторыя мѣста эпистолъ Попе и назвать мысли о множествѣ міровъ и взаимодѣйствіи ихъ „намеками на разныя платоническія мнѣнія“; *** но уже самыя средства, къ которымъ прибѣгаетъ Болховитиновъ чтобъ освободить любимаго имъ писателя отъ нареканій, далеко не походятъ на тѣ оправданія которыя выставилъ своему переводу Поповскій. Болховитиновъ отклоняетъ отъ Попе упреки въ атеизмѣ, старается оправдать его оптимизмъ отъ обвиненій въ несогласіи съ ученіемъ вѣры и ссылается при этомъ—на авторитетъ Вольтера, который въ предисловіи къ поэмѣ *На разрушеніе Лиссабона* сказалъ объ *Опытѣ* Попе: „Благоразумнѣе было бы смотрѣть только на полезныя красоты въ сочиненіи, а не *искать въ немъ ненавистнаго смысла.* Но въ числѣ несовершенствъ нашей природы есть то, что мы не доброжелательно перетолковываемъ все то что славно. Изъ превратно понимаемой аксіомы что *все хорошо*, начали

* Пѣснь II, ст. 289. Не одобренъ былъ 195 стихъ: *Возможно ли страсти пламя почесть вредомъ какимъ?*

** Пѣснь III, ст. 545.

*** *Опытъ о человѣкѣ*, стр. 25.

выводитъ ненавистныя послѣдствія: слѣдовательно-де *человѣческій родъ не имѣлъ паденія, слѣдовательно не нуженъ-де возстановитель и искупитель, слѣдовательно-де будущее состояніе человѣка не лучше будетъ настоящаго* и т. д." * Съ своей стороны, Болховитиновъ не видитъ въ эпистоліяхъ Попе деизма, признавая только что онъ „украшалъ свой *Опытъ* иногда мнѣніями платоническими, стихотворческими и другими мечтательными гипотезами, находящимися у самихъ философовъ". Но въ этомъ Болховитиновъ признаетъ не болѣе какъ поэтическую вольность, вполнѣ извинительную. „Если Мильтона (говоритъ онъ) не называютъ безбожникомъ за то что онъ, описывая паденіе ангеловъ, много для украшенія выдумывалъ совсѣмъ неосновательнаго и много несогласнаго даже съ разсудкомъ; если Камоэнса не называютъ еретикомъ за то что онъ въ *Лузіадѣ* своей вводитъ Венеру содѣйствующею распространенію христіанской вѣры и пр.; то и Попе, конечно, столько жъ извинителенъ, какъ и они; потому что, въ качествѣ стихотворца, онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ одинаковое съ ними право вольности въ выборѣ украшеній своей поэмы". ** Болховитиновъ отдаетъ Попе первое мѣсто между англійскими поэтами: „со времени его смерти до нынѣ не появлялось еще въ Англіи ни одного превосходнаго стихотворца". *** Эпистолы Попе онъ называетъ лучшимъ родомъ его сочиненій; *Опытъ о человѣкѣ* полагаетъ „въ числѣ классическихъ книгъ *чувствительной философіи*": **** въ немъ „основательность" соединяется съ „трогательностію". † Переводу *Опыта о человѣкѣ* Болховитиновъ предпослалъ обширное введеніе, въ которомъ изложилъ историческое развитіе вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ, вопроса, которому Попе посвятилъ свою поэму. Отвращаясь отъ философскихъ положеній Беля, Болховитиновъ справедливо сопоставляетъ Попе съ Шефтсбюри, видя въ томъ и другомъ вѣрность одному философскому воззрѣнію

Относясь сочувственно къ оптимизму Попе, Болховитиновъ не оставался равнодушнымъ къ тому полному отрицанію истинъ откровенной вѣры, которое съ такимъ цинизмомъ

* Тамъ же, стр. XVIII.
** Тамъ же, стр. XXII.
*** Тамъ же, стр. IX.
**** Тамъ же, стр. V.
† Тамъ же, стр. XVI.

проводилъ Вольтеръ. Далеко разносились во Россіи въ прошломъ вѣкѣ и вызывали особенный интересъ читателей именно эти направленныя противъ христіанства произведенія Вольтера. Не имѣя возможности проникнуть въ печать, они тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ распространялись между читателями въ рукописяхъ, и не вызывая печатныхъ опроверженій, оставляли въ недоумѣніи или увлекали малоподготовленныхъ читателей. „Въ скромной нашей литературѣ (писалъ Болховитиновъ въ 1798 году) мы не видимъ еще самыхъ возмутительнѣйшихъ и нечестивѣйшихъ Вольтеровыхъ книгъ; но, можетъ-быть, отъ сего предохранены только книжныя наши лавки, между тѣмъ какъ сокровенными путями повсюду разливается вся его зараза. Ибо *письменной Вольтеръ становится у насъ извѣстенъ столько же, какъ и печатный*." * Тогдашній воронежскій епископъ Иннокентій „чуждъ былъ обыкновенному въ мірѣ хладнокровію въ вѣрѣ". Въ уединенныхъ бесѣдахъ съ приближенными къ нему лицами, въ числѣ которыхъ былъ и Болховитиновъ, Иннокентій „часто открывалъ душевное соболѣзнованіе о невѣрующихъ и вольнодумныхъ овцахъ своей паствы; часто въ благочестивомъ его негодованіи взоры его одушевлялись священнымъ огнемъ, и растроганное сожалѣніемъ о заблуждающихъ сердце его изливалось въ воздыханіи". ** Болховитиновъ далъ студентамъ богословія воронежской семинаріи перевести обширную книгу аббата Нонота о *Вольтеровыхъ заблужденіяхъ*. По окончаніи этого труда Болховитиновъ пересмотрѣлъ работу своихъ учениковъ, исправилъ ее и напечаталъ подъ своею редакціей.*** Изданіе этой книги встрѣтило затрудненія, которыхъ Болховитиновъ не ожидалъ. Изъ предисловія Нонота ко второй части *Вольтеровыхъ заблужденій* цензура исключила перечень религіозныхъ вѣрованій Вольтера, которыя долженъ былъ опровергать Нонотъ; изъ обличительной книги вычер-

---

* *Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ.* Часть I, *Предувѣдомленіе къ россійскому переводу.*

** *Слово надгробное* (Болховитинова) *преосвященному Иннокентію, епископу воронежскому.* Изданіе второе, Воронежъ, 1799 г., стр. 3—4.

*** *Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ.* Часть I и II. Переведена съ французскаго оригинала послѣдняго шестаго изданія въ Воронежской семинаріи студентами богословія. Моск. въ тип. Пономарева, 1793 г.

казалось именно то противъ чего предлагались возраженія. По этому поводу Болховитиновъ писалъ Селивановскому: „Вѣсть о второй части моей книги взбѣсила меня, и я клялся ничего въ Москвѣ не печатать. Помарка его въ предисловіи больше всего (простите моему самолюбію) доказываетъ его трусость и (съ позволенія сказать) глупость.“ * Болховитиновъ чувствовалъ что планъ, связанный съ изданіемъ *Вольтеровыхъ заблужденій*, разрушается. Книгой Нонота онъ думалъ парализовать вліяніе тѣхъ сочиненій Вольтера которыя затрогивали откровенную религію и обходили читателей въ рукописяхъ; но именно главы Нонота о „*догматическихъ* заблужденіяхъ“ Вольтера въ вопросахъ вѣры не были дозволены къ напечатанію. „Простодушный нашъ неученый соотечественникъ (писалъ Болховитиновъ), слыша повсюду славу Вольтера и язвительныя его насмѣшки всему священному и почитаемому, сперва подвигается благочестивымъ ужасомъ и негодованіемъ; но можетъ ли онъ потомъ защищать отъ заразы сердце свое сими одними чувствованіями, когда онъ не утвержденъ въ основательныхъ истинахъ и когда онъ *почти* вездѣ слышитъ только крикливыя вольнодумцевъ похвалы Вольтеру, но не видитъ обличенія лжей и клеветъ его?“ **

Лишь въ одномъ случаѣ Болховитиновъ нашелъ необходимымъ замѣтить, что „статьи V, VI, VII и VIII выключены гг. цензорами“ ***. Эти статьи принадлежатъ къ 22-й главѣ второй части русскаго перевода *Вольтеровыхъ заблужденій*, главѣ посвященной *Изслѣдованію поэмы на естественный законъ*. Выпущенныя цензурой статьи этой главы заняты разсужденіями *о терпимости, о преимуществахъ терпимости, о нетерпимости и о войнахъ и преслѣдованіяхъ за религію*. „Терпимость (по опредѣленію Нонота) есть не иное что̀ какъ позорное равнодушіе ко всякаго рода вѣрѣ, какъ любовь къ независимости, которая производитъ

---

* *Библіографическія записки*, 1859 г., стр. 68.

** Въ русскомъ переводѣ второй части *Вольтеровыхъ заблужденій* цензурою исключены главы оригинала: *XII. Des verités revelées et des Livres divins*; *XIII Du peché originel*; *XVIII Des conciles*; *XIX De la politique, attribuée à quelques papes sur les matières de foi*; *XXII Du Célibat de réligion*.

*** *Вольтеровы заблужденія*, II, 180.

то, что не хотятъ подчиняться никакому закону совѣсти... Одинъ изъ величайшихъ французскихъ кальвинистовъ, Папень, понялъ и потомъ въ превосходномъ сочиненіи доказалъ, что первымъ слѣдствіемъ этой *ужасной системы* было совершенное низверженіе и полное униженіе религіи. Вольтеръ учитъ именно тому что̀ возмутило Папеня." * Нонотъ выражаетъ недовольство тѣмъ, что Вольтеръ „проситъ помилованія социніанину или аріанину Ньютону", и удивляется, почему въ каталогъ своихъ святыхъ (Лейбница, Локка, Аддисона) Вольтеръ не помѣстилъ нѣсколькихъ актеровъ и актрисъ: „они имѣютъ такія же права на Вольтеровъ рай, какъ эти еретики и язычники". Нонотъ отражаетъ затѣмъ отъ католицизма упреки въ нетерпимости. „Что̀ такое эта нетерпимость католической церкви? (спрашиваетъ онъ). Это ея вѣрность и твердость въ сохраненіи божественныхъ истинъ во всей ихъ чистотѣ. Она не можетъ измѣнять божественной истинѣ, иначе она перестанетъ быть святою; слѣдовательно она непремѣнно должна отличаться нетерпимостію." Нонотъ сомнѣвается чтобъ ужасы инквизиціи были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, какъ они представляются у французскихъ писателей; по мнѣнію Нонота, они иногда полезны и даже необходимы: „могутъ ли быть какія-нибудь инквизиціи слишкомъ суровыми для такихъ людей, которые съ нечестіемъ, болѣе чѣмъ адскимъ, распространяютъ неслыханныя до сего времени проклятія на религію?" Таково содержаніе тѣхъ главъ которыя московская духовная цензура въ девяностыхъ годахъ Екатерининскаго царствованія не считала приличнымъ печатать.

Уже въ глухомъ Воронежѣ, семинарскаго наставника, обремененнаго разнообразными педагогическими занятіями, манила къ себѣ малоразработанная область науки—отечественная исторія. Съ лѣтами Болховитиновъ чувствовалъ въ себѣ усиливающійся интересъ къ положительнымъ и строгимъ историческимъ изысканіямъ. Ему не трудно было убѣдиться что онъ не созданъ былъ для поэзіи и беллетристики. Только въ школѣ позволилъ онъ себѣ увлечься писаніемъ стиховъ и заняться немногими стихотворными переводами; онъ считалъ потомъ „счастіемъ", что „со времени выбытія изъ школъ онъ

* Nonnotte, *Erreurs de Voltaire*, Besançon. MDCCXVIII, p. 211.

не былъ повиненъ въ стихосотрѣшеніяхъ". * Любовь къ историческимъ занятіямъ рано пробудилась въ немъ. Въ 1792 году Болховитиновъ приступилъ къ составленію *Россійской исторіи*. Онъ „думалъ ею заслужить похвалу"; эпоха до нападенія Татаръ на Россію уже отдѣлывалась у него окончательно. Онъ весь былъ обложенъ историческими книгами; пріятели, которымъ Болховитиновъ читалъ отрывки изъ своей россійской исторіи, уже апплодировали автору. Но Болховитиновъ скоро понялъ, что эта работа не была ему по силамъ, что пособія и средства для задуманнаго имъ труда были слишкомъ скудны: онъ пересталъ говорить о своей россійской исторіи. Широкіе замыслы о полной русской исторіи уступили въ немъ мѣсто болѣе скромнымъ историческимъ задачамъ. Болховитиновъ обратился къ изученію тѣхъ историческихъ памятниковъ которые уцѣлѣли въ его родномъ городѣ; онъ прислушивался къ тѣмъ преданіямъ которыя еще ходили здѣсь. Въ Воронежѣ онъ началъ и напечаталъ свой первый историческій трудъ: *Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи*, собранное изъ исторій, *архивскихъ записокъ и сказаній*.

Въ 1800 году послѣдовала рѣшительная перемѣна въ судьбѣ Болховитинова, имѣвшая глубокое вліяніе на ходъ и направленіе всѣхъ его послѣдующихъ ученыхъ занятій. Въ 1793 году Болховитиновъ былъ рукоположенъ во священника, незадолго предъ этимъ онъ женился. Говорятъ, что узнавъ объ этомъ, тогдашній воронежскій губернаторъ О. И. Хорватъ сказалъ другу Болховитинова, Македонцу: „Какъ ты допустилъ своему пріятелю жениться? Ты отнялъ у церкви великаго пастыря". ** Въ 1799 году онъ овдовѣлъ, дѣтей его также ни одного не осталось въ живыхъ. Семейное горе глубоко потрясло Болховитинова. Послѣ кончины своей жены онъ спрашивалъ себя:

---

* *Письма Евгенія къ Городчанинову*, стр. 22. Въ послѣдствіи Евгеній написалъ однако два, три стихотворенія. Г. Савваитовъ (*Утро* М. П. Погодина, III вып., стр. 376) высказалъ предположеніе, что кант: *Только звѣзда солнца краса* написанъ Болховитиновымъ. Это несправедливо: означенный кантъ напечатанъ былъ въ *Письмовникѣ* Курганова (второе изданіе 1777, стр. 260), когда Болховитинову не было и десяти лѣтъ отъ роду.

** Данскій, въ *Воронежскомъ литературномъ сборникѣ*, вып. I, стр. 227.

Для того ли свѣтомъ льститься,
Чтобы мѣрять жизнь тоской,
Чтобы плакать и крушиться
И не знать, что есть покой? *

Адъютантъ князя Репнина, жившій въ воронежскомъ имѣніи его, Репьевкѣ, П. И. Литке убѣдилъ Болховитинова постричься въ монахи. Послѣдній исполнилъ совѣтъ своего близкаго знакомаго ** и сообщилъ о своемъ намѣреніи Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому. „Первый систематическій русскій библіографъ“ *** убѣждалъ Болховитинова спѣшить въ Москву. Ученики воронежской семинаріи при прощаніи съ своимъ наставникомъ и префектомъ поднесли ему стихи; они обращались къ покидавшему ихъ учителю съ „невольными слезами“:

Мы думали, для насъ ты жилъ,
Мы для тебя, трудясь охотно,
Съ свободнымъ духомъ беззаботно:
О сколько жребій сей намъ милъ! ****

Получивъ отъ Бантышъ-Каменскаго рекомендательное письмо къ петербургскому архіепископу Амвросію †, Болховитиновъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ назначенъ былъ 3-го марта 1800 префектомъ Александроневской академіи, а 9-го марта постриженъ въ монашество съ именемъ Евгенія. ††

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

---

* М. П. Погодина, *Утро*, III, 375.

** Гротъ, *Переписка Евгенія съ Державинымъ*, стр. 210.

*** Такъ называетъ Бантышъ-Каменскаго Болховитиновъ.

**** *Рѣчь Обозерова*, стр. 261.

† *Словарь достопамятныхъ людей русской земли* Бантышъ-Каменскаго, 1846, II, стр. 2.

†† Чистовичъ, *Исторія Петербургской духовной академіи*, стр. 131.

ЖЕНИТЬБА АТУЕВА

РАЗКАЗЪ.

I.

Стучали ножи и вилки, раздавался нестройный говоръ и носился паръ отъ кушаній. За кухмистерскимъ столомъ, въ квартирѣ г-жи Пфаль, подъ № 7, сидѣло около двадцати человѣкъ посѣтителей, по большей части людей молодыхъ и еще не оперившихся. Былъ уже пятый часъ, и всѣ мѣста были заняты. Смеркалось и подавали свѣчи. Роза, пухленькая, съ ямочками на щекахъ Нѣмочка, въ синемъ полинялломъ спензерѣ и въ фартучкѣ, услуживала за столомъ. Молодые люди съ ней заговаривали, иные заигрывали. Роза ни на кого прямо не глядѣла, но иногда кокетливо улыбалась и опускала глазки. Обѣдъ былъ въ самомъ разгарѣ, подавали чинёную фаршемъ рѣпу подъ соусомъ — блюдо для кухмистерскаго стола не совсѣмъ обыкновенное. Вдругъ въ передней раздался звонокъ, Роза поставила блюдо, побѣжала отпереть дверь, и спустя двѣ, три минуты въ комнату вошелъ новый, неизвѣстный хозяйкѣ посѣтитель.

Это былъ человѣкъ, повидимому, лѣтъ двадцати шести, невысокаго росту, въ сюртукѣ, въ клѣтчатыхъ брюкахъ, въ золотыхъ очкахъ и съ длинными космами волосъ зачесанныхъ за уши. Сухощавое, продолговатое лицо его книзу заканчивалась русою, коротенькою бородкой, не подстриженною, но очевидно еще не успѣвшею подрости; усики также

были едва замѣтны, только кончики ихъ торчали явственно въ видѣ двухъ запятыхъ; завостренный, продолговатый носъ его былъ недуренъ въ профиль; вообще онъ былъ ни хорошъ, ни дуренъ; сѣрые блестящіе глазки на этотъ разъ владѣли изподлобья, такъ какъ вошелъ онъ нагнувъ голову и какъ будто сконфузившись въ присутствіи незнакомаго ему общества.

— Есть мнѣ мѣсто? спросилъ онъ вполголоса.

Никто не отвѣчалъ, только нѣкоторые на него оглянулись, и застольный говоръ замѣтно сталъ тише.

Роза побѣжала за хозяйкой, передавъ блюдо съ рѣпой кому-то изъ присутствовавшихъ, и оно пошло переходить изъ рукъ въ руки; сосѣдъ сталъ подчивать сосѣда.

Пришла мадамъ Пфаль, женщина пожилая, но еще проворная и замѣтно угодливая.

— Вы немножко опоздали, сказала она; — ну, да какъ-нибудь.... Роза! накрой этому господину на ломберномъ столикѣ, у окна.... знаешь?

— Не дуетъ? спросилъ молодой человѣкъ, и не дождавшись отвѣта, положилъ на окно свою круглую шляпу, вмѣстѣ съ другими шляпами, шапками и фуражками.

Наконецъ принесли ему приборъ, поставили стулъ и подали тарелку съ супомъ.

— Что́ стóитъ билетъ? спросилъ онъ.

— Сорокъ копѣекъ, отвѣчала, поглядывая въ сторону, Роза, и побѣжала за новымъ кушаньемъ.

„Здѣсь, кажется, не худо кормятъ, подумалъ молодой человѣкъ;—гораздо лучше чѣмъ у этой Панцевской. Гм! или они знаютъ что я литераторъ Атуевъ, или чортъ знаетъ что́ про меня думаютъ; вошелъ—и притихли. Чего добраго подумали что я шпіонъ какой-нибудь.... и какъ нарочно ни одного знакомаго!... Какъ же это Солодовъ сказалъ мнѣ что здѣсь нашъ кружокъ иногда обѣдаетъ....

И Атуевъ сталъ вслушиваться въ застольный говоръ. Говорили про Апраксинскій пожаръ; но не про самый пожаръ, а кто гдѣ былъ въ это время.

— Я, говорилъ одинъ,—былъ въ это время въ Павловскѣ; долго машина не шла: пожарныхъ инструментовъ дожидались.

— Какихъ пожарныхъ! Съ какой стати изъ Павловска въ Петербургъ пожарные инструменты посылать?...

Да я самъ съ ними ѣхалъ.

— Да этого быть не можетъ!

— Да помилуйте!...

— Да я же вамъ говорю...

И начинался споръ.

— А я въ это время, говорилъ другой, — у Макаровскихъ въ преферансъ игралъ, и какъ нарочно, только что сдали мнѣ, и — можете представить, вижу, десять безкозырныхъ! — вдругъ прибѣгаютъ, кричатъ: пожаръ! Эдакое несчастье!...

— Ну, а я, сказалъ какой-то молодой франтикъ съ эспаньолкой,—я въ это время былъ здѣсь и Розѣ куры строилъ.

Всѣ захохотали. Роза покраснѣла, съ какою-то жалобно-кислою миной поглядѣла на франтика и покачала головой.

— Онъ все вретъ, сказала она, и опять всѣ захохотали.

Атуевъ посмотрѣлъ на сконфуженную дѣвушку и подумалъ: „туда же краснѣетъ, а у самой, чай, и счету нѣтъ сколько перебывало любовниковъ“.

Подъ конецъ обѣда до слуха Атуева сталъ доходить знакомый голосъ. Кто-то кому-то объяснялъ какой-то инструмент.

— Это очень просто, говорилъ знакомый голосъ,—трубочка.... другая съ округленнымъ концомъ.... она выдвигается, стоитъ только подавить пружину, и является острiе; вы можете его поворачивать.... очень просто: штука эта совсѣмъ не хитрая....

Атуевъ, въ ожиданiи пирожнаго, перекинулъ одну руку за спинку стула, вытянулъ ногу и сталъ прислушиваться. Не столько самый предметъ разговора интересовалъ его, сколько звуки знакомаго голоса. „Неужели это Тертiевъ“, подумалъ Атуевъ.

Ему подали пирожное, розанчикъ съ капелькой краснаго варенья посрединѣ; онъ началъ его обламывать и ѣсть, безпрестанно оглядываясь на одинъ косматый затылокъ. „Должно-быть, обросъ; при мнѣ былъ стриженный“, думалъ Атуевъ.

— Пожалуста, мнѣ кофе покрѣпче и безъ сливокъ, сказалъ онъ горничной нарочно громко, чтобъ обратить на себя вниманiе.

Косматый затылокъ продолжалъ толковать какому-то блѣдному старичку о неизбѣжности какой-то операцiи, и ни разу не повернулъ къ нему своей физiономiи.

Кончился обѣдъ; иные стали выходить, иные закуривали

папиросы; комната наполнилась дымомъ и отдыхающими послѣ обѣда петербургскими джентльменами.

Наконецъ, къ окну, около котораго сидѣлъ Атуевъ, подошелъ, несомнѣнно за своею тайной, широкоплечій, на распашку, молодой человѣкъ, съ замѣчательно-выразительною физіономіей, съ невысокимъ, но выпуклымъ лбомъ, съ большими, темными при свѣчахъ глазами, прямымъ носомъ, широкими ноздрями и раздвоившимся, гладко выбритымъ подбородкомъ. Это былъ тотъ самый косматый господинъ, голосъ котораго, какъ какой-нибудь смычокъ, прошелъ по душѣ Атуева, возбудивъ въ ней страшное желаніе заглянуть ему въ лицо (ибо у каждаго человѣческаго голоса непремѣнно есть какое-нибудь человѣчье лицо), и Атуевъ сквозь очки устремилъ на него глаза свои.

— Тертіевъ, это вы? спросилъ онъ.

— Я.

И благообразно-скуластый молодой человѣкъ поглядѣлъ на Атуева съ суровымъ недоумѣніемъ, и раздулъ ноздри; но вдругъ лицо его озарилось, подъ верхнею губой сверкнули зубы, и темныя, широко разставленныя брови приподнялись.

— Это ты, Атуевъ? Ха, ха! Какими судьбами? Сколько лѣтъ не видались.

— Да сколько лѣтъ? Лѣтъ семь, много воды утекло! Помните.... помнишь, я поѣхалъ въ Харьковъ, а ты въ академію; пять лѣтъ я пробылъ въ университетѣ, да вотъ здѣсь два года.... Ну, что ты подѣлываешь?

— Да все еще безъ мѣста; что Богъ пошлетъ тѣмъ и пробавляюсь....

— Я также что Богъ пошлетъ. Пишу, знаешь, въ разныхъ журналахъ участвую.

— Молодецъ! Удивительное дѣло какъ это я не узналъ тебя; ну, и много тебѣ платятъ эти редакторы?

— Да, я въ прошломъ году ровно 1.305 рублей заработалъ.

— Мо-о-о-лодецъ! еще громче и еще веселѣе сказалъ Тертіевъ.

Атуевъ поглядѣлъ ему въ глаза. Что это значитъ: „молодецъ!“ подумалъ онъ; но это сомнѣніе, это мимолетное облачко нисколько не помѣшало имъ дружески разговориться, вызвать наружу кое-что когда-то обоимъ имъ близкое, но уже въ настоящую минуту для нихъ обоихъ не только далекое, но и вызываемое-то для того только чтобы надъ

нимъ, какъ надъ чѣмъ-то ребяческимъ, подтрунить, превратить въ шутливое воспоминаніе.

Замѣтно, оба пріятеля, друзья въ дѣтствѣ, товарищи по гимназіи, были рады другъ другу; но разставаясь, уже на улицѣ, ни Атуевъ не сказалъ Тертіеву гдѣ онъ живетъ, ни Тертіевъ Атуеву. Даже и вопроса объ этомъ не было. Видно, петербургская жизнь уже успѣла наложить на нихъ клеймо свое. Свою дружескую встрѣчу оба сочли ни болѣе ни менѣе какъ пріятною случайностью, которая тѣмъ только и хороша что она случайность.

II.

Кухмистерскій столъ г-жи Пфаль, какъ видно, понравился Атуеву; онъ закупилъ у ней нѣсколько билетовъ и сталъ въ урочный часъ являться къ ней обѣдать, но не каждый день, а раза два, три въ недѣлю. Тамъ постоянно встрѣчался онъ съ Тертіевымъ, перебрасывался съ нимъ черезъ столъ словами, сообщалъ ему новости; но не сближался съ нимъ. Онъ по двумъ, тремъ фразамъ, пойманнымъ на лету, сталъ подозрѣвать Тертіева въ идеализмѣ, и слишкомъ высокаго былъ о себѣ мнѣнія, чтобы ради какихъ-то воспоминаній жертвовать чистотой своихъ убѣжденій, или близко сходиться съ людьми противоположнаго лагеря. Однажды Тертіевъ былъ не въ духѣ, а между тѣмъ рѣчь зашла о какой-то рецензіи на книгу одного нѣмецкаго ученаго; Тертіевъ, какъ оказалось, только что прочелъ эту резенцію и сталъ на нее нападать; Атуевъ заступился, начался горячій споръ, и тутъ-то только понялъ Атуевъ что спорить съ Тертіевымъ нѣтъ для него никакой возможности. Тотъ на каждомъ словѣ сталъ обрывать его, доказывалъ громогласно что авторъ рецензіи ни аза не смыслитъ въ естественныхъ наукахъ и не обладаетъ сотою долей той учености какая видна въ книгѣ ученаго автора. Атуевъ надулся и замолчалъ.

Послѣ обѣда, когда всѣ стали расходиться, онъ подсѣлъ къ Тертіеву и сказалъ ему:

— Конечно, я не спеціалистъ, но у меня есть извѣстныя идеи, извѣстныя направленія и.... та статья которую ты обругалъ—моя статья.

— А я такъ и думалъ, нисколько не сконфузясь, отозвался Тертіевъ.

— Почему же ты такъ думалъ?

— А потому что будь это чужая статья, ты бы за нее не вступился; у насъ на Руси за чужое никто вступаться привычки не имѣетъ; ни кому ни до кого, кромѣ своей шкуры, дѣла нѣтъ; до такого братства мы еще не доросли, да врядъ ли и доростемъ; раса такая славянская, грызться за свои личные интересы—первое удовольствіе.

— Такъ ты думаешь, я за себя,—я за мысль....

— Тутъ одна можетъ быть мысль: дай намъ Богъ побольше такихъ добросовѣстныхъ ученыхъ и тружениковъ какъ этотъ Нѣмецъ; другой мысли быть пока не можетъ; а ты взялъ у него двѣ, три фразы, не понялъ ихъ, и поѣхалъ....

— Не понялъ? перебилъ его Атуевъ: — такъ я дуракъ по-твоему?

— Настоящихъ дураковъ на свѣтѣ такъ же мало, какъ и настоящихъ геніевъ. Считай я тебя дуракомъ, я бы и спорить съ тобой не сталъ: для дураковъ законъ не писанъ.... А если ты сердишься....

— Напротивъ, ты заинтересовалъ меня; ты, я вижу, моего поля ягода — реалистъ.

— А ты реалистъ?

— Полагаю что „да"; это ты можешь самъ заключить, если прочтешь статью мою подъ заглавіемъ: *Послѣдніе метафизики*. И тутъ Атуевъ назвалъ ему тѣ нумера журнала гдѣ была помѣщена статья его.

— Прочтемъ! сказалъ Тертіевъ, принимаясь за шапку.

Чрезъ недѣлю Атуевъ узналъ что Тертіевъ ищетъ квартиру и вызвался показать ему двѣ комнаты на Ивановской улицѣ. Тертіевъ принялъ предложеніе, и они вмѣстѣ отправились. Квартира оказалась подходящая: дрова, прислуга и самоваръ отъ хозяйки; лѣстница не высока; два окна на улицу.

Тертіевъ переѣхалъ на эту квартиру, и Атуевъ сталъ посѣщать его, сначала рѣдко, потомъ чаще и чаще. Какая была тому причина, конечно, онъ и самъ не зналъ. Самолюбивый, обидчивый, Атуевъ могъ переносить только Тертіева, несмотря на то что тотъ какъ бы считалъ обязанностью своею ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться и постоянно его

оспаривать. Атуевъ чувствовалъ что эти споры даютъ ему матеріалъ и открываютъ передъ нимъ цѣлую массу такихъ фактовъ, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія. Онъ увидалъ что у Тертіева не мало поклонниковъ и сталъ дорожить мнѣніемъ Тертіева, воображая что отъ этого чудака зависитъ если не вся, то хоть сотая доля его будущей репутаціи.

Тертіевъ же, въ свою очередь, видѣлъ въ Атуевѣ кой-какія стремленія, находилъ ихъ честными, хоть и ни къ чему не приложимыми; чувствовалъ что его пріятель, точно такъ же какъ когда-то въ гимназіи, подчасъ нуждается въ его нравственной помощи, и какъ человѣкъ въ сущности очень мягкій и добрый, несмотря на свои рѣзкости и угловатости, не только привыкъ къ посѣщеніямъ Атуева, но и полюбилъ его почти такъ же, какъ любилъ въ то время когда они вмѣстѣ долбили латинскую грамматику и мечтали о своемъ будущемъ студенчествѣ.

Тертіевъ однимъ изъ первыхъ вышелъ изъ медицинской академіи, но на докторскомъ экзаменѣ одинъ изъ профессоровъ, лично къ нему нерасположенный, поставилъ ему дурной балъ и такимъ образомъ превратилъ въ нуль всѣ выдержанные имъ изъ другихъ предметовъ экзамены. Трое изъ товарищей Тертіева, тѣ которые своими успѣхами много были обязаны вліянію Тертіева и которые сами признавались что имъ никогда не догнать его, получили право на званіе докторовъ, а Тертіевъ провалился: излишняя пылкость характера ему подгадила. Это обстоятельство не могло не подѣйствовать на Тертіева, онъ сталъ раздражителенъ. То думалъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ, сдѣлаться, напримѣръ, химикомъ по преимуществу, и не въ примѣненіи къ медицинѣ, а къ фабрикамъ да заводамъ; то думалъ получить какое-нибудь мѣсто при больницѣ, то заняться переводами, то сдѣлаться инженеромъ, такъ какъ онъ знакомъ былъ съ математикой и умѣлъ чертить. Практики у него, разумѣется, почти что не было, и еслибы не переводы да не работа въ журналахъ, онъ могъ бы умереть съ голоду. Вырабатывалъ онъ себѣ рублей шестьдесятъ, семьдесятъ въ мѣсяцъ, жилъ уединенно, даже волокитства не позволялъ себѣ и ни въ комъ не искалъ для себя протекціи. „Эхъ! какъ-нибудь проживемъ, земля не кацномъ сошлась,“ думалъ онъ про себя, работалъ, вѣрилъ въ свои силы, но на свой вторичный докторскій экзаменъ, по правдѣ сказать, плохо

надѣялся, ибо тотъ же самый профессоръ точно такимъ же способомъ могъ вторично насолить ему, особливо если Тертіевъ осмѣлится не по его тетрадкѣ на экзаменѣ отвѣчать ему. Но возвратимся къ Атуеву.

III.

Атуеву было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, въ то время когда, послѣ севастопольскаго погрома, въ нашемъ обществѣ началось кой-какое умственное броженіе, когда правительство приступало къ реформамъ, а все благоденствовавшее при крѣпостномъ правѣ, все залежавшееся и заспанное съ испугомъ и недовѣріемъ встрѣчало эти реформаторскіе замыслы; когда, въ свою очередь, молодое поколѣніе, ничего кромѣ недовольства и жалобъ не слыхавшее изъ устъ своихъ отцовъ, старшихъ братій и судьбой пришибенныхъ наставниковъ,—поколѣніе, привыкшее съ дѣтства смотрѣть на всякую истину какъ на нѣчто цензурой запрещенное и, стало-быть, все запрещенное привыкнувшее считать несомнѣнною истиной,—рвалось съ юношескимъ увлеченіемъ искать ее и вдавалось въ радужныя мечты, какъ насчетъ своихъ собственныхъ силъ и зрѣлости, такъ и насчетъ быстрой перестройки всего нашего общества; когда россійскій нигилизмъ заговорилъ въ одно и то же время съ русскимъ патріотизмомъ; когда каждый кружокъ людей разсуждающихъ и нерѣдко одна и та же семья представляли собой нѣсколько отдѣльныхъ личностей переставшихъ другъ друга понимать и другъ другу сочувствовать,—однимъ словомъ, въ это знаменательное, хаотическое время Атуевъ только что кончалъ свой курсъ въ Харьковскомъ университетѣ.

Это умственное броженіе застало нашего юношу, такъ сказать, врасплохъ, точно такъ же какъ и многихъ молодыхъ людей оно застало ни научно, ни нравственно къ нему не подготовленныхъ. Атуевъ, воспитанный въ домѣ зажиточной тетки и своей крестной матери, въ средѣ не только религіозной, но и суевѣрной, и самъ въ глубинѣ души своей съ дѣтства вѣрующій юноша, вдругъ долженъ былъ ухватиться за Фейербаха и Бюхнера. Атуевъ, пріученный съ почтительнымъ страхомъ глядѣть на каждаго полицейскаго,

такъ-сказать, съ молокомъ всосавшій духъ кротости и повиновенія, вдругъ, ни съ того ни съ сего, долженъ былъ принять участіе въ студенческихъ демонстраціяхъ. Пописывавшій стишки, съ восторгомъ хватавшійся за все написанное Кольцовымъ и Лермонтовымъ и заучившій ихъ наизусть, вдругъ долженъ былъ соглашаться что поэзія вздоръ и что искусство не выше сапожнаго ремесла, что оно не только не помогаетъ развитію, но будто бы усыпляетъ мысль, изнѣживаетъ, создаетъ мечтателей или, что̀ все равно, бездѣльниковъ.

Въ это время многіе наканунѣ вѣрующіе просыпались атеистами; утромъ поклонники поэзіи, къ ночи того же дня дѣлались ненавистниками риемованныхъ строчекъ, и что̀ всего страннѣе, никто не замѣчалъ такого рѣзкаго, ничѣмъ не оправданнаго перехода изъ крайности въ крайность, и Атуевъ, повидимому, не былъ исключеніемъ; онъ вдругъ явился отрицателемъ, и такимъ спокойнымъ и самоувѣреннымъ, какъ будто отъ роду онъ ни чему не вѣрилъ, или какъ будто отрицать ровно ничего не сто́итъ и есть самое пріятное занятіе. Но такимъ онъ только казался; въ сущности, люди не такъ-то легко отдѣлываются отъ своихъ первоначальныхъ впечатлѣній, вѣрованій и образа мыслей, какъ это снаружи кажется. Атуевъ, поглядывая на образъ которымъ благословила его покойная мать и предъ которымъ когда-то, во дни его дѣтства, по ночамъ горѣла лампадка, мысленно давалъ обѣтъ отслужить молебенъ, если только удачно выдержитъ онъ послѣдніе выпускные экзамены, и конечно, осмѣлялъ бы за это своего товарища, еслибы тотъ не скрылъ отъ него своего религіознаго настроенія. Атуевъ въ университетѣ никого не удивилъ своимъ новымъ направленіемъ; напротивъ, иногда провирался; хваля то что̀ другіе осуждали, или осуждая то что̀ принято было хвалить, онъ иногда рисковалъ удивить своею отсталостію. Благодаря своей памяти и перепискамъ лекцій, Атуевъ считался порядочнымъ студентомъ и у нѣкоторыхъ профессоровъ былъ на хорошемъ замѣчаніи, но учиться какъ слѣдуетъ ему было некогда: съ одной стороны одолѣвали страсти, съ другой стороны—желаніе играть роль кавалера въ тогдашнемъ харьковскомъ обществѣ. Влюбился онъ безпрестанно, то въ какую-нибудь барышню, то въ какую-нибудь горничную, и разъ не шутя втюрился въ дѣвочку, дочь какого-то отставнаго урядника, обитавшаго

въ одной изъ слободъ, въ собственной казацкой хатѣ. Дѣвочка эта была кровь съ молокомъ и торговала на мосту то мочеными яблоками, то копчеными грушами, и на первый разъ обманула его. Атуевъ назначилъ ей свиданіе, она обѣщалась придти и не пришла. Этимъ она доказала ему свою нравственность и подлила масла въ огонь. Атуевъ не отставалъ, покупалъ у ней то груши, то яблоки, давая ей четвертаки вмѣсто гривенниковъ, и дѣвочка его полюбила, то-есть стала потихоньку навѣщать его, потомъ вдругъ измѣнила, сошлась съ какимъ-то юнкеромъ. Атуевъ въ это время сталъ на себя не похожъ; ревновалъ онъ ужасно, не спалъ по ночамъ, все подстерегалъ своего соперника, все хотѣлъ убѣдиться точно ли она ему измѣнила. Разъ отецъ этой дѣвочки, сѣдой, коренастый казакъ, пьяный, засталъ его ночью на завалинкѣ, около окна своей хаты, принялъ его за поджигателя и чуть-было собственноручно, въ потьмахъ, не покололъ его. Атуева спасла темная, воробьиная ночь, она прикрыла его, дала ему возможность отбиться отъ собакъ и прибѣжать домой. Убѣдившись въ измѣнѣ своей возлюбленной, Атуевъ чуть не утопился. Спустя два, три дня послѣ того какъ онъ пробовалъ утопиться, онъ увѣрялъ товарищей что никогда ни въ кого влюбленъ не былъ, и что нѣтъ еще женщины которая была бы въ силахъ покорить его желѣзное сердце. Вообще, казаться волокитой онъ не стыдился, но казаться влюбленнымъ ему было стыдно. Въ двадцать лѣтъ онъ уже любилъ корчить изъ себя холоднаго сердцеѣда, иначе сказать, прикидываться иногда Печоринымъ. Я говорю *иногда*, потому что, вопервыхъ, мода на печоринство проходила даже въ провинціяхъ, и потому, вовторыхъ, что роль эта была ему не по силамъ. Я, какъ безпристрастный разсказчикъ, вовсе не намѣренъ ни осуждать, ни хвалить Атуева; онъ былъ не глупъ, впечатлителенъ и обладалъ умѣньемъ казаться въ десять разъ ученѣе чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Несмотря на природную наклонность къ праздности, иногда, какъ юноша самолюбивый, онъ порывался серіозно заняться то древними языками, то исторіей, и эти порыванья не остались для его головы безъ нѣкотораго слѣда и относительной пользы. Но о современныхъ ученіяхъ онъ зналъ только по слуху. Когда, бывало, кто-нибудь заговаривалъ при немъ о сенсимонизмѣ, фурьеризмѣ, коммунизмѣ, онъ весь превращался въ слухъ, молчалъ, догадывался въ чемъ главная *суть* и уже на

другой день съ такимъ тактомъ вводилъ въ свою рѣчь эти новыя для него слова что, казалось, произведенія Фурье и Прудона были ему извѣстны какъ свои пять пальцевъ.

Только самые ближайшіе изъ его пріятелей (а онъ выбиралъ пріятелей изъ числа самыхъ даровитыхъ, лучшихъ студентовъ) плохо довѣряли его учености: „Ну, молчи, ты," говорили они ему, „суешься туда же спорить, а не знаешь о чемъ рѣчь идетъ!" Атуеву это было ножъ вострый; иногда послѣ такихъ рѣчей онъ запирался дома, рылся въ книгахъ, въ энциклопедическихъ словаряхъ, и все это для того только чтобы при случаѣ отомстить, то-есть навести разговоръ на тему ближе всего ему знакомую, только-что вычитанную, и поразить всѣхъ изобиліемъ данныхъ гнѣздящихся въ его головѣ. Это ему иногда удавалось и какъ нельзя болѣе тѣшило его самолюбіе. Вы скажете что это шарлатанство; да, пожалуй, но это и талантъ въ своемъ родѣ, талантъ которымъ обладаютъ немногіе.... Не даромъ спустя два года по выходѣ изъ университета Атуевъ съ ногъ до головы превратился въ петербургскаго шаркуна и не безъ нѣкоторой удали выступилъ на литературномъ поприщѣ по части фельетоновъ, журнальныхъ замѣтокъ и рецензій. Не даромъ нашлись и редакторы которые не шутя вообразили что это одинъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей, одинъ изъ тѣхъ которыхъ не мѣшаетъ прикармливать.

Модныя идеи съ необыкновенною легкостью прививались къ головѣ его; онъ писалъ, и писалъ. Не спрашивайте, вѣрилъ ли онъ самъ тому что писалъ; зналъ ли то о чемъ судилъ. Кажется, на этотъ вопросъ отвѣтило время; слава его была эфемерна и недолговременна даже въ томъ кружкѣ гдѣ на него смотрѣли какъ на дѣятеля и гдѣ онъ думалъ блистать.

IV.

Прошло около двухъ лѣтъ, Атуевъ былъ все такимъ же Атуевымъ, только лицо его приняло цвѣтъ осенняго петербургскаго неба, да пострадали зубы. Что же касается до его дѣятельности, то она шла въ гору; перо его уже начинало пріобрѣтать бойкость. Появившійся въ то время романъ *Что дѣлать?* произвелъ на Атуева потрясающее дѣйствіе

Прочтя его, онъ пошелъ еще далѣе, онъ рѣшилъ что никогда не женится: найдетъ жену, но не женится. Она будетъ работать въ артели швей, онъ въ артели литераторовъ, и все пойдетъ какъ по маслу. Въ этомъ смыслѣ онъ проповѣдывалъ и проникался ненавистью къ прежнимъ писателямъ; до романа *Что дѣлать*, говорилъ онъ, нѣтъ русской литературы. „Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!“ сказалъ Грибоѣдовъ, и Атуевъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибы никто не сомнѣвался въ его даровитости, еслибы можно было печатать все что̀ успѣвалъ онъ иногда вычитывать изъ разныхъ контрабандныхъ французскихъ книжекъ, и еслибъ онъ былъ немножко богаче, ибо жизнь, становилась все дороже и дороже, а его потребности все шире и утонченнѣе; онъ же любилъ комфортъ, женщинъ, книги въ богатыхъ переплетахъ, новоизобрѣтенныя лампы, и умывался не иначе какъ самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Наконецъ, Атуевъ былъ бы счастливъ, еслибы петербургская жизнь, въ видѣ разныхъ враговъ и недоброжелателей, не отравляла его существованія. Да, Петербургъ не былъ бы Петербургомъ, еслибъ онъ не помялъ боковъ Атуеву. Плохо ему было подчасъ, вообще трудно ладить съ потребностями не соотвѣтствующими кошельку, нерѣдко впадающему въ совершеннѣйшее истощеніе. То запрещеніе журналовъ, пріютившихъ его подъ крыло свое, то редакторскіе капризы, то женскія плутни и коварныя измѣны, то непріятные слухи и какой-то безотчетный страхъ безпрестанно волновали его легко волнуемую душу. Изъ числа его пріятелей, Тертіевъ оказался самымъ надежнымъ, но за то не разъ бѣсилъ его своею діалектикой и наводилъ на него хандру невообразимую. Сердце его также было болѣзненно; напрасно онъ искалъ себѣ жены, такой именно какой ему хотѣлось. Юныя дѣвицы, даже тѣ которыхъ онъ считалъ архи-нигилистками, даже тѣ которыя по-товарищески нисколько не стѣснялись заходить къ нему, до такой степени безукоризненно вели себя, до такой степени были къ нему строги и холодны, что въ жены ему не годились. Только одна изъ нихъ, и то самая некрасивая, была, повидимому, влюблена въ него, но едва убѣдилась что Атуевъ никогда на ней не женится, подразнила его и вышла замужъ за другаго пролетарія. Атуевъ написалъ ей горькое письмо, продиктованное ему раздраженнымъ самолюбіемъ. Та

показала это письмо своему мужу. Мужъ вступился и наговорилъ Атуеву дерзостей, чуть не поколотилъ его. Тѣмъ и кончилась эта исторія.

Не знаю что бы стало съ Атуевымъ, еслибы не умерла его тетка, крестная мать его, и еслибъ онъ не получилъ телеграммы вызывающей его въ Херсонъ за полученіемъ наслѣдства по завѣщанію. Обрадованный смутнымъ ожиданіемъ впереди чего-то хорошаго, Атуевъ сосредоточился, и только одному Тертіеву сообщилъ что его, чортъ знаетъ для чего, тревожатъ и вызываютъ, быть-можетъ, изъ какихъ-нибудь пустяковъ.

— Что дѣлать! говорилъ онъ:—надо ѣхать! Если мнѣ на дорогѣ вздумается что-нибудь написать фельетонное, пришлю на твое имя; ты, пожалуста, передай кому-нибудь изъ редакторовъ, только всякаго вздору не печатай съ моимъ именемъ; главное—деньги, деньги на тотъ случай, если я какъ-нибудь ворочусь сюда безъ денегъ.

— Хорошо, согласился Тертіевъ,—напиши какую-нибудь госпитальную чепуху, я въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ* ее отпишу. А что ты будешь дѣлать съ твоею квартирой? Сдашь ее?

— Нѣтъ; знаешь Дуню Сигареву, я ей предложилъ на это время поселиться въ моей комнатѣ, она дѣвушка честная и.... досадно, никакъ не можетъ отыскать себѣ ни мѣста, ни занятія. Пожалуста, братъ, прими ее подъ свое покровительство; не будетъ ли у тебя перевода какого-нибудь или переписки.

— Знаю Сигареву.... видалъ. А ты ей скажи чтобъ она какъ-нибудь зашла ко мнѣ.

— Хорошо, скажу.

— Только грамотная ли она?

— Еще бы! Преобразованная дѣвушка! и съ необыкновенною силой воли.... съ необыкновенною!...

— Вотъ, ты бы на ней женился.

— Эхъ, Тертіевъ, какой ты странный! Сколько лѣтъ меня ты знаешь и не можешь понять что я, какъ политическій дѣятель, какъ публицистъ, не долженъ обзаводиться ни женой, ни ребятами. Еще Богъ знаетъ въ какихъ трущобахъ я окончу жизнь мою. Но, прощай, однако.... хлопотъ бездна! Прощай! не говори никому куда я уѣхалъ и зачѣмъ. Пусть думаютъ что хотятъ; даже можетъ какую-нибудь утку про меня пустить.

— Ха, ха, ха! засмѣялся Тертіевъ:—я всѣмъ разкажу что ты бѣжалъ въ Америку, въ южные штаты, стоять за рабство негровъ.

— Ну, вотъ еще что̀ выдумалъ, стоять за рабство!

— Да вѣдь написалъ же у васъ какой-то естественникъ что негры еще не люди, и что, стало-быть, рабство ихъ есть дѣло законное.

Атуевъ почему-то сконфузился.

— Да мало ли кто что̀ пишетъ, сказалъ онъ,—какое мнѣ до этого дѣло?.... Впрочемъ, ври про меня что̀ хочешь. Прощай, душа моя.

Они поцѣловались и разстались какъ добрые пріятели.

V.

Прошли два лѣтніе мѣсяца; въ это время никто почти въ Петербургѣ и не замѣтилъ отсутствія Атуева, но Атуевъ не могъ слишкомъ долго лишать столицу своего присутствія; онъ получилъ наслѣдство, исполнилъ всѣ формальности и спѣшилъ обратно въ Петербургъ уже не тѣмъ Атуевымъ какимъ онъ выѣхалъ: у него былъ капиталъ въ сорокъ четыре тысячи и четыреста десятинъ земли въ херсонскихъ степяхъ, стало-быть, вѣрныхъ четыре тысячи доходу. Онъ мечталъ уже о новомъ журналѣ, о редакторствѣ, о шести тысячахъ подписчиковъ, и вѣроятно, эти мечты дѣйствовали на него благотворно: онъ пополнѣлъ, похорошѣлъ, повеселѣлъ, даже какъ-то вытянулся, словно выросъ; свѣжій воздухъ родныхъ ему полей придалъ лицу его цвѣтъ юношеской свѣжести, давно уже имъ утраченный и не надолго прочный для всякаго, кто на самомъ дѣлѣ чего-нибудь добивается среди той умственной и нравственной атмосферы которую можно просто назвать петербургскою атмосферой.

Всякаго петербургскаго кабинетнаго человѣка поѣздка по Россіи не можетъ не отрезвить, освѣжая не только тѣло, но и умъ, насквозь прокопченный, если не наркотическими, то ужь навѣрное болотными міазмами. Сила новыхъ, часто грустныхъ и тяжелыхъ впечатлѣній не можетъ иногда не поколебать кой-какихъ кабинетныхъ фантазій и убѣжденій на нихъ построенныхъ. Дворцы изъ аллюминія какъ-то сами собой

вылетаютъ изъ головы посреди безлюдныхъ пространствъ или многолюднаго невѣжества; практическая, прочная нить вкрадывается и незамѣтно впутывается въ обычную ткань размышленій. Но Атуевъ не былъ наблюдателемъ. Явленія жизни, или быта, или народнаго духа, если на нихъ не указывала книга или статья (да и то не всякая, а окрашенная въ любимый имъ цвѣтъ), не оставляли въ умѣ Атуева почти никакого впечатлѣнія, или очень слабое, то-есть такое, какимъ онъ самъ, безъ помощи своихъ пріятелей или своихъ любимыхъ авторовъ, не могъ и воспользоваться. Атуевъ, какъ теоретикъ, не могъ переродиться и остался вѣренъ себѣ и своему кружку. Но сердце его рѣшительно переродилось, романтическія мечты стали навѣщать его, и онъ влюбился.

Влюбился онъ, наканунѣ своего прибытія въ Петербургъ, въ одну изъ пассажирокъ, которая ѣхала съ кумыса изъ Оренбургской губерніи, съ своею пожилою и очень чахоточною тетушкой. По цѣлымъ часамъ молча глядѣлъ онъ на этотъ строгій, полуримскій, полугреческій профиль, на эти длинныя рѣсницы, широкими полукружіями опускающіяся на утомленные, каріе, съ блескомъ глаза, на эти немного сухія и блѣдныя губы, изрѣдка насмѣшливо улыбающіяся, на этотъ не высокій, но умный лобъ съ золотистымъ пушкомъ около пробора волосъ идущихъ на затылокъ и тамъ, по-дорожному, скрученныхъ въ одну тяжелую, послѣ неловкаго сна, до самой спины спустившуюся косу.

„Аристократка! думалъ про себя Атуевъ.—Съ ногъ до головы простота и изящество!... Давно уже не встрѣчалось мнѣ ничего подобнаго.... Поэзія, чортъ возьми! Однако, это дама, а не дѣвица! Я это сразу замѣтилъ что это дама. Объ закладъ побьюсь что она замужемъ. Что-то такое есть въ ней сознательно-небрежное, самоувѣренное.... Непремѣнно, или молоденькая вдова, или замужняя.“

Хорошо что не съ кѣмъ было побиться объ закладъ Атуеву; онъ ошибся. Когда онъ съ ней познакомился (его рекомендовалъ ей на одной станціи одинъ знакомый ему молодой человѣкъ, Сергѣй Сергѣичъ), оказалось что она вовсе не замужняя, а дѣвица, Людмила Григорьевна Клеверъ, дочь одного покойнаго тайнаго совѣтника, когда-то занимавшаго очень видное мѣсто въ средѣ высшей петербургской бюрократіи.

До самаго Петербурга Атуевъ ухаживалъ за ея больною, сухощавою тетушкой, угощалъ ее леденцами, поддерживалъ ее за локоть, при входѣ въ вагонъ; старался занять ее разсказами, намекалъ на свою литературную извѣстность и на свое состояніе; мысленно старался разгадать значеніе улыбки, которая по временамъ змѣилась на устахъ ея племянницы. Когда же вагонъ подошелъ къ дебаркадеру Петербургскаго вокзала, Атуевъ попросилъ позволенія бывать у нихъ, и ему показалось что эта просьба немножко удивила ихъ.

— Мы живемъ очень скромно и почти что никого не видимъ съ тѣхъ поръ какъ умеръ братъ мой, но.... если вы вспомните, мы будемъ рады.... отвѣчала тетушка, и при этомъ маленькія изжелта-сѣрые глазки ея заблестѣли какъ два лезвія двухъ перочинныхъ ножичковъ и поглядѣли на Атуева какъ будто хотѣли прочитать на его физіономіи: не шутя это вздумалъ онъ навязываться къ нимъ на знакомство, или такъ, ради одной дорожной любезности?

Атуевъ не смутился,—не даромъ же въ двадцать лѣтъ онъ былъ Печоринымъ,—пошелъ нанять для нихъ карету, посадилъ ихъ, подалъ имъ ихъ дорожные мѣшки (чуть своихъ не растерялъ) и простился съ ними въ увѣренности что его сердце уже не принадлежитъ ему. Многія страсти начинались и начинаются съ такой увѣренности. Сѣвъ на извощика, съ дорожною сумкой чрезъ плечо и съ маленькимъ чемоданчикомъ у ногъ, Атуевъ отправился на свою прежнюю квартиру, но не думалъ ни о своей квартирѣ, ни о томъ что завтра будетъ онъ дѣлать. Образъ блѣдной пассажирки плавалъ предъ нимъ въ туманномъ воздухѣ, глядѣлъ изъ каждаго окна, выглядывалъ изъ каждой кареты, и то говорилъ ему: „не обманите насъ, я жду!“... то говорилъ ему: „какой однакоже вы дуракъ! воображаете что мы васъ примемъ!“...

„А что если мое письмо къ Сигаревой не дошло, и она еще не очистила мою комнату“, подумалъ Атуевъ, взбираясь къ себѣ на верхъ по витой, чугунной лѣстницѣ.

Войдя въ корридоръ, онъ подошелъ къ дверямъ своей комнаты, нашелъ ее запертою и заглянулъ въ щелку, желая убѣдиться вынутъ ли ключъ; ключа въ замкѣ не было, и онъ пошелъ за нимъ къ хозяину.

— Все ли благополучно? спросилъ онъ горничную.

Но горничная оказалась уже не та которая ему прислуживала, и вытараща глаза спросила, „кого ему нужно?“

— Сигарева все еще въ 48 номерѣ?

— Не знаю-съ.

— Да вы давно ли здѣсь?

— Да ужь съ мѣсяцъ....

— Кто же живетъ въ 48 номерѣ?

— Этотъ номеръ запертъ; тамъ никто не живетъ.

— Ну, такъ это я тамъ живу; пожалуста, сходите за ключомъ.

— Ключъ у хозяина.

— Ну, ступайте, возьмите у хозяина ключъ, да поставьте мнѣ самоваръ, я буду чай пить. Я Атуевъ.

Войдя въ свой номеръ, Атуевъ, къ удивленію своему, нашелъ все на прежнемъ мѣстѣ и на столѣ записку слѣдующаго содержанія:

„Я прожила здѣсь три недѣли, но вы ничего не сказали мнѣ насчетъ цѣны, а я забыла васъ спросить. Даромъ жить не хочу, да и хозяинъ вашъ дрянь, вообразилъ себѣ что я ваша любовница. Прислуга также самая подлая, да и сосѣди, нечего сказать, подлецъ на подлецѣ. Обиднѣе всего что я не знаю сколько я должна вамъ за три недѣли. Пожалуста не вообразите себѣ что я вамъ обязанная. Когда пріѣдите, приходите; гдѣ я живу—узнайте у Котиковой, она все тамъ же, на Выборгской. Ваши книги находятся у ней. Прощайте!

А. С.“

Благородно! подумалъ Атуевъ, и весьма довольный что не нашелъ у себя въ квартирѣ дѣвицы Сигаревой (что могло бы на первый разъ стѣснить его), даже и не замѣтилъ грамматическихъ ошибокъ которыми щеголяло это немножко рѣзкое посланіе.

VI.

Атуевъ никому не сказалъ что онъ получилъ въ наслѣдство деньги. Онъ былъ увѣренъ что Тукинъ попроситъ у него нѣсколько тысячъ въ займы на свою библіотеку и не отдастъ. Боркинъ втянетъ его въ свое предпріятіе, и чего добраго, надуетъ; а Зулинъ прямо ему скажетъ, что если онъ капиталистъ, то онъ скотина, что если онъ эти деньги не отдастъ на такое трудовое дѣло которое бы не одному ему,

а многимъ приносило постоянныя выгоды, то онъ свинья, или, что̀ еще хуже, измѣнникъ. Мало того, онъ укажетъ ему на кой-какія выраженія изъ Атуевскихъ статей, и на ихъ основаніи докажетъ Атуеву, что онъ самъ не признаетъ правъ собственности на такія деньги которыя собственными руками имъ не заработаны.

Атуевъ, чтобы никого не озадачить, остался даже жить въ томъ же корридорѣ и у того же хозяина, только перешелъ изъ одной комнаты въ двѣ съ окнами на улицу.

Атуевъ, посѣтивъ Тертіева, поднялъ толки о новомъ журналѣ, намекнувъ что деньги онъ можетъ достать, что ему одинъ купецъ обѣщался дать на проценты, если только онъ убѣдитъ его что журналъ удастся. Раза два или три у Атуева на квартирѣ собирались его пріятели и пріятельницы, и толки превратились въ совѣщанія: одни требовали чтобы журналъ этотъ не былъ его собственностью, а издавался бы на артельномъ основаніи (хотя и на деньги занятыя Атуевымъ), и чтобы чистый доходъ съ журнала, по истеченіи года, дѣлился поровну между редакторомъ и постоянными сотрудниками; другіе увѣряли что порядочнаго журнала издавать нельзя—прихлопнутъ, и что, стало быть, нелѣпо приниматься за такое дѣло; третьи прямо говорили Атуеву: ты, братъ, лопнешь; были позубастѣе тебя, да и связи литературныя у нихъ тоже были не тебѣ чета, и то лопнули; это ужь какъ дважды-два....

Атуевъ спорилъ то съ тѣми, то съ другими, то соглашался, то не соглашался, чуть было не поссорился съ двумя изъ числа своихъ будущихъ сотрудниковъ, и въ тайнѣ рѣшилъ: *не издавать журнала.*

Ему же было не до литературы; спустя недѣли двѣ по своемъ возвращеніи онъ встрѣтилъ свой идеалъ, то-есть Людмилу Григорьевну, въ Англійскомъ магазинѣ, и такъ какъ онъ былъ въ новомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ, поверхъ котораго лежали его гладко причесанные, почти до самыхъ плечъ отпущенные волосы, онъ рѣшился подойти къ ней, и съ замирающимъ сердцемъ спросилъ ее о здоровьи ея тетушки, потомъ сталъ помогать ей выбирать кой-какія вещи, въ родѣ наперстка, ножницъ, тамбурной иглы и т. п.

— Развѣ вы знаете толкъ въ этихъ вещахъ, спросила его Людмила Григорьевна.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Атуевъ.

— Ну, такъ не мѣшайте мнѣ! сказала дѣвушка, и насмѣшливо улыбнулась.

— Пріѣду къ вамъ чтобы попросить у васъ извиненія, сказалъ Атуевъ, довольно развязно, потому что въ жизни его было время когда онъ всячески пріучалъ себя къ этой развязности; онъ даже не улыбнулся, боясь чтобъ улыбка его, сопровождая любезность, не показалась ей слишкомъ притворною.

— А почемъ вы знаете, гдѣ мы живемъ?

— А узнаю въ адресномъ столѣ, если вы не скажете....

— Я вамъ этого и не скажу, потому что вы не спрашиваете.

— Скажите!... Я.... я васъ спрашиваю.

— На Большой Конюшенной, домъ Р.... № 11. Впрочемъ, предупреждаю васъ, если васъ не примутъ, это будетъ значить что тетушка не такъ здорова и принять васъ не можетъ.

Съ этими словами Людмила Григорьевна спустилась съ лѣстницы и вышла на улицу.

Атуевъ пошелъ по слѣдамъ ея, но догнать ее и опять заговорить съ ней не рѣшился. Послѣднія слова ея его озадачили. „Что это значитъ? думалъ онъ; какъ это понять: хитрость это или прямодушіе?“ И погрузясь въ такія соображенія, онъ долго шелъ такъ разсѣянно, что несмотря на капли дождя, долго не могъ догадаться развернуть зонтикъ и тѣмъ спасти свою новую, только-что въ магазинѣ Циммермана купленную шляпу.

Всю ночь онъ думалъ что ему дѣлать и рѣшился быть настойчивымъ. „Не примутъ разъ, сказалъ онъ,—пойду вторично; вторично не примутъ — въ третій, въ десятый, въ сотый разъ пойду!...“ О женитьбѣ онъ еще не думалъ; но побѣдить сердце аристократки показалось ему такимъ великимъ подвигомъ, что онъ готовъ былъ на все рискнуть лишь бы достигнуть цѣли.

Атуевъ былъ счастливъ; дня чрезъ три онъ былъ принятъ у тетушки Клеверъ, и былъ пораженъ: квартира была небольшая и очень просто убранная; и тетушка, и племянница были одѣты со вкусомъ, но также очень просто. Въ обращеніи ихъ онъ не нашелъ ничего натянутаго; только въ глазахъ старухи замѣтилъ пытливость, и въ этой пытливости что-то такое, что придавало маленькому, худому лицу ея, съ тонкимъ носомъ и съ тонкими губами, злое и въ то же время умное выраженіе.

Атуевъ завелъ рѣчь о литературѣ. Оказалось что тетушка не только не читала послѣднихъ журналовъ, но и читать ихъ не хочетъ.

— Пишутъ, сказала она,—не зная ни человѣческаго сердца, ни правилъ приличія; попалась мнѣ повѣсть, и до того безнравственная, что я дала себѣ слово ничего не читать, развѣ вотъ что-нибудь Гончаровъ, или Тургеневъ, или графъ Толстой напишутъ....

Атуевъ вступился за новую литературу и ея реальное направленіе. Оказалось что тетушка очень хорошо понимаетъ что̀ такое реальное направленіе, но къ реалистамъ причисляетъ у Нѣмцевъ Гёте, а у Русскихъ Пушкина!

Атуевъ поморщился. „Экъ ее, подумалъ онъ, никакъ въ прошломъ вѣкѣ изволитъ вязнуть. Изъ какихъ же благъ я стану ее оттуда за уши вытаскивать: еще, чего добраго, разсердится!“ Атуевъ забылъ что юность его прошла не въ прошломъ вѣкѣ, и что въ семнадцать лѣтъ онъ зналъ наизусть и „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, и „Я помню чудное мгновенье“, и „Буря мглою небо кроетъ“, и не только зналъ наизусть—упивался Пушкинымъ.

Господи! Какая отсталость! продолжалъ онъ думать, и рѣшилъ щадить старушку, а съ Людмилой Григорьевной поступать такъ же точно какъ поступаетъ съ нимъ Тертіевъ, то-есть не щадить ея....

Испросивъ у тетушки и у ея милой племянницы позволеніе навѣщать ихъ, Атуевъ раскланялся и вышелъ довольный своимъ началомъ. Людмила Григорьевна ему еще болѣе понравилась въ этой скромной обстановкѣ. „Ну! Вѣрно не очень богаты, подумалъ онъ. А я-то вообразилъ что попаду къ аристократкамъ. Ничего аристократическаго! даже на лѣстницѣ швейцара нѣтъ; даже гардины на окошкахъ не тюлевыя; зала маленькая, гостиная еще меньше. А что̀ будетъ, если я посватаюсь! Вотъ будетъ штука-то!...“

VII.

Въ началѣ октября того же года Атуевъ зашелъ къ Тертіеву, легъ у него на клеенчатомъ диванѣ, закурилъ папиросу, поправилъ очки, и помолчавъ, сказалъ ему:

— Дружище Тертіевъ, сообщу тебѣ секретъ, одно пресквернное обстоятельство!...

Тертіевъ ходилъ по комнатѣ, также курилъ папиросу, и поглядывалъ не столько на Атуева, сколько на его новые брюки съ лампасами, на его цѣпочку къ часамъ, и на его модный галстучекъ; онъ догадывался что Атуевъ разбогатѣлъ, и мысленно прощалъ ему эту безвредную фантазію! Излишнее франтовство онъ причислялъ къ области фантазіи.

— Какое же такое скверное обстоятельство? сказалъ Тертіевъ.—Глядя на тебя, право трудно подумать чтобы ты находился въ крайности.

— Я женюсь....

— Почему же ты это называешь скверным обстоятельствомъ. А?...

— Да потому что жениться, это.... это.... очень не легко.... Бракъ не только связываетъ насъ по рукамъ и ногамъ, бракъ притупляетъ наши способности, дѣлаетъ насъ эгоистами, филистерами. Фу! чортъ возьми, какъ подумаешь.... За наши естественныя права, за тѣ права которыми пользуются всѣ животныя безъ всякаго дозволенія царя звѣрей, мы отплачиваемся не только вѣчными обязанностями, отплачиваемся неволей....

— Да что, перебилъ его Тертіевъ,—тебя насильно что ли подъ вѣнецъ-то тащутъ, или ты самъ идешь? А?

— Разумѣется, самъ иду.

— Такъ зачѣмъ же ты идешь? значитъ, тебѣ по вкусу это скверное обстоятельство?

— Пожалуста, не привязывайся къ словамъ; я это дѣло считаю серіознымъ, а ты привязываешься.

— Такъ ты всякое серіозное дѣло считаешь скверным! Поздравляю! при этомъ Тертіевъ покосился на Атуева, шевельнулъ бровью, и повернувшись къ нему спиной, продолжалъ ходить по комнатѣ.

Атуевъ покраснѣлъ, также шевельнулъ бровью (точно онъ не могъ этого не сдѣлать, по законамъ отраженія) и надулся.

— Еслибы ты влюбился, Тертіевъ, неужели бы ты женился? Ну-ка, скажи по совѣсти!

— А смотря по обстоятельствамъ. Захотѣлъ бы около себя дѣтей имѣть — женился бы.

— А развѣ безъ женитьбы нельзя дѣтей имѣть?

— Если ты не эгоистъ, говорю *эгоистъ* въ смыслѣ бездушнаго себялюбія, которому ни до кого дѣла нѣтъ, то нельзя,—нельзя ни съ нашими законами, ни съ нашимъ обще-

ствомъ. Прежде заставь общество передѣлать тѣ законы которыми оно управляется, и ужь потомъ и поступай сообразно съ новыми началами.

— Передѣлать общество можно только начиная съ самого себя.

— Ну, и приноси ему себя въ жертву, а не жену и не дѣтей. Ты спрашивалъ ли эту особу на которой ты женишься, хочетъ ли она быть твоей безъ всякаго вмѣшательства церкви и государства? Если хочетъ, ты, пожалуй, въ правѣ.... Да и то еще далеко не въ полномъ правѣ, потому что ты лишенъ возможности спросить будущихъ дѣтей твоихъ, хотятъ ли они быть незаконными. Вотъ еслибъ и они на это заранѣе согласились....

— Слушая тебя, иногда, право, не вѣришь ушамъ своимъ; на все ты найдешь возраженіе, на все, лишь бы только возражать. Право, заговори я что мнѣ слѣдуетъ, какъ честному человѣку, жениться, ты сталъ бы доказывать мнѣ что не слѣдуетъ.

— И теперь скажу что не слѣдуетъ. Если ты такъ смотришь на бракъ, ищи женщину равную себѣ какъ по убѣжденіямъ, такъ и по силѣ характера, ибо для того чтобы выносить на плечахъ своихъ тяжесть узъ не признаваемыхъ обществомъ, нужна сила.

— А если нѣтъ такой женщины.

— Если нѣтъ, не женись.

— А если я чувствую потребность имѣть около себя существо которое бы я любилъ, уважалъ и такъ далѣе.

— То-есть потребность жить семейною жизнію?

— Ну да, положимъ, семейною жизнію.

— Ну, такъ не ломайся и не прикидывайся несчастнымъ, если нашлась такая женщина которая можетъ и любить, и подарить тебя семейнымъ счастіемъ. Бери ее себѣ на вѣки вѣчные, храни ее какъ зѣницу ока; няньчи дѣтей; копи деньги на ихъ воспитаніе, словомъ, будь мужемъ и отцомъ. Или тебѣ хочется быть семьяниномъ, не будучи ни мужемъ, ни отцомъ? Ну, въ такомъ случаѣ, донжуанничай,—кто тебѣ мѣшаетъ!

— Твое возраженіе никуда не годится. Вопервыхъ, Донъ-Жуаны выдуманы; ихъ нѣтъ. Это глупая, поэтическая фантазія. А если и были Донъ-Жуаны, то наше время не признаетъ ихъ, какъ идеалистовъ пустыхъ и вредныхъ. Я хочу

разумной и свободной семейной жизни, а ты совѣтуешь мнѣ донжуанничать.

А что же ты до сихъ поръ дѣлалъ? Развѣ не донжуанничалъ? Гдѣ не доставало красоты, или ума, или ловкости, деньги въ ходъ пускалъ. Вспомни сколько ты зарабатывалъ своими статьями—самъ же говорилъ—и куда по большей части уходили эти деньги? Изъ всего что ты мнѣ тутъ наговорилъ, только и можно вывести одно заключеніе, что тебѣ всю жизнь хочется донжуанничать, и ты боишься какъ бы бракъ не помѣшалъ тебѣ....

Атуевъ замахалъ руками и поднялся съ дивана.

— Ну, Богъ съ тобой! сказалъ онъ. — Я думалъ тебя обрадовать, а ты напалъ на меня какъ на какого-нибудь школьника. Право, мнѣ не до того чтобы съ тобой спорить. Прощай!

— Да ты прежде обрадуй, а потомъ и прощайся. Вотъ чудакъ, думалъ обрадовать меня какимъ-то скернымъ обстоятельствомъ!

И Тертіевъ засмѣялся, удержавъ за руку обидившагося Атуева.

— Да, я не въ духѣ.

— Я давно, братъ, замѣчаю, что у тебя нутро горитъ; вѣрно влюбленъ. Одѣлся по послѣдней модѣ и помышляетъ о подругѣ жизни.

— Нечего тутъ помышлять. Я посватался и....

— И тебѣ носъ наклеили? А?...

— Въ томъ-то и штука что дали согласіе.

— И ты отъ этого не въ духѣ. Ха-ха-ха! на весь домъ захохоталъ Тертіевъ.—Такъ зачѣмъ же ты сватался?

— Да совсѣмъ не то, ничего ты не понимаешь.

— Да что же такое?

— Да я не увѣренъ любимъ ли я; кто ее знаетъ. Можетъ-быть, просто нужно за кого-нибудь замужъ выходить, ну и выходитъ, благо нашелся дуракъ. Эта мысль, одна эта мысль обидна, терзаетъ меня, мучитъ, спать мнѣ не даетъ. Вижу, какая-то съ ея стороны нерѣшительность, какъ будто она боится чего-то, а вовсе не изъ робкихъ, ни.... ни сколько!! Просто понять не могу.

— Да кто она такая?

— Нѣкто mademoiselle Клеверъ.

— Нѣмка?

— Нѣтъ, то-есть, пожалуй что и Нѣмка; мать была Русская, отецъ обрусѣвшій Нѣмецъ. Тайнымъ совѣтникомъ былъ.

— Значитъ, помѣсь. Ха-ха! это хорошо, это, братъ, для приплода ничего лучше быть не можетъ. Право. Женись, совѣтую. По крайней мѣрѣ ничего лучшаго ты не выдумаешь, хоть ты и донжуанничалъ съ нигилистками; я давно, братъ, замѣтилъ, что тебѣ халата не достаетъ. Право! говорилъ Тертіевъ развеселѣвъ и потирая руки.

Атуевъ опять сѣлъ на диванчикъ и показался Тертіеву человѣкомъ разстроеннымъ.

— Да самъ-то ты любишь ли свою невѣсту?

— А кой чортъ заставилъ бы меня рѣшиться на такой шагъ, еслибы не это; не за деньги же я продаю себя, да у нея и нѣтъ никакого состоянія; я втрое ея богаче.... Любовь проклятая примѣшалась, вотъ что! Удивительное существо, братецъ ты мой, и что всего глупѣе, существо загадочное, непонятное. То ласкается, ухаживаетъ за мной, а нынче утромъ чуть не оттолкнула. Кто знаетъ что у ней на душѣ? можетъ-быть, и влюблена въ кого-нибудь: и это бываетъ. Развѣ это не бываетъ? бываетъ сплошь да рядомъ: одному руку, а другому сердце. Признаюсь тебѣ, Тертіевъ, не знаю я ея, совсѣмъ не знаю.

— Да вѣдь и она тебя не знаетъ.

— И она меня не знаетъ. Впрочемъ, я высказываюсь предъ ней, а она молчитъ; я откровененъ, а она скрытная.... и хитра, должно-быть.... Тетушка тоже у ней есть; она живетъ со своею тетушкой. Свѣтская старушка, начитанная, но суха тѣломъ и суха душой, при этомъ религіозна и совершенная Англичанка, да и невѣста моя тоже на англійскую миссъ или леди смахиваетъ, на англійскихъ романахъ выросла....

— Что же тутъ дурнаго; а если это тебѣ не нравится, откажись; отказаться отъ дѣвушки до вѣнца никогда не поздно.

— Не могу; вотъ въ томъ-то и штука что не могу; напротивъ, тороплюсь свадьбой. Ровно черезъ десять дней повѣнчаютъ меня раба Божьяго. Только, пожалуста, Тертіевъ, никому не говори; прошу тебя.

— Болтать о твоей свадьбѣ не вижу никакой необходимости.

Наконецъ Атуевъ пригласилъ Тертіева быть своимъ шаферомъ и въ то же время свидѣтелемъ. Далъ ему свой новый адресъ и простился съ нимъ. Простившись, полетѣлъ на Невскій покупать подарки.

VIII.

Я, авторъ этого разказа, признаюсь вамъ, былъ очень удивленъ, когда услыхалъ что у Атуева есть невѣста, и что эта невѣста не только не похожа на нигилистку, но, о ужасъ, ходитъ, смотритъ, говоритъ и даже одѣвается какъ свѣтская дѣвушка.

Невѣста Атуева, Людмила Григорьевна Клеверъ, была во всѣхъ отношеніяхъ дѣвица благообразная, благовоспитанная и благонравная. Глядя на нее, мнѣ почему-то казалось что за нее непремѣнно посватается или генералъ, или статскій секретарь, или племянникъ какого-нибудь министра, и что рано или поздно, а ужь быть ей высокопревосходительною. Могъ ли я даже вообразить, что она выйдетъ замужъ за Атуева! Вотъ какъ все на свѣтѣ обманчиво, и какъ мы легко ошибаемся.

Людмилѣ Григорьевнѣ былъ уже двадцать четвертый годъ и она казалась выдержанною, серіозною и даже скрытною дѣвушкой. Стройная, блѣдная, съ золотистыми искорками въ большихъ карихъ глазахъ, внимательно строгихъ и задумчивыхъ, она на столько же способна была внушать страсти, на сколько и гасить ихъ своимъ немного сухимъ, постоянно сдержаннымъ обращеніемъ. Какая-то мягкость и даже доброта, разлитая по всему ея лицу, не исключала того серіознаго выраженія которое сразу говорило вамъ: „я не глупа, со мной не шутите,“ и когда она смѣялась, это былъ дурной знакъ, это значило что въ васъ, въ вашихъ рѣчахъ, манерѣ, тонѣ голоса, Людмила Григорьевна подмѣтила что-то такое смѣшное, чего вы сами въ себѣ никакъ не замѣтите, будете думать, думать, чему это она смѣялась, и только покраснѣете съ досады. Она не была явною насмѣшницей, но это-то и бѣсило многихъ; не она, ея глаза, ея губы казались насмѣшливы, и на сколько вамъ пріятно было съ ней бесѣдовать, когда она была холодна и спокойна, то-есть не казалась ни слишкомъ любезною, ни слишкомъ веселою, на столько становилось жутко, когда она глядѣла вамъ въ глаза и ловила каждый звукъ вашего голоса. Въ эти минуты какъ-то не вѣрилось ея веселости. „Это не даромъ она такъ смѣется, думали молодые франты; это не даромъ, о! знаемъ мы.“

А что̀ знаемъ? въ этомъ никто изъ этихъ щекотливо-самолюбивыхъ юношей, которые за ней ухаживали, не могъ бы отдать себѣ никакого отчета, ни малѣйшаго.

Покойная мать ея была женщина очень добрая, но пустая и апатическая. За то отецъ, тайный совѣтникъ Григорій Ивановичъ Клеверъ, былъ человѣкъ для своего времени замѣчательный. Онъ, сынъ какого-то оптика изъ Риги, самъ пробилъ себѣ дорогу, завелъ связи, и къ 60 лѣтамъ очутился на высокихъ ступеняхъ административно-бюрократической лѣстницы, съ двумя звѣздами на груди, и не безъ нѣкотораго вліянія на своего министра, бывшаго своего ученика (въ ранней молодости онъ давалъ ему уроки нѣмецкаго языка и математики). Гордъ онъ былъ и заносчивъ ужасно, но былъ и справедливъ; умѣлъ давать щелчки по носу тѣмъ кто старался плѣнить его своею угодливостью, или, по его собственному выраженію, хвостомъ вилялъ, и награждалъ скромныхъ, едва замѣтныхъ тружениковъ своей канцеляріи: рѣдкій изъ нихъ подъ его начальствомъ не получалъ къ праздникамъ наградныхъ денегъ, и его любили. Только что стала подрастать дочь его, онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ сестру свою Клару Ивановну, въ то время классную даму въ какомъ-то институтѣ, и поручилъ ей воспитаніе своей дочери. „Пожалуста только не слушай моей дражайшей половины, не балуй ея; моя дражайшая половина ничего въ воспитаніи не смыслитъ, довольно съ нея и того что я ее въ генеральши вывелъ“.... И Клара Ивановна ревностно принялась за воспитаніе своей племянницы; она благоговѣла предъ своимъ братомъ и на церемонной ногѣ стояла въ отношеніи къ женѣ его, которую не любила за то что, по ея мнѣнію, она не довольно цѣнитъ великій умъ Григорія Ивановича и не гордится его высокимъ положеніемъ. На попеченіи матери оставался другой ребенокъ, Аркаша, родившійся спустя шесть лѣтъ послѣ старшей сестры своей. Онъ еще не минуетъ рукъ моихъ, думала Клара Ивановна, и исключительно посвящала себя воспитанію своей племянницы, какъ бы предчувствуя, что лѣтъ черезъ десять она замѣнитъ ей мать и отца, будетъ ея единственною матерью.

Григорій Ивановичъ жилъ на широкую ногу, проживалъ почти что все что̀ получалъ, тысячъ пятнадцать въ годъ, давалъ иногда обѣды, держалъ экипажъ, большую прислугу, и

надѣялся въ будущемъ не столько на пенсіонъ, сколько на аренду которая была ему обѣщена. Большая была у него квартира, и что̀ всего замѣчательнѣе, въ его передней была полка съ образами, и предъ каждымъ праздникомъ горѣла предъ ними лампада и восковыя свѣчи. Будучи самъ лютеранином̀ъ, онъ строго слѣдилъ за тѣмъ чтобы люди его соблюдали посты и ходили на исповѣдь. По службѣ онъ покровительствовалъ Нѣмцамъ, внѣ службы казался Русскимъ съ головы до пятъ; дома даже не говорилъ по-нѣмецки, даже иногда слово „Нѣмецъ“ въ ругательномъ смыслѣ употреблять любилъ.

На 60 году потерялъ онъ жену свою; на 67 году, при перемѣнѣ министра, Григорій Ивановичъ получилъ какой-то афронтъ по службѣ, погорячился и подалъ просьбу объ отставкѣ въ надеждѣ что ея не примутъ; но враги восторжествовали, Клеверъ былъ отставленъ. Это потрясло его; онъ не могъ уже жить безъ того чтобы курьеры не стояли у него въ передней, чтобы министры не подавали ему руки, чтобы подчиненные не расписывались у него въ Новый Годъ; жить безъ подчиненныхъ для него значило не жить. Вмѣсто аренды дали ему при отставкѣ владимірскую звѣзду и 2.000 пенсіи. Взятокъ онъ не бралъ и очутился въ довольно стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ этой несчастной для него отставки, онъ заболѣлъ и умеръ.

Тетушка Клара Ивановна наняла небольшую квартирку, сократила расходы, но не бросила свѣта. Когда Людмилѣ стукнуло 18 лѣтъ, она стала иногда вывозить ее на балы и принимать визиты молодыхъ людей, увлекавшихся глазками Людмилы Григорьевны.

Замѣчательно, что до двадцать лѣтъ Людмила Григорьевна многимъ вскружила голову, много выслушала признаній, но никто еще ни разу не просилъ у ней руки ея. Когда Атуевъ встрѣтился съ ней въ Англійскомъ магазинѣ и проводилъ ее съ лѣстницы на улицу, она подумала: „ну, если и *этотъ* не посватается, значитъ я никогда не выйду замужъ.“

Не приди ей въ голову эта мысль, быть-можетъ, Атуевъ не получилъ бы такъ скоро ея согласія. Атуевъ же, какъ бы на зло всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, посватался за нее прежде чѣмъ признался ей въ любви своей; это также помогло ему. Признаніе въ любви она бы встрѣтила или холодно, или

насмѣшливо; она уже не разъ слыхала ихъ за мазуркой; но предложеніе она приняла не безъ тайнаго страха, не безъ волненія, не безъ краски въ лицѣ; но все-таки приняла, потому что Атуевъ не былъ противенъ, и потому что тетушка раскусила его на столько что подмѣтила въ немъ доброе сердце и нѣкоторую порядочность....

Дѣвушки вообще бываютъ двухъ сортовъ; однѣ любятъ не иначе какъ безумно, примѣшиваютъ къ любви своей романическія мечты и всевозможныя фантазіи, любятъ нерѣдко наперекоръ всѣмъ враждебнымъ ихъ чувству обстоятельствамъ; другія, напротивъ, начинаютъ любить только тогда, когда къ любви ихъ примѣшивается чувство долга. Людмила Григорьевна принадлежала къ разряду послѣднихъ. Атуевъ мой женихъ, подумала она, и полюбила Атуева. Очень можетъ быть, что въ его манерахъ, въ языкѣ той страсти, которой онъ уже не сдерживалъ когда бесѣдовалъ съ ней наединѣ, въ его презрѣніи къ разнымъ приличіямъ, въ его желаніи казаться и демократомъ, и передовымъ человѣкомъ, и замѣчательнымъ публицистомъ, было много смѣшнаго или забавнаго, но Людмила Григорьевна уже не улыбалась насмѣшливо, когда глядѣла ему прямо въ глаза или ловила каждый звукъ его голоса. Несмотря на все это, свадьба Атуева чуть-чуть было не разстроилась, и это было именно въ тотъ день, когда онъ былъ сердцемъ и бесѣдовалъ съ Тертіевымъ.

IX.

Однажды утромъ, послѣ завтрака, Людмила Григорьевна сидѣла въ гостиной у столика и что-то шила, низко наклонивъ надъ работой свою голову. Въ бѣлой, словно изъ слоновой кости выточенной рукѣ ея быстро мелькала игла; очеркъ стройной шеи уходилъ подъ ея кружевной воротничокъ и на груди замыкался коралловою брошкой. Профиль ея казался серіознѣе обыкновеннаго; изрѣдка ея рѣсницы тяжело, какъ бы нехотя, поднимались, и большіе глаза какъ-то особенно пристально поглядывали на Атуева. Атуевъ былъ въ ударѣ.

Въ той же комнатѣ, на ручкѣ кресель, около окна, сидѣлъ Аркаша, братъ его невѣсты, юноша 17 лѣтъ, готовящійся

поступить въ студенты, очень красивый, такъ же какъ и сестра его, на видъ весьма серіозный, въ сущности же очень вѣтреный и недалекій малый; отъ лоснящейся головы его пахло геліотропомъ; онъ поглядывалъ то въ окно на улицу, то на Атуева. Атуевъ уже цѣлый часъ какъ проповѣдывалъ.

— Смѣю думать, говорилъ онъ между прочимъ,—что свобода есть одно изъ первыхъ условій всякаго союза между мущиной и женщиной.

Людмила Григорьевна молча согласилась съ этою общеизвѣстною истиной.

— Кто же насъ можетъ заставить любить другъ друга, если мы какъ-нибудь, когда-нибудь, другъ друга разлюбимъ.

Людмила Григорьевна поглядѣла на своего жениха такъ, какъ будто чего-то испугалась; но это было одно мгновеніе; пальчики ея такъ же ровно и такъ же быстро передергивали иглу.

— А вы не допускаете ревности? спросилъ его будущій студентъ.

— А вы, молодой человѣкъ, вы ее допускаете?

— Я? я ничего не говорю!... не испыталъ еще....

— И вы никогда не должны ея испытывать; это унизительное, отвратительное чувство. Я не понимаю даже какъ могъ Шекспиръ отнестись къ нему такъ серіозно. Помните этого несчастнаго Отелло? Возмутительно! я бы никогда не позволилъ себѣ написать такую трагедію. Впрочемъ, во времена варварства возможны и такія сцены, и такія драмы. Въ наше время серіозные люди понимаютъ, что трагическій конецъ есть слѣдствіе предразсудковъ опутавшихъ нашу жизнь.

— Страсти не предразсудки, тихимъ голосомъ, и какъ бы запнувшись, замѣтила Людмила Григорьевна.

Атуевъ поправилъ очки, сложилъ кончики своихъ немного растопыренныхъ пальцевъ и продолжалъ.

— Я не противъ страстей данныхъ намъ самою природой, но противъ тѣхъ страстей которыя привила намъ ложная и искалѣчившая насъ цивилизація. Поглядите на животныхъ, ревнуютъ ли они когда-нибудь? Да-а-асъ! разумъ рѣшительно этого не допускаетъ. Если васъ не любитъ женщина, или измѣнила вамъ, никакая отелловская ревность не поможетъ.

— Гм, да! это правда, проговорилъ будущій студентъ, и сталъ опять въ окно глядѣть.

— Политическихъ страстей также нѣтъ у животныхъ, не поднимая глазъ, замѣтила Людмила Григорьевна.—Кажется

мнѣ, что и публицистовъ нѣтъ.... Впрочемъ, можетъ-быть, я ошибаюсь.

Атуевъ смутился, какъ будто кто-нибудь въ него выстрѣлилъ. Улыбнись только при этомъ Людмила Григорьевна, и ея слова поразили бы его окончательно; но она не улыбалась и продолжала работать.

Атуевъ уже собирался съ силами чтобъ отвѣчать и уже сморщилъ лобъ, какъ вошла горничная съ какимъ-то шитьемъ и подала его Людмилѣ Григорьевнѣ. Та поглядѣла на работу и стала учить ее: „ты это здѣсь промечи, а потомъ загни вотъ такъ, понимаешь? Нитки у тебя есть?“

— Есть еще.

— Какой номеръ?

Горничная сказала какой номеръ.

— Тотъ самый который я дала тебѣ?

— Тотъ самый.

— Ну, хорошо, ступай.

Горничная вышла.

Атуевъ пришелъ въ себя и началъ:

— Ваше возраженіе было очень мѣтко, но не попало въ цѣль. Политическія страсти также искусственны; будетъ время когда и ихъ не будетъ.

— А долгъ искусственъ? перебила его Людмила Григорьевна.

— Какой долгъ? долгъ власти, или долгъ покорности?... Вотъ вы умѣете шить лучше вашей горничной, и она васъ слушаетъ; я, положимъ, знаю химію лучше васъ, вы меня непремѣнно будетъ слушать, если вздумаете учиться, то-есть покоритесь моему знанію. Какой же тутъ долгъ? Кто кого въ чемъ слабѣе, тотъ тому и повинуется. Не правду ли я говорю, Аркаша?

Аркаша покачалъ ногой, и обернувшись къ Атуеву, проговорилъ:

— Разумѣется кто слабѣе....

— И все это очень просто, безъ всякихъ романическихъ бредней. Вы также дѣвушка положительная, реальная, не мечтательная дѣвушка.

— Будто ужь вы никогда ни о чемъ не мечтаете?

— Никогда, чуть было не сказалъ Атуевъ, но это уже и самому ему показалось слишкомъ реально. — Да, иногда, въ хорошемъ расположеніи духа, почему же и не помечтать!

Это даже полезно: мечты, это умственный моціонъ, и когда нѣтъ никакого дѣла, почему же не прогуляться; но это еще не значитъ быть поэтомъ или мечтателемъ.

— Вамъ, замѣтила Людмила Григорьевна,—нынче было какъ-то особенно пріятно мечтать о непостоянствѣ, воображать себя человѣкомъ непостояннымъ,—и ея губы въ первый разъ насмѣшливо улыбнулись.

— Вы думаете? Напротивъ, я былъ бы мечтателемъ, если-бы вообразилъ себя постояннымъ, но я не Германъ, а вы не Доротея; для буколической жизни мы не годимся. Теперь я васъ люблю и глубоко, искренно люблю, а буду ли любить васъ черезъ три, четыре года, не знаю. Я могу влюбиться, вы можете влюбиться, и если за это отвѣчать, такъ придется отвѣчать и за лихорадку, и за горячку, и за ревматизмъ; никто въ этомъ невиноватъ и виноватымъ быть не можетъ; по крайней мѣрѣ, я этой вины не допускаю. На этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны.

Людмила Григорьевна поблѣднѣла и перекусила нитку, но казалась совершенно спокойною.

Будущій студентъ взялъ свою шотландскую шапочку, провелъ рукой по волосамъ и вышелъ.

Атуевъ подсѣлъ къ своей невѣстѣ и замолчалъ. Кровь его прихлынула къ сердцу, и мозгъ потерялъ способность, повторяя чужія слова и мысли, поучать и спорить. Онъ сталъ любоваться красотой дѣвушки, наконецъ тихонько обнялъ ее и хотѣлъ поцѣловать.

Она уронила работу, обернула къ нему блѣдное лицо свое, и стала глядѣть ему въ глаза, какъ бы разглядывая или желая прочесть въ нихъ что-то не совсѣмъ ей понятное или загадочное. Въ расширенныхъ зрачкахъ ея свѣтилось недоумѣніе; къ щекамъ сталъ медленно приливать румянецъ.

Когда же наконецъ губы его прикоснулись къ щекѣ ея, она слегка подалась назадъ, что-то хотѣла ему сказать, но не сказала, только приподняла руку, какъ бы желая на этотъ разъ защитить себя отъ его страстной ласки.

Атуева огорчило это невольное движеніе.

— Вы меня не любите? спросилъ онъ робко, и сложа на груди руки, повѣсилъ голову.

Людмила Григорьевна продолжала молчать, только потупила рѣсницы и покраснѣла сильнѣе прежняго.

— Вы не хотите говорить, не хотите отвѣчать мнѣ?

— Я нынче не расположена говорить.... завтра....

— Да что съ вами? Вы меня пугаете.

— Ничего, дайте мнѣ подумать, приходите завтра....

— Въ которомъ часу?

— Когда хотите.... лучше вечеромъ, днемъ у меня работа, я спѣшу, и....

— И я вамъ мѣшаю.

— Нѣтъ, не то я хотѣла вамъ сказать, но.... нынче у меня голова болитъ.... Прощайте....

— Да, вы очень блѣдны, я такою никогда не видалъ васъ.

Ему показалось что руки ея дрожатъ. Онъ поцѣловалъ ихъ; потомъ, когда она встала и наклонила голову, поцѣловалъ ея волосы, и вышелъ со стѣсненнымъ сердцемъ, съ какимъ-то досаднымъ, неудовлетвореннымъ чувствомъ, вышелъ онъозлобленный на самого себя, на свое ненужное ораторство, на ея холодность, и направилъ шаги свои къ Тертіеву.... но мы уже слышали ихъ бесѣду.

X.

Тетушка Клара Ивановна, разъ рѣшившись выдать замужъ свою племянницу, уже не мѣшалась въ бесѣды жениха и невѣсты, знала что ея присутствіе будетъ ихъ стѣснять, и всякій разъ, когда приходилъ Атуевъ, удалялась въ свою комнату.

Съ остаткомъ легкихъ въ груди и изрѣдка покашливая, чахоточная и сухопарая, она не могла ни на минуту быть безъ дѣла, была еще бодра, но не теряла ни остроты глазъ, ни остроты своей памяти. И нельзя было не дивиться ея умѣнью, не прибѣгая ни къ баловству, ни къ ласкѣ, заслужить не только любовь, но и полнѣйшую довѣренность молодой дѣвушки; Людмила или Люля спокойно выносила воркотню ея и по-прежнему довѣряла ей все, не исключая даже тѣхъ признаній въ любви которыя ей приходилось когда-то выслушивать. Старая дѣва, къ счастію, была безъ всякихъ предубѣжденій противъ замужества и очень была рада видѣть Людмилу влюбленною въ своего жениха, хотя мысленно и удивлялась ей. „Ну ужь,“ думала она про себя, „наша сокровище!“

Въ это утро старуха не слыхала ихъ разговора; она

сидѣла въ креслахъ съ чулкомъ въ рукахъ, шевелила стальными спицами и въ то же время читала какую-то англійскую книгу, развернутую на ея колѣняхъ. Людмила Григорьевна, поссорившись съ женихомъ своимъ, просидѣла съ полчаса въ гостиной, глядя въ потолокъ и ничего не дѣлая, потомъ встала, пошла къ теткѣ, и постоявъ предъ ней, сказала:

— Знаете, ma tante, что я скажу вамъ?

— Что такое? спросила тетка, взбросивъ на нее маленькіе блестящіе глазки, которые многіе находили ядовитыми. Мигомъ поняли эти старые глазки, что племянница подошла къ ней не съ тѣмъ чтобы спросить ее какое надѣть платье, или пожаловаться ей что горничная прескверно выгладила рукавчики.

— Я ему откажу, чуть не шепотомъ сказала Людмила, потупясь, и глаза ея не знали куда имъ глядѣть: на тетушку, въ пустой уголъ, или себѣ подъ ноги.

— Что такъ? сухо отозвалась старуха.

— Да такъ; мы не сходимся въ образѣ мыслей. Онъ не признаетъ ни брака, ни долга, ни обязанностей, даже ревности не признаетъ.

— Ну, что еще? спросила старуха.

— И вообразите что еще говоритъ! Говоритъ что я, вышедши замужъ, могу влюбиться и любить кого мнѣ вздумается.

— Ну, а еще что?

— Да ужь, кажется, чего же больше!

При этомъ Людмила Григорьевна развела руки и еще ниже потупилась. На губахъ старухи появилась усмѣшка; руки съ чулкомъ опустились на книгу.

— И ты ему вѣришь? Эхъ, ты!... Да мало ли что онъ говоритъ, а ты ужь и уши развѣсила. Кажется, матушка, не въ заперти жила, а ума не нажила еще. Вонъ тотъ, который носъ-то откусилъ у жены своей, тотъ чай и не то еще городилъ своей невѣстѣ.

— Такъ какъ же вы думаете, ma tante? помолчавъ, спросила Людмила.

— Да нечего тутъ думать, матушка. Все вздоръ!... Ревности не признаетъ, а намедни какъ съ Сергѣемъ Сергѣичемъ вышла ты въ другую комнату, такъ покоробило его всего, точно на иголкахъ, усидѣть не могъ.

— Неужели? съ полуусмѣшкой проговорила Людмила, и

щеки ея покрылись румянцемъ. Точно отъ насмѣшливыхъ словъ старухи начали таять и распускаться всѣ ея страхи и недоумѣнія.

— Вздумала отказывать! продолжала старуха, откашлявшись въ платокъ.—Я дышу, мать моя, на ладанъ; не нынче, завтра Богу душу отдамъ, а она вздумала отказывать. На твоего вѣтренника брата я плохо надѣюсь; не скоро онъ наживетъ что-нибудь. Думаю, что еще и твое добро проживетъ. Тяжело тебѣ будетъ. Отъ прежняго родства мы отстали; въ свѣтѣ друзей не нажили; умри я, куда ты пойдешь? Къ дядюшкѣ что ли твоему, картежнику? Онъ и брата-то твоего въ конецъ испортитъ. Нашла поводъ отказывать. Влюбленъ въ тебя, и сама, небось, влюблена! Отъ тебя, матушка, зависитъ, чтобъ онъ, женившись на тебѣ, не разлюбилъ тебя. Ты не глупа; передѣлай его по-своему; всякаго мущину умная женщина передѣлать можетъ.

— Вы думаете, ma tante?

— Мущины краснобаи, говорятъ такъ, что подумаешь орелъ паритъ.... а ужь ты и струсила!... Въ ужасъ пришла!... Ну, откажи, это отъ твоей воли зависитъ.

И старуха подняла съ колѣнъ свой чулокъ и начала попрежнему, потряхивая тюлевымъ чепчикомъ, шевелить стальными спицами.

Людмила, помолчавъ съ полминуты, засмѣялась, и этотъ беззвучный смѣхъ принялъ на губахъ ея насмѣшливое выраженіе. Видно, это выраженіе по наслѣдству перешло къ ней отъ ея же тетушки.

— Знаете что, ma tante? Онъ просто хотѣлъ пощеголять предо мной своими новыми идеями и нарочно выбралъ такую минуту, когда братъ мой былъ. Захотѣлось выиграть въ его глазахъ.

— Давно бы такъ, мать моя, догадаться.

— Понимаю, хорошо же! весело заключила Людмила Григорьевна, и поцѣловавъ свою умную тетушку, воротилась на свое прежнее мѣсто въ маленькую гостиную и опять принялась за свою работу.

XI.

Людмила Григорьевна и тетушка ея, Клара Ивановна, рѣшили между собой не посылать свадебныхъ пригласительныхъ билетовъ, вопервыхъ, потому что многія такъ выходятъ замужъ, то-есть экспромптомъ, вовторыхъ, потому что партію эту обѣ онѣ не считали блистательною. Атуевъ не принадлежалъ къ тому петербургскому кружку въ которомъ вращалась иногда Людмила Григорьевна: онъ не былъ ни особенно богатъ, ни особенно извѣстенъ. Тетушка Клара Ивановна уже справлялась кой у кого насчетъ Атуевской знаменитости, оказалось что внѣ его кружка даже имени его никто не слыхалъ. Наконецъ, Людмила Григорьевна сама настолько знала свѣтъ, что не разчитывала на прежнія связи и на прежнее вниманіе, выходя замужъ за человѣка не только темнаго, но даже и не чиновнаго. Атуевъ на вопросъ тетушки: „гдѣ вы служите?“ отвѣчалъ: „я членъ Географическаго Общества.“ Наконецъ, выходя замужъ, Людмила Григорьевна не жалѣла о свѣтѣ, *ледяномъ и безпощадномъ*, какъ выразился Лермонтовъ. Она одного только желала, и желала отъ всей души: умнаго, дѣятельнаго мужа и безмятежнаго семейнаго счастія, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько возможно это счастіе. Атуевъ же до такой степени поколебалъ ея увѣренность въ прочность семейныхъ началъ, высказывая ей свои убѣжденія, что она нѣсколько разъ порывалась воротить ему данное слово и не была увѣрена состоится ли свадьба.

Совершенно по другимъ причинамъ, Атуевъ тоже никому не говорилъ что онъ женится. Законнымъ бракомъ онъ думалъ себя скомпрометтировать, уронить себя въ глазахъ тѣхъ юношей которые, по его собственному мнѣнію, привыкли вѣрить ему какъ оракулу; онъ боялся сплетень, предположеній, догадокъ и пр. и пр....

Никто не зналъ гдѣ онъ нанялъ квартиру и съ какимъ вкусомъ ее отдѣлалъ; но тайна всѣ-таки разгласилась, по винѣ самого Атуева. Дернулъ же его чортъ пойти къ редактору и попросить его быть посаженымъ папенькой. Редакторъ вытаращилъ глаза, разставилъ руки, отказался, на томъ основаніи что самъ былъ несчастливъ въ супружествѣ, и

сказалъ, усмѣхаясь, что не хочетъ, какъ человѣкъ несчастный, повліять на судьбу его. Атуевъ никакъ не могъ понять, отчего человѣкъ, у котораго такой роскошный кабинетъ, такой экипажъ, — несчастный! Онъ потупилъ глаза, извинился что такъ не кстати побезпокоилъ его своею просьбой, и редакторъ, какъ человѣкъ великодушный, снисходительно извинилъ его. Сходя съ лѣстницы, сконфуженный Атуевъ проговорилъ себѣ подъ носъ: „Ну, слава Богу, отказался! Еще, чего добраго, подумали бы что это подлость съ моей стороны, чортъ его возьми совсѣмъ!“

Но подумалъ ли Атуевъ о томъ, что небезызвѣстное редактору не можетъ оставаться тайной для редакціи, что у редакціи есть не мало родни и цѣлый легіонъ такихъ личностей обоего пола, которыя относятся къ ней какъ провинція къ столичному городу, или какъ губернскіе чиновники къ сплетнямъ губернаторши. Этого онъ не подумалъ и безконечно былъ удивленъ и озадаченъ, когда, въ назначенный день и часъ, выскочивъ изъ кареты и въ сопровожденіи посаженаго отца войдя въ церковь, гдѣ уже все было заранѣе готово чтобы повѣнчать его, онъ засталъ порядочную кучу народа, и въ этой кучѣ разглядѣлъ физіономіи своихъ пріятелей и пріятельницъ. Атуевъ смутился и мысленно проклялъ себя за то что, какъ нарочно, въ посаженые отцы себѣ пригласилъ дядю своей невѣсты, генерала со звѣздой, лентой, въ полной формѣ и даже съ генеральскою осанкой.

Дьячокъ зажигалъ свѣчи; пѣвчіе занимали правый клиросъ и откашливались; священникъ былъ въ алтарѣ; толпа шушукалась, и сотни глазъ глядѣли на Атуева, какъ будто въ этотъ день, въ этомъ фракѣ и въ этомъ бѣломъ галстукѣ, онъ уже не Атуевъ, а владѣтельный принцъ или японскій посланникъ.

Атуевъ узналъ и Дуню Сигареву, и дѣвицу Кудревичъ, и дѣвицу Младову, и г-жу Барабанову, и Петрова, и Сласова, и Нимаева. Тертіевъ былъ также тутъ и тотчасъ же позвалъ его въ алтарь къ священнику.

Атуеву почему-то казалось что дѣвицы и дамы глядятъ на него какъ-то особенно насмѣшливо, а юноши серіозно и какъ бы снисходительно. По выходѣ изъ алтаря, не безъ волненія прошелся онъ отъ налоя къ дверямъ, отъ дверей къ налою, пожимая руки своихъ знакомыхъ, и мелькомъ, какъ бы съ затаеннымъ страхомъ, оглядываясь на рядъ иконъ,

какъ будто очи святыхъ могли разглядѣть и понять въ душѣ его тотъ сумбуръ, въ которомъ никакой психологъ ничего бы понять не могъ. На видъ онъ былъ, конечно, не только спокоенъ, но даже улыбался, какъ бы говоря: „Пожалуста, глядите, какъ я надъ собой смѣюсь! Пожалуста, смѣйтесь", а между тѣмъ, была и такая минута, когда ему вдругъ почудилось что онъ пришелъ на свои собственныя похороны, и дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— Не правда ли, пожавъ плечами, сказалъ онъ одной дѣвицѣ:—не правда ли, все это какъ-то дико? Византію напоминаетъ. Плачу дань обществу, сказалъ онъ другому еще молодому малому, но уже съ лицомъ пожилаго профессора.

— Плати, братъ, плати! проворчалъ тотъ сквозь зубы.

— Видишь, генералъ.... это родственникъ мой дальній, навязался ко мнѣ въ посаженые; думалъ ли я что моя свадьба, не лучше иной купеческой, не обойдется безъ генеральской ленты? Вотъ оно что значитъ иронія-то дѣйствительности! кому-то на ухо поясналъ и оправдывался Атуевъ.

— Мы слышали, пролепетала ему одна гувернантка, дѣвица среднихъ лѣтъ, черноглазая, смуглая, со вздернутымъ носикомъ и подвижными бровками: — мы слышали что невѣста ваша аристократка.

— Фи! возразилъ Атуевъ: — за кого вы меня принимаете? Она такая же аристократка какъ и вы....

— Никогда, никогда не пойду я замужъ, прошелестила алыми губками воспитанница этой гувернантки, высокая голубоглазая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, въ гарибальдійской шапочкѣ набекрень и съ русыми, пушистыми локонами, спадающими на ея худенькія плечики.

— Никогда? спросилъ ее Атуевъ, какъ бы съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Никогда, повторила дѣвочка: — любовь не нуждается въ церемоніяхъ. И тонкій румянецъ разлился по ея блѣдному личику.

— Вашими бы устами да медъ пить, проговорилъ Атуевъ! и подумалъ: „Такъ же выйдешь, голубушка, замужъ, какъ и всѣ! Знаемъ мы васъ!"

Невѣста не заставила слишкомъ долго ожидать себя; послышался стукъ четвероместной кареты; настежь отворилась дверь, и въ сопровожденіи двухъ дамъ, мальчика съ образомъ и брата Аркаши, въ церковь вошла Людмила Григорьевна.

Съ замирающимъ сердцемъ, не то обрадованный, не то испуганный, женихъ пошелъ къ ней навстрѣчу; лакей, въ сѣрой ливреѣ съ красными кантами, снялъ съ нея бурнусъ; дамы поправили головной подвѣнечный уборъ ея. Атуевъ поклонился Аркашѣ; священникъ вышелъ изъ алтаря въ полномъ облаченіи; пѣвчіе грянули: *Гряди, гряди!* толпа раздвинулась и опять сдвинулась; невѣста поразила всѣхъ строгою красотой своею, стройностью стана, мертвенною блѣдностью и какимъ-то скромнымъ величіемъ.

Во время вѣнчанія никто такъ горячо не молился въ глубинѣ души своей, какъ самъ Атуевъ, тотъ самый Атуевъ который всѣхъ деистовъ называлъ метафизиками и свысока относился къ нимъ, какъ къ людямъ далеко не серіознымъ. Атуевъ въ это время суевѣрно трусилъ за свое невѣріе; на него вмѣстѣ съ ладаномъ повѣяли дѣтскія воспоминанія, предъ нимъ ожили забытыя отроческія впечатлѣнія, и какъ будто ожили темные лики святыхъ въ золотыхъ сіяніяхъ. Впрочемъ, онъ старался не поддаваться обаянію, и несмотря на свое настроеніе, явно желалъ казаться присутствующимъ равнодушною жертвой роковой необходимости, оглядывался, улыбался и кусалъ себѣ губы.

Когда подъ сводами раздались извѣстныя всѣмъ слова апостола: „жена да боится своего мужа“, легкій шепотъ пронесся въ толпѣ, особливо съ той стороны откуда выглядывали дамы и дѣвушки.

— Это что за рабство! шепнула одна.

— Вотъ еще какъ! пробормотала другая.

Гувернантка шепнула что-то на ухо своей воспитанницѣ, и та насмѣшливо улыбнулась. Невѣста покосилась на толпу и перекрестилась.

Наконецъ вѣнчаніе кончилось; Людмила Григорьевна пошла прикладываться къ образамъ. Атуевъ принималъ поздравленія и между прочимъ особенно крѣпко пожалъ руку Тертіеву. Къ чести присутствующихъ, Атуевъ не слыхалъ ни одного пошлаго комплимента своей суженой, ни одного упрека за то что онъ никого о своей свадьбѣ не увѣдомилъ, и никого не позвалъ, хотя онъ, какъ женихъ, былъ бы не прочь и отъ комплиментовъ, пріятныхъ для его самолюбія, и отъ упрековъ, на которые въ отвѣтъ и въ оправданіе уже и фразы были имъ приготовлены.

Наконецъ, конецъ. Атуевъ вздохнулъ свободнѣе; онъ уже

несся со своею молодою женой самъ-другъ въ каретѣ; пользуясь вечернимъ сумракомъ, обнималъ и цѣловалъ ее, клялся ей въ вѣчной, неизмѣнной любви, однимъ словомъ, опять превратился въ самаго пламеннаго поклонника красоты, и въ страстныхъ рѣчахъ его звучало много той поэзіи которая перестала быть въ модѣ у нашихъ реалистовъ, но которая никогда не была и не можетъ быть модой, точно такъ же какъ никогда не могутъ быть модой глаза, слухъ, красота или молодость.

XII.

Не знаю, достаточно ли было первыхъ главъ для того чтобы читатели составили себѣ кое-какое понятіе о моемъ маленькомъ героѣ Атуевѣ; впрочемъ, всякая глава должна выяснять его личныя качества; въ одномъ мѣстѣ прибавить свѣту, въ другомъ тѣни, ибо безъ удачнаго солнечнаго освѣщенія не можетъ рельефно выступить никакая фигура.

Жизнь Атуева перемѣнилась.

Не даромъ его посаженый папенька, генералъ, на другой день свадьбы, за обѣдомъ у Атуева, поднялъ бокалъ и произнесъ слѣдующій спичъ:

— Господа! нашего полку прибыло. Дай же Богъ чтобы сей новобранецъ оказался храбрымъ воиномъ, чтобы защищалъ свою крѣпость (при этомъ генералъ указалъ рукой на Людмилу Григорьевну) отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній, и желаю чтобы въ междуусобныхъ браняхъ мужъ, то-есть нашъ почтенный Николай Захарычъ, оставался побѣдителемъ. Ура!...

Атуеву, какъ и слѣдовало ожидать, рѣчь эта была не по вкусу. Тертіевъ же захохоталъ отъ всей души, выпилъ за здоровье генерала и сказалъ ему:

— Вы молодецъ, ваше превосходительство! Вы бы и въ парламентѣ лицомъ въ грязь не ударили.

И генералъ такъ былъ этимъ польщенъ, въ такомъ былъ ударѣ, что даже началъ либеральничать, что вовсе не шло ни къ его подкрашеннымъ усамъ, ни къ его осанкѣ.

Упоминаю объ этомъ только потому, чтобы наша краткая повѣсть о семейной жизни Атуева не осталась, такъ-сказать, безъ приличнаго предисловія.

Думалъ ли самъ Атуевъ что изъ него выйдетъ такой милый и нѣжный супругъ, и думала ли Людмила Григорьевна что она такая увлекающаяся женщина? Ледяная наружность ея вовсе этого не обѣщала.

„Ну вотъ, поди ты," думалъ про себя счастливый мужъ, „кто бы могъ ожидать! Суди теперь по дѣвицамъ что̀ изъ нихъ выйдетъ."

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать что это были медовые мѣсяцы.

Новая квартира Атуева приняла такой порядочный, такой комфортабельно-изящный видъ, что любо-дорого. Хозяйка умѣла управляться какъ съ собой, такъ и съ прислугой. Не бранясь, была взыскательна и умѣла острить надъ мужемъ, не оскорбляя его самолюбія. Все шло какъ по маслу. Къ довершенію благополучія Атуева, оказалось, сверхъ всякаго чаянія, что у Людмилы Григорьевны и деньги есть. Какъ видите, Атуевское безкорыстіе было увѣнчано неожиданною наградой, чего никакъ нельзя сказать вообще про всякое безкорыстіе.

Атуевъ сталъ однакоже разчетливѣе, и вообще новый образъ жизни не могъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не измѣнить его: напримѣръ, онъ, будучи холостымъ не чуждался пьяныхъ собесѣдниковъ, лишь бы эти собесѣдники были литераторы. Людямъ своей партіи онъ прощалъ всѣ еликовозможныя безобразія, и нерѣдко самъ съ ними пилъ или прикидывался пьянымъ. Теперь сталъ бояться ихъ, бояться какъ пьянаго гонору ихъ, такъ и ихъ свиста. Онъ зналъ что поссориться съ ними значитъ попасть въ каррикатуру, или на другой же день быть облаеннымъ. Какъ видите, положеніе было очень щекотливое. Прежнія его пріятельницы по-прежнему иногда заходили къ нему, но онъ принималъ ихъ у себя въ кабинетѣ и рекомендовалъ ихъ женѣ своей только въ такомъ случаѣ, когда это было неизбѣжно, то-есть когда Людмила Григорьевна сама въ это время входила къ нему въ комнату.

По субботамъ онъ не всѣхъ приглашалъ къ себѣ, но уже съ разборомъ. Литературные вечера его были порядочно скучны, одинъ Тертіевъ оживлялъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Тертіевъ спачала не понравился Людмилѣ Григорьевнѣ, но привыкнувъ къ его манерамъ и его крикливому голосу, она нашла въ немъ много хорошихъ качествъ, и не только

была любезна съ нимъ, но говорила мужу что изъ числа его пріятелей это самый благонадежный.

— Да чѣмъ же онъ тебѣ такъ нравится?

— Да онъ оригиналенъ и безъ натяжки оригиналенъ.

— Да онъ гордъ и самолюбивъ какъ чортъ.

— Ну что жъ! другіе это скрываютъ, а онъ не умѣетъ. Тетушка его не выноситъ, но я привыкла.

Атуевъ, повидимому, былъ очень доволенъ, что его аристократка (такъ иногда онъ называлъ жену свою) оцѣнила демократа, его стараго пріятеля, безпрестанно приглашалъ Тертіева и шутя увѣрялъ его что онъ, Богъ его знаетъ чѣмъ и какъ, плѣнилъ жену его.

Тертіевъ не любилъ семейныхъ домовъ, но заходилъ къ Атуеву довольно часто. Людмила Григорьевна умѣла поджигать его на споръ, а спорить было потребностью души его; онъ не могъ не спорить.

„Неужели," сталъ думать Атуевъ, „ей пріятно что онъ не щадитъ меня. Неужели ей весело что я иногда пасую предъ его ученостью? Ни одного моего знакомаго не оставилъ онъ въ покоѣ, всѣхъ разбираетъ по ниточкѣ и всѣхъ бранитъ. Она, привыкшая къ свѣтской сдержанности и къ гостинымъ разговорамъ, вдругъ находитъ что Тертіевъ милѣйшій человѣкъ! Милѣйшій! Что жъ въ немъ такого милаго! Энергическая, рѣзкая физіономія, вотъ что ей нравится.... Мнѣ же это вовсе не нравится," продолжалъ думать Атуевъ.

Но странно устроены иныя головы. Узнавъ разъ что жена его не читала романовъ Жоржъ-Занда, и что тетушка не давала ей читать ихъ, Атуевъ возмутился духомъ.

— Какъ! говорилъ онъ:—не читать Жоржъ-Занда! Да знаешь ли ты что нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ и даже дѣвицъ не только прочли давнымъ-давно, но и считаютъ ее уже отсталою женщиной, находятъ что Жоржъ-Зандъ все еще борется противъ такихъ вещей которыя давно уже утратили всякую силу и всякое значеніе въ современномъ образованномъ обществѣ.

— Пожалуй, я буду все читать, отвѣчала ему жена его, — все, потому что за себя не боюсь. Не книги для меня страшны или опасны, а люди....

И Атуевъ послѣднюю фразу понялъ по-своему.

„Она боится за свое сердце.... за свою страстность,"

подумалъ онъ. „Гм!... не книги опасны, а люди.... Кто же эти опасные люди? Ужь не Тертіевъ ли?...“

И жутко ему стало при мысли потерять сердце женщины, къ которой онъ съ каждымъ днемъ привязывался силою неодолимой страсти.

Иногда хотѣлось ему испытать ее, попробовать, будетъ ли ей грустно или хоть скучно, если онъ покажетъ видъ что онъ уже къ ней охладѣлъ и скучаетъ. Но чаще всего самъ грустилъ, воображая что жена его стала равнодушнѣе къ его любезностямъ.

Писать онъ не успѣвалъ, и часто труды его пропадали даромъ; но Атуевъ хотѣлъ взяться за какой-то большой трудъ и добывалъ себѣ книги, по его мнѣнію, необходимыя.

Жажда литературной славы томила его. Трудно утолить эту жажду безъ таланта и безъ учености. Но Атуевъ былъ увѣренъ что онъ не бездарнѣе другихъ, и что при знаніи языковъ ему ничего не стóитъ сдѣлаться великимъ критикомъ.

Атуевъ не замѣчалъ что въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ до сихъ поръ вращался, онъ уже падалъ, и что бывшія его поклонницы въ эту зиму уже на другихъ перенесли свои надежды и свои помыслы, и такъ между собой толковали про Атуева: „Знаться съ Атуевымъ еще можно, онъ нашего поля ягода, только жена его дрянь. Ну, да намъ съ ней не кашу варить, а онъ все-таки добрый малый!“

Добрый малый! Что̀ можетъ быть хуже, обиднѣе этого прозвища въ такое время, когда желчь для человѣка чуть ли не дороже золота, когда вражда, презрѣніе и ненависть стали для него единственными силами достойными любви и поклоненія.

Одна только Сигарева, та самая которая не захотѣла даромъ жить на квартирѣ Атуева и оставила ему на столѣ записку, только она еще вѣрила уму и перу Атуева, но и та, вообразивъ себѣ что Атуевъ женился на деньгахъ, потеряла къ его личности прежнее довѣріе. Навѣщая его, она насмѣшливо оглядывала его кабинетъ и все допрашивала скоро ли онъ станетъ издавать журналъ и не закажетъ ли онъ ей какого-нибудь перевода. Только это въ ея глазахъ и могло оправдать женитьбу Атуева.

Атуевъ лгалъ ей, говоря что журналъ будетъ, что это его мечта и единственная цѣль, при этомъ излагалъ ей

планъ своего будущаго изданія, и Сигарева мирилась съ Атуевымъ.

Сигарева воображала что Атуевъ былъ втайнѣ неравнодушенъ къ ней (было время, онъ и за ней ухаживалъ), и что не будь она къ нему такъ холодна, Атуевъ никогда бы не женился на какой-то Клеверъ.

Атуевъ, какъ нарочно, бесѣдуя съ нею, казался задумчивымъ и говорилъ не разъ что онъ не можетъ быть счастливъ, потому что тяготится *мѣщанскимъ счастіемъ*.

Вскорѣ послѣ его женитьбы дѣвица Сигарева, будучи еще въ какой-то женской переплетной, поссорилась съ ея учредительницей, которая будто бы не доплатила ей сорока восьми копѣекъ и будто бы имѣетъ явное намѣреніе все прибрать къ своимъ рукамъ, тогда какъ мастерская эта вовсе не ея собственность, а основана на новыхъ началахъ, именно на началахъ свободнаго труда и ассоціаціи. Сигарева требовала суда и расправы. Атуевъ взялся быть ея адвокатомъ, ѣздилъ, разбиралъ это дѣло, мирилъ враждующихъ, одну упрашивалъ не лишать себя работы, другую не лишать себя труженицы, но какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни старался, труженица бросила переплетную.

Теперь она готовилась въ акушерки, и тутъ Атуевъ по мѣрѣ силъ своихъ старался ей быть полезнымъ.

Атуевъ также воображалъ что эта бѣдная дѣвушка неравнодушна къ нему, и отъ всей души жалѣлъ ее.

Между Атуевымъ и Сигаревою одно было общее: оба они не столько жили, сколько сочиняли, выдумывали жизнь свою. За симъ—ничего общаго. Въ Атуевѣ лежала закваска и религіозныхъ вѣрованій, и поэтическихъ образовъ, и романтическихъ мечтаній; въ Сигаревой ничего этого не было; она искренно не понимала ни одного лирическаго стихотворенія, ни одной драмы основанной на страстяхъ, и всѣ романы, за исключеніемъ *Что дѣлать*, считала пустяками и вздоромъ не стоящимъ вниманія. Атуевъ былъ постоянно добрый малый и злымъ только прикидывался, во что бы то ни стало старался злиться. Сигарева была иногда добра до самоотверженія, иногда зла до нелѣпости; вся она состояла изъ порывовъ и любила только крайности. Атуевъ, по своему образованію и начитанности, могъ бы и теперь еще быть учителемъ Сигаревой, и несмотря на это, въ головѣ его была порядочная каша его новѣйшія теоріи постоянно расхо-

дились или враждовали съ его наклонностями, привычками и задушевными цѣлями. Сигарева чему разъ повѣрила, такъ съ тѣмъ и осталась; въ ней не было ни притворства, ни горькихъ сомнѣній или колебаній, но жизнь ея была пуста и въ высшей степени безалаберна. Честная до щепетильности, она была самолюбива, обидчива и ни съ кѣмъ не уживалась, особливо съ женщинами. Житейскаго такта или благоразумія не было въ ней ни на каплю. Нанимая комнатку въ одномъ корридорѣ со студентами, она съ ними не церемонилась, и нерѣдко, сидя въ одной юпкѣ и нечесаная, принимала ихъ къ себѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на тотъ безпорядокъ который царствовалъ въ ея комнатѣ; но никто изъ этихъ молодыхъ людей не смѣлъ быть съ нею дерзокъ, особливо съ тѣхъ поръ какъ она за одинъ неожиданный поцѣлуй отплатила совершенно неожиданною оплеухой. Это была краснощекая, свѣжая блондинка, съ голубыми глазами, крупными губами и вздернутымъ носикомъ, сильная и здоровая.

Носились слухи что она еще ребенкомъ въ какомъ-то губернскомъ пансіонѣ прослыла неукротимою и потомъ ушла отъ своихъ родителей. Слухи эти были не безъ основанія Мать ея, вдова и помѣщица Т—ой губерніи, безвыѣздно живетъ въ деревнѣ; кромѣ Дуни, то-есть Авдотьи Ивановны Сигаревой, у ней на рукахъ цѣлая куча дѣтей, четыре дѣвочки и четыре мальчика. Домъ этой барыни, если только заглянуть за кулисы ея семейной жизни, верхъ безпорядка и хаоса невообразимаго. Никто не знаетъ своего мѣста, своего угла, своего дѣла. Гувернантки ссорятся съ няньками; няньки лѣтомъ по ночамъ вылѣзаютъ изъ окошекъ и уходятъ къ своимъ любовникамъ. По утрамъ, когда происходитъ умыванье, иныя дѣти умываются на заднемъ крыльцѣ, иныя въ корридорѣ, иныя вовсе не хотятъ умываться, убѣгаютъ въ садъ и ихъ тамъ ловятъ по приказанію барыни. Сама барыня женщина чувствительная, любитъ иногда выпить лишнюю рюмочку, и тогда, при дурномъ расположеніи духа, всѣмъ достается. Пинки и крики раздаются по всему дому, и въ этотъ-то хаосъ воротилась изъ пансіона семнадцатилѣтняя Дуня. Началось съ того что она запретила матери бить сестеръ, возникла борьба, борьба тяжелая и подчасъ возмутительная. Богъ знаетъ чѣмъ бы она кончилась, еслибы мать Дуни была постоянно въ одномъ и томъ же

настроеніи духа; но этого не было; иногда она затихала, удалялась въ свои комнаты, молилась, тосковала, и по цѣлымъ недѣлямъ то равнодушно глядѣла на дѣтей своихъ, что бы они ни дѣлали, то баловала ихъ. Такъ прошелъ годъ. Неукротимая дочка стала деспотомъ, и въ то время проповѣдывала полное неповиновеніе: при матери строго говорила своимъ сестрамъ и братьямъ: „не слушайтесь!“ Мать вступалась за свои права; поднимался споръ, упреки и жалобы. Наконецъ Дуня стала требовать своихъ бумагъ и проситься вонъ изъ дому; мысль своимъ собственнымъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба давно уже гнѣздилась въ головѣ ея. „Хуже вамъ будетъ“, говорила она матери, „если я сама уйду; пропадать такъ пропадать!“ Мать наконецъ сказала ей: „съ Богомъ! я не держу, иди на всѣ четыре стороны“,—но прощаясь съ ней, залилась слезами и приказала своему управляющему достать ей на дорогу денегъ. Управляющій принесъ триста рублей, и эти деньги безалаберно-добрая мать положила потихоньку въ чемоданъ своей дочери. Она уже считала ее навсегда погибшею. Съ этимъ чемоданомъ Дуня прибыла въ Питеръ, и по слѣдамъ Сусловой думала было поступить въ Медицинскую Академію, но ей доказали, что, вопервыхъ, для этого она нисколько не подготовлена, а вовторыхъ, сообщили ей слухи что для женщинъ двери Академіи будутъ заперты.

Сдѣлавшись петербургскою современною дѣвушкой, много испытала она всякихъ напастей, но все выносила и все къ чему-то стремилась. Съ необычайною энергіей бралась она то за то, то за другое дѣло; но у ней не хватало то знанія, то терпѣнія и способности подчиниться людямъ знающимъ и терпѣливымъ. Въ своемъ кружкѣ, разумѣется, Сигарева слыла отъявленною нигилисткой.

XIII.

Людмила Григорьевна прежде всего старалась быть со всѣми любезною. Она была любезна и съ Авдотьей Ивановной Сигаревой, когда та приходила къ ея мужу; но не могла не замѣтить что эта гостья поглядываетъ на нее изподлобья или ограничивается ничего не поясняющими отвѣтами. „Что ей до меня за дѣло?“ думала про себя Дуня. „Ей, кажется, не угодно говорить со мной,“ думала про себя Людмила

Григорьевна и удалялась въ другія комнаты, предоставляя своему мужу бесѣдовать съ этою несговорчивою дѣвушкой. Однимъ словомъ, не нашлось между ними мѣстечка удобнаго для симпатіи, и антипатія не замедлила занять его.

Однажды утромъ, предъ завтракомъ, Людмила Григорьевна, зная уже что мужъ ея хлопочетъ достать для Сигаревой какой-то анатомическій атласъ, была въ кабинетѣ и между прочимъ стала увѣрять своего мужа что изъ Сигаревой ничего путнаго не выйдетъ, что экзамена она не выдержитъ, а если и выдержитъ, то все же не быть ей акушеркой.

— Судя по всему тому что я про нее знаю, говорила Людмила Григорьевна,—нѣтъ у ней ни постоянства въ прилежаніи, ни настойчивости, ни терпѣнья. И что это ей вздумалось въ акушерки? Не къ лицу ей это.

— Надо же что-нибудь дѣлать, возражалъ Атуевъ. — Найдется по душѣ работа, найдется и терпѣнье.

— Никогда не найдется....

— Ты въ этомъ увѣрена!

И Атуевъ черезъ очки поглядѣлъ на жену свою съ оттѣнкомъ ироническаго неудовольствія. Ему показалось что она потому только говоритъ такъ о Сигаревой, что онъ ей покровительствуетъ и о ней заботится. „Женщины этого не любятъ," подумалъ Атуевъ.

— Да она груба и какъ одѣвается! Можно и въ ситцевомъ платьѣ ходить, да не такъ; пуговки оторванной пришить на себѣ не хочетъ. Спрашиваю тебя: должна ли акушерка на больныхъ производить тяжелое впечатлѣніе? Уходъ за больными требуетъ ласковости и аккуратности, а у ней смятые воротнички, руки исцарапаны, точно она съ кошками дралась! Нѣтъ, не нравится мнѣ твоя Сигарева.

— Напротивъ, мнѣ это-то именно въ ней и нравится. Вонъ Тертіевъ....

— Что Тертіевъ?

— Тотъ также мало заботится о своей внѣшности, что же ты на него не нападаешь?

— Какое мнѣ дѣло на кого-нибудь нападать? разсердившись, проговорила Людмила Григорьевна.—Нападать! Развѣ я нападала когда-нибудь на твою Сигареву?

— Ну, не сердись! Голубушка моя, милая моя, не сердись!

И Атуевъ притянулъ ее къ себѣ, обнялъ и сталъ

цѣловать. „Ревнуетъ, значитъ любитъ меня,“ подумалъ счастливый мужъ, осыпая жену нѣжными именами и поцѣлуями.

Вдругъ изъ передней шумно отворилась дверь, и въ кабинетъ влетѣла Сигарева. Отъ нея еще вѣяло уличнымъ холодомъ, на шеѣ мотался вязаный шарфикъ, щеки горѣли. Влетѣвъ, она остановилась какъ вкопаная, и пораженная любовною сценой, судя по выраженію ея глазъ, казалась не столько сконфуженною, сколько сильно испуганною. Людмила Григорьевна, вспыхнувъ, отскочила отъ своего супруга и строгимъ взглядомъ встрѣтила незваную гостью, неожиданную нарушительницу ихъ семейнаго благополучія.

— Извините! сказала дѣвушка:—я уйду....

Атуевъ готовъ былъ провалиться, такъ ему было досадно.

— Какъ это вы вошли? спросилъ онъ.

— Очень просто, дверь съ лѣстницы не была заперта.

— Не заперта? Люля, поди узнай что̀ такое? Можетъ ли это быть?

— Иначе я не могла бы войти, возразила Сигарева,—дверь была не только не заперта, но на цѣлый вершокъ отворена. Пожалуста, не вините меня....

Людмила Григорьевна, не говоря ни слова, вышла вонъ. Чрезъ минуту звонкій, разгнѣванный голосокъ ея уже раздавался въ корридорѣ, она кликала мальчика и дѣлала выговоры своей служанкѣ.

Атуевъ сидѣлъ съ глупою миной, повѣсивъ голову. Сигарева стянула съ себя шарфикъ и нахмурилась.

— И вы, сказала она,—вы позволяете вашей женѣ бранить людей, тогда какъ они такіе же люди какъ и вы, какъ и всякая барыня, а можетъ-быть, даже и лучше....

Атуевъ обидѣлся.

— Еслибы, сказалъ онъ,—вы наняли меня для того чтобъ я запиралъ вашу дверь и берегъ ваши вещи, надѣюсь, вы были бы въ правѣ взыскивать съ меня, еслибъ я за ваши же деньги да не исполнялъ своей обязанности....

— То-то и есть, приподнявъ указательный пальчикъ и глядя изподлобья, сказала дѣвушка,—еслибъ я васъ нанимала, вы бы не пошли служить ко мнѣ, потому что вы аристократъ, бѣлоручка, трутень, живущій чужими трудами и заѣдающій чужой хлѣбъ, не гражданинъ человѣчества, не передовой человѣкъ, а просто.... буржуа и филистеръ.

Атуевъ былъ уязвленъ.

— Ну вотъ!... То аристократъ, то буржуа, сами не знаете что̀ городите и къ чему вы все это приплетаете, Господь васъ вѣдаетъ! Гражданство и незапертая дверь, что̀ тутъ общаго?... Ну, калоши бы ваши, бурнусъ бы вашъ украли.... ну что̀ тутъ хорошаго?

— И пусть бы украли.... А знаете вы знаете что̀ сдѣлалъ Туркинъ, когда человѣкъ обокралъ его?

— Не знаю-съ; ни о какомъ Туркинѣ не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— А! вы не знаете! такъ я вамъ скажу. Вотъ что̀ сдѣлалъ Туркинъ: онъ позвалъ этого человѣка и сказалъ ему: „прости что я довелъ тебя до воровства....“

— А! такъ онъ самъ его довелъ?...

— Не перебивайте, слушайте! Позвалъ человѣка и сказалъ ему: „Владѣй моимъ украденнымъ пальто и моимъ жилетомъ, но оставайся у меня, и если ты судьбой обиженъ, требуй чтобъ я прибавилъ тебѣ жалованья.“ Вотъ это человѣкъ!

— Просто дуракъ какой-то; и кто вамъ это разказывалъ? Такъ это все невѣроятно! Послѣ этого, если вы меня обокрадете, я же долженъ буду на колѣнкахъ предъ вами извиненія просить.

— Да.... да!... вспыхнула Сигарева и глаза ея заискрились:— на колѣнкахъ предо мной, если вы меня доведете до такой низости!... Но какъ вы смѣете думать что это возможно?

— Помилуйте! возразилъ Атуевъ, покраснѣвъ до ушей и приподнявъ плечи:—я ничего не думаю, у меня и въ мысляхъ не было обидѣть васъ.... Я просто не понимаю васъ.

— Э, да что̀ мнѣ съ вами толковать! Прощайте!... Моя нога у васъ не будетъ!

Съ этимъ словомъ она повернулась къ дверямъ, встряхнула головой и вышла.

Атуевъ какъ сидѣлъ на стулѣ такъ и остался сидѣть, разогорченный до послѣдней степени. Онъ почувствовалъ что терялъ свою единственную поклонницу, онъ струсилъ что она разгласитъ о немъ какъ о буржуа, какъ о человѣкѣ который съ новыми идеями не имѣетъ ничего общаго.

XIV.

Почему-то до самаго обѣда и мужъ, и жена были не въ духѣ: оттого ли что на дворѣ была оттепель, на небѣ сѣро, на улицахъ сыро и въ комнатахъ тускло, или оттого

что появленіе Сигаревой расхолодило ихъ. Цѣлый день они о ней говорили и спорили.

— Я это понимаю, между прочимъ говорилъ Атуевъ,—это.... это понятно.... она оттого и городила такой вздоръ, что когда увидѣла насъ, кровь бросилась ей въ голову. Стало завидно....

— А что, развѣ она влюблена въ тебя? спросила Людмила Григорьевна.

— Кажется, есть тотъ грѣшокъ.

Каріе глаза супруги съ особеннымъ блескомъ остановились на лицѣ его.

— Ты, кажется, очень радъ что по тебѣ страдаютъ, проговорила она, и улыбнулась.

Погруженное въ сумерки тусклое лицо ея въ эту минуту напомнило Атуеву улыбающіяся губы ея чахоточной тетушки.

— Не радъ; но не гнать же мнѣ было ее за это.

— Мнѣ было бы особенно интересно поглядѣть, хоть въ щелочку, какъ это ты съ ней наединѣ любезничаешь?

Атуевъ пожалъ плечами и взялся за какую-то книгу.

— Какъ это ты разсыпаешься въ подобныхъ случаяхъ? Очень бы хотѣлось поглядѣть, продолжала шутить Людмила Григорьевна, и глаза ея уже зловѣще весело поглядѣли на Атуева.

Въ этотъ день за обѣдомъ разговоръ также не клеился. Людмила Григорьевна на французскомъ языкѣ высказывала неудовольствіе.

— Петя лучше всѣхъ, заключила она,—спасибо Тертіеву что онъ намъ рекомендовалъ его, мальчикъ услужливый.

— А дверей не запираетъ, замѣтилъ мужъ.

— Его не было дома, Степанида должна была запереть за нимъ дверь и забыла; у ней въ головѣ вѣтеръ ходитъ.

— А куда ходилъ мальчикъ?

— Я посылала его къ тетушкѣ.

— А!... вѣчно эта тетушка!... Ты бы могъ, обратился онъ къ мальчику уже по-русски,—ты бы могъ съ задняго крыльца уйти.

— Да куфарка на рынокъ пошла, куфню заперла.... ключъ съ собой въ карманъ взяла, я пробовалъ.... пробовалъ—не отворается, пошелъ черезъ парадную.

— А сказалъ ты Степанидѣ чтобъ она за тобой дверь замкнула?

— Сказалъ-съ, неувѣреннымъ голосомъ и глядя растерянными глазами, отвѣчалъ мальчикъ.

— Вздоръ! Вздоръ! отозвалась Степанида, ставя на столъ бутылку краснаго вина. — Ничего ты мнѣ не сказывалъ, я тебя и не видала.

Начался споръ и взаимныя обвиненія; Людмила Григорьевна приказала имъ замолчать.

Затѣмъ оказалось что красное вино, только что третьяго дня откупоренное, уже скислось, и что безъ воды его пить нельзя. Точно съ утра Сигарева принесла прозу и унесла съ собой всю поэзію ихъ брачной жизни. Отъ разговоровъ, отъ стола, отъ погоды, отъ прислуги и отъ всего несло чѣмъ-то мелко-будничнымъ, пошло-обыденнымъ; этого они сами не замѣчали, но чувствовали что имъ скучно, и что къ занятіямъ никакой охоты нѣтъ. Вечеромъ къ чаю явился Тертіевъ, хозяйка ему обрадовалась. Атуевъ, повидимому, также обрадовался, но послѣ чаю тотчасъ увелъ его къ себѣ въ кабинетъ

Тертіевъ, закуривая сигару, признался что онъ вотъ уже двѣ недѣли какъ ходитъ въ магазинъ къ одному оптику и волочится тамъ за однимъ микроскопомъ....

— Торгуюсь, говоритъ Тертіевъ, какъ Жидъ торгуюсь—не уступаетъ. Сто восемьдесятъ рублей крайняя цѣна, а гдѣ я ихъ возьму. Хотѣлъ ему платить помѣсячно, не хочетъ, кредита не имѣю....

— А тебѣ очень нуженъ этотъ микроскопъ?

— А разумѣется...

Тертіевъ началъ развивать планы своихъ занятій. Скоро разговоръ съ медицины перешелъ на политику. Тертіевъ говорилъ много и говорилъ съ жаромъ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи. Атуевъ почувствовалъ что въ дверь молча вошла жена его, молча сѣла въ уголокъ и стала ихъ слушать. Тертіевъ долго не замѣчалъ ея присутствія, но какъ-то оглянулся и увидалъ ее, чрезъ минуту онъ опять оглянулся, и на лицѣ его выразилось что-то похожее на промелькнувшее удивленіе. Атуевъ какъ разъ замѣтилъ это движеніе на лицѣ своего пріятеля, тихонько обернулъ свою голову, и опершись на локоть, сквозь пальцы, сталъ глядѣть въ уголъ. Изъ угла сіяли глаза Людмилы Григорьевны

Большіе, горящіе какимъ-то неподвижнымъ, планетнымъ блескомъ были устремлены они на говорящаго Тертіева. Въ ихъ, казалось, было что-то страстное и что-то благоговѣйно-

робкое. Сердце Атуева болѣзненно сжалось. „Такъ смотрѣть," подумалъ Атуевъ, „это или верхъ неприличія, или верхъ кокетства, или верхъ страсти!"

Ни того, ни другаго, ни третьяго не могъ онъ даже вообразить себѣ, и потому все это разомъ какъ-то рѣзко пришло ему въ голову.

Никогда еще Людмила Григорьевна не сидѣла въ его кабинетѣ такъ поздно и такъ долго. Былъ уже второй часъ, когда Тертіевъ взялся за шапку, и пожавъ руку уже разсѣянному Атуеву, вышелъ въ переднюю.

За нимъ, не прямо изъ кабинета, а черезъ залъ, вышла Людмила Григорьевна.

Атуевъ весь превратился въ слухъ и притаилъ дыханіе. Тертіевъ надѣвалъ шинель и калоши, и Атуевъ никакъ не могъ разслышать что̀ такое говоритъ ему на прощанье Людмила Григорьевна, говоритъ такъ тихо и такъ проворно, какъ будто съ умысломъ чтобы никто не могъ понять ее.

Онъ уже хотѣлъ подкрасться къ двери, но скрипъ его же собственныхъ сапоговъ испугалъ его.

— Къ какой стати ты сама пошла его провожать? не утерпѣлъ онъ и пробормоталъ съ досадой женѣ своей, встрѣтившись съ ней на порогѣ спальной.

— А что̀! наивно-удивленнымъ голосомъ, простодушно возразила жена.—Я пошла узнать есть ли кому посвѣтить или подать шинель. Всѣ спятъ.

— И тебѣ бы давно спать пора.

— Э! еще будетъ время! Да и почему я должна спать, а ты не спать... вотъ еще новости!

Атуевъ потушилъ лампу, вздохнулъ и пошелъ раздѣваться.

„Посмотримъ, будетъ ли онъ ревновать ко мнѣ," подумала Людмила Григорьевна....

XV.

„Меня легко надувать, женщины всегда меня всю жизнь надували! Такая моя судьба," думалъ Атуевъ, и мало-помалу сталъ ревновать жену. Ему стало казаться что Тертіевъ иногда въ ея присутствіи съ умысломъ не щадитъ его, съ умысломъ щеголяетъ своею діалектикой и совѣтуетъ ему, Атуеву, повнимательнѣе перечитать кой-какіе труды европейскихъ ученыхъ и литераторовъ. Атуевъ какъ будто

забылъ что Тертіевъ всегда былъ таковъ, тайная досада грызла его завистливую душу. „Понимаю, братъ, что все это значитъ!“ говорилъ онъ про себя, когда Тертіевъ пускался въ разсужденія предъ женой его, и когда та изподтишка, какъ бы нехотя, и какъ бы не замѣчая мужа, бросала на него пламенные взгляды, по крайней мѣрѣ такими именно, сквозь ревнивыя очки, казались они глазамъ Атуева.

Всего вѣрнѣе что милой Людмилѣ Григорьевнѣ хотѣлось помучить своего благовѣрнаго. И если это такъ, то цѣль ея была достигнута. Атуевъ уже воображалъ что она влюблена въ его пріятеля и страдалъ.

— Отчего ты не хотѣлъ нынче завтракать? спросила его однажды Людмила Григорьевна.

— Такъ, у меня аппетита нѣтъ.

— Гдѣ ты вчера былъ вечеромъ? Опять гдѣ-нибудь ѣлъ слоеные пирожки, тебѣ вредно слоеное, ты самъ это знаешь, и....

— Да нѣтъ! Какіе слоеные пирожки? Откуда вдругъ вечеромъ слоеные?!

— Ну, такъ что-нибудь копченое?

Атуевъ поморщился и выразилъ на лицѣ своемъ досаду.

— Если я мѣшаю тебѣ, я уйду....

— Да нѣтъ же! Ты нисколько мнѣ не мѣшаешь. Только откуда ты взяла копченое? Придетъ же въ голову фантазія. Я просто чай пилъ у Тамариныхъ, хорошіе люди, заѣхалъ къ нимъ и засидѣлся. А что? Вчера безъ меня никто у насъ не былъ?

— Заходилъ Тертіевъ.

Атуеву показалось что жена его запнулась при словѣ „Тертіевъ“, не вдругъ произнесла эту фамилію.

— Заходилъ? Почему же онъ не остался, не подождалъ меня?

— Не знаю, спроси его, я не спрашивала.

— Чудесный человѣкъ этотъ Тертіевъ! Люблю его, работящій, честный, правдивый....

— Что это ты вздумалъ вдругъ такъ хвалить его?

— А развѣ тебѣ непріятно что я хвалю его?

— А!

— Что: а? Ну, чему ты смѣешься?

— Ты не ревнуешь ли?

— Я?! Вотъ еще новости! Ревновать! Избави Богъ. Надѣюсь

что ты, какъ честная женщина, сама мнѣ прямо скажешь что разлюбила меня и полюбила другаго. А? Не правда ли?

— А если это тебя огорчитъ, оскорбитъ!

— Все же лучше знать чѣмъ быть обманутымъ.

— Ну, не бойся, не бойся; я не обману тебя, полусеріозно пробормотала ему въ отвѣтъ Людмила Григорьевна.

— Люля! Если.... если Тертіевъ или кто-нибудь, какъ-нибудь затронетъ твое сердце.... Я.... клянусь тебѣ, я ни слова не скажу тебѣ, съ жаромъ въ лицѣ проговорилъ Атуевъ.

— Не бойся, не бойся, Тертіевъ и не думаетъ.

— А ты желала бы чтобъ онъ о тебѣ думалъ? игривымъ голосомъ подхватилъ Атуевъ.

— Отчего жъ бы и не желать? Это пріятно, когда о насъ думаютъ, отвѣчала жена тономъ деревенской дурочки.

— А, такъ ты кокетка?

— Немножко, отвѣчала она жалобно, какъ бы признаваясь и въ то же время нисколько не боясь своего признанія.

— Вотъ ужь ничего нѣтъ хуже кокетства, горячо подхватилъ Атуевъ.—Я этого не ожидалъ, право, не ожидалъ! Кокетство, да это извращенное честолюбіе.... Не любить и желать быть любимой, что можетъ-быть этого хуже, преступнѣе? По какому праву мы, оставаясь лично спокойными, посягаемъ на спокойствіе другихъ?

И Атуевъ, глядя на нее изъ-подъ очковъ, даже вопросительно ротъ раскрылъ.

— А ты, мой Атуличка!... Ты никогда не кокетничалъ? И даже съ Сигаревой не кокетничалъ? А? припавъ къ плечу его, проговорила жена, и обѣими руками ласково провела по щекамъ его. Она была въ шаловливомъ настроеніи духа.

— Никогда! Ей-Богу, никогда! перебилъ Атуевъ.—Впрочемъ, въ субботу придетъ Тертіевъ, и если ты считаешь его умнѣе меня, ну да, если, по-твоему, онъ умнѣе меня, спроси его, признаетъ ли онъ кокетство, допускаетъ ли его въ порядочной женщинѣ? Вообще, что онъ объ этомъ думаетъ.

— Право, кажется, ты меня къ нему ревнуешь, улыбаясь и погладывая на него изъ-коса, лепетала Людмила Григорьевна.

— Ну, нѣтъ же, я тебѣ говорю....

— Честное слово?

— Честное слово что не ревную.

Людмила Григорьевна весело поцѣловала своего супруга въ лобъ и вышла.

Атуевъ остался одинъ предъ кабинетнымъ столомъ своимъ, передвинулъ чернильницу и хотѣлъ писать, но поднялъ перо, уперъ глаза въ стѣну и подумалъ: „Однакоже она не возражала мнѣ, когда я сказалъ ей: ты считаешь Тертіева умнѣе меня. Гмъ! Не хочетъ, чтобъ я ревновалъ — о женщины!“

XVI.

Пришла суббота; вечеромъ, къ десяти часамъ, у Атуева собрались гости. Мущины курили, спорили и разсаживались въ кабинетѣ со стаканами чаю. Три какія-то дамы и рѣдкая гостья, тетушка Клара Ивановна, находились въ столовой, гдѣ кипѣлъ самоваръ. Людмила Григорьевна разливала чай. Мальчикъ разносилъ, уносилъ и обратно приходилъ съ подносомъ. Дамы были одѣты не безъ претензій на моду, хозяйка была весела и любезна.

Атуевъ былъ въ духѣ; въ средѣ его гостей были двѣ или даже три литературныя знаменитости; былъ одинъ романистъ, одинъ юмористъ и одинъ преисполненный гражданской скорби поэтъ; всѣ они придерживались одного и того же направленія, но участвовали въ разныхъ журналахъ и потому другъ на друга косились. Впрочемъ, все было очень прилично и комфортабельно: по угламъ велись сдержанные разговоры, у каждаго на умѣ было его послѣднее произведеніе, и каждый очень тонко допытывался, извѣстно ли оно прочимъ членамъ общества, и что о немъ думаютъ.

Дамы послѣ чаю отправились въ уборную, маленькую комнатку возлѣ спальной ниши, меланхолически озаренную китайскимъ фонарикомъ. Но голоса мущинъ и туда долетали, особливо голосъ Тертіева.

— Что вы мнѣ говорите, кричалъ онъ.—„Еслибы!“ это все равно еслибъ я сказалъ: а что еслибъ у лошади да копытъ не было, или: а что еслибы Волга да въ Неву текла. Куда годится ваше: „еслибы“? Я знать его не хочу, потому что на немъ я вамъ что хотите построю, куда хотите поѣду. Европа на три вѣка стоитъ впереди насъ, это фактъ; ну, о фактѣ и разсуждайте.—Ему что-то возражали.—Пустяки! пустяки! гремѣлъ вновь Тертіевъ, и многіе рѣшили что это пренесносный господинъ, не столько всякаго переспоритъ, сколько перекричитъ.

Тетушка Клара Ивановна издали затыкала себѣ уши и спрашивала хозяйку: „неужели онъ, мать моя, всегда такъ оретъ.“

Дамы смѣялись.

— Пожалуста, милая, скорѣй вели имъ ужинать дать, заключила тетушка,—авось поѣдятъ, поѣдятъ да и разъѣдутся.

За ужиномъ точно говорили какъ будто тише: присутствіе ли дамъ, или усталость, или вкусныя блюда были тому причиной.

Тертіевъ сѣлъ около хозяйки, лобъ его лоснился, волосы ерошились, губы улыбались; онъ выпилъ стаканъ краснаго вина и былъ расположенъ къ любезности.

Вдругъ посреди говора, стука ножей и вилокъ, возвысился голосъ самого Атуева.

— А что, братъ, Тертіевъ, какъ ты думаешь вообще о кокетствѣ? Слѣдуетъ ли женщинѣ быть кокеткой?

— А какъ же! Ха-ха-ха! Какъ же, разумѣется, слѣдуетъ, заголосилъ Тертіевъ, и сталъ доказывать что женщина безъ кокетства никуда не годится, выѣденнаго яйца не стоитъ.

Что Атуевъ не забылъ спросить объ этомъ у Тертіева, это одно уже было подозрительно: значитъ, разговору съ женой своей онъ придавалъ особенное значеніе и былъ убѣжденъ что Тертіевъ будетъ на его сторонѣ, то-есть, разразится противъ кокетства и станетъ карать его. Онъ даже помнилъ, какъ однажды, въ разговорѣ съ нимъ, Тертіевъ высказывалъ діаметрально противоположное мнѣніе, чуть ли не съ грязью мѣшалъ всякую женщину, которая бы вздумала съ нимъ кокетничать. Никакъ, никоимъ образомъ не ожидалъ Атуевъ со стороны Тертіева такой выходки. Онъ видѣлъ какъ жена его улыбнулась и даже покраснѣла отъ удовольствія.

„Ужь не сговорились ли“, подумалъ онъ, ошеломленный краснорѣчіемъ своего пріятеля, и возмутился духомъ отъ такого предположенія.

Послѣ ужина, часу въ четвертомъ, проводивъ гостей, Атуевъ сказалъ женѣ что у него отъ табачнаго дыму голова кружится.

— Зачѣмъ же ты сидишь въ кабинетѣ, здѣсь такой дымъ что ужасъ! Отвори форточки.

— Да, твоя правда, сказалъ онъ, и перешелъ въ ея уборную.

„Гмъ! Не можетъ быть чтобъ онъ напередъ не зналъ что я спрошу его“, думалъ Атуевъ, сдергивая съ шеи галстукъ

доклада; разумѣется, досадно. Въ другихъ домахъ швейцаръ докладываетъ лакею, лакей камердинеру и уже потомъ....

— Да вы бы хоть въ дверь постучались. Посудите сами, я могъ въ эту минуту одѣваться, мало ли что?

— Кажется, въ двѣнадцать часовъ быть раздѣтымъ вы не имѣете обыкновенія, не въ этомъ дѣло, дѣло въ томъ что жена ваша терпѣть меня не можетъ, ну, да мнѣ, конечно, отъ этого ни тепло, ни холодно. Вотъ я сейчасъ ее только встрѣтила. Вы, пожалуста, скажите ей что это я вовсе не ей кланялась, а Тертіеву. Такъ и скажите.

У Атуева заныло сердце, и онъ спросилъ ее гдѣ она встрѣтила жену его.

— Да вотъ, около кондитерской Вольфа; я прохожу, Тертіевъ узналъ меня и поклонился. Разумѣется, я также поклонилась.

— Когда же это вы ихъ встрѣтили? Быть-можетъ, это была не жена моя.

— Я еще, слава Богу, не ослѣпла. Она и „здравствуйте“ мнѣ не говоритъ, когда я прихожу къ вамъ, а я, по-вашему, должна ей кланяться. До чего вы избаловались, какъ я погляжу на васъ!

— Прощайте, мнѣ некогда, пролепеталъ Атуевъ.

— Ну, сердитесь, чортъ возьми, а я подчиняться вамъ не намѣрена.... Прощайте!...

Но Атуева уже не было, онъ какъ на крыльяхъ вѣтра шелъ вверхъ по Невскому.

Догадалась ли эта дѣвушка, поглядѣвъ вслѣдъ за нимъ своими сердитыми глазками, догадалась ли какую бурю подняла она въ душѣ этого человѣка? едва ли. Слова ея были безъ всякаго злаго умысла; она не подозрѣвала въ Атуевѣ ни ревности, ни даже страстной любви къ женѣ своей. Въ человѣческихъ страстяхъ она такъ же мало смыслила какъ и въ китайской грамотѣ. Быстрое исчезновеніе Атуева она поняла по-своему: „Разсердился гордячка! подумала она:—а вѣдь самъ глупъ, даромъ что идеи проповѣдуетъ, жена его дура, и онъ дуракъ!“

Поздно вечеромъ воротился Атуевъ домой. Гдѣ онъ ходилъ и куда заходилъ, Господь его вѣдаетъ.

— Ты нынче опять не въ духѣ, сказала ему Людмила Григорьевна.

— Да все дѣла, все непріятности, проворчалъ мужъ.

— Какія дѣла? Какія непріятности. А?

Атуевъ молчалъ, локтемъ опершись на столъ и ладонью подпирая голову.

— Развѣ я не должна знать твоихъ дѣлъ? Непріятности! Какія же это, а? Мнѣ кажется, я, какъ жена твоя, обязана раздѣлять съ тобой все, и дурное, и хорошее.

— Ну, нынѣшнія жены! Богъ ужъ съ ними! вполголоса, какъ бы сквозь зубы, процѣдилъ Атуевъ.

Людмила Григорьевна потупила голову и опустила рѣсницы.

— Ты меня обижаешь.

„Я же ее обижаю!“ подумалъ Атуевъ.

Съ минуту продолжалось обоюдное молчаніе, наконецъ Людмила Григорьевна откинула назадъ свою голову и стала глядѣть на него, какъ бы стараясь разгадать выраженіе лица его.

— У меня также есть одна непріятность, проговорила она, не спуская съ него задумчивыхъ глазъ.

— Какая?

— Не твое дѣло, отвѣчала она, поднялась съ кресель и поспѣшно вышла.

У Атуева сжалось сердце. „Неужели и это притворство?“ подумалъ онъ. „Боже мой! Боже мой!“

И съ четверть часа просидѣлъ онъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, потомъ прошелся по кабинету, отворилъ дверь, и сквозь темноту наполнявшую комнаты увидѣлъ свѣтъ въ видѣ ярко-тонкой линіи, обозначавшій дверь въ спальную. Шаркая туфлями, онъ подошелъ къ спальной и постучался.

— Кто тамъ? Войди! послышался голосъ Людмилы Григорьевны, и шорохъ упавшихъ на полъ юпокъ далъ ему знать что она раздѣвается.

Онъ вошелъ и сѣлъ на маленькую кушетку; свѣча горѣвшая на туалетѣ освѣтила разстроенное лицо его.

— Я тебя обидѣлъ, Люля? началъ Атуевъ.

— Чѣмъ ты меня обидѣлъ? холодно спросила его жена, стоя предъ зеркаломъ и накидывая ночную кофточку на свои обнаженныя, круглыя плечи.

— А тѣмъ что я не сказалъ тебѣ какая была со мною непріятность.

— Видно, не нужно мнѣ сказывать, оттого ты и не сказалъ, тѣмъ же тономъ отвѣчала она, снимая шиньйонъ, изъ-подъ котораго двѣ темныя косы, какъ двѣ замореныя змѣи, тяжело упали ей на спину.

Атуевъ поглядѣлъ на нее влюбленными глазами: хороша была она, усталая и въ то же время сердитая.

— Я тебя такъ люблю, такъ люблю, началъ онъ,—къ чему же мнѣ тревожить тебя всякимъ вздоромъ. Все это вздоръ что̀ я хотѣлъ сказать тебѣ; мнѣ досадно что всякая глупость на меня дѣйствуетъ. Вотъ что̀ было, слушай и смѣйся, если только ты въ самомъ дѣлѣ на меня не сердишься.

— Слушаю.

— Встрѣтилась со мной эта дура Сигарева, и право, я чуть не прибилъ ея.... вообрази, Люля, въ претензіи на тебя, зачѣмъ ты ей поклонилась.

— Ну да, ну что̀ жь! Отчего же ей не кланяться, когда она кланяется.

Да она не тебѣ поклонилась.

— Кому же? Тертіеву? а развѣ она его знаетъ?

— Именно Тертіеву, и эдакая дура! Я, говоритъ, поклонилась Тертіеву, а она, то-есть ты, это на свой счетъ приняла. Ну, какъ же не досадно! Такая дѣвушка, которой я все что̀ только могъ, все что̀ только отъ меня зависѣло.... и вотъ она чѣмъ платитъ!

Чуткій слухъ жены разомъ подсказалъ ей, что ея благовѣрный не совсѣмъ-то съ ней искренекъ.

— Какой вздоръ! можетъ ли это быть?

— Ты мнѣ не вѣришь?

— Можетъ ли это быть чтобы такая глупость могла тебя разстроить, что у тебя могутъ быть такія непріятности?

— Больше никакихъ, ну, право, больше никакихъ непріятностей. Сама ты видишь что это вздоръ: но мнѣ было досадно.

Людмила Григорьевна высвободила изъ его рукъ свою руку, прежде чѣмъ онъ успѣлъ поцѣловать ее, и прошлась по комнатѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Или ты это выдумалъ.... начала она. — Ты все еще разстроенъ, я это вижу.... или тебѣ просто непріятно было съ ней поссориться, сознайся.

— Ну да, конечно, это непріятно.

— Тебѣ это больно, до смерти больно, и она указатель-

нымъ пальцемъ правой руки постучала по указательному пальцу лѣвой.—Ты просто не равнодушенъ къ ней. Вѣдь ты не даромъ же предоставилъ себѣ полное право влюбляться....

— Развѣ я одному себѣ предоставилъ это право? съ досадой проговорилъ Атуевъ. — Я и тебя не могу лишить этого права, не могу.... ну, что̀ дѣлать? не могу.... договорилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— А! Такъ это правда? это правда? и Людмила Григорьевна, поблѣднѣвъ, остановилась посреди своего будуара, посреди разбросанныхъ принадлежностей ея дневнаго туалета. Глаза ея заискрились, и вслѣдъ за этимъ строгимъ блескомъ показалась улыбка злая, саркастическая, невыносимая.

— Какъ! вдругъ вскрикнулъ Атуевъ, какъ бы очнувшись:— ты думаешь что я влюбленъ въ нее? въ нее!! Я?! что̀ ты, Люля? Я еще не сошелъ съ ума...

— Нѣтъ, ты не равнодушенъ къ ней. Признайся.

— Люля, умоляю тебя, не терзай меня, я не только не люблю, не только не влюбленъ, я просто ее ненавижу. Какъ ты могла это подумать? Ты.... Нѣтъ, ты этого не думаешь. Ты такъ нарочно мнѣ говоришь, тебѣ хочется, самой хочется чтобъ я въ кого-нибудь влюбился, во-о-о-тъ что̀!

И Атуевъ съ отчаяніемъ поглядывалъ на жену свою. Онъ никакъ понять не могъ этой незаслуженной ревности и огорчился, мало того, обидѣлся. Разговоръ ихъ въ этомъ тонѣ продолжался довольно долго, до двухъ, или трехъ часовъ ночи: оба они легли спать не увѣренные другъ въ другѣ, но на половину примиренные и другъ другомъ утѣшенные. Несмотря на то что Атуевъ не сознался женѣ что онъ ревновалъ ее къ Тертіеву, жена догадалась наконецъ что, можетъ-быть, Тертіевъ во всемъ этомъ играетъ не послѣднюю роль; по крайней мѣрѣ она объяснила мужу что была у тетки, которая сильно заболѣла, лежитъ въ постели и проситъ каждое утро навѣщать ее, потомъ пошла въ Англійскій магазинъ покупать шелкъ и на Невскомъ совершенно нечаянно встрѣтилась съ Тертіевымъ, что она виновата, забыла передать ему поклонъ его и сожалѣніе что они давно не видались.

— Какое мнѣ дѣло что ты встрѣтилась съ Тертіевымъ или съ кѣмъ-нибудь, мало ли у тебя знакомыхъ: я тебѣ вѣрю и не ревную къ тебѣ; а ты мнѣ не вѣришь и ревнуешь: нашла

къ кому приревновать, къ Сигаревой! сокрушенно жаловался Атуевъ, погружая свой носъ въ подушки и уже засыпая.

Что обоимъ имъ снилось въ эту ночь? какая дребедень? Не знаю.

XVIII.

Такія-то непріятности или, лучше сказать, недоразумѣнія начались между супругами, и это на третій мѣсяцъ ихъ супружества. Отчего такъ скоро? Не вѣроятнѣе ли было бы, еслибъ авторъ этого разказа далъ имъ годика три-четыре пожить безъ такихъ недоразумѣній. Нѣтъ, ревнивые, наклонные по своей натурѣ къ ревности мужья, по большей части, ревнуютъ женъ своихъ въ первые мѣсяцы, иногда даже въ первые дни ихъ брачной жизни, и напротивъ, нерѣдко позднѣе чувство это засыпаетъ, по мѣрѣ разъ возникшаго довѣрія, по мѣрѣ успокоенія удовлетворенной страсти и начинающихся заботъ о дѣтяхъ, по мѣрѣ скуки наводимой иногда однообразіемъ семейной жизни, и наконецъ по мѣрѣ увяданія тѣхъ прелестей, которыя въ подругахъ жизни ихъ казались имъ когда-то соблазнительными для всякаго, одареннаго зрѣніемъ, вкусомъ и иными общечеловѣческими свойствами.

Атуевъ ревновалъ, потому что страстно любилъ жену свою и боялся за непрочность своего счастія; любовныя похожденія его сластолюбивой юности воспитали въ немъ недовѣріе къ женщинамъ, и это недовѣріе развилось въ немъ въ пугливую подозрительность, стало быть, ничего тутъ нѣтъ невѣроятнаго.

А между тѣмъ тетушка Клара Ивановна была дѣйствительно плоха: она лежала въ постелѣ и, по большей части одинокая, по цѣлымъ днямъ и ночамъ шептала молитвы и ожидала смерти. Иногда только изъ-подъ байковаго одѣяла протягивалась тощая, желтая какъ воскъ рука ея, и звонила въ колокольчикъ: приходила горничная, давала ей лѣкарство, поправляла ей подушки, или выслушивала ея приказанія: „сотри пыль, подай мнѣ чистый носовой платокъ, дай мнѣ сюда с-де-колону, подними сторы,“ и тому подобное.

Жалко было смотрѣть на это существо, въ жизни просыпавшее злымъ и завистливымъ, а въ старости доброе и самоотверженное.

Одна только Людмила Григорьевна навѣщала свою тетушку чуть ли не каждый день; но ни разу не говорила ей о своихъ домашнихъ спорахъ и маленькихъ перепалкахъ съ мужемъ; наперед знала она что тетушка или перетревожится, или рѣзко осудитъ ее, убѣжденная что мущины съ колыбели до гроба дѣти, съ которыми надо только умѣючи вести себя, и что Атуевъ болѣе чѣмъ кто-либо ребенокъ, не ладить съ которымъ одной только дурѣ было бы простительно.

Разъ Атуевъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и писалъ. Да извинятъ меня читатели, если я умолчу о заглавіи статей его: чего добраго, иной начнетъ изъ любопытства ихъ разыскивать, прочтетъ и увидитъ умъ Атуева въ полномъ блескѣ: зачѣмъ же мнѣ безъ всякой нужды ослѣплять моихъ читателей. Статьи забыты, и самъ Атуевъ не помнитъ многаго изъ того что произвело въ то время ретивое перо его. Итакъ онъ писалъ.... вдругъ поднялъ голову и поглядѣлъ на Аркашу, брата жены своей, который, полулежа на диванѣ, читалъ какую-то французскую книжку. Атуевъ вынулъ часы и поглядѣлъ. Былъ третій часъ...

— Не знаешь ты, жена воротилась? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Аркаша,—кажется, еще нѣтъ.

— Ты нынче былъ у тетушки?

— Вчера былъ.

— Въ которомъ часу?

Да такъ, около обѣда.... Не помню въ которомъ часу.

Ну, что она?

— Плоха.

— Жаль ее бѣдную, чего добраго, не встанетъ.

— Да, умирать ей не хочется.

— Что это сестра твоя, пошла въ десять часовъ и хотѣла къ двумъ домой непремѣнно быть. Пропала.

— Не знаю отчего она пропала, лѣниво, сонным голосомъ протянулъ Аркаша. Когда онъ долго что-нибудь читалъ, ему всегда отчего-то дремалось.

Атуевъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ свою шубу, вышелъ и крикнулъ извощика. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ на Конюшенной, предъ дверями тетушки. Позвонилъ. Вышла горничная.

— Здѣсь жена моя?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Была она здѣсь? спросилъ онъ, уже входя въ переднюю.

— Была-съ, да ужь съ полчаса, или больше никакъ, уѣхала-съ.

Атуевъ потупился.

Въ эту минуту изъ спальной тетушки долетѣлъ до передней звонъ ея колокольчика. Горничная побѣжала къ ней.

— Кто тамъ? докторъ? спросила больная.

— Нѣтъ-съ. Николай Захаровичъ.

— Попроси его подождать въ гостиной. Люля сейчасъ пріѣдетъ. Охъ! подай мнѣ.... кхе!... кхе-кхе!... Гдѣ мой платокъ, да подними стору.... темно....

Воротившись въ переднюю, горничная уже не застала Атуева; заглянула на лѣстницу; но уже и на лѣстницѣ его не было; она заперла за нимъ дверь и торопливо воротилась въ свою комнату.

XIX.

На Конюшенной, не доходя Невскаго, Атуева окружила цѣлая толпа извощиковъ.

— Ваше сіятельство, кричалъ одинъ, возмите четверомѣстную, попросторнѣй будетъ.

— Господинъ купецъ! Вотъ, пожалуйте, пожалуйте! Лошади, карета первый сортъ.

— А куда вашей милости? спрашивала его одна борода, мигая глазами и приподнимая шапку.

— Мнѣ по часамъ... Сколько за часъ?

— А до котораго часу, вашей милости.

— Ну, до пяти часовъ?

— Ну, положите четыре рублика...

— Три, и.... и на водку.

— Э! садитесь!

— Да что вы, баринъ, куда садитесь-то, одры лошади-то, глядите, не довезутъ, вотъ, сюда пожалуйте, сюда.

И Атуева манили, чуть не тащили въ разныя стороны.

Онъ отворилъ дверцы рекомендованной ему кареты, поглядѣлъ есть ли въ окнахъ занавѣски и опускаются ли стекла, потомъ сѣлъ и велѣлъ ѣхать.

— Куда прикажете?

— На Ивановскую, пошелъ...

Извощикъ взнуздалъ лошадей, вскарабкался на козлы, и карета двинулась. На поворотѣ въ Ивановскую улицу Атуевъ спустилъ передовое стекло и крикнулъ:

— Эй! какъ тебя? Поѣзжай тише, и когда я скажу тебѣ: стой! остановись налѣво поближе къ тротуару, и не трогайся съ мѣста пока я не скажу тебѣ, прибавлю рубль на водку, слышишь, рубль прибавлю, только слушай! Если тебя будутъ нанимать, скажи что карета занята, или нѣтъ, скажи что баринъ велѣлъ дожидаться, или.... слушай! впрочемъ, нѣтъ, ступай!

Карета шагомъ двинулась по Ивановской.

Проѣхавъ домъ гдѣ квартировалъ Тертіевъ, Атуевъ велѣлъ остановиться; карета взяла влѣво и остановилась предъ какими-то воротами.

Опустивъ занавѣску съ лѣвой стороны, Атуевъ пересѣлъ и въ раскрытое окно изподтишка сталъ смотрѣть направо. Въ шести или семи саженяхъ отъ него виднѣлся тотъ подъѣздъ который велъ въ квартиру его пріятеля. Сердце Атуева болѣзненно сжалось, глаза его остановились на двухъ окошкахъ, по его разчету несомнѣнно озаряющихъ ту комнату, воздухъ которой отравляетъ своимъ дыханіемъ Тертіевъ. Мысль что, быть-можетъ, тамъ въ эту минуту жена его—молоткомъ била его въ голову, пульсъ его бился сильнѣе обыкновеннаго и, казалось, подъ мѣховою шапкой отдавался въ вискахъ его...

Принявъ такой наблюдательный постъ, Атуевъ весь превратился въ то вниманіе, которое по силѣ своей равнялось развѣ его страсти и его ревности,—въ то сосредоточенное, напряженное вниманіе, которое, истомивъ глаза и слухъ, долго продолжаться едва ли можетъ, по крайней мѣрѣ требуетъ необычайнаго терпѣнія.

Прошло полчаса. На ступенькѣ подъ навѣсомъ появилась какая-то дѣвочка въ синемъ дырявомъ полушубкѣ, пріостановилась на порогѣ и прислонилась къ стѣнкѣ. Дѣвочка эта показалась ему подозрительною,—чѣмъ-то въ родѣ шпіона, высланнаго освидѣтельствовать улицу; но постояла она недолго и скрылась.

— Гей, карета! крикнулъ кто-то съ тротуара:—что ты тутъ стоишь. А?

— Велѣно стоять, ну, и стою, проворчалъ извощикъ.

— Не мѣсто тебѣ тутъ стоять, загорланилъ дворникъ;—чортъ ты эдакій! не видишь,—вор ота. Загородилъ дорогу.... Двигай! двигай! говорятъ тебѣ, ч-о-о-ортъ!

— Да что ты ругаешься-то, лѣшій.... Ну!...

И карета, къ ужасу Атуева, двинулась, проѣхала еще сажени три впередъ и остановилась около забора. Не моему перу изобразить ту бѣшеную досаду, которая въ эту минуту заклокотала въ груди Атуева. Вопервыхъ, это движеніе кареты могло развлечь, могло помѣшать его наблюдательному вниманію; вовторыхъ быстро надвигались сумерки, пошелъ снѣгъ; стало-быть, чѣмъ дальше стояла карета, тѣмъ труднѣе было для него напрягать свое зрѣніе,—онъ же былъ близорукъ. „Чортъ возьми,“ ворчалъ Атуевъ.

Слишкомъ часъ, безконечно долгій часъ для Атуева, стояла карета. Атуевъ все еще глядѣлъ, хотя уже далеко не съ такимъ вниманіемъ. Наступила ночь, или, вѣрнѣе, тотъ часъ когда зажигаютъ фонари, то-есть около половины четвертаго. Атуевъ дышалъ уже легче и свободнѣе, ему уже становилось немножко стыдно. Дуракъ я, дуракъ, какую штуку выкинулъ! Что если узнаютъ? Можетъ ли это быть?.. Изъ какихъ благъ бросилъ четыре рубля; даромъ, ни за что бросилъ! Да еще въ добавокъ ноги озябли, чего добраго, флюсъ или жабу схвачу... Такъ самъ съ собой разговаривалъ Атуевъ, продолжая поглядывать на подъѣздъ; онъ уже намѣревался расплатиться съ извощикомъ, зайти погрѣться къ Тертіеву и, быть-можетъ, лично удостовѣрившись въ своей собственной глупости, пригласить его къ себѣ обѣдать. Вдругъ Атуевъ вытаращилъ глаза и чуть не упалъ въ обморокъ: съ подъѣзда сошла какая-то дама, закутанная въ темный башлыкъ; средній ростъ, медленная походка—вся фигура жены его. Помутилось въ глазахъ Атуева, сердце забило тревогу, онъ высунулъ въ окошко голову и сталъ напряженно смотрѣть въ слѣдъ за удаляющеюся тѣнью, наконецъ протянулъ руку изъ окна наружу, уцѣпился за холодную мѣдную ручку и сталъ вертѣть ее, толкая въ каретную дверь коленками; дверка не отворялась; изо всѣхъ силъ онъ ударилъ въ нее и вылетѣлъ изъ кареты, наступилъ на полу своей шубы, чуть было не упалъ въ снѣгъ, но какъ-то справился и неровными шагами пошелъ за дамой. Ему хотѣлось какъ можно ближе удостовѣриться, точно ли это жена его. Онъ былъ убѣжденъ что это она, ему хотѣлось поймать ее за руку и сказать ей,—онъ и самъ не зналъ, что бы такое онъ ей сказалъ, еслибы поймалъ ее за руку,—только чувствовалъ, что сильно, страшносильно будетъ то слово которое сорвется у него съ языка.

Запыхавшись на десяти шагахъ (какъ это бываетъ съ

нетерпѣливыми и страстными охотниками завидѣвшими дичь), онъ уже видѣлъ какъ дама подходила къ извощику съ явнымъ намѣреніемъ сѣсть и уѣхать.... Но въ эту минуту догнала его карета.

— Баринъ! а баринъ! кричалъ извощикъ, нагибаясь къ нему съ высокихъ козелъ и натягивая вожжи, а деньги-то!

— Отдамъ, отдамъ! глухо, не своимъ голосомъ пробормоталъ Атуевъ.

— Вы мнѣ деньги-то сперва заплатите!.. А то, ишь, побѣжали! грубо, чуть не на всю улицу приставалъ извощикъ.

— Отдамъ! поѣзжай за мной!

Извощикъ заподозрилъ барина въ намѣреніи улизнуть, и стегая лошадей, ругался.

— Да ну, на, чортъ тебя возьми, сказалъ Атуевъ, торопливо вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажку и бросилъ ему на руку.

Извощикъ взялъ бумажку и сталъ ее разсматривать.

— Еще рубль надоть получить съ вашей милости.

Но Атуевъ уже не слыхалъ его; дама вскочила въ сани, оглянулась, онъ это ясно видѣлъ какъ она робко и торопливо на него оглянулась, и уѣхала. Цѣлый адъ былъ въ душѣ Атуева.

— Дьяволъ ты эдакій, сказалъ онъ наконецъ извощику, какъ бы желая на немъ сорвать свою неудачу, или свое великое горе.—Я бы тебѣ, собака ты, я бы тебѣ десять рублей далъ, еслибы ты подождалъ меня. Мало тебѣ трехъ рублей, подлецъ! Убирайся ты къ чорту! не дамъ я тебѣ ни полушки, быстрыми шагами, весь въ огнѣ, двинулся онъ, безнадежно глядя въ шевелящійся сумракъ полуосвѣщенной улицы. — О, русскій народецъ! негодовалъ онъ, и слезы бѣжали по его щекамъ:—мало ему за часъ три рубля! Изверги! Безбожники! Ни Бога, ни таксы нѣтъ на нихъ. — О! это она! чувствуетъ мое сердце, что она, коварная, подлецъ, а не женщина! А какъ я вѣрилъ ей, какъ я вѣрилъ! Что теперь! я или его убью, или себя убью... Вотъ оно семейное-то счастіе! не даромъ я на него возставалъ! не даромъ я писалъ... Вавилонъ! сжавъ подъ полой кулакъ, обратился онъ къ фасадамъ зданій обступившихъ Невскій. Ясно, что это Петербургъ изволилъ онъ назвать такимъ грандіозно-неприличнымъ именемъ.

XX.

Въ пять часовъ Атуевъ былъ уже дома. Что̀ можетъ быть несноснѣе, натянутѣе положенія, когда мужъ и жена сидятъ вдвоемъ за обѣденнымъ столомъ, молчатъ и дуются. Людмила Григорьевна была огорчена тѣмъ что мужъ, не видавшій ея почти съ утра, и не поздоровался, и не поцѣловалъ ея. Она же очень устала. Тетушка почувствовала такую боль въ груди, что послала ее за своимъ докторомъ на Васильевскій островъ, велѣла ей во что̀ бы то ни стало привезти его. Но доктора она не застала дома и цѣлый часъ ждала его въ пріемной комнатѣ; наконецъ докторъ воротился, но ни за что̀ не хотѣлъ съ ней ѣхать, жалуясь на усталость и голодъ,—надо было уговорить его, потомъ надо было успокоивать тетушку, потому что та уже стала тоскливо метаться и прощаться съ ней,—однимъ словомъ, для Людмилы Григорьевны это утро было самое непріятное. Усталость лежала на всемъ лицѣ ея, какъ-то удлиняя черты и въ то же время притупляя ихъ.

Атуевъ почти что ничего не ѣлъ; жена его, напротивъ, ѣла съ аппетитомъ, но молчала. Она думала: „это онъ пріѣзжалъ узнавать тамъ ли я. Онъ, кажется, не только меня ревнуетъ, подозрѣваетъ въ чемъ-то. Хорошо же! Самъ, быть-можетъ, волочится за этой.... за этой Сигаревой, быть-можетъ, даже бываетъ у нея и не сказываетъ... Пусть же думаетъ обо мнѣ что̀ хочетъ.“

Принявши мысленно такое рѣшеніе, Людмила Григорьевна къ концу стола казалась уже совершенно спокойною, и это-то спокойствіе, съ явными слѣдами усталости (испуга и тревоги по мнѣнію Атуева), чуть не свело его съ ума.

Онъ думалъ что, по крайней мѣрѣ, она по-прежнему его спроситъ: „отчего это ты не въ духѣ“; онъ думалъ что она первая подойдетъ къ нему, какъ лисица виляющая хвостомъ. Ни чуть не бывало! ѣстъ за двоихъ и не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія. Въ концѣ стола онъ сухо спросилъ ее: „здорова тетушка?“ Она отрывисто отвѣчала. „Все также.“ Наконецъ онъ спросилъ: „не сердитесь ли вы на меня за что-нибудь?“ „За что̀?“ спросила она его въ свою очередь, доѣдая пирожное.

„Странно! думалъ Атуевъ, вставая изъ-за стола и уходя въ гостиную:—если она меня также видѣла, какъ и я ее, чѣмъ мнѣ объяснить это дьявольское спокойствіе? неужели притворствомъ? а что если это притворство?! если это притворство?! какова должна быть та женщина которая такъ умѣетъ притворяться!.. Да она человѣка убьетъ и будетъ потомъ въ состояніи поѣхать на балъ, улыбаться и танцовать... Ужасно! такое самообладаніе!.. Но я помолчу до поры до времени. О! я также способенъ на самообладаніе, я также—характеръ! Сумѣю съ достоинствомъ поддержать себя... Да и что я скажу ей! что я ей скажу! всплеснувъ руками, мысленно вопрошалъ онъ самого себя, стоя въ темной гостиной спиной у теплой печки и покачиваясь.—Дѣлайте что хотите, скажу я ей, я уже не мужъ вашъ... А ну, какъ она мнѣ на это: „Если это такъ—то... ничего не можетъ быть пріятнѣе!“ что тогда? Да вѣдь я люблю тебя, страстно, безумно, глубоко люблю! „А я, скажетъ, люблю да невѣсть; что прикажете дѣлать!“ Боже мой! Боже мой! за что такое страшное наказаніе!.. И онъ то къ потолку поднималъ глаза свои (что казалось бы, вовсе не шло къ писателю съ его направленіемъ), то прислушивался что дѣлаетъ жена, не плачетъ ли она, не вздумала ли лечь въ постель; но въ домѣ царствовала мертвая тишина. Онъ заглянулъ въ уборную, увидѣлъ что жена преспокойно сидитъ въ уголкѣ предъ лампой и что-то шьетъ. Быть-можетъ, тишина эта и разразилась бы какимъ-нибудь объясненіемъ, еслибы вечеромъ не пріѣхалъ Аркаша, и въ кабинетѣ Атуева не занялъ своего любимаго мѣстечка на диванѣ.

— Не женись, братъ, Аркаша, сказалъ ему Атуевъ, уже сидя за письменнымъ столомъ и закуривая папиросу.

— А что? спросилъ его юнота, не безъ нѣкотораго удивленія.

— Да такъ, братъ, возьми кого-нибудь на содержаніе и живи пока живется да любится; по крайней мѣрѣ не связанъ.

— Если я возьму себѣ кого-нибудь на содержаніе, то это непремѣнно Француженку, отозвался юнота, которому очень понравился совѣтъ Атуева.

— Почему же непремѣнно Француженку?

— Да ужь такъ, отвѣчалъ, вяло улыбнувшись, Аркаша, и ничего другаго не могъ бы отвѣтить. Онъ зналъ только одѣхъ французскихъ актрисъ, то-есть видѣлъ ихъ издали на

Михайловской сценѣ, зналъ что такая-то *прелесть*, такая-то *восторгъ*, а такая-то страшно дорога и все-таки находитъ такихъ счастливцевъ которые на нее разоряются. Всѣми ими онъ плѣнялся и даже покупалъ себѣ ихъ фотографическія карточки; но почему Француженка лучше, то-есть пикантнѣе Нѣмки или Русской, этого онъ еще не могъ вполнѣ уяснить себѣ.

„Дуракъ, подумалъ Атуевъ, не понимаетъ, даже не догадывается, что если я, женатый человѣкъ, мужъ сестры его, даю ему такіе совѣты, то это не даромъ, значитъ что мнѣ горько, тяжело, невыносимо. Дуракъ! еще молоко на губахъ не обсохло, а ужъ мечтаетъ о Француженкахъ..." И Атуевъ опять погрузился въ свои невыносимыя размышленія. Поздно уѣхалъ Аркаша, поздно догорѣла его лампа. Атуевъ зажегъ свѣчу, раздѣлся, тихонько прокрался въ спальню къ женѣ своей, увидалъ что она спитъ, и также тихо воротившись въ свой кабинетъ, легъ на диванъ, подложивъ подъ себя кожаную подушку и накрывшись халатомъ. Это была, со дня его свадьбы, первая ночь проведенная имъ не на брачной постели. Людмила Григорьевна не спала, она слышала какъ вошелъ мужъ и притворилась спящею; черезъ часъ она заплакала, но плакала такъ тихо, что Атуевъ и не подозрѣвалъ горячихъ слезъ ея.

XXI.

На другой день, въ десять часовъ утра, почти въ одно и то же время, мужъ и жена выѣхали изъ дому; она къ тетушкѣ, онъ къ Тертіеву.

Тертіевъ былъ занятъ, онъ писалъ ярое возраженіе на какую-то замѣтку по поводу одной медицинской статьи его, и былъ не въ духѣ. Авторъ замѣтки какъ разъ указывалъ на тѣ авторитеты которые отрицалъ въ своей статьѣ Тертіевъ, доказывая ихъ научную несостоятельность, ихъ отсталость... и пр... Въ авторѣ замѣтки Тертіевъ видѣлъ своего заклятаго врага и не зналъ кто этотъ врагъ. Замѣтка появилась въ печати безъ всякой подписи. Мысль, что, вѣроятно, это кто-нибудь изъ числа академическихъ свѣтилъ, и что, чего добраго, редакція журнала не приметъ его возраженій, найдетъ ихъ или слишкомъ рѣзкими, или почему-либо къ

печати неудобными, мысль эта заранѣе его бѣсила; стаканъ съ остывшимъ кофе стоялъ на краю стола; онъ былъ въ одной рубашкѣ и въ широкихъ грузинскихъ шароварахъ, спереди завязанныхъ какою-то красною тесьмой съ кисточками, на ногахъ были стоптанныя туфли, курчавые волоса на головѣ, по обыкновенію, отличались живописнымъ безпорядкомъ. Иногда онъ вставалъ и гордо прохаживался, обдумывалъ что̀ писать, и обдумавъ, опять бросался къ столу, опять хваталъ перо и писалъ почти безъ помарокъ, твердымъ, ровнымъ и довольно разборчивымъ почеркомъ.

Услыхавъ звонокъ, онъ сморщилъ лобъ и сталъ смотрѣть на дверь, раздувъ ноздри и съ такимъ свирѣпымъ выраженіемъ въ глазахъ, что можно было подумать, посѣтитель, увидавъ его, непремѣнно попятится.

Вошелъ Атуевъ.

— А! это ты? сказалъ Тертіевъ, и опять пригнувшись къ столу, сталъ писать, договаривая порванную фразу. — Занятъ, братъ, посиди немного. Сейчасъ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

Атуевъ молча сѣлъ на стулъ, вынулъ изъ кармана складную табачницу съ папиросною бумагой и сталъ свертывать папироску; руки его дрожали, онъ былъ блѣденъ, но папироску онъ все-таки какъ-то свернулъ, склеилъ ее языкомъ, досталъ сѣрную спичку и сталъ ею шаркать по стѣнѣ.

— Можно бы стѣну-то и не пачкать, сказалъ Тертіевъ;—на это спичечница есть.

И онъ со стола подалъ ему спичечницу.

Атуевъ взялъ ее и почему-то пересѣлъ на клеенчатый диванчикъ.

Въ пріемѣ Тертіева не было ничего необыкновеннаго; онъ часто такъ принималъ его, когда работалъ или былъ не въ духѣ, и Атуевъ никогда на это не сердился; но теперь этотъ пріемъ показался ему нагльмъ до послѣдней степени.

— Тертіевъ, сказалъ онъ,—я пришелъ поговорить съ тобой.

— О дѣлѣ или о пустякахъ? не покидая пера, отозвался Тертіевъ.

— Быть-можетъ, о пустякахъ для тебя, а для меня о дѣлѣ.

— Что̀ такое?

— Ты, ты.... соблазнилъ.... чужую жену....

Тертіевъ обернулся и поглядѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Ты разстроилъ семейный міръ; благородно ли это?

Тертіевъ положилъ перо, поднялъ голову и уже поглядѣлъ на Атуева такимъ вызывающимъ взглядомъ, что тотъ смутился.

— Ну, что дальше, говори? сказалъ Тертіевъ.

— Я все сказалъ, ты понимаешь, ты.... ты долженъ понимать меня. Вчера вечеромъ, въ четвертомъ часу, я знаю, она была у тебя.... Да.... я.... я.... это знаю....

— А какое тебѣ до меня дѣло? Какое ты право имѣешь приходить ко мнѣ и дѣлать мнѣ выговоры?

— Я имѣю ли право?

— Никакого права, горячась, перебилъ его Тертіевъ.—Доказывай, почему я не имѣю права любить кого хочу и принимать кого мнѣ вздумается удостоить этой чести. Доказывай! Когда ты былъ холостымъ, развѣ ты не заводилъ интрижекъ? А? Развѣ не была у тебя какая-то купчиха изъ Коломны, и развѣ ты мнѣ, вотъ, сидя на этомъ мѣстѣ, не разказывалъ, потирая руки, какъ ты ловко изволилъ надувать ея мужа?... А? Ну, говори, не разказывалъ? Ну, а я тебѣ ничего не разказывалъ, потому что не имѣю похвальной повадки хвастаться такими дешевыми побѣдами или разрисовывать кой-какія сцены ради потѣхи пріятелей. Да и почему ты знаешь?

— Потому что я видѣлъ, вставая съ мѣста и весь дрожа, отвѣчалъ Атуевъ.—Она была вчера.... Говори, была она у тебя?

— Была, съ удареніемъ на словѣ, какъ бы два раза подчеркнувъ его, отвѣчалъ Тертіевъ.

— Ну, если такъ....

— Ну что, если такъ?

— Ты.... подлецъ!

Тертіевъ остолбенѣлъ, Атуевъ взялъ шапку и съ красными пятнами на лицѣ вышелъ вонъ изъ комнаты.

Тертіевъ, какъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ, такъ и остался сидѣть; онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, онъ такъ былъ озадаченъ, что даже позабылъ о статьѣ своей. Чтобъ Атуевъ могъ такъ горячо принять къ сердцу его интрижку съ женой какого-то пьянаго приказнаго, чтобъ Атуевъ рѣшился назвать его подлецомъ за женщину ему совершенно неизвѣстную! Надо съ ума сойти, до того это нелѣпо! Или Атуевъ не только знакомъ съ этою женщиной, но и влюбленъ въ нее; не только влюбленъ, но и не безъ претензій на нее,

не безъ правъ на эту женщину? Какими же это судьбами? думалъ Тертіевъ. „Когда же это моя Анна Семеновна успѣла ему здакую страсть внушить? Да нѣтъ, это вздоръ! Можно ревновать ко мнѣ, но упрекать меня за тѣ же поползновенія въ которыхъ онъ самъ не безгрѣшенъ, это дико. Что же это такое?“

Тертіеву даже въ голову не могло придти что Атуевъ подъ словомъ „чужая жена“ разумѣлъ свою собственную, то-есть женщину, къ которой Тертіевъ, кромѣ симпатіи, да нѣкотораго дружескаго расположенія, ничего не чувствовалъ. О ревности Атуева къ женѣ своей или къ нему онъ даже и подозрѣвать не могъ; стало-быть, что жъ мудренаго что въ эту минуту всѣ его мысли вращались около его возлюбленной Анны Семеновны, которая дѣйствительно у него была и которую Атуевъ дѣйствительно могъ встрѣтить и видѣть. Тертіевъ вовсе не былъ влюбленъ въ эту Анну Семеновну; онъ никогда за ней даже не волочился, случай ихъ свелъ: она приходила къ нему лѣчиться отъ побоевъ мужа, влюбилась въ него, и первая бросилась къ нему на шею. Тертіеву стало жаль ее, онъ зналъ что у этой женщины нѣтъ на свѣтѣ ни привязанностей, ни отрады, ни надежды на лучшую будущность, и вся вина его заключалась только въ томъ что онъ позволялъ ей любить себя и иногда навѣщать, говорю „иногда“, потому что, несмотря на то что Аннѣ Семеновнѣ было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ, несмотря на то что она была недурна собой, стройна и умѣла держать себя, несмотря на ея томные глаза и блѣдныя губки, Тертіевъ, посреди своихъ занятій, не всегда былъ расположенъ къ амурнымъ восторгамъ и по цѣлымъ недѣлямъ не видѣлся съ нею. Случалось, когда судьба посылала ему деньги, онъ считалъ своимъ долгомъ помогать ей, какъ матери голодающаго ребенка, у котораго отецъ пропиваетъ почти что все свое жалованье. Деньги эти жгли ей руки; но она все-таки брала ихъ. Тертіевъ понималъ ея положеніе, но не увлекался. Узнай онъ что Анна Семеновна влюблена въ Атуева, или посѣщаетъ не одного его, онъ нисколько бы не измѣнилъ своихъ къ ней отношеній, даже бы не упрекнулъ ея. Перестань она навѣщать его, Тертіевъ также не былъ бы въ отчаяніи.

Непонятна, въ высшей степени непонятна для Тертіева была выходка Атуева. Но какъ человѣку чуждому средневѣковыхъ рыцарскихъ преданій, Тертіеву, какъ ни былъ онъ оскорбленъ

и опечаленъ, ни на одну минуту не пришла въ голову мысль о дуэли или о кровавомъ мщеніи... „Коли сразу я за это слово да не придушилъ его, значитъ, думалъ онъ, я имѣю время подумать и разсудить что бы это такое значило? Если это только придирка чтобы разойтись со мной (кто знаетъ, быть-можетъ, я уже давно ему не нравлюсь своимъ рѣзкимъ языкомъ и нецеремоннымъ съ нимъ обращеніемъ), если это придирка, то неужели Атуевъ, этотъ мягкій по своей натурѣ Атуевъ, не могъ просто написать мнѣ записку: дескать, такъ и такъ, пожалуста, вы меня не знайте. Къ чему же было нужно прибѣгать ему къ такой глупой выходкѣ, къ такому сильному слову и наконецъ явно идти на опасность получить отъ меня затрещину, или еще хуже, будь у меня подъ рукой ножъ, я могъ бы сгоряча пырнуть его. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Или онъ помѣшался?“

Такъ терялся въ догадкахъ и такъ разсуждалъ про себя Тертіевъ, допивая стаканъ простывшаго кофе. Чрезъ полчаса, походивъ по комнатѣ, онъ опять принялся работать и писалъ до обѣда; обѣдать, по обыкновенію, пошелъ къ кухмистершѣ; тамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спорилъ за столомъ и хохоталъ по поводу какого-то анекдота. Воротившись домой, опять принялся за перо и писалъ до часу ночи. Но, прежде чѣмъ легъ спать, задумался. Жаль ему было ни съ того ни съ сего порвать пріятельскія, воспоминаніями дѣтства освященныя отношенія. Нашло на него грустное раздумье, и не спалось. Наконецъ, вздохнувъ, вынулъ онъ изъ стола почтовый листокъ, согнулъ его и написалъ Атуеву письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!

„Если вы не сошли съ ума, то, конечно, имѣли достаточную „причину для того чтобъ оскорбить меня; но если вы влюблены въ А. С. (Тертіевъ не написалъ полнаго имени), то самая отчаянная ревность ваша еще не давала вамъ никакого права требовать отчета въ моемъ поведеніи, потому „что и въ такомъ случаѣ, ваше поведеніе, какъ человѣка „недавно женатаго, во сто разъ постыднѣе. Гдѣ вы съ ней „познакомились, и гдѣ вы съ ней видѣлись,—не мое дѣло, „меня это нисколько не интересуетъ. Во всякомъ случаѣ, „виноватъ я, или не виноватъ, надѣюсь, что вы не только „избавите меня отъ вашихъ посѣщеній, но постараетесь и „на улицѣ не встрѣчаться со мной.

„Остаюсь презирающій ваше негодованіе

„Ф. Тертіевъ.“

XXII.

Записка Тертіева на другой же день, въ воскресенье, полетѣла по городской почтѣ, и суждено ей было еще болѣе запутать и разстроить отношенія Атуева къ женѣ своей.

Аркаша почти что каждый вечеръ сталъ навѣщать сестру свою, то-есть сидѣть или лежать въ кабинетѣ Атуева. Дома ему не сидѣлось. Онъ жилъ у своего дяди, опекуна, у того самаго генерала который былъ посаженымъ отцомъ на свадьбѣ нашего Николая Захаровича. Генералъ этотъ, пожилой вдовецъ и служака, по утрамъ былъ занятъ провіантскими бумагами, а по вечерамъ постоянно игралъ въ преферансъ по маленькой, и нерѣдко воевалъ за ломбернымъ столомъ до 3—4 часовъ пополуночи. Иногда, когда не доставало партнера, онъ посылалъ за племянникомъ, и говорилъ ему: садись; племянникъ садился и, разумѣется, иногда проигрывалъ. Проигрывать ему было хоть и обидно, но не убыточно; по большей части дядя-генералъ хоть и ворчалъ, но расплачивался. Три дня тому назадъ Аркаша сѣлъ играть съ тремя престарѣлыми генералами, и на этотъ разъ сѣлъ по собственной своей охотѣ, такъ сказать, навязался на игру, въ надеждѣ къ праздникамъ лишнихъ рублей 20 положить въ свой карманъ и на нихъ пожуировать; но надежда его обманула; онъ продулся въ пухъ, и оставшись совершенно безъ денегъ, на другой день сталъ просить генерала дать ему на расходы хоть 10 рублей. Генералъ сначала сказалъ что не дастъ, потомъ сказалъ „погоди“. Что можетъ-быть хуже этого „погоди“? Эдакъ можно годить недѣли и мѣсяцы, и Аркаша, для котораго недѣли и мѣсяцы безъ денегъ показались бы цѣлою вѣчностью, рѣшился занять или у сестры своей, или у ея мужа. Онъ собирался куда-то вечеромъ и на этотъ разъ рано забрался въ квартиру Атуевыхъ. Забравшись, онъ медлилъ со своею просьбой, терпѣливо выжидалъ благопріятной минуты, а въ сущности до семи часовъ вечера еще не чувствовалъ той великой крайности, которая придаетъ особенную смѣлость и находчивость.

Атуеву было непріятно его появленіе. Онъ не могъ при этомъ молокососѣ явно предаваться своему отчаянію, быть

такъ-сказать вывѣской своего собственнаго малодушія; онъ не находилъ пока нужнымъ посвящать брата жены своей въ тайну своего семейнаго горя, онъ стыдился этого горя, и присутствіе Аркаши было для него невыносимо. Обыкновенно бываетъ такъ, что чѣмъ громаднѣе у человѣка самолюбіе, тѣмъ меньше оно выноситъ; муха кажется ему слономъ; каково же было выносить слона, а не муху. Онъ при Аркашѣ, съ притворною лаской, но торопливо простился съ женой, показалъ видъ будто куда-то торопится и ушелъ изъ дому. Аркаша остался обѣдать; за обѣдомъ онъ спросилъ сестру свою, была ли она утромъ у тетушки.

— Нѣтъ, не была, отвѣчала Людмила Григорьевна.

— Отчего же?

— Да такъ; мужу моему, вѣроятно, непріятно что я каждое утро у ней бываю; нынче я не поѣхала, посмотрю, что онъ мнѣ скажетъ, будетъ ли доволенъ моимъ поведеніемъ.

— Ага! видно онъ тебя въ ежовыхъ рукавицахъ держитъ.

Ничего на это не отвѣчала Людмила Григорьевна, только слеза показалась у ней на щекѣ; она утерла ее салфеткой и продолжала обѣдать.

Флегма братъ не замѣтилъ этой слезы и точно также продолжалъ обѣдать.

Послѣ обѣда, съ чашкой кофе, онъ отправился въ кабинетъ, въ третій разъ пригладилъ предъ зеркаломъ свою голову и усѣлся въ креслахъ Атуева. Закурилъ папироску и сталъ читать газету, первую которая попалась ему подъ руку.

Не прошло получаса какъ кто-то позвонилъ въ передней. Мальчикъ Петя отперъ дверь, принялъ изъ протянутой руки почтальйона письмо со штемпелемъ городской почты и подалъ его Аркашѣ. Аркаша, успѣвшій не только принять видъ и позу хозяина, но и вообразившій себѣ что онъ дома, взялъ письмецо, не поглядѣлъ на адресъ, сорвалъ конвертъ и сталъ читать. Мало-по-малу на лицѣ юноши изобразилось нѣчто похожее на ужасъ и изумленіе; долго онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. „Что я надѣлалъ, подумалъ онъ. Что я надѣлалъ! Это не ко мнѣ письмо. Это... это... необыкновенное письмо... Ужасное! Обязанъ ли я, какъ братъ, сообщить записку Тертіева сестрѣ моей. Такъ вотъ оно отъ чего онъ такой! Эге!...“

Прошелъ еще часъ, а онъ все еще не рѣшилъ что̀ ему дѣлать и обязанъ ли онъ показать это письмо сестрѣ своей.

Раздался новый звонокъ. Аркаша вздрогнулъ, спряталъ письмо въ карманъ, и чрезъ гостиную, съ бьющимся сердцемъ, отправился въ комнату къ сестрѣ своей.

На этотъ разъ вслѣдъ за звонкомъ вошелъ Атуевъ и занялъ въ своемъ кабинетѣ мѣсто только что пригрѣтое Аркашей.

— Сестра! который теперь часъ? спросилъ Аркаша Людмилу Григорьевну, входя къ ней на цыпочкахъ.

— Посмотри самъ, у тебя есть часы.

— Мои невѣрны. Ба! скоро семь!

И Аркаша почувствовалъ что уже наступилъ часъ неизбѣжной крайности.

— Ради Бога, Люля, сказалъ онъ,—выручи, крайне нужно пять или шесть рублей, дай, пожалуста, до 24-го числа. Я, ей Богу, тебѣ отдамъ... честное слово!.. Что ты такъ смотришь?..

— Да у меня ничего нѣтъ кромѣ мелочи.

— Ну, займи у мужа...

— Да я, право, не знаю что̀ у него на умѣ, дуется вотъ уже третій день. Двѣ ночи спитъ у себя въ кабинетѣ.

— Неужели въ кабинетѣ?

— Да; я еще имѣла глупость спросить его: за что̀ такая немилость? Молчитъ, ничего не отвѣчаетъ; блѣдный такой, разстроенный.

— Я знаю отчего это, сболтнулъ Аркаша.

— Ну, знаешь, такъ говори... Что̀ такое? Кажется, я не подала ему ни малѣйшаго повода.

— Нѣтъ, прежде сходи къ нему и спроси у него 5 рублей.

Людмила Григорьевна подумала. „Хорошо“, сказала она, и пошла къ мужу.

— Николя, сказала она ему, ставъ за его креслами.

— Что̀? спросилъ онъ ее, какъ бы очнувшись; быстро повернулъ къ ней лицо свое, и на одно мгновеніе глаза ихъ встрѣтились.

— Нѣтъ ли у тебя пяти рублей?

Атуевъ подумалъ, потомъ вдругъ какъ-то неестественно засуетился, раскрылъ столъ и сказалъ:

— Бери; все бери что̀ у меня есть; все бери.

— Да мнѣ всего не нужно, я даже не для себя, у меня

братъ проситъ; конечно, еслибы не праздникъ, я бы не дала ему.

— Мнѣ ничего не надо, ничего! Мнѣ уже не долго жить!

Людмила Григорьевна не могла не дрогнуть отъ этихъ словъ, отъ этого голоса; она его любила, и поняла въ эту минуту что такъ говорить можетъ только одно отчаяніе. Но мысль что это отчаяніе проистекаетъ изъ какого-то ей неизвѣстнаго, темнаго источника, быть-можетъ, отъ того что какая-нибудь нигилистка не приказала принимать его, мысль эта ожесточала ея огорченную душу, и слеза, готовая кануть, удержалась, подхваченная мигнувшею рѣсницей; глаза ея упирались въ его затылокъ, и онъ не могъ видѣть лица ея.

Не слыша въ отвѣтъ ни отвѣта, ни привѣта, Атуевъ тяжело вздохнулъ, вынулъ на столъ всѣ деньги, рублей около восьмидесяти пяти, захватилъ ихъ въ руку и черезъ плечо подалъ ихъ женѣ своей.

Людмила Григорьевна выбрала пяти-рублевую, сказала: „мнѣ больше не надо, спасибо“, положила остальныя деньги на столъ, и вышла.

Получивъ деньги, обрадованный студентъ вынулъ изъ кармана письмо отъ Тертіева, торопливо сунулъ его въ руку сестрѣ и сказалъ:

— Спасибо, душка! Изъ этого письма ты узнаешь отчего твой муженекъ не въ духѣ, только ради Бога не показывай ему этой записки. Я сдѣлалъ скверность, мнѣ его подали, и я, по разсѣянности, нечаянно распечаталъ. Тутъ, кажется, какая-то интрижка.... Только ты будь умна и изъ такихъ пустяковъ не поднимай исторіи. Прощай, Люля.

И онъ быстро вышелъ, покинувъ озадаченную сестру свою съ тою запиской, содержаніе которой уже извѣстно моимъ читателямъ. Выходя отъ сестры, Аркаша былъ утѣренъ что поступилъ такъ, какъ и слѣдовало ему поступить въ данномъ случаѣ; вообще о благородствѣ и неблагородствѣ поступковъ онъ имѣлъ очень шаткія понятія. Наклонный къ эпикуреизму, ни надъ чѣмъ не привыкъ онъ долго ломать свою голову. Тетушка Клара Ивановна выучила его читать, когда ему было семь лѣтъ, и затѣмъ уже не имѣла никакого вліянія на его воспитаніе.

XXIII.

Натянутое положеніе супруговъ должно же было наконецъ разрѣшиться въ какую-нибудь катастрофу: кончиться или разрывомъ, или примиреніемъ. Записка Тертіева подняла въ душѣ молодой женщины бурю ничѣмъ не меньшую той которая бушевала въ груди ея супруга.

„Несчастная я, думала она, — хоть бы не хитрилъ со мной... И это мой мужъ!... Презрѣнный!... и я должна быть женой его; всю жизнь должна жить съ человѣкомъ который меня не любитъ, который мѣняетъ меня на всякую.... и, по себѣ судя, осмѣливается еще ревновать меня! Да нѣтъ! что̀ я?! Онъ и не ревновалъ, онъ просто былъ въ отчаяніи что какая-то А. С.... ужь не Авдотья ли Сигарева?... ему измѣнила.... довела его до ссоры съ пріятелемъ. Не даромъ я боялась выходить за него, не даромъ!... Боже, вразуми меня! Нѣтъ! Я не такая чтобъ онъ могъ оскорбить меня. Я уйду отъ него, я не хочу слышать о немъ; не хочу, не хочу, не хочу!“

И она, ломая руки, ходила по своей одинокой, лампаднымъ свѣтомъ озаренной спальнѣ. Въ эту ночь Атуевъ слышалъ шаги ея; какъ-то тяжело стучали они въ полъ, даже разъ послышалось ему ея восклицаніе: „а!“ Разъ даже хотѣлъ онъ войти къ ней, но заглянувъ въ полурастворенную дверь, онъ увидалъ въ полусвѣтѣ глаза ея и не посмѣлъ войти. „Нѣтъ, не время! подумалъ Атуевъ: — да и зачѣмъ мнѣ идти къ ней, когда между нами все уже кончено! все! Суровая, злая женщина! Я сказалъ ей что я скоро умру, и она, она на это ни слова! какъ будто я не мужъ ея! какъ будто она не увѣряла меня въ своей любви!... въ своей вѣрности! и.... и какъ будто я, несчастный, никогда не любилъ ея!“

„Вѣтренникъ! развратникъ!“ думала про себя Людмила Григорьевна.

„Притворщица! Камень безчувственный! Безсовѣстная! Хоть бы капля раскаянія! Хоть бы какое-нибудь чувство!“ думалъ чрезъ двѣ комнаты Атуевъ, лежа на своемъ диванѣ, на который, по его приказанію, недоумѣвающая горничная

съ вечера принесла подушку, простыню и одѣяло. Въ сомкнутыхъ глазахъ его зудѣли слезы. Къ утру онъ почувствовалъ что-то въ родѣ озноба, закутался въ свой халатъ и забылся.

Когда онъ раскрылъ глаза, было уже утро, и предъ нимъ, совсемъ одѣтая, въ шляпкѣ, стояла жена его.

— Ага! сказалъ онъ, приподнявъ голову.

Онъ подумалъ съ просонья что она пришла къ нему сама во всемъ признаться и, быть-можетъ, упасть къ ногамъ его....

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ ее наконецъ, видя что она куда-то собралась и не думаетъ упадать къ ногамъ его.

— Въ кого вы такъ влюблены? спросила она его съ сострадательнымъ презрѣніемъ.

— Въ васъ, отвѣчалъ онъ;—а вы въ кого?

— Не обо мнѣ рѣчь. Впрочемъ, что же я васъ спрашиваю? Какое мнѣ до васъ дѣло?... Я это могу и безъ васъ узнать. Гдѣ живетъ Тертіевъ?

— Вы не хуже меня знаете гдѣ онъ живетъ.

— Гдѣ онъ живетъ? я васъ спрашиваю; мнѣ нуженъ его адресъ; или вы боитесь.... совѣсть нечиста. Что же вы молчите? Я непремѣнно хочу застать его дома. Если только вы сами мнѣ во всемъ не признаетесь, я брошу вамъ въ лицо ваше обручальное кольцо и уйду отъ васъ. Вы можете быть покойны, я мѣшать вамъ не буду, только, или признайтесь, или дайте мнѣ адресъ.

— Вы хотите отъ меня уйти *къ нему?* съ горькою усмѣшкой, полусидя на диванѣ, спросилъ Атуевъ.

— Къ кому бы то ни было, только скажите мнѣ гдѣ живетъ Тертіевъ?

— Нѣтъ, это ужь изъ рукъ вонъ, накидывая на себя халатъ и привставъ, началъ Атуевъ:—Это изъ рукъ вонъ! Вы.... вы.... спрашиваете у меня его адресъ, тогда какъ сами.... тогда какъ я собственными глазами своими видѣлъ какъ вы.... вы.... сходили съ его подъѣзда, были у него цѣлые два часа. Какая же вы коварная! Лицемѣрная!... Ожидалъ ли я это отъ васъ?! отъ вашего воспитанія! Послѣ всего того что я отъ васъ слышалъ! А еще на меня нападали когда-то. Не обманывайте, не надувайте меня! Я все знаю, все, все, и оскорбилъ ли я васъ хоть однимъ словечкомъ, оскорбилъ ли я васъ хотя намекомъ!

— Что такое?! сдвинувъ брови и скрестивъ пальцы рукъ,

проговорила Людмила Григорьевна.—Я васъ не понимаю.... Даже и понимать васъ не хочу.... Вы дошли до такого безстыдства, что можете мнѣ въ глаза говорить о какихъ-то безобразіяхъ, утверждать что сами видѣли! Что̀ это? Гдѣ я наконецъ? и заливаясь слезами, она сѣла на порожній стулъ и закрыла руками лицо свое.

Атуевъ былъ озадаченъ слезами жены своей: не заплачь она, онъ бы самъ сейчасъ заплакалъ; слезы ея не могли на него не подѣйствовать, потому что онъ любилъ ее. „Но, не хитрость ли это?“ подумалъ онъ и проговорилъ, понизивъ голосъ:

— Вы плачете, но виноватъ ли я? Тертіевъ этого не скрываетъ; онъ самъ сказалъ мнѣ что вы у него были....

Людмила Григорьевна вдругъ отняла руки отъ лица и поглядѣла на него съ какимъ-то ужасомъ, какъ бы желая удостовѣриться: не съ ума ли спятилъ несчастный мужъ ея, или не клевещетъ ли съ какимъ-нибудь затаеннымъ умысломъ....

— Оправдывайтесь, если можете, добавилъ Атуевъ еще тише, какъ бы приглашая тѣмъ и жену свою говорить какъ можно тише.

— Оправдываться! сказала она, возвысивъ негодующій, слезами освѣженный голосъ. — Послѣ такого оскорбленія оправдываться! Вы съ ума сошли.

И быстро поднявшись съ мѣста, она вышла изъ кабинета въ переднюю, такая же гордая и холодная.

Атуевъ слышалъ какъ она, надѣвая салопъ, спрашивала мальчика, знаетъ ли онъ гдѣ живетъ Тертіевъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, приказала ему одѣваться и ѣхать съ ней. Когда горничная заперла за ними дверь на лѣстницу, Атуевъ закрылъ глаза. Онъ чувствовалъ что въ груди его что-то закипаетъ и подступаетъ къ самому горлу; онъ думалъ, что или дѣйствительно онъ съ ума сошелъ, или что это сонъ, злой, нелѣпый сонъ. Она уѣхала и, быть-можетъ, не пріѣдетъ, не воротится! быть-можетъ, милый образъ навсегда исчезъ изъ глазъ его; развѣ это не смерть? Развѣ онъ желалъ, хотѣлъ оскорбить ее? Какъ же это такъ могло случиться? Развѣ онъ не любилъ ея? Развѣ онъ измѣнилъ ей? Развѣ не она.... А что̀, если въ это утро онъ навсегда потерялъ ее! Навсегда!

И Атуевъ такъ горько зарыдалъ, какъ еще никогда, съ тѣхъ поръ какъ мать на свѣтъ родила его, не рыдалъ Атуевъ.

XXIV.

Тертіевъ только что всталъ, и ходя изъ угла въ уголъ разминалъ себя, даже раза два зѣвнулъ во все горло, потягиваясь и вытягивая кверху свои мускулистыя руки; на немъ былъ тотъ костюмъ который обыкновенно составляетъ переходъ съ постели къ умывальнику. Въ комнатѣ было свѣжо (видно, хозяйка плохо печь истопила); но въ окна, сквозь морозные узоры, свѣтило солнце, значитъ, былъ уже часъ одиннадцатый. Въ Петербургѣ, зимой, всѣ работающіе по ночамъ и не обремененные службой встаютъ довольно поздно. Тертіевъ, видно, не былъ исключеніемъ.

Въ дверь къ нему постучалась хозяйка.

— Что вамъ?

— Мальчикъ васъ спрашиваетъ, черезъ кухню прошелъ.

— А какой такой мальчикъ? позовите-ка его сюда.

Чрезъ минуту, въ корридорѣ послышались шаги, очевидно мальчика въ сапогахъ, и вошелъ Петя.

— А! Петя! Ну что? зачѣмъ ты? началъ было веселымъ тономъ Тертіевъ, но вдругъ бровь его зашевелилась и онъ спросилъ:—ты съ письмомъ отъ Атуева?

— Нѣтъ-съ, барыня проситъ васъ сойти къ ней, она на улицѣ васъ дожидается.

— Какая барыня? Людмила Григорьевна?

— Да-съ.

Тертіевъ походилъ по комнатѣ.

— Ну, скажи, что одѣнусь и выйду.

„Это она мириться меня пріѣхала, подумалъ Тертіевъ, или мужъ прислалъ съ извиненіемъ.—А можетъ-быть, и въ сумашедшій домъ свезти его. Чортъ его знаетъ. Третьяго дня меня выругалъ, нынче, можетъ-быть, кусаться сталъ....“

Умывшись, одѣвшись, накинувъ шинель и старую академическую съ козырькомъ фуражку, Тертіевъ вышелъ на улицу; увидалъ сани, въ саняхъ Людмилу Григорьевну. Онъ ей поклонился. Она вышла изъ саней, и на тротуарѣ они встрѣтились.

— Вы давно у насъ не были!... сказала она, протягивая руку, и горячій румянецъ заигралъ на щекахъ ея.

— Я все занятъ былъ, отвѣчалъ Тертіевъ, глядя ей въ глаза и какъ бы стараясь прочитать въ нихъ чего она отъ него хочетъ. Ужь не влюбилась ли въ него? Чѣмъ чортъ не шутитъ!

— Пройдемтесь, мнѣ надо кой-о-чемъ спросить васъ.

И она велѣла мальчику ѣхать вслѣдъ за ней по улицѣ.

— Филиппъ Егоровичъ! я хочу васъ спросить....

„Ну, подумалъ Тертіевъ, это романомъ пахнетъ. Начнетъ она меня допрашивать за что я съ мужемъ ея поссорился.“

— Спрашивайте, сказалъ онъ,—я отъ отвѣта не отказываюсь, хоть, признаюсь вамъ, очень бы желалъ чтобы вы не спрашивали меня за что именно я поссорился съ вашимъ мужемъ...

— Нѣтъ, я просто хотѣла бы васъ спросить, давно ли вы стали клеветникомъ.

— Я?... Клеветникомъ? Это какими судьбами, клеветникомъ! Кого же это я оклеветалъ, по вашему мнѣнію? Мужа вашего, что ли?

— Меня!...

— Васъ! Какъ такъ!...

Тертіевъ остановился и опять посмотрѣлъ на нее изъподъ козырька своей фуражки. Онъ не зналъ, захохотать ли ему, разсердиться ли, или отнестись къ этой барынѣ съ сожалѣніемъ, потому что лицо ея позеленѣло, а въ глазахъ съ опущенными рѣсницами и на губахъ было не совсѣмъ обычное выраженіе.

— Вы изволили сказать моему мужу что я была у васъ, тяжело дыша, проговорила Людмила Григорьевна.

— Я? Вашему мужу? Что за дребедень!...

— Кто же изъ васъ двухъ клевещетъ?

— Постойте. Ба! я теперь понимаю; какъ хорошо что вы сами заѣхали....

И Тертіевъ захохоталъ такимъ искреннимъ смѣхомъ, что этотъ смѣхъ не могъ не озадачить Людмилу Григорьевну. Она въ свою очередь пріостановилась и поглядѣла ему въ лицо.

— Надо вамъ сказать, продолжалъ весело Тертіевъ,—что вашъ сумашедшій мужъ просто-на-просто выругалъ меня подлецомъ. Такъ-таки и бряknулъ, что—подлецъ! Ха, ха, ха! И я, будь у меня въ это время въ рукахъ ножъ, я бы или въ подоплеку или въ брюхо ему засадилъ его, и вышло бы чортъ знаетъ что! Но я отчасти понялъ, что если человѣкъ несетъ такую дичь, такъ ужь, вѣроятно, или не въ своемъ умѣ, или дѣйствительно есть какая-нибудь причина не мало-

важная; иначе бы я на мѣстѣ убилъ его; но чувство справедливости прежде всего. Теперь и выходитъ что я очень хорошо сдѣлалъ что не отправилъ его *ad patres*. Такъ это онъ мнѣ про васъ говорилъ, что будто бы видѣлъ васъ, какъ вы отъ меня вышли! Это значитъ что онъ за васъ принялъ мою Анну Семеновну! Я же, ха, ха, ха! посудите сами, могъ ли подумать что рѣчь про васъ идетъ? Самъ, говоритъ, видѣлъ, была у тебя чужая жена. Ну, я ему и сказалъ; да, была чужая жена, потому что дѣйствительно не моя, а чужая. Онъ мнѣ на это брякнулъ подлеца, ха, ха, ха! и улепетнулъ. Ну, назови онъ мнѣ васъ, милѣйшая! ну, я все бы и понялъ, и самъ бы его выругалъ, а то имя-то ваше произнести духу-то у него не хватило.... Не понимаю чѣмъ я могъ подать поводъ такъ ревновать васъ ко мнѣ, рѣшительно не понимаю.

— И вы до сихъ поръ были увѣрены что дѣло идетъ о какой-то Аннѣ Семеновнѣ? съ прояснившимся лицомъ перебила его Людмила Григорьевна.

— А что жь я могъ думать! Не могъ же я полагать что этотъ сумасбродъ принялъ мою дульцинею за жену свою.

— А развѣ она на меня похожа?

— Развѣ ростомъ, да дородствомъ, да вотъ еще башлыкъ свой носитъ такъ же какъ вы,—сзади золотая кисточка. Другаго сходства не обрѣтаю.

— Благодарю васъ что вы меня успокоили. Вы не клеветникъ; что же касается до моего мужа, то я, я разойдусь съ нимъ.... Такое подозрѣніе. Такъ оскорбить меня!... Впрочемъ, сдѣлайте мнѣ одно одолженіе.

— Какое?

— Нѣтъ, дайте слово что сдѣлаете?

— Не дамъ, прежде скажите.

— Зайдите къ нему. Когда я ушла, онъ плакалъ какъ ребенокъ. Отнесите ему вотъ эту вашу записку, онъ еще не читалъ ея. Она попалась мнѣ въ руки распечатанная; какъ это случилось, вамъ нечего объяснять, только это помимо воли моей случилось. Думала ли я что изъ такихъ случайностей можетъ выйти такая непріятная исторія. Итакъ, вы къ нему зайдете и.... и объясните...

— Ни заходить къ нему, ни объяснять ему что-либо я не намѣренъ, рѣзко отвѣчалъ Тертіевъ, и за нѣсколько минутъ смѣющееся лицо его приняло строго-суровое выраженіе. —

Вы мнѣ скажете, что это онъ по ошибкѣ назвалъ меня подлецомъ, стало-быть, мнѣ извинить его слѣдуетъ, нѣтъ-съ, это не такъ-съ! Если у меня украдутъ часы, а я по ошибкѣ назову васъ воровкой, не знаю, будете ли вы послѣ этого говорить со мной. Это ясно, стало-быть вы меня не просите, потому что это будетъ совершенно напрасно. Вы жена, и хотите съ нимъ разстаться за оскорбленіе, а я, не жена, а просто пріятель, долженъ быть снисходительнѣе жены. Онъ можетъ съ повинной придти ко мнѣ. Да и этого я ему дѣлать не совѣтую; ибо это слово „подлецъ“ такое слово, что его никакими тряпками не сотрешь, никакими сладкими рѣчами не замажешь. Я могу презирать такое оскорбленіе, но не прощать! Такъ вы и знайте, милѣйшая!

— Ну, съ вами дѣлать нечего, благодарю васъ. Прощайте!

— Прощайте, Людмила Григорьевна, жаль мнѣ васъ!...

„Эхъ жизнь, проводивъ ее глазами и насупивъ на глаза фуражку, подумалъ Тертіевъ;—вотъ, были знакомы, видались, спорили иногда, начинали, можетъ-быть, понимать другъ друга, вдругъ какая-нибудь нелѣпость, пошлость какая-нибудь—и прощай! оборвалась нить! Неужели это было послѣднее наше свиданіе? Судя по всему, она сойдется съ мужемъ; она изъ числа прощающихъ, а все-таки, врядъ ли она долго будетъ любить его!...“

XXV.

Людмила Григорьевна немедленно, то-есть не заѣзжая домой, поселилась у своей тетушки. Чтобы не пугать ея и не перетревожить, она разказала ей свою ссору съ мужемъ такъ, что вышло только смѣшно. Чахоточная тетушка выслушивала этотъ анекдотъ сидя въ постели и уже работая спицами.

— Что же ты намѣрена теперь дѣлать? тряся головой, спросила она племянницу.

— Я, ma tente, намѣрена его помучить и остаться съ вами.... Прежде чѣмъ онъ не придетъ въ себя, прежде чѣмъ не убѣдится что онъ кругомъ виноватъ,—я къ нему не поѣду.

— Вотъ оно что! вся по характеру въ моего покойнаго братца. „А Арката дурень, въ мать пошелъ, подумала про себя, Клара Ивановна.—Приди-ка онъ сюда, дамъ я ему чужія

записки читать! Эдакой пустой мальчишка! ни о чемъ серіозно не думаетъ!"

Прошелъ день; пришла ночь. Людмила Григорьевна легла на диванѣ въ спальной у своей тетушки.

— Какъ это странно! сказала она, ложась.—Опять я съ вами! точно и замужъ не выходила!

— Только какъ же это, моя милая, ты со мной останешься. Можетъ-быть, твой дуракъ мужъ не одумается, не сознается въ винѣ своей и все-таки завтра же тебя къ себѣ потребуетъ!...

— Я завтра не пойду, особливо если онъ потребуетъ. Да если онъ будетъ требовать, я и вовсе не пойду, какъ бы я его ни любила. Умру, а не пойду, горячо подтвердила Людмила Григорьевна.

— А если онъ тебѣ не дастъ паспорта.

— Какого паспорта?

Тетушка, откашлявшись, разказала ей въ чемъ дѣло. (Она же когда-то и Сводъ Законовъ читала.)

— Какъ! а еслибы мужъ оказался мерзавцемъ и негодяемъ первой степени! Еслибъ онъ не любилъ меня и въ то же время хотѣлъ бы у себя въ домѣ держать меня какъ мебель, какъ крѣпостную, и не давалъ бы мнѣ паспорта! Что тогда?

— И тогда ты обязана была бы жить съ нимъ.

— Еслибы жить съ нимъ не было никакой человѣческой возможности, еслибы онъ напивался и билъ меня?

— И тогда бы, матушка, безъ его паспорта тебя бы никто къ себѣ не принялъ.

— И такой законъ?

— Такой законъ.

— Да вѣдь такой законъ держитъ сторону негодяевъ. Честный и образованный, или просто доброй души человѣкъ всегда дастъ паспортъ женѣ, если та не захочетъ жить съ нимъ. Напримѣръ, какъ я ни зла на моего мужа, а я увѣрена что онъ непремѣнно пришлетъ мнѣ паспортъ, если я объ этомъ попрошу его. Чью же руку держитъ законъ? На чьей онъ сторонѣ?... на сторонѣ злыхъ и эгоистовъ, на сторонѣ тѣхъ которымъ пріятно нравственно добивать жену свою....

— Кому это пріятно? поморщившись и оправляя на себѣ одѣяло, замѣтила тетушка: — откуда ты это вычитала? Ты думаешь, еслибъ у тебя были грудныя дѣти, ты бы могла

спокойно ночевать у меня, могла бы изъ пустаго каприза покинуть домъ свой.

Людмила Григорьевна забыла что тетушкѣ нуженъ покой, что уже двѣнадцатый часъ ночи, что уже свѣча догараетъ, и стала возражать, пускаться въ разсужденія.

Долго молча слушала ее чахоточная тетушка; наконецъ вдругъ привстала, упираясь на руки, сѣла на кровати, въ бѣлой кофтѣ, въ бѣломъ чепцѣ, худая, страшная, и тѣнь ея, съ дрожащею головой на сухой и длинной шеѣ, обрисовалась на стѣнѣ за ея постелью.

— Люля! сказала она.

— Что тетушка?

Людмила Григорьевна испугалась.

— Ты.... ты нигилистка!... ты....

— Ахъ, ma tante, успокойтесь. Неужели размышлять значитъ быть нигилисткой?

— Да развѣ я учила тебя такъ размышлять?

— Размышленіямъ учитъ жизнь, ma tente! Ради Бога, успокойтесь! Мало ли что я говорю, и мало ли что иногда лѣзетъ въ голову.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ несчастна, Люля, если ты такъ разсуждаешь?

И въ голосѣ старухи послышались слезы.

— Я счастлива, ma tante, и буду счастлива. Вотъ вы увидите! Дайте только мнѣ выдержать характеръ. Развѣ вы не видите что мужъ до ослѣпленія меня любитъ, иначе бы онъ и не ревновалъ меня....

— А ты?

— И я люблю, успокойтесь, ma tante. Онъ добрый малый и совсѣмъ не такой вѣтренникъ! Право же, не шутя говорю вамъ, что я люблю его. Дня черезъ три, четыре, мы сойдемся, и все пойдетъ какъ по маслу. Я его изучила.... я.... я знаю теперь какъ мнѣ вести себя....

— Ахъ, Люля, Люля! какъ ты меня напугала своими размышленіями! И я училась, и я читала, и никогда не доходила до такихъ мыслей.

Людмила Григорьевна босикомъ перескочила къ постели своей тетушки, поцѣловала ее и стала увѣрять ее что она совершенно такого же мнѣнія, что напрасно она тревожится и пр., и пр.

Старуха опять улеглась; свѣча догорѣла, и Людмила Григорьевна, задувъ ее, также протянулась на диванѣ, но долго

не спала, и долго мысленно упрекала себя за то что своими, ей самой непривычными, разсужденіями такъ встревожила свою престарѣлую воспитательницу, иначе сказать, вторую мать свою.

XXVI.

Мальчикъ-слуга, воротившись домой безъ барыни, былъ позванъ Атуевымъ въ кабинетъ и разсказалъ ему какъ умѣлъ о свиданіи Людмилы Григорьевны съ Тертіевымъ. Баринъ допрашивалъ его, повидимому, безъ всякаго любопытства, даже въ рукахъ державъ какую-то книгу и покраснѣвшими глазами глядѣлъ въ нее, даже имѣлъ видъ все уже знающаго напередъ, или совершенно довольнаго женой своею, какъ поступившею на этотъ разъ сообразно съ данною ей инструкціей. Мальчишка, конечно, не подозрѣвалъ что̀ такое творится въ домѣ; но въ кухнѣ уже шли разныя сплетни и пересуды: кухарка была за барина, горничная— за барыню, хотя и у той, и у другой были одни и тѣ же подозрѣнія; не было только рѣшено: кто изъ двухъ, то-есть баринъ приревновалъ, или барыня заартачилась, а ужь что-нибудь да не даромъ....

На другой день Атуевъ получилъ записку слѣдующаго содержанія:

„Надѣюсь, что вы позволите мнѣ взять кое-что изъ вещей моихъ. Пришлите мнѣ мои подушки, одѣяло и часть бѣлья. Надѣюсь, что въ мое отсутствіе вы совершенно успокоитесь; я также съ своей стороны постараюсь о васъ не думать. Прощайте!“

„Л....“

Атуевъ самъ вышелъ въ кухню къ посланной и спросилъ о здоровьѣ тетушки, и какъ провела у ней ночь жена его?

— Все слава Богу-съ, отвѣчала горничная,—тетушка приказали кланяться-съ.

Это: „приказали кланяться“ она уже прибавила отъ себя; но Атуевъ повѣрилъ что ему прислали поклонъ, и это его немножко успокоило.

Затѣмъ онъ написалъ женѣ своей:

„Требуйте все что̀ нужно. Такъ какъ я люблю васъ, а не въ силахъ былъ вынести вашу измѣну и оскорбилъ васъ

невольно. Никакое ученіе, хотя бы и соціалистическое, не оправдываетъ обмана и не возводитъ въ принципъ лукавство.... Я бы никогда не позволилъ себѣ васъ обманывать, изъ уваженія къ человѣческому достоинству. Надѣюсь, что Тертіевъ, если только вы съ нимъ видѣлись, подтвердилъ вамъ слова мои. Какъ ни горько, какъ ни тяжело съ вами разстаться, поступайте какъ знаете, и будьте счастливы....

„Остаюсь вашъ любящій и несчастный N. А.“

Посланная получила подушки, цѣлую корзину бѣлья, записку и рубль на извощика.

Когда она уѣхала, Атуевъ вошелъ въ спальню, легъ на свою брачную, двуспальную кровать и опять залился слезами. Онъ вспомнилъ что чрезъ два-три дня Рождество Христово, что въ этотъ день онъ мечталъ о подаркѣ женѣ своей; мечталъ о томъ какъ будетъ этотъ подарокъ принятъ, и какимъ восторженнымъ поцѣлуемъ отдаритъ его благовѣрная.

„Все пошло къ чорту!“ подумалъ Атуевъ, и никакъ не могъ на этой фразѣ успокоиться. Семейная жизнь уже успѣла пустить въ него свои цѣпкіе корни, и вырвать ихъ было не легко ему.

Чрезъ день, по городской почтѣ, онъ опять получилъ письмо, увидѣлъ на конвертѣ почеркъ жены, и сердце забилось въ немъ радостнымъ предчувствіемъ; но это было мерцаніе его собственныхъ, имъ самимъ еще не вполнѣ сознанныхъ надеждъ и желаній (а онъ желалъ или оправданія, или признанія, или, по крайней мѣрѣ, того отчаянія, въ которомъ слышались бы и любовь, и горе). Увы! конвертъ заключалъ въ себѣ, вопервыхъ, просьбу прислать ей свидѣтельство на отдѣльное жительство, вовторыхъ, записку Тертіева, причемъ Людмила Григорьевна откровенно разсказала ему какъ она попала къ ней въ руки, и совѣтывала ему, если онъ встрѣтитъ Аркашу, выбранить его за разсѣянность.

И то и другое было для Атуева громовымъ ударомъ. Онъ увидалъ что жена его не шутитъ, и главное, уразумѣлъ изъ письма Тертіева, что не только напрасно онъ оскорбилъ жену свою, но и Тертіева назвалъ подлецомъ совершенно напрасно. „Я смѣшонъ!“ сокрушенно повторялъ Атуевъ, стоя посреди своего кабинета, разставивъ ноги и подбоченившись. „Вѣдь я смѣшонъ!! Все могу я вынести, — этого не вынесу!... Это.... это ужасно! Я смѣшонъ! Она меня презираетъ! Что же такое я надѣлалъ?... Ухъ!...“ Потомъ онъ расхаживалъ,

махалъ руками и горячился.... „Какъ смѣть читать чужія записки!“ кричалъ онъ самъ про себя (потому что можно и *про себя кричать*, когда монологъ не на подмосткахъ сцены, а на сценѣ жизни дѣйствительной). „Развѣ это не подлость! Приходитъ ко мнѣ записка, онъ беретъ, распечатываетъ, читаетъ, отдаетъ не мнѣ, а женѣ моей! По какому праву?... Гдѣ я наконецъ! Кто заплатитъ мнѣ за всѣ страданія которыя я съ тѣхъ поръ вынесъ! Сколько потерялъ, потому что ничего не могъ работать; рѣшительно ничего не лѣзло въ голову! Разсѣянность! Положимъ, разсѣянность! Зачѣмъ же онъ не извинился? Зачѣмъ не мнѣ отдалъ записку?... Тьфу! Подлость!... И Тертіевъ дуракъ! Чортъ знаетъ что̀ вообразилъ себѣ. Очень мнѣ нужна его Анна Семеновна!... Я такъ же объ ней думаю какъ о чужихъ подошвахъ. Вообразилъ что ревную къ ней! Скажите пожалуста!...“

Такъ кипятился Атуевъ.

Ночью онъ писалъ длинное, страстное посланіе къ женѣ своей, упрекалъ себя, просилъ, умолялъ ее простить его, но о паспортѣ ни слова. Письмо это осталось безъ отвѣта. Наступилъ канунъ Рождества; никогда еще такъ страшно не тосковалъ онъ, не падалъ такъ духомъ, какъ въ тотъ день. Квартира безъ жены показалась ему могилой. Онъ страдалъ ужасно; все думалъ какъ ему поступить, и въ рожественскую полночь, сидя у себя въ кабинетѣ, придумалъ написать письмо и вслѣдъ затѣмъ отравиться. Онъ писалъ:

„Я рѣшился умереть. Жизнь меня обманула. Судьба поставила въ такое положеніе, что явно я не могу ни говорить, ни писать, ни дѣйствовать. Я родился свободнымъ, и умру свободнымъ! Радуюсь что этого права, права умереть, никто, никакая деспотическая власть отнять у меня не можетъ. Никого не вините въ моей рѣшимости. Все мое завѣщаю женѣ моей.“

„Николай Атуевъ.“

Вотъ какой поводъ къ самоубійству избралъ для себя Атуевъ! Сочиняя это письмо, онъ услаждалъ себя мыслію что строчки имъ начертанныя будутъ перепечатаны во всѣхъ газетахъ: что если ему не удалась слава при жизни, по крайней мѣрѣ пусть хоть имя его, какъ мученика идеи не вынесшаго на плечахъ своихъ всей тяжести современной дѣйствительности, прошумитъ вслѣдъ за извѣстіемъ о его страдальческой кончинѣ. Письмо это было однакоже не съ разу

написано; онъ пугался собственныхъ фразъ своихъ; иногда вставалъ, ходилъ, разъ даже заглянулъ въ кухню, и тамъ впе-рилъ глаза свои на икону озаренную праздничною лампад-кой. Кухарка спала раскрывъ ротъ, и похрапывала. Атуевъ и на нее поглядѣлъ; „вотъ и она, подумалъ онъ, удивится что баринъ умеръ.... А Люля! Люля моя!... Неужели и она не пой-метъ, что это она меня убила, что я не могу жить, потерявъ навсегда любовь ея.... Ахъ, Люля, Люля!...“

„Нѣтъ! подумалъ онъ, ложась спать:—погожу еще день или два. Для праздника не слѣдуетъ тревожить ни людей моихъ, ни жену.“

XXVII.

Въ первый день Рождества Атуевъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ и, повидимому, былъ покоенъ; только когда спраши-вали его: „а какъ здоровье вашей супруги?“ сердце у него сжималось, онъ отвѣчалъ:

— Слава Богу-съ, но тетушка ея, Клара Ивановна, очень плоха, она теперь у ней пока, въ родѣ сестры милосердія.

— И вы одни теперь?

— Что̀ дѣлать! пожимая плечами отвѣчалъ Атуевъ.

На другой день ему почудилось что, воротившись домой, онъ непремѣнно найдетъ у себя въ кабинетѣ жену свою, но ошибся, и поѣхалъ походить предъ ея окошками, на Конюшенной.

Были сумерки; онъ уже возвращался съ своей прогулки и нечаянно встрѣтилъ одного доктора, по фамиліи Бурко, пріятеля и однокашника Тертіева.

— Гдѣ вы живете? спросилъ его Атуевъ.

— А вотъ тутъ, на дворѣ.

— Можно зайти къ вамъ?

— А зайдите, потолкуемъ. Вы гдѣ обѣдаете?

— Я.... нигдѣ.

— Какъ нигдѣ?

— Такъ, нездоровится что-то.

— Ну, мы васъ полѣчимъ.

— Ну, вотъ, и прекрасно.

— Что̀ вы говорите: прекрасно?

— А то что, я увѣренъ, вы мнѣ поможете. Давно ли вы были у Тертіева?

— Вчера былъ.

— Онъ вамъ ничего не говорилъ?

— Ничего, а что?

— Такъ,. ничего.... кажется, сама судьба послала мнѣ васъ на встрѣчу.

Перебрасываясь подобными вопросами и подобными отвѣтами, оба они вошли подъ ворота, потомъ направо по двору, и наконецъ по лѣстницѣ во второй этажъ, налѣво.

Атуевъ никакъ не ожидалъ чтобы товарищъ Тертіева, одного съ нимъ выпуска и такой же бѣднякъ, жилъ такъ богато. Кабинетъ Бурка былъ убранъ не только со вкусомъ, но и съ нѣкоторою роскошью. Книги выглядывали изъ великолѣпныхъ маленькихъ шкапчиковъ съ рѣзными украшеніями. За стеклами и безъ стеколъ, на коммодѣ и на этажеркахъ стояли снаряды; тутъ были и кресла для изслѣдованія больныхъ, и спирометръ для страждущихъ грудными болѣзнями. Чего, чего не было! На диванѣ лежали шитыя по бархату подушки; въ углу топился каминъ, ярко озаряя пестроту всего этого разнообразія и уголъ кабинетнаго стола, на которомъ торчали ящики для сигаръ и подсвѣчники въ видѣ уродливыхъ, вытянутыхъ, словно зеленою ярью подернутыхъ фигуръ, однимъ словомъ, модные, хотя и безобразные подсвѣчники. Атуевъ сразу понялъ что напалъ на квартиру человѣка практическаго, умѣющаго пользоваться всякимъ случаемъ не безъ пользы для своихъ кармановъ.

— Вы, кажется, счастливы? сказалъ ему Атуевъ.

— А что?

— Да такъ, по всему видно что вы не однихъ дворниковъ да прачекъ лѣчите, какъ Тертіевъ.

— У Тертіева никогда не будетъ практики, отвѣчалъ хозяинъ, улыбаясь и подчуя Атуева настоящими гаванскими сигарами.

— Отчего же это?

— А! Да оттого, вопервыхъ, что онъ много пишетъ: это хорошо для науки, но не для публики; вовторыхъ, потому что много говоритъ и часто неудачно, невпопадъ говоритъ, а втретьихъ, потому что больнымъ льстить не умѣетъ, а это главное.

— Да какъ же это льстить?

— Очень просто: на каждаго умирающаго смотрите какъ на человѣка безсмертнаго, на каждую разслабленную, развинтившуюся, капризную барыню, какъ на существо неземное, на каждаго мнимо-больнаго, какъ на человѣка опасно заболѣвшаго, и у васъ непремѣнно будетъ практика, разумѣется, если при этомъ вы ловки, не безъ лукавой улыбки добавилъ онъ, зажигая свѣчку.

— Докторъ, я къ вамъ съ просьбой, сказалъ наконецъ Атуевъ,—помогите мнѣ умереть, жизнь невыносима. Что за климатъ! Что за люди! Что за мерзость кругомъ творится, куда ни поглядишь! Дайте мнѣ на всякій случай какого-нибудь.... здакого порошка, ну, да вы понимаете. Я нарочно къ вамъ обращаюсь, потому что вы человѣкъ вполнѣ современный, для васъ самоубійство не есть преступленіе.

— Гм! промычалъ хозяинъ, усѣвшись противъ него въ кресла, и поглядывая въ каминъ, спросилъ его:—Такъ жизнь вамъ надоѣла, значитъ?

— Да и къ чему жить? Были идеи, были надежды и вѣра въ лучшее, все прошло. Чувствуешь, что только землю бременить даромъ.... Вы не думайте что я съ тоски или съ отчаянія, нѣтъ, просто отъ того что сознаю, ну..... какъ бы это выразиться, дошелъ до такого сознанія что жить безъ какого-нибудь общественнаго дѣла, безъ какой-нибудь цѣли, значитъ не жить.... Понимаете?...

— Понимаю. Гм!...

— Если вы мнѣ и не дадите яду, вы этимъ меня не спасете; я или въ прорубь брошусь, или сѣрныхъ спичекъ наѣмся....

На это докторъ спокойно ему замѣтилъ что, конечно, онъ его не спасетъ, но по крайней мѣрѣ отвѣчать за него не будетъ.

— А какъ это узнаютъ, позвольте васъ спросить, какъ узнаютъ что я получилъ отъ васъ какое-нибудь зелье или снадобье? Не бойтесь, я не разъ говорилъ женѣ своей что у меня есть ядъ, что во всякое время могу отправить себя въ поля елисейскія, и она мнѣ вѣрила.

„Ну, едва ли тебѣ хочется въ елисейскія!“ подумалъ про себя докторъ и сказалъ ему:

— Хорошо-съ, за мной дѣло не станетъ.

Атуевъ сейчасъ же повелъ разговоръ на другой тонъ, сталъ трунить надъ его интрижками и ему завидовать.

Черезъ полчаса хозяинъ поднялъ портьеру и вышелъ въ

другую комнату, пробылъ тамъ минутъ десять и вынесъ Атуеву небольшую сткляночку какого-то изсѣро-бѣлаго порошка.

— Смотрите жь, шепнулъ онъ ему,—не выдайте меня, это довольно сильный ядъ.

Атуевъ взялъ сткляночку, спряталъ ее къ себѣ въ боковой карманъ и сказалъ:

— Не безпокойтесь, это тайна.... Только нѣтъ ли у васъ зельтерской воды или чего-нибудь эдакаго, у меня жажда.

— А чаю не хотите?

— Да вѣдь вы же еще не обѣдали?

— Я былъ на именинахъ, и такъ позавтракалъ, что обѣдать не буду.

— А какого нынче святаго?

— Да должно быть Якова, двадцать шестое число.

— Ну, дайте мнѣ чаю.

Бурко звонкомъ позвалъ человѣка и велѣлъ ему чаю подать.

Атуевъ мало-по-малу пришелъ опять въ такое грустное настроеніе духа, что докторъ не шутя сталъ думать что Атуеву плохо, и даже какъ будто раскаялся что далъ ему ядъ. Атуеву же хотѣлось все разсказать доктору, все что съ нимъ случилось, и какъ у человѣка практическаго, попросить у него совѣта, но одна мысль его удерживала: онъ когда-то слышалъ отъ Тертіева, что докторъ Бурко не только сплетничаетъ не мало, но даже анекдоты разные про своихъ знакомыхъ выдумываетъ; это пугало Атуева, и его порываніе къ откровенности такъ и осталось однимъ безплоднымъ, глухимъ порываніемъ.

— Прощайте, докторъ! Постойте, между нами будь сказано, какое дѣйствіе оказываетъ вашъ порошокъ?

— Тсъ!... и Бурко глазами показалъ на своего слугу, выносившаго подносъ со стаканами. — Если вы весь его примете, то чрезъ полчаса умрете.

— Значитъ, не вдругъ,—это скверно.... быть-можетъ, еще боль будетъ страшная, я этого не хочу.

— А! ну ужъ я не знаю! впрочемъ, не думаю. Если у васъ внутри нѣтъ никакого органическаго поврежденія, то вы и не почувствуете, только заснете. Эдакое замираніе во всемъ тѣлѣ,—понимаете? А если вы примете половину этой порціи, то можете еще успѣть и завѣщаніе написать. Раньше

часу или двухъ не подѣйствуетъ; тогда можно будетъ даже еще и спасти васъ; у меня есть противоядіе.

— А если спасете, то никакихъ послѣдствій?

— А! это судя по организму!...

— Ну, прощайте.

— Прощайте, Атуевъ, только постойте, не пеняйте на меня, сами просили. Помните это, Атуевъ.

— Еще бы, отвѣчалъ тотъ въ полголоса, — пенять! Напротивъ, благодаренъ вамъ; вы не лишили меня послѣдняго права; какъ равный съ равнымъ со мной поступили.

Когда же Атуевъ вышелъ на улицу, онъ подумалъ: „Вотъ чортъ! даетъ мнѣ смерть, помогаетъ отравиться,—и это ему ни почемъ: точно я для него лягушка, или крыса! Эдакое, подумаешь, желѣзное времечко! Какъ, кажется, не закалиться въ этакой средѣ... Неужели никто и не вздохнетъ коли я отравлю себя?... Какъ будто я вздыхалъ о тѣхъ самоубійцахъ о которыхъ каждый мѣсяцъ читалъ въ извѣщеніяхъ отъ полиціи! да-а!... О Люля, Люля! до чего я дошелъ! Но неужели и ты.... холодное существо! и ты не заплачешь!...“

Искреннее горе, искреннее чувство и истинное раскаяніе въ Атуевѣ безпрестанно мѣшались съ чѣмъ-то фальшивымъ, неестественнымъ, натянутымъ, притворнымъ, но это онъ едва ли замѣчалъ въ себѣ.

XXVIII.

Того же дня, въ девятомъ часу вечера, Людмила Григорьевна была испугана своею горничною, Степанидой, которая, вызвавъ ее въ переднюю, торопливымъ голосомъ сообщила ей что баринъ умираетъ и проситъ ее заѣхать къ нему проститься.

Людмила Григорьевна оцѣпенѣла, но не вдругъ повѣрила, схватила горничную за руку, и спросила:

— Правду ли ты говоришь мнѣ? Если это обманъ....

— Ей Богу, барыня.... Руки похолодѣли, на силу языкомъ ворочаетъ.

Не заходя въ спальню тетушки, Людмила Григорьевна, дрожа всѣмъ тѣломъ, накинула на себя салопъ, капоръ, сбѣжала съ лѣстницы и на извощикѣ, который дожидался ея у подъѣзда, покатила къ себѣ на квартиру.

Никакъ не ожидала она ничего подобнаго. Ей уже становилось скучно въ гостяхъ у больной тетки, и она непремѣнно бы поѣхала къ мужу, еслибы тотъ прислалъ ей паспортъ; но мужъ не прислалъ ей этого паспорта, и она упрямилась. Думала ли она что случится такая катастрофа! Представьте же себѣ весь ужасъ бѣдной женщины, когда она увидала мужа своего на диванѣ, блѣднаго какъ полотно, съ закатившимися глазами, съ хрипотой въ горлѣ, и предъ нимъ на столѣ, возлѣ очковъ, недопитый стаканъ со слѣдами какого-то порошка. Она схватила его за руку, рука была холодна. Чувствуя что голова ея кружится, Людмила Григорьевна упала на колѣна, и со слезами на глазахъ, припала головой на грудь своего мужа.

Онъ обнялъ эту милую для него голову и спросилъ:

— Это ты, Люля? Прости меня!

— Безумный, безумный! что ты надѣлалъ? Говори скорѣй что ты съ собой сдѣлалъ?... Какъ могъ ты, несчастный, сомнѣваться въ любви моей! Какъ могъ ты....

И она, плача, стала обнимать и цѣловать его.

— Спаси меня, шепнулъ ей мужъ.—Еще есть время; у доктора Бурка, что на Малой Конюшенной, есть противоядіе... Если онъ дома, я спасенъ. Скорѣй.... или пошли за нимъ, или дай мнѣ умереть.... Охъ!...

Не прошло пяти минутъ какъ всѣ люди были подняты на ноги; кухарка послана за молокомъ, мальчикъ и горничная оба поѣхали искать доктора Бурка и во что бы то ни стало привести его.

Можете себѣ представить какими ужасными казались и ей, и ему минуты ожиданія!

Людмила Григорьевна не жалѣла никакихъ ласкъ, никакихъ утѣшеній; поила своего мужа на-скоро вскипяченнымъ молокомъ; но тотъ увѣрялъ ее что ему не легче, что онъ чувствуетъ замираніе во всемъ тѣлѣ, жженіе въ груди, и при этомъ раскаивался, проклиналъ докторовъ, жалѣлъ о жизни, плакалъ отъ страха, и уже готовъ былъ упасть въ обморокъ, когда раздался громкій звонокъ въ передней, и вбѣжавшая горничная возвѣстила о пріѣздѣ доктора.

Атуевъ замѣтно ожилъ; надежда озарила его туманную голову.

— Я вижу, сказалъ докторъ Бурко, входя въ кабинетъ съ такимъ строгимъ и злымъ лицомъ, что несмотря на всю его

красивую наружность и румяныя щеки, Людмила Григорьевна поглядѣла на него какъ на чудовище, — я вижу что съ вами нельзя имѣть дѣла. Вы посылаете за мной людей, и опоздай я къ вамъ пріѣхать, на меня бы пало подозрѣніе что я вамъ далъ что-то вредное, тогда какъ я вамъ ничего такого вреднаго не далъ.... Меня бы ради васъ притянули къ слѣдствію, и вы, милостивый государь, испортили бы мою репутацію.

— Но до репутаціи ли, когда нужно спасти человѣка? проговорила Людмила Григорьевна.

— Мнѣ моя репутація дороже-съ, отвѣчалъ Бурко съ нѣкоторымъ озлобленіемъ.

— Спасите, докторъ, я чувствую....

— Ну что вы чувствуете? Покажите языкъ. Гдѣ порошокъ мною вамъ прописанный?

— Я не помню, докторъ, вотъ онъ на столѣ письменномъ..

Докторъ взялъ сткляночку, поднесъ ее къ свѣту, и улыбка покривила его губы.

— Вы однакоже и половины не приняли! Куда годится такое животолюбіе? Я никакъ этого не ожидалъ отъ васъ. Сударыня, сказалъ онъ, съ ногъ до головы оглядывая Людмилу Григорьевну и какъ бы любуясь встревоженною красотой ея,—пока я дамъ ему противоядіе, пожалуста, прикажите большой горчичникъ сдѣлать, это главное.

Людмила Григорьевна побѣжала въ кухню дѣлать горчичникъ.

Только что она вышла, Бурко нагнулся надъ ухомъ умирающаго и шепнулъ ему:

— Отъ сахару съ перцемъ не умираютъ. Полноте воображать себя умирающимъ. Чего еще добраго, отъ одного воображенія на тотъ свѣтъ отправитесь.

— Докторъ! неужели? спросилъ Атуевъ, и краска выступила на лицѣ его. — Ради Бога, не говорите женѣ моей что вы меня надули. Какъ же вамъ это не совѣстно!

— Ну, вотъ еще вздумали какую претензію объявлять. Сами рады что я надулъ. Небось, кабы на самомъ-то дѣлѣ захотѣли умереть, весь бы порошокъ приняли. Я съ васъ меньше двадцати пяти рублей за этотъ визитъ не возьму, потому что вы помѣшали мнѣ; я вотъ теперь опоздаю.... Меня въ пяти домахъ ждутъ....

— Хорошо, хорошо, докторъ, пробормоталъ Атуевъ, а самъ

подумалъ: „Ну, этотъ докторъ не умретъ съ голоду; онъ не Тертіевъ.“

И надо отдать справедливость Атуеву, въ эту минуту мысленно онъ не пощадилъ себя, порядкомъ себя выругалъ.

Людмила Григорьевна принесла горчичникъ, и докторъ при ней преспокойно облѣпилъ животъ своего пріятеля.

— Ужь онъ далъ мнѣ противоядіе, сказалъ Атуевъ, — мнѣ легче; успокойся ради Бога....

— Докторъ, докторъ! Что бы не вы?... Пожалуста, побраните его, сумашедшаго. Можно ли такъ?... лепетала благодарная Людмила Григорьевна, сидя у ногъ своего ожившаго супруга.

— А кто у васъ домовый докторъ? спросилъ ее Бурко.

— У насъ нѣтъ домоваго доктора.

— Возьмите меня, я возьму съ васъ не дорого.

Атуевы согласились. Бурко повеселѣлъ, напился чаю, полюбезничалъ, получилъ 25 рублей и уѣхалъ.

Разумѣется. Людмила Григорьевна осталась съ мужемъ и послала къ тетушкѣ записку съ увѣдомленіемъ что она ночевать у ней не будетъ.

Атуевъ былъ очень радъ, сбросилъ съ себя горчичникъ, и какъ сумашедшій, цѣловалъ чуть не до утра жену свою.

Я также радъ что все благополучно кончилось. Трагическій конецъ былъ бы даже какъ-то и не къ лицу Атуева. Но неужели конецъ?

Господа, пока жизнь тянется, конецъ одного есть начало другому или, лучше сказать, не видать ни конца, ни начала. Чувствуются одни только превращенія, и тѣ совершаются такъ незамѣтно, что не всякому глазу, постоянно за ними слѣдящему, уловить ихъ колеблющееся движеніе.

Съ того времени прошло не Богъ знаетъ сколько лѣтъ, но ужь Атуевъ не совсѣмъ тотъ Атуевъ какимъ вы уразумѣли его въ этой повѣсти. Онъ уже совершенно подъ башмакомъ жены своей, состоитъ на службѣ, получаетъ порядочное жалованье и въ виду имѣетъ выгодное мѣсто, къ тому же у него двое дѣтей, двое маленькихъ Атуевыхъ. Жизнь его окончательно разошлась съ его убѣжденіями; но теоріи, какъ ни шатки они были въ душѣ его, до такой степени пріучили его къ извѣстнымъ взглядамъ и къ извѣстнымъ тенден-

ціозными выраженіями, что и теперь Атуевъ говоритъ то же самое, также называетъ себя раціоналистомъ, также вѣруетъ въ одни естественныя науки, хоть самъ ими и не занимается; также нападаетъ на искусство, то-есть требуетъ отъ него чего-то такого что онъ и самъ порядочно не сознаетъ. Съ Тертіевымъ онъ сошелся не скоро, но сошелся на столько, что при встрѣчѣ на улицѣ или въ гостяхъ попрежнему съ нимъ разговариваетъ; изъ числа этихъ разговоровъ приведу одинъ, которому я былъ свидѣтелемъ. Рѣчь шла о страстяхъ и о томъ, страсти ли дѣйствуютъ на умъ или умъ возбуждаетъ страсти? Между прочимъ кто-то заговорилъ о ревности.

— Ревности не должно быть, провозгласилъ Атуевъ, и опустилъ глаза, потому что Тертіевъ поглядѣлъ на него такъ, какъ ястребъ глядитъ на свою добычу.

— Эхъ, „не должно быть“! возразилъ не безъ злости Тертіевъ.—Еслибъ ты сказалъ что ревность, какъ и всякая другая страсть, должна быть умѣряема воспитаніемъ или разсудкомъ, однимъ словомъ, находить въ насъ самихъ противовѣсъ или границу, я бы тебя понялъ, а то „не должна“! Это то же самое еслибъ я сказалъ тебѣ: носъ твой не долженъ слышать запаху дегтя, или тебѣ на морозѣ не должно быть холодно, а лѣтомъ на солнцѣ—жарко.... Вонъ, бываютъ и такіе индивидуумы, которые и безъ селезенки жили нѣсколько лѣтъ: слѣдуетъ ли изъ этого что у человѣка, или у Атуева, не *должно* быть селезенки? Это. братецъ, не раціональный взглядъ, а фантазія.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ГРАФЪ ПАНИНЪ

УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

IV. Объѣздъ графомъ Панинымъ ввѣреннаго ему края.

Въ первой главѣ настоящаго сочиненія мы уже довольно подробно выяснили причины не позволившія графу Панину выѣхать изъ Москвы тотчасъ по полученіи увѣдомленія о назначеніи его главнокомандующимъ. Причинами этими были, съ одной стороны, боязнь, раздѣляемая и императрицей-чтобы Пугачевъ не бросился къ Москвѣ и не сдѣлалъ въ ней „пакость какую ни на есть", а съ другой—необходимость не только дождаться слѣдовавшихъ въ Москву войскъ, но и выждать пока они нѣсколько выдвинутся впередъ, чтобы потомъ слѣдовать вмѣстѣ съ ними.

Выѣхавъ 17-го августа изъ Москвы, графъ Панинъ не могъ не составить себѣ самаго печальнаго взгляда на тогдашнее положеніе дѣлъ въ краѣ, который ему предстояло усмирить и привести въ прежнее спокойствіе. Не говоря уже о слухахъ, всегда и все преувеличивающихъ, офиціальныя извѣстія, сами по себѣ, были настолько мрачны что не оставалось никакого сомнѣнія въ отчаянномъ положеніи всего Поволжья. Съ главнаго театра дѣйствій Пугачева было получено (какая-нибудь или въ день выѣзда Панина изъ Москвы) извѣстіе о

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3 и 4.

разграбленіи имъ Саратова, а изъ пройденныхъ его шайками мѣстъ во множествѣ присылались донесенія о бунтѣ крестьянъ. Донося о своемъ выѣздѣ изъ Москвы, Панинъ былъ правъ, прибавивъ, что чернь всюду поднялась, слушаясь подсыльныхъ отъ Пугачева, и что „сіе пламя прорывается уже по здѣшней сторонѣ Волги, не только въ одной Нижегородской, но и въ Воронежской и Московской губерніяхъ, разнестіяся отъ него искры въ черни конечно вездѣ куда только оныя достигнуть могли совсѣмъ готовы воспламениться“ (дѣло № 26.429 ст. 58). Около этого же времени Панинъ писалъ князю Голицыну что положеніе „дѣла нашего въ самомъ предосудительномъ для насъ состояніи“. *

Свѣдѣнія, полученныя Панинымъ въ Москвѣ изъ поднявшагося края, мы постараемся сгруппировать въ одно цѣлое дабы показать что масса населенія столько уже была наслышана о Пугачевѣ и объявляемой имъ свободѣ, съ такимъ нетерпѣніемъ ждала его, и вообще такъ сильно была наэлектризована, что дѣйствительно достаточно было только искры чтобы начался пожаръ. Появленіе двухъ, трехъ мятежниковъ подымало цѣлые города и села и служило сигналомъ къ арестованію дворянъ и мѣстныхъ властей.

До Алатыря, гдѣ Пугачевъ былъ съ 23-го по 25-е іюля, мятежники шли одною толпой; появленіе ихъ за Волгой было еще слишкомъ недавно, и численность ихъ невелика чтобы можно было допустить отдѣленіе боковыхъ отрядовъ, но на пути отъ Алатыря на Саранскъ и далѣе начали отдѣляться отъ главной шайки Пугачева небольшія толпы и даже одиночные люди рѣшившіеся попытать счастія. Будучи съ Пугачевымъ, они имѣли полную возможность убѣдиться въ обманѣ самозванца и въ той легкости съ какою можно было, въ то злополучное время, подымать темную чернь и властвовать ею. Примѣръ былъ заманчивъ, и вотъ явились новые самозванцы. Въ городъ Инсаръ пріѣхали два казака; одинъ изъ нихъ называлъ себя Петромъ III и требовалъ отъ жителей

* Приводимъ здѣсь не лишенную интереса слѣдующую выписку изъ письма императрицы къ князю Вяземскому,' отъ 29-го августа 1774 г. (*Восьмнадцатый вѣкъ*, стр. 123.) „Пожалуй держите ухо востро. О тульскихъ обращеніяхъ здѣсь слухъ есть что тамъ между ружейными мастеровыми не спокойно. Я нынѣ тамъ заказала 90.000 ружей для арсенала: вотъ имъ работа года на четыре, шумѣть не станутъ.“

покорности. Воевода, захвативъ казну, бѣжалъ, а горожане покорились пришельцу, который, какъ оказалось послѣ, былъ „бѣгло-помѣщичій человѣкъ, именемъ Петръ Евстаѳѣевъ, росту средняго, лицемъ смуглъ, волосомъ русъ". Хотя съ нимъ находился только одинъ товарищъ, но окрестные жители, особенно дворовые люди, стекались со всѣхъ сторонъ и образовали шайку. Инсаръ сталъ мѣстомъ страшнаго позорища; семьдесятъ девять человѣкъ, по большей части чины инвалидной и штатной командъ, пали жертвами черни. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о причинахъ истребленія этихъ командъ, но не подлежитъ сомнѣнію что онѣ не приняли сторону Евстаѳіева и за то были истреблены его шайкой. За первымъ ослушникомъ его власти, инсарскимъ воеводой, была послана погоня. Къ новому самозванцу начали прибывать и мятежники изъ главной Пугачевской толпы. Усилясь въ числѣ, Евстафіевъ пошелъ брать Троицкъ. Троицкъ былъ разграбленъ; воевода секундъмаіоръ Варѳоломей Сталповскій, товарищъ его капитанъ князь Чегодаевъ и дворцовыхъ дѣлъ управитель Половинкинъ убиты, а имущество ихъ расхищено. Мѣстные троицкіе жители не только не сопротивлялись, но помогли мятежникамъ и попридержали своихъ начальниковъ, поплатившихся жизнію.

Въ Наровчатѣ поступили еще смѣлѣе. Тамъ не ждали мятежниковъ, а какъ только заслышали о прибытіи самозванца въ Инсаръ, всѣ жители вооружились дубинами, и захвативъ воеводу Аѳанасія Цѣнина и его канцелярію, сковали всѣхъ и посадили подъ караулъ. Шацкой штатной команды вахмистръ Иванъ Санковъ, посланный изъ Шацка разузнать что дѣлается въ окрестностяхъ, засталъ Наровчатъ и тамошнюю крѣпость наполненными чернью, выжидавшею что будетъ. Санковъ не могъ ѣхать далѣе, такъ какъ всѣ селенія были взволнованы. Въ послѣдствіи воевода былъ убитъ.

Въ Керенскъ 1-го августа прибыла команда изъ 12-ти неизвѣстныхъ людей съ вахмистромъ, который говорилъ по-польски, „объявляя о себѣ что они команды государя Петра Третьяго и бѣгутъ за инсарскимъ воеводой". Керенскіе однодворцы пристали къ нимъ и повели ихъ къ воеводскому товарищу Перскому. Вахмистръ показалъ какое-то письмо на имя сына инсарскаго воеводы и требовалъ помощи къ поимкѣ воеводы, обѣщая, „что если-де они его поймаютъ, то отъ Петра Ѳедоровича дано будетъ имъ за то денегъ

полтораста рублевъ". Перскій не хотѣлъ слушаться, приказалъ было вязать бунтовщиковъ, но мѣстный городничій, отставной унтеръ-офицеръ Черменскій, съ толпою человѣкъ во сто, хотѣлъ было сковать Перскаго и его секретаря Королькова, однако этого не сдѣлали, а только взяли ихъ подъ караулъ. Пріѣзжавшіе мятежники, попировавъ съ однодворцами, уѣхали.

17-го августа вновь прибыла къ Керенску партія мятежниковъ, но встрѣтила отпоръ. Воеводскій товарищъ Перскій принялъ мѣры ко вразумленію жителей, послѣ перваго наѣзда бунтовщиковъ, и успѣлъ отбить вновь явившихся непрошенныхъ гостей.

Вслѣдъ за Троицкомъ червь разграбила Краснослободскъ, Темниковъ и приближалась къ Ардатову, изъ котораго взывали о помощи къ князю Волконскому.

Эти свѣдѣнія были тѣмъ печальнѣе, что къ нимъ присоединились извѣстія что и духовенство принимаетъ сторону мятежниковъ. Графъ Меллинъ, донося о взятіи Саранска, подробно объяснилъ измѣну духовенства, описавъ какъ оно, съ архимандритомъ Александромъ и монахами мѣстнаго монастыря во главѣ, встрѣтило Пугачева, и повсюду, несмотря даже на отсутствіе самозванца, поминаетъ на литургіи и молебнахъ „злодѣйское варварское имя". Это извѣстіе сильно встревожило графа Панина. При той робости которая овладѣла повсюду дворянствомъ, не выказавшимъ нигдѣ способности къ принятію сообща мѣръ предосторожности противъ страшнаго врага, измѣна духовенства была тяжелымъ ударомъ для правительства. Духовенство приставшее къ мятежу еще болѣе облегчало дѣло самозванца; событіе это удостовѣряло червь что въ самомъ дѣлѣ въ народѣ явился царь ушедшій отъ преслѣдованій дворянства и принесшій наконецъ столь желанную волю.

Измѣна духовенства побудила графа Панина просить чтобы синодъ сдѣлалъ увѣщанія и разослалъ прямо отъ себя въ епархіи предписанія съ требованіемъ „чтобы духовный чинъ особливо не дерзалъ впадать и сообщаться въ таковыя злодѣянія, и что несохраняющіе себя даже до претерпѣнія смерти, по подражанію Христу Спасителю и апостоламъ, въ непремѣнной вѣрности къ благочестивой своей церкви, къ вашему императорскому величеству и къ Имперіи, въ самой тотъ часъ въ который кто изъ нихъ поползнется

приступить не только въ сообщество, но и къ какимъ бы то ни было способіямъ къ злодѣйственнымъ бунтовщикамъ и врагамъ благочестивой своей церкви и государыни, лишается властію синода священническаго и всякаго духовнаго рукоположенія и подвергается гражданскому суду и наказанію".

Желаніе графа Панина было исполнено, но въ Петербургѣ мало вѣрили въ силу увѣщаній синода. Таковыя увѣщанія были уже и прежде посланы въ губерніи Казанскую и Оренбургскую, „но мало дѣйствія тамъ имѣли, а теперь и самъ архіепископъ казанскій, который на бунтовщиковъ первую клятву наложилъ, подъ сумнѣньемъ...."

Увѣщанія синодомъ были посланы; текста этого увѣщанія мы не имѣли подъ руками, но есть положительныя указанія что виновные священно-служители опредѣленіемъ синода лишены были рукоположенія и прокляты.

Итакъ, не съ веселыми надеждами выѣзжалъ графъ Панинъ изъ Москвы; тяжелыя мысли подавляли его. Онъ твердо рѣшился употребить самыя крайнія мѣры, чтобы подавить возстаніе, усмирить крестьянъ и сдѣлать ихъ болѣе прежняго покорными своимъ господамъ. Крѣпостное право, противъ котораго столь неожиданно поднялось Поволжье, готовилось вступить въ новую фазу своего историческаго развитія и утвердиться на цѣлое почти столѣтіе, до той поры когда, по волѣ Царя-Освободителя, зажглась заря свободы для милліоновъ безотвѣтныхъ тружениковъ и новая пугачевщина сдѣлалась немыслимою.

Положеніе графа Панина было довольно оригинальное. Театръ военныхъ дѣйствій и войска преслѣдовавшія Пугачева были отдѣлены отъ него на весьма значительное разстояніе. На всемъ промежуточномъ пространствѣ народъ волновался, совершались убійства и истязанія дворянъ и чиновниковъ; чернь, собираясь въ шайки, прекратила всякія сообщенія и даже грабила города. Самъ Панинъ находился въ Москвѣ съ остальными войсками. Ему не только нельзя было управлять дѣйствіями передовыхъ отрядовъ, но чтобы дойти до нихъ, предстояло усмирить мятежниковъ опустошавшихъ губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Казанскую. Графъ Панинъ былъ поставленъ въ необходимость истребить сперва ближайшаго и менѣе опаснаго врага и потомъ дойти до возможности дѣйствовать противъ главнаго

пугачевскаго сброда. Какъ ни спѣшилъ онъ идти впередъ, обстоятельства требовали отъ него отдѣленія въ стороны небольшихъ отрядовъ и приведенія окрестныхъ мѣстъ въ порядокъ. Словомъ, онъ самъ подвергся тѣмъ же самымъ задержкамъ которыя прежде задерживали въ пути графа Меллина и Михельсона.

Графъ Панинъ, лишенный возможности руководить непосредственно военными дѣйствіями, еще изъ Москвы писалъ къ Михельсону, прося его настойчиво преслѣдовать врага, и если тотъ не выйдетъ изъ Саратова, то блокировать городъ до прибытія покрѣпленій. Впрочемъ, Панинъ не связывалъ ничѣмъ дѣйствій Михельсона, уполномочивая его дѣйствовать по обстоятельствамъ и прибавляя, что нашъ герой Михельсонъ „ничего изъ виду не упуститъ“.

Весьма озабочивала графа Панина Башкирія, гдѣ попрежнему распоряжался неспособный генералъ де-Колонгъ. Панинъ ходатайствовалъ о присылкѣ къ нему „надежнѣйшаго генералъ-поручика“ для порученія ему башкирскихъ дѣлъ. Не довольствуясь этимъ, онъ писалъ князю Голицыну предложить генералу Фрейману „чтобъ онъ пересталъ быть въ повиновеніи генералъ-поручика де-Колонга“, но исполнялъ въ точности его (князя Голицына) приказанія „подъ тяжкимъ въ противномъ случаѣ отвѣтомъ“.

Не зная на что рѣшится Пугачевъ и полагая возможнымъ что онъ можетъ броситься на Медвѣдицу и оттуда повернуть къ Москвѣ, графъ Панинъ направился на Шацкъ по Рязанской дорогѣ. Такое направленіе, давая возможность предупредить покушеніе на Москву, вводило его прямо въ центръ взволнованнаго края. Войска шли на Коломну, Рязань, село Ухолово, Шацкъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ приходили тревожныя вѣсти: то объ усиленіи Пугачева, то о робости отдѣльныхъ воинскихъ начальниковъ.

Въ Коломнѣ графъ Панинъ получилъ донесеніе Михельсона съ подробностями о паденіи Саратова и измѣнѣ артиллерійской команды. Это была первая измѣна части регулярныхъ войскъ; она крайне озаботила главнокомандующаго. Настало время что и регулярныя войска, писалъ онъ, прельщаются измѣнниками и службу законную не различаютъ отъ службы внѣшнимъ непріятелямъ. Но не отлегло еще отъ сердца это первое тяжелое впечатлѣніе, какъ стали прибывать новыя извѣстія такого же

свойства. Комендантъ Новохоперской крѣпости, бригадиръ Арш[illegible]евскій, узнавъ что партіи мятежниковъ пробрались въ ближайшія къ Волгѣ донскія станицы, совершенно растерялся и просилъ о помощи, опасаясь что въ противномъ случаѣ крѣпость не устоитъ противъ нападенія казаковъ и крестьянъ. Донской полковникъ Себряковъ, назначенный войсковою канцеляріей для принятія мѣръ къ отраженію Пугачева, заболѣлъ и обратился къ Арш[illegible]евскому съ письмомъ, прося позволенія, въ случаѣ надобности, укрыться съ семействомъ въ его крѣпости.

Приказавъ выслать къ себѣ *подъ присмотромъ* полковника Себрякова, Панинъ сдѣлалъ строгое внушеніе Арш[illegible]евскому. Казаки не могутъ овладѣть и редутомъ, писалъ онъ Арш[illegible]евскому, а у васъ крѣпость, и „военному человѣку смерть съ оборонною ввѣреннаго ему мѣста, есть одно только средство къ соблюденію своей чести и репутаціи, не только для одного себя, но относительно и для всѣхъ ихъ потомковъ".

Въ то же время въ своихъ донесеніяхъ Панинъ писалъ, что изъ доходящихъ до него свѣдѣній видно, „къ несчастью, весьма слабое мужество въ отдаленныхъ гарнизонныхъ начальникахъ, не ограждающее ихъ и тою бодростію чтобы не опасаться отнятія изъ-подъ ихъ защищенія крѣпостей казаками съ крестьянами и стыдиться денно и нощно разсылать курьеровъ чтобы пѣхота за 400 верстъ поспѣвала къ ихъ отъ оныхъ спасенію." Въ этихъ начальникахъ Панинъ подразумѣвалъ новохоперскаго коменданта, бригадира Арш[illegible]евскаго, и воронежскаго губернатора, генерала Шетнева, испуганнаго вѣстями отъ Арш[illegible]евскаго.

Ко всѣмъ этимъ тревогамъ вскорѣ присоединилась новая, которою, какъ кажется, Панинъ былъ взволнованъ по преимуществу. Разнеслись слухи что онъ, какъ братъ дядьки наслѣдника цесаревича, идетъ съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу Пугачева, который-де дѣйствительно есть настоящій Петръ Третій. Эти вѣсти привели Панина въ величайшее негодованіе. Онъ нашелъ нужнымъ дѣйствовать съ крайнею энергіей. Къ этому-то времени относится его выраженіе что онъ принимаетъ „съ радостію пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и чадъ своихъ".

Однако, какъ ни рвался Панинъ къ дѣятельности, она не могла начаться, онъ не входилъ еще въ предѣлы подчинен-

наго ему края. Ока отдѣляла его отъ Воронежской губерніи,* которая хотя не была ему подчинена непосредственно указомъ 29-го іюля, но стала подчиненною съ минуты начала въ ней безпорядковъ. Достигнувъ селенія Ухолово, Панинъ объявилъ извѣстныя свои воззванія и громко заявилъ съ какимъ хлѣбомъ-солью идетъ онъ на встрѣчу самозванца. Здѣсь же, въ Ухоловѣ, обрадовалъ и ободрилъ его пріѣздъ Суворова изъ Молдавіи, „въ одномъ только кафтанѣ, на открытой почтовой телѣгѣ“. Получивъ назначеніе командовать всѣми передовыми войсками, Суворовъ поскакалъ впередъ. Съ пріѣздомъ Суворова явилось болѣе шансовъ на успѣшное дѣйствіе войскъ, но тѣмъ не менѣе Панинъ находилъ, что положеніе „дѣла нашего было въ самомъ предосудительномъ для насъ состояніи“. Въ письмѣ къ князю Голицыну, котораго онъ не подчинилъ Суворову, разрѣшивъ командовать войсками на лѣвомъ берегу Волги, Панинъ писалъ, что князь самъ можетъ восчувствовать „сколь увеличился теперь камень на моемъ сердцѣ и какое стѣсненное движеніе въ душѣ моей производитъ ежеминутное ожиданіе“. „Сверхъ той заботы, прибавляетъ онъ далѣе, которая наносится намъ въ разсужденіи отъ времени до времени усиливаніемъ злодѣя, не меньше представляется и та, когда бъ онъ и при счастливомъ наступленіи на него нашего передоваго корпуса, по слабой встрѣчѣ отъ Царицына, бросился въ степь“. Главнокомандующій боялся что войска наши не найдутъ себѣ продовольствія въ степи, однако онъ имѣлъ надежду на Суворова, и не ошибся.

Въ Шацкѣ Панинъ получилъ отъ Михельсона извѣстія сперва о разбитіи Дица и Дундукова на рѣкѣ Пролейкѣ, а потомъ объ отбитіи Пугачева отъ Царицына и дальнѣйшемъ преслѣдованіи мятежниковъ. Здѣсь въ первый разъ Панинъ примѣнилъ къ дѣлу одно изъ своихъ распоряженій: манифесты Пугачева, присланные Михельсономъ, были публично сожжены палачомъ подъ висѣлицей. Должно думать что въ Шацкѣ не было виновныхъ въ соучастіи съ мятежниками, а то Панинъ, безъ сомнѣнія, воспользовался бы случаемъ и казнилъ ихъ, чтобы тѣмъ немедленно ввести въ дѣйствіе свою систему укращенія мятежа и доказать что его объявленія не

* Тогдашняя Воронежская губернія состояла изъ провинцій: Елецкой, Тамбовской и Шацкой, а сѣверная ея граница по рѣкѣ Окѣ и верховьямъ Дона доходила до городовъ Богородицка, Михайлова и Пронска.

останутся мертвою буквой. Въ этомъ предположеніи насъ утверждаетъ, между прочимъ, и то что для выполненія той части своей программы, въ которой говорилось о награжденіи вѣрныхъ слугъ отечества, Панинъ воспользовался первымъ и ничтожнымъ случаемъ. Мы уже видѣли что жители города Керенска 1-го августа арестовали воеводскаго товарища Перскаго и держали его подъ карауломъ. Однако потомъ его освободили, и онъ успѣлъ на столько образумить горожанъ, что когда 17-го августа къ городу подошла новая шайка *, то горожане не пустили ея въ городъ, и мятежники должны были отойти. Этотъ подвигъ Керенцевъ графъ Панинъ рѣшился наградить. Всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ онъ повысилъ чиномъ, а простолюдинамъ выдалъ денежное награжденіе, каждому по рублю. Въ Керенскѣ произошло странное стеченіе обстоятельствъ. Въ это самое время Панинъ получилъ донесеніе полковника Цыплетева о защитѣ Царицына, и не только не наградилъ его, но и осыпалъ насмѣшками за то что Цыплетевъ послалъ свое донесеніе одновременно и ему, и самой императрицѣ. Сопоставленіе двухъ этихъ фактовъ, почерпнутыхъ нами изъ документовъ подписанныхъ самимъ Панинымъ, прибавляетъ любопытную черту къ характеристикѣ этого государственнаго человѣка, дорогія затѣи* котораго хорошо были извѣстны императрицѣ.

Въ Керенскѣ же Панинъ показалъ примѣръ прощенія раскаявающагося крестьянина. Прокуроръ [illegible] представилъ ему челобитную крестьянъ вотчины княгини Голицыной, Пензенскаго уѣзда, которые, объявляя что [illegible] были въ бунтъ крестьяниномъ [illegible] (изъ села Каменки), [illegible]

[illegible]

* [illegible]

Въ обиліи разсѣеваемые указы самозванца доводили чернь до полнаго изступленія. Указы эти объявляли крестьянамъ освобожденіе отъ власти помѣщиковъ и дѣлали ихъ казаками, вольными отъ всѣхъ налоговъ; самозванецъ жаловалъ ихъ землями, лугами и соляными озерами и приказывалъ всѣхъ дворянъ ловить, казнить и вѣшать. Соблюденіе послѣдняго условія было какъ бы гарантіей непарушимости данныхъ привилегій, и потому крестьяне повсемѣстно хватали помѣщиковъ и держали ихъ подъ карауломъ, а многихъ и убивали. Шайки крестьянъ и мятежниковъ были столь велики, что держали въ страхѣ значительные города и даже вступали въ борьбу съ войсками. Симбирскій комендантъ, полковникъ Рычковъ, пошедшій противъ одной изъ такихъ шаекъ, предводимой крестьяниномъ помѣщика Киндякова, Фирсомъ Ивановымъ, былъ окруженъ мятежниками, 26-го августа, подъ Корсуномъ, и поплатился жизнью. Въ окрестностяхъ разоренной Пензы неистовствовалъ пугачевскій полковникъ Иванъ Ивановъ, крестьянинъ села Каменки. Противъ него дѣйствовалъ прокуроръ Чемесовъ, командовавшій уланами сформированными на счетъ пензенскаго дворянства. Въ ближайшихъ къ Керенску мѣстахъ ходилъ съ отрядомъ подполковникъ Архаровъ, посланный съ двумя сотнями Донцовъ изъ Москвы въ Нижній, и высланный оттуда губернаторомъ Ступишинымъ усмирить чернь въ Нижегородской и Воронежской губерніяхъ. Посылая Архарова, Ступишинъ приказалъ ему наказывать виновныхъ крестьянъ *по желанію господъ*.

Легко можно себѣ представить какъ отрадно было для Панина, среди этихъ непріятныхъ обстоятельствъ, получить отъ Михельсона, чрезъ курьера секундъ-маіора Дуве, весьма желанное извѣстіе о разбитіи Пугачева и бѣгствѣ его въ степь. Отправляя Дуве въ Петербургъ, Панинъ писалъ что государство освободилось отъ опасности главнѣйшихъ своихъ поврежденій, и что это доставитъ ему возможность искоренить не только возженные въ четырехъ губерніяхъ бунты и измѣны, но и довести народъ до изловленія его для законнаго наказанія.

Успокоенный въ главномъ пунктѣ своихъ заботъ, Панинъ, зная что вокругъ Керенска крайне не спокойно, могъ уже смѣло рѣшиться на ту мѣру, которую въ худшихъ обстоятельствахъ принимали Муфель и Михельсонъ, и которая

значительно замедляла движеніе войскъ: онъ долженъ былъ [illegible] на нѣкоторое время дальнѣйшимъ походомъ и послать въ разныя стороны небольшіе отряды, наказать зачинщиковъ безпорядковъ и тѣмъ успокоить умы. Эти отряды дѣйствительно скоро водворили порядокъ. Капитанъ Лунинъ, послѣ четырехчасоваго дѣла, выгналъ мятежниковъ изъ Наровчата; подполковникъ Бедряга и полковникъ Древицъ разогнали двѣ другія партіи, а подполковникъ Архаровъ очистилъ Краснослободскъ и Троицкъ. Каждая изъ этихъ шаекъ распускала слухи что въ ней находится самъ Пугачевъ. Такія выдумки, дѣлая самозванца какъ бы вездѣсущимъ, производили огромное вліяніе на народныя массы, усиливавшееся тѣмъ, что нигдѣ не было видно войскъ правительства, а мѣстныя власти и духовенство или убѣгали, или передавались на сторону бунтовщиковъ, доставляя имъ тѣмъ большую нравственную поддержку.

Всѣ эти командировки войскъ заставили Панина значительно промедлить въ Керенскѣ; сверхъ того случился съ нимъ припадокъ подагры, державшей его цѣлый день „въ опасности жизни“. По этимъ причинамъ только къ 10-му сентября прибылъ онъ въ Нижній-Ломовъ. *

Нижній-Ломовъ не устоялъ противъ прельщеній самозванца. Толпа мятежниковъ, предводимая однимъ изъ самозванцевъ, которыхъ тогда было много, явилась 9-го августа къ городу. Воевода, по обыкновенію, бѣжалъ, захвативъ съ собой казну. Товарищъ его, титулярный совѣтникъ Ефимъ Овсянниковъ, и инвалидный секундъ-маіоръ Лукинъ съ командой засѣли въ старой деревянной крѣпости. „Народъ же черный, говоритъ Лукинъ, ** весь съ великою радостью и восторгомъ ожидалъ нетерпимо сихъ злодѣевъ.“ Собственно мятежниковъ было не много, „но черни или, такъ-сказать, равныхъ имъ злодѣевъ, великое множество“. Горожане за версту вышли

* Точныхъ чиселъ прибытія Панина въ разные города по пути изъ Москвы къ Симбирску мы не имѣемъ. Первые его рапорты помѣчены: изъ Керенска 2-го, а изъ Нижняго-Ломова 10-го сентября.

** Его записки въ № 8 *Русскаго Архива* за 1865 г. Въ нихъ вкралась та неточность, что онъ показываетъ, будто бы въ Нижнемъ-Ломовѣ былъ самъ Пугачевъ, тогда какъ подъ его именемъ явился туда одинъ изъ самозванныхъ его полковниковъ. Мятежники вошли въ [illegible] по словамъ Лукина, 9-го августа; въ этотъ день Пугачевъ [illegible] изъ Саратова, пропировавъ тамъ три дня.

на встрѣчу со крестомъ и оказывали самозванцу великое почтеніе. Въ монастырѣ архимандритъ Исаакій тоже оказалъ почетъ мятежникамъ: онъ пѣлъ со всею наличною братіей молебенъ за здравіе Петра III. Узнавъ о запертыхъ воротахъ крѣпости, мятежники не пошли брать ее, а открыли кабаки, разбивъ бочки съ виномъ, и начали поить народъ. Воеводскій товарищъ Овсянниковъ оказался сторонникомъ Пугачева: онъ требовалъ отъ Лукина сдаться, подговаривалъ къ тому солдатъ, и „тѣ люди вѣрность присяги перемѣнили“. Когда пьяная толпа обступила крѣпость, то внутри ея уже была измѣна. Лукинъ выпустилъ Овсянникова изъ крѣпости, и тотъ былъ принятъ мятежниками съ радостію. Панинъ въ своихъ донесеніяхъ говоритъ объ этомъ нѣсколько иначе, а именно, что Овсянниковъ намѣревался отворить ворота, но Лукинъ и канцелярист Левъ Юрьевъ его удержали; тогда Овсянниковъ протянулъ руки въ заваленную привратную калитку и былъ злодѣями вытащенъ на улицу.

Ворота въ крѣпость скоро были выбиты, Лукинъ и уѣздный депутатъ (имя его неизвѣстно) схвачены мятежниками. Лукинъ спасся отъ смерти какимъ-то чудомъ, о которомъ забылъ разказать въ своихъ запискахъ. Весь городъ былъ разграбленъ; цѣлымъ остался только домъ Овсянникова, въ которомъ пировали мятежники.

Подходя къ Нижнему-Ломову, Панинъ приказалъ приготовить для себя квартиру въ монастырѣ. Вся братія пала на колѣни при его встрѣчѣ. Архимандритъ Исаакій, снявъ панагію и камилавку, каялся въ общей винѣ и слезно молилъ о помилованіи.

„Какъ ни велико ваше преступленіе, сказалъ графъ Панинъ, но оно произошло болѣе отъ малодушія чѣмъ отъ злодѣйства, а потому, видя ваше раскаяніе, я именемъ императрицы прощаю васъ отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія.“ Въ ожиданіи сунодскаго распоряженія о лишеніи ихъ священства, Панинъ приказалъ имъ покаяніемъ и молитвой очищать тяжкое свое преступленіе, а завѣдываніе монастыремъ поручилъ протодіакону Порфирію, не бывшему, по отлучкѣ, при встрѣчѣ мятежниковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ получивъ сунодское увѣщаніе, онъ собралъ въ церкви все духовенство Нижняго-Ломова и при себѣ приказалъ читать увѣщаніе. Упоминая о мѣстномъ

духовенствѣ, Панинъ говоритъ, что во всей той странѣ „чинъ церковный еще погруженъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіанствѣ“, и кажется дивомъ когда изъ нихъ кто-либо усмотрится „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря, а не только что исправителя служенія церковнаго, частію уже наизусть выученнаго“.

Надъ виновными гражданами началось слѣдствіе. Обвиненіе Лукинымъ Овсянникова подтвердилось, и такъ какъ виновный подозрѣвался въ прямыхъ сношеніяхъ съ Пугачевымъ, то отправленъ былъ въ казанскую секретную коммиссію, а прочіе преступники казнены. По всѣмъ выѣздамъ изъ города были разставлены колеса, висѣлицы и глаголи, и на нихъ несчастныя тѣла „значились долгое время“, говоритъ Лукинъ.

Лукинъ и Юрьевъ повышены чинами. Лукинъ въ своихъ запискахъ сѣтуетъ, что другимъ возвращены убытки понесенные отъ разграбленія мятежниками, что Панинъ давалъ по тысячѣ и по двѣ тысячи рублей даже и такимъ лицамъ, которыя злодѣевъ не видали въ глаза, а показывали будто разорены. Много разъ подавалъ онъ Панину жалобы, но отвѣта не получалъ и вскорѣ, выйдя въ отставку, былъ назначенъ въ Петровскъ воеводой.

Мы уже неоднократно упоминали, что одною изъ особо характеристическихъ чертъ пугачевщины было появленіе многихъ самозванцевъ. Почти всѣ шайки дѣйствовавшія въ пугачевщину имѣли среди себя смѣльчаковъ называвшихся Петромъ III. Такіе смѣльчаки иногда появлялись безъ сообщниковъ, какъ, напримѣръ, крестьянинъ Петръ Евстаѳіевъ въ Инсарѣ; но преимущественно это были люди подосланные изъ главной шайки Пугачева, и только немногіе брались за это по собственной иниціативѣ. Между самозванцами послѣдней категоріи были и такія личности, которыя не думали о мятежѣ и грабежѣ, а принимали самозванство лишь въ видѣ мелкаго обмана, ради своихъ личныхъ выгодъ. Ожиданіе освободителя отъ крѣпостнаго гнета было повсюду распространено между крестьянами; вездѣ говорили что императоръ Петръ III, желавшій освободить крестьянъ, скрылся отъ преслѣдованія дворянъ и ходитъ по Россіи, выискивая случая объявиться; шепотомъ, подъ великою тайной, переда-

вали другъ другу какъ можно узнать царя по царскимъ знакамъ.

Для примѣра разкажемъ объ одномъ изъ самозванцевъ послѣдней категоріи, крестьянинѣ тамбовской провинціи, дворцоваго села Кирсанова, Іовѣ Мосякинѣ.

Подъ вечеръ, къ одному изъ домохозяевъ деревни Подвигаловки, постучался прохожій, прося пустить на ночлегъ. Странника приняли, отогрѣли и усадили ужинать. Во время ужина путникъ всталъ, и снявъ со стѣны мѣдный поклонный крестъ, началъ его цѣловать и молиться Богу. Бывшіе въ избѣ начали переглядываться, недоумѣвая что̀ такое дѣлаетъ незнакомецъ. Онъ сказалъ имъ:

— Что̀ вы смотрите на меня? лучше бы вы встали и всмотрѣлись въ меня, тогда бы и узнали что я не мужикъ, а царь Петръ Ѳедоровичъ.

Переполошились въ избѣ, но не давали вѣры слышаннымъ словамъ. Тогда неизвѣстный показалъ имъ свои *царскіе знаки*. Это были знаки креста на рукахъ близь кисти.

— Эти кресты у меня природные, царскаго поколѣнія, продолжалъ самозванецъ;—есть таковые же кресты на груди и на спинѣ, изъ которыхъ на спинѣ крестъ проценной, и ежели-де тотъ крестъ поцѣлуютъ, то Богъ помилуетъ и царь проститъ.

Такихъ доказательствъ было совершенно достаточно; всѣ присутствовавшіе признали въ прохожемъ царя, пали на колѣни, цѣловали его царскіе знаки. Сейчасъ отвели ему чистый покой, приставили слугу, а между тѣмъ поспѣшили подѣлиться своею радостью съ сосѣдями. У насъ царь объявился, говорили всѣ другъ другу, и спѣшили поклониться государю. Въ глазахъ простолюдиновъ каждый шагъ самозванца доказывалъ его высокое происхожденіе. Такъ онъ не приказывалъ выливать на полъ воду, которою умывался, а заставлялъ присутствовавшихъ пить ее; перевязывалъ у себя поверхъ рубашки, черезъ спину и подъ плеча, крестообразно шелковыми и бумажными платками. Допуская крестьянъ къ цѣлованію своихъ царскихъ знаковъ, онъ всѣхъ приходившихъ благословлялъ на подобіе священника. Про великаго князя Павла Петровича не иначе говорилъ какъ: „чадо мое милое и возлюбленное Павелъ Петровичъ; велитъ ли мнѣ Богъ съ нимъ видѣться.“ Затѣмъ прибавлялъ что „посадилъ его въ Петровъ день на царство, и никто про то не знаетъ,

а только знаетъ онъ одинъ.“ По ночамъ онъ молился Богу, громко просилъ чтобы сподобилъ его увидѣть сына, и вообще старался чрезъ это еще болѣе утвердить въ крестьянахъ въ себѣ довѣріе. И ему вѣрили. Когда онъ входилъ въ чей-либо домъ, то подъ ноги ему разстилали холсты. Иногда, впрочемъ, Мосякинъ пугалъ приходившихъ къ нему своею властью. „У меня силы много, говорилъ онъ, и недавно въ селѣ Кирсановѣ два человѣка повѣшены, да и вамъ того не миновать, ежели ко мнѣ не добры будете.“

Слухи о явившемся царѣ дошли скоро и до властей, а такъ какъ кругомъ все было тихо и спокойно, то самозванца немедленно задержали. Тогда оказалось что онъ крестьянинъ дворцоваго села Кирсанова Іовъ Макаровъ Мосякинъ, занимался лѣченіемъ нашептанною и наговоренною имъ водой и вообще бродяжничалъ. Знаки на рукахъ сдѣлалъ себѣ надавливаніемъ мѣдныхъ крестовъ, которые привязывалъ около кистей рукъ платками. Все это онъ дѣлалъ для того чтобы собрать съ легковѣрныхъ людей денегъ и возвратиться на родину.

Мосякина арестовали и перевезли въ Тамбовъ. Графъ Панинъ взглянулъ на него какъ на подражателя Пугачева и сперва велѣлъ держать въ тюрьмѣ прикованнымъ къ стѣнѣ, а потомъ конфирмовалъ его, какъ *втораго самозванца*, четвертовать въ Воронежѣ. Императрица не одобрила этой мѣры. „Втораго самозванца казнь, писала она,—* я заблаго-разсудила уменьшить, о чемъ указъ мой отселѣ прямо въ Воронежъ и отправленъ, но не знаю еще, ко времени ли дошелъ.“ Былъ ли казненъ Мосякинъ и какъ, намъ не извѣстно. Но въ объявленіи Панина, отправленномъ изъ Симбирска 17-го октября, сказано, что Мосякинъ „при самомъ начатіи пойманъ и, по Божіимъ и государственнымъ законамъ, заслуженную имъ казнь на площади города Воронежа воспріялъ, отсѣченіемъ обѣихъ рукъ и ногъ и головы; проклятый его трупъ поверженъ тутъ же на колесѣ, а голова, руки и ноги взоткнуты на колья на мѣстѣ злодѣйскаго его порожденія въ означенномъ селѣ“.

Слѣдующимъ этапомъ на пути шествія графа Панина была Пенза, едва ли не болѣе другихъ городовъ пострадавшая

* 30 ноября 1774 г., допр. Пуг., стр. 55.

отъ мятежа. Самъ Пугачевъ, въ бытность свою въ этомъ городѣ, страшными казнями привелъ въ ужасъ мѣстное населеніе; городъ былъ разграбленъ, окрестные крестьяне возстали противъ помѣщиковъ, и образовавъ шайки, угрожали Пензѣ новымъ нашествіемъ. Къ счастію города, вслѣдъ за выходомъ мятежниковъ, подоспѣли отряды Муфеля и прокурора Чемесова, командовавшаго пензенскимъ дворянскимъ корпусомъ, сформированнымъ еще при жизни Бибикова, на счетъ дворянства, и дѣйствовавшимъ за Камой. Чемесовъ не пошелъ далѣе съ Муфелемъ, а остался въ Пензѣ, къ чему призывало его крайне бѣдственное положеніе города и мѣстнаго дворянства. Немедленно приступивъ къ дѣлу, онъ сталъ очищать отъ мятежниковъ ближайшія окрестности Пензы. Главнымъ зачинщикомъ безпорядковъ былъ крестьянинъ села Каменки Иванъ Ивановъ, называвшійся полковникомъ. Въ двухъ сраженіяхъ, при дер. Студенцѣ и селѣ Каменкѣ, Ивановъ былъ разбитъ Чемесовымъ, и отъ окончательной погибели спасся только тѣмъ, что самъ и люди его были на хорошихъ заводскихъ лошадяхъ, ограбленныхъ у помѣщиковъ. Это было 19-го августа. Затѣмъ Пенза нѣсколько успокоилась и сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ пострадавшихъ отъ мятежа дворянскихъ семействъ, которыя, боясь новыхъ бѣдствій, сбирались въ свой провинціальный городъ подъ охрану своихъ уланъ.

Встрѣча графа Панина въ Пензѣ сопровождалась столь необыкновенными обстоятельствами, что едва ли ошибемся, если скажемъ, что другаго примѣра такой встрѣчи не отыскать въ нашей исторіи. Разказъ о ней мы заимствуемъ изъ донесеній самого графа Панина.

По собственнымъ словамъ Панина, два совершенно одно другому противоположныя обстоятельства привели его въ Пензѣ „въ наичувствительнѣйшее движеніе“. По имѣющейся у насъ выпискѣ изъ донесенія Панина № 17, не видно, случились ли оба обстоятельства въ одно и то же время, т.-е. при встрѣчѣ его, или между ними было нѣсколько дней промежутка. Одно вѣрно, что первое обстоятельство было при самой встрѣчѣ. При въѣздѣ Панина въ Пензу, его экипажъ обступила масса женщинъ съ громкими воплями, повергшаяся на колѣни. Это были вдовы, дочери, малолѣтнія дѣти и родственницы дворянъ погибшихъ отъ

мятежниковъ. Всѣ безъ изъятія были въ рубищахъ. Несчастныя вдовы съ отчаяніемъ поднимали вверхъ своихъ маленькихъ дѣтей, требуя помощи и покровительства. Положеніе ихъ было отчаянное; лишившись поддержки ближайшихъ родственниковъ, они потеряли и все свое имущество. Со слезами Панинъ обнадеживалъ ихъ въ щедротахъ императрицы, обѣщалъ оказать имъ помощь и приказалъ выдать денежное пособіе.

Другое обстоятельство было болѣе потрясающаго свойства. Пензенскіе обыватели и жители ближайшихъ селеній были собраны вмѣстѣ. Устроенныя висѣлицы, колеса и глаголи ждали своихъ жертвъ. Жертвы были приготовлены—наиболѣе виновные изъ захваченныхъ мятежниковъ и грабителей стояли въ оковахъ среди собравшагося народа. Все съ трепетомъ ожидало прибытія грознаго главнокомандующаго. Пріѣхалъ и Панинъ; по его приказанію начались казни надъ приговоренными уже заранѣе преступниками. Однихъ казнили смертью, другихъ сѣкли кнутомъ подъ висѣлицей. „Послѣ казни и наказаній небольшаго числа оныхъ", Панинъ прервалъ ужасное зрѣлище и обратился къ народу съ рѣчью. Описавъ имъ всѣ сдѣланныя ими беззаконія, онъ вывелъ заключеніе что всѣ безъ изъятія достойны казней только что ими видѣнныхъ, но что милосердное и человѣколюбивое сердце императрицы поражается пролитіемъ крови. При этихъ словахъ, доноситъ Панинъ, „весь народъ, павъ на землю съ пролитіемъ совершенно сердечныхъ слезъ произнесъ стонъ, пресѣкшій мое слово; я совокупилъ и собственныя слезы, объявивъ имъ помилованіе". (Дѣло № 26429, ст. 125).

Бѣдственное положеніе духовенства дѣлало еще болѣе темною картину тогдашняго положенія Пензы. Такъ какъ между духовенствомъ не было ни одного „который бы не встрѣчалъ злодѣя со крестами и не дѣлалъ бы служенія съ произношеніемъ (имени?) самозванца", то всѣ они, по опредѣленію синода, считались лишенными рукоположенія и подпавшими подъ проклятіе, „всѣ ихъ церкви остаются теперь безъ служенія, и приходы ихъ безъ потребы (sic) по долгу христіанскому". Не будучи въ состояніи своею властію сдѣлать что-либо для разрѣшенія вопроса о духовенствѣ, Панинъ сдѣлалъ представленіе о томъ чтобы тѣхъ лицъ изъ

духовенства, которыя только изъ страха исполняли волю злодѣя, подвергнуть духовному исправленію и возвратить къ священному рукоположенію, а изъ прочихъ годныхъ отдать въ солдаты, негодныхъ же опредѣлить на пашню. Кромѣ того, Панинъ послалъ изъ Пензы представленія о пособіи разоренным дворянскимъ семействамъ и о прощеніи пензенскихъ жителей за ихъ участіе въ мятежѣ. Утвердивъ всѣ расходы сдѣланные Панинымъ, государыня писала: „прошу васъ особливое имѣть око и попеченье о нужды терпящихъ во ввѣренныхъ вамъ мѣстахъ, и если нужду и надобность вы въ томъ находите, то употребите на уняманіе стону и плачу разоренныхъ и нужду терпящихъ въ провинціяхъ и уѣздахъ гнѣвомъ Божіемъ посѣщенныхъ, хотя отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ рублей". Раскаяніе пензенскихъ жителей было принято съ отнесеніемъ вины ихъ скорѣе къ „глупости и слабости военачальниковъ ихъ, кои сами, не знавъ свою должность, не умѣли простонародье оберегать и ободрить ко времени, нежели инымъ какимъ причинамъ". Насчетъ духовенства синодъ сдѣлалъ свое распоряженіе, но въ чемъ оно заключалось—не знаемъ. Надо полагать, что предложеніе Панина было принято.

Во время пребыванія Панина въ Пензѣ получены были извѣстія о поимкѣ Пугачева. Первое свѣдѣніе получилъ онъ 18-го сентября и тотчасъ же послалъ внука своего князя Лобанова въ Петербургъ (дѣло № 26.429, стр. 139) съ донесеніемъ о *вѣроятной* поимкѣ Пугачева,* отправивъ подлин-

---

* Вотъ это донесеніе Панина изъ Пензы, 18-го сентября 1774 г., № 18. „Имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество съ избавленіемъ Имперіи отъ язвительнѣйшаго ея врага, Пугачева. Какое получилъ я въ сію минуту извѣщеніе о его поимкѣ, кажется совсѣмъ вѣроятной, оное оригинально спѣшу симъ препроводить съ подателемъ, правящимъ при мнѣ должность флигель-адъютанта, княземъ Лобановымъ, моимъ внукомъ роднымъ, коего, а наиначе еще генералъ-маіора князя Голицына, какъ главнаго виновника первому низложенію силъ сего государственнаго врага, такъ и первому же извѣщателю о вверженіи его въ заслуженныя имъ оковы и оказавшаго толикую неутомительность, рвеніе и усердіе службой въ ономъ вашему императорскому величеству, дерзаю повергнуть въ монаршую милость и благоволеніе, самъ же постараюсь обстоятельнѣйшую вѣдомость принести къ вашему императорскому величеству въ самое полученіе ея, пребывая" и пр.

ный рапортъ князя Голицына отъ 15-го сентября съ рѣки Камель. Въ рапортѣ этомъ Голицынъ сообщалъ о полученномъ имъ извѣстіи, будто бы Перфильевъ связалъ Пугачева и везетъ его въ Яицкій городокъ. 22-го сентября Панинъ послалъ императрицѣ, дабы она не имѣла сомнѣнія о дѣйствительной поимкѣ Пугачева, полученное имъ отъ Суворова подтвержденіе. Доставленное княземъ Лобановымъ свѣдѣніе было, дѣйствительно, первою вѣстью о поимкѣ Пугачева. Императрица, въ письмѣ къ князю М. Н. Волконскому, отъ 27-го сентября, писала: „Съ послѣднимъ курьеромъ я получила извѣстіе изъ Пензы отъ графа Панина, что яицкіе казаки связали Пугачева и везутъ его въ Яицкій городокъ.“ Вѣсть о поимкѣ Пугачева произвела радостное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Императрица писала Панину, что изъ донесеній его изъ Пензы, видитъ „что наконецъ извергъ Пугачевъ находится въ нашихъ рукахъ, что онъ сообщниками своими доставленъ, и что до послѣдняго часа они обращались въ неистовствѣ; но какъ бы то ни было, Богу воздаю благодареніе что мерзкая сія исторія, славѣ Имперіи повреждающая, тѣмъ самымъ пресѣклась, коя, не упоминая объ ужасномъ внутреннемъ разореніи, разстройствѣ и безчисленныхъ той шайки суровостей и безчеловѣчій, насъ отсылала во мнѣніи всея Европы къ варварскимъ временамъ отъ двухъ до трехъ сотъ лѣтъ назадъ, къ крайнему моему сожалѣнію и увеличиванію наиглубочайшему сердца моего оскорбленію о народномъ страданіи“.

Изъ Пензы Панинъ поспѣшилъ въ Симбирскъ, куда Суворовъ везъ уже Пугачева. Съ дороги, 25-го сентября, главнокомандующій издалъ во всеобщее свѣдѣніе объявленіе о поимкѣ Пугачева. *

Въ Симбирскѣ Панинъ увидалъ Пугачева. Высокомѣрный вельможа сталъ лицомъ къ лицу съ дерзкимъ казакомъ, вдоволь погулявшимъ на бѣломъ свѣтѣ. Отвѣты Пугачева были такъ мѣтки и такъ ловко сбили нѣкоторые необдуманные вопросы, сорвавшіеся у Панина, что вывели изъ себя тщеславнаго вельможу. Лѣтописецъ Пугачевскаго бунта Рычковъ говоритъ что самозванецъ, „по привычкѣ своей или по злой

* Поимка Пугачева разказана въ нашей статьѣ *Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины и поимка Пугачева*, напечатанной въ № 11 *Русскаго Вѣстника* за 1868 г.

своей натурѣ, отвѣтствовалъ на вопросы его сіятельства очень смѣло и дерзновенно, но раздража тѣмъ его сіятельство, тутъ же передъ всѣмъ народомъ получилъ отъ собственныхъ его рукъ нѣсколько пощечинъ и ударовъ." *

О встрѣчѣ Панина съ Пугачевымъ писали Рычковъ и Державинъ. Преимущественно со словъ перваго написалъ свой разказъ Пушкинъ. Въ настоящее время мы можемъ привести почти дословно офиціальное объ этомъ донесеніе самого графа Панина. Отъ (?) октября 1774 года, № 19, изъ Симбирска Панинъ писалъ, что Пугачевъ „былъ въ оковахъ выведенъ передъ народъ, почти весь собравшійся къ моей при въѣздѣ квартирѣ, и павъ передо мной на колѣни, на вопросы мои велегласно объявилъ, что онъ бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, тотъ который дерзалъ назваться именемъ покойнаго императора Петра III, производилъ въ государствѣ и въ здѣшнихъ окрестностяхъ подъ тѣмъ самозванствомъ бунтъ и возмущенія, чинилъ грабительства и смертоубійства своими бунтовщичьими сонмищами, а тѣмъ погрѣшилъ и виноватъ передъ Богомъ и вашимъ императорскимъ величествомъ." Затѣмъ Пугачевъ введенъ былъ въ квартиру графа, произнесъ тоже передъ всѣми чиновными людьми, дворянствомъ и прочими гражданами, „послѣ чего, продолжаетъ Панинъ, ввержонъ подъ заслуженную имъ своими беззаконіями стражу".

По словамъ Пушкина и Державина, вопросы Панина Пугачеву заключались въ слѣдующемъ:

„— Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.

„— Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

„— Какъ же смѣлъ ты, воръ, называться государемъ?

„— Я не воронъ, возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь по своему обыкновенію иносказательно,—я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ.

„— Какъ же смѣлъ ты воевать противъ меня? необдуманно спросилъ разгорячившійся Панинъ.

„— Что дѣлать, ваше сіятельство, когда уже воевалъ противъ государыни! сострилъ Пугачевъ.

„Графъ не вытерпѣлъ, говоритъ Державинъ, и вырвалъ у него нѣсколько волосовъ изъ бороды."

Въ свитѣ Панина находился гвардіи капитанъ Галаховъ

---

* *Сочиненія Пушкина*, часть VI, стр. 521.

которому еще въ августѣ мѣсяцѣ поручено было принять подъ караулъ выданнаго или пойманнаго Пугачева. Галаховъ предъявилъ это повелѣніе, и Пугачевъ былъ ему отданъ. Въ приказѣ Панина Галахову, отъ 2-го октября, говорилось что Пугачевъ сдается подъ его присмотръ, и что Галаховъ собственною своею жизнью отвѣчаетъ за жизнь и цѣлость плѣнника. Пугачева посадили въ тюрьму скованнаго по рукамъ и ногамъ желѣзами, и сверхъ того около поясницы его положенъ желѣзный обручъ съ желѣзною цѣпью, которая вверху прибита была въ стѣну. Ключъ отъ замка на цѣпяхъ Пугачева всегда хранился у Галахова. Къ Пугачеву никто не допускался; для ближайшаго за нимъ ежеминутнаго наблюденія, безвыходно въ его комнатѣ находились одинъ оберъ- и одинъ унтеръ-офицеръ, сверхъ часоваго, который входилъ къ плѣннику безъ ружья, имѣя при себѣ одну лишь необнаженную шпагу. Такія предосторожности приняты были для того чтобы Пугачевъ какъ-нибудь не выхватилъ у часоваго ружья и „не умертвилъ себя или не повредилъ“. На содержаніе Пугачева отпускалось по 15 коп. въ день, и Галахову приказано кормить его „пищею, подлымъ человѣкомъ употребляемою“, и „снабдить его платьемъ и обувью, подлымъ, а не знатнымъ людямъ свойственною“.

Первую жену Пугачева и сына, которые вмѣстѣ съ нимъ привезены въ Симбирскъ, не разрѣшено допускать къ преступнику, но помѣстить отдѣльно, смотрѣть чтобы сынъ не ушелъ, а на пищу матери и сыну давать по 10 коп. каждому.

Приказаніе Панина о снабженіи Пугачева одеждой подлому лицу свойственною показываетъ что самозванецъ былъ привезенъ въ Симбирскъ въ остаткахъ своего прежняго одѣянія.

Самъ Панинъ не принималъ никакого участія въ направленіи войскъ гонявшихся за Пугачевымъ, и поимка самозванца состоялась, такъ-сказать, мимо его, но онъ чрезвычайно кичился тѣмъ что дерзкій мятежникъ находился въ его распоряженіи простымъ арестантомъ. Въ Петербургъ Панинъ доносилъ, что „Пугачевъ уже въ оковахъ и въ рукахъ подчиненныхъ ему войскъ“ (22-го сентября изъ Пензы), а въ Симбирскѣ любилъ показывать своего плѣнника всѣмъ пріѣзжающимъ. Державинъ въ своихъ запискахъ описываетъ это „показываніе“ такимъ образомъ. Графъ Панинъ приказалъ Михельсону послать за Пугачевымъ. „Чрезъ

нѣсколько минутъ представленъ самозванецъ въ тяжкихъ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ замасленномъ, поношенномъ, скверномъ широкомъ тулупѣ. Лишь пришелъ, то и сталъ передъ графомъ на колѣни. Лицомъ онъ былъ кругловатъ, волосы, борода окомелкомъ, черные, склоченные, росту средняго, глаза большіе, черные на соловомъ лазурѣ какъ на бѣльмахъ. Отъ роду 35 или 40 лѣтъ. Графъ спросилъ:

„— Здоровъ ли, Емелька?

„— Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.

„— Надѣйся на милосердіе государыни.

„И съ симъ словомъ приказалъ его отвести обратно туда гдѣ содержался.“

Со 2-го октября начались допросы Пугачева. Дѣлалъ ихъ прибывшій изъ Казани генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Допросы эти составляли въ сущности дополненіе къ обстоятельнымъ допросамъ снятымъ гвардіи поручикомъ Мавринымъ въ Яицкомъ городкѣ, и напечатаны во второй книгѣ *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ* на 1858 годъ.

Въ началѣ января 1775 года дворъ собирался переѣхать въ Москву. Дѣло Пугачева желали окончить ранѣе этого пріѣзда, но скорое отправленіе самозванца въ Москву представлялось невозможнымъ. Необходимо былъ обезопасить самый путь до Москвы, лежавшій по взволнованнымъ мѣстностямъ. Приказано было по всей дорогѣ, черезъ каждыя шестьдесятъ верстъ, разставить пѣхотныя роты, которыми и конвоировать Пугачева. Отъ Симбирска до Мурома стали роты изъ войскъ Панина, а на занятіе дороги отъ Мурома до Москвы князь М. Н. Волконскій послалъ 8-го октября изъ Москвы бригадира князя Голицына съ пятью ротами Нарвскаго полка. На разстановку войскъ потребовалось времени около трехъ недѣль, и только 25-го октября Галаховъ выѣхалъ изъ Симбирска, имѣя подъ своимъ наблюденіемъ Пугачева, его первую жену и сына.

Вслѣдъ за Пугачевымъ отправлены были въ Москву изъ Казани содержавшіеся тамъ главнѣйшіе его сообщники. За оговоренными Пугачевымъ лицами посланы были офицеры: Булгаковъ, Лихаревъ и Щербачевъ; имъ поручалось розыскать и привести восьмерыхъ преступниковъ, а остальныхъ взялся

розыскать и доставить Потемкинъ. Пугачевъ оговорилъ 21 человѣка, въ томъ числѣ находились: поручикъ Гриневъ, подпоручики Шванович и Минѣевъ, одинъ подъячій, а остальные семнадцать человѣкъ были купцы, крестьяне и казаки. *

П. С. Потемкинъ, которому, какъ начальнику слѣдственныхъ коммиссій въ Казани и Оренбургѣ, извѣстны были всѣ ближайшія подробности мятежа, получилъ приказаніе ѣхать въ Москву къ князю М. Н. Волконскому; туда же отправленъ и знаменитый слѣдователь Шетковскій. Въ ожиданіи привоза Пугачева, они дѣятельно изучали снятые съ него допросы.

Князю Волконскому, такъ много трудившемуся въ началѣ Пугачевщины, привелось-таки подъ конецъ ея вновь сдѣлаться главнымъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ. Ему пришлось принять Пугачева въ Москвѣ, производить разслѣдованіе, участвовать на судѣ и потомъ наблюсти за исполненіемъ рѣшенія сената.

Ужасы произведенные какъ самимъ Пугачевымъ, такъ и его приверженцами и послѣдователями, сдѣлали его имя извѣстнымъ во всей Россіи. Въ самой Москвѣ чернь была въ такомъ настроеніи, что правительство одно время боялось „чтобы Пугачевъ не подѣлалъ въ ней какой ни на есть пакости“. Вѣра въ могущество Пугачева, а во многихъ мѣстахъ и въ подлинность его какъ императора Петра III, была весьма сильна. Очевидно, до какой степени важно было какъ можно болѣе огласить послѣдніе дни Пугачева, чтобы всѣ убѣдились что дѣйствительно Пугачевъ, какъ обманщикъ и самозванецъ, схваченъ, содержится въ тюрьмѣ и ждетъ казни за свои преступленія.

Въ этихъ видахъ графъ Панинъ, тотчасъ по полученіи увѣдомленія отъ Суворова о поимкѣ Пугачева, издалъ 25-го сентября свое извѣщеніе объ этомъ событіи, начавшееся словами „симъ каждый извѣщается“. Въ этихъ же видахъ Москва

* Пойманный прежде Бѣлобородовъ, считавшійся у Пугачева фельдмаршаломъ, былъ суженъ ранѣе и казненъ въ Москвѣ 5-го сентября 1774 г. Судъ надъ Бѣлобородовымъ происходилъ въ самое горячее время мятежа, и казнью его хотѣли внушить „страхъ бездѣльникамъ“. Шванович, вслѣдствіе заступничества графа Орлова, былъ лишенъ чиновъ и дворянства съ переломленіемъ надъ головой его шпаги на эшафотѣ; Гриневъ оказался невиновнымъ, а Минѣевъ прогнанъ сквозь строй.

была избрана мѣстомъ для суда и казни Пугачева. Никакой другой пунктъ не былъ пригоденъ для того чтобы дѣйствія правительства съ Пугачевымъ получили бо́льшую огласку.

Князь Волконскій полагалъ необходимымъ придать какъ можно болѣе гласности и знаменательности самому ввозу Пугачева въ Москву. Онъ вспомнилъ примѣръ Петра Великаго, который, „взявъ Азовъ, а въ немъ измѣнника Якушку, велѣлъ ввозить въ Москву слѣдующимъ образомъ: сдѣлана была особливая повозка, на которой поставлена была висѣлица, и къ оной тотъ злодѣй, стоя, прикованъ былъ, а вверху надъ нимъ, большими литерами, надпись была его злодѣйствамъ.“ *

Въ Петербургѣ этотъ проектъ не одобрили, а дали приказаніе „его привезти днемъ, подъ конвоемъ (акромѣ тѣхъ кои съ нимъ) сотъ до двухъ донскихъ казаковъ и драгунъ, безъ всякой дальной афектаціи и не показывая дальное уваженіе къ сему злодѣю и измѣнику“. **

Въ 9 часовъ утра, 4 ноября 1774 г., Пугачева привезли въ Москву. Огромныя массы народа толпились по всѣмъ улицамъ и провожали конвой до самаго Монетнаго двора (въ Охотномъ ряду), гдѣ приготовлена была тюрьма для Пугачева. Множество каретъ съ дамами собралось къ Воскресенскимъ воротамъ, такъ „что проѣхать съ нуждою было можно“. Думали что Пугачевъ подойдетъ къ окну, но этого ему сдѣлать было нельзя, потому что въ отношеніи его приняли тѣ же почти мѣры что̀ и въ Симбирскѣ. Ближайшимъ его охранителемъ по-прежнему остался Галаховъ. Пугачева въ оковахъ приковали къ стѣнѣ. Жена и сынъ помѣщены въ особомъ нумерѣ. Галаховъ и Шешковскій поселились въ томъ же домѣ гдѣ была тюрьма Пугачева и тайная экспедиція.

Въ десятомъ часу прибыли въ тайную экспедицію князь Волконскій и Шешковскій. Къ нимъ, въ судейскую комнату, ввели Пугачева. Безъ всякаго еще спроса палъ онъ на колѣни, — симбирскіе порядки были ему памятны, — и сказалъ: „виноватъ передъ Богомъ и государынею“. Князь Волконскій сталъ говорить съ нимъ „исторически, съ начала

---

* *Дѣло* № 26.429, ст. 14, письмо князя Волконскаго къ императрицѣ, отъ 5-го октября 1774 г.

** Сб. *XVIII вѣка*, стр. 131, № 123.

какимъ образомъ, гдѣ и когда сіе содѣянное имъ злодѣйство въ скверное свое сердце посѣялъ, и кто ему первые были въ семъ злѣ пособники, даже и во все время, кто его и чѣмъ подкрѣплялъ."

Пугачевъ отвѣчалъ спокойно и ясно; говорилъ совершенно то же что̀ показывалъ прежде, ссылался на названныхъ уже имъ лицъ, и ничего не говорилъ вновь. Укоряемый въ своихъ преступленіяхъ, Пугачевъ отвѣчалъ: „мой грѣхъ; подбили меня люди, да ужь теперь виноватъ". Не отклоняя отъ себя обвиненій, онъ прибавилъ: „да яицкіе казаки дѣлали что̀ хотѣли", и закончилъ свой пятичасовой разговоръ съ княземъ Волконскимъ фразой: „радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству".

Послалъ князь Волконскій и за женой Пугачева. Простая казачка, она была непричастна злодѣяніямъ своего мужа. „Чортъ его знаетъ, говорила она, что онъ это надѣлалъ; а я о злодѣйствахъ его прежде никогда отъ него не слыхала, и онъ меня бросилъ уже съ три года."

Для полноты картины нельзя не привести описаній княземъ Волконскимъ Пугачева и его жены, по первому на нихъ взгляду. Про перваго князь говорилъ: „Онъ человѣкъ нельзя никакъ сказать чтобы былъ великаго духа, а тѣмъ меньше разума; ибо я по всѣмъ его отвѣтамъ нисколько остроты его не видалъ, скверенъ такъ какъ мужику быть простому свойственно, съ тою только разницей, что онъ бродяга", а о женѣ: „жена его человѣкъ самой подлой, и видно, тихій; а сынъ, мальчишка лѣтъ двѣнадцати, также ничего лучше матери не обѣщаетъ."

Шетковскій немедленно началъ снимать съ Пугачева показанія, и полагалъ что на этотъ трудъ ему понадобится „часовъ шестьдесятъ, а по крайней мѣрѣ семьдесятъ". П. С. Потемкинъ тоже участвовалъ въ производствѣ слѣдствія. Наконецъ оно было кончено, но не такъ быстро какъ ожидалъ Шетковскій, и отправлено въ Петербургъ, а 19-го декабря объявленъ манифестъ о преступленіяхъ казака Пугачева. Въ манифестѣ * описана была вкратцѣ вся исторія самозванца, и возвѣщалось, что слѣдственное дѣло производившееся въ Москвѣ генералъ-аншефомъ княземъ Волконскимъ и генералъ-маіоромъ Потемкинымъ окончено и

* Напечатанъ Пушкинымъ.

передается въ сенатъ, коему повелѣвалось, „купно съ синодскими членами, въ Москвѣ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ, съ президентами всѣхъ коллегій, выслушать оные отъ помянутыхъ присутствующихъ въ тайной экспедиціи, яко производителей сего слѣдствія, и учинить, въ силу государственныхъ законовъ, рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими сдѣланнымъ преступленіямъ противу имперіи, къ безопасности личныя человѣческаго рода и имущества."

Для участія въ окончательномъ судѣ пріѣхали въ Москву П. С. Потемкинъ, возившій въ Петербургъ слѣдственное дѣло, и генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

Казнь Пугачева и ближайшихъ его помощниковъ была неизбѣжна, но императрица желала чтобы не было истязаній, и чтобы число жертвъ по возможности было меньше. Какъ прежде, во время слѣдствія, писала государыня къ Волконскому: „для Бога, удержитесь отъ всякаго рода пристрастныхъ распросовъ, всегда затемняющихъ истину", такъ и теперь просила его же: „пожалуй, помогайте всѣмъ внушить умѣренность какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ. Противное человѣколюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дѣло имѣемъ". (*XVIII в.*, стр. 129 и 139.)

9-го января 1775 года члены суда, въ числѣ 28 человѣкъ, подписали сентенцію; четыре члена синода, уклонясь отъ подписи сентенціи, дали заявленіе, что по злодѣяніямъ Пугачева признаютъ его достойнымъ казни.

Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика—къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Подуровъ и Тарновъ къ повѣшенію; восьмнадцать человѣкъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу; двухъ опредѣлено высѣчь кнутомъ и одного плетьми, одного лишить дворянства и отельмовать (Шановичь), одного лишить чиновъ (Юматовъ) и одного лишить депутатскаго званія (Горскій). Девять казаковъ выдавшихъ Пугачева прощены, а подпоручикъ Гриневъ, царицынскій купецъ Василій Качаловъ, брянскій купецъ Петръ Кожевниковъ, Малороссіянинъ Осипъ Коровка, донскіе казаки: Лукьянъ Худяковъ и Андрей Кузнецовъ; яицкій казакъ Иванъ Пономаревъ (онъ же Самодуровъ); раскольники: Василій Щолоковъ, Иванъ Сѣдухинъ,

крестьянинъ Василій Поповъ и Семенъ Филипповъ — оказались невиновными.

Казнь совершилась 10-го января 1775 г., въ Москвѣ, на Болотѣ. Пусть говоритъ очевидецъ.

„На серединѣ его (Болота) воздвигнутъ былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, округъ коего построены были пѣхотные полки.

„Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я, съ отвращеніемъ, въ первый разъ, исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія.

„Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все всколебалось и съ шумомъ заговорило: „Везутъ, везутъ!“ Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ духовника его и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно, секретарь тайной экспедиціи; за санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

„Пугачевъ съ непокрытою головой кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ, роста средняго, лицомъ смуглъ и блѣденъ; глаза его сверкали, носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ сопровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: „На караулъ!“ и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы гдѣ онъ родился, оберъ-полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: „Ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?“ Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: „Такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ.“ Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, не малаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю.

„По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ

съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, оборотясь къ соборамъ; потомъ съ утороплениымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ, кланялся на всѣ стороны, говоря прерывистымъ голосомъ: „Прости, народъ православный, отпусти мнѣ въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою; прости, народъ православный". При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ всплеснулъ руками, опрокинулся навзничь и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ, палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ поступлено тоже.

„Четвертованіе было исполнено надъ трупами. Отрѣзанные члены нѣсколько дней выставлены были около московскихъ заставъ, наконецъ сожжены вмѣстѣ съ тѣлами, и пепелъ развѣянъ палачами."

Мы уже видѣли что 22-го сентября Панинъ получилъ достовѣрное извѣстіе о задержаніи самозванца, а 25-го числа онъ уже разослалъ повсюду печатное извѣщеніе объ этомъ знаменательномъ событіи. Цѣль „извѣщенія" состояла въ томъ чтобъ убѣдить всѣхъ въ поимкѣ самозванца и оповѣстить что самъ онъ сознался что онъ бѣглый донской казакъ Емелька Пугачевъ, „воспріявшій самозванство имени императора Петра III для бунтовщичьяго своего токмо злонамѣренія". Далѣе говорилось, что истина эта объявляется, дабы никто не впалъ „въ какія-либо поползновенія", а пребывалъ вѣрнымъ государынѣ и отечеству, не вѣрилъ вреднымъ разглашеніямъ и ловилъ бы измѣнниковъ.

Для бо́льшаго оглашенія преступленій Пугачева и доказательства что онъ не только не былъ Петромъ III, но даже ни малѣйшаго подобія съ нимъ не имѣлъ, Панинъ приказалъ снять съ Пугачева „гораздо сходный списокъ съ изображеніемъ возложенныхъ на него оковъ" и отправилъ его въ Казань, гдѣ онъ былъ сожженъ палачомъ на площади, подъ висѣлицею, въ присутствіи множества народа, второй жены Пугачева и главнѣйшихъ его сподвижниковъ, содержавшихся тогда въ Казани подъ стражей.

Для окончательнаго же „изловленія виновныхъ къ наказанію", Панинъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Онъ постановилъ сдѣлать различіе между селеніями принимавшими участіе въ мятежѣ и селеніями оставшимися спокойными. Около первыхъ онъ приказалъ поставить немедленно глаголи, висѣлицы и колеса, а селенія спокойныя

отъ этого были избавлены. Засимъ селенія, около коихъ были поставлены орудія казни, исключались изъ-подъ дѣйствія милостивыхъ указовъ Елизаветы * и Екатерины о прекращеніи смертной казни, и жителей ихъ (податнаго лишь состоянія), виновныхъ не только по преступленіямъ „бывшаго Пугачева бунта, но и по всѣмъ прочимъ, заслуживающимъ смертную казнь", приказывалось судить и казнить властію тѣхъ мѣстныхъ учрежденій, которымъ это въ былое время (до указовъ) присвоивалось. Съ жителями же вѣрныхъ селеній, въ случаѣ ихъ преступленій, приказывалось поступать не иначе какъ по упомянутымъ милостивымъ законамъ. Приказаніе это было разослано въ особомъ ордерѣ, отъ 3-го октября, къ губернаторамъ нижегородскому, воронежскому, казанскому, сибирскому и оренбургскому.

Вооруженныхъ шаекъ въ то время было уже не много, и то только въ Башкиріи. Вообще въ октябрѣ 1774 г. спокойствіе нарушалось или Башкирцами, разбойничавшими подъ начальствомъ Салаватки и его отца Юлая, или набѣгами Киргизовъ.

Для обузданія тѣхъ и другихъ, Панинъ послалъ письмо къ киргизъ-кайсацкому хану Нурали и предложеніе башкирскимъ народамъ. Въ первомъ, извѣщая объ утушеніи мятежа и поимкѣ Пугачева, главнокомандующій требовалъ отъ хана образумить всѣхъ обманывающихся, привести на вѣрность своей государынѣ и доставить обратно русскихъ людей похищенныхъ при набѣгахъ; въ противномъ случаѣ угрожалъ „побѣдоноснымъ всероссійскимъ мечомъ". Вторымъ—Панинъ требовалъ выдачи Салаватки и Юлая и постановки при всѣхъ башкирскихъ селеніяхъ висѣлицъ, колесъ и глаголей. Въ случаѣ непослушанія, Панинъ грозилъ мужской ихъ полъ до самыхъ младенцевъ растерзать лютѣйшими смертями, женъ, дѣтей и земли ихъ всѣ безъ изъятія раздать въ рабство и владѣніе вѣрнымъ подданнымъ Россіи. Суворовъ посланъ былъ въ Башкирію для направленія войскъ къ поимкѣ Салаватки.

Вслѣдъ за отправленіемъ Пугачева изъ Симбирска, Панинъ

* Указы императрицы Елизаветы фельдмаршалу Ласси въ 1743 г. и сенату 29-го марта 1753 года, о замѣнѣ натуральной смерти политическою. Виновнаго въ тяжкомъ уголовномъ дѣлѣ, по объявленіи смертнаго приговора, клали на плаху, сѣкли кнутомъ и ссылали въ каторжную работу.

счелъ возможнымъ донести императрицѣ, 29-го октября, что вся чернь находится въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она прежде не имѣла, и что башкирскія и киргизскія продерзости почти совсѣмъ прекратились. На другой день, 30-го октября, онъ подвердилъ, что вся бдѣнію его порученная мѣстность отъ возмущенія исцѣлилась, и всѣ текущія дѣла и правительства вступили въ прежнее свое безопасное дѣйствіе. Наконецъ, 19-го ноября, онъ снова объяснилъ что, по его мнѣнію, тишина и безмолвственное повиновеніе возстановились.

Въ теченіе ноября пойманы были послѣдніе разбойничьи атаманы Фирсъ Ивановъ (крестьянинъ симбирскаго помѣщика Киндякова), братья Иванъ и Алексѣй Ивановы, нападавшіе на Пензу, и наконецъ Башкирецъ Салаватъ.

Изъ донесеній Панина извлекаемъ слѣдующія цифры, опредѣляющія успѣшность его дѣйствій. Его войсками разбито 62 шайки мятежниковъ; злодѣевъ убито до 10.000 человѣкъ; взято въ плѣнъ 9.000 человѣкъ, освобождено изъ ихъ власти дворянъ, дворянскихъ женъ и дѣвицъ и всякаго званія людей 1.280. Пушекъ взято 64, единороговъ 4 и мортиръ 4.

Исчислены были также, по приказанію Панина, жертвы павшія отъ варварства мятежниковъ. Всего убито дворянъ, ихъ женъ и дѣтей 1.572; священно-служителей 237 и прочаго званія людей 1.037, а всего 2.846 человѣкъ. Сверхъ того мятежники разорили 14 монастырей и 63 церкви. *

Здѣсь кончаются наши свѣдѣнія объ объѣздѣ графа Панина, но онъ не ограничился проживаніемъ въ Симбирскѣ и ѣздилъ по другимъ городамъ. Такъ изъ записокъ Д. Б. Мертваго видно что Панинъ былъ въ Алатырѣ.

Повсюду происходили торжественныя встрѣчи, говорились рѣчи, выхвалялись доблести „спасителя отечества“. Одинъ изъ предводителей дворянства назвалъ Панина *честью, славою и украшеніемъ россійскаго дворянства, достойнымъ орудіемъ промысла Великой Екатерины.... животодателемъ своихъ собратій.*

Симбирскъ, во время пребыванія тамъ Панина, былъ мѣстомъ съѣзда всѣхъ искавшихъ милостей и заступничества

* У Пушкина напечатанъ списокъ 1.456 убитыхъ, то-есть только половина общаго числа приведеннаго въ извѣстность Панинымъ.

сильнаго вельможи. „Здѣсь нынѣ такое людство, говоритъ Рычковъ, что каждодневно вижу маленькую Москву. И обѣдаетъ у его сіятельства человѣкъ до шестидесяти и болѣе.“ Бывали частые пріемы и выходы. Державинъ описалъ одинъ изъ такихъ пріемовъ: Панинъ „былъ въ сѣроватомъ атласномъ, широкомъ шлафоркѣ, французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами“.

Д. АНУЧИНЪ.

(*До слѣд. №.*)

УЧРЕЖДЕНІЕ
АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ
У ТУРЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ *

(ИЗЪ ИСТОРІИ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

I.

Первое появленіе русскихъ раскольниковъ за Дунаемъ относится къ началу XVIII столѣтія и находится въ связи съ извѣстнымъ возмущеніемъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Кондратья Булавина. Поднятый собственно въ защиту казацкихъ вольностей, на которыя императоръ Петръ хотѣлъ наложить свою властную руку, прославъ разыскивать между казаками разнаго рода бѣглыхъ людей, свободно принимаемыхъ ими въ силу ихъ казацкихъ привилегій, Булавинскій бунтъ имѣлъ отчасти и религіозный оттѣнокъ: въ царственномъ преобразователѣ Россіи казаки видѣли не только своего притѣснителя, но и гонителя такъ-называемой „старой вѣры“, которой они были горячими поборниками, брадобривца, ведущаго дружбу съ бусурманами, піющаго табакъ и иныя богопротивныя зелія; между ними даже ходили слухи, что изъ нѣмецкой земли пріѣхалъ не истинный царь Петръ Алексѣевичъ.... Въ своей грамотѣ, разосланной въ началѣ 1708 года, Булавинъ между

* Кромѣ бумагъ бѣлокриницкаго архива, матеріаломъ для этой статьи служило сочиненіе одного изъ главныхъ участниковъ въ описываемыхъ событіяхъ, Осипа Семенова Гончарова, имѣющее такое заглавіе: *Первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла о устроеніи епископа.*

прочимъ писалъ, что Донское воинство положило „стоять со всякимъ радѣніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и *за благочестиваго царя*.... а Нѣмцамъ за ихъ злое дѣло не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными". * Когда царскія войска стали одолѣвать бунтовщиковъ, когда началась петровская расправа съ полоненными, одинъ изъ сподвижниковъ Булавина, атаманъ Игнатій Некрасовъ, видя бѣду неминучую, рѣшился со своею дружиной, состоявшею изъ 2.000 казаковъ, бѣжать на Кубань, за россійскій рубежъ, во владѣнія крымскаго хана.

Это была знакомая приволжскимъ и донскимъ раскольникамъ дорога: не мало казаковъ бѣжало на Кубань и въ прошломъ XVII столѣтіи. Первоначальные выходцы помогали потомъ переселяться за рубежъ и другимъ желающимъ изъ своихъ земляковъ и единовѣрцевъ: ** въ девяностыхъ

---

* Сол. *Ист. Россіи*, XV, стр. 244.

** Изъ актовъ историческихъ видно, что въ 1692 году съ рѣки Аграхани задумали уйти за рубежъ казаки-раскольники подъ предводительствомъ атамана Льва Манцкаго, или Мананскаго. Они предварительно отправили ходаковъ навѣдаться можно ли имъ перейти въ Крымъ. Ходаки воротились въ сопровожденіи кубанскихъ казаковъ, которые пришли именно за тѣмъ чтобы проводить своихъ аграханскихъ товарищей и единовѣрцевъ за русскій рубежъ: „въ нынѣшнемъ 201 году, въ сентябрѣ 18 числѣ (доносилъ астраханскому воеводѣ князю Хованскому Денисъ Сербинъ), къ раскольщикамъ-казакамъ, къ Левкѣ Мананскому съ товарищи, пришли изъ Крыму казаки, которые отъ нихъ были посылани, также и кубанскіе казаки, которые живутъ на рѣкѣ Кубанѣ, пришли къ нимъ на помочь, хотѣли ихъ проводить до Крыму, и тѣ воровскіе казаки съ рѣки Аграхани пошли въ побѣгъ въ Крымъ." Судьба аграханскихъ бѣглецовъ была несчастна: Чеченцы, подвластные Московскому государству, пустились въ погоню за ними, и догнавъ на рѣкѣ Сунжѣ, „учинили съ ними бой, и тѣхъ воровскихъ казаковъ разбили, женъ ихъ и дѣтей побрали въ полонъ, а инныхъ изъ нихъ побили и живьемъ взяли; а изъ тѣхъ воровскихъ казаковъ отобрався человѣкъ съ тридцать съ небольшимъ побѣжали на побѣгъ". Но и за этими пустился въ погоню „Амиръ-ханъ съ своими Чеченцами" (*Акты Истор.* V, № 215). По донесенію Ивана Волкова тому же Хованскому, „было ихъ казаковъ (при Сунжѣ) всѣхъ человѣкъ полтораста, а ушло ихъ казаковъ человѣкъ съ сорокъ". (Тамъ же.)

годахъ XVII столѣтія число казаковъ на Кубани и въ Крыму было даже такъ значительно, что они дѣлали набѣги на приволжскіе города.* Итакъ въ то время, когда Некрасовъ со своими товарищами пришелъ на Кубань, тамъ существовали уже раскольничьи поселенія. Дружина Некрасова умножила ихъ въ значительной степени, и какъ предводитель, Некрасовъ естественно получилъ большое значеніе и власть среди кубанскихъ казаковъ. Всѣ они были, само собою разумѣется, ревнителями своего „древляго благочестія", понимаго и церковію, и государствомъ.

Однакоже Некрасовъ со своею дружиной не долго пожилъ во владѣніяхъ крымскаго хана. Онъ испыталъ судьбу всѣхъ нашихъ зарубежныхъ выходцевъ того времени. По мѣрѣ того какъ съ успѣхами русскаго оружія отодвигались дальше и дальше рубежи русскаго государства, дальше отодвигались и усѣвшіеся за рубежами русскіе выходцы. Еще въ царствованіе Петра, когда начались войны съ Турками, и русскія войска, направляясь къ турецкимъ предѣламъ, начали тревожить кубанскихъ поселенцевъ, Некрасовъ и бо́льшая часть казаковъ поднялись съ Кубани и пустились дальше искать осѣдлаго мѣста во владѣніяхъ турецкаго султана. Турецкому правительству они предложили свои услуги противъ царскаго войска и вообще обязались: во время „размира" съ кѣмъ бы то ни было являться на службу по первому призыву, не требуя отъ правительства никакихъ расходовъ на вооруженіе и содержаніе своей вольной дружины; за то они просили у султанскаго правительства дать имъ мѣста для поселенія и предоставить свободу исповѣданія „древлеправославной вѣры" и сохраненіе ихъ стародавняго казацкаго быта во всей его полнотѣ, отъ суда и расправы въ казацкомъ кругу до казацкаго платья включительно. Султанъ принялъ милостиво просьбу Некрасова: казакамъ было дано позволеніе селиться по берегамъ Дуная при впаденіи его въ Черное море и жить по своимъ обычаямъ, только не нарушая вѣрности султанскому правительству и исправно являясь на службу въ военное время. Новые подданные султана, по имени своего предводителя Игната Некрасова,

* Такъ, въ іюлѣ 1693 года кубанскіе казаки-раскольники, „соединясь съ Крымцы", подступали къ Черному Яру и угрожали Царицыну (*Акты Истор.* V, №№ 220 и 221).

получили у Турокъ названіе *Игнатъ-казаковъ*, а сами стали называться *Некрасовцами*.

Такъ явились первыя поселенія русскихъ старообрядцевъ за Дунаемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, направляясь къ морю, образуетъ своимъ изгибомъ небольшой полуостровъ, извѣстный подъ общимъ названіемъ Добруджи. Это мѣсто, и въ то время когда пришелъ сюда Некрасовъ лежавшее неподалеку отъ русскихъ границъ, въ послѣдствіи, когда начались частыя войны съ Турками, сдѣлалось передовымъ постомъ, куда направлялись обыкновенно русскія войска. Это обстоятельство и было причиной что у Некрасовцевъ довольно рано начинаются переселенія изъ Добруджи во внутреннія области Турецкой имперіи, даже на окраины Турціи, въ сторону совершенно противоположную Добруджѣ. Правда, это были переселенія большею частію временныя: съ прекращеніемъ войны, по минованіи опасности, переселенцы возвращались обыкновенно на свои старыя мѣста, въ свою Добруджу; но случалось что иные изъ этихъ переселенцевъ предпочитали оставаться и тамъ куда на время загоняла ихъ нужда. Такимъ образомъ явились поселенія Некрасовцевъ даже въ мѣстахъ столь далекихъ отъ Добруджи и Дуная какъ берега Эносскаго залива, гдѣ существуетъ и доселѣ некрасовское селеніе Казакъ-кой,* и даже малоазійскій берегъ Мраморнаго моря, гдѣ находится другое, болѣе извѣстное некрасовское селеніе съ турецкимъ названіемъ Бинъ-эвле (тысяча домовъ), иначе Майносъ, какъ обыкновенно зовутъ его сами Некрасовцы. Казакъ-кой теперь ничтожное, полузабытое селеніе; Майносъ гораздо значительнѣе, но все-таки своему названію Бинъ-эвле далеко не соотвѣтствуетъ. Самую замѣчательную принадлежность Майноса составляетъ теперь то что здѣсь сохранились во всей первобытной, неповрежденной чистотѣ своей казацкіе нравы и порядки временъ Некрасова съ товарищи; Майносцы, это какимъ-то чуднымъ образомъ до нашего времени сохранившіеся въ азіятской глуши живые представители тѣхъ вольныхъ русскихъ людей что въ началѣ XVIII вѣка пришли на Дунай съ береговъ Дона и Кубани. **

* Еще два раскольничьи селенія этого имени находятся на южномъ берегу Чернаго моря, одно при озерѣ Деркосъ, другое близъ Бафры.

** Домашній и общественный бытъ майносскихъ Некрасовцевъ очень

При совершенной незначительности тѣхъ казацкихъ поселеній которыя были основаны добруджинскими выходцами въ разныхъ мѣстахъ Турецкой имперіи, Добруджа, гдѣ первоначально поселились Некрасовцы, попрежнему осталась главнымъ мѣстомъ жительства задунайскихъ раскольниковъ. Здѣсь раскольничье народонаселеніе съ теченіемъ времени достигло весьма значительной цифры, и не столько путемъ естественнаго размноженія казачьихъ семей, сколько вслѣдствіе наплыва новыхъ бѣглецовъ изъ Россіи по проложенной Некрасовцами дорогѣ въ султанскія владѣнія. Эти новые русскіе выходцы уже вовсе не принадлежали къ потомкамъ славнаго Войска Донскаго; это были, какъ и въ другихъ мѣстахъ, тѣ изъ ревнителей „древляго благочестія“ которымъ почему-либо сдѣлалось не совсѣмъ удобно оставаться въ Россіи. Некрасовцы, по старому казацкому обычаю, радушно принимали ихъ въ свое общество, и многіе изъ этихъ выходцевъ начали жить подъ именемъ и на правахъ Игнатъ-казаковъ, хотя тѣхъ казацкихъ качествъ, которыми отличаются прямые потомки Некрасовцевъ, пріобрѣсть уже не могли. Впрочемъ, большею частію они селились отдѣльно отъ казаковъ, по турецкимъ городамъ и мѣстечкамъ Добруджи, или заводили свои собственныя поселенія, и живутъ здѣсь какъ обыкновенные русскіе выходцы. Изъ такихъ поселеній гдѣ раскольники живутъ не на казацкихъ правахъ, извѣстны въ Добруджѣ: *Камень* (неподалеку отъ Мачина), *Новинка* (близь Гирсова), *Татарица* (на пути изъ Силистріи къ Туртукаю); кромѣ того, значительное число ихъ живетъ въ Тульчѣ, Исакчѣ, Мачинѣ, Бабадагѣ (у раскольниковъ онъ называется Баба) и въ разныхъ мѣстечкахъ разсѣянныхъ вдоль морскаго берега до самаго Адріанополя, — до Ядрина, какъ называютъ его раскольники.

Но средоточіе раскольничьяго населенія Добруджи составляютъ и понынѣ тѣ казацкія села, которыя были основаны первыми бѣжавшими съ Кубани Некрасовцами. Таковы именно слѣдующія три слободы, сплошь населенныя раскольниками: *Сары-кой*, * *Слава* и *Журиловка*. Хотя мирному

живо описанъ въ интересной статьѣ г. Иванова-Желудкова (Кельсіева): *Русское село въ Малой Азіи* (*Русск. Вѣстн.* 1866 г. № 6).

* Въ одномъ письмѣ Аркадія Славскаго находимъ объясненіе этого имени „турецкимъ названіемъ, а по нашему *Желтое село*“. (Письмо изъ Бѣлую-Криницу, 7-го сентября 1857 г.)

развитію и процвѣтанію этихъ селеній не мало препятствовали частыя войны между Россіей и Турціей, во время которыхъ обыкновенно происходили трудныя переселенія казацкихъ семей во внутреннія области Турецкой имперіи, откуда нѣкоторыя совсѣмъ не возвращались къ своимъ старымъ дворамъ, а оставшіеся въ Добруджѣ Некрасовцы иногда принимали русское подданство, какъ было, напримѣръ, во время войны 1828 года: * но тѣмъ не менѣе въ сороковыхъ годахъ, когда было начато дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ, эти коренныя некрасовскія селенія Добруджи были и многолюдны, и не бѣдны. Вотъ что писалъ о нихъ Н. И. Надеждинъ, въ это самое время (1846 года) путешествовавшій по мѣстамъ обитаемымъ заграничными раскольниками: изъ трехъ некрасовскихъ слободъ „самая большая есть Серакой, или Сари-кой, перековерканная русскимъ выговоромъ въ *Саряково*, кругомъ почти омываемая развѣтвленіями огромнаго дунайскаго лимана, извѣстнаго подъ именемъ озера *Разельмъ*: въ ней считается болѣе 600 семей. Другая слобода *Слава* разбросана въ дремучемъ лѣсу по рѣчкѣ *Славѣ*, изливающейся въ лиманъ *Головицу:* тутъ тоже около 600 домовъ. Слобода третья *Журиловка* лежитъ между Головицею и Разельмомъ, противъ самаго Партицкаго горла Дуная: домовъ въ ней до 500. Между всѣми ими разстоянія не болѣе какъ верстъ пятнадцать; и на этомъ пространствѣ скучено, выходитъ до 1.700 семей, что составляетъ населеніе, по крайней мѣрѣ, въ 8.000 душъ." ** Это и есть собственно *Некрасовцы*, *Игнатъ-казаки;* всѣ они живутъ на старыхъ казацкихъ правахъ: въ военное время обязаны высылать молодыхъ людей на службу, въ мирное свободно занимаются рыболовствомъ и иными промыслами, управляются своими стариками и выборнымъ атаманомъ, судятся своимъ собственнымъ судомъ и расправой въ казацкаго

* Въ 1830 году дозволено было „переселившимся въ Россію изъ Бабадагской области Некрасовцамъ устроить разобранную ими въ селеніи Серкоѣ (Сарьской) старообрядческую церковь, въ приличномъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ Измаила, и отправлять богослуженіе по своимъ обрядамъ"; а въ слѣдующемъ году дозволено даже построить каменную церковь. (См. *Сборн. пост. по части раскола*, указы 25-го ноября 1830 г. и 7-го іюля 1831 г.) Итакъ Некрасовцы, тогда переселившіеся въ Россію, даже перенесли съ собой и церковь.

** *Сборникъ* Кельсіева I, стр. 125.

„кругу“, и держатся вообще старыхъ казацкихъ обычаевъ. Впрочемъ, настоящихъ, чистокровныхъ потомковъ дружины Некрасова теперь едва ли можно отыскать между ними, и во всякомъ случаѣ ихъ количество слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ тѣми пришлыми раскольниками, которые въ разное время успѣли войти въ составъ казацкихъ некрасовскихъ обществъ. Преобразуясь въ казачество, этотъ пришлый элементъ и самъ въ свою очередь имѣлъ на него вліяніе, слѣды котораго можно усматривать именно въ томъ, что старые казацкіе нравы у добруджинскихъ Некрасовцевъ не сохранились въ такой чистотѣ какъ у майносскихъ ихъ товарищей.

Главнымъ связующимъ началомъ для нынѣшнихъ некрасовскихъ обществъ служитъ не столько казачество съ его старинными вольностями, сколько та мнимо-старая вѣра, якобы гонимая на Руси отъ лѣтъ Никона патріарха, за которую ихъ предки, Булавинъ и Некрасовъ съ товарищами, возстали не меньше чѣмъ за свою казацкую волю. Слѣпая приверженность къ этой „старой вѣрѣ“, соединенная съ сильною враждой противъ православія, къ сожалѣнію, удержалась въ ихъ обществахъ гораздо крѣпче нежели самая любовь къ казачеству; она составляетъ общую и главную принадлежность всѣхъ добруджинскихъ Некрасовцевъ и держитъ ихъ въ тѣсномъ общеніи не только между собой, но и со всѣмъ задунайскимъ раскольничьимъ населеніемъ. Замѣчательно, что здѣсь, у турецкихъ раскольниковъ, нѣтъ даже того раздробленія на секты, которое составляетъ общую принадлежность раскола и вноситъ столько вражды въ раскольничьи общества: всѣ турецкіе раскольники, за ничтожными исключеніями, всегда принадлежали и принадлежатъ доселѣ къ поповскому согласію.

До учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, Некрасовцы принимали бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ. Впрочемъ, пріобрѣтеніе бѣглыхъ поповъ представляло не малыя трудности для задунайскихъ раскольниковъ, и бывали времена, что во всей Добруджѣ не имѣлось ни одного раскольничьяго попа. Случалось также, что подъ именемъ поповъ жили и дѣйствовали у Некрасовцевъ разные бродяги, никогда не имѣвшіе священнаго сана; жили, разумѣется, до перваго случая, открывавшаго обманъ, и тогда надъ самозваннымъ попомъ, если не успѣвалъ онъ

заблаговременно скрыться, чинилась короткая казацкая расправа, *въ куль да въ воду*. И тѣ попы, которые приходили не съ фальшивыми ставленными грамотами, были въ нравственномъ отношеніи не много лучше этихъ бродягъ: сами Некрасовцы, при всемъ своемъ невѣжествѣ и грубости нравовъ, терпѣли ихъ только ради крайней нужды въ священствѣ, для совершенія необходимыхъ церковныхъ требъ, и затѣмъ не ждали отъ нихъ ничего. Ни религіознаго, ни нравственнаго вліянія на свою паству некрасовскіе попы обыкновенно не имѣли, да и не думали имѣть. Крайне ограниченнымъ потребностямъ Некрасовцевъ въ этомъ отношеніи удовлетворяли ихъ уставщики и дьяки, ихъ старики-начетчики и живущіе между ними иноки. Добруджинское иночество составляли главнымъ образомъ раскольничьи монахи бѣжавшіе изъ Россіи, число которыхъ значительно возрасло именно съ того времени когда на раскольничьи монастыри у насъ обращено было строгое вниманіе правительства, что, разумѣется, было крайне неудобно для обитателей сихъ монастырей, и многихъ побудило переселяться на болѣе спокойное жительство къ своимъ заграничнымъ единовѣрцамъ, въ Австрію, въ Турцію, въ Дунайскія Княжества. Въ Добруджѣ нѣкоторые изъ раскольничьихъ иноковъ жили отдѣльными кельями, по близости некрасовскихъ селеній, и въ самихъ селеніяхъ; но главнымъ пріютомъ задунайскаго иночества служилъ такъ-называемый *Славскій скитъ*, расположенный въ трехъ верстахъ отъ Славы, среди лѣса, и какъ всѣ раскольничьи скиты, состоящій изъ отдѣльныхъ хатокъ, или келій, разбросанныхъ безъ порядка вокругъ часовни. Основателемъ Славскаго скита и настоятелемъ его въ сороковыхъ годахъ былъ старецъ инокъ Макарій, а братство главнымъ образомъ составляли выходцы изъ русскихъ раскольничьихъ монастырей и скитовъ: въ томъ числѣ были иноки и извѣстнаго Лаврентьева монастыря, изъ котораго вышли главные дѣятели по учрежденію бѣлокриницкой іерархіи. Такъ жили здѣсь лаврентьевскіе иноки Аркадій Дороѳеевъ, * еще въ 1833 году совершившій странствіе по

* *Дороѳеевымъ* назывался онъ по имени своего евангельскаго отца, ибо въ иночество постриженъ былъ инокомъ Дороѳеемъ; а родовая его фамилія *Лысый*. Отецъ его былъ крестьянинъ села Кунчмаго, Спиридонъ Лысый.

Востоку для отысканія древлеправославныхъ епископовъ, и Аллпій Веприцевъ; потомъ сюда же пришелъ, по закрытіи Лаврентьева монастыря, и самъ лаврентьевскій настоятель Аркадій Шапошниковъ съ нѣсколькими другими. Прибытіе лаврентьевскаго настоятеля было событіемъ очень важнымъ для Славскаго скита и даже для всего заграничнаго старообрядства. Аркадій пользовался въ старообрядскомъ мірѣ большою извѣстностью и уваженіемъ и былъ, дѣйствительно, человѣкъ умный, весьма начитанный, съ твердымъ характеромъ и строгихъ правилъ жизни; самая наружность его внушала уваженіе старообрядцамъ: это былъ видный мущина, высокаго роста, съ длинною, закрывавшею всю грудь, бородой, за что̀ ему дали и прозвище *бородатый*. Въ Славскомъ скиту Аркадій, будучи простымъ инокомъ, весьма скоро пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на всѣ дѣла; безъ его совѣта и участія здѣсь не дѣлалось ничего сколько-нибудь важнаго; старецъ Макарій былъ только по имени настоятелемъ скита. Послѣ Аркадія въ Славскій скитъ переселился и еще одинъ лаврентьевскій выходецъ, еще прежде Аркадія оставившій Россію, инокъ Евфросинъ, лицо также замѣчательное между старообрядцами, многоначитанный и обладавшій рѣдкою памятью. Въ матеріальномъ отношеніи Славскій монастырь, хотя единственный во всей Добруджѣ, не отличался ни довольствомъ, ни особенными удобствами жизни; но онъ имѣлъ нѣкоторое нравственное вліяніе на добруджинскихъ Некрасовцевъ, особенно же по дѣламъ вѣры голосъ иноковъ славскихъ имѣлъ для нихъ значеніе.

II.

Когда слухъ о томъ, что буковинскіе раскольники затѣваютъ дѣло о пріобрѣтеніи архіерея для старообрядцевъ и объ учрежденіи самостоятельной старообрядской іерархіи, дошелъ до некрасовскихъ селеній, здѣсь приняли его съ большимъ сочувствіемъ. Некрасовцамъ по душѣ была мысль имѣть свое собственное священство, навсегда избавиться отъ этихъ бѣглыхъ великороссійскихъ поповъ, которые имъ такъ опротивѣли, и пріобрѣтеніе которыхъ становилось все труднѣе и труднѣе. Правда, они знали отчасти каковы бываютъ у раскольниковъ и свои собственные архіереи и попы: еще въ половинѣ прошлаго столѣтія были у Некрасовцевъ два

епископа—Ѳеодосій да Анѳимъ, и обоихъ они выпроводили отъ себя вовсе не съ честію; * особенно горькія воспоминанія оставили по себѣ владыка Анѳимъ и попы анѳимовскаго поставленія, причинившіе Некрасовцамъ не мало соблазна и даже посѣявшіе раздоръ между ними. Но это было давно, и почему же новый владыка долженъ непремѣнно походить на прежнихъ? Надѣялись, напротивъ, обрѣсти истиннаго пастыря, поборающаго по древнемъ благочестіи. Вообще извѣстіе о намѣреніи бѣлокриницкихъ иноковъ завести самостоятельную старообрядскую іерархію принято было Некрасовцами съ большимъ сочувствіемъ, хотя были между ними и такіе что̀ смотрѣли очень неблагосклонно на затѣю буковинскихъ искателей архіерейства. Свое сочувствіе Некрасовцы не замедлили показать самымъ очевиднымъ образомъ.

19-го сентября 1845 года въ Славскій монастырь пріѣхали извѣстные иноки Бѣлокриницкой обители Павелъ и Алимпій. Получивъ наконецъ отъ австрійскаго правительства формальное дозволеніе учредить въ Бѣлой Криницѣ архіерейскую липованскую каѳедру, иноки эти направляли теперь путь свой въ восточныя страны для отысканія епископа „древлеправославной вѣры“, или по крайней мѣрѣ такого, который бы согласился принять сію вѣру: къ славскимъ отцамъ они заѣхали по дорогѣ въ Константинополь. О пріѣздѣ такихъ знаменитыхъ гостей, разумѣется, очень скоро провѣдали во всѣхъ некрасовскихъ слободахъ. Сарыкойцы почему-то особенно желали узнать о намѣреніяхъ и надеждахъ инока Павла относительно пріобрѣтенія епископа: они общимъ совѣтомъ рѣшили—снарядить къ нему посольство съ приглашеніемъ посѣтить смиренную Сарыкойскую весь. Назначили въ это посольство двухъ почетныхъ казаковъ, Ивана Широкова да Осипа Семенова Гончарова, которые утромъ 21-го числа и отправились въ Славскій скитъ. Между тѣмъ въ этотъ же самый день и инокъ Павелъ съ Алимпіемъ выѣхали изъ Славскаго скита въ дальнѣйшій путь, имѣя намѣреніе побывать и въ Сарыкоѣ: сарыкойскіе посланники встрѣтились съ ними, только что проѣхавъ Бабадагъ. Здѣсь Гончаровъ на нѣсколько времени задержалъ инока Павла, а свою подводу отправилъ поскорѣе назадъ чтобъ извѣстить стариковъ о скоромъ

* См. П. И. Мельникова, *Очерки поповщины*, 1 ч., гл. 6.

прибытіи дорогихъ гостей, которымъ желалъ такимъ образомъ устроить почетную встрѣчу. Старики собрались въ домѣ Гончарова, гдѣ назначена была квартира для Павла съ Аѳиніемъ, и какъ только эти послѣдніе подъѣхали къ дому, вышли къ нимъ, и низко поклонившись, сказали: „Благодаримъ что вы посѣтили насъ своимъ честнымъ прибытіемъ,—спаси Христосъ!“ Гончаровъ пригласилъ стариковъ и нѣсколькихъ сарыкойскихъ иноковъ къ себѣ потрапезовать и послушать назидательной бесѣды отца Павла. Отъ Гончарова всѣ отправились къ уставщику Карпу Яковлеву; потомъ перешли къ атаману Козьмѣ Василискову и „просидѣли у него (пишетъ раскольничій бытописатель) даже до свѣту съ восторгомъ и великою любовію, даже не могли видѣть когда ночь прошла въ пріятномъ разговорѣ, даже никто изъ насъ той ночи и сна не принялъ ни мало“.

Инокъ Павелъ хорошо понималъ что для успѣшнаго окончанія предпріятія ему было весьма неизлишне заручиться расположеніемъ некрасовскихъ обществъ, и потому употребилъ все свое искусство чтобы заслужить это расположеніе, Въ Сарыкоѣ прожилъ онъ болѣе двухъ дней, видѣлся и бесѣдовалъ со всѣми почетнѣйшими лицами въ селеніи. Бесѣды, само собою разумѣется, вращались по преимуществу около главнаго предмета, какъ и гдѣ бы обрѣсти древлеправославнаго епископа. Когда, наконецъ, дорогіе гости собрались ѣхать далѣе, Сарыкойцы не знали чѣмъ выразить имъ свою признательность за посѣщеніе и какъ засвидѣтельствовать свое сочувствіе къ тому дѣлу, на которое шли они, презирая всѣ опасности и труды. Имъ приготовили подводу, нанесли разныхъ дорожныхъ запасовъ, кто рыбы, кто винограду, и кромѣ того присудили выдать изъ церковныхъ денегъ 100 левовъ на расходы.

— Это напрасно, говорилъ Павелъ,—денегъ у насъ довольно.

— Нѣтъ, возьми, отвѣчали ему старики,—пусть и отъ нашего усердія во участіе будетъ, хотя мало, дабы и мы были участники этому дѣлу.

Потомъ начали просить Гончарова, человѣка бывалаго, хорошо знавшаго дорогу въ Царьградъ, проводить гостей, по крайней мѣрѣ, до Тульчи, и тамъ пристроить ихъ на покойную квартиру, пока найдутъ мѣсто на пароходѣ. Подали лошадей. Старики поклонились Павлу до земли и сказали: „Даруй вамъ, Господи, получить вся благая“, вообще прово-

дили его съ великою честію. Въ Тульчѣ Осипъ Семеновъ помѣстилъ путешественниковъ у самаго зажиточнаго изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, Саввы Ивановича Рукавишникова. Здѣсь инокъ Павелъ написалъ и вручилъ Гончарову для доставленія по принадлежности благодарственныя письма сарыкойскому обществу и настоятелю Славскаго скита Макарію. Вообще онъ былъ очень доволенъ пріемомъ, какой ему сдѣлали Некрасовцы, и особенно тѣснымъ сближеніемъ съ Гончаровымъ, котораго зналъ и прежде какъ человѣка разумнаго, а съ этого времени могъ считать самымъ надежнымъ помощникомъ своимъ въ начатомъ дѣлѣ объ учрежденіи старообрядской іерархіи.

Въ Тульчѣ, однакоже, пришлось иноку Павлу встрѣтиться и съ однимъ изъ горячихъ противниковъ этого дѣла. Тамъ жилъ нѣкій инокъ Аркадій, называвшійся Тульчанскимъ, человѣкъ не слишкомъ далекаго ума, но крайне самоувѣренный, даже съ притязаніями на прозорливость. Учрежденіе самостоятельной раскольничьей іерархіи онъ почиталъ непозволительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ и потому громко порицалъ затѣю буковинскихъ старообрядцевъ. Павлу это было извѣстно; однакоже, предъ отъѣздомъ изъ Тульчи, уже отправляясь на пароходъ, онъ зашелъ къ Аркадію проститься, питая надежду, авось смягчится его сердце. Побесѣдовали не много; Павелъ поднялся и говоритъ:

— Прости, отче, и благослови.

— Не благословляю, отвѣчалъ Аркадій.

— Отче, благослови! повторилъ Павелъ.

— Не благословляю! Не благословляю! твердилъ непреклонный инокъ Аркадій.

Павелъ и Алимпій ушли отъ него съ огорченіемъ. Вслѣдъ за этимъ ихъ ожидало новое, гораздо болѣе интересное свиданіе. Продолжая путь на пароходную пристань, къ немалому удивленію, встрѣтили они настоятеля Лаврентьева монастыря Аркадія съ Евфросиномъ и другими лаврентьевскими иноками. Аркадій, по закрытіи монастыря жившій нѣсколько времени на родинѣ, въ Клинцовскомъ посадѣ, ѣхалъ теперь прямо изъ Россіи и только что вступилъ на турецкую землю. Съ инокомъ Павломъ, который предъ отъѣздомъ за границу жилъ у него въ Лаврентьевѣ монастырѣ, онъ не видался около шести лѣтъ: понятно что тотъ и другой были очень обрадованы этою неожиданною встрѣчей и въ такое

важное для обоихъ время. Такъ какъ пароходъ отъѣзжалъ еще не скоро, то, по приглашенію Рукавишникова, всѣ отправились къ нему въ домъ, гдѣ по случаю радостнаго свиданія имъ была предложена обильная трапеза. Здѣсь инокъ Павелъ сообщилъ Аркадію о своихъ трудахъ и преднамѣреніяхъ касательно учрежденія іерархіи, какъ успѣлъ устроить дѣло съ австрійскимъ правительствомъ, куда теперь ѣдетъ и зачѣмъ. Аркадій принадлежалъ къ числу тѣхъ старообрядцевъ которые на исканіе архіерейства смотрѣли неблагосклонно. Когда, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, серковскій настоятель, инокъ Геронтій, въ послѣдствіи настоятель Бѣлокриницкаго монастыря и главный сотрудникъ инока Павла, пріѣзжалъ въ Лаврентьевъ монастырь для переговоровъ, именно по дѣлу объ учрежденіи за границей архіерейской старообрядской каѳедры, только что возникавшему въ то время, еще тогда Аркадій высказался рѣшительно противъ старообрядскаго архіерейства, въ учрежденіи котораго не видѣлъ ни особенной нужды, ни особенной пользы для старообрядцевъ. Теперь обстоятельства значительно измѣнились. Положеніе старообрядства въ Россіи сдѣлалось стѣснительнѣе, пріобрѣтеніе бѣглыхъ поповъ затруднилось еще больше, и самъ онъ теперь уже не находился подъ надзоромъ русскихъ властей. Но, по своей обычной осторожности, Аркадій все-таки не могъ помириться такъ скоро съ предпріятіемъ инока Павла и потому слушалъ разсказъ его молча, хотя и съ подобающимъ вниманіемъ. Наконецъ Павлу пора было и отправляться. Онъ сказалъ при разставаньи:

— Прости, отче, и благослови насъ на сіе дѣло.

Аркадій былъ поставленъ въ затрудненіе: ему не хотѣлось огорчить Павла отказомъ; съ другой стороны боялся онъ какъ бы не погрѣшить, если дастъ благословеніе. Помолчавъ немного, онъ отвѣтилъ:

— Богъ да сотворитъ съ вами, якоже хощетъ!

Павелъ поклонился ему низко и сказалъ:

— Спаси Христосъ, отче!

„Смотрите обоихъ разумы, Лаврентьевскаго Аркадія и Тульчанскаго, замѣчаетъ по сему случаю старообрядскій повѣствователь, они были въ одномъ сомнѣніи о епископѣ, но первый не оскорбилъ отца Павла о благословеніи, а Тульчанскій Аркадій невѣжествомъ своимъ опечалилъ.“

Изъ своихъ странствій инокъ Павелъ не забывалъ при случаѣ увѣдомлять добруджинскихъ благопріятелей о своихъ подвигахъ для пріобрѣтенія древлеправославнаго епископа чтобы поддержать въ нихъ сочувствіе къ этому дѣлу. Онъ писалъ на имя Гончарова, а этотъ послѣдній обыкновенно читалъ его письма въ кругу, на сходкахъ, въ общемъ собраніи некрасовскихъ стариковъ. Первое письмо инокъ Павелъ прислалъ изъ Царяграда, вскорѣ по пріѣздѣ туда; потомъ въ февралѣ 1846 года получено было другое, въ которомъ Павелъ подробно описывалъ свои странствія по восточнымъ землямъ, „какъ были въ Сиріи и во Аравіи, во Іерусалимѣ, и во Египтѣ, во Александріи и даже, словомъ сказать, во всей Палестинѣ разсматривали догматы оныхъ вѣръ, какая въ чемъ состоитъ.“ Съ умиленіемъ внимали старики Некрасовцы чтенію пространной епистоліи инока Павла, который вообще обладалъ замѣчательнымъ даромъ составлять подобнаго рода посланія: „Всѣ удивлялись его мудрому описанію и путешествію ихъ, и всѣ сказали: можетъ-быть и дастъ Богъ, гдѣ-нибудь найдутъ по ихъ усердному старанію.“ Спустя мѣсяцъ послѣ этого, инокъ Алимпій, проѣзжая мимо Тульчи, передалъ для доставленія въ некрасовскія слободы еще письмо, въ которомъ содержалось радостное извѣстіе что „Богъ далъ, нашли епископа“, и именно босносараевскаго митрополита Амвросія. Наконецъ, 20-го числа мая мѣсяца, пришло извѣстіе что инокъ Павелъ письменно увѣдомилъ благотворителя своего Савву Ивановича Рукавишникова о имѣющемъ скоро послѣдовать прибытіи своемъ въ Тульчу купно съ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ.

Эта вѣсть привела въ движеніе все раскольничье населеніе Добруджи: сарыкойскіе, славскіе и журиловскіе Некрасовцы присудили устроить Амвросію торжественную встрѣчу на тульчанской пристани, гдѣ онъ долженъ былъ сойти съ парохода, выбрали для этого самыхъ почтенныхъ стариковъ изъ всѣхъ селеній, и надавали имъ „калачей для митрополита“. Славскій монастырь, съ своей стороны, также выразилъ готовность принять участіе въ торжественной встрѣчѣ Амвросія: настоятель инокъ Макарій отправилъ въ Тульчу нѣсколько человѣкъ изъ старшей братіи и съ ними Лаврентьевскаго Аркадія, который въ это время пребывалъ уже въ Славскомъ скиту и пользовался здѣсь не малымъ почетомъ. Согласившись ѣхать на встрѣчу митрополита, Аркадій этимъ

самымъ давалъ уже знать что успѣхъ, увѣнчавшій предпріятіе инока Павла, поколебалъ его прежнее нерасположеніе къ учрежденію старообрядской архіерейской каѳедры. Кромѣ того, по своей доброй волѣ, много усердныхъ и любопытствующихъ Некрасовцевъ отправились посмотрѣть на встрѣчу „богодарованнаго владыки“. Вообще наѣхало такое множество казачьяго люда, что „вся Тульча удивлялась столь великому собранію“.

29-го мая толпы Некрасовцевъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, и впереди ихъ депутаціи изъ славскихъ иноковъ и почетныхъ стариковъ, съ хлѣбомъ и солью, заняли берегъ Дуная, около тульчанской пристани, въ ожиданіи парохода, на которомъ въ этотъ день должны были пріѣхать Павелъ и Амвросій. Но оказалось что всѣ хлопоты были напрасны, торжественной встрѣчи будущему липованскому митрополиту нельзя было устроить. Вышло недоразумѣніе: инокъ Павелъ хотя и писалъ Рукавишникову о своемъ скоромъ прибытіи вмѣстѣ съ Амвросіемъ, но не только не желалъ устроенія ему торжественной встрѣчи, напротивъ, всячески заботился о строжайшемъ инкогнито липованскаго владыки, который, какъ извѣстно, ѣхалъ изъ Царяграда переряженный въ казацкое платье, „тихимъ побытомъ, по выраженію Гончарова, съ кубанскимъ пачпортомъ, а не на своемъ имени“. Пришлось, удаливъ собравшіяся на берегу почетныя некрасовскія депутаціи и толпы любопытныхъ, „взять митрополита изъ парохода тайнымъ и тихимъ образомъ“: безъ всякой торжественности и съ крайними предосторожностями провели его въ глухую тульчанскую улицу, на квартиру къ нѣкоему Степану Михайловичу Волохину, вмѣсто приготовленнаго въ домѣ Рукавишникова весьма удобнаго помѣщенія.

Такимъ образомъ торжественная встрѣча Амвросію не удалась; мало того, она причинила большое безпокойство и Павлу, и Амвросію, который и безъ того еле живъ былъ отъ страха; она могла бы даже кончиться дѣйствительною непріятностью для бывшаго босносараевскаго митрополита, еслибы инокъ Павелъ своею находчивостью не успѣлъ поправить дѣло. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тульчанскихъ тревогъ, Павелъ очень живо описалъ ихъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Героктію, откуда мы и приводимъ это любопытное описаніе. „Прибыли въ ночи на устье Дуная, въ Сулинъ, гдѣ поутру рано встрѣтилъ насъ Савва Ивановичъ

Рукавишниковъ, съ благопріятнымъ привѣтствіемъ и вседушевнымъ усердіемъ; самъ взошелъ на пароходъ, провожая насъ до Тульчи, гдѣ у него другой свой домъ, дабы принять насъ тамъ и успокоить; съ собою принесъ онъ намъ разныхъ съѣстныхъ гостинцевъ: ибо я ему предварительно послалъ письмецо и писалъ ему о своемъ приходѣ *секретно*. Но какъ его не случилось въ Тульчѣ, прикащикъ его Семенъ Ивановичъ, тоже искренній для насъ благопріятель, прочиталъ оное, такъ какъ по адресу довѣрено было посмотрѣть и ему, но не зная самъ по скорописи читать, показалъ мальчику, который протолковалъ ему. Онъ, по своему усердію, запечатавъ письмо, отослалъ своему хозяину въ Сулинъ; а самъ далъ знать въ село Серякое (Сарыкой) съ прямымъ извѣстіемъ, а тіи въ Славскій скитъ и во всѣ селенія нашей вѣры. Боже мой! Мы ѣдемъ отдохнуть въ Тульчѣ и, по необходимости, для перемѣны пачпорта, въ Серякое, ничего того не зная, и даже не рѣшился митрополитъ изъ принесенныхъ Саввою Ивановичемъ гостинцевъ ничего вкусить, доколѣ не внидемъ въ его домъ въ Тульчѣ: а въ Тульчѣ, еще наканунѣ нашего прибытія, отецъ Аркадій, по порученію настоятеля Славскаго монастыря отца Макарія, со многочисленною братіею иноковъ, съ Серекой (изъ Сарыкоя) господинъ атаманъ съ общественными людьми и со всѣхъ слободъ старики съ хлѣбомъ и солью для встрѣчи митрополита, и множество по произволенію народа, убранные хорошо, яко на праздникъ, съ женами и дѣтьми, какъ говорится, старые и малые, пріѣздомъ своимъ покрыли Тульчу, и прогремѣло всюду, паче грома! Пароходъ прибѣжалъ къ берегу, — на полчаса не болѣе остановился для высадки, кого надлежало, и скоро всѣ вещи и насъ побуждаютъ перенести на берегъ. Я выскочилъ изъ комары (камеры) на палубу, — и какъ взглянулъ на берегъ, такъ отъ неизъяснимаго ужаса омрачился и не зналъ что̀ вообразить! Эта минута даже подобилась нѣчимъ Моисею при Черномъ морѣ (?): съ парохода капитанъ тотчасъ гонитъ, какъ Фараонъ; а напротивъ, какъ синяя пучина, волнуется полкъ безчисленнаго народа, одинъ другаго угнетая видѣть митрополита! Эта минута не представляла мнѣ сроку ни разсуждать что̀, ни вопить, ни молиться; едва только умомъ безгласно могъ воскликнуть (яко вторый Моисей): О, всемогущій Боже! что̀ сотворю? И вдругъ положилъ Господь на мысль бросить все на пароходѣ, вещи и сущихъ со

мною, и скорѣе всѣхъ, не ожидая вапорнаго перевозу, закричалъ: подайте лодку! И вскорѣ перескочилъ одинъ ни съ чѣмъ на берегъ въ полкъ народа; поликовался съ отцемъ Аркадіемъ и съ прочими первѣйшими, абіе скорыми шагами пошелъ въ домъ Саввы Ивановича, возгласивъ всѣмъ: „Идите скоро со мною, имѣю вамъ нѣчто предложить весьма нужное; а на пароходѣ нѣтъ ничего моего и со мною нѣтъ никого.“ Чудо было зрѣть! весь пароходъ удивился, что̀ это былъ за человѣкъ такой, на коего они почти ни мало не внимали, а вдругъ дивную встрѣчу увидали! Итакъ весь народъ я увелъ за собою, такъ что не осталось никого принять митрополита. И онъ былъ столь пораженъ таковою нечаянностію, что стоялъ поблѣдѣлый, аки мертвый, какъ мнѣ сказывали тѣ, коихъ я послалъ на помощь Саввѣ Ивановичу забрать наши вещи ко мнѣ, а его съ переводчикомъ (Огняновичемъ) отвести задворками на самый край города, къ одному нашему христолюбцу.“ *

Неудача испытанная Некрасовцами при встрѣчѣ Амвросія ни мало не охладила ихъ усердія и уваженія „къ богодарованному владыкѣ“. Это странное его укрывательство, это неблагоприличное путешествіе съ фальшивымъ паспортомъ, подъ чужимъ именемъ, въ чужомъ платьѣ, — все это только возвышало Амвросія въ ихъ понятіи: вѣдь такія тревоги и покушенія, говорили они со словъ инока Павла, святитель терпитъ ради насъ, дабы наши ненавистники не разлучили его съ нами, и намъ подобаетъ упокоить его и защитить отъ враговъ. И мирно, безъ всякаго неудовольствія, разошлись Некрасовцы по городу Тульчѣ, а затѣмъ отправились и во свояси. Славскіе же отцы и почетнѣйшіе изъ депутатовъ секретнымъ образомъ, соблюдая всѣ предосторожности, посѣтили Амвросія въ его тульчанскомъ уединеніи, поздравили съ пріѣздомъ, поднесли хлѣбъ-соль и всячески старались его успокоить. Потомъ къ вечеру того же дня увезли его для пущей безопасности въ Сарыкой. „По уходѣ парохода и по утишеніи народнаго волненія мы, — повѣствуетъ инокъ Павелъ, — чрезъ часъ въ домѣ Саввы Ивановича обо всемъ съ отцами переговорили, и о благомъ посовѣтовавъ, *малыми частями и разными тропами* пошли посѣтить плѣннаго владыку. Напередъ я съ отцемъ Аркадіемъ и съ

* Письмо Павла къ Геронтію отъ 8-го іюня 1846 года.

нѣкоторыми почтенными старцами; потомъ господинъ атаманъ со стариками и съ приготовленнымъ хлѣбомъ и солью. И собравшись, поздравили его съ прибытіемъ, а они утѣшили его крѣпкими увѣреніями, что они теперь за него въ случаѣ какой тревоги (чего Боже сохрани!) готовы предать свой животъ. Тутъ онъ мало оживился и обрадовался, чего уже и не надѣялся. Однако и тутъ, отъ неизъяснимаго бывшаго возмущенія, не могъ ничего ни ясть, ни пить,—просилъ мало покою, отдохнуть. Но когда по всему граду (славно бо прославися) узнали всѣ языки отъ стараго до малаго, то того же дня на вечеръ, пообѣдавъ и взявши пару добрыхъ коней, отправили насъ для тишайшаго спокою въ село Серекое, куда мы прибыли уже ночью, а вещи наши на другой день доставили." * Здѣсь Амвросію отвели помѣщеніе у Гончарова, хотя самого Гончарова въ это время не было дома: онъ еще находился въ Константинополѣ, гдѣ предъ этимъ содѣйствовалъ иноку Павлу въ устроеніи дѣла съ Амвросіемъ и помогалъ секретному отъѣзду этого послѣдняго изъ Царяграда.

Въ Сарыкоѣ Амвросій прожилъ болѣе четырехъ сутокъ, частію для того чтобы доставить утѣшеніе Некрасовцамъ, такъ желавшимъ его видѣть, главнымъ же образомъ потому что нужно было хлопотать о полученіи отъ турецкаго правительства другаго паспорта на проѣздъ въ Вѣну. Въ это время Амвросій часто видался съ почетными сарыкойскими, также славскими и журиловскими жителями, и нѣкоторыхъ удостоилъ посѣщеніемъ. 31-го числа сарыкойскіе старики пришли просить его чтобы посѣтилъ ихъ церковь. Амвросій надѣлъ иноческую одежду, которая заблаговременно была приготовлена для него еще въ Тульчѣ инокомъ Алимпіемъ и отправился смотрѣть церковь. По улицамъ стояли большія толпы народа, которому хотѣлось посмотрѣть на митрополита. Въ церкви, по разказу Гончарова, случилось слѣдующее событіе: „Когда взошли во алтарь, митрополитъ взялъ Евангеліе на престолѣ, разгнулъ и сказалъ: „смотрите, что̀ тутъ написано. Вотъ Серапіонъ старецъ сталъ читать, и бѣ написано: *Господи, се мы оставихомъ вся и вослѣдъ Тебе идохомъ.* Митрополитъ спросилъ: что̀ тутъ написано? Толмачъ сказалъ ему: владыко, тутъ написано: *Господи, се мы*

* Письмо къ Геронтію.

оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ. Митрополитъ весьма удивился, со умиленіемъ, о томъ что приключися рѣчь такая.“ Изъ церкви „зашли къ попечителю Евтею, митрополитъ и старики старцы, и простаго народа множество, и обѣдали тамъ.“ Черезъ день послѣ этого, именно 2-го іюня, опять „собрался всѣ старики и старцы, и простаго народа много, и попросили господина митрополита пройтись по селу. Онъ тотчасъ всталъ и пошелъ съ ними по селу, и вышли на степь, и народу множество,—всѣ кланяются.“

Между тѣмъ въ Бабадагѣ успѣли выправить для Амвросія новый паспортъ. За отсутствіемъ Гончарова, великаго мастера этихъ дѣлъ, о выдачѣ паспорта хлопотали главнымъ образомъ сарыкойскій атаманъ и Аркадій Лаврентьевскій. Имъ удалось выправить паспортъ на имя *баш-папаса*, что, по объясненію Павла, значитъ: „верховный надъ всѣми старовѣрскими попами святитель“; но все-таки въ паспортѣ допущена была ошибка, какъ-то неправильно написали собственное имя Амвросія, чего никакъ не случилось бы, еслибъ это дѣло велъ Гончаровъ, который въ своемъ сочиненіи и выражается довольно презрительно о томъ что не умѣли сдѣлать, какъ слѣдуетъ, такого простаго дѣла. Но Павелъ былъ очень доволенъ и тѣмъ паспортомъ какой успѣли получить отъ турецкаго правительства: „спаси Христосъ господина атамана и всѣхъ стариковъ, а наипаче отца Аркадія и отца Евфросина за ихъ благое наставленіе и усердное содѣйствіе.“ *

Теперь можно было отправляться дальше. Присудили не заѣзжать въ Тульчу, а проѣхать на лошадяхъ до Браилова и тамъ уже сѣсть на пароходъ. Послѣ тульчанской исторіи эту дорогу находили безопаснѣе; старики совѣтовали только поосторожнѣе ѣхать мимо Камня, такъ какъ жителей этого селенія считали враждебно расположенными къ принятію епископовъ. 3-го числа Амвросій съ Огняновичемъ и Павломъ выѣхалъ изъ Сарыкоя, весьма довольный сдѣланнымъ здѣсь пріемомъ. Проводы были торжественные: „собрался весь міръ, разказываетъ Гончаровъ, и приготовили двѣ подводы: Давыда Аблая и Веденея Чепуру, и Еремея Гапѣева, чтобъ онъ проводилъ митрополита до Браилова и дондеже на пароходъ сядетъ, а на дорогу приготовили рыбы бѣлуги и икры черной. А когда стали выѣзжать, то даже весь міръ

* Письмо Павла къ Геронтію.

собрался, отъ стараго и до малаго, и приказали звонить на выѣздъ ему. Когда сталъ митрополитъ на повозку садиться, благословилъ всѣхъ, и всѣ ему поклонились до земли, и звонили много, дондеже изъ глазъ скрылися".

Мимо Камня проѣхали благополучно, но въ Браиловѣ случилось одно обстоятельство, которое сильно перепугало Амвросія. Здѣсь нужно было нѣсколько дней дожидаться парохода. Ради большей безопасности провожатые Амвросія рѣшили въ городъ не заѣзжать, а остановиться на противоположномъ берегу Дуная. Нашли какой-то пустой овечій сарай, вычистили его, устлали коврами и расположились спокойно; но къ общему удивленію, сюда стали являться къ нимъ посѣтители. Сначала вошелъ какой-то попъ и сталъ у митрополита просить благословенія, его выпроводили, сказавъ что тутъ нѣтъ никакого митрополита. Потомъ пришелъ какой-то аѳонскій монахъ, этому дали денегъ, и онъ также ушелъ. Наконецъ является знакомый Некрасовцамъ мачинскій Грекъ и съ нимъ одинъ греческій епископъ, хорошо знавшій Амвросія, такъ какъ Амвросій не задолго предъ этимъ вмѣстѣ съ другими архіереями присутствовалъ при его рукоположеніи; съ епископомъ была цѣлая свита, и всѣ расположились неподалеку тутъ же, на берегу Дуная. Амвросій до того перепугался встрѣчи со знакомымъ епископомъ, что хотѣлъ было спрятаться въ ясли, и едва уступилъ настоятельнымъ просьбамъ спутниковъ—не тревожить себя преждевременно, а принять въ соображеніе что этотъ епископъ, быть-можетъ, и не знаетъ совсѣмъ о его присутствіи здѣсь (какъ это дѣйствительно и было). Старикъ Еремей Гапѣевъ, возвратившись домой, разказывалъ Гончарову и другимъ объ этомъ злосчастномъ случаѣ: „какъ господинъ митрополитъ хоронился и говорилъ ему, Еремею: я ляжу, сказалъ, въ ясли, а ты, Еремей, возьми объѣдьями меня прикрой, и какъ Еремей убоялся, и сказалъ: я не могу этого сдѣлать, какъ я могу такое лицо въ ясли положить и объѣдьями закрыть! но вмѣсто того взялъ митрополита и Павла и отвелъ въ камышъ". * Гончаровъ и старики некрасовскіе съ удивленіемъ

* Гончаровъ, *Первое начинаніе* и пр. Инокъ Павелъ нѣсколько иначе разказываетъ объ этомъ происшествіи въ письмѣ къ Геронтію: „Въ пятницу наисильнѣйшее обновленіе ранамъ сердечнымъ, такъ что митрополиту уже недоставало полога въ укрытіе, но слезъ

слушали эту повѣсть „о первоначальномъ страданіи“ своего владыки.

Вообще въ раскольничьемъ населеніи Добруджи какъ самая вѣсть о пріобрѣтеніи митрополита была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ, такъ и личное знакомство съ Амвросіемъ, повидимому, произвело самое благопріятное для него впечатлѣніе. Инокъ Павелъ отправился въ Вѣну хлопотать объ окончаніи Амвросіева дѣла съ твердою увѣренностью что въ Добруджѣ, среди задунайскихъ казацкихъ обществъ, власть будущаго бѣлокриницкаго митрополита совершенно упрочена, и новую старообрядскую іерархію примутъ здѣсь безъ всякаго прекословія.

III.

Но въ то самое время когда некрасовскія общества, къ утѣшенію инока Павла, такъ усердно и единодушно чествовали Амвросія почетными встрѣчами и торжественными проводами, изъ среды Некрасовцевъ явились и противники Амвросія, которые очень скоро увлекли бо́льшую часть недавнихъ его почитателей и произвели сильный и продолжительный раздоръ среди старообрядскаго населенія Добруджи,— раздоръ, оставшійся не безъ вліянія и на русскихъ старообрядцевъ. Когда Амвросій совершалъ описанную выше прогулку свою по сарыкойскимъ улицамъ, одинъ изъ этихъ противниковъ публично выразилъ совершенное къ нему неуваженіе. Весь народъ, стоя безъ шапокъ, почтительно кланялся митрополиту, а новый сарыкойскій дьякъ Михайло Ивановъ Кудрявцевъ и шапки не скидалъ, и не кланялся.

— Чтò за невѣжа, и шапку не снимаетъ! замѣтилъ ему находившійся тутъ же инокъ Евфросинъ.

— Я никогда предъ *невѣрнымъ* не стану скидать шапки и

въ скотскія ясли и хотѣлъ закопаться въ навозъ и овчій обѣтди, едва мужественными о Возѣ уговорами убѣдили его предаться волѣ Божіей.... Мы ни ѣвши, ни пивши не могли изъ сарая никуда выступить, полагали себя такими какъ сѣдящая рыба во мрежи. Однако же послѣдовало ничего противнаго, ибо послѣ открылось что они о нашемъ дѣлѣ неизвѣстны, а прибыли по своимъ дѣламъ, и, слава Богу, мы и отъ сего искушенія разрѣшились безъ вреда.“ (Письмо отъ 8-го іюня 1846 г.)

клапяться! отвѣтилъ ему Михайло Ивановъ громко, чтобы слышали и другіе.

По свидѣтельству Гончарова, этотъ Михайло Ивановъ обиженъ былъ тѣмъ что его не выбрали въ депутацію, которая снаряжена была для встрѣчи Амвросія въ Тульчѣ, потому и рѣшился дѣйствовать противъ Амвросія. Но Михайло Ивановъ былъ не одинъ, у него имѣлись сообщники и руководители изъ тѣхъ лицъ, которыя и прежде смотрѣли непріязненно на затѣю буковинскихъ старообрядцевъ учредить свою собственную іерархію. Теперь, когда эта затѣя приводилась къ окончанію, когда архіерей былъ найденъ и привезенъ, они все еще не теряли надежды разстроить дѣло и имѣли къ тому удобный предлогъ. Они стали говорить что еслибы Павелъ нашелъ истиннаго древлеправославнаго епископа, какъ обѣщался, это было бы хорошо; а то привезъ митрополита изъ Грековъ, отпавшихъ древляго благочестія, у которыхъ вѣра и законъ „порушены“, однимъ словомъ, какъ выразился Михайло Ивановъ, привезъ „невѣрнаго“. Еще, пожалуй, можно было бы, по примѣру бѣгствующихъ священниковъ, принять епископа отъ великороссійской церкви, но отъ Грековъ пріятіе невозможно, ибо всѣ Греки „обливанцы“, крестятся не въ три погруженія, о чемъ засвидѣтельствовалъ и Арсеній Сухановъ въ своемъ проскинитаріи. Подобными рѣчами можно было смутить старообрядцевъ и гораздо болѣе свѣдущихъ нежели обитатели некрасовскихъ селеній. И вотъ между ними начали мало-по-малу распространяться разныя „сумнѣнія“ и „недоумѣнія“ относительно Амвросія, такъ что прошло какихъ-нибудь три недѣли послѣ сарыкойскихъ праздниковъ въ честь „богодареннаго владыки“, и тѣ же Сарыкойцы довольно рѣшительно заявили себя его противниками, при первомъ удобномъ случаѣ.

Будучи занятъ важнымъ вопросомъ какъ принимать Амвросія въ старообрядство, инокъ Павелъ, съ своею обычною предусмотрительностью, распорядился предложить этотъ вопросъ некрасовскимъ старообрядскимъ обществамъ, отъ которыхъ онъ уже видѣлъ такія очевидныя доказательства добраго расположенія къ Амвросію. Чрезъ это онъ надѣялся и оказать вниманіе Некрасовцамъ, и еще тѣснѣе связать ихъ съ дѣломъ Амвросія, и наконецъ, заручившись ихъ голосомъ, могъ смѣлѣе разчитывать на успѣхъ Амвросіева дѣла у всѣхъ вообще старообрядцевъ—русскихъ и заграничныхъ.

Во второй половинѣ іюня пріѣхалъ изъ Бѣлой Криницы въ Славскій скитъ инокъ Онуфрій, именно съ порученіемъ къ славскимъ отцамъ и ко всѣмъ некрасовскимъ обществамъ соборнѣ разсудить и опредѣлить, какимъ чиномъ надлежитъ принять митрополита Амвросія въ старообрядство. Немедленно во всѣ некрасовскія слободы разосланы были приглашенія—избрать депутатовъ для присутствія на соборѣ, который имѣетъ быть неотложно 23-го числа іюня мѣсяца, въ Славскомъ скиту. Къ назначенному времени явились депутаты сарыкойскіе, славскіе, журиловскіе; настоятель собралъ скитскихъ иноковъ, всѣ вмѣстѣ отправились въ часовню. Положили „началъ“, каждый занялъ подобающее мѣсто, и приступили къ соборнымъ совѣщаніямъ по вопросу о чинопріятіи Амвросія.

Для руководства при рѣшеніи этого вопроса инокъ Павелъ заблаговременно составилъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Краткое соображеніе, или сличеніе о разныхъ религіяхъ, то-есть вѣрахъ, за ереси осужденныхъ, однако тѣхъ только, отъ которыхъ дѣйствуемыя тайны, крещеніе и хиротонія, по правиламъ святыхъ соборовъ въ православную вѣру къ пріятію есть достойны.* Здѣсь о Грекахъ было рѣшительно сказано: „въ догматѣхъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣютъ чтò есть главный пунктъ православію“; имъ даже отдавалось предпочтеніе предъ „никоніанами“, или „нынѣшними россіянами“, именно за строгое содержаніе трехпогружательнаго крещенія: „О трехпогружательномъ въ Грекахъ крещеніи“ была написана въ сочиненіи цѣлая особая глава. Списокъ „краткаго соображенія о вѣрахъ“ находился у Лаврентьевскаго Аркадія и былъ полученъ имъ отъ самого инока Павла въ то время, когда этотъ послѣдній вмѣстѣ съ Амвросіемъ пріѣзжалъ въ Сарыкой. Бесѣдуя съ Аркадіемъ о новоучреждаемой іерархіи и объ Амвросіи, Павелъ не могъ не замѣтить что Аркадій все еще колебался разными сомнѣніями относительно іерархіи, равно какъ не не чуждъ сомнѣнія и относительно личности новоприобрѣтеннаго митрополита, хотя и относился къ нему со всѣмъ должнымъ почтеніемъ. Пріобрѣсти своему дѣлу, которое теперь приводилось къ концу, полное сочувствіе и содѣйствіе Аркадія, человѣка столь извѣстнаго и уважаемаго между старообрядцами, для Павла было весьма желательно, и вотъ, на прощаньи съ нимъ, чтобы разсѣять послѣднія его

сомнѣнія насчетъ іерархіи и митрополита Амвросія, онъ вручилъ ему свое „соображеніе о религіяхъ". По свидѣтельству самого Аркадія, это сочиненіе будто-бы имѣло на него рѣшительное вліяніе: „не скрываю, а паче проповѣдую свое мнѣніе, писалъ онъ въ послѣдствіи, — видѣлъ митрополита, цѣловалъ его руку, но все еще не былъ расположенъ; былъ провожаемъ изъ Сарыкоя отцемъ Павломъ, но только я молчалъ и не объявлялъ своего мнѣнія. Здѣсь получилъ отъ него „правила" и принялъ ихъ хладнокровно. По прибытіи же въ свою келью, началъ оныя читать, и по прочтеніи *въ одну минуту десятилѣтнее сопротивленіе меня оставило*, и я сотворился отъ инаго инымъ." * Отъ чего бы ни зависѣла эта перемѣна, такъ мгновенно совершившаяся,—убѣдился ли Аркадій доводами инока Павла въ правильности и законности новоучреждаемой іерархіи отъ Амвросіева корене, или, — что гораздо вѣроятнѣе,—только вполнѣ сообразилъ теперь, какія выгоды можетъ принести она и старообрядству, и лично ему самому, но съ этого времени онъ дѣйствительно становится жаркимъ поборникомъ бѣлокриницкаго священства и защитникомъ митрополита Амвросія. ** Съ находившимся у Аркадія

* Письмо Аркадія въ Бѣлую Криницу отъ 25 апр. 1847 г.

** Что словамъ Аркадія въ письмѣ отъ 26 апр. 1847 года о чудесной перемѣнѣ его убѣжденій нельзя вполнѣ довѣрять, это очевидно изъ другихъ, его же собственныхъ и болѣе искреннихъ отзывовъ объ Амвросіи и происшедшей отъ него іерархіи. Въ началѣ 1847 г. когда начиналось дѣло о поставленіи епископа для турецкихъ раскольниковъ, Аркадію не излишне было сообщить въ Бѣлую Криницу, что онъ теперь искренно убѣдился въ законности дѣла устроеннаго инокомъ Павломъ, и пріемлетъ и Амвросія и іерархію отъ Амвросія, какъ учрежденную „по правиламъ". А вотъ что писалъ тотъ же Аркадій въ Бѣлую Криницу спустя четырнадцать лѣтъ, когда владыка Кириллъ сказалъ ему нѣчто для него непріятное: „пишете, что митрополитъ Амвросій мене не принялъ въ число святителей за нѣкоторую неудобность. Владыко святый! еслибы я на сей хартіи открылъ вамъ Амвросіевы недостатки, то бы вы не сіе думали; но открыть не на пользу, развѣ когда потребуется надобность. Амвросій принятъ по великой нуждѣ, а не по обдержимъ правиламъ; такъ равно и мое поставленіе, такъ и всѣ вами рукоположенные только по нуждѣ, а если по обдержимъ правиламъ повѣрять всѣхъ святителей достоинства, то *затворите церкви всѣ*. Прочихъ недостатки по винамъ грѣховнымъ,—на нихъ есть разсужденіе. Но кто о вѣрѣ погрѣшаетъ, тому нѣтъ входа въ чинъ святительскій. *Покойный*

„соображеніемъ о вѣрахъ“ были знакомы и другіе иноки Славскаго скита. Поэтому, когда на соборѣ надлежало приступить къ разсужденію о чинопріемѣ Амвросія, предложили Аркадію прочесть это Павлово сочиненіе. Всѣ слушали со вниманіемъ, и выслушавъ, сказали: „это оченно хорошо, дай Богъ привести дѣло въ совершеніе“. Но въ числѣ присутствовавшихъ были и нѣкоторые изъ „сумнящихся“: они возразили, что отъ Грековъ не можно принимать священства. Возражателями оказались два инока Іовъ и Илія Градицанскій (одинъ изъ сарыкойскихъ депутатовъ); ихъ поддержали Власій, Филаретъ и нѣкоторые другіе. Защищать противъ нихъ сочиненіе Павла, а вмѣстѣ и самое дѣло Амвросія, взялся инокъ Евфросинъ, другой лаврентьевскій выходецъ, знаменитый начетчикъ, „сильный въ книгахъ“ или, какъ называлъ его Аркадій, „великій книгчій“; по свидѣтельству того же Аркадія, Евфросинъ могъ, если захочетъ, „всякое дѣло разными приводами разрушить и подклонить подъ свое мнѣніе многихъ“ *. Съ такимъ искуснымъ сопровожникомъ трудно было состязаться некрасовскимъ грамотѣямъ, онъ дѣйствительно засыпалъ ихъ свидѣтельствами изъ разныхъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, которыя приводилъ съ буквальною

Павелъ намъ на вопросъ [объ Амвросіи не далъ отвѣта. И теперь лучше молчатъ“ (собственноручное письмо Аркадія, 18 октября 1861 года). Подобные же отзывы объ іерархіи и объ Амвросіи встрѣчаемъ и въ другихъ собственноручныхъ письмахъ Аркадія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ попу Василью Каменскому: „глаголети: вратами подобаетъ внити. Отче, вратами входа нѣсть, понеже человѣцы имѣмогоша. *Церковь наша вся на случайныхъ обстоятельствахъ, а врать не имать*, т.-е. обдержныя правила празднуютъ..... Разсмотримъ самый корень — Амвросія: не вратами, но тѣснотою, съ нуждою великою! Я однажды отцу Павлу написалъ о Амвросіи пунктовъ до 14; онъ отвѣтъ далъ. Я паки возразилъ: не о томъ вопрошаю; но не погрѣшилъ ли о вѣрѣ Амвросій *(а что? не подобаетъ глаголати!)? Итакъ отецъ Павелъ не доказалъ.*“ Обращаемъ особенное вниманіе старообрядцевъ, пріемлющихъ бѣлокриницкое священство, на эти откровенныя объясненія Аркадія, изъ которыхъ какъ нельзя болѣе ясно, что полной законности бѣлокриницкой іерархіи онъ никогда не признавалъ, а относительно Амвросія, и именно насчетъ его православія (съ раскольничьей точки зрѣнія), не переставалъ питать великія сомнѣнія, которыхъ и инокъ Павелъ разрѣшить не могъ.

* Письмо къ Кириллу отъ 19 марта 1862 года.

весьма важную уступку: вопреки его убѣжденію, Амвросій принятъ былъ вторымъ чиномъ, согласно опредѣленію Славскаго собора. Теперь оказывалось что недостаточно и этого, что случилось именно то чего онъ опасался и прежде,— возбуждено сомнѣніе относительно правильности самого крещенія полученнаго Амвросіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвергается возможность заимствовать отъ него и іерархію. * Такъ какъ причиной этого были слухи будто Амвросій крещенъ поливательнымъ крещеніемъ, то инокъ Павелъ призналъ за лучшее, въ опроверженіе такихъ слуховъ, послать Некрасовцамъ самыя точныя извѣстія о митрополитѣ Амвросіѣ, объ его предкахъ, о мѣстѣ его рожденія и о прочемъ. Описавъ все это со словъ самого митрополита, онъ совѣтовалъ Некрасовцамъ послать вѣрныхъ людей въ Эносъ, на его родину, чтобы посмотрѣли какъ совершается крещеніе у тамошнихъ Грековъ и увѣриться такимъ образомъ, что Амвросій, равно какъ и прочіе Греки, вовсе не обливанецъ. Если же, писалъ онъ въ заключеніе, и свидѣтельству митрополита не повѣрите, и справокъ въ Эносѣ навести не захотите, и своего упорства не оставите, то будете подобны тѣмъ Іудеямъ, которые, видѣвше Господа, не вѣровали, и одинаковое съ ними понесете осужденіе. Слова эти инокъ Павелъ написалъ, какъ видно, подъ вліяніемъ сильной досады на Некрасовцевъ, обманувшихъ его ожиданія, и не принявъ въ соображеніе какъ они чувствительны къ подобнаго рода обиднымъ сравненіямъ. Относительно вѣры Некрасовцы считаютъ себя совершеннѣйшимъ народомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, единственнымъ у котораго древлее благочестіе сохранилось во всей его неповрежденной чистотѣ: уподобить ихъ какимъ-нибудь еретикамъ, а тѣмъ болѣе Жидамъ-христоубійцамъ, значило оскорбить ихъ въ самомъ завѣтномъ ихъ чувствѣ. ** Своимъ

* Что Павелъ и прежде имѣлъ опасенія какъ бы старообрядцы не усомнились насчетъ крещенія Амвросіева, это видно изъ того, что въ своемъ „соображеніи“ онъ помѣстилъ особую, довольно обширную главу „о трехпогружальномъ въ Грекахъ крещеніи“, гдѣ обстоятельно и съ особеннымъ усиліемъ доказывалъ, что Греки держались трехпогружательнаго крещенія даже гораздо строже чѣмъ „Никоніане“.

** Такъ отзываются о Некрасовцахъ даже сами старообрядцы. О Майносцахъ, этихъ *Некрасовцахъ по преимуществу*, Аркадій Славскій говоритъ въ одномъ письмѣ: „они считаютъ себя *первѣйшими*

неосторожнымъ выраженіемъ инокъ Павелъ могъ испортить все впечатлѣніе письма и только еще больше повредить своему дѣлу, какъ дѣйствительно и случилось.

Письмо было адресовано въ Сарыкой. По казацкому обычаю, Сарыкойцы собрали кругъ, чтобы публично прочитать бѣлокриницкое посланіе. Слушали внимательно, не прерывая чтеца: ибо Павелъ умѣлъ писать разумно и убѣдительно; но едва прочитано было то мѣсто, гдѣ говорилось, что они, некрасовскіе христіане, за свое невѣріе будутъ осуждены, якоже Іудеи, со всѣхъ сторонъ посыпались ругательства на Павла, и „всѣ, по выраженію Гончарова, яко звѣріе разсвирѣпѣли звѣльною яростію". По сему случаю некрасовскій дѣписатель предается слѣдующимъ печальнымъ размышленіямъ о своихъ единовѣрцахъ и соотечественникахъ: „чудитися подобаетъ внезапному преложенію ихъ отъ кротости въ свирѣпство! Малымъ прежде мимошедшимъ временемъ Павла хвалили, превозносили и благодарили, и говорили: даруй ему, Господи, вся прошенія, яже ко спасенію, и животъ вѣчный; а нынѣ, хуля, оплюваютъ и проклинаютъ, и не токмо единаго Павла, но самого митрополита и все дѣло его, и даже не стали щадить высочества святыни его!"

Теперь руководителямъ враждебной Амвросію партіи не трудно было окончательно завладѣть Сарыкойцами, и для этого они дѣйствительно воспользовались удобнымъ временемъ, когда неудовольствіе, вызванное письмомъ инока Павла, всѣ еще такъ живо чувствовали. Во главѣ партіи, кромѣ Михайла Иванова, стояли два инока, Илья Градищанскій и

христіанами, нетлущими порока. Вотъ хотя малый примѣръ ихъ бусти. Они жили прежде близь Сарыкоя на Дунавцѣ, былъ у нихъ священникъ. Случился праздникъ Богоявленія Господня: пошли на Дунавецъ святить воду. Священникъ обрядъ совершалъ; погрузилъ крестъ, и грянули изъ пушекъ, и изъ ружей. Священникъ обидѣлся, назвалъ *еретическимъ обычаемъ.* Итакъ совершилось и дѣйствіе праздника, и начинались трапезованія. Священникъ началъ обѣдать. Прибѣгаетъ къ нему человѣкъ, возвѣщаетъ, дабы утекалъ; ибо совѣтъ утвердили *убить попа, за то что ихъ обычай назвалъ* еретичествомъ. Попъ, все оставя на столѣ, бѣжалъ чрезъ поле въ Сарыкой. Они пришли въ его келью, и его не нашли; осѣдлали коней и бросились въ погонь. Съ конца и до конца все село обыскали; но попъ укрылся. Се едино отъ многихъ!" (Посл. въ Бѣлую-Криницу отъ 26-го января 1856 года.)

Іовъ, которые, какъ сказано выше, и на первомъ Славскомъ соборѣ заявили себя противниками Амвросія. Іовъ былъ изъ числа извѣстныхъ въ исторіи раскола чернобольскихъ иноковъ;* онъ принадлежалъ теперь къ братству Славскаго скита, но гдѣ-то въ лѣсу, близъ Сарыкоя, имѣлъ и свою отдѣльную келійку; инокъ Илія жилъ также неподалеку отъ Сарыкоя, въ камышахъ на Градищѣ. Тотъ и другой съ этого времени каждый день неопустительно приходили въ село побесѣдовать и посовѣтовать съ Сарыкойцами объ общемъ церковномъ дѣлѣ, несмотря на то что, по случаю весенняго половодья, путешествовать въ село было крайне неудобно. „Объ Иліѣ старцѣ я какъ вздумаю, разказываетъ Гончаровъ, то и теперь сожалѣю: ибо того года была великая вода отъ Градища даже до самаго села; онъ же, бѣдный трудникъ вражій, ежедневно изъ Градища въ село по водѣ бродяше, и аки бы нѣчто веліе предъ Богомъ сотворити мняше, и толикія труды принимая, и тѣни усталости въ себѣ не чуяше, но яко пернатъ нѣкій бяше, Богу попущающу, а діаволу помогающу.“ Труды обоихъ старцевъ и прочихъ противниковъ Амвросія съ его новоучрежденною іерархіей не были однакоже тщетны: Сарыкойцы почти всѣ поголовно перешли на ихъ сторону; изъ всего многолюднаго селенія только Осипъ Гончаровъ, да пять-шесть человѣкъ болѣе грамотныхъ остались вѣрными Павлу и Амвросію, не хотѣли измѣнить своихъ прежнихъ понятій о новомъ старообрядскомъ священствѣ. Сарыкой глава всѣхъ некрасовскихъ селеній: не было сомнѣнія что за нимъ послѣдуетъ и Слава, въ которой и имѣлось уже не мало „сумнящихся“ о принятіи священства отъ обливанца; относительно Журиловки, какъ селенія не такъ значительнаго, сомнѣвались еще меньше; а каменскіе жители давно извѣстны были какъ люди враждебно смотрѣвшіе на предпринятое буковинскими старообрядцами учрежденіе архіерейства.

Итакъ новой старообрядской митрополіи, къ этому времени окончательно устроившейся въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ на законныхъ, правительствомъ утвержденныхъ основаніяхъ, приходилось встрѣтить сильную оппозицію у тѣхъ

* ....Чернобольскіе старцы Іовъ и Исакій развратили Сарыкой и на такую злобу подвигли, что уже и описать невозможно.“ (Письмо Аркадія Славскаго въ Бѣлую-Криницу 7-го сентября 1857 г.)

самыхъ добруджинскихъ Некрасовцевъ, на сочувствіе которыхъ всего болѣе разчитывали и имѣли право разчитывать и иноkъ Павелъ, и Амвросій. Теперь этимъ послѣднимъ приходилось возложить всѣ надежды на славскихъ отцовъ, да на тѣхъ немногихъ, однакоже довольно сильныхъ между Некрасовцами доброжелателей, которые не измѣнили своихъ прежнихъ къ нимъ отношеній.

IV.

Подписавъ на первомъ своемъ соборѣ постановленіе о принятіи Амвросія вторымъ чиномъ, славскіе отцы, такъ-сказать, формально связали себя съ дѣломъ объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи. Теперь же, когда Амвросій былъ принятъ именно такъ какъ они постановили, и самое ихъ „постановленіе“, въ полномъ его видѣ, вошло въ составъ „Бѣлокриницкаго соборнаго дѣянія“, какъ одно изъ основаній къ принятію Амвросія вторымъ чиномъ, теперь славскіе отцы должны были чувствовать себя еще тѣснѣе связанными съ новоучрежденною іерархіей. Надлежало подумать и о томъ чтобы запечатлѣть эту связь самымъ дѣломъ, испросить себѣ отъ новопринятаго архипастыря діаконовъ, священниковъ, а если окажется возможнымъ, то и епископа. Для рѣшенія вопроса о подчиненіи бѣлокриницкому митрополиту и о поставленіи чрезъ него священниковъ славскіе иноки признали нужнымъ составить у себя въ скиту новый соборъ.

3-го февраля 1847 года Сарыкойцы получили изъ славскаго монастыря приглашеніе прислать избранныхъ депутатовъ для присутствія на этомъ соборѣ. Немедленно составился кругъ; порѣшили что не ѣхать на соборъ нельзя; стали выбирать депутатовъ изъ числа почетнѣйшихъ стариковъ, назначили Козьму Василискова, Евтея Евстратьева, Вавилу Петрова, Карпа Яковлева, Ивана Трифонова, Якова Пóтура, старца Власія и Гончарова. Здѣсь были нѣкоторые изъ расположенныхъ къ новой іерархіи, именно, кромѣ Гончарова, Вавила Петровъ, Яковъ Пóтуръ. По пріѣздѣ въ Славу они остановились у своего единомышленника, Ефима Гапѣева, а прочіе пошли къ своему союзнику, Василью Спиридонову. Пріѣхали въ Славу и журиловскіе Некрасовцы. Утромъ слѣдующаго дня условлено было отправиться въ скитъ; но по

случаю сильной непогоды едва совсѣмъ не разстроилось дѣло. „Тоя нощи, разказываетъ Гончаровъ, сдѣлалась сильная зима, даже и свѣту не видать было. Поутру собрался мы, журиловскіе и славскіе, къ Еѳиму и посовѣтывали, идти или нѣтъ? весьма глубокій снѣгъ выпалъ! Согласились идти, и началъ я вести передъ, а прочіе за мною; а Потуръ Яковъ и Еѳимъ воротилися назадъ, не могли идти за великій снѣгъ и зиму; а мы съ Божіею помощію дошли въ скитъ."

Настоятель, инокъ Макарій, созвалъ братію, и въ монастырской часовнѣ открылъ соборныя разсужденія. И теперь, какъ на первомъ соборѣ, по вопросу о принятіи новой іерархіи голоса раздѣлились, „одни говорили что можно принять, а другіе говорили нельзя принять"; но теперь сторона непріемлющихъ оказалась сильнѣе, большинство депутатовъ отъ некрасовскихъ обществъ, подъ вліяніемъ Сарыкойцевъ, рѣшительно заявили что принять священство отъ обливанца не желаютъ. Напрасно противная сторона приводила имъ свидѣтельства въ защиту Грековъ, ссылаясь на церковныя правила и на отеческія святоподобія; сумняціеся не хотѣли внимать никакимъ вразумленіямъ. Тогда припомнили совѣтъ инока Павла навести справки о крещеніи Грековъ въ Эносѣ. Одинъ изъ зажиточныхъ Некрасовцевъ, по фамиліи Аткарь, предложилъ: „Давайте пошлемъ въ Эносъ и посмотримъ какъ тамъ: погружаютъ Греки или нѣтъ." Онъ вызвался дать отъ себя на издержки по этому дѣлу 500 левовъ; Гончаровъ сказалъ что и онъ дастъ 200 левовъ. Но сарыкойскіе старики не приняли и этого предложенія: „Намъ нечего смотрѣть тамъ, а кому нужно, тотъ пущай ѣдетъ и смотритъ."

Такъ новый Славскій соборъ и кончился ничѣмъ. Онъ имѣлъ лишь то значеніе, что яснѣе опредѣлилъ положеніе и характеръ обѣихъ несогласныхъ сторонъ. Защитники бѣлокриницкой іерархіи теперь могли быть вполнѣ увѣрены что ихъ противники, принявъ свое рѣшеніе, ни въ какія изысканія о Грекахъ и объ Амвросіи входить не будутъ, и потому надежды на ихъ вразумленіе остается мало; въ свою очередь и эти послѣдніе лучше узнали на соборѣ кто особенно стоитъ за „обливанца" и за кѣмъ изъ своихъ надобно присматривать построже чтобы не вредилъ народъ. Съ этого времени начинаютъ они особенно зорко слѣдить за Гончаровымъ. Что Гончаровъ, такъ много потрудившійся вмѣстѣ съ инокомъ Павломъ для пріобрѣтенія митрополита Амвросія,

былъ самымъ ревностнымъ изъ всѣхъ Некрасовцевъ поборникомъ бѣлокриницкой іерархіи, это ни для кого не было тайной, и самъ онъ не думалъ скрывать. Правда, онъ не имѣлъ еще такой большой силы предъ турецкимъ правительствомъ и такого вліянія на церковныя и общественныя дѣла Некрасовцевъ какъ во время и послѣ Восточной войны; но и теперь, по своимъ связямъ съ Константинополемъ, по знакомству съ разными пашами не турецкаго происхожденія, равно какъ по уму, начитанности и особенно по своему отважному, предпріимчивому характеру былъ своего рода авторитетъ между Некрасовцами и во всякомъ случаѣ самый опасный для противной партіи изъ всѣхъ сторонниковъ бѣлокриницкаго священства. Вотъ почему Сарыкойцы учредили бдительный надзоръ за Гончаровымъ, какъ бы онъ не повредилъ народъ въ такое важное для нихъ время, когда надлежало рѣшить вопросъ о введеніи австрійской іерархіи у турецкихъ старообрядцевъ. Самъ Гончаровъ разказываетъ довольно подробно о томъ какъ строго слѣдили за нимъ его односельчане. Вотъ два разказа, интересные въ томъ отношеніи что хорошо знакомятъ насъ съ характеромъ и бытомъ Некрасовцевъ.

Въ скоромъ времени послѣ втораго Славскаго собора, когда противники бѣлокриницкаго священства отказались даже отъ всякихъ справокъ о крещеніи Грековъ въ Эносѣ, Гончарову пришло на мысль справиться у сосѣднихъ молдавскихъ старообрядцевъ: какого они мнѣнія о новоучрежденной іерархіи. Ихъ расположеніе къ іерархіи Гончаровъ, безъ сомнѣнія, зналъ хорошо, и если рѣшился войти по этому дѣлу въ сношеніе съ молдавскими старообрядцами, то, конечно, имѣя въ виду примѣромъ почтеннаго ясскаго общества подѣйствовать сколько-нибудь на своихъ согражданъ. Отправивъ въ Яссы на имя одного изъ уважаемыхъ старообрядцевъ, Михаила Антоновича Щипцова, письмо съ запросами объ іерархіи, Гончаровъ уѣхалъ на время по своимъ торговымъ дѣламъ въ Константинополь. По возвращеніи оттуда, онъ нашелъ дома ожидавшій его отвѣтъ ясскаго общества письмомъ за подписью всѣхъ стариковъ и тогдашняго ясскаго попа Алексѣя,* съ приложеніемъ церковной

* Алексѣй Булгаковъ, бѣглый изъ Россіи. Достойно замѣчанія что онъ немедленно призналъ законность бѣлокриницкой іерархіи, конечно, не по убѣжденію, а по личнымъ разчетамъ, какъ видно между

печати, однимъ словомъ, официально извѣщали Гончарова, что въ Яссахъ и во всей Молдавіи бѣлокриницкое священство принимаютъ безъ сумнѣнія и почитаютъ за свято, что яссkіе даже готовятся отправить въ митрополію своего стараго уставщика Панkратія Тимоѳеева для поставленія во священника. Съ этимъ утѣшительнымъ посланіемъ Гончаровъ сейчасъ же отправился къ Вавилѣ Петровичу, своему первому сообщнику въ Сарыkоѣ, посовѣтоваться съ нимъ, объявить это письмо въ kругъ или не объявлять. Вавила далъ совѣтъ хранить дѣло въ секретѣ: „Что объявлять этимъ невѣждамъ? говорилъ онъ. Ты развѣ не видишь kакъ они злобою дышутъ!“ Но оkазалось что Сарыkойцы уже провѣдали о перепискѣ Гончарова съ яссkими. Разумѣется, они смотрѣли на это дѣло очень подозрительно, и такъ kакъ сдѣлалось извѣстно что къ нему kакимъ-то образомъ причастенъ былъ другой сторонникъ Гончарова, Яковъ Пóтуръ, то съ этимъ послѣднимъ, въ примѣръ и назиданіе другимъ, Сарыkойцы придумали учинить извѣстную kазацkую расправу, kаkовое намѣреніе и исполнили на самомъ дѣлѣ. Пóтуръ пришелъ жаловаться kъ Гончарову kакъ только узналъ объ его пріѣздѣ. Теперь, очевидно, съ яссkимъ письмомъ нельзя было таиться, и оно было прочитано публично. Какъ это случилось, и что̀ за тѣмъ было, приводимъ раskазъ самого Гончарова:

„Прихожу я (отъ Вавилы) домой: сидитъ у меня Яковъ Пóтуръ и плачетъ. Я съ нимъ поздоровался и говорю ему: „Объ чемъ ты, Яковъ, плачешь?“ Онъ мнѣ говоритъ: „Того ради что ты въ Яссы письмо послалъ, а меня чрезъ него били.“ Я ему сkазалъ: „Напрасно они тебя обидѣли: на тóе письмо есть отвѣтъ изъ Яссъ.“ Онъ kакъ услыхалъ что есть письмо изъ Яссъ, той часъ вышелъ отъ меня и сkазалъ старикамъ: „Вотъ, господа старики, вы меня били, а напрасно; теперь самъ Гончаръ въ домѣ, и есть у него письмо изъ Яссъ,—на

прочимъ изъ того что онъ сkоро принялъ монашество и потомъ, обманувшись въ надеждахъ на полученіе высшаго сана въ раскольничьей іерархіи, не сkрывалъ своей досады за это на Кирилла и прочихъ раскольничьихъ властей. Въ бѣлокриницkомъ архивѣ есть любопытныя письма попа Алеkсѣя, въ иночествѣ Алеkсандра, изъ kоторыхъ видно что это былъ очень не глупый, но крайне испорченный человѣkъ, однимъ словомъ, истый представитель бѣлыхъ раскольничьихъ поповъ стараго времени.

посланное отъ него письмо отвѣтъ.“ Старики услыхали что̀ По́туръ сказалъ, той часъ приказали есаулу закличку строго дѣлать. Вотъ когда услыхали закличку и узнали дѣло, въ минуту всѣ собрались. Присылаютъ есаула за мной чтобъ и я шелъ въ кругъ скоро и письмо несъ. Я той часъ, взявши письмо, прихожу въ кругъ. Старики со мною всѣ поздравствовали и съ пріѣздомъ поздравили, ибо не болѣе прошло время какъ одинъ часъ моему пріѣзду съ Царьграда. И старики говорятъ: „Мы слыхали что будто у тебя есть письмо, изъ Яссъ присланное.“ Я говорю: „Есть.“ Они сказали: „Поди принеси.“ Я говорю имъ: „Вотъ оно, извольте.“ Они взяли и дали читать, а народу приказали молчать. Когда дочитались до того что Молдава приняла священство за свято, когда услыхали это слово, тогда весь народъ зѣльною яростію распылахуся и обратились ко мнѣ съ великимъ негодованіемъ, и всѣ единогласно закричали: „На что̀ ты пишешь письма и разсылаешь, въ разныя мѣста? Чтобы съ этихъ поръ не писалъ никуда писемъ! А ежели ты будешь кому писать, или тебѣ откуда будутъ присылать, то чтобы никто не зналъ! А ежели кому объявишь, то худо тебѣ будетъ!“ Потомъ приносятъ книгу скорописную отъ Каркея Головатаго безпоповскую, въ которой написано изъ книги Максима Грека, будто нельзя никакъ отъ Грекъ священство принять никакова чина, ни діакона, ни попа, ниже епископа. А то не видятъ что Максимъ Грекъ былъ прежде того времени какъ царьградскій патріархъ, Грекъ, Іеремія поставилъ въ Москвѣ Іова патріарха первопрестольнаго, послѣ Максима Грека 67 лѣтъ, а потомъ пріѣхалъ въ Россію Ѳеофанъ патріархъ и поставилъ Филарета патріарха въ лѣто 7127 и въ лѣто 7142, февраля въ 6-й день, великій господинъ святѣйшій патріархъ Іосафъ (?). И я сталъ имъ отъ писанія доказывать это дѣло, а они и слушать не хотятъ, но только кричатъ: „молчи, молчи, а то начнемъ дубасить!“ Ужь многіе было даже и рукава засучили и хотѣли колотить, но Богъ избавилъ меня отъ рукъ ихъ и всякаго чаянія.“

Другой случай, бывшій вскорѣ послѣ этого, не менѣе интересенъ. Чрезъ Онисима Рукавишникова Гончаровъ получилъ изъ Бѣлой Криницы нѣсколько просфоръ. Просфоры назначались собственно въ Славскій монастырь, куда Гончаровъ и переслалъ ихъ потихоньку, чтобы не раздражать сарыкойскихъ ревнителей, для которыхъ такое тѣсное

обіщеніе Бѣлой Криницы съ Славскимъ монастыремъ могло бы послужить великимъ соблазномъ. Случилось потомъ что въ Сарыкой пріѣхали повидаться съ Гончаровымъ славскіе иноки: Аркадій Лаврентьевскій и Алимпій. Пріѣхали они подъ самый Троицынъ день, и въ праздникъ всѣ вмѣстѣ были за часами, а по окончаніи службы Гончаровъ устроилъ для гостей праздничную трапезу, которую вмѣстѣ съ ними пригласилъ раздѣлить еще двухъ иноковъ, старца Серапіона, да старца Власія. Во время обѣда, когда взошли въ разговоръ, Аркадій говоритъ Гончарову: „спаси тебя Христосъ, что ты, Осипъ Семеновичъ, просфоры намъ переслалъ“. Гончаровъ отвѣтилъ что его не за что̀ благодарить, что труда его было тутъ не много. Этимъ и кончился весь разговоръ о просфорахъ, но старцы Серапіонъ и Власій приняли его къ свѣдѣнію. Сейчасъ же, какъ только вышли изъ-за стола, побѣжали они въ корчму, гдѣ по праздникамъ обыкновенно засѣдали старики-Некрасовцы, передать имъ такую важную новость что Гончаръ съ Аркадіемъ даже просфоры получаютъ изъ Бѣлой Криницы! По мнѣнію стариковъ, это было еретичество и дерзость непростительная; положили, какъ только наступитъ ночь, расправиться съ Гончаровымъ.

Между тѣмъ ни Гончаровъ, ни Аркадій съ Алимпіемъ не подозрѣвали, что надъ ихъ головами собирается гроза. Правда, они подивились немного что старцы Серапіонъ и Власій ушли такъ скоро, не остались и побесѣдовать послѣ трапезы; но особеннаго значенія этому не придали, а разговоръ о просфорахъ и совсѣмъ опустили изъ вниманія. Остатокъ дня провели они, какъ слѣдуетъ, „по-христіански“: занимались духовными разговорами, сходили къ вечернѣ, затѣмъ потрапезовали и мирно разошлись на покой: гостямъ Гончаровъ отдалъ „хату“, а самъ расположился въ сѣняхъ. Но въ эту ночь ни хозяину, ни гостямъ уснуть надлежащимъ образомъ не удалось. Мы приведемъ опять собственный разказъ Гончарова о дальнѣйшихъ событіяхъ, разказъ неподражаемый по своей эпической простотѣ и обстоятельности.

„Въ третьемъ часу ночи (то-есть, по-нашему, часу въ 12, ибо Некрасовцы, придерживаясь стараго обычая, считаютъ время отъ восхожденія и захожденія солнца) приходитъ есаулъ Еѳимъ Чеботарь; сотворилъ молитву; я отдалъ *алимъ*. Онъ вызвалъ меня на дворъ, и говоритъ мнѣ: „одѣнься и иди со мною къ Евтею: тебя требуютъ старики, они тамъ

всѣ собраны, и старцы, и дьяки.“ Я взошелъ въ хату; жена меня спросила: „куда ты идешь?“ Я ей говорю: „что-то старики требуютъ“. А она заплакала и говоритъ: „куда ты пойдешь? Половина ночи есть! помилуй Богъ, убьютъ, никто и знать не будетъ!“ А я сказалъ: „Богъ милостивъ, избавитъ мя отъ сѣти ловящихъ!“ И пошелъ къ Евтею. Подхожу къ дому и слышу шумъ, яко водъ многихъ. Сотворилъ молитву; мнѣ отдали *аминь*. Взошелъ я въ хату, смотрю—полна хата народу, а причины тому собранію не знаю. Я еще и Богу не помолился и сказалъ имъ: „вотъ, господа, гдѣ сусаннинъ судъ! Единственно, какъ и Сусанна старцамъ Израилевымъ сказала: тѣсно мнѣ отвсюду, ваю не убѣжу, и Бога боюся, что сотворю?“ Это сказалъ имъ, потомъ Богу помолился, и достойное почтеніе всѣмъ отдалъ. Евтей сказалъ мнѣ: „сядь съ нами“. Я сѣлъ. Евтей началъ говорить: „знаешь ли ты, зачѣмъ мы тебя призвали?“ Я сказалъ: „почему я могу знать? ежели скажите, тогда я буду знать.“ Онъ говоритъ: „ты просфоры получилъ изъ Бѣлой Криницы?“ Я говорю: „получилъ“. Онъ спросилъ: „гдѣ онѣ?“ Я сказалъ: „хотя я и получилъ, и я той же часъ и отослалъ въ скитъ, кому слѣдуетъ; ибо онѣ не намъ присланы, такъ не должно намъ ихъ и удерживать“. А онъ мнѣ говоритъ: „почему ты намъ не объявилъ?“ Я ему и сказалъ: „вы же сами мнѣ приказали въ кругу, ежели ты будешь куда письмы писать, чтобы никто не зналъ, или получишь откуда письмо, чтобы никому не объявлялъ!“ Они и замолчали.

„По семъ старецъ Илія обозвался, сказалъ: „вы по еретическихъ книгахъ учите“. А я ему и говорю: „ты долженъ доказать, какія у насъ есть неправильныя книги“. Онъ и замолчалъ. Я ему говорю: „*Вѣру* книгу, какъ ты почитаешь, за свято или нѣтъ?“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „я за свято ее почитаю.“ Я сказалъ: „принесите *Вѣру* книгу“. Андрей Плетунъ пошелъ домой за книгой. Я тутъ сказалъ: „пойдите, отца Аркадія позовите; онъ у меня на квартирѣ спитъ“. Тойчасъ приказали есаулу призвать его скоро. Приходитъ отецъ Аркадій въ хату, помолился Богу, и обычное почтеніе отдалъ, и сѣлъ. И они начали спрашивать: „получилъ ты просфоры чрезъ Осипова?“ Онъ сказалъ: „получилъ“. Они спросили: „гдѣ же ты ихъ дѣлъ?“ Онъ отвѣщаетъ: „употребилъ въ пользу“. Они паки спросили: „какъ ты это дѣло почитаешь?“ А онъ сказалъ: „я это дѣло за свято почитаю, и

просфоры за свято пріемлю". Когда услыхали это слово, что онъ свято сказалъ, тогда всѣ единогласно закричали: „зачѣмъ вы въ часовню къ намъ ходите!" и съ тѣхъ поръ отучили насъ отъ часовни. Я сталъ ихъ просить: „позвольте намъ хотя въ своемъ домѣ служить". Закричали всѣ, якоже невѣгласы: „если будете служить, то запалимъ домъ и съ вами, вотъ вамъ и конецъ!" Это дѣло было ночью.

„Приноситъ Плетунъ книгу; далъ мнѣ; я взялъ и нашелъ у (въ) ней, что она посылаетъ смотрѣть въ римской кроникъ (sic) и лѣтописецъ, и Баронію. Мы имъ подали книгу и сказали: „смотрите, что тутъ написано". * Они посмотрѣли и не дали намъ никакого отвѣта, и стали единъ по единому расходиться по домамъ. А Плетунъ сказалъ имъ: „вотъ, какъ Гончара не было, то всѣ были философы, и всѣ по звѣздѣ держали; а какъ Гончаръ пришелъ и отецъ Аркадій, то и читать забыли, и звѣзды побросали!" съ тѣмъ и разошлись всѣ; никакова отвѣту не дали; мы съ тѣмъ и домой пошли, уже свѣтомъ. Это дѣло было на самую Троицу, въ воскресенье подъ понедѣльникъ."

Черезъ день послѣ этого событія Гончаровъ съ нѣсколькими товарищами долженъ былъ отправиться въ Константинополь по торговымъ дѣламъ; но имѣлось въ виду воспользоваться настоящимъ случаемъ и для того чтобы навести справки о крещеніи у Грековъ, какъ совѣтовалъ поступить и инокъ Павелъ для удобнѣйшаго разрѣшенія возбужденныхъ на этотъ счетъ сомнѣній. Сарыкойцы знали о намѣреніи Гончарова и, повидимому, не хотѣли ему препятствовать: тотъ самый Евтей Евстратьевъ, у котораго недавно чинился допросъ Гончарову, теперь, провожая его съ товарищами въ дорогу, сказалъ даже что и самъ поѣхалъ бы съ ними въ Царьградъ для смотрѣнія у Грековъ крещенія. „Ежели собственно для этого дѣла хочешь ты ѣхать, отвѣчалъ одинъ изъ спутниковъ Гончарова, такъ пожалуй мы два, или три дня и обождемъ." Но Евтей, подумавши, сказалъ только чтобы сами они „хорошенько посмотрѣли". На пути Гончаровъ съ товарищами заѣзжалъ въ Журиловку: здѣшніе Некрасовцы особенно усердно просили ихъ понаблюсти какъ

* Этимъ Гончаровъ хотѣлъ доказать старцу Иліѣ, что и сама уважаемая старообрядцами *Книга о вѣрѣ* ссылается на сочиненія писанныя еретиками.

Греки крестятъ. Въ Константинополѣ „за суетой“ справокъ навести не удалось; но проѣздомъ чрезъ городъ Сизополь, гдѣ преобладающее населеніе греческое, Гончаровъ не опустилъ случая доставить своимъ спутникамъ возможность отъ настоящаго Грека получить свѣдѣніе о греческомъ обрядѣ крещенія. Дѣло происходило такъ. „Потомъ мы, разказываетъ Гончаровъ, на базаръ; было насъ четыре человѣка: Митрій Ивановъ, Тимоѳей Карповъ крестникъ, Алексѣй Рогачевскій и я съ ними. Зашли въ лавку къ Греку, имя ему Меѳодій Николаичъ. Онъ намъ подалъ стулья и сталъ просить чтобы мы сѣли. Я сѣлъ; а они не сѣли, а облегшись на стулья постояли. Зашелъ у насъ съ нимъ разговоръ о законѣ, дошла рѣчь и о крещеніи. Я у него началъ спрашивать: какъ у васъ крестятъ? Онъ взялъ чашку, поставилъ, и началъ примѣрно дѣлать какъ погружаютъ, приглашеніе прочитаютъ по-гречески, и скажетъ аминь, и погрузитъ. Сдѣлалъ трижды, какъ слѣдуетъ и должно быть. А я ему сказалъ: „такъ и у насъ; только есть у насъ довершеніе“. А онъ у меня спрашиваетъ: „какое?“ Я ему сказалъ: „мы трижды погрузимъ, и потомъ трижды на главу поливаемъ“. Онъ на меня долго смотрѣлъ, и потомъ говоритъ мнѣ: „напрасно ты говоришь!“ И спрашиваетъ: „скажи мнѣ, какое приглашеніе вы читаете, когда на главу поливаете?“ Я на его вопрошеніе не зналъ что̀ сказать. Послѣ мы промежь собою разговаривали объ этомъ дѣлѣ.“

Изъ поѣздки Гончаровъ возвратился домой 5-го іюля, и пріѣхалъ очень кстати, ибо въ это время по дѣлу о принятіи бѣлокриницкой іерархіи должны были послѣдовать важныя перемѣны. Отъ втораго Славскаго собора прошло цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Иноки славскіе не переставали дѣлать въ это время разныя попытки расположить некрасовскія населенія въ пользу іерархіи, но безъ особеннаго успѣха. „Съ Великаго поста, по собственному ихъ свидѣтельству, начали имѣть соборные совѣты, но тьма непріязненная разрушала всѣ ихъ благія намѣренія“. * Такъ было соборное совѣщаніе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и опять никакого окончательнаго рѣшенія на немъ не состоялось. ** Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ

* Прошеніе, поданное Амвросію 23-го іюля 1847 г.

** Объ этомъ апрѣльскомъ соборѣ Гончаровъ не упоминаетъ, но извѣстіе о немъ находится въ письмѣ Некрасовцевъ къ дворнику Ивану Александрову.

случилось очень пріятное для защитниковъ бѣлокриницкаго священства событіе: все почти населеніе слободы Журиловки, вопреки ихъ ожиданіямъ, изъявило готовность принять это священство. По сему случаю въ Журиловкѣ составился соборъ, на которомъ присутствовали иноки Славскаго скита и старики изъ селенія Славы; сарыкойцы же, крайне недовольные поступкомъ Журиловцевъ, рѣшительно отказались отъ участія въ соборѣ, „послали только письмо, въ которомъ было написано: вы какъ хотите, такъ и дѣлайте, а мы не согласны къ этому дѣлу". Такъ какъ самыхъ горячихъ противниковъ бѣлокриницкой іерархіи теперь не было на лицо, то соборныя совѣщанія происходили и кончились очень мирно. „ударили въ звонъ, и собралося въ часовню множество народа, и сѣли по мѣстамъ, кто гдѣ стоялъ, и начали смотрѣть по божественнымъ книгамъ и по правиламъ святыхъ отецъ, какъ это священство, можно принять или нѣтъ. Согласіе учинили всѣ въ томъ чтобъ это дѣло принять и за свято почитать, съ тѣмъ и подписали всѣ: журиловскіе, и славскіе, и скитскіе". * Для славскихъ отцовъ, какъ главныхъ защитниковъ бѣлокриницкой іерархіи, Журиловскій соборъ имѣлъ большую важность: теперь они чувствовали себя на столько сильными, что могли приступить къ окончательному рѣшенію вопроса о принятіи священства отъ Амвросія и къ выбору достойныхъ лицъ для поставленія имъ въ священные саны. Съ этою цѣлію назначено было составить 8-го іюля въ Славскомъ скиту новый соборъ, на который и разослали приглашенія во всѣ некрасовскія слободы.

Къ этому-то времени возвратился изъ своей поѣздки Гончаровъ съ товарищами. Старики сарыкойскіе встрѣтили его весьма непривѣтливо. Они сильно озабочены были предстоявшимъ въ Славскомъ скиту соборомъ, справедливо опасаясь что придется выдерживать неравную борьбу съ защитниками бѣлокриницкаго священства: а тутъ еще возвратился на помощь имъ этотъ Гончаръ со своими справками о греческомъ крещеніи! При томъ же о Гончаровѣ ходили слухи между Сарыкойцами, что будто онъ предъ отъѣздомъ въ

* Гончаровъ въ письмѣ къ Ивану Александрову объ этомъ соборѣ говоритъ: „Иноки Аркадій и Евфросинъ и подобные имъ.... повторили свой соборъ въ маѣ мѣсяцѣ, и склонили къ себѣ слободы Журиловку и Славу.... и обязали всѣхъ подписами, и сдѣлали условіе чтобъ епископа имѣть своего въ Турціи."

Константинополь разослалъ по разнымъ мѣстамъ письма въ защиту Амвросія, и за это, по собственному его выраженію, весь міръ давно уже пылалъ противъ него злобою. Итакъ, возвращенію Гончарова сарыкойскіе старики были весьма не рады; они положили никакъ не допускать его до присутствія на новомъ Славскомъ соборѣ. Между тѣмъ они видѣли нужду, на помощь себѣ, пригласить къ участію въ этомъ соборѣ и изъ другихъ мѣстъ извѣстныхъ имъ недоброжелателей новоучрежденнаго священства. Изъ Браилова пріѣхали по ихъ приглашенію Кириллъ Бусурка и Степанъ Костылевъ съ Онисимомъ Рукавишниковымъ; пріѣхалъ также одинъ изъ московскихъ старообрядцевъ, почитатель рогожскаго дворника Ивана Александрова, извѣстнаго въ Москвѣ противника бѣлокриницкой іерархіи, Семенъ Евсигнѣевъ Слезкинъ или Слезачкинъ; потомъ Кириллъ Бусурка съѣздилъ нарочно въ Тульчу за Аркадіемъ, тѣмъ самымъ Аркадіемъ Тульчанскимъ, у котораго инокъ Павелъ тщетно просилъ благословенія своему дѣлу еще въ то время, когда отправился на исканіе древлеправославнаго архіерейства. На него Сарыкойцы сильно разчитывали: „той бо, по словамъ Гончарова, бысть имъ всякій пособникъ во всемъ злоумышленномъ начинаніи ихъ, хитръ сый и велерѣчивъ, якоже другій Арій“.

Когда пришло время ѣхать на соборъ, Сарыкойцы составили кругъ чтобъ условиться какъ дѣйствовать на соборѣ и выбрать уполномоченныхъ на соборъ. Кругъ собрался около хаты Ивана Шмаргуна; почетнѣйшіе старики сѣли на завалинкѣ; народу нашло много со всей слободы; пришелъ и Гончаровъ, онъ занялъ мѣсто поближе къ старикамъ, тоже на завалинкѣ. Рѣчь шла все о томъ что отъ Грековъ принять священство нельзя; въ доказательство приводили опять подложное сочиненіе Максима Грека, принесли книгу Максимову отъ Корнея Головатаго, и Михайло Ивановъ сталъ читать ее вслухъ. Гончаровъ не вытерпѣлъ, началъ дѣлать возраженія.

— Когда писалъ это Максимъ Грекъ, въ какихъ лѣтѣхъ? спросилъ онъ.

— Когда писалъ, я не знаю, отвѣчалъ Михайло Ивановъ,— а только вижу что такъ пишетъ.

— Ну, вотъ, самъ не знаешь, а говоришь. Максимъ Грекъ былъ въ Русіи и преставился въ лѣто 7064, а Іеремія, патріархъ цареградскій, былъ на Руси въ лѣто 7089 и поставилъ

патріарха Іова въ Москвѣ, а потомъ былъ еще Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, и поставилъ въ Москвѣ патріарха Филарета.

На слова Гончарова не обратили вниманія. Въ это время пришелъ на сходку Аркадій Тульчанскій: ему дали почетное мѣсто и предложили сказать свое мнѣніе о бѣлокриницкомъ священствѣ. Аркадій началъ доказывать что принять его никакъ нельзя, понеже всѣ Греки обливанцы. Гончаровъ нѣсколько разъ пытался возражать; хотѣлъ разсказать какъ въ Сизополѣ у Грека разспрашивалъ о крещеніи: его и слушать не хотѣли; наконецъ и говорить ему запретили: „молчи ты, а то будемъ бить!“ Условившись такимъ образомъ всячески противиться принятію бѣлокриницкаго священства, стали говорить кому ѣхать на соборъ. Выбрали Ивана Василискова, Евтея, Михайлу Иванова, иконописца Антипа Семенова, да еще двухъ малограмотныхъ стариковъ; о Гончаровѣ не было и помину. Самъ онъ побоялся проситься, а только замѣтилъ:

— Возьмите вы лучше Артамона Каракаша, да Егора Писаренка, эти люди грамотѣ знаютъ хорошо и могутъ сказать что-нибудь отъ писанія.

— Не твое дѣло распоряжаться въ этомъ, закричали старики,—мы лучше тебя знаемъ кого послать.

— А то возьмите Алексѣя, продолжалъ неугомонный Осипъ Семеновъ,—либо Митрія съ Тимоѳеемъ: они были при томъ дѣлѣ, когда я спрашивалъ о крещеніи у Грека.

Это вывело Сарыкойцевъ изъ терпѣнія. Закричали:

— Есаулъ! приноси желѣзы заковать Гончара чтобъ онъ сидѣлъ смирно, да на соборъ не уѣхалъ: а то вѣдь онъ такую тамъ кутерьму заведетъ, что изъ насъ никто не разберетъ.

Въ желѣза не заковали Гончарова, но ѣхать на соборъ ему запретили. А выборные съ тѣмъ намѣреніемъ и отправились въ Славскій скитъ чтобы дѣло это о принятіи бѣлокриницкаго священства „истребить и изъ памяти изгладить“.

Къ 8-му іюля въ Славскій скитъ наѣхало довольно много народу изъ всѣхъ некрасовскихъ селеній. Старики журиловскіе и славскіе пошли доложить о своемъ пріѣздѣ настоятелю, иноку Макарію, а сарыкойскіе и браиловскіе съ Аркадіемъ Тульчанскимъ отправились сначала на совѣщаніе къ старцу Іову, у котораго нашли и прочихъ своихъ сторонниковъ

иноческаго чина: Илію Градицанскаго, Филарета и гуслицкаго Тарасія. Они также весьма озабочены были предстоящимъ соборомъ: старецъ Іовъ откровенно высказалъ это собравшемуся въ его кельѣ почтенному обществу.

— Отцы и братія, говорилъ онъ,—что сотворимъ? Соборъ соберется что мы будемъ говорить? У насъ нѣту отъ писанія свѣдущихъ глаголати и отвѣту дать мы не сможемъ: ибо у нихъ лаврентьевцы, Аркадій и Евфросинъ, весьма сильны въ словахъ и свѣдуци въ писаніи. И ежели, помилуй Богъ, на ихъ руку сложится отецъ Макарій, тогда мы ничего не успѣетъ и это дѣло не остановимъ. А когда будетъ ихъ верхъ, тогда мы посрамлены останемся.

— Поэтому-то, отцы святые, мы и Гончара не взяли на соборъ, сказали сарыкойскіе старики, ибо онъ на ихъ руку согласенъ и по нихъ поборается.

Отцы поблагодарили ихъ за такое умное распоряженіе: „спаси Христосъ что вы такъ сдѣлали!“ Но все же надобно было подумать какъ противоборствовать на соборѣ Аркадію и Евфросину, которые и безъ Гончарова были опасными соперниками. Аркадій Тульчанскій и Антипъ иконописецъ предложили такой совѣтъ:

— Вотъ что надо сдѣлать, православные христіане, — надо не давать имъ ходу на соборѣ: какъ станутъ они показывать правила, вы, кто чѣмъ можетъ, перекуйте противу ихъ, чтобъ и гласа ихъ не было слышно; и правилъ ихъ не слушайте, а какъ можно больше кричите. Тогда, можетъ, Богъ дастъ, и одолѣемъ ихъ, и народъ не вонметъ ихъ словамъ; а коли развѣсимъ уши, да разинемъ ротъ, такъ они своими правилами, разумѣется, одолѣютъ насъ и міръ весь за собою увлекутъ.

Всѣ одобрили этотъ мудрый совѣтъ, и условившись держаться его во всей точности, отправились въ часовню, гдѣ собрался уже народъ въ ожиданіи открытія соборныхъ разсужденій. Славскіе иноки и журиловскіе депутаты были очень удивлены, когда узнали что съ Сарыкойцами нѣтъ Гончарова. Его присутствіе на соборѣ было для нихъ тѣмъ желательнѣе, что онъ могъ бы сообщить теперь точныя, собранныя во время поѣздки въ Константинополь, извѣстія о крещеніи у Грековъ; Журиловцы даже нарочно посылали къ нему приглашеніе, чтобы непремѣнно пріѣзжалъ на соборъ.

По сему случаю они не преминули сдѣлать замѣчаніе сарыкойскимъ депутатамъ:

— Почему вы не взяли съ собой Гончарова? Мы его нарочно просили, когда онъ ѣхалъ въ Царьградъ, чтобы тамъ посмотрѣлъ и испыталъ у Грековъ о крещеніи: чего же ради вы не взяли его на соборъ?

— Вы нами распоряжаться не можете, отвѣчали Сарыкойцы.—Мы кого знали, того и взяли.

Но за тѣхъ кого они взяли, Сарыкойцамъ пришлось поплатиться не малымъ позоромъ. Когда начали занимать мѣста, они посадили съ собою выше всѣхъ Аркадія Тульчанскаго. Настоятель инокъ Макарій, какъ только увидалъ Аркадія, всталъ съ своего мѣста и говоритъ: „зачѣмъ этотъ врагъ Божій сюда засѣлъ?“ Надобно замѣтить, что за Аркадіемъ была извѣстна большая провинность,—онъ, будучи уже инокомъ, нѣкогда поялъ себѣ жену, и за это „поруганіе ангельскаго образа“ отлученъ былъ отъ церковнаго общенія; у самихъ Сарыкойцевъ было тогда положено не впускать Аркадія не только въ часовню, но даже и въ село, и если теперь они отмѣнили это свое распоряженіе, то единственно ради желанія имѣть у себя такого сильнаго ратника противъ бѣлокриницкой іерархіи, каковъ былъ Аркадій. Но другіе не забыли вину этого ратника, и вотъ почему инокъ Макарій не хотѣлъ допустить чтобъ онъ присутствовалъ на соборѣ, притомъ еще занимая почетное мѣсто. Прочіе поддержали голосъ Макарія, и Аркадій Тульчанскій съ позоромъ былъ высланъ изъ собранія. Это было уже не малымъ пораженіемъ для Сарыкойцевъ и для всѣхъ вообще присутствовавшихъ на соборѣ противниковъ бѣлокриницкаго священства. Но дѣло не кончилось и этимъ. Кто-то, вѣроятно изъ знавшихъ что Аркадій будетъ на соборѣ, представилъ собственноручное письмо его, очень страннаго и неприличнаго содержанія, направленное противъ учредителей и чтителей бѣлокриницкаго священства, которое письмо и попросилъ прочесть во всеуслышаніе. Аркадій Лаврентьевскій началъ читать.

— Оставьте такія басни читать на соборѣ,—замѣтилъ ему инокъ Макарій, выслушавъ начало письма.

— Нѣтъ, отче, сказалъ на это Аркадій,—оставить нельзя, а надо все вычитать: ибо и на соборѣхъ святыхъ отецъ, прежде отыскивали еретическія ложныя сочиненія, и на

соборѣхъ прочитывали ихъ, еретиковъ, хуленія; а потомъ, по многомъ увѣщаніи и непокореніи, предавали ихъ вѣчной клятвѣ.

И куріозное письмо Аркадія Тульчанскаго было прочитано сполна. Въ характерѣ Аркадія, какъ выше замѣтили, была черта, свойственная всѣмъ почти сектаторамъ, самомнительность и самообольщеніе: она-то особенно рѣзко и обнаружилась въ его письмѣ. Такъ онъ писалъ, напримѣръ: „Уподобляюся облаку духоносному; * ученіе мое простирается, аки рѣка водъ медоточныхъ; отвращаю люди Божіе отъ рва погибели, сирѣчь Павлова и Алимпіева пути, и не погрѣшу, дерзая рещи ангеломъ: да возьмутъ душу Павлову вскорѣ и предадутъ ю вѣчному огню! А о Алимпіи власть имамъ самъ: ** возьму душу его и отворю бездну, и врину ю въ пропасть адскую, въ тартаръ преисподній, да не будутъ болѣе совращати люди моя Израиля съ пути праваго“, и пр.

Сарыкойцамъ сдѣлалось и стыдно, и досадно, когда прочитали это писаніе ихъ главнаго руководителя. За то, въ отмщеніе за обиду, они въ точности исполнили его совѣтъ, не давать ходу на соборѣ лаврентьевскимъ инокамъ, когда они станутъ приводить правила. Дѣйствительно, никакихъ правилъ они не слушали, а только, по выраженію Гончарова, „вопіяху нелѣпостно“ противу Грековъ и противъ Амвросія въ частности. Противъ этого послѣдняго поставляли на видъ между прочимъ то обстоятельство, что его „обучаетъ русскому разговору цареградскій служинъ (?), то-есть еретикъ, и литоргисаетъ при ономъ и при совершеніи таинствъ предстоитъ лично,—каковое дѣло очень дико, понеже не велитъ намъ православнымъ христіанамъ сообщеніе имѣть съ еретиками“. *** Впрочемъ, было представлено лаврентьевскими иноками одно свидѣтельство, которое невольно остановило на себѣ общее вниманіе. Они доказывали, что обливательное

* За это выраженіе Аркадію дано было и прозвище: *Облакъ*.

** Инокъ Алимпій не считался вообще такимъ авторитетомъ у старообрядцевъ какъ инокъ Павелъ; потому Аркадій и не нашелъ нужнымъ обращаться къ ангеламъ за помощью чтобы расправиться съ Алимпіемъ.

*** Письмо Некрасовцевъ къ Ивану Александрову. Письмо это напечатано въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* (1865 г. кн. 3), но, какъ видно, съ искаженнаго списка и по мѣстамъ съ поправками, кѣмъ-то весьма неудачно сдѣланными. Напримѣръ: „Греція крещаетъ не въ три погруженія, обливательно“,

крещеніе, за которое ихъ противники такъ несправедливо укоряютъ Грековъ, не употребляющихъ сіе крещеніе, древняя россійская церковь, дониконовскихъ временъ, даже не почитала за еретическое и въ крайнихъ случаяхъ еще дозволяла оное употреблять: въ свидѣтельство они представили выписки изъ требниковъ, печатанныхъ при Іовѣ патріархѣ и промежь патріарховъ, гдѣ говорилось, что если придется крестить больнаго младенца, то подобаетъ священнику погрузить его въ купель, наполненную теплою водою, по выю, и правою рукой возлить воду на главу его трижды, съ обычными приглашеніями. * Но и это свидѣтельство было

въ печатномъ читается: „Греція крещаетъ *въ три погруженія обливательно* (?)"; собственныя имена переиначены,—вмѣсто: Андрей Марковичъ (Пуговкинъ, хорошо извѣстный въ Москвѣ), напечатано Андрей *Мироновичъ*, вмѣсто Антипъ Семеновъ иноконописецъ, напечатано: *Антонъ* Симеоновъ, и т. п. Приведенное у насъ мѣсто напечатано также неправильно,—переводчикъ Амвросія названъ „цареградскій *Суннитъ*." Огняновичу не посчастливилось у нашихъ литераторовъ: одни прозвали его Костюшкой *Жидовиномъ*, другіе цареградскимъ *Суннитомъ*, тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію что онъ природный Сербъ.

* Въ томъ же письмѣ Некрасовцевъ къ Ив. Александрову объ этомъ сказано: „прочитанъ ими (Аркадіемъ и Евфросиномъ) былъ при всемъ полномъ соборѣ списокъ,—выписано ими въ Россіи (то-есть когда они были въ Россіи) изъ потребника изъ старопечатнаго Іова патріарха первопрестольнаго, и промежь патріарховъ во многихъ потребникахъ видѣли (то-есть Аркадій съ Евфросимомъ увѣряли, что сами видѣли, бывши въ Россіи), и увѣряли насъ, что это дѣйствительная справедливость: если младенецъ не здравъ...." Это мѣсто въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древности* напечатано въ такомъ видѣ: „прочитаны были при всемъ соборѣ *списки*, *выписанные ими изъ Россіи* изъ потребниковъ старопечатныхъ Іова патріарха и промежь патріарховъ; *въ оныхъ потребникахъ, какъ мы видѣли сами* (?), *такъ и увѣряли насъ, что дѣйствительно* справедливо, если младенецъ нездоровъ...." Здѣсь, очевидно, сдѣланы поправки подлиннаго текста, какъ надобно полагать, съ цѣлію придать ему бо́льшую граматическую правильность, но за то въ ущербъ дѣйствительному смыслу письма. Особенно страннымъ представляется, какъ исправитель могъ напечатать что Некрасовцы *сами видѣли въ требникахъ* правило о обливаніи, когда они, между прочимъ, просятъ московскихъ старообрядцевъ именно о томъ чтобъ извѣстили ихъ, есть ли дѣйствительно такое правило въ старопечатныхъ требникахъ, которыхъ они сами не имѣютъ и не видали.

отвергнуто, какъ невѣроятное, съ немалыми укоризнами противъ людей, якобы измышляющихъ такія лживыя свидѣтельства. Вообще бесѣдовали „не соборно и не союзно, но злобно и укоризненно“, такъ что славскіе отцы признали за лучшее положить конецъ собору. Сарыкойцы только этого и желали. Они предложили съ своей стороны отложить дѣло о бѣлокриницкомъ священствѣ до Покрова, питая надежду что къ тому времени успѣютъ и совсѣмъ потушить это дѣло.

Итакъ, соборное засѣданіе 8-го іюля, подобно прежнимъ, кончилось ничѣмъ. Защитниковъ бѣлокриницкаго священства сильно разчитывавшихъ на этотъ соборъ, такой неудачный исходъ его не мало опечалилъ; Сарыкойцы же и всѣ ихъ сторонники почти торжествовали побѣду: они отправились домой очень довольные своими подвигами, и по пріѣздѣ въ Сарыкой объявили народу что дѣло оставлено до Покрова.

Но Сарыкойцы немного поспѣшили торжествовать побѣду. Когда они отправились домой, вслѣдъ за ними стали разъѣзжаться изъ Славскаго скита и прочіе Некрасовцы, бывшіе на соборѣ. Остались въ Славѣ только Браиловцы — Кирилъ Бусурка, Костылевъ, да Аркадій Тульчанскій: они дожидались Онисима Рукавишникова, который долго не возвращался изъ скита, чтобы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать домой. Онисимъ, братъ того Саввы Рукавишникова что такъ услуживалъ Павлу и Амвросію, былъ также изъ числа сторонниковъ іерархіи, и остался въ Славскомъ скиту, вмѣстѣ съ журиловскими, для того чтобъ еще потолковать и посовѣтовать со старцами насчетъ ихъ общаго дѣла. Когда онъ возвратился изъ скита, Кирилъ Бусурка сталъ ему пѣнять:

— Мы тебя давно ожидаемъ, ужъ народъ весь разъѣхался по домамъ: что ты тамъ дѣлалъ? зачѣмъ оставался?

— Дѣло имѣлъ, потому и оставался, отвѣчалъ Онисимъ Иванычъ.

— Какое дѣло? спросили его.

— Да выбирали мы кого поставить въ попы, кого въ дьяконы.

— Какъ такъ? Ну, что же, выбрали, или нѣтъ?

— Слава Богу, выбрали.

Это извѣстіе было такъ неожиданно, что Браиловцы не вдругъ и повѣрили ему; но Онисимъ Иванычъ говорилъ правду.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Н. СУББОТИНЪ.

АССИГНАЦІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Въ 1768 году была представлена императрицѣ пространная *Записка* *, имѣвшая цѣлью доказать пользу и необходимость введенія въ Россіи бумажныхъ денегъ.

Авторъ *Записки* начинаетъ съ того что указываетъ на пространство Имперіи и громадность разстояній, какъ на одно изъ главныхъ неудобствъ при переводѣ денегъ изъ одного мѣста въ другое. Увеличившаяся же внутренняя торговля требовала чтобы деньги, *какъ цѣна товаровъ*, могли быть скоро и легко повсюду доставляемы и обращаемы. Безъ этихъ способовъ къ скорому обращенію денегъ, говоритъ авторъ *Записки*, не могла бы развиться и торговля въ западной Европѣ, ибо тамъ не только найдены способы обращать значительныя суммы денегъ, но и увеличивать ихъ число учрежденіемъ банковыхъ *цеттелей*.

Затѣмъ авторъ указываетъ на то что надобность въ подобныхъ учрежденіяхъ чувствовалась уже давно въ Россіи, и что цѣлью облегчить обращеніе денегъ были правительствомъ допущены переводы казенныхъ суммъ чрезъ

* Изъ переписки графа Сиверса, изданной Блюмомъ, можно, повидимому, заключить что Сиверсъ былъ авторомъ *Записки*. *Записка* эта хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

купеческія руки и наоборотъ. Съ этою же цѣлью, продолжаетъ авторъ, въ частное употребленіе купечества вошли векселя. Переводъ казенныхъ денегъ чрезъ купечество замѣняетъ неудобство провоза, но опытъ показалъ что на вѣрность этихъ операцій всегда полагаться нѣтъ возможности, и казна не разъ претерпѣвала убытки отъ несостоятельности векселедателей. Съ другой стороны, казенныя мѣста нерѣдко выдавали векселя на другія таковыя же, полагая что въ нихъ находятся наличныя деньги, между тѣмъ какъ деньги въ этихъ мѣстахъ оказывались истраченными, что̀ причиняло убытки взявшему подобный переводъ. Для облегченія же обращенія денегъ служили и печатные указы, выдававшіеся отъ коммиссаріата на два года въ платежи и выкупавшіеся съ уплатой по нимъ 6%. Но неудобство такихъ *указовъ* состояло въ томъ что казна принимала ихъ въ платежи лишь по истеченіи срока въ нихъ означеннаго, и съ другой стороны уплата по нимъ процентовъ придавала имъ видъ скорѣе займа чѣмъ орудія мѣны.

Доказавъ такимъ образомъ неудобство прежнихъ способовъ перевода денегъ, авторъ предлагаетъ выпускъ *цеттелей*, какъ вѣрное средство пособить значительному неудобству переводу денегъ изъ мѣста въ мѣсто и какъ способъ умножить ихъ количество. Для пріобрѣтенія довѣрія къ нимъ народа онъ полагалъ: 1) принимать ихъ всегда и вездѣ во всѣ казенные платежи; 2) положить въ „нарочито учрежденномъ банкѣ“ равное суммѣ выпущенныхъ цеттелей количество мѣдныхъ денегъ и размѣнивать цеттели на деньги и обратно, безъ всякаго ограниченія. „Такимъ образомъ“, продолжалъ авторъ, „правительство должно было, хотя бы въ „началѣ и съ нѣкоторою для себя трудностью, доказать при„мѣромъ, какимъ образомъ, имѣя деньги въ одномъ мѣстѣ, „можно ими пользоваться въ другомъ, однако не перевозя „ихъ туда“. Особенно авторъ указывалъ на то что цѣль правительства въ этомъ дѣлѣ состояла бы по преимуществу въ облегченіи быстраго обращенія денегъ посредствомъ упроченія довѣрія народа къ цеттелямъ ихъ размѣнностью. Уже на второмъ планѣ выставлялась въ *Запискѣ* другая возможная отъ выпуска такихъ цеттелей выгода. Она должна была состоять въ томъ, что когда довѣріе къ нимъ утвердится, и они войдутъ въ постоянное употребленіе, то не будетъ препятствія умножать ихъ количество на столько, на

сколько достанетъ для откладыванія вмѣсто ихъ въ банкъ мѣдныхъ денегъ. Тогда можетъ случиться что цеттели будутъ легко переходить изъ рукъ въ руки, между частными людьми и отъ нихъ въ казну и обратно, такъ что положенныя въ казну вмѣсто ихъ суммы будутъ лежать праздно, и къ размѣну будетъ вступать лишь небольшое количество цеттелей. Въ этомъ случаѣ отъ правительства зависѣть будетъ даровать этимъ капиталамъ обращеніе, раздавать ихъ въ ссуды съ меньшими противъ прежняго процентами, и тогда произойдетъ, такимъ образомъ, значительное увеличеніе количества денегъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличеніе и распространеніе въ народѣ благосостоянія.

Затѣмъ, переходя къ опроверженію тѣхъ возраженій которыя могли бы быть сдѣланы противъ учрежденія цеттелей, авторъ *Записки* по преимуществу останавливается на одномъ: „Одно предубѣжденіемъ зараженнымъ людямъ остается убѣжище сказать что государь можетъ всегда изъ банка заимообразно или безъ того взять и на случающіяся „нужды употребить“. „Но“, спрашиваетъ авторъ, „какой изъ „того можетъ произойти вредъ когда заплатитъ и въ свое „время, и съ надлежащими процентами? Неужели лучше „чтобъ онъ занималъ у народа новыми на оный налогами, „кои никогда возвращаемы быть не могутъ, по причинѣ не„исчисляемой мелкости? Если же полагать что государь возъметъ деньги не думая о возвратѣ, то врядъ ли найдется та„кой государь“, восклицаетъ авторъ, „который добровольно „захочетъ разорить сперва свое государство, а затѣмъ и „самого себя.“ „Не великое надобно къ тому просвѣщеніе „чтобы видѣть что стократъ для него выгоднѣе и полезнѣе „государству положить, въ крайней нуждѣ, нѣкоторый на„логъ, нежели потерять великій государственный капиталъ, „подобно тому какъ хорошій домостроитель въ нужномъ слу„чаѣ охотнѣе занимаетъ нужныя ему деньги, хотя и съ „убыткомъ, потому что оныя возвратить можетъ, нежели „продастъ малую часть своего имѣнія, потому что онаго воз„вратить уже не можетъ.“

Заключая перечисленіемъ уже указанныхъ выгодъ отъ выпуска бумажныхъ денегъ, авторъ *Записки* заключаетъ ее слѣдующими словами:

„Однимъ словомъ“, восклицаетъ онъ, „всѣ и каждый свое„ю и всего государства пользою обязаны тому по своей

„мѣрѣ и возможности содѣйствовать чтобы число бумажныхъ „цеттелей выпущено было сколько можно больше, чтобы по„ложенныя за нихъ въ казначейскія конторы деньги остава„лись сколько можно больше въ неподвижности, и чтобы „тѣмъ самымъ правительство скорѣе въ состояніи нашлось „нѣкоторую изъ оныхъ часть, оставляя другую на случаю„щійся мелочной вымѣнъ билетовъ, употребить въ новое „деньгами обращеніе съ такими, для безопаснаго онаго воз„вращенія и приращенія черезъ проценты, предосторожно„стями, какія тогда уже легко придумать можно будетъ."

Такимъ образомъ первоначальный въ царствованіе Екатерины II проектъ учрежденія ассигнаціоннаго банка не выставлялъ цѣлью его основанія воспособленіе нуждамъ государственнаго казначейства. Но между тѣмъ вспыхнула Турецкая война, и нужда въ денежныхъ средствахъ стала сильно заботить государыню. Вслѣдствіе сего генералъ-прокуроръ князь Вяземскій представилъ проектъ о выпускѣ, вмѣсто денегъ, ассигнацій на 3 милл. руб. Проектъ былъ принятъ во вниманіе, и Вяземскому поручено сочиненіе подробнаго плана по этому предмету.

Планъ этотъ, также хранящійся въ бумагахъ генералъ-прокурора въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, начинается съ указанія на то что, согласно разсужденію совѣта императрицы, положено: „для начинающей„ся войны на расходы первой кампаніи учредить бумажныя „ассигнаціи, утвердя къ нимъ точно ту довѣренность какая „есть къ настоящимъ деньгамъ". Съ этою цѣлью предложено было собрать въ Москвѣ и С.-Петербургѣ до 1.000.000 руб. капитала мѣдными деньгами и выпустить на первый разъ на такую же лишь сумму ассигнацій чрезъ коммиссаріатскую и провіантскую канцеляріи, но съ тѣмъ чтобы размѣнивать ихъ въ учрежденныхъ для того банкахъ. Если же окажется что ассигнаціи будутъ приниматься охотно, и что мѣсяца черезъ три не болѣе половины будетъ внесено къ промѣну, то выпустить еще столько же, и потомъ болѣе, до 3 милл. руб. Размѣненныя ассигнаціи банки должны были тотчасъ же отсылать въ коммиссаріатъ, или провіантскую канцелярію, или статсъ-контору для выдачи ихъ вмѣсто денегъ; мѣста же эти должны были отсылать въ банки равное суммѣ полученныхъ ими ассигнацій количество наличныхъ денегъ.

Планъ, по которому выпускъ ассигнацій предполагалось довести до 3 мил. руб.,—состоялъ въ слѣдующемъ:

Для размѣна 1 мил. руб. ассигнацій, выпущенныхъ въ первое время, назначается 1 мил. руб. мѣдными деньгами. Затѣмъ, на первые 4 мѣсяца, на чрезвычайные по арміи расходы, назначались остаточныя суммы вѣдомства главнаго коммиссаріата, къ которымъ должно было сверхъ того отпустить ассигнацій въ коммиссаріатъ—на 500.000 руб., и въ провіантскую канцелярію—такъ же на 500.000 р. За послѣдніе 500.000 р. провіантская канцелярія должна была выдать равную сумму мѣдными деньгами, которая должна была быть употреблена на чрезвычайные расходы.

Этими суммами расходы по арміи были обезпечены по іюль мѣсяцъ, а между тѣмъ должно было оказаться на опытѣ сколько вступитъ ассигнацій обратно къ размѣну или же въ подати.

Если въ обоихъ размѣнныхъ банкахъ къ іюлю осталась бы только половина капитала положеннаго въ нихъ, т.-е. 500.000 руб., то полагалось выпустить подъ ихъ обезпеченіе еще 500.000 руб. ассигнацій, употребивъ столько же наличныхъ денегъ на чрезвычайныя по арміи издержки, чѣмъ содержаніе ея должно было быть обезпечено по сентябрь мѣсяцъ.

Въ сентябрѣ, предполагалось, что найдется возможность увеличить капиталъ размѣнныхъ банковъ еще на 500 т. руб. деньгами и въ этомъ случаѣ предполагалось подъ ихъ обезпеченіе выпустить до 1 мил. руб. ассигнацій; наличныя же деньги употребить опять на удовлетвореніе чрезвычайныхъ расходовъ. Въ случаѣ же усиленнаго требованія размѣна ассигнацій, предполагалось отложить въ банки еще до 500 т. руб. изъ долженствовавшихъ вступить къ тому времени прибавочныхъ за вторую половину года податей.

Такимъ образомъ, къ концу года, при денежномъ обезпечивающемъ фондѣ въ 2 мил. руб. должно было быть выпущено ассигнацій на $2^1/_2$ мил. руб., и военное вѣдомство должно было получить возможность всѣ чрезвычайные (по преимуществу заграничные) платежи и расходы произвести наличными деньгами. Если же къ концу года значительная часть размѣннаго фонда оставалась бы въ цѣлости, то, „для умноженія въ народѣ денегъ и подкрѣпленія тѣхъ мѣстъ

кои расходы производятъ", предполагалось выпустить еще на 1 мил. руб. ассигнацій.

Императрица сама занималась подробнымъ разсмотрѣніемъ проекта, что̀ доказывается собственноручными ея замѣчаніями на поляхъ и нѣсколькими сдѣланными ею поправками.

Вслѣдъ за тѣмъ, по представленію генералъ-прокурора, изданы были: манифестъ объ учрежденіи въ Москвѣ и С.-Петербургѣ банковъ для размѣна ассигнацій, особая инструкція для нихъ и указъ правительствующему сенату.

Означенные манифестъ и именной указъ сенату отъ 29-го декабря 1768 г. опубликованы были 1-го февраля 1769 г. *. Манифестомъ 29-го декабря устанавлялся ассигнаціонный банкъ, раздѣленный на два отдѣленія: С.-Петербургское и Московское. Банкъ этотъ долженъ былъ создать новый, легчайшій способъ обращенія денегъ въ народѣ. Указывая на затрудненія, встрѣчающіяся при обращеніи мѣдныхъ денегъ, тяжеловѣсныхъ и неудобныхъ для перевозки, манифестъ подтверждалъ, ссылкою на примѣръ иностранныхъ государствъ, ожидаемую пользу отъ установленія *ассигнацій*. Предполагалось выпускать ассигнаціи лишь на такую сумму, какая будетъ состоять въ банкѣ въ наличномъ капиталѣ; повелѣвалось имѣть имъ обращеніе во всей Имперіи, наравнѣ съ деньгами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установлялся свободный ихъ размѣнъ въ обоихъ отдѣленіяхъ банка. При этомъ объявлялось, „что по всѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банковъ". Въ ограждение же отъ возможности займовъ въ банкѣ въ приложенномъ при манифестѣ *„учрежденіи С.-Петербургскому и Московскому банкамъ"* узаконялось, „что денежную сумму, въ банкахъ находящуюся, ниже малѣйшую часть оной никакому правительству, требовать или взаимообразно брать не дозволяется", и было прибавлено: „банкамъ никакихъ такого рода требованій не принимать".

Въ указѣ сенатскомъ, ** сопровождавшемъ изданіе манифеста, былъ возвѣщенъ выпускъ на 1.000.000 руб. ассигнацій, причемъ для обмѣна ихъ въ обоихъ отдѣленіяхъ банка было отложено по 500.000 руб. мѣдною монетой.

---

* № 13219 декабря 29-го 1768 г. *П. С. З.*

** № 13.220 декабря 29-го 1768 г. *П. С. З*

Выпущенныя ассигнаціи, для расходованія ихъ, были распредѣлены между слѣдующими вѣдомствами:

Въ камеръ-коллегію	200.000 р.
„ коммиссаріатъ	100.000 р.
„ провіантскую канцелярію	150.000 р.
„ соляную контору	150.000 р.
„ штатсъ-контору	100.000 р.
„ адмиралтействъ-коллегію	100.000 р.
„ разныя мѣста на разные расходы	200.000 р.
Итого	1.000.000 р.

При выдачѣ денегъ изъ казенныхъ мѣстъ должно было производить эти выдачи мѣдными деньгами, ассигнаціями же не болѣе какъ на одну четвертую часть. При поступленіи ассигнацій въ банкъ для размѣна, ему предписано было опять ихъ посылать въ разныя вѣдомства для производства новыхъ платежей.

Каждому частному лицу было, сверхъ того, * позволено приносить въ банкъ металлическія деньги и брать вмѣсто ихъ ассигнаціи; также и правительственныя учрежденія имѣли то же право. Для удовлетворенія подобныхъ требованій повелѣно было выпустить еще на 150.000 ассигнацій и держать въ запасѣ на ½ милліона руб. напечатанныхъ ассигнацій и на ½ милліона рублей ассигнаціонной бумаги. Оба отдѣленія банка должны были присылать въ правленія банковъ требованія на высылку имъ ассигнацій по мѣрѣ надобности въ нихъ, но суммами не свыше 100.000 руб.

Требованіе на ассигнаціи было такъ велико, и такъ быстро установилось къ нимъ довѣріе публики, что изъ отдѣленій банка расходилось въ недѣлю нерѣдко по 100.000 руб. Вслѣдствіе того, сенату предписано было ** имѣть постоянно уже подписанныхъ ассигнацій на 1.000.000 руб., да въ каждомъ изъ отдѣленій банка по 250.000 руб., и въ правленіи банка также 250.000 руб.

Въ виду утвердившагося въ народѣ довѣрія къ ассигнаціямъ, правительство, для пріобрѣтенія въ пользу банка прибылей, установило въ 1770 году, при промѣнѣ приносимыхъ въ банкъ для размѣна на мѣдныя деньги ассигнацій ½% сборъ; *** но вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было размѣнивать

* Января 12-го 1769 г. Именной указъ сенату № 13227 *П. С. З.*

** Именной указъ сенату ноября 19-го 1769 г. № 13385 *П. С. З.*

*** № 13403 *П. С. З.* Манифестъ 22-го января 1769 г.

ихъ не только въ банковыхъ отдѣленіяхъ, но и во всѣхъ губернскихъ канцеляріяхъ, причемъ было подтверждено о томъ чтобы подобный размѣнъ не подалъ повода причинять народу разныя притѣсненія и проволочки. * О поступленіи этого сбора было предписано губернскимъ канцеляріямъ присылать годовыя вѣдомости **.

Но въ началѣ 1771 года сборъ этотъ былъ уже отмѣненъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ размѣнъ ассигнацій на мѣдныя деньги былъ облегченъ дозволеніемъ производить его не только въ губернскихъ, но и въ провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. *** Вслѣдъ за тѣмъ, для облегченія ихъ обращенія, повелѣно было Московскому и С.-Петербургскому отдѣленіямъ банка взаимно принимать къ размѣну ассигнаціи, которыя каждымъ изъ нихъ были выпущены. ****

Между тѣмъ число выпущенныхъ ассигнацій съ каждымъ днемъ увеличивалось. Въ половинѣ того же 1771 года † повелѣно было, вмѣстѣ съ тѣми ассигнаціями кои предписано по прежнимъ указамъ держать на готовѣ,—всего напечатать ихъ на сумму 2.100.000 руб. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по уничтоженіи 75-рублевыхъ, по случаю появившихся въ этомъ родѣ ассигнацій поддѣлокъ, замѣнить ихъ на такую же сумму 100-рублевыми, 50-руб. и 25-рублевыми.

Въ то же время, въ мелкихъ деньгахъ сталъ уже ощущаться значительный недостатокъ, и ассигнаціи стали падать въ своей цѣнѣ. Это выразилось въ томъ, между прочимъ, что купцы перестали давать правительству для перевода суммъ изъ одной мѣстности въ другую векселя, если въ нихъ не было выговариваемо право получить деньги серебряною и золотою монетой.

Для расширенія свободнаго размѣна ассигнацій, правительство начало въ слѣдующемъ же году учреждать банковыя конторы, снабженныя мѣдною монетой. Вступающія въ нихъ для размѣна ассигнаціи велѣно было не выпускать уже вновь, а за равную сумму въ мѣдныхъ деньгахъ отдавать въ мѣстныя канцеляріи. Такія конторы были основаны

---

* Указъ сената 27-го января *П. С. З.* № 13.407.

** Декабря 20-го 1770 г. № 13.544 *П. С. З.*

*** Указъ 3-го февраля 1771 г. № 13.563 *П. С. З.*

**** Манифестъ 17-го мая 1771 г. № 13.607 *П. С. З.*

† № 13.833 *П. С. З.* 1772 г. Манифестъ 22-го іюля.

въ 1772 году, въ Ярославлѣ; затѣмъ, въ слѣдующемъ 1773 году, въ Устюгѣ, и Смоленскѣ, Астрахани, Нижнемъ Новгородѣ и Вышнемъ Волочкѣ, причемъ повелѣно было отпустить для вымѣна ассигнацій въ каждую изъ этихъ конторъ отъ 150.000 руб. до 250.000 руб. банковаго капитала мѣдными деньгами *. Таковы были тѣ правительственныя мѣры относительно ассигнацій, которыми оно хотѣло придать имъ большее довѣріе и твердость.

Изъ доклада коммиссіи, занимавшейся въ 1786-мъ году разработкой плана графа Шувалова (о которомъ будемъ говорить ниже) видно, что на потребности государственной казны, въ теченіе Турецкой войны, отъ 1769 по 1775 годъ, было выпущено на 12.714.750 руб. ассигнацій, и такимъ образомъ, мѣра выпуска ассигнацій, сверхъ положеннаго въ обезпеченіе ихъ металлическаго фонда, далеко превзошла сумму 3 милл. руб., съ цѣлью пріобрѣтенія которой былъ, какъ мы видѣли выше, учрежденъ и самый ассигнаціонный банкъ. Обычное явленіе, сопровождающее излишній выпускъ ассигнацій, а именно, исчезновеніе мелкихъ денегъ, какъ выше было указано, сдѣлалось уже чувствительнымъ, и правительство, въ виду отвращенія его, учреждало размѣнныя конторы въ разныхъ частяхъ Имперіи. Что число выпускаемыхъ ассигнацій превосходило потребность въ нихъ чувствовалось въ публикѣ, а потому правительство пришло къ окончательному убѣжденію въ необходимости, для поддержанія поколебавшагося довѣрія, постановить предѣлъ для дальнѣйшихъ выпусковъ. Это сдѣлано было именнымъ указомъ 10-го января 1774 года **, которымъ объявлялось, что „государыня заблагоразсудила ограничить количество государственныхъ ассигнацій *изъ банковъ въ казенныя мѣста и въ публику выдаваемыхъ*“. Предѣлъ выпуску ихъ былъ положенъ повелѣніемъ не держать ихъ въ обращеніи болѣе чѣмъ на 20 мил. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было чтобы разныя вѣдомства отнюдь не требовали изъ банка ассигнацій на бо́льшую сумму чѣмъ они могли представить въ замѣнъ ихъ денегъ, такъ какъ на разныхъ мѣстахъ состояло долговъ банкамъ вдвое противъ капитала хранившагося въ отдѣленіяхъ банка, *** а

* № 14.012 *П. С. З.* 1773 г. іюля 16-го сенатскій указъ; № 14.094 *П. С. З.* 1773 г. указъ имен. 28-го декабря.

** № 14.096. *П. С. З.*

*** Именной указъ сенату 1774 г. 10-го января, № 14.097. *П. С. З.*

для большей безопасности отъ поддѣлки, повелѣно было ассигнаціи печатать за тремя нумерами.

Между тѣмъ, учрежденныя въ разныхъ мѣстностяхъ банковыя конторы нуждались въ мѣдныхъ деньгахъ для размѣна ассигнацій, и пересылка ихъ изъ банковаго правленія и отсылка туда ассигнацій требовали значительныхъ расходовъ. Въ виду этого, въ 1776 году предписано было мѣстнымъ канцеляріямъ отсылать въ ближайшія къ каждой изъ нихъ банковыя конторы сбираемыя въ подати мѣдныя деньги, промѣнивать ихъ на ассигнаціи, и изъ послѣднихъ ветхія и уже негодныя къ хожденію отсылать въ центральныя правительственныя учрежденія, которымъ и предоставлялось мѣнять ихъ въ отдѣленіяхъ банка на новыя. *

Въ то же время, въ Тобольскѣ была учреждена новая банковая контора, съ капиталомъ въ 1 мил. руб., при чемъ узаконенъ былъ выпускъ ассигнацій на 1 милл. сверхъ установленнаго размѣра. ** Такая же контора учреждена въ Иркутскѣ, съ капиталомъ въ 500 т. руб., на сумму которыхъ также былъ увеличенъ выпускъ ассигнацій. ***

Такія же конторы были въ 1781 году **** учреждены въ десяти городахъ, а именно: Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Нѣжинѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Тамбовѣ, Орлѣ и Тулѣ, съ назначеніемъ каждой изъ нихъ по 200.000 капитала и съ увеличеніемъ выпуска ассигнацій на 2 мил. рублей. Въ слѣдующемъ же году были основаны конторы въ Казани и Херсонѣ съ капиталомъ въ каждой по 300 т. руб., въ Архангельскѣ и Ригѣ съ капиталомъ по 200 т. руб., а въ Ревелѣ съ капиталомъ во 100 т. руб. и соотвѣтственно тому разрѣшенъ вновь выпускъ 1.100.000 руб. ассигнацій. †

Съ расширеніемъ операцій ассигнаціоннаго банка, съ увеличеніемъ числа его конторъ, правительство не желало принимать на себя расходы по содержанію какъ банка, такъ и его конторъ. Въ виду этого оно позволило банку отпустить въ дворянскій банкъ сперва 300.000 р., а затѣмъ еще 1 милл.

---

* Сенатскій указъ 29-го мая 1776 года № 14.474. *П. С. З.*

** Именной указъ сенату 12-го іюля 1776 г. № 14.483. *П. С. З.*

*** Именной указъ сенату 10-го апрѣля 1777 г. № 14.861. *П. С. З.*

**** Именной указъ указъ сенату ноября 1781 г. № 15.275. *П. С. З.*

† Именной указъ 9-го сентября 1782 г. № 15.508. *П. С. З.*

руб. мѣдныхъ денегъ для раздачи ихъ въ займы подъ дворянскія имѣнія.* Съ этихъ денегъ 5% должны были поступать въ ассигнаціонный банкъ на удовлетвореніе его расходовъ, а 1% оставался въ пользу дворянскаго банка.**

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ 1780 году,*** запрещеніе вывоза ассигнацій за границу было подтверждено особымъ манифестомъ, причемъ крайнимъ срокомъ для вымѣна въ банкѣ тѣхъ ассигнацій которыя уже были вывезены было назначено 10-е января 1781 года.

Исполненіе указовъ объ ассигнаціяхъ подало поводъ и къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ту часть высочайшаго указа которою предписывалось, при пріемѣ въ казну платежей, требовать на каждые вносимые 500 рублей, по крайней мѣрѣ, 25 рублей ассигнаціями, поняли такъ, чтобы болѣе этой пропорціи ассигнаціями не принимать, такъ что потребовалось особымъ указомъ разъяснить, что эти 25 руб. на каждые 500 руб. представляютъ лишь minimum, но что никому, по смыслу высочайшихъ манифеста и указовъ,**** не запрещается представлять и всѣ слѣдующіе въ казну платежи сполна ассигнаціями.

Въ одномъ мѣстѣ, при пріемѣ отъ частнаго лица ассигнацій, пріемщикъ сдѣлалъ на нихъ надписи о пріемѣ и тѣмъ сдѣлалъ ихъ негодными къ хожденію. Сенатъ рѣшилъ напечатать такія же новыя ассигнаціи. По этому поводу было повелѣно сенату по всѣмъ дѣламъ касающимся до ассигнацій спрашивать предварительно заключенія у правленія банковаго. †

Возраставшая съ каждымъ годомъ потребность въ денежныхъ средствахъ на покрытіе постоянно увеличивавшихся расходовъ производила въ государственномъ бюджетѣ значительные ежегодные дефициты. Необходимость увеличивать постоянно налоги вовсе не согласовалась съ видами императрицы. Потому удобнымъ средствомъ избѣгнуть этой необходимости казалось увеличеніе числа банковыхъ ассигнацій и покрытіе

---

* Именной указъ 18-го апрѣля 1779 г. № 14.760, *Полн. Собр. Зак.*

** Именной указъ 9-го ноября № 15.276, *Полн. Собр. Зак.*

*** Маниф. 8-го октября 1780 г. № 15.071, *Полн. Собр. Зак.*

**** Іюня 13-го 1769 г. сенатск. указъ № 13.314.

† Августа 7-го 1770 г. именной указъ генералъ-прокурору.

ими недостатка наличныхъ денегъ въ государственномъ казначействѣ. Число выпускаемыхъ въ обращеніе ассигнацій возрастало съ каждымъ годомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрасталъ долгъ государственнаго казначейства ассигнаціонному банку за отпущенныя, уже безъ замѣна мѣдною монетой, въ разныя вѣдомства ассигнаціи. Въ 1786 году число выпущенныхъ ассигнацій возросло уже до 50 милл. руб., а между тѣмъ дефицитъ въ бюджетѣ того года и необходимость въ средствахъ на разныя предпринятыя сооруженія требовали новаго значительнаго выпуска.

Таково было положеніе дѣлъ когда графъ А. П. Шуваловъ подалъ императрицѣ въ 1786 году *Записку* * о необходимости увеличить выпускъ ассигнацій до 100 милл. руб., и вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ высочайшимъ повелѣніемъ постановить эту сумму предѣломъ далѣе котораго выпускъ ассигнацій не долженъ былъ быть увеличенъ „ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ положеніи“. Основаніе для расширенія выпуска ассигнацій до 100 милл. руб. графъ Шуваловъ находилъ въ увеличившемся, со времени изданія манифеста объ ассигнаціонномъ банкѣ, количествѣ выпущенной въ обращеніе мѣдной монеты, а равно и въ возрастаніи государственныхъ доходовъ. Изданіе же коренного закона о количествѣ долженствующихъ быть выпущенными ассигнацій, по мнѣнію его, должно было сдѣлать непоколебимымъ довѣріе къ банкамъ и привлечь къ нимъ уваженіе прочихъ европейскихъ народовъ.

Затѣмъ, указывая на крайнюю нужду государственной казны въ денежныхъ средствахъ по случаю военныхъ издержекъ, сооруженія „нужныхъ заведеній и по распоряженіямъ хозяйственнымъ, земскимъ“, графъ Шуваловъ, съ другой стороны, выставлялъ, что нельзя ждать успѣха отъ внутренняго займа. „Два сословія, собственность имѣющія, дворяне и купцы, равно сами нуждаются въ деньгахъ“, говорится въ *Запискѣ*, „и торговля послѣднихъ значительно стѣснена необходимостью постоянно брать задатки у иностранныхъ торговцевъ.“ Единственнымъ средствомъ оставался, по мнѣнію автора *Записки*, выпускъ ассигнацій. Кромѣ недостатка въ средствахъ на обыкновенныя ежегодныя и чрезвычайныя издержки казны, значительнымъ для нея бременемъ была

* Въ московскомъ главномъ архивѣ.

необходимость ежегодными платежами возвращать ассигнаціонному банку числившійся на казначействѣ долгъ. Необходимость эта служила лишь къ увеличенію ежегоднаго дефицита въ средствахъ казны. Потому, въ виду дарованія казнѣ возможности покрыть недостатки въ бюджетѣ и довершить предположенныя сооруженія, а съ другой стороны, даровать дворянству и городамъ средства, первымъ къ развитію своей хозяйственной дѣятельности, а вторымъ къ довершенію необходимыхъ въ нихъ улучшеній, графъ Шуваловъ предлагалъ слѣдующій планъ:

Выпустить 17½ милл. руб. ассигнацій для раздачи ихъ дворянамъ подъ залогъ ихъ имѣній и 11 милл. для раздачи городамъ. Вмѣстѣ съ прежде розданными изъ дворянскаго банка эти 17½ милл. должны были составить 22 милл. руб., которые предполагалъ графъ Шуваловъ раздать со взиманіемъ 8% интереса и погашенія въ 20 лѣтъ. Предполагавшіеся къ раздачѣ городамъ 11 милл. руб. должны были быть розданы со взиманіемъ 7% интереса и погашенія, и окончательный возвратъ капитальнаго долга долженъ былъ произойти въ 22 года. Графъ Шуваловъ разчитывалъ что казна получитъ, такимъ образомъ, отъ этой операціи чистой прибыли 19.140.000 руб., которые и должны были быть употреблены на погашеніе долговъ государственнаго казначейства, вмѣсто возврата ихъ путемъ ежегодныхъ уплатъ изъ государственныхъ доходовъ.

Затѣмъ, сверхъ 28½ милл. руб., предположенныхъ къ выпуску для указанной цѣли, графъ Шуваловъ предполагалъ выпустить еще 4 милл. руб. для необходимыхъ расходовъ по собственному кабинету ея императорскаго величества, 2½ милл. на пособіе государственному казначейству, и затѣмъ 15 милл. руб. ассигнаціями имѣть въ запасѣ на случай внезапной войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по установленіи коренаго закона объ ассигнаціонномъ банкѣ, графъ Шуваловъ предлагалъ, въ огражденіе довѣрія къ нему, сдѣлать всѣ его счеты явными и извѣстными всей публикѣ, такъ какъ, по мнѣнію его, каждый человѣкъ въ государствѣ, имѣя ассигнаціи въ своихъ рукахъ, есть самъ по себѣ естественный въ банкѣ участникъ и долженъ знать „что ничего отъ него не сокрыто и что скрывать нечего“.

Вслѣдствіе такой мѣры биржа стала бы во всякихъ

случаяхъ банку способствовать, купцы для своего облегченія и спокойствія пожелали бы имѣть въ банкѣ счетъ, и установилась бы, на подобіе Голландіи и Гамбурга, *мысленная монета*. Банкъ съ пріобрѣтеніемъ иностраннаго кредита могъ бы содѣйствовать казнѣ при переводѣ денегъ за границу, могъ бы всегда имѣть наготовѣ деньги до 1 милл. руб. для *чиненія по переводамъ денегъ—des avances*, и способствовалъ бы къ удержанію курса въ равновѣсіи. „Конечно“, кончалъ графъ Шуваловъ свою *Записку*, „если всѣмъ отраслямъ финансовъ тайна несвойственна, то она еще менѣе вмѣщена быть можетъ въ банки, которыхъ душа есть довѣріе, а правила—ясность“.

Предложенный графомъ Шуваловымъ планъ, по желанію его, для окончательнаго его разсмотрѣнія и разработки былъ переданъ особо назначенной для того императрицей коммиссіи, состоявшей изъ того же графа Шувалова, графа Александра Воронцова, тайнаго совѣтника Петра Завадовскаго, графа Алекс. Безбородко и генералъ-маіора Александра Ермолова. Коммиссія собиралась три раза въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1786 года, и наконецъ окончательныя свои предположенія выразила въ особомъ докладѣ, поданномъ на высочайшее имя въ началѣ мая мѣсяца.

Измѣнивъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ планъ графа Шувалова, коммиссія однако „совершенно съ нимъ согласи„лась“ въ главныхъ основаніяхъ и „лишь подробнѣе развила „всѣ предполагавшіяся отъ осуществленія его выгоды и бла„годѣтельныя для всего государства послѣдствія“. „Польза всенародная,“ писала она въ своемъ докладѣ на высочайшее имя, „польза казнѣ вашей только въ семъ предположены и ощущаются, что выходитъ изъ того дѣяніе рѣдкое, не всѣми, можетъ-быть, доумѣваемое, ибо тутъ изобрѣтается преудобное средство выплатить знатные долги, получить новые доходы въ прибыткахъ и въ удовлетвореніе нуждъ государственныхъ, и вкупѣ съ тѣмъ, во утѣшеніе великой души вашей, пролить сродную ей милость и величайшее благотвореніе на различныя состоянія всѣхъ вашихъ подданныхъ.“

Коммиссія сдѣлала полный разчетъ заключеннымъ правительствомъ въ ассигнаціонномъ банкѣ, со времени его учрежденія, займамъ. Оказалось что въ теченіе Турецкой войны было занято до 12.714.750 р. Съ того времени, „для приведенія финансовъ въ должное изобиліе и для разныхъ преобра-

зованій", было занято 24.320.857 р., такъ что весь долгъ банку простирался до 37.035.607 р., а за уплатою съ 1776 года 11.635.607 р., *оставалось на казначействѣ 25.400.000 р.*, за выполненіемъ же предписанныхъ именными указами отпусковъ изъ ассигнаціоннаго банка, весь долгъ простирался въ 1786 году до 30.400.000 руб.

Эта сумма составлялась слѣдующимъ образомъ:

1. Долгъ кабинета и казначейства за кабинетъ.....	6.400.000 р
2. Долгъ с.-петербургскаго остаточнаго казначейства	15.000.000 „
3. Долгъ соляного вѣдомства	6.000.000 „
4. Отпущенныя въ распоряженіе Потемкина для южной Россіи	3.000.000 „
	30.400.000 „

Затѣмъ предстояла еще необходимость отпуска изъ государственнаго казначейства суммъ на слѣдующія потребности:

1. На созидан. дороги изъ Москвы въ С.-Петербургъ	3.700.000 р.
2. На надобности казначейства.....	2.500.000 „
3. На надобности кабинета.	600.000 „
4. На устройство Вытегорскаго канала.	3.000.000 „
	9.800.000 „

По прежнимъ указамъ, изданнымъ при заключеніи приведенныхъ займовъ на сумму 30.400.000 р., обратная ихъ уплата банку была расположена такъ, что долгъ погашался ежегодными взносами изъ государственныхъ доходовъ, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ 1786 году приходилось уплатить 1.270.000 р.

Въ теченіи двухъ лѣтъ, то-есть въ 1787—88 г. по 2.301.000 руб. въ каждомъ.

Въ теченіи семи лѣтъ 1789—95 по 2.091.000 р. въ каждомъ.

Въ теченіи пяти лѣтъ 1796—1800 по 1.411.000 р. въ каждомъ и въ 1801 году 1.226.000 руб.

Для исполненія принятыхъ казной на себя обязательствъ относительно производства этихъ уплатъ, при постоянныхъ дефицитахъ въ средствахъ государственной казны, не было, по мнѣнію коммиссіи, другаго средства, какъ обложить все государство общимъ налогомъ, въ 20 коп. съ души. Для покрытія же остальныхъ почти 10 милл. руб., заемъ коихъ былъ неизбѣженъ въ виду огромныхъ выгодъ ожидавшихся, какъ для торговли, такъ и для правительства, отъ сооруженія дороги между столицами и Вытегорскаго канала, ежегодный

налогъ этотъ должно было бы увеличить до 30 коп. съ души. Увеличеніе же налоговъ, кромѣ того что оно должно было быть „нетерпимо матерьнему сердцу и въ свѣтѣ прославленному милосердію государыни“, коммиссія уже потому почитала невозможнымъ, что еще въ 1783 году налоги уже были значительно увеличены; „отъ новаго ихъ увеличенія“ она предвидѣла „уныніе и страхъ всенародные, нерѣдко въ такомъ положеніи дознаваемые, когда подати увеличиваютъ безъ прибавки новыхъ способовъ къ изобилію и благосостоянію платящихъ оныя“.

Изъ такого положенія дѣлъ коммиссія выводила необходимость прибѣгнуть для уплаты казенныхъ долговъ къ плану графа Шувалова. Согласно нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, введеннымъ въ него коммиссіей, уплата казенныхъ долговъ должна была быть произведена слѣдующимъ образомъ: операція раздачи капиталовъ въ займы дворянству и городамъ должна была, по вновь сдѣланному коммиссіей разчету, дать чистой прибыли 18.300.000 р., которые должны были получить слѣдующее назначеніе:

1. Долгъ кабинета	4.600.000 р.
2. Часть долга казначейства на	6.000.000 „
3. Долгъ по построенію дороги между столицами	3.700.000 „
4. Въ распоряженіе правительства оставаться должно было	4.000.000 „
Итого	18.300.000 „

Сверхъ того предполагалось пять милл. руб. сложить со счетовъ казначейства слѣдующимъ образомъ:

1. Предполагалось три милл. руб., данные въ распоряженіе Потемкина, отчислить отъ долга государственнаго казначейства и возвратить ихъ средствами южнаго края.

2. Изъ числа потребныхъ на Вытегорскій каналъ денегъ предполагалось отпустить лишь одинъ милл. руб., а остальные два милл. руб. должны были поступить также изъ прибылей по операціи раздачи капиталовъ въ займы городамъ.

Такимъ образомъ всего должны были считаться погашенными 23.300.000 руб.

Затѣмъ изъ остальныхъ 16.900.000 руб. казенныхъ долговъ предполагалось покрыть разными средствами 300.000 р., 10 милл. руб. объявить утвержденнымъ долгомъ казначейства, *dette fondée*, съ котораго казначейство (не обязываясь упла-

чивать капитальную его часть) должно было уплачивать въ банкъ лишь 300.000 р. ежегодныхъ процентовъ и тѣмъ покрывать расходы на содержаніе банка. Послѣдніе 6.600.000 р. должны были быть возвращены въ банкъ ежегодною уплатой одного милліона, начиная съ 1789 до половины 1795 года.

Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ значительныхъ ежегодныхъ уплатъ, новыя обязательства казны ограничивались ежегодною уплатой 1.300.000 р., и притомъ начиная лишь съ 1789 года. Первые же два года въ полномъ распоряженіи правительства оставались предназначавшіеся къ обратной уплатѣ 2.400.000 р. и вновь занимаемые въ пособіе казначейства 2.500.000 р., всего до 5 милл руб., и создавался запасный на случай войны капиталъ въ 15 милл. руб.

Таковъ въ окончательномъ итогѣ финансовый планъ, выработанный коммиссіей, на сколько, по крайней мѣрѣ, можно себѣ составить о немъ понятіе изъ довольно неяснаго и сбивчиваго изложенія представленнаго ею на высочайшее имя доклада.

Коммиссія не могла не сознавать, хотя бы и смутно, основательности опасеній относительно вреда, какой можетъ произойти для всего финансоваго строя государства отъ излишняго выпуска бумажныхъ знаковъ. Она подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Тутъ ясно обнаруживаются все то смѣшеніе, вся та неопредѣленность экономическихъ понятій, которыя не дозволяли государственнымъ людямъ того времени уяснить себѣ настоящимъ образомъ ни положенія тогдашнихъ дѣлъ, ни неизбѣжныхъ послѣдствій предпринимаемыхъ мѣръ. Опровергая мнѣніе тѣхъ которые полагаютъ что умноженіе денегъ послужитъ къ увеличенію цѣнъ на предметы потребленія, коммиссія ссылается на примѣръ иностранныхъ западно-европейскихъ государствъ, изобилующихъ деньгами и кредитомъ и не страдающихъ, несмотря на это, возвышеніемъ цѣнъ; „въ такомъ случаѣ, торговля, которой предметъ есть увеличеніе *нумерера* (наличности), говоритъ коммиссія, была бы вредна“. Здѣсь, очевидно, члены коммиссіи не давали себѣ отчета въ различіи между изобиліемъ капиталовъ въ странѣ и количествомъ находящихся въ обращеніи ассигнацій, и отъ увеличенія выпуска послѣднихъ ожидали тѣхъ же послѣдствій какъ бы отъ развитія въ странѣ кредита и умноженія въ ней капиталовъ. Чувствовавшееся уже въ то время возвышеніе цѣнъ коммиссія объясняла недостаткомъ

денегъ, а не излишествомъ ассигнацій, „ибо гдѣ деньги выше 5 процентовъ ходятъ, тамъ ихъ мало, и сей недостатокъ, истребляя добрую вѣру къ платежамъ, производитъ дороговизну. Подрядчики и продающіе частнымъ людямъ, да и самимъ казеннымъ мѣстамъ, не надѣются въ договорный срокъ получить заплату, по мѣрѣ чего награждаютъ себя высокостію цѣны.“ Недостатку же денегъ коммиссія приписывала и небреженіе къ земледѣлію, которое, по ея выраженію есть *„благо и сосцы питающіе государство“*. Указывая на недостатокъ и дороговизну кредита въ странѣ, не дозволяющіе землевладѣльцамъ дѣлать значительныя затраты для необходимыхъ въ промышленности ихъ улучшеній, коммиссія выставляла всѣ тѣ выгоды которыхъ можетъ и должна ожидать вся страна отъ дарованія дворянству возможности пользоваться дешевымъ и долгосрочнымъ кредитомъ. Тѣ же благодѣянія должны были оказать тѣ суммы которыя предполагалось раздать въ ссуду городамъ, тѣмъ болѣе что въ приморскихъ городахъ и обѣихъ столицахъ суммы эти предполагалось ссудить не городамъ, а отдѣльнымъ купеческимъ фирмамъ, для дарованія имъ возможности расширенія ихъ торговыхъ оборотовъ. При этомъ коммиссія предполагала устроить при банкѣ страховую экспедицію для застрахованія домовъ и купеческихъ кораблей.

Наконецъ, касаясь мысли графа Шувалова обнародовать операціи ассигнаціоннаго банка, члены коммиссіи высказываютъ идеи вполнѣ достойныя такой великой эпохи, какъ царствованіе Екатерины II. „Такая ясность“, докладывала государынѣ коммиссія, „и уклоненіе отъ всякаго рода тайнъ обнаружитъ великія правила августѣйшей законодательницы, *чѣмъ болѣе вѣритъ обществу, тѣмъ болѣе довѣріе его пріобрѣтается*. Доброе дѣло и благія намѣренія не требуютъ завѣсы.“ Коммиссія выразила при этомъ надежду что *публичностью* купечество будетъ подвинуто къ тому чтобы ввѣрять свои капиталы банку, и что открытіе текущихъ счетовъ произведетъ движеніе во внутренней и внѣшней торговлѣ, которое въ свою очередь привлечетъ къ банку и иностранныхъ капиталистовъ, въ особенности же если къ прочимъ операціямъ банка присоединенъ будетъ учетъ векселей.

Таковы были мысли и планъ изложенные императрицѣ въ докладѣ коммиссіи. Рядомъ съ идеями, совершенно сходными

съ тѣми экономическими и финансовыми принципами которые въ настоящее время признаны за несомнѣнную аксіому, мы видимъ полное смѣшеніе понятій, долго преобладавшее въ нашей финансовой политикѣ, и по которой думали, что расширяя выпускъ ассигнацій, обогащаютъ страну новыми производительными силами и разливаютъ богатство во всѣ сословія государства.

Мысли, изложенныя въ запискѣ графа Шувалова и разработанныя коммиссіей, нашли себѣ однако среди государственныхъ людей окружавшихъ Екатерину II сильнаго противника въ лицѣ генералъ-прокурора, князя Вяземскаго. Въ особой запискѣ *, поданной на высочайшее имя 29-го мая 1786 года, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ возставалъ противъ основной мысли предложеннаго плана, то-есть противъ уплаты казенныхъ долговъ процентами отъ выпуска и раздачи въ займы государственныхъ ассигнацій подъ обезпеченіе поземельною собственностью.

Напоминая что въ первоначальномъ манифестѣ, объявлявшемъ объ установленіи ассигнаціоннаго банка, обѣщано было что ассигнацій выпускаемо будетъ столько, сколько будетъ въ банкѣ состоять наличнаго капитала, что самый банкъ названъ хранилищемъ денегъ всему государству, а не одной казнѣ принадлежащихъ, онъ указывалъ на то что выпускъ ассигнацій, безъ достаточнаго увеличенія притомъ капитала, породитъ недовѣріе къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ самому банку. Выпускъ ассигнацій уже сдѣланный на удовлетвореніе потребностей государственной казны онъ оправдывалъ тѣмъ, что при этомъ постоянно имѣлись въ виду нѣкоторые, почти равные, по суммѣ, количеству выпущенныхъ ассигнацій наличные капиталы, находившіеся въ разныхъ вѣдомствахъ, которые всегда могли быть обращены на подкрѣпленіе банка. Слѣдовательно всегда представлялась возможность вымѣнять выпущенныя ассигнаціи на чистыя деньги, чѣмъ во всякое время, въ случаѣ недовѣрія, публика могла быть успокоена, и кредитъ еще болѣе утвержденъ. При выпускѣ же ассигнацій подъ обезпеченіе недвижимою собственностью, утверждалъ князь Вяземскій, „уже невозможно будетъ почитать ихъ имѣющими денежное достоинство“. Онъ не считалъ согласнымъ съ существомъ ассигнаціоннаго

* Въ Московскомъ главномъ архивѣ.

банка чтобы могли быть приняты другіе какіе-либо залоги кромѣ золота и серебра, такъ какъ, въ случаѣ „восколебанія“ довѣрія публики, невозможно было бы ее успокоить, за неимѣніемъ денежныхъ капиталовъ. Мѣры предлагаемыя графомъ Шуваловымъ онъ считалъ умѣстными лишь въ томъ случаѣ, еслибы государство находилось въ самыхъ крайнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, еслибы не оставалось ни малѣйшей возможности увеличить подати безъ крайняго разоренія подданныхъ. При этомъ князь Вяземскій указывалъ для увеличенія доходовъ правительства на тѣ мѣры, которыя были предложены имъ въ 1785 году. Опредѣленіе самаго размѣра новаго выпуска ассигнацій до суммы 100 милл. руб., какъ такой суммы до размѣра которой выпускъ ассигнацій не произвелъ бы вреда денежному обращенію и не поколебалъ бы довѣрія публики, онъ считалъ ничѣмъ не оправдываемымъ, голословнымъ предположеніемъ. „Раздача изъ банка денегъ въ займы дворянству, говорилъ князь Вяземскій, произведетъ то что всѣ вещи, соразмѣрно умноженію въ циркуляціи денегъ, придутъ въ такую цѣну, которая со временемъ для маломочныхъ людей, а особливо живущихъ однимъ жалованьемъ, причинитъ совершенную невозможность содержать себя онымъ.“ Мы видимъ, такимъ образомъ, что князь Вяземскій ясно сознавалъ, что увеличеніе въ обращеніи денежныхъ знаковъ должно было имѣть значительное вліяніе на измѣненіе цѣнъ, хотя, повидимому, онъ приписываетъ это вообще увеличенію денегъ, не проводя различія между металлическими деньгами и ассигнаціями.

Переходя къ разсмотрѣнію плана графа Шувалова со стороны той пользы, которую должна была принести сельскому хозяйству раздача дворянству въ займы $17\frac{1}{2}$ милл. руб. подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, князь Вяземскій и въ этой части проекта не надѣялся на осуществленіе блестящихъ надеждъ графа Шувалова. Здѣсь прежде всего онъ обратилъ вниманіе на размѣръ предполагавшихся займовъ, а именно: по 40 руб. на душу. При этомъ князь Вяземскій разчитывалъ, что ежегодная уплата 8% съ 40 руб. составитъ 3 руб. 20 коп. въ годъ, между тѣмъ какъ величина оброковъ получавшихся помѣщиками съ крестьянъ не превышала 3 руб. съ души. Такимъ образомъ князь Вяземскій выводитъ что дворянство, большею частію уже обремененное въ то время частными долгами и склонное къ растратѣ денегъ непроиз-

водительнымъ образомъ, не найдетъ другаго средства уплачивать проценты по вновь заключеннымъ займамъ, какъ увеличивъ оброкъ со своихъ крестьянъ.

Такое увеличеніе, которое онъ считалъ почти невозможнымъ, обременивъ крестьянъ, естественно повело бы лишь къ накопленію недоимокъ въ податяхъ. Самое облегченіе для дворянства заключенія новыхъ займовъ должно было, по мнѣнію князя Вяземскаго, повести лишь къ окончательному его разоренію. Это мнѣніе онъ доказывалъ опытомъ предшествовавшей четверти столѣтія. Такъ въ 1750 году долги дворянства не превосходили въ общей суммѣ 1.593.000 руб. Въ 1775 году, послѣ того какъ, по учрежденіи заемныхъ банковъ для дворянства, оно получило бо́льшую возможность за незначительные проценты занимать деньги, и вслѣдствіе того стала повсюду вкрадываться въ обычаи роскошь, долги дворянства возросли до 8.430.733 р., изъ которыхъ до 4.379.868 руб. были заняты изъ банковъ. Отъ новаго облегченія займовъ князь Вяземскій ожидалъ новаго, сильнѣйшаго противъ прежняго, развитія роскоши и обогащенія торгующихъ иностранными галантерейными товарами купцовъ; слѣдовательно, заключалъ онъ, „деньги пойдутъ „большею частію внѣ государства въ руки иностранцевъ, „тягость же въ платежахъ владѣльцамъ останется на крестьянахъ“. Неисправныя имѣнія придется брать въ казенное управленіе, отчего опять страдать будутъ тѣ же крестьяне.

Несмотря на оппозицію князя Вяземскаго, записка графа Шувалова и докладъ коммиссіи были одобрены императрицей, и 28-го іюня 1786 года были одновременно изданы манифестъ объ учрежденіи новаго заемнаго банка, а равнымъ образомъ о дарованіи новыхъ льготъ ассигнаціонному банку и о расширеніи его операцій, и два именные указа: одинъ тайному совѣтнику Завадовскому, въ которомъ поручалось ему управленіе банкомъ, а другой генералъ-прокурору, о способѣ погашенія нѣкоторыхъ казенныхъ долговъ.

Тѣ мнѣнія и взгляды на финансовую политику правительства, которые выражены были въ докладѣ коммиссіи, получили полное развитіе въ манифестѣ. „*Государственное хозяйство* есть та отрасль въ общей связи государственныхъ нуждъ и пользы, по выраженію манифеста, которая учитъ какъ назначать, собирать и потомъ раздѣлять выгоды принадлежащія коронѣ изъ всеобщаго изобилія, и которая во

внутреннемъ государственномъ управленіи составляетъ основаніе всѣхъ политическихъ умозрѣній.“ Далѣе манифестъ указываетъ на изобиліе денежныхъ знаковъ какъ на источникъ народнаго богатства, при чемъ число выпущенныхъ со времени учрежденія ассигнаціоннаго банка ассигнацій признано было манифестомъ недостаточнымъ, не удовлетворяющимъ „въ полной мѣрѣ нуждамъ и хотѣнію людей, общему, имѣть ихъ болѣе“. Причина недостаточности развитія поощряемыхъ правительственными мѣрами торговли, рукодѣлій, ремеслъ и земледѣлія также указывается въ недостаткѣ денегъ.

Преобладавшее тогда въ умахъ смѣшеніе понятія объ изобиліи денежныхъ свободныхъ капиталовъ съ понятіемъ о денежныхъ знакахъ выразилось здѣсь во всей своей силѣ. Помочь недостатку въ денежныхъ капиталахъ думали новымъ выпускомъ ассигнацій, и эта мысль выставлялась въ манифестѣ какъ руководящая дѣйствіями императрицы при учрежденіи заемнаго банка. Объ уплатѣ казенныхъ долговъ упоминалось лишь вскользь. Вмѣстѣ съ тѣмъ вновь подтверждено было что выпускъ ассигнацій ни подъ какимъ видомъ не долженъ превосходить 100 милл. руб. Заемному банку дозволено было при этомъ производить ссуды и принимать вклады золотыми или серебряными деньгами, а при уплатѣ какъ въ банкъ, такъ и изъ банка, положено было выдавать на деньги эти ажіо по биржевому въ С.-Петербургѣ курсу.

Съ другой стороны, ассигнаціонному банку были даны новыя права: ему было предоставлено производить торговлю металлами, и для облегченія этой операціи, горнозаводчики были освобождены отъ обязательства уступать въ казну, по опредѣляемой ею цѣнѣ, половину той мѣди которую они впредь будутъ добывать сверхъ прежняго. Разрѣшено было также заниматься учетомъ векселей, переводомъ денегъ за границу. При этомъ предполагалось, что послѣдне-названною операціей дана будетъ банку возможность, въ извѣстное время, давать подкрѣпленіе „какъ внутреннему, такъ и внѣшнему государственному хозяйству“.

Въ указѣ на имя генералъ-прокурора * изложенъ былъ, хотя въ весьма общихъ чертахъ, планъ правительства отно-

* № 16.410, *П. С. З.*

сительно уплаты казенныхъ долговъ казначейства и кабинета банку посредствомъ новаго выпуска ассигнацій и раздачи ихъ взаймы дворянству и городамъ. Согласно указу, уплата 22.600.000 руб. долговъ банку должна была произойти слѣдующимъ образомъ: 6.000.000 должны были уплатиться изъ прибылей отъ раздачи въ займы ассигнацій дворянству и городамъ. Въ уплату 10.000.000 руб. казначейство, въ теченіе 10-ти лѣтъ, должно было отпускать 300.000 р., то-есть всего 3.000.000 руб.; затѣмъ изъ возвращаемыхъ отъ дворянства капиталовъ должно было быть вновь роздано 6.000.000 руб., а съ нихъ ежегодно получаемыми 5%, то-есть 300.000 руб., должна была быть уплачена остальная часть 10.000.000 руб. Наконецъ послѣдніе 6.600.000 руб. должны были быть погашены ежегоднымъ отпускомъ изъ казначейства по одному милліону въ теченіи 6⅔ лѣтъ. Такимъ образомъ разчитывалось, что отпускомъ лишь 9.600.000 руб. погашался долгъ въ 22.600.000 руб. Изъ предыдущаго видно, что разчетъ обнародованный въ этомъ указѣ значительно разнствовалъ отъ того который былъ окончательно принятъ коммиссіей; а именно, долги казначейства банку были въ дѣйствительности значительнѣе.

Для застрахованія строеній представляемыхъ къ залогу въ государственный банкъ, была манифестомъ 23-го декабря 1786 года * учреждена страховая экспедиція, а въ довершеніе преобразованія банковъ, какъ ассигнаціонному, такъ и заемному банкамъ даны были новые уставы **, и при ассигнаціонномъ банкѣ установлена особая экспедиція для пріема и ревизіи ассигнацій, которыхъ внѣшній видъ былъ, между прочимъ, измѣненъ. ***

Новыми указами и изданіемъ новыхъ уставовъ, однакоже, не уничтожился корень всѣхъ затрудненій, лежавшій въ излишнемъ выпускѣ ассигнацій. Потому уже въ маѣ 1787 г., **** въ виду недостатка въ мѣдной монетѣ для размѣна ассигнацій, было дозволено с.-петербургскому отдѣленію ассигнаціон-

---

* № 16.478 *П. С. З.*

** Указы на имя Шувалова 23-го декабря 1786 г., №№ 16.479 16.481 *П. С. З.*

*** № 16.480 *П. С. З.* указъ графу Шувалову.

**** № 16.541, *Полное Собраніе Законовъ.* Именной указъ Шувалову, 31-го мая 1787 г.

наго банка принимать, какъ и въ конторахъ, мелкую мѣдную монету въ обмѣнъ на ассигнаціи, и затѣмъ на эту мелкую монету вымѣнивать старыя ассигнаціи.

Въ виду того же недостатка въ мѣдномъ размѣнномъ фондѣ, многочисленность конторъ ассигнаціоннаго банка затрудняла правительство. Потому оно должно было рѣшиться на уничтоженіе большей ихъ части. Такимъ образомъ, указомъ января 21-го 1788 года,* была уничтожена контора въ Тобольскѣ, и накопившійся въ ней капиталъ въ 233.775 руб. мѣдною монетой былъ взятъ въ московское отдѣленіе банка. Другимъ указомъ того же года ** конторы оставлены лишь въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Херсонѣ, Вышнемъ-Волочкѣ и Архангельскѣ, — прочія же уничтожены. При этомъ капиталы астраханской конторы въ 89.875 р. и иркутской въ 263.080 р., мѣдною монетой, были отданы въ мѣстныя казенныя палаты для расходованія вмѣсто ассигнацій. Капиталъ тобольской конторы, въ 756.300 р., назначенъ былъ для израсходованія на Колыванскихъ заводахъ. Изъ капиталовъ остальныхъ уничтоженныхъ конторъ повелѣно было укомплектовать оставшіяся банковыя конторы.

Наконецъ размѣнъ ассигнацій въ банкѣ, временно закрытый, вновь открытъ по именному указу съ 28-го декабря 1788 года. *** Другимъ указомъ, отъ 15-го іюня 1789 г., **** повелѣно было чтобы банкъ для размѣна открытъ былъ каждодневно, кромѣ праздничныхъ дней.

Въ виду „умноженія въ государствѣ мѣдной монеты, для равновѣсія съ государственными банковыми ассигнаціями,“ были правительствомъ въ 1791 году куплены за 2½ милліона рублей мѣдные и желѣзные заводы Походяшиныхъ и отданы въ вѣдѣніе ассигнаціоннаго банка, † для чего при немъ основана особая экспедиція. Отъ этой покупки предполагалось въ 10 лѣтъ получить чистой прибыли до 3 милл. р. ††

---

* № 16.612, *Полное Собраніе Законовъ.*

** Именной указъ Шувалову 11-го февраля 1788 г., № 16.626 *Полн. Собр. Зак.*

*** № 16.737, *Полн. Собр. Зак.*

**** № 16.779, *Полн. Собр. Зак.*

† Именной указъ генералъ-прокурору, 11-го апрѣля 1791 года, № 16.957.

†† Сенатскій указъ, 17-го декабря 1791 г., № 17.005.

Но какъ и прежде, нужда въ финансовыхъ средствахъ, возрастающіе расходы, дорогія войны, требовавшія новыхъ пожертвованій и новыхъ усилій, заставили правительство отступить отъ плана 1786 года и заключить цѣлый рядъ займовъ изъ ассигнаціоннаго банка, вслѣдствіе которыхъ суммы его, предназначавшіяся, по плану графа Шувалова, или на погашеніе ассигнацій, или на какія-либо полезныя предпріятія, поступили вмѣсто того на удовлетвореніе государственныхъ расходовъ.

Такъ уже въ 1787, 1788 и 1789 годахъ, правительство истратило изъ предназначенныхъ на устройство московско-петербургской дороги 2.210.000 руб. * и взяло изъ ассигнаціоннаго банка отложенныя на случай войны 15.000.000 руб. **

Въ 1789—92 годахъ оно употребило на покрытіе государственныхъ расходовъ до 7.970.773 руб. поступившихъ отъ дворянъ въ уплату капитала и процентовъ по заключеннымъ ими въ заемномъ банкѣ займамъ и предназначенные по первоначальному банковому плану 1786 года къ уничтоженію.

Въ 1790 году до 1.200.000 р. было взято въ государственное казначейство изъ капиталовъ банковыхъ конторъ, и до 6.160.000 руб. были заняты изъ суммы предназначавшейся къ раздачѣ городамъ. Наконецъ въ теченіи 1790—93 годовъ разными указами былъ разрѣшенъ новый выпускъ 20 милл. руб. ассигнацій сверхъ стамилліонной пропорціи.

Съ другой стороны, правительство мало-по-малу отсрочивало уплату, какъ назначенныхъ по плану графа Шувалова къ возврату долговъ казначейства банку, такъ и новыхъ займовъ. Такъ, обратная уплата банку 6.000.000 р., которая должна была начаться съ 1789 г. по 1 милл. въ годъ, въ этомъ уже году была отложена до окончанія войны, а въ 1793 г. опять отсрочена на два года. Обратная уплата 15 милл. руб., которая должна была начаться по окончаніи войны и производиться въ размѣрѣ одного милл. въ годъ, была въ 1793 г., вновь отсрочена на два года. Уплата взятыхъ въ началѣ 1790 г. изъ банковыхъ конторъ капиталовъ въ томъ же году была отложена до окончанія войны, и то же самое было предписано и относительно займа изъ суммъ предназначенныхъ

* Разчетъ при запискѣ представленной графомъ Самойловымъ графу Зубову, 31-го мая 1795 года. Изъ бумагъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

** Указъ 30-го мая 1793 г. *Полн. Собр. Зак.*, № 17.128.

на устройство между столицами дорогъ и на раздачу городамъ. Наконецъ, въ началѣ 1786 года предполагалось также отпускать ежегодно въ уплату десяти-милліоннаго отверженнаго долга государственнаго казначейства банку по 300.000 руб. ассигнаціями въ теченіи 10 лѣтъ, послѣ которыхъ эта уплата должна была замѣниться процентами со вновь предполагавшихся къ раздачѣ 6 милл. руб., изъ числа имѣвшихъ вступить въ теченіи того времени отъ дворянства обратныхъ платежей. Деньги эти однако, какъ мы видѣли, потребовались на расходы по государственному казначейству. Потому указомъ 1793 года * отпускъ изъ казначейства 300.000 руб. былъ продолженъ далѣе первоначально предполагавшихся 10 лѣтъ, и притомъ повелѣно было, въ видахъ подкрѣпленія банковаго фонда, производить этотъ отпускъ не ассигнаціями, какъ прежде, а мѣдною монетой.

Такимъ образомъ къ 1794 году разчеты государства съ банкомъ находились, какъ видно изъ отчета представленнаго императрицѣ генералъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ о государственныхъ долгахъ, изъ разчета приложеннаго къ отношенію его на имя графа Зубова и изъ особаго разчета „о банковомъ капиталѣ“, ** въ слѣдующемъ видѣ:

Старыхъ долговъ казначейства банку считалось.	50.000.000 р.
Долговъ кабинета	7.008.399 „
Долговъ вѣдомства князя Потемкина по управленію южными губерніями	7.650.000 „
Долговъ разныхъ казенныхъ мѣстъ	1.275.519 „
Новыхъ долговъ казначейства:	
(Сверхъ 50 милл. руб. прежнихъ.)	
Выпущенныя изъ ассигнаціоннаго банка по особымъ указамъ	20.000.000 „
Взносы заемщиковъ заемнаго банка, вновь израсходованные на государственныя нужды. . .	7.970.773 „ 76 к.
Предназначенные къ обратной уплатѣ въ банкъ, но вмѣсто того вновь истраченные	6.600.000 „
Взятые изъ капиталовъ банковыхъ конторъ	1.200.000 „
Отложенные въ 1786 г. въ запасъ на случай войны и израсходованные	15.000.000 „

* Именной указъ правленію банка, 30-го мая 1793 г., № 17.130.

** Въ Московскомъ и С.-Петербургскомъ архивахъ.

Ваятые изъ суммы назначенной къ раздачѣ городамъ..... ..... 6.160.000 „

Ваятые изъ суммы отложенной на строеніе дороги изъ С.-Петербурга въ Москву..... 2.210.000 „

Итого..... 125.074.691 „ 76 к.

Вѣрность сего разчета подтверждается тѣмъ что въ запискѣ, представленной императрицѣ графомъ Зубовымъ въ 1796 году о средствахъ къ уплатѣ внутреннихъ долговъ, число выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій показано во 150 милл. руб. Вычтя изъ этой суммы до 25 милл. руб. находившихся въ долгахъ на дворянствѣ и городахъ и въ капиталахъ наличныхъ въ банкахъ и конторахъ, *остальные 125 милл. р. и будутъ составлять ту часть ассигнацій, которая была, въ разное время, выпущена на покрытіе расходовъ правительственныхъ.*

Въ отчетѣ о государственныхъ долгахъ представленномъ императрицѣ, графъ Самойловъ предполагалъ немедленно же заняться уплатой банку должныхъ ему и вновь выпущенныхъ 20.000.000 руб. и стараго долга въ 50 милл. рублей. Для этой цѣли графъ Самойловъ предполагалъ возстановить дѣйствіе установленнаго въ 1786 году и нарушеннаго во время войны плана погашенія, посредствомъ взноса въ банкъ платежей поступавшихъ отъ заемщиковъ дворянъ и городовъ. Вслѣдствіе того положено было ежегодно выплачивать банку изъ штатной суммы до 2.500.000 руб. Но сверхъ того графъ Самойловъ предложилъ произвести погашеніе и внѣшнихъ займовъ, наложеніемъ налога на вино по 1 руб. на ведро. Долженствовавшая поступить, вслѣдствіе того, сумма 4.971.955 р. предназначалась исключительно на уплату въ теченіи 15 лѣтъ 43 милл. руб. внѣшнихъ долговъ. Но по мѣрѣ уплаты сихъ долговъ, причитавшіеся по нимъ проценты предполагалось отдавать въ распоряженіе банка, который и долженъ былъ этими деньгами не только погасить вновь выпущенные 20 милл. руб., но и составить особый капиталъ, чему должно было содѣйствовать освобожденіе казны отъ военныхъ расходовъ и умноженіе доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Самойловъ дѣлалъ и другія предположенія въ помянутомъ докладѣ: „Откладывая показанныя деньги, говоритъ онъ, не надлежитъ, однакоже, ихъ истреблять, а только хранить въ банкѣ и въ народное обра-

ченіе не выпускать, *дабы онъ всегда были на лицо и въ готовности на всякій случай;* ибо въ случаѣ какой-либо необходимой надобности, лучше оныя употребить нежели вновь прибавлять ассигнаціи, какъ прежде дѣлать принуждены были.“ Таковы были распоряженія сдѣланныя императрицей въ концѣ ея царствованія съ цѣлью исполненія принятыхъ ея правительствомъ относительно банковъ обязательствъ, таковы были надежды ея на будущіе болѣе мирные годы. Къ несчастію, на дѣлѣ было не такъ. Съ новымъ царствованіемъ наступили, вслѣдствіе новыхъ войнъ, еще бо́льшія затрудненія для государственнаго казначейства, и всѣ его средства потребовались для покрытія военныхъ расходовъ. Начались новые выпуски ассигнацій, а о погашеніи прежнихъ выпусковъ, конечно, уже не могло быть и рѣчи.

А. КУЛОМЗИНЪ.

БѢЛЫЕ ГОЛУБИ*

XIII.

Еще въ Сибири Кондратій Селивановъ сказалъ своимъ дѣтушкамъ, пришедшимъ къ нему на поклоненіе изъ Сосновки: „когда вы чанъ слезъ наплачете, тогда Отецъ мой небесный меня къ вамъ отпуститъ; теперь еще не время, я долженъ исполнить приказъ Отца моего небеснаго.“ Это было не ранѣе восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. **

Чанъ слезъ не былъ наплаканъ, какъ Селивановъ другимъ ученикамъ, приходившимъ къ нему въ Иркутскъ, по словамъ одной скопческой пѣсни, сказалъ:

Буду, буду я въ Москву,
Разгоню вашу тоску;
Буду въ Питерѣ во градѣ,
Утвержу васъ во оградѣ.
Мнѣ въ столицахъ поселиться,
Чтобы съ вами веселиться
На святыхъ божьихъ кругахъ,
Во столичныхъ во трудахъ.

Вѣруя въ непреложность обѣщаній отца-искупителя, стаями поднялись бѣлые голуби изъ селъ, изъ деревень и провинціальныхъ городовъ во срѣтеніе грядущему

Изъ восточныя страны
Изъ Иркутскія.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

** *Посланіе отца-искупителя.* Въ немъ сказано, что скопцы пять лѣтъ не имѣли никакого слуха о своемъ отцѣ-искупителѣ. Слѣдовательно, первое свиданіе ихъ было не ранѣе 1780 года.

Они селились въ Москвѣ, а еще больше въ Петербургѣ, стали заниматься торговлей, преимущественно золотыми и серебряными вещами, и размѣномъ денегъ. При строгой бережливости, при скромномъ образѣ жизни, скопцы скоро разбогатѣли, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались значительными столичными капиталистами.

Въ Москву бѣлые голуби переселялись преимущественно изъ Тульской и Орловской губерній, * а въ Петербургъ

---

* Въ *Тульской* губерніи скопцы были въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ городахъ Тулѣ, Бѣлевѣ, Веневѣ, Ефремовѣ, Каширѣ (въ сельской подгородной слободѣ) и Новосилѣ; *Тульскаго* уѣзда, въ деревнѣ Рожественкѣ; *Алексинскаго*, въ селахъ Алешнѣ, Подмокломъ, Яковлевскомъ, Новояковлевскомъ, сельцахъ Костинѣ, Романовѣ, Азаровкѣ, Карпищевѣ, деревняхъ Витенкахъ и Новоселкахъ; *Бѣлевскаго* уѣзда, въ деревняхъ Величкой, Кожуровѣ, Черногрязкѣ, Горбуновой, Писковатой, Бѣляевой и Семьеновой; *Веневскаго* уѣзда, въ селахъ Урусовѣ, Брежневѣ, Настасинѣ, Баршинѣ, Городенцѣ, Петровѣ, Подлипкахъ, Крытовѣ, Тепломъ и деревняхъ Салковѣ, Княжовѣ, Бундуковѣ, Прудахъ, Хлоповѣ и Артемовкѣ; *Ефремовскаго* уѣзда, въ селѣ Киличинѣ; *Каширскаго* уѣзда, въ селахъ Масловѣ, (родина Александра Ивановича Шилова) Воскинкѣ, Мартемьяновѣ, сельцахъ Даниловскомъ и Хлоповѣ; *Новосильскаго* уѣзда, въ селѣ Нижней Залегощѣ и слободѣ Зарѣцкой. Хлысты не оскоплявшіеся: *Алексинскаго* уѣзда, въ селѣ Талежѣ, *Веневскаго*, въ селѣ Манылѣ и сельцѣ Крытомъ, *Каширскаго*, въ селѣ Зайцовѣ и деревнѣ Хлоповой.—Въ *Орловской* губерніи скопцы находились въ городахъ Ельцѣ, Болховѣ и Кромахъ; *Орловскаго* уѣзда, въ селахъ Краснопрудовкѣ, Сергіевскомъ, Архангельскомъ, Очкахъ, Дурновѣ, Никулинѣ и деревняхъ Квасовѣ и Щучьей; *Болховскаго* уѣзда, въ селахъ Парамоновѣ, Букинѣ, Селеховѣ, Смородинномъ, въ сельцѣ Кокоревѣ и деревняхъ Чашинѣ и Улановѣ; *Дмитровскаго* уѣзда, въ селахъ Дубровкѣ, Сумовѣ, Бородинѣ, Волковѣ, Мощанцахъ, сельцѣ Березовкѣ, въ деревнѣ Шарикиной; *Елецкаго* уѣзда, въ селѣ Черноѣскѣ; *Карачевскаго*, въ деревнѣ Богородицкой; *Кромскаго*, въ селѣ Кутафинѣ, сельцахъ Жиратинѣ, Пузневѣ и Верхнемъ Ѳедотовѣ и въ деревняхъ Шаховѣ, Шаракиной, Гнилуткѣ, Ѳедотовой, Новой-Ѳедотовой, Череповой, Бильдожкѣ, Нижней Ѳедотовой, Волковой и Красовкѣ; *Ливенскаго* уѣзда, въ селахъ Валовѣ, Васильевскомъ, въ селѣ намъ неизвѣстномъ, находящемся въ Должанской волости, въ сельцѣ Петровскомъ, въ деревняхъ Дубровкѣ, Кургинкѣ, Николаевкѣ; *Малоархангельскаго* уѣзда, въ селахъ: Гнилыхъ Плотахъ, Большихъ Плотахъ, Нетрубежѣ, Лескахъ, Легостевѣ, Бублинѣ, Луковцахъ, въ деревняхъ Гриневкѣ, Тросткахъ, Тельникской, Малыхъ Плотахъ, Игнатьевой,

изъ Сосновки, Моршанска и другихъ мѣстъ Тамбовской губерніи. *

Въ Москвѣ бѣлые голуби нашли готовые корабли. Обнаруженная въ царствованія Анны Ивановны и Елизаветы Петровны хлыстовщина (квакерская ересь) не была искоренена. У Сухаревой башни продолжалъ существовать домъ божій основанный христомъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ; въ Ивановскомъ и другихъ монастыряхъ оставались послѣдовательницы ученія людей божіихъ.

Сначала купецъ, потомъ капитанъ, Иванъ Максимовичъ Лугининъ (на Тульскомъ заводѣ котораго скопили Кондратій Селивановъ вмѣстѣ съ Андреемъ юродивымъ) изъ своего московскаго дома сдѣлалъ скопческую „сіонскую горницу". Здѣсь бѣлые голуби собирались для совершенія радѣній, здѣсь производились и оскопленія. Прикащикъ Лугинина считался главою московскихъ бѣлыхъ голубей. Самъ Лугининъ подозрѣвался въ принадлежности къ скопческой сектѣ, и не безъ основанія. Дѣйствительно, онъ былъ „скопецъ не оскопленный", то-есть хлыстъ. Весь домъ его былъ наполненъ хлыстами и скопцами. Чтобъ избавиться отъ подозрѣнія, капитанъ Лугининъ открыто содержалъ любовницу, которую знала вся Москва. Хитрость удалась: она избавила его отъ преслѣдованій главнокомандующаго въ Москвѣ фельдмаршала князя Прозоровскаго.

Способъ, употребленный коноводомъ московскихъ скоп-

Чашинѣ, Густой, Долженковѣ и Подкопаевой; *Мценскаго* уѣзда, въ селахъ Золотаревѣ, Арнаутовѣ, Старожевомъ, Зміевскомъ, Новодмитріевскомъ и сельцѣ Новой Слободкѣ; *Сѣвскаго* уѣзда, въ селахъ Чемлижѣ, Залипаевѣ и Новоямской слободѣ, въ деревнѣ Фащевкѣ и на Безугловомъ хуторѣ, что близъ деревни Юшиной. Хлысты не оскоплявшіеся, кромѣ названныхъ селеній, были въ деревняхъ Малоархангельскаго уѣзда, Непочатой и Саламатовкѣ; скопцовъ здѣсь замѣчено не было.

* Въ Тамбовской губерніи скопцы были въ городахъ Тамбовѣ, Моршанскѣ, Козловѣ и Усманѣ; *Тамбовскаго* уѣзда, въ селѣ Солдатской Вихляйкѣ и слободѣ Полковѣ; *Моршанскаго* уѣзда, въ селахъ Сосновкѣ, Верятинѣ, Атмановомъ Углу, Русскомъ, Аглеевѣ, Крюковѣ, Правыхъ Ламкахъ, Лѣвыхъ Ламкахъ, Рослаѣ, Дальней Дубровкѣ и въ подгородной слободѣ города Моршанска; *Козловскаго* уѣзда въ селахъ: Дегтянкѣ, Стежкахъ, Малыхъ Пупкахъ, Устьѣ и Новомъ Клекскомъ, *Усманскаго* уѣзда, въ селѣ Верхней-Байгорѣ и деревнѣ Березняговкѣ; *Борисоглѣбскаго* уѣзда, въ селахъ Уваровѣ и Шибраѣ.

повъ капитаномъ Лугининымъ съ цѣлью отвести глаза фельдмаршала, зорко смотрѣвшаго за мартинистами и другими тайными обществами въ Москвѣ, послужилъ урокомъ „неоскопленнымъ скопцамъ“ позднѣйшаго времени. Главными распорядителями скопческаго братства нерѣдко бывали и и теперь бываютъ не подвергнувшіеся уродованію. Ихъ иногда называли „духовными скопцами“. Въ случаѣ открытія скопческаго корабля, эти люди, чтобъ отвлечь отъ себя подозрѣніе, ссылались на то что имѣли любовницъ; являлись женщины и не по одной, а по двѣ и по три, признававшіяся въ связи съ руководителемъ скопческаго корабля; являлись даже дѣти рожденныя будто бы отъ незаконной ихъ связи. Другіе вѣнчались въ церквахъ и „для видимости“ жили въ одномъ домѣ со своими женами, да кромѣ того держали по квартирамъ на своемъ содержаніи женщинъ единственно ради отвлеченія отъ себя подозрѣній правительства. Это самая обыкновенная уловка неоскопленныхъ скопцовъ.

Разыскивая въ 1792 году въ Москвѣ мартинистовъ, князь Прозоровскій узналъ о скопческомъ кораблѣ Лугинина. Собравъ свѣдѣнія, впрочемъ весьма поверхностныя, онъ написалъ ко всесильному тогда Платону Александровичу Зубову, прося его доложить императрицѣ и просить ея разрѣшенія какъ поступить: „приказать ли слѣдствіе произвесть, или въ тайной экспедиціи, и что съ виновными въ томъ дѣлать, такъ какъ въ законахъ о семъ точнаго нѣтъ положенія“. * Зубовъ не отвѣчалъ. По крайней мѣрѣ отвѣта его князю Прозоровскому въ дѣлѣ не сохранилось.

---

* *Дѣло московскаго архива старыхъ дѣлъ* 22-го іюля 1792 г., по описи № 1. Вотъ письмо князя Прозоровскаго къ Зубову: „Милостивый государь мой Платонъ Александровичъ! Въ Москвѣ, по достовѣрному освѣдомленію, есть люди, наполненные весьма страннаго фанатизма и вреднаго общественнымъ правиламъ, которые дѣлаютъ себя скопцами и странную сію операцію производятъ раскаленнымъ ножомъ. Сколько здѣсь таковыхъ глупцовъ замѣчено, прилагаю записку, а главный сему заводчикъ есть прикащикъ Лугинина, и сія операція производится въ московскомъ домѣ Лугинина. Они же имѣютъ связь съ С.-Петербургомъ и Тамбовомъ. Зло сіе довольно распространяется и въ Калужской губерніи: нашелъ я въ моихъ деревняхъ двухъ крестьянъ, которыхъ и отдалъ на рѣшеніе судебныхъ мѣстъ, и въ тамошнихъ вотчинахъ моего (князя Волконскаго) деревняхъ примѣчается ихъ нѣсколько. А какъ распространеніе сего зла

Кромѣ дома Лугинина, московскіе скопцы въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій собирались въ слѣдующихъ домахъ:

1) купца Ѳедора Евсеевича Колесникова, жившаго съ братомъ своимъ, тоже скопцомъ, въ собственномъ домѣ, въ Мѣщанской части, въ приходѣ Троицы что въ Троицкомъ.

2) купца Василья Жигарева, жившаго въ Рогожской части на Таганской улицѣ, у котораго всѣ находившіеся въ услуженіи были оскоплены.

3) купца Андрея Тимоѳеева, жившаго за Серпуховскими воротами.

4) отставнаго солдата Александра Иванова, жившаго въ подмосковномъ селѣ Черкизовѣ.

Во всѣхъ этихъ домахъ производились оскопленія, почему

весьма безполезныя влечетъ за собою для государства послѣдствія, то весьма нужно оное пресѣчь, а наипаче источникъ онаго истребить. Но я, не начиная слѣдствія, за лучшее разсудилъ увѣдомить ваше превосходительство и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, чтобъ изволили доложить ея императорскому величеству, какъ повелѣно будетъ мнѣ въ семъ случаѣ поступить: приказать ли слѣдствіе произвести, или въ тайной экспедиціи, и что съ виновными въ томъ сдѣлать, такъ какъ въ законахъ о семъ точнаго нѣтъ положе- Ожидать буду на сіе рѣшенія вашего превосходительства, а между тѣмъ и при семъ случаѣ упомяну о истинномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности, съ коими я есмь, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга князь Александръ Прозоровскій. Іюля 22-го 1792 года. Петровскій дворецъ." Далѣе въ *дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ* 1792 г. № 1 читаемъ: „О начальникахъ оной секты, кто ея сектаторы, достовѣрно знать нельзя, потому что въ домѣ онаго Лугинина, кромѣ двухъ скопцовъ, никого нѣтъ, а самъ на заводѣ." Потомъ: „Скопцы дому отставнаго капитана Ивана Максимова Лугинина, который прежде былъ тульскій купецъ: Марко Екутовъ конторщикъ и Семенъ Ивановъ дворникъ — здѣсь въ домѣ; Романъ Шеметовъ поваръ — въ заводахъ съ барикомъ, Григорій Шеметовъ—въ Петербургѣ, Наумъ Васильевъ— въ отлучкѣ, Антипъ Григорьевъ — въ Тулѣ на фабрикѣ, Демидъ Астаховъ—въ Тулѣ на фабрикѣ, Евдокимъ Богатыревъ—въ Тулѣ на фабрикѣ. Той же секты, князя Волконскаго крестьяне, Михайло Ѳедоровъ съ братомъ—портные. Самъ капитанъ Лугининъ скопецъ ли? Не скопецъ, а имѣетъ на содержаніи дѣвку." Изъ названныхъ скопцовъ Шеметовъ, Астаховъ и Богатыревъ въ послѣдствіи были богатыми людьми въ Петербургѣ.

названные домохозяева и назывались въ средѣ бѣлыхъ голубей „мастерами“. У Колесникова была главная моленная. Она была устроена подъ поломъ, и дневнаго свѣта въ ней никогда не бывало. Надъ этою моленной устроенъ былъ горнъ или большая печь, въ которой раскаляли скопческій ножъ, называемый „булатнымъ мечемъ“; въ ней же сожигали тѣла тѣхъ, которые, не перенеся оскопленія, умирали. * Колесниковъ былъ очень богатый купецъ, онъ торговалъ преимущественно пушнымъ товаромъ. Его знали наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, знала и сама императрица. Находился ли онъ въ какихъ-либо сношеніяхъ съ мартинистами, не знаемъ, но князь Прозоровскій въ 1792 году доносилъ что онъ изъ числа масоновъ и придерживается правиламъ близкимъ къ масонству. Екатерина поэтому и называла Колесникова масономъ. Названіе это такъ и осталось за нимъ. Въ послѣдствіи его даже въ офиціальныхъ бумагахъ называли Масоновымъ. Выше было сказано, что этотъ Колесниковъ ѣздилъ въ Сибирь, и возвратясь оттуда, сказалъ Павлу Петровичу, уже императору, о Селивановѣ, котораго называютъ Петромъ III. Сказано было и о томъ какъ Колесниковъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. По освобожденіи онъ поселился въ Москвѣ и жилъ въ ней безвыѣздно, съ каждымъ годомъ наполняя свой корабль новыми „убѣленными“, для чего прибѣгалъ даже къ насиліямъ. **

---

* *Дѣло московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ объ открывшихся въ Москвѣ скопцахъ*, 1806 г., № 14.

** Въ 1806 году коллежскій совѣтникъ Александръ Сухово-Кобылинъ представилъ при объявленіи въ московскую полицію крестьянина своего, Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда, деревни Грязновки, Сергѣя Михайлова Салтыкова, назначеннаго имъ за дурное поведеніе къ отдачѣ въ военную службу. Салтыковъ оказался оскопленнымъ. Ему было тогда 27 лѣтъ, онъ былъ женатъ, имѣлъ сына и дочь. Онъ разказалъ московскому военному губернатору Беклешову слѣдующее: „по торговлѣ познакомился онъ въ Москвѣ съ купцомъ Ѳедоромъ Евсеевымъ Масономъ. Пріѣхавъ въ 1803 году изъ Петербурга съ пушнымъ товаромъ отъ своего хозяина, петербургскаго купца Григорья Алексѣева, Салтыковъ былъ у Масона, и этотъ сталъ уговаривать его „убѣлиться“. На вопросы Салтыкова что̀ значитъ убѣлиться, Масонъ, обѣщая изъяснить это, пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Это было около

Въ Ригѣ скопческій корабль, основанный Александромъ Шиловымъ во время заключенія его въ Динаминдской крѣпости, состоялъ преимущественно изъ солдатъ мѣстнаго гарнизона и квартировавшихъ въ городѣ войскъ. Онъ собирался въ домѣ скопца чиновника 14 класса Михаила Антоновича Пищулина. Этотъ Пищулинъ, служившій въ рижской полиціи надсмотрщикомъ за дорогами и мостами, по переводѣ Шилова въ Шлиссельбургъ, сдѣлался кормщикомъ рижскаго корабля. Домъ Пищулина находился въ Московскомъ

Успенья дня (15-го августа) 1803 года. Масонъ всегда произносилъ духовныя слова, говоря Салтыкову: „надобно уподобиться ангеламъ безплотнымъ и для того умертвить свою плоть и очистить чувствія". Поэтому я и обольстился, разказывалъ Салтыковъ, тѣмъ болѣе, что прежде отъ родителей былъ всегда водимъ въ набожности. Поэтому я съ охотою пошелъ къ Масону. Масонъ, когда пришелъ къ нему Салтыковъ, какъ человѣка заѣзжаго, уговаривалъ его остаться у него ночевать. Салтыковъ согласился. Весь вечеръ хозяинъ уговаривалъ своего гостя убѣлиться, говорилъ много изъ Священнаго Писанія, и по словамъ Салтыкова, „пророчествовалъ неудобопонятное, что̀ меня весьма смущало". Послѣ того они пили кофей и ужинали. Въ самую полночь, продолжалъ Салтыковъ, Масонъ повелъ меня въ такъ-называемую моленную, которая у него подъ поломъ въ землѣ, и въ которой дневнаго свѣта не бываетъ. Тутъ было въ собраніи мущинъ и женщинъ человѣкъ до пятидесяти, всѣ въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ. Масонъ совершилъ обрядъ своего служенія, вертясь одинъ по серединѣ комнаты до усталости, между тѣмъ какъ другіе сидѣли вокругъ на стульяхъ, ударяя въ то же время ногами по полу, а руками по колѣнямъ „въ означеніе первымъ пребыванія Христа вездѣсущаго, а прочихъ окружающихъ его топаніемъ и плесканіемъ летанія ангеловъ и Святаго Духа вокругъ него. При чемъ онъ, упоясь, якобы Святымъ Духомъ, паки пророчествовалъ". Послѣ того женщины и нѣкоторые мущины вышли изъ моленной, осталось въ ней восемь человѣкъ. Масонъ сталъ повторять Салтыкову, что ему надо убѣлиться, а Салтыковъ опять спрашивалъ: что̀ это значитъ? Масонъ сказалъ: „теперь-то и настало время узнать", и велѣлъ ему раздѣваться. Салтыковъ едва успѣлъ спросить: для чего? какъ его схватили, одинъ схватилъ его сзади, другой завязалъ платкомъ глаза, а ротъ зажалъ подушкой. Тутъ его и оскопили раскаленнымъ ножомъ.... „Я былъ безъ чувствъ около трехъ часовъ и за тѣмъ былъ болекъ восемь дней, продолжалъ разказывать Салтыковъ. Въ это время Масонъ и братъ его Тимоѳей уговаривали меня дать присягу принять ихъ вѣру и никому объ нихъ не открывать. Въ такомъ только случаѣ, говорили они, рана заживетъ, иначе ты умрешь. Бывъ въ несносной тоскѣ и

форштатѣ, на Каменной улицѣ у Каменнаго столба. Кромѣ его, въ Ригѣ скопцы собирались въ домѣ тамошняго купца Ивана Васильевича Мацкова, на улицѣ Романовкѣ, и у богатыхъ мѣщанъ: Емельяна Пахомова и Якова Яковлева. *

Это были самые большіе скопческіе корабли того времени, но главнѣйшій находился въ Петербургѣ. Онъ образовался въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, преимущественно изъ сосновскихъ и моршанскихъ выходцевъ. Петербургскій корабль особенно усилился съ 1797 года, когда скопцы заключенные въ крѣпостяхъ и сосланные въ Сибирь по повелѣнію императора Павла Петровича получили свободу, кромѣ повредившихся въ разсудкѣ. Они собрались въ Петербургѣ, ожидая обѣтованнаго пришествія отца-искупителя. Искупитель, какъ мы знаемъ, не замедлилъ.

Во главѣ петербургскаго корабля стояли Сидоръ Яковлевичъ Ненастьевъ и братъ его Иванъ. Не знаемъ откуда они родомъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія принадлежали они къ купеческому сословію Выборгской губерніи, тогда входившей еще въ составъ Имперіи. Сидоръ Ненастьевъ, его жена, особенно же дочь его дѣвица Вѣра Сидоровна были люди благочестивые и чрезвычайно набожные, усильно искавшіе духовнаго свѣта, возрожденія и спасенія и дошедшіе до хлыстовщины. ** Семейство Ненастьевыхъ дошло и до скопчества.

сильномъ страхѣ, а приялъ ихъ присягу....“ Салтыковъ упоминалъ что онъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ скопленій. „Во всякое воскресенье и торжественные праздники, говорилъ онъ, товарищество сходится въ моленную, и по большей части бываетъ всякій разъ скопленіе, не только одному, но нерѣдко двумъ и тремъ человѣкамъ. При мнѣ оскоплялн въ Москвѣ у Масона одного, въ Петербургѣ у Кострова дважды, въ Ригѣ у Пищулина одного.“ Сказалъ Салтыковъ и про отца-искупителя: „въ Петербургѣ, говорилъ онъ, находится первый или глава ихъ секты, подъ именемъ Петра Ѳедоровича, называющагося государемъ, Іисусомъ, сыномъ божіимъ, который иногда живетъ у купцовъ Ненастьевыхъ, Кострова и Огородникова, а временемъ неизвѣстно гдѣ.“

* *То же дѣло.* Въ 1844 г. скопецъ Пищулинъ уже въ чинѣ губернскаго секретаря служилъ смотрителемъ казармъ въ Гатчинѣ.

** Такъ выражается о нихъ г. Сушковъ со словъ московскаго митрополита Филарета, коротко и близко знавшаго петербургскихъ хлыстовъ и находившагося съ нѣкоторыми изъ нихъ (княземъ А. Н. Голицынымъ, тайнымъ совѣтникомъ В. М. Поповымъ, А. Ѳ. Лабзинымъ и др.) въ дружескихъ отношеніяхъ. Сушкова *Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго*, стр. 75.

Не знаемъ навѣрное, былъ ли убѣленъ Сидоръ Яковлевичъ, но въ его домѣ происходили радѣнія съ участіемъ бѣлыхъ голубей, въ его домѣ долго жилъ Кондратій Селивановъ, въ его домѣ производились оскопленія. „Благочестивое“ семейство Ненастьевыхъ находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ набожными монахами Александро-Невской лавры, Зеленецкаго и другихъ монастырей, гдѣ также появилась хлыстовщина и даже скопчество. Имѣло это семейство короткія знакомства и съ набожными людьми высшаго сословія. Вѣра Сидоровна въ послѣдствіи сдѣлалась пророчицей въ хлыстовскомъ кораблѣ, образовавшемся въ Михайловскомъ дворцѣ, что нынѣ Инженерный замокъ. Самый корабль г-жи Татариновой, по свидѣтельству г. Сушкова, писавшаго по словамъ Филарета митрополита московскаго, произошелъ изъ корабля Ненастьевыхъ.

Корабль Ненастьевыхъ находился въ собственномъ домѣ Сидора Яковлевича въ Старо-конюшенной улицѣ (нынѣ Басковъ переулокъ) близъ артиллерійскихъ казармъ. Послѣ Ненастьевыхъ домъ этотъ принадлежалъ Брилину. Кому теперь принадлежитъ не знаемъ. *

Скопческій корабль въ Петербургѣ собирался еще въ домѣ купца изъ бѣлыхъ голубей Андрея Ивановича Кострова. Костровъ былъ женатъ (для вида) на Афросиньѣ Софоновнѣ, меньшой дочери „Андрея Первозваннаго“ (такъ скопцы величали первооскопившагося сосновскаго крестьянина Софона Авдѣева Попова, по освобожденіи изъ заточенія сдѣлавшагося инокомъ православнаго Зеленецкаго монастыря). На ея имя и домъ былъ записанъ. Онъ петербургскими хлыстами и скопцами назывался „Рождественскимъ монастыремъ“. Сюда нерѣдко пріѣзжала изъ Мортанска переселившаяся туда послѣ ссылки отца старшая сестра ея Анна Софоновна, считавшаяся богородицей.

Кромѣ того, въ Петербургѣ бывали собранія людей божіихъ и бѣлыхъ голубей въ домахъ Алексѣя Даниловича Огородникова, Красниковыхъ, Артамонова и Добрецова. Всѣ они сами были скопцы.

---

* *Въ дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ*, 1806 г. № 14, сказано что домъ Ненастьева былъ у Шести Лавочекъ, то-есть близъ нынѣшней Надеждинской, прежде Шестилавочной улицы. Басковъ переулокъ пересѣкаетъ Шестилавочную или Надеждинскую улицу.

Въ то время скопцовъ только извѣстныхъ крестьянину Салтыкову въ Москвѣ, Петербургѣ и Ригѣ было тысячъ до пяти. А сколько было ему неизвѣстныхъ? Сколько было ихъ по другимъ мѣстамъ: въ Кронштадтѣ, въ Тамбовской губерніи, въ Орловской, въ Тульской, въ Калужской и въ другихъ?

XIV.

Съ петербургскими хлыстами и скопцами въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія сблизился Алексѣй Михайловичъ Еленскій. Родомъ Полякъ, камергеръ послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго, онъ послѣ третьяго раздѣла Польши былъ, въ 1794 году, переименованъ въ статскіе совѣтники русской службы и получилъ пенсію въ пятьсотъ рублей изъ кабинета. Сумма по тому времени довольно значительная. Не знаемъ былъ ли онъ до того православнымъ или принялъ наше исповѣданіе сдѣлавшись уже русскимъ статскимъ совѣтникомъ, но къ началу нынѣшняго столѣтія находимъ его не только уже православнымъ, но и живущимъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ особой квартирѣ, отведенной ему митрополитомъ Амвросіемъ. * Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ совершенно, какъ увидимъ изъ приведенныхъ ниже отрывковъ его сочиненій. Когда и при какихъ обстоятельствахъ поступилъ Еленскій въ скопчество, не знаемъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ былъ уже самымъ виднымъ, самымъ почетнымъ и самымъ вліятельнымъ членомъ петербургскаго корабля. **

---

* Самого Амвросія ужь ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ сочувствіи къ какой бы то ни было мистической или тайной сектѣ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ. (См. мою статью *Изъ прошлаго*, напечатанную въ № 4 *Русскаго Вѣстника* за 1868 годъ.)

** Катерина Филипповна Татаринова, урожденная Буксгевденъ, основательница хлыстовскаго корабля въ Михайловскомъ дворцѣ, совратилась въ хлыстовщину изъ лютеранства въ западныхъ губерніяхъ (Гродненской и Виленской) гдѣ мужъ ея, служившій въ военной службѣ, стоялъ съ полкомъ. Племянникъ ея мужа (сынъ его сестры) Полякъ, маіоръ, а потомъ статскій совѣтникъ Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, находившійся въ кораблѣ своей тетки, былъ изъ Гродненской губерніи. Вдова маіора польской службы Анна Францъ, находившаяся въ томъ же кораблѣ, была изъ Виленъ-

Когда Селивановa привезли въ Петербургъ, скопцы ободрились и пришли въ сильное движеніе. Обѣтованіе отца-искупителя исполнилось, онъ воротился къ своимъ дѣтушкамъ, онъ воскресъ. Въ цухтгаузѣ Обуховскаго дома Селивановъ принималъ ихъ посѣщенія, здѣсь познакомился съ нимъ Еленскій, увѣровалъ въ его божественность, и оскопившись, самъ сталъ скопить членовъ петербургскаго корабля. Его стараніямъ, его происканъ Кондратій Селивановъ былъ обязанъ освобожденіемъ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря.

Селивановъ жилъ сначала въ домѣ Ненастьева. Здѣсь на радѣніяхъ стали отдавать ему божескія почести. Настало „златое время воскресенія", говорили бѣлые голуби.

Полиція знала обо всемъ что дѣлается въ домѣ Ненастьева, знала что тамъ живетъ прощеный ссыльно-каторжный, котораго считаютъ живымъ богомъ и императоромъ Петромъ III. Она знала что число бѣлыхъ голубей съ каждымъ годомъ значительно умножается въ Петербургѣ, что въ Кронштадтѣ образовался другой корабль, находившійся въ зависимости отъ петербургскаго и считавшій въ числѣ своихъ членовъ не только матросовъ, но даже офицеровъ. Никакихъ однако мѣръ для пресѣченія распространяющагося зла предпринимаемо не было. Въ то время еще не существовало никакихъ узаконеній противъ скопчества, на эту секту смотрѣли снисходительно, на основаніи принципа вѣротерпимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ своего царствованія, желалъ религіозныя заблужденія устранять единственно мѣрами кротости, мѣрами церковнаго назиданія, убѣжденія, вразумленія и предоставилъ это дѣло духовенству. Но духовенство оказалось дѣятельнымъ и строгимъ лишь въ отношеніи поповщины, секты самой близкой къ церкви, не хотѣвшей

ской губерніи. Еленскій былъ оттуда же: ближайшіе его родственники владѣли имѣніями Гнилушка и Великій Дворъ въ Виленскомъ, Окнисты въ Вилькомірскомъ, Резге въ Ковенскомъ уѣздахъ и другими. Можетъ-быть, Еленскій еще на своей родинѣ вступилъ въ сектаторское общеніе съ названными лицами и одновременно переселился съ ними въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Ненастьевыми, а посредствомъ ихъ и съ Кондратьемъ Селивановымъ, и затѣмъ сблизилъ Вѣру Сидоровну Ненастьеву съ своею теткой Татариновой.

только зависимости своихъ поповъ отъ православныхъ архіереевъ. Чѣмъ болѣе удалялась отъ православнаго ученія какая-либо религіозная секта, тѣмъ большею снисходительностью она пользовалась. Хлысты и скопцы, какъ усердно исполняющіе обряды православной церкви, какъ щедрые прихожане, украшавшіе церкви иконостасами и колоколами и платившіе священникамъ за требы большими суммами, считались усердными сынами православія. Въ духовенствѣ, особенно изъ высшихъ лицъ, они постоянно находили защиту. Хлыстовщина и даже скопчество процвѣтали въ самихъ монастыряхъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи священники и іеромонахи уклонялись въ хлыстовщину, иные даже скопились. * Скопецъ и скопитель камергеръ Еленскій пользовался квартирой и содержаніемъ въ Александро-Невской лаврѣ, и живя подъ самыми митрополичьими покоями писалъ свой проектъ объ учрежденіи въ Россіи theократическаго правленія, съ тѣмъ чтобы скопческіе пророки возвѣщали императору и правительственнымъ лицамъ волю самого Бога. При такомъ положеніи дѣлъ нечего было и думать о рѣшительныхъ мѣрахъ къ пресѣченію зла, распространявшагося съ каждымъ годомъ.... „Какъ уже по многимъ опытамъ извѣстно, писалъ въ іюнѣ 1806 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, московскому военному губернатору Беклешову, что заблужденія сего рода формальными слѣдствіями и публичными наказаніями не только не пресѣкаются, но и болѣе еще усиливаются, то и найдено болѣе удобнѣйшимъ употребить прежде всего кроткія средства: убѣжденія и вразумленія.“ **

Такое снисхожденіе правительства бѣлые голуби объясняли особымъ покровительствомъ ихъ сектѣ императора Александра Павловича. Въ одной скопческой рукописи такъ говорится о царствованіи этого государя: „Во славной Россіи красно солнышко появилось и вся вселенная удивилась

---

* Не далѣе какъ въ 1867 году всѣ иноки Святогорскаго монастыря Харьковской епархіи, считавшіеся самыми благочестивыми и набожными, оскопились.

** *Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея* къ *генералу отъ инфантеріи Беклешову* 5-го іюня 1806 года, № 430, въ *дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ*, 1806 г., № 14.

что благоволитъ тайный синодъ до своихъ вѣрныхъ сиротъ, что оно (солнышко, то-есть императоръ Александръ Павловичъ) чудо творило, съ сыномъ божьимъ говорило (въ Обуховскомъ домѣ). Скоро радость намъ сотворится со восточной стороны.... Скоро намъ другая такая радость сотворится: со восточной стороны сынъ божій прикатится въ златой колесницѣ, а вокругъ райскія птицы распѣваютъ гостю дорогому пѣснь нову."

XV.

Злоупотребляя снисходительностью правительства, петербургскіе скопцы затѣяли такое дѣло, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ дикіе вымыслы ихъ о сынѣ божіемъ Петрѣ III. До сихъ поръ сказки ихъ о Кондратьѣ Селивановѣ не выходили изъ ихъ кораблей, сохранялись въ большой тайнѣ, такъ что вновь поступающіе въ ихъ общество не вдругъ ихъ узнавали. Теперь скопцы замыслили поставить своего отца-искупителя во главѣ правительства Русской имперіи, съ тѣмъ чтобъ императоръ Александръ Павловичъ, оставаясь въ санѣ верховнаго правителя, дѣйствовалъ бы не иначе какъ по велѣніямъ самого Бога, который будетъ проректъ волю свою устами скопческаго „настоятеля, боговдохновеннаго сосуда, въ которомъ полный Духъ небесный Отцомъ и Сыномъ присутствуетъ" (то-есть Кондратья Селиванова).

Первые годы нынѣшняго столѣтія были годами внутреннихъ преобразованій. Старыя учрежденія петровскія и екатерининскія упразднялись, на мѣста ихъ являлись новыя министерства, совѣты, канцеляріи. Самъ государь принималъ личное участіе въ преобразовательныхъ работахъ, раздѣляя труды съ молодыми любимцами своими: гр. П. А. Строгановымъ, Н. Н. Новосильцевымъ и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ: главнымъ дѣятелемъ былъ Сперанскій. Было общее убѣжденіе что на этомъ дѣло не остановится, что будутъ измѣнены самые основные законы государства. Новосильцевъ, жившій передъ тѣмъ долгое время въ Англіи и изучившій тамошнее государственное устройство, стремился ко введенію его въ Россіи. Императоръ Александръ Павловичъ раздѣлялъ его мнѣнія, но

желалъ чтобъ измѣненіе государственнаго строя произошло постепенно. Объ этомъ знали въ Петербургѣ и по провинціямъ, и разными лицами присылаемы были Новосильцеву проекты о новомъ государственномъ устройствѣ. И вотъ, въ числѣ такихъ проектовъ, въ мартѣ 1804 года онъ получилъ проектъ Еленскаго, объ учрежденіи „божественной канцеляріи“ и объ установленіи въ Россіи ѳеократическаго правленія, причемъ бы скопческіе и хлыстовскіе пророки, какъ пророки дней Израиля, были посредниками между Богомъ и русскимъ императоромъ. При проектѣ представлена была особая рукопись подъ заглавіемъ: *Извѣстіе на чемъ скопчество утверждается.*

Мысль введенія въ Россіи скопческо-ѳеократическаго правленія едва ли принадлежала самому Селиванову. Ему въ то время было уже семьдесятъ пять лѣтъ, онъ былъ старикъ вялый, неповоротливый, больной, лежалъ больше въ постели, ни на сколько не имѣлъ энергіи и при томъ былъ близокъ къ помѣшательству. Ему ли быть изобрѣтателемъ такого проекта? Вѣроятно, эта затѣя принадлежала Еленскому. Человѣкъ образованный, начитанный, знавшій, какъ видно изъ его сочиненій, Священное Писаніе, имѣвшій по своему камергерству довольно видное положеніе въ высшемъ обществѣ, проведя съ Селивановымъ болѣе полутора года въ постоянныхъ, ежедневныхъ почти сношеніяхъ, Еленскій увѣровалъ въ его святость, въ его божественное происхожденіе и вздумалъ поставить его во главѣ правленія. Селивановъ и теперь, какъ и въ послѣдствіи, былъ только игралищемъ въ рукахъ ловкихъ людей. Впрочемъ, нельзя полагать чтобъ Еленскій писалъ свое *Извѣщеніе* съ какою-нибудь лукавою цѣлью. Искренность его трактата не подлежитъ сомнѣнію. Увлекшись мистицизмомъ и дойдя до хлыстовщины, даже до скопчества, онъ былъ убѣжденъ въ божественности Селиванова, и что̀ ни писалъ, писалъ искренно. На его проектъ надо смотрѣть какъ на плодъ разстроеннаго мистицизмомъ духа, а не какъ на обманъ.

Какъ бы то ни было, въ началѣ 1804 года проектъ былъ написанъ, а въ мартѣ, черезъ Новосильцева, представленъ императору Александру Павловичу. *

---

* Вотъ письмо Еленскаго къ Новосильцеву, при которомъ онъ представилъ свой проектъ: „Ваше превосходительство, милостивый

Еленскій имѣлъ въ Петербургѣ связи съ нѣкоторыми лицами тогдашняго высшаго общества, особенно съ тѣми что подпали вліянію бывшаго тогда въ модѣ и съ каждымъ годомъ усиливавшагося мистицизма. Онъ близокъ былъ и съ масонами. Кажется, были люди и не принадлежавшіе къ хлыстовщинѣ или къ скопчеству, которые смотрѣли на затѣю Еленскаго не какъ на сумасбродство. Въ письмахъ мистиковъ того времени, вовсе непричастныхъ къ хлыстовско-скопческимъ кораблямъ, встрѣчаются мысли о ѳеократическомъ образѣ правленія.

Въ *Извѣстіи на чемъ скопчество утверждается* Еленскій старается доказать что хлысты и скопцы суть истинные христіане, сохранившіе все преподанное Іисусомъ Христомъ, между тѣмъ какъ прочіе называющіе себя христіанами, отверглись живаго Бога, отверглись Духа и все основываютъ на мертвыхъ книгахъ, на преданіяхъ и обрядахъ. Мысль та же что была высказана еще саваѳомъ Даніилой Филипповичемъ. Вотъ выдержки изъ *Извѣстія* камергера Еленскаго:

„Первоначально, избранный народъ Божій, Евреи, правимъ былъ самимъ Господомъ, изрекавшимъ волю свою устами пророковъ. Такъ было при Моисеѣ, при судіяхъ и при царяхъ израильскихъ. Между тѣмъ написались книги, усилилось священство и пренебрегло пророками. Тѣмъ отвергло оно гласъ небесный, довольствуясь однѣми книгами Моисевыми и пророческими, составило законы, обряды, уставы и приняло за правила преданія отцовъ. Это дѣлали священники для достиженія чести и славы, отметая славу

государь! Предстою вамъ, яко *таинственно возрожденному* и по сердцу цареву избранному мужу, поднося сокровище таинственное на прославленіе истины Господней и на возвышеніе возлюбленнаго отечества, Россъ Мосоха именуемаго, а самъ для себя ожидаю или Даніила пророка участи многотрудной, или Іереміи печальной, либо Іоанна Крестителя скоро отрадной, однако неустрашимо тайно, въ тайну цареву проливая, на десницу вашего превосходительства посягаю, яко желаю быть вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя, преданнѣйшимъ слугою, Алексѣй Еленскій, марта дня 1804 года." Это письмо, равно какъ и двѣ записки представленныя Новосильцеву Еленскимъ, напечатаны въ 4-й книжкѣ *Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей* на 1867 годъ. Принадлежащій мнѣ списокъ (полученный въ 1852 году отъ покойнаго Надеждина) нѣсколько короче напечатаннаго.

Божію; когда же являлись глаголавшіе Духомъ Святымъ пророки—ихъ гнали и убивали. Израильское священство вознеслось, и архіереи стали править народомъ іудейскимъ безъ небесныхъ вождей (пророковъ) и безъ земныхъ царей. Израиль лишился живаго Бога. Стали руководствоваться однѣми книгами закона, вся вѣра заключилась въ одномъ обрядѣ.... Тогда Отецъ свѣтовъ, видя на земли гладъ слова Божія, послалъ въ міръ Сына своего Іисуса Христа. Своимъ ученіемъ Сынъ Божій освободилъ людей отъ суетныхъ отеческихъ преданій, отъ обрядовъ, отъ суевѣрія, отъ невѣрія, отъ плотской жизни по Адамѣ, отъ наружной мудрости, отъ плотоугодія, даже самое плотское родство ни во что вмѣнилъ, говоря: „Кто есть мати моя, и братія моя и сестры? Сіи, иже „слушаютъ слово Божіе и сотворятъ е.“ Онъ же сказалъ: „Со„блазняющіе уды отсѣки“....

„Наученные самимъ Богомъ, истинные христіане отъ временъ апостольскихъ скрывали пророчество въ тайнѣ. Въ ихъ собраніяхъ былъ тотъ порядокъ, что предписанъ апостоломъ Павломъ въ 14 главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ. Такъ и нынѣ это бываетъ въ нашей *тайной церкви*, гдѣ хранится Новый Завѣтъ не письменный, но духовный, ибо письмо убиваетъ, а Духъ животворитъ, по слову апостола.

„Между тѣмъ христіане, привыкшіе къ обрядамъ мірскимъ, идолопоклонническимъ, и сами какъ древніе Евреи стали составлять обряды и основывать дѣла вѣры на законѣ, а не на Духѣ. Такимъ образомъ они во всемъ уподобились древнему Израилю—лишились живаго Бога, лишились гласа небеснаго устами пророческими возвѣщающаго, лишились таинствъ Святаго Духа, стали водиться книгами, а не Духомъ.... Священники назвались преемниками апостоловъ, но дѣлами чужды имъ. Они уподобились жрецамъ, книжникамъ и фарисеямъ, кои взяли ключъ разумѣнія, сами въ царство Божіе не входили и входящимъ запрещали внити. Такъ низко и дешево сдѣлалось христіанство, что теперь всѣ богоотступники и злѣйшіе міра любители, блудники, пьяницы, христіанами нарицаются, а сначала христіане были подъ названіемъ „святые“ и „сынове Божіи“ нарицались. Удалясь живой съ дѣлами вѣры, стали довольствоваться обрядами, преданіемъ святыхъ отецъ, дабы какъ можно побольше читать книги, сдѣлали духовный законъ, машинальное моленіе. И все то основано соборами на клятвахъ. Отъ сего санъ церковный, то-есть духовенство, только одеждами отличается отъ міра.

„Мы, истинные послѣдователи Христу (то-есть скопцы и хлысты)—родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, Бога боящіеся, царя почитающіе, властямъ покоряющіеся, воздающіе дани и оброки и исполняющіе рачительно службы яко на дѣлѣ видѣть можно, не воздаемъ зло за зло, ниже досажденіе за досажденіе.... Общество наше возрастаетъ на истинныхъ словахъ Христовыхъ: „Никто же

„пріидетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой небесный привлечетъ.“ Тако собраны отъ всѣхъ странъ земли не человѣками, но самимъ Святымъ Духомъ: „Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и „гласъ его слышите, но не вѣсте, откуда пришелъ и камо „идетъ“; тако и человѣкъ отъ Бога рожденный. Чиновный и простой—вси единочадцы Отца Свѣтовъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и такъ покорены волѣ Отца небеснаго, яко никто имущество свое своимъ именуетъ, но вся Бога Отца, а не наше“. И ежели есть что чистаго и цѣломудреннаго, то также не наше, а Божіе дѣйствіе, а наши собственныя только слабости и немощи, которыми во плоти обложены есмы. Наша должность отдать себя на волю Божію, а его сила въ немощѣхъ нашихъ совершается.

„Сбираясь на слово Божіе, стараемся быть всѣ примиривтіеся Богу въ единовѣріи и единодушіи, въ любви нелицемѣрной, въ простотѣ сердца. О чемъ молимся никогда напередъ не знаемъ, но Духъ Божій за кого и какъ молиться и постится прикажетъ, то только и стараемся сердечно воздыханіями неизглаголанными исполнять. Обрядное же моленіе не есть въ употребленіи. Книгъ никакихъ не употребляемъ, но ихъ не чуждаемся; ибо разумѣемъ, что всѣ книги написаны тѣмъ Духомъ Святымъ, который съ нами есть. А онъ, истинный, самъ живая книга, а въ книгахъ Духа нѣтъ, тамъ бумага и чернила. Мертвыя буквы ради мертвыхъ книжниковъ и фарисеевъ. Всѣ книги не ради Бога, но ради человѣковъ, а человѣкъ долженъ быть книга Божія.

„Занимаемся таинственными псалмами, пѣніемъ сіонскихъ пѣсней, кои на землѣ чуждей не поются: тимпаны, гусли, струны и органы подвигаемъ яко Давидъ предъ кивотомъ Господнимъ былъ скачущій, и играющій, и плясающій, а когда Мелхола безумная посмѣялась, то онъ и паче скакаше и играше. Такъ и нынѣ та же Мелхола смѣется намъ и поноситъ, а рабы Божіи въ дому Давидовомъ и паче скачутъ и играютъ, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные. Пасха всечестная съ нами всегда пребываетъ.

„Да и то есть въ мірѣ яко на кроткаго Давида и избраннаго по сердцу мужа и царя Израильтянъ простой мужикъ, Семей, каменіе мещетъ и ругаетъ, и поноситъ. Но той же избранный Давидъ, который умѣетъ грѣхи давить, мимо идетъ и молчаливо терпитъ. Терпѣнія потребу имите, да волю Божію сотворите. Нѣсть Богъ въ разжиганіи, нѣсть Богъ въ гордости, нѣсть Богъ въ пьянствѣ, въ сквернословіи и буесловіи, но въ Дусѣ тонкомъ и чистомъ. Тамъ Богъ пребываетъ и благодать его святая почиваетъ. А въ доказательство: приходили ко Христу всѣ окаянные грѣшники, но познавши его и услыхавши о единомъ крещеніи во оставленіе грѣховъ, не обратились въ прежнія дѣла свои, но во святости пребывали, подражая своему Учителю. Павелъ апостолъ еще сильнѣе подтверждаетъ, говоря: „аще нѣкій братъ именуемъ

„будетъ блудникъ или лихоимецъ, или идолослужитель, или „досадитель, или піяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже „ясти“. Напослѣдокъ: „не льстите себе, ни блудницы, ни „идолопоклонницы, ни досадители, ни прелюбодѣи, ни лихоим„цы, ни татіе, ни піяницы царствія Божія не наслѣдятъ, и „сими убо нѣціи бѣсте, ни освятистеся, но оправдистеся име„немъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога наше„го“. Вотъ гдѣ можно найти антихриста и истиннаго христіанина съ плодами вѣры, а вѣрно: „сія глаголя, и намъ досаждаеши“?

„Сіе не тайна: всякій, возвратясь на древность, можетъ видѣть какъ устроился законный обрядъ, какъ покорился суевѣрію, и когда лишились благодати Святаго Духа, по Новому Завѣту устами пророкъ гласившаго, какъ, сдѣлавшися пустовѣрами, впали въ ереси, свары, здоры, споры и расколы; раздѣлилися Греки съ Римлянами и Армянами, Римляне съ лютеранами, лютеране съ кальвинами. А сколько еще мелкихъ ересей и несогласій во всякой религіи и въ каждомъ царствѣ находится! И числа имъ нѣтъ, а всѣ они, бывши плотскаго земнаго мудрствованія, ненавидятъ истинныхъ духовныхъ людей, которые въ тайнѣ отъ Еммануила питаются манною небесною. Убилъ плотской Каинъ духовнаго Авеля, гналъ плотской Исавъ духовнаго Іакова! И ближе видѣть можно: по наущенію архіереевъ, народъ вопіялъ: „Распни, „распни! разбойника Варавву отпусти, а Христа распни!“ Такъ и нынѣ дѣйствуется съ духовными людьми отъ ненависти плотскихъ міролюбителей.

„Правда неоспоримая что нужны явныя церкви. Нужны обряды, нужно священство ради плотскихъ людей, кои земные и земному, видимому прилѣпляются. Такъ было во всѣхъ языцѣхъ и во всемъ мірѣ, такъ и нынѣ есть. Но только бы питающихся духомъ небеснымъ, истинныхъ христіанъ, оставили болѣе свободными отъ суевѣрія; ибо, по свидѣтельству Новаго Завѣта, слѣдовало бы въ истинные разумы пріити и воззрѣть кто кого насильно можетъ спасти. Чѣмъ болѣе было гоненій на рабовъ Божіихъ, тѣмъ болѣе они умножалися во всѣхъ странахъ. „Аще изгнаша мя, изженутъ и васъ; аще бысте отъ „міра были, любилъ бы міръ своя, а яко нѣсте отъ міра, затѣмъ „ненавидитъ васъ міръ. Пріидетъ время, егда убіютъ васъ „и будутъ думать яко службу Богу приносятъ.“ Такъ съ нами мірское земное священство поступаетъ, ненавидя истиннаго духа Христова. Воззри аще не тую ли власть составляетъ на земли духовенство, о которой пространно свидѣтельствуетъ Евангеліе: „На сѣдалищѣ Моисеевѣ сѣдоша книжницы и фа„рисеи“? А затѣмъ: „Небо и земля мимо идутъ, а словеса Господни не прейдутъ.“ Гдѣ законъ тамъ нѣсть благодать Святаго Духа, а гдѣ нѣтъ духа Христова, тамъ нѣтъ ни единой добродѣтели духовной, ни истинной любви Божіей, ни кротости, ни смиренія, ни воздержанія, ни любви ближняго.

„Сіе заповѣданіе Господа Іисуса Христа всегда подтверждается Духомъ: „Любите враги ваша, добро творите ненави„дящимъ васъ, молитеся за творящихъ вамъ напасти и буды„те милостивы яко Отецъ вашъ небесный милостивъ есть.“

„Наблюдается у насъ духовная чистота въ высочайшемъ смиреніи. „Не ищите мудрости, а кротости: Богъ гордымъ „противится, а смиреннымъ даетъ благодать; не дѣти бывайте „умы, но злобою младенчествуйте!“

„У насъ чистота плоти отъ главы до ногъ и изъ устъ никогда не выходитъ гнилое слово ругательное или клятвенное, но тихіе и скромные глаголы. Даже не годится имени темнаго врага Божія помянуть ни въ какомъ разговорѣ. Всякаго рода напитки хмѣльные запрещены, и кофія не употребляется, яко разжиганіе плоти дѣлаетъ. Во яденіи со искусствомъ того не ядятъ, отчего вѣтры возбуждаются и похоть воюетъ на душу, по большей части отъ мясоядения удаляются. Однако не подъ грѣхомъ, если въ нуждѣ кто поѣстъ, а напитки хмѣльные подъ грѣхомъ запрещены, яко они не отъ нужды, а отъ слабости. Не дозволяется на пиры, на свадьбы, на комедіи, на маскарады, на качели ходить и подобныя сборища запрещены, яко они не отъ Христа, а отъ міра заведены. Лучше ходить въ явную церковь слушать литургію, яко она наша и отъ истиннаго Духа съ небесъ составлена, и прочаго чтенія и пѣнія; ибо, взявши отъ ихъ книгъ, да ихъ же книжниковъ можно обличать за неисполненіе и злоупотребленіе.

„Не дозволяется ближнему лгать, запрещено всякаго человѣка обманывать явностію, а быть хитрымъ и мудрымъ яко змію, скрывая дѣло Господне, скрывать въ тайнѣ посты, молитвы, милостыни и всѣ добродѣтели духовныя. Въ такомъ дѣлѣ ради Бога можно и солгать какъ іерихонская блудница, Раавъ, ради Бога солгала и похвалу имѣетъ, или какъ Іудифъ Олоферну солгала и голову ему срубила; да и пастухъ, скрывшій Варвару мученицу, похвалу имѣетъ.

„Подаяніе всѣмъ бѣднымъ по возможности подаемъ, но паче сами ищемъ кому подать: въ бѣдахъ и тюрьмахъ братіи меньшей Христовой, нищимъ, святымъ и твердымъ въ вѣрѣ. Въ Духѣ Божіи возвѣщаемъ гдѣ и кому подать.

„Напослѣдокъ всѣ *Посланія Апостольскія, Евангеліе* и всѣ боговдохновенныя книги могутъ засвидѣтельствовать наши дѣла: ибо той истинный Духъ который ихъ училъ и насъ учитъ и вѣщаетъ вся сокровенныя премудрости. Ежели чего не уразумѣемъ отъ гласу пророческаго, апостольскія письма растолкуютъ. Кто говоритъ во славу Господню, на спасеніе души и на службу Божію, тому не надобно ни одной книги. Сыне дажь сердце, и ищи не мудрости, а кротости, то и довольно. Ни малѣйшей новости не заводимъ, а старое потерянное отыскиваемъ и пренебреженное воздвигаемъ, яко Богъ съ нами есть.

„Хотя постъ и чистота отъ главы до ногъ на насъ

Святымъ Духомъ возложены, но еще есмы малолѣтки, „млекомъ, „а не крѣпкою пищею насыщены, и не усовершены въ дѣла „Божіи“. Потому какъ скрываемся отъ міра, то даже и слабости нѣкоторыхъ не искореняемъ, опасаясь всегда отъ своихъ, дабы не возсталъ предатель и не разорилъ бы церковь Христову, какъ случалось во времена апостольскія. По силѣ и возможности крестъ Господень поднимаемъ, а свой носимъ и о помощи просимъ; ибо бѣды въ моряхъ, въ рѣкахъ, въ разбойникахъ и во лжебратіи. Въ скорби и тѣснотахъ, въ руганіи и поношеніи провождаемъ дни нашей жизни ради любезнѣйшаго Христа, возлюбившаго насъ и давшаго намъ обрученіе Святаго Духа и показавшаго тѣсный путь и узкіе врата въ царствіе Божіе. Но мало стадо Христово, и мало ходящихъ по сему пути.

„При всѣхъ обстоятельствахъ стараемся сильнѣйшіе немощи немощныхъ носить, и тако исполняемъ законъ Христовъ: „аще кто хочетъ быть болѣе, буди всѣмъ слуга“. Также въ богопознаніе приводимъ, отъ суевѣрія свобождаемъ, дабы знали живаго Бога, который Духъ есть, не имѣющій никаковаго виду, а видимые образа стоятъ ради виду. И до насъ были люди подобные намъ и угодили Богу, и мы должны въ тую же силу подвизаться, дабы тому же Богу угодить и въ чистотѣ непорочнѣй Ему, Свѣту, служить; ибо рече Богъ: „Будьте святы яко и Азъ святъ есмь; такая заповѣдь „тяжелая избраннымъ, а по отшествіи въ чемъ застану, въ „томъ сужду.“ Итакъ, по смерти не надѣемся ни на чужія молитвы, ниже на кадило и кутью священническую. Слѣдуетъ каждому не довольно вѣрою, но и житіемъ вообразить себѣ Христа и во Христа вообразиться: его же призва, того и оправда, а его же оправда, того и прослави во образѣ Сына своего быти.

„Относительно скопчества, то оно на твердомъ основаніи Слова Божія, чрезъ уста Исаіи пророка сказаннаго, что скопцамъ лучшее мѣсто сыновъ и дочерей Господнихъ дастся. И Христовыми устами дозволено, по силѣ и ревности, исказить себя или отъ человѣка обрѣзаться, и таковое дѣло есть истинное постриженіе монашеское и утвержденіе иноческаго сана, настоящая схима, печать дара Духа Святаго, крещеніе Христово огнемъ и духомъ, единое крещеніе во оставленіе грѣховъ, очищеніе плоти отъ похотныхъ соковъ. „Камень бѣлъ и на камени имя „ново написано, котораго никтоже вѣсть, только пріемляй „его.“ Сіе тайное дѣло было отъ начала. Если кто удостоился получить сію печать, дабы за грѣхи не отвѣчать, то скрывалъ; ибо рѣдкимъ даетъ самъ Богъ Духомъ своимъ, гласомъ небеснымъ и просящимъ. Не всякому дается сей камень бѣлъ, а безъ гласу небеснаго никто ни надъ собою, ниже надъ другимъ не можетъ сдѣлать. Сказано: „Могій „вмѣстити, да вмѣститъ.“ Нѣсть на сіе дѣло ни обряду, ниже

обыкновенія, а тайное отъ Промысла непостижимаго. И получившіе скрываютъ яко драгоцѣнный алмазъ, дабы міръ не позналъ, а буде узнаютъ, то тяжело на земли жить такому человѣку; ибо всѣ его ненавидятъ, яко нагло наступилъ на главу змія и искоренилъ въ себѣ грѣхъ Адамовъ. Тогда уже всѣмъ земнымъ, Адамову сѣмени—чужой; нѣтъ ему сродства, за то и ненавидятъ, готовы были бы живаго огню предать. Только тѣ которые возродились свыше и имѣютъ Христовъ духъ, тѣ терпятъ, яко ради Христа побѣдилъ плоть и всю силу вражію. Сей человѣкъ значитъ *убѣленный:* какъ Христова пелена, такъ и плоть его убѣлена.

„Въ прежнія времена, до VII вѣка отъ Христа, было открытое скопчество отъ временъ апостольскихъ, и были нарочитые монастыри, *бѣлоризцами* нареченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись. Было много архіепископовъ въ Греціи, въ Римѣ, какъ достаточно о сей матеріи свидѣтельствуютъ *Книги Баронія* двѣнадцатыхъ вѣковъ, *Прологи*, *Четь-Минеи*, какъ-то: Меѳодія 14-го іюня, Мурина скопца, Оригена. Архіереи и даже славные воины были скопцы, какъ-то Стипліонъ въ Греціи, который всю Африку побѣдилъ (?). Итакъ скопцы въ монахахъ во святыхъ причтены, а въ свѣтскихъ славные мужи были. Ежели жь тогда Богъ ихъ благословилъ, то и нынѣ не оставитъ, яко той же Богъ Отецъ. Моисей въ законѣ написалъ: „скопецъ да не будетъ служай „дому Господню, яко самъ онъ есть жертвенникъ и не бу„детъ служай алтарю, и не будетъ приносяй жертвы и служ„бы, яко свободенъ есть отъ земной службы". Но законъ Моисеемъ данъ бысть, а благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть. И для того по благодати, яко сосуды очищенные, были не только иноками, священниками, но и архіереями скопцы были поставляемы; ибо сіи скопцы не ради корыстолюбія, не ради чести міра, но прямо ради царствія небеснаго. Достаточно и сіе понимаемъ, что нужны царю и отечеству министры, полководцы, воины, судьи, земледѣльцы и прочаго званія люди, но кольми паче нужны, яко соль земли, молитвенники; ибо ради всѣхъ дѣлъ и производства надобно присутствіе Святаго Духа, имъ же вся быша. И то надобно знать, что Богъ грѣшника не послушаетъ, а только праведнаго молитва поспѣшествуетъ во благое, то долженъ молитвенникъ быть свободенъ отъ всѣхъ преданій человѣческихъ, дабы слово было къ Богу, и Богъ былъ слово, и такъ чистъ, какъ хрустальный сосудъ въ царской рукѣ, такъ предъ очами Божіими и молитвенникъ долженъ быть непорочный.

„Затѣмъ повергаемся подъ покровъ небесный и просимъ Отца Свѣтовъ, дабы открылъ сердечные глаза всѣмъ властямъ земнымъ видѣть истину Господню, чтобы не прогнѣвали Отца небеснаго, не вознесли бы хулы на Духа Святаго, но очистивъ чувствія, узрѣли бы неприступный свѣтъ: „бла„жени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ".

„Непостижимый Отецъ Свѣтовъ прежде изволилъ избрать рыбарей и простыхъ людей. Тако и нынѣ соизволилъ обитать съ простяками и безчестными людьми. Еслибы Богъ зашелъ прежде къ вельможамъ, гдѣ бы простымъ дойти и услышать гласъ небесный на освобожденіе грѣховъ? А къ простымъ людямъ всякій можетъ зайти и услышать безвѣстная и тайная Господней премудрости. „Слава въ вышнихъ „Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ Сіи слова, первая благовѣсть о рождествѣ Господнемъ, пастухамъ сказаны.“

Въ проектѣ объ учрежденіи въ Россіи ѳеократическаго правленія и объ образованіи „божественной канцеляріи“, Еленскій обращается къ императору Александру Павловичу тономъ еврейскаго пророка, пришедшаго къ какому-нибудь Езекіи или Охозіи. „Церковь таинственная, управляемая Святымъ Духомъ,* говоритъ онъ, подвергнувшись волѣ Отца Свѣтовъ, получила небесное повелѣніе, дабы вышла на службу отечества, прославилась бы; яко съ нею воистину Богъ есть, и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ всероссійскаго монарха....“ „Такъ во истинѣ и въ правдѣ содѣйствуется слава Божія, продолжаетъ Еленскій, какъ было при Іисусѣ Навинѣ, который гласомъ небеснымъ управлялся и всѣ царства языческія покорилъ.“ Здѣсь нельзя не понять на что намекалъ Еленскій. Въ 1804 году уже предвидѣлась неизбѣжность борьбы съ Наполеономъ. Преклоняясь предъ величіемъ военнаго генія перваго консула Франціи, только что надѣвшаго императорскую корону, лучшіе люди нашей земли не надѣялись на успѣшный исходъ этой борьбы. Совершенное пораженіе Наполеона почиталось дѣломъ невозможнымъ, это было бы, по мнѣнію большинства, сверхъестественнымъ чудомъ. Вращаясь иногда въ сферахъ образованнаго петербургскаго общества, Еленскій не могъ не знать такого настроенія. И вотъ онъ, именемъ Бога, говоритъ объ Іисусѣ Навинѣ, при которомъ отъ звука трубъ левитовъ сами собой пали стѣны крѣпкаго Іерихона. „Егда пріидетъ дѣло на исполненіе, говоритъ онъ, уповаемъ на помощь Отца Свѣтовъ. Но безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ Господь всѣхъ враговъ и силою своею защититъ свою Россію, которая великими трудами и изобильнымъ пролитіемъ крови человѣческой собрана, распро-

* То-есть хлыстовско-скопческое общество.

странена и прославлена." И въ самомъ дѣлѣ, если отъ трубъ еврейскихъ левитовъ пали стѣны Іерихонскія, отъ чего же не пасть стѣнамъ какого-нибудь Парижа отъ гласа „живогласныхъ трубъ" то-есть хлыстовско-скопческихъ пророковъ? По логикѣ скопцовъ выходитъ такъ.

„Въ сей вѣкъ, писалъ Еленскій, сильное и славное дѣйствіе Россія воздвигнетъ и всему міру дастъ почувствовать яко воистину съ нами Богъ." Для этого стоитъ лишь учредить „божественную канцелярію". „Какъ таинственной церкви люди, вкусившіе дара небеснаго, и причастницы животворящимъ и безсмертнымъ тайнамъ Христовымъ, * питаясь отъ сокровенной премудрости, довольно всѣ Богомъ учены, а притомъ есть нѣкакое число и грамотныхъ людей, ** то изъ грамотныхъ, которыхъ Святый Духъ назнаменуетъ своимъ судомъ небеснымъ, *** *должень я буду въ сію канцелярію представлять*, а правительство, имѣя именное высочайшее повелѣніе, будетъ обязано таковыхъ людей препровождать къ архіереямъ ради постриженія въ монахи, произведенія въ іеромонахи и обученія церковной службѣ."

Живя въ Александроневской лаврѣ и обращаясь съ монахами, Еленскій зналъ, что по церковнымъ правиламъ скопца нельзя рукополагать въ священство, а потому и предложилъ обманывать архіереевъ: „сіе производство дабы не было извѣстно никому, даже и архіереямъ, чтобы не знали каковые люди и съ каковымъ намѣреніемъ таковое основаніе правительство производитъ, ежели случится въ числѣ таковыхъ избранныхъ людей найдутся скопцы, **** то архіереи невѣдѣніемъ произведутъ ихъ въ священнодѣйствіе...."

Божественная канцелярія, по проекту Еленскаго должна была дѣйствовать такъ:

„Нашъ настоятель, боговдохновенный сосудъ, въ которомъ

---

* Здѣсь разумѣются не таинства церковныя, но тайны хлыстовско-скопческихъ кораблей.

** Стало-быть, большинство въ хлыстовско-скопческихъ кораблях было безграмотно.

*** Хлыстовско-скопческое выраженіе, означающее людей приходящихъ въ восторженное состояніе и пророчествующихъ на радѣніяхъ.

**** Явно, что Еленскій разумѣлъ не однихъ оскопленныхъ, но вообще хлыстовъ.

Духъ небесный Отцомъ и Сыномъ присутствуетъ (Кондратій Селивановъ), обязанъ быть при лицѣ самого государя императора, и какъ онъ есть вся сила пророковъ, то всѣ тайные совѣты, по волѣ небесной премудрости, будетъ апробовать и намъ благословеніе и „покровы небесные“ посылать и молитвы изливать, яко кадило на всѣхъ ищущихъ Бога.... Онъ, путеводитель нашъ, всегда своими святыми молитвами умилостивитъ Бога, если его совѣтъ небесный будемъ наблюдать. А что онъ изъ устъ своихъ скажетъ, то дѣйствительно Духъ Святый устами его возвѣщаетъ, ибо великая сила Божія въ немъ есть.“

Изъ хлыстовъ и скопцовъ. поставленныхъ въ іеромонахи, правительство стало бы опредѣлять на военные корабли, „присоединивъ ко всякому іеромонаху по одному пророку на каждый корабль. Іеромонахъ, занимаясь изъ устъ пророческихъ гласомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно командиру того корабля совѣтъ предлагать какъ къ сраженію, такъ и во всѣхъ случаяхъ, что̀ Господь возвѣститъ о благополучіи или о скорби. А командиръ долженъ имѣть секретное повелѣніе заниматься у іеромонаха благопристойнымъ и полезнымъ совѣтомъ, не уповая на свой разумъ и знанія. Іеромонахъ съ пророкомъ пребудутъ всегда въ истинной молитвѣ, яко очищенные сосуды, а гдѣ таковыхъ избранныхъ будетъ два человѣка, то и Господь посреди ихъ. Затѣмъ градъ, корабль и полкъ сохранитъ Господь отъ всякаго вреда и непріятельскихъ нашествій или поврежденія.“

Себѣ Еленскій предполагалъ слѣдующее положеніе: „на меня возложена должность отъ непостижимаго Отца Свѣтовъ какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ и простячковъ, въ духѣ пророческомъ находящихся, истинныхъ и сильныхъ, собрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію. Я съ двѣнадцатью пророками обязанъ буду находиться всегда при главной арміи правителя, ради небеснаго совѣта и воли Божіей, которая будетъ намъ открываться при дѣлахъ нужныхъ на мѣстѣ.... Я слыша гласъ пророческій, и еслибы что̀ недовѣдомо (непонятно) было, то на разсужденіе и апробацію долженъ буду письменно представлять, на чье имя повелѣно будетъ, ради растолкованія боговдохновенному нашему настоятелю и путеводителю, а иногда и самъ лично предстать (къ государю) для исполненія совѣта небеснаго,“

Елевскому не прошелъ даромъ его проектъ. На него взглянули какъ на сумашедшаго, и онъ, по высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евѳимьевъ монастырь, гдѣ и умеръ въ мартѣ 1813 года. * Скопцы увѣряли что онъ сосланъ за разглашеніе ихъ тайнъ.

---

* Елевскій въ Суздалѣ познакомился съ монахиней тамошняго Покровскаго монастыря Паисіей (дочь крестьянина конноваводскаго вѣдомства села Козлова, Суздальскаго уѣзда). Эта монахиня была совращена имъ въ хлыстовско-скопческую ересь и завела въ своей кельѣ радѣнія, на которыя въ разное время дня, особенно же по ночамъ, собирались дѣвушки, жившія въ послушницахъ Покровскаго монастыря. Нерѣдко приходили къ ней и мущины разнаго званія, подъ видомъ ея сродниковъ. Другія жительницы монастыря слыхали въ кельѣ Паисіи пѣніе и стукъ. Въ послѣдствіи Паисія при допросѣ показала, что съ Поляковымъ Алексѣемъ Михайловичемъ, содержавшимся въ Суздальскомъ Спасо-Евѳимьевомъ монастырѣ „за разглашеніе скопческой секты", она знакома, а познакомилась съ нимъ потому что онъ лѣчилъ ей руку. Въ собраніяхъ бывшихъ въ ея кельѣ до 1812 г. принимали участіе: монахиня Назарета, суздальскія мѣщанскія дѣвушки Матрена и Арина Львовы Биркины, дьячкова дочь Настасья Андреева и послушницы: Устинья Михайлова, Арина Никитина, Аграфена и Марья Андреевы, Катерина Васильева, Настасья Антонова, Настасья и Марья Михайловы, Варвара, Авдотья и Агафья Ивановы. Всего пятнадцать дѣвицъ. Въ 1812 году о сборищахъ въ кельѣ Паисіи узналъ владимірскій епископъ Ксенофонтъ. По его резолюціи Паисія была отправлена подъ особый надзоръ въ Переславскій Ѳедоровскій женскій монастырь, Назарета въ Успенскій дѣвичій, что въ городѣ Александровѣ, а прочія участницы въ радѣніяхъ, какъ бѣлицы, не находившіяся еще въ духовномъ званіи, были высланы изъ Покровскаго монастыря. Паисія оставалась подъ надзоромъ въ Ѳедоровскомъ монастырѣ до 1820 года. Въ этомъ году, по ея просьбѣ и по удостовѣренію настоятельницы Ѳедоровскаго монастыря что она совершенно исправилась, была она тѣмъ же епископомъ Ксенофонтомъ возвращена въ Покровскій Суздальскій монастырь. Такимъ образомъ Паисія возвратилась въ Суздальскій Покровскій монастырь въ томъ самомъ году, когда въ Суздальскій Спасо-Евѳимьевъ монастырь былъ посаженъ Кондратій Селивановъ. Это, по всей вѣроятности, было дѣломъ петербургскихъ скопцовъ, не пожалѣвшихъ денегъ на то чтобы близъ своего отца-искупителя имѣть преданнаго ему человѣка. Монастырь Покровскій отдѣляется отъ Спасо-Евѳимьева только не широкимъ суходоломъ. Возвратясь въ Суздаль, монахиня Паисія завела обширную переписку со скопцами разныхъ мѣстъ; на ея имя были присылаемы письма даже изъ Иркутска. Въ 1825 году

XVI.

Сумасбродный проектъ Еленскаго повредилъ только ему одному. Братьевъ петербургскаго корабля, самого даже Кондратья Селиванова оставили въ покоѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что ни государь, ни лица поставленныя во главѣ правительства, еще не знали въ то время тайнъ скопческой ереси, не знали что глава петербургскаго корабля почитается Сыномъ Божіимъ и императоромъ Петромъ III. Это несправедливо. Самъ Еленскій писалъ о своемъ настоятелѣ какъ о боговдохновенномъ сосудѣ, въ которомъ присутствуетъ Святый Духъ со Отцомъ и Сыномъ. Въ то же время какъ государю, такъ и высшимъ лицамъ государственнаго управленія, было извѣстно что Кондратій Селивановъ приверженцами своими почитается за императора Петра Ѳеодоровича. О томъ доносили государю и министру внутреннихъ дѣлъ изъ Москвы. *

Императоръ Александръ Павловичъ смотрѣлъ на скопческую ересь какъ на заблужденіе жалкое, но не опасное, и приказывалъ относительно ея послѣдователей держаться мѣръ терпимости, имѣть только секретный полицейскій присмотръ для предупрежденія новыхъ оскопленій. Государь не желалъ даже чтобы дѣла о скопцахъ производились посред-

---

о монахинѣ Паисіи возникло новое дѣло. Тогда при обыскахъ сдѣланныхъ въ ея кельѣ и въ селѣ Козловѣ у двоюроднаго ея брата, скопца Ивана Елизарова Коробова, было найдено много писемъ отъ скопцовъ и хлыстовъ изъ разныхъ городовъ; въ этихъ письмахъ упоминалось о „Полякѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“ и объ „отцѣ-праведникѣ“, то-есть, по объясненію Паисіи, секретномъ арестантѣ содержимомъ въ Спасо-Евѳимьевѣ монастырѣ. Но кто онъ, и принадлежалъ ли къ скопческой сектѣ, монахиня Паисія при слѣдствіи не объяснила, сказавъ что того не знаетъ, а только по народному слуху объ его подвижнической жизни почитаетъ за праведнаго. Само собой разумѣется, рѣчь шла о Кондратьѣ Селивановѣ. *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1825 года № 11.

* *Всеподданнѣйшій рапортъ московскаго военнаго губернатора, генерала отъ инфантеріи Беклешова*, 24-го мая 1806 г.

ствомъ бумажной переписки. Такимъ образомъ еще въ 1801 году, когда московскимъ военнымъ губернаторомъ фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ доведено было до его свѣдѣнія что скопчество въ Москвѣ распространяется, и что во главѣ его стоитъ купецъ Колесниковъ, прозванный Масономъ, государь ограничился приказаніемъ, чтобы московскій оберъ-полицеймейстеръ Эртель имѣлъ за скопцами секретный присмотръ, стараясь только о томъ чтобъ они не умножались. Это повелѣніе объявлено было на словахъ. Никакого письменнаго производства не было. Эртель въ свою очередь ограничился тѣмъ, что поручилъ наблюденіе за Масономъ и другими скопцами полицеймейстеру Иваткину. А о полицеймейстерѣ Иваткинѣ и доселѣ сохранилось преданіе, что это былъ человѣкъ расторопный, но приношеніями не брезговалъ. „Таковые (скопцы) и здѣсь въ Петербургѣ появились было третьяго года *, писалъ Эртель, будучи уже петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, къ Беклешову, но также письменнаго производства не имѣлось, а подъ рукой приказано было (государемъ) за ними имѣть присмотръ, дабы не размножались, что̀ и выполнялось, но нынѣ болѣе уже объ нихъ не слыхать.“ **

Между тѣмъ съ разныхъ концовъ Россіи приходили въ Петербургъ извѣстія о распространеніи скопческой ереси.

Въ 1805 году скопцы были открыты въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. Дѣло кончилось объявленіемъ херсонскому губернатору министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ слѣдующаго высочайшаго повелѣнія: „по принятымъ вообще на людей сего рода правиламъ, не должно вмѣшиваться въ образъ ихъ вѣроисповѣданій, предоставляя духовной власти обращеніе заблуждающихся, не должно и подвергать ихъ взысканію, собственно за расколъ, но лишь за нарушеніе порядка, за явный соблазнъ, ежели бываетъ, и за покушеніе на оскопленіе себя.“ *** Но духовныя власти, видя въ скопцахъ и хлыстахъ самыхъ усердныхъ прихожанъ, исполнявшихъ всѣ христіанскія обязанности, щедро награждавшихъ духовенство и щедро

* То-есть 1804 года, когда Еленскій подалъ свой проектъ.

** *Отношеніе Эртеля къ Беклешову* 19-го мая 1806 г. *Въ дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ* 1806 г. № 14.

*** *Дѣло архива министерства юстиціи объ ольвіопольскихъ скопцахъ* 1805 г. № 4.015.

дававшихъ деньги на украшеніе церквей, никогда не представляли вѣроученія ихъ противнымъ христіанству.

Взглядъ тогдашняго правительства на скопцовъ выразился еще яснѣе въ отношеніи графа Кочубея къ московскому военному губернатору Беклешову, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшій рапортъ его объ открытіяхъ сдѣланныхъ крестьяниномъ Салтыковымъ. „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ," писалъ графъ Кочубей,—

„сообщить вамъ, милостивый государь, слѣдующее: Тому два года какъ таковая же секта учинилась извѣстною здѣсь въ С.-Петербургѣ. По точнымъ объ ней развѣдываніямъ открылось, что въ существѣ своемъ она имѣетъ два различные вида, или, такъ-сказать, двѣ степени. Первая изъ нихъ состоитъ въ мысленномъ только заблужденіи, поставляющемъ святость въ плотской чистотѣ, другая въ практическомъ поведеніи людей сего рода, или въ скопленіи.

„По различію сихъ степеней, различныя приняты и правила въ поведеніи съ ними со стороны правительства.

„Оставляя первый изъ сихъ степеней подъ общимъ правиломъ терпимости, признано было нужнымъ изыскать способы чтобъ остановить распространеніе втораго.

„Способы сіи состояли въ слѣдующемъ: Какъ уже по многимъ опытамъ извѣстно, что заблужденія сего рода формальными слѣдствіями и публичными наказаніями не только не пресѣкаются, но и болѣе еще усиливаются: то и найдено было удобнѣйшимъ употребить прежде всего кроткія средства убѣжденія и вразумленія. Для сего предположено было привлечь довѣріе и откровенность главныхъ секты сей начальниковъ и посредствомъ ихъ внушеній дѣйствовать на прочихъ. Мѣра сія столь успѣшное имѣла здѣсь дѣйствіе, что начальники сей секты, удостовѣрясь что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, допустили людей къ сему употребленныхъ въ ихъ моленную, и убѣжденіями и кроткимъ съ ними обхожденіемъ приведены были къ тому, что не только дали обѣщаніе впредь не дозволять оскопленія, но и другимъ внушали что время къ сему уже прошло, и что сіе средство не должно быть болѣе употребляемо. Послѣдствіемъ сего было то, что въ продолженіи двухъ лѣтъ, по всѣмъ наблюденіямъ, дѣйствительно здѣсь оскопленій болѣе не происходило.

„Примѣняясь къ сему образу поведенія, коего успѣшное дѣйствіе самымъ опытомъ уже удостовѣрено, государь императоръ полагать изволитъ, что и въ Москвѣ должно въ семъ случаѣ распорядиться на томъ же самомъ основаніи, а именно: 1) Посредствомъ непримѣтныхъ развѣдываній открывъ людей, кои въ сектѣ сей наиболѣе имѣютъ важности, должно прежде всего привести ихъ кроткимъ съ ними обхожденіемъ

къ довѣрію и откровенности. 2) Получивъ ихъ довѣріе, должно склонять ихъ къ тому чтобъ они не только сами не дозволяли и не привлекали другихъ къ оскопленію, но и внушали бы своимъ единовѣрцамъ чтобъ онаго ни подъ какимъ видомъ не производили. 3) За симъ оставляя имъ свободу совѣсти въ мысленныхъ ихъ заблужденіяхъ, и не входя съ ними о семъ въ состязанія, наблюдать только чтобы практическаго дѣйствія не было, а еслибы послѣ всѣхъ убѣжденій оно открылось, то и въ семъ случаѣ, не производя гласнаго и формальнаго слѣдствія, предварительно доносить о семъ его величеству." *

Кто же такіе были люди имѣвшіе полномочіе удостовѣрить начальниковъ скопческой секты что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, проникшіе внутрь скопческаго корабля и кроткимъ убѣжденіемъ доведшіе старшинъ его до того что тѣ дали обѣщаніе никого не скопить болѣе, и даже уговаривали другихъ этого больше не дѣлать? Когда могло это случиться?

Это было лѣтомъ 1804 года, какъ видно изъ отношенія графа Кочубея къ Беклешову, значитъ тотчасъ послѣ отправленія камергера Еленскаго въ Суздаль, между мартомъ и іюнемъ того года.

Узнавъ изъ представленнаго Еленскимъ *Извѣстія* сущность скопческаго ученія и взглядъ скопцовъ на православную церковь и ея духовенство, образумленіе заблудшихъ не могли поручить кому-либо изъ лицъ духовныхъ. Въ глазахъ скопцовъ всѣ архіереи, всѣ священники—книжники и фарисеи, поставляющіе вѣру въ однихъ внѣшнихъ обрядахъ и изъ служенія церкви составившіе доходное для себя ремесло. Такихъ людей, какъ бы они учены ни были, какую бы нравственную жизнь ни вели, ни хлыстъ, ни скопецъ никогда не послушаютъ, развѣ изъ лицемѣрія, развѣ изъ-за такъ-называемаго „страха іудейскаго". Употребить на образумленіе скопцовъ полицію—дѣло немыслимое: оберъ-полицеймейстеры и другіе полицейскіе чины плохіе увѣщатели въ дѣлахъ совѣсти. Избранъ былъ на это дѣло человѣкъ близкій къ государю, склонный къ созерцательной жизни и притомъ завѣдывавшій съ 1803 года духовными дѣлами. Это былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Въ годы первой молодости поклонникъ

* *Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея къ Беклешову*, 5-го іюня 1806 г., № 43.

французскихъ энциклопедистовъ, особенно Вольтера, остроумный царедворецъ, поклонникъ женской красоты, онъ, не достигнувъ еще тридцатилѣтняго возраста, круто поворотилъ на набожность, мистицизмъ, сталъ читать Бема, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, Сенъ-Мартена и Сведенборга. Онъ окружилъ себя такими же мистиками и болѣе всѣхъ сблизился въ Василіемъ Михайловичемъ Поповымъ, кроткимъ изувѣромъ, котораго однакожь, по словамъ Вигеля, именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. * Это былъ самый приближенный къ Голицыну человѣкъ изъ всѣхъ его подчиненныхъ.

Князь Голицынъ, вмѣстѣ съ Поповымъ, былъ въ домѣ Ненастьева и говорилъ съ Селивановымъ. Глава скопцовъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на набожнаго оберъ-прокурора и на его наперсника. Въ послѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, когда въ Петербургѣ производились изслѣдованія о тамошнихъ скопцахъ, одинъ изъ нихъ, Хорошкѣевъ, сказывалъ что онъ былъ свидѣтелемъ посѣщенія Селиванова княземъ Голицынымъ и Поповымъ. Это было часу въ одиннадцатомъ дня, говорилъ онъ, пріѣхали два лица: одинъ Поповъ Василій Михайловичъ, другой не знаю кто. Поговоривъ съ Селивановымъ, они пожали плечами и шли отъ него задомъ, всплескивая руками и приговаривая: „Господи! еслибы не скопчество, за такимъ человѣкомъ пошли бы полки полками.“ Изъ другихъ показаній видно что тотъ, кого не узналъ Хорошкѣевъ былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Селивановъ, дѣйствительно, обѣщалъ ему впредь никого не скопить, но не сдержалъ обѣщанія. Оскопленія продолжались въ домѣ гдѣ онъ жилъ и принималъ поклоненія обожавшихъ его послѣдователей. Пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ князя Голицына, онъ оставался безнаказаннымъ. Государя увѣрили что скопцы не вредны, и что не слѣдуетъ принимать противъ нихъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

* *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1865 г. № 2, стр. 447.

XVII.

Въ 1806 году крестьяниномъ Салтыковымъ, какъ уже было сказано, указаны Беклешову московскіе скопческіе соборы Колесникова (Масона), Жигарева и другихъ. Въ томъ же году открыты скопческіе корабли подъ самымъ Петербургомъ: въ городѣ Павловскѣ, въ Графской Славянкѣ, въ слободахъ Покровской и Большой, и въ посадѣ Ѳедоровскомъ.

Во главѣ ихъ стоялъ жившій въ Павловскѣ купецъ Яковъ Фроловъ; у него въ домѣ бывали сходбища, называемыя „соборами". Назначенная для того большая комната не имѣла оконъ выходившихъ на улицу; всѣ были обращены во дворъ и въ огородъ. Полъ въ той комнатѣ былъ устланъ холстомъ, въ углу висѣлъ большой образъ въ кіотѣ краснаго дерева, обложенный бронзою; кругомъ по стѣнамъ стояло много стульевъ. На чердакѣ устроена была особая комната, въ ней висѣлъ портретъ красивой и богато одѣтой женщины, которому скопцы и хлысты поклонялись, называя нарисованную на немъ своею „матушкой". Слѣдствіемъ не открыто какая именно женщина была изображена на этомъ портретѣ. Въ послѣдствіи говорили что это былъ портретъ богородицы Анны Софоновны Поповой, жившей въ Моршанскѣ, но часто пріѣзжавшей въ Петербургъ. Въ углу комнаты на чердакѣ дома Якова Фролова нашли ящикъ съ крышкой, и въ немъ высушенныя части человѣческаго тѣла.

Сбирались на радѣнія еще въ двухъэтажномъ домѣ крестьянина Алексѣя Фролова, въ Покровской слободѣ Графской Славянки. Тамъ, во время совершенія богослуженія, скопцы кружились, вертясь на пяткахъ, пѣли пѣсни, покланялись портрету „матушки", кланялись въ землю „передъ своимъ старшиной, сидѣвшимъ на подушкахъ, цѣловали его руки и одежды". По всей вѣроятности, это былъ Кондратій Селиванов, какъ извѣстно изъ другихъ свѣдѣній, иногда уѣзжавшій изъ Петербурга на недолгое время. Скопцы мяса не ѣли, даже и въ Свѣтлое Воскресенье, не пили никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Всѣхъ было открыто 23 человѣка, кромѣ дѣтей. Въ радѣніяхъ принимали участіе и не оскопленные (то-есть хлысты).

Противъ скопческаго корабля въ Павловскѣ и Графской

Славянкѣ мѣстнымъ начальствомъ были приняты строгія мѣры чтобъ уничтожить вредную секту. При этомъ затронуты были скопцы петербургскіе. Оберъ-полицеймейстеръ Эртель встревожился. Но друзья скопцовъ и на этотъ разъ успѣли внушить государю что заблужденіе ихъ нисколько не вредно. Послѣдовало высочайшее повелѣніе: имѣть за вновь открытыми скопцами секретный надзоръ и предупреждать лишь новыя оскопленія.*

Въ томъ же 1806 году открыто большое общество скопцовъ и хлыстовъ въ Симбирской губерніи, въ городѣ Алатырѣ и въ селеніяхъ Алатырскаго, Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ.** Центръ ихъ былъ въ Алатырѣ, въ домѣ тамошнихъ купцовъ братьевъ Милютиныхъ. Оба Милютина были оскоплены, а сестра ихъ считалась богородицей и пророчицей

---

* *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1807 года № 14.* Софійскій уѣздъ въ послѣдствіи вошелъ въ составъ нынѣшняго Царскосельскаго уѣзда. Скопцовъ Софійскаго уѣзда, открытыхъ тамошнимъ уѣзднымъ судьей, называли „духоборцами". Изъ донесенія судьи петербургскому гражданскому губернатору видно, что они сопращали легковѣрный народъ рѣзкими выраженіями относительно обрядности православной церкви. „Часто духоборцы (скопцы) сіи при сборищѣ мужиковъ, которые попглупѣе или легковѣрны, говорятъ имъ: „на что-де молиться сухимъ мощамъ не лучше ли живымъ (разумѣя Кондратья Селиванова)?" И какъ по обыкновенію заведено ставить свѣчи передъ иконами, они говорятъ: „мы-де медъ-то сами съѣдимъ, а воскъ на Тебѣ, Боже!" Одинъ крестьянинъ спрашивалъ у женщины принадлежащей къ скопческой сектѣ: „Что же вы дѣлаете когда собираетесь?" та отвѣчала ему: „Вѣдь и у Христа есть тайна обрѣзующая, поди и узнаешь." „Тайна обрѣзующая" искажено изъ словъ херувимской пѣсни „тайно образующе". Крестьянинъ сказалъ ей: „у васъ-де скачутъ и пляшутъ," а она отвѣчала: „а развѣ у васъ въ церкви на Пасху не поютъ „скакаше играя" (*Богоотецъ убо Давидъ* и пр.). Скопцы Софійскаго уѣзда въ православную церковь къ обѣднѣ ходили, но непремѣнно поѣвши. Для совершенія своихъ обрядовъ сбирались по ночамъ съ субботы на воскресенье и на прочіе установленные православною церковью праздники. Чтобы кто не подслушалъ ихъ пѣсенъ и топанья, ставили караульныхъ вокругъ дома и на крышѣ. Въ Графской Славянкѣ къ дому Алексѣя Фролова былъ пристроенъ во дворѣ хлѣвъ, куда убѣгали и запирались бывавшіе на радѣніяхъ, если входилъ въ домъ посторонній.

** Талызинѣ, Стемасѣ, Ичиковѣ, Карталеевскомъ, Гартѣ, Шерапулинѣ и Борисовомъ.

и называлась „животною книгой“. Въ алатырскомъ кораблѣ хлыстовъ было гораздо больше чѣмъ скопцовъ. Они не признавали Кондратья Селиванова за императора Петра III и за Сына Божія. Впрочемъ, какъ обряды ихъ, такъ и вѣрованія были тождественны съ другими хлыстами и скопцами. Но все-таки они стояли особнякомъ, называясь „алатырскими людьми божіими“, или „милютинскими“. Противъ нихъ также не приказано было принимать строгихъ мѣръ; придерживаясь прежнихъ высочайшихъ повелѣній, и на этотъ разъ велѣно было заботиться лишь о томъ чтобы не происходило новыхъ оскопленій. *

Въ томъ же 1806 году открыты были скопцы въ Малоархангельскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Тамъ, на родинѣ скопчества, „убѣленіе“ приняло такіе огромные размѣры, что орловскій губернаторъ Яковлевъ энергически настаивалъ предъ высшимъ правительствомъ на строгости мѣръ относительно скопцовъ.

Яковлевъ представилъ что оскопленіе взрослыхъ и дѣтей производится съ цѣлію избавленія ихъ отъ поступленія въ военную службу. Мнѣніе неосновательное, но имѣвшее послѣдствіемъ перемѣну правительственнаго взгляда на скопцовъ. И правительство, и лица стоявшія во главѣ правительства, въ качествѣ помѣщиковъ, увидѣли въ усиливающейся сектѣ нарушеніе собственныхъ интересовъ. Это было поводомъ къ первому строгому отношенію русскаго законодательства къ скопчеству. Чтобы разрушить надежды скопцовъ на избавленіе отъ военной службы велѣно всѣхъ ихъ отдавать въ солдаты....

Въ день новаго 1807 года усердно защищавшій скопцовъ предъ государемъ графъ Кочубей оставилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, и черезъ восемь дней послѣ того новый министръ князь Куракинъ объявилъ орловскому губернатору слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ Кочубей) донесъ мнѣ по представленію вашему о явившихся въ Малоархангельскомъ округѣ скопцахъ, кои палатой уголовнаго суда приговорены къ наказанію и оставленію при прежнемъ жительствѣ. Находя что таковымъ наказаніемъ соблазнъ отъ людей сихъ происходящій, не

* *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1809 года, № 6.*

прекратится, и что напротивъ примѣръ ихъ можетъ вовлечь и другихъ въ заблужденіе, повелѣваю: 1) всѣхъ вышепомянутыхъ скопцовъ, согласно объявленному вамъ прежде о скопцѣ Егуровѣ повелѣнію, отдать въ военную службу, зачтя помѣщикамъ ихъ и селеніямъ въ рекрутъ; 2) въ случаѣ открытія впредь скопцовъ, дѣйствительно себя оскопившихъ, поступать съ ними на семъ же основаніи." Объ этомъ высочайшемъ повелѣніи было объявлено повсемѣстно „для единообразнаго по всѣмъ губерніямъ поступленія" сенатскими указами 18-го февраля 1807 года. *

Еще рѣшительнѣе сказано было въ высочайшемъ повелѣніи объявленномъ около того же времени министромъ юстиціи княземъ Лопухинымъ одесскому генералъ-губернатору герцогу де-Ришелье относительно скопцовъ появившихся въ Одессѣ. Велѣно было: „впредь поступать со скопцами, *какъ съ врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ духовныхъ и гражданскихъ*". Столь важное постановленіе не было однакоже распубликовано и осталось безгласнымъ, хотя въ послѣдствіи и дѣлались на него ссылки. **

Что было причиной столь быстрой и крутой перемѣны взгляда правительства на скопцовъ? Можно предполагать что виною тому былъ московскій митрополитъ Платонъ. Императоръ Александръ Павловичъ поручилъ ему составить записку о скопцахъ, и знаменитый Платонъ дряхлѣющею рукой начерталъ *„Разъясненіе хлыстовско-скопческаго вѣроученія"* въ двѣнадцати главахъ. Митрополитъ представилъ скопцовъ врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ духовныхъ и гражданскихъ. Это его выраженія. Подъ вліяніемъ Платоновой записки и было объявлено высочайшее повелѣніе герцогу де-Ришелье 25-го іюля 1806 года. Друзья скопцовъ успѣли однако вскорѣ убѣдить государя что Платонъ написалъ на скопцовъ сущую напраслину, легковѣрно повѣривъ дошедшимъ до него ложнымъ

---

* *Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи*, XXIX, № 22.422.

** Высочайшій указъ 25-го іюля 1806 года. Записка *о скопцахъ и скопческой ереси*, представленная министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Л. А. Перовскимъ императору Николаю Павловичу въ 1845 году.

Такое упорство было повсемѣстно и вызвало 14-го марта 1812 года слѣдующее высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о скопцахъ обнаруженныхъ въ Рязанской губерніи: „объявить тѣмъ скопцамъ, которые будутъ скрывать гдѣ они оскоплены, что съ ними поступятъ какъ съ ослушниками, а тѣхъ, которые чистосердечно признаются, отнюдь не преслѣдовать“.*

Только въ 1816 году правительство обратило вниманіе на вышеуказанное обстоятельство, и комитетъ министровъ нашелъ что законъ 1807 года не достигаетъ цѣли, такъ какъ скопцы распространяютъ ересь въ полкахъ и гарнизонахъ, пріобрѣтая тамъ новыхъ послѣдователей. Поэтому комитетъ полагалъ: отдавать скопцовъ на службу въ Сибирь и въ Грузію, а неспособныхъ ссылать въ Иркутскую губернію. Императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ (4-го августа 1816 года) поступать такимъ образомъ лишь съ главными скопцами и съ оскопителями; изъ чего слѣдуетъ что съ прочими скопцами должно было поступать на основаніи прежнихъ постановленій, то-есть отдавать въ солдаты, съ оставленіемъ на мѣстахъ. **

---

* *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858 г., стр. 39.

** *Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи* XXXIII № 22.462 и *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858, стр. 44. Тамъ сказано: „комитетъ гг. министровъ по представленію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ о умершемъ отъ оскопленія крестьянинѣ Петровѣ и о находящихся въ Симбирской губерніи скопцахъ, имѣя въ виду что причины, по которымъ велѣно отдавать скопцовъ въ военную службу, не достигаютъ своей цѣли, и скопцы, оставаясь въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ откуда поступили, содѣйствуютъ распространенію сего зла, журналомъ 4-го августа 1816 года состоявшимся, полагалъ: всѣхъ упомянутыхъ скопцовъ, такъ и всѣхъ другихъ по губерніямъ оказаться могущихъ, отсылать на службу въ Сибири и въ Грузіи находящіяся войска, а неспособныхъ къ оной въ Иркутскую губернію на поселеніе. При подписаніи сего журнала генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь императоръ, по выслушаніи меморіи комитета, не соизволяя на принятіе таковаго правила общимъ, повелѣть изволилъ: поступать по оному съ однимъ только главнымъ зачинщикомъ изъ скопцовъ, или съ тѣмъ кто производитъ оскопленіе.“ Объ этомъ 26-го августа 1816 г. было послано циркулярное предписаніе министра полиціи, а октября 18-го сенатскій указъ.

Это положеніе комитета министровъ опять не могло соотвѣтствовать своей цѣли, заключая ошибку не менѣе важную какъ постановленіе о разсылкѣ скопцовъ по полкамъ. Восточная Сибирь считается скопцами обѣтованною землей, тамъ, по ихъ вѣрованію, находится ихъ отецъ-искупитель, оттуда онъ долженъ придти для окончательнаго утвержденія своей ереси. Потому скопцы шли въ Иркутскую губерію съ радостію, говоря что промыслъ Божій видимо и явно совершается надъ ними, что отецъ-искупитель, вѣрный своему обѣтованію, собираетъ вокругъ себя своихъ дѣтушекъ и пр. Сверхъ того петербургскіе скопцы посылали сибирскимъ значительныя суммы денегъ, собственно для распространенія скопчества, о чемъ неоднократно производились дѣла. Такимъ образомъ Восточная Сибирь сдѣлалась новымъ гнѣздомъ и притономъ скопчества, и эта ересь до того начала тамъ распространяться, что правительство въ послѣдствіи принуждено было издавать особыя постановленія относительно оскопляющихся ссыльныхъ поселенцевъ и даже каторжныхъ.

Въ 1816 же году (27-го октября) послѣдовалъ указъ о томъ что оскопленіе, какъ преступленіе близкое къ самоубійству, всемилостивѣйшимъ манифестомъ не прощается, ибо еще 1806 года (іюня 25-го) скопцовъ повелѣно признавать *врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ*; почему, за подведеніе скопцовъ подъ милостивый манифестъ, орловской уголовной палатѣ сдѣланъ былъ выговоръ. *

---

* *Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи* XXXIII № 26.485. Сенатъ 27-го апрѣля 1816 года слушалъ три дѣла о скопцахъ, представленныя орловскимъ губернаторомъ: 1) о крестьянахъ малолѣтнихъ помѣщиковъ Кошелевыхъ: Андрея Печеревковѣ, Ѳедорѣ Ушаковѣ и Тимофеѣ Муратовѣ, 2) о крестьянинѣ помѣщика Страхова Александрѣ Маринниковѣ и 3) о крестьянахъ князя Куракина: Ѳедорѣ Ивановѣ, Борисѣ Тимоѳеевѣ, Иванѣ Семеновѣ, Васильѣ Карповѣ, Петрѣ Филипповѣ и Никитѣ Кузьминѣ. Всѣ они были судимы за самооскопленіе. Орловская уголовная палата, на томъ основаніи что они оскопили себя до изданія всемилостивѣйшаго манифеста 30-го августа 1814 года, полагала освободить ихъ отъ поступленія съ ними по законамъ. Сенатъ, на основаніи высочайшаго указа 8-го января 1807 года и высочайше утвержденной выписки изъ журнала комитета министровъ 27-го сентября 1812 года, постановилъ: годныхъ изъ нихъ отдать въ военную службу съ зачетомъ

XVIII.

Между тѣмъ отецъ-искупитель преспокойно жилъ въ домѣ Ненастьева, принимая божескія почести отъ дѣтушекъ, посѣщая „соборы“ въ домахъ другихъ петербургскихъ скопцовъ и близкіе къ Петербургу корабли Фроловыхъ. Съ послѣдователями жившими въ мѣстахъ отдаленныхъ онъ велъ обширную переписку. * Со всѣхъ сторонъ скопцы

помѣщикамъ ихъ за рекрутъ, а неспособныхъ къ военной службѣ отослать на казенные заводы. Орловской же уголовной палатѣ за неправильное заключеніе сдѣлать выговоръ. Преступленіе же, сказано въ сенатскомъ постановленіи, какъ близкое къ самоубійству, не прощается всемилостивѣйшимъ манифестомъ, ибо высочайшимъ указомъ прописаннымъ въ ордерѣ министра юстиціи бывшему оберъ-прокурору Шетневу отъ 25-го іюля 1806 года повелѣно признавать таковыхъ преступниковъ врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ божіихъ и гражданскихъ. Въ отвращеніе того, дабы по прочимъ губерніямъ не могло послѣдовать подобныхъ сдѣланному орловскою уголовною палатой неправильныхъ заключеній при рѣшеніи дѣлъ о скопцахъ, сенатъ разослалъ повсемѣстно печатные указы отъ 27-го октября 1816 года.

* Нѣкоторые говорятъ что Кондратій Селивановъ былъ безграмотенъ. Это несправедливо. Вотъ, напримѣръ, два письма его, писанныя къ калужскому священнику Ивану Сергѣеву, увлекшемуся было въ хлыстовско-скопческую ересь и по раскаяніи представившему эти письма въ святѣйшій синодъ. Всѣхъ писемъ Селиванова къ нему болѣе десяти.

Письмо 3. Христосъ воскресе! Воистину воскресе во славу Божію, а намъ на спасеніе и вѣчную радость. Возлюбленному моему сыночку И. С. Посылаю я тебѣ мое отеческое благословеніе и милость Божію съ неба и покровъ Отца моего небеснаго и низкой мой поклонъ съ покровомъ Отца моего небеснаго. Любезный мой сыночекъ поживи, а мнѣ истинному отцу-искупителю послужи въ кротости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ. Храните чистоту и дѣвство, оберегайтесь лѣпости и праздныхъ словъ и хмѣльныхъ напитковъ. А на бесѣду ходи, только не загладывайся на сестеръ и не давай видимыхъ гостинцевъ. Отъ нихъ заходитъ лѣпость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отводитъ. А ты любезный мой сыночекъ самъ знаешь какъ надобно жить и душу спасти. Еще, любезный мой сыночекъ, И. С., нельзя ли тебѣ побывать ко мнѣ, отцу своему искупителю. А я сердечно тебѣ радъ и желалъ бы я тебя

приходили къ нему просить благословенія, милости и покрова. Онъ раздавалъ имъ сухарики, кусочки сахара, ладана, восковой свѣчи. Все это принималось какъ великая святыня. Еще большею святыней почитались остатки пищи отъ стола Селиванова и части его „святыхъ живыхъ мощей“: обрѣзанные ногти, оставшіеся въ гребнѣ волосы, кусочки его одежды. Ихъ завертывали въ бумажкахъ и держали у образовъ, или зашивали въ ладонки и носили на крестѣ вмѣстѣ съ рублями и полтинниками, чеканенными въ непродолжительное царствованіе Петра III. Изъ монетъ Петра III особенно уважались такъ-называемые „крестовики“, на которыхъ четыре буквы П. вычеканены были крестообразно. Съ разныхъ сторонъ привозили въ Петербургъ, къ Кондратью Селиванову, скопческихъ учителей, наставниковъ, пророковъ и пророчицъ, которыхъ онъ благословлялъ на исполненіе ихъ должностей, махая на нихъ платкомъ,* давалъ имъ по

повидать лично и побесѣдовать съ тобою. Итакъ, остаюсь истинный вашъ отецъ-искупитель. Прошу и молю небеснаго своего Отца дабы похранилъ жизнь вашу до конца. Истинный вашъ отецъ, остаюсь живъ и здоровъ на вѣки. Аминь. Еще желалъ бы я тебѣ знаться и водиться съ моимъ любезнымъ и старинымъ сыночкомъ С. М.

Письмо 4. Христосъ воскресе! Воистину воскресе во славу Божію, а намъ на спасеніе и вѣчную радость. Возлюбленному моему сыночку И. С. Посылаю тебѣ заочно миръ и мое отеческое благословеніе. Не заглядывайтесь на женскій полъ, отъ женскаго пола приходитъ человѣкъ въ слабость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога отвращаетъ. А намъ только дана чистота наша и душу спасти. А вы люди ученые, вамъ можно знать кто какъ себя спасалъ: какое житіе велъ Дмитрій Ростовскій и Богу служилъ, такъ и Иннокентій Иркутскій, который взялъ благодать въ Москвѣ. Но и всѣ угодники на землѣ не въ славѣ были, а слава вѣчная на небеси. Возлюбленный мой сынокъ, воззри на житіе отца своего искупителя, какъ я жизнь свою проводилъ, какія нужды пріялъ въ дальней странѣ, и обратите вниманіе и сердечные очи на глаголы истинные своего отца и посмотрите на понесенныя мною скорби и раны и раздробленные мои члены. А все сіе сотворилъ для того чтобы показать чистоту и дѣвство и утвердить истинный залогъ и разорить лѣпость и нечистоту. Такъ остаюсь истинный отецъ, прошу и молю небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благочестіи до конца и прочихъ. А тебѣ посылаю на вѣки мой покровъ отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

* Это называлось „подавать покровъ“. Платокъ отца-искупителя скопцы называли „покровомъ“.

тѣльному кипарисному кресту, по платку (покровъ) и по нѣсколько маленькихъ образковъ (финифтевыхъ) и сухариковъ для раздачи „вѣрнымъ праведнымъ“. *

Крестьянинъ Иванъ Андреяновъ, въ своемъ донесеніи императору Александру Павловичу, говорилъ: „Когда отецъ-искупитель новопоставленному скажетъ бывало свою милость и покровъ, то давалъ ему обѣ ручки, также и каждому. А люди Божіи, принимая его ручки и платокъ, крестились,

* Крестьянинъ Иванъ Андреяновъ, въ донесеніи поданномъ императору Александру Павловичу въ 1825 году, говоритъ: „когда отецъ-искупитель благословляетъ какого-либо скопца на должность учителя, то служащіе отцу-искупителю даютъ благословленному съ головы его волосы.... Я привезъ съ собой въ Петербургъ нѣсколько волосъ съ головы искупителя, мнѣ далъ ихъ учитель мой Алексѣй Ивановъ въ знакъ великаго подарка. Нѣсколько же волосовъ съ головы учителя моего (Алексѣя Иванова) дала мнѣ крестьянка-пророчица скопцовъ. Люди божіи такіе волоса принимаютъ съ великимъ уваженіемъ и называютъ таковые „частями живыхъ мощей“ и хранятъ у себя съ бережливостію.“ Въ 1827 году возникло въ Суздалѣ дѣло о монахинѣ Паисіи. У нея въ кельѣ найдены были волосы и обрѣзки ногтей, тщательно сохраняемые. По производившемуся вслѣдствіе дѣла о Паисіи розысканію, въ Москвѣ былъ обысканъ домъ купчихи Анны Аѳанасьевны Подкатовой, гдѣ бывали скопческія собранія и гдѣ передъ тѣмъ жилъ наставникъ, скопецъ Ларіонъ Подкатовъ, и цеховая Анна Ивановна пророчица, бывшіе въ сношеніяхъ съ монахинею Паисіею. Во время обыска и здѣсь были найдены обрѣзки ногтей и волосъ. Подкатова и Иванова сказали, что волосы и ногти остались у нихъ въ воспоминаніе отца Ларіона Андреевича Подкатова, тогда уже умершаго. Тутъ же найдено было шесть гусиныхъ перьевъ очиненныхъ безъ раскепа и загнутыхъ крючкомъ, коихъ употребленіе неизвѣстно, четыре пряжки, особаго рода ножъ, шесть стклянокъ съ примочками. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1829 г., № 26.) Дезертиръ Будылинъ въ своемъ объявленіи показалъ что всѣ почти скопцы имѣютъ у себя полученные отъ отца-искупителя волосы, которые сохраняютъ на крестахъ въ ладонкахъ и въ сундучкахъ, и почитаютъ за великую святыню. (*Дѣло того же департамента* 1829, № 81.) Тамбовской губерніи, Усманскаго уѣзда, въ 1829 году, при обыскѣ дома солдатки Дарьи Григорьевой Чулковой, принадлежавшей къ скопческой сектѣ, найдены человѣческіе волосы, аккуратно завернутые въ бумажку и хранившіеся въ деревянныхъ небольшихъ складняхъ. При осмотрѣ же въ домахъ живущихъ въ городѣ Усманѣ дѣвокъ, Матрены Чулковой, Надежды Мартемьяновой, Авдотьи и Надежды Труб-

прикладывались къ онымъ, и крестясь, кланялись искупителю въ ноги. Служащіе же при искупителѣ давали нѣкоторымъ съ головы его волосы и *Посланіе отца-искупителя*, въ которомъ описаны его страданія." По словамъ Андреянова, отецъ-искупитель спрашивалъ иногда у приходившихъ: убѣленъ ли такой-то, и умѣетъ ли радѣть, и когда ему отвѣчали что убѣленъ и радѣть умѣетъ, то говорилъ: „Ну, дай Господи, дѣтушки: тотъ у меня и архіерей кто стоитъ у моихъ дверей, тотъ у меня, отца, и генералъ, кто плоть свою

никовыхъ (изъ нихъ Надежда Ивановна Трубникова, по показанію Будылина, была наставницею или пророчицею), найденъ въ сундукѣ кипарисный тѣльный крестъ, а при немъ привязаны задонки, въ которыя были зашиты сѣдые волосы и два маленькіе кусочка ладана. (*Дѣло того же департамента*, 1829 года, № 107.) У скопцовъ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, въ 1829 году найдены были волосы и ногти, которые они носили на шеѣ при крестахъ. Тамошній скопческій учитель Захаръ Григорьевъ показалъ, что волосы и ногти достались ему въ знакъ памяти отъ бывшаго наставника скопцовъ Селиванова, жившаго въ Петербургѣ, въ домѣ Кострова, а потомъ сосланнаго въ Суздаль. Чиновникъ XIV класса скопецъ Ѳедоръ Васильевъ показалъ, что волосы и ногти далъ ему петербургскій скопецъ Андрей Костровъ, съ тѣмъ чтобъ ихъ носить на шеѣ, при крестѣ, ибо, по увѣренію Кострова, они отъ мощей Александра Невскаго. (*Дѣло того же департамента.* 1829 года, № 148.) Воронежскаго уѣзда, у солдатки Емельяновой и у другой женщины, состоявшихъ въ скопческой сектѣ, въ 1836 году найдены узелки съ ладаномъ, воскомъ и какими-то коретками. (*Дѣло того же департамента* 1836 г., № 270.) При осмотрѣ въ началѣ нынѣшняго года дома мортанскаго купца Максима Плотицына, „скопца неоскопленнаго", найдены были завернутые въ бумажку сѣдые волосы. Калужскій священникъ Иванъ Сергѣевъ, бывшій въ переписки съ Кондратьемъ Селивановымъ, въ своемъ *Изъясненіи раскола именуемаго христовщина или хлыстовщина*, говоритъ: „Есть у нихъ высочайшій учитель, а о имени и въ письмахъ своихъ никому не объявляетъ. Послѣдователи его зовутъ „государемъ", „батюшкою", „богатымъ гостемъ", купцомъ торгующимъ безцѣннымъ товаромъ, то-есть словомъ Божіимъ, „рѣкою Дономъ". Отъ него происходятъ всѣ пророки и учители. Онъ „батюшка" всегда пребываетъ *въ одномъ изъ первыхъ городовъ*, къ нему со всѣхъ сторонъ съѣзжаются просить благословенія. Онъ одѣляетъ крестами и даритъ иконами, отсутствующимъ же посылаетъ сухарики, коими будто самъ питается, просфиры, баранки и воду святую. Употребляютъ все сіе какъ святыню."

не замаралъ." Однажды, продолжалъ Иванъ Андреяновъ, нѣкая женка принесла искупителю десять копѣекъ мѣдью. Искупитель вынесъ эти деньги въ собраніе, положилъ на столъ и сказалъ: „сія женка принесла мнѣ только десять копѣекъ, но отъ усердія и оное мнѣ пріятнѣе прочихъ, пріятнѣе большаго приношенія". У искупителя мало молятся Богу: только полагаютъ по три поклона въ землю, а поклоняются ему или его портрету; но всѣ радѣютъ до сыта, поютъ духовныя пѣсни, слушаютъ отъ пророка слово и расходятся по своимъ мѣстамъ; а сходятся въ соборъ искупителя всегда въ полдень. Одинъ изъ пророковъ, провѣщавшій въ мірѣ искупителя, выпѣлъ что въ искупителѣ ихъ Господь Саваоѳъ и съ ручками и съ ножками.... Учитель мой (Алексѣй Ивановъ) говаривалъ: „у Небеснаго Отца слуги безплотные, такъ и у государя батюшки слуги безъ плоти (то-есть оскопленные); прежніе святые бесѣдовали съ Богомъ лицомъ къ лицу, такъ и теперь святые божьи (то-есть скопцы) бесѣдуютъ съ богомъ лицомъ къ лицу"... Восемь лѣтъ тому назадъ (сталобыть въ 1816 году) ѣздили въ Петербургъ къ искупителю двѣ дѣвицы пророчицы, а по возвращеніи говорили что передъ святыми образами не должно возжигать масла, такъ какъ въ Питерѣ у искупителя и у хорошихъ людей масла не возжигаютъ передъ образами. Онѣ тогда же говорили, что не должно молиться за умершихъ. Все это по внушенію искупителя. Дѣвицамъ этимъ искупитель пророкъ: „Аннушка да Феклушка! я, отецъ, растворю для васъ соборы, и божьи люди васъ примутъ и угостятъ, и вы не будете въ нуждѣ". Но онѣ теперь, замѣчаетъ Иванъ Андреяновъ, отъ божьихъ людей прогнаны и не имѣютъ пристанища... Искупитель благосклонно отзывался объ отсутствующихъ его послѣдователяхъ. Онъ говаривалъ: „невидящіе меня, отца, и вѣрующіе въ меня преблаженны; иной и со мной да стоитъ ко мнѣ спиной, а иной и далеко, да близко моего бока". Нѣкоторые приходили къ искупителю въ веригахъ и просили позволенія носить ихъ; искупитель отвѣчалъ: „во иное время носите, а въ другое подъ лавку кладите; мои дѣтушки носятъ тайныя вериги". *

Отецъ-искупитель долго жилъ въ домѣ Ненастьева. Ненастьевы находились въ короткихъ отношеніяхъ съ разными

* *Донесеніе крестьянина Ивана Андреянова императору Александру Павловичу*, поданное въ февралѣ 1825 года.

лицами изъ петербургскаго духовенства, изъ купечества и даже изъ образованнаго общества. Многіе изъ ихъ знакомыхъ хотя и не принадлежали къ хлыстовщинѣ, но искали случая увидѣть Селиванова и получить отъ него благословеніе. Онъ слылъ за святаго человѣка, объ немъ разсказывали много таинственнаго, чудеснаго, поговаривали что онъ предсказываетъ будущее, а этого было достаточно для нѣкоторыхъ чтобы спѣшить къ Ненастьеву и добиваться свиданія съ праведникомъ. Нерѣдко въ домѣ Ненастьева появлялись благочестивые монахи и монахини, какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжавшіе въ столицу за сборами. Нерѣдко по нѣсколько каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четвернями и шестернями, стояли въ Басковомъ переулкѣ, у дома Ненастьева. Это набожныя петербургскія барыни пріѣзжали къ праведнику принять благословеніе, послушать поученій, а можетъ-быть и пророчество услышать. Не всѣ однако видали „праведника“, но только приводимые кѣмъ-либо изъ семейства Ненастьевыхъ. Селивановъ и ихъ одѣлялъ сухариками, пряниками, баранками, иногда финифтяными образками, и имъ давалъ цѣловать свои руки и одежду. При этихъ поклоненіяхъ, разумѣется, не происходило ничего оказывающаго хлыстовско-скопческую ересь. Для усыпленія бдительности полиціи и чтобы доказать неосновательность слуховъ, нѣкоторые не могли же не распространяться о тайномъ ученіи и обрядахъ скопцовъ, Ненастьевы, а потомъ Костровъ и Солодовниковъ, у которыхъ жилъ Селивановъ, приглашали къ себѣ и министра полиціи Балашова, и петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, и графа Петра Александровича Толстаго, и оберъ-полицеймейстеровъ, и другихъ. При нихъ совершали они молитвы и слушали поученія, но тогда, конечно, не упоминалось ничего такого что могло бы показаться предосудительнымъ. Бывали у Селиванова и тогдашніе мистики: князь А. Н. Голицынъ, А. Ѳ. Лабзинъ, В. М. Поповъ и другіе почитавшіе его боговдохновеннымъ сосудомъ. Въ Михайловскомъ дворцѣ, у Татариновой, совершались тѣ самые обряды какіе совершались по ночамъ у отца-искупителя.

О собраніяхъ „вѣрныхъ праведныхъ“ у своего батюшки царя израильскаго имѣемъ свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ. Приведемъ изъ нихъ три: одно того времени когда Селивановъ жилъ у Ненастьева, другое когда онъ жилъ у

Кострова, третье когда онъ имѣлъ пребываніе уже въ своёмъ домѣ, построенномъ для него Солодовниковыми.

Въ сентябрѣ 1846 года, когда въ Петербургѣ и Кронштадтѣ производились розыски скопцовъ, семидесятилѣтній отставной фельдфебель Николай Ивановъ, служившій при маякахъ, а послѣ отставки жившій въ Кронштадтѣ, далъ весьма любопытныя показанія о собраніяхъ въ домѣ Ненастьева. Онъ не былъ оскопленъ, но нѣкоторое время находился въ обществѣ скопцовъ, отъ которыхъ вскорѣ отсталъ и женился.

Будучи лѣтъ тридцати съ небольшимъ, онъ въ 1808 году служилъ въ Ревелѣ и тамъ познакомился съ унтеръ-офицеромъ морскаго вѣдомства Александромъ Дмитріевымъ. Этотъ Дмитріевъ былъ оскопленъ, и онъ, и жена его принадлежали къ скопческой ереси, чего однако не зналъ тогда Николай Ивановъ. Въ 1810 году обоихъ ихъ перевели изъ Ревеля: Иванова въ Кронштадтъ, гдѣ онъ съ тремя матросами (оскопленными) жилъ на Толбухинѣ маякѣ, а Дмитріева въ Петербургъ, въ адмиралтейскія мастерскія.

Зимой, когда службы на маякахъ не было, Николай Ивановъ по праздникамъ ѣзжалъ въ Петербургъ и посѣщалъ ревельскаго своего знакомца Александра Дмитріева въ его квартирѣ. Случились два праздника сряду, онъ поѣхалъ изъ Толбухина въ Петербургъ и остановился у Дмитріева. „Рано по утру, сказывалъ Николай Ивановъ въ слѣдственной коммиссіи 1846 года, замѣтивъ что Дмитріевъ сбирается идти со двора и узнавъ что онъ идетъ къ заутренѣ, я просилъ его взять меня съ собою, но онъ велѣлъ мнѣ остаться дома, а самъ ушелъ. Часу въ десятомъ утра пришелъ ко мнѣ молодой человѣкъ въ купеческой одеждѣ, совершенно мнѣ незнакомый, назвалъ меня по имени, говорилъ что онъ меня знаетъ и пригласилъ идти съ собой къ обѣднѣ.

„— Куда же мы пойдемъ, къ Спасу на Сѣнной что ли?—спросилъ я его, выходя изъ дому.

„— Да, къ спасу, * отвѣтилъ молодой человѣкъ, и мы пошли.

„Но вмѣсто того чтобъ идти въ церковь Спаса на Сѣнной, онъ привелъ меня въ Старокопюшенную улицу (Басковъ переулокъ), въ домъ Ненастьева.

---

* Скопцы Кондратья Селиванова звали „спасомъ".

„Мы вошли въ комнату нижняго этажа. Тамъ сняли съ меня бывшее на мнѣ платье и дали надѣть халатъ и туфли. Въ этой комнатѣ было нѣсколько осколенныхъ мальчиковъ разнаго возраста. По ихъ лицамъ, я принялъ ихъ за выздоравливающихъ послѣ тяжкой болѣзни, не зная что они излѣчивались тутъ отъ оскопленія. Мальчики просили моего вожатаго подвести меня къ нимъ. Вожатый сказалъ: „На что онъ вамъ?“ Но я самъ подошелъ къ мальчикамъ. Они, посмотрѣвъ на меня внимательно, сказали: „Этотъ будетъ нашъ.“ Послѣ того вожатый повелъ меня вверхъ по лѣстницѣ. Ступивъ на третью ступень, услыхалъ я слѣдующія слова, пѣтыя на распѣвъ: „Овцы, вы овцы, овцы бѣлыя мои!“ Я остановился отъ удивленія; но вожатый взялъ меня подъ руку и повелъ далѣе, сказавъ: „Какой ты любопытный!“

„Мы пришли въ комнату, гдѣ нашли: Александра Дмитріева, чиновника Пищулина, до того времени мнѣ неизвѣстнаго, и еще одного чиновника, котораго я видалъ въ Ревелѣ. Мы сѣли на диванъ, и они стали давать мнѣ наставленіе какъ должно жить на свѣтѣ, на что я отвѣчалъ имъ что я и самъ понимаю что хорошо, что худо. Поговоривъ немного, Пищулинъ сказалъ мнѣ:

„Теперь пойдемъ къ „богу“, дѣлай что я буду дѣлать, и молись съ крестомъ.“

Въ отвѣтъ на это, я показалъ ему бывшій у меня на шеѣ крестъ; но Пищулинъ съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ:

„Ты не понялъ моихъ словъ; крестись на него.“

„Привели меня въ комнату, устланную цѣльнымъ большимъ ковромъ, на немъ вытканы были лики ангеловъ и архангеловъ. Мнѣ страшно стало ступать на святыя изображенія, но Пищулинъ дернулъ меня и велѣлъ идти. Я увидалъ кровать. Постланные на ней пуховики были въ мой ростъ, надъ кроватью былъ пологъ съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями. На постели лежалъ въ пуховикахъ старикъ въ батистовой рубашкѣ, котораго Пищулинъ и собратія его называли „богомъ“. Они молились ему, какъ мы молимся истинному Богу. Пищулинъ сталъ молиться на колѣняхъ и мнѣ велѣлъ то же дѣлать.

„Богъ, указывая на меня, спросилъ Пищулина:

„Давно ли онъ желаетъ?“

„Уже съ годъ“, отвѣчалъ тотъ.

Тогда богъ приказалъ Пищулину подать себѣ крестъ, взялъ

его, поцѣловалъ и мнѣ далъ приложиться ко кресту и потомъ поцѣловать свою руку. Затѣмъ онъ сказалъ Пищулину:

„Отведи его къ пророку.“

„Пищулинъ привелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣло четыре человѣка, въ томъ числѣ и Дмитріевъ. Кромѣ ихъ, тутъ находился еще одинъ человѣкъ, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ пророкомъ, а пророкъ, одѣтый въ бѣлую до пятъ рубашку, и стоя, пророкалъ будущее, но слова его были для меня непонятны. И я въ свою очередь сталъ передъ пророкомъ на колѣни, и онъ обѣщалъ мнѣ золотой вѣнецъ и нетлѣнную ризу. Пророкъ оканчивалъ свои пророчества, махая платкомъ и говоря: „Оставайся богъ съ тобой и покровъ мой надъ тобой.“ Онъ велѣлъ отвести меня въ „соборъ“, и бывшіе въ комнатѣ повели меня внизъ, откуда раздавалось слышанное мною пѣніе.

„Комната, въ которую мы вступили, была огромной величины; вокругъ стѣны стояли стулья; тутъ было больше ста человѣкъ, въ томъ числѣ и мои товарищи по маяку, матросы Ефимъ Сидоровъ, Аверьянъ Ивановъ и Флоръ Гурьевъ. Всѣ были въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, и напѣвая, кружились въ два ряда. Это они, по ихъ выраженію, „ходили кораблемъ“. Въ маломъ пространствѣ оставшемся середи круга нѣсколько человѣкъ вертѣлись на одномъ мѣстѣ. Меня посадили на стулъ и заставили, такъ же какъ и у другихъ сидѣвшихъ на стульяхъ, разостлать на колѣни платокъ и подлаживать пѣнію кружившихся, ударяя въ тактъ руками и ногами. Такъ шло весь день до вечера. Часу въ девятомъ вечера пѣніе и круженіе вдругъ прекратилось минутъ на пять. Настала мертвая тишина. Потомъ запѣли:

Царство, ты царство,
Духовное царство,
Во тебѣ во царствѣ
Благодать великая, —

и послѣ того снова все затихло.

„Тутъ растворились двери, и богъ, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, тихо вошелъ въ комнату. Его вели подъ руки два человѣка, которыхъ называли Іоанномъ Предтечей и Петромъ Апостоломъ. На нихъ были темныя рясы, подпоясанныя ремнями. Увидя ихъ всѣ пали на колѣни, а богъ, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, говорилъ

„покровъ мой святой надъ вами“, и прошелъ на женскую половину.

„Женское отдѣленіе было въ смежной комнатѣ; въ стѣнѣ же раздѣлявшей обѣ комнаты было прорублено низкое, но широкое окно, которое по приходѣ бога открыли. На этомъ окнѣ была постлана постель, на которую богъ и сѣлъ. Предтеча и апостолъ остались на женской половинѣ у самого ложа бога. Пророчицы начали богу пророчествовать. За симъ какъ женщины, такъ и муцины, стали кружиться. Богъ, пробывъ тутъ съ часъ времени, снова былъ отведенъ тѣми же что̀ привели его. Съ уходомъ его, окно на женскую половину было закрыто, но круженія не прекращались.

„Часу въ двѣнадцатомъ по полуночи кружившіеся стали прыгать всѣ въ одинъ разъ, такъ что стѣны тряслись, и кричать: „Ай духъ!“ Это навело на меня такой страхъ, что я хотѣлъ выскочить въ окно; но меня удержали. Вдругъ шумный крикъ замѣнился тихимъ пѣніемъ: „Царь Богъ, Царь Богъ“. И снова стали кружиться.

„Вскорѣ соборъ прекратился, всѣ разошлись, а я остался ночевать въ томъ домѣ, но въ особой комнатѣ, вмѣстѣ съ человѣкомъ который меня привелъ туда. На другой день повторилось то же самое, и меня отпустили уже на третьи сутки. Я съ товарищами отправился въ Кронштадтъ.

„Въ Кронштадтѣ меня привезли въ „кронштадтское братское общество“, находившееся въ нижней широкой улицѣ, въ домѣ Родіонова, куда я и прежде хаживалъ, но еще не зналъ о существованіи общества. По приходѣ нашемъ общество радушно насъ встрѣтило, всѣ стали молиться другъ на друга, а прибывшіе со мной товарищи сказали: „Батюшка и духъ святый и вѣрные праведные кланяются.“ Тутъ прочли письмо отъ Пищулина, въ которомъ было написано что я былъ принятъ въ общество.

„Я хаживалъ къ нимъ рѣдко. Однажды меня затащили въ общество, мы стали кружиться, но у меня съ непривычки закружилась голова, я упалъ и уронилъ съ собою нѣсколько человѣкъ. Въ этомъ обществѣ читывали страданія ихъ бога. Слушая, они заливались слезами, а я, чувствуя ко всему этому омерзеніе, оставался равнодушнымъ. За то они называли меня истуканомъ. Однажды я спросилъ чиновника котораго видѣлъ въ домѣ Ненастьева, кто этотъ старичокъ котораго они называютъ богомъ.

„Это государь Петръ Ѳедоровичъ“, отвѣчалъ онъ. *

„Бога скопцовъ я видывалъ каждый разъ какъ бывалъ въ Петербургѣ въ ихъ обществѣ, въ домахъ Ненастьева и Кострова. Въ семъ послѣднемъ домѣ видѣлъ я бога, такъ же какъ и впервые, сидѣвшимъ на богатой постели. Въ другомъ положеніи я его не видывалъ. Когда же этотъ богъ бывалъ на соборѣ, то на ногахъ у него были золотомъ шитыя туфли, на которыхъ, какъ помнится, находились какія-то священныя изображенія.“

Когда Селивановъ жилъ у Ненастьевыхъ, домъ ихъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ странноприимной обители. Скопцы такъ и называли его. Сюда стекались многочисленные послѣдователи хлыстовско-скопческой ереси со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ бывали изъ Иркутска, изъ Одессы, изъ Рыги, изъ

* Далѣе фельдфебель Ивановъ разказывалъ слѣдующее: „все что я видѣлъ и слышалъ въ этомъ обществѣ, настоящей цѣли котораго не постигалъ, посѣяло во мнѣ сильное къ нимъ отвращеніе. Но какъ я уже слышалъ что всѣ эти люди оскоплены, то желая въ томъ убѣдиться, сказалъ однажды Пищулину что видѣлъ сонъ, будто бы Николай Чудотворецъ мнѣ говорилъ, „ежели хочешь быть спасенъ, оскопись“. „Экой ты глупый, возразилъ Пищулинъ, это самъ богъ вложилъ тебѣ эту мысль.“ „Да развѣ вы обрѣзаны?“ сказалъ я Пищулину. „Да какъ же, отвѣтилъ мнѣ онъ, безъ того нельзя спастись.“ Тутъ я получилъ омерзеніе и сталъ отъ нихъ удаляться. У меня были разныя духовныя книги, и когда скопцы замѣтили что я стараюсь отъ нихъ удаляться, то сперва уговаривали меня сжечь эти книги, потомъ предлагали за нихъ большія деньги, говоря что чтеніе ихъ развращаетъ меня и отвлекаетъ отъ истиннаго пути; но всѣ ихъ убѣжденія остались тщетными. Эти книги были моимъ утѣшеніемъ, и я сохранилъ ихъ. Пророкъ и еще какой-то купецъ пріѣзжали изъ Петербурга уговаривать меня не отходить отъ нихъ, требовали только чтобъ я не женился, предоставляя свободу имѣть незаконныя связи, но всѣ ихъ убѣжденія остались безполезны, я оставилъ ихъ общество, и въ 1813 году женился. Тѣмъ и прекратились мои сношенія съ этими людьми. Во время знакомства моего съ ними, когда я уже сталъ съ ними коротокъ, они говорили мнѣ что міръ проклятъ, что божиться въ этомъ мірѣ нѣтъ грѣха, лишь бы не говорить правды; православную церковь называли „муравьинымъ гнѣздомъ“, поносили св. причащеніе и говорили, что ежели они и ходятъ въ церковь, такъ только за тѣмъ чтобы къ нимъ не привязывались. „Святое причащеніе принимаемъ мы, говорили они, по нуждѣ; возьмемъ за скулу, послѣ можно выплюнуть“. Ихъ же причащеніе заключалось въ кренделяхъ, освященіе которыхъ состояло въ томъ

Алатыря, словомъ, отовсюду гдѣ была распространена ересь, а распространена она была почти по всѣмъ губерніямъ. * Приходившіе на поклоненіе въ Петербургъ немедленно получали въ обители отца-искупителя покой и пищу и были осыпаемы всевозможными ласками приближенныхъ къ богу. Подъ видомъ заботливости и участія, они старались между тѣмъ вызнавать домашнія отношенія пришедшаго, житейскія его обстоятельства и пр., а потомъ передавъ все это пророку, къ которому посылалъ обыкновенно Селивановъ поклонниковъ, ставили его въ возможность сказать при свиданіи съ посѣтителемъ нѣсколько словъ, которыя бы въ глазахъ пришедшаго свидѣтельствовали что пророкъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ духомъ пророчества. Поклонники съ простосердечіемъ и вѣрой падали предъ Селивановымъ на землю, и получа утѣшеніе и увѣреніе что благодать Божія всегда съ ними пребываетъ, орошали стопы своего „батюшки“ радостными слезами. Снабженный кратkимъ наставленіемъ для жизни и подаркомъ на благословеніе: бумажнымъ платkомъ, финифтянымъ образkомъ, сухарикомъ, пряникомъ или кусочkомъ сахара, поклонникъ отправлялся въ свою сторону чтобы тамъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ, еще съ бо́льшимъ фанатизмомъ распространять скопческія заблужденія.**

что богъ ихъ касался рукою до тѣхъ кренделей. Когда въ 1812 году въ Россію вступилъ Наполеонъ, скопцы говорили мнѣ, что это сынокъ батюшки (бога), который писалъ къ нему чтобъ онъ шелъ къ намъ. Они увѣряли что при Наполеонѣ будетъ хорошее царствованіе: всѣхъ крестьянъ возьмутъ отъ господъ. Когда же Наполеонъ былъ изгнанъ изъ Россіи, то я сказалъ скопцамъ: что, много ли нацарствовалъ вашъ Наполеонъ? „А это отъ того, отвѣчали они, что онъ батюшки не послушалъ“. Въ Кронштадтѣ былъ только одинъ пророкъ Яковъ Андреевичъ Кутеверскій, матросъ, находившійся постоянно на вѣстяхъ у корабельнаго мастера; пророчицъ же вовсе не было въ Кронштадтѣ. Онѣ находились въ Петербургѣ, и каждому изъ насъ порознь пророчили. Онѣ между прочимъ говорили что у нихъ была богородица Акулина Ивановна, умершая въ какой-то губерніи, названіе которой не припомню, и что она воскреснетъ.

* Кромѣ Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Витебской, Волынской, Минской и Астраханской; но и въ этихъ губерніяхъ скопцы и хлысты не были только открываемы формальными слѣдствіями, въ тайнѣ же и тамъ находились.

** В. И. Даля *Изслѣдованіе о скопцахъ*. Скопческіе учители жившіе въ отдаленныхъ мѣстахъ и „страдальцы скопцы“,

Вмѣсто всей этой „святыни“, дешево стоившей приближеннымъ Селиванова, они получали отъ поклонниковъ дары болѣе существенные: деньги текли рѣкой, и въ непродолжительномъ времени казна „обители“ въ домѣ Ненастьева обогатилась до чрезмѣрности. Очевидцы, изъ которыхъ многіе были живы въ сороковыхъ годахъ, а нѣкоторые, можетъ-быть, живы и теперь, увѣряютъ, что самъ Селивановъ изъ этихъ пожертвованій ничѣмъ не пользовался, за то приближенные его не упускали случая поживиться на счетъ легковѣрія ближнихъ и дальнихъ почитателей отца-искупителя. Многіе изъ нихъ нажили значительное состояніе. Больше всѣхъ обогатился Солодовниковъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ казначея въ обители Ненастьева, а въ послѣдствіи державшій отца-искупителя въ своемъ домѣ.

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

(*Продолженіе будетъ.*)

то-есть находившіеся подъ судомъ или слѣдствіемъ и сидѣвшіе въ тюрьмахъ, также получали изъ Петербурга подарки: кулекъ пряничныхъ орѣховъ, кренделей, сухой рыбы, равно и другихъ предметовъ остающихся отъ стола отца-искупителя. Эти объѣдки своего царя и бога принимали они какъ драгоцѣннѣйшую святыню, раздѣляли между „вѣрными-праведными“ и употребляли не иначе какъ катоцакъ, съ великимъ, благоговѣніемъ, тогда какъ пріобщаясь въ православной церкви, передъ причастьемъ тихонько завтракали. Пузырьки съ помоями оставшимися послѣ умыванья Селиванова также разсылали какъ святыню, но самою великою святынею были „части святыхъ живыхъ мощей“, то-есть волосы, обрѣзанные ногти и т. п. Самыя нечистоты Селиванова почитаемы были за святыню.

ВОСПОМИНАНІЯ САМОВАРА

I.

„Какъ? Развѣ самоваръ смыслитъ что-нибудь?!“ воскликнутъ, пожалуй, люди. „Развѣ въ самоварѣ можетъ быть память, умъ, соображеніе?...“ О люди! если въ васъ частенько нѣтъ этихъ качествъ, то это, повѣрьте, не есть еще доказательство отсутствія ихъ въ самоварѣ.

Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ только вопросъ: несмотря на ваше безграничное самолюбіе, на ваши увѣренія что вы стоите выше всего на свѣтѣ, не признали ли вы за столами способности предугадывать будущее? Не одни глупцы, но нерѣдко и умные, образованные люди не обращаются ли съ задушевными вопросами къ вертящимся и стучащимъ столамъ? А что̀ такое въ сущности столъ? Дерево, — не болѣе. Я стою выше мелкой зависти; но признаюсь, не могу безъ негодованія подумать о несправедливости людей. Какъ часто ихъ идолы нелѣпы, ничтожны, и какъ часто они не оцѣниваютъ истинно достойнаго! Какое же сравненіе между столомъ, этимъ беззвучнымъ, холоднымъ созданьемъ, и самоваромъ, въ которомъ столько жизни, теплоты, огня! И какъ немного нужно чтобы наэлектризовать всѣ его способности! Стоитъ швырнуть въ его трубу нѣсколько угольковъ, да забросить туда искорку огня, и онъ мигомъ зашумитъ, закипитъ, заживетъ всѣми силами своей жизни, согрѣетъ своею теплотой всю окружающую его атмосферу, и если забудутъ влить въ него достаточное количество воды, какъ элемента охлаждающаго, онъ, отъ избытка силы, готовъ разпасться—предпочитая вялому бездѣйствію энергическое прекращеніе своего существованія.

Я познакомился съ жизнью въ домѣ княгини Анны Ѳедоровны Симборской, хотя и проводилъ бо́льшую часть времени на ясеневой полкѣ въ буфетѣ. По утрамъ меня ставилъ лакей Ѳилька, пьяница, но добрякъ, а буфетчикъ Василій Ивановичъ вносилъ меня ровно въ девять часовъ въ столовую и помѣщалъ на столѣ прямо противъ этажерки со множествомъ серебряной посуды; тамъ же, на верхней полкѣ, стоялъ серебряный самоваръ — мой злѣйшій врагъ, причинившій мнѣ бездну горя и обидъ. По вечерамъ всегда его вносили въ гостиную къ княгинѣ: меня не считали достойнымъ этой чести. Я съ чувствомъ собственнаго достоинства переносилъ это оскорбленіе; но когда собиралось много гостей, серебрянаго самовара не хватало. На видъ онъ казался больше меня, но безполезныя украшенія занимали половину его фигуры, и для того чтобы принесть существенную пользу въ немъ недоставало содержанія. Въ продолженіи одного вечера меня ставили нѣсколько разъ кряду. Какъ только серебряный самоваръ оказывался совершенно пустымъ, его вносили въ буфетъ, приближали ко мнѣ, и наполнивъ водой, согрѣтой моими силами, опять несли въ гостиную. Въ послѣдствіи, когда я сталъ замѣчать какъ часто и люди, для того чтобы блестѣть и выказываться въ высшихъ сферахъ, пользуются временемъ, способностями другихъ, незамѣчаемыхъ людей, которыхъ потомъ бросаютъ какъ корку выжатаго лимона,—я нѣсколько утѣшился; но въ первое время моего существованія я былъ юнъ, неопытенъ, слишкомъ горячъ, и не могъ хладнокровно переносить той минуты, когда серебряный самоваръ, вновь кипящій, опять выносили изъ буфета, а меня Ѳилька опять начиналъ ставить, при чемъ иногда, подъ пьяную руку, не обращая вниманія ни на мое изнеможеніе, ни на мою натуру, напояналъ меня прежде горячими угольями чѣмъ водой.

Въ столовую, по утрамъ, на запахъ печенья, первая являлась Биби, болонка княгини, съ замѣчательно длинными, вѣчно мокрыми волосами около морды, и усаживалась на приготовленной для нея, на креслахъ у стола, бархатной подушкѣ. Потомъ входила Мими, хорошенькая воспитанница княгини. Потомъ вбѣгала со связкой ключей въ рукахъ Матрена Петровна, нѣчто среднее между ключницей, приживалкой, подругой и рабой княгини, и начинала приготовлять чай и

кофе, перекидываясь обыкновенно нѣсколькими словами съ Мими и съ Васильемъ Ивановичемъ.

— Что, Марья Андреевна, были-съ вчера опять во французскомъ театрѣ? спросила въ одну изъ такихъ бесѣдъ Матрена Петровна, обращаясь къ Мими.

— Да, отвѣчала отрывисто Мими.

— И князекъ Василій Дмитріевичъ были-съ съ вами? продолжала медленно и съ меланхолическимъ выраженіемъ Матрена Петровна.

— Да. Очень весело было, говорила не безъ намѣренія Мими.

— Не житье, а масленица! воскликнула съ тяжелымъ вздохомъ Матрена Петровна:—театры, да наряды, да ухаживаніе, да бездѣлье, какъ вамъ не хорошѣть при такой жизни. Вотъ при моихъ несчастіяхъ и заботахъ не мудрено что человѣкъ прежде времени состарится, а какъ подумаешь, вамъ вѣдь не было на роду написано такъ жить: не знатнаго происхожденія, вольноотпущеннаго дочка....

— А вы чиновничья дочь, перебивала Мими, съ озлобленіемъ сверкнувъ глазами.—Какъ вамъ не надоѣстъ повторять одно и то же!

— Правду и литній разочекъ не мѣшаетъ прислушать! говорила со спокойною грустью Матрена Петровна.

Раздавался звонокъ. Мими убѣгала въ комнату княгини.

— Ишь какъ рано засуетилась старая вѣдьма! также медленно и грустно бормотала про себя Матрена Петровна.— Что, Василій Ивановичъ, новый чай купленъ? обращалась она къ буфетчику.

Василій Ивановичъ приносилъ ящикъ съ изображеніями уродливыхъ пестрыхъ человѣчковъ. Матрена Петровна отсыпала половину чая въ стеклянную посуду, а другую половину дѣлила на двѣ части, и пересыпавъ ихъ въ два бумажные бурачка, одинъ бурачокъ клала въ свой карманъ (необычайной глубины), а другой передавала Василію Ивановичу.

— Вотъ вамъ, голубчикъ, уговоръ дороже денегъ. Лучше имѣть свой чай чѣмъ ходить все къ шкапу. Мало ли здѣсь въ домѣ разнаго холопья: въ душу каждаго не залѣзешь!

— Эхъ, Матрена Петровна! Мнѣ этотъ разъ приходится получить весь остатокъ. Вы и то со вчерашняго обѣда все вино себѣ забрали!

— Что ты! побойся Бога! никогда я тебя не забываю!

— Много у меня накипѣло противъ васъ на душѣ, когда-

нибудь не стерплю, доведу о васъ всѣ свѣдѣнія ея сіятельству.

— Прикуси язычокъ, голубчикъ, да поставь свѣчку Николаю угоднику за то что я пока молчу о твоихъ-то продѣлкахъ.

— Я человѣкъ простой, а вы, сами говорите, дочь чиновника, такъ вамъ стыднѣе, вотъ что!

— Ой молчи, худо будетъ?

— Много я получилъ отъ васъ за то что молчу? окромѣ непріятностей, ничего!

— Ничего?! Ахъ ты безстыдникъ, ахъ ты воръ безжалостный! воскликнула еще плаксивѣе обыкновеннаго Матрена Петровна. Этотъ оттѣнокъ въ ея голосѣ всегда неблагопріятно дѣйствовалъ на нервы Биби: она начинала выть. Матрена Петровна одною рукой сжимала ей морду, другою давала ей энергическаго тумака.—Замолчишь ли ты, противная тварь?! Господи! Неужели эта собаченка никогда не околѣетъ?! Когда жъ это прекратятся мои мученія! При этихъ словахъ она, бывало, горько заплачетъ и освободитъ морду Биби, чтобы подъ сурдинку высморкаться.

Скоро въ сосѣдней комнатѣ слышался шорохъ шелковаго платья. Василій Ивановичъ кидался къ двери и очень ловко растворялъ обѣ половинки. Входила княгиня, Мими вела ее подъ руку. Матрена Петровна разомъ преображалась: злой взглядъ ея сѣро-зеленыхъ глазъ мигомъ превращался въ приторно-масляный, на искривленныхъ плачемъ губахъ появлялась сладчайшая улыбка, визгливо-хриплый голосъ уступалъ мѣсто вкрадчивому шепоту.

— Какъ ваше сіятельство изволили ночку провести? спрашивала она, мелкими шагами подбѣгая къ княгинѣ.

— Очень дурно, говорила княгиня.

— Опять вѣрно боль въ спинѣ? восклицала съ отчаяніемъ Матрена Петровна.

Княгиня слегка кивала головой и садилась около стола, Василій Ивановичъ подставлялъ ей подъ ноги вышитую скамейку.

— Господи! продолжала не безъ пафоса Матрена Петровна:—когда ты услышишь мои ежечасныя молитвы, когда прекратятся ваши страданія, княгиня!

— Что это у васъ носъ такой красный? перебивала ее княгиня:—опять хныкали?

— Ахъ, ваше сіятельство! мало ли у меня горькихъ воспоминаній и страданій! Другому какъ съ гуся вода, а мена Богу угодно было сверхъ всѣхъ испытаній еще надѣлить черезчуръ чувствительнымъ сердцемъ. Одно мое утѣшеніе что могу посвятить свою жизнь вамъ, моей благодѣтельницѣ!

— Довольно, довольно, Матрена Петровна, у меня и безъ того мигрень.

— Ахъ! святые угодники! уксусу понюхать бы!

— Не нужно? Биби, поди сюда. Биби лѣниво поднималась, вытягивалась, медленно поворачивая хвостомъ, и перескакивала на колѣни къ княгинѣ, гдѣ, лизнувъ ее въ лицо, укладывалась клубкомъ.

— Просто рѣдкость, не собачка! восклицала съ энтузіазмомъ Матрена Петровна.—Какъ она привязана къ вамъ, ваше сіятельство, даже подчасъ трогательно бываетъ! (У нея навертывались даже слезы на глазахъ). Бибишенька, радость ты наша, обращалась она къ Биби, протягивая руку чтобы погладить ее.

Но Биби, начинала ворчать и даже выказывала поползновеніе цапнуть ее.

— Ахъ ты плутовочка! ласково продолжала Матрена Петровна:—знаю чего тебѣ хочется.

Она давала ей кусокъ сахару, Биби бойко выхватывала его, и прищуривъ одинъ глазъ, съѣдала сахаръ, и опять сворачивалась въ клубокъ.

— Не мѣшайте собакѣ, сухо говорила княгиня.

Княгиня была ужь стара, но несмотря на лѣта и высокій ростъ, держалась совершенно прямо. Въ чертахъ ея худощаваго лица видны были слѣды прежней красоты.

— Молодые князья встали? спросила въ одно утро княгиня.

— Василій Дмитріевичъ изволятъ еще почивать, а Ѳедоръ Дмитріевичъ въ биліардной.

— Попроси Ѳедю и господина Деларозьеръ сюда.

— Ахъ, княгиня! воскликнула Матрена Петровна:—какія очаровательныя манеры у новаго гувернера, какъ онъ одѣтъ, какъ мило картавитъ!

— Онъ очень похожъ на парикмахерскую куклу, которая выставлена на углу нашей улицы, замѣчала Мими.

— Графиня Eudoxie очень рекомендуетъ мнѣ его и съ большою похвалой отзывается о немъ, начала опять княгиня;— Theodor теперь въ томъ возрастѣ, когда....

Въ комнату вошли Ѳедя, хорошенькій, кудрявый мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, и новый гувернеръ, совсѣмъ еще молодой, съ черными закрученными усиками и завитыми волосами. Ѳедя, какъ всегда, подошелъ къ княгинѣ, и сказавъ ей: „bonjour grand'maman", почтительно поцѣловалъ ей руку. Она поцѣловала его въ лобъ. Французъ сталъ граціозно и развязно раскланиваться.

— Вы уже давно въ Россіи? спросила его княгиня по-французски. (Разумѣется, я, въ качествѣ настоящаго Русскаго, знаю французскій языкъ чуть ли не лучше своего роднаго.)

— Я два года былъ въ домѣ графини Евдоксіе Валянской. О! Я тамъ проживалъ чудныя минуты! прибавилъ полувосторженно, полухвастливо Французъ.—Да и вообще, я въ восторгѣ отъ Россіи! Я совсѣмъ не нашелъ той дикости нравовъ, того невѣжества, которыя ожидалъ найти здѣсь. На Западѣ не отдаютъ справедливости Россіи и всему русскому! Увѣряютъ, напримѣръ, что Русскіе способны только *подражать*, что они не сдѣлали ни одного замѣчательнаго изобрѣтенія. Да вотъ предъ нами самоваръ! Развѣ самоваръ не русское изобрѣтеніе? Я хочу и о самоварѣ кой-что написать. Признаюсь, надежда попасть въ число героевъ описанныхъ въ иностранной литературѣ весьма пріятно подѣйствовала на меня.

Княгиня стала распрашивать г. Деларозьера о планѣ составленномъ имъ для занятій Теодора. Онъ говорилъ съ нею долго, скоро, я ничего не могъ понять, но все-таки вслушивался съ благоговѣніемъ въ слова литератора.

— Прошу васъ, сказала княгиня вставая,—обратить больше всего вниманіе на вопросы касающіеся нравственности. Теодоръ теперь вступаетъ въ возрастъ, который.... который....

— Княгиня! перебилъ ее господинъ Деларозьеръ съ торжественностью:—нравственныя начала всегда составляли и будутъ составлять основу всѣхъ моихъ помысловъ и стремленій.

Матрена Петровна сидѣла все время молча, сложивъ какъ институтка руки и поглядывая съ восторженнымъ умиленіемъ то на княгиню, то на г. Деларозьера. Когда княгиня встала и вышла изъ комнаты, она вскочила и побѣжала вслѣдъ за ней.

— Вы, сударыня, здѣсь живете? спросилъ господинъ Деларозьеръ Мими.

— Да. Я воспитывалась въ домѣ княгини.

— Если ваше образованіе соотвѣтствуетъ вашей красотѣ, то вы составляете прелестнѣйшее украшеніе вашего пола. (Мими молчала). Къ сожалѣнію, я долженъ оставить васъ, продолжалъ онъ, покручивая бѣлою рукой усики,—у меня дѣло въ городѣ. Теодоръ! Чрезъ два часа начнутся наши занятія.

Онъ ушелъ.

Теодоръ подбѣжалъ къ Мими, схватилъ ее за руку и поднялся на цыпочки....

— Я хочу поцѣловать васъ, сказалъ онъ, протягивая пухленькія, алыя губы.

Мими отскочила отъ него.

— Я, говорятъ, ребенокъ, мнѣ можно, приставалъ тотъ.

— Не смѣйте! Не трогайте меня!

— Или вы только большихъ любите? Я видѣлъ какъ Базиль цѣловалъ васъ.

Мими вспыхнула, ея глаза злобно засверкали. „Гадкій мальчишка!“ пробормотала она съ ненавистью.

— Здравствуйте, очаровательная Мими! Чаю, пожалуста, чаю! заговорилъ весело, входя, князь Базиль. Онъ былъ красивъ. Уланскій мундиръ къ нему очень шелъ. — Дайте ваши ручки.—Онъ сталъ ихъ цѣловать.

— Оставьте меня, сухо сказала Мими и подошла ко мнѣ. Когда она отвернула кранъ, я почувствовалъ что ея рука дрожала.

— Не въ духѣ? процѣдилъ, улыбнувшись, князь Базиль: — убирайся въ твою комнату, маршъ! обратился онъ къ Теодору.

— Да, Базиль, что же.... заговорилъ, надувшись, Теодоръ.

— Безъ отговорокъ, убирайся!

— Ну, такъ я все grand'maman разкажу, воскликнулъ Теодоръ, уходя и хлопнувъ дверью.

Князь Базиль подошелъ къ Мими и взялъ ее за обѣ руки.

— Что съ вами? спросилъ онъ, нѣжно пожимая ихъ:—что съ тобой, Маша, ты чуть не плачешь, продолжалъ онъ шепотомъ, — я съ тобой, ты меня любишь....

— Нѣтъ, князь, я васъ не люблю, перебила отрывисто Мими.

— „Нѣтъ“, „князь“, „васъ“, что ты хочешь этимъ сказать?

— То что между нами все кончено.

— Умная дѣвушка, а какой вздоръ въ голову зашелъ, и все это изъ-за одного слова что на тебѣ не женюсь, какъ будто можно любить только мужа или жениха. Я считалъ бы безчестнымъ обманывать тебя.

— Да, теперь.... прошептала Мими.

— Я никогда не упоминалъ о женитьбѣ. Я говорилъ что люблю тебя — это правда, я тебя очень люблю,—а жениться на тебѣ не могу, потому что это произвело бы революцію между всѣми бабушками, дядюшками, тетушками, и они оставили бы меня, пожалуй, безъ копѣйки,—ты знаешь, мое собственное состояніе не велико. Да и подобная женитьба повредила бы моей карьерѣ.

— Я бы сама не вышла за васъ. Я васъ болѣе не люблю.

— Будто-бы? спросилъ князь Базиль, обвивая руками талію Мими и страстно глядя ей въ глаза....

— Оставьте меня, князь! Мнѣ тошно, гадко.... Эта жизнь въ вашемъ домѣ.... ваше ухаживаніе.... моя бѣдность....

Слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Маша, успокойся....

— Мнѣ опротивѣла эта роль, я уйду изъ вашего дома, все равно куда, къ кому.... Не хочу называться „воспитанницей“. Я хочу быть независимою, я уже почти невѣста.

Недоброе, некрасивое выраженіе пробѣжало по ея лицу.

— Вотъ ужь это неправда! перебилъ князь Базиль; его голосъ слегка задрожалъ, онъ крѣпче прижалъ Мими къ себѣ.

— Пустите! воскликнула она. Въ дверяхъ показалась Матрена Петровна.

— Прекрасно, превосходно! заговорила она еще плаксивѣе обыкновеннаго. — Ай да, Марья Андревна! безстыдница!

— Молчать! Не смѣйте оскорблять ее, она ни въ чемъ не виновата, громко сказалъ князь Базиль.

— Василій Дмитріевичъ! вы войдите въ мое положеніе, жалобно продолжала Матрена Петровна,—вѣдь я дочь чиновника, я благородная, я дѣвушка! Каково же *мнѣ* присутствовать при такихъ сценахъ....

— Молчать! повторилъ еще громче князь Базиль....

Въ эту минуту вошелъ Василій Ивановичъ, любопытнѣйшій буфетчикъ въ мірѣ. Вѣроятно, услышавъ шумъ, онъ захотѣлъ узнать въ чемъ дѣло и нашелъ наилучшій предлогъ: „онъ пришелъ за самоваромъ“, то-есть за мной!... О! какъ часто въ самыя интересныя минуты моей жизни, когда я дѣлалъ глубокомысленныя наблюденія надъ людьми, какой-нибудь лакей грубо, неожиданно прерывалъ мою серіозную думу и уносилъ меня, для того чтобы поставить на полкѣ въ буфетѣ!...

Разъ я услыхалъ важную новость: мой врагъ, серебряный самоваръ, испортился. Этому безполезному фату исполненіе самыхъ легкихъ обязанностей пришлось не въ силу! Его отдали въ починку. Меня стали чистить, чистить какъ никогда еще; прежде Ѳилька, потомъ самъ Василій Ивановичъ.

— Ай да Ѳилька! сказалъ онъ:—славно, братъ, вычистилъ, нечего сказать! Пропади ты совсѣмъ и съ самоваромъ! (Экая логика, подумалъ я, чѣмъ тутъ *я*-то виноватъ?!) Слышалъ, кажется, что сегодня вечеромъ этотъ самоваръ надо къ чаю подавать? Такъ нѣтъ! вездѣ пятна оставилъ! Изволилъ ужъ нарѣзаться!...

— Грѣшно вамъ, Василій Ивановичъ, у меня, можетъ, вотъ этакой крохи хлѣба во рту не было, то-есть, разрази меня громъ Господній!

Онъ заплакалъ. Онъ всегда плакалъ когда пьянъ былъ.

— Нечего хныкать, видимъ ужь!

— Васи-лій Ивановичъ! Ей Богу, грѣшно такъ обижать сироту! воскликнулъ Ѳилька, торжественно грозя пальцемъ.— Вѣдь я сирота, у меня ни отца, ни матери нѣтъ!

И зарыдалъ.

— Ишь завылъ какъ! Пошелъ въ кухню, проспись, пропащая твоя душа!

— Не пойду! Вотъ что! заговорилъ съ замѣчательною энергіей Ѳилька.—Я свое дѣло знаю и не отойду отъ своего дѣла, я не воръ, даромъ что не буфетчикъ.... Лакей, лакей и есть, а барское добро мнѣ дороже всего!

Онъ еще громче зарыдалъ. Василій Ивановичъ молча схватилъ его за шиворотъ, вытолкалъ за дверь, потомъ опять подошелъ ко мнѣ и съ невѣроятнымъ озлобленіемъ сталъ тереть меня. Я безропотно переносилъ это. Желаніе явиться въ блистательномъ видѣ на великосвѣтскомъ вечерѣ заставило меня покориться даже грубости и униженію. Мысль объ этомъ вечерѣ сильно волновала меня. Произведу ли я эффектъ? думалъ я, оцѣнятъ ли мое превосходство надъ серебянымъ самоваромъ?

Наконецъ насталъ желанный вечеръ. Гости стали съѣзжаться. Изъ сосѣднихъ комнатъ до меня долетали шорохъ платьевъ, бряцанье шпоръ и сабель, легкій смѣхъ, полурусскія, полуфранцузскія фразы. Въ буфетѣ, кромѣ Василія Ивановича, суетились и всѣ другіе лакеи, одѣтые въ богатыя ливреи. Ѳилька, уже совершенно трезвый, но еще съ

оттѣнкомъ меланхоліи во всемъ существѣ своемъ, принялся меня ставить. Ваня, маленькій казачокъ княгини, нечаянно толкнулъ Василія Ивановича, тотъ уронилъ и разбилъ блюдечко, шепотомъ разругалъ Ваню и далъ ему сильную пощечину. Ваня скривилъ личико и заплакалъ, но совершенно тихо. Влетѣла Матрена Петровна и стала перешептываться съ Василіемъ Ивановичемъ. „Пора чай подавать", сказала она громко. Послѣ этихъ знаменательныхъ словъ настала торжественная для меня минута. Василій Ивановичъ вытеръ меня еще разъ и понесъ. До тѣхъ поръ я не много видѣлъ на своемъ вѣку: во времена дѣтства грязную мастерскую, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней холодный магазинъ гдѣ я былъ выставленъ; потомъ, въ домѣ княгини, буфетную, корридоръ и столовую.

Меня понесли анфиладой великолѣпныхъ комнатъ. Шелковые, бархатные занавѣсы и мебель, во всю стѣну зеркала, картины въ золотыхъ рамахъ, ковры, вазы, статуи, восхитительные туалеты, эта роскошь, яркій свѣтъ каселей и лампъ, сильный запахъ цвѣтовъ, присутствіе прелестныхъ женщинъ (что ужь грѣха таить, я поклонникъ женской красоты), все это такъ ошеломило меня, что когда, наконецъ, меня поставили на столъ, я совершенно замолкъ въ изумленіи.... Мими подошла ко мнѣ.

— Василій, сказала она,—самоваръ не кипитъ.

Это замѣчаніе задѣло меня за живое. Мысль что я могу осрамиться при такомъ собраніи заставила меня вспыхнуть отъ стыда, я разомъ зашумѣлъ, загудѣлъ и поспѣшилъ выпустить тонкую струйку пара чтобъ окончательно разубѣдить Мими. Княгиня держалась еще пріятнѣе обыкновеннаго и привѣтливо со всѣми разговаривала. На щекахъ ея игралъ яркій румянецъ, что̀ меня крайне удивило: по утрамъ у нея былъ шафранно-желтый цвѣтъ лица. На одной изъ стѣнъ висѣлъ портретъ молодой женщины. Длинный, немного сгорбленный носъ, улыбка тонкихъ губъ напоминали черты княгини.

— Я всегда любуюсь вашимъ портретомъ, княгиня, сказала ей дама, вся окутанная въ кружева.—Какъ вы мало перемѣнились!

— Вы льстите мнѣ, баронесса.

Княгиня встала и подошла къ другой группѣ.

— Кто повѣритъ, обратилась баронесса къ своему сосѣду,

господину съ лысиной и звѣздой,—что эта прелестная красавица изображаетъ княгиню Анну Ѳедоровну?

— Нарумяненая она еще эффектна, сказалъ господинъ съ лысиной.

— Но ея носъ дѣйствуетъ на мои нервы! Знаете, я его иногда вижу во снѣ. Вы слышали что ея воспитанница выходитъ замужъ за Бродова?

— Неужели! Онъ, говорятъ, очень богатый негоціантъ.

— Я всегда находила что она умна.

Князь Базиль подошелъ къ Мими.

— Вы не стыдитесь продать себя этому мужику, этому отвратительному старичишкѣ? сказалъ онъ ей шепотомъ.

Мими поблѣднѣла, ея брови сдвинулись. Въ эту минуту подошелъ къ ней господинъ, худенькій, старенькій, съ мутными глазками, въ гладко причесанномъ парикѣ.

— Марья Андревна! произнесъ онъ, торжественно шепелявя:—я окончательно переговорилъ съ ихъ сіятельствомъ. Княгиня притомъ вполнѣ согласны-съ. Теперь-съ ничто не можетъ препятствовать моему счастію!

Онъ поцѣловалъ руку Мими.

— Князь Базиль! позвольте вамъ представить моего жениха, внятно проговорила Мими.

Князь Базиль вѣжливо поклонился и подошелъ къ хорошенькой дамѣ съ чернымъ пятнышкомъ на щекѣ.

— Скажите, князь, кто это стоитъ у камина? Какъ онъ рисуется!

— Ѳединъ гувернеръ, monsieur Деларозьеръ, герой романа графини Eudoxie!...

Дама съ пятнышкомъ стала смотрѣть на него въ лорнетку.

— Не дуренъ, но, кажется, глупъ. Говорятъ, онъ былъ виновникомъ очень скандалезныхъ сценъ между графиней Eudoxie и ея супругомъ.

— Это ей не помѣха! сказалъ князь Базиль.

Онъ былъ не въ духѣ.

Господинъ Деларозьеръ далеко не былъ такъ развязенъ какъ въ то утро, когда я съ нимъ познакомился; онъ замѣтно присмирѣлъ. Вѣроятно, онъ размышлялъ о какомъ-нибудь серіозномъ сочиненіи о Россіи. Онъ приблизился къ дамѣ въ роскошномъ нарядѣ.

— Когда я васъ увижу, божественная графиня?

— Не знаю, здѣсь не деревня, сухо отвѣчала она и подо-

шла къ дамѣ съ пятнышкомъ на щекѣ.—Извините, chère amie, что я еще не была у васъ.

— Ахъ, chère Eudoxie, отвѣчала она,—я не знала что вы уже здѣсь, а то я давно бы поспѣшила къ вамъ, а теперь я уѣзжаю: здѣсь невыносимая скука, je n'en peux plus!

— Вечера княгини Симборской славятся своею классическою скукой! проговорила графиня Eudoxie.

— Но такъ же и тѣмъ, сказалъ аристократъ-литераторъ, какъ его назвала Мими,—что весь beau monde жаждетъ счастія бывать на этихъ вечерахъ. Признайтесь, mesdames, еслибы княгиня забыла пригласить васъ, вы были бы весьма недовольны.

Графиня Eudoxie закусила губку.

— Княгиня сумѣла пріобрѣсть нѣкоторый авторитетъ, сказала дама съ пятнышкомъ,—но она невыносима! Ужъ одинъ ея носъ....

— Да, ея носъ непріятенъ, перебилъ ее аристократъ-литераторъ,—но все же она лучше многихъ изъ насъ.... она не злословитъ, въ ея жизни не было ни одного скандала и.... и вообще въ ней много отрицательныхъ достоинствъ.

— Одна изъ самыхъ антипатичныхъ личностей! шепнула дама съ пятнышкомъ на ухо графинѣ Eudoxie, когда графъ-литераторъ отошелъ.

— Mais il a du piquent quand même, едва нашлась графиня Eudoxie, вся позеленѣвъ.

— Chère Eudoxie, вы замѣтили вашего protegé, Monsieur Деларозьеръ? спросила княгиня, усаживаясь возлѣ нея.

— Мелькомъ, отвѣчала графиня. — Какой у васъ сегодня очаровательный вечеръ! воскликнула она, какъ бы поддаваясь невольному желанію высказаться.

— Вечера княгини всегда такъ оживлены! прибавила дама съ пятнышкомъ.—Къ несчастію, я должна оставить васъ, я обѣщала еще заѣхать къ англійскому посланнику.

— Змѣйка, но красива, проговорилъ ей вслѣдъ аристократъ-литераторъ.

— У меня строго запрещено злословить, *даже вамъ!* замѣтила княгиня, любезно улыбнувшись.

— Княгиня! еслибъ вы потребовали строгаго исполненія подобнаго закона, *даже ваша* гостиная совершенно опустѣла бы.

Стали разъѣзжаться. Кой-какія группы смѣнялись у

чайнаго стола. Поговорили о возможности новой революціи во Франціи, о свадьбѣ Мими, о пѣніи мадамъ Віардо, о встрѣчѣ графини Eudoxie съ господиномъ Деларозьеромъ, о красотѣ болонки Биби, только обо мнѣ ни единаго слова!... Мое присутствіе, мое несомнѣнное превосходство надъ серебрянымъ самоваромъ остались незамѣченными. Нѣтъ, воля ваша, не того я ждалъ отъ большаго свѣта!

Когда всѣ разъѣхались, княгиня подошла къ Мими.

— Chère enfant, ты оправдала мое мнѣніе о тебѣ (она поцѣловала ее въ лобъ): я очень довольна тобой. Я давно, по разнымъ дѣламъ, знаю Бродова съ прекрасной стороны. Онъ просилъ меня ничего не давать тебѣ. Денегъ я тебѣ въ настоящую минуту дать не могу; а что касается приданаго, отправляйся завтра къ Madame Amelie и закажи себѣ все что̀ нужно, у тебя вкусъ есть. Я скоро уѣду въ Подмосковную и оставлю тебѣ и кой-что изъ мебели и посуды. Я не хочу чтобы дѣвушка воспитанная въ моемъ домѣ явилась нищею къ своему мужу.

Мими поцѣловала ей обѣ руки.

— Василій, сказала княгиня,—попроси сюда Матрену Петровну.

Этотъ лѣнтяй воспользовался удобнымъ случаемъ, схватилъ, вынесъ меня, и помѣстилъ на столѣ въ буфетѣ. Оттуда, разумѣется, я ужь продолженія разговора слышать не могъ. Но вскорѣ вбѣжала въ буфетъ Матрена Петровна. Она была въ сильномъ волненіи.

— Василій Иванычъ! воскликнула она слезливо и всплеснувъ руками: — вы слышали, этой хамовой дочкѣ какое счастье? Выходитъ за Бродова!

— Знаемъ-съ, давно, отвѣчалъ небрежно Василій Ивановичъ.

— А мнѣ ни слова! Вамъ не стыдно-съ?!

— Чего стыдиться. Вамъ-то что изъ себя выходить?

— Какъ что̀?! продолжала она съ глубокою меланхоліей:— да княгиня только что сказала мнѣ, что она оставляетъ Марьѣ Андревнѣ (Матрена Петровна стала пересчитывать на пальцахъ): всю мебель изъ красной комнаты, всю мебель изъ столовой, весь голубой сервизъ! Каково счастье? такой низкой дѣвчонкѣ! А я дочь чиновника, дѣвушка съ правилами, всю свою жизнь маюсь въ бѣдности! Ужь болѣе сорока лѣтъ въ чужихъ домахъ крохи со столовъ собираю! Господи!

гдѣ же Твое Небесное правосудіе! — Она горько заплакала. — Да еще! воскликнула она вдругъ сквозь слезы и почти съ отчаяніемъ,—велѣла всю кухонную посуду отпустить ей и.... и.... и этотъ самоваръ.

II.

Первое время въ домѣ Тимоѳея Тимоѳеевича Бродова я проводилъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Меня помѣстили въ шкафу, около людской, на самой высокой полкѣ. На нижней полкѣ стояли большой самоваръ, неуклюжій толстякъ, и маленькій, съ претензіями на грацію, оба изъ мѣди и оба непроходимо глупы, но de bons enfants. Впрочемъ, имъ некогда было развивать свою мыслительную способность: моихъ товарищей разъ десять въ день ставили и вносили въ комнаты. Меня какъ бы забыли. Пыль толстыми слоями покрыла меня, невыносимая тоска овладѣла мной. Болтовня прислуги была моимъ единственнымъ развлеченіемъ. Разказывали что Марья Андреевна прибрала весь домъ въ руки, что баринъ сильно побаивается ея, что свекровь, Агафья Лукьяновна, еще ничего, а свояченица, Дарья Тимоѳеевна, ужь очень возненавидѣла „новую барыню“, „да что и вправду она черезчуръ важные порядки въ домѣ заводитъ и съ прислугой ужь больно строга и сердита“. Узналъ я тоже что въ парадномъ буфетѣ помѣщаются шкафы съ серебромъ и серебряные самовары, которыхъ прежде не трогали, а теперь ежедневно утромъ и вечеромъ ставятъ для молодой барыни. О, Мими! Какъ ты увлеклась наружнымъ блескомъ! Изъ моихъ наблюденій надъ прислугой я не извлекъ ничего новаго. Точно такъ же какъ у княгини, и въ домѣ Бродова люди обманывали, обворовывали, ругали своихъ господъ. Повидимому, во всѣхъ сферахъ общества лакеи остаются лакеями.

Много времени прошло. Я потерялъ счетъ днямъ, мѣсяцамъ, годамъ, и уже думалъ что весь вѣкъ свой проведу въ этомъ вяломъ бездѣйствіи.

Какъ-то утромъ въ буфетъ вошла высокая, худая женщина, съ большими стеклянными глазами, длинными бѣличьими зубами, въ шелковомъ платьѣ и чепчикѣ съ зелеными лентами.

— Что это самоваръ не несутъ? грозно вскрикнула она.— Неужели самой прикажете нести?

— Трудно сталъ закипать, сказалъ лакей Иванъ, нагнувшись надъ самоваромъ и раздувая изо всѣхъ силъ свои ужъ безъ того толстыя щеки.

— А для Марьи Андревны небось всегда во-время кипитъ?

— Помилуйте, Дарья Тимоѳеевна, вѣдь барынѣ всегда серебряный самоваръ подаютъ.

— Мнѣ серебрянаго самовара не нужно, я не княгиня, а пить во-время чай хочу. На столько-то, кажется, у меня власти еще осталось!

— Сію минуту-съ.

— А это что за самоваръ? спросила Дарья Тимоѳеевна указывая на меня.

— Это Марьи Андревны, съ ихъ вещами привезли-съ.

— Много она навезла! Однѣ тряпки! Отчего жъ никогда не подаютъ этотъ самоваръ? Что вы ее добро жалѣете что ли?

— Чего намъ жалѣть! Не приказывали, такъ и не подавали.

— Знаю я васъ всѣхъ! Вы все Марьѣ Андревнѣ льстите, а насъ ни въ грошъ не ставите, грѣховодники, дармоѣды! Съ нынѣшняго дня каждый день *этотъ* самоваръ подавать. Слышали?

— Слушаю-съ.

— Сейчасъ извольте ставить и подать.

— Такъ вамъ вѣдь долго придется ждать, а этотъ уже закипаетъ.

— Все равно, часъ ждала, такъ еще другой часъ могу промучиться. Подать *ея* самоваръ!

Она вышла, со злостью хлопнувъ дверью.

— Итъ дьяволъ какой! проговорилъ ей вслѣдъ Иванъ, выпрямившись и подбоченившись.—Тьфу! (онъ плюнулъ) чтобъ тебѣ лопнуть и съ самоваромъ-то!

O tempora, o mores! думалъ я, пока онъ меня чистилъ и ставилъ, сопровождая эти дѣйствія весьма неделикатными выраженіями на мой счетъ.

Меня внесли въ большую комнату. Въ ней симметрически была разставлена старинная мебель краснаго дерева, покрытая полинявшимъ краснымъ штофомъ. Съ потолка спускалась соловьиная клѣтка, обтянутая зеленою тафтой.

Стѣны были украшены бронзовыми кенкетами съ пальмовыми свѣчами, зеркалами, предъ которыми, на ломберныхъ столахъ, красовались вазы съ букетами измятыхъ цвѣтовъ подъ стеклянными колпаками, и портретами въ почернѣвшихъ золотыхъ рамахъ. Почти на всѣхъ портретахъ были изображены толстыя фигуры, мущины съ бородами, женщины съ платочками на головахъ. У всѣхъ были испуганные глаза, щеки ярко-краснаго цвѣта и лица крѣпко приклеенныя къ полотну. На одномъ портретѣ я узналъ Дарью Тимоѳеевну. Она была въ наколкѣ съ длиннымъ перомъ и съ головы до тальи увѣшена жемчугомъ и брилліантами. Все въ комнатѣ было покрыто густою пылью. Въ углу помѣщался кіотъ съ драгоцѣнными иконами, предъ ними теплилась лампадка.

Меня поставили на столъ, накрытый красною салфеткой съ синими узорами. У стола сидѣла, пригорюнившись, старушка, въ пестромъ шелковомъ платкѣ съ большими разводами, ея голова была повязана темнымъ платочкомъ. На ея старенькомъ, сморщенномъ лицѣ выражалось тоскливое раздумье. Возлѣ нея стоялъ Тимоѳей Тимоѳеевичъ, чѣмъ-то словно запуганный. У окна сидѣлъ, развалившись на креслахъ, молодой человѣкъ въ юнкерскомъ мундирѣ и съ чуть-чуть замѣтными усиками, и съ явнымъ волненіемъ барабанилъ пальцами по стеклу окна. Дарья Тимоѳеевна большими шагами расхаживала по комнатѣ.

— Сумѣли вы, братецъ, выбрать супругу; есть чѣмъ похвастать! Ваша первая жена Авдотья Карповна, дай Богъ ей царство небесное, была глупа, да по крайней мѣрѣ Бога и людей не гнѣвила, посты соблюдала, родныхъ слушала, а ваша княгиня всѣхъ насъ на тотъ свѣтъ выживаетъ!

— Да въ чемъ же она вамъ перечитъ? спросилъ боязливо Тимоѳей Тимоѳеичъ.

— Въ чемъ? Да она васъ нищимъ сдѣлаетъ! Впрочемъ, и вышла-то она за васъ для того чтобы деньгами сорить. Вотъ ужь подлинно: деньги копилъ, да нелегкаго купилъ!

— Полно, Дарьюшка, заговорила тихимъ голосомъ старушка,—мы не можемъ чужую душу видѣть, единому Богу все извѣстно! Поуспокойся, да лучше чайку напьемся.

Она начала чай приготовлять. Я вспомнилъ роскошную обстановку въ домѣ княгини, мои барскія привычки, и тяжелыя думы охватили меня.

— Спасибо, матушка; она жалостливѣе васъ, сестрица, сказалъ Тимоѳей Тимоѳеичъ.

— Ну за кого вы заступаетесь! Вѣдь она васъ выше нуля не ставитъ! Сама-то холопка, а хочетъ жить не хуже принцессы какой-нибудь. Балы, парады, театры. Все что въ нашемъ домѣ—„фидонъ“! На своей половинѣ все на свой ладъ устроила!

— Что же, у нихъ вкусъ хорошій, вотъ и все! сказалъ Тимоѳей Тимоѳеичъ.

— Оттого вѣрно ей князь Василій Дмитріевичъ больше мужа нравится!

Тимоѳей Тимоѳеичъ вспыхнулъ, его мутные глазки какъ будто засверкали.

— Сестрица! я не позволю такъ обижать мать моего ребенка! воскликнулъ онъ.

— Какъ расходился! Достойно смѣху, право. Говорю любя же васъ, а не по злобѣ.

Тимоѳей Тимоѳеичъ угрюмо молчалъ. На вторую энергическую выходку онъ, кажется, не былъ способенъ.

— Полно, Дарьюшка! Грѣшно между мужемъ и женой раздоръ сѣять, сказала старушка.

— Что это вы всѣ заступаетесь за нее?! Я, благодаря Бога, не привыкла чтобы мнѣ ежеминутно противорѣчили. И покойный мужъ мой, Никифоръ Пантелеймоновичъ, дай Богъ ему царствіе небесное, не смѣлъ пикнуть при мнѣ, а теперь эта нищая всѣхъ извратила!

Какая же она нищая? перебилъ ее не смѣло Тимоѳей Тимоѳеичъ.

— Что же вы взяли за ней? А? Что? спрашиваю васъ? Что? Тряпки да этотъ дрянной самоваръ! прибавила она, злобно взглянувъ на меня.—Вы, пожалуй, подумаете что я недовольна что вы во второй разъ женились? Да женитесь хоть въ третій, хоть въ двадцатый разъ, мнѣ, слава Богу, есть чѣмъ жить и что сыну оставить; Никифоръ Пантелеймоновичъ, дай Богъ ему царствіе небесное, позаботился о женѣ и сынѣ. Мнѣ васъ жаль, вотъ что! Все же вы мнѣ родной братъ, а я вамъ родная сестра!

Она совершенно неожиданно заплакала.

— Я вполнѣ, сестрица, счастливъ-съ.

— Вы счастливы? Поздравляю! Прошу покорно! Счастливъ! заговорила она опять съ ожесточеніемъ, быстро обтерѣвъ

глаза и высморкавшись.—По-вашему, она васъ мало разоряетъ? Мало срамитъ? Много заботится о дочкѣ? Передала ее въ руки этой мамзель или миссъ что ли?

— Китти ангелъ, божественно-сверхъестественное существо! Я ее боготворю, я не могу жить безъ нея, я молюсь ей! залпомъ продекламировалъ молчавшій до этой минуты юнкеръ.

— Что это за напасть такая! прошептала старушка.

— Молчи! грозно воскликнула Дарья Тимоѳеевна. — Не только никогда не позволю жениться на ней: не смѣй и имени ея произносить!

— А я застрѣлюсь, ей-Богу застрѣлюсь! или въ Неву брошусь, вотъ честное слово, въ Неву брошусь!

— Вы слышите, братецъ? Вотъ до чего довела насъ ваша супруга!

— Да чѣмъ же онѣ-то виноваты? сказалъ Тимоѳей Тимоѳеичъ.

— Какъ чѣмъ? Кто нанималъ эту подлую Англичанку?

— Maman, сжальтесь надъ моимъ растерзаннымъ сердцемъ. Maman, благословите нашъ бракъ!

— Не смѣй больше говорить!... Никто иной какъ ваша супруга подучила ее одурачить этого мальчишку.

— Вотъ ужь нѣтъ! Ma tante хочетъ женить меня на Elise Суханиной, но я ни за какія блага въ мірѣ не оставлю моей небесной Китти! Она моя первая, моя послѣдняя любовь! Я женюсь на ней, или умру у ногъ ея!

— Я запретила тебѣ произносить имя этой бусурманки.

— Она христіанка, она болѣе.... она ангелъ! она святая! она....

— Будь она пресвятая, этой свадьбѣ не бывать! Ни слова больше!

— Здравствуйте, бабушка, здравствуй папа! послышался звонкій голосокъ. Въ комнату вбѣжала маленькая дѣвочка и весело бросилась на шею старушкѣ и Тимоѳею Тимоѳеичу. Потомъ она не смѣло подошла къ Дарьѣ Тимоѳеевнѣ.— Здравствуйте, тетенька!... Петя, ты будешь сегодня играть со мной въ кегли? обратилась она къ юнкеру.

Но онъ не отвѣчалъ ей. Скрестивъ руки на груди и выставивъ одну ногу впередъ, онъ съ выраженіемъ трагическаго отчаянія устремилъ взглядъ на даму съ очень пріятнымъ лицомъ, которая вошла вмѣстѣ съ дѣвочкой.

— Китти! закричалъ онъ вдругъ. — Китти, я тебя люблю! Твой до гроба!

И какъ бѣшеный, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Китти не то грустно, не то презрительно улыбнулась.

— Вы торжествуете, сударыня! обратилась къ ней Дарья Тимоѳеевна, съ трудомъ скрывая свою ярость. — Удивляюсь какъ вамъ не совѣстно являться еще въ мою комнату!

— Маша хотѣла поздороваться съ бабушкой, отвѣтила та просто и спокойно,—а относительно Петра Никифоровича могу васъ увѣрить что я ничѣмъ не подала ему повода къ....

— Меня вы не обманете, сударыня! Я много гувернантокъ видѣла на своемъ вѣку, извѣстно ужь какъ онѣ умѣютъ ловить богатыхъ женяховъ.

— Дарья Тимоѳеевна, вы никакого права не имѣете оскорблять меня!...

— Меня-то вы не одурачите! продолжала Дарья Тимоѳеевна, какъ бы не слушая ея.

— Перестань, Дарьюшка, право, сказала старушка.

— Бабушка! за что тетя такъ бранитъ мою Китти? спросила Маша, широко раскрывъ глазенки, явно запуганная этою сценой.

— Ужь силъ нѣтъ слушать васъ, сестрица! сказалъ Тимоѳей Тимоѳеичъ, подходя къ дверямъ.

— Вы всѣ съ ума сошли! закричала еще громче Дарья Тимоѳеевна.—Ужь не хотите ли и *вы* чтобы *мой* сынъ женился на ней?

— Вы напрасно такъ горячитесь, сказала Китти.—Эта свадьба ужь потому никогда не могла бы состояться, что я бы ни за что не согласилась выйти за Петра Никифоровича.

— Какъ? Что? *Вы бы* не согласились выйти за моего сына? Ахъ вы дерзкая дѣвчонка! Знаете ли вы что я....

— Дарья Тимоѳеевна! перебилъ ее вошедшій лакей: — барыня велѣли просить васъ чтобы не было такого шума; онѣ въ маленькомъ будуарѣ, а туда все слышно-съ. У нихъ мигрень-съ и гости, князь Василій Дмитріевичъ....

— Покорно васъ благодарю, братецъ! воскликнула Дарья Тимоѳеевна, кланяясь въ поясъ.—Дожила я у васъ до чести! Эта холопка смѣетъ мнѣ приказывать! Что я ей крѣпостная? а? голоса не смѣю подать, да еще у себя въ комнатѣ? Иванъ! скажи этой княгинѣ что я хочу кричать, что я буду кричать! (Съ каждымъ словомъ она все болѣе возвышала

голосъ.) Возьми ея самоваръ, ея приданое, вонъ изъ моей комнаты!

Лакей вынесъ меня. „Буду кричать! буду, буду на зло ей! А-а-а! А-а-а!“ послышался еще намъ вслѣдъ голосъ Дарьи Тимоѳеевны.

Возлѣ одной спущенной портьеры лакей, не выпуская меня изъ рукъ, остановился и приложилъ ухо къ портьерѣ. Знакомые голоса коснулись моего слуха.

— Нѣтъ, Мими, ты ищешь утѣшенія въ роскоши, но ужь одно присутствіе мужа все должно отравлять. Уѣзжай скорѣе, я пріѣду къ тебѣ....

— Знаешь, Базиль, о чемъ я думаю? Еслибы моя жизнь иначе сложилась, я бы могла быть порядочною женщиной, а теперь....

Ея голосъ слегка задрожалъ.

— Какіе пустяки! Повѣрь, главное въ жизни счастье. За границей намъ никто мѣшать не будетъ. Да и знаешь, когда ты уѣдешь, твой благовѣрный не на шутку обрадуется, онъ тебя очень побаивается.—Князь Базиль засмѣялся.—„Моя жена теперь въ Парижѣ, онѣ очень довольны-съ!“ прибавилъ князь, мастерски передразнивая голосъ Тимоѳея Тимоѳеича.

Мими тоже засмѣялась. За портьерой послышался шорохъ шелковаго платья. Лакей бросился со мной къ дверямъ.

Помѣстившись на полкѣ, я крѣпко задумался. Съ какою томительною тоской я проводилъ послѣднее время на этой полкѣ. Съ какимъ рвеніемъ стремился я къ возможности опять являться и блестѣть въ свѣтѣ.... И что же? Какія впечатлѣнія вынесъ я изъ этого новаго столкновенія съ людьми? Мелочность, пустота, невѣжество, злоба, несправедливость, развратъ!... Я постигъ всю прелесть одиночества! Но увы! именно съ этого времени меня стали ставить и вносить къ Дарьѣ Тимоѳеевнѣ по четыре, по пяти разъ въ день! Чрезъ нѣсколько времени я замѣтилъ большую перемѣну въ Дарьѣ Тимоѳеевнѣ. Она кротче обращалась со всѣми и даже меньше бранила Марью Андреевну. Она, казалось, была совершенно поглощена серіозными мыслями.

— Знаете, маменька, сказала она разъ, наливая четвертую чашку чаю,—я справлялась насчетъ семейства Китти. Отецъ былъ, говорятъ, очень порядочный человѣкъ, дослужился до маіорскаго чина. Только не сумѣлъ деньгу скопить, и оставилъ

семью въ бѣдности. Китти почти все свое жалованье отдаетъ больной матери да маленькимъ сестрамъ.

— Дарьюшка, перебила ее Агаѳья Лукьяновна, — коль она добрая дочь, такъ будетъ доброю женой. А что тогда она говорила что не вышла бы за Петю, такъ нужно простить ее, не въ самомъ же дѣлѣ этакъ она думала. Неспѣлый умокъ что ветхій ледокъ!

— Конечно, проговорила очень мягко Дарья Тимоѳеевна.

— Обидѣлась, извѣстное дѣло, ну, лишнее слово и сорвалось, потомъ, я думаю, бѣдняжка измаялась!... А что она крещена не по нашему, вѣдь хорошенько разсудить-то, такъ единъ Богъ на небесахъ! Да и между православными бываютъ такіе грѣшники что упаси Господь!.... У Пети хватитъ чѣмъ прокормить и небогатую жену!... Ты вспомни, Дарьюшка, вѣдь послѣдній разъ когда ты его видѣла, онъ на себя не былъ похожъ! Вотъ четвертая недѣля какъ ты его на глаза къ себѣ не пускаешь! Намедни я его въ корридорѣ встрѣтила, „Петя, голубчикъ“, говорю я ему, „не кручинься такъ, у Дарьюшки сердце-то не каменное, — отойдетъ, все перемелется, мука будетъ; а ты поставь свѣчу Николаю Угоднику, да другую свѣчу Пресвятой Варварѣ Великомученицѣ, великая она помощница въ сердечныхъ бѣдствіяхъ.“ Такъ онъ какъ расхохочется, да такую белиберду понесъ, что и понять не возможно! Я такъ и остолбенѣла въ корридорѣ-то; ну что, думаю, коль онъ съ ума сойдетъ, али въ правду руки на себя наложитъ!

Старушка заплакала.

— Параша, Параша! закричала Дарья Тимоѳеевна. Вкатилась толстая, какъ обрубокъ, краснощекая горничная. — Попроси-ка ко мнѣ Екатерину Павловну, сказала Дарья Тимоѳеевна.

— Агличанку?

— Екатерину Павловну! повторила Дарья Тимоѳеевна съ торжественною почтительностью.—Да кстати убери чай и самоваръ, прибавила она.

Эхъ, какая досада!... Параша неграціозно подхватила меня и вынесла. Я утѣшался мыслью что Дарьѣ Тимоѳеевнѣ, вѣроятно, опять скоро захочется чаю. Часа черезъ два меня вновь понесли къ ней. Умилительныя картины представлялись моему воображенію. Петя, думалъ я, вѣроятно, въ объятіяхъ своей матери; возлѣ нихъ Китти со счастливою

улыбкой на устахъ. Ничуть не бывало! Дарья Тимоѳеевна и Агаѳья Лукьяновна были однѣ.

— Что жь я этой дѣвчонкѣ на посмѣянье родилась, что ли? кричала Дарья Тимоѳеевна:—это мнѣ-то, Дарьѣ Тимоѳеевнѣ Дороховой, унижаться передъ ней, дѣлать ей такое предложеніе, и смѣла она такъ отвѣчать!... Ужь конечно Марья Андревна изволила подучить ее!... Чтобы такъ поступить съ *моимъ* сыномъ!...

— Пресвятая Богородица! помилуй насъ грѣшныхъ! Не допусти чтобы наше дѣтище живота себя лишилъ! шептала старушка.

— Параша, Параша! крикнула изо всѣхъ силъ Дарья Тимоѳеевна.—Что это, матушка, грозно спросила она ту же минуту кубаремъ влетѣвшую Парашу, — васъ дозваться нельзя?

— Не слыхать-съ.

— Молчи! не смѣй грубить! Знаю я всѣхъ васъ, всѣ вы готовы со свѣта меня сжить! Позови сію минуту Петра Никиѳоровича сюда!—Параша кинулась изъ дверей.—Пусть онъ знаетъ свою возлюбленную!

— Охъ, Дарьюшка, что станется съ нами коль онъ въ колодезь броситься?! воскликнула, всхлипывая, старушка. Дарья Тимоѳеевна ничего не отвѣчала. Она стала дѣлать чай. Ея яростное озлобленіе высказывалось въ каждомъ движеніи ея. Она съ ожесточеніемъ придвинула поднось, сдернула со стола чайное полотенце и начала вытирать имъ чашки. Она бы, конечно, и со мной также грубо обошлась, но къ счастью, я въ эту минуту купѣлъ. Несмотря на свое бѣшенство, она осторожно приблизила ко мнѣ свои руки. Не разъ я замѣчалъ что люди мастерски побѣждаютъ самыя непобѣдимыя волненія при тѣхъ кого трусятъ. Вошелъ Петя. Онъ показался мнѣ совершенно другимъ. Не было и помину о трагическихъ позахъ и возгласахъ. Онъ былъ весьма небрежно одѣтъ; волосы отросли до плечъ....

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ Дарью Тимоѳеевну, держа руки въ карманахъ панталонъ и вяло процѣживая слова.

— Полюбуйся-ка на свою Англичанку! произнесла она съ пафосомъ.—Любовь къ тебѣ заставила меня забыть все на свѣтѣ! Я объявила ей что даю согласіе на ея бракъ съ тобою, и что свадьба будетъ сейчасъ же послѣ твоего произ-

водства въ офицеры, а эта ничтожная тварь осмѣлилась сказать мнѣ что она рѣшительно отказывается отъ нашего предложенія и никогда не выйдетъ за тебя!

— Ну, вотъ и прекрасно, спокойно сказалъ Петя.

Дарья Тимоѳеевна казалась внѣ себя отъ изумленія что не производитъ потрясающаго эффекта каждою фразой своей *рѣчи*, послѣднія же слова Пети окончательно озадачили ее, она съ безпокойствомъ взглянула на него.

— Батюшки! Да онъ не въ своемъ умѣ! воскликнула Агаѳья Лукьяновна.

— Я убѣдился, продолжалъ Петя,—что человѣкъ съ моими воззрѣніями не можетъ любить такую женщину какъ Китти. Теперь я встрѣтилъ другую! Не чета Китти. Она мнѣ прямо сказала: „если твоя мать не захочетъ чтобъ ты женился на мнѣ, и если священникъ не согласится обвѣнчать насъ безъ ея позволенія, то мы обойдемся безъ матери и безъ священника....“ Вотъ такъ женщина!

— Да ты о комъ говоришь?! Что еще за „женщина?“ Вдова, что ли? воскликнула въ сильнѣйшемъ волненіи Дарья Тимоѳеевна.

— Нѣтъ, она не была замужемъ. Что же, по-вашему, дѣвушка не женщина? хладнокровно спросилъ Петя. — Я привезу къ вамъ мою невѣсту. Надѣюсь, что вы ее хорошо примете. Повѣрьте, всѣ мелодраматическія сцены ни къ чему не поведутъ, да и черезчуръ ужь устарѣли; мы устроимъ дѣло безъ скандала, оно спокойнѣе, прибавилъ онъ уже за дверью.

— Дурно, охъ, дурно мнѣ! Душегубецъ этотъ убьетъ меня! воскликнула съ воплемъ Дарья Тимоѳеевна и упала на диванъ. Агаѳья Лукьяновна совсѣмъ растерялась.

Въ эту минуту влетѣлъ Гришка (вѣроятно, онъ подслушивалъ у дверей) и, злодѣй! унесъ меня!... Но вскорѣ я примирился съ нимъ: проходя мимо той портьеры гдѣ мы разъ подслушали разговоръ между Мими и княземъ Базилемъ, онъ опять на томъ же мѣстѣ остановился, поставилъ меня на мозаичномъ столикѣ у портьеры, а самъ приложилъ къ ней ухо.

— Милый Timothee, посуди самъ, возможно ли мнѣ жить за границей двумя тысячами въ мѣсяцъ? говорила Мими.

— Ты знаешь, душа, что я для тебя на все на свѣтѣ готовъ-съ, отвѣчалъ Тимоѳей Тимоѳеичъ. — Мнѣ не трудно

прибавить рублей пятьсотъ въ мѣсяцъ. Мнѣ вотъ одно обидно: мало ты меня любишь!

— Ахъ мой kotikъ, kakъ тебѣ не грѣшно? Я не люблю тебя? (Раздался поцѣлуй.) Ты знаешь, Timothee, всѣ доктора находятъ что здѣшній климатъ мнѣ вреденъ, а то я бы ни за что не оставила тебя, мой kotikъ, на цѣлый годъ.

— Maman, maman! Неужели Китти въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ отъ насъ?! послышался голосокъ Маши.

— Я буду навѣщать тебя, отвѣчала Кити.

— Меня ждутъ на моей половинѣ. Устрою все соразмѣрно твоему желанію, сказалъ Тимоѳей Тимоѳеичъ.

— Mercі, Timothée! закричала ему вслѣдъ Мими.

Слѣдующій разговоръ происходилъ на французскомъ діалектѣ. Не знаю, изучилъ ли Гришка, подобно мнѣ, хорошо французскій языкъ, или онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ *процессу* подслушиванія. Онъ не отнялъ уха отъ портьеры.

— Когда ваша свадьба, миссъ Китти?

— Черезъ три недѣли. Я на это время переѣду къ матушкѣ.

— У вашего жениха есть состоянье?

— Нѣтъ. Онъ живетъ жалованьемъ. Я надѣюсь получить koй-kakie uroki, а то намъ трудно будетъ существовать.

— Жалѣю, что мнѣ уже не удастся быть на вашей свадьбѣ; но я приготовила вамъ мой cadeau de noces: я заказала для васъ столовый и чайный сервизы съ вашимъ вензелемъ.

— Благодарю, но у насъ будетъ такое маленькое хозяйство, что....

Мими поднялась, не дослушавъ; складки портьеры зашевелились. Гришка отскочилъ, но не успѣлъ схватить меня. Передъ нами стояла Мими. Еслибы на ней было шелковое платье, шорохъ былъ бы сильнѣе, и Гришка успѣлъ бы уйти во-время. Но Мими была въ бархатномъ платьѣ (ярко-лиловаго цвѣта съ длиннѣйшимъ шлейфомъ) съ распущенными, бѣлокурыми локонами. Она немного пополнѣла, но была еще дивно хороша.

— Что ты здѣсь дѣлалъ? быстро спросила она.

Гришка замѣтно струсилъ.

— Вотъ несъ самоваръ, такъ съ минутку-съ отдохнуть хотѣлъ. Не слишкомъ великъ, кажись, а такой тяжелый что не дай Богъ! (На меня же свалилъ всю вину—низкая натура!)

Мими нахмурила брови и потомъ, какъ бы нечаянно, взглянула на меня.

— Что это за самоваръ? спросила она живо.

— Это что съ вашими вещами-съ привезли.

— Да, да, старый знакомый, сказала она, улыбнувшись и какъ бы говоря сама съ собой. Его, вѣрно, мало употребляли? онъ совсѣмъ еще новый.—Ея слова пріятно подѣйствовали на меня.—Пожалуй, возьмемъ съ собой за границу.

— Совсѣмъ новый-съ, воскликнулъ Гришка, повидимому, въ восторгѣ что я отвратилъ отъ него вниманіе Мими.—Превосходный самоваръ-съ и какъ перушко! прибавилъ онъ, подымая меня выше своей головы. (У этого презрѣннаго созданія даже памяти порядочной не было!) Все стоялъ на полкѣ, оттого и сохранился, вотъ только послѣднее время стали подавать его Дарьѣ Тимоѳеевнѣ. Мими опять нахмурила брови.

— Хорошенько вычистить его и отдать въ руки старшему буфетчику. (Это былъ повѣренный по разнымъ дѣламъ Мими.) Скажи ему чтобъ онъ уже не покупалъ самовара. Когда понесутъ заказанную посуду къ Екатеринѣ Павловнѣ, то чтобъ этотъ самоваръ занесли къ ней, онъ еще совсѣмъ хорошъ, и фасонъ очень красивый.

Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, Мими исчезла. Холодное созданье! Ты узнала, оцѣнила меня, для того чтобы ради экономіи въ какихъ-нибудь двадцати рубляхъ бросить меня на произволъ неизвѣстной судьбѣ!...

Меня превосходно вычистили, тщательно завернули въ бумагу, поставили въ шкафъ, и въ продолженіи послѣднихъ трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ домѣ Мими, вовсе не тревожили. Внѣшній міръ оставался для меня чуждымъ, и я безпрепятственно предался разнымъ размышленіямъ. Какъ часто, думалъ я, судьба замѣчательнѣйшихъ личностей зависитъ отъ пустаго случая! Еслибы Мими, напримѣръ, въ то утро надѣла не бархатное, а шелковое платье, Гришка скрылся бы со мной до ея выхода, и я бы спокойно сталъ доживать свой вѣкъ въ домѣ Тимоѳея Тимоѳеича.

III.

Я Китти мало зналъ. Не мудрено что, переселяясь къ ней, я тревожился мыслью какова будетъ моя новая жизнь?...

Признаюсь, сначала она мнѣ вовсе не понравилась. Скромная, почти бѣдная обстановка чрезвычайно шокировала мои аристократическія привычки. У Китти о буфетной, напримѣръ, и рѣчи не могло быть. Ея квартира состояла всего изъ двухъ довольно большихъ комнатъ, темной передней и кухни. Я долженъ сознаться, что помѣщался въ кухнѣ.... на полкѣ противъ плиты.... Впрочемъ, я не слышалъ болѣе злыхъ сплетенъ и циническихъ выходокъ толпы лакеевъ: у Китти была только одна прислуга, кухарка Пелагея, исполнявшая также и должности лакея, горничной, а въ послѣдствіи и няньки. Это было добрѣйшее существо, всегда всѣмъ и всѣми довольное. Одно только ей не нравилось: что она была одна въ домѣ, и не потому что вся работа была взвалена на нее одну, а потому что ей „не съ кѣмъ было покалякать“. Страсть высказывать, до малѣйшихъ подробностей, всѣ свои ощущенія заставляла ее произносить нескончаемые монологи, а иногда, за неимѣніемъ иного общества, обращаться съ рѣчью ко мнѣ. Она относилась ко мнѣ съ искреннимъ уваженіемъ и даже съ нѣжностью. „Голубчикъ ты мой, измаялись мы съ тобой сегодня, поотдохни теперь“, говаривала она мнѣ, прикрывая меня на ночь чистенькимъ полотенцемъ. Время шло ровно и вмѣстѣ быстро; ничто не нарушало тихаго семейнаго быта; по утрамъ пили чай наскоро, мужъ уходилъ на службу, а Китти принималась за свои занятія. Пелагея была всегда такъ занята на кухнѣ, что долго не убирала съ чайнаго стола, и я могъ на свободѣ наблюдать молодую хозяйку. Я не могъ надивиться ея дѣятельности. Она занималась хозяйствомъ, давала уроки приходящимъ къ ней дѣвочкамъ, кормила своего ребенка, все сама шила и находила еще время развивать свой музыкальный талантъ. Вечеромъ изрѣдка приходилъ кто-нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ, но чаще Китти съ мужемъ оставались вдвоемъ. Благодаря заботливости Пелагеи о моей внѣшности, маленькая гостиная какъ-то особенно свѣтло отражалась во мнѣ со всею обстановкой недорогой мебели, уютнаго фортепіано, чайнаго стола и лампы съ фарфоровымъ колпачкомъ. У Китти на колѣняхъ покоилась такая милая, такая прелестная крошка въ кружевномъ чепчикѣ, такъ уморительно ловила губенками кашку изъ бѣлаго хлѣба съ ложечки, съ такимъ любопытствомъ таращила на меня голубые

глазки, протягивая ручонки и ножки въ бѣлыхъ миніатюрныхъ чулочкахъ, — что ужь ради ея одной я почувствовалъ бы влеченіе къ моимъ хозяевамъ, еслибъ этого не случилось уже давно и совершенно безъ моего вѣдома. Я полюбилъ ихъ, слушая ихъ разговоры, въ которыхъ каждое слово было прочувствовано и проникнуто рѣдкою теплотой. Особенно у Китти. Сдѣлавъ чай и уложивъ свою малютку, она принималась за шитье, а мужъ начиналъ читать вслухъ какое-нибудь хорошее сочиненіе. Считаю долгомъ сказать здѣсь, что я обязанъ своимъ литературнымъ образованіемъ единственно моему пребыванію у Китти. Николай Васильевичъ Ивановъ боготворилъ свою жену. Часто онъ говорилъ ей что онъ былъ бы еще счастливѣе, еслибы могъ окружить ее роскошью и всѣми удобствами жизни. Китти всегда отвѣчала ему что она подобныя желанія считаетъ ропотомъ на судьбу. „Развѣ у насъ не хорошо, не уютно? Смотри! все чисто, свѣжо, цвѣты, фортепіано, книги, развѣ это не роскошь? А согласіе, любовь, дитя, развѣ это не высшее счастье?“

Но что бываетъ долговременнымъ въ этомъ мірѣ?... Какъ громъ въ свѣжее, весеннее утро, несчастье грянуло надъ Ивановыми. Послѣ рожденія своего втораго ребенка Китти серіозно занемогла. Невозможность продолжать уроки, докторъ, аптека, приказаніе врача взять кормилицу, къ тому же какія-то неудачи по службѣ совершенно разстроили ихъ денежныя обстоятельства. Все это я узналъ изъ монологовъ Пелагеи. Но и самъ я сталъ замѣчать, что въ домѣ явилась и ростетъ нужда.

Нужда! знавалъ я тебя только по книгамъ, впервые пришлось мнѣ поближе познакомиться съ тобой. Съ какою баснословною быстротой ты увеличиваешься! Въ этомъ отношеніи только одна клевета можетъ состязаться съ нуждой. Что въ мірѣ, подобно этимъ двумъ страшнымъ явленіямъ, сумѣетъ съ такою изумительною ловкостью развиться изъ самаго незначительнаго зародыша до громаднѣйшихъ размѣровъ, проникнуть во всѣ углы и скважины, затронуть всѣ стороны человѣческой жизни, и часто совершенно разрушить ее?...

Китти встала съ постели, но еле-еле передвигалась. Продолжительная болѣзнь изнурила ее. Когда она дѣлала чай, я замѣтилъ, что ея блѣдныя ручки страшно похудѣли и

дрожатъ отъ слабости. Николай Васильевичъ былъ грустенъ, иногда мраченъ. Изъ ихъ разговоровъ я узналъ, что жалованье уже взято за два мѣсяца впередъ, за все это время накопилось много долговъ, а нечѣмъ платить, нечѣмъ жить, не на что купить дорогой сиропъ прописанный докторомъ для Китти.

Мало-по-малу изъ квартиры стали исчезать разные предметы: двѣ лампы, коверъ, стѣнные часы, вольтеровское кресло. Въ одинъ вечеръ я увидѣлъ что мѣсто гдѣ стояли фортепіаны и шкапикъ съ книгами пусто, а у Китти сильно заплаканные глаза. Николая Васильевича не было дома.

— Барыня, а барыня, сказала вошедши Пелагея,—выбраться бы намъ скорѣе изъ этой проклятой квартиры. Хозяинъ-то нашъ домовый не человѣкъ, а звѣрь, истинно говорю вамъ, звѣрь! Что день, то присылаетъ за деньгами. Я все отвѣчаю что баринъ ушедши, а барыня почиваютъ, пришлютъ, говорю, непремѣнно; а вамъ ужь и не докладываю: чего тутъ, думаю, еще горя прибавлять? Такъ вотъ теперь на лѣстницѣ встрѣтилъ, да какъ расходится, полиціей стращаетъ....

— Что жь, няня, онъ въ правѣ: мы ему такъ много должны!

— Ѳедуло Ивановичъ, говорю я ему, — вѣдь, слава Богу, господа-то три года живутъ у васъ, отдадутъ, будьте спокойны! Тяжелое время, значитъ, теперь пришлось! Такъ нѣтъ! Какъ закричитъ: „Я слышать больше ничего не хочу! Прежде каждый мѣсяцъ платили, а теперь за пять должны! Доложи господамъ, что если завтра не пришлютъ мнѣ денегъ, я выгоню ихъ: мнѣ не нужны такіе жильцы!“

— Мы и тебѣ, Пелагея, такъ давно ничего не можемъ дать.

— Это что.... я ничего! обо мнѣ вамъ нечего безпокоиться. Вотъ кормилица, это новый человѣкъ, ну и кормить ее надо получше, а я что, я ничего....

Раздался звонокъ. Пелагея кинулась въ переднюю.

— Николай Васильевичъ у себя? послышался чужой голосъ.

— Нѣтъ-съ.

— А его супруга?

Екатерина Павловна дома.

— Доложи: Константинъ Семеновичъ Микулинъ.

— Директоръ! произнесла съ удивленіемъ Китти.—Проси! прибавила она, обращаясь къ Пелагеѣ.

Въ комнату вошелъ господинъ среднихъ лѣтъ и средняго

роста, съ выдающимся, какъ у нашей братьи, брюшкомъ, и съ рыжеватыми бакенбардами, въ формѣ котлетокъ, на толстыхъ, красныхъ щекахъ. Все въ немъ, костюмъ, прическа, манеры, было до нельзя гладко и полировано.

— Вашъ мужъ скоро воротится домой? спросилъ онъ, усаживаясь возлѣ Китти и дружески сжимая ея ручку.

— Онъ пошелъ къ одному знакомому, который обѣщалъ достать ему какую-нибудь работу.

— Мнѣ бы нужно переговорить съ нимъ объ одномъ дѣлѣ. Впрочемъ, я буду особенно счастливъ, если моя бесѣда не прискучитъ вамъ....

Устремивъ на нее взглядъ, онъ какъ-то поприщурился, отчего глаза его стали еще маслянѣй.

— Напротивъ, Константинъ Семеновичъ! начала Китти, краснѣя и запинаясь:—я также рада случаю видѣть васъ и даже имѣю къ вамъ просьбу....

Китти опустила глаза и похрустѣла пальчиками:

— Не можете ли вы дать получше мѣсто мужу? Съ его жалованьемъ такъ трудно жить....

— Не знаю, другіе мои чиновники съ такимъ же жалованьемъ живутъ очень хорошо.

— Можетъ-быть, у нихъ есть другіе доходы, или состоянье. Когда я была здорова, я могла иногда помочь ему.... Но теперь.... право, мы въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ...

— Постараюсь, постараюсь, когда будетъ вакансія. Николай Васильевичъ на хорошемъ счету у меня: онъ прилеженъ и понимаетъ свое дѣло. Mais vous êtes bien changée! прибавилъ онъ, придвигая стулъ свой ближе и продолжая по-французски:—Когда я встрѣчалъ васъ у Марьи Андреевны, вы были такая розовенькая.... А теперь, похудѣвъ, стали еще прелестнѣй. Этотъ томный видъ вамъ очень идетъ.... Я всегда чувствовалъ особенное влеченіе къ вамъ!...

— Мнѣ пріятно что вы сохранили добрую память обо мнѣ; можетъ-быть, это заставитъ васъ скорѣе исполнить обѣщаніе, шутливо добавила Китти, чувствуя нѣкоторую неловкость.

— Вы не хотите понять меня! Вы бы могли имѣть большое вліяніе на меня.... Я первый разъ у васъ, и признаюсь, я не думалъ что вы такъ.... скромно живете.

Онъ окинулъ взглядомъ комнату и потомъ еще пристальнѣе и еще приторнѣе сталъ смотрѣть на Китти.

— Рождены ли вы для такой обстановки? продолжалъ онъ съ увлеченіемъ.

— Я совершенно счастлива.

— Allons donc ma chère dame! Съ вашею красотой, съ вашимъ образованіемъ во всемъ себѣ отказывать! Съ вашими ли ножками—я давно замѣтилъ эти крошечныя, пухленькія ножки—ступать по такому полу? Еще три года тому назадъ вы произвели на меня сильное впечатлѣніе, но сегодня очаровали.... побѣдили.... плѣнили....

Онъ нагнулся къ ней и продолжалъ шепотомъ:

— Скажите одно слово.... одно словечко.... и вы будете окружены роскошью, всѣ ваши прихоти будутъ исполняться, вашъ мужъ сдѣлаетъ блестящую карьеру.

Китти встала, ея щеки горѣли, губы дрожали, но она спокойно проговорила:

— Константинъ Семеновичъ! Если вамъ угодно будетъ приказать что-нибудь моему мужу, такъ я передамъ ему, и онъ завтра же явится къ вамъ....

— Нѣтъ, пускай онъ не безпокоится: я думалъ переговорить съ нимъ, но....

— Сегодня мужъ мой, вѣроятно, не скоро вернется: я васъ долѣе задерживать не смѣю.

Микулинъ всталъ и взялъ шляпу.

— Простите что не могу проводить васъ, моя малютка плачетъ, прибавила Китти, и слегка поклонившись, вышла въ другую комнату.

Микулинъ закусилъ губу и потомъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу.

— Какую сцену разыграла! проговорилъ онъ сквозь зубы:— знаемъ! не въ первый разъ имѣть дѣло съ бабенками: въ другой, въ третій разъ иначе заговоритъ!... Ей, кто тамъ? спросилъ онъ громко, входя въ переднюю.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! послышался привѣтливый голосъ Пелагеи.

— Здѣсь у васъ на лѣстницѣ шею можно сломать! сказалъ онъ сердито.

— Темненько маленько, сейчасъ посвѣчу.

Китти опять вошла. Пелагея принялась убирать со стола. Подхвативъ меня, она взглянула на Китти.

— Барыня, голубушка, что съ вами?! воскликнула она.

Китти сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, слезы въ два ручья катились по ея лицу.

— Вы такъ себя совсѣмъ уморите! ей Богу правда! продолжала Пелагея:—Опять сляжете, что толку будетъ? А вы бы лучше себя поберегли. Вотъ я узнала что въ нашемъ домѣ, вотъ насупротивъ насъ, живетъ чиновница, въ займы деньги даетъ, сходить развѣ къ ней?

На другой день, утромъ, за чаемъ, Николай Васильевичъ глядѣлъ еще пасмурнѣе обыкновеннаго; его вчерашняя попытка найти работу опять не удалась.

— Да не сходить ли, матушка, говорила Пелагея, обращаясь къ Китти,—вотъ что насупротивъ живетъ чиновница, въ займы денегъ даетъ. Богомольная такая, не станетъ много спрашивать. Ну, извѣстно, надо будетъ дать что-нибудь. Она уже говорила мнѣ: „ежели, говоритъ, они желаютъ, я приду къ нимъ чтобы переговорить обо всемъ....“ Сходить развѣ за ней?

— Да, попроси ее, если можно, теперь къ намъ, сказала Китти.

Пелагея мигомъ исчезла. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія.

— Въ эту дверь? раздался въ передней знакомый мнѣ голосъ.

— Сюда, матушка, сюда! отвѣчала Пелагея, и не безъ торжественности отворила дверь.

Вошла женщина въ клѣтчатомъ, шелковомъ платьѣ. Ба! да это моя старая знакомая: Матрена Петровна! Она мало измѣнилась. Только голосъ ея звучалъ еще меланхоличнѣе, и въ манерахъ не было прежняго подобострастія. Она, казалось, была глубоко проникнута чувствомъ собственнаго достоинства. Николай Васильевичъ поклонился, но не сказалъ ни слова. Китти объяснила ей въ чемъ дѣло.

— Ста пятидесяти рублей я теперь не могу дать вамъ, и цѣлый годъ мнѣ невозможно ждать, произнесла плаксиво Матрена Петровна.

— Меньшая сумма врядъ ли выведетъ насъ изъ этого затруднительнаго положенія, сказала Китти.

— Что жъ дѣлать, душой бы рада, да сама кое-какъ перебиваюсь; а люблю пособить добрымъ людямъ и не хочу отказываться отъ богоугоднаго дѣла. Она подняла глаза къ потолку. Сто рубликовъ могу одолжить вамъ мѣсяцевъ на шесть....

закупавшаго и потащили въ залу. Въ комнатѣ было много разнаго народу. Произносили разныя цифры, громко говорили, спорили, давали деньги какому-то господину съ краснымъ носомъ, и выносили изъ комнаты нѣкоторыя вещи. Высокая, толстая барыня, въ яркомъ клѣтчатомъ бурнусѣ и въ желтой шляпкѣ съ полинявшимъ желтымъ пером, сердито о чемъ-то спорила съ молодою дѣвушкой со славными голубыми глазами. Миніатюрный старичокъ, весь сморщенный, съ пряжкой за безпорочную службу въ петлицѣ изношеннаго вицъ-мундира и съ высоко-стоящими воротничками, глубокомысленно разсматривалъ пару мельхіоровыхъ подсвѣчниковъ, примѣривалъ одинъ къ другому, вертѣлъ ихъ на всѣ стороны, поднималъ къ свѣту. Болѣе всѣхъ покупалъ человѣкъ въ длинномъ нанковомъ кафтанѣ, съ рыжею бородкой клиномъ. Онъ говорилъ медленно и вѣжливо, набавлялъ по полтинничку и пріобрѣлъ почти всю мебель. Въ комнатѣ стало пустѣть. Я понялъ что моя личная свобода погибла безвозвратно и уже мало обращалъ вниманія на все происходившее вокругъ меня.

— И самоваръ можно купить-съ? вдругъ прервалъ мои размышленія человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ.

— Мы, мы самоваръ купимъ! заговорили разомъ двѣ женщины въ парикахъ, съ большими узлами въ рукахъ:—Четыре рубля можно дать.

— Четыре съ полтиной, сказалъ человѣкъ въ кафтанѣ, приглаживая рукой свою бородку.

— Я даю пять! закричала дама въ желтой шляпкѣ.

— Пять съ полтиной.

— Шесть.

— Шесть съ полтиной.

Двѣ женщины въ парикахъ быстро застрекотали между собой на странномъ, неизвѣстномъ мнѣ языкѣ.

— Ну что долго толковать? начали онѣ, опять перебивая одна другую:—отцево полтинникъ не прибавить? Мы даемъ семь рублей, ну и концено. Этотъ самоваръ и того не стóитъ, да такъ штобъ даромъ не уходить.

Въ продолженіе всей этой сцены, я переживалъ невыразимо тяжелыя минуты. Могъ ли я когда-нибудь предвидѣть, красуясь, напримѣръ, въ роскошныхъ покояхъ княгини Симборской, что ничтожная, грязная торговка, оцѣнивъ меня въ семь рублей.... пріобрѣтетъ право владѣть мною!

Это меня окончательно сразило. Мысль что я навсегда покидаю семью къ которой я такъ привязался и гдѣ сумѣли оцѣнить меня, страхъ попасть въ руки двухъ грязныхъ женщинъ, оскорбленное самолюбіе, — все соединилось въ мучительное чувство, и я горячо заплакалъ. Слезы крупными каплями, ручьями полились по мнѣ.

— Ай, ай, ай! воскликнули опять въ ужасѣ обѣ женщины: — Да онъ тецетъ! Пусть меня на мѣстѣ убьютъ, ежели онъ не тецетъ! Цтобы мы купили этакой дрянной самоваръ? продолжали онѣ на распѣвъ:—онъ и семи копѣекъ не стоитъ! Мы бѣдныя торговки, гдѣ же мы тутъ заработаемъ нѣсколько гросей?...

— Я дамъ семь рублей, прервала ихъ дама въ желтой шляпкѣ.

Чрезъ какихъ-нибудь полчаса я уже находился закутанный въ саняхъ. Сзади меня сидѣли дама въ желтой шляпкѣ и дѣвушка съ славными голубыми глазами.

— Знаете ли, тетенька, сказала она,—я давно хотѣла имѣть такой самоваръ. Онъ очень красивъ.

Пріятный голосъ и пріятныя слова развеселили немного меня, но не надолго.

— Знаешь ты чего желать! отвѣчала сердито тетенька.—Радость, нечего сказать, что купила старый самоваръ! Да, Лиза, глупа ты! Будешь потомъ жалѣть что не хотѣла пользоваться обстоятельствами.

Въ квартирѣ тетеньки и Лизы была почти та же обстановка что у Китти. Но не было того порядка и той опрятности. На мебели часто лежали матеріи, странные наряды, разбросанныя книги и тетрадки, и всегда было много пыли. Я помѣщался въ кухнѣ, но за мной ходила уже не добрая, трудолюбивая Пелагея, а горничная Саша, перетянутая въ рюмочку, нарумяненная, и съ огромнымъ фальшивымъ шиньономъ, совершенно другаго цвѣта нежели ея волосы. Ея главныя занятія состояли въ томъ что она приносила изъ трактира кушанье, подавала чай, выметала кой-какъ двѣ комнаты, курила папироски, пила кофе и говорила дерзости тетенькѣ, а иногда и кроткой Лизѣ. Почти каждый разъ когда меня вносили утромъ и вечеромъ къ чаю, Лиза ходила по комнатѣ съ тетрадкой въ рукахъ и громко читала, останавливаясь иногда предъ зеркаломъ.

Тетенька бранилась или съ Сашей, или съ Лизой.

— Да! обратилась она въ одинъ вечеръ къ Лизѣ, у тебя

въ сердцѣ нѣтъ и капли благодарности! Ты послѣ отца и матери остались малюткой. Еслибъ я не сжалилась надъ тобой, да не выходила, ты бы съ голоду пропала!

— Развѣ я не благодарна вамъ, тетя? отвѣчала Лиза.

— Хороша благодарность! Мало я жертвъ для тебя принесла? Отказывала себѣ во многомъ чтобы дать тебѣ образованіе и приготовить будущность. Талантъ одинъ и гроша не стоитъ. Ты мнѣ всѣмъ обязана. А теперь ты припѣваючи поглядываешь какъ я переношу всякія лишенія, чуть не нужду. Платья даже хорошаго не заведу, а объ шали ужь и не думай.

— Развѣ я не учусь, не стараюсь сдѣлаться достойною своего призванія?

— И! мать моя, все это галиматья! Съ ученіемъ да съ призваніемъ далеко не уйдешь. Тебѣ ни одной порядочной роли не даютъ. Панфилова говоритъ и ходитъ какъ утка, одѣвается какъ кухарка, а играетъ главныя роли, потому что она маленько поумнѣе тебя. Развѣ возможно на сценѣ сдѣлать карьеру съ твоими понятіями?! И я была такой дурой какъ ты.... Вотъ теперь и мучусь на старости лѣтъ. Ты красива, могла бы далеко пойти!

— Тетушка! тетушка, перестаньте, ради Бога! воскликнула Лиза, судорожно сжимая тетрадку.

— Здравствуйте, ma chère! раздался веселый голосъ, и въ комнату влетѣла словно куколка разряженная дамочка, вся въ шелку, лентахъ и кружевахъ, съ кокетливо-прихваченнымъ пажами платьемъ, выказывавшимъ щегольскія ботинки. Что это у тебя такой отчаянный видъ? Или ты повторяешь драматическую сцену? Ты вчера очень хороша была. Маленькая роль, а ты всѣхъ тронула. Панфилова не на шутку струсила, и вчера во время репетиціи бранила тебя на чемъ свѣтъ стоитъ. Махронина увѣряла что ты только прикидываешься недотрогой и скромницей. А Антоновъ, тотъ сильно противъ тебя. Онъ называетъ тебя святошей и намекнулъ что знаетъ о тебѣ весьма скандалезную исторію.

— Антоновъ? Невозможно! перебила Лиза, сплеснувъ руками.

— Ахъ, ma chère, ты всему удивляешься. Мнѣ право жаль тебя, защебетала гостья, развязывая ленты своей шляпки.— Я тебя полюбила. Да и ты вредить мнѣ не можешь—я водевилистка. Хочешь, я дамъ тебѣ кое-какія наставленія?

— Послушаетъ она васъ, какъ же! проговорила сердито тетенька.

— Вотъ видишь, ma chère, противъ тебя составляется интрига. Хотятъ въ эту середу опикать тебя. Это бы еще ничего, вздоръ! Да вотъ что худо: Панфилова намѣрена просить Андрея Андреевича на будущій сезонъ не только не прибавлять тебѣ жалованья, но вовсе не ангажировать тебя. Ты знаешь, Панфилова имѣетъ вліяніе на Андрея Андреевича.

— А, что? Что я тебѣ говорила? закричала тетенька.—Вы думаете что ваши слова образумятъ ее? Какъ бы не такъ! Горохъ объ стѣну! Вотъ и все.

— Увѣряю тебя, ma chère, надо *непремѣнно* предупредить интригу.

Лиза молчала.

— Вамъ легко разсуждать, а намъ чѣмъ прикажете дѣйствовать? У насъ всего-на-все рублей пятнадцать во всемъ домѣ. Вотъ я на старости лѣтъ, за всѣ свои труды и жертвы, не въ состояніи позволить себѣ партію въ ералашъ по по копѣечкѣ, или выпить рюмку хорошаго вина, или исправить какъ слѣдуетъ свой гардеробъ!... Еслибы вы знали какое счастье она намедни отвергнула!

— „Счастье!“ промептала Лиза. Ея глаза наполнились слезами.

— Она еще новичокъ у насъ, сказала, въ видѣ извиненія, водевилистка, ласково потрепавъ Лизу по плечику:—И у меня когда-то были подобныя идеи, и что же.... она замялась.—Ахъ, ma chère! начала она опять:—я и забыла сказать тебѣ, Веляевъ въ восторгѣ отъ тебя. Скоро будутъ ставить его новую піесу. Она очень скучна. Но ее приняли, потому что у Андрея Андреевича съ дядей Веляева какіе-то денежные счеты. Къ тому же піеса написана совершенно въ новомъ духѣ: героиня въ первомъ дѣйствіи убѣгаетъ отъ родителей, во второмъ отъ мужа, въ третьемъ оставляетъ дѣтей, въ четвертомъ спокойно и счастливо проживаетъ у любовника, а въ пятомъ мирится съ мужемъ. Онъ назначаетъ ей ежегодную значительную сумму въ видѣ пенсіи, а она убѣждается что собственно никогда не любила ни мужа, ни любовника, что съ обоими расходится въ воззрѣніяхъ на жизнь, и что страстно влюблена въ одного артиста, съ которымъ и

уѣзжаетъ за границу. Веляевъ хочетъ стараться чтобы тебѣ дали эту роль.

Наконецъ я понялъ что нахожусь у актрисы. Я давно интересовался театральнымъ міромъ, но отчаивался въ возможности ближе познакомиться съ нимъ. И потому мысль что я попалъ къ актрисѣ заняла и обрадовала меня. Но не долго пришлось мнѣ предаваться моимъ наблюденіямъ!...

По вечерамъ тетенька и Лиза рѣдко пили чай однѣ. Обыкновенно бывали гости. Преимущественно мущины разныхъ возрастовъ. Бывало тѣсно, людно, шумно, а весело не бывало.

— Vous êtes délicieuse ce soir! раздался разъ около меня знакомый голосъ. Я узналъ князя Теодора. Онъ очень выросъ, былъ еще красивѣе брата, въ гусарскомъ мундирѣ, но очень блѣденъ. Говорилъ вяло, беззвучно.

— Благодарю васъ за букетъ, сказала Лиза,—я люблю цвѣты, но прошу васъ, присылайте мнѣ букеты не завернутые въ кружева.

Князь Теодоръ поклонился. Вошелъ Бродовъ. Давно мы не встрѣчались съ тобой, старина, подумалъ я. На немъ былъ совсѣмъ новый парикъ. Онъ вѣжливо со всѣми раскланялся и подошелъ къ тетенькѣ.

— Исполнилъ-съ ваше порученіе. Надѣюсь, ваше дѣльце пройдетъ въ департаментѣ, всѣ усилія употребилъ-съ.

— Ахъ, какъ я вамъ обязана! воскликнула тетенька, подымая глаза къ потолку и сладко улыбаясь. Мнѣ всего слѣдуетъ получить рублей триста. Но при нашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ... вы знаете что Лиза получаетъ очень небольшое жалованье, все интригуютъ противъ нея.

— Смѣю доложить вамъ, заговорилъ Бродовъ,—что ваша племянница рѣшительно всѣхъ съ ума сводитъ. Вотъ намедни генералъ Слезневъ въ театрѣ говорилъ мнѣ: „Ты посмотри какъ играетъ, а сложена какъ!...“ а полковникъ Дубровскій, тотъ, когда ваша племянница на сценѣ, бинокль отъ глазъ не отнимаетъ, а меня все время локтемъ толкаетъ: „чудо, прелесть!“ говоритъ. Да, точно-съ. Только ужь слишкомъ онѣ непреклонны и строги-съ!...

— Тимоѳей Тимоѳеичъ! перебила его со вздохомъ тетенька:—я должна была заступить ей мать, и всегда старалась и стараюсь развивать въ ней самые строгіе принципы!...

— Вы ангелъ, вы божественное созданье! говорилъ въ это время шепотомъ Лизѣ молодой человѣкъ. Ба! да и это

старый знакомый, Петя! Только уже не въ юнкерскомъ мундирѣ, а въ изящномъ фракѣ.—Если вы не сжалитесь надо мной, не скажете мнѣ хоть одно слово утѣшенія, я лишу себя жизни! Я застрѣлюсь!

— Когда вы будете читать мнѣ вашу роль? прервалъ Петю подошедшій къ Лизѣ баринъ съ всклокоченными волосами, длинѣйшею бородой и мрачнымъ взглядомъ.

— Петръ Никифоровичъ, вы знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ Веляевымъ? спросила Лиза.

Петръ поклонился съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. Признаюсь, я почувствовалъ пріятное ощущеніе при мысли что нахожусь въ одной комнатѣ съ литераторомъ.

— Я роль знаю, сказала Лиза.

— Вы въ ней будете хороши. Піеса эта произведетъ фуроръ. Въ героинѣ я создалъ типъ передовой, истинно развитой женщины. Пожалуста, въ сценахъ когда она оставляетъ родителей, а потомъ дѣтей, будьте естественны — безъ возгласовъ и жестовъ, безъ возвышенія голоса, безъ „драматизма“. Всѐ это для моей піесы не годится. Только въ сценѣ истерики, послѣ ссоры съ мужемъ, продлите истерику какъ можно подольше. Наша публика привыкла теперь видѣть въ каждой драмѣ истерику, и всегда апплодируетъ ей. Я хлопочу чтобы вамъ оставили эту роль. Противъ васъ цѣлая партія. И самъ Андрей Андреичъ не жалуетъ васъ, вы слишкомъ гордо себя держите....

Когда всѐ разъѣхались, тетенька мигомъ измѣнилась. Ея сантиментальный взглядъ и сладкая улыбка мгновенно исчезли.

— Лиза, сказала она.—тебѣ извѣстно что я сегодня издержала послѣднія деньги? До перваго еще цѣлая недѣля. Можетъ-быть, вы сумѣете научить меня гдѣ достать денегъ? Сашѣ надо заплатить. Я рѣшительно не хочу переносить ея грубостей. Ужь и такъ, кажется, я довольно терплю. Съ моимъ ли здоровьемъ переносить ежедневныя лишенія, непріятности!..

— Я попрошу жалованья впередъ....

— Впередъ! А что потомъ будетъ? А?

— Можетъ-быть, возможно еще скромнѣе устроиться, проговорила трусливо Лиза.

— Скромнѣе? вскрикнула, вся побагровѣвъ, тетенька. — Чего же вамъ еще надо? Прекрасно! Не станете ли требовать чтобъ я, которая всѣмъ для васъ пожертвовала, косила дрова и воду, чтобы для васъ бѣлье стирала, чтобы....

— Помилуйте, тетенька! начала Лиза и заплакала. Она видимо боялась тетеньки.

— Вы не ребенокъ, начала тетенька нѣсколько мягче,—вамъ минуло 19 лѣтъ. Кажется, могли бы уже понять что намъ не пристало такъ жить какъ теперь. А главное, для твоей же карьеры необходимо чтобы мы имѣли больше средствъ. У насъ стали бывать разныя значительныя особы. Въ какой квартирѣ, какъ мы принимаемъ ихъ?.. Ты взгляни! Что за мебель, простыя чашки, старый самоваръ.... Вѣдь это стыдно! (И меня таки задѣла!) Ты многимъ нравишься.... Боже меня сохрани чтобъ я стала подговаривать тебя къ чему-нибудь дурному! Но Бродовъ....

— Бродовъ! воскликнула Лиза.

— Что же? Онъ старъ, за то человѣкъ честный, ужь не обманетъ. Его жена опять уѣхала. Поговариваютъ что они разведутся. Если ты не будешь такъ отталкивать его, какъ знать? Онъ болѣе привяжется къ тебѣ, и современемъ, можетъ-быть, и женится на тебѣ. А у него милліоны!

Лиза ничего не отвѣчала и продолжала плакать.

Подобныя сцены повторялись все чаще и чаще. Только тетенька говорила еще громче и рѣзче, а Лиза плакала еще больше и сильнѣе. Въ одно утро Саша необычайно засуетилась. Она даже забыла нарумяниться. Стала укладывать свои вещи, посуду, гардеробъ Лизы. Меня она закутала кой-какъ въ полотенце и вынесла на улицу. Тамъ стоялъ ломовой, нагруженный сундуками, корзинками и разнымъ хламомъ. Меня помѣстила на самомъ верху, между кофейной мельницей и картонкой съ вывалившеюся крышей. Лошадь поплелась шагомъ. Саша, въ тетенькиной желтой шляпкѣ, ѣхала возлѣ насъ на извощикѣ....

Я съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ блистательные дни моей юности, а теперь!... Но вотъ мы остановились предъ красивымъ подъѣздомъ. Меня понесли по устланной ковромъ лѣстницѣ. Въ передней насъ принялъ прилично одѣтый лакей, улыбнулся Сашѣ, взялъ меня изъ ея рукъ, понесъ черезъ четыре небольшія, но богато убранныя комнаты, и поставилъ на полкѣ въ кухнѣ. Итакъ я опять попалъ въ роскошную, сродную мнѣ, обстановку, думалъ я съ удовольствіемъ. Но увы, это была одна мечта.... Дверь въ кухню отворилась, зашла тетенька. На ней было тяжелое шелковое платье и красная шаль, заколотая огромною брошкой.

— Саша! сказала она, нахально подымая свое толстое лицо:—прежнюю посуду и этотъ самоваръ (она съ пренебреженіемъ указала на меня) не надо подавать намъ. Пускай они останутся въ кухнѣ для людей. Сегодня придетъ новая кухарка.

Эти немногія слова рѣшили мою участь!... Я вытолкнутъ изъ образованной среды и доживаю свой вѣкъ въ кухнѣ. „Новая кухарка“ ставитъ меня по шести разъ въ день. Прихожу въ столкновеніе только съ прислугой. Въ этихъ людяхъ я замѣчаю качества и привычки характеризующія людей вообще. Только всѣ эти свойства проявляются въ нихъ грубѣе и откровеннѣе нежели въ высшихъ сферахъ.

Впрочемъ, я теперь многое переношу гораздо холоднѣе. Я постарѣлъ. Я уже медленнѣе закипаю и стараюсь стать выше всѣхъ невзгодъ и униженій моего настоящаго положенія...

И. Г.

МОГИКАНЫ РЕАЛИЗМА

Въ настоящее время не остается, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія что отрицательное направленіе нашей литературы уже пережило цвѣтущій періодъ своей дѣятельности. Нѣтъ въ немъ ни вождей особенно храбрыхъ, ни единства сколько-нибудь внушительнаго, ни поклонниковъ многочисленныхъ; даже имя, которымъ ихъ окрестилъ И. С. Тургеневъ, и то износилось: нигилисты называютъ себя теперь уже не нигилистами, а реалистами. То было слово слишкомъ ядовитое, слишкомъ напоминающее о ничтожномъ количествѣ идей вращающихся въ ихъ средѣ. Нигилистамъ было объяснено что отрицаніемъ да порицаніемъ вѣчно отдѣлываться нельзя, что обществу нужна какая-нибудь положительная, осязаемая, а не отрицаемая только дѣятельность. Вотъ съ того-то времени нигилисты и стали выдавать себя служителями естествознанія и обращаться въ реалистовъ. Вѣкъ реалистовъ, значитъ, весьма еще недолгій, и какъ они уже устарѣли, до какихъ несообразностей договорились! „Насъ совсѣмъ не поняли“, твердятъ теперь болѣе догадливые изъ нихъ, вглядываясь въ свое собственное изображеніе поднесенное имъ искусною рукой г. Тургенева. Кто выдумалъ что мы ничего не дѣлаемъ и ни на что̀ не опираемся? А лягушка, а скальпель, а микроскопъ, на которые мы указали какъ на могущественныя орудія общественнаго развитія! Всего этого, положимъ, мы не держали въ рукахъ, но это однакоже не помѣшало намъ дойти до самыхъ реальныхъ, почти анатомическихъ взглядовъ. Не мы развѣ доказали идеалистамъ что міръ „прокисъ“, что поэты и эстетики не нужны, историки и экономисты безполезны,

что женщинъ слѣдуетъ обмущинить, а семьи обратить въ артельныя мастерскія? Не нами развѣ предложенъ былъ проектъ уничтоженія историко-филологическаго факультета и подробно развита идея компаніи реалистовъ, которые бы на собранныя тысячи организовали систему гимназій, гдѣ преподавалось бы все, за исключеніемъ грамматики, языковъ, словесности и исторіи? А реальная критика, реальная поэзія, реальный способъ рѣшенія разныхъ вопросовъ—развѣ всего этого недостаточно чтобы дѣятельность наша была вполнѣ осязаема? Увы, жалкія права на извѣстность! ухватившись ради отрицанія за реализмъ, вы на самомъ дѣлѣ оказались крайними идеалистами; потому что то съ чѣмъ вы были знакомы, чему дѣйствительно учились, то вы поставили ни во что, а то что вычитали изъ случайно попавшихся естественно-историческихъ книжекъ, вы по новизнѣ предмета приняли за непреложныя истины. Вы не *знаете*, а *верите*: какая иронія!

Естественныя науки, при ихъ настоящемъ состояніи, имѣютъ совсѣмъ не то значеніе какое эти господа стараются имъ приписать. Техника и механика—вотъ гдѣ ихъ страшная сила, а не область принциповъ и убѣжденій, обыкновенно вырабатываемыхъ не точными науками. Естественныя науки даютъ полную возможность ориентироваться въ природѣ, но не въ обществѣ. Естествознаніе есть дополненіе къ человѣкознанію, а не начало знаній. Естественными науками ограничиваться нельзя, а тѣмъ болѣе нельзя съ нихъ начинать. Слишкомъ живая фантазія всякаго начинающаго жить требуетъ еще образовъ, вымысла и оттого не въ состояніи выдержать черезчуръ осязаемыхъ фактовъ зоологіи, ботаники, анатоміи. Точность,—эта неотъемлемая принадлежность естественныхъ наукъ,—недостижима для начинающаго. Знакомство съ природой будетъ въ немъ не дѣйствительное, а призрачное. Даже въ возрастѣ юношескомъ и позднѣйшемъ, и то не всегда усвоивается, вслѣдствіе пылкой фантазіи и неосновательнаго воспитанія, эта точность, эта незыблемость положительныхъ наукъ, чему и служатъ примѣромъ наши реалисты. Слишкомъ большая отличающая ихъ смѣлость въ обращеніи съ вопросами неразрѣшимыми и слишкомъ большая погоня за цѣлями недостижимыми только и можетъ быть объяснена ихъ поверхностнымъ соприкосновеніемъ съ наукой природы. Пораженные на первыхъ

же порахъ недугомъ любопытства и раздражнвающимъ вліяніемъ энциклопедизма, они естественно стали бросаться то въ одну, то въ другую сторону, и потому ни на чемъ серіозно не остановились. Простое удовлетвореніе любознательности, какою бы тратой способностей оно ни сопровождалось, есть еще только развлеченіе, а не трудъ въ настоящемъ смыслѣ. Поверхностное ознакомленіе съ природой дразнитъ, конечно, любознательность, но оно въ то же время возбуждаетъ и слишкомъ большую смѣлость и склонность къ произвольнымъ выводамъ. Хватаніе верховъ науки служитъ только орудіемъ къ безцѣльному и непроизводительному бѣганію по книжкамъ. Знаніе, конечно, есть сила, но только въ рукахъ человѣка умѣющаго прилагать его. Литературное и научное безчинство, совершаемое у насъ во имя мнимореальнаго или мнимо-естественно-историческаго направленія, лучше всего доказываетъ это. Ни одной еще дѣльной статьи по естественнымъ наукамъ мы не встрѣтили въ журналахъ проповѣдующихъ реализмъ, тогда какъ въ журналахъ съ направленіемъ противоположнымъ онѣ иногда попадаются. Даже Бокль, Люисъ и Дарвинъ, этотъ тріумвиратъ реалистической мудрости, были предложены русской публикѣ не реалистами. Между тѣмъ реалисты, прибавивъ къ нимъ Бюхнера и Молешотта, только этими *хорошими* книжками и ограничились, и исполнилось такимъ образомъ слово о пятикнижіи, завѣщанное авторомъ романа *Что дѣлать*. Инціативы въ распространеніи трезваго пониманія природы въ нашихъ реалистахъ, значитъ, никогда не было. Занимаясь постоянно игрой въ естественно-историческіе факты, они наконецъ дописались теперь до какой-то смѣси критики съ зоологіей, беллетристики съ физіологіей, которая только отталкиваетъ отъ себя всякаго человѣка сколько-нибудь прикосновеннаго наукѣ, и называютъ еще этотъ литературный винегретъ популяризированіемъ знанія!

Чтобы не быть, однако, голословными въ нашихъ замѣчаніяхъ о такъ-называемомъ реализмѣ въ литературѣ, попробуемъ взять на выдержку нѣкоторыя статьи, очевидно, написанныя въ этомъ направленіи. Намъ подвертывается подъ руку недавно напечатанная въ *Дѣлѣ* статья г. Португалова *Источники болѣзней*: остановимся на ней. Написана она, какъ видно по заключенію, врачомъ: несомнѣнно что авторъ знакомъ съ естественными науками; но несомнѣнно

также что знаніе въ такой мѣрѣ переплелось съ извѣстными тенденціями, что вышло нѣчто очень куріозное. Доказывая, сообразно направленію *Дѣла*, что нищета и голодъ составляютъ главные, почти единственные источники болѣзней, авторъ, чтобы быть болѣе убѣдительнымъ, пытается въ то же время отвергнуть всѣ другія причины болѣзней, напримѣръ климатическія, заимствуя для этого свои аргументы *изъ наблюденій надъ лошадью*.... „Лошади, говоритъ онъ, улучшаются въ породѣ, по наблюденіямъ Дарвина, отъ хорошаго ухода и естественнаго подбора, а климатъ нисколько не обнаруживаетъ на нихъ вліянія.“ Не правда ли, удачная цитата? Она намъ очень напоминаетъ ту параллель, которую когда-то проводилъ профессоръ Флоринскій въ томъ же журналѣ между удачнымъ подборомъ супруговъ и улучшеніемъ породъ рогатаго скота, между красивыми Охтянками и холмогорскими коровами. Оставляя въ сторонѣ все что̀ въ подобномъ взглядѣ есть возмущающаго человѣческое достоинство и все что̀ есть смѣшнаго въ томъ внутреннемъ наслажденіи съ какимъ наши реалисты спѣшатъ, во имя будто бы науки, засвидѣтельствовать всѣмъ и каждому объ исключительной принадлежности человѣка къ животному царству, мы должны сказать имъ, что ихъ коннозаводческій взглядъ (выраженіе покойнаго С. С. Дудышкина) непримѣнимъ къ человѣку и съ точки зрѣнія науки. Человѣкъ есть самое развитое, но вмѣстѣ и самое безсильное и болѣзненное изъ всѣхъ существъ. Самое даже изреченіе: здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ, не всегда къ нему примѣнимо, потому что условія для проявленія умственныхъ силъ заключаются не въ развитіи костей, мышцъ и жира, а въ совершенствѣ нервной системы: нервы, въ случаѣ крайности, какъ бы высасываютъ весь сокъ жизни изъ тѣла, подорваннаго страданіями и недугами, и поддерживаютъ въ немъ дѣятельность. А что нервная система у человѣка совершеннѣе чѣмъ у лошади, это, кажется, должно бы быть извѣстно г. Португалову. Къ чему же тутъ и всѣ эти сравненія, и смѣлые выводы насчетъ того что климатическое лѣченіе не приноситъ будто бы человѣку пользы. Кто же не наблюдалъ, даже изъ не-врачей, что, напримѣръ, холодные климаты располагаютъ къ ревматизмамъ и простуднымъ болѣзнямъ, измѣнчивые убиваютъ чахоточныхъ; что есть мѣста гдѣ чахотка бываетъ только въ видѣ исключенія, а лихорадка,

напротивъ, очень частая гостья; что существуютъ, наконецъ, мѣста отрицающія золотуху или, наоборотъ, ее обусловливающія и т. д. Скажемъ къ слову, что климатическое лѣченіе имѣетъ у насъ въ Россіи даже блестящую будущность, потому что съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, оно, при разнообразіи климатовъ Россіи, можетъ сдѣлаться доступнымъ для массы больныхъ солдатъ и для простолюдиновъ. Докторъ Милліотъ, спеціально занимающійся этимъ вопросомъ, сдѣлалъ даже (да проститъ онъ намъ эту нескромность) довольно значительное пожертвованіе съ цѣлію опредѣлить санитарныя станціи по направленію нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Развивая мысль о зависимости болѣзней отъ нищеты и голода и о значеніи дурныхъ условій жизни для здоровья человѣка, ученый сотрудникъ *Дѣла* приводитъ въ примѣръ, полагая, повидимому, что это очень идетъ къ дѣлу,—кого бы вы думали?—свиней, „у которыхъ, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ и происходитъ укорачиваніе головы, если онѣ отъ недостатка пищи много роютъ мордой землю“, и кроликовъ, „которые, по замѣчанію Дарвина, живя въ неволѣ, слабѣе развиваются въ своихъ инстинктахъ“. Дарвинъ насчетъ послѣдняго факта дѣлаетъ еще только предположеніе, а г. Португаловъ уже примѣриваетъ подневольную жизнь кроликовъ къ человѣку и распространяется при семъ удобномъ случаѣ о народахъ живущихъ въ рабствѣ.... Точно также, стараясь объяснить силу вліянія культуры на здоровье человѣка, авторъ, ни съ того, ни съ сего, заговариваетъ вдругъ о культурѣ розъ, астраханскихъ арбузовъ, нѣжинскихъ огурцовъ и сладкаго ярославскаго горошка. Усиливаясь, такимъ образомъ, доказать совершенно не требующее доказательства, онъ упускаетъ изъ виду что качества мѣстныхъ произведеній природы зависятъ все-таки не отъ одной культуры или воздѣлки, но и отъ химическаго состава почвы и климатическихъ условій.

Но съ какой же стати, спросятъ насъ, приплетаетъ авторъ Дарвина, говоря объ условіяхъ жизни человѣка? Дарвинъ ботаникъ и зоологъ, а не антропологъ и не этнографъ; онъ разсуждаетъ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о бобахъ и цвѣтахъ, баранахъ и ослахъ? Это ничего не значитъ: „Дарвинъ Англичанинъ, а у Англичанъ уже такая манера, что

они сразу не сопоставятъ человѣка съ животнымъ.“ Такою-то фразой отдѣлывается г. Португаловъ, смутно догадываясь что Дарвинъ писалъ свое знаменитое сочиненіе не ради баловства и злоупотребленій наукой, какъ наши доморощенные реалисты. Манера Дарвина есть манера не однихъ Англичанъ, но и всѣхъ истинныхъ ученыхъ, которые не сдѣлаютъ ни одного шага впередъ до тѣхъ поръ пока не чувствуютъ что нога ихъ стоитъ твердо. Эта великая манера и есть именно то что̀ Клодъ Бернаръ называетъ детерминизмомъ, на основаніи котораго всякіе скачки и прыжки въ наукѣ и погоня за первыми причинами считаются праздными дѣломъ, напоминающимъ усилія ребенка ухватить башню стоящую на огромномъ разстояніи.

Но г. Португаловъ, впрочемъ, и самъ себя побиваетъ въ своемъ тенденціозномъ стремленіи вывести всѣ источники болѣзней изъ нищеты и голода. Такъ, припоминая что лихорадочные міазмы, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, происходятъ отъ особой породы водорослей или споръ ихъ, что корь имѣетъ, повидимому, источникомъ происхожденія грибки, являющіеся на испорченной соломѣ растеній, что отравленіе пророшею рожью тоже зависитъ отъ микроскопическихъ грибковъ, называемыхъ спорыньею, и что, наконецъ, холера, по мнѣнію многихъ, зараждается отъ того что на рисѣ тоже являются особаго рода растительные паразиты, — авторъ тѣмъ самымъ невольно указываетъ, что источники болѣзней далеко не изсякнутъ даже и въ случаѣ всѣми желаемаго уничтоженія нищеты и голода, что нужно сначала избавить отъ болѣзней весь растительный міръ и устранить всѣ неправильности и уклоненія климатовъ, чтобы потомъ уже сказать что климатъ для человѣка вздоръ, а культура все. Слѣдуя Рейху, авторъ говоритъ, что „для уничтоженія холеры необходимо улучшить воздѣлываніе риса или лучше замѣнить воздѣлываніе его другимъ питательнымъ веществомъ“. Новый куріозъ! Еще не рѣшено въ наукѣ что въ дурномъ питаніи риса заключается причина происхожденія холеры, а ученые мужи *Дѣла* уже проектируютъ планъ уничтоженія воздѣлыванія риса: предположеніе чрезвычайно характерное для той партіи которая, на основаніи теорій и гипотезъ, мечтала когда-то перестраивать общество.

Но всесокрушающая тенденція доводитъ почтеннаго доктора до отрицанія своей собственной науки. „Лѣчить

людей какими-нибудь средствами или вовсе не лѣчить,—смертность и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинакова", говоритъ съ увѣренностію нашъ авторъ, вертя и орудуя цифрами, такъ что даже становится страшно за статистику. „Н. И. Пироговъ," цитируетъ онъ дальше, „убѣжденъ, что всѣ наши врачебныя средства *едва* колеблютъ общую цифру смертности." Но въ этомъ *едва*, на которое не обратилъ вниманія г. Португаловъ, и заключается та великая задача которую назначено выполнять практической медицинѣ. Задача ея не въ томъ чтобы давать людямъ безсмертіе. Медицина, сказалъ одинъ французскій врачъ, въ большей части случаевъ утѣшаетъ, въ нѣкоторыхъ — помогаетъ, въ немногихъ же — излѣчиваетъ. Но и это уже много значитъ въ виду той безпомощности въ которой чувствуетъ себя заболѣвшій человѣкъ. Извѣстный англійскій ученый Беннетъ старается подвести нравственное вліяніе присутствія врача на ходъ болѣзни подъ систему. Какъ же послѣ того можно не придавать значенія медицинскому пособію и сваливать все на правильное распредѣленіе богатствъ и будущее устраненіе нищеты и голода между людьми? Есть вѣдь болѣзни происходящія и отъ обжорства и роскоши. А положительныя завоеванія медицины, ужели они недостаточно убѣждаютъ почтеннаго доктора что рѣшеніемъ соціальныхъ задачъ нельзя ограничивать медицинскую практику? Развѣ оспа не ослабѣла, благодаря усиліямъ медицины, развѣ лихорадка не вылѣчивается, малокровные и цинготные не выздоравливаютъ отъ лѣченія, развѣ жизнь страдающихъ хроническими, неизлѣчимыми недугами не удлиняется отъ хорошаго медицинскаго досмотра, а сила острыхъ болѣзней не ослабѣваетъ въ значительной степени черезъ устраненіе осложненій? А чудеса хирургіи и акушерства, заставляющія слѣпыхъ прозрѣвать, хромыхъ ходить, и пр.? Отрицать все это, по меньшей мѣрѣ, странно для врача.

Но кромѣ серіозныхъ и, повидимому, ученыхъ статей, печатаемыхъ въ интересахъ реализма, въ журналѣ *Дѣло* существуетъ и особая, приспособленная къ цѣли изданія, беллетристика, построенная яко бы на данныхъ изъ геологіи, палеонтологіи и вообще наукахъ естественныхъ. Одинъ изъ новопоставленныхъ реалистовъ, г. М. Михайловъ, уносясь мыслію за предѣлы исторіи, и именно не ближе какъ „за милліоны лѣтъ", старается показать подпищикамъ *Дѣла*

какимъ былъ человѣкъ въ то время, когда онъ, на основаніи ученыхъ изысканій редакціи, ничѣмъ не отличался отъ обезьянъ. Рисуется самая фантастическая картина допотопнаго міра и посреди ея человѣкъ, ревущій, къ величайшей радости реалистовъ, какъ дикій звѣрь. Мущина-самецъ, разказываетъ нашъ авторъ, кричалъ а-а! а женщина-самка, скаля зубы и хохоча, отвѣчала ему у-у! Вотъ онъ, настоящій зоологическій языкъ, открытый нашими реалистами!... Но будемте читать далѣе. Вотъ, напримѣръ, сцена встрѣчи первобытнаго мущины съ первобытною женщиной:

„Пріятель нашъ (такъ называетъ почему-то авторъ голаго человѣка-самца) весь вздрогнулъ при появленіи молоденькой женщины, и они оба разомъ окинули другъ друга очень привѣтливо. Онъ перебрался къ ней на дерево; она ударила его по плечу и увернулась изъ его рукъ. Онъ за ней: она соскочила на землю, потомъ побѣжала по лѣсу. Молодецъ нашъ пустился ее догонять, и какъ она ни увертывалась, онъ все-таки ее настигъ.... Она выбивалась, слабо вскрикивала, все вмѣстѣ. Онъ визжалъ умоляющимъ голосомъ. Она повернула къ нему свое горячее, обрызганное потомъ лицо; зрачки ее горѣли, бѣлки были влажны. Она всѣ трепетала страстію и негой.... Она опять побѣжала; но въ то же время оглядывалась, бѣжитъ ли онъ за ней; онъ, конечно, бѣжалъ. Вотъ лѣсъ разступился. Какая мягкая высокая трава! Ни у какого царя не было такого пышнаго ложа.“ Тутъ нашъ юный реалистъ проводитъ еще нѣсколько чертъ, но мы воспроизводить ихъ не станемъ, такъ какъ онѣ имѣютъ назначеніемъ вліять не столько на головной, сколько на спинной мозгъ.

Дальнѣйшее чтеніе статьи г. Михайлова убѣждаетъ насъ, что вліяніе на этотъ именно мозгъ онъ и желаетъ производить. Являясь постояннымъ защитникомъ прекраснаго пола, г. Михайловъ не упустилъ случая и тутъ жесточайшимъ образомъ возстать противъ угнетателей-мущинъ, живших за милліоны лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Ему даже чудится, что ключа женскаго вопроса должно искать въ томъ отдаленномъ и дикомъ времени, когда люди, еще не стѣсняясь, ходили безъ одежды: тогда уже, по остроумному соображенію автора, началось угнетеніе женщинъ мущинами. Женщины въ то время жили, какъ оказывается, въ особыхъ шалашахъ, ими же самими построенныхъ, и подвергались нападенію со стороны мущинъ, все равно какъ теперь мы подвергаемся напа-

денію со стороны дикихъ звѣрей. Понятно, что все это изображается у автора въ самыхъ реальныхъ образахъ. „Вотъ, вотъ,—замѣчаетъ онъ какъ бы съ радостію, описывая такое нападеніе, — хлопочетъ около одного изъ шалашей еще совсѣмъ молоденькая женщина. Судя по плечамъ, бедрамъ и росту, она еще не достигла полнаго развитія. Первые обманчивые признаки зрѣлости не остаются не замѣченными. Толпа мущинъ тотчасъ начинаетъ слѣдить за предметомъ страсти, и безсильная для борьбы дѣвочка достается сильнѣйшему изъ претендентовъ.“ Далѣе авторъ съ большимъ одушевленіемъ разказываетъ какъ изобрѣтенъ былъ поясъ стыдливости, и какъ мущина-самецъ, закабаливъ женщину-самку, началъ ею помыкать. Да позволено будетъ намъ представить во всей красѣ ту до невѣроятности дикую идиллію, которая по этому случаю рисуется въ испорченномъ воображеніи автора.

Самецъ-человѣкъ убиваетъ для утоленія своего аппетита козу; но самъ почему-то не приноситъ ее изъ лѣсу, а посылаетъ за нею жену. Бѣдная жена отправляется за добычей, а онъ, какъ истый баринъ, идетъ къ себѣ въ шалашъ. „Надо выбрать мѣсто помягче, думаетъ про себя самецъ-человѣкъ. Жена положила на такое мѣсто спящаго ребенка; но онъ можетъ лежать гдѣ и пожестче. Отецъ безцеремонно сталкиваетъ своего ребенка съ удобнаго мѣста и вытягивается во всю длину. Ребенокъ со сна ревetъ.“ Между тѣмъ бѣдная мать приволакиваетъ козу, и исполняя должность мужа, начинаетъ сдирать съ нея кожу. „Самецъ-муцина не выдерживаетъ и со сверкающими отъ удовольствія глазами подсаживается къ женѣ. Съ торопливостію выдергиваетъ изъ кровавыхъ внутренностей сердце, печень и почки, и съ такой же жадностію начинаетъ жевать и глотать.“

Что это такое? Можетъ ли далѣе этого идти нелѣпость? Насмѣшка ли это надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, или стремленіе пощеголять какимъ-то плотояднымъ цинизмомъ? Проявленіе ли выдохшагося, износившагося таланта, или желаніе подслужиться своему направленію? И кого думаютъ эти господа просвѣтить своими дикими фкнтазіями? Человѣка вполнѣ развившагося уже не прельститъ это поклоненіе животной сторонѣ нашей натуры; а склонять недоучившагося юношу къ тому чтобъ онъ скорѣе причислилъ себя къ царству животныхъ и жилъ сообразно этому — честь не велика. Но именно юношей-то преимущественно *Дѣло* и имѣетъ

въ виду. „Молодой писатель изъ молодаго поколѣнія, говоритъ одинъ изъ его сотрудниковъ, долженъ помнить что у него читатели молодые. Онъ долженъ отмежевывать себѣ извѣстный кругъ, въ которомъ вращается молодая жизнь, и для нея только и работать.“ Вотъ куда устремляются разчеты почтенной редакціи при распространеніи реалистическихъ дикостей!... Не съ цѣлію ли поучать юношество написана и статья о проституціи, напечатанная въ послѣднихъ книжкахъ *Дѣла*. Почему, впрочемъ, и не писать о проституціи? Но дѣло въ томъ какъ писать. Казалось бы, что журнальная статья о такомъ предметѣ не должна зарываться въ свой предметъ глубже мрачныхъ страницъ судебно-медицинскихъ книгъ; для серіозной любознательности этого слишкомъ довольно. Но нѣтъ; ни передъ чѣмъ не краснѣющій реализмъ и тутъ перешелъ всѣ границы. Въ противоположность знаменитому Тардьё, когда-то посовѣстившемуся въ спеціальномъ журналѣ говорить на общепонятномъ отечественномъ языкѣ объ этихъ уродствахъ и потому прибѣгшему къ языку древнихъ Римлянъ, авторъ статьи *Дѣла* доходитъ до самой невѣроятной безцеремонности въ перечисленіи разныхъ видовъ растлѣнія (стр. 109, № 5). Не довольствуясь тѣми гадостями которыя представляетъ въ этомъ отношеніи современная жизнь, онъ зарывается въ глубь древности; повторяетъ извѣстные разказы изъ жизни греческихъ и римскихъ гетеръ, перечисляя при этомъ всѣ мельчайшіе виды разврата. И хотя бы еще сдѣлано было это со строго научными пріемами, всегда болѣе или менѣе скрадывающими неприглядность такихъ фактовъ, — нѣтъ: вся статья представляется какимъ-то балластомъ фактовъ, выдернутыхъ изъ разныхъ книжекъ; и если ее связываетъ какая-нибудь идея, то эту идею нельзя иначе понять, какъ за выраженіе самаго непроходимаго пессимизма и желанія сдѣлать совершенно не нужную выставку скотскихъ страстей, о которыхъ даже въ судахъ говорятъ при закрытыхъ дверяхъ.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

I.

Joseph II und Katharina von Russland, ihr Briefwechsel; herausgegeben von A. R. Arneth. Wien, 1869.

Мы только что получили и поспѣшили прочесть переписку между Екатериной и Іосифомъ II, изданную съ разрѣшенія австрійскаго двора г. фонъ-Арнетомъ, извѣстнымъ издателемъ нѣсколькихъ любопытныхъ историческихъ матеріаловъ какъ-то: *Prinz Eugen von Savoyen* (1858), *Maria-Theresias erste Regierungsjahre* (1863), *Maria-Teresia und Joseph II, ihre Correspondenz etc.* (1867), *Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II, ihr Briefwechsel* (1867). Всѣ матеріалы изданные г. Арнетомъ извлечены изъ государственныхъ архивовъ и притомъ не только вѣнскихъ, но,—какъ напримѣръ при изданіи переписки Іосифа и Екатерины,—изъ архивовъ петербургскихъ и московскихъ. „Письма русской императрицы хранились въ Вѣнѣ, говоритъ издатель, но за подлинниками писемъ императора Іосифа я долженъ былъ обратиться къ русскому правительству, которое благосклонно доставило мнѣ засвидѣтельствованныя съ нихъ копіи.“ Такимъ образомъ, подлинность лежащихъ предъ нами писемъ несомнѣнна. Что̀ касается до ихъ содержанія, то оно обнимаетъ весь періодъ тѣснаго союза по дѣламъ Востока между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами, то-есть съ 1780 по 1789 годъ; кромѣ того, здѣсь находятся два письма относящіяся къ 1774 году, по дѣламъ польскимъ и, въ видѣ приложенія, присоединено нѣсколько писемъ Іосифа II къ австрійскому фельдмаршалу графу Ласси, въ которыхъ заключаются впечатлѣнія

и замѣтки германскаго императора во время его поѣздки въ Крымъ. Кажется, сказаннаго нами достаточно чтобы дать понятіе читателю о высокомъ интересѣ матеріаловъ обнародованныхъ г. Арнетомъ. Нѣсколько отрывковъ изъ этой переписки находится въ *Исторіи паденія Польши*, Соловьева, но, разумѣется, онъ ею воспользовался лишь на столько, на сколько это соотвѣтствовало задачѣ которую онъ имѣлъ въ виду, тогда какъ изданіе г. Арнета заключаетъ въ себѣ всю сущность австро-русской политики по такъ-называемому *греческому проекту*.

Сближеніе между императорскими дворами выразилось первоначально поѣздкой Іосифа II въ Россію. Лѣтомъ 1780 года онъ прибылъ подъ именемъ графа Фалькенштейна въ Могилевъ, гдѣ встрѣтился съ Екатериной и откуда, чрезъ Москву, онъ проѣхалъ въ Петербургъ. При личныхъ сношеніяхъ ихъ между собою и произошелъ, безъ сомнѣнія, обмѣнъ мыслей, положившій основаніе сближенію ихъ правительствъ. Но въ это время еще жива была Марія-Терезія, не одобрявшая политическихъ видовъ своего сына. Она скончалась въ концѣ 1780 года, и съ этого-то времени начинается сближеніе Вѣнскаго и Петербургскаго дворовъ. Екатерина немедленно приказала предложить молодому императору заключить трактатъ о взаимной гарантіи ихъ государствъ. Іосифъ тотчасъ же изъявилъ на это полное согласіе; но тутъ встрѣтилось затрудненіе весьма серіозное, хотя съ перваго взгляда оно можетъ показаться маловажнымъ. Еще въ 1779 году, когда шла рѣчь о договорѣ по польскимъ дѣламъ, графъ Паninъ представлялъ что „Римскій императоръ никогда не соглашается на употребляемую другими государями въ трактатахъ и конвенціяхъ альтернативу титуловъ и подписей“, то-есть, что германскій посолъ не можетъ подписаться иначе какъ на первомъ мѣстѣ въ обоихъ экземплярахъ международнаго акта; поэтому въ конвенціи о первомъ раздѣлѣ Польши, подъ экземпляромъ назначеннымъ для Русскаго двора подписался одинъ германскій уполномоченный, а подъ тѣмъ экземпляромъ, который предполагалось послать въ Вѣну—одинъ уполномоченный со стороны Россіи. Такое же затрудненіе представилось и въ 1781 году. Представитель Вѣнскаго двора не соглашался подписать трактатъ иначе какъ первымъ на обоихъ экземплярахъ, а Русскій дворъ, признанный

въ достоинствѣ императорскаго, не хотѣлъ приложить своей подписи вторымъ на обоихъ экземплярахъ. По этому поводу Іосифъ написалъ 6-го марта 1781 году Екатеринѣ слѣдующее: „Въ ту минуту когда я съ величайшимъ нетерпѣніемъ и искреннимъ желаніемъ ожидалъ извѣстія о подписи давно желаннаго и начертаннаго въ моемъ сердцѣ договора, съ истинною горестію узналъ я отъ графа Кобенцеля (посолъ его въ Петербургѣ) о непобѣдимомъ затрудненіи къ осуществленію моихъ желаній, выгодъ,—смѣю сказать,—нашихъ обѣихъ державъ и къ торжественному заявленію, если не усиленію, личной нашей дружбы. Ваше императорское величество желаете единственной вещи, которая, къ несчастію, не въ моей власти, потому что мой титулъ и единственная прерогатива съ нимъ еще связанная не принадлежатъ мнѣ, а ввѣрены мнѣ князьями-избирателями имперіи.“ Отвѣчая на это письмо, Екатерина не скрыла что ей прискорбна неподатливость Вѣнскаго двора, но что, впрочемъ, она поручила своему послу при этомъ дворѣ сдѣлать предложеніе, которое въ состояніи устранить представляющееся затрудненіе“; въ чемъ состояло это предложеніе видно изъ письма императора отъ 20-го мая 1781 года. „Средство, которое дружба вашего императорскаго величества и неистощимый вашъ геній указываютъ,—писалъ онъ,—послѣ долгихъ, зрѣлыхъ размышленій, я признаю единственнымъ, а именно, чтобы мы изложили въ формѣ писемъ всѣ обязательства, которыя должны были составить содержаніе предполагаемаго трактата и секретнаго артикула.“ Согласно этому были написаны имъ 21-го, а Екатериною 24-го мая, письма, въ которыхъ они подтверждали конвенцію 25-го іюля 1772 года (написанную по поводу перваго раздѣла Польши), гарантировали взаимно свои владѣнія, обязывались помогать другъ другу двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ въ случаѣ нападенія на владѣнія того или другаго, а если представится надобность, условиться и о болѣе значительномъ вспомогательномъ войскѣ; далѣе она заявляла о своемъ намѣреніи поддерживать существованіе и цѣлость Рѣчи Посполитой въ ея настоящихъ границахъ и при настоящей ея конституціи, присовокупляя что заключаемыя нынѣ обязательства имѣютъ силу въ продолженіе восьми лѣтъ. Къ помянутымъ письмамъ 21-го и 24-го мая были приложены другія, хотя и отъ тѣхъ же чиселъ, въ которыхъ постановлялись отношенія обоихъ императорскихъ дворовъ къ Турціи. Въ этихъ допол-

нительныхъ письмахъ обѣ стороны гарантировали нерушимость договоровъ заключенныхъ съ Портою и обязывались побуждать ее къ точному ихъ исполненію, а въ случаѣ нарушенія оныхъ объявить ей войну и вступить съ оружіемъ въ ея предѣлы, употребляя для этого равныя съ обѣихъ обѣихъ сторонъ силы. Въ заключеніе выражено было предположеніе договориться, въ случаѣ возникновенія событій предусмотрѣнныхъ настоящимъ письмомъ, о размѣрѣ обоюднаго вознагражденія за военныя издержки.

Порта не замедлила представить союзникамъ случай жаловаться на несоблюденіе трактатовъ съ ея стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уговориться о вознагражденіяхъ въ случаѣ войны. Турецкое правительство не могло примириться съ независимостью Крыма, признанною Кайнарджискимъ трактатомъ, и постоянно поддерживало тамъ броженіе умовъ и вражду противъ Россіи; съ другой стороны, вѣроятно, къ этому времени относится приведенное г. Соловьевымъ (къ сожалѣнію, безъ означенія числа) письмо Потемкина, въ которомъ онъ приравниваетъ Крымъ къ бородавкѣ на носу и настаиваетъ чтобъ ее уничтожить.... И вотъ Екатерина, въ письмѣ отъ 15-го іюня 1782 г., жалуется своему союзнику и предупреждаетъ его что, можетъ-быть, недалеко время когда имъ придется привести въ исполненіе тайный трактатъ свой. Тогда-то Іосифъ написалъ то письмо которое приводитъ г. Соловьевъ (отъ 12-го, а не 17-го іюля): „Получить письмо отъ 15-го іюля стараго стиля, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мнѣ, и отвѣчать на него въ продолженіе тѣхъ же двадцати четырехъ часовъ, было во мнѣ однимъ чувствомъ и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ не нужно ни размышленій, ни соображеній, когда сердце мое чувствуетъ и когда дѣло идетъ о томъ чтобы служить, смѣю сказать, моей императрицѣ, моей союзницѣ, моей героинѣ.“ Заявляя въ такихъ пышныхъ фразахъ о своей готовности содѣйствовать видамъ Екатерины, Іосифъ приглашалъ однакожь ее принять мѣры противъ замысловъ „могущественнаго и дурнаго сосѣда который останется за спиной“, то-есть противъ Фридриха II.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Екатерина приказала представить Портѣ ультиматумъ, принятіе или непринятіе котораго должно было рѣшить вопросъ о мирѣ или войнѣ. Предполагая что, можетъ-быть, неблагоразумныя внушенія возбу-

Таковы два важнѣйшія мѣста письма императрицы Екатерины отъ 10-го сентября 1782 года, которое въ изданіи г. Арнета занимаетъ почти печатный листъ. Сущность его не составляетъ новости для людей изучающихъ исторію XVIII вѣка, но никогда еще, до изданія переписки Екатерины съ Іосифомъ, виды этой государыни относительно восточныхъ дѣлъ не были изложены съ такою точностью и на основаніи такихъ неопровержимыхъ источниковъ. Какъ ни прискорбно что такія важныя черты нашей исторіи обнародованы внѣ Россіи, мы утѣшаемся мыслію что онѣ получатъ тѣмъ болѣе достовѣрности въ глазахъ западной Европы, и что всѣ безпристрастные люди въ состояніи будутъ убѣдиться самымъ несомнѣннымъ образомъ, какъ мало основательно приписываемое Екатеринѣ желаніе овладѣть Балканскимъ полуостровомъ. Мы приглашаемъ также всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ въ исторіи не аргументовъ для предвзятыхъ цѣлей, а истины, обратить вниманіе на тѣ слова вышеприведеннаго письма которыя касаются Польши. Но болѣе всего мы желали бы чтобы письмо Екатерины отъ 10-го сентября 1782 года сдѣлалось извѣстнымъ христіанамъ Турецкой имперіи. Они увидятъ изъ него, правда, что наша императрица не довольно близко была знакома съ племеннымъ составомъ Балканскаго полуострова, но они припомнятъ что этнографическіе вопросы сдѣлались предметомъ внимательнаго изученія лишь въ недавнее время, и что принципъ національностей получилъ серіозное значеніе въ политическихъ соображеніяхъ уже на нашихъ глазахъ. Во всякомъ случаѣ, пусть сопоставятъ они виды русскаго правительства съ видами вѣнскаго двора, выраженными въ слѣдующемъ письмѣ къ Екатеринѣ ея союзника:

„Что̀ касается“, писалъ онъ 13-го ноября, „до Очакова и до территоріи которую ваше императорское величество предназначаете присоединить къ своимъ владѣніямъ, а также и до острововъ въ Архипелагѣ, то это не можетъ быть предметомъ какихъ-либо затрудненій.

„Относительно созданія новаго Дакійскаго королевства, наслѣдственнаго въ родѣ кого-либо изъ государей греческаго вѣроисповѣданія, а также до возстановленія греческой монархіи и до утвержденія великаго князя Константина въ Константинополѣ, то о всемъ этомъ рѣшитъ судьба войны; если она будетъ благопріятна, то съ моей стороны не будетъ никакихъ затрудненій къ исполненію желаній вашего

императорскаго величества, буде они совпадутъ съ потребностями моего государства.

„Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я не могу скрыть, что зрѣло обсудивъ что̀ могло бы намъ соотвѣтствовать какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, и что̀ представило бы наименѣе неудобства и затрудненій, я пришелъ къ заключенію, что Австрійской монархіи могутъ удовлетворить лишь слѣдующія границы, а именно: городъ Хотинъ съ небольшимъ при немъ округомъ, дабы прикрывать Галицію и Буковину, границы которыхъ надо было бы исправить (dont on arrangerait les limites), часть Валахіи отъ рѣки Ольты и Никополя включительно, вверхъ по Дунаю до Бѣлграда, при чемъ граница проходила бы въ трехъ миляхъ вдоль праваго берега этой рѣки, оставляя на сторонѣ Австріи Виддинъ, Оршову и Бѣлградъ, какъ мостовыя укрѣпленія для охраненія Венгріи; отъ Бѣлграда надо было бы провести черту, по возможности прямую и короткую, насколько это позволятъ условія мѣстности, къ Адріатическому морю у впаденія рѣки Дрины включительно; наконецъ въ эту черту слѣдовало бы включить Истрію и Далмацію, принадлежащія Венеціи, какъ владѣнія единственно открывающія доступъ къ морю произведеніямъ моихъ владѣній. Полуостровъ Морея, островъ Кандія, Кипръ и другіе острова Архипелага могли бы доставить богатое вознагражденіе этимъ республиканцамъ, которые оторвали отъ моего государства то хитростію, то пользуясь обстоятельствами и случайною слабостію, все то чѣмъ они нынѣ владѣютъ.“

Итакъ желанію Екатерины получить Очаковъ съ полосою пустынной земли между Бугомъ и Днѣстромъ, да морскую станцію въ Эгейскомъ морѣ, императоръ противопоставлялъ виды на Хотинъ съ округомъ и съ исправленіемъ границы со стороны Буковины и Галиціи, на Малую Валахію и на оба берега Дуная съ нѣсколькими находящимися на немъ крѣпостями, далѣе, на нынѣшнее княжество Сербское, на Боснію, Герцеговину, Истрію, Далмацію и Черногорію.... Съ своей стороны, русская политика стремилась къ возстановленію угнетенныхъ, раздавленныхъ христіанскихъ племенъ, къ возрожденію страны откуда просвѣщеніе распространилось нѣкогда на всю Европу, а политика Вѣнскаго двора имѣла въ виду еще болѣе раздробить эти племена, подчинить лучшую часть Греціи чужеземной власти и обобрать государство, съ которымъ Австрія не находилась въ войнѣ.... Пусть узнаютъ это народы восточной Европы и пусть подумаютъ, измѣнилась ли съ теченіемъ времени какъ политика Австріи, такъ и политика Россіи! Правда, образованіе независимаго государства на

Нижнемъ Дунаѣ и возрожденіе къ политической жизни Балканскаго полуострова возвысило бы международное значеніе Россіи и послужило бы началомъ славяно-греко-румынскаго союза, въ которомъ она занимала бы первенствующее мѣсто: но въ томъ-то именно и заключается счастливая особенность той политики, которую мы называемъ національною, что собственное благо и величіе Россіи неразрывно связаны съ благомъ и національными стремленіями племенъ Восточной Европы; служа имъ, она работаетъ въ своемъ собственномъ интересѣ.

Переписка между Екатериной и ея союзникомъ по Греческому проекту на вышеприведенномъ письмѣ 13-го ноября 1782 г. и остановилась. Правда, 4-го января 1783 г., отвѣчая на это письмо, Екатерина слегка выражала свое сочувствіе желанію союзника своего имѣть нѣсколько портовъ на Средиземномъ морѣ, слегка выставляла на видъ неудобство возбуждать опасенія Венеціянской республики видами на ея области, мелькомъ замѣчала что не слѣдовало бы, кажется, слишкомъ обрѣзывать предполагаемое Греческое государство, а 7-го апрѣля извѣстила что положеніе дѣлъ въ Европѣ не благопріятствуетъ нынѣ исполненію обширныхъ предположеній о которыхъ между ними происходилъ обмѣнъ мыслей годъ тому назадъ. Когда же турецкое правительство арестовало въ 1787 году русскаго посланника, и вслѣдствіе того возгорѣлась Вторая Турецкая война, секретный договоръ, о которомъ говорено выше, былъ возобновленъ, но мы не находимъ въ перепискѣ Екатерины и Іосифа слѣдовъ продолженія соображеній изложенныхъ въ ихъ письмахъ отъ 10-го сентября и 13-го ноября 1782 года. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что виды русской политики относительно Балканскаго полуострова и вообще восточной Европы ни мало не измѣнились, но не знаемъ въ какой мѣрѣ она въ послѣдствіи разчитывала на содѣйствіе онымъ со стороны Вѣнскаго двора. Можетъ-быть, Екатерина надѣялась, въ случаѣ удачной войны съ Портой и, главное, въ случаѣ дѣятельнаго въ ней участія христіанскихъ подданныхъ Порты, поставить германскаго императора лицомъ къ лицу съ совершившимися фактами: но это не болѣе какъ наше личное предположеніе.

Изложивъ содержаніе той части переписки, изданной г. Арнетомъ, которая имѣетъ первенствующую и всеобщую важность, мы считаемъ не лишнимъ указать на нѣсколько

писемъ объясняющихъ, *можетъ-быть*, одно темное въ нашей исторіи обстоятельство. Извѣстно что великій князь Павелъ, отъѣзжая за границу осенью 1781 года, посѣтилъ прежде всѣхъ столицъ Европы Вѣну. Съ своей стороны, Іосифъ II не только осыпалъ предупредительностію *графа и графиню Съверныхъ*, но и обнаруживалъ необыкновенное довѣріе въ отношеніи сына и наслѣдника своей союзницы. „Въ дополненіе къ благосклонности, которую ваше императорское величество не переставали оказывать моему сыну во время его пребыванія въ Вѣнѣ, писала Екатерина 3-го января 1782, вы нашли не лишнимъ оказать ему знаки довѣрія столь же полнаго какъ и интимнаго, открывъ ему тѣ узы которыя личная дружба и взаимная выгода нашихъ государствъ установили между нами.... Я надѣюсь, какъ сынъ мой и обѣщалъ, что онъ, согласно желанію вашего императорскаго величества, сохранитъ о томъ полнѣйшую тайну,* сколь ни мало непроницаема его молодость для тѣхъ кто имѣетъ навыкъ въ ремеслѣ искателя такихъ тайнъ.“ Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и императоръ Іосифъ писалъ къ Екатеринѣ: „Меня не останавливаетъ ни опасеніе скомпрометтироваться, ни какое-либо другое личное чувство, когда дѣло идетъ о томъ что̀ касается непосредственно вашего императорскаго величества. Поэтому я осмѣливаюсь приложить этотъ отдѣльный листокъ, касающійся нѣкоторыхъ предметовъ, покорнѣйше прося потомъ бросить оный въ огонь. Я вполнѣ увѣренъ что король Прусскій имѣетъ подробныя извѣстія обо всемъ томъ что̀ обсуждается нами, даже въ собственноручныхъ письмахъ. Прилагаемое при семъ извлеченіе, за достовѣрность котораго я ручаюсь и о чемъ я извѣщенъ съ двухъ разныхъ сторонъ, свидѣтельствуетъ какое ядовитое употребленіе онъ изъ этого дѣлаетъ, и какъ онъ ударяетъ въ набатъ во Франціи и у Порты. Къ какимъ путямъ и средствамъ онъ прибѣгаетъ чтобы знать все это, мнѣ неизвѣстно....“ На это Екатерина отвѣчала 18-го октября слѣдующее: „Ни писемъ вашего императорскаго величества, ни моихъ, — я положи-

* „J'ose croire, puisque mon fils l'a promis, qu'il en gardera, selon les désirs de V. M. I., le secret le plus strict, quelque peu impénétrable que soit sa jeunesse pour ceux qui sont accoutumés à faire le métier de scrutateurs de pareils secrets.“

тельно это утверждаю, — не могли видѣть агенты короля Прусскаго, ни какое-либо другое подозрительное лицо; я храню ихъ подъ ключомъ въ своей комнатѣ. Притомъ то, о чемъ король Прусскій поручилъ внушать Портѣ, доказываетъ что онъ имѣетъ невѣрныя свѣдѣнія. Можетъ быть что онъ знаетъ о проектѣ нашего союзнаго трактата (то-есть о содержаніи писемъ 21-го и 24-го мая), но если онъ извѣщенъ о заключеніи этого дѣла (conclusion de ceffe affaire) и о данной оному формѣ, — въ чемъ я, впрочемъ, имѣю поводъ сомнѣваться, судя по колебаніямъ которыя замѣтны въ дѣлаемыхъ имъ внушеніяхъ,—то это можетъ относиться лишь къ эпохѣ предшествующей началу настоящаго года."

Въ свою очередь Іосифъ, въ цитированномъ уже письмѣ отъ 13-го ноября 1783 года, излагая свои мысли о переустройствѣ дѣлъ на Востокѣ и о пріобрѣтеніяхъ отъ Турціи, присовокуплялъ: „Имѣю честь извѣстить ваше императорское величество, что обо всемъ вышеизложенномъ, равно какъ и о томъ что вы писать мнѣ изволили, я ничего не сообщалъ ни ихъ императорскимъ высочествамъ, ни кому бы то ни было, не взирая на частые вопросы ихъ о томъ какой по поводу происходящаго въ Крыму (присоединеніе коего тогда подготовлялось) я намѣреваюсь предпринять образъ дѣйствія, что намѣрены дѣлать ваше величество,—вопросы совпадающіе съ тѣми слухами и толками которые король Прусскій не перестаетъ распространять...."

Такимъ образомъ изъ приведенной нами переписки можно, кажется, заключить, что едва ли не оправдалось замѣчаніе Екатерины о не непроницаемости молодости для опытныхъ ловцовъ политическихъ секретовъ.

Въ заключеніе приведемъ изъ книги г. Арнета еще одно указаніе не лишенное значенія для нашей исторіи. Въ письмѣ отъ 6-го октября 1792 г., въ которомъ Іосифъ сообщалъ о странномъ проникновеніи короля Прусскаго въ тайны личной его переписки съ Екатериной, мы находимъ слѣдующія слова: „Путешествіе, совершенное ихъ высочествами, принесло имъ, кажется, пользу, и едва ли я ошибусь, утверждая, что они возвратятся sous des formes plus agréables (?) и что недовѣріе, подозрѣнія и щепетильность (petits moyens quelconques) будутъ устранены на столько, на сколько дозволятъ привычки и люди окружающіе ихъ, которые единственно и возбудили эти чувства. Тщательный выборъ

этихъ лицъ и удаленіе тѣхъ которые не слѣдуютъ желаемому направленію, кажется мнѣ дѣломъ существеннымъ для спокойствія и домашняго благополучія трехъ особъ которымъ я истинно преданъ."

Кого именно имѣлъ въ виду Іосифъ, говоря о свитѣ великаго князя? Мы знаемъ только что князь А. Б. Куракинъ подвергся около этого время немилости и былъ удаленъ отъ двора.

II.

Россія и Европа, соч. Н. Данилевскаго (*Заря* №№ I—IV).

Еслибъ у васъ спросили: будетъ ли Русскій народъ имѣть свою культуру какъ Англичане, Французы или Нѣмцы, то вы, я полагаю, не думая долго, отвѣчали бы что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, что создавшій первоклассное государство народъ не можетъ не быть способенъ создать и болѣе или менѣе своеобразный міръ интеллектуальныхъ интересовъ. Затѣмъ, еслибъ у васъ потребовали чтобы вы объяснили въ чемъ будутъ состоять особенности нашей культуры, то вы, вѣроятно, отвѣчали бы что характеристику *будущаго* начертать нѣтъ возможности, и что слѣдовательно этотъ вопросъ въ сущности праздный. Но въ томъ-то и дѣло что мы большіе охотники задавать о себѣ и другихъ подобные вопросы. И. С. Тургеневъ очень справедливо замѣчаетъ, что если сошлись двое Русскихъ, то они непремѣнно заспорятъ о будущности Россіи. Это остроумное замѣчаніе пришло намъ на память при чтеніи обширной и любопытной статьи г. Н. Данилевскаго *Россія и Европа* (*Заря* № I—IV). Основныя положенія автора заключаются въ слѣдующемъ. Изучая исторію человѣчества съ древнѣйшихъ временъ, мы замѣчаемъ что народы выступали одинъ за другимъ на историческую сцену и приносили съ собою болѣе или менѣе оригинальную культуру, что различные *культурно-историческіе* типы смѣнялись одинъ другимъ: индійскій—египетскимъ, египетскій—греческимъ, который, въ свою очередь, уступилъ мѣсто римскому, а римскій культурно-историческій типъ вытѣсненъ западно-европейскимъ или римско-герман-

скимъ. Таковы факты усматриваемые г. Данилевскимъ; затѣмъ онъ задаетъ вопросъ: наступитъ ли время, когда нынѣшній типъ будетъ вытѣсненъ славянскимъ? Но еще Вольтеръ сказалъ:

> Chaque peuple à son tour a brillé sur la terre
> Par les arts, par les loix, par la science, par la guerre,
> La tour de l'Arabie est à la fin venu....

А если была эпоха ознаменованная торжествомъ оружія Аравитянъ, распространеніемъ идей которыя зародились въ этомъ племени и знаній которыя развились въ немъ, то какъ же сомнѣваться чтобы славянское племя, и несравненно болѣе многочисленное, и несравненно болѣе развитое, не имѣло своей очереди на сценѣ міра? Къ сожалѣнію, этотъ отвѣтъ слишкомъ простъ чтобъ удовлетворить г. Данилевскаго. Онъ отвѣчаетъ то же самое, только на двадцати, по крайней мѣрѣ, листахъ, уже напечатанныхъ *Зарею*, да еще готовитъ можетъ-быть столько же. Онъ построилъ обширное зданіе на остріѣ булавки и, отдадимъ ему справедливость, потратилъ на это зданіе много эрудиціи, обнаружилъ много остроумія, положилъ много умственнаго капитала.... Но это именно и прискорбно: если я могу завести карманные часы помощію двухъ пальцевъ, зачѣмъ же устраивать для этого систему зубчатыхъ колесъ или сооружать паровую машину? Развѣ кто-нибудь серіознымъ образомъ отрицалъ культурную какъ и политическую будущность Россіи?... По какому же поводу г. Данилевскій находитъ нужнымъ не только ставить предъ собою этотъ вопросъ, но и отвѣчать на него пространно и обстоятельно, указывая когда именно наступитъ моментъ замѣны культурно-историческимъ типомъ Славянъ культурно-историческаго типа западной Европы? По его соображеніямъ, этотъ моментъ не весьма даже отдаленъ. „Правда, говоритъ онъ, Европа находится въ апогеѣ своего цивилизаціоннаго вліянія; блескъ его идетъ во всѣ концы земли, все освѣщаетъ и согрѣваетъ исходящими отъ него свѣтомъ и теплотою“, но.... *не все то золото что блеститъ*. Авторъ нашъ находитъ что славянофилы тридцатыхъ годовъ были правы, усматривая признаки разложенія въ западной Европѣ. „Западъ гніетъ“, не взирая на видимый свой блескъ. Доказательство этому онъ выводитъ изъ общихъ условій послѣдовательнаго развитія, ослабленія и разложенія организмовъ.

„Относительно индивидуальной жизни отдѣльныхъ существъ вопросъ этотъ, говоритъ онъ, рѣшается легко, потому что имѣется для каждаго изъ нихъ множество предметовъ сравненія. Когда волосы начинаютъ бѣлѣть, прямой станъ сгибаться, лицо морщиться, мы знаемъ значеніе этихъ признаковъ, потому что они безчисленное число разъ уже повторялись. Относительно цѣлыхъ обществъ, это не такъ. Правда, исторія представляетъ намъ нѣсколько культурныхъ типовъ, перешедшихъ полный циклъ своего развитія, но обстоятельства этого развитія большей части изъ нихъ намъ неизвѣстны. Собственно только жизнь Греціи и Рима сохранилась для насъ въ достаточной полнотѣ чтобы служить элементомъ сравненія, да и изъ нихъ жизнь Рима была далеко не полною, претерпѣвъ слишкомъ сильное искаженіе чрезъ вліяніе Греціи. Кое-что отвѣтитъ намъ и Индія. Но всего этого мало...“ говоритъ онъ, и ищетъ примѣровъ въ сферѣ явленій физической жизни. „Возьмемъ для перваго примѣра ходъ дневной температуры. Она зависитъ отъ видимаго движенія солнца по небесному своду. Высшей точки своей кульминаціи достигаетъ солнце въ моментъ полудня, но результатъ этого движенія,—теплота,—продолжаетъ еще возрастать два или три часа послѣ того какъ причина ее производящая стала уже склоняться. Затѣмъ обратимся къ аналогіи того процесса въ жизни земли который обусловливается годичнымъ періодомъ. Время лѣтняго солнцестоянія которому соотвѣтствуетъ наибольшая долгота дня и высшее стояніе солнца, падаетъ на іюнь мѣсяцъ, а результаты этого періодическаго движенія достигаютъ своей наибольшей величины только въ іюлѣ или августѣ. Къ этому же времени или еще позднѣе, выказываются результаты жизни растительной.... Возьмемъ жизнь отдѣльнаго человѣка: полноты своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ достигаетъ онъ около тридцатилѣтняго возраста, нѣсколько времени стоятъ онѣ на одномъ уровнѣ, а за сорокъ лѣтъ начинаютъ видимо ослабѣвать. Когда же даютъ эти силы самые обильные, самые совершенные результаты? Не ранѣе сорока лѣтъ....“

Таковы явленія которыя усматриваетъ нашъ авторъ въ мірѣ физическихъ явленій, а основываясь на нихъ, онъ считаетъ себя въ правѣ заключать по аналогіи о явленіяхъ умственнаго міра. Въ исторіи, говоритъ онъ, такъ же какъ и въ природѣ, моментъ высшаго развитія тѣхъ силъ которыя производятъ

извѣстныя явленія, не совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго развитія произведенныхъ ими результатовъ, а потому „обиліе результатовъ европейской цивилизаціи въ нашемъ XIX столѣтіи есть признакъ того, что та творческая сила, которая ихъ производитъ, уже начала упадать". Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? И прежде всего, не касаясь права примѣнять къ явленіямъ міра духовнаго поверхностныя аналогіи изъ физики или ботаники, спросимъ себя: строго ли вѣрно положеніе будто тридцатилѣтній возрастъ въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ моменту „полнаго развитія нравственныхъ и физическихъ силъ и что послѣ него начинается разложеніе"? Медики и физіологи утверждаютъ дѣйствительно что сила мышцъ не развивается уже послѣ тридцатилѣтняго возраста; можетъ-быть, послѣ этого возраста фантазія становится менѣе дѣятельна, а память менѣе воспріимчива, но запасъ знаній увеличивается, мысль не только не теряетъ, а напротивъ, пріобрѣтаетъ силу, становится сосредоточеннѣе, человѣкъ овладѣваетъ механизмомъ того занятія которому отдался, пріобрѣтаетъ привычку и навыкъ къ работѣ, какъ замѣчаетъ и самъ г. Данилевскій, говоря въ заключеніе что „ни одно первоклассное произведеніе человѣческаго духа не было выполнено ранѣе сорокалѣтняго возраста." Но если это такъ, то на чемъ же строитъ авторъ свои выводы? Мы не настаиваемъ, впрочемъ, на безусловной вѣрности этого вывода, но указываемъ на противорѣчіе въ положеніяхъ нашего автора. Правда, онъ оговаривается; первоначальная идея великихъ произведеній человѣческаго духа, хотя и исполненныхъ послѣ тридцатилѣтняго возраста, зарождалась, говоритъ онъ, гораздо ранѣе. Но не мудреное дѣло сказать себѣ не только въ 25, но даже и въ 15 лѣтъ: „Я положу основаніе новой философской школѣ", или: „я построю тоннель между берегами Франціи и Англіи"; мудреное дѣло исполнить эти замыслы. Многія дѣти говорятъ: „я буду великимъ человѣкомъ", но не у многихъ достаетъ дарованій, настойчивости, а можетъ-быть и случая, чтобы выбиться изъ общей колеи. Моментъ апогея силъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, какъ и въ цѣломъ обществѣ, есть тотъ гдѣ онѣ проявляются съ наибольшею силой, а потому никакъ нельзя согласиться съ г. Данилевскимъ будто этимъ моментомъ надо признать для западной Европы XVI и XVII вѣкъ, „когда возводился храмъ Св. Петра,

писалъ Рафаэль, Микель-Анджело и Корреджіо, Шекспиръ сочинялъ свои драмы, Кеплеръ, Галилей, Беконъ и Декартъ закладывали основы новаго мышленія и новыхъ методъ научнаго изслѣдованія....“ Эпоха о которой говоритъ нашъ авторъ есть хотя великая и блестящая эпоха, но великъ и XVIII вѣкъ, провозгласившій *права человѣка*, свободу слова и совѣсти и гуманность во взаимныхъ отношеніяхъ людей; великъ и нашъ XIX вѣкъ, обратившій глубокій взглядъ на тайны природы, прорѣзывающій материки желѣзными дорогами, соединяющій между собою океаны, стремящійся къ просвѣщенію и установленію правоспособности массъ и создавшій силу общественнаго мнѣнія.... Это ли признаки гніенія и разложенія?

Послѣдовательность развитія, ослабленія и наконецъ разложенія суть явленія замѣчаемыя въ человѣкѣ, это справедливо; однако правъ былъ и Пушкинъ, когда восклицалъ:

Нѣтъ, весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ!

Поэтъ уцѣлѣваетъ въ своей лирѣ, а законодатель въ начертанныхъ имъ законахъ, ученый въ сдѣланныхъ имъ открытіяхъ; одинъ оставляетъ послѣ себя нажитое имъ состояніе, другой—примѣръ честной жизни, и всѣ не безъ слѣда проходятъ житейское поле, и общая жизнь человѣчества не прерывается. Преемственность ея еще болѣе осязательна въ цѣлыхъ обществахъ, и мы отнюдь не согласны съ г. Даниловскимъ будто культурно-историческіе типы смѣняютъ, вытѣсняютъ поочередно другъ друга. Не ботаникъ ли нашъ авторъ? Въ царствѣ растеній мы видимъ дѣйствительно что сначала цвѣтетъ черемуха, потомъ сирень, послѣ чего зацвѣтаетъ шиповникъ, липа и т. д., и всѣ они цвѣтутъ и даютъ плодъ независимо другъ отъ друга, такъ что цвѣтеніе сирени ни мало не обусловливаетъ цвѣтенія шиповника или липы. Но въ исторіи человѣка замѣчается совершенно иное, и преемственность культуры въ жизни человѣчества еще очевиднѣе чѣмъ въ жизни отдѣльныхъ людей. Римъ замѣнилъ Грецію, говорите вы? Да, но онъ принялъ на себя плоды греческой культуры. Западная Европа стала на мѣсто Рима? Правда, но она его не истребила, а напротивъ претворила въ себѣ римскую культуру и повела далѣе дѣло всемірной цивилизаціи. Очень можетъ быть, и даже внѣ сомнѣнія, что наступитъ время когда Россія и славянскій міръ

лвятся во главѣ умственнаго движенія, но это случится лишь тогда, когда мы овладѣемъ современною культурой, когда просвѣщеніе проникнетъ толщу русскаго народа, когда на русской почвѣ составится слой солидной образованности, на которомъ только и могутъ возрасти кедры умственнаго царства. Весьма вѣроятно что русская литература, русскіе университеты, русскіе законы, русскій государственный и общественный строй станутъ когда-нибудь образцомъ для обоихъ полушарій, но какимъ путемъ это можетъ совершиться? Мы думаемъ что тѣмъ же самымъ какимъ народы стоящіе во главѣ современной культуры опережали послѣдовательно другъ друга, тѣмъ самымъ, какимъ Испанія достигла того что въ XVII вѣкѣ ея языкъ, ея литература, ея войска и флотъ были образцомъ для другихъ, какимъ въ XVIII и въ нынѣшнемъ столѣтіи достигли первенства въ одномъ отношеніи Англія, въ другомъ Франція и Германія. Уважаемый авторъ нашъ думаетъ иначе. Онъ желалъ бы чтобы мы развивали „свою славянскую культуру“. Что именно онъ хочетъ сказать этимъ, мы, можетъ-быть, узнаемъ въ послѣдствіи, но его предтечи, много говорившіе объ этомъ предметѣ, не успѣли однакожъ опредѣлить характеристическихъ ея признаковъ. Мы не отрицаемъ, впрочемъ, существованія этихъ признаковъ и даже увѣрены что славянскія племена, занявъ первенствующее мѣсто въ исторической жизни человѣчества, внесутъ въ нее не мало оригинальнаго и самобытнаго, но для этого мы не видимъ надобности чтобъ они вырабатывали *свою* культуру въ четырехъ стѣнахъ съ тѣмъ чтобы, подобно Минервѣ, выскочить въ одно прекрасное утро на удивленіе и поученіе всему свѣту. Это невозможно. Могъ Египетъ развиваться независимо отъ Индіи, но уже Римъ заимствовалъ у Греціи, какъ говоритъ и самъ г. Данилевскій. Нынѣ культура одна для всѣхъ: это та которая съ Востока перешла въ Грецію и оттуда разлилась по всей почти Европѣ и Америкѣ, обѣщая проникнуть во всѣ части свѣта и во всѣ концы міра, видоизмѣняясь конечно въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разныя эпохи, но въ основаніяхъ своихъ единая и всѣмъ общая.

Таково наше откровенное мнѣніе объ основныхъ положеніяхъ г. Данилевскаго, статья котораго въ своихъ подробностяхъ заслуживаетъ вниманія и уваженія.

П. Щ.

домомъ за вѣрность нашу коронѣ. Оно дѣйствительно миновало. Братъ мой Джеральдъ женился, какъ вы знаете. Я не женюсь, но мой племянникъ Джеральдъ наслѣдуетъ мнѣ, и миссъ Бутлеръ также получитъ часть немногаго, оставшагося намъ. Вы хотите спросить къ чему все это клонится. Неужели вы не видите?

— Рѣшительно не вижу, сэръ-Денисъ.

— А къ тому, что послѣ меня, Джеральда Десмонда и племянницы моей Мери Бутлеръ, вы несомнѣнно ближайшій наслѣдникъ Кильмойльскихъ Десмондовъ, если они не оставятъ потомства и вы ихъ переживете. Вы удивлены, молодой человѣкъ, но увѣряю васъ, что это такъ. Законники разсматривали это дѣло, тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Не глядите какъ будто свѣтъ готовъ рухнуть.

— Я не желаю этого слышать, сэръ-Денисъ. Я не могу вѣрить этому.... Я не могу....

— Да это еще не такое благополучіе, мой юный другъ. Кильмойль разстроенъ, да и кромѣ того вамъ мало шансовъ вступить во владѣніе имъ.

— Слава Богу! вырвалось у меня.

— Не благодарите Бога, еще сами не зная за что. Признаюсь, я не на столько добродушенъ чтобы платить благодарностію за зло; да этого, я думаю, никто и не ожидаетъ. Но теперь, когда мы договорились до этого, вы меня, вѣроятно, поймете. Теперь, зная сколько-нибудь характеръ вашей матери, догадываетесь ли вы съ какою цѣлью она прельщала меня и другихъ?

— Нисколько, сэръ. Боюсь, она не любила моего бѣднаго отца.

— Не любила!

Сэръ-Денисъ взглянулъ на меня, какъ бы готовясь сказать что-то непріятное, но выраженіе лица его измѣнилось, когда онъ продолжалъ:

— Конечно не любила, потому что она не любила ни одного живаго существа. Она неспособна была даже къ такому чувству привязанности, какое часто самые лживые и жестокіе люди чувствуютъ къ слабымъ. Нѣтъ, она совсѣмъ не любила вашего отца, но ей запала въ голову мысль,—теперь слушайте меня внимательно,—что если я сойду съ дороги, напримѣръ, погибну какимъ-нибудь образомъ въ Индіи, отецъ вашъ будетъ имѣть много шансовъ сдѣлаться

наслѣдникомъ состоянія. Не забудьте что тогда братъ мой Джеральдъ былъ еще бездѣтенъ, а братъ Дикъ неженатъ и намѣревался никогда не жениться, сестра Мери была тоже не замужемъ. Богъ знаетъ какими разчетами руководствовалась эта женщина, но она считала это очень возможнымъ. Можетъ-быть, отецъ вашъ, замѣчая какой вѣсъ это придаетъ ему въ ея глазахъ, нѣсколько прикрасилъ положеніе дѣлъ, но нѣтъ сомнѣнія, потому что я имѣю доказательства, что она рѣшила сдѣлаться обладательницей Кильмойля.

— Возможно ли чтобъ она могла на это разчитывать, сэръ? Тогда, какъ вы сами сказали, было еще такъ много наслѣдниковъ: сэръ-Ричардъ, вы, братъ вашъ Джеральдъ и сестра ваша Мери. Одинъ былъ уже женатъ, и всѣ могли жениться. Слишкомъ неестественно, извините пожалуста, чтобы подобными разчетами могла руководствоваться шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Право, дорогой мой сэръ-Денисъ, все это такъ невѣроятно.

— Да, тогда, какъ вы сказали, мы всѣ четверо были живы, и еще вашъ дѣдушка, а она все-таки разчитывала на наслѣдство, могу васъ увѣрить.

— Но еслибъ она, настаивалъ я,—вышла замужъ за васъ, она разомъ перешагнула бы чрезъ множество препятствій. Зачѣмъ ей было выходить за моего отца?

— Это очень естественный вопросъ, но трудно объяснить причины побудившія ее на это тому кто ея не знаетъ. Дѣло въ томъ что я невольно оскорбилъ ея самолюбіе и возбудилъ дьявольскую вражду, и она ненавидѣла меня, ненавидѣла даже въ то время когда ежедневно присылала мнѣ письма полныя любви, хотя, надо сказать, часто безграмотныя. Я сказалъ ей что не женюсь до тѣхъ поръ пока не пріобрѣту такого положенія въ обществѣ какого желаю, а что если я когда-нибудь сдѣлаюсь обладателемъ Кильмойля, то я все раздѣлю съ сестрой своею Мери. Что же касается до невѣроятности ея разчетовъ, то сестра моя могла легко не выйти замужъ, а братъ мой не жениться. Я не знаю каковы были ея планы на будущее, но я убѣжденъ что она рѣшила про себя, что мужъ ея получитъ Кильмойль. У ней, какъ говорятъ, было много силы воли, и она вѣрила въ свое счастье.

Признаюсь, разказъ сэръ-Дениса до того перепуталъ мои

мысли, что я началъ сомнѣваться въ здравости его разсудка и въ моемъ собственномъ существованіи.

— Я долженъ дойти до конца, продолжалъ онъ,—потому что вамъ нужно знать все. Права она была, или нѣтъ, въ своихъ разчетахъ, но она знала что дѣлала. Ея единственною страстью была страсть къ интригѣ. Еслибъ она вышла за меня, она потеряла бы возможность интриговать, а она, какъ тигръ, не могла дѣйствовать открыто. Судьбѣ однако угодно было чтобы всѣ ея предпріятія оканчивались неудачей. Когда интрига доходила до извѣстной степени развитія, являлось всегда какое-нибудь непредвидѣнное препятствіе, или грубый ударъ разрывалъ тонкую паутину. За три мѣсяца до ея брака съ вашимъ отцомъ, у моего брата Джеральда родился сынъ и наслѣдникъ, а въ Калькуттѣ ее встрѣтило извѣстіе о рожденіи моей племянницы Мери и о смерти бѣдной сестры моей. Тогда она рѣшилась на новый образъ дѣйствія. Вамъ извѣстна ея знаменитая стратагема. Когда же она узнала что Фрезеръ, одинъ изъ ея многочисленныхъ поклонниковъ, былъ между пассажирами корабля, ея непрестанно работавшій умъ заставилъ ее впасть въ непріятную ошибку. Она слыхала что Фрезеръ ожидаетъ большаго богатства, но прежде чѣмъ рѣшиться выйти за него, она хотѣла опять попробовать нельзя ли извлечь какую-нибудь пользу изъ меня, и потому, высадившись на берегъ, она что-то сочинила Фрезеру чтобъ отложить свадьбу, а сама между тѣмъ послала мнѣ письмо. Я ей отвѣчалъ, но увѣренъ что письмо мое не произвело на нее никакого впечатлѣнія, хотя я постарался излить въ немъ всю горечь которою она наполнила мое существованіе. Она вышла замужъ, вполнѣ увѣренная что одурачила Фрезера, но на самомъ дѣлѣ сама поддавшись его обману. Аланъ Фрезеръ былъ такой человѣкъ какого она стоила, онъ перехитрилъ ее. Онъ, кажется, любилъ ее и удивлялся ей, и чтобы поймать ее, распустилъ черезъ своихъ слугъ ложный слухъ о богатствѣ которое его ожидаетъ. Онъ прежде былъ женатъ на несчастной дѣвушкѣ, заслуживавшей лучшей участи. Она умерла незадолго передъ тѣмъ какъ онъ отправился въ Европу.

— Миссъ Фрезеръ дочь его отъ перваго брака, прервалъ я.

— Жена полковника Фрезера не хотѣла этому вѣрить, отвѣчалъ сэръ-Денисъ.—Вскорѣ послѣ рожденія своего ребенка, во время отсутствія Фрезера по дѣламъ службы,

мистрисъ Фрезеръ внезапно захворала и умерла, утверждая что ребенокъ, котораго такъ нѣжно любилъ Фрезеръ,—единственное хорошее чувство которое я за нимъ знаю, — не ея ребенокъ. Вскорѣ послѣ смерти мистрисъ Фрезеръ, полковникъ, тогда еще маіоръ, Фрезеръ былъ командированъ на сѣверо-западъ, и онъ явился туда съ красивою женщиной, которую рекомендовалъ своею женой. Хотя въ Индіи понятія о нравственности не слишкомъ строги, но общество было шокировано ихъ дерзкою непристойностью, и новыхъ пріѣзжихъ никуда не принимали. Носились слухи объ ужасныхъ сценахъ между мужемъ и женой, и наконецъ однажды ночью она его покинула и никогда болѣе не возвращалась къ нему. Трудно однако предположить чтобы двѣ подобныя личности не поддерживали сношеній между собой, когда эти сношенія могли имъ быть полезны. Васъ теперь не удивитъ, когда я скажу вамъ что Мабель Фрезеръ не дочь первой жены Алана Фрезера. Она была передана кормилицѣ какою-то женщиной, унесшей съ собою невиннаго младенца, дальнѣйшая судьба котораго покрыта съ тѣхъ поръ непроницаемою тайной.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, слушая подобный разказъ отъ умнаго, уважаемаго ирландскаго джентльмена, въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія.

— Не удивительно, Теренсъ Бреди, что то что̀ я вамъ разказываю, такъ поражаетъ васъ. У меня нѣтъ доказательствъ, но я убѣжденъ что Мабель Фрезеръ, для какой-то непонятной цѣли, замѣнила бѣднаго ребенка мистрисъ Фрезеръ.

— Такъ почему же, сэръ-Денисъ, вы ее держите въ своемъ домѣ и позволяете ей называться миссъ Фрезеръ. Извините, сэръ-Денисъ, но мнѣ кажется, вы не правы.

— Еслибъ она осталась въ Индіи, она попала бы въ руки той женщины. Съ большою радостью, съ чувствомъ напомнившимъ мнѣ чувство къ этой женщинѣ,—которое когда-то пробѣжало по душѣ, какъ молнія пробѣгаетъ по дубу, оставляя свой слѣдъ на вѣки,—взялъ я дѣвочку, сдѣлалъ ее подругой моей племянницы и моею второю дочерью, и охранилъ ее отъ страшной будущности. Теперь вы знаете объ этой странной исторіи болѣе чѣмъ кто-либо, за исключеніемъ трехъ особъ. О многомъ я умолчалъ, но разказалъ вамъ столько что вы, надѣюсь, поняли почему я принимаю въ васъ участіе.

Теперь еще нѣсколько словъ; прошу васъ обратить на нихъ вниманіе и не перетолковывать ихъ въ дурную сторону. Десмонды и Бреди никогда не дѣлали добра другъ другу, и я считаю своимъ долгомъ воспрепятствовать возобновленію несчастныхъ связей. Я вижу, вы меня поняли. Довольно. Спокойной ночи, да благословитъ васъ Богъ!

XVI. Лицо въ окнѣ.

Совсѣмъ разсвѣло уже когда сэръ-Денисъ ушелъ изъ моей комнаты, оставивъ въ моей душѣ такой мракъ, который не могло разсѣять никакое солнечное сіянье.

Докторъ Дукъ пріѣзжалъ и опять уѣхалъ рано утромъ, когда я еще не вставалъ, оставивъ послѣ себя во всѣхъ мысль о желудочномъ разстройствѣ. „Это все печень“, сказалъ онъ.

Сэръ-Денисъ не пришелъ къ завтраку. Миссъ Бутлеръ, Джеральдъ и я, прочитавъ молитву, усѣлись за маленькій столъ, въ кабинетѣ.

— Что же такое случилось съ прекраснымъ созданьемъ, спросилъ Джеральдъ, держа на вилкѣ ломоть языка.—Мой слуга говорилъ что она выдержала битву со злымъ духомъ, или съ разбойникомъ, и что въ комнатѣ остались слѣды кулачнаго боя. Что это такое, позвольте васъ спросить? Докторъ Дукъ говоритъ что у ней былъ сильный нервный припадокъ, вслѣдствіе разстройства желудка, а докторъ Бреди не можетъ опредѣлить что съ ней такое. Да и вы оба какъ будто выдержали бой съ вѣдьмами! Вы, милая кузина, блѣдны какъ снѣгъ, а докторъ Бреди, посмотрите, на кого онъ похожъ! А знаете ли, продолжалъ онъ болѣе серіознымъ тономъ,—со мной было тоже приключенье сегодня ночью. Какъ пріятно въ наши дни найти заколдованный замокъ!

— Что же такое, кузенъ? спросила Мери.—Вы, вѣроятно, не могли найти дороги въ свою комнату изъ того склепа который дядюшка назначилъ вамъ для куренія?

— Не совсѣмъ такъ, кузина, но все-таки причиной ужасная курильня; мы съ вами должны похлопотать о реформѣ. Долой Бастилію! Я тамъ вчера едва не задохся, и попросилъ старую мумію выпустить меня. Ночь была чудная, и я

ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, счастливый, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ со спокойною совѣстью и хорошею сигарой. Докуривъ, я пошелъ домой. Когда я дошелъ до двери, которая была оставлена полуотворенною, на наружномъ дворѣ раздался лай собакъ, и я подумалъ что пріѣхалъ докторъ. Такъ какъ я сказалъ старику не ждать меня, то началъ самъ запирать замки и задвигать засовы, какъ вдругъ увидалъ за рѣшеткой окна, которое возлѣ двери, большіе глаза, наблюдавшіе за мной.

— Глаза, кузенъ Джеральдъ! Чьи глаза?

— А въ этомъ-то и вопросъ чьи глаза. Не ваши, кузина Мери, и не миссъ Фрезеръ, хотя, честное слово, они были очень похожи на ея глаза. Я сейчасъ же отперъ дверь и выбѣжалъ. Я слышалъ какъ заскрипѣли ворота и разглядѣлъ въ темнотѣ выбѣжавшаго человѣка: привидѣніе мое исчезло.

— Неужели вы не шутите, Джеральдъ? со страхомъ спросила Мери.—Вы должны разказать объ этомъ дядѣ. Нашъ край такъ неспокоенъ, что на это надо обратить вниманіе.

— А лицо было очень красивое и тоже похоже на лицо миссъ Фрезеръ. Черный старикъ, котораго я тотчасъ же позвалъ, равнодушно сказалъ что это, вѣрно, была дворная собака, которая, по его словамъ, любитъ совать морду въ окна. Если это такъ, то у вашей собаки чудные глаза и волосы, и очень бѣлый цвѣтъ лица.

— Вы не шутите, кузенъ Джеральдъ? серіозно спрашивала Мери.

— Нисколько, дорогая кузина, все это истинная правда, отвѣчалъ онъ, разбивая яйцо.—Но, честное слово, необыкновенно пріятно встрѣтить въ жизни что-нибудь сверхъестественное, и я теперь влюбленъ въ это мѣсто. Что вы объ этомъ думаете, докторъ? Встрѣчали ли вы...

— Боже мой, докторъ, что съ вами опять? Вы какъ будто двѣ ночи сряду боролись съ привидѣніями. Не видите ли вы какого-нибудь призрака въ настоящую минуту?

— Въ самомъ дѣлѣ, Теренсъ, сказала Мери,—у васъ сегодня жалкая физіономія. Мы всѣ достойны состраданія сегодня. Дядя Денисъ не совсѣмъ здоровъ, Мабель Фрезеръ только что пришла въ чувство, Джеральда напугала какая-то сова, а Теренсъ,—докторъ Бреди, хотѣла я сказать,—смотритъ такъ

уныло, какъ въ тотъ день когда я разбранила его за ложь. Что все это значитъ?

— Все это очень забавно, и мнѣ, съ тѣхъ поръ какъ я воротился на родину, еще ни разу не было такъ весело какъ сегодня. Привидѣнія, тайны, мятежники, контрабандисты, вѣдьмы, падающія въ обморокъ дѣвушки. Кстати о мятежникахъ; какая красивая дѣвушка сестра мятежника, съ которою вы катались! Будь она Флорой Макъ Айваръ, она не могла бы съ бо́льшимъ величіемъ взглянуть на меня. Мнѣ просто было досадно что вамъ пришла охота дать ей знать о моемъ существованіи.

— Еслибы вы знали, кузенъ Джеральдъ, какъ много Роза Прендергастъ выстрадала, вы бы пожалѣли ее всѣмъ сердцемъ. Она скоро покидаетъ насъ и отправляется въ Америку, и если великодушіе и ангельскій характеръ вознаграждаются въ этой жизни, она заслужила себѣ счастіе.

— Отъ всей души, кузина, желаю вашему другу всего лучшаго въ Америкѣ. Если презрительная красота заслуживаетъ добраго мужа, и если миссъ Прендергастъ угодно будетъ осчастливить какого-нибудь смертнаго, надѣюсь, она найдетъ достойнаго себя человѣка въ Новомъ Свѣтѣ. Докторъ, намъ пора отправляться, если вы сколько-нибудь заботитесь о благосостояніи Бенгальскихъ Тигровъ.

Всю прошлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ, и много ужасныхъ часовъ провелъ въ мученіи. Я прежде догадывался что я чѣмъ-то связанъ съ семействомъ Десмондовъ, но то что мнѣ открылъ въ эту ночь сэръ-Денисъ было просто невѣроятно. А его зловѣщія слова при прощаніи! Какъ могъ онъ проникнуть въ мою тайну, отгадать мои мечты, которыя являлись ко мнѣ помимо моей воли, какъ сны, и которыя я всегда старался отгонять отъ себя. А если онъ знаетъ это, очень можетъ быть что и Мери отгадала что я виновенъ въ любви къ ней. Если она знаетъ это, какъ жестоко она наказываетъ меня своимъ спокойнымъ равнодушіемъ. Я злился что сэръ-Денисъ осмѣлился предупреждать меня, точно я какой-нибудь интриганъ и злоумышленникъ. Какъ будто всякій человѣкъ не смѣетъ любить кого ему угодно! Я обязанъ отказаться отъ малѣйшей доли въ этомъ проклятомъ наслѣдствѣ. Сэръ-Денисъ можетъ пытать меня сколько ему угодно, онъ не увидитъ раны которою убилъ меня. Я отниму у него возможность подозрѣвать меня въ дурныхъ

умыслахъ, и если можно сдѣлать это, я форменнымъ образомъ лишу себя права участвовать въ этомъ жалкомъ наслѣдствѣ, еслибы даже завтра же перемерли всѣ Десмонды. Я скажу Мери Бутлеръ объ оскорбительныхъ подозрѣніяхъ ея дяди, и если увижу что она пожалѣла меня, я обѣщаю ей никогда болѣе не видѣть ея. Я признаюсь ей въ своей несчастной любви, умолю ее простить меня, и навсегда удалюсь отъ нея. О, какой я несчастный! Но когда пришло утро, я былъ слишкомъ слабъ чтобы предпринять что-нибудь, я былъ способенъ только любить молча и хранить это въ тайнѣ. Все время завтрака я былъ какъ во снѣ. Странная болѣзнь миссъ Фрезеръ, голоса и шумъ въ ея комнатѣ, отворенное окно, ея ужасъ, то что̀ она мнѣ сказала, и тѣ ужасныя глаза, „похожіе на ея глаза“, какъ онъ сказалъ, все это было полно неопредѣленнаго для меня ужаса. Я не старался болѣе отдавать себѣ отчета въ томъ что̀ происходило со мной и съ окружающими меня. Открытіе сэръ-Дениса было крайнею степенью откровенности, какой можно было ожидать отъ такого человѣка, и хотя разказъ его былъ невѣроятенъ какъ сказка, я не задавалъ себѣ вопросовъ, потому что не надѣялся получить отвѣта. Мнѣ, должно-быть, предопредѣлено судьбой вѣчно оставаться игрушкой чужихъ капризовъ, симпатій и антипатій, и мнѣ доставляла удовольствіе мысль о борьбѣ со злою судьбой. Я былъ силенъ духомъ и тѣломъ, но не увѣренъ въ своемъ умѣ, молодъ и энергиченъ, и надѣялся что буду въ состояніи всю жизнь содержать себя своимъ трудомъ. У меня необыкновенная мать, думалъ я, но она давно не пишетъ мнѣ, потому что видитъ что это ни къ чему не ведетъ, а когда она узнаетъ о встрѣчѣ моей съ полковникомъ Фрезеромъ, она окончательно потеряетъ надежду употребить меня орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей. Намекъ сэръ-Дениса что я могу имѣть надежду, хотя слабую, на наслѣдство Кильмойля, пересталъ наконецъ безпокоить меня, потому что я не могъ понять какъ это возможно и остановиться на мысли объ этомъ. Наконецъ я совершенно убѣдился что Мери Бутлеръ не любитъ меня и не подозрѣваетъ о моей любви къ ней. Ея откровенность и непринужденность со мной, тогда какъ я былъ такъ неловокъ и застѣнчивъ съ ней; спокойный взглядъ и откровенная улыбка, которыми она меня встрѣчала, вполнѣ убѣдили меня что она чувствуетъ ко мнѣ не болѣе какъ братскую

привязанность, которая въ давно минувшія времена побуждала ее бранить меня за мои дѣтскіе проступки. Я старался оттолкнуть отъ себя господствовавшее надо мной чувство и убѣждалъ себя что его никогда не было. Минуты двѣ или три я былъ совершенно равнодушенъ къ миссъ Мери Бутлеръ. Старшая миссъ Клочетуръ гораздо красивѣе! Развѣ я не чувствовалъ какъ миссъ Казей пожала мою руку, когда я провожалъ ее въ карету? Цвѣтъ лица и волосы у миссъ Фрезеръ лучше чѣмъ у миссъ Бутлеръ. Наконецъ, какое мнѣ дѣло до этой молодой леди, которая, повидимому, рѣшилась сдѣлаться мистрисъ Джеральдъ Десмондъ! Что мнѣ до того кто такая миссъ Фрезеръ! Она подруга миссъ Бутлеръ и дочь того человѣка который былъ въ связи съ моею матерью, и если даже она не дочь его, мнѣ это рѣшительно все равно. Ея болѣзнь? Вѣдь докторъ Дукъ сказалъ что у ней разстройство желудка. Не то же ли самое было съ сэръ-Денисомъ, когда онъ пришелъ въ мою комнату и всю ночь протомилъ меня своимъ нелѣпымъ разказомъ. Жители Индіи часто этому подвергаются.

Такъ размышлялъ я, возвращаясь по знакомой дорогѣ въ городъ съ Джеральдомъ Десмондомъ. Онъ курилъ сигару и болталъ о себѣ и о мірѣ, которому онъ благосклонно разрѣшалъ волноваться вокругъ себя, между тѣмъ какъ я старался убѣдить себя что я способенъ управлять своею ладьей и не теряя свободной воли проплыть бурное море, куда брошенъ судьбой.

Маіоръ Багшо былъ въ сильномъ припадкѣ офицеризма, когда мы явились въ казармы. Онъ только что получилъ предписаніе о переводѣ несчастныхъ „Тигровъ“ въ Баллиботль и въ Друмнагласъ, за исключеніемъ одной роты, конечно роты капитана Десмонда, которая была оставлена въ Кильмойлѣ. Багшо былъ убѣжденъ что въ какомъ-нибудь склепѣ, въ Горсъ-Гардѣ, сидитъ его тайный, но могущественный врагъ, который проводитъ свое время придумывая способы мучить и погубить его, и онъ не могъ читать ни одного предписанія, какого бы безобиднаго свойства оно ни было, безъ того чтобы не видѣть въ немъ козней своего врага.

— Вотъ изволите видѣть, Десмондъ, какъ со мной опять поступаютъ! Необыкновенно сошелся съ вашимъ дядюшкой, лордъ Бельбрукъ такъ любезенъ, лордъ Муллиногосъ тоже,

однимъ словомъ, лучшее мѣсто изъ тѣхъ гдѣ мнѣ случалось стоять съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Корфу, и вотъ этотъ проклятый мошенникъ опять напустился на меня. Ну, хорошо же! Ужь когда-нибудь мы съ нимъ сочтемся! Сочтемся, или я не буду Емиліусъ Багшо.

Злой духъ однако требовалъ немедленнаго повиновенія, и мнѣ приходилось проститься съ Кильмойлемъ; но я тогда былъ въ такомъ настроеніи, что совершенно равнодушно принялъ бы извѣстіе что насъ посылаютъ на сѣверный полюсъ, на Фалкландскіе острова, или на Огненную Землю.

XVII. Тишина передъ бурей.

Дня черезъ два послѣ нашего прибытія, когда я обошелъ своихъ больныхъ, ощупалъ пульсы, осмотрѣлъ языки, и установилъ должное равновѣсіе между своими чувствами и требованіями службы, воплощенными въ маіорѣ Багшо и въ „утреннемъ донесеніи“, я написалъ мистеру Бетсу обо всемъ что случилось послѣ моего послѣдняго письма къ нему.

Я только что кончилъ письмо, когда вошелъ мой слуга и сказалъ что сэръ-Денисъ Десмондъ желаетъ меня видѣть. Я вышелъ на дворъ, по которому онъ ходилъ съ разсѣяннымъ видомъ и курилъ сигару. Онъ съ необыкновеннымъ жаромъ пожалъ мою руку, и освѣдомившись свободенъ ли я, сказалъ что желаетъ поговорить со мной на свободѣ, и что это будетъ продолженіемъ нашего разговора въ замкѣ.

— Вы еще очень молоды, но старость иногда ищетъ поддержки въ бодрой юности, готовящейся къ жизни и борьбѣ. Вы знаете почему я принимаю въ васъ участіе, и, можетъ-быть, есть основаніе къ полной откровенности между нами.

Что хотѣлъ этимъ сказать сэръ-Денисъ, думалъ я, слѣдуя за нимъ, между тѣмъ какъ онъ не переставалъ говорить, но не сообщалъ мнѣ ничего важнаго. „Миссъ Фрезеръ совсѣмъ успокоилась, онъ надѣется что она выйдетъ сегодня къ обѣду, потому что будутъ только свои: Джеральдъ и миссъ Бутлеръ, миссъ Фрезеръ и вы.“

— Племянница моя убѣдила съ большимъ трудомъ свою любимую подругу, миссъ Прендергастъ, пріѣхать сегодня къ

намъ. Она отправляется въ Америку, и такъ какъ мы очень скоро переѣзжаемъ въ Дублинъ, она согласилась пріѣхать. Это все капризъ Мери, потому что я совсѣмъ бы не желалъ видѣть въ своемъ домѣ сестру осужденнаго мятежника.

— Миссъ Прендергастъ происходитъ отъ очень древняго и почтеннаго рода, сказалъ я.—Она сестра несчастнаго Мориса, моего школьнаго товарища, но вспомните, сэръ-Денисъ, какъ онъ еще молодъ, и повѣрьте мнѣ, что при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, онъ всегда оставался джентльменомъ и честнымъ человѣкомъ. А сестра его вполнѣ заслуживаетъ состраданія.

Сэръ-Денисъ нѣсколько минутъ молчалъ, и я видѣлъ какъ не понравились ему мои слова. Онъ отошелъ въ сторону и остановился.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, прежде чѣмъ я попрошу его у васъ. Сочувствіе къ измѣнникамъ очень опасно, потому что сквозь сочувствіе и состраданіе проникаетъ ядъ измѣны. Вы говорили о чести и о почтенномъ родѣ, а я скажу вамъ что измѣна кладетъ такое пятно, которое лишаетъ чести. Вотъ эта-то сантиментальная чувствительность въ обращеніи съ бунтовщиками ослабляетъ власть закона, нарушаетъ порядокъ и поддерживаетъ смертную агонію хроническаго сопротивленія. Предупреждаю васъ, не поддавайтесь этому. Всѣ подобныя пѣсни, баллады и сказки, дѣйствующія на наши чувства и вызывающія на состраданіе, вредныя во всякой странѣ нуждающейся въ энергіи чтобы не умереть съ голоду, дѣйствуютъ особенно гибельно на наше низшее сословіе въ настоящее время.

— Но вспомните, сэръ-Денисъ, пѣсни роялистовъ и гимны круглоголовыхъ! Вспомните „Лиллибулеро“ и баллады якобинцевъ. Они не дѣлаютъ никакого зла теперь, хотя когда-то имѣли большое вліяніе на народъ.

— Не дѣлаютъ никакого зла! Ну, это еще неизвѣстно, возразилъ онъ.—Еслибы нашелся поводъ пропѣть его, „Лиллибулеро“ оказалъ бы вредъ завтра же. Я запретилъ бы закономъ всѣ подобныя пѣсни, до тѣхъ поръ пока въ народѣ не умеръ бы злой духъ, и они не сдѣлались бы достояніемъ антикваріевъ. Однако я хотѣлъ переговорить съ вами совсѣмъ о другомъ до обѣда. Мнѣ нужно знать какъ вы познакомились съ полковникомъ Фрезеромъ и его дочерью.

Баронетъ замедлилъ шаги. Я разказалъ ему о посѣщеніи

полковника Фрезера, объ обѣдѣ, о послѣдовавшемъ за тѣмъ происшествіи, и какъ полковникъ Фрезеръ уѣхалъ не повидавшись со мной.

— Онъ не говорилъ вамъ для чего онъ пріѣзжалъ въ Ирландію?

— Не говорилъ, сэръ-Денисъ. Онъ, повидимому, пріѣзжалъ затѣмъ чтобы посмотрѣть страну, повидаться съ друзьями, но безо всякой особенной цѣли.

— Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Аланъ Фрезеръ такой человѣкъ который не пройдетъ полмили чтобы посмотрѣть на красивѣйшій въ мірѣ ландшафтъ, и не сдѣлаетъ шагу чтобы посѣтить друга, не имѣя къ тому особаго повода. Ну, какъ онъ вамъ понравился?

— Могъ ли я полюбить его? Когда онъ себя назвалъ, я уже зналъ кто онъ, потому что его имя упоминалось въ письмахъ изъ Индіи, которыя когда-то получалъ мой дѣдушка. Я ни за что̀ не пошелъ бы къ нему, еслибы мнѣ не хотѣлось узнать что-нибудь о.... вы понимаете о комъ, сэръ-Денисъ. Онъ пробовалъ обмануть меня, но я сказалъ ему что знаю все....

— Не вѣрьте ничему что̀ онъ вамъ разказывалъ. Благодарите Бога что онъ оставилъ васъ въ покоѣ, и молитесь чтобы вамъ никогда болѣе не встрѣчаться съ нимъ. Лучшаго ничего̀ вы не можете себѣ пожелать. Итакъ вы тогда ужинали у Прендергаста и встрѣтили тамъ Индійца, который слѣдилъ за Фрезеромъ; васъ подстерегали когда вы возвращались; вы видѣли Фрезера выходившаго изъ игорнаго дома, это очень на него похоже, а на слѣдующее утро вы узнали что на него напали мошенники, преслѣдовавшіе васъ. Тутъ есть что-то чего я не могу понять. А миссъ Фрезеръ? Разкажите что-нибудь о ней.

— Я ее видѣлъ когда обѣдалъ съ ними, и былъ пораженъ ея сходствомъ, съ портретомъ, который есть у насъ въ старомъ домѣ: сходство необыкновенное. Въ другой разъ я ее видѣлъ, когда ходилъ навѣстить больнаго полковника, а потомъ случилась эта безумная дуэль, и во время слѣдствія они уѣхали изъ Дублина.

— Съ тѣхъ поръ вы ни разу не видали миссъ Фрезеръ?

— Нѣтъ. Въ первый разъ послѣ того я увидалъ ее въ экипажѣ, когда вы пріѣзжали въ Кильмойль.

— Не упоминала ли *она* когда-нибудь въ своихъ письмахъ о миссъ Фрезеръ.

— Ни разу, сэръ-Денисъ.

— Вы сказали что у васъ есть портретъ вашей матери, и что миссъ Фрезеръ очень похожа на него.

— Удивительно похожа. Портретъ виситъ въ старомъ домѣ, отъ котораго мы теперь очень близко. Не хотите ли вы сами взглянуть на него? Мистрисъ Консидинъ, жилица, не помѣшаетъ намъ. Пойдемте!

— Славная мысль! Непремѣнно пойдемъ и посмотримъ.

Нѣсколько минутъ спустя мы были въ Лохъ-на-Каррѣ. Сэръ-Денисъ съ любопытствомъ разсматривалъ старый домъ.

— Четверть столѣтія много измѣняетъ. Еслибы стѣны могли видѣть, онѣ замѣтили бы такую же перемѣну и во мнѣ.

Босая дѣвушка, ходившая сказать отъ меня мистрисъ Консидинъ что я пришелъ повидаться съ ней и осмотрѣть старый домъ, возвратилась съ отвѣтомъ что я могу распоряжаться въ Лохъ-на-Каррѣ какъ хозяинъ, но что мистрисъ Консидинъ извиняется что сама не можетъ принять меня, потому что больна и лежитъ въ постелѣ.

— Плоха она, бѣдняжка; только миссъ Бутлеръ и миссъ Роза, благослови ихъ Богъ, поддерживаютъ въ ней жизнь.

Я пошелъ въ давно знакомую мнѣ комнату, отворилъ дверь и „Боже мой, портрета нѣтъ!“ воскликнулъ я въ изумленіи „Она пропала, моя картина пропала!“ На стѣнѣ висѣла полинявшая, изъѣденная червями и пустая рама.

— Тутъ никогда ничего не было кромѣ того что вы видите, сэръ, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь живу, а тому около Срѣтенія будетъ два года, сказала дѣвушка.

— Но у насъ была другая такая же картина. На ней нарисована леди съ чудными волосами, и возлѣ нея леопардъ. Она висѣла въ спальнѣ, которая выходитъ на верхнюю площадку лѣстницы.

— Теперь тамъ спальня мистрисъ Консидинъ, сэръ. Тамъ, дѣйствительно, есть такая же рама, немного больше этой, и тоже пустая. Я ихъ всегда видѣла пустыми.

— Сходите пожалуста къ мистрисъ Консидинъ и спросите куда дѣлись картины которыя были въ этихъ рамахъ, когда она поселилась въ Лохъ-на-Каррѣ.

Прошло довольно времени прежде чѣмъ дѣвушка возвратилась.

— Я ждала пока барыня отыскивала эту записку. Она сказала чтобы вы прочли ее, и тогда все узнаете.

— Я развернулъ письмо, адресованное „Мистрисъ Консидинъ, въ Лохъ-на-Каррѣ“ и прочелъ слѣдующее:

„Дублинъ, 1-го марта 18.... г., Доминикъ-Стритъ.

„Милостивая государыня! Такъ какъ я желаю взять портретъ мистрисъ Бреди и копію съ него для ввѣреннаго моему попеченію молодаго человѣка, то прошу васъ отдать ихъ подателю этого письма, которое вы сохраните съ копіей съ описи имѣнія. Надѣюсь получить отъ васъ хорошія вѣсти объ имѣніи и услыхать что сынъ вашъ охотно помогаетъ вамъ извлекать выгоду изъ аренды. Я скоро напишу подробно о дѣлахъ и прошу васъ, милостивая государыня, считать меня вашимъ покорнымъ слугой.

„Дж. Бетсъ.“

— Какъ странно что я не слыхалъ до сихъ поръ, что портреты взяты отсюда.

— Мистрисъ Консидинъ приказала сказать вамъ, сэръ, что приходилъ какой-то джентльменъ, взялъ ихъ, свернулъ и быстро скрылся изъ дому, и что по этому письму вы можете видѣть когда это было, потому что онъ приходилъ черезъ три дня послѣ числа выставленнаго на этомъ письмѣ. Она надѣется что бѣды никакой не случилось.

— Разглядите хорошенько мистера ли Бетса это почеркъ?

— По крайней мѣрѣ очень похожъ на его почеркъ; но теперь я замѣчаю маленькую разницу. Это странно, потому что въ то время когда было написано это письмо, я былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мистеромъ Бетсомъ по поводу слѣдствія, и онъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ.

— Стало-быть, это случилось въ то время когда полковникъ Фрезеръ совершалъ свое путешествіе, замѣтилъ сэръ-Денисъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго, и мнѣ кажется, я все понимаю. Я готовъ держать пари, что когда мистеръ Бетсъ услышитъ объ этомъ письмѣ, онъ скажетъ что никогда не писалъ его. Пойдемте отсюда.

Мы пошли обратно по длинной аллеѣ и молчали, то-есть не говорили другъ съ другомъ, но онъ бормоталъ что-то про себя, и по временамъ у него вырывались восклицанія на незнакомомъ мнѣ языкѣ. Ни слова не сказали мы между собой, пока не дошли до стараго моста, и тогда я сказалъ ему что

мнѣ нужно до обѣда окончить кое-какія дѣла въ казармахъ, и что я долженъ свернуть направо.

— Я забылъ о главной цѣли моего посѣщенія, но объ этомъ мы успѣемъ переговорить послѣ обѣда; я выхлопоталъ Джеральду и вамъ позволеніе ночевать въ замкѣ. Это касается того о чемъ я уже упоминалъ, но такъ какъ вы скоро уѣзжаете, то я долженъ выразиться яснѣе. Вы видали моего племянника и могли составить о немъ мнѣніе, которое я скоро спрошу у васъ. Я надѣюсь что могу положиться на васъ. Прощайте, Теренсъ; вы мнѣ позволите васъ такъ называть?

Я такъ погрузился въ свои мысли что не замѣтилъ шедшаго за мной человѣка, пока онъ не заговорилъ.

— Благослови васъ Богъ, сэръ. Не пойдете ли вы въ Кульбаунъ навѣстить моего стараго отца, который говоритъ что только тогда спокойно закроетъ глаза, когда взглянетъ на васъ.

— Здравствуйте, Макарти! А далеко отсюда до Кульбауна? Я съ удовольствіемъ навѣщу старика, если успѣю.

— Туда не болѣе часа ходьбы, сэръ.

— Часъ туда, да часъ оттуда. Мнѣ очень жаль, но сегодня я не могу идти съ вами, слишкомъ поздно.

Мой отвѣтъ, казалось, озадачилъ его.

— А полкъ вашъ, говорятъ, уходитъ? Тамъ васъ ждетъ не одинъ старикъ. Пойдемте, мистеръ Теренсъ, пожалуста пойдемте.

— Не одинъ старикъ? Что вы хотите этимъ сказать? я васъ не понимаю.

— Развѣ я не говорилъ, сэръ, что могу сообщить вамъ кое-что о мистерѣ Морисѣ, о Морисѣ Прендергастѣ, вашемъ истинномъ другѣ?

— Такъ скажите мнѣ это здѣсь, Макарти. Теперь поздно идти въ Кольбонъ, я отложу до другаго дня.

— Не желаете ли вы, сэръ, поговорить съ человѣкомъ который видѣлъ мистера Мориса очень недавно?

— Я бы очень желалъ, въ память нашей старой дружбы, услышать о немъ хорошія вѣсти отъ кого бы то ни было.

— Слушайте, сэръ, я знаю человѣка который нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ его, и могу показать вамъ этого человѣка.

— Гдѣ же онъ?

Онъ оглянулся, приложилъ руку къ сердцу и сказалъ:

— Вотъ онъ, мистеръ Теренсъ.

— Вы! Гдѣ же могли вы его видѣть? Неужели въ Ирландіи? Онъ рискуетъ жизнью, вѣдь онъ осужденный.

— Вотъ-те на! Осужденный! Какъ многіе изъ насъ были бы тѣмъ же самымъ, еслибы вся истина вышла наружу, мистеръ Теренсъ. Тотъ кто пошелъ противъ закона не заботится уже о томъ какъ его зовутъ тѣ кто издалъ этотъ законъ; только бы не пострадать отъ него. Впрочемъ, я не сказалъ вамъ гдѣ я видѣлъ его, и если хотите, я скажу вамъ что въ Америкѣ. Прощайте, сэръ. Я скажу мистеру Морису, когда увижу его, какъ вамъ было досадно что вы не могли удѣлить нѣсколькихъ минутъ чтобы сходить въ Кольбонъ.

Въ голосѣ этого человѣка слышалась сдержанная дерзость, которая удивила меня, но когда я пришелъ въ себя и хотѣлъ распросить о несчастномъ изгнанникѣ, его уже не было.

Когда я пришелъ въ казармы, всѣ офицеры, подъ предводительствомъ маіора Багшо, готовились въ экспедицію къ лорду Бельбруку. Только я и Десмондъ должны были обѣдать въ замкѣ. Я едва успѣлъ прибавить нѣсколько строкъ въ письмѣ къ мистеру Бетсу чтобы спросить о портретахъ, какъ меня позвалъ Десмондъ отправляться въ замокъ. Онъ былъ чѣмъ-то ужасно разстроенъ, и я замѣтилъ какъ руки его дрожали, когда онъ передавалъ мнѣ возжи, попросивъ чтобъ я правилъ. Онъ былъ молчаливъ и раздражителенъ, на меня смотрѣлъ вопросительно, и я скоро отказался отъ надежды вызвать его на разговоръ.

Въ гостиной мы нашли сэръ-Дениса, Мери и миссъ Фрезеръ. Послѣдняя была немного блѣдна, старалась казаться спокойною, но не могла скрыть дрожанія губъ и рѣсницъ, когда я вошелъ. Мери была серіознѣе обыкновеннаго, но серіозность шла къ ней столько же какъ веселость, и въ какомъ бы расположеніи она ни была, она всегда нравилась мнѣ больше другихъ.

— Читали вы газеты, Джеральдъ? Новости предвѣщаютъ войну, замѣтилъ сэръ-Денисъ за обѣдомъ. Если Россія не уступитъ, Турція скоро будетъ раздроблена. Если мы не остановимъ Россію, мы потеряемъ свое вліяніе на Востокѣ.

— При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, дядюшка, я объявляю что не вижу въ томъ никакой потери для насъ, но

признаюсь, я съ удовольствіемъ попробую дѣйствительной службы.

— Я тоже, воскликнулъ я:—дѣйствительная служба лучше всего!

— Вата дѣйствительная служба, мой милый докторъ! съ насмѣшкой воскликнулъ Джеральдъ.—Ну, въ вашей службѣ я не вижу большаго развлеченія. Что можетъ доктору нравиться въ войнѣ? У него, конечно, будетъ тоже много дѣла, но какое дѣло! Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ.

— А знаете ли, Джеральдъ, сказалъ сэръ-Денисъ, — я бывалъ въ Индіи въ сраженіяхъ, и видѣлъ людей въ большой опасности, и въ серіозныхъ испытаніяхъ, и два или три истинно храбрые человѣка, которыхъ мнѣ привелось видѣть, были доктора.

Я сгоралъ отъ негодованія, потому что въ словахъ Джеральда видѣлъ желаніе обидѣть меня. Мери, отгадывая что происходитъ въ моей душѣ, сказала своимъ кроткимъ голосомъ:

— Намъ, женщинамъ, кажется, что вы иногда несправедливы къ себѣ, дядюшка. Вы называете одинъ разрядъ мущинъ храбрыми, другой не храбрыми, а если спросить почему, то окажется потому только, что одни носятъ извѣстное одѣяніе, а другіе не носятъ его. Мы любимъ думать что храбрость качество общее всѣмъ мущинамъ, и непріятно слышать, когда вы говорите что оно принадлежитъ людямъ одной профессіи. Почему мистеру Бреди не можетъ нравиться война точно такъ же, какъ капитану Десмонду?

— Милая Мери, прервалъ сэръ-Денисъ, — ты на опасной почвѣ. Храбрость есть свойство мущинъ, какъ разсудительность—свойство женщинъ, но существуетъ много родовъ храбрости. Бываетъ храбрость физическая, которая въ свою очередь раздѣляется на множество родовъ. Напримѣръ, храбрость заигрывающая со смертью, мужественно сопротивляющаяся ей, презирающая опасность и не дорожащая жизнью. Къ счастію, такая храбрость встрѣчается очень рѣдко,—къ счастію потому, что иначе людскія страсти сдѣлали бы жизнь невыносимою. Если человѣкъ захочетъ убить другаго и при этомъ самъ не дорожитъ своею жизнью, что помѣшаетъ ему исполнить свое намѣреніе? Всякій человѣкъ зависѣлъ бы отъ милости своего врага. Потомъ есть другаго рода физическая храбрость,—храбрость тщеславная, почерпнутая извнѣ и не

заключающаяся въ самомъ человѣкѣ. Любовь къ рукоплесканіямъ и удивленію, къ наградамъ и почестямъ, производитъ наибольшее число героевъ во всякой войнѣ и вообще во всякое время когда нужна отвага. Но человѣкъ отличающійся въ сраженіяхъ можетъ оказаться нравственнымъ трусомъ въ жизни. Есть еще пассивная храбрость, упорная, но не нападающая, а защищающаяся непоколебимо. Такая храбрость возвышается до героизма, когда она основана на чувствѣ долга и поддерживается сознательнымъ самоотверженіемъ, и тогда она иногда переходитъ въ наступательную храбрость. Но выше всѣхъ, какъ самое естественное чувство разумнаго существа, стоитъ храбрость порожденная страхомъ, храбрость нервныхъ, робкихъ людей, вызванная единственно силой воли, когда человѣкъ, насилуя свою природу и животное чувство самосохраненія, заставляетъ тѣло повиноваться душѣ. Эта истинная побѣда духа надъ матеріей. Такая храбрость, мнѣ кажется, встрѣчается чаще чѣмъ думаютъ.

— Я не могу понять какъ можно бояться смерти, замѣтила миссъ Фрезеръ, не поднимая глазъ.—Жизнь иногда бываетъ страшнѣе смерти.

— Такъ думали нѣкоторые древніе философы. Мебъ, сказалъ сэръ-Денисъ,—и такъ думаютъ теперь жалкіе трусы, которые сами лишаютъ себя жизни.

— Какъ можно назвать трусомъ того кто лишаетъ себя жизни? спросила миссъ Бутлеръ.—Почему въ одномъ случаѣ тотъ кто пренебрегаетъ жизнью и бросаетъ ее—трусъ, когда въ другомъ случаѣ вы называете храбростью презрѣніе къ жизни? Замѣтьте, я не оправдываю самоубійства, я только спрашиваю за Мебъ.

— Плохая логика, Мери. Онъ трусъ, потому что онъ избираетъ только меньшее изъ двухъ золъ; убѣгая отъ убійцы, онъ бросается въ ревущій потокъ.

— Но еслибъ онъ совсѣмъ не дорожилъ жизнью, онъ не побѣжалъ бы отъ убійцы.

— Вы меня поймали, засмѣялся сэръ-Денисъ. Я закрываю книгу и оканчиваю мою лекцію о храбрости. Къ тому же я говорилъ уже о всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ этого качества.

Когда мы вошли въ гостиную, миссъ Фрезеръ сидѣла у окна и задумчиво глядѣла на облака, озаренныя лучами солнца скрывшагося за отдаленными горами. Джеральдъ усѣлся

къ тому же окну. Мери указала мнѣ мѣсто возлѣ себя на диванѣ. Сэръ-Денисъ опять занялся изученіемъ кипы газетъ.

— Я такъ рада, Теренсъ, что нашла нѣсколько минутъ поболтать съ вами. Мы не видались столько лѣтъ и послѣ того не успѣли сказать другъ другу десятка словъ.

Я сказалъ что-то, не помню что̀ именно, о блаженномъ старомъ времени, и сильно покраснѣлъ.

— Вы опять посѣтили Лохъ-на-Карръ съ моимъ дядей? Мистрисъ Консидинъ въ отчаяніи что не могла принять васъ. Я сегодня ѣздила туда съ нимъ, — она кивнула на Джеральда, — и съ Розой Прендергастъ, которой хотѣлось проститься со старушкой. Роза уѣзжаетъ очень скоро; мистеръ Макъ-Туркъ, наконецъ, купилъ ея имѣніе. Роза пріѣдетъ сюда къ чаю, потому что она, кажется, сегодня послѣдній день въ Кильмойлѣ. Бѣдная Роза! такъ молода и такъ одинока, и ея ждетъ обширный океанъ и обширная жизнь!

— Но у ней есть друзья, а когда она переплыветъ океанъ, ее встрѣтитъ братъ.

— Она о немъ очень безпокоится. При всей своей откровенности со мной, она избѣгаетъ говорить о братѣ, однако призналась что онъ очень измѣнился, даже въ отношеніи къ ней. Онъ помѣшался на политикѣ, ужасно ненавидитъ Англію и всѣхъ насъ, и это очень огорчаетъ Розу. Онъ отлично пошелъ въ Америкѣ какъ адвокатъ, потомъ опять бросилъ все это, затѣялъ какой-то бунтъ и ходитъ теперь, проповѣдуя, изъ одного мѣста въ другое. Грустно за него, потому что онъ честенъ и искренен. Онъ все принесъ въ жертву своимъ убѣжденіямъ, а это лучшее доказательство его искренности.... А вотъ она сама. Здравствуйте, милая Роза!

Миссъ Прендергастъ поцѣловала Мери, застѣнчиво поклонилась сэръ-Денису, который, услыхавъ ея имя, поспѣшилъ ей навстрѣчу и довелъ ее до дивана, церемонно раскланялась со мной и съ капитаномъ Десмондомъ, а съ миссъ Фрезеръ поздоровались такъ холодно, какъ только это возможно между дѣвушками такихъ лѣтъ. Я замѣтилъ тѣнь неудовольствія, пробѣжавшую по лицу миссъ Фрезеръ, когда Джеральдъ остался возлѣ Розы и присоединилъ свои старанія къ стараніямъ сэръ-Дениса „заставить хорошенькую

нѣмую открыть ротъ", какъ онъ шепнулъ Мери. „Я, впрочемъ, не надѣюсь, вы однѣ имѣете ключъ къ нему."

Роза была болѣе чѣмъ хорошенькая въ этотъ вечеръ. Крайняя простота и чистота ея одежды шла къ ней лучше богатыхъ платьевъ. Сэръ-Денисъ едва скрывалъ свое восхищеніе подъ видомъ усиленной вѣжливости, отъ которой не отучила его Индія. Джеральдъ не отходилъ отъ Розы, и глаза Мабели не скрывали досады на нее за впечатлѣніе, которое она произвела на красиваго капитана. Трудно найти вмѣстѣ три такія хорошенькія лица, какія соединились въ этотъ вечеръ въ гостиной замка. Но какъ не похожи были эти лица чертами и выраженіемъ! Простота и миловидность Розы носили отпечатокъ какой-то усталости и самоотверженія. Она рѣдко улыбалась, но улыбка ея озаряла лицо такою ясностью, которая поражала своимъ контрастомъ съ привычнымъ ему выраженіемъ усталости и скуки. Манеры ея были сдержаны, но сквозь эту сдержанность по временамъ прорывались такія движенія, которыя доказывали что за тучей скрывается солнце. Она была добра, кротка и невинна какъ ребенокъ, но ничто не могло поколебать ея твердой воли, качества, которое они съ братомъ наслѣдовали отъ матери. Что касается до миссъ Фрезеръ, я не въ состояніи описать безконечныхъ измѣненій въ выраженіи ея лица, отражавшаго впечатлѣнія какъ море отражаетъ пробѣгающія надъ нимъ облака. По временамъ лицо ея становилось совершенно безстрастно, она устремляла на васъ глаза, но какъ будто не видала васъ, а смотрѣла на что-то въ пространствѣ. Всѣ ея движенія полны были граціи и лукавой прелести, но она постоянно имѣла выраженіе какой-то безпомощности, зависимости: она какъ бы безмолвно просила о помощи и защитѣ, и умоляла міръ простить ей ея существованіе.

Но долженъ ли я прибавить, что какъ ни были хороши двѣ первыя, онѣ никогда не могли равняться съ моею безцѣнною Мери. Въ ней не было ничего искусственнаго, никакой скрытности или притворства. Правдивая душа ея неспособна была видѣть ложь въ словахъ, дѣйствіяхъ и характерахъ людей, а потому она часто подвергалась обманамъ, несмотря на то что одарена была свѣтлымъ, блестящимъ умомъ. Она думала и дѣйствовала прямо, не допуская увертокъ и хитростей, и открыто шла къ своей цѣли.

Когда миссъ Прендергастъ вошла, я, повинуясь знаку Мабели Фрезеръ, подошелъ къ ея окну. Въ углу гдѣ она сидѣла было темно, но слуги внесли лампы и чай, и свѣтъ освѣтилъ ея руку покрытую кольцами (она любила драгоцѣнности), которою она манила меня къ себѣ. Она обернулась лицомъ къ окну, такъ что я не могъ видѣть ея глазъ, когда она въ нѣсколько минутъ выпытала у меня все что̀ я зналъ о миссъ Прендергастъ. Когда я сказалъ ей что Роза скоро покидаетъ родину навсегда, она вздохнула какъ бы почувствовавъ облегченіе. „Она очень хорошенькая, но такая неловкая и, кажется, недалекая.“

Я едва не потерялъ случая поговорить съ миссъ Фрезеръ, котораго такъ долго ждалъ. Мери позвала насъ:

— Мнѣ жаль разстраивать вашъ tête-à-tête у окна, но чай васъ ждетъ. Пошлите мистера Бреди за вашею чашкой или приходите къ намъ.

Мабель встала.

— Подождите еще одну минуту, попросилъ я,—мнѣ нужно поговорить съ вами. Прошу васъ, миссъ Фрезеръ.

Она сѣла.

— Съ той ночи какъ я васъ видѣлъ, я не имѣлъ минуты покоя. Объясните что̀ вы хотѣли тогда сказать, скажите что̀ намъ обоимъ угрожаетъ? Ради Бога, довѣрьтесь мнѣ, и можетъ-быть, можно будетъ все поправить. Это что-нибудь о вашемъ отцѣ или объ его женѣ?

— Я васъ не понимаю, мистеръ Бреди. Мнѣ нечего довѣрять вамъ, и я не знаю что̀ между нами общаго, что̀ можетъ угрожать намъ общею опасностью.

— Но вѣдь вы сами сказали это,—вы забыли?—когда я остался на нѣсколько минутъ съ вами вдвоемъ въ тотъ вечеръ.

— Прошу васъ вѣрить, мистеръ Бреди, что я тогда была такъ разстроена и испугана страшными снами, что рѣшительно не помню что̀ я тогда говорила. Я до сихъ поръ дрожу при воспоминаніи о той ночи.

— Какіе же это сны?

— Да, все это было сонъ, не болѣе какъ сонъ. У меня болѣла голова, я легла и хотѣла заснуть. Я, должно-быть, была очень больна, потому что вдругъ мнѣ пригрезилось что мое окно само собой отворяется, и человѣкъ, не знаю женщина или мущина, вошелъ въ мою комнату и приблизился къ моей кровати. Я слышала во снѣ ваше имя, и призракъ поднялъ

распятіе, приложилъ его къ моимъ губамъ и требовалъ отъ меня клятвы что я никогда не прощу вамъ страшной обиды которую вы мнѣ нанесли. Я во снѣ старалась притворяться спящею, но призракъ разбудилъ меня, и приложивъ кинжалъ къ моей груди, заставилъ меня произнесть страшную клятву. Я стараюсь припомнить въ чемъ я клялась, но помню только что вамъ готовилась смерть, а я должна была молчать объ этомъ. Но можно ли передать ночной бредъ? Я вдругъ очутилась на полу и боролась съ призракомъ, который хотѣлъ взять шкатулку, а мнѣ казалось что я обязана хранить ее. Я проснулась, но долго находилась подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна. Я совсѣмъ не помню видѣла ли я васъ въ ту ночь. Если вы находите какую-нибудь пользу разспрашивать меня.... Идемъ, идемъ, милая Мери! Мистеръ Бреди былъ такъ занимателенъ.

У меня осталось подозрѣніе что прекрасная сновидица обманываетъ меня, но я не былъ увѣренъ въ этомъ. Я употребилъ всѣ силы чтобы дѣйствительно показаться миссъ Фрезеръ и миссъ Бутлеръ „занимательнымъ", между тѣмъ какъ сэръ-Денисъ разрывалъ конвертъ за конвертомъ, пробѣгая газеты, а Джеральдъ энергично добивался благосклонности миссъ Прендергастъ. Онъ вызывалъ ее на разсказы о Sacré Coeur въ Анжерѣ, и съ видомъ большаго любопытства слушалъ невинные анекдоты о сестрѣ Агнесѣ, о сестрѣ Маріи, объ отцѣ Огюстѣ и о школѣ. Сэръ-Денисъ, который былъ строгимъ анти-католикомъ, по временамъ поднималъ глаза и смотрѣлъ съ изумленіемъ, какъ бы дивясь чего добивается Джеральдъ. Мери была въ восторгѣ отъ впечатлѣнія произведеннаго ея подругой, а миссъ Фрезеръ смотрѣла въ пространство и, повидимому, не обращала никакого вниманія на окружающее. Миссъ Прендергастъ разсказывала капитану Десмонду о чудесахъ сотворенныхъ сестрой Урсулой близъ Анжера, которыя она видѣла собственными глазами. Сестра нѣсколько лѣтъ лежала безъ движенія и ѣла и пила только разъ въ годъ, въ свои именины. Кто приближался къ ея комнатѣ, того обдавалъ запахъ фіалокъ, только еще душистѣе и божественнѣе. Нѣкоторыя изъ ея подругъ, проходя мимо, чувствовали прикосновеніе крыльевъ витавшихъ тамъ ангеловъ, а другія слышали музыку ихъ золотыхъ арфъ.

— Представьте себѣ блаженство этой святой женщины, капитанъ Десмондъ!

Лицо молодой энтузіастки дышало набожностью, но когда она, поднявъ глаза, увидала себя центромъ кружка, голосъ ея опустился, она ужасно покраснѣла и замолчала.

Вошелъ слуга и сказалъ что за ней пришла ея горничная, и Мери увела бѣдную Розу въ садъ, откуда онѣ возвратились обѣ съ красными глазами и долго усердно сморкались.

— Какое счастье, сэръ-Денисъ, что слуга прервалъ разговоръ капитана Десмонда, иначе онъ сегодня же отрекся бы отъ своего вѣроисповѣданія, сказала миссъ Фрезеръ съ необыкновеннымъ для нея одушевленіемъ.—Я такъ боялась за него когда онъ слушалъ миссъ Прендергастъ.

— Мнѣ чрезвычайно льститъ ваша заботливость обо мнѣ, миссъ Фрезеръ, но я попрошу васъ успокоиться, потому что вѣра моя непоколебима. Я люблю выслушивать хвалу всякому вѣроисповѣданію отъ его представителей, но я твердъ въ своемъ. Не думайте, когда я сворачиваю на тропинку, что я совсѣмъ покидаю большую дорогу.

Когда Роза собралась уходить, она вынула изъ своего ридикюля письмо и подала его мнѣ.

— Это отъ Макарти, сына старика Дана. Когда онъ узналъ что я буду здѣсь, онъ просилъ меня передать вамъ это письмо, мистеръ Бреди. Онъ говорилъ что это просьба, и чтобы вы не читали его до ночи: онъ очень настаивалъ чтобъ я отдала вамъ его только при прощаніи.

Это былъ грубый конвертъ, запечатанный сургучомъ и адресованный: „Мистеру Теренсу Бреди, доктору Британскаго пѣхотнаго полка, въ Кильмойль.“ Я положилъ его въ карманъ, не разсматривая болѣе. Роза простилась, но сэръ-Денисъ взялъ съ нея обѣщаніе провесть еще цѣлый день въ замкѣ до отъѣзда изъ Ирландіи. При воспоминаніи объ этомъ она и Мери опять заплакали и ушли въ садъ, и какъ два неутѣшные призрака ходили по аллеѣ, такъ что сэръ-Денисъ наконецъ послалъ слугу напомнить имъ какъ вреденъ ночной холодъ.

— Я начинаю вѣрить въ привидѣнія Джеральда, смѣялась Мери, — потому что когда мы прощались съ Розой....

— Въ четвертый, кажется, разъ....

— Нѣтъ, дядюшка, только въ третій и въ послѣдній, увѣряю васъ,—вѣтви дерева, возлѣ котораго мы стояли, ужасно затряслись, и я ясно разслышала вздохъ и стонъ, но никого не видала.

— Нужно сказать Корду чтобъ онъ подстрѣлилъ эту сову, сказалъ сэръ-Денисъ, — а до тѣхъ поръ у насъ въ домѣ не будетъ покоя. Что съ вами, Мабель?

Миссъ Фрезеръ, приложивъ руку къ сердцу, вскочила при его словахъ и воскликнула: „Сжальтесь, сэръ-Денисъ! Сжальтесь!“ Потомъ остановилась, сдѣлала страшное усиліе овладѣть собой, и опускаясь на руки Мери, сказала задыхаясь:

— Это опять тотъ страшный сонъ. Прошу васъ, не сердитесь на меня, я такъ слаба, такъ разстроена, такъ....

— Такъ больна, дорогая моя Мабель, что я очень радъ что мы на будущей недѣлѣ переѣзжаемъ въ Дублинъ, потому что вамъ нужна помощь лучшихъ докторовъ. А за обѣдомъ вы казались такою бодрою. Какой у васъ пульсъ! Вамъ нужно немедленно начать лѣчиться. Благослови васъ Богъ, мои дѣти, прощайте. А я пойду въ Бастилію, какъ выражается Джеральдъ, и выкурю сигару прежде чѣмъ мы разойдемся.

Джеральдъ и я отправились въ склепъ, гдѣ присудилъ намъ курить сэръ-Денисъ. Изнуренный слуга, служившій помощникомъ буфетчика и напомнившій мнѣ моего стараго Могуна, вошелъ съ подносомъ, и уходя спросилъ, пойдетъ ли капитанъ Саибъ гулять сегодня ночью: если не пойдетъ, то онъ запретъ двери и успокоитъ собаку.

Дурное расположеніе Джеральда, можетъ-быть, было слѣдствіемъ его разговора со стряпчимъ сэръ-Дениса, отъ котораго онъ узналъ что имѣніе находится совсѣмъ не въ такомъ блестящемъ положеніи какъ онъ ожидалъ, что старые долги, увеличивающіеся проценты, новые налоги разоряютъ имѣніе.

— Сэръ-Денисъ получилъ, какъ я имѣю основаніе предполагать, тысячи фунтовъ золотомъ изъ Индіи, и вмѣсто того чтобъ употребить ихъ на уплату самыхъ тяжелыхъ долговъ сдѣланныхъ сэръ-Ричардомъ, онъ ихъ держитъ въ замкѣ. Онъ не довѣряетъ банкамъ, это чрезвычайно любопытная черта въ дѣловомъ человѣкѣ.

Все это, подъ вліяніемъ сигары и вина, разказывалъ мнѣ Джеральдъ, пока не вошелъ сэръ-Денисъ, но когда онъ попробовалъ сдѣлать объ этомъ намекъ дядѣ, тотъ устремилъ на него такой проницательный, гнѣвный взглядъ, что онъ тотчасъ же замолчалъ. Сэръ-Денисъ былъ въ этотъ день на митингѣ и вынесъ оттуда весьма мрачный взглядъ на положеніе страны. Недовольство развилось въ народѣ до высочайшей степени; самое отсутствіе обыкновенныхъ безпорядковъ

и рѣдкіе случаи преступленій доказываютъ что народъ готовится къ великому возстанію. Такъ разсуждали судьи, которые были бы гораздо спокойнѣе, еслибы по временамъ въ кого-нибудь изъ нихъ стрѣляли. Но страна такъ спокойна, что можно быть увѣреннымъ что молодцы заняты чѣмъ-нибудь особеннымъ. Сэръ-Денисъ совѣтовалъ держаться строгихъ мѣръ, но вопросъ состоялъ въ томъ какъ и къ чему приложить эти мѣры. Онъ былъ человѣкъ справедливый, но онъ не сочувствовалъ народу который теперь окружалъ его. „Самый ободранный Индіецъ имѣетъ въ себѣ что-то джентльменское, и самый жалкій Индусъ одаренъ самоуваженіемъ, этотъ же народъ полонъ всѣхъ пороковъ Индусовъ и мусульманъ, но лишенъ всѣхъ ихъ хорошихъ качествъ. Его вѣжливость служитъ личиной ненависти, а храбрость его — это дерзость убійцы.“ Сэръ-Денисъ считалъ законъ за орудіе наказанія, а не за орудіе цивилизаціи, и примѣнилъ бы его въ самомъ строгомъ смыслѣ для предупрежденія преступленій и для наказанія за нихъ. Авторитетъ его поддерживалъ тѣхъ которые считали составленіе законовъ правомъ парламента и желали чтобы народъ безпрекословно повиновался этимъ законамъ. Сэръ-Денисъ сдѣлался руководителемъ митинговъ и разбилъ совершенно мѣстныхъ адвокатовъ. Онъ былъ, однако, тутъ въ положеніи Карла V между монахами. Онъ, когда-то властитель провинцій, изъ которыхъ каждая была больше всего острова, котораго Кильмойль составлялъ очень незначительную часть, былъ теперь не болѣе какъ дѣятельный, причудливый землевладѣлецъ и членъ многихъ коммиссій. Онъ, чрезъ чьи руки проходили милліонные доходы, и отъ одного слова котораго зависѣла участь народовъ, встрѣтилъ въ управленіи собственнымъ имѣніемъ такія затрудненія, какихъ онъ себѣ прежде представить не могъ. Его номинальный арендный доходъ считался 7.000 фунтовъ въ годъ, но на самомъ дѣлѣ онъ, съ большимъ трудомъ и прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, едва могъ собрать 3.000. Когда новый налогъ падалъ на его обремененное имѣніе, онъ узнавалъ что деньги, которыя онъ платилъ, употреблялись на проложеніе новой дороги, которая ни откуда и ни куда не вела, или на общественныя учрежденія, которыя доводили народъ до пауперизма и не приносили пользы ни обществу, ни государству. Но сэръ-Денисъ былъ человѣкъ энергичный и занимался дѣломъ съ тѣмъ наслаж-

деніемъ, которое подобныя натуры находятъ въ трудѣ требующемъ величайшаго напряженія умственныхъ способностей. Только его характеръ немного испортился. Ему было досадно что онъ не въ силахъ уничтожить обычаи, предразсудки и національныя особенности дряхлаго, но упрямаго народа, и онъ жалѣлъ, что по несчастному капризу географіи, народъ этотъ находится подъ управленіемъ парламента, а не подъ энергичною системой управленія индійскихъ проконсуловъ.

Такъ, сидя съ нами, говорилъ онъ съ Джеральдомъ или, лучше сказать, онъ говорилъ Джеральду, пока часы не пробили одиннадцать, и тогда мы разошлись по своимъ комнатамъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

I. Ночное нападеніе.

Складывая фракъ, я ощупалъ въ карманѣ письмо, врученное мнѣ Розой Прендергастъ, и вынулъ его съ намѣреніемъ разорвать не читая.

„Это, думалъ я, какая-нибудь просьба о помощи, которой я не могу оказать... Однако посмотримъ.“ Подъ наружною оберткой была другая, на которой мое имя и адресъ были написаны какъ слѣдуетъ. Внизу была помѣтка: „Очень нужное“. Не дочитавъ до половины, я уже опрометью бѣжалъ по корридору въ комнату сэръ-Дениса. Онъ былъ на половину раздѣтъ и очень удивился моему появленію и блѣдному, испуганному лицу. Не за себя я дрожалъ.

— Прочтите! Надо тотчасъ же принять мѣры для безопасности женщинъ.

Сэръ-Денисъ подошелъ съ письмомъ къ свѣчѣ и прочелъ:

„Я много обязанъ вамъ. Желаю отплатить вамъ. Опасность угрожаетъ особѣ которую мы уважаемъ. Я не могу отвратить опасность, хотя готовъ бы для этого пожертвовать жизнью. Мнѣ извѣстно, что сегодня ночью будетъ сдѣлано нападеніе на Кильмойльскій замокъ шайкой отчаянныхъ людей. Никто на свѣтѣ, кромѣ васъ и тѣхъ которые связаны со мной, какъ и я съ ними, страшными клятвами, не знаетъ что я здѣсь; даже бѣдная сестра моя. Нечего говорить вамъ чтобы вы молчали. Еслибы полиція нашла меня, я лишился бы жизни, или по крайней мѣрѣ свободы, а мнѣ и жизнь и свобода нужны для другихъ. Я надѣялся видѣть васъ сегодня, но обманулся въ своей надеждѣ, и теперь пишу вамъ чтобы просить васъ выйти ко мнѣ сегодня вечеромъ въ 10 часовъ къ мосту на Каррѣ. Вы, можетъ-быть, меня не узнаете. Когда услышите что вамъ говорятъ: „Ночь хороша“, отвѣчайте: „День будетъ лучше“, и вы увидите человѣка, который можетъ дать вамъ средства отвратить ужасное мщеніе. Вмѣстѣ мы много можемъ сдѣлать. Вы должны быть въ замкѣ до одиннадцати часовъ, такъ какъ нападеніе произойдетъ въ полночь. Дайте знать товарищамъ вашимъ, отправившимся въ Ольдъ-Кортъ, чтобъ они остерегались на

возвратномъ пути. Не будь васъ да еще одного существа, неотразимый ударъ былъ бы нанесенъ сегодня ночью. Да проститъ мнѣ Богъ мою измѣну дѣлу! Я подписываюсь не иначе какъ *вашъ прежній другъ.*"

Сэръ-Денисъ дочелъ до конца, и потомъ, безъ малѣйшаго слѣда тревоги, голосомъ даже болѣе спокойнымъ чѣмъ обыкновенно, спросилъ:

— Слѣдуетъ ли считать это письмо за серіозное предостереженіе, на основаніи котораго надо немедленно принимать мѣры? Вы, вѣроятно, знаете отъ кого оно, иначе не пришли бы ко мнѣ въ такое время.

— Я знаю положительно кто писалъ это письмо, какъ оно ни странно. Не надо терять ни минуты. Мы тотчасъ же должны готовиться.

— Теперь безъ десяти минутъ двѣнадцать, сказалъ сэръ-Денисъ, глядя на часы. — Не много времени для приготовленій, если извѣстія, сообщаемыя этимъ безыменнымъ корреспондентомъ, точны. Сначала дайте мнѣ взглянуть все ли въ порядкѣ здѣсь. Пойдите въ комнату моего племенника и скажите ему что я прошу его придти ко мнѣ сейчасъ же. Не тумите, избѣгайте сцены съ женщинами, и возвращайтесь какъ можно скорѣе.

Сэръ-Денисъ осматривалъ пару двуствольныхъ пистолетовъ съ видимымъ удивленіемъ и неудовольствіемъ, когда я вернулся съ Джеральдомъ.

— Что-то затѣвается, сказалъ онъ спокойно. — Основательна эта тревога, или нѣтъ, а пистолеты мои трогали. Надо готовиться. Не разчитывали на предостереженіе. Видите, затравки забиты.

— Онъ началъ отвинчивать ихъ, дѣлая распоряженія весьма хладнокровно:

— Ступай къ Корду, Джеральдъ. Разбуди его и вели привести сюда все оружіе, какое найдетъ онъ. Потомъ разбуди Мартина. Пусть онъ тотчасъ же осмотритъ всѣ запоры внизу и безъ шуму подниметъ мужскую прислугу. Я сію минуту загляну къ Индійцамъ. Насъ трое, Кордъ четвертый, Мартинъ пятый, съ прислугой насъ будетъ двѣнадцать, цѣлая армія. Индійцы будутъ заряжать, если намъ придется стрѣлять. Меня безпокоятъ только бѣдныя дѣвушки.

— Я сейчасъ же поѣду въ Кильмойль, позову полицію, подниму казармы!

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь. Если на насъ нападутъ въ

двѣнадцать часовъ, то-есть минутъ черезъ пять, ты не успѣешь привести помощь и, вѣроятно, будешь перехваченъ на дорогѣ. Намъ здѣсь дорогъ каждый человѣкъ.

Кордъ, главный лѣсничій, плотный Іоркширецъ, вскорѣ появился вмѣстѣ съ Мартиномъ, слѣдомъ за Джеральдомъ, несшимъ въ каждой рукѣ по парѣ двустволокъ. Мартинъ буфетчикъ былъ вооруженъ старинною фузеей и одностволь-нымъ ружьемъ. Лѣсничій, кромѣ пороховницъ и дробовиковъ, несъ свое собственное, надежное, нѣсколько ржавое ружье. Камердинеръ сэръ-Дениса явился со старою придворною шпагой и пистолетомъ. Люди сходились одинъ за другимъ, и скоро вся комната наполнилась блѣдными лицами. Довольно, даже съ излишкомъ, набралось оружія изъ разныхъ угловъ зáмка, но при осмотрѣ оказалось, что у одного ружья поврежденъ курокъ, у другаго нѣтъ кремня, у третьяго сломанъ шомполъ, и такъ далѣе. Все-таки, однако, мы были достаточно вооружены чтобы встрѣтить нападеніе на какомъ угодно мѣстѣ. Безпокоило насъ только множество входовъ въ зáмокъ. Это былъ обширный домъ старинной постройки, съ окнами выходящими и на дворы, и на лужайку, и въ садъ; приходилось охранять полдюжины дверей. Ружья были заряжены Кордомъ, сэръ-Денисомъ, Джеральдомъ и мною и розданы надежнѣйшимъ слугамъ, а остальные вооружились топорами, дубинами, чѣмъ кому вздумалось. Смѣлый мальчикъ съ конюшни вызвался вылѣзть изъ окна въ садъ, перелѣзть черезъ стѣну въ смежную рощу, оттуда пробраться къ одному фермеру, взять у него лошадь и скакать въ Кильмойль за полиціей. Мы были увѣрены что собаки дадутъ знать о приходѣ непріятеля, если только онъ придетъ. Джеральдъ въ этомъ не сомнѣвался, полагая что разнеслись слухи о золотѣ хранящемся у сэръ-Дениса. Сэръ-Денисъ самъ убѣдился, по поврежденію своихъ пистолетовъ, что можно ожидать покушенія. Но если кто и сомнѣвался,—конечно не я, хотя я надѣялся что какой-нибудь случай помѣшаетъ нападенію,—всякое сомнѣніе сдѣлалось невозможнымъ, когда увидали что цѣпь на двери, ведущей изъ курильни въ наружный мощеный ходъ, была не наложена, и замокъ и затворы отвинчены, такъ что дверь отворилась бы отъ перваго толчка. Старый Индусъ, которому поручено было смотрѣть за запорами, увѣрялъ, что уходя заперъ дверь какъ слѣдуетъ. Очевидно существовала измѣна внутри дома, но кого подозрѣвать?

Мери Бутлеръ и Мабель Фрезеръ сидѣли въ комнатѣ сэръ-Дениса, за дверью которой сторожилъ Джеральдъ

— Какой молодецъ кузина Мери! воскликнулъ онъ. — Она вполовину не такъ смущена какъ нѣкоторые изъ этихъ олуховъ съ ружьями и пистолетами, и старается убѣдить бѣдняжку Мабъ что опасности нѣтъ, точь-въ-точь какъ мать ободряла бы ребенка взглянуть въ лицо привидѣнію.

Сѣни охранялъ сэръ-Денисъ съ однимъ слугой. Кордъ караулилъ въ задней части дома. Мартинъ ходилъ на стражѣ по корридору; другіе были размѣщены въ нижнихъ комнатахъ, гдѣ можно было вломиться въ окна. Я стоялъ у двери курильни, теперь укрѣпленной цѣпью и привинченнымъ снова замкомъ и затворомъ.

Часы на дворѣ пробили половину перваго. Снаружи все было тихо какъ въ могилѣ. Я напрягалъ слухъ чтобъ уловить малѣйшій шумъ; постукиванье часовъ въ кухнѣ раздавалось по корридору какъ будто надъ самымъ моимъ ухомъ. Минута за минутой проходила; ничто не трогалось. Самое дыханіе мое казалось мнѣ шепотомъ чьихъ-то голосовъ, а біеніе сердца тихимъ барабаннымъ боемъ. Придутъ ли они? Не ложная ли эта тревога? Не удалось ли Морису Прендергасту въ послѣднюю минуту отвратить злодѣйскій умыселъ? Вдругъ холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Тс.... Ошибки быть не можетъ. Они здѣсь! Деревянная ступень скрипнула. Я прижалъ ухо къ двери; я *чувствовалъ* что кто-то стоитъ за нею. Ручка у груди моей слегка повернулась; я держалъ пистолетъ на готовѣ; замокъ щелкнулъ и заперся снова. Дверь тихонько потряслась. Слышался шепотъ голосовъ, какъ будто рядомъ со мной. Опять попробовали ручку замка. Опять толкнули дверь, уже сильнѣе. Я чувствовалъ давленіе рукъ и нажиманіе плечей сквозь крѣпкій дубъ, будто давятъ *меня*. Подлѣ двери были два маленькія окошечка. Я видѣлъ мерцаніе звѣздъ, слабый свѣтъ проникалъ ко мнѣ снаружи. Вдругъ звѣзды исчезли; темное тѣло загородило свѣтъ. Сдѣлай я рукою одно движеніе, и лишь тонкое стекло очутилось бы между моимъ пистолетомъ и головой злодѣя. Но сэръ-Денисъ приказалъ строго чтобы никто ни подъ какимъ видомъ не стрѣлялъ, пока разбойникъ не ворвался въ окно или въ дверь.

Въ случаѣ опасности, условлено было дать знать свистомъ что требуется помощь. Я съ усиліемъ готовился свистнуть,

какъ вдругъ звѣзды опять заблестѣли, голова исчезла отъ окна, ступени заскрипѣли, и шепотъ возобновился за дверью. Затѣмъ все смолкло. Ничто снаружи не трогалось. Собаки молчали. Не смутила ли разбойниковъ неудача у входа, на который они разчитывали. Не откажутся ли они отъ своего намѣренія, опасаясь что ихъ выдали, и что открыто дѣло ихъ соумышленника? Я прислушивался съ замираніемъ сердца. Не подать ли сигналъ? Не лучше ли показать что мы на сторожѣ и тѣмъ отклонить нападеніе? Сэръ-Денисъ, однако, распорядился иначе. Онъ рѣшился захватить врасплохъ злодѣевъ, заставить ихъ раскаяться въ своемъ покушеніи, и напослѣдъ отвергъ предложеніе Джеральда освѣтить замокъ и звонить въ большой колоколъ на дворѣ.

— Они отложили бы до другаго раза, сказалъ онъ,—а я хочу чтобы такая попытка уже не повторилась.

Я думалъ сбѣгать на минутку въ сѣни и сказать сэръ-Денису что̀ я слышалъ, но опасеніе чтобъ они не ударили вдругъ на дверь и не ворвались въ моемъ отсутствіи, удержало меня. Пробилъ часъ. Ни звука. Опять постукивали секунды, и минуты медленно тянулись за ними.

Я думалъ о храброй дѣвушкѣ, которая тоже сторожитъ и ждетъ. Какъ охотно отдалъ бы я жизнь за одно ея слово.... сто жизней, еслибы могъ.... за одно словечко изъ ея милыхъ устъ. Чтобъ избавить ее отъ минуты тревоги, я сейчасъ же вышелъ бы въ ночную темноту навстрѣчу невѣдомымъ опасностямъ и всѣмъ ужасамъ смерти. Что̀ это? Тихій, медленный свистъ послышался изъ отдаленной комнаты. Онъ повторился громче и отозвался вблизи. Сэръ-Денисъ появился въ концѣ корридора и махнулъ мнѣ.

— Кордъ свистнулъ дважды. Пойдемъ.

— Но они были и здѣсь. Они только сейчасъ ушли.

— Такъ оставайтесь на своемъ мѣстѣ.

Онъ исчезъ и оставилъ меня въ темнотѣ. Я вернулся къ двери. Всѣ чувства мои были напряжены до такой степени, что словно отдѣлились отъ меня, перестали мнѣ повиноваться. Шепоты носились въ ночномъ воздухѣ. Голоса раздавались у меня въ ушахъ. Какъ будто женщина шептала мнѣ: „Теренсъ, милый Теренсъ, охраняй, защищай меня.“ Странныя штуки выкидывало мое воображеніе: мнѣ видѣлись фигуры въ темнотѣ. Мелькали лица, шуршали одежды вокругъ меня, огоньки вспыхивали и пропадали. Руки мои такъ дрожали,

что я принужденъ былъ спустить курокъ пистолета, чтобы не выстрѣлить.

Свистъ! Опять! опять! опять! съ разныхъ сторонъ вдругъ. Рѣзкій трескъ разбитаго стекла, выстрѣлъ, какъ будто изъ дому, и потомъ нѣсколько выстрѣловъ снаружи. Топотъ ногъ по сѣнямъ и корридорамъ; крики: „Всѣ сюда!“ Съ невыразимымъ чувствомъ облегченія, какъ собака сорвавшаяся наконецъ съ цѣпи, я бросился къ свалкѣ. Еще выстрѣлъ, когда я бѣжалъ по заднему корридору, и при свѣчѣ въ рукахъ испуганнаго мальчика, я увидѣлъ что одинъ изъ слугъ несъ человѣка, котораго ноги тяжело тащились по полу, а голова свѣсилась внизъ. Сердце мое сжалось, когда я увидалъ сѣдые волосы.

— О, докторъ! Взгляните на него! Бѣдный Кордъ! Гнусные злодѣи!

Мы положили его на полъ. Я сталъ на колѣни подлѣ него и разорвалъ его платье. Кровь сочилась крупными каплями изъ его шеи. Онъ взглянулъ мнѣ въ лицо съ улыбкой.

— Я свалилъ двоихъ, справа и слѣва, но они, кажется, уходили меня, вѣдь такъ?

Когда я отеръ кровь, оказалось дира подъ плечною костью, пуля вышла позади шеи. Рана была на вылетъ, смертельная, какъ мнѣ казалось. Мальчикъ принесъ воды, и я тряпкою повязалъ, какъ могъ, рану бѣднаго Корда.

— Не хлопочите обо мнѣ, докторъ! Оставьте меня. Ступайте вы всѣ къ сэръ-Денису! Тамъ цѣлая куча проклятыхъ разбойниковъ. А все-таки я свалилъ двоихъ, справа и слѣва.

Его отнесли въ его комнату, хотя онъ просилъ чтобъ ему дали заряжать ружья.

— Вѣдь я могу заряжать, и мы ихъ поколотимъ, злодѣевъ.

Чрезъ минуту я стоялъ въ сѣняхъ у задней лѣстницы. Свѣчка, стоявшая за столбомъ, освѣщала сцену. Сэръ-Денисъ стоялъ за дверью, держа въ каждой рукѣ по пистолету; Джеральдъ, съ двустволкой на готовѣ, подлѣ него, не сводя глазъ съ разбитой половины двери, къ которой придвинутъ былъ тяжелый столъ. Осколки дерева и стекла валялись на полу, дверь пробита была пулями. Мартинъ подъ столомъ глядѣлъ на открытое мѣсто. Одинъ изъ слугъ за столбомъ заряжалъ дымящееся ружье, мальчикъ, съ пороховницей и пулями въ рукахъ, подавалъ другое.

— Сторонитесь отъ отверстія, или вы погибли! крикнулъ сэръ-Денисъ.

Едва успѣлъ я прыгнуть въ сторону, какъ выстрѣлы грянули въ дверь, и одна пуля просвистѣла у самаго моего уха. Я поскользнулся и упалъ. Снаружи раздался ревъ торжества, сквозь который мнѣ какъ будто послышался пронзительный крикъ. Но я уже былъ опять на ногахъ. „Ничего, сэръ-Денисъ!“

— Вамъ хочется еще, господа? сказалъ Джеральдъ. — Вы теперь не такъ хорошо стрѣляете. Скажите, пожалуста, когда будете готовы.

— Чтò вы не выходите изъ-за двери, какъ мущины? Мы покажемъ вамъ умѣемъ-ли мы стрѣлять! отвѣчалъ грубый голосъ снаружи.—Мы васъ согрѣемъ!

— Такъ еще кое-кто изъ васъ остынетъ совсѣмъ, друзья мои, отвѣчалъ Джеральдъ.—Не мѣшкайте, пожалуста. Мнѣ уже хочется спать.

Ругательство было отвѣтомъ. Нѣсколько выстрѣловъ ударили въ дверь и осыпали насъ щепками. Никто не показывался въ роковомъ отверстіи на которое постоянно было направлено восемь стволовъ.

— Выстрѣлы, безъ сомнѣнія, поднимутъ народъ, шепнулъ Джеральдъ.—Скоро должны придти къ намъ на выручку.

— Не надѣйтесь ни на кого въ имѣніи, прошепталъ Мартинъ.— Этотъ народъ никогда не вмѣшивается въ подобныхъ случаяхъ. Боятся, да и желанія не имѣютъ.

— Я бы завтра же всѣхъ прогналъ, дядя. Не стрѣляйте! Это шляпа на палкѣ. Нейдетъ, мой другъ. Попробуй подставить подъ нее свою голову. Пуля легче петли.

Мы ждали на сторожѣ. Ужасное ожиданіе! Ничего не было слышно. Прошло четверть часа. Мартинъ высунулъ голову изъ-подъ стола и оглядѣлся.

— Кажется, свѣтаетъ, сэръ-Денисъ! шепнулъ онъ. — Они ушли! закричалъ онъ вдругъ.

— Идемъ за ними! крикнулъ Джеральдъ.

Въ эту минуту сверху раздался вопль, исполненный такого ужаса, что кровь наша застыла на мгновеніе.

— Это женщины! Мартинъ и Томъ, не трогайтесь, оставайтесь здѣсь! закричалъ сэръ-Денисъ, и съ невѣроятною быстротой бросился вверхъ по лѣстницѣ. Мы съ Джеральдомъ слѣдовали за нимъ. У меня въ рукахъ была свѣча.

Когда мы вошли въ комнату, Мери Бутлеръ стояла одна у стола, словно окаменѣлая, съ раскрытыми губами, устремивъ глаза на окно. Ставни были разбиты. Когда мы вбѣжали, человѣкъ въ маскѣ, или съ вымазаннымъ лицомъ, вскочилъ въ комнату. Сэръ-Денисъ оттолкнулъ Мери и поднялъ пистолетъ, но тяжкій ударъ свалилъ его. Онъ упалъ мнѣ на руки. Разбойникъ испустилъ крикъ торжества: „Сюда, молодцы, сюда! Я....“ Онъ покатился въ предсмертныхъ содроганіяхъ. Комната наполнилась вооруженными людьми.

II. На войну.

Я просыпаюсь отъ тяжкаго сна. Сейчасъ только случилось несчастье на желѣзной дорогѣ. Я ушибенъ, изнуренъ и голоденъ. То мѣсто, помню, называется Бишопсгопъ, а это, должно-быть, станція Ланглей. Я убѣжалъ изъ Свитенгама. Я бѣжалъ въ Лондонъ, когда это ужасное столкновеніе.... Какъ шумитъ у меня въ головѣ, какъ глаза болятъ! Что за сны я видѣлъ! Слава Богу, это сны, не болѣе! Кто это ходитъ около меня? Молоденькая горничная и докторъ? Они только мѣшаютъ мнѣ, прерываютъ мои мысли. Лучше опять заснуть, если только сны не вернутся.

Я закрываю глаза и впадаю въ состояніе среднее между сномъ и его роковою сестрой, изъ объятій которой уже нѣтъ пробужденія. Среди забытья, я чувствую что чьи-то руки хлопочутъ около меня, что меня бережно поднимаютъ, чувствую пальцы доктора на лбу моемъ. Напрасно стараюсь я припомнить когда и гдѣ я былъ ушибенъ. Очевидно, я бѣжалъ изъ Бишопсгопа въ Ланглей. А теперь.... Теперь не умираю ли я? Нельзя ли стряхнуть сонливость, открыть глаза и подумать? Не сонъ ли все это? Кровавая ночь, всѣ событія пронесшіяся съ такою подробностью въ умѣ моемъ, не призрачныя ли грезы больнаго? Темпль и Стендишъ, побѣгъ отъ разбойниковъ, дуель, утомительные переходы по Ирландіи, возвращеніе въ Кильмойль, Мабель Фрезеръ, пріятельница Мери Бутлеръ, замокъ, въ которомъ въ послѣдній разъ видѣлъ я Мери, смѣлую какъ какая-нибудь воинственная богиня среди битвы и крови.... Да, все это сонъ, благодареніе Богу. Я проснусь и отправлюсь въ Лондонъ, и тамъ буду трудиться.

Итакъ я задремалъ, припоминая свои страданія какъ сонъ, и грезя что я грезилъ.

Долго ли лежалъ я, не знаю. Огонь появился предъ моими глазами, твердая рука открыла мнѣ вѣки, и свѣтъ наполнилъ болью мою голову. Я услышалъ знакомый голосъ: „Поправился отлично. Зрачки сильно суживаются. Я думаю что теперь докторъ Дюкъ и безъ меня справится съ нашимъ дорогимъ больнымъ“. Затѣмъ я уловилъ отрывочныя слова: „совершенное спокойствіе.... кормить.... говорить не долженъ“. Голосъ перешелъ въ шепотъ, къ которому присоединился другой. Дверь тихонько затворилась; вѣроятно, докторъ ушелъ. Въ смутномъ снѣ моемъ мнѣ представлялось что я учусь у знаменитаго врача въ Дублинѣ, и что это голосъ моего наставника, слышанный мною прежде на воображаемыхъ лекціяхъ. Во всякомъ случаѣ это говорилъ не англійскій докторъ Стокксъ.

Я сдѣлалъ усиліе чтобы повернуться, и движеніе мое привлекло вниманіе кого-то бывшаго въ комнатѣ. Нѣжная рука коснулась моего лба, и я услышалъ тихій вздохъ, и дыханіе кого-то наклонившагося надо мной. Спустя нѣсколько времени, сколько не знаю, я открылъ глаза. Вечеръ теперь, или утро? Предметы, на которыхъ я стараюсь остановить вниманіе, какъ будто подернуты густою пеленой. Послѣ продолжительныхъ усилій я началъ различать сквозь туманъ нѣкоторыя фигуры и изображенія на стѣнѣ, къ которой были обращены мои глаза. Вотъ еще доказательство моего бреда. Мнѣ представляется что я замѣчаю сходство съ обоями знакомой комнаты, находящейся отъ меня за сотни миль. Вотъ желтый съ краснымъ попугай лѣзетъ по тонкой зеленой спирали, увѣшанной громадными багровыми яблоками, слѣдомъ за другимъ попугаемъ; а тотъ точно также лѣзетъ за третьимъ, и т. д. Все попугаи, спирали и яблоки, пока наконецъ послѣдній попугай уходитъ на половину въ потолокъ и теряется въ черномъ съ краснымъ бордюрѣ. Постойте! Не могли же оклеить комнату пока я спалъ. Когда я легъ, помню, тутъ были простые сѣрые обои. А вотъ теперь попугаи! Они мнѣ старые знакомые. Часто, засыпая, глядѣлъ я на нихъ и спрашивалъ себя, попаду ли я когда-нибудь въ страну гдѣ водятся живые оригиналы ихъ, и удастся ли подстрѣлить хоть одного, ради красивыхъ перьевъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ, просыпаясь по утру, я встрѣчалъ ихъ выпуклые глаза,

которымъ рисовальщикъ придалъ необыкновенный блескъ искусно помѣщенною бѣлою точкой. Я глядѣлъ теперь на нихъ до тѣхъ поръ пока стало мнѣ больно, закрылъ глаза, разсуждалъ самъ съ собою о нелѣпости моихъ грезъ, опять открылъ глаза; они все тутъ предо мною. Это обои моей спальни въ Лохъ-на-Каррѣ. Тихонько поднялъ я глаза кверху и увидѣлъ на стѣнѣ пустую раму. Я содрогнулся и сталъ просить Бога сохранить мнѣ разсудокъ, котораго я, казалось, готовъ былъ лишиться. Въ смѣшеніи противорѣчивыхъ воспоминаній я не могъ отличить дѣйствительность отъ болѣзненнаго бреда. Шепча молитвы, я застоналъ, и та же рука опять коснулась моего горячаго лба, и голосъ прошепталъ, лаская мое ухо и какъ бы вкрадываясь тихо въ мою смущенную голову.

— Вамъ больно?

— Да, очень больно. Гдѣ я, и кто вы? Откройте занавѣски, дайте мнѣ оглядѣться хорошенько.

— Вамъ надо лежать смирно. Успокойтесь и не распрашивайте. Сэръ-Филиппъ строго приказалъ не давать вамъ говорить. Если вы будете спрашивать, мы не должны отвѣчать вамъ. А теперь, такъ какъ вы проснулись, пора вамъ принять лѣкарство.

— Кто такой сэръ-Филиппъ?

— Мнѣ не велѣно отвѣчать вамъ. Выпейте вотъ это, пожалуста. Я ваша сидѣлка. Вы должны теперь насъ слушаться. Скоро вы поправитесь. Вамъ уже гораздо лучше. Надо благодарить Бога за его милость. Вотъ такъ хорошо, продолжала сидѣлка, когда я проглотилъ ложку какой-то жидкости. — Теперь вы будете лежать покойно, не правда ли?

Очень легко сказать: „будьте покойны“, но сдѣлать это бываетъ трудно, а мнѣ стало и вовсе невозможно, когда я убѣдился свидѣтельствомъ своихъ глазъ что это Роза Прендергастъ наклонилась надо мной. Сомнѣнія нѣтъ. Глаза Розы Прендергастъ глядятъ мнѣ въ глаза, длинная лента бѣлаго чепца, надѣтаго на ея темныя косы, щекочетъ мнѣ щеку, она приподняла меня одною рукой чтобъ я могъ проглотить лѣкарство и поддерживаетъ мнѣ голову.

— Бога ради, скажите же мнѣ, воскликнулъ я, стараясь приподняться,—что̀ значитъ все это? Гдѣ я?

Но она приложила палецъ къ губамъ, покачала головой и исчезла изъ комнаты. Я понялъ что лежу при смерти, въ

моей маленькой спальнѣ въ Лохъ-на-Каррѣ, и что прошедшее не сонъ. Какъ часто доктора ошибаются. Еслибъ ихъ предписанія были соблюдены относительно меня, я непремѣнно сошелъ бы съ ума. Не знать гдѣ Мери Бутлеръ, что̀ съ ней дѣлается! Да я встану сію же минуту и самъ погляжу. Съ усиліемъ, истощившимъ послѣднія силы мои, я приподнялся на постели, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошла сама Мери Бутлеръ! Я испустилъ радостный крикъ и сказалъ не помню что̀. Мери приложила палецъ къ губамъ, и подойдя ко мнѣ, увѣщательно подняла руку.

— Теренсъ, я увѣрена, что̀ *меня* вы послушаете. Вамъ необходимо полнѣйшее спокойствіе. Довольно вамъ знать что всѣ мы здоровы. Ну, успокойтесь же; видите какъ вы слабы.

Я держалъ ея руку, и прижимая ее къ губамъ, плакалъ, повторяя только:

— Благодарю тебя, Господи! Благодарю тебя!

Мери Бутлеръ не отнимала руки. Глядя на меня, вѣроятно, какъ на слабаго, больнаго ребенка, она сѣла подлѣ меня, когда я упалъ утомленный на подушку, все не выпуская изъ рукъ мое сокровище. Тихимъ голосомъ она разказала мнѣ что полиція явилась въ то самое время какъ разбойники ворвались въ замокъ и вступили въ ужасную драку съ прислугой, что сэръ-Денисъ оправился и очень безпокоится обо мнѣ.

— Видите, докторъ Дюкъ, каковъ вашъ больной, сказала она, когда вошелъ великій ирландскій эскулапъ,—хотя мы и отступили немного отъ вашихъ предписаній.

— И неудивительно, миссъ Мери, отвѣчалъ докторъ Дюкъ, щупая мой пульсъ,—глядя на васъ, всякій больной выздоровѣетъ, а то такъ и здоровый погибнетъ. О! Я говорю правду. Вотъ такъ пульсъ! Словно буря на морѣ. И бьетъ, и бурлитъ, и перерывается!

Поняла ли Мери шутку доктора? Я думаю что она, по своему прямодушію, не угадала ея тайнаго значенія.

— Я оставлю васъ съ вашимъ больнымъ, докторъ. Миссъ Прендергастъ и сидѣлка въ сосѣдней комнатѣ. Прощайте, Теренсъ. Я приду навѣстить васъ завтра.

И Мери ушла.

— Она истинная Троянка! воскликнулъ докторъ Дюкъ. — Не диво что кровь ваша такъ и прыгаетъ!

И онъ замысловато усмѣхнулся, а я почувствовалъ что правая рука моя сжимается съ серіознымъ поползновеніемъ оставить отпечатокъ пальцевъ на его полной и весьма неумной физіономіи.

Какъ ждалъ я завтрашняго дня! какъ жилъ я только ея посѣщеніями! Теперь я со всѣми былъ кротокъ и послушенъ. Я сталъ быстро оправляться. Но увы! Скоро я лишился врача сдѣлавшаго чудо, какъ докторъ Дюкъ называлъ мое выздоровленіе. Когда Мери уходила, мнѣ, какъ будто, становилось хуже. Сэръ-Денисъ пришелъ съ нею проститься со мной предъ отъѣздомъ въ Англію. При немъ я не могъ говорить. Она сказала, прощаясь:

— Выздоравливайте скорѣе, ради всѣхъ насъ. Вы знаете какъ мы васъ любимъ, Теренсъ.

Эти слова не разъ служили мнѣ утѣшеніемъ послѣ ихъ отъѣзда. Пришлось услышать печальныя вѣсти. Добрый мой опекунъ, мистеръ Бетсъ, поспѣшно пріѣхавшій съ материка какъ только узналъ о моемъ состояніи, понемногу сообщилъ мнѣ все что̀ еще не было мнѣ извѣстно. Тяжелое бѣдствіе постигло Десмондовъ. Замокъ разрушенъ. Мабель Фрезеръ исчезла. Когда выбиты были окна и голоса послышались снаружи, она испустила пронзительный крикъ, призвавшій насъ, вырвалась изъ рукъ Мери Бутлеръ и бросилась бѣжать.

Одинъ изъ слугъ, стоявшій въ корридорѣ, видѣлъ какъ она сбѣгала съ лѣстницы, и.... „я перекрестился святымъ крестомъ, прибавилъ онъ,—ибо она похожа была на мертвую, выпугнутую изъ могилы“. Поиски произведены были всюду, но нигдѣ ея не нашли. Осмотрѣли развалины, отыскали кучку сгорѣвшихъ костей и—странное украшеніе для разбойника—золотой перстень съ камнемъ, на которомъ виднѣлся гербъ, нѣсколько поврежденный огнемъ. Но скоро опасеніе что она погибла въ огнѣ было разсѣяно фактами, указывавшими на насильственное похищеніе. Во всякомъ случаѣ было почти несомнѣнно что она избѣгла ужасной смерти. На вѣткѣ куста, въ куртинѣ около замка, одинъ полицейскій замѣтилъ прядь длинныхъ и золотистыхъ волосъ. То были, безъ сомнѣнія, волосы Мабели. Осматривая землю вокругъ, напали на слѣдъ лошадиныхъ копытъ, идущій до большой дороги. Казалось, что всадники ѣхали очень близко другъ подлѣ друга, и что одинъ былъ гораздо тяжелѣе другаго. Съ большой

дороги они вдругъ свернули въ поле, и слѣдъ шелъ до рѣки, у которой пропадалъ.

Полицейскій офицеръ, спѣшившій съ своею командой въ замокъ, слышалъ конскій топотъ около лѣса и подавленный женскій крикъ, но нельзя было терять ни минуты: выстрѣлы гремѣли, маленькому гарнизону замка очевидно приходилось плохо.

Объявленія были напечатаны во всѣхъ газетахъ. Затѣмъ получено было извѣстіе изъ Атлона, гдѣ у трактирщика на конюшнѣ стояли двѣ прекрасныя лошади. Онѣ принадлежали двумъ господамъ, говорилъ онъ, прибывшимъ въ то утро какъ сожженъ былъ Кильмойль, одинъ пѣшкомъ, а другой верхомъ. Съ ними была молодая дѣвушка, вся закутанная въ плащъ, съ заплаканными глазами, тоже верхомъ. Полагали что это бракъ съ увозомъ. Господа позавтракали, купили нѣсколько готоваго платья и удивили атлонскихъ портныхъ и швей платя безъ торгу что съ нихъ ни запрашивали. Одинъ былъ смуглый, маленькій, другой высокій, худой, сердито говорилъ съ дѣвушкой. Когда они уѣхали, оставивъ лошадей „впредь до востребованія“ и взявъ съ собой только мѣшокъ для платья, въ городѣ пошло много толковъ. Они отправились на почтовыхъ до ближайшей станціи, потомъ сѣли на дублинскій поѣздъ. Ихъ прослѣдили до Голигеда, но тутъ они затерялись между путешественниками отправляющимися во всѣ концы свѣта, и полиція не могла разыскать ихъ далѣе. Глубоко было горе миссъ Бутлеръ, но она прекрасно владѣла собой. Она ухаживала за дядей день и ночь, навѣщала меня, присматривала за Кордомъ и ранеными слугами, словомъ, поспѣвала всюду, „словно цѣлый легіонъ ангеловъ“, какъ говорила мистрисъ Консидинъ.

Сцена разыгравшаяся въ комнатѣ сэръ-Дениса, была ужасна. Полиція, входя, нашла стараго баронета, племянницу его и меня лежащими, казалось безъ жизни, подлѣ убитаго начальника шайки; у окна умиралъ другой разбойникъ. Сэръ-Денисъ, однако, былъ только оглушенъ. Повалившій его злодѣй, падая отъ моего выстрѣла, нанесъ мнѣ страшный ударъ пистолетомъ, и я упалъ безъ чувствъ къ ногамъ Джеральда. Мери Бутлеръ, бросившись загородить собой дядю отъ застрѣленнаго мною разбойника, лишилась чувствъ, когда я упалъ. Слуги, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ, наполнили комнату и подъ начальствомъ Джеральда стали горячо

тѣснить разбойниковъ. Но по знаку, данному снаружи, они вдругъ бѣжали, оставивъ тѣло начальника и смертельно раненаго товарища. Джеральдъ со своими погнался за злодѣями прежде появленія полиціи, но страшный знакъ скоро отозвалъ ихъ назадъ. Свѣтъ замѣченный однимъ изъ слугъ, который мы приняли за мерцаніе зари, вдругъ усилился и сталъ краснѣе. Замокъ охваченъ былъ пламенемъ; дѣло, очевидно, не случая, а преднамѣренный поджогъ. Хотя злодѣи не стрѣляли въ сэръ-Дениса, а только въ слугъ, въ Джеральда и въ меня, они, какъ видно, не задумались бы сжечь насъ всѣхъ живьемъ. Въ старомъ домѣ было много ходовъ и коридоровъ, по которымъ гулялъ сквозной вѣтеръ; огонь не могъ быть остановленъ средствами находившимися подъ рукой, и отъ Кильмойльскаго замка, древняго гнѣзда Десмондовъ, остались лишь часть флигеля, почернѣвшія стѣны, да службы. Сэръ-Денисъ и миссъ Бутлеръ переѣхали въ Кильмойль-Кортъ, мѣстопребываніе мистера Кези, а меня отвезли въ Лохъ-на-Карръ, гдѣ мистрисъ Консидинъ уступила мнѣ мою спальню.

Сэръ-Денисъ, помышлявшій сначала оставить Ирландію навсегда, рѣшился теперь выстроить заново замокъ въ меньшихъ размѣрахъ, но объявилъ что не положитъ камня, пока не будетъ отыскана миссъ Фрезеръ, или объяснено ея исчезновеніе.

Что̀ касается до самого нападенія, то оно встревожило не только графство, но всю страну и все Соединенное Королевство. Правительство издало грозную прокламацію съ предложеніемъ большой награды; мѣры для водворенія порядка въ мѣстности волнуемой смутами были тотчасъ же приняты въ Кильмойлѣ и сосѣднихъ участкахъ. Нападеніе произведено было въ обширныхъ размѣрахъ. И въ замыслѣ, и въ исполненіи его замѣтны были смѣлость и умѣнье, не встрѣчаемыя обыкновенно въ покушеніяхъ сельскихъ преступниковъ. Собаки были отравлены. Ихъ нашли мертвыхъ въ конурахъ. Когда маіоръ Багшо со своими Бенгальскими Тиграми возвращался въ очень веселомъ настроеніи духа со вкуснаго обѣда у достопочтеннаго лорда Бельбрука, экипажи были внезапно остановлены толпой людей перескочившихъ черезъ заборы по обѣимъ сторонамъ дороги такъ быстро, что доблестные офицеры не успѣли даже отворить дверцы. Не было

произведено никакого насилія. Маіору Багто позволили сѣсть на каретную лошадь и отправиться въ Кильмойль. Цѣль была отозвать полицію въ другую сторону, и далеко пришлось ѣхать за нею нашему конюху.

— А гдѣ же теперь Джеральдъ?

— Развѣ вы не знаете? Я забылъ сказать вамъ. Важныя новости, юный другъ мой. Вамъ надо отправляться въ главную квартиру въ Коркѣ. Война съ Россіей. Гвардія отправилась въ Мальту. Военно-медицинскій департаментъ писалъ что вы должны заявить себя инвалидомъ, или прибыть въ полкъ не позже какъ черезъ десять дней. О васъ тутъ шла нескончаемая переписка, и все ни къ чему. Но докторъ Дюкъ думаетъ, что черезъ недѣлю вы уже будете въ состояніи ѣхать.

III. На востокъ.

Закатъ на морѣ.... Темносинее море, безпарусное, безмолвное. Чуть вѣетъ вѣтеръ, чуть плещетъ волна въ желѣзные бока корабля, разсѣкающаго тихую воду. Небо безоблачно, только на западѣ длинныя узкія полосы, словно огненные мечи, застилаютъ лучи солнца заходящаго за далекою горой, поднимающеюся изъ воды на горизонтѣ.

Бодро, солдаты, идите впередъ!
Васъ слава вдали ожидаетъ!
Въ исторіи память солдата живетъ!
Лавровый вѣнокъ вамъ чело обовьетъ!
Онъ кудри сѣдыя безсмертьемъ вѣнчаетъ!

Люди спѣлись хорошо, были выбраны лучшіе голоса, хоръ громко раздавался въ вечернемъ воздухѣ и производилъ такой эффектъ, которому могъ бы позавидовать оперный капельмейстеръ. Эти молодцы, дружно распѣвавшіе съ вытаращенными глазами, разинутами ртами, весело ѣхали драться за турецкаго султана, въ полной увѣренности что непріятель его, о которомъ они слышали въ первый разъ въ жизни, тотчасъ же отступитъ, какъ только узнаетъ о прибытіи Бенгальскихъ Тигровъ. Многіе ли изъ этихъ голосовъ были бы въ состояніи взять ноту черезъ какой-нибудь годъ? Многіе ли изъ насъ, начиная съ генерала сэръ-Джорджа

и до маленькаго барабанщика, котораго видѣлъ я во главѣ колонны громко бьющаго въ барабанъ на дорогѣ къ Альмѣ, а потомъ лежащаго навзничь съ окровавленною головой и тусклыми глазами устремленными въ небо, многіе ли изъ насъ знали на какое страшное испытаніе выступали мы въ этотъ день?

— Вотъ гора Аѳонская, объясняетъ мичманъ *Колхиды* полковнику Багшо, который, облокотясь на перила, размышляетъ о газетахъ и о притѣсненіяхъ, какія приходится ему испытывать отъ неизвѣстнаго недруга. — Мѣсто людное; я тамъ былъ и видѣлъ монаховъ; точь-въ-точь какъ кролики въ загородкѣ.

— А, это гора Аѳонская! Благодарю васъ, мистеръ Добсъ. Я сейчасъ сообщу генералу.

И Багшо, оправившись, пошелъ на заднюю палубу, гдѣ генералъ-лейтенантъ сэръ-Джорджъ Броунъ стоялъ поодаль отъ своего штаба, съ телескопомъ въ рукахъ, внимательно слѣдя за движеніемъ компаса. Сэръ-Джорджъ былъ стройный, красивый старикъ, широкоплечій, моложавый на видъ. На немъ была форменная суконная шапка съ генеральскимъ золотымъ галуномъ, синій фракъ съ золотыми пуговицами и бархатнымъ воротникомъ, также обшитый золотымъ галуномъ, узкіе форменные панталоны съ лампасами, сапоги изъ патентованной кожи, украшавшіеся прежде форменными золочеными шпорами, пока дознанныя опытомъ неудобства не привели къ ихъ временному удаленію. Лицо у него было пріятное, свѣжее, чисто выбритое, съ маленькими сѣдыми форменными бакенбардами, ровно обрѣзанными, какъ слѣдуетъ, на одной линіи съ кончикомъ уха; кожа гладкая, чистая, словно эмаль, голубые глаза, казавшіеся проницательными, но видѣвшіе въ сущности плохо, и хорошо очерченный, энергическій ротъ и подбородокъ. Онъ былъ гораздо храбрѣе чѣмъ его шпага. Это орудіе могло бы побѣжать, еслибъ было одарено парою ногъ; оно сломалось бы, еслибы Вилькинсонъ, или другой подобный ему мастеръ, не закалилъ его надлежащимъ образомъ; оно, пожалуй, погнулось бы; а сэръ-Джорджъ, я увѣренъ, никогда бы не побѣжалъ, не сломился бы и не погнулся. И однако стоять во главѣ арміи онъ былъ также неспособенъ какъ полоска стали въ мѣдныхъ ножнахъ, лежащая въ клеенчатомъ чахлѣ подлѣ треуголки его въ каютѣ.

Онъ никогда въ жизни не командовалъ, всегда служилъ, служилъ при человѣкѣ съ желѣзною волей, который давалъ приказанія и не бралъ совѣтовъ, который не имѣлъ приближенныхъ, внушалъ довѣріе всѣмъ, и самъ не довѣрялся никому. Не свойственно человѣку долгіе годы имѣть девизомъ: „служу“, и вдругъ взять жезлъ и сказать: „повелѣваю“. Величайшая пошлость утверждать что лишь тотъ научится командовать кто самъ долго былъ подъ командой. Сэръ-Джорджъ такъ долго былъ подъ командой, что привыкъ видѣть единственное спасеніе въ точномъ соблюденіи всѣхъ постановленій и правилъ, а затѣмъ—что̀ будетъ, то будетъ. Онъ, какъ солдатъ Беранже, зналъ только одно: „Pour moi, j'ai servi le grand homme!“ и утѣшался похвалой своего начальника и одобреніемъ своей совѣсти. Полоска чернаго пластыря, пальца въ два длины и въ одинъ ширины, была приложена около угла его рта. Наканунѣ, въ половинѣ осьмаго утра, море волновалось, и бритва почтеннаго генерала, не смущаемая качкой, нанесла ему рану, потребовавшую такого пособія. Штабъ окружалъ сэръ-Джорджа · какъ планеты окружаютъ солнце. То были именно планеты, ни на что̀ почти не способныя какъ только вращаться вокругъ центральнаго свѣтила. Но въ исполненіи этого призванія каждый изъ нихъ готовъ былъ умереть, если нужно. Тутъ былъ полковникъ Муллиганъ, добрый, привѣтливый старый конногвардеецъ, Иберіецъ болѣе по имени чѣмъ по характеру. Онъ отправлялся на войну точно такъ же какъ отправился бы на званый вечеръ; сраженіе представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ роббера въ ералашъ, случайнымъ удовольствіемъ, въ которомъ онъ можетъ и выиграть, и проиграть, но во всякомъ случаѣ не собьется далеко съ пути истиннаго. Тутъ былъ статный, красивый, сильный, юный Британецъ, воинъ съ ногъ до головы, Гельвелъ по имени, полный усердія, бодрости и отваги, неопытный, конечно, въ войнѣ, и считавшій ее чѣмъ-то въ родѣ игры, въ которой нужно захватить лагерь непріятеля быстрымъ движеніемъ впередъ. Тутъ былъ еще другой молодой Британецъ, веселый малый и отличный солдатъ Апльсонъ, адъютантъ и племянникъ генерала (славное время было тогда для племянниковъ: они вездѣ состояли въ штабѣ дядюшекъ); адъютантъ хоть куда. Былъ еще Типльсонъ и маленькій Макъ Фатти, и наконецъ, мой прямой начальникъ, лучшій, въ моихъ глазахъ, изъ военныхъ

докторовъ, простодушный, смышленый, добрый Макъ Филиппъ, съ теплымъ сердцемъ и крупнымъ тѣломъ, честный и смѣлый, честолюбивый и рѣшительный. Они стояли и сидѣли вкругъ вождя, ходившаго взадъ и впередъ около компаса, на самомъ дальнемъ разстояніи отъ хора, и спрашивавшаго себя внутренно не безъ тревоги: „понравилось ли бы это герцогу?“ Но на кораблѣ была графиня Гайрекъ—нововведеніе; были на кораблѣ винтовки—другое нововведеніе; были разрывныя капсюли—опять нововведеніе; былъ корреспондентъ газеты—цѣлая революція! Сэръ-Джорджъ не зналъ какъ и сообразиться со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, лордъ Гайрекъ, капитанъ полка, отрядъ котораго ѣхалъ съ нами, перъ съ безконечною родословной, котораго предки боролись съ Брюсами, Дугласами и Грагамами, который одинъ имѣлъ право поднести королевѣ чашу вина въ день ея бракосочетанія, какъ наслѣдственный чашникъ Шотландіи, имѣлъ при себѣ свою прекрасную, храбрую молодую жену, также мало подозрѣвавшую что ждетъ насъ впереди, какъ лордъ Эбердинъ или самъ сэръ-Джорджъ. Мистрисъ Малони, жена моего слуги, увѣряла меня что всѣ женщины полка дрались бы какъ черти, еслибы графиня ихъ повела, и умерли бы всѣ за нее сію же минуту, какъ ни страдаютъ онѣ морскою болѣзнью. Ну, въ такомъ случаѣ вѣнецъ мученичества достался бы не однѣмъ женщинамъ.

— Извините, генералъ, сказалъ Багшо.— Это гора Аѳонъ тамъ виднѣется.

Сэръ-Джорджъ не любилъ Багшо. Ему казалось что онъ слишкомъ скоро шелъ впередъ по службѣ, и думалось почему-то что Багшо втайнѣ предается употребленію табака. Сверхъ того, сэръ-Джорджъ не могъ видѣть Аѳона, да еслибъ и видѣлъ, такъ для него Аѳонъ былъ тѣмъ же чѣмъ фіалка въ травѣ для человѣка не находящаго въ ней ничего особеннаго. Наконецъ Багшо своимъ заявленіемъ какъ будто предполагалъ, что сэръ-Джорджъ не знаетъ что Аѳонская гора въ виду давнымъ давно.

— Ну-съ, полковникъ Багшо, положимъ и Аѳонъ; такъ что же? Что же вамъ-то до этого?

Еслибы генералъ сказалъ: „что мнѣ до этого?“ Багшо могъ бы еще какъ-нибудь выпутаться. Но вопросъ: „что ему до этого?“ былъ для него страшнымъ ударомъ. Не могъ онъ утверждать что гора Аѳонская имѣла для него особенное

значеніе (тѣмъ болѣе что онъ ничего почти не зналъ о ней, и солнце уже зашло за нее). Не могъ онъ также сказать что самъ имѣетъ какое-нибудь значеніе для горы Аѳонской; наконецъ, его встрѣтили даже предположеніемъ что это вовсе и не Аѳонская гора. Онъ почувствовалъ себя въ ложномъ положеніи, не зная какъ выйти изъ него; почувствовалъ что онъ срѣзанъ предъ молодыми людьми. Но Багшо былъ человѣкъ храбрый; при перерывѣ въ хорѣ онъ оправилъ галстукъ и сказалъ:

— Извините меня, сэръ-Джорджъ. Это весьма крѣпкое мѣсто.... Знаете, Ксерксъ и Александръ.... Оно у насъ слѣва.... весьма непріятно было бы, еслибы непріятель занялъ его.

— Пустое! Орудія не хватятъ! пробормоталъ старый инженерный полковникъ какъ бы въ успокоеніе вождю.—Русскіе инженеры не очень сильны; они никакихъ работъ не противупоставили Французамъ.

Багшо удалился при новомъ взрывѣ хора, тутъ же далъ себѣ слово не сообщать впредь никакихъ свѣдѣній моральныхъ, религіозныхъ, физическихъ, военныхъ или политическихъ своему дивизіонному генералу, и отправился внизъ читать географическій словарь Маундера и дожидаться партіи въ шахматы съ Макъ-Филиппомъ.

— Удивляюсь, какъ сэръ-Джорджъ можетъ быть такъ рѣзокъ, замѣтилъ мнѣ Стендишъ, стоя со мной у перилъ.—Онъ такой добродушный старикъ. Вчера я видѣлъ какъ онъ разговаривалъ съ женой солдата, плакавшею надъ ребенкомъ котораго вы осматривали. Онъ потрепалъ ее по лицу и ушелъ въ каюту со слезами на глазахъ; и ротъ его такъ подергивало, будто самъ онъ готовъ расплакаться.

И Стендишъ былъ на кораблѣ. Я былъ радъ видѣть лицо его, какъ ни грустно было оно.

— Видите ли, другъ любезный, говорилъ онъ,—дѣлать мнѣ было нечего. Газета моя лопнула, а съ нею и все мое состояньице, всѣ подонки ящика Пандоры. Издатель *Геркулеса* получилъ позволеніе отъ лорда Гардинжа отправить меня въ Мальту, а потомъ и далѣе. Пришлось оставить дома женку и двухъ ребятъ, какъ оставлено теперь много женъ и дѣтей, для ихъ же пользы. Но я обѣщалъ остаться въ отлучкѣ не болѣе нѣсколькихъ недѣль. Война не долго продолжится. Въ противномъ же случаѣ я умру съ голода, ибо утверждаютъ что мнѣ негдѣ будетъ взять пищи.

Такъ мы проболтали, пока ночь миновала, и полоса свѣта вправо отъ насъ, озарившая туманныя очертанія Троады, возвѣстила приближеніе солнца. Мы пошли спать, когда британскіе рожки пробудили отголоски на берегахъ, оглашавшихся нѣкогда бранным шумомъ гомеровскихъ войскъ, видѣвшихъ подвиги Діомеда, доблестное постоянство несчастнаго Гектора, и надменное торжество Эллиновъ. О! Зачѣмъ Трояне не отогнали ихъ съ воемъ на корабли и въ море! Не было бы тогда, можетъ-быть, ни Восточнаго вопроса, ни Греческаго царства, ни Крымской войны!

IV. Галлиполи. Высадка на берегъ.

Опять затрубили рожки наши, на этотъ разъ на закатѣ солнца, пробуждая эхо Дарданеллъ и вспугивая турецкихъ часовыхъ, дремавшихъ около своихъ громадныхъ орудій. Conѣніе машины и стукъ винта прекратились; якорь съ плескомъ упалъ въ воду, и канатъ побѣжалъ за нимъ, скрипя. Лодки у борта, лѣстницы опущены, войска выстроены на палубѣ; сэръ-Джорджъ опять при шпорахъ, штабъ въ сіяніи вокругъ него. Къ берегу отчаливаетъ лодка за лодкой; пристаютъ къ развалившейся пристани Галлиполи. Тамъ съ высочайшаго минарета развѣвается трехцвѣтное знамя. Городъ уже въ рукахъ Французовъ. Турки въ широкихъ шароварахъ, въ грязныхъ чалмахъ сидятъ, поджавъ ноги, на скамейкахъ у взморья. Они, очевидно, ничего не понимаютъ. Греки въ еще болѣе широкихъ шароварахъ, какъ юпки сшитыхъ посерединѣ, стоятъ по угламъ, улицъ въ грязныхъ шапкахъ и, очевидно, понимаютъ столько же сколько Турки. Есть тутъ „Commandant du Port“ (его „bureau“ единственная приличная хижина на взморьѣ), который полагаетъ что сэръ-Джорджу со штабомъ и войскомъ дозволяется пристать единственно по добротѣ императора. Есть также „Colonel Commandant de Gallipoli“, который смотритъ на насъ въ телескопъ изъ окна лучшаго дома на пристани, видимо удивляясь тому какъ солдаты, подъ начальствомъ стараго Багшо и Тини-Потса, адъютанта, строятся въ колонну и идутъ въ гору подъ музыку: „Оставленныя жены“. А эти „жены“, подъ предводительствомъ мистрисъ Мелони, уже вступили въ сдѣлки съ туземными

торговцами и, повидимому, остаются въ барышахъ, чего нельзя сказать о мужьяхъ ихъ.

— Нѣтъ ни одного одѣяла! Ни одной палатки! Ни одной унціи лѣкарства! восклицаетъ Макъ Филиппъ въ великомъ негодованіи. — Нѣтъ помѣщенія для людей! Нѣтъ коммиссаріата! А сэръ-Джорджъ говоритъ что дѣлать нечего; что объ этомъ долженъ позаботиться консулъ. Просто невыносимо! У меня въ спискѣ болѣе тридцати больныхъ, а помѣщенія имъ нѣтъ, да и не предвидится!

Между тѣмъ колонна весело шла по улицамъ, похожимъ на русла дождевыхъ потоковъ. Дома казались глиняными кучами, съ украшенными рамами отверстіями, въ которыхъ по временамъ мелькали блестящіе глаза. Мы направлялись въ Булеръ, мѣсто дальнее, гдѣ предполагалось построить большое укрѣпленіе, чтобы Русскіе, находившіеся на Дунаѣ, не могли, минуя Константинополь, захватить Дарданеллы и такимъ образомъ завладѣть проливомъ и дать матъ союзниковъ. Багшо, избавившись отъ сэръ-Джорджа, имѣя при себѣ коммиссара, инспектора госпиталей, инженернаго капитана и двухъ адъютантовъ, былъ необыкновенно величественъ въ должности временнаго бригадира, и велъ колонну со всею надлежащею осторожностью.

— Насъ не захватятъ, Вильмотъ, ворчалъ онъ,—какъ Пульдуди захватили въ Катервальской тѣснинѣ при Гримшо. Не безпокойтесь! А помните кто тогда спасъ? И до сихъ поръ, милостивый государь, благодаря нѣкоторымъ вліяніямъ, я не получилъ за это медали. Просто стыдъ!

Между тѣмъ „Тигры“ шли къ Булеру; застрѣльщики впереди, колонны на указанномъ разстояніи, Багшо со штабомъ между передовымъ отрядомъ и застрѣльщиками. Дали знать что вѣтряная мельница, поднимавшаяся на горизонтѣ, занята; протрубили остановку, и Багшо приказалъ застрѣльщикамъ осторожно двинуться впередъ.

— На войнѣ осмотрительность никогда не лишняя. Почемъ знать кто тамъ сидитъ въ этой мельницѣ, а?

— Тамъ маленькіе люди въ синихъ мундирахъ и красныхъ штанахъ, полковникъ, сказалъ Вильмотъ, глядя въ зрительную трубу. — Одинъ куритъ; я его вижу совершенно ясно. Это, должно-быть, Французы.

— Должно-быть! Почему же должно-быть, государь мой?

Развѣ вы думаете что Русскіе не способны на разныя штуки. Пошлите сказать капитану Нашу чтобъ остановилъ застрѣльщиковъ и велѣлъ заряжать. Пусть онъ идетъ не спѣша впередъ и не стрѣляетъ пока не получитъ новыхъ приказаній.

Но эти воинственныя распоряженія оказались излишними, когда чрезъ нѣсколько шаговъ передъ нами открылась долина подъ мельницей. Французскій полкъ стоялъ у рѣки, на берегу которой разбиты были палатки, и снизу доносились къ намъ звуки голосовъ, припѣвъ пѣсни и столбы дыма отъ бивачныхъ огней. Когда мы перешли рѣчку и поровнялись съ французскимъ лагеремъ, музыка заиграла: „Partant pour la Syrie“. Французы подходили къ краю дороги, глядя на насъ точно съ такимъ же любопытствомъ съ какимъ мы глядѣли на нихъ; барабаны били, салютуя наши знамена, а стража у полковничьей палатки вышла и стала подъ ружье.

— Vivent les Anglais! кричала красноштанная толпа. — Vive rosbif! Vive la vieille Angleterre!

— Bono Francis! Bono! ворчали Бенгальскіе Тигры, выучившіеся французскому языку въ Мальтѣ въ одинъ урокъ.

Внизъ отъ мельницы сходилъ высокій Французъ съ нѣсколькими полосами золотаго галуна на кепи, а также на рукавахъ фрака. За нимъ шло нѣсколько офицеровъ, дѣлавшихъ рекогносцировку, повидимому, въ весьма веселомъ настроеніи духа. Случилось такъ что въ эту минуту Багто остановился назади чтобы слѣдить за отстающими, а за музыкантами ѣхалъ коммиссаръ Макъ Финъ. Макъ Финъ казался бригадиромъ съ ногъ до головы. У него былъ золотой галунъ на шапкѣ, сюртукъ съ бархатными отворотами, золотые погоны на плечахъ, громадная сабля, лампасы ширины необыкновенной, и шпоры какимъ могъ бы позавидовать любой рыцарь. Сверхъ того достопочтенный джентльменъ носилъ на груди медаль Ашанти, Кафрскую медаль, крестъ Золотаго берега, звѣзду Лагосъ, Китайскую медаль, орденъ Св. Лазаря республики Чили (гдѣ онъ когда-то завѣдывалъ большимъ подрядомъ) и Св. Дидима въ брилліантахъ, и былъ собою сановитъ и статенъ.

— Permettez moi, monsieur le général, началъ Французъ, любезно кланяясь,—de vous prier....

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **четырнадцать рублей**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ **пятнадцать рублей**; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

1869

ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ГРАФЪ ПАНИНЪ, УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ. (Окончаніе.) **Д. А. Анучина.**

II. СУДЬБЫ РУССКАГО ЯЗЫКА НА ЖМУДИ. **Бѣлорусса.**

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III. Гл. V. **П. Щебальскаго.**

IV. СОЮЗЫ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ. **Густава де-Молинари.**

V. ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ. **В. И. Кельсіева.**

VI. ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ. **В. И. Родиславскаго.**

VII. ДВА ВЕЧЕРА. Разказъ. **С. В. Танѣева.**

VIII. АРТЕЗІАНСКІЙ КОЛОДЕЗЬ ВЪ МОСКВѢ. **Г. Е. Щуровскаго.**

IX. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IX. **В. В. Крестовскаго.**

X. УЧРЕЖДЕНІЕ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ У ТУРЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ. Гл. V—VIII. **Н. И. Субботина.**

XI. ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ. **Р.**

XII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. *Екатерина Первая*, соч. В. В. Андреева. (*Осьмнадцатый Вѣкъ*, кн. III.) **П. Щ.**

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. V—IX.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВЪ 1869 ГОДУ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ*, выходящій въ ежемѣсячныхъ книжкахъ, принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА *РУССКАГО ВѢСТНИКА:*

	За годъ.		За полгод.		За 3 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки.	14	—	7	—	3	50
Въ Москвѣ съ доставкою на домъ. .	15	—	7	50	3	75
Съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи	16	—	8	50	4	50
Съ почтовою пересылкой за границу, а именно:						
Въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію, и другія государства Германскаго Почтоваго Союза. .	16	—	8	50	4	50
Въ Бельгію	17	—	9	—	5	—
Во Францію и Данію	18	50	10	—	5	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію	20	—	10	50	5	75
Въ Швейцарію	21	—	11	—	6	—
Въ Италію	22	—	11	50	6	25

Подписные сроки считаются: годовой—съ января, полугодовые — съ января и съ іюля; трехмѣсячные — съ января, апрѣля, іюля и октября. Полугодовая и трехмѣсячная подписка, кромѣ означенныхъ сроковъ, не принимается. За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо на С.-Петербургъ.

доводами. Слѣдствіе, произведенное въ Москвѣ, не открыло чтобы Пугачевъ прежде появленія на Яикѣ былъ склоненъ къ самозванству какими-либо посторонними вліяніями. Онъ, сперва слыша о волненіи умовъ на Яикѣ, а потомъ, видя это самъ, задумалъ поднять казаковъ и идти съ ними въ Турцію; казаки желали прежде всего отомстить своимъ товарищамъ оставшимся вѣрными правительству. Объ общемъ мятежѣ на всю Россію въ началѣ не было и мысли.

Полковникъ Симоновъ, комендантъ Яицкаго городка, не умѣлъ истребить Пугачева при его появленіи подъ городкомъ. Пугачевъ, съ своей стороны, не осмѣлился напасть на городокъ и пошелъ далѣе. Эта первая встрѣча Пугачева съ правительственною властью была въ его пользу: онъ спасся отъ истребленія и почувствовалъ свою силу. Сдача крѣпостей, одна за другою падавшихъ при его приближеніи, довела его до Оренбурга; здѣсь онъ уже смѣло игралъ роль Петра III-го. Слабость дѣйствій гарнизоновъ и ихъ начальниковъ составили силу Пугачева и мѣстную вспышку, имѣвшую чисто провинціальный характеръ, обратили въ общій мятежъ, стремившійся къ ниспроверженію существовавшаго порядка въ Имперіи.

Изъ объявленій Пугачева видно что его система дѣйствій измѣнялась сообразно съ обстоятельствами. Сперва, когда онъ имѣлъ дѣло съ одними Яицкими казаками, преимущественно старовѣрами, онъ призывалъ ихъ къ покорности, обѣщая за то наградить: „*крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и моряни, и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ, и порохомъ, и вѣчною вольностью*“. Эти обѣщанія были понятны лишь однимъ Яицкимъ казакамъ; для нихъ однихъ они составляли предметъ мечтаній.

Подходя къ какой-либо крѣпости, онъ посылалъ указъ на имя коменданта и требовалъ покорности отъ войска, обѣщая разныя выгоды, службу при своемъ лицѣ и пр.

Башкирцамъ онъ послалъ указъ съ такимъ заглавіемъ: „Указъ; я въ свѣтѣ всему войску и народамъ учрежденный великій государь, явившійся изъ тайнаго мѣста, прощающій народъ и животныхъ въ винахъ, дѣлатель благодѣяній, сладоязычный, милостивый, мягкосердечный Россійскій царь императоръ Петръ Ѳедоровичъ, во всемъ свѣтѣ вольный, въ усердіи чистый и разнаго званія народовъ самодержатель.“

Подобнаго рода указы разсылались самозванцемъ въ частныхъ случаяхъ во все время нахожденія его за Волгой. Только послѣ перехода на правый берегъ этой рѣки, указы Пугачева измѣняютъ свой характеръ; здѣсь впервые обращается онъ къ крѣпостному люду, даетъ ему свободу и власть хватать и вѣшать господъ. „Крестъ и борода“, обольстившіе Яицкихъ казаковъ, забыты; онъ спѣшитъ привлечь на свою сторону православное духовенство; при встрѣчахъ онъ прежде всего подъѣзжалъ къ духовенству, цѣловалъ крестъ и прикладывался къ образу.

Не показываетъ ли все это что Пугачевъ не былъ представителемъ какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей; что онъ не былъ выставленъ кѣмъ-либо; не имѣлъ въ виду освобожденія крестьянъ, но какъ смышленый проходимецъ, соображался съ обстоятельствами, хватался за то оружіе которое могло принести ему бо́льшую пользу? Онъ понялъ гдѣ больныя мѣста и мѣтко билъ по нимъ. Удался Пугачевскій бунтъ оттого, что Пугачевъ въ Яицкихъ казакахъ нашелъ сильную поддержку и совершенно готовый для мятежа элементъ, а мѣстныя власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, были лишены всякой силы и не только не могли его остановить, но со страхомъ думали о своей собственной защитѣ. Явись Пугачевъ въ другомъ мѣстѣ, а не на Яикѣ, его постигла бы судьба всѣхъ бывшихъ предъ нимъ самозванцевъ, повторившаяся потомъ и съ Іовомъ Мосакинымъ. Пугачевскій бунтъ, разъ удавшись, сдѣлался страшнымъ, потому что Пугачевъ за три мѣсяца до своего паденія задумалъ поднять крѣпостное населеніе. Это не было цѣлью его дѣйствій, а только средствомъ къ поддержкѣ мятежа.

Пугачевскій бунтъ показалъ какъ гибельно было для Россіи тогдашнее ея внутреннее положеніе. Неустройство казачьихъ войскъ, слабое подчиненіе пограничныхъ съ Азіей народовъ, ничтожная провинціальная администрація и крѣпостное право—вотъ обстоятельства помогшія Пугачеву поставить Имперію на край погибели. Усмиривъ мятежъ, слѣдовало обратиться къ устраненію причинъ способствовавшихъ его развитію, или, по крайней мѣрѣ, къ принятію средствъ способныхъ парализовать на будущее время вредное вліяніе тѣхъ изъ нихъ, устраненіе коихъ было невозможно.

Прежде всего, и болѣе всего, занималъ общее вниманіе крестьянскій вопросъ. Въ тогдашнее время о радикальномъ разрѣшеніи этого вопроса нельзя было и думать. Объ облегченіи положенія крестьянъ могли думать только нѣкоторые свѣтлые умы тогдашняго общества, но Пугачевщина убѣдила и ихъ, что далеко не наступило еще время для заявленія ихъ идей. Кровавые факты были у всѣхъ предъ глазами; свобода крестьянъ отождествлялась, казалось, съ бунтомъ и мятежомъ, и очевидно, что за усмиреніемъ возстанія не могло послѣдовать ничего другаго кромѣ еще бо́льшаго укрѣпленія власти помѣщиковъ.

Такъ смотрѣли всѣ тогдашніе дѣятели, а во главѣ ихъ графъ Панинъ, въ руки котораго отдано было усмиреніе мятежа. Первый „актъ его дѣятельности—объявленіе 23-го августа, разосланное по переходѣ Оки, достаточно обрисовывало его взглядъ на дѣло. Всѣхъ возмутившихся крестьянъ велѣно было „цѣлованіемъ Евангелія и креста“ утвердить въ повиновеніи своимъ начальникамъ и помѣщикамъ, съ тѣмъ, что если они вновь осмѣлятся признать самозванца Петромъ III, или сдѣлаютъ малѣйшее ослушаніе „воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ“, то къ нимъ будутъ посланы войска, и „всѣ въ таковыхъ селеніяхъ, безъ изъятія, возрастные мужики будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земли во владѣніе пребывшихъ всегда въ вѣрности къ Е. И. В. подданнымъ и помѣщикамъ“.

Нижегородскій губернаторъ Ступишинъ, разославъ въ разныя стороны отряды, поручилъ имъ наказывать крестьянъ „по желанію господъ“. Графъ Меллинъ и Михельсонъ, преслѣдовавшіе Пугачева, сами, силою обстоятельствъ, вызваны были на жестокія казни. Первый всѣхъ виновныхъ „подъ висѣлицами сѣкъ чрезвычайнымъ образомъ плетьми“, а изверговъ „четвертовалъ“; второй приказывалъ: неспособнымъ къ рекрутству „отрѣзать по уху, а кому и оба, а другихъ пересѣчь плетьми“. Помѣщики, ободренные поддержкой войскъ, выступили со своими правами и требовали наказанія крестьянъ; отсутствующіе изъ деревень писали даже довѣренности, уполномочивая знакомыхъ ходатайствовать о наказаніи виновныхъ, требуя „отрѣзанія имъ ушей“ и даже

лишенія живота, если окажутся сего достойные. * Строгія казни достигли цѣли, и 29-го октября 1774 г. графъ Панинъ писалъ, что „вся чернь находится въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она прежде не имѣла", а 19-го ноября доносилъ, что „по его мнѣнію, тишина и безмолвственное повиновеніе возстановились".

Другое сословіе, оказавшееся въ Пугачевщину неблагонадежнымъ было духовенство. Соблазнъ чинимый духовенствомъ, признававшимъ самозванца, былъ такъ великъ, что Панинъ приписываетъ ему значительное вліяніе на усиленіе мятежа. „Еслибы духовный чинъ хотя мало инакимъ былъ, злодѣянія не возросли бы до такой степени." Припомнимъ однако, что Пугачевъ, понимая всю важность привлеченія къ себѣ духовенства,—за коимъ безъ оглядки должны были послѣдовать цѣлыя толпы прихожанъ,—не останавливался ни предъ какими средствами чтобы принудить духовенство къ повиновенію. 237 лицъ духовнаго званія пали отъ руки мятежниковъ, защищая правое дѣло и не желая признать Пугачева.

Кромѣ страха, была и другая причина измѣны духовенства: совершенное его невѣжество. Панинъ нашелъ, что „чинъ духовный погруженъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіанствѣ", и что кажется дивомъ, когда изъ нихъ кто-либо усмотрится „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря, а не только что исправителя служенія церковнаго, частію уже наизусть выученнаго".

Обсуждая вопросъ о духовенствѣ, графъ Панинъ ясно видѣлъ, что измѣнить печальное нравственное положеніе духовенства возможно только въ будущемъ, а между тѣмъ обстоятельства вынуждали немедленно принять какія-либо мѣры. Для будущаго времени онъ указывалъ на необходимость лучшаго воспитанія молодежи духовнаго званія, для удовлетворенія же потребностямъ настоящаго—настаивалъ на принятіи рѣшительныхъ мѣръ противъ духовныхъ лицъ оказавшихся виновными по участію въ мятежѣ. Еще изъ Москвы

---

* Въ XI выпускѣ *Русскаго Архива* за 1868 г., помѣщена такая довѣренность Сергѣя Несторова, владѣльца села Большой Танѣевки.

Коммиссія нашла однако важныя причины повѣрить извѣту на архіепископа казанскаго; 13-го октября 1774 года Веніаминъ былъ арестованъ въ его кельи, къ которой приставленъ крѣпкій караулъ; имущество его опечатали. Начались разспросы, и архіепископу объявили взведенное на него діакономъ Іоннымъ обвиненіе. Чрезъ три недѣли послѣ ареста, 7-го ноября, Веніаминъ написалъ письмо къ Панину. Получивъ письмо, Панинъ нераспечатанное представилъ его императрицѣ 19-го ноября. Развязка извѣстна; императрица послала Веніамину бѣлый клобукъ при слѣдующемъ рескриптѣ:

„Преосвященнѣйшій митрополитъ, Веніаминъ Казанскій. По пріѣздѣ моемъ, первымъ попеченіемъ было для меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала я къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края, принесите молитвы Господу Богу; а я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь Екатерина.“ *

Пушкинъ, у котораго мы заимствуемъ это письмо, не означилъ на немъ когда оно писано, а между тѣмъ выставленное число показало бы сколько времени томился Веніаминъ подъ крѣпкимъ карауломъ, лишенный священнослуженія и епархіальнаго управленія. Однако нѣкоторыя выраженія письма даютъ возможность опредѣлить, приблизительно, время его заключенія. Въ письмѣ говорится о пріѣздѣ и разсмотрѣніи дѣла Аристова. Все слѣдствіе о Пугачевѣ производилось въ Москвѣ, куда императрица прибыла 25-го января 1775 г., чрезъ двѣ недѣли послѣ казни Пугачева. По всей вѣроятности, вышеприведенное письмо написано въ Москвѣ, въ послѣднихъ числахъ января 1775 года, и стало быть заключеніе Веніамина продолжалось не менѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ.

Нѣкоторые писатели въ прощеніи архіепископа Веніамина

* Державинъ свидѣтельствуетъ, что Веніаминъ „успѣлъ отправить чрезъ отверстіе нужнаго мѣста тайнымъ образомъ привержекнаго къ себѣ служителя съ письмомъ въ Петербургъ“. Наше показаніе, взятое изъ переписки Панина, опровергаетъ показаніе Державина.

видятъ желаніе императрицы скорѣе окончить дѣло и прекратить всякіе о немъ толки. Мы полагаемъ, что прощеніе и возведеніе Веніамина въ санъ митрополита послѣдовали дѣйствительно вслѣдствіе оказавшейся его невинности. Въ противномъ случаѣ можно было простить Веніамина, но не было повода его награждать. Невинность его подтверждается показаніями современниковъ. Императрица сама писала Панину что Веніаминъ первый наложилъ проклятіе на мятежниковъ, а архимандритъ Любарскій, въ извѣстномъ его письмѣ о разореніи Казани Пугачевымъ, написанномъ нѣсколько дней послѣ событія, прямо говоритъ, что архіепископъ Веніаминъ во все время штурма, не выходя изъ собора, молился всенародно о ниспосланіи помощи противъ мятежниковъ. Воскресенскій монастырь не показанъ у Пушкина въ числѣ разграбленныхъ мятежниками.

Съ самаго начала Пугачевскаго бунта оказалась полнѣйшая несостоятельность мѣстной гражданской администраціи. Въ столь грозное время, она явилась безсильною предъ затрудненіями и неспособною къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для предупрежденія приближавшейся опасности. Ежели и слѣдуетъ согласиться что организація губернскихъ властей была весьма несовершенна, и самое пространство губерній парализовало успѣшность ихъ дѣйствій, то это нисколько не оправдываетъ образа дѣйствій тогдашнихъ провинціальныхъ властей. Общественная польза, служеніе государству и развитіе мѣстныхъ средствъ края не входило въ ихъ заботы, которыя главнымъ образомъ были направлены къ извлеченію изъ службы выгодъ лично для себя. Продажность и взяточничество процвѣтали. Власти управляющія думали лишь о своемъ кормленіи.

Взяточничество происходило столь открыто, что о немъ извѣстно было всѣмъ. Не только въ обществѣ, но и съ высоты трона раздавались противъ него голоса негодованія. Екатерина, едва вступивъ на престолъ, сочла необходимымъ издать указъ противъ взятокъ. 18-го іюля 1762 года (чрезъ три недѣли по восшествіи на престолъ) она издала слѣдующій указъ: „За долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный объявить въ народъ, съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва малое самое

мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами, клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ Вышняго должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу приносимую Богу, намъ и отечеству. Сердце наше содрогнулось, когда мы услышали что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги."

Взятки отчасти какъ бы узаконялись, ибо многія должности были безъ жалованья, а чиновники опредѣлялись на службу „какъ бы неимущіе въ богадѣльню, для одного только пропитанія, а не для исправленія дѣлъ". Новые штаты 1763 года, имѣвшіе цѣлью уменьшить нѣсколько это зло, не помогли дѣлу. Нѣсколько рублей прибавки къ жалованію не могли исправить чиновника; испорченность глубоко коренилась въ нравахъ тогдашняго общества, противъ коихъ и слѣдовало дѣйствовать. Очевидно, что увеличеніемъ штатовъ для чиновниковъ-взяточниковъ, дѣйствовавшихъ попрежнему среди общества, нравственное положеніе коего столь ярко очерчено въ указѣ 18-го іюля, нельзя было сдѣлать многаго. Прошло двѣнадцать лѣтъ, и дѣла были въ томъ же самомъ положеніи.

Вотъ какъ императрица отзывалась о причинахъ неспособности чиновниковъ къ дѣйствію противъ Пугачева: „Не только объ нихъ судить можно какъ тако, что напередъ раздраживъ городскихъ и уѣздныхъ жителей неправосудіемъ и лихоимствомъ, когда дошло до обороны, чувствуя народную къ нимъ недовѣрчивость, у нихъ руки упали." Въ другомъ письмѣ ея же къ П. И. Панину, читаемъ: „Слабое поведеніе въ разныхъ мѣстахъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ я почитаю столько же общему благу вреднымъ, какъ и самъ Пугачевъ со своею сволочью, и сему теперь инако помощи придать нельзя, какъ наказаніемъ и тѣхъ, кои сидятъ рукава спустя и мѣста свои оставляютъ."

Такимъ образомъ графъ Панинъ зналъ мысли импе-

ратрицы о причинахъ печальнаго положенія правительственныхъ властей въ губерніяхъ. Самъ онъ смотрѣлъ совершенно также, и на пути отъ Москвы до Симбирска успѣлъ убѣдиться что служба „спуста рукава“ и взяточничество составляютъ суть зла, низводящаго представителей губернской администраціи до степени совершеннаго ничтожества. Губернаторы Рейнсдорпъ, фонъ-Брандтъ и Кречетниковъ * играли самую печальную роль во время мятежа. Дѣйствія воеводъ и подначальныхъ имъ лицъ были еще слабѣе. Прибывъ на театръ мятежа уже совершенно почти усмиреннаго, графъ Панинъ встрѣтилъ полное бездѣйствіе со стороны губернаторовъ. Никто изъ нихъ, попрежнему, не думалъ трогаться съ мѣста и не спѣшилъ осмотрѣть наиболѣе потерпѣвшія мѣстности, принять мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка и сообразить чѣмъ можно помочь населенію. И власти, и управляемые были все еще подъ вліяніемъ ужаса, овладѣвшаго ими въ разгаръ Пугачевщины.

Сдавъ Пугачева подъ стражу капитану Галахову и увѣрившись въ побѣдѣ надъ главнымъ врагомъ, Панинъ немедленно занялся мѣстною администраціей. 3-го октября, то-есть на третій день послѣ пріема Пугачева, Панинъ послалъ ордеръ губернаторамъ: казанскому, оренбургскому, сибирскому, воронежскому и нижегородскому, предписывая имъ заняться разборомъ дѣлъ и наказаніемъ виновныхъ, и удивляясь что они до сего времени не подумали объѣхать управляемыя ими губерніи для осмотра городовъ и мѣстъ пострадавшихъ отъ мятежниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ требовалъ ихъ пріѣзда въ Симбирскъ на совѣщаніе.

Одновременно почти съ отправкой этого ордера, а именно чрезъ два дня, 5-го октября 1774 г., Панинъ издалъ особое предложеніе губернскимъ, воеводскимъ и всякаго рода и званія судебнымъ и расправнымъ мѣстамъ, такъ равномѣрно управителямъ, казначеямъ и пр., трехъ губерній ему порученныхъ. Я узналъ съ душевнымъ содроганіемъ, писалъ онъ въ предложеніи, „что въ дѣлахъ штатскаго теченія производятся безъ стыда и грѣха взятки, пристрастія и отступленія отъ правосудія и нерадѣніе къ своимъ должностямъ“. Объявляя чтобы „съ сего времени онаго не было“, Панинъ грозилъ строгими наказаніями. Это первое

* Оренбургскій, казанскій и астраханскій.

объявленіе, кажется, не произвело, какъ и слѣдовало ожидать, желаннаго результата; не прошло еще мѣсяца, какъ 4-го ноября того же года графъ Панинъ издалъ противъ взятокъ новое объявленіе. Приводимъ его содержаніе по имѣющейся у насъ выпискѣ: „Извѣстясь о взяткахъ разныхъ начальниковъ съ народа, онъ приказываетъ обывателямъ трехъ губерній его начальству ввѣренныхъ, въ случаѣ требованія взятокъ, подарковъ или какихъ-либо сборовъ, кромѣ государственныхъ податей и повинностей своему помѣщику, таковыхъ задержавъ, не взирая ни на какой чинъ и лицо, приводить прямо къ нему, для неупустительнаго по всей строгости законовъ наказанія."

Объявленіе это было мѣрою чрезвычайною. Оно адресовалось ко всему народу; имъ приказывалось всѣхъ лихоимцевъ, кто бы они ни были, задерживать и вести прямо къ Панину. Объявленіе это должно было служить народу доказательствомъ огражденія его правъ противъ притѣсненій чиновничества; чиновникамъ оно грозило весьма непріятною случайностью быть задержаннымъ и представленнымъ къ грозному главнокомандующему. Однако, въ дѣйствительности, достигалось ли что-либо этимъ объявленіемъ? Положительно нѣтъ. Оно было издано одновременно съ объявленіемъ о производствѣ наказаній виновнымъ жителямъ. Разставленныя по въѣздамъ въ города и селенія глаголи, висѣлицы и колеса ждали виновныхъ. Кѣмъ доставлялась работа этимъ орудіямъ казни? Тѣми самыми чиновниками, которыхъ открыто уличали въ неправосудіи и взяточничествѣ. Очевидно, ни указъ 18-го іюля 1762 года, ни объявленія Панина о взяткахъ не могли повести къ чему-либо серіозному; скорѣе даже можно сказать, что заявляя о растлѣніи администраціи и безсиліи правительства помочь бѣдѣ, акты эти придавали виновнымъ еще болѣе смѣлости.

Съѣздъ губернаторовъ состоялся. Главнымъ образомъ совѣщанія Панина съ губернаторами относились къ принятію мѣръ противъ повсемѣстнаго почти голода. Пугачевщина взволновала приволжскій край въ самое время уборки хлѣба. Урожай былъ весьма плохъ, а уборка еще хуже. Съ самыхъ первыхъ дней своей дѣятельности, графъ Панинъ (еще изъ Ухолова, отъ 25-го августа 1774 г.) заявлялъ объ угрожающемъ голодѣ. Въ мѣстахъ „гдѣ самое хлѣбное изобиліе всегда было, теперь, при самомъ вступленіи новаго хлѣба въ гумны,

неслыханная уже дороговизна, и столь малый онаго привозъ въ торговые дни, какого почти не запомнятъ".

Въ это же время и съ Волги князь Голицынъ доносилъ о неурожаяхъ въ Симбирскомъ, Сызранскомъ, Саратовскомъ и частію Пензенскомъ уѣздахъ, говоря что неурожай грозитъ почти совершеннымъ голодомъ.

Въ Петербургѣ на это посмотрѣли довольно оригинально, и къ Панину присланы были семь гвардейскихъ офицеровъ „на очищеніе дорогъ отъ воровскихъ шаекъ, кои мѣшаютъ обывателямъ земскимъ привозить продукты къ городамъ и по торгамъ, какъ сіе явно доказывается непривозомъ хлѣба въ наизобильнѣйшихъ мѣстахъ гдѣ вы (то-есть Панинъ) теперь находитесь".

Однако Панинъ, во время похода своего къ Симбирску, убѣдился что во всѣхъ мѣстахъ Воронежской, Нижегородской и Казанской губерній, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, „уже съ сентября мѣсяца обыватели иного хлѣба не ѣдятъ какъ съ лебедою, съ желудями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ мохомъ".

Преимущественно голодъ чувствовался въ губерніяхъ Нижегородской и Казанской, а потому и мѣры противъ голода были приняты Панинымъ по совѣщанію со Ступишинымъ и княземъ Мещерскимъ—губернаторами названныхъ губерній.

Сущность мѣръ этихъ заключалась въ слѣдующемъ. Въ видахъ обезпеченія продовольствія войскъ и населенія, устроены были провіантскіе магазины; нижегородскому губернатору разрѣшено купить 40,000, а казанскому 50.000 четвертей хлѣба. Изъ магазиновъ хлѣбъ выдавался жителямъ „селеній нужду терпящихъ" въ размѣрѣ отъ 2 до 3 четвериковъ на душу, подъ росписки помѣщиковъ, приказчиковъ или старостъ. При невозможности со стороны терпящихъ прислать за хлѣбомъ, его развозили на уѣздныхъ подводахъ съ платою по копѣйкѣ на версту. Изъ закупленныхъ запасовъ въ 90,000 четвертей отпускался хлѣбъ преимущественно на посѣвы, въ предупрежденіе голода въ 1775 году. Для удержанія чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ, сдѣлано было Панинымъ объявленіе „всѣмъ владѣльцамъ, жителямъ и поселянамъ губерній Нижегородской, Казанской и Оренбургской". Въ объявленіи говорилось, что всѣ классы общества должны оставить корыстолюбивые виды и не возвышать цѣнъ на

фуражъ и провіантъ. Ослушникамъ Панинъ угрожалъ не только наказаніемъ, но и казнью.

Войскамъ опредѣлено замѣнять овесъ мукой, и разрѣшено выдавать командирамъ частей деньги на пріобрѣтеніе продуктовъ за мѣсяцъ впередъ. Всѣ уланскіе корпусы, сформированные дворянствомъ еще при жизни Бибикова, были распущены, для уменьшенія расходовъ хлѣба изъ провіантскихъ магазиновъ.

Сверхъ того съ Панина снята была обязанность продовольствовать саратовскихъ колонистовъ, такъ какъ канцелярія опекунства иностранныхъ не могла сообщить ему нужныхъ свѣдѣній, и онъ самъ видимо не желалъ мѣшаться въ дѣло подлежавшее ближайшему вѣдѣнію князя Гр. Гр. Орлова. Панинъ впрочемъ доносилъ, что положеніе колонистовъ критическое, и что они терпятъ не только голодъ, но и наготу. По его же предложенію, посланы были указы губернаторамъ воронежскому, слободскому и бѣлгородскому, чтобъ они снабдили колонистовъ хлѣбомъ.

Императрицѣ, сомнѣвавшейся въ возможности предотвратить возвышеніе цѣнъ, принадлежитъ мысль начать въ голодающихъ мѣстностяхъ общественныя работы. „Какъ изъ первыхъ вашихъ упражненій, писала она къ Панину 20 ноября 1774 г., нынѣ есть народное прокормленіе, и дабы оное прокормленіе доставить нанящей голодъ терпящимъ, пришло мнѣ на умъ вамъ сообщить слѣдующую идею, сходственную впрочемъ съ вашимъ мнѣніемъ, о обведеніи городовъ такими заградами, кои бы величины ихъ означали и служили бы имъ защитою отъ воровскаго иногда сброда. Идея сія есть слѣдующая: чтобъ начинать около тѣхъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ голодъ нанящей есть, рыть ровъ и платить за сей не только деньгами, но и хлѣбомъ. Тутъ всякій полъ и возрастъ сыщетъ прокормленіе, ибо кто не роетъ, то мало, или много нося землю не празденъ будетъ и изъ уѣзда не разбредутся въ другіе, но тутъ свое пропитаніе найдутъ. Таковыя работы начать можно въ разныхъ мѣстахъ, чѣмъ народъ удержите въ мѣстѣ его пребыванія, и упражняя его, уймете и воровство, и разбои. Сіе мое мнѣніе вамъ пишу не въ указъ, но какъ совѣтъ, котораго удобность вамъ на мѣстѣ надлежитъ разсмотрѣть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мѣстъ для сущаго изъѣденія вашихъ запасовъ.“

Вѣрный своей мысли устрашать однихъ и награждать другихъ, Панинъ по случаю голода обратился тоже къ этой мѣрѣ. Такъ онъ просилъ о наградѣ *слѣдующимъ чиномъ* „добронамѣреннаго помѣщика Степана Егоровича Кроткаго", который для способствованія общей нуждѣ умалилъ свою корысть, будучи образцовымъ въ тамошнемъ краѣ хозяиномъ въ хлѣбопашествѣ. Изъ представленія князя Мещерскаго видно, что Кроткій уступилъ свои значительные запасы за самую сходную для казны цѣну.

Мысль о необходимости укрѣпленія городовъ высказана была Панинымъ въ представленіи 2-го ноября 1774 г., № 25 о возобновленіи выжженной Казани. Въ Казани, до ея погрома Пугачевымъ, было, внѣ крѣпости, 3,186 строеній, изъ нихъ 2,193 сгорѣло, а осталось всего 993. Панинъ полагалъ дозволить селиться въ Казани только лицамъ могущимъ построить свои дома; всѣмъ же остальнымъ отвести за городомъ мѣста для слободъ и загородныхъ дворовъ. Затѣмъ Панинъ говоритъ, что города отдаленные отъ столицъ должны быть укрѣплены столь для внутренней, сколь и для внѣшней безопасности и имѣть *болѣе правительствъ* и присутственныхъ полицейскихъ надзирателей. По его мнѣнію, пространство уѣздовъ должно быть уменьшено прибавленіемъ ихъ числа.

Эти мысли Панина объ уменьшеніи губерній послужили основаніемъ обширной реформы. Въ указѣ 7-го ноября 1775 года объ учрежденіи 50 губерній объяснялось, что „по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми". Такимъ образомъ въ указѣ употреблены даже подлинныя слова Панина. Это показываетъ какое вліяніе онъ имѣлъ на состоявшееся въ 1775 году преобразованіе губернскаго управленія.

Прямымъ слѣдствіемъ Пугачевщины было, между прочимъ, преобразованіе Яицкихъ казаковъ въ Уральское казачье войско, переселеніе Волжскихъ казаковъ на Кавказъ, и уничтоженіе Сѣчи Запорожской.

Кромѣ занятій по умиротворенію края и предупрежденію голода, на Панина возложена была государыней обязанность составить соображенія о Киргизахъ и Башкирахъ. Переписка императрицы съ Панинымъ заключаетъ въ себѣ весьма интересныя по этому подробности.

„Сломавъ рога Пугачева и его сообщниковъ, мысли мно-

жествомъ вдругъ приходятъ, изъ которыхъ, вопервыхъ, теперь есть вниманія достойны: невѣрность Башкирцевъ, кои ничѣмъ на свѣтѣ не отягощены были, а при всякомъ случаѣ злодѣями объявляются; второе—набѣги киргизскіе." Панину приказано было усмирить Башкирцевъ, а Киргизскій народъ привести „въ такое положеніе, чтобы не только потерялъ охоту къ набѣгамъ внутри границъ Имперіи, но чтобы и торгу Оренбургскому съ Индіею и Бухаріею пересталъ быть вреденъ.... на сіе въ разныя времена различные проекты были, между которыми и занятіе р. Эмбы редутами почиталось однимъ изъ тѣхъ, чрезъ кои стража границы сей упрощалась. Сія рѣка впадаетъ въ море Каспійское, покрываетъ р. Яикъ отъ степи; осталось узнать способность связать границы по р. Эмбѣ съ Сибирскими рѣками Тоболью или же самого Иртыша."

Панинъ потребовалъ отъ Рейнсдорпа доставленія ему двухъ историческихъ экстрактовъ о Киргизскомъ народѣ и Башкирцахъ, но въ послѣдствіи объяснилъ, что имѣетъ о сихъ народахъ младенческія свѣдѣнія, и просилъ сложить съ него возложенную обязанность, боясь худымъ исполненіемъ повредить себѣ во мнѣніи у императрицы. *

Съ именемъ Панина неразрывно связано имя другаго замѣчательнаго человѣка—Державина. Знаменитый поэтъ исказилъ смыслъ отношеній къ нему Панина и выставилъ его въ весьма дурномъ свѣтѣ. Незнаніе фактовъ вовлекло Державина въ ошибку, а съ его словъ и всѣ писатели о Пугачевщинѣ, невѣрно изображаютъ этотъ періодъ изъ дѣятельности Панина.

Державинъ разказываетъ что, узнавъ о поимкѣ Пугачева, онъ донесъ о томъ только ближайшимъ своимъ начальникамъ, кн. Голицыну и генералъ-поручику Потемкину. Посылая къ послѣднему курьера въ Казань, чрезъ Сызрань, Державинъ написалъ объ этомъ въ подорожной, для ободренія лежавшихъ на дорогѣ селеній „пребывавшихъ отъ возмущенія въ ужасѣ". Сызранскій воевода, увидя столь благопріятное извѣстіе, увѣдомилъ о томъ графа Петра Ивановича, и какъ сіе увѣдомленіе

* Составленіе этихъ экстрактовъ поручено было извѣстному лѣтописцу осады Оренбурга П. И. Рычкову. Инструкція Панина и любопытныя по сему свѣдѣнія помѣщены въ сочиненіи академика П. Пекарскаго *Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова.* С.-Пб. 1867 г.

дошло до графа прежде привезеннаго подполковникомъ Пушкинымъ (курьеръ кн. Голицына), то и возстала на Державина буря." Панинъ предположилъ, что Державинъ умышленно обошелъ его, чтобъ угодить брату временщика. „Графъ Панинъ, продолжаетъ поэтъ, пребывалъ въ чрезвычайномъ на Державина бѣшенствѣ, и въ пылу своего гнѣва, придравшись къ безпорядкамъ саратовскимъ, почитая виновникомъ оныхъ Державина, требовалъ отъ него, отъ 27-го сентября, отвѣта, чрезъ генерала Мансурова, какимъ образомъ не случился онъ быть при нападеніи на Саратовъ, какъ на постѣ его, гдѣ съ командой пребываніе его требовалось? когда, за сколько времени отъ того нападенія и куды отлучался."

Это выписано нами изъ записокъ Державина (стр. 95 и 96), а между тѣмъ на стр. 122 соч. академика Грота, *Матеріалы для біографіи Державина*, помѣщено письмо къ поэту князя Голицына изъ Яицкаго городка отъ 20 сентября. Быть-можетъ, Панинъ требовалъ объясненія отъ Державина и чрезъ Мансурова, но очевидно, что первоначально требованіе это было сдѣлано чрезъ кн. Голицына. Даже и самъ Державинъ отвѣтъ свой начинаетъ ссылкой на ордеръ къ нему князя Голицына. Не будемъ заподазривать Державина въ умышленной ссылкѣ на Мансурова, но нельзя не сказать, что еслибъ онъ упомянулъ объ ордерѣ князя Голицына, то тогда невозможно бы было обвинить Панина въ томъ, что онъ, взбѣшенный на Державина за несообщеніе о поимкѣ Пугачева, придрался къ саратовскимъ безпорядкамъ и потребовалъ объясненія. Невозможно потому, что объясненія затребованы прежде поимки Пугачева. Князь Голицынъ свой ордеръ послалъ 20 сентября, слѣдовательно ордеръ къ нему Панина объ истребованіи объясненія отъ Державина послѣдовалъ ранѣе. По тогдашнему затруднительному сообщенію съ передовыми отрядами, нельзя не предположить, что письмо Панина изъ Симбирска шло къ князю Голицыну по крайней мѣрѣ отъ пяти до семи дней, и если взять во вниманіе что Голицынъ не сейчасъ же по полученіи ордера Панина написалъ Державину, то и окажется, что между днемъ написанія ордеровъ Панина и кн. Голицына прошло, самое меньшее, недѣля, и ордеръ Панина написанъ былъ 13-го сентября, то-есть когда Пугачева повезли въ Яицкій городокъ. Итакъ очевидно, что Панинъ потребовалъ объясненія отъ Державина не въ пылу бѣшенства.

Прискорбно, что Державинъ въ своихъ запискахъ столь легкомысленно обвинилъ графа Панина, упустивъ изъ виду что истина откроется.

Приведенныхъ нами доказательствъ совершенно достаточно для возстановленія истины и снятія съ графа П. И. Панина упрека, сдѣланнаго ему Державинымъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести полное разъясненіе всего этого дѣла, черпая матеріалы изъ переписки императрицы съ Панинымъ.

Саратовская катастрофа и предшествовавшія ей пререканія Державина и Ладыженскаго съ Ботнякомъ были въ подробности извѣстны императрицѣ. Ей Голицынъ и Потемкинъ переслали всѣ по сему донесенія Державина.

Кречетниковъ, астраханскій губернаторъ, боясь отвѣтственности за бездѣйствіе, рѣшился защищать Ботняка и съ этою цѣлью послалъ курьеромъ къ Панину и въ Петербургъ капитана Сапожникова, вышедшаго изъ Саратова съ Ботнякомъ. Сапожниковъ представилъ дѣло совершенно въ другомъ видѣ.

Показанія Сапожникова не сходились, разумѣется, съ донесеніями Державина. Въ императрицѣ зародилось сомнѣніе кто изъ нимъ правъ? „Если заподлинно комендантъ саратовскій поступалъ такъ, какъ въ сказкѣ капитана Сапожникова показано, писала императрица, то онъ достоинъ чтобы вѣрность его не осталась безъ награжденія, что̀ поручаю вамъ наиприлежнѣйше разсмотрѣть и въ ясность привести, а потомъ представить ко мнѣ. Доходили до меня гвардіи-поручика Державина о семъ комендантѣ письма, кои не въ его пользу были; а какъ сей Державинъ самъ изъ города отлучился будто за сысканіемъ секурса, а вы объ немъ нигдѣ не упоминаете, то уже его показанія нѣсколько подвержены сомнѣнію, которое прошу, когда случай будетъ, пообъяснить наведеніемъ объ обращеніяхъ сего гвардіи-поручика Державина, и соотвѣтствовала ли его храбрость и искусство его словамъ; а присланъ онъ былъ туда отъ покойнаго генерала Бибикова.“

Вотъ источникъ наведенія справокъ о Державинѣ. Отсюда ясно видно, что Панинъ получилъ повелѣніе о наведеніи о Державинѣ справокъ прежде чѣмъ что-либо писалъ о немъ самъ.

Академикъ Гротъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи про-

странное объясненіе Державина и насмѣшливый отвѣтъ Панина. Приведемъ выписки изъ донесенія Панина императрицѣ и изъ ея отвѣта ему по дѣлу Державина.

„По окончательному исполненію повелѣній вашего величества“, доносилъ Панинъ, „вступили ко мнѣ, по моимъ требованіямъ, столь великія, особливо отъ Державина, изъясненія, что и меня раба вашего удивили дерзновеннымъ дозволеніемъ себѣ толикаго распространенія въ извиненіи, которое требуетъ въ непорочной истинѣ нѣсколькихъ только словъ; но по прочтеніи онаго заставили меня, къ единому вашего величества любопытству, поднести оныя здѣсь въ оригиналѣ. Смѣю притомъ, всемилостивѣйшая государыня, о саратовскомъ комендантѣ съ подчиненными ему офицерами, пробившимися сквозь злодѣя, то присовокупить, что они въ точности исполнили, и заслугу свою показали по настоящей своей вашему императорскому величеству присягѣ, гдѣ каждый обѣщаетъ и долженъ въ потребномъ случаѣ не щадить своего живота, и гдѣ отъ всякаго требуется не витійственныхъ словъ и вмѣшиванія въ чужія, себѣ не принадлежащія и выше всякаго своего званія должности и дѣла, по существительныхъ всякаго по своему званію дѣйствъ и безмолвственнаго повиновенія одного другому по предписанному въ регулахъ порядку, отъ которыхъ, кажется мнѣ, по приближеніи злодѣя на Саратовъ, далеко было отступлено собираніемъ совѣтовъ съ приглашеніемъ и купечества.“ *

„Касательно до дѣла поручика Державина и саратовскаго коменданта, нашла я,“ писала императрица, „что вашъ отвѣтъ сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ онъ истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей по службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку что, конечно, образъ мысли его исправитъ, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія.“ **

Когда Державинъ пріѣхалъ въ Симбирскъ, то (его *Записки* стр. 98) ему сказали, что графъ Панинъ „недѣли съ двѣ, публично за столомъ, болѣе не говоритъ ничего, какъ дожидается

* 17-го октября 1774 г. № 21, изъ Симбирска.

** *Допросы Пугачева*, стр. 55.

отъ государыни повелѣнія повѣсить васъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ.“ Мы видѣли донесеніе его о Державинѣ, и едва ли можно допустить чтобы Панинъ ожидалъ такого повелѣнія. Но впрочемъ, съ какою бы мыслію ни посылалъ Панинъ объясненіе Державина, надо помнить что онъ посылалъ его Великой Екатеринѣ, которая, прочтя объясненіе Державина, не могла найти его и не нашла виновнымъ. Быть-можетъ, этотъ случай еще ближе познакомилъ императрицу съ молодымъ человѣкомъ, имя котораго было въ послѣдствіи однимъ изъ украшеній ея царствованія.

Бо́льшая часть приведенныхъ нами фактовъ о дѣятельности Панина была досель совершенно неизвѣстна. Хотя съ именемъ графа П. И. Панина и связывали имя *усмирителя Пугачевщины*, но о дѣйствіяхъ его мало писано вѣрнаго, хотя невѣрныхъ о немъ отзывовъ довольно.

Вообще о Панинѣ мы имѣемъ свидѣтельства только одного современника, Державина; потомъ писали о немъ Бибиковъ, Пушкинъ, г. Лебедевъ и г. Мордовцевъ.

Невѣрность нѣкоторыхъ отзывовъ Державина мы только что доказали; Бибиковъ и Пушкинъ не имѣли о Панинѣ никакихъ матеріаловъ и написали о немъ всего нѣсколько словъ. Гг. Лебедевъ и Мордовцевъ писали въ недавнее время, и первый сообщилъ весьма интересные факты, а второй не остановился на отсутствіи фактовъ и написалъ о Панинѣ совершенныя небылицы. Г. Мордовцевъ своими историческими монографіями пріобрѣлъ какъ бы авторитетъ по вопросу о Пугачевщинѣ, но авторитетъ этотъ опирается не на достоинствахъ его статей, а на той смѣлости съ которою онѣ написаны. Послѣдній его трудъ, *Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ*, три мѣсяца печатавшійся въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1868 годъ, заключаетъ въ себѣ столь невѣроятныя вещи, что рѣшительно недоумѣваешь какъ можно было рѣшиться написать ихъ. Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ отзывъ г. Мордовцева о Панинѣ. Помѣстивъ текстъ объявленія Панина о поимкѣ Пугачева,—объявленія, подъ которымъ написано: „дано на маршѣ 1774 года сентября 25-го числа“. Г. Мордовцевъ дѣлаетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „На какомъ это маршѣ? Собственно графъ Панинъ не дѣлалъ никакихъ *маршевъ:* онъ не былъ съ войсками, хотя и считался ихъ

главнокомандующимъ, а жилъ въ своей деревнѣ. Этимъ-то и замѣчательно все то темное дѣло, которое называется Пугачевщиной."

Что въ этомъ примѣчаніи все, отъ перваго до послѣдняго слова, небылица, читателю уже извѣстно изъ того что̀ мы разказали въ настоящемъ сочиненіи. Если у г. Мордовцева не было фактовъ сказать о Панинѣ что-либо вѣрное, то это не его вина, на нѣтъ и суда нѣтъ; но тутъ является другой вопросъ: какіе факты имѣетъ г. Мордовцевъ въ подтвержденіе того что̀ написалъ онъ? Отвѣтъ ясенъ. Никакихъ фактовъ у него нѣтъ и быть не можетъ. Откуда же у него такая самоувѣренность въ выраженіяхъ и сужденіяхъ? Неужели отъ предположенія что никто ничего не знаетъ, и всѣ повѣрятъ ему на слово?

Г. Лебедевъ, почтенный авторъ монографіи: *Графы Никита и Петръ Панины*, заслуживаетъ того чтобъ остановиться надъ нѣкоторыми мѣстами его интереснаго сочиненія.

Графы Панины, а особенно Петръ Ивановичъ, не пользуются симпатіей г. Лебедева. Онъ выбралъ ихъ героями своего разказа не для нихъ самихъ. Они были нужны ему чтобъ отъ нихъ перейти къ другой обаятельной и болѣе блестящей личности. Его герой Потемкинъ, и монографія о Панинѣ есть, какъ кажется, только прелюдія къ будущему его труду о Потемкинѣ,—труду, котораго ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

О Петрѣ Панинѣ г. Лебедевъ пишетъ: „Панинъ почти годъ (до 9-го августа 1775 г.) оставался полновластнымъ правителемъ края гдѣ было возмущеніе; ему видимо хотѣлось насладиться столь долго жданною властью."

Въ другомъ мѣстѣ нашъ авторъ приводитъ проектъ рескрипта Панину, съ назначеніемъ ему (за усмиреніе Пугачевщины) меча алмазами украшеннаго, алмазныхъ знаковъ ордена Св. Андрея Первозваннаго и 60 тыс. руб. на поправленіе экономіи, и говоритъ, что товарищи Панина по дѣйствіямъ въ минувшую войну были награждены щедрѣе, именно: Румянцевъ получилъ названіе Задунайскаго, Долгоруковъ—Крымскаго, Орловъ—Чесменскаго, и что только одинъ князь Голицынъ, показавшій свою неспособность въ первую кампанію подъ Хотинымъ, былъ награжденъ нѣсколько менѣе Панина.

Намъ не случалось нигдѣ читать что̀ именно дано было

графу Панину за усмиреніе Пугачевщины, но если взять во вниманіе, съ одной стороны, что между покореніемъ Бендеръ и усмиреніемъ Пугачевщины огромная разница, а съ другой, что полученіе за Бендеры Георгія 1-й степени графъ Панинъ счелъ для себя малымъ, то станетъ ясно что за усмиреніе Пугачевщины онъ разчитывалъ получить большую награду. По свидѣтельству г. Лебедева, онъ получилъ за это брилліантовую шпагу, алмазные знаки ордена Андрея Первозваннаго и 60 тысячъ руб. сер. Повидимому, награду эту Панинъ счелъ для себя достаточною, ибо не вышелъ въ отставку, какъ сдѣлалъ это послѣ полученія за Бендеры Георгія 1-й степени. Можетъ-быть, была другая причина, удержавшая Панина на службѣ: желаніе, какъ говоритъ г. Лебедевъ, „насладиться столь долго жданною властью“. Но мы должны привести факты свидѣтельствующіе противъ такого утвержденія. Графъ П. И. Панинъ самъ неоднократно просилъ объ увольненіи въ Москву и, какъ мы уже видѣли, самъ отказался отъ представленія соображеній насчетъ устройства Башкиръ и Киргизъ-Кайсаковъ, тогда какъ взятіе на себя этого порученія давало ему полную возможность остаться у власти еще значительное время, ибо вопросъ о названныхъ инородцахъ требовалъ серіознаго изученія на мѣстѣ.

Первый разъ о своемъ отозваніи, хотя и не прямо, Панинъ писалъ 30-го октября 1774 года. Тогда ходилъ слухъ что императрица собирается пріѣхать въ Москву. Заявляя что помощію Всевышняго вся бдѣнію его порученная мѣстность отъ возмущенія исцѣлилась, и всѣ текущія дѣла и правительства вступили въ прежнее свое безопасное дѣйствіе, Панинъ ходатайствовалъ разрѣшенія предстать предъ лицо императрицы, въ Москвѣ, для изустнаго о всемъ увѣдомленія

Вслѣдъ за симъ, въ донесеніи отъ 3-го ноября, Панинъ говоритъ о серіозной своей болѣзни, которая чувствуется тѣмъ болѣе, что при углубленіяхъ въ разныя размышленія, всегдашнія въ корпусѣ его подагрическія движенія вовлекаются въ голову и грудь, „а нерѣдко и въ кишки, такъ что ежедневно трепещу и ожидаю получить ударъ или слечь, какъ обыкновенно всякій годъ, мѣсяца на два, подобно деревянному кряжу, безъ всякаго дѣйствія руками и ногами и размышленія, или же отъ боли въ кишкахъ неожиданно умереть антоновымъ огнемъ“. 5-го декабря онъ вновь пишетъ что льститъ себя надеждой предстать предъ лицо императрицы.

Съ своей стороны императрица, въ письмѣ отъ 30-го ноября 1774 г. *, дозволила графу Панину пріѣхать въ Москву „тогда когда вы усмотрите что симъ переѣздомъ вашимъ дѣла тамошняго края разстройкѣ не подвергнутся". Далѣе Екатерина присовокупила: „предоставляя себѣ, при свиданіи нашемъ въ Москвѣ, объявить вамъ персонально мое признаніе и чувствительность о трудахъ вашихъ при болѣзненныхъ припадкахъ, о коихъ много сожалѣю".

Императрица пріѣхала въ Москву 25-го января 1775 года. Былъ ли тогда Панинъ въ Москвѣ, или оставался въ Симбирскѣ? Разъясненіе этого факта не лишено интереса. Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что Панинъ, заявляя объ успокоеніи порученнаго ему края и тяжкой своей болѣзни, давалъ поводъ къ его отозванію, но отозванъ не былъ. Фактовъ доказывающихъ что онъ усиливался остаться при власти возможно долѣе, мы не имѣемъ. Можно съ достаточною вѣроятностью заключить, что скорѣе графъ Панинъ былъ удержанъ на Волгѣ чѣмъ удерживался самъ. Отозванъ онъ былъ 9-го августа 1775 года слѣдующимъ рескриптомъ:

„Графъ Петръ Ивановичъ!

„Въ настоящее время, когда уже исчезли всѣ безпокойства внутреннія, когда повсюду тишина возстановлена въ полной мѣрѣ, да и когда прощеніе обнародовано, я увѣрена что вы чувствуете въ себѣ душевное удовольствіе, видя съ нимъ купно окончаніе и той коммиссіи въ которой вашъ самопроизвольный подвигъ прославилъ вѣчно усердіе ваше къ отечеству, и о коемъ оказанную вамъ мою отличную признательность видѣла уже публика. ** Я сіе вновь вамъ подтверждаю засвидѣтельствованіемъ моего благодаренія за ваши полезные труды, я увольняю васъ нынѣ отъ коммиссіи

* *Допросы Пугачева*, стр. 56.

** Это, вѣроятно, говорится о наградѣ Панина. Г. Лебедевъ приводитъ проектъ грамоты Панину: „Графу Петру Панину: 1) Похвальная грамота съ прописаніемъ его усерднаго желанія и прошенія о порученіи ему утишенія внутренняго бунта и неустройства, и что по полученіи команды, когда онъ распоряженіями своими устремился возстановить тишину и покой, тогда, при самомъ началѣ его предводительства, Богъ благословилъ его предпріятія поимкою злодѣевъ; 2) За ревностный его поступокъ жалуется мечомъ, алмазами украшеннымъ; 3) въ знакъ монаршаго благоволенія крестъ и звѣзда алмазные ордена св. апост. Андрея; 4) да на поправленіи экономіи 60.000 р. с." Стр. 128—129.

успокоенія внутреннихъ возмущеній, которыя, Богу благодареніе! болѣе не существуютъ, слѣдственно и дѣла объ оныхъ прекращены, послѣ чего остается вамъ теперь упомянутыя дѣла отдать губернаторамъ, или которыя куда подлежатъ, и быть впрочемъ благонадежнымъ что заслуги ваши не будутъ никогда забвены, пока я не престану быть къ вамъ благосклонна."

Такъ закончился подвигъ Панина. Не забудемъ, при сужденіи о его дѣйствіяхъ и тѣхъ жестокостяхъ, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгать, что сто лѣтъ тому назадъ нравы были грубѣе, и невозможное въ наше время считалось тогда совершенно умѣстнымъ.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы совершенно понимаемъ, что графъ Петръ Ивановичъ Панинъ заслужилъ прозваніе „спасителя отечества", которое ему давали на торжественныхъ встрѣчахъ при объѣздѣ имъ взволновавшихся губерній. Вызвавшись добровольно на тяжкій подвигъ, онъ показалъ себя соотвѣтственнымъ требованіямъ минуты и не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ.

ДМИТРІЙ АНУЧИНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Собственноручный указъ императрицы Екатерины II, данный 14-го октября 1773 года генералъ-маіору Кару.

Изъ представленныхъ намъ рапортовъ отъ оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ и письма къ президенту военной коллегіи отъ генерала-аншефа князя Волконскаго, усмотрѣли мы что бѣжавшій изъ-подъ караула, содержавшійся въ Казани, бездѣльникъ, донской казакъ Емельянъ Пугачёвъ, онъ же и раскольникъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени императора Петра III и обольстя въ жилищахъ Яицкаго войска тамошній народъ всякими лживыми обѣщаніями, не только сдѣлалъ, какъ пишутъ, великое возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства, разореніе селеній и самыхъ крѣпостей; и хотя губернаторами, какъ оренбургскимъ, такъ и казанскимъ, и помянутымъ генераломъ-аншефомъ, приняты къ захваченію его и пресѣченію всего зла возможнѣйшія мѣры, о коихъ усмотрите вы изъ копій, которыя мы сообщить вамъ повелѣли; но дабы все оное произведено было съ лучшимъ успѣхомъ и скоростію, то повелѣваемъ вамъ какъ наискорѣе туда отправиться, и принявъ въ свою команду, какъ тамо находящіяся войска, такъ и отправленныхъ изъ Москвы 300 человѣкъ рядовыхъ, при генералъ-маіорѣ Фрейманѣ, да изъ Новгорода гренадерскую роту, равномѣрно жь, если въ томъ нужду усмотрите, Башкирцевъ и поселенныхъ въ Казанской губерніи отставныхъ, сколько сколько надобность потребуетъ, учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ, и стараться, какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить, и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить. О споспѣшествованіи вамъ во всемъ, въ чемъ только будетъ нужно, дали мы повелѣніе нашей военной коллегіи, и при семъ прилагаемъ къ казанскому и оренбургскому губернаторамъ отверстыя наши повелѣнія. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ почтете вы за надобное чего-либо требовать, можете учинить то именемъ нашимъ; а Башкирцамъ и поселеннымъ объявить, въ случаѣ когда ихъ употребите, что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ помянутаго поиска окажутъ они намъ новый опытъ своего усердія и пріобрѣтутъ себѣ особливое монаршее наше благоволеніе. Вслѣдъ за вами мы немедленно отправимъ увѣщательный манифестъ, который вы сами, или же обще съ губернаторами имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать.

II.

Божіею милостію мы Екатерина II императрица и самодержица всероссійская проч. и проч. и проч.

Нашему генералу и лейбъ-гвардіи маіору Александру Бибикову.

Вамъ извѣстно уже настоящее положеніе дѣлъ въ Оренбургской губерніи, и степень неустройства, до котораго тамъ гражданское наше правленіе доведено измѣною и бунтомъ, появившагося подъ именемъ покойнаго императора Петра III, самозванца изъ бѣглыхъ донскихъ казаковъ Емельяна Пугачева.

Чѣмъ болѣе интересуетъ общее Имперіи благо, безопасность, да и самую цѣлость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе избираемъ мы васъ къ тому, яко истиннаго патріота, коего усердіе къ особѣ нашей, любовь и вѣрность къ отечеству, ревность къ нераздѣльной службѣ оныя и нашей, также отличныя качества, способности и дарованія испытаны уже нами во многихъ случаяхъ. *

Военной коллегіи дано уже отъ насъ повелѣніе снабдить васъ въ самой скорости, какъ достаточнымъ числомъ войскъ, такъ и всѣмъ нужнымъ къ составленію почтительнаго корпуса. Остальное время пребыванія вашего при дворѣ нашемъ послужитъ вамъ къ самоличному и кратчайшему сношенію и постановленію съ оною коллегіею о поспѣшнѣйшемъ и непремѣнномъ на извѣстные сроки доставленіи вамъ и того и другаго, дабы у васъ, по собраніи въ удобнѣйшемъ мѣстѣ, по собственному вашему усмотрѣнію, всѣхъ частей назначенныхъ въ команду вашу войскъ, послѣ къ прямому съ оными дѣйствованію ни въ чемъ остановки и недостатка быть не могло.

Самое же употребленіе тѣхъ войскъ, равно какъ и всѣхъ другихъ пособій къ достиженію желаемаго предмета, ввѣряя на основаніи государственныхъ нашихъ гражданскихъ и военныхъ законовъ съ полною довѣренностію собственному вашему благоразумію и усмотрѣнію впредь на мѣстѣ прямаго теченія дѣлъ, восхотѣли мы между тѣмъ, для преподанія вамъ заранѣе всѣхъ отсюда зависящихъ удобностей, снабдить васъ при семъ: 1) отверзтымъ за подписаніемъ нашимъ указомъ ко всѣмъ нашимъ духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ властямъ, дабы каждый изъ нихъ по требованіямъ вашимъ чинилъ скорое и точное исполненіе: 2) печатнымъ манифестомъ

* Это введеніе вошло въ послѣдствіи отъ слова до слова и въ рескриптъ графу П. И. Панину.

для открытія глазъ ослѣпленной черни и для испытанія, не удастся ли симъ способомъ кротости и надеждою совершеннаго въ милостяхъ прощенія обратить на истинный путь если не всѣхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть сообщниковъ самозванца Пугачева. *

Разсѣяніе сего манифеста между толпами бунтовщиковъ и въ ихъ окрестностяхъ имѣетъ натуральнымъ образомъ быть долгомъ перваго вашего попеченія, слѣдовательно же и предшествовать приготовляемому на нихъ удару всѣми вамъ порученными силами, дабы между тѣмъ въ духи ихъ вселить къ самозванцу презрѣніе, а другъ къ другу взаимную недовѣрку, чѣмъ они скорѣе всего сами собою разсыпанію и истребленію своему воспособствовать могутъ.

Для сего, для полученія безпосредственнымъ образомъ вѣрныхъ свѣдѣній о происходящемъ, для лучшаго по онымъ размѣра и расположенія рѣшительныхъ вашихъ мѣръ, и для удобнѣйшаго совокупленія и обращенія въ ту сторону, гдѣ бо́льшая надобность будетъ, назначенныхъ въ команду вашу войскъ, полагаемъ мы, что на первый случай приличнѣе всего вамъ будетъ отправиться отсюда прямо въ Казань, и ожидая тамъ прибытія войскъ, наблюдать бдительнымъ окомъ всѣ движенія и предначинанія возмутителей, дабы познавъ прямо ихъ силы, ихъ связь въ земляхъ, ихъ ресурсы въ пропитаніи, ихъ внутреннее между собою управленіе, словомъ, физическое и моральное ихъ положеніе во всѣхъ частяхъ онаго, послѣ съ тѣмъ бо́льшими выгодами поднять на нихъ оружіе и дѣйствовать наступательно съ тою поверхностію, каковую мужество, просвѣщеніемъ и искусствомъ руководствуемое, долженствуетъ всегда имѣть предъ толпою черни, движущеюся однимъ бурнымъ фанатизма духовнаго или политическаго вдохновеніемъ и помраченіемъ.

Между тѣмъ для употребленія въ пользу и для благовременнаго на всякій непредвидимый случай приготовленія всѣхъ въ существѣ вещей возможныхъ пособій, поручаемъ мы вамъ созвать къ себѣ все въ Казани и въ окрестностяхъ сего города находящееся дворянство, и объявя оному въ корпусѣ монаршее наше благоволеніе, изобразить тутъ же живыми красками настоящее бѣдственное состояніе сосѣдственнаго ихъ края, опасныя изъ онаго родиться могущія слѣдствія, какъ для общей тишины, такъ и для частной ихъ самихъ безопасности, слѣдовательно же и надобность, чтобъ каждый по состоянію своего званія, силъ и достатка воспособствовалъ дѣйствительнымъ образомъ прекращенію столь вреднаго бунта и злодѣйства, присо-

* Этотъ манифестъ, начинающійся словами: „Нѣтъ да и не можетъ быть въ свѣтѣ общества“ помѣщенъ въ приложеніяхъ, какъ къ *Запискѣ о жизни и службѣ Бибикова*, такъ и къ *Исторіи пугачевскаго бунта*, но въ обѣихъ книгахъ ошибочно отнесенъ къ 23-му числу декабря: онъ подписанъ 29-го ноября и напечатанъ въ числѣ 1.200 экземпляровъ. (Государственный архивъ, сенатскія дѣла, книга № 136.)

вокупляя далѣе отъ собственнаго вашего имени и лица, что какъ благородное дворянство есть во всякомъ великомъ обществѣ такой корпусъ, который всю свою отличность и знатность предъ народомъ взаимствуетъ отъ единой существительной общей надобности непремѣннаго обузданія и содержанія онаго въ порядкѣ, и который лично каждымъ членомъ онаго не инако пріобрѣтенъ, какъ въ праведное и достойное воздаяніе оказанныхъ имъ самимъ или предками его услугъ въ службѣ и защищеніи отечества, слѣдовательно же, по самому существу сего званія его, и не можетъ ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ настоять для него столь близкаго и свойственнаго долга и обязательства, какъ въ такомъ случаѣ внутренняго раздора и мятежа, гдѣ чернь, низвергая съ себя законное государю и верховной его власти повиновеніе, дерзаетъ явно и вооруженною рукою возставать противу оной; то и вамъ нынѣ, яко отъ насъ уполномоченному, къ прекращенію настоящаго бѣдствія не меньше надѣяться и ожидать должно, что и они, сколько подражая достохвальному примѣру предковъ своихъ, столько же и сами горя къ отечеству истинною любовію и непоколебимою вѣрностію, потщатся оказать себя истинными сынами и защитниками онаго, чрезъ вооруженіе по возможности нѣкотораго числа людей своихъ и чрезъ снабженіе отъ себя всякими припасами, дабы по первому вашему въ случаѣ крайней нужды призыву, каждый изъ нихъ могъ къ вамъ явиться съ готовыми людьми, съ готовымъ оружіемъ и готовымъ пропитаніемъ для отраженія и пресѣченія опаснаго и поноснаго бунта черни, тѣмъ больше что въ семъ случаѣ интересованы въ высшей степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса: ибо не можетъ имъ быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попадшіеся до нынѣ по несчастію въ руки мятежниковъ, всѣ безъ изъятія и безъ малѣйшей пощады преданы лютѣйшей и поносной смерти, котораго жребія натурально и они всѣ одинъ по другомъ ожидать долженствуютъ, еслибъ, отъ чего Боже сохрани, возстаніе и мятежъ черни при самозванцѣ Пугачевѣ иногда собственнымъ ихъ нерадѣніемъ и небреженіемъ могъ переступить предѣлы Оренбургской губерніи и заразить ядомъ своимъ Казанскую.

Впрочемъ, повторяя что мы вамъ съ полною и неограниченною довѣренностію ввѣряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію возрастающихъ теперь безпокойствъ, по лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію представляющихся тамъ удобностей, и во всемъ пространствѣ государственныхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ законовъ, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя публикаціи, если вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой важности.

Да будетъ вамъ благодать Всевышняго спутникомъ и руководителемъ. Мы же усердно объ оной моля, пребываемъ вамъ за тѣмъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, ноября 29-го дня 1773 года.

Полученъ 1-го декабря 1773 г.

Екатерина.

III.

Рескриптъ генералъ-поручику князю Щербатову.

Чрезъ донесенія ваши извѣстились мы, какъ о смерти генерала Бибикова, такъ и о воспріятой вами по немъ, въ качествѣ старшаго военачальника, главной командѣ надъ войсками предводительству его ввѣренными, до полученія впредь отъ насъ новыхъ повелѣній, поручаемъ мы вамъ принять между тѣмъ главную надъ сими войсками команду, и вести по тѣмъ же самымъ основаніямъ, кои отъ покойнаго генерала Бибикова толь благоразумно и удачливо распоряжены были, дабы никако не остановить теченія и исполненія всего дѣла. Но какъ порученная покойному Бибикову коммиссія въ разсужденіи перемѣнившихся нынѣ обстоятельствъ въ гораздо лучшее положеніе приведена, то находимъ мы за нужное, предписать вамъ къ руководству вашему на первой случай слѣдующее: 1) чтобы вы продолжали неусыпно пораженіе и преслѣдованіе бунтовщиковъ вооруженію воюющихъ и не пропускали ихъ въ околичныя губерніи, а притомъ ко крайней возможности старались приводить въ повиновеніе отложившуюся чернь. 2) Чтобъ вы въ возстановленіи нужнаго устройства съ повсемѣстною тишиною, предоставляли однакожъ губернаторамъ, каждому въ его губерніи, яко истинному оныхъ хозяину, и состояніе людей и нравовъ лучше знающему, главнѣйшее попеченіе, по собственному каждаго въ своей части лучшему усмотрѣнію. 3) Чтобъ для сего безпрестанное имѣли вы сношеніе съ окрестными губернаторами, и по ихъ требованіямъ подавали имъ воинскую помощь, не теряя изъ вида главнаго вашего предмета въ первомъ пунктѣ описаннаго, требуя взаимно и отъ губернаторовъ ихъ способствованія вашимъ дѣламъ и тогда гдѣ того истинная польза службы вашей требовать будетъ. 4) Чтобъ вы строгими отъ себя грамотами требовали отъ Башкирцовъ выдачи Пугачева, изъясняя имъ всю гнусность его злодѣйства, и жестокость праведной имъ отъ законовъ мести, есть ли они его укрывать станутъ или же изъ своихъ рукъ упустятъ и не возвратятся добровольно въ повиновеніе монаршей нашей власти, съ обѣщаніемъ напротивъ въ семъ послѣднемъ случаѣ всемилостивѣйшаго отъ насъ прощенія ихъ вины, а притомъ и награжденія за поимку и выдачу злодѣя Пугачева,

причинствовавшаго толикому раззорѣнію, и толикому пролитію невинной крови. Мы ожидаемъ несомнѣнно отъ вашей вѣрности и усердія къ службѣ нашей что вы благоразумiемъ вашимъ сдѣлаете себя наивяще достойнымъ какъ нашей монаршей милости, такъ и общаго почтенія.

Что принадлежитъ до произвожденій по вѣренному вамъ корпусу, оные долженствуютъ теперь идти обыкновенною дорогою, почему и имѣете вы при каждомъ случаѣ о достойныхъ представлять въ тѣ мѣста, куда то слѣдовать можетъ. О чрезвычайныхъ расходахъ имѣетъ тоже разумѣться, по колику на то времени доставать будетъ; но для случаевъ онаго не сносящихъ опредѣляемъ мы вамъ чрезъ сіе изъ казанскихъ доходовъ пять тысячъ рублей, изъ коихъ и позволяемъ мы вамъ чинить нужные расходы по собственному вашему усмотрѣнію тамъ гдѣ нужно будетъ. На столъ же опредѣляемъ вамъ по триста рублей на мѣсяцъ, пока сія ваша коммиссія продолжится, и пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ мая 1-го дня 1774 года.

§IV.

„Князь Михаилъ Никитичъ.

Извѣстіе о занятіи Курмыша злодѣями къ сожалѣнію моему получила сего вечера и не сумнѣваюсь, что они стараются пройдти къ Москвѣ, и сумнительно, чтобъ они потши къ Нижнему. Но думаю, что они прямо къ вамъ пойдутъ, и для того не пропустите никакого способа, чтобъ отвратить сіе несчастіе. Я сего вечера изъ Новгорода седьмой полкъ, а именно лейбъ-кирасирскій, еще къ вамъ отправить приказала. Сверхъ того совѣтую вамъ призвать къ себѣ московскихъ дворянъ или по крайней мѣрѣ таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей. или же вооруженныхъ имѣютъ, и предложите имъ отъ себя, чтобъ они по примѣру предковъ своихъ вооружили колико могутъ надежныхъ людей для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне во время послѣдняго московскаго мятежа готовы были во время язвы идти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ, кои способны быть могутъ, гдѣбъ употреблены ни были для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставаю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ. Неужели чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдетесь Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмар-

малу приказала генералъ-поручика Суворова прислать къ вамъ донскова. Боже дай, чтобъ все въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и надежду имѣю на святую Его волю."

Іюля 28-го 1774 г. изъ Петергофа.

„Я надежду имѣю на Петра Дмитріевича Еропкина, что онъ вамъ весьма хорошій и усердный помощникъ будетъ въ семъ случаѣ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увѣрена, что дѣломъ и совѣтомъ онъ васъ не покинетъ."

V.

Письмо президента военной коллегіи графа Захара Чернышева императрицѣ Екатеринѣ II.

Всемилостивѣйшая государыня.

Высочайшая довѣренность вашего величества ко мнѣ, должность и особливое усердіе мое къ освященной особѣ вашей, подвигомъ искренной предъ вами моей откровенности (?), и такъ, хотя не знаю на какомъ основаніи будетъ учрежденъ совѣтъ, однакожъ въ ономъ, по мнѣнію моему, быть необходимо: графу Никитѣ Ивановичу, графу Григорію Григорьевичу, графу Мордвинову, князю Вяземскому, одному изъ военнаго департамента и вице-канцлеру.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.

Графъ З. Чернышевъ.

VI.

Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ, всероссійской государынѣ всемилостивѣйшей.

Отъ полковника царицынскаго коменданта Цыплетева

Всеподданнѣйшее подношеніе.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено о преодолѣніи злодѣемъ, измѣнникомъ, государственнымъ возмутителемъ Емелькою Пугачевымъ, Донскаго полку Кутейникова, о взятой въ плѣнъ полевой командѣ и отступленіи Калмыкъ, и что сей варваръ, бывъ задалеко отсель, скоропоспѣшно маршируя, требуемыя войска приходомъ своимъ упредилъ, и находится съ 17-го августа волскаго войска въ городкѣ Дубовкѣ, разстояніемъ пятьдесятъ три версты отъ Царицына. Извѣстно чрезъ плѣнныхъ, что всю тоду обнадеживаетъ неотмѣнно взять Царицынъ. Со взятою отъ полевой команды и въ Дубовкѣ артиллеріею считаютъ у него до

тридцати четырехъ исправныхъ орудій; запасаютъ снаряды, починиваютъ и вновь дѣлаютъ лафеты, по усердію къ нему измѣнниковъ въ Саратовѣ передавшихся фузелеровъ; а потомъ происходило съ другой стороны Дербетевы Калмыки, кочующіе въ степяхъ, распространясь къ Дону и къ Волгѣ, и къ Калмыкамъ другихъ владѣльцевъ, начали злодѣйствовать, бить до смерти, грабить, отгонять скотъ (подобно какъ въ 771 году при побѣгѣ въ Китай), такъ что подъ Царицыномъ внѣ города ничего не оставили, скотъ весь безъ остатку отогнали; сады, мельницы, загородные домы жгли и цѣлыя деревни раззорили, и привели въ послѣднюю нищету, отчего городъ былъ приведенъ въ уныніе, а отъ злодѣйскаго нападенія приходили въ опасность, слыша что еще и силъ умножилъ, домогся злодѣй вызвать къ себѣ показанныхъ нашихъ Дербетевыхъ Калмыкъ; самъ владѣлецъ Цендень, съ толпою тысячахъ въ трехъ, къ нему въ Дубовку пришолъ. Отъ сего страху людей своихъ и гражданъ я ободрялъ и приводилъ въ единомысліе, обнадеживая ихъ высочайшею вашего императорскаго величества милостію, что за ихъ храбрые поступки безъ награжденія не останутся, а требованія мои о поспѣшеніи къ войскамъ,—знавъ о господинѣ Багратіонѣ что 19-го числа находился въ семидесяти верстахъ—такъ и къ донскимъ полковникамъ умножалъ, объявляя сію нужду; изъ тѣхъ собираемыхъ мною донской полковникъ Василій Манковъ первый о себѣ далъ знать, что онъ 18-го августа находится подъ толпою тронувшеюся изъ лагеря въ Дубовку, имѣлъ въ виду злодѣя и смотрѣлъ куда оный клонился, давая о томъ знать, а при томъ бралъ и присылалъ сюда языковъ до десяти человѣкъ, доставая изъ его партіи и изъ-подъ самой Дубовки отъ ихъ огней и изъ-подъ садовъ, чрезъ которыхъ оказалось что стремится ко взятію Царицына, а 20-го августа, какъ злодѣй изъ Дубовки вышелъ, и Манковъ подвинулся ближе, то съ Дону полковники прибыли Ѳедоръ Кутейниковъ (который былъ на сраженіи съ злодѣемъ при рѣчкѣ Пролѣйкѣ подъ командою князя Дундукова), Василій Грековъ, Григорій Поздѣевъ, Карпъ, Михайло и Варламъ Денисовы, поспѣшая кто только могъ набрать небольшое число людей, не съ полными полками, но еще покуда проѣздъ свободенъ, прибавлялись казаки сами въ ихъ команды, получа здѣсь порохъ и свинецъ, собрались въ соединеніе къ линейному атаману Василію Перфилову, стерегли злодѣя на пути чтобы въ дефилеяхъ препятствовать, но того жъ, 20-го, на вечеръ, на нихъ злодѣйская толпа обратилась конницею въ великихъ силахъ съ Калмыками, и было сраженіе; три раза прогоняли до ихъ пушекъ, на состоящій отъ Царицына верстахъ въ пятнадцати станъ, а за наступленіемъ ночи, оставя сраженіе, атаманъ и полковники собрались ко мнѣ, объявили что у нихъ храбраго полковника Кутейникова увезли и убили, но послѣ въ 25-й день онъ, Кутейниковъ, израненый, вышелъ на Царицынскую линію, избавился отъ злодѣевъ тѣмъ, какъ его

звалъ Емелька въ свою толпу, то онъ, изъ усердія къ отечеству, не убоялся смерти, отрекся, за что и приказано застрѣлить, что съ нимъ и учинено. Какъ ударили пулею въ бокъ, будучи надъ самымъ бунтовщикомъ, свалился подъ гору живой, притаясь за-мертво, а по уходѣ толпы, едва позволило ему отъ ранъ дойти до линіи, при чемъ они, атаманъ и полковники, единогласно увѣряли, по убитіи-де Кутейникова, полкъ его тронулся и всѣ казаки роптали, а другіе начали уходить, по причинѣ что не подкрѣплены регулярною конницей и пушками, зная о Багратіонѣ, еслибы тотъ, то поспѣшить ему было можно. А 21-го числа оные старшины письменно рапортовали что уходъ казаковъ умножается, чѣмъ ввели на всѣхъ страхъ. И такъ я выѣзжая обще съ старшинами, уговаривалъ стоять подъ пушками и производить дѣло, не пропуская случаю, чѣмъ успокоились и были при всемъ происхожденіи неотступны, имѣя подъ злодѣйскимъ лагеремъ заставы, гдѣ и состоящій въ непремѣнной квартирѣ отъ Астраханскаго драгунскаго полку берейторъ Коровинъ, съ своею командой отъ самой Дубовки имѣлъ разъѣздъ. Подавался своимъ постомъ къ Царицыну, доставая языковъ, присылалъ сюда, и какъ уже съ сего мѣста тронулась шайка, онъ вступилъ въ крѣпость, давъ знать, и казаки подтвердили, въ которое время зажженъ форштадтъ, сгорѣлъ съ соляными амбарами, до прихода злодѣя, потому что былъ во вредъ крѣпости, а до самаго прихода спасался въ чаяніи томъ что не будетъ ли иногда злодѣю отраженія, но уже имѣя предъ крѣпостью, соблюсть не слѣдовало.

Что происходило въ 21-й день августа, появился измѣнникъ толпами предъ крѣпостью на вышкахъ, по полудни въ часъ отъ него вправо, переходя въ самой скорости линію, строился конный фронтъ тысячахъ въ шести или болѣе, а внутри оной превеликія толпы, занимая мѣста, и скоро поспѣшно по множеству орудій поставили шесть батарей, въ томъ числѣ одна изъ двѣнадцати орудій, по которымъ и по фронту съ Богомъ начата со всей крѣпости пушечная пальба. И тотчасъ фронтъ, цѣльноштыкъ-юнкеромъ Ушаковымъ и съ другихъ батарей нѣсколькими выстрѣлами, разорвался, подавался за линіею всю половину крѣпости обнять, въ кое время отрядъ отъ господина Багратіона малороссійскихъ казаковъ во стѣ человѣкахъ, московскаго легіона при ротмистрѣ Степанѣ Савельевѣ, несмотря на опасность, прибыли въ крѣпость, а Багратіонъ съ Ростовскимъ карабинернымъ полкомъ и съ казаками отсталъ. Видя казаки разстройку и камѣреніе злодѣйское, вступили въ сраженіе, по храбрости ихъ начальниковъ, которые сами схватывали злодѣйскихъ яицкихъ наѣздниковъ и значки и присылали въ крѣпость, не давъ мѣста стать фронтомъ. Съ цѣлый часъ будучи при остаткахъ съ малыми людьми сраженіе происходило, ихъ толпу съ мѣстъ сбивали, а притомъ на другія толпы съ батареи били, чѣмъ вся сія половина

крѣпости стала очищена, но казаки прочее время дня и половины ночи то отрядами, то и всѣ сокрушали злодѣевъ, доставали плѣнъ, и били ихъ вдали.

Съ батарей злодѣйскихъ сколько ни стремились и скорострѣльною пальбой по исправности передавшихся въ Саратовѣ измѣнниковъ артиллеристовъ дѣйствовать, обсыпали крѣпость по всему строенію, да и за нее переносило въ Волгу, ядрами и десати-фунтовыми гранатами, и одного пуда бомбами. Съ начала втораго по седьмой часъ пополудни, напротивъ же отраженіе злодѣю и сбиваніе батарей съ крѣпости изъ разныхъ орудій, а болѣе изъ двѣнадцати и шести фунтовыхъ пушекъ и трехъ пудъ мортиръ безпрестанно продолжаемо было искусствомъ здѣшней артиллеріи маіора Харитонова. Самъ онъ съ своей батареи подорвалъ у злодѣя ящикъ и сбилъ батарею, такъ и прочіе батарейные начальники противъ сего нужнаго мѣста. Штыкъ-юнкеры Ушаковъ, Харковъ, сержантъ Чепцовъ, цейхтреберъ Власовъ, дѣйствовали цѣльно и сбивали батареи, то перемѣняя мѣста изъ малыхъ буераковъ открывали стрѣльбу. По способности же что оные отверзты къ нашимъ батареямъ тотчасъ поражены и какъ по всей вышинѣ не дано больше мѣста, потянулся съ артиллеріей на плоскость къ Волгѣ, чтобы пользоваться берегомъ, что примѣтя маіоръ Харитоновъ и артиллеріи фузелернаго полку свободившійся изъ Саратова капитанъ Иванъ Елчинъ, тотчасъ съ своихъ батарей пустя частые выстрѣлы, не давъ мѣста, да и какъ скоро оказывались толпы, то исправностію артиллеристовъ сбиты были. По объявленію плѣнныхъ, у злодѣя артиллеристовъ и конницы перебито и ранено довольно, и такъ въ седьмомъ часу уже совсѣмъ за горы скрылся. Въ ожиданіи мы были въ ночь атаки, всѣ готовились къ отпору, ибо непримѣтно за горами было его отступленіе, а на горахъ остатки конницы показывали себя что надобно быть ихъ лагерю. Но казаки, осмотря, привезли обстоятельное свѣдѣніе что въ закрытіи отъ крѣпости совсѣмъ на низъ по Волгѣ тянется обозомъ; на Волгѣ же поставленною брантвахтой захватили суда и лодки, на которыхъ сволочи болѣе тысячи было, не дали имъ спуститься къ злодѣю; оные за Волгой ахтубѣйскихъ шелковыхъ заводовъ въ селеніяхъ бывъ крестьянъ возмутили, и такъ Царицынъ сверху Волги волжскимъ войскомъ, своими жителями, къ Дону кочующими Калмыками, да и за Волгой крестьянами, окруженъ измѣнниками.

Съ тѣхъ воровскихъ судовъ, съ батарей нашихъ поставленныхъ на судахъ, много кратъ злодѣи сбиваны уходили къ показаннымъ крестьянамъ, а остатки отстрѣливались изъ пушекъ, но какъ миновалась въ крѣпости опасность, тамъ заняты посты, давъ скопиться на суда всей сволочи атаковали, откуда самые злодѣи 25-го числа лодками ушли вверхъ, прочіе отдавались въ руки, а невольники, въ

числѣ коихъ первой полевой команды прапорщикъ Лаптевъ съ солдатами двѣнадцатью въ Царицынѣ вывезли съ собой невольницъ, шесть дѣвицъ, пущенныхъ сиротствовать по погубленіи отцовъ и матерей, въ томъ числѣ покойнаго бывшаго саратовскаго комендан-та Юнгера три дочери и племянница, а мать ихъ убита, да и они видѣли много кратъ смертные страхи, какъ то злодѣи живыхъ не покидаютъ, но прапорщикъ съ солдатами, видя въ страхѣ измѣнни-ковъ, взялъ на себя отвозъ сихъ невольницъ и поѣхалъ особою лод-кой, въ дорогѣ отсталъ, тѣмъ себя и ихъ спасти могъ.

При сихъ злодѣя дѣйствахъ какъ въ крѣпости, такъ и на водѣ, убитыхъ никого съ нашей стороны не было, но во вредъ во мно-гихъ мѣстахъ крѣпость зажигали гранатами и бомбами. Сей непрія-тельскій огонь отраженною заранѣ командой маіоръ Панкинъ утуш-алъ скоро, и ничего сгорѣть не допущено, кромѣ что на одной батареи взорвало трехъ-фунтовыхъ зарядовъ десять, въ капіармусѣ пудъ пороху, и никого не повредило, а на другой съ двадцать чет-вертаго выстрѣла разорвало пушку, опалило и ранило бомбардира. А прочіе артиллеристы и всѣ трудившіеся при артиллеріи и на по-стахъ штабъ- и оберъ-офицеры до послѣдняго солдата, купечество и обыватели, вооруженные занимающіе посты, слава Богу и счастіемъ вашего императорскаго величества, доказывая непобѣдимое оружіе, крѣпость и сами себя соблюли безвредно, а притомъ каждый и об-ще всѣ въ добромъ духѣ сіе избавленіе торжественно праздновали съ благодарнымъ Господу Богу о здравіи вашего императорскаго величества моленіемъ. Видя приводимыхъ въ плѣнъ и выбѣгающихъ отъ тамошней нужды самихъ собою, что избавились отъ таковаго несчастія, почитаютъ себя счастливыми, что хвалящагося овладѣть городъ злодѣя съ урономъ отвратили. Болѣе двѣ тысячъ какъ побитыхъ, такъ захваченныхъ и не пропущенныхъ на судахъ лишился. А посланъ его, слѣдомъ, чрезъ сутки, съ детаментомъ господина полковника Михельсона съ подполковникомъ кавалеромъ Муфелемъ, маіоромъ графомъ Меллинымъ, 22-го августа Царицынъ преслѣдо-валъ и въ ночь въ прибавокъ донскихъ всѣхъ (и волжскихъ собрав-шихся охотою) взявъ съ собой, поднялись въ походъ, и слышно зло-дѣя преслѣдовалъ, да и плѣнныхъ изъ злодѣйской толпы прислано отъ него, Михельсона, сто девяносто человѣкъ; о дальнихъ же успѣ-хахъ еще неизвѣстно.

Требуемые мною донской старшина и атаманъ Абросимъ Луков-кинъ сюда не подоспѣли, вмѣсто того пользу и хвалу заслужили отра-женіемъ появившихся около донскихъ станицъ злодѣйскихъ пар-тій, причиняющихъ во многихъ мѣстахъ разореніе, двѣ тамъ на корень истребилъ онъ, Луковкинъ, а одною человѣкахъ въ восьми стахъ, отправившуюся къ злодѣю, на царицынской линіи преслѣдо-валъ полковникъ Алексѣй Иловайскій разбилъ; побито болѣе пяти

сотъ человѣкъ, въ плѣнъ взято до дву сотъ, доставлены въ Царицынъ; какъ атамана, такъ и полковниковъ съ нимъ прибывшихъ, Алексѣя Иловайскаго, Петра Кулбакова, Максима Якова, Андрея Буколова и походныхъ есауловъ: Матвѣя Гревцова, Андрея Поздѣева, толикіе храбрые поступки, скоротечные успѣхи въ высочайшее вашего императорскаго величества матерное благоволеніе представить осмѣливаюсь.

Мнѣ же, кромѣ всей заботы въ призываніи войскъ на отраженіе, больше всего стоило труда въ приведеніи у себя людей изъ заблужденія. Но какъ я ихъ увидѣлъ всѣхъ противъ злодѣя въ единодушіи что бодрствовали и возненавидя желали искоренять и храбры были въ дѣлѣ, и я благонадежно ими уже командовалъ, объѣзжая подлѣ стѣнъ всю крѣпость, а паче противъ атакованныхъ батарей подъ самыми выстрѣлами становился на батареи, сколько можно подавалъ примѣръ во всѣхъ случаяхъ собою, а притомъ споспѣшествующихъ разсматривалъ. И могу честь приписать по неусыпнымъ трудамъ артиллеріи маіору Харитонову... капитану Ивану Елчину, подпоручику Ильину, штыкъ-юнкерамъ Ушакову и Харькову, бывшимъ при артиллеріи гарнизонному маіору Бутыркину, да по желаніямъ бывшимъ межевщику отъ флота лейтенанту Григорію Колпенскому и отставному, состоящему въ штатѣ при мѣдныхъ заводахъ, капитану Свѣрбѣеву, маіору Куткину, инженеръ-поручику Муханову, трудившимся при укрѣпленіи съ кондукторомъ Духовнымъ и при всей командѣ были при батареяхъ за исправное ихъ дѣйствіе изъ артиллеріи и за неустрашимость, а воеводскій товарищъ маіоръ Фатьяновъ не только за бытіе при артиллеріи съ его неустрашимостію подавая примѣръ всѣхъ ободрялъ и скорому дѣйствію своими руками въ подвозѣ путекъ съ употребленіемъ къ тому своихъ подкомандующихъ помогалъ и самъ изъ путекъ стрѣлялъ, исправно трудясь во все время на семъ постѣ откровенно противъ врага.

И гарнизонныхъ баталіоновъ два командира, князь Андрониковъ и Анненковъ, баталіоны свои въ порядкѣ къ отпору содержали и поощряли солдатъ ходя по всѣмъ опаснымъ мѣстамъ, а другіе маіоры, командуя ротами, Козадаевъ своими солдатами укрѣпленія исправлялъ, князь Андрониковъ съ первымъ баталіономъ противъ атакованнаго мѣста стоя подъ выстрѣлами его, маіоръ Тимашевъ неустрашимость солдатамъ, какъ они изъ рекрутъ, показывая хожденіемъ предъ ними на валу, ободрялъ содержа ихъ на своемъ коштѣ. Увѣрили о злодѣѣ. А сверхъ того денно и ночно при мнѣ всякой разъ онъ, Тимашевъ, при воинскомъ распоряженіи былъ и трудился по моимъ приказамъ скоропоспѣшно и безъ упущенія. Вещель, Шапкинъ, Сацевъ, Петровъ, Шапулинъ, Фомгревсъ, капитаны и прочіе офицеры въ расположенныхъ мѣстахъ каждый наблюдали

свои должности по присягѣ. Сверхъ того въ приведеніи солдатъ въ бодрость духа ими доволенъ. Маіоръ Титовъ, во время команды ѣзда на лошади, успѣвалъ все видѣть и мнѣ рапортовать, поправляя и ободряя всѣхъ вооруженныхъ солдатъ и купечество съ обывателями, и на судовыхъ батареяхъ онъ, Титовъ съ маіоромъ Шишулинымъ, рѣшили взятье злодѣйскихъ судовъ, и такъ все находилось въ порядкѣ, тишинѣ значило, что готовъ каждый на успѣхъ за отечество. Изъ купечества бургомистръ Клюевъ и ратманъ Сыромятниковъ, сами примѣръ показывая, купцовъ своихъ увѣщевали и ночевали со всѣми вооруженные во фронтѣ, на постахъ несли ровную службу противъ солдатъ.

Къ пользѣ крѣпости въ полѣ съ неустрашимостію исправляли службу: подноситель сего берейторъ Коровинъ съ драгунами человѣкахъ въ семи, донскіе: походной атаманъ Василій Перфиловъ, полковники: Василій Манковъ, Василій Грековъ, Григорій Поздѣевъ, Карпъ, Михайло и Варлаамъ Денисовы, всѣ оные сколько силъ ихъ было храбростію заслужили, а Манковъ доброю диспозиціею, доставленіемъ языковъ, есаулъ его полку Желтухинъ, Волскаго войска есаулъ Савва Тараринъ, изъ Саратова будучи гвардіи отъ поручика Державина подъ Петровскъ отправленнымъ на сикурсъ, при изгнаніи казаковъ заколовъ двухъ человѣкъ, избавился, также и царицынскій пятидесятникъ Александръ Протопоповъ, претерпя пораненіе при полевой командѣ у злодѣя, бѣжалъ чрезъ сутки и противъ его да и недавно прибывшій отъ Багратіона Московскаго легіона ротмистръ Степанъ Савельевъ съ Малороссійскими казаками совокупно съ Донскими подъ крѣпостью сраженіе вообще всѣми силами и неустрашимостію продолжали, а особливо Донскаго войска полковникъ Ѳедоръ Кутейниковъ, какъ на сраженіяхъ подъ командою князя Дундукова и 20-го числа въ другой разъ былъ и при взятіи въ плѣнъ претерпя смертный страхъ и раны присяги не отрекся. Какомые всѣхъ вышеписанныхъ чиновъ храбрые поступки, а другихъ доказанную неустрашимость и трудъ, чѣмъ все и рѣшено, какъ артиллерія такъ и казаки оказали въ отбитіи отъ стѣнъ злодѣя великія дѣла, убивая злодѣевъ. Варлаамъ Денисовъ почти въ рукахъ былъ подлавшаго оружіе со значкомъ злодѣя, проворно отвелъ, отнявъ значекъ, убилъ вора, и представилъ значекъ и плѣннаго яицкаго мѣщанина, такъ и везъ; прочіе старшины на тѣхъ пускались кто паче другихъ въ сраженіи, убивали и живыхъ представляли, работая 21 весь день и до половины ночи, много плѣну пригнали, да и 22-го числа плѣнъ умножили, что все какъ въ крѣпости такъ и въ полѣ, включая и на водѣ, происходило съ успѣхомъ порядочно, вашему императорскому величеству предаю въ высокомилостивое и высочайшее благоволеніе.

За которыя заслуги здѣшнихъ разсеянныхъ гражданъ Дербетевыми Калмыками, какъ они у злодѣя получили не малую выдачу

денегъ и своимъ достаткомъ избыточны, а притомъ и воровски взятое имѣютъ у себя, то страждущихъ и разоренныхъ за всѣ убытки не соизволите ли ваше императорское величество высочайше указать удовольствовать взысканіемъ съ тѣхъ Калмыкъ, чего бѣдные рабски и испрашиваютъ.

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ
полковникъ царицынскій комендантъ
Цыплетевъ.

26-го августа, 1774 г.
Царицынъ.

VII.

Объявленіе Панина.

„Симъ каждый увѣдомляется:

„Несомнѣнно всякому обитающему въ Россіи уже извѣстно о причиненныхъ злодѣяніяхъ бѣглаго съ Дону казака Емельки Пугачева, подъ самозванствомъ въ имени давно уже скончавшагося императора Петра III, на истребленіе котораго съ возженными отъ него бунтами всемилостивѣйше отъ ея императорскаго величества мнѣ препоручено главнокомандованіе надъ всѣми отряженными къ тому намѣренію войсками. А какъ Божіимъ промысломъ, благословляющимъ всѣ дѣянія нашей августѣйшей великой императрицы высочайшимъ ея величества счастіемъ, вѣрностію, не утомленными трудами, и храбростію врученныхъ мнѣ войскъ, сей государственный врагъ, самозванецъ и измѣнникъ Пугачевъ, со всею его бунтовщичьею толпою минувшаго августа 25-го числа не только разбитъ на голову между Царицыномъ и Чернымъ Яромъ, и принужденъ былъ съ малымъ весьма числомъ приспыхъ наперсниковъ броситься ко исканію еще спасенія своей проклятой жизни въ саратовскія степи, но и тамъ отъ преслѣдующихъ нашихъ неутомленныхъ воиновъ и истинныхъ сыновъ отечества, принужденъ былъ сентября 14-го числа при рѣчкахъ Узени впасть въ ихъ руки, и теперь окованный подъ стражею отъ меня отряженною содержится и везется къ полученію за его беззаконія и злодѣянія заслуженной кары, отъ правосуднаго престола благополучно владѣемаго нашею законною великою государынею, каясь самъ, какъ въ своихъ проклятыхъ окаянствахъ, такъ и въ томъ что онъ истинный казакъ донской Емельянъ Пугачевъ, бѣглой и воспріявшій самозванство имени императора Петра III для бунтовщичьяго своего токмо злонамѣренія. Я симъ о томъ извѣщаю, дабы каждый обитающій въ Россіи, сознавъ сію истину во всей точности, не только никогда не впадалъ въ какіялибо поползновенія по происходимымъ объ ономъ разглашеніямъ, но чтобъ каждый по долгу вѣрности ко владѣющей своей государынѣ и къ отечеству, всякаго иногда о томъ вредно разглашающаго, или сознавши укрывающихся изъ сообщниковъ сего государственнаго

бунтовщика, ловя, представлять къ начальствамъ, яко сущихъ изменниковъ и враговъ всей Имперіи, съ тѣмъ что кто поползнется разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ инако вѣрить, нежели здѣсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ у себя укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая, гдѣ нѣкоторые, можетъ-быть малые остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ, и о томъ не объявитъ, тотъ каждый будетъ признанъ въ равномъ противу государства злодѣяніи какъ самъ бунтовщикъ, и будетъ оружіемъ ея императорскаго величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія, или до поимки къ заслуженной казни, по строгости всѣхъ государственныхъ законовъ, гонимъ и преслѣдованъ.

„Оканчиваю сіе извѣщаніе всеусерднымъ моимъ желаніемъ, дабы возстановляемое нынѣ вожделѣнное спокойствіе внутри страдавшихъ отъ проклятаго изверга Пугачева губерніяхъ, утверждалося день отъ дня все болѣе и болѣе; и обновилось бы паки для всѣхъ безъ исключенія вѣрныхъ Россіянъ, подъ мудрою и кроткою державою великія матей самодержицы, совершеннѣйшее, какое токмо быть можетъ, всеобщее благоденствіе въ роды и роды. Дано на мартѣ 1774 года, сентября 25-го числа."

VIII.

Письмо графа П. И. Панина къ оренбургскому губернатору отъ 3-го октября 1774 г. изъ Симбирска.

Высокородный и превосходительный господинъ генералъ-поручикъ оренбургскій губернаторъ и кавалеръ.

Государь мой!

Какой данъ правительствующему сенату высочайшій именной ея императорскаго величества указъ о дѣланныхъ мною распоряженіяхъ и ея величеству донесенныхъ, по тѣмъ селеніямъ, кои сопричаствовали измѣнническому бунту, дерзновенному выступленію изъ подъ повиновенія законной власти, на обузданіе и впредь черни въ подданническомъ повиновеніи, съ различіемъ противу тѣхъ которые оному измѣнничеству не послѣдовали, съ того копію (если еще по настоящей дорогѣ изъ правительствующаго сената въ полученіи нѣтъ) здѣсь прилагаю за своимъ засвидѣтельствованіемъ, а къ точному непремѣнному исполненію высочайшаго ея величества онаго указа присовокупляю сію:

1. Чтобъ при тѣхъ безъ изъятія городахъ и всякаго званія селеніяхъ, которыя дерзали при нынѣшнемъ государственнаго злодѣя Пугачева возмущеніи бунтовать и выходить изъ должнаго подданп-

ческаго повиновенія, какъ канцеляріямъ и начальникамъ оставленнымъ отъ ея императорскаго величества такъ и не послушанія своимъ помѣщикамъ, поставленныя непремѣнно при большихъ городахъ висѣлицы, колесы и глаголи и впредь до указу содержаны были: а при какихъ именно селеніяхъ и за какое точно бунтовщичье оказательство поставлены будутъ, тѣ на смертную впредь казнь приготовленіи, объ оныхъ прислать ко мнѣ какъ можно скорѣй обстоятельныя вѣдомости за рукою вашею.

2. Съ сего времени впредь до особливаго ея величества указа во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ оныя приготовленія для смертной казни поставлены будутъ, по преступленіямъ не только бывшаго Пугачева бунта, но и по всѣмъ прочимъ заслуживающимъ смертную казнь, окую надъ злодѣями и преступниками податнаго состоянія, а не надъ дворянами имѣющими офицерскіе и выше чины, производить по указаннымъ слѣдствіямъ самымъ исполненіемъ по государственнымъ законамъ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которымъ власть надъ смертною казнію по оныхъ законамъ прежде было предписано, не останавливаясь за изданными о удержаніи надъ преступниками смертной казни всемилостивѣйшими указами, какъ покойною, въ гробѣ опочивающею государынею Елисаветой I, такъ и нынѣ владѣющею надъ нами нашею всемилостивѣйшею самодержицею, а о дворянахъ и чиновныхъ людяхъ въ смертныя преступленія впадаю щихъ, представлять къ высшимъ надлежащимъ мѣстамъ.

3. Въ тѣхъ же городахъ и селеніяхъ, которыя не были причастны нынѣшнему государственному возмущенію и бунту, но всегда пребывали въ должномъ повиновеніи законной власти, при которыхъ, яко въ подданнической вѣрности къ ея величеству пребывшихъ, въ различіе отъ тѣхъ кои въ измѣнническое преступленіе впадали, не ставить ни висѣлицъ, ни колесъ, ни глаголей и со впадающими изъ оныхъ селеній преступниками подъ смертную казнь, по обыкновеннымъ государственнымъ законамъ онаго отъ исполненія удерживаться, но поступать съ ними во всемилостивѣйше изданнымъ отъ нихъ императорскаго величества въ Бозѣ опочивающей покойной государынѣ Елисаветы Петровны и нынѣ благополучно державствующей надъ нами всеавгустѣйшей великой государыни императрицы Екатерины II.

Вашего превосходительства, государя моего, покорный и вѣрный слуга графъ Петръ Паниинъ.

IX.

Выписка изъ письма архіепископа Веніамина къ графу П. И. Панину изъ Казани 7-го ноября 1774 г.

„Проситъ его покровительства по случаю на него возложенной клеветы діакономъ Алексѣемъ Іоанновымъ, вслѣдствіе которой онъ съ 13-го октября арестованъ и имѣніе его опечатано, и онъ въ келіи своей содержится подъ крѣпкимъ карауломъ—лишенный священнослуженія и епархіальнаго правленія—а именно за то, что когда злодѣи напали на Казань 12-го іюля, онъ будто бы посылалъ къ Пугачеву золотою монетой до трехъ тыс. руб., для того чтобы загородный его домъ, называемый Воскресенскій монастырь, не былъ выжженъ; что̀ совершенно невѣроятно и несбыточно, и онъ клянется небомъ и землею и всѣмъ что̀ есть свято, что чистъ своею совѣстью и даже о томъ не помышлялъ, но напротивъ старался отвратить народъ отъ злодѣя, проклиная его въ соборѣ всенародно.“

СУДЬБЫ РУССКАГО ЯЗЫКА

НА ЖМУДИ.

I.

Нынѣшніе Россіенскій, Шавельскій и Тельшевскій уѣзды Ковенской губерніи съ XIV вѣка стали именоваться Жмудью (Самогитіею). Имя Жмудь получило еще бо́льшую извѣстность въ XV вѣкѣ, когда здѣсь образовалось Жмудское княжество и Мѣдницкая (Ворнянская) католическая епархія была переименована въ Жмудскую епархію. Мѣстность эта издавна составляла часть Руси и была заселена русскимъ народомъ; Литовцы же, тѣснимые въ сосѣднихъ странахъ, явились здѣсь какъ пришельцы, и водворяясь посреди многочисленнаго русскаго населенія, быстро русѣли, усвоивая нравы, обычаи и языкъ туземныхъ обитателей.

Описывая подвиги и мученическую кончину Св. Брунона, своего родственника, пострадавшаго въ 1009 году въ (собственной) Пруссіи, по всей вѣроятности тамъ гдѣ нынѣ городъ Браунбергъ,* лѣтописецъ XI вѣка, Дитмаръ Мерзебургскій, пишетъ: „когда онъ (Св. Брунонъ) началъ проповѣдывать, то сперва мѣстные жители запретили ему, а когда онъ проповѣдывать Евангеліе не переставалъ, то поймали его, наконецъ... обезглавили, на границѣ сказанной страны (Пруссіи) и *Руси*“. **

---

* *Даниловичъ, Skarbiec dyplomatów*, т. I, стр. 36. *Encyklopedya powszechna*, т. IV, стр. 302.

** *Chronicon Prussiae*, книга 6.

Другой лѣтописецъ XI вѣка, Адамъ Бременскій, точно также свидѣтельствуетъ, что сѣверо-западный край, или точнѣе, нынѣшнія Сувалкская и Ковенская губерніи въ его время назывались *Русью*. Вотъ что объ этомъ читаемъ у Ѳ. Нарбута: „Адамъ Бременскій,* перечисляя прусскія провинціи..., говоритъ, что Самландія граничитъ съ Руссами, то-есть со страною Руси, которую однакожъ къ числу прусскихъ провинцій оно не причисляетъ.“ **

Лѣтописецъ XII вѣка Гельмольдъ писалъ: „На южномъ берегу (Балтійскаго моря) живутъ славянскіе народы, изъ которыхъ на востокѣ первые Русскіе, потомъ Поляки граничащіе съ сѣвера съ Пруссаками, на югѣ Богемцы.“ ***

Лѣтописецъ XIII вѣка Вадевикъ Фрисингенскій свидѣтельствуетъ что „Польша граничитъ.... на сѣверѣ съ русскими и Скиескимъ (то-есть Балтійскимъ) моремъ.“ ****

Лѣтописецъ ливонскихъ рыцарей жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, Петръ Дисбургъ, писалъ слѣдующее: „Границы прусской земли, въ которыхъ она лежитъ, суть слѣдующія: Висела (Висла), Соленое море (Балтійское), Мемель, земля Руси, Мазовецкое и Добринское княжества.... Мемель есть текущая вода, вытекающая изъ Русскаго государства, впадающая въ море подлѣ зáмка и города Мемельберга, отдѣляющая ту же *Литовскую Русь* и Куронію (Курландію) отъ Пруссіи.“ †

Извѣстный польскій историкъ Христоферъ Гарткнохъ, жившій въ концѣ XVII вѣка, приведя показанія вышеказанныхъ лѣтописцевъ о русской народности въ нынѣшней Ковенской губерніи, писалъ слѣдующее: „По всей вѣроятности, подъ словомъ Русь онъ (Дисбургъ) понимаетъ ту часть Подляхіи и Литвы, которая граничитъ съ префектурами Лицкою и Маргграббовскою, то-есть, какъ обыкновенно называютъ, Олитскою въ Пруссіи, находящимися между рѣкою Мемелемъ и Мазовіею. Эта часть Польскаго государства называется *Русью*, потому что съ самыхъ древнихъ

---

* *De situ Daniae*, стр. 147.

** *Dzieje narodu litewskiego*, т. II, стр. 309 и 310.

*** *Kronika Slawiańska Helmolda*, стр. 6.

**** *De rebus gestis Friderici Imper.* кн. 1; у Нарбута, т. II стр. 310.

† *Chronicon Prussiae*, стр. 68.

временъ она принадлежала Русскимъ. Даже бо́льшая часть Литвы и нынѣ (то-есть въ 1679 году) говоритъ по-русски". *

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Гартknохъ говоритъ: „Съ ними (то-есть съ Пруссаками), безъ сомнѣнія, граничили Русскіе, такъ какъ извѣстно что бо́льшая часть нынѣшней Литвы въ тѣ времена была управляема Русскими. Даже въ самыхъ верховныхъ судахъ въ Литвѣ пишутъ акты на русскомъ языкѣ, что̀, конечно, довольно ясно показываетъ *что въ этихъ странахъ жилъ нѣкогда русскій народъ*. Наконецъ, Пруссія прежде соприкасалась Руси и съ другой стороны, именно съ юга. Ибо нашъ Дисбургъ постоянно называетъ Русью Подляхію (Сувалкская, Ломжинская и Сѣдлецкая губерніи), которая непосредственно соприкасается съ Пруссіей." ** Въ числѣ доказательствъ, свидѣтельствующихъ что Русь въ старину простиралась непосредственно вплоть до Балтійскаго моря, Гартknохъ приводитъ слѣдующее: „Извѣстно что рѣка Мемель (Нѣманъ) прежде называлась Руссомъ, а заливъ Куришгафъ—Русскою." ***

Изъ сказаннаго очевидно, что на Жмуди издревле жилъ русскій народъ. Литовцы же, получившіе наименованіе Литва **** въ XI вѣкѣ, жили въ это время въ нынѣшней Пруссіи, между Нѣманомъ, Вислою и теперешнею Сувалкскою губерніей, какъ можно заключить и изъ сопоставленія показаній лѣтописцевъ, упоминавшихъ о смерти Св. Брунона. Св. Брунонъ пострадалъ: по словамъ Дитмара Мерзебургскаго, „на границѣ Пруссіи и Руси"; † по словамъ лѣтописи Магдебургской: „на границѣ Руси и Литвы..."; по словамъ Сакса-Грамматика: „на границѣ Руссіи и Литвы". ††

Поляки и Нѣмцы издавна тѣснили прусскихъ Литовцевъ, подъ предлогомъ обращенія ихъ въ католицизмъ. Въ началѣ XII столѣтія король польскій Болеславъ III Кривоустый призвалъ бамберскаго епископа Оттона, а съ нимъ толпы Нѣмцевъ и Поляковъ, въ Померанію и Пруссію. Вотъ какъ

---

* *Chronicon Prussiae*, стр. 69, примѣчаніе.

** *Selectae dissertationes historicae*, стр. 64.

*** Тамъ же.

**** *Даниловичъ, Skarbiec*, т. I, стр. 36.

† *Chronicon Prussiae*, кн. 6.

†† *Skarbiec dyplomatów*, т. I, стр. 36.

свидѣтельствуютъ объ этомъ историки: „Благодаря острію меча, западная часть Помераніи принуждена была принять католицизмъ. Извѣстіе объ этомъ поразило Литовцевъ, жившихъ въ Пруссіи. Литовцамъ было извѣстно, что вмѣстѣ съ новою вѣрой введены и новыя подати и тягости, что у жителей отнято много земли и отдано на постройку костеловъ, монастырей и въ пользу духовенства. Литовцы въ Пруссіи видѣли полунагія толпы пролетаріевъ, собравшихся изъ разныхъ странъ, болѣе же всего изъ Германіи, которые и наводнили Пруссію чтобъ обогатиться и присвоить себѣ чужую собственность. Литовцамъ пришлось испытать всякаго рода угнетенія, лишенія, несправедливости и разныя насилія. Они были отовсюду изгоняемы, повсемѣстно преслѣдуемы и доведены до крайней нищеты, тогда какъ Нѣмцы обогащались, благоденствовали и находили вездѣ покровительство.“ * Такое варварское угнетеніе Литовцевъ въ Пруссіи вынуждало ихъ то и дѣло переходить и массами, и поодиночкѣ, въ сосѣдственную *Русь*. Не трудно даже опредѣлить тѣ мѣста чрезъ которыя при этомъ передвиженіи проходили самыя большія массы Литовцевъ. Духовенство играло у нихъ весьма важную роль. У нихъ былъ своего рода папа, глава этого духовенства, называвшійся Криве-кривейта. Гдѣ жилъ Криве-кривейта, тамъ находилась и главная святыня Литовцевъ, и центръ свѣтской власти. Эту святыню Литовцы трижды переносили въ Пруссію, вступивъ же въ предѣлы Жмуди, основали ее сперва при устьѣ рѣки Дубиссы, потомъ при устьѣ Невяжи; потомъ, въ началѣ XIII вѣка, она была перенесена въ Керновъ, и наконецъ въ Вильну. **

Не одни прусскіе Литовцы терпѣли отъ католиковъ. По свидѣтельству лѣтописцевъ, Адама Бременскаго, Генриха Латыша и другихъ, Литовцы, одного племени и языка съ прусскими, жили въ XI вѣкѣ и по берегу Балтійскаго моря, отъ города Либавы до города Пернавы. Жившіе въ нынѣшней Курляндской губерніи назывались Курляндцами, у Поляковъ же—Куронами, а въ Лифляндской губерніи—Ливонами. Нынѣ, называютъ ихъ обыкновенно Латышами. *** Подобно своимъ

---

* Даниловичъ, *Skarbiec*, т. I, стр. 38.

** *Ярошевичъ I*, стр. 192.

*** *Encyklopedya pow* слова: *Kurlandya, Inflanti, Latyasz.*

прусскимъ соплеменникамъ, имъ пришлось испытать не мало гоненій отъ католиковъ.

Въ 1186 году въ Ливоніи началъ проповѣдывать католицизмъ Мейнгардъ. Послѣ смерти его въ 1196 году, его преемникъ Бертольдъ привелъ изъ Германіи толпы крестоносцевъ для обращенія жителей Курляндіи и Ливоніи въ католицизмъ. Въ 1200 году Бертольдъ опять призвалъ новыя полчища крестоносцевъ изъ Германіи и основалъ городъ Ригу. Отсюда образовался въ остзейскихъ губерніяхъ орденъ крестоносцевъ, который въ 1237 году соединился съ прусскими крестоносцами. *

Когда крестоносцы утвердились въ остзейскихъ губерніяхъ и начали мечомъ обращать мѣстныхъ жителей въ латинство, то многіе изъ Куроновъ не могли не оставить своей родины и переселились, подобно прусскимъ Литовцамъ, на Русь, то-есть въ Литву, особенно же на Жмудь. **

Лѣтописецъ ливонскихъ рыцарей, жившій въ XIII вѣкѣ, Генрихъ Латышъ, свидѣтельствуетъ, что въ 1208 году епископъ и магистръ ливонскихъ рыцарей Альбертъ привелъ изъ Германіи многочисленныя полчища Нѣмцевъ въ Ригу, подъ предводительствомъ Рудольфа изъ Ериха и Вальтера изъ Гаммерслена. При помощи крестоносцевъ, Альберту удалось отнять у *русскаго князя* укрѣпленный замокъ Кукенойсъ, нынѣ Кокенгузенъ, при Западной Двинѣ. Въ этомъ укрѣпленномъ замкѣ засѣли послѣ этого Нѣмцы, чтобы защищаться отъ Литовцевъ и Русскихъ.

Самою главною помѣхой Нѣмцамъ былъ въ то время *русскій князь Всеволодъ*, столица котораго называлась Берсикою, по всей вѣроятности, нынѣшній Берсенъ въ Курляндской губерніи. Князь Всеволодъ былъ весьма могущественъ, имѣлъ большое вліяніе на Литовцевъ, и былъ большой врагъ Нѣмцевъ. Княжество его, населенное преимущественно русскимъ народомъ, *** по пространству было не малое: не только часть Курляндской губерніи, но даже часть нынѣшнихъ Тельшевскаго и Шавельскаго уѣздовъ на Жмуди, по всей вѣроятности, принадлежала ему.

---

* Тамъ же.

** Тамъ же, т. XVI, стр. 481.

*** Генрихъ Латышъ, *Origines Livoniae*, у Даниловича, *Skarbiec* т. I, стр. 55—57.

Понятно, что погубить князя Берсики было для Нѣмцевъ дѣломъ первой важности. Въ самомъ дѣлѣ, крестоносцы напали на него всѣми силами, и имъ какъ-то удалось взять, разграбить и сжечь его столицу, и даже захватить въ плѣнъ его семейство. Семейство и другіе плѣнные были возвращены князю Всеволоду крестоносцами не прежде, какъ по полученіи отъ него клятвы: прекратить связи съ Литовцами, не принимать ихъ въ свое государство, отдать свои земли католическому костелу и пользоваться ими только на ленномъ правѣ.

II.

Русскіе издавна извѣстны своею терпимостію; поэтому Литовцы, переселившіеся изъ Пруссіи и остзейскаго края въ сѣверо-западную Русь, находили въ этомъ краѣ радушный пріемъ и пользовались политическими правами наравнѣ съ Русскими. Въ раскладкѣ податей русскіе князья были даже снисходительнѣе къ Литовцамъ чѣмъ къ русскимъ своимъ подданнымъ, такъ какъ Литовцы сначала были бѣдны. Литовцы же, поселившись на Жмуди, скоро русѣли, оставляли свой литовскій языкъ, и усвоивали языкъ русскій. Фактъ этотъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что русское народонаселеніе въ этомъ краѣ было тогда многочисленно, и что русская цивилизація находилась тогда сравнительно на довольно высокой степени развитія. Вотъ что пишутъ объ этомъ польскіе историки. „Литовцы, говоритъ А. Гвагнинъ, усвоили себѣ чужой языкъ, то-есть приняли языкъ и народные обычаи тѣхъ жителей надъ которыми удалось имъ присвоить себѣ правительственную власть. Долгое время сначала никто не обращалъ вниманія на этотъ литовскій народъ; и онъ находился подъ властью Русскихъ.... Мало-по-малу они (Литовцы) возросли въ силахъ, такъ что успѣли подчинить Русскихъ своей власти.“ * „Поселившись въ сѣверо-западной Руси, Литовцы, говоритъ Даниловичъ, были окружены со всѣхъ сторонъ Русскими, и то подчинялись ихъ власти, то управляли ими посред-

* *Sarmatiae Europeae descriptio*, Краковъ 1578 г., листъ 45.

ствомъ своихъ князей; они приняли русскую цивилизацію и русскій языкъ и сдѣлали его у себя языкомъ двора, науки, судопроизводства, администраціи и дипломатіи. Только при посредствѣ русскаго языка можно было понимать Литовцевъ. На немъ они писали и лѣтописи. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ того, что Литовцы обладали глубокимъ политическимъ смысломъ." *

Керновскому князю Зивибунду и жмудскому князю Монтвиллу, жмудскій каноникъ Матѳей Стрійковскій писалъ въ 1582 году слѣдующее: „Братецъ-Литовецъ, не завидуй Русскимъ, ибо они не менѣе тебя знамениты, что̀ признать за ними принуждены всѣ. Безъ нихъ ты не въ состояніи удержать порядокъ въ своемъ государствѣ; ибо Русскіе въ своихъ областяхъ живутъ *издревле*. Въ пользу ихъ (то-есть Русскихъ) свидѣтельства постарше. Изъ нихъ же возникла и Литва, когда, благодаря несогласію, выросли рога у русскихъ князей. Благодаря единодушію, Литва поселилась въ отечествѣ ихъ (то-есть Русскихъ), тогда именно, когда, по причинѣ *междуусобной* вражды, несчастная Русь сама себя истребляла." **

„Не только русская цивилизація, говоритъ о. Ярошевичъ, уже тогда (въ XIII вѣкѣ) высшая, имѣла вліяніе во многихъ отношеніяхъ на Литовцевъ, но и русскій языкъ, особенно въ высшихъ классахъ жителей, въ послѣдствіи взялъ верхъ надъ языкомъ природнымъ, до того что наконецъ сдѣлался языкомъ двора и судопроизводства. Вмѣстѣ съ языкомъ не могла не распространиться и русская письменность. Хотя говорятъ что Ягайло не умѣлъ писать, но по моему мнѣнію, онъ не умѣлъ писать только по-польски и по-латыни, но никакъ не по-русски." *** „Литовцы, говоритъ другой польскій писатель, Игнатій Даниловичъ, приняли цивилизацію и языкъ русскій и сдѣлали его у себя языкомъ придворнымъ". ****

Желая утвердиться въ сѣверо-западной Руси, Литовцы хорошо понимали что имъ необходимо породниться съ Русскими не только по языку, но и по крови. Литовскіе князья очень часто вступали въ бракъ съ русскими княжнами, а русскія княжны выходили замужъ за литовскихъ

* При *Лѣтописи Стрійковскаго*, стр. 38.

** *Kronika*, т. I, стр. 219.

*** *Obraz Litwy*, т. I, стр. 174.

**** При *Лѣтописи Стрійковскаго*, стр. 38.

князей. * Вслѣдствіе сего, присвоеніе Литовцами власти надъ русскимъ краемъ не произвело въ немъ значительной перемѣны. Русская жизнь шла своимъ чередомъ, и русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи на Жмуди, не только въ средѣ Русскихъ, но и въ средѣ коренныхъ Литовцевъ, въ томъ числѣ и въ княжескомъ родѣ. **

Вотъ образецъ того какъ переписывались литовскіе князья съ Польскимъ королемъ около 1345 года:

„Вѣдаи то каждый челъвикъ, кто на тои листъ посмотритъ Оже я князъ соунутии и кистутии и любартъ Юръии Наримонътовичь Юръии Корѣятовичь чинимъ миръ твердыи съ королемъ Казимиромъ польсъмъ и сомовитомъ и с его братомъ Казимиромъ Мазовскимъ.... а за великого князя Олькѣрта и за Корьята и за Патрикия и за ихъ сыны мы слюбуемъ тотъ миръ держати вѣлми твердо.... а миръ отъ Покрова бцѣ до Ивана дне.“ ***

Ягайло въ угоду Полякамъ, заклятымъ врагамъ русскаго народа и русскаго языка, сдѣлавшись польскимъ королемъ, сталъ говорить по-чешски, ибо по-польски не умѣлъ. **** Витовтъ постоянно говорилъ по-русски и писалъ на русскомъ языкѣ. † Великій князь литовскій Свидригайло былъ поборникомъ русской народности и русскаго языка. За привязанность къ русской народности, польская интрига лишила его великаго княжества Литовскаго, въ 1432 году. †† Казиміръ Ягайловичъ и Сигизмундъ Казимировичъ были также великими поборниками русской народности и русскаго языка. †††

Въ письмѣ адресованномъ въ 1420 году на имя императора Сигизмунда, великій князь Литовскій Витовтъ пишетъ такъ: „Жмудская (самогитская) страна считается и считалась всегда однимъ и тѣмъ же краемъ что

---

* Подробныя свѣдѣнія о бракахъ между русскими и литовскими князьями находятся въ сочиненіи г. Ратча: *Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года*, часть I, приложеніе 3.

** Каноникъ Эр. Вителій у Тейнера, т. II, стр. 278.

*** Строичинскій, *Wzovy pism dawnych*, часть 1.

**** Мацоевскій, *Pamiętnik*, т. I, стр. 349.

† О. Нарбутъ, т. V, стр. 612—615, т. VI, стр. 557.

†† Тамъ же, т. VII, стр. 4, 132—134. Боричевскій, *Православіе и русская народность въ Литвѣ*, стр. 57.

††† Нарбутъ, т. VIII, стр. 254. *Encyclopedya powszechna*, слово Skorupa. Іохеръ, т. II, во многихъ мѣстахъ.

и Литовская страна, ибо и здѣсь и тамъ *одинъ и тотъ же языкъ, одинъ и тотъ же самый народъ*. Но такъ какъ Жмудская страна относительно Литовской находится ниже, поэтому она и называется Шомойтъ, что̀ на литовскомъ языкѣ и означаетъ низшую страну. Жмудяки называютъ Литву Авкстотою, что̀ означаетъ, относительно Жмуди, высшую страну. Точно также всѣ Жмудяки называютъ себя *издревле* Литовцами, но никогда не Жмудяками, и поэтому, благодаря такому тождеству въ названіи, въ нашемъ титулѣ не упоминается слово Жмудь; такъ какъ государство одно, край одинъ, и въ немъ люди одни и тѣ же.“ *

Въ политическомъ отношеніи, жители сѣверо-западнаго края издревле до 1230 года называли себя русскими подданными. Около 1230 года литовскій князь Ригольдъ назвалъ себя великимъ княземъ литовско-русскимъ, а съ тѣхъ поръ и жители сего края, очень естественно, стали именовать себя точно также подданными великаго княжества Литовско-Русскаго. ** Что же касается народности, то жители сѣверозападнаго края, обыкновенно называли себя *Русскими*. Католики называли себя *Русскими римскаго закона*, православные же—*Русскими греческаго закона*. Такъ, въ 1433 году, Владиславомъ Ягайловичемъ дарована привилегія *русскому дворянству* (шляхтѣ) *римскаго закона*; въ 1445 году, Казиміромъ Ягайловичемъ такая же привилегія дана *русскому дворянству греческаго закона*. *** Поляки нынѣ стараются называть католиковъ и въ сѣверозападномъ краѣ Поляками. Но знаменитый польскій историкъ Лелевель въ своихъ сочиненіяхъ называетъ не только православныхъ, но и католиковъ сѣверо-западнаго края не иначе какъ *Русскими* по народности.

„Что̀ бы ни говорили нѣкоторые изъ Поляковъ, мы, однако, пишетъ Ярошевичъ, не боимся утверждать, что русскія права и русскіе юридическіе обычаи, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣйствовали въ Литвѣ (и на Жмуди), по преимуществу же въ Вильнѣ, гораздо ранѣе царствованія Ягайла. Упраздненіе же *русскихъ правъ* въ городѣ Вильнѣ, состоявшееся въ 1432 году, при великомъ князѣ Сигизмундѣ, доказываетъ, что

---

* Ярошевичъ, т. I, стр. 33—34.

** *Encyklopedya powszechna*, т. XXII, слово *Ryngold*.

*** Гелленій, *Czas, dodatek miesięczny* за 1857 г. т. IV, вып. 18. Гарасевичъ, стр. 155.

благодаря древности и привычкѣ къ нимъ народа, русскія права и обычаи имѣли у народа болѣе значенія чѣмъ Магдебургское право дарованное въ 1387 году Ягайломъ городу Вильнѣ.... Многіе законоположенія *Русской правды* дѣйствовали въ Литвѣ (и на Жмуди), а въ послѣдствіи вошли въ составъ Литовскаго статута.... Законоположенія *Русской правды, какъ болѣе соотвѣтственныя странѣ и обычаямъ народа*, были приняты въ Литвѣ (и на Жмуди) немедленно. Побѣдитель (то-есть литовскіе князья) въ покоренныхъ имъ странахъ не имѣлъ обыкновенія отмѣнять государственнаго строя и законовъ, если они не были противны его цѣлямъ, или если онъ былъ не въ состояніи дать лучшихъ законовъ." * Въ Литвѣ *издревле* были писанные законы и опредѣленная форма судопроизводства, какъ видно изъ проекта уніи Литвы съ Польшей, составленнаго на Петрковскомъ сеймѣ 1499 года. Изъ древнихъ законоположеній Литвы остался только *Статутъ* Казиміра Ягайловича, изданный въ 1492 году; остальныя же законоположенія, которыхъ было не мало, затерялись. **Первое изданіе *Литовскаго Статута* было обязательно съ 1530, второе же изданіе, исправленное и дополненное, съ 1569 года. Статутъ во второмъ изданіи принято называть статутомъ Сигизмунда-Августа, а чаще всего *волынскимъ*, потому что имъ управлялась не только Литва и Жмудь, но и воеводства Волынское, Кіевское, Смоленское, Полоцкое, Витебское и Мстиславское. Второе изданіе статута было постоянно дополняемо новыми постановленіями, въ видѣ приложеній. *** Приложеніе Статута *Литовскій трибналъ* (верховый судъ), получившее законную силу съ 1581 года, въ этомъ году было напечатано въ Вильнѣ. **** По повелѣнію короля Сигизмунда III и при помощи канцлера великаго княжества Литовскаго Льва Сапѣги, приготовлено третье изданіе *Литовскаго Статута*, дополненнаго и исправленнаго, который и получилъ законную силу съ 1588 г. и дѣйствовалъ въ этомъ составѣ до 1840 года. Третье изданіе Статута было напечатано въ Вильнѣ въ томъ же 1588 году и притомъ *(одного и*

---

* *Ярошевичъ*, т. I, стр. 146—147.

** Тамъ же, т. II, стр. 128—129.

*** Тамъ же, т. II, стр. 133, 140, 144.

**** *Volumina Legum*, петербургское изд. т. II, стр. 210, пунктъ 41. Ярошевичъ, т. II, стр. 145.

того же года) въ двухъ изданіяхъ.* Всѣ три изданія Литовскаго Статута, дѣйствовавшія въ Литвѣ (и на Жмуди) писаны *по-русски*. Первое польское изданіе напечатано впервые въ 1614 году, по всей вѣроятности, для пользы Поляковъ.** По словамъ Раковецкаго и Ярошевича, въ основу Литовскаго Статута легла Русская Правда.***

Отъ законоположеній дѣйствовавшихъ по всему сѣверо-западному краю перейдемъ къ частнымъ законамъ и правительственнымъ актамъ на Жмуди.

Правительственныхъ грамотъ и привилегій XV и XVI вѣковъ, исключительно для жителей Жмуди, весьма много, и онѣ довольно своеобразны. Въ 1492 году дана Жмуди „земская привилегія" Александромъ Казиміровичемъ. Въ 1527 году Жмудь просила чтобы для нея былъ назначенъ „старостой *Станиславъ Станиславовичъ*", и король согласился. Жители Жмуди называли сановниковъ не по фамиліи, какъ дѣлаютъ Поляки, а по русскому обыкновенію, то-есть по имени и по отчеству.

Желая защитить простой народъ отъ несправедливостей и угнетеній со стороны старостъ и тіуновъ, Сигизмундъ Казиміровичъ I издалъ въ 1529 году *Уставъ*, предназначая его для чтенія простому народу Жмуди. Всѣ эти привилегіи, законы и другія королевскія грамоты, число которыхъ весьма значительно, писаны *по-русски*.

Жмудь въ XV и XVI вѣкахъ получила отъ польскихъ королей весьма много правъ и разныхъ привилегій, и притомъ главнымъ образомъ по ходатайству жмудскихъ епископовъ, дѣлавшихъ это съ цѣлью усилить свое вліяніе и значеніе въ средѣ народонаселенія Жмуди. Само собою разумѣется, что редакція этихъ правъ и привилегій не могла состояться безъ вѣдома тѣхъ же епископовъ. И что же? Всѣ эти права и привилегіи Жмуди писаны не иначе какъ на русскомъ языкѣ.

Судебные и административные акты Жмуди сохранились съ 1545 года. Всѣ они безъ исключенія писаны на русскомъ языкѣ до 1640 года; съ этого же года начинаютъ мало-помалу употреблять въ актахъ и польскій языкъ; но это

---

* Ярошевичъ, т. II, стр. 145.

** Тамъ же, т. II, стр. 145, 229 (126).

*** *Prawda Ruska przez Rokowiechiego*, Ярошевичъ, т. I, стр. 222 (53).

случалось весьма рѣдко до 1697 года. Очевидно, жители Жмуди, употребляли русскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ и въ обращеніи къ начальству до тѣхъ поръ, пока имъ позволялось это дѣлать. *

Формальное запрещеніе употреблять русскій языкъ въ *верховныхъ судахъ* послѣдовало въ 1697 году. Тѣмъ не менѣе, въ низшихъ судахъ, особенно въ судахъ руководствовавшихся магдебургскимъ правомъ, русскій языкъ употреблялся и въ XVIII вѣкѣ. **

Наконецъ, не только польскіе короли Ягеллоны, но даже и короли изъ природныхъ Поляковъ и другихъ націй, какъ напримѣръ Стефанъ Баторій, Сигизмундъ III и его сынъ Владиславъ IV, умершій въ 1648 году, нерѣдко издавали грамоты на русскомъ языкѣ. ***

Добавимъ, что не только законы, привилегіи и правительственныя грамоты, относившіяся къ мірянамъ, но и относившіяся къ католическому духовенству, писались въ старину въ Литвѣ и на Жмуди на русскомъ языкѣ. Католическое духовенство не составляло тогда какого-то особаго польскаго класса, какъ нынѣ. Такъ въ 1399 году, великій князь литовскій Витовтъ даровалъ виленскому католическому капитулу Березинскую землю и имѣніе Стрѣшинъ. Дарственная грамота, данная Витовтомъ въ Трокахъ, отъ 3-го апрѣля того же 1899 года, писана по-русски. **** Въ 1536 году король Сигизмундъ I подарилъ участокъ земли, такъ-называемый Калитниковскій, канонику Жмудской епархіи, князю Валеріяну Протасевичу (въ послѣдствіи виленскій епископъ). Дарственная грамота по этому поводу также писана по-русски. †

III.

„Литовскій языкъ, пишетъ польскій писатель И. Даниловичъ, стали употреблять въ письмѣ впервые въ XVI вѣкѣ, да и то въ костельныхъ молитвахъ, катихизисахъ, или

* *Encyklopedya powszechna*, т. XXXVIII, слово *Zmudi. Volumina Legum*, петербургское изданіе т. V, стр. 418. *Западно-русскій лѣтописецъ* на 1866 годъ, Вильна, стр. 67—69.

** Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края, стр. 346.

*** Боричевскій, *Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи*, изданные разными коммиссіями и частными лицами.

**** Даниловичъ, *Skarbiec*, т. I. стр. 317, № 702.

† *Wizerunki*, т. XXIV, стр. 91.

проповѣдяхъ, обращенныхъ къ *простому народу*. Кто нынѣ рѣшится искать лѣтописей писанныхъ по-литовски, если ихъ не удалось найти Стрійковскому? Всѣ онѣ, по его словамъ, писаны по-русски." *

По желанію и повелѣнію жмудскаго епископа Мельхіора Гедройца, жмудскій каноникъ Матѳей Стрійковскій въ концѣ XVII вѣка, написалъ лѣтопись Литвы и Жмуди. ** Стрійковскому удалось собрать въ Литвѣ и на Жмуди, какъ матеріалы для своего труда, до тысячи лѣтописей.*** И. Даниловичъ замѣчаетъ что „показанное число лѣтописей, найденныхъ Стрійковскимъ, не надо считать преувеличеннымъ, потому что и *Шлецеру* удалось достать 21 лѣтопись, изъ коихъ 12 печатныхъ, а 9 въ рукописяхъ. Изъ этой тысячи лѣтописей, найденныхъ Стрійковскимъ на Жмуди и въ Литвѣ, не было ни одной писанной не по-русски. **** Но что̀ главное, эти лѣтописи, по словамъ того же Стрійковскаго, были читаемы жителями *Литвы и Жмуди издревле*. Отсюда ясно видно что въ Литвѣ и на Жмуди *издревле* знали русскій языкъ и русскую грамоту.

Одну изъ литовскихъ лѣтописей, изъ числа тѣхъ которыми пользовался Стрійковскій, издалъ И. Даниловичъ въ 1828 году. Вотъ что̀ онъ пишетъ объ ней: „Изъ этой лѣтописи видно что уже въ XIV вѣкѣ были писаны отдѣльно литовскія лѣтописи, или по крайней мѣрѣ составляемы извлеченія изъ другихъ лѣтописей, писанныхъ до того времени. Такъ какъ эта лѣтопись есть сокращеніе писанныхъ прежде, какъ въ ней значится, то ясно видно что существовали древнія литовскія лѣтописи, писанныя прежде ея. Такимъ образомъ, ошибается Шлецеръ, говоря будто лѣтописи въ Литвѣ и на Жмуди были писаны не прежде XV и XVI вѣковъ, ибо уже и эта лѣтопись писана около 1394 года." †

Если можно было собрать тысячу лѣтописей, то нѣтъ сомнѣнія, что другихъ сочиненій, молитвенниковъ, катихизисовъ и книжекъ религіознаго содержанія, находилось въ то время въ Литвѣ и на Жмуди еще болѣе. Въ самомъ дѣлѣ,

---

* При *Лѣтописи Стрійковскаго*, стр. 38.

** Даниловичъ при *Лѣтописи Стрійковскаго*, стр. 47.

*** *Стрійковскій* т. I, стр. 237, 246, 354.

**** *Kronika*, т. I, стр. 55, 354.

† При *Лѣтописи Стрійковскаго*, стр. 59.

особенно въ XIV, XV и XVI вѣкахъ, въ Литвѣ и на Жмуди находилось весьма много разнаго рода книгъ и рукописей; это видно изъ факта сожиганія ихъ іезуитами, которые, какъ извѣстно, въ концѣ XVI и въ теченіе XVII вѣковъ постоянно сожигали огромныя кучи книгъ и рукописей, преимущественно старыхъ, по всей Жмуди и Литвѣ. *

Такъ какъ лѣтописи писались тогда всѣ по-русски, то очевидно, что и другія сочиненія были писаны на томъ же русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе что не было до XVI вѣка ни одной частной сдѣлки писанной уроженцемъ Литвы и Жмуди по-литовски, или по-польски: всѣ онѣ писались тогда по-русски. **

Еще въ 1094 году Евреи перевели книгу *Альгафторахъ*, то-есть толкованіе Моисеевыхъ законовъ, на русскій языкъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно гдѣ составленъ этотъ переводъ; онъ находится теперь въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ. ***

Самою цвѣтущею эпохой русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди были XV, XVI и начало XVII столѣтія. Вотъ что писалъ Иванъ-Казиміръ Пашкевичъ въ 1621 году о русскихъ началахъ въ семъ краѣ. „Польша процвѣтаетъ латынью, Литва же и Жмудь—русчизною; безъ той нельзя обойтись въ Польшѣ, безъ сей (т.-е. русскаго языка) будетъ въ Литвѣ и на Жмуди словно дуракъ. Благодаря латинскому языку, Польша въ состояніи говорить, Литва и Жмудь безъ русскаго языка существовать не въ состояніи. Знай, Русь, что твоя слава разнеслась по всему свѣту, радуйся, Русскій, твоя слава никогда не исчезнетъ.“ ****

Въ статьѣ „Судьбы Русскаго языка въ костелахъ въ Сѣверозападномъ краѣ“ мы говорили уже что Ф. Скорина издалъ русскій переводъ Библіи и другія религіозныя книги для католиковъ. Извѣстно что католическій священникъ Кассіянъ Саковичъ, жившій въ XVII вѣкѣ, писалъ не мало

* *Ярошевичъ*, т. III, стр. 107.

** *Ярошевичъ*, т. I, стр. 174.

*** *Encyklopedya powszechna*, т. XXVIII, стр. 1127.

**** Въ *Собраніи древнихъ грамотъ и актовъ*, въ двухъ письмахъ русскомъ и польскомъ, (Вильна 1843 года) слова Пашкевича: „безъ той нельзя обойтись въ Польшѣ, безъ сей будетъ въ Литвѣ словно дуракъ“, выброшены *нарочно*, чтобы не обижать польской національной гордости.

сочиненій на русскомъ языкѣ. Сочиненія Саковича были усердно уничтожаемы. * Кромѣ того, существуетъ весьма много религіозныхъ сочиненій, писанныхъ на русскомъ языкѣ, о которыхъ нельзя сказать съ достовѣрностію, принадлежатъ ли они уніатамъ, или же католикамъ. ** Не мало сочиненій этого рода хранится и въ Виленской публичной библіотекѣ. До сихъ поръ на эти сочиненія никто не обращалъ вниманія, и на вопросъ какого они содержанія, отвѣчаютъ обыкновенно казенною фразой, что они уніатскіе, такъ какъ никому изъ Русскихъ и въ голову не приходило что въ прежнее время существовала католическая литература на русскомъ языкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія что мѣсяцесловы, назначенные для мірянъ-католиковъ въ Литвѣ и Жмуди, писались въ старину и печатались въ XVI вѣкѣ на русскомъ языкѣ. Мѣсяцесловы того времени печатались при книгахъ религіознаго содержанія, чаще всего при молитвенникахъ, и издавались не ежегодно, какъ нынѣ принято, а праздники и воскресные дни были въ нихъ обозначены на нѣсколько лѣтъ, какъ это и до сихъ поръ дѣлается въ польскихъ молитвенникахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1525 году Ф. Скорина издалъ мѣсяцесловъ „Сборникъ“, напечатанный при Дѣяніяхъ и Посланіяхъ Апостольскихъ.

Наконецъ, католики въ сѣверо-западномъ краѣ были тогда такъ тверды въ своей русской народности, что на Жмуди соблюдали посты и праздновали праздничные дни не по правиламъ католической церкви, а согласно постановленіямъ православной, то-есть, жмудскіе католики постились и праздновали вмѣстѣ съ православными, а не съ Поляками. Жмудскіе католики принуждены были отстать отъ обычаевъ православной церкви вслѣдствіе двукратнаго повелѣнія папы Григорія XIII въ 1582 году, буллами „Inter gravissimas“ и „Cupientes“, и введенія лѣтосчисленія по *новому стилю*. ***

Кальвинисты, которые такъ распространились было въ Литвѣ, по преимуществу же на Жмуди, находили необходимымъ, для распространенія своего ученія, поучать и изда-

---

* Іохеръ, т. III, стр. 355. *Encyklopedya pow.* т. XXII, стр. 822.

** Іохеръ въ томѣ II и III.

*** *Bullarium magnum*, римское изданіе, т. II. Гарасевичъ, стр. 384. *Encyklopedya powszechna*, т. XIII, слово—*Kalendarie*.

вать свои книги на русскомъ языкѣ. Только въ послѣдствіи, въ угоду Полякамъ и іезуитамъ, желавшимъ истребить русскія начала въ сѣверо-западномъ краѣ, стали издавать книги по-польски и по-литовски. * Такъ, польскіе писатели говорятъ что „Симеонъ Будный, желая насадить кальвинское ученіе въ средѣ народонаселенія (Литвы и Жмуди), издалъ свои книги на славяно-русскомъ языкѣ и переводилъ ихъ на чистый славянскій (то-есть русскій) языкъ". ** Сочиненій протестантскаго содержанія, писанныхъ по-русски, по всей вѣроятности, было не мало; но нынѣ они составляютъ большую библіографическую рѣдкость, благодаря іезуитамъ и Полякамъ, истреблявшимъ ихъ. Изъ сочиненій сего рода намъ извѣстенъ: „Катихизисъ, то-есть наука стародавняя христіанская, отъ святого писма для простыхъ людей языка русскаго, въ пытаніахъ и отказѣхъ събрана." Этотъ катихизисъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ; намъ извѣстны его изданія: Несвижское 1562 и Стокгольмское 1628 годовъ. Кромѣ того: „О оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ книжки С. Б. (Семена Буднаго)". Намъ извѣстно изданіе Несвижское 1562 года; но могли быть и другія. ***

Здѣсь кстати замѣтить что Будный старался подражать Франциску Скоринѣ, и въ концѣ своего Катихизиса помѣстилъ эпилогъ почти слово въ слово такой же какой находится при сочиненіяхъ и переводахъ Ф. Скорины. Это сдѣлалъ Будный изъ желанія понравиться жителямъ Литвы и Жмуди, которымъ нравились переводъ Библіи и другія сочиненія Ф. Скорины. ****

Нѣтъ сомнѣнія, что училищъ, или учителей русской грамоты, въ Литвѣ и Жмуди было въ старину *не мало*, † такъ какъ въ одной Вильнѣ, въ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, существовало 30 русскихъ училищъ †† и только одно польское, основанное при католическомъ соборѣ. †††

---

* Ярошевичъ, т. III, стр. 215 — 216. *Encyklopedya pow.*

** *Encyklopedya powszechna*, т. IV, стр. 547—548.

*** Іохеръ, т. II, стр. 232—306.

**** Іохеръ, т. II, стр. 306.

† Czacki, *o litew. i polsk. prawach*, т. I, стр. 56—57.

†† А. Гвагникъ, въ сборникѣ *Respublica Moscoviae et urbes.* Ярошевичъ, т. III, стр. 82—216.

††† Пріялговскій, *Zywoty Bisk. Wil*, т. I, стр.171.

Наконецъ, о широкомъ развитіи въ старину русскихъ началъ въ Литвѣ и на Жмуди можно судить и по дѣлу книгопечатанія.

Первая польская типографія въ городѣ Вильнѣ была основана іезуитами въ 1576 году. Первая русская типографія въ краѣ была виленская, такъ-называемая типографія старшаго градоначальника Вильны Бабича, успѣвшая еще до 1525 года напечатать, если не весь Новый Завѣтъ Скорины, то навѣрное Дѣянія и Посланія апостольскія и Мѣсяцесловъ. Эта типографія была католическая; тѣмъ не менѣе въ ней печатались книги и православнаго содержанія. Первая протестантская типографія въ сѣверо-западномъ краѣ была несвижская, основанная княземъ Радзивилломъ Чернымъ около 1558 года. Въ этой типографіи печатались книги до 1570 года исключительно *по-русски*. Благодаря уніи Литвы съ Польшей и введенію іезуитовъ въ 1569 году, несвижская типографія въ 1570 году напечатала уже по-польски протестантскую Библію, переводъ Буднаго. Наконецъ въ слѣдующемъ 1571 году она досталась іезуитамъ. Въ томъ же XVI вѣкѣ въ Вильнѣ работали русскія типографіи: Лелонга, Ленчинскаго, Гарабурды и по преимуществу братьевъ Луки, Козьмы и Льва Мамоничей. Типографія Мамоничей существовала долго и успѣла напечатать весьма много книгъ; она находилась подлѣ Острыхъ воротъ. Была русская типографія также въ мѣстечкѣ Заблудовѣ (Бѣлостокскаго уѣзда). Въ XVII вѣкѣ были русскія типографіи: въ Вильнѣ: свято-духовская и базиліянская, въ Трокскомъ уѣздѣ и въ Могилевѣ. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ русскія книги печатали въ монастырѣ Супрасльскомъ, въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ. **

IV.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія что православное духовенство въ Литвѣ и на Жмуди постоянно произносило проповѣди на русскомъ языкѣ. Католическіе ксендзы точно также поучали народъ вѣрѣ и произносили проповѣди на Жмуди со времени введенія католицизма въ Литвѣ въ 1387

** Бентковскій, *Wiadomosć Encyklopedya powszechna*, въ разныхъ мѣстахъ.

году до половины XVII вѣка не иначе какъ по-русски. Это видно изъ слѣдующаго.

Въ царствованіе Ягайла, два Іеронима изъ Праги, одинъ католикъ и монахъ, а другой послѣдователь гусситскаго ученія, ходили проповѣдывать Евангеліе *на Жмудь*. Іеронимъ, послѣдователь Гусса, не имѣлъ успѣха, потому что не зналъ русскаго языка. Іеронимъ же католикъ, напротивъ, въ распространеніи католической вѣры успѣлъ не мало, *потому что зналъ русскій языкъ, на которомъ и поучалъ*. Объ этомъ Іеронимъ свидѣтельствовалъ на Базельскомъ вселенскомъ соборѣ. * Въ 1387 году, нѣкоторые изъ ксендзовъ, прибывшихъ съ Ягайломъ для обращенія жителей сѣверозападнаго края, произносили проповѣди *по-русски*; другіе же, не знающіе русскаго языка, поучали черезъ переводчиковъ, ибо народъ не понималъ по-польски; ** какъ сельскіе, такъ равно и городскіе жители повсемѣстно говорили *по-русски*.

Іезуиты, водворенные въ Литвѣ въ 1569 году, стали, какъ свидѣтельствуютъ польскіе писатели, употреблять въ проповѣдяхъ и молитвенникахъ литовскій языкъ. Ярошевичъ говоритъ: „не много было лицъ, которые хотѣли совершенствовать и распространять родную (литовскую) рѣчь, но и этихъ доставилъ намъ по преимуществу орденъ іезуитовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. *** Только въ XVI вѣкѣ, пишетъ Даниловичъ, литовскую рѣчь стали употреблять въ церковныхъ молитвахъ, катихизисахъ и проповѣдяхъ обращенныхъ къ простому народу. ****

Изъ свидѣтельства этихъ первостепенныхъ писателей ясно видно, что предъ водвореніемъ іезуитовъ въ Литвѣ въ 1569 году, литовскій языкъ не употреблялся въ костелахъ на Жмуди, а тѣмъ болѣе въ остальномъ сѣверозападномъ краѣ. Остается разсмотрѣть, въ какомъ объемѣ могъ быть употребляемъ въ нихъ польскій языкъ.

Всѣмъ извѣстно что учить народъ вѣрѣ необходимо на языкѣ понятномъ; иначе проповѣдь не достигнетъ цѣли. Между тѣмъ мы знаемъ что въ эпоху, разсматриваемую

* Ѳ. Чацкій, *O lit. i polsk. prawo.*, т. I, стр. 295. Нарбутъ, т. I, стр. 471.

** Нарбутъ, т. *V*, стр. 403.

*** Ярошевичъ, т. II, стр. 125.

**** При *Лѣт. Стрійковскаго*, стр. 38.

нами, жители сѣверозападнаго края съ чрезвычайно большимъ трудомъ могли понимать говорившихъ *по-польски*. „По языку и рѣчи, говоритъ А. Гваґнинъ, разнятся Москали отъ Русскихъ (западнаго края) весьма мало, но за то Русскіе отъ Поляковъ и Мазуровъ разнятся, такъ что понимать другъ друга едва могутъ съ трудомъ.“ *

О всеобщемъ употребленіи русскаго языка въ сѣверозападномъ краѣ, а слѣдовательно и въ костелахъ на Жмуди, въ 1501 году свидѣтельствовалъ предъ папою, во время торжественной аудіенціи, посланникъ великаго князя литовскаго Александра, каноникъ виленскаго католическаго капитула, Эразмъ Вителій. Въ рѣчи обращенной къ папѣ Александру VI, Эразмъ Вителій между прочимъ сказалъ: „Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ (слѣдовательно и на Жмуди) обыкновенно говорятъ *по-русски*, потому что почти середину княжества занимаютъ Русскіе, и потому что русскій языкъ благозвученъ и доступнѣе другихъ.“ **

Кромѣ католическихъ священниковъ изъ природныхъ Литвиновъ, были, особенно на Жмуди, ксендзы изъ Поляковъ, которыхъ польское правительство старалось посылать въ Литву. Изъ грамоты объ основаніи въ 1400 году Краковской академіи Ягайломъ ясно видно, что она основана главнымъ образомъ для того чтобы приготовить католическихъ миссіонеровъ для сѣверо-западнаго края. „Этотъ актъ, замѣчаетъ Даниловичъ, съ точностью показываетъ, почему академія, основанная Казиміромъ для юридическихъ наукъ, обращена Ягайломъ въ богословскую академію. Городъ Краковъ былъ окруженъ русскимъ народомъ. Крестоносцы же подстрекали Ягайла чтобъ онъ сдѣлался католическимъ миссіонеромъ; упрекали его, что онъ не запрещаетъ Русскимъ исповѣдывать греческую вѣру. Поэтому Ягайло и основалъ академію чтобы приготовить просвѣщенныхъ богослововъ и ловкихъ миссіонеровъ.“ *** Въ этой-то академіи и получали образованіе ксендзы, которыхъ потомъ посылали въ Литву и на Жмудь. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ нихъ требовалось знаніе русскаго языка.

---

* Гваґнинъ, *Sarmatiae Eur. descriptio* листъ 3.

** *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, A. Theiner. Т. II, стр. 278.

*** *Skarbiec*, т. I, стр. 321, № 719.

Но католики сѣверо-западнаго края были крайне недовольны польскими ксендзами, стремившимися къ искорененію русской народности. Случалось нерѣдко что, несмотря на угрозы правительства, ксендзы изъ Польши были отвергаемы литовскими католиками. Въ 1454 году польское правительство даже обязалось не посылать въ сѣверо-западный край ксендзовъ изъ Польши, подъ условіемъ, если въ этомъ краѣ найдутся люди достаточно образованные, какъ подобаетъ духовному сану.* Съ этою цѣлью основано при виленскомъ каѳедральномъ соборѣ Св. Станислава училище. Въ послѣдствіи, въ 1522 году, это училище было преобразовано и значительно улучшено, по соглашенію съ папой. Ученики сего училища обучались не только чтенію и письму, но кромѣ того, учились грамматикѣ, костельному пѣнію и другимъ наукамъ. Подобно другимъ училищамъ того времени, и это было смѣшанное, то-есть воспитывавшіеся въ немъ не были обязаны непремѣнно дѣлаться ксендзами. Тѣмъ не менѣе многіе изъ его воспитанниковъ вступали потомъ въ ряды католическаго духовенства, какъ достаточно къ тому подготовленные. Въ послѣдствіи, въ 1582 году, основана въ Вильнѣ духовная семинарія, по правиламъ Тридентскаго вселенскаго католическаго собора, передъ тѣмъ только окончившаго свои засѣданія, въ которой іезуиты стали преподавать науки. Вслѣдствіе сего училище существовавшее при каѳедральномъ соборѣ Св. Станислава въ Вильнѣ потеряло отчасти свое первоначальное назначеніе воспитывать клириковъ. Въ этомъ каѳедральномъ училищѣ, отъ основанія его послѣ 1454 года и до конца XVI вѣка, науки преподавались не иначе какъ на русскомъ языкѣ. Только въ 1526 году епископъ Іоаннъ приказалъ учить въ немъ и польской грамотѣ, а на преподавателя Священнаго Писанія возложена обязанность къ русскому переводу Св. Писанія присовокуплять и польскій переводъ его.** Видно изъ всего, что въ этомъ училищѣ и въ XVI вѣкѣ польскій языкъ весьма мало употреблялся, потому что привилегія, дарованная этому училищу въ 1567 году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, брать по одному полѣну съ каждаго воза дровъ ввозимыхъ въ Вильну чрезъ предмѣстье Антоколь,—писана *по-русски*.***

* Земская привилегія 1454 года, у Ѳ. Чацкаго, т. I, стр. 57.

** Іохеръ, т. III, стр. 381. Пріялговскій, т. I, стр. 115.

*** Яроševичъ, т. II, стр. 39.

V.

Мицкевичъ изгнаніе русскаго языка и русской народности изъ западнаго края прямо приписываетъ введенію польскаго языка въ костелы. Будучи профессоромъ славянской литературы въ Collège de France въ Парижѣ, съ 1840 по 1844 годъ, Мицкевичъ читалъ тамъ: „Какая сила оживила польскую народность и двинула ее въ русскія земли, и оттолкнула русскую народность и русскій языкъ за Днѣпръ? Эта сила—костелъ, который взялъ на себя дѣло польской народности."

Дѣйствительно, главнѣйшую роль въ ополяченіи края играло католическое духовенство. По словамъ польскихъ писателей, виленскій епископъ Іоаннъ былъ *весьма скромный, кроткій, и вполнѣ благочестивый человѣкъ*. Тѣмъ не менѣе, жители края питали къ нему крайнюю ненависть, и Станиславъ Радзивилъ однажды даже ударилъ его мечомъ, желая лишить его жизни. Поляки не объясняютъ причины этой ненависти къ епископу, но причина ясна; епископъ Іоаннъ первый началъ вводить на Литвѣ польскія начала. Въ 1526 году онъ исходатайствовалъ у своего отца, короля Сигизмунда I, *впервые* повелѣніе учить въ учебныхъ заведеніяхъ *польской грамотѣ*. * Это повелѣніе учить и *польской грамотѣ* надо считать первою серіозною мѣрой въ дѣлѣ ополяченія Жмуди, потому что назначеніе ксендзами природныхъ Поляковъ до тѣхъ поръ не приносило плодовъ.

Хотя нѣкоторые магнаты сѣверо-западнаго края и подписали унію Литвы съ Польшей въ 1569 году, тѣмъ не менѣе, жители Литвы нисколько не желали этой уніи, уніи живаго съ мертвымъ, а напротивъ, постоянно стремились къ тому чтобъ отдѣлиться отъ Поляковъ, заклятыхъ враговъ русской народности. Спустя пять лѣтъ послѣ подписанія уніи, когда король польскій Генрихъ Валуа, наскучивъ польскою анархіей, оставилъ правленіе и уѣхалъ во Францію, жители сѣверо-западнаго края отправили къ нему депутацію особо отъ Поляковъ, какъ бы отъ отдѣльнаго государства. Они просили Генриха чтобъ онъ возвратился и

* Іохеръ, т. III, стр. 381. Прілаговскій, т. I, стр. 115.

принялъ правленіе въ сѣверо-западномъ краѣ, какъ Литовскій король. Предводителемъ депутаціи былъ поборникъ русской народности Мельхіоръ Гедройцъ. Когда около 1575 года скончался Жмудскій епископъ г. Петкевичъ, Поляки назначили туда епископомъ Якова Воронецкаго, природнаго Поляка. Но Литовскіе католики не приняли Воронецкаго, потому что онъ былъ Полякъ, и назначили епископомъ именно Мельхіора Гендройца. Вотъ что объ этомъ говоритъ извѣстный польскій историкъ Ю. Бартошевичъ. „Это назначеніе (Воронецкаго) случилось спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Люблинской уніи, и раздраженный провинціализмъ Литвы никакъ не могъ успокоиться. Гедройцъ принадлежалъ къ истымъ Литовцамъ, которые мечтали о возстановленіи отдѣльности, какая была во время Витовта, т.-е. имъ хотѣлось возвратиться къ прежнему, попятиться назадъ (т.-е. къ русскимъ началамъ). Литва въ это время не приняла назначеннаго епископомъ Воронецкаго, потому что онъ Полякъ, а не природный Литвинъ, хотя онъ и происходилъ отъ Литовскихъ князей..... Литва любила Гедройца и, по всей вѣроятности, онъ назначенъ епископомъ противъ воли короля, назначенъ съ цѣлію защитить устарѣлыя привилегіи“ (т.-е. русскіе законы, кои Полякамъ хотѣлось уничтожить). *

Вотъ въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ находилась русская народность сѣверо-западнаго края къ польщизнѣ и послѣ заключенія Люблинской уніи.

Чтобъ искоренить русскія начала въ сѣверо-западномъ краѣ и объединить жителей этого края съ Польшею, Поляки призвали іезуитовъ.

Изгнаніе русскаго языка изъ употребленія на Жмуди всѣ приписываютъ іезуитамъ, которые въ 1569 году ввезены были въ Вильну въ закрытой каретѣ, секретно, окруженные со всѣхъ сторонъ вооруженными солдатами, ибо надо было полагать что безъ этого ихъ не впустили бы въ городъ. **

Іезуиты въ сѣверо-западномъ краѣ вполнѣ примѣнили принципъ: divide et impera, или въ ихъ переводѣ: „подстрекать Русскихъ противъ Русскихъ, чтобъ они истребляли другъ

---

* *Encyklopedya pow.* IX, слово—Giedrojć Melchior.

** Ярошевичъ, III, 73. Прілаговскій, I, 181. Третій томъ *Obraz Litwy*, соч. Ярошевича, есть классическое сочиненіе по исторіи іезуитовъ въ Литвѣ.

друга". Они возбуждали принявшихъ унію противъ непринявшихъ, и въ то же время Поляки старались чтобы не всѣ православные приняли унію, иначе послѣдователи греческаго обряда опять объединились бы. * Дворянство въ сѣверо-западномъ краѣ жило до этого времени въ связи съ народомъ: они смотрѣли другъ на друга какъ на членовъ одного и того же отечества. Іезуиты старались обращать тамошнихъ вельможъ не въ унію (какъ дѣлали съ простымъ народомъ), а прямо въ католицизмъ; для образованія дворянъ открыли огромное число коллегій, куда принимались только дѣти этого сословія. Скоро, благодаря направленію этого образованія и религіозной розни, между дворянствомъ и народомъ сѣверо-западнаго края образовалась непроходимая бездна; одно сословіе перестало понимать другое.

Не ожидая большаго успѣха въ распространеніи польскаго языка, который, по словамъ Мицкевича, самъ нуждался въ оживляющей силѣ, іезуиты затѣяли пробуждать въ средѣ народа, какъ чисто русскаго, такъ и бывшаго нѣкогда литовскаго, но совершенно обрусѣвшаго, Литовскую народность. Съ этою цѣлью встрѣчному и поперечному изъ простаго народа стали доказывать будто они литовскаго происхожденія, и что на нихъ лежитъ священный долгъ усвоить литовскій языкъ. Въ Вильнѣ, тогда центрѣ русской народности, въ самомъ главномъ послѣ собора костелѣ, въ костелѣ Св. Іоанна, они стали произносить, въ перемежку съ польскими проповѣдями, и проповѣди на литовскомъ языкѣ. Проповѣдникомъ поучавшимъ по-литовски былъ іезуитъ Константинъ Ширвиндъ, который, по словамъ польскихъ писателей, училъ вѣрѣ и литовскому языку не только въ костелахъ, но и въ деревняхъ, хижинахъ и на дорогахъ. Ширвиндъ скончался въ 1631 году, и іезуиты объявили его святымъ, чтобы тѣмъ сильнѣе убѣдить народъ въ необходимости усвоить себѣ литовскую народность. Но просить чтобы папа причислилъ Ширвинда къ лику святыхъ іезуиты не осмѣливались. **

Пока былъ въ живыхъ Жмудскій епископъ Мелхіоръ Гедройцъ, поборникъ русской народности, до тѣхъ поръ трудно было іезуитамъ утвердиться на Жмуди. По смерти же его, въ 1608 году, іезуиты поставили жмудскимъ епископомъ

---

* Гарасевичъ, стр. 128 и мн. др.

** Яротевичъ III, 215—216. *Encyklopedya pow.*, XXIV, слово *Szirwid.*

Николая Паца, человѣка преданнаго имъ тѣломъ и душой. При каждомъ костелѣ были устроены миссіонерскіе посты, миссіи.* Жмудь наводнилась іезуитскими монастырями и коллегіями; въ Ворняхъ, Крожахъ, Жодишкахъ, въ Меречи, Динабургѣ, Илукштѣ, Митавѣ и Ригѣ находились іезуитскія коллегіи, гдѣ жило нерѣдко по 75 іезуитовъ въ одной коллегіи.**

Въ XVII вѣкѣ, мѣстечко Кейданы обращено было Радзивилами въ Аѳины литовской народности. Тамъ построена кальвинская церковь, въ которой все богослуженіе совершалось на литовскомъ языкѣ; въ 1625 г. основанъ извѣстный своимъ вліяніемъ *лицей*, при которомъ находилась громадная библіотека; въ 1650 г. основана типографія, въ которой напечатано не мало книгъ на литовскомъ языкѣ.

Одновременно съ іезуитами старались воскрешать бывшую литовскую народность изъ мертвыхъ и Нѣмцы прусскіе и остзейскіе, и многіе пришельцы изъ Германіи. Кальвинисты, начавшіе пропаганду своего ученія впервые въ XVI вѣкѣ на русскомъ языкѣ, теперь вмѣстѣ съ іезуитами стали распространять языкъ литовскій. Въ Кейданахъ съ 1691 года кальвинисты стали собираться на соборы. Броженіе умовъ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ на Жмуди было такъ велико, что даже жмудскій епископъ Петкевичъ и всѣ ксендзы, за исключеніемъ шести, не устояли при своихъ прежнихъ принципахъ и приняли протестантизмъ.*** Такимъ образомъ, благодаря польскимъ и нѣмецкимъ дѣятелямъ, жители Жмуди, которые издревле почти до конца XVII вѣка говорили по-русски, а въ судѣ писали и объяснялись до 1697 года на томъ же русскомъ языкѣ, переродились такъ, что нынѣ имъ даже и не вѣрится что ихъ предки въ недалекомъ протедшемъ говорили по-русски и не умѣли писать иначе какъ по-русски. Въ 1679 году Хр. Гарткнохъ уже писалъ: „Еще даже и нынѣ употребляется русскій языкъ не только въ деревняхъ, но даже и въ городахъ почти во всей Литвѣ, *за исключеніемъ Жмуди*“. **** Дѣло истребленія русской народности вело за собою уничтоженіе умственной дѣятельности въ народѣ.

---

* В. Коялович, *Miscelanea*, стр. 101, 112, 115.

** *Encyklopedya pow.*, т. XIII, слово *Jezuici w Polsce*.

*** Яроцевичъ, т. III, стр. 36.

**** *Selecta dissert. hist.*, стр. 64.

„Уже въ XVII вѣкѣ, пишетъ Ярошевичъ, въ Литвѣ и на Жмуди существовали виленская іезуитская академія, нѣсколько гимназій (коллегій) и значительное число приходскихъ училищъ. Но все это ни къ чему хорошему не привело, потому что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ старались *нарочно* держать учениковъ въ невѣжествѣ и насадить въ нихъ всякія дурныя качества.... Благодаря чему Литва въ дѣлѣ цивилизаціи пошла вспять, и что̀ всего печальнѣе, это случилось тогда, когда другіе народы дѣлали успѣхи въ развитіи гражданственности“.... *

Чтобы подавить окончательно всякое умственное развитіе въ Литвѣ и лишить будущаго историка возможности обнаружить когда-нибудь истину, іезуиты и Поляки предприняли рядъ слѣдующихъ мѣръ. Съ самаго начала XVII вѣка іезуиты взяли цензуру или въ свои руки, или подъ непосредственное свое вліяніе, такъ что ни одна книга не могла быть напечатана безъ ихъ воли. Устроена повсемѣстная ревизія библіотекамъ и *очистка* ихъ. Все что̀ не нравилось іезуитамъ и Полякамъ, что̀ не согласовалось съ ихъ цѣлями: всѣ древніе народные памятники, письма, сочиненія, пѣсни, въ которыхъ находились слѣды прошлой старины, наконецъ даже католическія сочиненія, авторы которыхъ могли быть заподозрѣны іезуитами, — все это было истребляемо безпощадно, и огромныя кучи книгъ и рукописей посреди городскихъ площадей были торжественно предаваемы огню, руками палачей. Въ дѣлѣ истребленія письменныхъ памятниковъ іезуиты оставили за собой всѣхъ варваровъ міра. Ими были истребляемы не только сочиненія несогласныя съ ихъ духомъ, но даже и такія, которыя, по ихъ разумѣнію, были лишнія, старыя, безъ значенія. Если же и оставляли какое-либо сочиненіе или рукопись, то тѣмъ не менѣе ее подвергали *очисткѣ*, передѣлкѣ и поддѣлкѣ. Этого рода *очисткѣ* были подвергаемы и древніе классики, употребляемые въ учебныхъ заведеніяхъ. Дѣло не кончилось истребленіемъ книгъ и рукописей. Той же участи подверглись и типографіи, принадлежавшія не ксендзамъ. Эти типографіи вскорѣ очутились въ рукахъ іезуитовъ, такъ что имъ однимъ удалось овладѣть книгопечатаніемъ, ибо они всячески старались мѣшать печатать даже и ксендзамъ, не

* Ярошевичъ, III, стр. 104—105.

принадлежавшимъ къ ихъ ордену. Видя что іезуиты Голынскій и Скарга заправляютъ всѣмъ и раздаютъ епископства, іезуитамъ стало помогать и немонашествующее духовенство. По дѣлу уничтоженія и сожиганія книгъ, особенною извѣстностью пользуются виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ и Георгій Радзивиллъ. Іезуитскій воспитанникъ Радзивиллъ, по прозванію Сиротка, истратилъ громадную сумму денегъ на пріобрѣтеніе для сожженія письменныхъ памятниковъ. По дѣлу уничтоженія типографій извѣстны своимъ усердіемъ болѣе другихъ Б. Мацѣевскій, Шитковскій, Косцелецкій; за уничтоженіе типографій Мацѣевскій получилъ кардинальское достоинство. Акакій Гроховскій только то и дѣлалъ, что всю свою жизнь собиралъ, покупалъ и крадъ письменные памятники и книги чтобы предать ихъ огню. *

Въ замѣнъ всѣхъ этихъ потерь, что же дали іезуиты? Въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, въ ихъ средѣ были только одинъ историкъ и одинъ поэтъ. Ничтожное вознагражденіе, хотя В. Кояловичъ и Сарбевскій и занимаютъ видное мѣсто въ литературѣ (латинской)! **

За то цѣль была достигнута. „Въ Литвѣ (и на Жмуди), говоритъ Мацѣевскій, гдѣ еще во время язычества говорили по-русски, какъ въ чертогахъ вельможъ, такъ и въ самыхъ хижинахъ, и гдѣ (въ XVI вѣкѣ) рядомъ съ польскимъ языкомъ обучали русскому языку и въ училищахъ, мы изгнали этотъ языкъ изъ учебныхъ заведеній, по преимуществу во время Сигизмунда III, по совѣту іезуитовъ; въ этомъ отношеніи слушались іезуитскихъ совѣтовъ даже и тѣ (изъ Поляковъ) коимъ и не нравились сами іезуиты.“ *** „Литва и воеводства присоединеныя къ Польшѣ, пишетъ Ѳ. Чацкій, почти въ теченіе двухъ столѣтій обучались польскому языку, составляющему нашу собственность. Благодаря основанію училищъ (польскихъ), русскій языкъ забытъ и изгнанъ силою общественнаго мнѣнія.“

Въ началѣ XVIII вѣка Поляками придумана слѣдующая варварская мѣра. Въ польской запискѣ („проектъ“) объ

---

* Ярошевичъ, III, стр. 107—108.

** Тамъ же, III, стр. 115.

*** *Pamiętnik* т. I, стр. 343.

искорененіи русскихъ началъ, которая въ 1717 году сдѣлалась настольною книгою Поляковъ, читаемъ слѣдующее:

„Болѣе всего упрямы (т.-е. тверды въ своей народности и вѣрѣ) и другихъ въ упрямствѣ поддерживаютъ Русняки (Русскіе) изъ крестьянъ, *умѣющіе читать свои письмена.* Поэтому, надо уничтожить въ нихъ причину упрямства; вслѣдствіе чего и упрямство исчезнетъ. Достигнуть этого мы Поляки можемъ легко, если запретимъ холопскимъ дѣтямъ обучаться грамотѣ въ училищахъ существующихъ при церквахъ (православныхъ и уніатскихъ). Вслѣдствіе чего мы будемъ въ состояніи извлечь не только вышесказанную пользу, но даже избѣжимъ вреда, который нерѣдко приходится намъ переносить отъ нашихъ крѣпостныхъ. Ибо выучившись грамотѣ въ простомъ сельскомъ училищѣ, крестьянинъ ищетъ *свободы.* Такимъ образомъ въ инструкціяхъ, даваемыхъ экономамъ и управителямъ имѣній, должно быть строго приказано—смотрѣть за тѣмъ чтобы холопскіе дѣти занимались не книгами, а напротивъ, плугомъ, сохою, бороною, цѣпомъ. Если же (чего мы никакъ не ожидаемъ) какими-нибудь судьбами успѣетъ получить достаточное образованіе кто-нибудь изъ Русняковъ, то съ этими надо поступать такъ: должно убѣждать ихъ..... чтобъ они вели жизнь безбрачную, и имъ надо дѣлать болѣе уваженія, давать бо́льшую свободу и увеличивать ихъ доходы.“ *

VI.

Мы говорили выше что грамоты, данныя въ пользу католическихъ церквей, писаны въ XIV—XVI вѣкахъ на русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе, при костелахъ въ сѣверо-западномъ краѣ рѣдко гдѣ имѣются древніе акты и грамоты. Не разъ приходилось виленской администраціи спрашивать, куда дѣлись древніе прикостельные архивы. На это у католическихъ священниковъ имѣется готовый отвѣтъ: по словамъ однихъ, всѣ древніе документы сгорѣли, по словамъ другихъ, сгнили, а иные говорятъ что отобраны кѣмъ-то, или просто затерялись.

Дѣло въ томъ что въ XVII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ многія сказанія, іезуиты осмотрѣли всѣ прикостельные

* Гарасевичъ, стр. 160.

архивы и взяли все свидѣтельствующее что сѣверо-западный край не Польша, а Россія. *

Главный памятникъ свидѣтельствующій о древней умственной культурѣ въ сѣверо-западномъ краѣ и самое непререкаемое свидѣтельство процвѣтанія въ немъ русскихъ началъ и русскаго языка есть *Литовскій Статутъ*. Іезуиты перевели *Статутъ* на польскій языкъ и исказили его. Но и въ польскомъ переводѣ сохранился законъ повелѣвающій употреблять русскій языкъ въ государственныхъ актахъ. Вотъ этотъ законъ: „Земскій писарь обязанъ всѣ бумаги, выписи и позывы писать не на иномъ какомъ-либо языкѣ и не иными словами, какъ только по-русски, буквами и словами русскими“ (раздѣлъ IV, артикулъ I, пунктъ 4). „Узаконяемъ, что воеводы и судовые старосты обязаны, каждый изъ нихъ особо по своему вѣдомству, избрать и опредѣлить въ должность для себя помощника, или подстаросту, городскаго судью и секретаря, людей честныхъ, благонравныхъ, свѣдущихъ въ законѣ и знающихъ *русскую грамоту*“ (разд. IV, арт. 37, пунктъ I).

Хотя до 1840 года *Литовскій Статутъ* въ польскомъ переводѣ и дѣйствовалъ въ западномъ краѣ, но какъ книга законовъ для XIX вѣка онъ совершенно не пригоденъ. Уже въ XVII вѣкѣ жители сѣверо-западнаго края находили необходимымъ исправить статутъ и передѣлать его. „Несмотря на всѣ хорошія стороны статута (пишетъ Ярошевичъ), вскорѣ послѣ третьяго изданія его (1588 года) многіе изъ государственныхъ людей въ Литвѣ находили въ немъ неясности, неточности, противорѣчія и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезмѣрную строгость и суевѣрія свойственныя тому времени, въ которомъ писанъ статутъ. Поэтому были дѣлаемы постоянныя заявленія о необходимости передѣлать и исправить статутъ согласно духу времени и успѣхамъ цивилизаціи.“

„Умѣли іезуиты (пишетъ далѣе Ярошевичъ) воспитать не мало людей ловкихъ и неутомимыхъ въ преніяхъ и въ письменной полемикѣ съ еретиками, но не умѣли образовать ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи исправить и передѣлать статутъ согласно потребностямъ времени. Все что со времени третьяго изданія статута

* Ярошевичъ, т. III, стр. 107.

успѣли сдѣлать въ послѣдствіи относительно свода литовскихъ законовъ, собранныхъ въ XVI вѣкѣ, кончилось тѣмъ что удалось вымолить на сеймѣ 1647 года разрѣшеніе перепечатать статутъ вновь.“ Текстъ этого разрѣшенія въ русскомъ переводѣ слѣдующій: „Для употребленія и удобства обывателей великаго княжества Литовскаго, мы разрѣшаемъ напечатать статутъ того же великаго княжества Литовскаго, яко нужные для тѣхъ же обывателей законы.“ *

Жители сѣверо-западнаго края отказывались принять польскій переводъ напечатанный іезуитами въ 1648 году, желая оставаться при русскомъ текстѣ. Намъ сообщали знатоки исторіи сѣверо-западнаго края, что іезуиты старались истреблять русскіе экземпляры статута, дабы, за неимѣніемъ экземпляровъ русскаго подлинника, заставить наконецъ принять и польскій переводъ его. Но и эта іезуитская продѣлка не успѣла заставить жителей сѣверо-западнаго края отказаться отъ русскаго языка. Тогда іезуиты изобрѣли новую мѣру: по наущенію ихъ, гетманъ великаго княжества Литовскаго, Казиміръ Павелъ Сапѣга, пользуясь властью дарованною статутомъ болѣе правительству чѣмъ шляхтѣ, сталъ угнетать жителей этого края до такой степени, что они рѣшились просить управленія сходнаго съ польскими обычаями, согласно которымъ правительственныя лица не имѣли значенія, шляхта же была всемогуща. ** Въ самомъ дѣлѣ, во времена избранія Августа II, въ 1697 году, было предписано уравненіе жителей сѣверо-западнаго края въ правахъ съ Поляками (Coaequatio jurium), и тогда въ редакцію статута вставлены слѣдующія слова: „Въ воеводствѣ, въ которомъ будутъ производиться главные верховные (трибунальскіе) суды, писарь земскаго суда обязанъ будетъ.... судебныя рѣшенія писать не по-русски, а напротивъ, по-польски, и ихъ выдавать каждому требующему.“ ***

Такимъ образомъ, съ 1697 года, въ сѣверо-западномъ краѣ впервые введено употребленіе польскаго языка въ судопроизводствѣ, и упразднено употребленіе русскаго языка и статута въ подлинникѣ, то-есть на русскомъ языкѣ.

Литовская пропаганда шла своимъ чередомъ. Около 1773 года употребляли литовскій языкъ только жители Жмуди, то-есть Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго уѣздовъ,

* *Volumina Legum*, петерб. изд. т. IV, стр. 54—55, № 18.

** Ярошевичъ, т. II, стр. 146.

*** *Volumina Legum*, т. V., стр. 418.

и еще кое-гдѣ. Въ настоящее время, кромѣ собственной Жмуди, то-есть кромѣ Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго уѣздовъ, говорятъ по-литовски жители сѣверной части Сувальской губерніи, Ковенскаго, Вилькомірскаго, Поневѣжскаго и части Новоалександровскаго уѣздовъ, въ Трокскомъ уѣздѣ, около мѣстечка Меречи, и въ Лидскомъ, около мѣстечка Начи. Въ уѣздахъ же Динабургскомъ, Рѣжицкомъ и отчасти Люцинскомъ употребляется литовско-латышскій языкъ. Если сличить нынѣшнюю территорію употребленія литовскаго языка съ территоріей, въ чертѣ которой тотъ же литовскій языкъ употреблялся вѣкъ тому назадъ, то увидимъ, что въ теченіе одного вѣка литовскій языкъ успѣлъ распространиться на территорію вдвое бо́льшую. Всѣ эти новые Литовцы, впрочемъ, вполнѣ понимаютъ русскую рѣчь, а большинство изъ нихъ не дурно владѣетъ и русскимъ языкомъ, или по крайней мѣрѣ несравнено лучше чѣмъ польскимъ. Новосотворенный литовскій языкъ, это не что̀ иное какъ смѣсь составленная изъ литовскаго, польскаго и русскаго языковъ. Благодаря этому, жители собственной Жмуди, т.-е. жители Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго уѣздовъ, успѣвшіе олитвиться въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ, смотрятъ на этихъ новыхъ Литовцевъ какъ на пришельцевъ и не считаютъ ихъ принадлежащими къ литовскому племени. По всей вѣроятности, жителямъ Шавельскаго, Тельшевскаго и Россіенскаго уѣздовъ хорошо помнится какъ эти новые Литовцы еще недавно говорили по-русски. Благодаря преимуществу оказываемому Литовцамъ предъ Русскими въ принятіи въ духовный санъ, съ XVIII вѣка и понынѣ настоятели приходовъ не только въ Жмудской епархіи, но даже и въ Виленской, по большей части, природные Литовцы. Ксендзы считающіе себя Литовцами относятся къ русской народности, подобно Полякамъ, весьма враждебно. У нихъ обыкновенно батраки, служанки и вообще прислуга, въ томъ числѣ и костельная, по большей части изъ Литовцевъ. При ксендзахъ нерѣдко находятся и родные ихъ. Здѣсь кстати замѣтить, что при образованіи Ковенской губерніи, уѣзды Ковенскій, Вилькомірскій, Поневѣжскій и Новоалександровскій въ 1845 году присоединены къ Жмудской епархіи, вслѣдствіе чего эти присоединенные уѣзды не могутъ не олитвиться окончательно, потому что и въ этихъ уѣздахъ ксендзы начали произносить проповѣди на литовскомъ языкѣ.

Проводниками литовской народности въ среду русскаго народонаселенія должны считаться, въ числѣ прочаго, и литовскія училища. Правительство до 1864 года не обращало вниманія на литовскія приходскія училища. Благодаря этому, не только на Жмуди, но даже и въ приходахъ и деревняхъ смежныхъ съ олитовленнымъ народонаселеніемъ, польскіе дѣятели, подъ руководствомъ и при помощи князя Адама Чарторыйскаго, старались основывать литовскія училища, въ увѣренности, что эти училища, при первомъ благопріятномъ для польщизны случаѣ, не трудно обратить въ польскія. Такимъ образомъ, съ 1795 по 1864 годъ, существовали литовскія училища не только при костелахъ, но и въ каждой деревнѣ съ олитовившимся населеніемъ. Существованію литовскихъ училищъ до 1864 года ничто не мѣшало: если правительство благопріятствовало Полякамъ, тогда ученики этихъ училищъ, рядомъ съ литовскимъ языкомъ, обучались и польскому языку, и даже болѣе польскому чѣмъ литовскому; если же запрещалась польщизна, то эти заведенія были обращаемы въ литовскія училища. Эта тактика постоянно соблюдалась. Наставники говорили со своими учениками не только по-литовски, но и по-польски; точно также и ксендзы въ этихъ мѣстностяхъ стараются произносить проповѣди въ одинъ и тотъ же день и по-литовски, и по-польски.*

Въ концѣ прошлаго столѣтія, по преимуществу же въ нынѣшнемъ XIX вѣкѣ, издано на литовскомъ языкѣ весьма значительное число народныхъ книгъ. По-литовски писали народныя книги: Рупейко, епископъ Волжчевскій, Пашкевичъ, Незабитовскій, Дроздовскій, Станевичъ, Акелевичъ, Визгирдъ и другіе. Авторы литовскихъ книгъ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ сблизить Литовцевъ съ Поляками и убѣдить своихъ читателей что имъ необходимо держаться и слушаться Поляковъ, и напротивъ, стараются поселить въ Литовцахъ непріязнь къ русскому правительству и русской народности. Эти анти-государственныя книги усердно распространялись въ средѣ народа, на глазахъ правительства, потому что литовскаго языка русскіе чиновники не знаютъ.

Любопытно сравнить что говорили о сѣверо-западномъ краѣ старые польскіе историки съ тѣмъ что повѣтствуютъ новые. Первый изъ Поляковъ писалъ о сѣверо-западномъ краѣ

---

* *Encyklopedya powszechna*, т. IX, стр. 727.

жмудскій каноникъ Стрійковскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка. Онъ доказалъ что народонаселеніе сѣверо-западнаго края состоитъ главнымъ образомъ изъ русскаго племени, что Литовцы говорили не иначе какъ по-русски, что они писали не иначе какъ на томъ же русскомъ языкѣ, и что, наконецъ, безъ тѣхъ же Русскихъ Литовцы были бы не въ состояніи управлять государствомъ. Точно то же за Стрійковскимъ подтвердилъ А. Гвагнинъ, который даже похитилъ у Стрійковскаго *Sarmatiae Europeae descriptio* и напечаталъ это сочиненіе подъ своимъ именемъ. * Такого же, какъ и Стрійковскій, мнѣнія о сѣверо-западномъ краѣ и о русской народности въ немъ былъ іезуитъ В. Коялович, писавшій въ XVII вѣкѣ. Болѣе никто изъ Поляковъ не писалъ исторіи сѣверо-западнаго края до конца XVIII вѣка.

Въ 1800 году, Ѳ. Чацкій издалъ сочиненіе „о литовскомъ народѣ и его языкѣ“; послѣ него о томъ же предметѣ писалъ бывшій іезуитъ Богушъ; далѣе Лелевель. За ними послѣдовалъ рядъ польскихъ писателей, которые до 1863 года успѣли написать много сочиненій и статей не о русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ, а напротивъ, о литовской народности. У современныхъ польскихъ писателей литовское племя является многочисленнымъ, могущественнымъ и достойнымъ особеннаго вниманія; языкъ литовскій, по словамъ современныхъ польскихъ писателей, весьма богатъ, хотя тѣ же писатели сознаются, что неизвѣстно, какимъ былъ этотъ языкъ до XVI вѣка. Если бросить взглядъ на этотъ рядъ современныхъ польскихъ писателей о литовской народности, то нельзя не видѣть, что въ каждомъ новомъ изданіи все болѣе и болѣе уменьшается значеніе русскихъ началъ въ сѣверозападномъ краѣ, а напротивъ, все болѣе и болѣе выходитъ наружу литовское племя, его могущество, многочисленность и его близкая связь съ Поляками, такъ что у польскихъ писателей писавшихъ въ самое послѣднее время Стрійковскій является уже лжецомъ, насколько онъ пишетъ о русскихъ началахъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

Подъ личиною любителей литовской народности, польскіе дѣятели, отъ начала нынѣшняго столѣтія и до 1863 года, то и дѣло путешествовали по сѣверо-западному краю,

* *Encyklopedya powszechna*, слова *Gwagnin* и *Stryjkowski*.

якобы для ученыхъ изысканій, вступали въ разговоръ съ крестьянами о литовской народности, о томъ что ихъ предки были литовцами по происхожденію, и т. д. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ ни одной значительной деревни въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ члены литовской партіи не побывали бы многократно, бесѣдуя каждый разъ съ крестьянами о литовской народности, по польской программѣ.

Конечно, для польщизны полезнѣе всего было бы прямо ополячивать русское народонаселеніе, что и дѣлается по мѣрѣ силъ; но это не всегда удобно. Поэтому, для скорѣйшаго искорененія русскихъ началъ въ сѣверо-западномъ краѣ, выдумана система обращать Русскихъ въ Литовцевъ. Полезна ли эта мѣра Полякамъ? На этотъ вопросъ отвѣтимъ словами польскихъ писателей. Избираемъ время мятежа, когда яснѣе всего обнаруживается политическое настроеніе.

О мятежѣ 1794 года епископъ Волончевскій пишетъ: „Несчастное потрясеніе погибающаго польскаго государства въ 1794 году тронуло Жмудиновъ, ибо послѣдовала у нихъ огромная потеря людей и денегъ. Весь народъ, по глясу епископа Стефана Гедройца, подобно жителямъ Ниневіи, постился и молилъ Бога о помощи.“ * „Побѣда подъ Раулавицами, пишетъ Лелевель, ускорила возстаніе *въ Варшавѣ, на Жмуди* и подъ предводительствомъ Ясинскаго *въ Вильнѣ*“; народъ употребляющій русскій языкъ „къ народному возстанію или былъ равнодушенъ, или даже недоброжелателенъ.“ **

Во время польскаго мятежа 1831 года разница между жителями употребляющими русскій языкъ и жителями употребляющими литовскій и польскій языки обозначилась еще рѣзче. Замѣчательно, что участіе или неучастіе народа въ мятежѣ 1831 года опредѣлилось главнымъ образомъ языкомъ, а не вѣрою. Тотъ же польскій историкъ Лелевель пишетъ: „На западъ отъ Нѣмана и Буга народъ мало умѣетъ говорить по-русски, и поэтому онъ (тамошній народъ) въ каждомъ польскомъ возстаніи все охотнѣе и охотнѣе и все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ самопожертвованіемъ сражался за польское дѣло, за свободу Польши.... На востокъ отъ Нѣмана и Буга народъ немного умѣетъ говорить по-польски, онъ обыкновенно говоритъ по-русски, или по-литовски.... Жмудины (употребляющіе литовскій языкъ) возстали повсемѣстно, держались долго

* *Исторія Жмудской епархіи.*

** *Краткіе очерки польскаго народа*, стр. 226.

и безъ утомленія. За то народъ русскій (т.-е. употребляющій русскій языкъ).... не имѣлъ охоты идти въ возстаніе, онъ спокойно смотрѣлъ на пановъ идущихъ на войну и не надѣялся чтобъ бытъ его могъ улучшиться," въ случаѣ еслибы мятежъ удался. Наконецъ точно также и мятежъ 1863 года подтвердилъ истину, что въ дѣлѣ образованія шаекъ и ихъ долгомъ или кратковременномъ существованіи самую главную роль играла не вѣра исповѣдуемая жителями, а именно языкъ употребляемый народомъ. Въ средѣ народонаселенія употребляющаго русскій языкъ попытались было въ 1863 году образовать шайки ксендзъ Лукашевичъ, Рогинскій и Духинскій, и мы видимъ что они потерпѣли совершенное фіаско; народъ нисколько не участвовалъ въ ихъ мятежныхъ замыслахъ. Напротивъ, ксендзы Мацкевичъ и Горбичевскій, Нарбутъ и другіе держались черты въ которой народонаселеніе употребляетъ литовскій языкъ, и поэтому значительно успѣвали, особенно ксендзъ Мацкевичъ, ибо народъ употребляющій литовскій языкъ усердно помогалъ имъ.

Изъ опыта польскихъ мятежей ясно видно, что Поляки, старающіеся распространять литовскую народность и знаніе литовскаго языка въ сѣверо-западномъ краѣ и передѣлывающіе русское народонаселеніе въ Литовцевъ, нисколько не измѣняютъ польскому дѣлу; напротивъ, и ополяченіе и олитовливаніе одно и то же великое будованіе Польши въ границахъ 1772 года, съ тою разницей, что въ дѣлѣ ополяченія цѣль явно видна, въ дѣлѣ же распространенія литовской народности та же цѣль лукаво замаскирована. Словомъ, какъ ополячивающіе, такъ равно и олитовливающіе русское народонаселеніе сѣверо-западнаго края стремятся variis itineribus ad unum.

БѢЛОРУССЪ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III*

V.

„Здѣшній дворъ, повидимому, не безъ опасенія находится, въ адмиралтействѣ замѣтна усиленная дѣятельность“, доносилъ русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, баронъ Корфъ ** (отъ 13-го февраля), по полученіи извѣстія о кончинѣ императрицы Елисаветы. Но если таково было впечатлѣніе произведенное однимъ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Петра III, то декларація 12-го февраля, вообще надѣлавшая столько шума въ Европѣ, должна была произвести сильнѣйшую тревогу въ Копенгагенѣ. Прошло еще двѣ недѣли, и барону Корфу сообщенъ былъ рескриптъ (отъ 1-го марта) спеціально касавшійся отношеній Россіи къ датскому двору.*** Мы не отрицаемъ, писалъ новый императоръ, что датскій дворъ неоднократно искалъ вступить съ нами въ соглашеніе по голштинскимъ дѣламъ, но его предложенія были постоянно таковы „что мы не могли съ честію и достоинствомъ принять ихъ“, во время же послѣднихъ переговоровъ по этому предмету графъ Гакстгаузенъ выражалъ даже угрозы.... Послѣ этого, продолжалъ Петръ, „непростительно погрѣшили бы мы предъ собою, предъ свѣтомъ и отечествомъ, еслибы съ своей стороны не употребили благовременно достаточныхъ осторожностей; но дабы и въ семъ случаѣ ничего не у устить что

* См. *Русск. Вѣстн.* 1868 г. №№ 6, 8 и 10.

** Іоганъ Альбрехтъ, въ послѣдствіи президентъ Академіи Наукъ.

*** Этотъ рескриптъ былъ сообщенъ нашимъ миссіямъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Стокгольмѣ и Варшавѣ.

могло бы способствовать возстановленію и утвержденію со всѣми державами добраго, ко взаимной пользѣ, согласія, высочайше повелѣваемъ мы вамъ, тотчасъ же по полученіи моего рескрипта, объявить датскому министерству именемъ нашимъ, на нарочно испрашиваемой конференціи, что чѣмъ искреннѣе наше желаніе продолжать и распространять съ его величествомъ постоянную дружбу и доброе сосѣдство, тѣмъ прискорбнѣе намъ видѣть противныя оному съ его стороны оказательства, какъ угрозами, такъ и чинимыми во всѣхъ датскихъ земляхъ вооруженіями, которыя не инако можемъ мы почитать, какъ за такія кои со временемъ противъ насъ обращены будутъ, и что потому въ необходимости видимъ мы себя требовать формальнаго изъясненія, намѣренъ ли его величество жить съ нами въ согласіи и удовольствовать справедливыя на герцогство Шлезвигское требованія, ибо въ противномъ случаѣ, какъ по нуждѣ, такъ и для произведенія неоспоримыхъ нашихъ правостей, принуждены мы будемъ поступать на такія мѣры, отъ которыхъ, къ сожалѣнію нашему, могутъ крайнія, но легко еще теперь упреждаемыя, послѣдовать бѣдствія."

Къ этому рескрипту приложена была записка, въ которой изъяснялось положеніе Голштинскаго вопроса съ точки зрѣнія русскаго правительства. Желательно было бы, писалъ канцлеръ, чтобы въ Копенгагенѣ обратили вниманіе на выгодность голштинскихъ наслѣдственныхъ земель при Балтійскомъ морѣ, на значеніе которое онѣ даютъ своему владѣтелю на имперскихъ собраніяхъ, и наконецъ на то что онѣ неправильно и къ ущербу герцогскаго дома, въ продолженіе полувѣка, удерживаемы были Даніей. Если всѣ эти условія будутъ приняты въ серіозное соображеніе, и на основаніи ихъ будутъ сдѣланы новыя предложенія, то, замѣчалъ графъ Воронцовъ, государь не откажется отъ нѣкоторыхъ уступокъ, какъ ни справедливы его требованія.

Нота, поданная барономъ Корфомъ, согласно рескрипту 1-го марта, не могла быть чѣмъ-нибудь неожиданнымъ для датскаго правительства, но произведенное ею впечатлѣніе было однакожъ очень сильно; король находился во Фриденбургѣ; немедленно потребовалъ онъ туда своихъ министровъ. Графъ Мольтке, хоть и больной, поскакалъ, вопреки приказанію докторовъ. * На другой день *великій оракулъ датскаго двора,*

* Реляція барона Корфа, отъ 4-го апрѣля, и приложеніе къ ней.

по выраженію Фридриха II, баронъ Бернсторфъ, пригласилъ къ себѣ русскаго посланника и сообщилъ ему результатъ министерскаго совѣщанія. Онъ заключался въ увѣреніяхъ въ искреннемъ желаніи датскаго двора сохранить дружественныя отношенія къ Россіи и въ предложеніи возобновить трактаты заключенные при августѣйшей теткѣ его величества. Выслушавъ это сообщеніе, баронъ Корфъ сказалъ что находитъ въ немъ отвѣтъ на одну лишь часть своей ноты; относительно же того, расположенъ ли королевско-датскій дворъ оказать удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ императора, онъ не находитъ ни слова. „Таковъ отвѣтъ, который его величество приказалъ сдѣлать вамъ, отвѣчалъ баронъ Бернсторфъ;—что же касается до споровъ относительно голштинскихъ дѣлъ, то о нихъ надлежитъ быть настоящей негоціаціи.“ Объясненія подобнаго рода не обѣщали привести дѣла къ соглашенію. Датскій дворъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями барона Гольца въ Петербургѣ, не только зналъ о предметѣ частныхъ его совѣщаній съ довѣренными лицами Петра III, но и досталъ тайными путями копію мирнаго трактата 24-го апрѣля и многозначительныхъ прибавочныхъ къ нему пунктовъ. * Въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга говорили еще гораздо ранѣе,—и разумѣется не могъ не слыхать этого датскій посланникъ,—что война между Россіей и Даніей есть дѣло рѣшеное, что императоръ, за однимъ изъ тѣхъ ужиновъ гдѣ онъ предавался большой откровенности, много смѣялся, говоря что Данія дѣлаетъ видъ будто надѣется устоять противъ соединенныхъ силъ Россіи и Голштиніи, армію которой положено было довести до двѣнадцати тысячъ **; всего этого не могъ не знать датскій дворъ, а потому военныя приготовленія производились тамъ съ большою дѣятельностію.

Надо признаться что оборонительныя средства, которыя приготовляла Данія, были немаловажны; по свѣдѣніямъ барона Корфа ***, она имѣла къ концу зимы 1761—62 г. тридцать линейныхъ кораблей съ 1.852 пушками и 15.166 матросами, восьмнадцать фрегатовъ съ 400 пушекъ и 3.000 моряковъ

* Реляція барона Корфа отъ 20-го мая.

** Реляція Остермана 16-го мая, къ коей приложены экстракты изъ депешъ барона Поссе, изъ Петербурга. *(Дѣла Швед.)*

*** Реляція отъ 23-го февраля и 2-го марта.

наконецъ восемь различнаго наименованія меньшихъ судовъ, съ 63 орудіями. Кромѣ того, предполагалось построить еще десять кораблей, пять фрегатовъ и семь мелкихъ судовъ. Вывозъ хлѣба изъ Даніи, Норвегіи и датской части Голштиніи былъ воспрещенъ; послѣдовало распоряженіе объ укомплектованіи сухопутной арміи, боевой составъ или *ордеръ-де-баталь* коей предполагалось довести до 9 баталіоновъ гренадеръ, 43 баталіоновъ мушкетеръ и 1 баталіона егерей, а въ кавалеріи до 38 эскадроновъ кирасиръ, 28 эскадроновъ драгунъ и 6 эскадроновъ гусаръ. * Назначено было устроить на голштинской границѣ лагерь на 40.000 человѣкъ, начальство надъ которымъ предполагалось поручить генералу, пользовавшемуся въ то время высокою репутаціей, Сенъ-Жермену, ** бывшему въ послѣдствіи военнымъ министромъ Франціи.

Переговоры между тѣмъ не прекращались, хотя съ обѣихъ сторонъ дѣлались военныя приготовленія. Рѣшеніе принятое датскимъ дворомъ сообщено было конференціи, которая, собравшись 21-го мая, признала справедливымъ не отвергать безусловно предложеніе Даніи о новомъ обсужденіи споровъ съ нею по голштинскимъ дѣламъ, но, съ другой стороны, принять мѣры чтобъ это не сдѣлалось только предлогомъ къ оттяжкѣ времени. Въ такомъ смыслѣ былъ написанъ на имя барона Корфа рескриптъ. Въ немъ изъяснялось прежде всего что, очевидно, Данія не намѣрена вступить на путь соглашеній, „но почитая долгое и спокойное владѣніе похищенными землями за право, видимымъ образомъ ищетъ только выиграть время, въ такомъ чаяніи, что не всегда армія наша будетъ въ близости къ доставленію праведнаго удовлетворенія, а тѣмъ временемъ могутъ обстоятельства сдѣлаться и полезными Даніи, такъ что протяженіемъ вновь спокойнаго похищенныхъ земель владѣнія, мнимое на нихъ ея право утверждалось бы еще болѣе“. Нашъ интересъ, напротивъ того, писалъ канцлеръ, требуетъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, а именно сосѣдствомъ какъ съ Голштиніей, такъ и съ датскими владѣніями нашей арміи, только что прошедшей школу военныхъ трудовъ и поприще побѣдъ. Правда, театръ военныхъ дѣйствій,—еслибы до нихъ дошло дѣло,—представляетъ для насъ

* Прилож. къ реляціи барона Корфа отъ 1-го мая.

** Реляція барона Корфа отъ 4-го апрѣля.

неудобство отдаленности, но это неудобство отчасти отстранено пріобрѣтеніемъ Кольберга, а король прусскій, съ своей стороны, предложилъ, по особой дружбѣ своей, Штетинъ въ качествѣ плацъ-д'арма для русской арміи и, вѣроятно, не откажется дать и Кюстринъ, если это окажется нужнымъ. Правда и то, что многіе дворы неблагосклонно взираютъ на усиленіе наше на Балтійскомъ морѣ и потому доброжелательствуютъ Даніи; но мы не знаемъ ни одного между ними, отъ котораго могла бы Данія получить дѣйствительную помощь. Напротивъ того, король прусскій „совершенно въ нашихъ интересахъ", а Швеція, если она не будетъ въ состояніи воспользоваться затрудненіями Даніи, ни въ какомъ случаѣ мѣшать намъ не будетъ. Не взирая однакожь на всѣ эти важныя политическія соображенія, заключалъ графъ Воронцовъ, мы рѣшаемся принять предлагаемыя датскимъ дворомъ негоціаціи, съ тѣмъ впрочемъ чтобъ онѣ происходили въ Берлинѣ, непремѣнно подъ медіаціей короля прусскаго, и открылись не позже 1-го іюля по старому стилю; а дабы не могло дѣло затянуться, предложенія, которыя русскій дворъ имѣетъ представить, должны имѣть характеръ ультиматума: непринятіе ихъ окончательно разрываетъ переговоры. Баронъ Корфъ поставлялся въ извѣстность что онъ назначенъ, вмѣстѣ съ конференцъ-совѣтникомъ Сальдерномъ, въ послѣдствіи извѣстнымъ дипломатомъ, быть представителемъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ. Ему предписывалось немедленно сообщить датскому двору рѣшеніе русскаго правительства и просить о назначеніи въ Берлинъ своихъ уполномоченныхъ къ означенному сроку, и притомъ съ такими инструкціями, чтобъ они могли принять или отвергнуть русскія предложенія въ семидневный срокъ, не ссылаясь на недостатокъ полномочій.* Барону Корфу разрѣшалось сообщить датскому двору, что въ случаѣ согласія онаго на всѣ вышеизложенныя условія, медіатору предоставлялось откинуть нѣкоторыя требованія, заранѣе указанныя въ Петербургѣ.

Когда рескриптъ, содержаніе котораго здѣсь приведено, былъ полученъ барономъ Корфомъ, короля датскаго не было въ Копенгагенѣ; недѣли за три предъ тѣмъ онъ предпринялъ поѣздку въ Шлезвигъ и Голштинію съ цѣлію, между прочимъ, осмотрѣть расположенныя тамъ войска.** Сдѣлавъ необходимыя приго-

* Рескриптъ барону Корфу отъ 24-го мая.

** Реляція барона Корфа отъ 1-го іюня.

товленія, баронъ Корфъ отправился вслѣдъ за нимъ (19-го іюня); но достигнувъ берега, онъ принужденъ былъ остановиться за непогодой и ждать пока море утихнетъ. Король находился въ это время въ Травендалѣ, куда поспѣшилъ и Корфъ, однако никакъ не могъ поспѣть ранѣе 28-го іюня. * Тотчасъ же по прибытіи онъ видѣлся съ Бернсторфомъ и сообщилъ ему о согласіи русскаго двора на конгрессъ и объ условіяхъ на коихъ онъ возобновляетъ переговоры. Датскій министръ замѣтилъ, что когда два правительства желаютъ покончить существующія между ними недоразумѣнія, то обыкновенно мѣсто и время для переговоровъ о томъ назначаются съ обоюднаго согласія, каковое еще нужнѣе относительно медіаціи; однако,—прибавилъ Бернсторфъ,—король соглашается на всѣ сдѣланныя императоромъ предложенія и сдѣлалъ уже назначенія на предполагаемый конгрессъ; онъ опасается только что датскіе уполномоченные не поспѣютъ къ сроку, такъ какъ имъ необходимо взять съ собою различные документы хранящіеся въ копенгагенскихъ архивахъ. Противъ этого нечего было возражать; баронъ Корфъ и самъ опасался опоздать, хотя предполагалъ выѣхать въ ту же ночь. Дѣйствительно, онъ добрался до Берлина лишь 5-го іюля. **

Мы видѣли, что графъ Воронцовъ, въ депешѣ отъ 24-го мая къ барону Корфу, указывалъ на Швецію, какъ на страну которой не было причинъ опасаться. Въ ней царствовалъ Адольфъ-Фридрихъ, бывшій администраторъ Голштиніи, родной братъ покойнаго отца Петра III. Молодой императоръ, отъ природы расположенный вѣрить въ исполнимость всѣхъ своихъ желаній, былъ убѣжденъ, что такой близкій родственникъ и притомъ членъ Голштинскаго дома неминуемо войдетъ во всѣ интересы его политики. Онъ тѣмъ болѣе предавался этой надеждѣ, что между Швеціей и Пруссіей, какъ мы видѣли, *** дѣло шло къ миру, и было заключено перемиріе; но хотя мирный трактатъ между Адольфомъ-Фридрихомъ и королемъ прусскимъ былъ дѣйствительно подписанъ (22-го мая ст. ст.), условія его не оправдали однакожъ ожиданій императора. Окончивъ продолжительную войну, веденную безъ энергіи,

---

* Реляція барона Корфа отъ 29-го іюня.

** Реляція отъ 6-го іюня.

*** См. гл. II.

но за то не принесшую никакихъ выгодъ, шведское правительство было радо наступившему затѣмъ спокойствію и вовсе не намѣревалось принимать участія въ столкновеніяхъ приготовлявшихся между Россіей и Даніей. Говоря съ русскимъ посланникомъ при стокгольмскомъ дворѣ, графомъ И. А. Остерманомъ, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Экеблатъ постоянно выражалъ желаніе чтобы на сѣверѣ установилось общее спокойствіе, чтобы несогласія между Россіей и Даніей уладились мирнымъ путемъ, но не подавалъ никакого повода ожидать содѣйствія Швеціи. Чтобы вывести шведскій дворъ изъ круга этихъ неопредѣленностей, графу Остерману поручено было сообщить стокгольмскому министерству о положеніи нашихъ сношеній какъ съ Даніей, такъ и съ Пруссіей, и дать ему почувствовать, что по причинѣ близкаго родства шведскаго королевскаго дома съ русскимъ, отъ него ожидается, что онъ подкрѣпитъ домогательство императорскаго правительства. Для этого, писалъ канцлеръ графу Остерману,* „Шведскій дворъ могъ бы дать пристойно датскому двору выразумѣть, что легко можетъ Швеція подкрѣпить притязанія наши самымъ дѣломъ". Ему было приказано также вывѣдать, не найдетъ ли королевское правительство возможнымъ, „въ случаѣ, если дѣла между Россіей и Даніей дойдутъ до разрыва, оказывать русскимъ кораблямъ вспоможеніе въ шведскихъ гаваняхъ и доставлять предметы потребные арміи въ Померанію,—разумѣется, за справедливое вознагражденіе. Министръ выслушалъ все что сообщилъ ему русскій посланникъ и обѣщалъ доложить королю, а чрезъ нѣсколько дней отвѣчалъ ему, что король твердо рѣшился не вступать въ обязательства которыя могли бы быть предосудительны для спокойствія Швеціи; ** впрочемъ, шведское правительство не отказывало русскимъ кораблямъ въ дозволеніи заходить въ принадлежащія ему гавани для исправленій и пополненія своихъ запасовъ; оно не отказывало и въ полученіи изъ шведскихъ владѣній различныхъ потребныхъ для арміи предметовъ, но заявляло, что не сочтетъ себѣ въ правѣ отказать и Даніи въ подобныхъ же услугахъ, если она будетъ просить о томъ. Не менѣе сдержанности обнаружило шведское правительство и въ сношеніяхъ своихъ съ Пруссіей. Фридрихъ обратился къ королю шведскому съ

* Рескр. 24 мая (*Дѣла Шведск.* 1762 г.)

** Рел. Остермана, 4, 11 и 18 іюня.

письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему заключить тройственный союзъ (Швеціи, Россіи и Пруссіи), но и это предложеніе было отклонено. Адольфъ Фридрихъ хотѣлъ мира и болѣе ничего.

Обратимся теперь къ дѣламъ курляндскимъ. Можно было предвидѣть что съ началомъ новаго царствованія они примутъ неблагопріятный для принца Карла оборотъ, зная какое нерасположеніе обнаружилъ къ этому принцу Петръ, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Въ послѣдствіи непріязнь эта еще усилилась и обратилась въ нѣкотораго рода отвращеніе. Молодой саксонскій принцъ, покончивъ дѣла свои въ Петербургѣ, отправился въ армію генерала Фермора, при которой дѣлалъ, въ качествѣ волонтера, кампанію 1758 года. Но вскорѣ оттуда пришли неблагопріятныя о немъ извѣстія: * говорили, что въ сраженіи при Цорндорфѣ онъ предался постыдному бѣгству. Въ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось письмо, которое принцъ писалъ по этому случаю императрицѣ. Онъ оправдывался, жаловался на клеветниковъ, личныхъ враговъ, завистниковъ, интригу и т. д. Не видя особенной надобности изслѣдовать это обстоятельство, мы замѣтимъ, что оно ни мало не измѣнило къ нему расположенія императрицы, а къ неблагосклонности, какую при первой встрѣчѣ обнаружилъ къ нему великій князь, присоединило еще презрѣніе. Императрица Екатерина говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что во время втораго посѣщенія принцемъ Петербурга, въ 1759 году, Петръ Ѳедоровичъ рѣшительно не хотѣлъ говорить съ нимъ, „какъ съ отъявленнымъ негодяемъ“.

Въ числѣ владѣтельныхъ особъ, которымъ приготовлены были извѣстительныя грамоты о вступленіи на престолъ новаго императора, находился и принцъ Карлъ, какъ признанный нашимъ дворомъ герцогъ Курляндіи; но Петръ не согласился подписать этой грамоты, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на ней: Е. И. В—омъ совсѣмъ отмѣнена“. **

Желая выяснить свое положеніе при Митавскомъ дворѣ, Симолинъ поспѣшилъ испросить себѣ инструкцію, *** напо-

* *Зап. Екатерины.*

** *Дѣла Курлянд.* 1761 г. № 4.

*** Реляція отъ 8 января 1762 г.

миная вмѣстѣ съ тѣмъ что онъ еще не получилъ повелѣнія формальнымъ образомъ объявить герцогу и рыцарству о вступленіи на престолъ новаго императора. На это представленіе послѣдовалъ слѣдующій весьма категорическій отвѣтъ: „Мы предписываемъ и желаемъ, чтобы оныя (прежнія инструкціи) оставляя вовсе, поколику касаться могутъ до совершеннаго въ Курляндіи утвержденія нынѣшняго герцога, обратили вы, напротивъ того, въ защиту и подкрѣпленіе поборствующаго за вольность и преимущества свои рыцарства и дворянства, кои еще не сдѣлали сему принцу присяги, подкрѣпляя ихъ при всякомъ случаѣ (сколько справедливость о соблюденіи правъ ихъ въ цѣлости позволить можетъ) въ прежнихъ мнѣніяхъ къ сопротивленію и отнюдь не преклоняя въ пользу герцога къ принужденному единогласію.“ * Въ этихъ словахъ заключался самый крутой поворотъ въ отношеніи прежней политики по Курляндскимъ дѣламъ, поворотъ, который, какъ можно предугадывать изъ всего вышеизложеннаго, былъ очень сочувственно принятъ въ Курляндіи; нашему резиденту было гораздо легче поддерживать оппозицію въ отношеніи герцога нежели склонять рыцарство на его сторону. „Наставленіе сіе, писалъ Симолинъ отъ 29 января въ отвѣтъ на полученный имъ рескриптъ, принялъ я въ такое правило, по которому поступать могу съ надежнымъ успѣхомъ къ пріобрѣтенію дѣйствительнаго исполненія воли и намѣренія вашего императорскаго величества.“ Приближалось время открытія новаго ландтага; онъ былъ открытъ 20-го января (1-го февраля). Вопросъ религіозный долженъ былъ и теперь стать камнемъ преткновенія. Почти всѣ кирхшпили, которые обнаружили оппозицію на прежнихъ ландтагахъ, прислали и на нынѣшній депутатовъ съ прежними иструкціями. Переговоривъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, Симолинъ доносилъ: „Ласкаю себя, что непримѣтныя мои внушенія.... принесли желанный свой плодъ и очень обрадовали тѣхъ, кои донынѣ дѣйствовали противъ герцога. По всякому чаянію, здѣшній сеймикъ (ландтагъ), который для герцога теперь не весьма авантаженъ, вскорости уничтоженъ быть можетъ подъ такимъ претекстомъ, дабы депутаты имѣли время до будущаго сеймика согласовать всѣ кирхшпили къ стараніямъ о соблюденіи цѣлости своей

* Рескриптъ 22 января.

религіи, правъ и преимуществъ, а я межъ тѣмъ не премину свои внушенія распространять." *

Между тѣмъ герцогъ, извѣстясь о вступленіи на престолъ Петра III, поспѣшилъ отправить къ нему извѣстнаго уже намъ генерала Лашеналя съ собственноручнымъ поздравительнымъ письмомъ. Ландтагъ, съ своей стороны, тоже пожелалъ послать депутацію въ Петербургъ, и выбралъ для этого фонъ-Гейкинга и камеръ-юнкера Плетенберга, людей, которые въ предшедшемъ году были посылаемы въ Варшаву отъ нѣкоторыхъ кирхшпилей для принесенія жалобъ на своего нареченнаго герцога; первый изъ этихъ депутатовъ вовсе не присягалъ Карлу, а послѣдній извѣстенъ намъ какъ партизанъ Бирона. Такое назначеніе, конечно, не могло быть пріятно принцу Карлу, тѣмъ болѣе что о рѣшеніи ландтага онъ вовсе не былъ предувѣдомленъ.** Получивъ наконецъ извѣщеніе о рѣшеніи принятомъ ландтагомъ, принцъ увѣдомилъ его что отправленіе генерала Лашеналя имѣетъ характеръ совершенно партикулярный, и что онъ желалъ бы принять участіе въ торжественной депутаціи, отправляемой въ Петербургъ, предлагая принять въ составъ депутаціи вмѣсто Гейкинга, какъ не присягавшаго ему, канцлера Кейзерлинга. Чтобъ объявить Симолину объ этомъ новомъ предметѣ препиранія ландтага съ герцогомъ, нарочно забѣжалъ къ нему извѣстный намъ предсѣдатель братской конференціи 1758 года, нынѣ ландботенъ-маршалъ Клопманъ, только что обращенный русскимъ резидентомъ къ убѣжденіямъ непріязненнымъ принцу Карлу. Онъ говорилъ Симолину, что назначеніе Гейкинга и Плетенберга сдѣлано по его старанію, и что онъ будетъ настаивать дабы никакъ не допустить смѣны котораго-либо изъ нихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это вполнѣ удалось ему. Ландтагъ отказался измѣнить составъ депутаціи назначенной по большинству голосовъ, но предложилъ принцу присоединить къ ней уполномоченнаго и отъ себя, присовокупляя, что въ противномъ случаѣ пошлетъ своихъ депутатовъ безотлагательно. На это принцъ отвѣчалъ что онъ не хочетъ препятствовать отправленію депутаціи, но не можетъ принять въ ней никакого участія, такъ какъ одинъ изъ ея членовъ принадлежитъ къ числу явныхъ его противниковъ.

Дѣла принца Карла, не блестяція и въ то время когда его

* Рел. Симол. отъ 29 января.

** Реляція отъ 2 и 9 февр. и прилож. къ нимъ.

усердно поддерживала императрица Елисавета, сдѣлались теперь крайне сомнительными. Главное затрудненіе составлялъ, по-прежнему, религіозный вопросъ. Ландтаги собирались, но они настойчиво требовали чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ обязательство воспитывать дѣтей своихъ въ протестантской религіи, и чтобы при этомъ былъ постановленъ законъ, который устранялъ бы отъ престола лицо, которое, хотя бы и приявъ протестантство, въ послѣдствіи перешло бы въ католицизмъ. * Это требованіе было повторено и на ландтагѣ собравшемся въ концѣ зимы 1761 — 62 года, на которомъ принцъ Карлъ имѣлъ ничтожное число преданныхъ ему депутатовъ. Въ виду такого заключенія курляндскихъ чиновъ, принцъ и теперь, такъ же какъ и прежде, распустилъ ландтагъ. Сторона непріязненная герцогу, и во главѣ ея Клопманъ, рѣшительно входившій во вкусъ новой политики русскаго двора, были рады роспуску ландтага, надѣясь усилиться къ новому ландтагу еще нѣсколькими новыми голосами. „Нынѣшній сеймикъ пять недѣль продолжался, писалъ по этому поводу Симолинъ, а окончился безплодно, и чаять можно, что при начатіи новаго, принцъ едва ли не лишится и вышепомянутыхъ шести кирхшпилей съ своей стороны.“ По закрытіи ландтага и предъ отъѣздомъ своимъ изъ Митавы, депутаты, какъ обыкновенно, явились во дворецъ откланяться. Обратясь къ принцу, ландботенъ-маршалъ выразилъ сожалѣніе что минувшій ландтагъ „противъ воли своей не дошелъ до конца“. При этихъ словахъ, пишетъ Симолинъ, „герцогъ не могъ скрыть своего неудовольствія и ландботенъ-маршалу отвѣтствовалъ на сіе, что онъ желаетъ, что хотя бъ депутаты возвратились и себя такимъ образомъ предуготовили, дабы впредь не были подвержены отвѣту предъ королемъ и республикою“. Депутаты разъѣхались. Вслѣдъ за ними отправился и принцъ, сначала въ Варшаву, а потомъ въ Германію на воды, поручивъ свои интересы въ Курляндіи совѣтнику Цигенгорну (сдѣлавшему не менѣе крутой поворотъ какъ и Клопманъ, только въ противоположную сторону),— человѣку, по словамъ Симолина, всѣмъ ненавистному. По тому же свидѣтельству, кирхшпили вообще одобрили образъ дѣйствій своихъ депутатовъ, равно какъ и сдѣланныя ими назначенія въ петербургскую депутацію.

* Рел. отъ 28 февраля.

Эта депутація принята была въ Петербургѣ весьма благосклонно. Туда же приглашенъ былъ оберъ-бургграфъ баронъ Офенбергъ. Между этими лицами и довѣренными совѣтниками императора происходили частыя совѣщанія; очевидно, что-то важное для Курляндіи замышлялось въ Петербургѣ, а такъ какъ въ то же время прибылъ туда изъ мѣста своей ссылки Биронъ и былъ при дворѣ милостиво принятъ и даже обласканъ, то несомнѣннымъ казалось, что онъ будетъ возстановленъ на митавскомъ престолѣ. Въ дѣйствительности, однакожъ, императоръ имѣлъ совершенно другіе виды. Устройство Курляндіи входило въ кругъ тѣхъ соображеній, совокупность которыхъ можно назвать политическою системой Петра III. Онъ предполагалъ отдать Курляндію родному дядѣ своему, герцогу Георгу Людвигу Гольштейнъ-Готторпскому.

Герцогъ Георгъ Людвигъ или, какъ его чаще называли, принцъ Георгъ, генералъ прусской службы, былъ, по собственнымъ его словамъ, „изъ Гольштейнъ-Готторпскаго дома, одинъ такой несчастливый принцъ, который ни маетностей, ни удѣлу никакого не имѣетъ, и принужденъ, яко простой партикулярный человѣкъ, чрезъ 26 лѣтъ искать въ военной службѣ пропитанія своего“. * Жалобы принца Георга были, кажется, нѣсколько преувеличены; изъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, видно, напримѣръ, что его супруга, урожденная принцесса Гольштейнъ-Бекская, владѣла имѣніями въ Восточной Пруссіи **, хотя весьма можетъ быть что они приносили очень незначительные доходы. Какъ бы то ни было, но принцъ Георгъ былъ очень радъ, когда, въ началѣ 1761 года, великій князь, его племянникъ, предложилъ ему принять на себя управленіе Голштиніей въ качествѣ генералъ-губернатора. Около того же времени умерла его тёща, герцогиня Гольштейнъ-Бекская, получавшая изъ русской казны 15 т. р. ежегодной пенсіи; принцъ Георгъ поспѣшилъ обратиться съ ходатайствомъ къ императрицѣ о назначеніи ему хотя части этой пенсіи, присовокупляя при этомъ, что онъ уже оставилъ прусскую службу,

---

* См. въ *Дѣлахъ Голшт.* 1761 года, № 2, письмо пр. Георга къ гр. Воронцову.

** *Дѣла Голшт.* 1759 года, № 2. См. ходатайство ея предъ императрицей объ освобожденіи этихъ имѣній отъ контрибуцій.

на которой, по его словамъ, одна необходимость доселѣ его удерживала.

Между тѣмъ императрица скончалась, и генералъ-губернаторъ Голштиніи не успѣлъ еще перебраться въ Киль изъ Кенигсберга, гдѣ постоянно проживала его супруга, какъ вступленіе на престолъ Петра Ѳедоровича дало новый поворотъ колесу его фортуны. Въ самый день кончины Елисаветы Петровны, ея преемникъ написалъ къ нему грамоту съ извѣщеніемъ о вступленіи на прародительскій престолъ „къ общему удовольствію“ его подданныхъ, и съ приглашеніемъ прибыть въ Россію вмѣстѣ съ семействомъ своимъ. Съ этою грамотой былъ посланъ флигель-адъютантъ подполковникъ Семенъ Порошинъ, * на котораго было возложено и сопровождать принца Георга до Петербурга. Графу П. И. Панину, назначенному между тѣмъ въ должность Кенигсбергскаго губернатора, было предписано ** отдавать императорскому дядѣ воинскую честь какъ владѣтельному принцу, всѣмъ вообще военнымъ начальникамъ, чрезъ мѣста расположенія которыхъ принцъ долженъ былъ проѣзжать, — встрѣчать его съ пушечною пальбой, а для *сообразнаго съ его достоинствомъ трактованія* отправлены были придворные служители со столовымъ серебромъ. Въ то же время во всѣ города отъ Риги до Петербурга посланы были указы о заготовленіи лошадей для проѣзда высокихъ путешественниковъ, а Симолину было приказано стараться чтобы въ Митавѣ принцу была приготовлена торжественная встрѣча... Взявъ изъ суммъ Кенигсбергскаго управленія шесть тысячъ рублей, принцъ выѣхалъ 12 января; принцесса пустилась въ путь особо и нѣсколько позже. Въ Петербургѣ ихъ встрѣтили съ величайшею торжественностью и почетомъ. Принцу пожалованъ былъ титулъ Высочества; *** нѣсколько дней спустя онъ получилъ чинъ фельдмаршала, а въ исходѣ мая сдѣланъ былъ членомъ высшаго совѣта, установленнаго, какъ гласилъ императорскій манифестъ, чтобы подъ руководствомъ самого государя „трудиться надъ многими до того принадлежащими дѣлами“. ****

---

* *Дѣла Голшт.* 1761 г. № 3.

** *Дѣла Прус.* 1762 г. № 7, см. реляціи гр. Панина отъ 13 и 14 января; а также *Дѣла Голшт.* 1762 г. № 19.

*** См. *Опред. военн. колл.* 1762 г. за январь и февраль, въ архивѣ оной коллегіи, въ Москвѣ.

**** *П. С. З.* № 11.538. Одновременно съ принцемъ Георгомъ возвышенъ былъ и принцъ Гольштейнъ-Бекскій, находившійся въ рус-

Взглядъ Петра на положеніе Курляндскаго вопроса былъ слѣдующій. Онъ находилъ, что такъ какъ принцъ Карлъ и курляндское рыцарство не утвердили еще взаимною присягой взаимныхъ между собою отношеній, то нѣтъ достаточныхъ причинъ признавать водвореніе этого принца въ Митавѣ совершившимся фактомъ. Но если не признавать государемъ Курляндіи принца Карла, то неизбѣжно приходилось признать герцогомъ Бирона; съ этимъ вполнѣ соглашался Петръ, но онъ былъ увѣренъ что этотъ послѣдній, находясь въ полной зависимости отъ русскаго правительства и проникнутый благодарностью за свое освобожденіе, не усомнится отречься отъ своихъ правъ въ пользу принца Георга, особенно когда ему будетъ предложено приличное вознагражденіе. Къ переговорамъ съ нимъ по этому предмету и было приступлено немедленно по прибытіи его въ Петербургъ изъ ссылки. Но, повидимому, эти переговоры шли не такъ успѣшно какъ надѣялся императоръ, и вотъ почему права Бирона были выставляемы предъ Курляндцами слишкомъ долго и слишкомъ настойчиво, въ ущербъ интересамъ Голштинскаго принца. До самаго исхода мая мѣсяца Симолину писалось только о Биронѣ и его правахъ; въ такомъ же смыслѣ данъ былъ отвѣтъ и курляндской депутаціи при ея отпускѣ. Императоръ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, говорилось въ этомъ отвѣтѣ, * „сколь мало съ фундаментальными правами герцогства Курляндскаго сходственно имѣть имъ католическаго принца своимъ герцогомъ, умалчивая о другихъ нарушеніяхъ ихъ правостей“. Обо всемъ этомъ депутаты были уполномочены объявить курляндскому рыцарству и земству и присовокупить, „что Е. И. В., безъ утраты времени, чрезъ своего акредитованнаго министра *о еще потребномъ* къ сему полезному намѣренію имъ дать знать изволитъ“.

Объ этомъ *потребномъ* для блага Курляндіи предполагалось возвѣстить чрезъ особое вполнѣ довѣренное лицо, а именно чрезъ извѣстнаго уже намъ А. В. Гудовича. ** На него возлагалось, какъ видно изъ заготовленной на его имя

ской службѣ еще въ царствованіе Елисаветы. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и членомъ помянутаго совѣта.

* *Дѣла Курл.* 1762 г. № 5.

** Тамъ же, № 8. Рескриптъ былъ заготовленъ на его имя 2-го мая.

инструкціи, объяснить Курляндцамъ, что принцъ Карлъ, какъ католикъ, не можетъ быть терпимъ на герцогскомъ престолѣ, и что прежній и единственно законный ихъ герцогъ Эрнстъ-Іоганъ, будучи на свободѣ, долженъ вступить въ свои права. Но Гудовичу поручалось открыть „наиболѣе благонамѣреннымъ“ изъ Курляндцевъ что Бирономъ отказывается отъ своихъ правъ въ пользу принца Георга. „Если, сказано между прочимъ въ этой инструкціи, усмотрите вы какое-либо между ними (Курляндцами) со стороны польскаго двора и республики опасеніе, то можете всѣхъ и каждаго нашею и короля Прусскаго протекціей обнадеживать, а въ случаѣ надобности и формально сіе обнадеживаніе дать. Но за верхъ вашего искусства и всѣхъ услугъ поставили бы мы, еслибъ вы предуспѣли до того довести, чтобы княжества Курляндское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависящія, а впрочемъ ни защищенія, ни правосудія, ниже малѣйшей помощи никогда не имѣющія, отдали себя съ своимъ герцогомъ въ нашу протекцію, подъ гарантію его величества; а кондиціи могутъ себѣ выговорить какія сами пожелаютъ.“

Посольство Гудовича не состоялось, а Симолину не было открыто что къ чему съ такимъ жаромъ и, такъ сказать, не торгуясь стремилось русское правительство. Соглашеніе съ Бирономъ подвигалось туго, и еще 3-го іюня канцлеръ видѣлъ себя вынужденнымъ сообщить Симолину о своихъ видахъ лишь намеками: „Мы никогда допустить не можемъ чтобы принцъ католической вѣры владѣлъ герцогскимъ престоломъ, въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ,“ писалъ онъ съ твердостію, которой могъ бы позавидовать самъ Фридрихъ, защитникъ протестантизма; но затѣмъ онъ дѣлалъ заключеніе, намекавшее на неопредѣленное положеніе дѣлъ въ Петербургѣ: „мы намѣрены, писалъ онъ, герцога Эрнста-Іогана *на нѣкоторое время* во владѣніи герцогствомъ Курляндскимъ оставить, тѣмъ наипаче что онъ, въ разсужденіи партикулярныхъ своихъ обстоятельствъ, *можетъ-быть, склонится уступить Курляндію другому герцогу евангелической вѣры*“. Рѣшеніе императора было твердо, но не легко было привести оное въ исполненіе. Для этого, и именно съ цѣлію * лишить принца Карла его доходовъ, а

* Переводъ съ этого рескрипта, какъ видно изъ помѣтокъ на отпускѣ онаго, былъ сообщенъ принцу Георгу.

съ ними и средствъ набирать себѣ приверженцевъ, тѣмъ же рескриптомъ повелѣвалось на герцогскія имѣнія снова наложить секвестръ. Этотъ рескриптъ, не взирая на свои недомолвки, могъ раскрыть Симолину истинное положеніе дѣлъ; но онъ полученъ былъ въ Митавѣ около 10-го іюня, а тамъ между тѣмъ началась сильная агитація на почвѣ Бироновыхъ правъ. Главнымъ поводомъ къ ней было возвращеніе Гейкинга и Плетенберга и возникшее между ними разногласіе. Плетенбергъ возвратился первымъ, именно въ концѣ апрѣля или началѣ мая.* Не заѣзжая въ Митаву, онъ проѣхалъ прямо къ своему дѣду, каммергеру Бутлеру, къ которому поспѣшило собраться окрестное дворянство, и здѣсь начались толки, которыми Симолинъ былъ очень не доволенъ. Между тѣмъ Гейкингъ оставался еще въ Петербургѣ. Будучи болѣе своего товарища сторонникомъ Россіи, онъ вполнѣ вошелъ, когда остался одинъ, въ виды русскаго правительства, — по крайней мѣрѣ на сколько они были ему открыты. На отпускной аудіенціи государь сказалъ ему, что онъ „герцога Эрнста-Іогана, законнаго государя Курляндіи, не только освободилъ, но и хочетъ его такъ подкрѣпить, чтобы при несомнѣнномъ его правѣ, счастіе и благополучіе Курляндіи.... на крѣпкомъ основаніи находилось.“ Пріѣхавъ въ Митаву, Гейкингъ сдѣлался усерднымъ провозглашателемъ правъ Бирона; не довольствуясь словесною пропагандой въ столицѣ герцогства, онъ написалъ циркулярное письмо, заключавшее въ себѣ отчетъ о петербургской его поѣздкѣ, и разослалъ оное по курхшпилямъ. Естественно, письмо это попало въ руки партіи начавшей группироваться вокругъ старика Бутлера и Плетенберга. Послѣдній изъ нихъ счелъ своею обязанностію дать отпоръ Гейкингу, и написалъ ему письмо, распущенное также по рукамъ во множествѣ копій, въ которомъ выражалось удивленіе, что нѣкоторымъ словамъ инструкціи, данной имъ ландтагомъ, бывшій его соделегатъ далъ совершенно произвольное и неодобряемое имъ, Плетенбергомъ, толкованіе. „Находящіяся въ нашей инструкціи слова объ измѣненіяхъ, которыя Курляндія по положенію своему претерпѣ-

* См. реляціи Симолина отъ 25-го мая и 15-го іюня, а также приложенія къ нимъ. Въ особомъ дѣлѣ (№ 5) о пребываніи въ Петербургѣ курляндскихъ депутатовъ имѣется заготовленная для нихъ нота, изъ помѣты на коей можно заключать что Плетенбергъ уѣхалъ еще въ апрѣлѣ.

вала,—писалъ онъ,—въ оном письмѣ не только упомянуты, но и въ такой силѣ истолкованы, якобы благородное рыцарство и земство оными словами о несогласіи между ими и его королевскимъ высочествомъ разумѣло. При моемъ въ Петербургѣ пребываніи о несогласіяхъ коu въ герцогствѣ состоятъ ничего упомянуто не было,—а потому, безъ сомнѣнія, ваше высокоблагородіе по отъѣздѣ моемъ такую негоціацію начали." Но, заключалъ Плетенбергъ, такіе переговоры съ иностранными державами я почитаю законопротивными и протестую противъ всякаго съ моей стороны участія въ нихъ. Такое колкое объясненіе вызвало отвѣтъ Гейкинга, который, не вдаваясь въ полемику со своимъ противникомъ, пользовался случаемъ чтобъ еще разъ во всеуслышаніе провозгласить о правахъ Бирона....

Между тѣмъ переговоры съ Бирономъ окончились. Когда именно онъ подписалъ отреченіе въ пользу принца Георга, на это нѣтъ прямыхъ указаній въ дѣлахъ московскаго архива, но это должно было, очевидно, произойти въ промежутокъ времени между 3-го іюня,—когда графъ Воронцовъ извѣщалъ Симолина что Биронъ *можетъ-быть* согласится отречься отъ своихъ правъ,—и 8-го іюня, когда былъ подписанъ уполномоченными союзный трактатъ съ Пруссіей, въ которомъ упоминается объ отреченіи Бирона какъ о фактѣ уже совершившемся. * Недовольный, повидимому, образомъ дѣйствія графа Воронцова, принцъ Георгъ рѣшился взять въ свои руки курляндскія дѣла вообще. Въ рескриптѣ отъ 3-го іюня распоряженіе касающееся секвестра герцогскихъ имѣній сдѣлано согласно его собственноручной запискѣ (на нѣмецкомъ языкѣ, съ переводомъ Сальдерна); всѣ послѣдующіе рескрипты составлялись первоначально по-нѣмецки, очевидно для того чтобъ быть предварительно представленными принцу, для удобствъ котораго велѣно были Симолину ** писать свои донесенія и по-русски, и по-нѣмецки. Впрочемъ, это послѣднее распоряженіе сдѣлано было 25-го іюня и заключается въ томъ же рескриптѣ, коимъ резиденту нашему было разрѣшено объявить, что герцогъ Эрнстъ-Іоганъ „только претекстомъ служитъ", и что онъ уступилъ свои права на Курляндію принцу Георгу.

---

* См. Приложеніе.

** *Курляндскія дѣла*, № 3.

Но такая запутанная политика произвела запутанность и въ положеніи дѣлъ. Въ продолженіе полугода Симолину приходилось формировать партію въ третій разъ и производить агитацію въ пользу третьяго претендента. Умы начинали раздражаться; самымъ податливымъ людямъ должно было надоѣсть и казаться неприличнымъ перемѣнять безпрестанно свое политическое знамя. Признаніе въ серіозныхъ затрудненіяхъ, съ которыми предстояло бороться Симолину, сквозитъ въ слѣдующихъ словахъ его депеши отъ 15-го іюня „Нынѣ, пишетъ онъ, здѣсь три партіи, одна для принца Карла, другая для герцога Эрнста-Іогана, и третья для его высочества герцога Гольштейнъ-Готторпскаго. Первою руководствуетъ извѣстный Гейкингъ (однофамилецъ члена петербургской депутаціи), который предъ симъ бывалъ въ Дрезденѣ и при всякомъ случаѣ показывалъ свою неблагонамѣренность къ россійскому двору. Его поступки всегда были сомнительны и только къ тому простиралась, дабы завести въ земляхъ несогласія. Онъ напослѣдокъ соединился съ совѣтникомъ Цигенгорномъ и получилъ себѣ кредитъ у принца Карла, отъ котораго гауптманомъ дубенскимъ пожалованъ. Сей Гейкингъ и Цигенгорнъ употребляютъ всякіе способы на составленіе и содержаніе партіи принца Карла, состоящей главнѣйше въ арендаторахъ (герцогскихъ имѣній), которые хотя и не стали платить до должнаго указу (герцогскому правительству), однакожъ пребываютъ въ сомнѣніи по учиненнымъ отъ оныхъ Гейкинга и Цигенгорна нескладнымъ внушеніямъ, а именно, что здѣшнее правленіе никоимъ образомъ отмѣнено быть не можетъ, потому что оно защищеніе имѣетъ отъ другихъ дворовъ, своихъ свойственниковъ, и что будто его величество король прусскій самъ склоненъ за него заступать у вашего императорскаго величества.... Тѣмъ которые мнѣ о семъ сообщали я доказывалъ неосновательность такихъ вредныхъ самому благу разсужденій и безнадежныхъ обѣщаній, присовѣтывая поступками заслуживать милость и награжденіе вашего императорскаго величества....“ „Что же касается до другой и третьей партіи, продолжалъ Симолинъ, то изъ нихъ нѣкоторые являютъ склонность къ тому и другому, однакоже наипаче ожидаютъ, какая далѣе принята будетъ резолюція отъ вашего императорскаго величества въ разсужденіи наложеннаго ареста на герцогскіе доходы. Подлинно, что секвестръ много можетъ

дѣйствовать въ здѣшнихъ дѣлахъ и совсѣмъ уничтожить партію принца Карла; ибо искусство доказало, сколь они Курляндцы привыкли размѣривать сентименты и преданность къ своимъ партикулярнымъ видамъ, почему современемъ иногда можно будетъ соединить всѣ партіи въ пользу того, котораго ваше императорское величество истинно намѣрены назначить къ симъ герцотствамъ." Но неизвѣстность „истинныхъ" намѣреній русскаго двора приводила въ смущеніе самыхъ преданныхъ его сторонниковъ, и, съ другой стороны, ободряло его противниковъ. Полемика между Плетенбергомъ и Гейкингомъ подала поводъ къ новымъ заявленіямъ. По извѣстію Симолина, кѣмъ-то было написано и пущено по рукамъ безыменное письмо, авторъ котораго, „позволяя поведеніе и честные сентименты Плетенберговы обругать и обвинить всячески Гейкинга, будто онъ поступалъ противу земскихъ законовъ, вѣрности и обязательства рыцарства, содержаніе онаго столь отважно, сколь и возмутительно для здѣшняго шляхетства. Авторъ, вступая не въ принадлежащее для него разсужденіе, не только защищаетъ право и преимущество короля и республики польской, показывая на трактаты при избраніи герцога Бирона и принца Карла.... но и не стыдится научать, что ваше императорское величество не можете мѣшаться въ это дѣло, яко потому единственно отъ короля и республики зависящее, не упоминая однако о тѣхъ гарантіяхъ, которыя даны отъ всепресвѣтлѣйшихъ вашихъ предковъ на подлежащія республикѣ провинціи и, устрашая, уговариваетъ шляхетство самыми неосновательными мнѣніями, не имѣть сношеній съ чужими дворами, но вѣрными оставаться его королевскому высочеству."

Агитація, которую производили нѣкоторые члены курляндскаго дворянства, начинала принимать довольно непріятное для нашей политики направленіе. Плетенбергъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Вигандомъ, отправился въ Литву для свиданія съ княземъ Чарторыйскимъ, канцлеромъ литовскимъ, послѣ чего онъ предполагалъ ѣхать въ Варшаву; въ августѣ ожидали возвращенія изъ-за границы принца Карла, и трудно предвидѣть чѣмъ кончились бы дѣла въ Курляндіи, еслибы за нихъ не взялась наконецъ менѣе прихотливая и болѣе твердая рука. Но рескриптъ на имя Симолина, извѣщавшій его объ отреченіи Бирона въ пользу принца

Георга, былъ послѣднимъ въ царствованіе Петра; три дня спустя вступила на престолъ Екатерина. Какъ извѣстно, она устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и настояла на прямомъ и безусловномъ возстановленіи перваго изъ нихъ въ его правахъ; 4-го августа подписанъ былъ императрицей актъ, которымъ она снимала секвестръ съ герцогскихъ имѣній и возвращала Бирону всѣ владѣнія дарованныя ему лично Анной Іоанновной. Съ своей стороны, Биронъ, отрицаясь за себя отъ всякихъ претензій противъ Россіи, обнадежилъ въ дѣйствительномъ исполненіи обязательствъ, данныхъ герцогомъ Карломъ Елисаветѣ Петровнѣ, и между прочимъ взялся отстроить православную церковь въ Митавѣ, къ чему, какъ можно судить по словамъ заключеннаго въ 1762 г. акта, едва ли было и приступлено. Биронъ отправился сначала въ Ригу, откуда ему было удобнѣе нежели изъ Петербурга вести переговоры со своими приверженцами и дѣйствовать на своихъ противниковъ. Изъ донесенія Симолина и рижскаго генералъ-губернатора Брауна оказывается, что рыцарство не обнаружило непріязни къ Бирону. Для однихъ онъ былъ единственнымъ герцогомъ, уклоненіе отъ вѣрноподданства которому было преступленіемъ; другіе, и такихъ было весьма много, склонялись на его сторону изъ опасенія католическаго вліянія, которое, безъ сомнѣнія, не замедлило бы обнаружиться при принцѣ Карлѣ. Для всѣхъ, наконецъ, освобожденіе герцогскихъ имѣній отъ долговъ и секвестра стояло на первомъ планѣ. Что̀ касается до короля Августа, то онъ долго протестовалъ противъ рѣшенія принятаго новымъ русскимъ правительствомъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, это рѣшеніе было неизмѣнно, а съ другой, настоянія короля въ пользу своего сына не встрѣчали поддержки въ польскомъ сенатѣ, то онъ былъ принужденъ, наконецъ, признать совершившійся фактъ и покориться ему.

Между тѣмъ съ прусскимъ дворомъ продолжались дѣятельныя сношенія. Вслѣдъ за подписаніемъ въ Петербургѣ мирнаго договора 24-го апрѣля, назначенъ былъ къ берлинскому двору полномочный министръ, и для этого весьма въ то время важнаго поста избранъ былъ молодой человѣкъ, которому въ послѣдствіи суждено было занять видное мѣсто въ ряду русскихъ военачальниковъ, администраторовъ и дипломатовъ,—князь Н. В. Репнинъ, сынъ стараго генерала, состоявшаго нѣкоторое время оберъ-гофмаршаломъ при

великокняжескомъ дворѣ. Ему было только 28 лѣтъ; но еще ранѣе, именно въ 1759 году, мы уже встрѣчаемъ его,—правда, не облеченнымъ еще властію, но уже въ весьма видномъ положеніи,—именно военнымъ агентомъ съ русской стороны при французской арміи, откуда онъ посылалъ въ Петербургъ свои замѣчанія о ходѣ военныхъ дѣйствій. * Это было блестящее начало. Репнинъ могъ быть увѣренъ что онъ будетъ осыпанъ въ Берлинѣ знаками вниманія, а вниманіе короля Прусскаго ручалось за милости императора. Положеніе Репнина представляло и особливыя выгоды: ему приказано было представиться непосредственно самому Фридриху, ѣхать прямо туда гдѣ король находится и, слѣдовательно, состоять лично при немъ; нося званіе полномочнаго министра, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ облеченъ и обязанностями принадлежащими военному агенту. ** Репнинъ выѣхалъ изъ Петербурга больной, *** и поскакалъ прямо въ Бреславль, гдѣ была главная квартира короля. Въ Бреславлѣ же находился гр. З. Г. Чернышевъ, который въ предшествующее царствованіе состоялъ со своимъ корпусомъ въ распоряженіи австрійскаго фельдмаршала Лаудона, а по прекращеніи войны со стороны Россіи, слѣдовалъ изъ Силезіи въ Познань. Репнинъ немедленно отыскалъ Чернышева, а тотъ, пользуясь боевою безъэтикетностію, тотчасъ же доложилъ королю о прибытіи русскаго посланника. Аудіенція назначена была на слѣдующее утро; обязанность министра иностранныхъ дѣлъ исполнялъ въ настоящемъ случаѣ королевскій генералъ-адъютантъ Круземаркъ: онъ ввелъ князя Репнина въ кабинетъ Фридриха Великаго. Послѣ обычнаго „комплимента“ Репнинъ передалъ королю о желаніи своего государя: образовать конференцію

---

* См. дѣла Воен. топографическаго депо подъ означеннымъ годомъ.

** См. рескриптъ на имя Репнина отъ 16-го мая въ *Дѣлахъ Прусск.* № 10.

*** Рѣпнинъ выѣхалъ 11-го мая; указъ о его назначеніи послѣдовалъ 8-го мая; но рескриптъ на его имя подписанъ 16-го, слѣд. черезъ пять дней послѣ его выѣзда. Зачѣмъ такъ медлили рескриптомъ или зачѣмъ такъ спѣшили отправленіемъ Репнина изъ Петербурга, кажется, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ какъ суетливостью и путаницей, которая замѣчается во всѣхъ вѣдомствахъ съ самаго начала новаго царствованія.

для разрѣшенія датско-голштинскихъ споровъ на условіяхъ, которыя намъ уже извѣстны. Король отвѣчалъ что нужныя приказанія уже посланы графу Финкенштейну, „которому, доноситъ князь Репнинъ, король проситъ чтобъ сами в. и. в. прямо повелѣвать изволили, а онъ ему указалъ в. и. в-ва приказамъ во всемъ повиноваться“. Король пригласилъ русскаго посланника въ тотъ же день отвѣдать его походной кухни, и точно такое же приглашеніе повторилъ назавтра. Оба раза у него обѣдалъ и гр. Чернышевъ, и оба раза король пилъ за здоровье своего дорогаго сосѣда и друга, присовокупляя, по словамъ Репнина, „что онъ не можетъ довольно часто столь дражайшее здоровье пить“. *

Еще больше ласокъ было расточаемо въ Петербургѣ посланнику Прусскаго короля. Баронъ Гольцъ, какъ уже было сказано, пріѣхалъ 21-го февраля н. ст.; едва оправившись отъ дороги, онъ поспѣшилъ къ британскому посланнику. Посланникъ принялъ его очень дружелюбно, оставилъ обѣдать у себя, и за столомъ сообщилъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ при петербургскомъ дворѣ, назвавъ какъ тѣхъ на которыхъ было можно разчитывать королю, такъ и тѣхъ которые были непріязненно къ нему расположены. „Число послѣднихъ, доносилъ Гольцъ, далеко превосходитъ число первыхъ“; но, прибавлялъ онъ, со словъ своего собесѣдника, „образъ мыслей новаго государя и расположеніе нѣсколькихъ лицъ, мнѣнія которыхъ е. в. выслушиваетъ, повидимому, обѣщаютъ намъ успѣхъ“. ** Дѣйствительно, за исключеніемъ самого Петра, въ довольно большомъ числѣ депешъ прусскаго дипломата мы находимъ весьма мало именъ этихъ доброжелателей, а именно, принца Георга и Сальдерна—только; къ числу ихъ можно, пожалуй, по догадкамъ, присоединить еще 4—5 человѣкъ, какови М. И. Воронцовъ, Н. И. Корфъ, Гудовичъ, Гольштейнъ-Бекъ. За то расположеніе государя къ Фридриху выразилось самымъ сильнымъ образомъ. Вотъ какъ описываетъ баронъ Гольцъ свою первую аудіенцію у Петра III. ***

„Вчера я представлялся е. в-ву императору. Едва далъ мнѣ кончить очень коротенькое привѣтствіе по поводу вступ-

---

* *Прусск. дѣла*, № 10, рел. кн. Репнина отъ 30-го іюня.

** Депеша отъ 23-го фев. (6-го марта).

*** Деп. отъ 25-го фев. (8-го марта).

пленія его на престолъ и засвидѣтельствованіе дружбы в. в-ва, императоръ выразилъ мнѣ живѣйшія увѣренія въ уваженіи, дружбѣ и безконечномъ почтеніи, которыя онъ всегда питалъ къ в. в-ву и которыя надѣется доказать самымъ недвусмысленнымъ образомъ; къ этому е. в. прибавилъ мнѣ на ухо, что имѣетъ еще многое сообщить мнѣ." Аудіенція происходила предъ обѣдней. Прусскій посланникъ послѣдовалъ въ церковь за государемъ, который указалъ ему мѣсто возлѣ себя. „Во время богослуженія, продолжаетъ Гольцъ, императоръ много говорилъ со мною какъ о в. в-вѣ, такъ и о прусской арміи, о которой онъ имѣетъ поразительно полныя свѣдѣнія; нѣтъ полка въ арміи в. в-ва, въ коихъ онъ не зналъ бы поименно трехъ или четырехъ послѣдне-назначенныхъ командировъ и многихъ старшихъ офицеровъ. По выходѣ изъ церкви, мнѣ было приказано обѣдать у ихъ в-въ. Во время стола е. в. послалъ мнѣ сказать на ухо, что онъ пьетъ безъ церемоніи за здоровье в. в-ва, и что этотъ тостъ болѣе всѣхъ ему интересенъ. Послѣ обѣда е. в. спросилъ у меня, снабженъ ли я полномочіемъ для того чтобъ окончить дѣла какъ можно скорѣе, чего е. в. желаетъ больше всего на свѣтѣ; я отвѣчалъ что в. в-ву угодно было довѣрить мнѣ полномочія, и что я ожидаю лишь приказаній и изложенія видовъ е. в-ва относительно устройства дѣлъ одинаково желательнаго обоимъ дворамъ, на что е. и. в. обѣщалъ доставить мнѣ чрезъ нѣсколько дней выраженіе своихъ мыслей."

Вечеръ того же дня баронъ Гольцъ провелъ во дворцѣ и ужиналъ у государя, съ которымъ игралъ въ карты, и который показывалъ ему разные имѣющіеся у него портреты Прусскаго короля. Наконецъ послѣ ужина Петръ распространился въ разговорахъ съ нимъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ терпѣлъ въ предшествующее царствованіе за то что не скрывалъ привязанности своей къ королю Прусскому, и въ заключеніе выразилъ желаніе имѣть прусскіе ордена *Чернаго Орла* и *За заслугу*.

Таковъ былъ пріемъ оказанный государемъ прусскому посланнику. Этотъ послѣдній былъ съ перваго же дня поставленъ въ такое положеніе, что ему нечего было заботиться о томъ мало или велико число друзей Пруссіи въ Петербургѣ, пока государь былъ живъ и оставался вѣренъ своему образу мыслей. Впрочемъ Гольцъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Петру, долженъ былъ сблизиться съ приверже-

ными Пруссіи, изъ коихъ первымъ былъ принцъ Георгъ. Какъ извѣстно, этотъ принцъ поставленъ былъ на такую высоту, что никто въ Россіи не могъ съ нимъ считаться. Но часть дипломатическаго корпуса не согласилась сдѣлать въ его пользу уступки изъ общепринятыхъ правилъ этикета. Представители дворовъ французскаго, австрійскаго и испанскаго, носившіе названіе *пословъ*, не хотѣли сдѣлать ему визитъ первые, хотя, какъ сообщалъ канцлеръ именемъ государя нашимъ миссіямъ, „мы требовали этого какъ дѣла совмѣстнаго съ достоинствомъ нашего дома“: упрямые въ дѣлѣ этикета, дипломаты объявили что имъ необходимо для этого разрѣшеніе ихъ правительствъ, а наше, съ своей стороны, дало имъ знать, что до того времени они не будутъ допущены на аудіенцію для представленія своихъ вѣрительныхъ грамотъ.* Государь былъ чрезвычайно раздраженъ этимъ недостаткомъ уваженія къ своему дядѣ, и напротивъ, очень признателенъ тѣмъ посольствамъ которыя были болѣе сговорчивы. Баронъ Гольцъ, разумѣется, тотчасъ же поспѣшилъ сдѣлать визитъ принцу, и за то, на другой же день послѣ пріемной своей аудіенціи, онъ получилъ приглашеніе отъ государя къ обѣду у его дяди.**

Между тѣмъ баронъ Гольцъ получилъ отъ своего короля депешу, въ которой ему предписывалось не начинать самому переговоровъ о замиреніи, а ожидать предложеній о томъ съ русской стороны.*** Поэтому, не взирая на явный къ тому вызовъ со стороны самого государя въ день достопамятной аудіенціи, Гольцъ не дѣлалъ никакихъ предложеній. Предписаніе Фридриха было основано на вѣрномъ пониманіи характера Петра III. Дѣйствительно, въ своемъ нетерпѣніи онъ пригласилъ къ себѣ прусскаго посланника и выразилъ желаніе имѣть составленный въ Берлинѣ проектъ мирнаго трактата, заявивъ съ своей стороны, что онъ совершенно расположенъ возвратить Пруссіи занятыя русскими войсками ея провинціи, возстановить прежнія границы, и гарантировать оспариваемыя Австріей прусскія графства Глацъ и Силезію, требуя въ замѣнъ лишь гарантіи Гольштейна. Мнѣ кажется, что кромѣ того императоръ не чуждъ мысли

* Циркуляръ отъ 10-го марта.

** Донесеніе отъ 25-го февраля (8-го марта).

*** Рескриптъ отъ 22-го февраля н. ст.

о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ съ вашимъ величествомъ, писалъ Гольцъ,* при чемъ ему хотѣлось бы получить въ свое распоряженіе отрядъ прусскихъ войскъ, взамѣнъ чего онъ готовъ 12-ти-тысячный русскій отрядъ присоединить къ прусской арміи.** Баронъ Гольцъ однажды намекнулъ государю, что король очень былъ бы доволенъ, еслибы могъ набирать рекрутъ въ прусскихъ провинціяхъ занятыхъ еще Русскими, и получилъ увѣреніе, что тотчасъ же сдѣлано будетъ надлежащее распоряженіе.*** Изыскивая средства сдѣлать удовольствіе Фридриху, государь приказалъ своему посланнику въ Швеціи стараться чтобы власть короля шведскаго, женатаго на сестрѣ прусскаго короля, сильно ограниченная конституціей 1720 года, была увеличена. „Ваше величество изволите усмотрѣть изъ этого, до какой степени простирается привязанность императора къ семейству вашему, ибо, я думаю, едва ли когда-либо русскій государь ходатайствовалъ за усиленіе верховной власти въ Швеціи," доносилъ по этому поводу Гольцъ.****

Разумѣется, за всѣ эти услуги Фридрихъ могъ отплачивать своему поклоннику и другу только мелкими любезностями. Такъ, напримѣръ, по первому слову барона Гольца, онъ поспѣшилъ послать Петру орденъ Чернаго Орла.† Поднесеніе и принятіе этого ордена сопровождалось большою торжественностію; знаки онаго возложены были на государя принцемъ Георгомъ. „Вслѣдъ за тѣмъ, пишетъ Гольцъ, его императорское величество прошелъ въ апартаменты гдѣ находились придворные, чтобы засвидѣтельствовать объ удовольствіи, которое ему доставило это доказательство дружбы вашего величества, причемъ онъ показывалъ письмо ваше многимъ дамамъ и кавалерамъ. Около двухъ часовъ, его

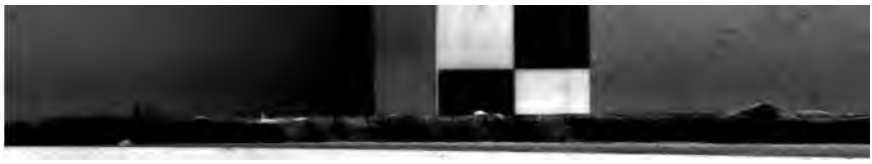
* Донес. отъ 2-го (13-го) марта.

** Донес. отъ 26-го марта (6-го апрѣля).

*** Деп. отъ 2-го (13-го) марта.

**** Деп. отъ 26-го марта (6-го апрѣля).

† По этому поводу Фридрихъ, не пропускавшій случая посмѣяться даже надъ самыми серіозными вещами, писалъ къ англійскому посланнику въ Берлинѣ: „Вотъ очень странный кавалеръ (ордена Чернаго Орла), любезный г. Митчель: онъ продовольствуетъ 80 т. человѣкъ на мой счетъ (въ Восточной Пруссіи); это, впрочемъ, единственный изъ кавалеровъ этого ордена, который дозволяетъ себѣ такія вольности" (*Oeuvres de Fred*, Berlin, XXV).



величество сѣлъ за столъ. Онъ провозгласилъ здоровье вашего величества, о чемъ салютаціонные выстрѣлы извѣстили господъ посланниковъ французскаго и австрійскаго." * Послѣ обѣда, какъ разказываетъ Гольцъ, государь еще долго разговаривалъ съ нимъ о желаніи своемъ, чтобы поскорѣе получены были изъ Берлина мирныя предложенія, и затѣмъ, подозвавъ канцлера, выражалъ ему сочувствіе за его преданность Пруссіи, за которую онъ будто бы много пострадалъ въ предшествующее царствованіе.

Такимъ образомъ баронъ Гольцъ могъ быть совершенно спокоенъ въ отношеніи Петра, а его воля все рѣшала и всему давала направленіе. Тѣмъ не менѣе онъ съ безпокойствомъ замѣчалъ, какъ мало было въ Петербургѣ людей раздѣлявшихъ образъ мыслей своего государя. Въ депешѣ отъ 2-го (13-го) марта онъ просилъ короля какъ можно спѣшить присылкой проекта мирнаго трактата, потому что „промедленіемъ могли бы воспользоваться люди противной партіи, число которыхъ очень велико". Нѣсколько дней спустя, собравъ болѣе свѣдѣній о настроеніи умовъ въ Петербургѣ, онъ писалъ въ Берлинъ, что французское посольство не теряетъ надежды на сохраненіе обязательствъ заключенныхъ покойною императрицей, ибо извѣстный любимецъ государя и главный дѣлецъ Волковъ вполнѣ преданъ врагамъ Пруссіи, о чемъ свидѣтельствуетъ-де перехваченная депеша французскаго посланника. „Этотъ Волковъ, писалъ Гольцъ, имѣетъ чинъ статскаго совѣтника и состоитъ секретаремъ при его императорскомъ величествѣ: онъ дѣйствительно принадлежитъ къ *лигѣ* и получаетъ деньги отъ нея. Надѣюсь, что перехваченный документъ поможетъ намъ сломать ему шею. Генералъ Мельгуновъ и Шуваловъ, фавориты покойной императрицы, принадлежатъ къ Волковской шайкѣ. Первый, говорятъ, будетъ посланъ къ вашему величеству съ благодарностію за орденъ. Онъ вполнѣ принадлежитъ нашимъ непріятелямъ, но императоръ, который не подозрѣваетъ этого, весьма расположенъ къ нему и будетъ очень признателенъ за хорошій пріемъ ему въ Берлинѣ, о чемъ я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего величества. Что касается до Шувалова, то онъ сдѣланъ вчера начальникомъ кадетскаго корпуса, благодаря его

* Деп. отъ 12-го (23-го) марта.

другу Мельгунову. Всѣ эти господа искусно скрываютъ отъ государя свою игру, но я льщу себя надеждою, что помянутая депеша поможетъ намъ съ Кейтомъ обличить ихъ. Я приготовляю описаніе личностей, окружающихъ императора. Осмѣливаюсь увѣрить ваше величество, что въ этой странѣ все интригуетъ (dans ce pays-ci tout est cabale), и даже женщины въ своихъ любовныхъ шашняхъ работаютъ въ пользу кого-нибудь или чего-нибудь." *

Утвердившись на такой точкѣ зрѣнія, баронъ Гольцъ просилъ короля оказать какую-нибудь „приличную и значительную любезность" Е. Р. Воронцовой, что, вѣроятно, было бы пріятно и государю, прислать табакерку съ королевскимъ портретомъ Сальдерну и орденъ Чернаго Орла принцамъ Георгу и Гольштейнъ-Бекскому, изъ коихъ послѣдній не иначе какъ со слезами на глазахъ, писалъ баронъ Гольцъ, говоритъ о дружбѣ императора къ вашему величеству. Признательностію всѣхъ этихъ лицъ, близкихъ къ государю, прусскому посланнику казалось не безполезнымъ заручиться въ виду непріязненности почти всего двора къ Пруссіи. Особенно безпокоилъ его Мельгуновъ, котораго онъ называлъ однимъ изъ самыхъ способныхъ людей въ Россіи.

Въ послѣднихъ числахъ марта пріѣхалъ графъ Шверинъ, адъютантъ Фридриха, и привезъ проектъ мирнаго трактата съ письмомъ короля. Государь выразилъ Гольцу желаніе чтобы конференціи открылись немедленно и назначилъ Волкова, очевидно не подозрѣвая что прусскому дипломату такое назначеніе было не совсѣмъ пріятно. Но такъ какъ вопросъ о мирѣ былъ рѣшенъ и, притомъ, такъ какъ баронъ Гольцъ ежедневно видалъ государя, бесѣдовалъ съ нимъ и пользовался величайшею довѣренностію съ его стороны, то дѣло не могло ни затянуться, ни уклониться отъ того характера самопожертвованія, который былъ неоднократно заявленъ самимъ государемъ. Трактатъ былъ подписанъ 24-го апрѣля, а ратификаціи обмѣнены 24-го мая. Затѣмъ оставалось положить основанія прочному союзу между Россіей и Пруссіей, который составлялъ предметъ горячихъ желаній Петра III.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

---

* Деп. отъ 12-го (23-го) и 27-го марта (7-го апрѣля).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько разъ упомянутая брошюра *Memoires sur les affaires de Courlande*, какъ сказано, появилась въ 1763 году въ польскомъ переводѣ и съ опроверженіями. Она появилась подъ заглавіемъ *Memoriał o kurlandzkim interessie*, а возраженія — подъ заглавіемъ *Obserwacye nad tym memoriałem*, texte en regard, пунктъ противъ пункта. Эти *Obserwacye*, какъ уже замѣчено, написаны въ интересѣ Бироновой династіи. Между прочимъ въ нихъ положительнымъ образомъ отвергаютъ извѣстіе объ отреченіи его отъ курляндскаго престола. Вотъ что въ этой брошюрѣ говорится по этому поводу (стр. 66):

„Что касается отреченія, которое герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ долженъ былъ подписать, то извѣстіе о томъ несправедливо. Правда, въ царствованіе Петра III добивались отъ него отреченія, но не менѣе вѣрно и то, что онъ постоянно отказывался (temu sbroniał), имѣя въ виду обязанности свои относительно Рѣчи Посполитой и герцогства. Отвѣтъ его написанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Прошу ваше императорское величество лучше отослать меня въ „Ярославль. Я знаю что нахожусь во власти вашего императорскаго „величества и что вы можете принудить меня исполнить все что „вамъ будетъ угодно. Но дозвольте мнѣ, всемилостивѣйшій госу„дарь, выѣхать изъ вашего государства, а потомъ прикажите спро„сить меня, желаю ли я отречься отъ права, которое имѣю на мои „герцогства. Умоляю при этомъ ваше императорское величество „принять во вниманіе, что еслибы даже имѣлось отъ меня самое „торжественное отреченіе за подписью моею и сыновей моихъ, „то и оно не могло бы дать никакого права другому; а то право, „которое было бы дано вашимъ императорскимъ величествомъ, „(принцу Георгу?) не имѣло бы другаго основанія, кромѣ власти „вашей, приводимой въ исполненіе.“ Петръ III, пораженный этимъ отвѣтомъ, жаловался на герцога нѣкоторой особѣ, которая, не будучи очень благосклонна къ герцогу, совѣтовала императору выслать сыновей Бирона, подъ видомъ порученія имъ какого-нибудь начальствованія, на границы Лапландіи или Китая, выражая надежду, что герцогъ, изъ родительской любви, рѣшится исполнить монаршую волю. Намъ неизвѣстно что думалъ сдѣлать Петръ III, но

знаемъ то что онъ приказалъ написать отреченіе, и что назначенъ былъ для подписанія онаго тотъ самый день въ который онъ былъ низвергнутъ съ престола, и герцогъ не получилъ повелѣнія явиться для подписи. Такимъ образомъ актъ отреченія остался не подписаннымъ, и это есть тотъ самый, о которомъ его сынъ, послѣдній герцогъ курляндскій, упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ барону Кнюпге.*

Я долженъ сказать что акта объ отреченіи Бирона я не могъ найти въ дѣлахъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется совершенно невозможнымъ чтобы графъ Воронцовъ и баронъ Гольцъ рѣшились подписать торжественный актъ (артикулъ II, секретный трактатъ 8-го іюня), въ которомъ говорится объ отреченіи Бирона какъ о фактѣ совершившемся, не имѣя въ виду положительнаго и формальнаго его отреченія. * Возможно ли чтобы баронъ Гольцъ осмѣлился представить къ ратификаціи своего государя столь опрометчиво составленный и ни на чемъ не основанный актъ, и чтобы Фридрихъ II приложилъ къ нему свою подпись. Далѣе: какимъ образомъ могло случиться чтобы Биронъ не получилъ приглашенія явиться для подписанія отреченія хоть наканунѣ дня для того назначеннаго? Вѣроподобно ли и то, чтобъ этотъ номинальный герцогъ, — еще недавно арестантъ и еще теперь, какъ говоритъ самъ, находившійся во власти Петра III,— осмѣлился предложить чтобъ его отпустили за границу и уже потомъ спрашивали о желаніи отречься отъ престола? Все это въ высшей степени невѣроятно. Можно предположить, что по вступленіи на престолъ Екатерины, когда виды русскаго правительства на Курляндію совершенно измѣнились, актъ отреченія Бирона былъ уничтоженъ, и что автору *Obserwacye* открылся просторъ писать объ этомъ все что ему вздумалось.

---

* Францъ Шмидтъ сообщаетъ содержаніе 2 секретнаго артикула трактата 8-го іюня 1762 г. въ такомъ смыслѣ, что фактъ отреченія Бирона будто бы не подтверждается; celui-ci (Биронъ) veut céder la Courlande, говоритъ Шмидтъ, передавая содержаніе помянутаго артикула; но это явная ошибка со стороны почтеннаго автора; въ подлинномъ текстѣ именно сказано: „отрекся“ и „отказался“.

СОЮЗЫ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ

I.

Англія есть, безспорно, страна, гдѣ принципъ ассоціаціи, подавшій въ другихъ мѣстахъ поводъ къ построенію столько несбыточныхъ утопій, получилъ самое обширное, разнообразное и плодотворное примѣненіе. А между тѣмъ нѣтъ страны на земномъ шарѣ, гдѣ бы чувство индивидуальной независимости было развито до такой степени, и гдѣ бы человѣкъ умѣлъ такъ дѣятельно пользоваться своими личными средствами. Эта индивидуальная энергія и эта способность каждаго обдѣлывать свои дѣла, не требуя посторонней помощи, болѣе всѣхъ другихъ причинъ содѣйствовали необыкновенному развитію производства и размноженію всевозможныхъ предпріятій. Но многія изъ этихъ предпріятій,—число ихъ постоянно возрастало по мѣрѣ усовершенствованія орудій производства,—требовали ассоціаціи силъ и капиталовъ. Въ другихъ странахъ правительства поставили себѣ правиломъ завѣдывать предпріятіями превышавшими средства частныхъ лицъ, потому ли что они опасались что добровольныя ассоціаціи окажутся для того недостаточными, или потому что они не желали допускать образованія государствъ въ государствѣ. Въ Англіи это чувство недовѣрія правительства къ ассоціаціямъ существовало такъ же какъ и въ прочихъ странахъ, и вотъ почему до послѣдняго времени онѣ и тамъ подчинены были стѣснительной регламентаціи и подозрительному надзору; но такъ какъ правитель-

ству приходилось имѣть дѣло съ племенемъ энергическимъ, предпріимчивымъ и быстро принимавшимся за работу, то оно не могло расширить кругъ собственной дѣятельности въ ущербъ дѣятельности частныхъ лицъ въ такихъ размѣрахъ, какъ то дѣлалось въ другихъ странахъ. Вотъ почему въ Англіи, гдѣ общественныя работы гораздо значительнѣе чѣмъ въ какомъ-либо изъ европейскихъ государствъ, не имѣется даже и министерства публичныхъ работъ. Громадная сѣть дорогъ, каналовъ, желѣзныхъ путей, телеграфовъ, пересѣкающая ее во всѣхъ направленіяхъ, навигаціонныя линіи, приводящія ее въ сообщеніе со всѣми пунктами земнаго шара, суть дѣло свободной ассоціаціи. Наконецъ, съ тѣхъ поръ какъ акціонерныя компаніи могутъ тамъ свободно основываться, ассоціаціи размножились по всѣмъ отраслямъ труда, захватывая все болѣе и болѣе тѣ сферы, которыя считались прежде собственностью индивидуальной дѣятельности. Конечно, въ этомъ громадномъ развитіи дѣятельности не обошлось безъ всевозможныхъ злоупотребленій. Образованіе большихъ компаній слишкомъ часто подавало поводъ къ необузданному ажіотажу, и между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій пріобрѣтали чрезмѣрные барыши, другія, по большей части дурно организованныя и еще хуже управляемыя, или вяло и разрушались, нанося огромные убытки акціонерамъ и публикѣ. Но такое неравенство въ распредѣленіи барышей и рисковъ развѣ не заключается въ самомъ свойствѣ промышленности, а злоупотребленія, неразлучныя со всякимъ развитіемъ дѣятельности, развѣ не присущи природѣ человѣка? Пытаясь искоренить злоупотребленія, какъ часто разрушаютъ жизненный принципъ предпріятій, подобно тѣмъ невѣжественнымъ хирургамъ, которые убиваютъ человѣка, стараясь избавить его отъ какого-нибудь злокачественнаго нароста! Такъ, напримѣръ, я помню какъ восхищалось бельгійское правительство,—оно восхищается этимъ и теперь,—что оно выстроило лучшія линіи бельгійской желѣзно-дорожной сѣти и завѣдывало ими. Еслибъ оно предоставило эти линіи компаніямъ, то эти послѣднія несомнѣнно пріобрѣли бы значительные барыши, что̀ привело бы въ негодованіе поборниковъ равенства и вызвало бы множество враждебныхъ разглагольствій противъ „правительственнаго феодализма“; но эти значительные барыши послужили бы

премій для привлеченія капиталовъ къ желѣзно-дорожной промышленности, и бельгійская сѣть, не полная еще и нынѣ и раздробленная между множествомъ ничтожныхъ мелкихъ компаній, которымъ государство, владѣвшее желѣзными дорогами, ставило безпрерывно преграды изъ опасенія ихъ конкурренціи, выстроилась бы гораздо скорѣе и эксплуатировалась бы гораздо выгоднѣе для публики. Такимъ образомъ въ Англіи исключительные барыши, полученные первыми компаніями отъ Манчестера до Ливерпуля, отъ Лондона до Бирмингама и пр., привлекли такое обиліе капиталовъ къ устройству этихъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, что вслѣдствіе одновременной постройки множества новыхъ линій, цифра барышей этой обширной промышленности понизилась сравнительно съ другими отраслями труда. Былъ ли бы достигнуть такой результатъ, еслибы, правительство наложило свою руку на лучшія линіи, предоставивъ частнымъ предпріятіямъ только наименѣе выгодныя и наименѣе заманчивыя? Былъ ли бы онъ достигнутъ, еслибы, подъ предлогомъ противодѣйствія ажіотажу, правительство стѣснило операціи, съ помощью которыхъ капиталъ собирается и примѣняется къ производительнымъ предпріятіямъ? Былъ ли бы онъ, наконецъ, достигнутъ, еслибы правительство взяло ассоціаціи въ свою опеку, вмѣшиваясь постоянно въ ихъ дѣла и администрацію? Нельзя отрицать что дурная администрація компаній, неспособность и недобросовѣстность администраторовъ, поощряемая безпечностью и невѣжествомъ акціонеровъ, причинили въ Англіи громадныя бѣдствія; но во всякомъ дѣлѣ необходимо пройти тяжелую школу чтобы достигнуть нѣкотораго совершенства, и потому, дѣйствуя часто очень дурно въ своихъ предпріятіяхъ, совершенно для нихъ новыхъ, пройдя чрезъ всякаго рода *опыты* въ ущербъ себѣ и другимъ, основатели, администраторы и акціонеры компаній окончили тѣмъ что научились своему дѣлу къ выгодѣ для самихъ себя и для другихъ. Конечно, *опыты* еще не кончились; до сихъ поръ существуютъ и долго еще будутъ существовать компаніи дурно управляемыя, нечестные администраторы и легковѣрные акціонеры, но чѣмъ болѣе будетъ учреждаться компаній на свой собственный страхъ, тѣмъ скорѣе и многостороннѣе будетъ ихъ образованіе въ этомъ дѣлѣ. Опытъ, сказалъ Франклинъ, есть школа гдѣ уроки обходятся дорого. Это правда, но онъ могъ бы прибавить, что уроки эти

доставляютъ гораздо болѣе того чего они стоятъ, и что избавиться отъ нихъ до сихъ поръ еще не найдено средства.

Въ числѣ благъ, источникомъ коихъ было это обширное развитіе промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ предпріятій, должно указать на заразительность примѣра. Въ странѣ гдѣ ассоціаціи размножались безпрерывно, разнообразя свою дѣятельность, рабочіе классы не могли не воспользоваться въ свою очередь орудіемъ, могущество коего постоянно бросалось имъ въ глаза, не могли не попытаться примѣнить его къ своему положенію и къ своимъ спеціальнымъ потребностямъ. И дѣйствительно, они не преминули исполнить это, и въ настоящую минуту не менѣе самихъ высшихъ классовъ усвоили себѣ принципъ ассоціаціи. Мы увидимъ ниже что употребленіе, которое они дѣлаютъ изъ него, еще сильно отзывается ихъ невѣжествомъ, страстями и предразсудками, и если ассоціаціи капиталистовъ повели ко множеству скандаловъ, то въ исторіи ассоціацій рабочихъ встрѣтятся еще болѣе темныя стороны; если въ высшихъ сферахъ не отступили отъ самыхъ позорныхъ обмановъ, то въ низшихъ сферахъ, менѣе утонченныхъ и болѣе грубыхъ, киспустились до убійства. Можно только сказать, что злоупотребленія, даже преступленія, совершившіяся въ средѣ рабочихъ, рѣдко были плодомъ индивидуальной и эгоистической корысти, стремящейся удовлетворить себя въ ущербъ общему интересу, но что, напротивъ того, всѣ злоупотребленія совершались почти всегда въ виду удовлетворенія какого-нибудь общаго интереса, и вслѣдствіе этого, они являются менѣе позорными и унизительными.

Между этими ассоціаціями самыя важныя, хотя онѣ долгое время были менѣе другихъ извѣстны, суть союзы рабочихъ *(Trades Unions)*. Можетъ-быть, и до сихъ поръ мы имѣли бы о нихъ только смутныя и неполныя свѣдѣнія, еслибы два событія, возбудившія по различнымъ причинамъ впечатлѣніе въ Англіи, не обратили на нихъ общаго вниманія и не вызвали бы слѣдствія объ ихъ положеніи. Мы разумѣемъ, вопервыхъ, „Шеффильдскія преступленія“, вовторыхъ — приговоръ произнесенный 16-го января 1867 года судомъ Королевиной Скамьи и поставившій союзы рабочихъ какъ бы внѣ закона.

Шеффильдскія преступленія надѣлали столько шума, что безполезно было бы припоминать ихъ въ подробности. Давно

уже союзы рабочихъ этого города обвинялись въ терроризмѣ относительно диссидентовъ-рабочихъ и въ употребленіи средствъ заимствованныхъ у средневѣковыхъ судилищъ. Въ 1859 году рабочій, по имени Линлей, былъ убитъ посреди залы, наполненной людьми, неслышною пулей, вылетѣвшею, конечно, изъ духового ружья, и никто не могъ открыть убійцы. Другія жертвы пали при самыхъ загадочныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ 8-го октября 1866 года, ящикъ съ порохомъ взорвало въ жилищѣ одного рабочаго, по имени Ферно, и онъ только чудомъ избѣжалъ смерти. Подозрѣнія тотчасъ же пали на союзъ пилоточильщиковъ *(Trade Union Saw Grinders)*, отъ котораго онъ отдѣлился; но секретарь этого союза, Бродгедъ, умѣлъ съ адскимъ искусствомъ отвратить эти подозрѣнія обѣщаніемъ награды въ 200 фунт. ст. тому кто сообщитъ свѣдѣнія, по которымъ можно было бы открыть виновника преступленія. Подобныя же покушенія были сдѣланы въ Манчестерѣ, и они остались также не разоблаченными, но произвели глубокое впечатлѣніе.

Приговоръ суда Королевиной Скамьи былъ вызванъ жалобой одного бродфордскаго союза рабочихъ противъ своего казначея, похитившаго у него сумму въ нѣсколько десятковъ фунтовъ. Союзъ призвалъ его къ суду бродфордскаго трибунала, который освободилъ его; тогда истцы подали на аппелляцію въ судъ Королевиной Скамьи, который утвердилъ приговоръ трибунала, на томъ основаніи, что такъ какъ союзы рабочихъ не были признаны закономъ, то они и не имѣютъ права владѣть собственностью. Приговоръ этотъ произвелъ сильное волненіе между союзами рабочихъ, изъ коихъ нѣкоторые владѣли сотнями тысячъ фунтовъ стерлинговъ и вслѣдствіе означеннаго приговора становились въ зависимость отъ вѣроломныхъ казначеевъ. Они потребовали наконецъ чтобъ ихъ поставили подъ охрану общаго права.

Правительство, принявъ это прошеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ желая добраться до источника таинственныхъ шеффильдскихъ убійствъ, назначило слѣдственную коммиссію, коей поручено было разъяснить положеніе и дѣйствія союзовъ рабочихъ и тѣмъ самымъ развѣдать, нѣтъ ли въ ихъ цѣли и устройствѣ достаточныхъ поводовъ къ лишенію ихъ покровительства законовъ, подобающаго только предпріятіямъ полезнымъ и законнымъ. Коммиссія эта состояла изъ десяти членовъ, принадлежавшихъ къ самымъ противополож-

нымъ мнѣніямъ. Предсѣдателемъ ея былъ сэръ-Вильямъ-Эрль, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ судей Англіи, а въ числѣ членовъ ея былъ одинъ перъ, лордъ Личфильдъ, четыре члена палаты общинъ, сэръ-Данівль Гучъ, директоръ главной западной желѣзной дороги, лордъ Элько, г. Робакъ и г. Т. Гёггсъ, демократическій писатель. Изъ непринадлежащихъ къ парламенту: г. Эдмондъ Гедъ, бывшій губернаторъ Канады, г. Меривель, бывшій членъ индійскаго правительства, г. Матьюсъ, владѣлецъ желѣзнаго завода и пр. Словомъ, они представляли всевозможныя гарантіи со стороны образованія, различіе же мнѣній ея членовъ служило ручательствомъ въ ея безпристрастіи. Сверхъ того, для дополненія слѣдствія рѣшено было назначить двѣ подъ-коммиссіи, на которыя возложена была спеціальная обязанность разыскать источники таинственныхъ убійствъ въ Шеффильдѣ и въ Манчестерѣ. Эти двѣ подъ-коммиссіи снабжены были полномочіемъ предоставлять свидѣтелямъ, показанія коихъ они потребуютъ, привилегію того спасительнаго принципа англійской уголовной процедуры, на основаніи коего свидѣтель, обязанный присягою говорить правду предъ трибуналомъ, не можетъ самъ подлежать преслѣдованію за признанія, полученныя отъ него этимъ путемъ. „Право это, говоритъ авторъ сочиненія, изъ котораго я заимствую вышеприведенныя свѣдѣнія,

„сдѣлалось въ рукахъ коммиссіи орудіемъ гораздо болѣе могущественнымъ чѣмъ бы оно могло быть въ рукахъ обыкновеннаго трибунала, ибо ничто не стѣсняло поприща ея изслѣдованій, и она, не обязанная постановлять приговоръ или осуждать обвиняемыхъ, спѣшила отправлять на скамьи свидѣтелей всѣхъ кого ей указывали смутныя подозрѣнія общественнаго мнѣнія. Если ихъ признаніе было искреннее и полное, то коммиссары выдавали имъ свидѣтельство о прощеніи, обозначая проступки и преступленія, въ которыхъ они сознали себя виновными. Сообщникамъ, на которыхъ они указывали, оставалось послѣдовать ихъ примѣру, если они желали воспользоваться тою же льготой. Но свидѣтель, который нарушилъ бы клятву, скрылъ бы хотя малѣйшую долю истины, подвергся бы всей строгости трибуналовъ.“

Вооруженная этимъ ключомъ открывавшимъ ей доступъ къ совѣсти людей наиболѣе преступныхъ, коммиссія дѣйствовала съ такимъ искусствомъ и осмотрительностью, что успѣла получить признанія отъ всѣхъ виновныхъ и отъ главнаго изъ нихъ, секретаря Бродгеда, который рѣшился

разоблачить все, чтобы получить свидѣтельство о прощеніи. Оказалось что онъ заплатилъ изъ кассы союза пилоточильщиковъ убійцѣ несчастнаго Линлея, что онъ также устроилъ покушеніе, жертвами коего едва не сдѣлались Ферно и его семейство, что онъ наконецъ дѣйствовалъ терроромъ на пользу союза и не отступалъ ни предъ какимъ преступленіемъ. Тѣмъ не менѣе ему выдано было свидѣтельство о прощеніи, и странное дѣло (что̀, впрочемъ, можно объяснить нравственнымъ изученіемъ такъ-называемой *raison d'Etat*, какъ ее понимали во всѣ времена, какъ въ самыхъ высшихъ, такъ и въ самыхъ скромныхъ сферахъ), общее мнѣніе рабочихъ осталось все-таки благопріятно Бродгеду, и въ послѣдствіи, въ вознагражденіе за *преданность*, коей онъ представилъ столь прискорбныя доказательства, его выбрали снова казначеемъ союза пилоточильщиковъ.

Но между тѣмъ какъ подъ-коммиссіи бросали свѣтъ на эту мрачную страницу исторіи союзовъ рабочихъ, коммиссія продолжала свои изслѣдованія объ организаціи и общей дѣятельности сихъ ассоціацій. Она изучала преимущественно тѣ которыя основались въ строительной промышленности, въ разработкѣ желѣза, каменнаго угля и въ судостроеніи, не оставляя безъ вниманія и другихъ. Десять томовъ in folio, заключающіе въ себѣ отчетъ о сорока восьми засѣданіяхъ коммиссіи и отвѣты на двадцать тысячъ вопросовъ, были уже обнародованы; къ нимъ были присоединены другіе документы, между прочимъ собраніе депешъ всѣхъ представителей Англіи за границей, сообщающее драгоцѣнныя свѣдѣнія объ ассоціаціяхъ рабочихъ всѣхъ странъ.

Это интересное слѣдствіе, извлекшее на свѣтъ факты неизвѣстные или неопредѣленные, хотя и важные въ высшей степени, представлено въ сокращеніи въ небольшой книжкѣ, появившейся подъ заглавіемъ *Ассоціаціи Рабочихъ въ Англіи*, безъ имени автора, но приписываемой графу Парижскому. Относительно изложенія, эта книга составлена очень хорошо, ясно и содержитъ въ себѣ все существенное. Прибавлю, что интересъ ея заключается въ фактахъ, ею излагаемыхъ, хотя она могла бы быть и еще интереснѣе. Относительно доктринъ, я опасаюсь что она не совсѣмъ придется по вкусу классу такъ-называемыхъ буржуа и доктринеровъ, составляющему политическихъ кліентовъ Орлеанскаго дома. Въ ней графъ Парижскій выражаетъ особенное сочувствіе рабочимъ, не

спѣшитъ осудить ихъ, несмотря на то что въ нѣдрахъ союзовъ рабочихъ совершены были даже преступленія; онъ тщательно изыскиваетъ какія услуги они оказали и могутъ еще оказать рабочему классу, какія у нихъ дурныя и хорошія стремленія, наконецъ, какія могутъ быть произведены въ нихъ реформы, и какого развитія они могутъ достигнуть. Онъ полагаетъ что они могутъ превратиться въ „кооперативныя" общества. Относительно этого пункта я не раздѣляю его мнѣнія. Мнѣ кажется, что союзамъ рабочихъ суждено развиваться совершенно въ иномъ смыслѣ, но что тѣмъ не менѣе имъ предстоитъ важная роль. Что бы ни говорили ихъ противники, ихъ можно назвать, какъ назвалъ нѣкогда *Times* лигу противъ хлѣбныхъ законовъ, „великимъ фактомъ", и превосходная книга, написанная графомъ Парижскимъ съ цѣлію познакомить съ ними публику, заслуживаетъ такой же извѣстности, какою пользовалась 25 лѣтъ тому назадъ книга Бастіа: *Кобденъ и Лига*.

Попытаюсь изложить ея сущность, или, лучше сказать, представить вкратцѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ сообщеній этой книги, и потомъ представлю мои возраженія противъ мнѣній автора относительно будущности ожидающей союзы рабочихъ.

II.

Соціалисты утверждаютъ, что „саларіатъ есть послѣднее видоизмѣненіе рабства". Мнѣніе это, конечно, ложное; ибо, если мы допустимъ его, то окажется что всякій человѣкъ получающій вознагражденіе подъ формой заработной платы, при ¡какихъ бы то¡ ни было обстоятельствахъ и въ какомъ бы то ни было положеніи, не можетъ быть вознаграждаемъ сообразно съ достоинствомъ своего труда, ¡что онъ необходимо будетъ *эксплуатируемъ* тѣмъ кто пользуется этимъ трудомъ. Но развѣ мы не видимъ множества людей, получающихъ подъ названіемъ жалованья, вознагражденія и пр. настоящую и значительную заработную плату? Возьмемъ, напримѣръ, хоть драматическихъ артистовъ, получающихъ

не долю въ барышахъ драматическихъ предпріятій, но настоящую заработную плату, которая по своему свойству, если не по цифрѣ, совершенно то же что̀ и вознагражденіе рабочаго на фабрикѣ. Изъ нихъ многіе, конечно, совершенно довольны своею участью, и еслибы какой-нибудь соціалистъ началъ объяснять г-жѣ Патти что ее „эксплуатировали“ въ Россіи, потому что она получала тамъ опредѣленную плату, а не долю барыша отъ ея представленій, то она, конечно, посмѣялась бы отъ души надъ такимъ объясненіемъ. Итакъ, подъ видомъ заработной платы, какъ и подъ всякою другою формой, можно получать вознагражденіе соразмѣрное съ трудомъ и даже далеко превышающее трудъ. Но прежде всего необходимо чтобы договоръ между покупщикомъ и продавцомъ былъ совершенно свободенъ, и чтобы ни одинъ изъ нихъ не зависѣлъ отъ произвола другаго. Слишкомъ часто случалось, однако,—потому ли что законъ предоставлялъ хозяину, покупщику труда, преимущество надъ продавцомъ-работникомъ, или потому что хозяинъ, по стеченію естественныхъ или искусственныхъ обстоятельствъ, становился распорядителемъ рынка, онъ могъ предписывать свой законъ рабочему и принуждать его довольствоваться *minimum* вознагражденія за *maximum* труда. Это-то особенное явленіе, по недостатку достаточнаго анализа, ошибочно превращено было соціалистами въ общій законъ.

Въ Англіи, гдѣ рабочіе ранѣе чѣмъ на материкѣ были освобождены отъ узъ рабства, они все-таки долгое время находились въ состояніи подчиненности, въ которое были поставлены рабствомъ. Возложивъ на нихъ полную отвѣтственность за ихъ существованіе, а равно и за существованіе ихъ семействъ, замѣнивъ только недостаточнымъ пособіемъ отъ приходовъ пособія которыя обязаны были имъ доставлять ихъ господа, въ то же время постарались ограничить какъ можно болѣе свободу для ихъ дѣйствій и держать ихъ постоянно въ подчиненномъ положеніи относительно предпринимателей, съ которыми имъ приходилось заключать условія о заработной платѣ. Парламентъ состоявшій (что̀ необходимо принять на видъ) изъ представителей высшихъ классовъ, послѣ страшной чумы 1348 года, которая, обезлюдивъ города и селенія, естественно повела къ повышенію заработной платы, дошелъ до того что установилъ *maximum*

заработной платы, и, по словамъ Маколея, эта система *maximum* была еще всюду примѣняема въ концѣ XVII вѣка. Онъ сообщаетъ, напримѣръ, что „предъ наступленіемъ 1685 года, судьи Варвикскаго графства, пользуясь властью предоставленною имъ актомъ Елизаветы, опредѣлили, въ продолженіи ихъ третной сессіи, тарифъ заработной платы въ графствѣ и объявили подлежащимъ наказанію всякаго хозяина который будетъ платить, и всякаго работника который будетъ принимать плату выше цифры ими опредѣленной. Эта плата назначена была отъ марта по сентябрь обыкновенному полевому работнику по четыре шиллинга въ недѣлю безъ харчей, а съ сентября по мартъ она понижалась до трехъ съ половиной шиллинговъ въ недѣлю.* Въ подкрѣпленіе этого закона изданы были другіе, съ цѣлію держать рабочаго въ состояніи стѣснительной зависимости; такъ напримѣръ, въ силу *Master and servant act*, недавно отмѣненнаго, хозяину вѣрили на слово во всѣхъ препирательствахъ относительно назначенія заработной платы. На основаніи другихъ актовъ, всякая ассоціація или комбинація, которую рабочіе могли бы придумать для повышенія таксы заработной платы, была запрещена подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. При Эдуардѣ VI отрѣзывали ухо человѣку уличенному троекратно въ означенномъ проступкѣ. Несмотря на все это, рабочіе, чувствуя настоятельную необходимость поддерживать другъ друга противъ хозяевъ, употреблявшихъ относительно ихъ во зло свои политическія привилегіи, составляли общества, но до 1824 года, когда отмѣнены были законы о стачкахъ, общества эти оставались тайными. Таковъ былъ союзъ чугуно-литейщиковъ, существующій до сихъ поръ и, можетъ-быть, самый могущественный изъ всѣхъ англійскихъ союзовъ рабочихъ, основаніе коего относится къ 1810 году. „Члены его,“ говоритъ авторъ разбираемой нами книги **,—

„избирали темную ночь чтобы сойтись вмѣстѣ, на одномъ изъ торфяныхъ болотъ, называемыхъ *moors* и во множествѣ встрѣчающихся между холмами центральной Англіи. Тамъ-то собиралась подписка на общественный капиталъ; тамъ подго-

---

* Маколей. *Исторія Англіи со вступленія на престолъ Іакова II. Т. I, гл. 3.*

** *Les Associations ouvrières en Angleterre.* Гл. V.

товлялась забастовка долженствовавшая обнаружиться безъ всякой видимой стачки между рабочими, тамъ же раздавались имъ пособія, если они оставляли работу, и прежде чѣмъ дневной свѣтъ могъ освѣтить эти невинные заговоры, прежде чѣмъ утренній крикъ тетерева (*grouse*),единственнаго обитателя этихъ пустынь, могъ привлечь вниманіе охотника, архивы общества были тщательно зарываемы въ землю, и каждый изъ заговорщиковъ направлялъ путь свой въ ближайшій городъ."

Эти тайныя ассоціаціи, побуждаемыя чувствомъ ненависти, которое легко объяснялось направленнымъ противъ нихъ преслѣдованіемъ, слишкомъ часто прибѣгали къ насилію; онѣ объявляли войну машинамъ, главнымъ результатомъ которыхъ было сокращеніе ручной работы, иногда даже онѣ грабили и сожигали фабрики. Такъ было, напримѣръ, въ Ноттингамскомъ округѣ, въ то время когда континентальная война (1811 года) почти совершенно разстроила шляпную промышленность. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ рабочіе опустошали этотъ округъ, несмотря на всю строгость законовъ. Въ теченіи одного 1813 года восемнадцать изъ нихъ были повѣшены въ Йоркѣ. Дошло до того что объявлена была смертная казнь тому кто изломаетъ станокъ. Наконецъ было строжайше запрещено содѣйствовать выселенію рабочихъ изъ королевства, такъ что если рабство и было отмѣнено, то никакъ нельзя сказать чтобы законъ установилъ равенство между хозяиномъ и рабочимъ.

Все это вѣками построенное зданіе угнетенія и неравенства исчезло нынѣ, унесенное великимъ либеральнымъ потокомъ, искоренившимъ запретительную систему и множество другихъ устарѣлыхъ учрежденій. Съ 1824 года, достопамятнаго отмѣной законовъ о стачкахъ, тайныя общества сопротивленія, организовавшіяся между рабочими вопреки строгости законовъ, могли устраиваться и дѣйствовать явно. Они не замедлили размножиться и въ настоящую минуту существуютъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли, какъ мы увидимъ ниже, важное значеніе, и распространили свои *вѣтви* по всей Великобританіи и даже въ колоніяхъ. Слѣдственная коммиссія не представила ихъ статистики и номенклатуры, но авторъ разбираемой нами книги, на основаніи свѣдѣній собранныхъ коммиссіей, полагаетъ что въ составъ ихъ входитъ до 800.000 членовъ, составляющихъ относительно энергіи и промышленныхъ способно-

стей цвѣтъ рабочихъ Великобританіи. Мы не находимъ также въ ея отчетѣ даже приблизительнаго исчисленія средствъ, коими эти ассоціаціи, принявшія родовое названіе *союзовъ рабочихъ*, могутъ располагать, но средства эти должны составлять значительную сумму; такъ, напримѣръ, мы видимъ что союзъ чугуно-литейщиковъ имѣлъ въ 1865 году дохода 36.297 фунт. ст. (болѣе 225.000 рублей), что въ томъ же году ассоціація соединенныхъ механиковъ, заключающая въ себѣ болѣе 30.000 человѣкъ, собрала 86.885 фунт. ст. (болѣе полумилліона руб. сер.) и владѣетъ запаснымъ капиталомъ во 140.000 фун. ст. (болѣе 900.000 р.). Нѣкоторыя другія не уступаютъ ей ни богатствомъ, ни силой, и мы не преувеличимъ, если приблизительно опредѣлимъ въ 12½ милліоновъ рублей сумму взимаемую союзами съ той части рабочаго населенія, которая входитъ въ ихъ составъ. Наконецъ, число ихъ и значеніе возрастаютъ съ каждымъ годомъ. И несмотря на то, они не пользуются узаконеннымъ существованіемъ. До 1824 года они подвергались преслѣдованіямъ, нынѣ они только терпимы, и мы видимъ что приговоръ суда Королевиной Скамьи предоставлялъ ихъ на произволъ вѣроломству ихъ агентовъ. Приговоръ этотъ основанъ былъ на обычномъ правѣ Англіи, объявляющемъ недѣйствительнымъ и беззаконнымъ всякое обязательство „противное общественному благу“. Юриспруденція трибуналовъ постановила, что всякое соединеніе хозяевъ или рабочихъ, имѣющее цѣлію подѣйствовать на условія труда, есть „стѣсненіе торговли противное общественному благу“. На этомъ и основанъ былъ приговоръ, объявившій что виновникъ хищенія произведеннаго въ ущербъ союзу не подлежитъ судебному преслѣдованію. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ произошли нѣкоторыя перемѣны въ законодательствѣ по этому предмету. Въ 1868 году изданъ былъ законъ, временно опредѣляющій то что въ статутахъ союзовъ должно считаться „стѣсненіемъ торговли вреднымъ для общественнаго блага“. Таково, напримѣръ, запрещеніе сдѣльной работы или ограниченіе рабочаго времени. Союзы подчиняющіеся этому закону, который конечно будетъ еще улучшенъ, могутъ обращаться къ правосудію, и такимъ образомъ одинъ изъ нихъ успѣлъ 19-го декабря 1868 года добиться осужденія своего казначея, уличеннаго въ растратѣ денегъ. Но законное положеніе ихъ не опредѣлено еще вполнѣ, и они тогда только будутъ пользоваться прив-

легіями общаго права предоставленными акціонернымъ компаніямъ, когда законодательство ясно обозначитъ что̀ въ ихъ дѣйствіяхъ „сообразно съ общественнымъ благомъ и что̀ ему противно“.

Какъ бы то ни было, несмотря на неопредѣленность ихъ законнаго положенія, несмотря на грозную и разорительную борьбу которую имъ приходится выносить, они усилились и покрыли своею сѣтью все Соединенное Королевство. Разсмотримъ же цѣль, которую они имѣютъ въ виду, средства употребляемыя ими для достиженія оной, вліяніе ихъ, способъ организаціи и дѣйствія, а также что̀ въ нихъ полезно и что̀ вредно.

III.

Главная цѣль устройства союза рабочихъ есть поддержка и возвышеніе по возможности цѣны на товаръ, продавцомъ коего является рабочій, то-есть на трудъ; въ виду этой-то цѣли они организуютъ стачки и завязываютъ съ своими хозяевами, также соединившимися вмѣстѣ, борьбу на жизнь и смерть, по окончаніи которой, они, смотря по обстоятельствамъ, остаются побѣдителями или побѣжденными. Но кромѣ этой существенной цѣли для которой они основались, они приняли на себя бо́льшую часть обязанностей падавшихъ на общества взаимнаго вспомоществованія. Нѣкоторыя изъ нихъ, однако, устроены единственно съ цѣлію поддерживать или возвышать заработную плату и обозначаются между всѣми названіемъ *Промысловыхъ Обществъ* (Trades Societies), но бо́льшая часть ихъ имѣетъ смѣшанный характеръ: они доставляютъ пособіе своимъ членамъ въ случаѣ несчастія или болѣзни, они берутъ на себя расходы по ихъ погребенію, застраховываютъ ихъ инструменты; наконецъ есть и такіе которые принимаютъ на себя обезпеченіе пенсіи старикамъ и изувѣченнымъ. Это различіе дѣятельности союзовъ подало поводъ къ горячимъ преніямъ въ слѣдственной коммиссіи, и несмотря на аргументы филантроповъ въ пользу соединенія цѣлей торговой и филантропической, очевидно, что эти двѣ цѣли плохо вяжутся между собою: когда союзъ рабочихъ дѣлаетъ значительныя пожертвованія для поддержанія забастовки, то онъ поставляетъ себя въ невозможность исполнять свою роль вспомогательнаго общества въ случаѣ

болѣзни и пр., а если, на основаніи послѣдняго соображенія, онъ не въ состояніи поддерживать начатую борьбу, то вспомогательное общество, въ свою очередь, вредитъ союзу. Вслѣдствіе этого весьма вѣроятно, что кругъ дѣйствія будетъ раздѣляться все болѣе и болѣе, и что союзы рабочихъ предоставятъ наконецъ свои обязанности, въ качествѣ вспомогательныхъ обществъ, *Дружескимъ обществамъ* (*Friendly societies*), столь многочисленнымъ въ Англіи. Впрочемъ и теперь уже эти послѣднія обязанности имѣютъ лишь второстепенное значеніе, и на дѣлѣ филантропическая цѣль ассоціаціи всегда подчинена ея коммерческой цѣли.

Какимъ образомъ устроены союзы? Организація ихъ естественно измѣняется смотря по составу общества, но имѣетъ одну общую черту—складчину, или дань взимаемую каждымъ союзомъ съ его членовъ, что̀ и составляетъ, какъ во множествѣ другихъ обществъ, соціальную связь. Эта складчина измѣняется, смотря по обществамъ, отъ одного пенни до шиллинга и даже до двухъ шиллинговъ въ недѣлю; сверхъ того, положенъ довольно значительный взносъ при вступленіи въ союзъ. Вообще взносъ одинаковъ для всѣхъ членовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обществъ, именно общества Лондонскихъ типографщиковъ, гдѣ подписка распредѣляется соразмѣрно съ заработною платой каждаго, съ тѣмъ чтобы потомъ и пособіе распредѣлялось сообразно съ этими взносами. Исполнительный совѣтъ, избираемый ежегодно тайною баллотировкой и всѣми членами, управляетъ дѣлами общества. Совѣтъ этотъ избираетъ себѣ президента, казначея и секретаря. Члены совѣта получаютъ поденное вознагражденіе, казначей и секретарь положенное жалованье, и этой превосходной системѣ вознагражденія за услуги каждаго союзы рабочихъ обязаны своимъ стройнымъ управленіемъ. Рѣшенія относительно забастовокъ, назначеніе вознагражденій, наконецъ допущеніе и исключеніе членовъ принадлежатъ исполнительному совѣту. Общее собраніе предоставляетъ себѣ право изслѣдовать дѣйствія управленія, а также опредѣлять сумму взноса и прибавлять къ оному, въ случаѣ надобности, добавочный налогъ. Но эта организація, довольно простая и, повидимому, самая естественная для всякаго общества, усложняется по мѣрѣ того какъ ассоціація распадается на отдѣльныя группы въ различныхъ мѣстностяхъ. Каждая группа, составляя *вѣтвь*, занимаетъ округъ болѣе или менѣе обширный

избираетъ свой комитетъ, имѣетъ свою спеціальную кассу, но обязана давать отчетъ о своемъ управленіи и о своихъ средствахъ центральному комитету. Этотъ послѣдній состоитъ вообще изъ уполномоченныхъ, избираемыхъ на шесть мѣсяцевъ различными вѣтвями, сообразно съ числомъ ихъ членовъ, и изъ двухъ служащихъ, секретаря и казначея, избираемыхъ прямо голосами всѣхъ членовъ. Иногда также комитетъ каждой вѣтви облекается поперемѣнно исполнительною властью. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, каждая вѣтвь управляетъ своими финансами по своему благоусмотрѣнію съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онѣ, въ случаѣ надобности, предоставляли ихъ въ распоряженіе исполнительнаго комитета; въ другихъ запасный капиталъ, по удовлетвореніи обыкновенныхъ расходовъ, вносится въ общую кассу и назначается на общія потребности, или распредѣляется между вѣтвями сообразно съ ихъ спеціальными нуждами. Членъ одной вѣтви, мѣняющій мѣсто жительства, къ концу года становится по праву членомъ вѣтви основанной близъ его новаго мѣстопребыванія; простой билетъ выдаваемый вѣтвью, которую онъ оставляетъ, открываетъ ему доступъ въ другую. Принадлежность къ обществу прекращается, когда рабочій перестаетъ уплачивать свой взносъ, и въ этомъ случаѣ онъ теряетъ всю сумму своихъ прежнихъ взносовъ. Онъ можетъ быть также исключенъ изъ ассоціаціи за нарушеніе правилъ или за дурные поступки.

Чтобы дать болѣе полное и точное понятіе о финансовомъ устройствѣ союзовъ рабочихъ, о ихъ средствахъ и повинностяхъ, заимствуемъ у нашего автора слѣдующій анализъ бюджета одного изъ самыхъ значительныхъ союзовъ—*Общества соединенныхъ плотниковъ и столяровъ.*

„Общество соединенныхъ плотниковъ и столяровъ взимаетъ съ каждаго изъ своихъ членовъ, вопервыхъ, одновременный взносъ въ пять шиллинговъ, потомъ по шиллингу въ недѣлю, и сверхъ того по три шиллинга въ треть, что составляетъ 3 фунта 13 шилл. ежегоднаго взноса. Суммы собираемыя такимъ образомъ поступаютъ въ общій капиталъ для покрытія всѣхъ расходовъ, которые могутъ раздѣляться на три статьи: I. Взаимныя пособія. II. Дѣла промысла (*Trade-purposes*). III. Общіе расходы.

„I. Взаимныя пособія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) пособіе въ случаѣ болѣзни, по 12 шиллинговъ въ

недѣлю, въ теченіе 26-ти-недѣль и потомъ по шести шиллинговъ въ недѣлю до тѣхъ поръ пока оно будетъ нужно; 2) пособіе старикамъ, по пяти шиллинговъ въ недѣлю тѣмъ которые состоятъ членами болѣе 12-ти лѣтъ, по семи тѣмъ которые состоятъ таковыми болѣе 18-ти лѣтъ, и по восьми тѣмъ которые состоятъ таковыми болѣе 25-ти лѣтъ; 3) расходы по погребенію, три фунта 10 шилл., если покойный состоялъ членомъ союза менѣе полугода, если же болѣе этого срока, то 12 фунтовъ.

„II. Расходы по дѣламъ промысла суть слѣдующіе: 1) поддержка забастовокъ одобренныхъ обществомъ; каждый членъ не имѣющій работы получаетъ по 10 шиллинговъ въ первыя 12 недѣль, и по шести въ 12 слѣдующихъ; 2) поддержка членовъ оставшихся безъ дѣла, назначаемая по 15 шиллинговъ въ недѣлю, если удаленіе ихъ послѣдовало не по причинѣ ихъ дурнаго поведенія; 3) застрахованіе противъ потери инструментовъ полное, если владѣльцы ихъ состоятъ членами общества болѣе шести мѣсяцевъ, или иначе въ 5 фунт. стерл.; 4) премія переселенія въ 6 фунт. или выше, если то дозволяютъ средства общества; 5) вознагражденіе въ случаѣ несчастія; 6) пособіе выдаваемое другимъ обществамъ съ цѣлію поддержать забастовки.]

„III. Общіе расходы заключаютъ въ себѣ опредѣленное жалованье секретарямъ, вознагражденіе уполномоченнымъ и членамъ совѣта, наемъ конторъ и помѣщеній для собраній и печатаніе документовъ.

„Расходы эти по первой статьѣ простирались въ 1865 году до 1.635 фунт., по второй до 2.790, по третьей до 2.307, что въ общей сложности составляетъ 6.742 фунта. Доходы простирались до 10.488 фунт., что даетъ избытокъ въ 3.746 фунт., поступившій въ запасный капиталъ.“

Таковъ, съ небольшими варіантами, механизмъ союзовъ рабочихъ. Какъ можно судить по вышеприведеннымъ цифрамъ, союзы рабочихъ облагаютъ своихъ членовъ довольно тяжелыми повинностями. Среднимъ числомъ они взимаютъ съ нихъ по два фунта въ годъ съ заработной платы, которая среднимъ числомъ полагается въ Англіи до 50 фунтовъ. Конечно, это много, особенно если принять въ соображеніе что нѣкоторые изъ этихъ союзовъ не выдаютъ пособій въ случаѣ болѣзни или увѣчья, и что во всякомъ случаѣ эти пособія ненадежны, ибо необходимость поддерживать забастовку совершенно истощаетъ средства общества, не оставляя ничего на пособіе въ случаѣ болѣзни и пр. Несмотря на то, болѣе 800.000 рабочихъ добровольно подчиня-

ются уплатѣ этого тяжкаго налога, въ убѣжденіи что союзы рабочихъ, вооружая ихъ могуществомъ, присущимъ ассоціаціи, и принуждая такимъ образомъ хозяевъ и само правительство считаться съ ними, доставляютъ имъ гораздо болѣе того во что они имъ обходятся. Правы ли они или нѣтъ? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствій союзовъ рабочихъ и того вліянія коимъ они пользуются.

IV.

Подъ вліяніемъ законодательныхъ монополій, главныя черты коихъ мы изложили выше, многочисленныя злоупотребленія и дѣйствія явнаго угнетенія были безпрерывно совершаемы въ ущербъ рабочимъ классамъ. Союзы рабочихъ много содѣйствовали искорененію этихъ злоупотребленій и преобразованію самого законодательства. Благодаря ихъ митингамъ и петиціямъ, парламентъ отмѣнилъ, два года тому назадъ, несправедливый законъ *master and servant act*. Эта отмѣна отозвалась и за границей. Франція послѣдовала примѣру Англіи, отмѣнивъ 1.781 ст. уголовнаго кодекса, сходную съ *master and servant act*, и та же реформа совершается въ Бельгіи. Въ каменноугольной промышленности, до конца прошедшаго столѣтія, рабочіе подчинены были настоящему рабству, такъ какъ они обязаны были работать въ копяхъ до тѣхъ поръ, пока это угодно было ихъ хозяевамъ; если они опредѣлялись въ другое мѣсто, то хозяинъ могъ вытребовать ихъ, и они подвергались наказанію розгами, какъ воры, за то что они дерзнули похитить свой собственный трудъ. Какъ только этотъ беззаконный обычай былъ отмѣненъ, хозяева употребили всѣ старанія чтобы возстановить его косвеннымъ путемъ. Такъ водворилась повсюду система *truck-shop* или платежа натурой. *Truck-shop* не что иное какъ лавка устроенная владѣльцемъ на своемъ заводѣ, изъ которой онъ выдаетъ своимъ рабочимъ въ кредитъ съѣстные припасы, напитки и пр., заставляя платить страшныя цѣны, употребляя даже угрозы для побужденія къ потребленію и удерживая изъ заработной платы, выдаваемой въ отдаленные сроки, то что приходится по расчету за проданное по лихвенной цѣнѣ. Союзы

рабочихъ, выставляя на видъ злоупотребленія этой системы, вызвали противъ нея негодованіе общественнаго мнѣнія, что̀ повело къ запрещенію ея парламентомъ.* Они также содѣйствовали улучшенію условій работы въ копяхъ. Такъ, напримѣръ, союзы сѣверной Англіи, купно съ шотландскими, потребовали вмѣшательства закона противъ дурной вентиляціи копей и противъ употребленія на работы женщинъ и дѣтей. Въ 1842 году, уступая ихъ настояніямъ, парламентъ запретилъ подземную работу женщинамъ, а также и дѣтямъ ниже 12-ти лѣтъ. Злоупотребленія, которыя дѣлались при этомъ, были поистинѣ чудовищныя: шестилѣтнія дѣти употреблялись въ продолженіе 16-ти часовъ въ сутки на то чтобы отворять и затворять двери въ глубинѣ темной галлереи. Что касается до женщинъ употребляемыхъ на работы въ шотландскихъ каменноугольныхъ копяхъ, то онѣ принуждены были изъ глубины шахты взбираться на поверхность по прямымъ и скользкимъ лѣстницамъ съ ношей угля во сто киллограммовъ за плечами. Другое злоупотребленіе, на которое жаловались рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ, была конфискація ихъ заработной платы въ тѣхъ случаяхъ, если оказывался какой-нибудь недовѣсъ въ ящикахъ съ углемъ, которые они должны были наполнять за опредѣленную цѣну. Жалобы союзовъ рабочихъ были такъ настоятельны, что парламентъ наконецъ уступилъ имъ, издавъ актъ, въ силу коего рабочимъ предоставлено было право избирать надсмотрщика за взвѣшиваніемъ угля, который долженъ былъ получать содержаніе отъ нихъ и отъ владѣльца. Многіе хозяева пытались обойти этотъ законъ, удаляя рабочаго назначаемаго въ эту должность, тотчасъ по его избраніи, и запрещая ему доступъ къ копямъ, подъ тѣмъ предлогомъ что онъ уже не принадлежитъ къ заведенію. Но союзы не думали уступать такому противозаконному распоряженію: такъ, напримѣръ, одинъ изъ этихъ контролеровъ, г. Нормасель, нынѣ президентъ союза въ южномъ Іоркширѣ, энергически поддерживалъ свое право. Восемнадцать дней сряду его отгоняли отъ копей, куда онъ являлся для исполненія своей должности, и онъ обратился къ трибуналамъ; переходя отъ одной инстанціи къ другой, онъ довелъ своихъ хозяевъ до суда Королевиной

* Это запрещеніе предложено было лордомъ Аштли (нынѣ лордъ Шафтесбери), и утверждено палатой общинъ въ 1831 году.

Скамьи и принудилъ ихъ возстановить его въ должности. Могъ ли бы онъ выказать такую энергію, и достало ли бы у него средствъ вести процессъ, еслибъ онъ не пользовался нравственною поддержкой и кассой союза? „Безъ сомнѣнія," говоритъ нашъ авторъ, —

„было бы преувеличеніемъ приписать исключительно вліянію союзовъ рабочихъ все что̀ сдѣлала Англія для искорененія злоупотребленій и улучшенія быта рабочихъ, но несомнѣнно также, что своею настойчивостью въ защитѣ своихъ законныхъ интересовъ, какъ вообще предъ публикой, такъ и предъ парламентскими коммиссіями, они ускорили изданіе законоположеній, благотворныя послѣдствія коихъ ощущаются нынѣ. Они должны были восторжествовать надъ силой преданія, надъ отвращеніемъ, вообще разумнымъ, англійскаго народа ко всякой регламентаціи, и наконецъ надъ оппозиціей огромнаго числа хозяевъ."

Если подлежатъ сомнѣнію дѣйствительность даже такихъ законовъ какъ изданные парламентомъ для запрещенія *truck system* и злоупотребленій относительно работы женщинъ и дѣтей, то какъ не согласиться что вліяніе какой бы то ни было регламентаціи всегда ограниченно, а часто и совсѣмъ ничтожно? За то неоспоримо то вліяніе, которое организація могущественныхъ обществъ рабочихъ имѣла на прекращеніе злоупотребленій силы. Еслибы жертвы этихъ злоупотребленій оставались изолированы, безъ связи между собою, то какъ долго еще пришлось бы имъ страдать! Человѣка изолированнаго и лишеннаго средствъ притѣсняютъ не обинуясь; но съ нимъ считаются, подумаютъ хорошенько прежде чѣмъ подать ему поводъ къ законной жалобѣ, когда его поддерживаютъ тысячи людей и тысячи фунтовъ стерлинговъ. Итакъ, помимо вліянія которое они могли имѣть на таксу заработной платы, союзы рабочихъ оказали значительную услугу рабочему классу, энергически содѣйствуя уничтоженію остатка законовъ и обычаевъ рабства.

Если они положили преграду притѣсненіямъ, которымъ слишкомъ часто подвергали хозяева отдѣльныхъ работниковъ, то съ другой стороны они имѣли благотворное вліяніе и на нравственность рабочаго класса. Многіе союзы подвергаютъ пенѣ пьяницъ и негодяевъ, и даже изгоняютъ ихъ изъ своей среды. Когда рабочій оставляетъ *вѣтеръ*, союзъ выдаетъ ему билетъ, по предъявленіи коего онъ можетъ

быть принятъ въ другую вѣтвь. Билеты эти бываютъ различныхъ цвѣтовъ. Особаго цвѣта билетъ выдается тѣмъ которые отсылаются за пьянство и дурное поведеніе. Красный билетъ, хотя ихъ и принимаютъ съ нимъ, служитъ однако дурною рекомендаціей предъ будущими товарищами; бѣлый билетъ выдается членамъ пробывшимъ въ союзѣ менѣе года; лучшій билетъ есть черный. Въ чугуно-литейной промышленности, союзы, по сознанію самихъ хозяевъ, много содѣйствовали искорененію злоупотребленій вошедшихъ въ обычай между рабочими, а именно похищенія кусковъ руды, которые они тайно бросали въ печь чтобъ увеличить количество выплавляемаго чугуна. Итакъ они могутъ имѣть и даже имѣютъ благотворное вліяніе на нравственныя привычки рабочихъ и содѣйствуютъ возвышенію ихъ достоинства, доставляя возможность противодѣйствовать угнетеніямъ.

По отношенію къ улучшенію нравственныхъ привычекъ и осужденію безчестныхъ поступковъ, которыми рабочіе слишкомъ часто отвѣчали на притѣсненія, противупоставляя воровство и расхищеніе эксплуатаціи,—союзы рабочихъ оказали рабочимъ и самимъ хозяевамъ услуги, отрицать которыя невозможно. Но вмѣшательство ихъ въ опредѣленіе таксы заработной платы и условій труда не всегда имѣетъ благотворное дѣйствіе, иногда даже приноситъ положительный вредъ; если же принять въ соображеніе роль, которую они играли въ стачкахъ и забастовкахъ, то понятны становятся и фанатическій энтузіазмъ возбужденный ими съ одной стороны, и жестокая вражда которую они не безъ основанія вызвали противъ себя съ другой стороны.

V.

Невозможно отрицать, что въ настоящее время, въ особенности въ западной Европѣ, между рабочими классами господствуетъ сильное недовольство. Причины этого недовольства многоразличны. Главная, повидимому, заключается въ неспособности ихъ управляться самими собою,—недостатокъ, который можно исправить только въ теченіе времени и постепенно; затѣмъ слѣдуютъ законы, которыми пытались отдать

ихъ на произволъ предпринимателей промышленности и которые, по счастію, начинаютъ повсюду исчезать; затѣмъ слѣдуютъ еще естественныя затрудненія, съ которыми они должны бороться, чтобы поставить трудъ свой въ наилучшія по возможности условія. Слишкомъ часто *сбытъ*, которымъ они располагаютъ, стѣсненъ ограниченностью ихъ средствъ, дороговизной сообщеній, недостаткомъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на *рынкѣ труда* и пр. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, отчасти естественныхъ, отчасти искусственныхъ, они находятся вообще въ невыгодныхъ условіяхъ для обсужденія цифры заработной платы. И когда рабочимъ запрещено перемѣщаться и входить между собою въ соглашеніе, чтобы отказываться отъ работы по цѣнамъ до крайности пониженнымъ, они нерѣдко принуждены отдавать *maximum* труда за *minimum* заработной платы. Прибавьте къ этому что новыя машины, которыя въ окончательномъ результатѣ обращаются къ ихъ же выгодѣ, въ началѣ производятъ имъ неравномѣрную конкуренцію и устраняютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ той отрасли промышленности, куда вводятся; прибавьте еще переворотъ произведенный на всемъ пространствѣ образованнаго міра приливомъ золота, банковыхъ билетовъ и бумажныхъ денегъ, что̀ подняло цѣны на всѣ средства существованія, между тѣмъ какъ заработная плата, вслѣдствіе особыхъ условій въ которыхъ находится трудъ, не могла повыситься въ соразмѣрности. Эти послѣднія причины были ясно обозначены, во время слѣдствія о рабочихъ союзахъ, г. Гевиттомъ, желѣзнымъ заводчикомъ Соединенныхъ Штатовъ, который, однако, несправедливо приписалъ исключительно имъ недовольство рабочихъ классовъ, положеніе коихъ, особенно во Франціи, сдѣлалось еще тягостнѣе вслѣдствіе подстрекательствъ соціализма, хотя соціализмъ способенъ гораздо скорѣе ухудшить чѣмъ улучшить оное. Въ Соединенныхъ Штатахъ недовольство менѣе значительно чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, потому что трудъ тамъ *товаръ* болѣе *рѣдкій* чѣмъ въ Европѣ, и сверхъ того земля тамъ предлагается рабочимъ по дешевой цѣнѣ. „Малоцѣнность земли, говоритъ г. Гевиттъ, есть неизбѣжное противовѣсіе, предупреждающее излишнее пониженіе заработной платы. И дѣйствительно, если всякій работникъ имѣетъ возможность покупать у государства земли по цѣнѣ почти только номинальной, то кузнецъ оставляетъ желѣзный заводъ, какъ только замѣчаетъ что получаемая имъ плата

не превышаетъ того что̀ онъ можетъ пріобрѣсти обработкой поля даннаго ему на вышеизложенныхъ условіяхъ. Американца ничто не привязываетъ ни къ его мѣстожительству, ни къ его профессіи, и возможность сдѣлаться землевладѣльцемъ въ *far West* постоянно занимаетъ всѣ мечты рабочихъ, а потому удержать ихъ въ мастерской возможно только предоставленіемъ имъ значительныхъ выгодъ.“ Совершенно иное видимъ мы въ большей части Европы, и совершенно понятно, что введеніе машинъ производитъ тамъ временныя волненія гораздо болѣе ощутительныя чѣмъ въ Америкѣ. Характеристическій примѣръ этого находимъ въ показаніи г. Насмита, знаменитаго изобрѣтателя механическихъ орудій (machines-outils) для построенія машинъ. Такъ какъ каждое изъ нихъ, по его словамъ, выполняетъ дѣло пяти или шести ремесленниковъ, то онъ могъ значительно сократить число рабочихъ. Вскорѣ новыя усовершенствованія дали ему даже возможность поручить одному человѣку надзоръ за двумя, тремя, четырьмя, и даже пятью или шестью механическими орудіями; это дало ему возможность снова уменьшить личный составъ, и онъ отдалъ въ руки одного человѣка сколько возможно было орудій, прибавляя только за каждое изъ нихъ къ заработной платѣ по одному шиллингу въ недѣлю. „Это было далеко неравномѣрно съ выгодой, которую я получалъ отъ его работы, говоритъ самъ г. Насмитъ. За одно орудіе я ему давалъ по 16-ти шиллинговъ въ недѣлю, а за шесть по 21 шиллингу. Эти пять добавочныхъ шиллинговъ доставляли мнѣ шесть фунтовъ стерл. экономіи. Давая ему только 21 шиллингъ, я вознаграждалъ его очень скудно, но я могъ избаловать его, повышая плату. Чрезмѣрная заработная плата, выдаваемая одному, могла бы повести къ повышенію ея во всемъ заведеніи. Къ тому же мой ремесленникъ былъ доволенъ. Я былъ хозяинъ, онъ рабочій, и эта сдѣлка удовлетворяла насъ обоихъ.“ Но очевидно, что часть приходившаяся на ручную работу при такой перемѣнѣ значительно уменьшилась, и введеніе механическихъ орудій, какъ благотворно оно ни было, въ началѣ наносило положительный ущербъ рабочимъ.

Поставленные такимъ образомъ въ условія естественно или искусственно неблагопріятныя, чему содѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ временно, самый прогрессъ, рабочіе, для повышенія своей заработной платы или для поддержанія ея, когда она грозила пониженіемъ, прибѣгали преимущественно къ

стачкамъ и забастовкамъ, то-есть къ соглашенію рабочихъ одной профессіи отказываться отъ работы, или, если угодно, производить *искусственный голодъ* до тѣхъ поръ, пока покупщики не согласятся на ихъ требованія. Конечно, это способъ грубый и вредный не только для хозяевъ, предпріятія коихъ задерживаются, и для рабочихъ, лишающихся дохода, но даже и для постороннихъ, отнюдь не участвующихъ въ стачкѣ: такъ, напримѣръ, стачка между кондукторами паровозовъ прерываетъ необходимыя сообщенія, къ великому ущербу публики; стачка рабочихъ на бумагопрядильняхъ оставляетъ безъ работы ткачей, и пр. и пр. Но какъ ни грубъ и какъ ни вреденъ этотъ способъ, тѣмъ не менѣе, при нынѣшнемъ положеніи вещей, онъ по большей части есть единственное средство, которымъ рабочіе могутъ обуздать беззаконныя притязанія предпринимателей промышленности, предписывающихъ имъ законъ на рынкѣ. Когда рабочіе не могутъ ни свободно перемѣщаться, ни сговариваться между собою относительно прекращенія работы, хозяева слишкомъ часто употребляютъ во зло ихъ положеніе, чтобы довести ихъ заработную плату до *minimum*; когда существуетъ право стачекъ и забастовокъ, то хозяева опасаются убытка, неразлучнаго съ остановкой работы, и остерегаются доводить до крайности преимущества, которыми они пользуются относительно рабочихъ. Итакъ право стачки, признанное за рабочими, есть *узда* противъ беззаконныхъ притязаній предпринимателей промышленности, но едва ли нужно присовокуплять, что если употребленіе этой узды можетъ воспрепятствовать излишку мѣстнаго притѣсненія, то оно не можетъ имѣть надлежащаго вліянія на общую таксу заработной платы. И дѣйствительно, если рабочіе ограничиваются временнымъ удаленіемъ съ рынка нѣкотораго количества труда, то едва оканчивается стачка, какъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ возстановляется по-прежнему, и нѣтъ причины чтобы рыночная цѣна измѣнилась. Но этого мало еще. Если это временное удаленіе извѣстнаго количества необходимаго труда обратило заказы, которые слѣдовало выполнить, въ другія мѣста, если спросъ на трудъ вслѣдствіе этого самаго уменьшается, между тѣмъ какъ предложеніе послѣ стачки остается прежнее, то вмѣсто повышенія, стакнувшіеся рабочіе должны подчиниться пониженію, и положеніе

ихъ не улучшится, а ухудшится. Вотъ почему они и должны употреблять это грубое оружіе съ крайнею осмотрительностью, чтобы не нанести ранъ самимъ себѣ.

Весьма несправедливо было бы, какъ основательно замѣчаетъ нашъ авторъ, обвинять союзы рабочихъ въ томъ что они придумали стачки или забастовки, или даже размножили ихъ. Стачки и забастовки устраивались въ Англіи въ то время, когда союзы рабочихъ были весьма малочисленны и существовали только въ формѣ тайныхъ обществъ; онѣ устраивались на материкѣ, въ странахъ, гдѣ вовсе нѣтъ союзовъ рабочихъ. Стало-быть, союзы рабочихъ не создали ихъ, иногда даже они имъ противодѣйствовали; но они несомнѣнно сдѣлали ихъ болѣе опасными, какъ разумнымъ руководствомъ ими, такъ и значительными средствами, которыя предоставлены въ ихъ распоряженіе. Чтобы понять это, необходимо изслѣдовать нѣкоторыя явленія этой борьбы между трудомъ и капиталомъ, изучить ихъ тактику и оружіе употребляемое съ обѣихъ сторонъ.

VI.

Между важнѣйшими изъ стачекъ, которыя чаще всего сопровождались беззаконными притязаніями и предосудительными дѣйствіями, особенно замѣчательны стачки рабочихъ по строительной части, подъ которою разумѣется множество профессій: плотники, столяры, маляры, кирпичники, каменотесцы, штукатуры, каменьщики (между ними двѣ совершенно различныя профессіи, изъ коихъ одна исполняетъ постройки изъ кирпича, другая изъ камня,—*bricklayers* и *stone masons*), поденщики и пр. въ числѣ болѣе 900.000, изъ коихъ болѣе трети принадлежатъ къ различнымъ союзамъ. Благодаря развитію, котораго достигли всякаго рода постройки, и значительному, иногда слишкомъ обильному капиталу на нихъ употребляемому, требованія рабочихъ этихъ профессій въ теченіе тридцати лѣтъ почти постоянно возрастали, и по всему вѣроятію, ихъ заработная плата поднялась бы естественно, еслибы даже и не организовались союзы. Относительно кирпичниковъ надо замѣтить, что въ распредѣленіи заработной платы они пользуются естественнымъ преимуществомъ. Кирпичи должны быть изготовляемы въ районѣ

наиболѣе близкомъ къ постройкамъ, такъ какъ подвозить ихъ издалека значило бы чрезмѣрно увеличивать ихъ цѣнность, и вслѣдствіе этого кирпичники могутъ возвышать свои требованія, не опасаясь въ этомъ ограниченномъ районѣ конкурренціи кирпичей выдѣлываемыхъ на значительномъ разстояніи. Союзы рабочихъ по строительной части вздумали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ для повышенія заработной платы, такъ и для уменьшенія рабочихъ часовъ, что̀ въ сущности одно и то же. Подъ всѣми формами и во всѣхъ отрасляхъ промышленности, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, союзы преслѣдуютъ эту двоякую цѣль. Иногда они присоединяютъ къ ней требованіе замѣны сдѣльной платы поденною, подъ тѣмъ предлогомъ что первая система ведетъ къ чрезмѣрной эксплуатаціи силъ рабочаго. Въ строительномъ дѣлѣ, впрочемъ, поденная или часовая плата предпочитается какъ хозяевами, такъ и рабочими, за исключеніемъ маляровъ и кирпичниковъ; но тѣмъ не менѣе возникаютъ распри при работѣ за поденную плату: между рабочими бываютъ люди особенно дѣятельные и искусные, ихъ-то преимущественно приглашаютъ хозяева, предоставляющіе имъ особыя преимущества, которыя должны служить примѣромъ и поощреніемъ для другихъ. Эти преимущества, безспорно вполнѣ законныя, возбуждаютъ неудовольствіе массы, которая обозначаетъ характеристическимъ названіемъ „лошадей съ бубенчиками“ этихъ рабочихъ приглашенныхъ для примѣра, и требуетъ, когда она считаетъ себя болѣе сильною, чтобы плата для всѣхъ была равная. Впрочемъ, предметомъ препирательствъ между союзами и хозяевами сдѣлалась прежде всего самая такса заработной платы. Въ 1833 году, восемь лѣтъ спустя послѣ отмѣны законовъ о стачкахъ, ливерпульскіе союзы рабочихъ попытались вытребовать новый тарифъ отъ предпринимателей построекъ и, въ случаѣ отказа, грозили общею забастовкой. Хозяева не только воспротивились этому требованію, но съ своей стороны составили *союзъ*, члены коего обязались отпустить рабочихъ, которые не откажутся отъ участія въ *Trades Unions*. Рабочіе не согласились на это, а хозяева положили закрыть свои мастерскія, противопоставляя такимъ образомъ стачкѣ встрѣчную стачку, обозначенную въ Англіи названіемъ *Lock-out*. Въ недѣлю потребленіе кирпичей въ Ливерпулѣ упало съ милліона до 20.000. Однако хозяева не ограничились этимъ:

они выписали рабочихъ изъ другихъ мѣстъ Англіи. Союзы разставили часовыхъ у дверей въ мастерскія для убѣжденія пріѣзжихъ не входить въ оныя, послѣ чего ихъ провожали на желѣзную дорогу и уплачивали за ихъ обратный путь. Борьба продолжалась шесть мѣсяцевъ. Наконецъ рабочіе принуждены были уступить, потерявъ 72.000 ф. ст. заработной платы и издержавъ 18.000 для поддержанія забастовки. Они принуждены были принять суровое условіе отказаться отъ союзовъ, что̀ повело къ распаденію послѣднихъ. Но эти союзы не замедлили организоваться вновь. Въ 1847, 1859 и 1861 годахъ борьба возобновилась, особенно въ Лондонѣ, и послѣ различныхъ перипетій, хозяева перестали требовать выхода изъ союзовъ, условіе, которое они непремѣнно налагали на рабочихъ въ первое время, и согласились выдавать заработную плату по часамъ. Въ 1864 году произошло новое столкновеніе въ Манчестерѣ, и на этотъ разъ по довольно пустой причинѣ.

„Муниципальная администрація въ Манчестерѣ занималась постройкой ассизнаго суда, огромнаго и красиваго зданія, нарушившаго нѣсколько однообразіе этого закопченаго города. Завѣдывавшій работами г. Кетль, на котораго рабочіе уже неблагосклонно смотрѣли, какъ на иностранца, поставилъ во главѣ поденщиковъ привезеннаго имъ съ собою мастера. Обычай требовалъ чтобъ этотъ вновь прибывшій занялъ послѣднее мѣсто, такъ какъ наиболѣе старые рабочіе всегда пользуются особыми преимуществами. Поденщики протестовали противъ такого нарушенія обычаевъ, и когда комитетъ ихъ союза не успѣлъ вытребовать исполненія ихъ желанія отъ г. Кетля, то они потребовали сначала у предпринимателя, а потомъ у архитектора, удаленія г. Кетля, и получивъ отказъ, устроили забастовку. Такъ какъ вслѣдствіе этого разногласія работа *bricklayers* была прервана, то послѣдніе обвинили въ этомъ перерывѣ г. Кетля, потребовали себѣ 25 фунтовъ вознагражденія, и получивъ отказъ, устроили и съ своей стороны забастовку. Тогда началась ожесточенная борьба. Потребовали рабочихъ изъ Лондона для замѣщенія тѣхъ что̀ отказывались работать, но лондонское общество *bricklayers* вступилось чтобы не допустить ихъ до работы и заплатило за ихъ обратный путь. Г. Кетль искалъ рабочихъ во всѣхъ частяхъ Англіи, но вездѣ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны манчестерскаго союза, рѣшившагося во что̀ бы то ни стало не допускать никого до его построекъ. Союзъ разставляетъ часовыхъ, упрашиваетъ вновь прибывшихъ, грозитъ имъ. Напрасно г. Кетль помѣщаетъ ихъ въ недостроенныхъ зданіяхъ и кормитъ ихъ на свой счетъ:

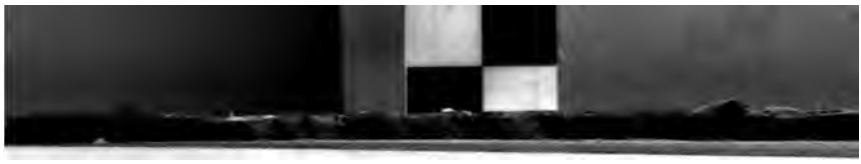
полиція окружающая ихъ не въ состояніи оградить ихъ отъ соблазна, и весьма немногіе могутъ устоять отъ предложенія пяти, даже семи фунт. десяти шилл., которыми товарищи покупаютъ ихъ отъѣздъ. Предприниматель, желающій удержать г. Кетля, не можетъ найти себѣ рабочихъ ни для какого дѣла. Наконецъ, несмотря на всѣ свои усилія, *bricklayers* видятъ что каменная работа вскорѣ будетъ окончена; они платятъ столярамъ чтобъ и тѣ устроили забастовку, но напрасно: зданіе ассизнаго суда оканчивается безъ нихъ и наперекоръ имъ." *

Эти „кирпичники" принадлежатъ къ числу самыхъ буйныхъ и невѣжественныхъ рабочихъ Англіи. Между ними именно встрѣчаются нелѣпыя теоріи и злоупотребленія, которыя особенно выставляются на видъ противниками союзовъ для доказательства вреднаго дѣйствія ассоціацій. Умственное развитіе ихъ до крайности ограничено, и наиболѣе распространенныя между ними идеи представляютъ какую-то дикую смѣсь коммунизма и протекціонизма. они ненавидятъ машины и стараются прежде всего воспрепятствовать введенію этихъ „искусственныхъ рукъ". Они хотятъ обязать хозяевъ чтобы тѣ равномѣрно распредѣляли между ними работу, не допуская различія въ заработной платѣ, обусловливаемаго большею дѣятельностью или бо́льшимъ искусствомъ. Они доходятъ даже до того что примѣняютъ къ своей промышленности принципы запретительной системы доведенные до крайности. Такимъ образомъ они раздѣлили территорію на безчисленное множество округовъ. Каждый округъ долженъ удовлетворять самъ себя: хозяева-кирпичники обязаны употреблять на работу исключительно рабочихъ округа, употреблять глину добываемую только въ округѣ и не продавать кирпичей нигдѣ кромѣ предѣловъ своего округа, подъ страхомъ попасть подъ запрещеніе. Они предъявили еще требованіе, которое поддержали также многіе другіе союзы, чтобы не допускать хозяевъ до приглашенія рабочихъ не принадлежащихъ къ ихъ союзамъ. „Такъ какъ союзъ, говорили они въ подтвержденіе своего требованія, имѣетъ цѣлію возвысить заработную плату всѣхъ рабочихъ, то несправедливо чтобы нѣкоторые ихъ нихъ пользовались ихъ усиліями, не неся на себѣ ихъ повинностей. Если хозяева вольны выбирать себѣ рабочихъ, если послѣдніе

* *Les Associations ouvrières en Angleterre*, глава IV.

вольны чуждаться нашихъ ассоціацій, то мы, члены союза, также вольны оставить тѣхъ и другихъ лицомъ къ лицу". Они довели это притязаніе до такой степени что наложили запрещеніе на мастерскія г. Гауройда въ Бродфордѣ и г. Диксона въ Блэкпулѣ, потому что эти предприниматели употребляли на работу собственныхъ сыновей, не участвовавшихъ въ союзахъ. Наконецъ, понявъ какъ нельзя лучше, несмотря на свое невѣжество въ политической экономіи, что заработная плата опредѣляется на основаніи закона о спросѣ и предложеніи, они требуютъ ограниченія числа учениковъ и устраненія отъ ихъ профессіи всякаго кто не прошелъ установленной школы. Это послѣднее притязаніе повторяется впрочемъ во всѣхъ отрасляхъ строительной промышленности и во многихъ другихъ. Вотъ аргументы, коими рабочіе подкрѣпляютъ свое притязаніе:

Въ большей части профессій этой промышленности, новичокъ обязанъ въ настоящее время заключить съ хозяиномъ контрактъ объ ученіи, на основаніи коего онъ обязуется служить ему за уменьшенную плату въ теченіе пяти или семи лѣтъ. Когда онъ сдѣлается столь же опытнымъ какъ настоящій мастеръ, то работая такимъ образомъ за уменьшенную плату, онъ расплачивается по-своему за полученное имъ воспитаніе, которое замѣнитъ ему капиталъ; но рабочіе, съ которыми онъ занимался, утверждаютъ тогда, что такъ какъ они употребляли часть своего времени на его обученіе, то плата за него слѣдуетъ имъ, а не хозяину. А если труды наши остаются безмездными, говорятъ они, то мы имѣемъ по крайней мѣрѣ право не принимать учениковъ или ограничивать число ихъ какъ намъ заблагоразсудится. Когда ученикъ становится въ свою очередь мастеромъ, онъ считаетъ незваннымъ гостемъ, недобросовѣстнымъ конкуррентомъ всякаго рабочаго, который не прошелъ той же школы, а также и такого, который, бывъ ученикомъ въ одной профессіи, вздумалъ потомъ перейти въ другую и вторгнулся, хотя бы въ самой ничтожной степени, въ область чужой спеціальности. Мы не требуемъ, говорятъ они, чтобы законъ вступался въ наше дѣло и распространялъ на эту собственность то же покровительство, какое дается адвокатамъ, врачамъ и другимъ такъ-называемымъ либеральнымъ профессіямъ, мы стараемся обезпечить ее себѣ устрой-



ствомъ союзовъ. Аргументы эти, очевидно, болѣе оригинальны чѣмъ убѣдительны. Можно преобразовать условія ученичества, если они недостаточно справедливы, но не будетъ ли то возвращеніемъ къ монополіи корпорацій, если рабочіе каждой профессіи пріобрѣтутъ право ограничивать число учениковъ и не допускать къ своей профессіи тѣхъ которые пріобрѣли свѣдѣнія въ оной, не пройдши чрезъ установленное обученіе? Относительно этого пункта, такъ же какъ и относительно многихъ другихъ, рабочіе остались вѣрны старому порядку, но если мы видимъ и между образованными классами какъ много людей которые не могутъ отдѣлаться отъ своихъ устарѣлыхъ понятій, то что же удивительнаго, если такія понятія господствуютъ между классами невѣжественными?

Способы, къ какимъ прибѣгаютъ рабочіе нѣкоторыхъ союзовъ, и въ особенности союзовъ по строительнымъ работамъ, для успѣха въ борьбѣ съ предпринимателями, еще хуже ихъ теорій. Такъ, напримѣръ, кирпичники не довольствуются наложеніемъ запрещенія на хозяевъ, отказывающихся выполнить ихъ требованія. Они отправляются по ночамъ мять и давить необожженные кирпичи, что они называютъ *проводить слѣпую лошадь*. Когда забастовка объявлена, рабочіе остающіеся за дѣломъ считаются врагами. Они также стараются всѣми средствами застращать рабочихъ другихъ округовъ, которыхъ выписываютъ хозяева для ихъ замѣны. Между неучаствующими въ забастовкѣ есть разрядъ наиболѣе для нихъ ненавистный. Это такъ-называемые *черные бараны* (black sheep), пользующіеся забастовкой для обезпеченія себѣ временно высокой заработной платы, съ тѣмъ чтобъ искать себѣ работы въ другомъ мѣстѣ, когда двери мастерскихъ открываются снова для ихъ товарищей. Иногда ихъ озлобленіе противъ этихъ вѣроломныхъ братій доводитъ ихъ до убійства; противъ такихъ-то диссидентовъ направлены были шеффильдскія и манчестерскія покушенія. Между злостными продѣлками кирпичниковъ особенно отличается обычай наполнять иглами глину, изъ которой дѣлаются кирпичи. Составляются проскрипціонные списки, называемые *черными листами*, въ которые вносятся, вмѣстѣ съ рабочими отказавшимися отъ забастовки, тѣ, которые, поссорились съ союзомъ или нарушили какое-либо изъ

постановленій онаго, а иногда даже тѣ которые простымъ показаніемъ предъ судомъ содѣйствовали осужденію какого-нибудь товарища, обвиняемаго за его ревность къ пользамъ союза, перешедшую за предѣлы установленные закономъ. Говорятъ, что въ обществѣ каменьщиковъ ведется *черный листъ*, заключающій въ себѣ до 2.500 именъ, изъ коихъ нѣкоторые внесены въ него съ 1841 года. Членамъ союза запрещается работать съ тѣми что̀ внесены въ черный листъ, или же, если нѣтъ возможности выгнать ихъ изъ мастерской, то запрещается говорить съ ними. Это называется „посылать въ Ковентри“. Бывали случаи, что нѣкоторые рабочіе, занимаясь въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль со множествомъ товарищей, не могли добиться отъ нихъ отвѣта на самые необходимые вопросы. Этимъ средствамъ застращиванія хозяева съ своей стороны противопоставляютъ таковыя же. Они обязываются не повышать платы рабочимъ безъ разрѣшенія ассоціаціи къ коей принадлежатъ, и эта ассоціація также составляетъ черные листы съ запрещеніемъ употреблять внесенныхъ въ оные рабочихъ; такъ, напримѣръ, руководители забастовокъ напрасно стали бы стучаться въ двери мастерскихъ,—ихъ устраняютъ, какъ опасныхъ враговъ. Это война, перенесенная въ сферу труда и по временамъ отличающаяся всѣмъ ожесточеніемъ междуусобной распри.

Но не слѣдуетъ забывать что война эта велась задолго до возникновенія союзовъ. Союзы только сдѣлали ее болѣе правильною и, какъ мы увидимъ ниже, нѣсколько улучшили способъ ея веденія. Даже въ строительной промышленности встрѣчаются рабочіе, пытающіеся противодѣйствовать забастовкамъ, когда онѣ кажутся имъ недостаточно мотивированными, и поддерживающіе хозяевъ противъ безразсудныхъ требованій рабочихъ. Г. Вильямсъ, секретарь Національнаго Союза штукатуровъ, дававшій показаніе въ слѣдственной коммиссіи, приводитъ примѣръ забастовки въ Аберистуитѣ (въ Вельсѣ), гдѣ штукатуры, занимавшіеся при постройкѣ двухъ гостиницъ, пользуясь спѣшностью работы, вдругъ потребовали повышенія платы и уменьшенія рабочихъ часовъ. Предприниматель обратился къ г. Вильямсу, и союзъ, рѣшивъ что рабочіе не правы, не только отказался ихъ поддерживать, но еще самъ доставилъ другихъ въ замѣнъ удалившихся. Еще нѣсколько подобныхъ

примѣровъ было заявлено коммиссіи: такъ, напримѣръ, мѣстныя *вѣтви* начинали забастовки, которыя центральный комитетъ, взвѣсивъ надлежащимъ образомъ факты, предписывалъ имъ прекратить, угрожая въ противномъ случаѣ оставить ихъ безъ поддержки. Иные союзы принимали на себя обязательство доставлять хозяевамъ нужное для нихъ число рабочихъ, и въ этомъ начинаетъ проявляться та полезная роль, которую со временемъ будутъ занимать союзы.

VII.

Въ промышленностяхъ желѣзо-дѣлательной и каменноугольной случались стачки размѣровъ еще болѣе колоссальныхъ чѣмъ въ промышленности строительной. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ стачка 1865 года, нанесшая желѣзной промышленности въ Стаффордширѣ такіе убытки, отъ которыхъ она и теперь еще не можетъ поправиться. Какъ хозяева, такъ и рабочіе крѣпко организовались въ этой мѣстности, и союзы ихъ располагали значительными средствами. Союзы владѣльцевъ желѣзными заводами составились даже прежде союзовъ рабочихъ. Въ Стаффордширѣ лѣтъ пятьдесятъ уже существуетъ ассоціація, предположившая себѣ, между прочимъ, постановить правила о заработной платѣ и обезпечить ея однообразіе. Другая устроившаяся на сѣверѣ *Ассоціація желѣзныхъ заводчиковъ сѣверной Англіи* есть настоящее страховое общество противъ стачекъ. Каждый владѣлецъ застраховываетъ противъ стачекъ свои доменныя печи, письменно обязуясь уплачивать, по требованію секретаря, сумму пропорціональную числу этихъ печей и доставляемому ими доходу. Если рабочіе оставляютъ его, то ассоціація выплачиваетъ ему, смотря по застрахованію, по 4 или по 3 фунта въ недѣлю на каждую печь, отдѣляя эту сумму отъ капитала составившагося изъ подписныхъ денегъ, вносимыхъ всѣми членами. Этотъ капиталъ, предоставленный въ распоряженіе общества, простирался 1-го декабря 1866 года до 48.000 фунт. стер. Вслѣдствіе этого мы видимъ что въ 1864 году союзы хозяевъ принимаютъ наступательное положеніе

и провозглашаютъ *lock out*, дабы принудить рабочихъ отказаться отъ союзовъ, только что введенныхъ между ними. Союзы рабочихъ въ Гатесгедѣ и Брайрлейгиллѣ соединились между собою для противодѣйствія имъ и протянули борьбу шесть мѣсяцевъ, издержавъ на нее 17.000 фунт. стерл. Они были побѣждены прибытіемъ бельгійскихъ рабочихъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ что участвовали въ забастовкѣ. Въ томъ же году, такъ какъ производство желѣза понизилось, и цѣны сдѣлались менѣе выгодны, соединенные владѣльцы заводовъ сговорились понизить почти на 10% заработную плату. Брайрлейгиллъскій союзъ рабочихъ согласился на это пониженіе, которое казалось ему достаточно мотивированнымъ, вслѣдствіе стѣсненнаго положенія желѣзной промышленности; но значительное число рабочихъ отказалось уступить, и забастовка устроилась. Такъ какъ ее поддерживали союзы различныхъ частей Англіи, то владѣльцы желѣзныхъ заводовъ постановили общій *lock out*, и отъ 17-го марта до 2-го апрѣля доменныя печи потухли во всей Англіи. Желѣзодѣлательная промышленность какъ будто прекратилась, и слѣды этого насильственнаго застоя ощущаются еще и донынѣ. Впрочемъ, общественное мнѣніе не одобрило этого *lock out*, грозившаго разстроить желѣзную промышленность и повергавшаго въ нищету рабочихъ, которые не противились пониженію заработной платы и даже порицали упорство своихъ товарищей. Одни только рабочіе сѣвернаго Стаффордшира еще продолжали борьбу, но и они, наконецъ, принуждены были покориться. Потерю заработной платы, причиненную забастовкой рабочихъ и пресловутымъ *lock out* заводчиковъ сдѣлавшимъ забастовку всеобщею, исчисляютъ въ 320.000 фунт. стерл., не считая суммъ израсходованныхъ союзами рабочихъ. Потери заводчиковъ были не менѣе значительны, а потому ни тѣ, ни другіе долго не забудутъ пагубныхъ слѣдствій этой борьбы.

Въ каменно-угольной промышленности не встрѣчалось такой громадной забастовки; но союзы въ ней размножились, и борьба, источникомъ коей было вѣковое угнетеніе, стѣснявшее углекоповъ и оставившее глубокіе слѣды, отличалась всегда особенною энергіей. Рабочіе дѣйствуютъ обыкновенно путемъ *ограниченія:* вмѣсто того чтобъ устраивать забастовку, они постепенно уменьшаютъ свою работу, такъ чтобы получать только по три, потомъ по два шиллинга и,

наконецъ, по одному въ день (заработная плата выдается соразмѣрно количеству добытаго угля). Вслѣдствіе такой системы добываніе угля становится ничтожнымъ, между тѣмъ какъ общіе расходы по разработкѣ шахты остаются тѣ же; а углекопы, получая пособіе изъ кассы союзовъ, не допускаютъ этою чисто номинальною работой замѣнять себя другими рабочими. Но *ограниченію* владѣльцы копей противопоставляютъ *lock out*, отсылаютъ рабочихъ и выписываютъ другихъ изъ прочихъ округовъ и изъ-за границы. Борьба происходитъ тогда съ различными успѣхами. Въ 1864 году рабочіе южнаго Іоркшира одержали важную побѣду, послѣ интересныхъ перипетій заслуживающихъ упоминанія.

„На этотъ разъ (говоритъ нашъ авторъ) борьба возгорѣлась наперекоръ мнѣнію союза. Наперекоръ ему, рабочіе Окса и Торнклифа устроили забастовку; союзъ отказался ихъ поддерживать, и они вышли изъ него, но отъ забастовки не отказались. Хозяева же, вмѣсто того чтобы воспользоваться этимъ разладомъ, постановили общій *lock out* и закрыли всѣ окрестныя каменно-угольныя копи. Когда уже три тысячи рабочихъ, изъ коихъ едва одна треть принадлежала къ союзу, были такимъ образомъ уволены, союзъ рѣшился вступиться въ дѣло и потребовать отмѣны *lock out*. Посредничество его увѣнчалось успѣхомъ. По прошествіи 19-ти недѣль, владѣльцы Окской копи были оставлены ихъ компаніонами, и *lock out* былъ отмѣненъ. Въ слѣдующемъ году союзъ пожалъ плоды этого своевременнаго сопротивленія. Когда онъ потребовалъ повышенія заработной платы на 10%, что мотивировано было цвѣтущимъ положеніемъ каменно-угольной промышленности, то хозяева не только согласились на эту прибавку, но вступили въ соглашеніе съ союзомъ чтобы побудить и другихъ на такую же уступку. Сопротивлявшіеся хозяева поражены были ограниченіемъ, такъ какъ рабочіе уменьшили свои труды до трехъ шиллинговъ въ недѣлю, а когда владѣльцы Торнклифской копи уволили своихъ рабочихъ, то ихъ конкурренты поддержали своею подпиской оскудѣвшія средства союза, такъ что послѣдній, издержавъ 5.000 фунт. стерл., одержалъ, наконецъ, побѣду и добился повышенія заработной платы, еженедѣльнаго платежа и офиціальнаго признанія союза небольшимъ числомъ владѣльцевъ, до сихъ поръ отказывавшихся вступать въ переговоры съ его представителями.“ *

* *Associations ouvrières.* Гл. VI.

Но союзы не вездѣ такъ счастливы. Нѣкоторые владѣльцы копей ведутъ противъ нихъ войну на смерть; они безъ пощады выгоняютъ рабочихъ вступающихъ въ эти союзы, и тѣмъ или другимъ способомъ успѣваютъ ихъ разстроить. Одинъ изъ нихъ, г. Маркемъ, директоръ копей Стевли, оставленный рабочими за то что онъ требовалъ удаленія ихъ изъ союза, созвалъ ихъ на митингъ въ ту самую минуту, когда средства союза истощились. Онъ успѣлъ отвлечь отъ него нѣкоторыхъ изъ нихъ и тотчасъ же велѣлъ раздать имъ мяса и пива. Эти вышедшіе изъ союза рабочіе устроили большой обѣдъ, на который, по внушенію г. Маркема, пригласили тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые не согласились присоединиться къ нимъ. Человѣкъ триста, четыреста, говорилъ одинъ изъ свидѣтелей, дававшихъ показаніе въ коммиссіи, оставшіеся вѣрными союзу, бродили по окрестностямъ съ пустымъ желудкомъ. Когда они увидѣли массу говядины, приготовленную для пиршества, то готовы были съѣсть ее всю; они собрались на обѣдъ, каждый наѣлся вдоволь, и на другой день всѣ вернулись къ работѣ.

— Стало-быть, спросили свидѣтеля,—обѣдъ имѣлъ вліяніе на распущеніе союза?

— Онъ имѣлъ самое благопріятное вліяніе, простодушно отвѣтилъ тотъ.

Несмотря однако на эти средства и множество другихъ, союзы размножились, и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли несомнѣнную важность. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ Національная Ассоціація, организовавшаяся въ Лидсѣ и имѣющая уже 35.000 членовъ. Она есть не что иное какъ конфедерація союзовъ устроенныхъ въ различныхъ округахъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свои особые бюджеты и статуты. Она взимаетъ только по одному пенни съ каждаго члена, предоставляя этимъ мѣстнымъ обществамъ независимое веденіе ихъ дѣлъ. Она имѣетъ только цѣлію придавать ихъ усиліямъ общее направленіе, когда рѣчь идетъ объ изданіи законовъ наиболѣе благопріятныхъ для углекопа, объ охраненіи правъ каждаго члена и пр. При стачкахъ она дѣйствуетъ только косвенно; расходами на оныхъ завѣдуютъ мѣстные союзы, которые по временамъ бываютъ очень сильны. Такъ, напримѣръ, союзъ южнаго Йоркшира, основанный въ 1858 году, подраздѣляется на 48 вѣтвей и заключаетъ въ себѣ 7.000 членовъ, уплачивающихъ 10 шиллинговъ при всту-

пленіи и еженедѣльный взносъ отъ девяти пенсовъ до шиллинга. Тѣмъ не менѣе, Національная Ассоціація играетъ значительную роль, и президентъ ея, г. Макъ-Дональдъ, сообщилъ слѣдственной коммиссіи, что въ теченіи семи лѣтъ его президентства, сначала въ Шотландскомъ Обществѣ, потомъ въ Національной Ассоціаціи, онъ принималъ участіе въ 1.600 собраніяхъ, изъѣздилъ 230.000 миль и написалъ 17.000 писемъ.

Этотъ Макъ-Дональдъ лицо весьма интересное и оригинальное. Біографія его, изложенная нашимъ авторомъ, даетъ понятіе чѣмъ была недавно еще рудокопная работа въ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, сколько ума и энергіи употребляютъ нѣкоторые рабочіе на служеніе союзамъ:

„Макъ-Дональдъ родился, по его собственнымъ показаніямъ предъ слѣдственною коммиссіей, въ Шотландіи, сорокъ лѣтъ тому назадъ, и на девятомъ году отъ рожденія началъ работать въ желѣзныхъ рудникахъ. Нужно было вставать и зимой, и лѣтомъ въ два часа утра и возвращаться въ родительское жилище въ семь часовъ вечера. Въ продолженіе 16 или 17 часовъ, ребенокъ возилъ телѣжки по галлереямъ, мѣстами не болѣе 18-ти дюймовъ въ вышину, съ дурною вентиляціей, гдѣ угольная кислота скоплялась иногда въ такомъ количествѣ, что три, четыре лампы, поставленныя рядомъ, давали слишкомъ слабый свѣтъ для нагрузки руды. Поэтому-то изъ двадцати товарищей Макъ-Дональда ни одинъ не пережилъ этого тягостнаго дѣтства. Въ другомъ рудникѣ, гдѣ онъ работалъ, съ нимъ вмѣстѣ занимались до тридцати мальчиковъ и значительное число дѣвочекъ. Всѣ они, за исключеніемъ Макъ-Дональда и его брата, умерли отъ тягостной, несоразмѣрной съ ихъ силами работы; они угасли въ цвѣтѣ лѣтъ подъ вліяніемъ зараженной атмосферы, подобно жалкимъ лампамъ, не дававшимъ свѣта въ ихъ рукахъ. Несмотря на всѣ эти страшныя испытанія, и едва достигнувъ зрѣлаго возраста, молодой Макъ-Дональдъ посвятилъ себя самой тяжелой рудокопной работѣ чтобы получить болѣе жалованья и поскорѣе улучшить свое положеніе. Онъ принялся за прорытіе галлерей въ копяхъ, гдѣ нужно было работать по колѣно въ водѣ и подъ дождемъ, постоянно падающимъ съ потолковъ. Чтобъ избѣжать, говоритъ онъ, непріятнаго впечатлѣнія этой безпрерывной дýши, я погружался весь въ воду до начала работы. Несмотря на эту утомительную работу, онъ посѣщалъ вечерніе классы, въ то время только-что основанные для рабочихъ. Потомъ, какъ только онъ сколотилъ маленькую сумму и достигъ двадцати одного года, онъ раздѣлилъ свою жизнь на двое: лѣтомъ онъ продолжалъ ручную работу; зимой отправлялся въ Глаз-

говскій университетъ, изучая тамъ языки греческій и латинскій, риторику, математику; шесть мѣсяцевъ его студентской жизни стóили ему 60 фунт. стерл. Наконецъ онъ сдѣлался секретаремъ союза, и для отправленія этой должности оставилъ кирку и заступъ. Въ настоящее время довѣріе всѣхъ его товарищей доставило ему президентство Національной Ассоціаціи рудокоповъ." *

Понятно могущество, котораго могли достигнуть союзы, руководимые подобными людьми, и благотворное вліяніе, которое они могутъ имѣть на матеріальное и нравственное улучшеніе рабочихъ классовъ.

VIII.

Это благотворное вліяніе проявляется преимущественно въ хлопчатобумажной промышленности, гдѣ союзы многочисленны и прочно организованы. Долгое время война забастовокъ, которой хозяева противопоставляли свой *lock out*, продолжалась съ ожесточеніемъ въ этой громадной промышленности, какъ и во всѣхъ прочихъ. Но мало-по-малу рабочіе добились исполненія своихъ главныхъ требованій, а именно отмѣны *truck-shops*; наконецъ, въ продолженіе американскаго кризиса, вскорѣ истощившаго средства союзовъ, хозяева оказали великодушную помощь своимъ рабочимъ. Вслѣдствіе этого отношенія улучшились, и чувство взаимной вражды уступило мѣсто обоюдному желанію достигнуть полюбовнаго соглашенія. Тѣмъ не менѣе союзы рабочихъ остаются крѣпко организованными. „Справедливая ассоціація бумаго-прядильщиковъ" въ графствахъ Ланкастерскомъ, Честерскомъ, Йоркскомъ и Дербійскомъ, заключаетъ въ себѣ около двухъ третей рабочихъ этого промысла и составляетъ конфедерацію тридцати шести вѣтвей. Она управляется совѣтомъ уполномоченныхъ, въ числѣ 200 членовъ, и исполнительнымъ комитетомъ. Каждая вѣтвь имѣетъ свою особую кассу и можетъ, по желанію, употреблять ее исключительно на расходы по забастовкамъ или отдѣлять часть для обезпеченія помощи своимъ членамъ больнымъ или немощнымъ. Центральная администрація взимаетъ обыкновенно только по четверти пенни въ недѣлю съ каждаго изъ своихъ членовъ.

* *Les associations ouvrières en Angleterre*, глава VI.

Но въ случаѣ надобности, она можетъ наложить чрезвычайную контрибуцію, или для поддержанія мѣстной забастовки, затѣянной какою-либо вѣтвью, или для покрытія расходовъ по общей забастовкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предоставляетъ себѣ право отказывать въ своемъ утвержденіи мѣстнымъ забастовкамъ которыя она не находитъ основательными, и правомъ этимъ она нерѣдко пользовалась. Кромѣ того, въ тѣхъ забастовкахъ, которымъ она не могла воспрепятствовать, она употребляла свое вліяніе для противодѣйствія всякому насилію и беззаконному поступку. Наконецъ, между ея уполномоченными и довѣренными лицами отъ хозяевъ открыты были конференціи для составленія тарифовъ заработной платы. Принятые какъ тою, такъ и другою стороной за законъ, эти тарифы повышаются и понижаются смотря по тому насколько положеніе рынка дозволяетъ увеличивать или принуждаетъ уменьшать цѣну ручной работы. Главная цѣль ассоціаціи добиться введенія этихъ тарифовъ повсюду гдѣ они еще не введены, побудить къ соблюденію ихъ во всѣхъ статьяхъ и слѣдить за цѣной продуктовъ сырыхъ и выдѣланныхъ, дабы требовать во-время повышенія заработной платы и противиться ея пониженію только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ не настоитъ надобности. Она поставила себѣ также задачей наблюдать за исполненіемъ закона ограничивающаго десятью часами работу на мануфактурахъ и даже хлопотать, чтобъ это время сокращено было до восьми часовъ,—сокращеніе, которое рабочіе всѣхъ профессій считаютъ необходимымъ для сохраненія ихъ физическихъ силъ и для развитія ихъ умственныхъ способностей. Въ отношеніяхъ своихъ съ хозяевами она обнаруживаетъ миролюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ серіозное знаніе положенія промышленности и условій рынка. Такъ напримѣръ, въ письмѣ адресованномъ въ 1867 году къ стокпортскимъ владѣтелямъ филатуръ желавшимъ уменьшить заработную плату, союзъ, принимая во вниманіе скопленіе продуктовъ на рынкѣ, посовѣтовалъ имъ лучше сократить рабочее время. „Войны, финансовые кризисы, говорилъ онъ имъ, парализовали нашъ отпускъ: теперь нужно не увеличивать производство и не стараться понапрасну пониженіемъ заработной платы открывать рынокъ запертый скопленіемъ продуктовъ, но напротивъ того, сократить производство. Лучше оставьте

ваши мастерскія при половинной работѣ.“ Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, чѣмъ болѣе распространяются и укрѣпляются союзы рабочихъ, тѣмъ сдержаннѣе они становятся въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда они малочисленны и изолированы, то ихъ нерѣдко одушевляетъ духъ нетерпимости: по мѣрѣ того какъ они возрастаютъ, они яснѣе понимаютъ отвѣтственность за свои дѣйствія, избирательный механизмъ, постоянно примѣняемый въ ихъ средѣ, почти всегда ставитъ во главѣ ихъ людей достойныхъ, и бо́льшая часть рабочаго класса имѣетъ столько благоразумія, что повинуется таковымъ и слѣдуетъ ихъ примѣру, хотя эти избранники отнюдь не дѣлаются орудіями всѣхъ страстей и предразсудковъ господствующихъ между рабочими.

Авторъ приводитъ еще множество другихъ рабочихъ союзовъ, историческій очеркъ которыхъ онъ излагаетъ по документамъ слѣдственной коммиссіи. Въ числѣ ихъ замѣчательна лондонская ассоціація типографщиковъ, установившая въ 1810 году вмѣстѣ съ хозяевами тарифъ сохранявшій силу до 1866 года. Тогда только онъ былъ нѣсколько повышенъ, въ виду повышенія цѣнъ на всѣ предметы. За исключеніемъ трехъ, четырехъ, всѣ лондонскіе типографщики приняли тарифъ за основаніе своихъ контрактовъ съ рабочими: тѣ и другіе соблюдаютъ его какъ парламентскій актъ, и всѣ споры возникаютъ лишь отъ способа истолкованія онаго. Ассоціація типографщиковъ не только обезпечиваетъ матеріальное вспомоществованіе своимъ членамъ, но составила также для употребленія ихъ значительную библіотеку. Портные, умы которыхъ, повидимому, тѣмъ безпокойнѣе чѣмъ болѣе осуждено на неподвижность ихъ тѣло, часто заводятъ ссоры со своими хозяевами. Одна изъ ихъ забастовокъ подала поводъ къ приговору заслуживающему упоминанія. Вслѣдствіе митинга собиравшагося 22-го апрѣля 1867 года въ залѣ Альгамбры, портные-рабочіе постановили вступить въ забастовку противъ 88 хозяевъ и отказались отъ занятій въ числѣ 3.000 человѣкъ. Они разставили часовыхъ вокругъ жилищъ хозяевъ, дабы воспрепятствовать имъ вербовать новыхъ рабочихъ. Къ насиліямъ они не прибѣгали, но когда появлялись рабочіе подряженные хозяевами, то старались отговорить ихъ и даже платили значительное вознагражденіе чтобъ они удалились. Этотъ способъ *picketing* былъ заявленъ хозяевами предъ уголовнымъ судомъ, и хотя не было совер-

тено никакого насилія, но судъ присяжныхъ объявилъ ихъ виновными въ заговоръ (*conspiracy*). Рабочіе, въ свою очередь, старались найти въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ оружіе противъ своихъ хозяевъ. Извѣстясь что гг. Метчель и Гаррисъ адресовали къ остальнымъ членамъ ассоціаціи циркуляръ направленный противъ рабочихъ-уніонистовъ съ приглашеніемъ не давать имъ занятій, они пытались вызвать судебный приговоръ противъ нихъ за подобный образъ дѣйствій. Г. Друиттъ, президентъ лондонскаго союза портныхъ-рабочихъ, поддерживаемый однимъ изъ первыхъ адвокатовъ Англіи, сэръ-Джономъ Кольриджемъ, предъявилъ въ свою очередь обвиненіе противъ президента и секретаря ассоціаціи хозяевъ въ составленіи *заговора* съ цѣлію лишить рабочихъ средствъ къ жизни. Но судъ не нашелъ законнымъ дать ходъ этому обвиненію, хотя не допускать хозяевъ къ принятію на службу рабочихъ путемъ циркуляра почти одно и то же что не допускать путемъ устнаго убѣжденія рабочихъ къ занятію въ мастерскихъ. Приговоръ этотъ сильно взволновалъ рабочій классъ и помѣщенъ въ числѣ притѣсненій, устраненія коихъ требуютъ союзы рабочихъ, заявляя не безъ нѣкотораго основанія, что онъ постановленъ въ силу устарѣлаго законодательства, тяготѣвшаго надъ ними и запрещавшаго рабочимъ то что дозволялось ихъ хозяевамъ.

Союзы портныхъ-рабочихъ въ особенности содѣйствовали основанію Международной Ассоціаціи, имѣющей цѣлію распространеніе союзовъ рабочихъ на материкѣ, и въ особенности недопущеніе въ Англію рабочихъ материка, которыхъ, въ случаѣ забастовокъ, приглашаютъ къ себѣ хозяева. Международная Ассоціація поддерживается пособіями нѣкоторыхъ союзовъ рабочихъ, но субсидіи получаемыя ею изъ этого источника незначительны, ибо англійскіе рабочіе, люди по преимуществу практическіе, нисколько не расположены приносить жертвъ ради распространенія какой-либо идеи, и содѣйствуютъ всякому учрежденію только соразмѣрно съ пользой отъ него получаемою. Подъ руководствомъ прежнихъ французскихъ выходцевъ, пропитанныхъ революціонно-соціалистскими идеями и въ среду коихъ легко могли пробраться политическіе черные бараны, Международная Ассоціація до сихъ поръ распространяла болѣе дурные обычаи союзовъ рабочихъ чѣмъ хорошіе. Вмѣшательство ея въ женевскія и бельгійскія заба-

стовки породило прискорбныя насилія и возбудило агитацію, направленную болѣе къ поддержанію нѣкоторыхъ политическихъ замысловъ чѣмъ къ улучшенію быта рабочихъ.

IX.

Для пополненія этого краткаго очерка исторіи союзовъ рабочихъ, мы должны упомянуть о различныхъ попыткахъ, которыя были сдѣланы для примиренія интересовъ хозяевъ и рабочихъ посредствомъ *третейскихъ судовъ* или путемъ участія рабочихъ въ барышахъ предпріятій, дабы положить конецъ начетистой и пагубной борьбѣ между забастовками и *lock out*. Эти третейскіе суды учреждены были въ 1864 году, по иниціативѣ г. Кеттля, въ строительной промышленности Вольвергамптона, а въ 1860 году, въ шляпной промышленности Ноттингама, г. Монделлой. Въ Вольвергамптонѣ, г. Кеттль, избранный третейскимъ судьей въ одной забастовкѣ, созвалъ съ одной стороны уполномоченныхъ отъ хозяевъ, съ другой плотниковъ, штукатуровъ и кирпичниковъ, и собраніе это, подъ его предсѣдательствомъ, составило тарифъ заработной платы, который долженъ былъ оставаться въ силѣ въ теченіе одного года. Всѣ хозяева участвовавшіе въ этой конференціи обязаны были выставить установленный тарифъ въ своихъ мастерскихъ и выдавать копію съ онаго каждому рабочему, котораго они приглашали, объявляя ему что этотъ тарифъ составляетъ основаніе ихъ контракта. Во всякомъ случаѣ, этотъ контрактъ можетъ быть уничтоженъ въ теченіе 24 часовъ, въ случаѣ если обѣ стороны недовольны одна другою, но цѣна заработной платы не измѣняется въ теченіе года. Такъ какъ этимъ способомъ ручная работа опредѣляется въ началѣ сезона построекъ, то предприниматели могутъ съ полною увѣренностію составлять свои смѣты, а рабочіе, съ своей стороны, обезпечены отъ пониженія заработной платы, которое прежде совершенно внезапно измѣняло условія ихъ быта. Это было, какъ замѣчаетъ нашъ авторъ, настоящею продажей на срокъ, заключенною обѣими сторонами, и каждая изъ нихъ, въ случаѣ надобности, можетъ прибѣгнуть къ покровительству законовъ, такъ какъ уполномоченные, заключившіе оную, дѣйствовали въ качествѣ

повѣренныхъ отъ хозяевъ и отъ рабочихъ. Сдѣлка эта была возобновлена по истеченіи срока, что̀ служитъ яснымъ доказательствомъ, что она оказалась выгодною обѣимъ сторонамъ, и г. Кеттль былъ приглашенъ въ Ковентри, въ Ворсестеръ и въ другія мѣстности для введенія той же системы. Въ Ноттингамѣ третейское посредничество, учрежденное по иниціативѣ г. Монделлы, положило конецъ враждебному настроенію, вызывавшему безпрерывныя забастовки. Когда дѣла шли дурно, говорилъ г. Монделла въ своемъ показаніи предъ слѣдственною коммиссіей, мануфактуристъ притѣснялъ рабочаго чтобъ уменьшить заработную плату насколько возможно. Когда же наступала благопріятная минута, дѣла шли лучше, и плата могла быть повышена, хозяева, несмотря на увеличившійся спросъ на трудъ, всѣми силами старались не допускать повышенія. Рабочіе отправляли къ нимъ депутатовъ отъ своихъ союзовъ. Иногда ихъ выгоняли подъ тѣмъ предлогомъ что не признавали существованія союзовъ, иногда имъ отвѣчали: „Увидимъ что̀ сдѣлаютъ сосѣди“. Обошедши всѣхъ хозяевъ и встрѣтивъ повсюду такой пріемъ, рабочіе возвращались къ себѣ и провозглашали забастовку, которая длилась смотря по обстоятельствамъ. Тогда между мануфактуристомъ и рабочимъ начиналась борьба, все-таки оканчивавшаяся рано или поздно соглашеніемъ. Не лучше ли же было приступить къ этому соглашенію до борьбы? Вотъ что̀ думалъ г. Монделла наканунѣ *lock out*, вызваннаго частною забастовкой, продолжавшеюся 11 недѣль. Онъ успѣлъ созвать къ себѣ уполномоченныхъ отъ хозяевъ и отъ союзовъ рабочихъ и установить сообща основанія постояннаго третейскаго суда, которому предоставлялось рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о заработной платѣ. Судъ этотъ состоитъ изъ десяти хозяевъ и такого же числа рабочихъ, избранныхъ подачей голосовъ всѣми членами союзовъ. Вотъ уже восемь лѣтъ въ немъ предсѣдаетъ г. Монделла.

„Изъ сорока пяти хозяевъ (говоритъ нашъ авторъ), сорокъ два признали авторитетъ третейскаго суда и образовали общество для его поддержки, а десятеро уполномоченныхъ отъ рабочихъ, избранные всею массой ихъ товарищей, служатъ представителями двадцати тысячъ человѣкъ. Третейскій судъ установляетъ тарифъ заработной платы, которая назначается съ дѣла; тарифъ этотъ остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока дозволяетъ положеніе рынка, и если какое-нибудь колебаніе цѣнъ требуетъ его измѣненія, то сторона требующая онаго должна представить свою претензію въ

третейскій судъ за мѣсяцъ. Впрочемъ, измѣненія эти совершаются полюбовно. Нерѣдко рабочіе отказывались отъ повышенія платы, которое они сначала считали законнымъ, когда хозяева доказывали имъ, на основаніи цифръ, что подъ гнетомъ иностранной конкурренціи, они не могутъ согласиться на ихъ требованіе безъ потери рынковъ, гдѣ они сбываютъ свои продукты. Для вящаго ихъ убѣжденія, хозяева отправляли нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищей-рабочихъ во Францію и въ Германію. Съ другой стороны, они сами въ преніяхъ съ рабочими научились здраво судить объ условіяхъ труда: такъ, по представленію послѣднихъ, они рѣшились никогда не требовать отъ нихъ болѣе десяти-часовой работы. Согласіе водворилось между ними до такой степени, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ ни одного рѣшенія третейскаго суда не приходилось пускать на голоса.

„Рѣшенія его служатъ авторитетомъ для цѣлаго округа. Если нѣкоторые рабочіе, какъ это случалось раза два или три, задумаютъ имъ воспротивиться, то они не въ состояніи долго поддерживать свои притязанія. Хозяева, не признавшіе открыто третейскаго суда, принуждены все-таки на дѣлѣ сообразоваться съ его приговорами, ибо если кто-либо изъ нихъ вздумаетъ выдавать рабочимъ жалованье ниже тарифа, принятаго прочими фабрикантами, то послѣдніе не только не помогаютъ ему или не считаютъ своимъ долгомъ слѣдовать его примѣру, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ, но уничтожаютъ всѣ его усилія, соединяясь съ рабочими и доставляя занятія тѣмъ что̀ его оставили, для противодѣйствія этому несвоевременному пониженію. Такимъ образомъ хозяева и рабочіе, соединенные общими интересами, на дѣлѣ образуютъ одну ассоціацію, управляемую рѣшеніями третейскаго суда. Рабочій классъ обязанъ ему существенными улучшеніями. Онъ ему главнымъ образомъ обязанъ строгимъ соблюденіемъ закона, который прежде явно нарушался, закона запрещавшаго *trukh-shups* со всею вереницей ихъ злоупотребленій. Онъ обязанъ ему также уничтоженіемъ многихъ предразсудковъ, какъ, напримѣръ, вражды противъ машинъ, которая заставила *Luddites* взяться за оружіе. Вслѣдствіе этого союзы рабочихъ, бывшіе въ этой отрасли промышленности только промысловыми обществами (*Trade Societies*) и не имѣвшіе никогда вспомогательнаго фонда, дошли до того что не дѣлаютъ почти никакихъ издержекъ.“ *

Добрый примѣръ вызвалъ подражаніе. Третейскій судъ, подобный вышеописанному, установился въ кружевной промышленности въ Ноттингамѣ, и г. Монделла приглашенъ былъ для организаціи таковыхъ же въ рудокопныхъ округахъ Стаффордшира, въ строительной промышленности Брадфорда

* *Les Associations ouvrières en Angleterre.* Гл. IX.

и даже въ промышленности изготовленія пилъ въ Шеффильдѣ, съ помощью тѣхъ же союзовъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ не отступали ни предъ какимъ преступленіемъ для обезпеченія своего господства.

Кромѣ третейскихъ судовъ, установляющихъ полюбовно, на основаніи положенія рынка, таксу заработной платы и даже опредѣляющихъ цѣну за трудъ въ какой-либо промышленности на извѣстный періодъ времени, средствомъ противъ забастовокъ служатъ такъ-называемыя *кооперативныя* общества. Авторъ разбираемой нами книги видимо склоняется на сторону этого послѣдняго средства; по его мнѣнію, кооперативныя общества будутъ главнымъ орудіемъ сліянія интересовъ въ классахъ капиталистовъ и рабочихъ. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія онъ приводитъ результаты, правда, весьма замѣчательные, опыта сдѣланнаго г. Бриггсомъ, владѣльцемъ копей *Whitwood and Methley Junctions* въ южномъ Йоркширѣ. Этотъ г. Бриггсъ, выдержавшій ожесточенную борьбу противъ союзовъ, задумалъ попытаться положить имъ конецъ преобразованіемъ своего предпріятія въ кооперативное общество. Онъ велѣлъ подвергнуть оцѣнкѣ свои копи, которыя и были оцѣнены въ 90.000 фунт. стерл. Тогда онъ составилъ общество, капиталъ коего раздѣленъ былъ на 9.000 акцій по десяти фунтовъ каждая. Онъ и его товарищи оставили за собою двѣ трети акцій чтобы завѣдывать администраціей, остальную треть предложили публикѣ, и главнымъ образомъ рабочимъ, коимъ предоставлены были, при внесеніи денегъ за акціи, большія льготы. Съ другой стороны, г. Бриггсъ рѣшился допустить рабочихъ къ участію въ барышахъ по эксплуатаціи на слѣдующихъ условіяхъ: заработная плата будетъ выдаваться по той же таксѣ что̀ и въ сосѣднихъ копяхъ, и акціонеры получаютъ по 10% съ своего капитала. Если цифра барыша не достигаетъ этихъ процентовъ, то о дальнѣйшей раздачѣ не можетъ быть и рѣчи; но если она превышаетъ ихъ, какъ бываетъ обыкновенно, то излишекъ раздѣляется пополамъ между акціонерами и рабочими. Сумма заработной платы, полученная каждымъ изъ сихъ послѣднихъ въ теченіе года, служитъ основаніемъ распредѣленію между ними этой доли барыша. Какъ бы то ни было, въ видахъ привлеченія рабочихъ къ пріобрѣтенію акцій, доля назначенная акціонерамъ-рабочимъ была вдвое значительнѣе доли прочихъ акціонеровъ. Эта

привилегія оправдывается только въ половину; она можетъ возбудить озлобленіе между двумя разрядами рабочихъ, и поощряя однихъ, она отвращаетъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ опытъ доставилъ превосходные результаты: разработка копи увеличилась, благодаря приманкѣ, которую представляетъ рабочимъ возможность воспользоваться долей барыша, а также и надзору, который они имѣютъ другъ надъ другомъ. „Когда въ галлереяхъ, говорилъ одинъ изъ нихъ въ слѣдственной коммиссіи, мы находимъ на полу гвоздь, то мы его подбираемъ, повторяя слѣдующую фразу, обратившуюся у насъ въ поговорку: „Все-таки прибавокъ къ барышамъ въ концѣ года.“ На 989 взрослыхъ рабочихъ, употребляемыхъ въ копи, 144 пріобрѣли въ теченіе трехъ лѣтъ 178 акцій,—результатъ скромный, но весьма благопріятный для будущаго. Комбинація заслуживаетъ несомнѣнно полнаго одобренія, но, по моему мнѣнію, она далеко не имѣетъ того значенія, которое ей приписываетъ авторъ разбираемой нами книги. Въ дурные годы, напримѣръ, рабочіе, сверхъ ихъ заработной платы, не получаютъ никакой доли, и доля эта ничтожна сравнительно съ общею суммой заработной платы. Прибавимъ, что она могла бы пріобрѣсти нѣкоторую важность только подъ условіемъ чтобы рабочій участвовалъ въ рискахъ, какъ и въ барышахъ, что̀ отнюдь не поведетъ къ улучшенію его положенія. Итакъ участіе въ предпріятіи, встрѣчающее сверхъ того на практикѣ важныя затрудненія въ невѣжествѣ рабочихъ и въ скудости ихъ средствъ, не представляетъ истинно практическаго рѣшенія вопроса о заработной платѣ, и поэтому-то мы крѣпко сомнѣваемся чтобы кооперативныя общества могли, наконецъ, заступить мѣсто союзовъ рабочихъ, или чтобы союзы рабочихъ преобразовались въ кооперативныя общества.

X.

Въ нашей экономической системѣ есть пробѣлъ, который долженъ быть пополненъ со времени введенія свободы труда. Пробѣлъ этотъ есть отсутствіе посредника между предпринимателемъ промышленности *потребляющимъ* трудъ, и рабочимъ *производящимъ* его. Во всѣхъ прочихъ частяхъ системы посредники существуютъ: въ цивилизованныхъ странахъ, производитель какихъ-нибудь продуктовъ или услугъ только въ видѣ исключенія входитъ въ прямыя

сношенія съ потребителемъ. Торговля, служащая посредницей между тѣмъ и другимъ, пустила свои вѣтви повсюду и дала возможность разомъ и производителю пріобрѣсти болѣе обширный и выгодный рынокъ, и потребителю пріобрѣтать необходимые для него предметы правильнѣе и лучшаго качества. Разсматривая тщательнѣе союзы рабочихъ и изыскивая, имѣютъ ли они разумное основаніе, мы находимъ что они производятъ *торговлю трудомъ*, служатъ посредниками между рабочимъ и предпринимателемъ промышленности, подобно тому какъ купецъ есть посредникъ между производителемъ и потребителемъ, и что они обязаны оказывать обѣимъ сторонамъ, то-есть хозяину и рабочему, услуги, возможность которыхъ мы узнаемъ уже изъ свѣдѣній собранныхъ слѣдственною коммиссіей. Ошибочно было бы предполагать, что предпринимателю промышленности выгодно заключать договоръ прямо съ рабочимъ, взятымъ отдѣльно. Безъ сомнѣнія, въ большей части случаевъ, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ пріобрѣтаетъ большія преимущества. Столѣтіе тому назадъ Адамъ Смитъ замѣтилъ, что „землевладѣлецъ, фермеръ, мануфактуристъ, купецъ вообще могутъ прожить годъ или два фондами, которые у нихъ въ рукахъ, не употребляя ни одного рабочаго; между тѣмъ какъ бо́льшая часть рабочихъ не могли бы безъ занятія просуществовать и недѣли, весьма немногіе изъ нихъ протянули бы мѣсяцъ и, конечно, не нашлось бы ни одного, который могъ бы прожить годъ. Но вообще хозяинъ также мало можетъ обойтись безъ рабочаго, какъ и рабочій безъ хозяина, хотя потребность перваго не такъ безотлагательна.“ * Другими словами, хозяинъ въ бо́льшихъ размѣрахъ располагаетъ *временемъ* и даже *пространствомъ*, въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ отправляться гораздо свободнѣе для пріисканія рабочихъ чѣмъ рабочіе для пріисканія хозяевъ. Итакъ въ подобныхъ случаяхъ онъ можетъ предписывать законъ рабочему, налагать на него *тахітит* труда въ замѣнъ *тіпітит* заработной платы. Но опытъ начинаетъ доказывать, что съ точки зрѣнія хорошо понимаемыхъ интересовъ самихъ хозяевъ, эта возможность предписывать законъ рабочему и пользоваться его слабостію въ высшей степени вредна. Я оставляю даже въ сторонѣ чувство озлобленія противъ хозяевъ, возникающее по этому поводу между рабочими,

* Адама Смита *Богатство націй*. Кн. 1, гл. VIII.

и гибельныя потрясенія, которыя могутъ быть слѣдствіемъ этихъ дурныхъ чувствъ. Я держусь чисто матеріальной стороны вопроса. Опытъ доказываетъ, что побуждая рабочаго къ труду выше его силъ въ замѣнъ недостаточной платы, употребляя во зло работу женщинъ и дѣтей, въ окончательномъ результатѣ достигаютъ разстройства физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ рабочаго населенія. Рабочій истощается избыткомъ усилій отъ него требуемыхъ, и это истощеніе совершается еще быстрѣе, вслѣдствіе возбуждающихъ средствъ, каковы напримѣръ крѣпкіе напитки, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для своего подкрѣпленія. Что̀ изъ этого оказывается? По прошествіи нѣкотораго времени, при подобной системѣ, качество труда понижается, хорошіе рабочіе, столь же необходимые какъ и хорошія машины, становятся все рѣже, и между тѣмъ какъ легко добывать по дешевой цѣнѣ дурную работу, все дороже и дороже становится искусная, разумная и добросовѣстная работа человѣка молодаго, сильнаго и честнаго. Итакъ, въ окончательномъ результатѣ злоупотребленіе труда обращается во вредъ предпринимателю промышленности, который предполагаетъ имъ пользоваться, точно такъ же какъ и рабочему, становящемуся его жертвой. Но злоупотребленіе это неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока рабочій остается лицомъ къ лицу съ хозяиномъ. Какъ бы ни былъ расположенъ хозяинъ обращаться съ рабочимъ какъ можно справедливѣе, можетъ ли онъ не воспользоваться своимъ естественнымъ преимуществомъ при назначеніи заработной платы? Если рыбы много на рынкѣ, а покупщиковъ мало, то развѣ продавцы не принуждены бываютъ отдавать свой товаръ за безцѣнокъ, зная что онъ испортится, если они не сбудутъ его? Покупщики, пользуясь удобнымъ случаемъ, поступятъ отнюдь не безчестно, и несправедливо было бы обвинять ихъ въ намѣреніи эксплуатировать торговцевъ. Послѣдніе могутъ жаловаться только на обстоятельства заставившія ихъ потерпѣть убытокъ. Не то ли же самое бываетъ съ рабочимъ, представляющимъ на рынокъ продуктъ который онъ *не можетъ долго сохранить при себѣ*? Не совершенно ли естественно что хозяинъ, который имѣетъ менѣе потребности въ покупкѣ его чѣмъ рабочій въ продажѣ, и который находитъ его въ изобиліи, будетъ платить за него ниже настоящей цѣны, и рабочій будетъ не въ правѣ обвинять

хозяина въ намѣреніи его эксплуатировать? Виной этого зла — обстоятельства, и ихъ-то измѣнить необходимо. Необходимо создать положеніе, при которомъ рыба не привозилась бы на рынокъ въ излишествѣ, при которомъ, можно было бы удалить ее съ рынка и сохранить до болѣе благопріятной минуты, такъ чтобъ она не испортилась. Такое-то новое положеніе и пытаются создать въ настоящее время союзы рабочихъ для производителей и продавцовъ труда. Что дѣлаютъ они? Они собираютъ рабочихъ одной профессіи, и требуя отъ нихъ небольшаго взноса, предоставляютъ къ ихъ услугамъ коллективный капиталъ, дозволяющій имъ на будущее время, при назначеніи заработной платы, располагать, наравнѣ съ хозяиномъ, *временемъ и пространствомъ*. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ рабочій, изолированный и предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ, рѣдко могъ оставаться болѣе трехъ, четырехъ дней безъ работы, между тѣмъ какъ „его рыба портилась тотчасъ же“, рабочій принадлежащій къ союзу увѣренъ что онъ получитъ субсидію пока не найдетъ работы, то-есть располагаетъ *временемъ*. Если же у него нѣтъ работы достаточно вознаграждаемой въ той мѣстности гдѣ онъ находится, то союзъ выдастъ ему изъ своего „фонда на переселеніе“ сумму необходимую на переѣздъ; стало быть онъ располагаетъ *пространствомъ*; такъ какъ это придаетъ правильность условіямъ, при которыхъ опредѣляется такса заработной платы, то рабочій и можетъ получить справедливое вознагражденіе.

Вотъ существенная услуга, которую уже оказываютъ союзы рабочихъ и которую они будутъ оказывать все болѣе и болѣе обѣимъ сторонамъ, почти одинаково заинтересованнымъ въ достиженіи правильнаго устройства таксы заработной платы. Создавая *торговлю трудомъ*, они дадутъ возможность рабочимъ найти болѣе выгодное и болѣе правильное помѣщеніе для своего труда и вмѣстѣ съ тѣмъ доставятъ предпринимателямъ промышленности болѣе надежный запасъ этого необходимаго продукта. Можно пойти еще далѣе. Изучая роль, которую они уже играютъ въ Вольвергамптонѣ и Ноттингамѣ, можно предположить что они, наконецъ, замѣнятъ розничную продажу труда продажей ея оптомъ, какъ поступаютъ посредники въ другихъ отрасляхъ торговли, что хозяева будутъ, наконецъ, прямо съ ними договариваться

для доставленія потребнаго имъ труда, не сносясь лично съ рабочими, и тѣмъ избѣгая хлопотъ, издержекъ и потерь разнаго рода. Имъ останется только сосчитать количество труда имъ доставленное и провѣрить качество, а въ случаѣ несостоятельности онаго, они будутъ имѣть противъ отвѣтственной ассоціаціи средство, которое большею частію остается номинальнымъ въ отношеніи отдѣльнаго рабочаго. Можно допустить также что, покупая трудъ оптомъ у ассоціаціи снабженной капиталами, они будутъ пріобрѣтать его въ кредитъ, какъ и прочее суровье, или, по крайней мѣрѣ, будутъ уплачивать за работу векселями подлежащими учету, и что этимъ способомъ они въ состояніи будутъ сберечь значительную долю оборотнаго капитала, употребляемаго ими на выдачу заработной платы въ розницу. Безъ сомнѣнія, все это одни предположенія, но предположенія основанныя на естественномъ ходѣ, которому слѣдовали созданіе и развитіе прочихъ посредниковъ производства.

Союзы рабочихъ еще не дошли до этого, но очеркъ ихъ исторіи, представленный нами на основаніи свѣдѣній собранныхъ графомъ Парижскимъ, свидѣтельствуетъ что они уже совершили значительные успѣхи. Возникновеніе ихъ встрѣчало множество затрудненій. Строго запрещенные закономъ, они устраиваются подъ формой тайныхъ обществъ; члены ихъ собираются ночью, въ пустыряхъ покрытыхъ вереском, и изъ этихъ гонимыхъ сборищъ раздаются вопли гнѣва и вражды противъ предпринимателей промышленности покровительствуемыхъ закономъ. Сопротивленіе злоупотребленіямъ саларіата организуется въ формѣ заговора; на кару назначаемую закономъ противъ стачекъ, стакнувшіеся рабочіе отвѣчаютъ насиліемъ противъ отказывающихся дѣйствовать заодно съ ними; тайныя судилища изрекаютъ приговоры вѣроломнымъ братьямъ, измѣнающимъ дѣлу рабочихъ, и осужденные подвергаются казни, а полиція не въ состояніи отыскать виновныхъ. Изрекающіе и исполняющіе приговоры этого народнаго *Vehmgerichte* убѣждены что они выполняютъ священный долгъ; подобно тому какъ прежняя политика ставила интересы государства выше обыкновенныхъ законовъ справедливости и узаконяла самыя гнусныя преступленія, ссылаясь на *raison d'Etat*, интересъ профессіи становится верховнымъ закономъ для рабочаго въ борьбѣ съ привилегированнымъ классомъ, котораго онъ

считаетъ своимъ естественнымъ врагомъ. Онъ объявляетъ войну машинамъ, которыя представляются ему пособницами предпринимателей промышленности: истребители машинъ опустошаютъ самые промышленные округи Англіи; ихъ преслѣдуютъ, ловятъ, вѣшаютъ. Законъ торжествуетъ, но порядокъ возстановляется только на поверхности; враждебныя страсти таятся въ сердцахъ, и какъ только наступятъ благопріятныя обстоятельства, онѣ вызовутъ, можетъ-быть, соціальную революцію. Но въ присутствіи этихъ грозныхъ столкновеній, государственные люди, одушевляемые справедливостью и просвѣщенные наукой, подаютъ свой голосъ, разсматриваютъ жалобы рабочихъ и рѣшаютъ удовлетворить ихъ на сколько онѣ законны. Законы о стачкахъ отмѣняются, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершается реформа старинной системы торговой монополіи; новый духъ справедливости и свободы повѣялъ надъ Англіей, и реформы устраняютъ опасность революцій. Союзы рабочихъ перестаютъ быть тайными обществами, они размножаются свободно и вербуютъ въ свои ряды цвѣтъ англійскихъ рабочихъ. Безъ сомнѣнія, въ началѣ они сохраняютъ еще страсти и привычки созданныя прежнимъ порядкомъ: можно разомъ измѣнить законы, но нельзя разомъ измѣнить дурныя чувства, возникшія и развившіяся въ сердцахъ подъ вліяніемъ стѣснительныхъ и несправедливыхъ законовъ; нельзя также разомъ замѣнить наукой невѣжество. Союзы рабочихъ въ началѣ употребляютъ свое могущество и свои средства на служеніе страстямъ и невѣжеству рабочихъ классовъ. Они дѣлаютъ стачки болѣе грозными, и война между рабочими и хозяиномъ, ограничиваемая прежде извѣстною мѣстностью, становится общею. Она даже дѣлается безпощадною, потому что хозяева, испуганные новою силой, возрастающею противъ нихъ, не только отказываются признать ее или вступить съ нею въ переговоры, но еще требуютъ отъ своихъ рабочихъ чтобъ они отказались отъ союзовъ. Рабочіе доведенные до крайности уступаютъ, но какъ только пріобрѣтаютъ какія-нибудь новыя средства, то устраиваютъ снова ассоціаціи, могуществу коихъ хозяева воздали честь попытками къ ихъ преслѣдованію. Они возстановляютъ союзы и на служеніе имъ посвящаютъ тотъ же слѣпой фанатизмъ, который вызвалъ нѣкогда кровавые мятежи *Luddites* и въ послѣднее время повелъ къ шеффильдскимъ покушеніямъ.

Но, по естественному механизму ассоціацій, самые образованные и смышленые рабочіе приглашаются для руководства союзами. Опытъ даетъ имъ мало-по-малу болѣе вѣрныя понятія объ отношеніяхъ труда къ капиталу. Они пользуются организованнымъ могуществомъ, коимъ располагаютъ все разумнѣе и все менѣе прибѣгая къ насиліямъ. Они объясняютъ общественному мнѣнію жалобы рабочихъ; они обращаются съ петиціями къ парламенту о преобразованіи *truck system* и объ измѣненіи законовъ о работѣ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, они требуютъ отмѣны *master and servant act* и, наконецъ, подчиненія общему праву союзовъ рабочихъ, еще лишенныхъ покровительства законовъ. Эти справедливыя требованія принимаются одно за другимъ во вниманіе; только послѣднее еще не получило полнаго удовлетворенія, но рабочіе не отчаиваются добиться его. Мы помнимъ какъ два года тому назадъ, на конгрессѣ Международной Ассоціаціи въ Лозаннѣ, когда изложены были законы относительно союзовъ рабочихъ, когда заявлено было о рѣшеніи суда Королевиной Скамьи, дозволявшемъ безчестному кассиру безнаказанно расхищать кассу союза, то континентальные члены ассоціаціи, въ особенности Французы, произнесли по этому поводу всевозможныя революціонныя тирады; но англійскій уполномоченный поднялся, прося ихъ не мѣшаться въ это дѣло и объявляя что онъ съ друзьями своими представилъ этотъ вопросъ парламенту, и что они не сомнѣваются въ рѣшеніи его согласно съ справедливостію. Съ другой стороны, не прекращая выдачи субсидій рабочимъ при забастовкахъ, вожди союзовъ скоро замѣтили экономическіе недостатки такого порядка, несостоятельность его въ большей части случаевъ и огромныя потери которыя онъ наносилъ самимъ рабочимъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ удавалось одержать побѣду. Прежде они поддерживали всѣ забастовки безразлично, потомъ стали подвергать ихъ разбору, отличать полезныя забастовки отъ вредныхъ, поддерживать первыя и запрещать вторыя. Можетъ-быть, не далека уже минута, когда рабочіе совершенно откажутся отъ нихъ и примутся за средства болѣе дѣйствительныя и менѣе начетистыя для воспрепятствованія пониженію заработной платы. „Обвинять союзы рабочихъ въ изобрѣтеніи стачекъ и забастовокъ,“ говоритъ по этому поводу нашъ авторъ, —

„почти все-равно что утверждать будто бы изобрѣтеніе пороха есть причина всѣхъ нашихъ войнъ. Введеніемъ въ эту борьбу болѣе искусной тактики они, конечно, сдѣлали ее серіознѣе, но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ они вызывали ее чаще. Стараясь завоевать себѣ мѣсто въ общественномъ порядкѣ, они нерѣдко переходили за предѣлы своего законнаго вліянія, но когда мѣсто это ими уже завоевано, то они могутъ сдѣлаться современемъ и новымъ элементомъ производительной силы, и прочнымъ залогомъ согласія. Многіе изъ ихъ вождей уже высказываютъ громогласно надежду на такую счастливую будущность.“ *

Такимъ образомъ, убѣдясь что законъ *спроса и предложенія* управляетъ цѣной на трудъ также какъ и цѣной на всѣ прочіе предметы, союзы рабочихъ, наиболѣе разумные, устроили, какъ мы видѣли въ началѣ этой статьи, *капиталъ для переселенія*, съ цѣлію очистить рынокъ отъ излишка труда, стѣсняющаго его, и что они правильно выдаютъ пособіе тѣмъ изъ своихъ членовъ которые перемѣщаются чтобы найти рынокъ болѣе выгодный. Чрезъ посредство своихъ корреспондентовъ они извѣщаются о положеніи рынка и доставляютъ рабочимъ свѣдѣнія о положеніи спроса и предложенія работы въ различныхъ частяхъ Англіи и колоній, чего они прежде была лишены. Мы видѣли также что въ хлопчато-бумажной промышленности, напримѣръ, они довольно вѣрно знаютъ колебанія производства, чтобы по нимъ соразмѣрить свои требованія по самому положенію спроса; словомъ, они начинаютъ заниматься *торговлей труда* какъ опытные негоціанты. Итакъ, мы безошибочно можемъ сказать, что появившись на свѣтъ въ формѣ новаго боеваго орудія, они сдѣлаются мало-по-малу средствомъ къ установленію порядка и мира въ области труда. Рабочему, производителю труда, не доставало содѣйствія торговли въ сношеніяхъ съ покупщикомъ, которому слишкомъ часто обстоятельства, а иногда и законы, даютъ возможность опредѣлять условія рынка. Содѣйствіе это доставляютъ ему союзы рабочихъ; они даютъ ему возможность продавать трудъ свой на тѣхъ же условіяхъ равенства относительно покупщиковъ которыя уже существуютъ, благодаря посредничеству торговли, въ прочихъ отрасляхъ мѣны. Союзы рабочихъ упраздняютъ жалобу на „эксплуатацію рабочаго хозяиномъ при системѣ саларіата“,

* *Les Associations ouvrières en Angleterre*, гл. IX.

которая преимущественно предъ всякою другою причиной распространила *соціализмъ* между невѣжественными массами материка, лишенными права ассоціаціи; жалобу, основанную на томъ что изолированіе рабочаго лишеннаго средствъ слишкомъ часто предоставляло его на произволъ хозяина, но незаконную въ томъ смыслѣ, что на хозяина нельзя было возлагать отвѣтственности за положеніе котораго онъ не создавалъ и отъ котораго онъ имѣлъ къ тому же самыя обманчивыя выгоды.

Итакъ, движеніе союзовъ рабочихъ имѣетъ исключительную важность, и читатели, пробѣжавъ это извлеченіе изъ дѣльной книги которую написалъ графъ Парижскій съ цѣлію познакомить съ ними Францію, вѣроятно, не обвинятъ меня въ преувеличеніи за то, что я назвалъ ихъ *великимъ фактомъ*. Очевидно, они не замедлятъ распространиться на материкѣ подобно другому великому факту—свободной торговлѣ, иниціатива коей также принадлежитъ Англіи, и желательно было бы чтобы правительства и предприниматели промышленности, оцѣнивъ всю пользу этого факта, заключающаго въ себѣ услуги которыя оказываетъ „торговля трудомъ“, не испугались борьбы и безпорядковъ сопровождавшихъ введеніе ихъ въ Англіи, и чтобъ они поощряли ихъ учрежденіе, а не противились ему. Когда механизмъ, отсутствіе или недостаточность коего породили жалобы послужившія орудіемъ соціализму, пріобрѣтетъ настоящее развитіе, то соціализмъ, потерявъ всякій *raison d'être*, если не исчезнетъ совершенно, то по крайней мѣрѣ утратитъ свое вредное вліяніе на общественный порядокъ.

Во Франціи учрежденіе союзовъ рабочихъ встрѣчаетъ еще препятствіе закона въ статьѣ 291-й уголовнаго кодекса, запрещающаго не-торговыя ассоціаціи. Въ настоящую минуту отмѣны этой статьи настоятельно требуютъ публичныя собранія. Не знаю, уступитъ ли правительство этому требованію; если оно отвергнетъ его, то, можетъ-быть, окажется возможнымъ обойти препятствіе, которое 291-я статья полагаетъ развитію „торговли трудомъ“, устройствомъ ассоціацій рабочихъ съ тою же цѣлію какую имѣютъ *Trades Unions*, но подъ фирмой торговыхъ ассоціацій. Какъ бы то ни было, графъ Парижскій оказалъ своимъ соотечественникамъ великую услугу, представивъ имъ совокупность фактовъ, которые

вывела на свѣтъ слѣдственная коммиссія о союзахъ рабочихъ и которые, можетъ-быть, заключаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ проблемы о правильномъ опредѣленіи таксы заработной платы безъ всякаго вмѣшательства правительства, лучшее средство противъ соціализма и самую дѣйствительную предохранительную мѣру противъ опасностей соціальной революціи.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ

ВЪ ЦАРѢГРАДѢ

Лѣтомъ 1863 года я жилъ въ Царѣградѣ и весьма внимательно слѣдилъ за тѣмъ что̀ творится въ Польшѣ. Глупостей я дѣлалъ много, и въ оправданіе себѣ могу привесть только одно, что дѣлалъ ихъ отъ чистаго сердца. Возился съ Черкесами праваго фланга, которые меня чуть-чуть не выбрали себѣ въ султаны, да и выбрали бы, еслибы не испугались Поляковъ. Возился я съ Болгарами, которымъ хотѣлъ внушить нигилизмъ; возился съ Поляками, дѣло которыхъ казалось мнѣ совершенно правымъ; и въ то же время, хотя съ весьма малымъ успѣхомъ распространялъ ассигнаціи „Земли и Воли“, тайнаго общества, которое не знаю изъ кого состояло, и которое почему-то предложило мнѣ быть его агентомъ. Ассигнаціи эти были литографированы очень красиво на сѣренькой бумажкѣ и выдавались каждому жертвовавшему на общество, въ видѣ квитанцій и въ видѣ свидѣтельствъ о гражданской нравственности. Было ихъ у меня штукъ двѣсти. Съ невѣроятными усиліями собралъ я для „Земли и Воли“ рублей двадцать пять, а остальныя бумажки пришлось куда-то забросить.

1863 годъ былъ годъ чрезвычайно тяжелый и горькій для всѣхъ бывшихъ въ оппозиціи съ правительствомъ. До этого года казалось что всевозможныя мнимо-*прогрессивныя* идеи имѣютъ у насъ успѣхъ, и что побѣда останется на сторонѣ людей называвшихъ себя *передовыми*. Еслибы Поляки были

ю благоразумнѣе, и еслибъ они держались системы маркиза Велёпольскаго, — можетъ-быть, дѣло ихъ было бы выиграно и, можетъ-быть, не совершилось бы страшное паденіе нашей революціонной партіи. Поляки постарались сами испортить свое дѣло. Ненужныя и фразистыя демонстраціи, ненужный протестъ противъ умѣренности Велёпольскаго силой вызвали повстаніе. Повстаніе разбудило въ русскомъ народѣ чувство патріотизма; все встрепенулось, партіи слились въ одно цѣлое. Позабылись всевозможныя домашнія дрязги, и русскій народъ, какъ всегда, дружно всталъ для сохраненія своего государства. Исчезли партіи, исчезли домашніе счеты.... Это была одна изъ торжественнѣйшихъ минутъ русской исторіи. Все слилось воедино, все встало какъ одинъ человѣкъ, чуть только Поляки сдѣлали внутренній вопросъ вопросомъ международнымъ. Сочувствуя имъ тогда всею душой, я съ ужасомъ видѣлъ, что они въ своихъ дѣлахъ обращаются къ протекціи французскихъ и англійскихъ консуловъ, и что они грозятъ намъ иностраннымъ вмѣшательствомъ. Какъ я ни плохо зналъ тогда русскій народъ, но я инстинктомъ понялъ что дѣло ихъ будетъ проиграно. Покуда споръ между ними и нами былъ споромъ домашнимъ, до тѣхъ поръ на ихъ сторонѣ было много партизановъ изъ Русскихъ. Они свою распрю съ нами изъ домашней сдѣлали общеевропейскою, вынесли соръ изъ избы—и оборвались.

Раздосадованный и глубоко оскорбленный неудачей польскаго дѣла, которая очевидно влекла за собой неудачу и нашего революціоннаго дѣла,—въ хандрѣ, въ тоскѣ сидѣлъ я въ своей квартирѣ въ Царѣградѣ и ясно сознавалъ что мы, русскіе революціонеры, заживо умираемъ, что нашъ вѣкъ прошелъ, что наша роль сыграна, что дѣлать намъ болѣе нечего, а особливо тѣмъ изъ насъ которые, подобно мнѣ, имѣли несчастіе сдѣлаться эмигрантами. Особенно рѣзко пришлось мнѣ это замѣтить по моимъ тогдашнимъ сношеніямъ съ старообрядцами. До начала возстанія дунайскіе старообрядцы относились къ Полякамъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Бо́льшая часть изъ нихъ были выходцы изъ такъ-называемаго „забраннаго края“, т.-е. изъ западныхъ губерній, и помнили, что во времена Рѣчи По́сполитой имъ въ Польшѣ жилось недурно. Если шляхта и Евреи нѣсколько и тѣснили своихъ Малороссовъ и Бѣлороссовъ, то старообрядцы наши

жили въ Польшѣ свободно и ничего противъ нея не имѣли. Въ систему дѣйствій тогдашней русской революціи и польской инсуррекціи входилъ планъ привлечь на свою сторону старообрядцевъ, благо и они принадлежали къ числу недовольныхъ правительствомъ. Планъ этотъ, созданный отчасти мною самимъ, и для котораго я забрался въ Турцію, дѣятельно приводился въ исполненіе. Какъ ни мало было у меня сношеній съ дунайскими сектами, но я добился все-таки того, что уговорилъ двоихъ изъ вліятельнѣйшихъ между ними людей подать или турецкому, или румунскому, или нашему правительству, адресъ въ пользу Поляковъ. Переговоры эти происходили въ Царѣградѣ, въ моей квартирѣ; и эти два человѣка, по слову которыхъ дѣйствительно могъ бы создаться подобный адресъ, согласились со мною, и согласились совершенно искренно. Я не имѣю ни малѣйшаго повода думать чтобъ они хитрили со мной. Вопервыхъ, у нихъ не было никакой цѣли меня обманывать, а вовторыхъ—они такъ глубоко прониклись моими убѣжденіями и такъ искренно къ нимъ пристали, что сомнѣваться въ нихъ я не имѣлъ и не имѣю до сихъ поръ ни малѣйшаго основанія. Изъ Царяграда они уѣхали: одинъ въ Турцію, другой въ Молдавію, снабженные отъ меня прокламаціей, написанною мною самимъ,—съ осьмиконечнымъ крестомъ въ началѣ,—церковными буквами, которую я за довольно серіозныя деньги и съ большимъ рискомъ сумѣлъ отлитографировать въ Царѣградѣ. Затѣмъ комитетъ „Земли и Воли“ прислалъ мнѣ ящикъ своихъ прокламацій,—къ русскимъ офицерамъ, къ русскимъ солдатамъ, къ русскому народу,—который я, тоже съ невѣроятными усиліями, укралъ изъ Турецкой таможни. Укралъ, потому что въ Турціи все-таки существуетъ иностранная цензура, и какъ турецкое правительство подъ часъ ни сочувствуетъ всему что̀ можетъ насолить русскому правительству, но все-таки официально подобныхъ штукъ оно не поощряетъ. При помощи разныхъ связей, ящикъ этотъ былъ мною изъ таможни выкраденъ, принесенъ въ мою квартиру. Стало-быть, дунайскіе старообрядцы были снабжены въ изобиліи всѣмъ что̀ ихъ могло, если не двинуть, то подтолкнуть на протестъ и на пропаганду противъ русскаго правительства.

Нравственно подчинивъ себѣ ихъ вліятельныхъ людей, я вполнѣ вѣровалъ, что дѣло идетъ впередъ, и что не сегодня—

завтра появится старообрядскій протестъ противъ образа дѣйствій правительства относительно Поляковъ. Мѣсяца два или три выжидалъ я этого заявленія, выжидалъ терпѣливо, спокойно. Какъ вдругъ одинъ изъ этихъ моихъ агентовъ воротился въ Константинополь съ Дуная, проживъ на родинѣ съ мѣсяцъ или съ два.

— Ну, что же, подали адресъ? спросилъ я его.

— Сейчасъ, братецъ ты мой, я въ русскомъ посольствѣ былъ. Подалъ.

— Да какъ же онъ написанъ? копіи нѣтъ?

— Ить грѣхъ какой, не захватилъ съ собой.

— Что жь тамъ написано, въ протестѣ въ вашемъ?

— Ну, что написано! Написано и такъ, и этакъ, слово въ слово какъ съ тобой говорили. Одно слово, все въ порядкѣ.

Какъ написано было, и что было написано—я не добился; мой старикъ очевидно хитрилъ и юлилъ, служилъ и нашимъ и вашимъ; но понятно было, что если онъ не доставилъ мнѣ копіи адреса, то адресъ этотъ написанъ не совсѣмъ въ томъ тонѣ который былъ для насъ нуженъ, и я пересталъ разспрашивать. Мнѣ стало грустно, тяжело, и за насъ, чающихъ движенія воды, и за Поляковъ.... Мѣсяца черезъ три я узналъ содержаніе поданнаго имъ адреса, и то узналъ стороной, именно отъ Садыкъ-паши, которому былъ данъ за него нагоняй въ Блистательной Портѣ. Въ этомъ адресѣ задунайскихъ старообрядцевъ было сказано, что они „всѣ готовы положить головы за Русь за матушку, за Царя за батюшку“, что они благодарятъ Государя за освобожденіе крестьянъ и за облегченіе старой вѣрѣ, а что такъ какъ теперь Поляки бунтуютъ, то они въ случаѣ нужды,—„буде тебѣ, Царь Государь, понадобимся,“—Поляка въ баранiй рогъ свернутъ; выраженій я не помню, но смыслъ былъ таковъ. Замѣтьте, что это писали турецкіе подданные, поуходившіе изъ Россіи кто за вѣру, кто за бороду, кто за *шалости*. Старообрядецъ, который отъ души взялся устроить подобное дѣло въ Молдавіи, тоже пріѣхалъ въ Царьградъ, и какъ человѣкъ неспособный лгать, но на столько лично ко мнѣ привязанный что не рѣшался меня огорчать, только моталъ головой и говорилъ, что старики на это дѣло несогласны, что дѣло совсѣмъ не подходящее—они люди темные, и что наконецъ, еслибы написали имъ изъ Москвы, съ Рогожскаго кладбища, что такой адресъ подавать слѣдуетъ, то они бы его подали, но что изъ

Москвы пишутъ имъ чтобы молились объ избавленіи отъ всякаго врага и супостата.

Дѣло было очевидно проиграно. Было горько, тяжело, досадно, но каждый человѣкъ имѣетъ слабость обнадеживать себя и предполагать что далеко еще не все потеряно, что послѣ зимы весна наступитъ. Не хотѣлось вѣрить что приходится слагать оружіе, признавать себя побѣжденнымъ; что слѣдуетъ самому себѣ признаться въ несостоятельности своихъ доводовъ, въ неприложимости своего ученія.

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней, помнится, весной 1863 года, явился ко мнѣ поручикъ Горнштейнъ и отрекомендовался по-русски, съ сильнымъ польско-еврейскимъ акцентомъ, что онъ служитъ въ турецкихъ казакахъ и очень желаетъ со мной познакомиться. Это былъ господинъ весьма невысокаго роста, весьма бѣлокурый и нѣсколько рыжеватый, съ длиннымъ еврейскимъ носомъ и съ еврейскими глазками. Изъ разказовъ его оказалось, что онъ родился въ Бердичевѣ, гдѣ и былъ сданъ въ солдаты, служилъ въ какихъ-то драгунахъ, и въ Крымскую войну, изъ негодованія на русскій деспотизмъ, перешелъ къ союзникамъ, очутился въ Турціи, поступилъ въ турецкіе казаки, дослужился до поручика и сдѣлался при Садыкъ-пашѣ чѣмъ-то среднимъ между коммиссаромъ-провіантмейстеромъ или квартирмейстеромъ и факторомъ.

Какъ всѣ Евреи, которыхъ судьба вырвала изъ ихъ міра, онъ былъ большой либералъ и человѣкъ нетрусливый. Поляковъ онъ ненавидѣлъ, а себя считалъ *Украинцемъ* и мечталъ о возстановленіи малороссійскаго гетманства, Сѣчи Запорожской, въ которой, по его словамъ, никто не хлопоталъ *о вѣрѣ*, въ которой уважалась личная доблесть и всякаго рода рыцарства, а на ссору Евреевъ съ Малоруссами смотрѣлъ какъ на отсталость.—„Я вамъ скажу“, говорилъ онъ мнѣ своимъ гортаннымъ акцентомъ, „что Еврей, который родился въ Бердичевѣ, такой же Украинецъ какъ и хлопъ, что если дѣйствительно въ старыя времена казаки вѣшали на одной осинѣ Жида, ксендза и пса, то это было дѣломъ совершенно домашнимъ, и свою ненависть къ католикамъ и къ Евреямъ основывали они на религіозномъ фанатизмѣ. Теперь времена другія. У насъ на Украйнѣ народъ теперь сталъ образованнѣе; Евреи считаютъ себя такими же гражданами какъ и

хлопы, и до такой степени освободились отъ предразсудковъ, что я самъ ѣмъ не только трефное мясо, но даже и свинину. Какъ Украинецъ, я терпѣть не могу Поляковъ. Это люди съ предразсудками, которымъ ихъ шляхетскія права дороже правъ человѣческихъ, которые больше говорятъ чѣмъ дѣлаютъ, у которыхъ политическаго такта нѣтъ. У насъ въ полку съ ними возня постоянно. Военная служба требуетъ дисциплины. Посмотрите какъ въ Россіи все это устроено: воротникъ мундира всегда долженъ быть застегнутъ на всѣ пуговицы. Турки еще до сихъ поръ не привыкли къ порядку. У нихъ всегда или галстукъ на боку, или кацавейка изъ подъ-мундира торчитъ, или же турецкіе офицеры носятъ разнопарные сапоги, изъ рукавовъ высовывается оборванная рубашка. Но Туркамъ это можно простить, потому что они еще не такъ давно стали цивилизоваться, болѣе привыкли къ народному костюму; тогда какъ Полякамъ, которые у насъ служатъ, подобная небрежность совершенно непростительна. Вы меня никогда не застанете незастегнутымъ, потому что я былъ въ русской службѣ. Хоть я врагъ Русскихъ, т.-е. Москалей, но еслибъ я имѣлъ власть, я бы въ турецкомъ войскѣ ввелъ исключительно русскіе порядки. Къ счастію еще, что у насъ въ казацкомъ и въ драгунскомъ полкахъ бо́льшая часть офицеровъ были въ русской службѣ и дисциплину [понимаютъ. По-моему, безъ палки съ солдатами ничего не подѣлаешь“.... Поручикъ Горнштейнъ, иначе Хуршидъ-бей, * чрезвычайно меня заинтересовалъ, и я не преминулъ воспользоваться его знакомствомъ, а воспользоваться имъ стоило. Оказалось что онъ правая рука Чайковскаго, который тогда былъ во Ѳракіи, а жена его жила въ Скутари, т.-е. въ томъ же Константинополѣ, только на азіятской сторонѣ Босфора, и я отправился къ ней съ визитомъ.

Мадамъ Садыкъ-паша была высокая, худенькая старушка,

---

* Всѣ не-мусульмане состоящіе въ турецкой службѣ: Поляки Нѣмцы, Французы, Англичане, не переходя даже въ мусульманство, выбираютъ себѣ какое-нибудь мусульманское имя, такъ какъ съ именами не-мусульманскими Турки справляются съ большимъ трудомъ. Горнштейнъ не былъ ренегатомъ, но носилъ турецкое имя единственно для удобствъ Турокъ.

которая въ молодости, должно-быть, обладала замѣчательною красотой. Несмотря на ея шестьдесятъ лѣтъ, вся ея фигура дышала такою граціей и такимъ изяществомъ, какія встрѣчаются далеко не каждый день. Тонкія черты лица, нѣсколько горбатый носъ, маленькія руки, маленькія ноги и маленькія уши—все заявляло, что въ молодости она не одного человѣка свела съ ума. Я знаю исторію этой женщины. Она была дочь Андрея Снядецкаго, извѣстнаго виленскаго профессора математики, блистала въ лучшихъ виленскихъ кружкахъ, жила богато, широко и влюбилась въ какого-то русскаго генерала (кажется, Римскаго-Корсакова), который въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ зачѣмъ-то посланъ въ Турцію и умеръ, говорятъ, на Дунаѣ, сраженный тамошнимъ тифомъ. Несчастная женщина бросилась отыскивать его могилу. Судьба занесла ее въ Константинополь. Она была характера восторженнаго, увлекающагося—Константинополь ей понравился. Она завела грумовъ, верховыхъ лошадей и производила фуроръ. Въ это время въ Константинополь попалъ Чайковскій, такой-же блестящій; они сошлись и, по ея милости, онъ сдѣлался мусульманиномъ. Онъ обвѣнчался съ нею по-мусульмански, и она жила въ гаремѣ; выходила изъ дому въ желтыхъ сапогахъ, въ фереджѣ и въ яшмакѣ, т.-е. съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ и съ турецкимъ салопомъ на плечахъ. Въ гаремѣ у Чайковской кромѣ ея, разумѣется, никого не было, и доступъ къ ней вовсе не былъ затруднителенъ. Домъ Чайковскаго распадался, какъ домъ всякаго турецкаго паши, на двѣ половины—на мужскую и женскую. Ходъ на обѣ половины былъ отдѣльный. На мужской половинѣ (селамлыкъ—гостиная) кромѣ диванов ничего не было; на женской половинѣ была красивая европейская мебель, тамъ обѣдали, пили чай, и тамъ можно было провести время какъ въ любомъ европейскомъ домѣ. Старуха Снядецкая ходила дома какъ европейская дама, въ чепчикѣ, и изъ всего восточнаго, какъ она, такъ и Чайковскій, носили только короткія лисьи шубки, похожія на наши тѣлогрѣйки: костюмъ чрезвычайно удобный и чрезвычайно красивый. Побывавъ раза два или три у Снядецкой, женщины очень остроумной, хандрящей до нѣкоторой степени, брюзгливой, но въ то же время чрезвычайно милой и занимательной, я познакомился и съ самимъ Михаиломъ Иларіоновичемъ, по

возвращеніи его изъ Θракіи. Съ нею и съ нимъ мы почти постоянно говорили по-русски.

Потомокъ какого-то малороссійскаго гетмана, если не ошибаюсь, Выговскаго, Чайковскій родился въ Бердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и выросъ въ уніатствѣ. Католиковъ и Поляковъ онъ не терпѣлъ, но стоялъ, по семейнымъ традиціямъ, за свободу южной Руси. Сынъ богатаго помѣщика, онъ былъ отправленъ родителями въ Одессу, гдѣ и кончилъ курсъ въ лицеѣ.

Въ числѣ тогдашнихъ профессоровъ былъ Гулакъ Артемовскій, извѣстный украинофилъ, который вдохнулъ молодому человѣку преувеличенныя идеи о южно-русской народности, о ея самостоятельности, о ея казакахъ и о ея курганахъ. Михаилъ Иларіоновичъ ходилъ въ своемъ имѣніи на клиросъ по праздникамъ, на псовую охоту ѣздилъ по буднямъ, жилъ себѣ бариномъ, какъ вдругъ наступилъ 1832 годъ, когда зашевелились всѣ земли бывшей „Рѣчи Посполитой“. Полный вѣры въ будущность Украйны и въ то же время, какъ уніатъ, дорожившій союзомъ этой Украйны съ Польшей, Чайковскій вмѣшался въ инсуррекціонные комитеты, и въ одно прекрасное утро къ нему нахлынула въ домъ полиція со взводомъ жандармовъ. Сконфуженный, испуганный, онъ не могъ отказать имъ въ правѣ произвести розыскъ, и ждалъ что его отвезутъ въ Бердичевъ, какъ вдругъ весь его дворъ и весь его домъ наполнился мужиками. Староста съ нѣсколькими мужиками вошли къ нему въ кабинетъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ полицейскими, поклонились ему и, не говоря худаго слова, скрутили полицейскимъ руки назадъ:—„нашего пана не трогайте, нашъ панъ добрый, мы за него Бога молимъ“. Хотя довольный, но все-таки испуганный этимъ заявленіемъ преданности своихъ крестьянъ, Чайковскій освободилъ полицейскихъ, но въ тотъ же вечеръ снарядилъ изъ своихъ дворовыхъ отрядъ украинскихъ казаковъ и вступилъ въ возстаніе: другаго выхода ему не было.

Польская кампанія, какъ извѣстно, кончилась тѣмъ что польское войско перешло чрезъ границу и прошло отъ Варшавы до Парижа, напѣвая знаменитую мазурку: „Jeszcze Polska nie zginięła.....“ Чайковскій тоже присоединился къ регулярному войску, и тоже очутился въ Парижѣ. Онъ былъ человѣкъ свѣтскій, образованный, хотя и довольно поверхностно,

былъ хорошъ собой, бойко говорилъ по-французски, умѣлъ блистать. Кое-какіе доходы съ имѣнія доходили до его рукъ. Онъ былъ поэтъ въ душѣ, фантастъ, каждому дѣлу отдавался цѣликомъ. Года черезъ два послѣ пріѣзда своего въ Парижъ женился на какой-то Француженкѣ. Бракъ этотъ оказался неудачнымъ; онъ ли вышелъ виноватъ, или она—въ супружескихъ отношеніяхъ постороннему человѣку судьей быть трудно,—только дѣло разрѣшилось тѣмъ что они, приживъ двухъ сыновей, разошлись. Человѣкъ талантливый, одаренный живымъ воображеніемъ, негодуя на русское правительство и, въ то же время, негодуя на Поляковъ, Чайковскій взялся за перо и сталъ писать въ Парижѣ разказы изъ украинскаго быта. Разказы его отчасти напоминаютъ Гоголя, Основьяненко, Шевченко и вообще всѣхъ южно-русскихъ писателей, которые старались изобразить казацкій бытъ. Талантъ у Чайковскаго не изъ очень сильныхъ; отсутствіе серіознаго изученія южно-русской исторіи въ высочайшей степени замѣтно, какъ съ тѣмъ вмѣстѣ замѣтно и его политическое пристрастіе къ Полякамъ, хотя лично онъ ихъ не терпѣлъ. Запорожскіе и всѣ вообще малороссійскіе казаки являются у него благородными рыцарями, которые борются противъ польскихъ притязаній. Но борьба съ Поляками представляется у него скорѣе рыцарскимъ турниромъ чѣмъ вопросомъ о народномъ существованіи. Не терпя Поляковъ, Чайковскій все-таки находитъ въ нихъ свѣтлыя стороны, и если обвиняетъ ихъ, то обвиняетъ въ мазурской бездарности и безтолковости, и признаетъ что они съ Южно-Руссами составляютъ чуть не одно племя, тогда какъ Москали народъ-де туранскій, лишенный всякихъ гражданскихъ и личныхъ добродѣтелей, развратный, полукочевой, жаждущій завоеваній и подавляющій всякаго рода свободу. Лучшіе романы Чайковскаго пропитаны исключительно такимъ направленіемъ. Бунты малороссійскихъ казаковъ противъ Польши подъ перомъ его являются не то рыцарскими подвигами, не то недоразумѣніями. Всю вину разлада Южно-Руссовъ съ Поляками сваливаетъ онъ на мѣстную администрацію. Южно-русскій и польскій народъ братья, которыхъ ссорили безтолковая шляхта и безтолковые іезуиты, грѣшившіе избыткомъ усердія. Но такъ какъ Поляки и Южно-Руссы принадлежатъ къ чистѣйшему

славянскому племени; такъ какъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ нѣтъ примѣси туранской крови, преизобилующей-де у Москалей, то самою судьбою они обязаны жить по-братски, не уступая другъ другу ни въ чемъ и охраняя каждый свою независимость. Союзъ ихъ, потому, не только можетъ, но и долженъ быть естественнымъ, ибо у нихъ есть одинъ общій врагъ—выродившаяся Чудь, говорящая славянскимъ нарѣчіемъ и исповѣдующая схизму, т.-е. Москали. Южно-Руссы, какъ народъ принадлежащій къ европейскому племени, не чужды общеевропейской цивилизаціи, что̀ и доказывается существованіемъ у нихъ магдебургскаго права, а вдвойнѣ доказывается еще тѣмъ, что основатель южно-русскаго государства, великій князь Владиміръ, равно какъ и бабка его, великая княгиня Ольга,—были *уніатами* (!). Восточный обрядъ, которому слѣдуетъ южно-русская народность, разумѣется, соблюдать должно, такъ какъ этотъ обрядъ не только народный, но и завѣщанъ равноапостольными Кирилломъ и Меѳодіемъ. Но изъ-за обряда ссориться съ цивилизованными народами Запада — не сливаться во едину, святую, соборную и апостольскую церковь, значитъ не что̀ иное какъ заявлять свою *отсталость*....

Покуда Чайковскій писалъ свои разказы изъ казацкаго быта, скучалъ въ эмиграціи и задыхался въ средѣ своей семейной жизни, покойный князь Чарторыйскій точно такъ же скучалъ и задыхался.

Князь Адамъ Чарторыйскій былъ русскимъ министромъ, игралъ важную роль въ сѣверо-западномъ краѣ и чуть-чуть не надѣлъ на себя корону Ягеллоновъ. Долго таилъ старикъ свои завѣтныя мечты о возстановленіи Польши, ловко обманывая наше правительство. Возстаніе 1832 года выбросило князя Адама въ Парижъ и отняло у него всякое политическое значеніе. Но бывшій русскій министръ, состоявшій въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ испанскими Бурбонами, магнатъ, капиталистъ—волей-неволей былъ личностью весьма и весьма замѣтною въ Парижѣ. Его принимали въ лучшихъ парижскихъ домахъ; Польша и тогда была въ модѣ, и тогда пользовалась сочувствіемъ въ ущербъ Россіи. Кандидатъ въ Польскіе короли не могъ оставаться въ Парижѣ незамѣченнымъ. Старикъ Талейранъ не преминулъ свести съ нимъ знакомство.

— Скучно мнѣ здѣсь въ Парижѣ," сказалъ разъ князь

Адамъ Талейрану.—Мы, Поляки, народъ безтолковый; мы народъ рыцарскій, народъ способный на величайшія самопожертвованія, но признаюсь вамъ, у насъ, по крайней мѣрѣ въ массѣ, до такой степени господствуетъ отсутствіе здраваго смысла, что Москали разбиваютъ насъ на каждомъ шагу. Посмотрите на нашихъ эмигрантовъ здѣсь во Франціи, вѣдь насъ сюда пошло нѣсколько тысячъ. Мы безполезны для васъ и безполезны для нашего святаго дѣла. Дѣло свое въ Польшѣ мы потеряли вслѣдствіе нашей собственной неурядицы; а здѣсь, въ Западной Европѣ, мы безполезны и для себя, и для васъ.

Князь Адамъ говорилъ это, разумѣется, искренно и, разумѣется, съ тою тоской, съ которою можетъ Полякъ говорить о безтактности польскихъ дѣятелей.

— Жалко мнѣ васъ, князь, отвѣчалъ Талейранъ,—и жалко мнѣ васъ тѣмъ болѣе, что я не въ силахъ пособить вашему дѣлу. Вашъ благородный, хотя, какъ вы говорите, легкомысленный народъ не можетъ не заслуживать сочувствія каждаго образованнаго человѣка. Я Французъ, а вы знаете что даже во времена великой революціи Французы прежде всего были патріотами. Солдатъ уважаетъ солдата, хотя бы изъ непріятельскаго лагеря, et la Pologne étant la France du Nord et les Polonais les Français du Nord—notre gloire est souillée par les Cosaques du Don. Наконецъ, по-просту говоря, насъ смущаетъ возрастаніе грубой московитской силы, основанной на деспотизмѣ и ужь разъ поругавшей Францію казацкими бивуаками aux champs Elysées; вы сами, cher prince, понимаете что въ интересы прогресса и цивилизаціи входитъ возстановленіе Польши, ибо Польша, c'est la barrière de la civilisation contre l'Asie. Но я, старый дипломатъ, поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ не такъ какъ поступаютъ vos compatriotes.

— Какъ же бы вы поступили, спросилъ князь Адамъ, сильно заинтересованный словами подобнаго эксперта въ дипломатическомъ дѣлѣ.

— А вотъ какъ, князь, отвѣчалъ онъ:—Пруссія и Австрія, которыя владѣютъ частями Польши, нынѣ до такой степени ничтожны, что вы не можете считать ихъ вашими серіозными врагами. Въ коалиціи онѣ, разумѣется, могли имѣть нѣкоторое значеніе, но значеніе это онѣ получили только чрезъ поддержку Русскихъ. Это два государства, которыя даже и

существуютъ только по желанію русскаго императора. Франція могла бы ихъ уничтожить, но наше новое французское правительство, нашъ roi bourgeois, до такой степени не энергичны и безцвѣтны что, какъ не помогли, вамъ, такъ и не помогутъ. У васъ есть одинъ врагъ, c'est l'empire moscovite—врагъ сильный, врагъ серіозный, который способенъ сжечь Москву, и который пользуется обаяніемъ на всемъ азіятскомъ и европейскомъ востокѣ. Дайте ему свободу, онъ перенесетъ свою столицу въ Константинополь, и граница его протянется съ берега Адріатическаго моря, подъ ворота Вѣны. Кто еще знаетъ? Не даромъ боятся Англичане что онъ завладѣетъ и Индіей: Московиты въ наше время играютъ роль бича Господня надъ Европой; только ими и держится деспотизмъ, только на нихъ и опирается вся реакція, ихъ штыками поддерживаются всѣ мелкіе германскіе троны..... Поставьте себѣ задачей, князь, спасти отъ нихъ цивилизацію. Вы и ваши соотечественники знаете ихъ порядки, ихъ языкъ, ихъ нравы, ихъ пріемы, слѣдите за ихъ дѣйствіями на Востокѣ и, работая для Европы, охраняя ее отъ нашествія варваровъ, вы освободите отъ нихъ ваше собственное отечество. Я знаю что между вашими эмигрантами есть много людей талантливыхъ, способныхъ ко всякаго рода дипломатической дѣятельности. Пошлите ихъ на Востокъ и поставьте стражами противъ русскихъ интригъ. *

Князь Адамъ задумался—совѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень не глупый.....

— Хорошо, сказалъ онъ,—да съ чего же начать?

— Начать, отвѣчалъ Талейранъ,—по-моему, надо съ турецкаго посольства. Турецкій вопросъ стоитъ теперь на очереди: постарайтесь сблизиться съ Портой и постарайтесь имѣть при ней своихъ агентовъ.

Князь Адамъ познакомился съ турецкимъ посольствомъ въ Парижѣ и сталъ приглашать къ себѣ его членовъ, одного за другимъ. Члены посольства были Турки, весьма не хитрые, бойко лепетавшіе по-французски; но ни одинъ изъ

---

* Подробности этого разговора переданы мнѣ лицами, слышавшими его отъ самого князя Адама, въ числѣ которыхъ я могу упомянуть покойнаго князя Витольда; такъ что, если я ошибаюсь въ словахъ, то никакъ не ошибаюсь въ общемъ смыслѣ и въ духѣ этого разговора.

нихъ не оказался пригоднымъ для задуманнаго дѣла. Вниманіе князя остановилось только на одномъ Туркѣ; это былъ Решидъ-эфенди, человѣкъ еще молодой, развязный, понятливый, имѣющій большія связи въ Стамбулѣ и серіозно изучающій всякія европейскія отношенія. Чарторыйскій и Решидъ сблизились, поняли другъ друга, сознали выгоду союза Польши съ Турціей, и въ весьма скоромъ времени, при ходатайствѣ французскаго посольства, Решидъ-эфенди превратился въ Решидъ-пашу, получилъ всевозможную поддержку и сдѣлался великимъ визиремъ.

Въ это самое время, въ средѣ польской эмиграціи, задыхался отъ своего неудачнаго брака Михаилъ Иларіоновичъ Чайковскій. Князь Адамъ, отыскивавшій нужнаго человѣка между Турками, точно также отыскивалъ его и между Поляками. Какъ-то въ горькую минуту, когда старикъ Чарторыйскій раздумывалъ объ устройствѣ польскаго агентства на Востокѣ, вошелъ къ нему Чайковскій.

— Князь, сказалъ онъ,—я слышалъ, вы затѣваете какое-то дѣло въ Турціи, а меня давно тянетъ на Востокъ, тамъ жизнь шире, тамъ предки мои, украинскіе казаки, играли роль. Въ Парижѣ скучно,— я бы хотѣлъ туда поѣхать. Не дадите ли мнѣ какой-нибудь миссіи: дѣло Польши и дѣло казачье, на мой взглядъ, одно и то же; врагъ у насъ общій, освободимся отъ него; возстановимъ наши права и заживемъ или врагами, или братьями.

— Послушайте, отвѣчалъ бывшій русскій министръ,— я васъ знаю, пане Чайковскій, за человѣка талантливаго, умнаго и дѣятельнаго; такихъ людей какъ вы мнѣ нужно; но позвольте мнѣ, въ мои лѣта, быть скептикомъ. Поѣзжайте на Востокъ, дѣлайте тамъ что хотите, я вамъ достану рекомендательное письмо во французское посольство; но остальное, то-есть сближеніе съ Турками, вы сами себѣ устройте. Если вы его устроите, стало-быть, вы годитесь для дѣла, если нѣтъ, стало-быть, не годитесь. Поѣзжайте, и да благословитъ васъ Богъ за ваше чистое побужденіе, за вашу любовь къ нашей общей отчизнѣ! Пишите мнѣ, а тамъ увидимъ.

Чайковскій очутился въ Царѣградѣ.

— Странно мнѣ было, разказывалъ онъ мнѣ, — въ первый разъ попасть на Востокъ! Много стараго проснулось у меня въ душѣ: такъ и показались мнѣ наши чубатые казаки, на

чайкахъ (на лодкахъ) разъѣзжавшіе по Черному морю и показывавшіе свою геройскую удаль. Не одинъ нашъ гетманъ, попавшись въ плѣнъ, мѣнялъ вѣру христіанскую на исламъ, и опять ворочался домой христіаниномъ, и опять велъ войско запорожское и казацкое противъ Татаръ, и опять разорялъ берега Чернаго моря. Когда я вошелъ въ стамбульскія улицы, я почувствовалъ кровную связь между мною и моими отцами. Малороссія и Турція имѣютъ между собою тѣсную связь, которая основана не только на рыцарскомъ духѣ обѣихъ народностей, но и на общей выгодѣ бороться противъ варваровъ Москалей. Я вручилъ свои рекомендательныя письма французскому посольству и, первымъ дѣломъ, обзавелся драгоманомъ; по-турецки я тогда, разумѣется, не зналъ ни слова. Мы отправились къ тогдашнему великому визирю. Это былъ старый Турокъ, хоть и одѣтый по-европейски, вслѣдствіе реформы введенной султаномъ Махмудомъ, но сохранившій всѣ старые турецкіе порядки. Онъ жилъ по-старому, на широкую ногу; къ нему каждый могъ приходить обѣдать, не будучи съ нимъ знакомъ и не дожидаясь его приглашенія. У него еще водились старинные турецкіе чубуки, украшенные жемчугомъ, изумрудами и брилліантами. Я вошелъ къ нему, поклонился и, по турецкому обычаю, присѣлъ на софѣ. Драгоманъ мой сѣлъ подлѣ меня. Прошло съ полчаса покуда паша переговорилъ съ прочими посѣтителями.... Ваше высочество, заставилъ я говорить своего драгомана, который блѣднѣлъ, краснѣлъ и удивлялся моей рѣчи, но который долженъ былъ переводить все что̀ я говорилъ;— ваше высочество, вы великій визирь въ Турціи, а я польскій шляхтичъ и потомокъ украинскихъ казаковъ. Въ послѣднее возстаніе я воевалъ съ Московитами, и по ихъ милости, за то что защищалъ права и вольность Украйны, потерялъ отечество и долженъ былъ искать пріюта во Франціи. Во Франціи мнѣ было не только скучно, но тамъ я чувствовалъ себя безполезнымъ. Какъ вамъ извѣстно, каждый шляхтичъ имѣетъ право на польскую корону. Быть польскимъ королемъ я, само-собою разумѣется, не собираюсь; вопервыхъ, потому что я казакъ, а вовторыхъ, потому что, откровенно сказать, не надѣюсь что меня въ польскіе короли выберутъ; но я человѣкъ способный, искренно люблю свое отечество, и искренно хлопочу о его освобожденіи, и пріѣхалъ я къ

вамъ въ Турцію за тѣмъ, чтобы предложить вашему высочеству и правительству Блистательной Порты мой личный союзъ. Врагъ у насъ съ вами общій; вы не знаете его языка, вы не знаете его системы, вы не знаете его плановъ. Я берусь охранять васъ противъ русскихъ интригъ, и обѣщаю вамъ что буду союзникъ надежный и полезный. Дайте мнѣ дѣло, укажите какія интриги ведетъ здѣсь петербургское правительство: я вамъ распутаю всевозможные узлы. Если вы мнѣ не вѣрите, то я, не спрашивая вашего позволенія, самъ возьмусь за дѣло, и вы не раскаетесь въ гостепріимствѣ, которое вы мнѣ, казаку и польскому шляхтичу, окажете.

Великій визирь, какъ разказываетъ Чайковскій, удивился, но пожалъ ему руку, поблагодарилъ его за предложеніе.... и мѣсяца черезъ два Чайковскому было положено Высокою Портой жалованье.

Не могла Порта не положить ему жалованья и не признать его офиціальнымъ польскимъ агентомъ, потому что дѣйствительно у нея не было, да и нѣтъ человѣка преданнѣе и распорядительнѣе его. Извѣстно, что Турки народъ вообще очень честный и крайне неспособный къ веденію какого-либо рода интригъ. Они завоеватели, но не администраторы и не дипломаты. Съ водвореніемъ ихъ въ Европѣ, дипломатами ихъ были Греки, и большинство представителей ихъ при европейскихъ державахъ до сихъ поръ набирается изъ фанаріотовъ, что̀ видно даже по именамъ ихъ посланниковъ. Но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка Греки сильно потеряли кредитъ у Порты, которая не безъ основанія заподозрила ихъ въ симпатіи, если не къ Россіи, то къ идеѣ возстановленія Византійской имперіи, и потому стала искать новыхъ пособниковъ. Самымъ лучшимъ изъ нихъ оказался, разумѣется, Михаилъ Иларіоновичъ Чайковскій. Онъ изумилъ Порту богатствомъ своихъ свѣдѣній о ходѣ мнимыхъ русскихъ интригъ на Балканскомъ полуостровѣ. Чуть не каждый день открывалъ онъ русскихъ агентовъ; вездѣ указывалъ на заговоры и измѣну: Порта приходила въ ужасъ и цѣнила его какъ столпъ и опору Оттоманской Имперіи. Какіе это агенты и какія интриги раскрывались—вопросъ другой. Стоило Болгарину или Греку по торговымъ дѣламъ побывать въ Москвѣ, или просто въ Одессѣ, и воротиться оттуда съ деньгами русскаго чекана, чтобы на него былъ поданъ доносъ будто онъ

подославъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Поставить икону русскаго письма въ сербскую церковь значило, да и до сихъ поръ значитъ, стремиться подойти подъ власть святѣйшаго синода, то-есть стряхнуть съ себя иго цареградской патріархіи. Чайковскій первый поднялъ вопросъ о богослужебныхъ книгахъ: какъ извѣстно, въ Турціи нѣтъ типографій для печатанія славянскихъ церковныхъ книгъ. Книги, по которымъ совершается богослуженіе у Болгаръ и у Сербовъ, или рукописныя, или до такой степени старыя, * что недостатокъ въ церковномъ обиходѣ составляетъ весьма серіозный вопросъ для мѣстнаго благочестиваго славянскаго населенія. Недостатокъ этотъ пополнялся и до сихъ поръ пополняется изданіями святѣйшаго синода. Но въ этихъ изданіяхъ на выходѣ поминается имя Государя Императора и всего царскаго дома, для обозначенія когда напечатана книга. Въ требникахъ указывается чинъ моленія за царствующій домъ, и даже въ такихъ ужасныхъ выраженіяхъ какъ: „благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго Государя Императора *нашего*....“ „побѣды на супротивныя даруй“, „христолюбивое воинство“, словомъ, много вещей, которыя, разумѣется, несовмѣстны съ вѣрноподданствомъ Славянъ Высокой Портѣ, а точно также и съ подчиненіемъ тамошнихъ православныхъ церкви цареградской. Въ этихъ требникахъ хотя и поминаются вселенскіе патріархи, но святѣйшій синодъ кидается въ глаза болѣе чѣмъ патріархи Константина-града и Новаго Рима.

Чтобъ отличиться предъ турецкимъ правительствомъ, заслужить его довѣріе и въ то же время препятствовать южнымъ Славянамъ на каждомъ шагу ихъ сближенія съ Россіей, Чайковскій напалъ на эти требники и сдѣлалъ изъ нихъ чуть не государственный вопросъ. Турки, которые богослужебныхъ книгъ христіанскихъ не читаютъ, потому что они и своихъ книгъ не читаютъ, перепугались, узнавъ что дѣйствительно во многихъ христіанскихъ церквахъ молятся за „благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго Государя Императора“, за его христолюбивое воинство и за святѣйшій правительствующій синодъ. Цареградская патріархія тоже обрадовалась этому

---

* За исключеніемъ двухъ-трехъ книгъ печатанныхъ въ типографіи Болгарина г. Экзарха.

открытію—со Славянами у нея распря идетъ не на животъ, а на смерть. Превозносители единства константинопольской церкви уже начали истреблять древне-болгарскія библіотеки и поэтому оказались отличными пособниками Чайковскому въ разрушеніи московитскихъ интригъ. Они тоже спасали Славянъ отъ мглы и хлада сѣвернаго. Общими силами, фанаріоты, Поляки, Армяне-католики, при помощи французскаго посольства, раскинули по Турціи цѣлую сѣть шпіоновъ. Французскіе консулы, обыкновенно, народъ не получившій блестящаго образованія: ихъ набираютъ изъ мелкихъ чиновниковъ парижскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, или изъ людей почему-либо имѣющихъ протекцію у министра. Какъ Французы вообще, французскіе консулы убѣждены что Парижъ есть центръ міра, что Французы самый передовой народъ, что интересы Франціи суть интересы цивилизаціи, и что еслибы какой-нибудь катаклизмъ погубилъ Францію, то родъ человѣческій впалъ бы въ варварство. Если Французъ ѣдетъ служить въ Турцію, то онъ смотритъ на себя исключительно какъ на миссіонера-проповѣдника французской цивилизаціи, какъ на человѣка который долженъ внушить варварамъ достоинство парижскихъ модъ, bons mots и заставить ихъ благоговѣть предъ существующимъ французскимъ правительствомъ, которое, во всякомъ случаѣ, единственный на земномъ шарѣ провозвѣстникъ идей великой націи.

Несмотря на врожденную Французамъ потребность къ дѣятельности и агитаціямъ, французскіе дипломатическіе агенты никакъ не могли сойтись со Славянами, потому что драгоманами у нихъ были, по большей части, Греки, фанаріоты, дурно расположенные къ Славянамъ. А Славяне сами сойтись съ Французами не могли, потому что по-французски не знаютъ. Чайковскій блестящимъ образомъ разрубилъ этотъ гордіевъ узелъ. Теперь почти въ каждомъ французскомъ консульствѣ переводчиками, секретарями, по крайней мѣрѣ разсыльными, служатъ *Поляки*, разумѣется изъ эмигрантовъ, и эти Поляки непремѣнно агенты или Чарторыйскаго или Мѣрославскаго. Намъ кажется, что если Турція просуществуетъ еще лѣтъ съ двадцать, то даже и консулы французскіе будутъ кровные Поляки, что̀ ужъ и начинается. Понятно подъ какой надзоръ попали Славяне, и какъ прочно и крѣпко организовалась эта своего рода полиція.

Каждый изъ членовъ ея ужь и прежде былъ туркофиломъ, а сверхъ того, связанный личнымъ интересомъ съ французскимъ правительствомъ и съ Hôtel Lambert, онъ долженъ, во что̀ бы то ни стало, заявлять свою дѣятельность неусыпнымъ надзоромъ за мѣстными славянскими и греческими передовыми людьми. Рапортъ требуется съ него, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ. Хоть эти рапорты и пишутся въ видѣ простыхъ дружескихъ писемъ, хотя въ сношеніяхъ между собою эмигрантовъ нѣтъ ничего офиціальнаго и формальнаго, но все-таки каждому хочется отличиться другъ предъ другомъ своею дѣятельностію. Матеріалу много не наберешь, но за сплетнями дѣло никогда не станетъ: одинъ сказалъ такое-то неосторожное слово, другой другое, и изъ-за неосторожнаго слова выходитъ исторія.

Но благодаря польской безтактности, эта организація шпіоновъ оказывается теперь крайне вредною для самого польскаго дѣла. Славяне вездѣ встрѣчали Поляковъ по-братски, слушали ихъ разказы о русскомъ варварствѣ, о Сибири, качали головой, крутили усы и говорили что все-таки Бѣлый Царь нашъ Царь, потому что онъ *христіанскую вѣру* исповѣдуетъ.

Въ странѣ подобной Турціи, гдѣ свободному слову и свободному мнѣнію довольно просторно, если не по закону, то по турецкой безпечности, люди рѣдко ссорятся изъ-за убѣжденій. Болгары и Сербы отлично сжились бы съ Поляками, которые учили ихъ мазуркѣ и французской кадрили, на сторонѣ которыхъ былъ прекрасный полъ, видящій въ нихъ избавителей отъ духоты теремовъ; но Поляки, первымъ же дѣломъ, до такой степени круто повели пропаганду противъ Россіи и противъ православія, что отъ нихъ все мало-по-малу стало отшатываться. Поляки вездѣ видѣли русскія деньги, вездѣ видѣли русскія интриги. Они во имя интересовъ цивилизаціи стали подавать доносы на Славянъ. Доносы эти оказывались большею частію неосновательными, основанными или на недоразумѣніяхъ, или на пустыхъ сплетняхъ, такъ что Турки и Греки, при всемъ желаніи найти поводъ къ обвиненію, оправдывали подсудимыхъ, предварительно надѣлавъ имъ, разумѣется, всевозможныхъ непріятностей.

Чѣмъ крѣпче усаживались Поляки во французскихъ консульствахъ, чѣмъ болѣе сближались они съ австрійскими консулами, которые ихъ, впрочемъ, не очень-то долюбливаютъ,

тѣмъ шире и шире становилась пропасть между ними и южными Славянами. Передовые люди славянства съ Поляками не ссорятся и не заявляютъ къ нимъ ни малѣйшей вражды, но за то довольно назвать себя въ Турціи Полякомъ чтобы никто изъ мѣстныхъ жителей вамъ не довѣрялъ. Русскаго, Француза, Англичанина зазовутъ въ гости, Поляка никогда, развѣ въ случаѣ крайней надобности, или когда того непремѣнно требуетъ вѣжливость.

Болгаре считаютъ почти преступленіемъ, измѣной народному дѣлу, говорить съ Поляками о своихъ народныхъ дѣлахъ; а когда Поляки завели для-нихъ, при помощи Французовъ, унію, то Болгаре перестали даже знаться съ Французами, возненавидѣли Англичанъ и Американцевъ за проповѣди протестантства, и не изъ особенной преданности православію, а просто потому что перемѣна вѣры, по мѣстнымъ условіямъ, значитъ здѣсь перемѣна народности. Армяне грегоріанскаго вѣроисповѣданія патріоты, Армяне-уніаты считаютъ себя почти Французами и болѣе соблюдаютъ интересы *цивилизаціи* чѣмъ армянской народности. По милости Поляковъ болгарскій народъ чуть-чуть не распался на нѣсколько вѣроисповѣданій, по милости Поляковъ затрудненно поступленіе болгарской молодежи въ наши гимназіи и университеты; затруднено полученіе русскихъ книгъ, газетъ, хотя французскія и всякія другія, даже революціонныя, они могутъ читать совершенно свободно; по милости Поляковъ болгарскія церкви лишены церковной утвари, приходскіе уѣздные учителя подвергаются ежеминутной опасности быть обвиненными въ пропагандѣ панславизма. Словомъ, Чайковскій, служа Польшѣ, сдѣлалъ услугу Россіи, потому что южные Славяне, кромѣ Россіи, не видятъ теперь ни одной державы, ни одной силы, которая помогла бы имъ безкорыстно. Если Россія для нихъ очень мало дѣлаетъ, то все-таки она ничего имъ положительно не обѣщаетъ и не интригуетъ въ ихъ средѣ, какъ интригуютъ Французы и Австрійцы.

Другимъ, тоже блестящимъ дѣломъ Чайковскаго были сношенія съ Кавказомъ, при помощи его агента-Поляка, настоящаго имени котораго я теперь не помню, но извѣстнаго въ Сербіи и на Кавказѣ подъ именемъ Ленуара. Это былъ человѣкъ очень бойкій, ловкій, дѣятельный, умѣвшій всюду пробраться и вездѣ замутить воду. Чайковскій сблизился въ Царѣградѣ съ горцами нашего праваго фланга, которые

постоянно ѣздили въ Царьградъ, какъ мы Русскіе ѣздимъ въ Парижъ. Царьградъ для Черкесовъ имѣлъ значеніе столицы міра. Тамъ они заимствовались манерами, тамъ учились грамотѣ, утверждались въ мусульманствѣ, узнавали о политикѣ и заискивали протекціи у Порты. Порта никогда ни въ чемъ не отказываетъ и обѣщаетъ все. Вы можете добиться аудіенціи у великаго визиря и представить ему записку о выгодахъ заведенія турецкихъ колоній въ Архангельскѣ, или подать прошеніе о присылкѣ турецкихъ войскъ въ Костромскую губернію, которую вы намѣрены взбунтовать и сдѣлаться въ ней владѣтельнымъ княземъ вассальнымъ Турціи. Вамъ скажутъ что это очень трудно, но если вы станете настаивать, васъ попросятъ подождать покуда дѣло поступитъ въ „Диванъ“ (государственный совѣтъ). Но если и тамъ дѣло затянется, то вы можете просить пересмотрѣть ваше прошеніе; положительнаго отказа вамъ не будетъ. Вамъ будутъ говорить что Порта очень цѣнитъ ваше предложеніе, обсуждаетъ его, и готова помочь вамъ хоть сію минуту, но при настоящемъ положеніи ея дипломатическихъ отношеній съ прочими державами, она находитъ себя вынужденною попросить васъ *подождать*. Порта никогда ни отъ чего не отказывается; она поддерживаетъ всѣхъ, она обѣщаетъ все, она сочувствуетъ всему и не дѣлаетъ ровно ничего. Черкесы постоянно получали отъ Порты завѣренія что она очень сочувствуетъ ихъ дѣлу, и что поможетъ имъ, но что такъ какъ въ настоящую минуту политическія, финансовыя и другія отношенія.... то Черкесамъ надобно подождать. Черкесы и ждали, пока не подвернулся Чайковскій со своимъ агентомъ.

Вопервыхъ, разсуждалъ онъ, Черкесы народъ такой же рыцарскій народъ какъ Поляки и Южно-Руссы,—это народъ который имѣетъ дворянство, то-есть который чтитъ и личную доблесть, и доблесть предковъ; а народъ который могъ произвести изъ себя родовую аристократію имѣетъ стремленіе къ высшимъ идеаламъ, къ идеаламъ чести, рыцарства, сталобыть ко всему изящному и великому. Аристократъ, не нуждаясь въ черной работѣ, можетъ жить жизнью рыцаря и поэта, а потому ему не чуждъ доступъ къ сокровищницѣ искусствъ и знанія, вѣками накопленной родомъ человѣческимъ. Онъ почерпнетъ изъ нея науку и искусство и передастъ ихъ массѣ чернаго народа. Благородному племени Черке-

совъ грозитъ печальная участь быть завоеванными грубыми и дикими Московцами. Между тѣмъ, по естественному духовному сродству, Полякъ всегда любилъ Черкеса, а Черкесъ всегда видѣлъ въ польскомъ шляхтичѣ такого же рыцаря, какъ онъ самъ. Въ союзъ Польши и юной Руси непремѣнно долженъ вступить Донъ, родина стольких рыцарей, Уралъ, Волга и естественнымъ образомъ—Кавказъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что въ русской арміи на Кавказѣ служитъ пропасть офицеровъ и солдатъ-Поляковъ; стóитъ только „кличъ кликнуть“, и всѣ сорвутъ съ себя мундиръ надѣтый на нихъ деспотизмомъ и перейдутъ въ ряды Черкесовъ. У Черкесовъ, при помощи Поляковъ, Малороссовъ, линейныхъ, донскихъ, волжскихъ и томскихъ казаковъ, которые, разумѣется, какъ народъ рыцарскій, тоже не преминутъ стряхнуть съ себя петербургское иго, Кавказъ освободится, и деспотизму Москалей на югѣ будетъ положенъ прочный предѣлъ. Западная Европа, само собою разумѣется, рада будетъ подобному освобожденію отъ всемертвящаго царства зимы и поддержитъ святое дѣло.

Черкесскіе князья слушали и похваливали этотъ проектъ. Говорили съ ними люди очевидно умные, бывалые, имѣющіе связи—люди, на языкѣ которыхъ постоянно вертѣлись даже Черкесамъ извѣстныя имена вождей европейской дипломатіи, и Черкесы стали принимать къ себѣ въ горы польскихъ агентовъ. Но на правомъ флангѣ, какъ извѣстно, преобладалъ полнѣйшій феодализмъ. Черкесскіе *пши* (князья) ссорились между собою, племя ходило на племя, кровная месть поднимала цѣлыя войны: о Кавказѣ никто не заботился, даже власть Шамиля, этого горнаго революціонера и организатора, туда не проникала. Кавказскій правый флангъ купѣлъ своими домашними дѣлами, которыя совершенно заслоняли отъ него всякіе интересы цивилизаціи и всякіе политическіе союзы съ Дономъ, съ Украйной и съ Польшей. Ленуаръ, отправившійся туда изъ Стамбула организовать Черкесовъ и переманивать къ нимъ русскихъ солдатъ и офицеровъ изъ Поляковъ, чуть-чуть было не погибъ. Въ него измѣнически выстрѣлили, пуля засѣла, кажется, въ животъ. Онъ прожилъ съ нею года три или четыре и умеръ гдѣ-то на Западѣ, чуть ли не въ Женевѣ, въ страшныхъ мученіяхъ. Польскіе солдаты и польскіе офицеры точно также не пошли къ горцамъ, потому что горцы не дѣлали ни малѣйшаго отличія между

Полякомъ и Русскимъ и всѣхъ плѣнныхъ одинаково обращали въ рабство. Пойти въ горы значило добровольно пойти въ рабы, а если и не въ рабы, то вмѣшаться въ домашнія распри Черкесовъ, въ которыхъ не та такъ другая сторона грозила смертью.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, Чайковскій пользовался огромнымъ уваженіемъ Черкесовъ, по крайней мѣрѣ ихъ *знати*. Масса народа, разумѣется, его не знала, но для князей Чайковскій былъ все-таки провозвѣстникомъ новыхъ началъ, истолкователемъ политики и безкорыстнымъ другомъ независимости Кавказа. Онъ совѣтовалъ имъ сближаться между собою; стараться улаживать взаимныя недоразумѣнія; организовать нѣчто въ родѣ Швейцарской республики. Въ послѣдствіи даже конституція Швейцарскаго Союза была переведена для нихъ на татарскій языкъ и ходила у нихъ по рукамъ.

„Но, говорили Черкесы, мы слабы тѣмъ что у насъ нѣтъ центральной власти. Намъ нуженъ султанъ. Повиноваться Шамилю мы не хотимъ, потому что Шамиль человѣкъ жестокій, потому что онъ одно племя возвышаетъ предъ другимъ, и потому что Шамиль вводитъ равенство. А вотъ если-бы нашелся человѣкъ умный, ученый, храбрый воинъ, который принялъ бы исламъ и пошелъ бы къ намъ въ султаны, пришелъ бы къ намъ съ войскомъ, умѣлъ бы насъ усмирять въ нашихъ распряхъ,—было бы намъ хорошо.“

Въ архивѣ Hôtel Lambert я самъ видѣлъ письма старикова праваго фланга къ князю Адаму, съ просьбой прислать имъ одного изъ своихъ сыновей въ султаны, и съ приглашеніемъ польской эмиграціи поселяться въ горахъ, вмѣсто того чтобы сидѣть безъ дѣла во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, вмѣсто того чтобы безъ всякой цѣли драться съ Арабами въ Алжирѣ, или съ Парагвайцами въ Южной Америкѣ. Почему Чарторыйскій не исполнилъ этой просьбы, почему не сбывалъ онъ многочисленную польскую эмиграцію на Кавказъ, мнѣ неизвѣстно. Можетъ-быть, онъ самъ не вѣрилъ въ возможность подобнаго дѣла, а дѣло было тогда, т.-е. въ сороковыхъ годахъ, кажется, весьма исполнимымъ. Доставка оружія на Кавказъ изъ Самсуна и Трапезунда была дѣломъ вовсе не труднымъ. Доставка людей точно также не представляла большихъ затрудненій. А разъ проложивъ дорогу польской эмиграціи на Кавказъ, устроивъ

изъ нея отдѣльный отрядъ и даже земледѣльческія колоніи, можно было смѣло разчитывать на дезертирство Поляковъ изъ кавказскаго корпуса, можно было вести войну съ нами систематическимъ образомъ, и если не отнять у насъ Кавказъ, то сдѣлать его больнѣе чѣмъ онъ былъ. Наконецъ можно было разчитывать, что въ случаѣ какого-нибудь столкновенія нашего съ Англіей и Франціей, даже съ Турціей, горы были бы для насъ потеряны. На югъ отъ насъ стояла бы тогда грозная, неприступная крѣпость, разсадникъ всевозможныхъ безпорядковъ у насъ, притонъ всѣхъ нашихъ враговъ, центръ украинофильской и всякаго рода другой сепаратистской пропаганды.

Но по обстоятельствамъ, которыя будутъ разказаны мною послѣ, Чайковскій былъ разжалованъ Hôtel Lambert'омъ. На его мѣсто поступилъ знаменитый Вержбицкій, потомъ мѣсто Вержбицкаго занялъ графъ Костельскій, теперь флигель-адъютантъ его величества султана, господинъ, который завѣряетъ въ дружескомъ разговорѣ будто онъ побочный сынъ прусскаго короля, котораго прусскаго короля—я не знаю. Наконецъ, около начала шестидесятыхъ годовъ, въ Лондонъ явился полковникъ Іорданъ. Полковникъ Іорданъ, уроженецъ Кракова, участвовалъ весьма дѣятельно въ галиційскомъ возстаніи въ 1846 году, потомъ въ 1848 году весьма дѣятельно участвовалъ въ венгерскомъ возстаніи, затѣмъ пріѣхалъ въ Турцію и, не мѣняя вѣры, въ Крымскую войну былъ при защитѣ Карса съ генераломъ Вильямсомъ. Турки называли его Іорданъ-бей, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ довольно свѣдущій, нѣкогда даже студентъ Краковскаго университета, то Hôtel Lambert выбралъ его своимъ агентомъ.

Путнаго въ Царѣградѣ Іорданъ, сколько я видѣлъ, ничего не дѣлалъ и ничего не сдѣлалъ. Онъ завелъ себѣ маленькую виллу въ Феери-Кои и маленькую канцелярію въ Перѣ, куда пріѣзжалъ каждый день, откуда постоянно велъ какую-то огромную корреспонденцію, гдѣ онъ держалъ секретаря и гдѣ, какъ вообще у Поляковъ, происходила комедія, будто всѣ занятія идутъ о важныхъ государственныхъ вопросахъ.

Человѣкъ въ высшей степени нервный, желчный, даже до нѣкоторой степени мистикъ (онъ много занимался спиритизмомъ), полковникъ Іорданъ всегда былъ озабоченъ, всегда былъ занятъ, во всѣхъ мелкихъ польскихъ эмигрантахъ

видѣлъ своихъ враговъ и всегда носилъ въ карманѣ револьверъ. Человѣкъ еще не старый, ему — было лѣтъ всего 38, много 40,—хорошій наѣздникъ и, по всей вѣроятности, боецъ, онъ былъ, какъ всѣ Поляки, подозрителенъ до невозможности. Вообще Полякъ отличается отъ Русскаго тѣмъ что самъ въ себя не вѣритъ. Русскій во врагахъ своихъ видитъ людей или безтолковыхъ, или сумашедшихъ, но не видитъ въ нихъ людей подкупленныхъ. Полякъ, кромѣ подкупленныхъ, никого не видитъ. Съ Русскимъ вы можете спорить о томъ видно ли жителямъ планеты Сатурнъ окружающее ее кольцо, или нѣтъ; Полякъ, которому вы станете доказывать что кольцо Сатурна жителямъ Сатурна не можетъ быть видно, непремѣнно заподозритъ васъ что вы имѣете въ этомъ дѣлѣ какой-нибудь политическій интересъ, и непремѣнно предположитъ что вы подкуплены мѣстнымъ русскимъ посольствомъ. Полковнику Іордану постоянно казалось что русское посольство имѣетъ противъ него какія-то невѣроятныя злоумышленія. У Чайковскаго разъ сгорѣлъ его деревянный домикъ, у полковника Іордана разъ загорѣлся его тоже деревянный домикъ, и оба они, хотя не кланявшіеся другъ съ другомъ на улицѣ, приписывали это несчастіе интригамъ нашихъ дипломатовъ.

Полковникъ Іорданъ, съ своей стороны, въ Россіи никогда не бывалъ, Россіи никогда не видалъ, и самъ говорилъ мнѣ что я второй Русскій съ которымъ онъ разговариваетъ. „Первый Русскій, говорилъ онъ мнѣ,—съ которымъ я видѣлся и которому протянулъ руку, былъ Бакунинъ, вы—второй.“ И затѣмъ оказалось, что его свѣдѣнія о Россіи имѣли тотъ самый колоритъ который процвѣтаетъ во французскихъ журналахъ, а именно тотъ, что у насъ генералы чуть не топчутъ людей по улицамъ; что на перекресткахъ у насъ стоятъ городовые вооруженными бичами, которыми, для того чтобы не заснуть, хлещутъ прохожихъ; что у насъ деспотизмъ хуже бухарскаго, коканскаго или авганскаго; что мы завоевали Польшу исключительно для того чтобы грабить ее, и существуемъ мы только на деньги Царства Польскаго и западнаго края. Полковникъ Іорданъ вѣрилъ во все это въ простотѣ души, и вотъ ему-то и пришлось вести дѣло съ Черкесами какъ преемнику Чайковскаго.

Во имя „прогресса и цивилизаціи“, полковникъ Іорданъ вступился за благородное племя Черкесовъ, особенно праваго

фланга, гдѣ есть свои *пши*, и не зная совершенно Россіи, списался съ Hôtel Lambert и отправилъ черкесскихъ депутатовъ въ Англію. Депутаты эти были три старика, изъ которыхъ одинъ,—не помню теперь его имени,—былъ изсѣченъ почти какъ котлета въ бояхъ съ Русскими. Дикіе Черкесы и тутъ вполнѣ покорились Полякамъ, которые во имя цивилизаціи представили ихъ королевѣ Викторіи. Королева Викторія, какъ и члены парламента, ни въ чемъ имъ не отказали и ни въ чемъ положительно ихъ не обнадежили. Само собою разумѣется, для Англіи было бы чрезвычайно лестно завоевать Кавказъ. Но для того чтобы завладѣть Кавказомъ нужно было поднять новую европейскую войну съ нами, а это для Англичанъ пріятнымъ быть не могло.

Трое *пши* воротились назадъ въ Царьградъ въ то самое время когда я туда пріѣхалъ.

— Ну, что же? спрашивалъ я ихъ.

— Да ничего, отвѣчали они весьма грустнымъ тономъ,— намъ обѣщали много *Инглизы*. Скажи по совѣсти, Василій-эфенди, сдѣлаютъ ли они что-нибудь для насъ?

Мнѣ стало жалко Черкесовъ.

— Ничего, друзья, вамъ Инглизы не подѣлаютъ. Самое лучшее что вы можете сдѣлать, это—помириться съ нами, съ Русскими.

Тутъ-то между мною и Черкесами и начались переговоры....

В. КЕЛЬСІЕВЪ.

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ *

Сто сорокъ лѣтъ назадъ, 9-го февраля 1729 года, въ Костромѣ, у костромскаго купца Григорія Волкова, родился сынъ, названный Ѳедоромъ. **

Будущій основатель русскаго театра еще ребенкомъ лишился отца, остался сиротою вмѣстѣ съ братьями Гаврилою и Григоріемъ, которые были еще меньше его. Вдова Волкова, Марѳа Романовна, вскорѣ по смерти перваго мужа, вышла замужъ за ярославскаго купца Полушкина, который

* Статья эта была читана въ собраніи Московскаго Артистическаго Кружка, 9-го февраля нынѣшняго года, когда кружокъ праздновалъ память дня рожденія Ѳ. Г. Волкова.

** Что Ѳ. Г. Волковъ родился 9-го февраля утверждаютъ всѣ его біографы, какъ-то: Новиковъ въ своемъ *Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ* (стр. 32), безыменный авторъ *Записокъ, принадлежащихъ къ исторіи россійскаго театра* (напечатанныхъ въ № 19 *Русскаго* за 1868 г.), этой древнѣйшей лѣтописи нашего театра, митрополитъ Евгеній въ *Словарѣ свѣтскихъ писателей* (т. I, стр. 93), князь А. А. Шаховской въ *Лѣтописи русскаго театра* (помѣщенной въ *Репертуарѣ* 1840 г., № 6, стр. 3), Н. И. Гречъ въ *Историческомъ взглядѣ на русскій театръ до начала XIX столѣтія* (*Русская Талія*, стр. 36), П. Н. Араповъ въ *Очеркѣ постепеннаго хода и усовершенствованія русскаго театра* (*Драматическій альбомъ*, стр. XIV), а также въ своей *Лѣтописи русскаго театра* (стр. 49), и другіе. Только одинъ Коробановъ, въ книгѣ своей *Основаніе русскаго театра* (стр. 21), говоритъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что Ѳ. Г. Волковъ родился 2-го января 1729 г. Показаніе Коробанова ничѣмъ не подтверждается, а показаніе *Энциклопед. Лексикона*, изд. Плюшара (т. XI, стр. 353) что Ѳ. Г. родился 2-го февраля, должно-быть, простая опечатка.

имѣя кожевенные, селитряные и сѣрные заводы,* велъ большой торгъ въ Ярославлѣ и Петербургѣ. Выйдя за Полуткина, Марѳа Романовна переселилась вмѣстѣ съ дѣтьми въ Ярославль. У Полуткина не было своихъ дѣтей, и онъ любилъ пасынковъ какъ родныхъ сыновей. Изъ трехъ братьевъ, Ѳедоръ особенно отличался своими способностями.** Въ то время у сосланнаго въ Ярославль герцога Бирона жилъ нѣмецкій пасторъ. Этотъ-то человѣкъ первый способствовалъ развитію Ѳедора Волкова, который ходилъ къ нему учиться вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ съ сыномъ ярославскаго протоіерея, Иваномъ Аѳанасьевымъ Нарыковымъ, въ послѣдствіи знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ. Пасторъ, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранила исторія, уча Волкова и товарищей нѣмецкому языку, далъ имъ также и первое понятіе объ искусствахъ.*** Чтобъ еще болѣе развить прекрасныя способности своего пасынка, Полуткинъ отправилъ его въ Москву учиться въ Заиконоспасскую академію.**** Скоро молодой Волковъ обогналъ своихъ сверстниковъ по академіи; успѣхи его въ наукахъ были блестящіе, нѣмецкій языкъ Волковъ зналъ такъ, что говорилъ на немъ какъ природный Нѣмецъ.† Свободное же время Волковъ посвящалъ любимому имъ и дорогому ему еще съ дѣтства искусству. Онъ съ раннихъ лѣтъ пѣлъ по

---

* См. *Опытъ историческаго словаря о рос. писателяхъ* Новикова (стр. 32), *Записки, принадлежащія къ исторіи россійскаго театра* (*Русскій* за 1868 г. № 19). Въ этихъ запискахъ, равно какъ и у Новикова, отчимъ Волкова, Полуткинъ, называется Ѳедоромъ; а князь А. А. Шаховскій называетъ его Иваномъ Трофимовичемъ (см. піесу его *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, или день рожденія русскаго театра*, въ *Репертуарѣ* 1840 г. № 6.)

** См. статью Касаткина *Ѳ. Г. Волковъ*, помѣщ. въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1858 г., № 44, *Энциклопедическій Лексиконъ* (т. XI стр. 353).

*** См. у Н. И. Греча его *Историческій взглядъ на русскій театръ до начала XIX вѣка* (стр. 39), а также его же статью *Очерки драматической поэзіи* въ *Репертуарѣ* 1840 г., а равно и въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* изд. Плюшара, т. XVII, стр. 22, и въ статьѣ Касаткина *Ѳ. Г. Волковъ* (*Москов. Вѣдом.* 1858 г. № 44).

**** См. *Лѣтопись русскаго театра* князя А. А. Шаховскаго. (*Репертуаръ* 1840 г., № 6.)

† См. *Словарь* Новикова (стр. 32) и *Записки принадлежащія къ исторіи россійскаго театра* (*Русскій*, № 19, за 1868 г.).

нотамъ и хорошо игралъ на скрипкѣ и на давидовой арфѣ *, и кромѣ того съ успѣхомъ и любовью посвящалъ свои досуги живописи, которой онъ выучился еще въ дѣтствѣ, самоучкой, занимаясь срисовываніемъ окружающихъ его предметовъ. ** Самоучкою же Волковъ выучился рѣзьбѣ и скульптурѣ, и успѣлъ въ нихъ въ весьма замѣчательной степени. Доказательствомъ тому служатъ царскія врата, сдѣланныя Волковымъ въ ярославской церкви Св. Николая Надѣина. Они изображаютъ тайную вечерю. На пунцовомъ фонѣ церковной завѣсы выдѣляется золотая рѣзьба, представляющая горницу (въ восточномъ вкусѣ). Фигура Спасителя нарисована, отъ нея идутъ фигуры Апостоловъ, сдѣланныя рельефомъ: ближайшія къ Спасителю барельефомъ, болѣе отдаленныя рельефомъ, а самыя отдаленныя горельефомъ; красота, отчетливость и изящество работы дѣлаютъ это произведеніе весьма замѣчательнымъ. Весь иконостасъ, какъ говорятъ, исполненъ по рисунку Волкова и замѣчателенъ по вкусу и изяществу находящихся въ немъ иконъ, по своему художественному достоинству рѣзко отличающихся отъ старинной манеры нашихъ иконописцевъ. ***

По словамъ Новикова, въ Ярославлѣ сохранилось множество картинъ „выдумки и работы Волкова“, **** который также занимался и лѣпною работой. † Онъ сдѣлалъ также и бюстъ Петра Великаго изъ мрамора. †† Наконецъ, въ Знаменоспас-

---

* См. *Отечественныя Записки* (изд. Свиньина, за 1822 годъ, № XXXII, стр. 301.).

** См. *Словарь* Новикова (стр. 32) и *Записки, принадлежащія къ исторіи рос. театра* (*Русскій* за 1868 г., № 19.) Въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина за 1823 г. № XXXV (стр. 372) разказывается, что одинъ изъ родственниковъ Волкова подарилъ П. П. Свиньину картину, представляющую сцену изъ какой-то трагедіи, и въ этой сценѣ Волковъ изобразилъ самого себя и своихъ братьевъ (см. также ст. Касаткина въ *Москов. Вѣдом.* за 1858 г. № 44).

*** Врата эти и иконостасъ сдѣланы Волковымъ въ то время какъ онъ возвратился въ Ярославль послѣ своей первой поѣздки въ Петербургъ.

**** См. *Опытъ историческаго словаря о рос. писателяхъ* Новикова (стр. 33).

† См. *Драмат. Альбомъ* Арапова (стр. XIV).

†† См. *Опытъ историческаго словаря* Новикова (стр. 33.)

ской академіи суждено было ему познакомиться съ тѣмъ, въ чемъ всѣ искусства стремятся къ своему соединенію, съ театромъ. Еще при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ московская Заиконоспасская академія, по примѣру академіи кіевской, дозволяла своимъ ученикамъ, дважды въ годъ, „давать комедіи, что̀ зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіе есть честной смѣлости", то-есть съ цѣлію назиданія и для развязности воспитанниковъ академіи. * Въ духовномъ регламентѣ 1722 года предписано семинаріямъ „заставлять въ свободное время учениковъ разыгрывать нравственныя комедіи". Поэтому студенты Заиконоспасской академіи, во время святокъ и другихъ праздниковъ, разыгрывали театральныя піесы, а преподаватели академіи сочиняли для нихъ духовныя драмы, которыя, вмѣстѣ съ мистеріями Ѳеофана Прокоповича, Димитрія Ростовскаго и др., а также и нѣкоторыми свѣтскими піесами, оставшимися еще отъ театра царя Алексѣя Михайловича, и составляли репертуаръ Заиконоспасской академіи. ** И Мольеръ былъ игранъ на

---

* См. *Исторію славяно-греко-латинской академіи*, соч. Смирнова (стр. 189).

** Въ разные торжественные (церковные) дни, предъ начатіемъ поста, а иногда и во время свѣтскихъ торжествъ, въ академіи были разыгрываемы комедіи: *О пиролюбцѣ и Лазарѣ*, *Изображеніе втораго пришествія Господня*, *Царство міра идолослуженіемъ разоренное и возстановленное христіанствомъ*, *Божіе наказаніе гордыхъ уничижителей чрезъ смиреннаго Давида*, и др., сочиненныя для этихъ случаевъ учителями академіи. До насъ дошли программы этихъ піесъ, въ которыхъ *всего дѣйствія вѣщи и событія іероглифически образно являются* (*Древняя Вивліоѳика* IX, 461). Въ академіи игрались также историческія траги-комедіи Ѳеофана Прокоповича: *Убіеніе Ярополка братомъ Владиміромъ*, и *Владиміръ отъ тьмы невѣрія къ свѣту евангельскому приведенный*, написанныя по академическому обычаю и игранныя сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Москвѣ (*Лѣтопись русскаго театра* Арапова, стр. 22), а также его мистеріи и духовныя драмы Димитрія Ростовскаго: *Успенская*, *Дмитріевская*, *Рождественская*, *Воскресенская*, *Эсвирь и Агасферъ* и *Кающійся грѣшникъ*. Къ репертуару Заиконоспасской академіи могли принадлежать и слѣдующія свѣтскія піесы, сохранившіяся отъ временъ царя Алексѣя Михайловича: 1) *О Франталпе королѣ Элирскомъ и о Мирандонѣ сынѣ его и о прочихъ*; 2) *О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона арруха* (герцогъ) *Фредерика фонъ-Поплей*; 3) *Донъ Педро, почи-*

сценѣ этой академіи: игрался его *Le medecin malgré lui*, подъ заглавіемъ *Докторъ принужденный*, или въ переводѣ временъ царя Алексѣя Михайловича, или въ переводѣ сдѣланномъ, какъ говорятъ, царевною Софьею Алексѣевною. Въ этихъ-то театральныхъ представленіяхъ академіи участвовалъ Волковъ, отличался какъ актеръ и страстно полюбилъ сценическое искусство, ставшее цѣлію его жизни.

По окончаніи ученія въ 1746 году, когда Волкову было семнадцать лѣтъ, Полушкинъ отправилъ его въ Петербургъ* съ кожевеннымъ товаромъ. Тамъ Ѳедоръ Григорьевичъ поступилъ въ нѣмецкую торговую контору для навыка въ бухгалтеріи и торговлѣ. Кромѣ того, Полушкинъ поручилъ ему вести въ Петербургѣ всѣ его торговые отпуски и разчеты. Талантливой и богатой натуры Волкова хватало на все. Торговыя дѣла своего вотчима онъ велъ прекрасно, а занятіями своими по конторѣ онъ заслужилъ полную любовь хозяина, который за его быстрый, дѣятельный умъ и за замѣчательныя способности полюбилъ его какъ сына. Разъ хозяинъ взялъ его въ придворный театръ, въ которомъ давалась италіянская опера. Тутъ-то въ первый разъ Волковъ увидалъ настоящій театръ и пришелъ въ страшный восторгъ. Волковъ весь спектакль былъ словно какъ въ лихорадкѣ. Въ то время въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ устроенъ былъ небольшой домашній театръ, на которомъ кадеты разыгрывали сочиненія своего корпуснаго офицера, А. П. Сумарокова. Услыхалъ Волковъ объ этихъ спектакляхъ, и больно захотѣлось ему побывать въ нихъ, а чего намъ хочется, того мы большею частію добьемся. И Волковъ попалъ за кулисы на одинъ изъ кадетскихъ спектаклей. Играли *Синава и Трувора* Сумарокова. Самъ Волковъ разказывалъ объ

танной шляхта, и Амариллисъ, дочь его; 4) *Прельщенный любящій;* 5) *Тюремный заключенникъ или принцъ Пикельгаринг;* 6) *О крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, царь Македонскій;* 7) *Сципій Африканскій, погубленіе королевы Софонизбы;* 8) *О графинѣ тріерской Геновевѣ;* 9) *Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цезарь;* 10) *Постоянный Папиньянусъ;* 11) *Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ;* 12) *О Баязетѣ и Тамерланѣ:* 13) *Докторъ принужденный* (*Русская Талія*, 1825 г., стр. 11—12, и *Драматич. Альбомъ*, изд. Арапова, стр. VI).

* См. *Опытъ истор. словаря*, Новикова, стр. 33.

этомъ спектаклѣ, что когда „онъ увидѣлъ кадета Бекетова въ роли Синава, то пришелъ въ такое восхищеніе, что самъ не зналъ гдѣ былъ, на землѣ или на небесахъ“. Съ этихъ поръ въ немъ зародилась мысль завести во что бы то ни стало свой театръ. * И вотъ Волковъ неотступно сталъ стремиться къ осуществленію этой мысли. Онъ сталъ посѣщать бывшую тогда въ Петербургѣ нѣмецкую комедію и италіянскую оперу. Посѣщалъ также и французскіе спектакли. **

Всего ближе сошелся Волковъ съ италіянскою оперною труппой и познакомился съ нѣкоторыми ея членами. Онъ сталъ изучать устройство театра, срисовывалъ декораціи, чертилъ распредѣленіе сцены, снималъ модели, изучалъ театральный механизмъ и разспрашивалъ артистовъ италіянской оперы о правилахъ сценической игры и постановки. Все

---

* См. *Лѣтопись русскаго театра* князя А. А. Шаховскаго (*Репертуаръ* 1840 г., № 6).

** Въ это время, то-есть въ 1748 и 1749 годахъ, „былъ въ Петербургѣ, какъ разказываетъ Я. Я. Штелинъ, съ своимъ комедіантскимъ обществомъ г. Аккерманъ, который имѣлъ свой собственный театръ, сдѣланный имъ самимъ, комедіанты сего общества и самъ директоръ ихъ Аккерманъ, прославившійся послѣ въ Гамбургѣ и Берлинѣ, играли довольно хорошо“. Посѣщая этотъ театръ, Волковъ познакомился и сблизился, благодаря отличному знанію нѣмецкаго языка, какъ съ самимъ Аккерманомъ, такъ и съ его лучшими въ то время актерами, „панталономъ Гельфердингомъ и гарлекиномъ Скеляри“. Изъ бумагъ А. П. Сумарокова извѣстно, что Гельфердингъ особенно отличался въ серіозныхъ, а Школярій въ комическихъ роляхъ. Въ это же время въ манежѣ герцога Курляндскаго, передѣланномъ въ театръ, подъ дирекціей Серньи, который обязался за 25.000 р. въ годъ представлять еженедѣльно комедіи и трагедіи, давала спектакли французская труппа. Лучшими актерами въ ней считались: Белуа, Ракуръ, Розимундъ, Префлери и актриса Префлери. На Италіянскомъ театрѣ въ это время давались большія оперы: *Александръ*, *Титово милосердіе* (*La clemenza di Tito*) *Евдоксія*, *Демофонтъ* и комическія: *Servapadrona*, *Dgiocatore* и пр. Еще въ 1737 г. придворный капельмейстеръ Арайя поставилъ первую лирическую драму *Aliasare*, а вслѣдъ за нею и вторую *Semiramide*. Изъ пѣвцовъ особенно славились въ то время: Нунціата и Манфредини; изъ пѣвцовъ кастраты: Карсемини, Салети и буффъ Компаси. Представленіями этими, разказываетъ Штелинъ, „дворъ и публика весьма довольны были“. (См. статью Касаткина въ *Моск. Вѣд.* 1858 г., № 44).

видѣнное и слышанное имъ о театральномъ дѣлѣ онъ записывалъ, чтобъ этими записками, рисунками и чертежами воспользоваться въ послѣдствіи при устройствѣ задуманнаго имъ русскаго театра.* Не переставалъ Волковъ заниматься и другими искусствами, какъ-то: живописью и музыкой, которую онъ изучилъ въ это время гораздо основательнѣе, но бо́льшую часть свободнаго времени посвящалъ на переводы нѣмецкихъ и италіянскихъ піесъ. А между тѣмъ онъ не пренебрегалъ и своими занятіями по конторѣ и торговыми дѣлами отчима, которыя онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе.

Два года прожилъ Волковъ въ Петербургѣ и потомъ возвратился въ Ярославль. Мать и вотчимъ встрѣтили его съ благодарностью и любовью. Вскорѣ Волковъ умѣлъ пріобрѣсть всеобщее уваженіе Ярославцевъ какъ умный, дѣльный и образованный человѣкъ. Тутъ-то Волковъ приступаетъ къ осуществленію своей завѣтной мечты, своего задушевнаго желанія, къ устройству русскаго театра. Прежде всего онъ принялся готовить актеровъ для своего театра, сталъ обучать драматическому искусству братьевъ своихъ, Григорья и Гаврилу, а также и своихъ знакомыхъ мальчиковъ, двухъ братьевъ Поповыхъ, Чулкова, Нарыкова и др. Разказывая имъ о видѣнныхъ имъ въ Петербургѣ театральныхъ представленіяхъ, Волковъ нерѣдко пробовалъ разыгрывать съ ними въ своей комнатѣ разныя сцены и піесы.** Онъ сумѣлъ вдохнуть въ своихъ молодыхъ учениковъ любовь къ театру, ученіе шло въ прокъ, и вотъ, убѣдившись что актеры его достаточно уже приготовлены, онъ задумалъ въ день именинъ своего вотчима устроить спектакль. Театромъ для этого спектакля Волковъ избралъ одно изъ каменныхъ зданій со сводами, служившее Полуткину кожевеннымъ амбаромъ.*** Въ этомъ амбарѣ, тайно отъ вотчима, Волковъ устроилъ театръ, съ декораціями и машинами, освѣтилъ его плошками и добылъ для оркестра двѣ скрипки и гусли.

Въ день именинъ Полушкина, послѣ обѣда, Волковъ пригласилъ вотчима и его гостей посмотрѣть устроенное имъ

---

* См. *Опытъ историч. словаря* Новикова, стр. 34; *Лѣтопись Русскаго театра* князя Шаховскаго (*Репертуаръ* 1840 г., № 6).

** См. статью Касаткина *Ѳ. Г. Волковъ* (*Моск. Вѣд.* 1858 г., № 44).

*** См. *Ярославскій сборникъ* 1851 г., стр. 131, примѣч. 6.

театральное представленіе. Въ числѣ гостей Полушкина находились тогдашній ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и ярославскій помѣщикъ Майковъ (отецъ стихотворца Василія Ивановича Майкова). Войдя въ амбаръ и увидавъ устроенный въ немъ Волковымъ театръ, гости были пріятно поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ. Но восторгъ еще болѣе увеличился, когда предъ ними была сыграна піеса *Эсвирь*. *

За *Эсвирью* послѣдовала пастораль *Эвмонъ и Бервя*, слова которой были переведены съ нѣмецкаго, а музыка сочинена самимъ Волковымъ. Берѳу игралъ Нарыковъ, Эвмона—меньшой Поповъ. ** Гости Полушкина, не исключая и самого воеводы, были въ восторгѣ. Мать Волкова плакала, Полушкинъ былъ внѣ себя отъ восхищенія. Особенно удивили его облака, которыя „ходили вверхъ и внизъ какъ настоящія". *** Успѣхъ рѣшилъ участь Волкова; съ этой минуты онъ былъ актеръ, и званію этому остался вѣренъ до самой смерти. Когда, въ послѣдствіи, при восшествіи на престолъ, импера-

---

* Большая часть біографовъ Волкова, начиная съ князя А. А. Шаховскаго, говорятъ, что піеса *Эсвирь вѣроятно* была та переведенная съ нѣмецкаго „комедія о томъ, какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана", которая давалась еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но съ такою же вѣроятностью можно предположить что это была написанная Св. Димитріемъ Ростовскимъ піеса *Эсвирь*. Въ пользу этого предположенія говорятъ любовь и уваженіе, которыя питалъ Волковъ къ произведеніямъ Димитрія Ростовскаго, піесы котораго, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, онъ даже не поскучалъ переписать каллиграфически для Екатерины II. Правда, по словамъ князя Шаховскаго, въ піесѣ данной на первомъ ярославскомъ спектаклѣ Ѳ. Г. Волковъ игралъ роль Артаксеркса, а въ піесѣ Димитрія Ростовскаго царь назывался Агасферомъ, но развѣ кн. Шаховской, полагая что игранная піеса была комедіи „о томъ, какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана", не могъ, передавая разказъ Дмитревскаго объ этомъ спектаклѣ, вмѣсто имени „Агасферъ" поставить имя „Артаксеркъ"?

** См. *Лѣтопись русскаго театра* (*Репертуар.* 1840 г.). С. Н. Глинка въ своихъ *Очеркахъ жизни и избранныхъ сочиненіяхъ А. П. Сумарокова*, говоритъ, будто со словъ П. И. Сумарокова, что для перваго своего спектакля въ сараѣ, Волковъ сыгралъ *Хорева* Сумарокова и *Лѣкаря противу воли* Мольера, но это показаніе не подтверждается никакими другими источниками.

*** Слова Полушкина, переданныя И. А. Дмитревскимъ князю А. А. Шаховскому. (См. его *Лѣтопись русскаго театра*.)

трица Екатерина II жаловала его дворянствомъ и 700 душъ крестьянъ, онъ отказался.* Онъ со слезами благодарности просилъ государыню, чтобъ эту награду она пожаловала его женатому брату, а ему позволила остаться въ томъ званіи и состояніи, которому онъ обязанъ своею извѣстностью и самыми монаршими милостями. Императрица исполнила его желаніе.**

Мусинъ-Пушкинъ и Майковъ просили Волкова не прекращать театральныхъ представленій; они сами пожертвовали на устройство театра значительныя суммы, а Майковъ даже предлагалъ для театра свой собственный домъ.*** Потомъ они уговорили ярославскихъ дворянъ и купцовъ сдѣлать пожертвованія на театръ. Волковъ сталъ въ томъ же кожевенномъ амбарѣ по праздникамъ давать спектакли, въ которыхъ разыгрывалъ піесы вынесенныя изъ семинаріи, какъ-то мистеріи Св. Димитрія Ростовскаго, *Шемякинъ судъ* и нѣкоторыя переведенныя самимъ Волковымъ въ Петербургѣ піесы. Скоро въ одномъ изъ сараевъ на заводѣ вотчима, находившемся на берегу Волги, на мѣстѣ гдѣ Ярославцы любили гулять въ лѣтнее время, Волковъ также устроилъ небольшой театръ.**** Такъ продолжалось до смерти Полушкина. Со смертію его, Волковъ, сдѣлавшись самъ хозяиномъ, приступилъ къ постройкѣ настоящаго театра, къ пожертвованнымъ

---

* *Историческія извѣстія о россійскомъ театрѣ* (*Сѣверный Архивъ*, ч. IV, стр. 179), *Энциклопедическій Лексиконъ*, т. XI, стр. 355, *Основаніе русскаго театра*, Коробанова, стр. 41.

** Коробановъ и Араповъ утверждаютъ, что эта милость оказана была среднему брату Ѳедора Григорьевича, Гаврилѣ, но съ большею достовѣрностью можно сказать, что если она была оказана, такъ меньшому его брату, Григорію. Доказательствомъ этого служитъ то, что Гаврила Волковъ и по смерти своего брата Ѳедора Григорьевича остался актеромъ, какъ это мы видимъ изъ штата актеровъ 1767 г., который приведенъ Гречемъ въ его *Историческомъ взглядѣ на русскій театръ* (*Русская Талія* 1825 г., стр. 28), и въ которомъ подъ № 5 значится: „Гаврила Волковъ—стариковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ, 400 руб. жалованія въ годъ". Между тѣмъ Григорій Волковъ скоро оставилъ театръ и вступилъ въ гражданскую службу *Русская Талія*, стр. 24.) Не сдѣлалъ ли онъ этого по полученіи дворянства и 700 душъ крестьянъ?

*** См. *Русскую Талію*, стр. 20.

**** См. *Ярославскій литературный сборникъ* 1851 г., стр. 114.

Ярославцами деньгамъ приложилъ свои собственныя, и началъ строить деревянный театръ по всѣмъ правиламъ тогдашняго механизма. Въ этомъ театрѣ онъ самъ былъ и архитекторомъ, и машинистомъ, и декораторомъ, и композиторомъ, и авторомъ, и режиссеромъ и, первымъ актеромъ.

Театръ этотъ былъ торжественно открытъ въ 1750 году представленіемъ оперы Метастазіо *Титово милосердіе (Clemenza di Tito)*, переведенной съ италіянскаго самимъ Волковымъ. * Оркестръ состоялъ изъ помѣщичьихъ музыкантовъ (въ то время было много крѣпостныхъ дворовыхъ оркестровъ), хоры пѣли архіерейскіе пѣвчіе, а труппу Волкова составляли два его брата, патріаршіе дворяне Нарыковъ и два Попова, регистраторъ Иконниковъ, цирюльникъ Шумскій, два купеческіе брата Егоровы, Михайловъ, Чулковъ и родственникъ Волкова Соколовъ. ** Нарыковъ и Поповъ играли женскія роли. Устройство театра, при тогдашнемъ предубѣжденіи противъ сценическихъ игрищъ, не безъ хлопотъ обошлось Волкову, но онъ восторжествовалъ. Ярославцы скоро полюбили его театръ и охотно посѣщали его, такъ что скоро Волковъ могъ уже брать плату съ своихъ зрителей; театръ Волкова былъ постоянно полонъ. *** Занимавшіе переднія скамейки платили по пятаку, среднія—по алтыну, а заднія по копѣйкѣ. ****

---

* См. статью Штелина въ *С.Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1779 г., т. IV, стр. 92, *Ярославскій литературный сборникъ* стр. 116, также у Арапова въ его *Драматическомъ Альбомѣ*, стр. XVI, у Коробанова въ его *Основаніи русскаго театра*, стр. 25, и въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара, т. XI, стр. 354.

** См. *Ярославскій литературный сборникъ*, также у Арапова и у Коробанова.

*** *Русская Талія* стр. 20.

**** Гречъ въ своемъ *Историческомъ взглядѣ на русскій театръ* (см. *Русскую Талію*, стр. 20) говоритъ, что Волковъ сталъ брать за входъ плату: въ кресла 25, въ партеръ по 10, въ галлерею по 5, въ раекъ по 3 коп. То же самое повторяетъ и Серебрянниковъ въ *Ярославскомъ литературномъ сборникѣ* (стр. 116), основывая эти слова на показаніи П. Сумарокова въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1822 г. (декабрь, XXXII, стр. 303). Касаткинъ же, въ статьѣ своей *Ѳ. Г. Волковъ* (*Московск. Вѣдом.* 1858 г., № 44), опровергаетъ это показаніе, говоря что „въ театрѣ Волкова, конечно, не было еще ни креселъ, ни партера, ни галлерей, но только одни райки". Но почем

Скоро о театрѣ Волкова узнали и въ Петербургѣ. Въ 1751 г. въ Ярославль была командирована коммиссія для изслѣдованія злоупотребленій по винным откупамъ. Въ составѣ этой коммиссіи находился сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ. Онъ часто посѣщалъ театръ Волкова и по пріѣздѣ въ Петербургъ разказалъ объ этой новинкѣ, объ ярославскомъ русскомъ театрѣ, генералъ-прокурору князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, а князь доложилъ объ этомъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Императрица была чрезвычайно довольна сообщенною ей новостью и тотчасъ же повелѣла немедленно вызвать ярославскихъ комедіантовъ. Сенатскій регистраторъ Дашковъ былъ немедленно посланъ въ Ярославль съ приказаніемъ привезти въ Петербургъ всю труппу Волкова. Молодые актеры, въ числѣ 14 человѣкъ, были снабжены отъ казны теплою одеждой и на почтовыхъ привезены прямо въ Царское Село, гдѣ въ то время жила Елизавета. * Она нетерпѣливо желала видѣть ихъ игру, ласково приняла ихъ и приказала имъ на другой же день пріѣзда представить на ея домашнемъ театрѣ трагедію Сумарокова *Хоревъ*. **

же не было? Вѣдь ужъ тутъ дѣло идетъ не о кожевенномъ сараѣ, а объ особомъ зданіи, построенномъ Волковымъ со спеціальною цѣлію служить театромъ и притомъ построенномъ по образцу петербургскаго придворнаго театра, въ которомъ, слѣдовательно, могли быть даже и ложи. И почему въ театрѣ Волкова могли быть только райки? Скорѣе можно согласиться, что у него въ театрѣ могъ быть только партеръ.

* *Историческое извѣстіе о Россійскомъ театрѣ*, изъ записокъ А. М. (см. *Сѣверный Архивъ*, ч. IV, стр. 179); *Основаніе русскаго театра* Коробанова (стр. 25 и 26); *Лѣтопись русскаго театра* Кн. А. А. Шаховскаго (*Репертуаръ* 1840 г. № 6); *Русская Талія* (стр. 20).

** Митрополитъ Евгеній въ своемъ *Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей* (т. I стр. 96) говоритъ, что Ярославцы по пріѣздѣ своемъ прежде всего сыграли *Кающагося грѣшника* Димитрія Ростовскаго, а потомъ уже сыграли *Хорева*, *Синава и Трувора* и *Гамлета*, но это извѣстіе не подтверждается другими источниками. Князь Шаховской въ своей *Лѣтописи русскаго театра* приводитъ слѣдующее тогдашнее распредѣленіе ролей въ *Синавѣ и Труворѣ*: Синавъ Ѳ. Волковъ, Труворъ старшій Поповъ, Гостомысалъ—Гр. Волковъ, Вѣстникъ—Гаврила Волковъ, пажъ—Иванъ Соколовъ, Ильмена—Иванъ Нарыковъ.

Императрица сама наблюдала за приготовленіями къ спектаклю; въ ея присутствіи кроили и шили костюмы. Кія игралъ Ѳ. Волковъ, Хорева—Поповъ, Астраду—Гр. Волковъ, а Оснельду—Ив. Нарыковъ. Когда онъ былъ одѣтъ въ костюмъ Оснельды, императрица сама стала убирать ему голову брилліантами.

— Какъ твое имя? спросила императрица.

— Нарыковъ, отвѣчалъ молодой семинаристъ.

— Нѣтъ, ты очень похожъ на кавалера польскаго посольства графа Дмитревскаго, сказала Елизавета,—и потому я хочу чтобы ты принялъ его фамилію. *

И перекрещенный императрицей Дмитревскій сдѣлалъ данное ему имя знаменитымъ.

Представленіе молодыхъ Ярославцевъ такъ понравилось императрицѣ, что имъ приказано было дать еще немедленно четыре представленія, въ которыхъ они повторили *Хорева*, потомъ дали *Синава и Трувора*, *Артистону* и наконецъ *Гамлета* въ Сумароковской передѣлкѣ. ** Особенно понравилось представленіе *Хорева*. Тронутая до слезъ государыня призвала къ себѣ автора піесы, Сумарокова, подарила ему перстень съ своей руки, обласкала Волкова и труппу его оставила при дворѣ.

Вскорѣ послѣ того высочайше повелѣно было лучшихъ членовъ труппы, Ѳедора Волкова, брата его Григорія, Дмитревскаго, Шумскаго и Попова помѣстить въ кадетскій корпусъ въ первую роту, „для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастики“. *** И актеры Волковской труппы поняли эти драгоцѣнныя слова. Они сдѣлались не только актерами, но и высокообразованными людьми. Дмитревскій былъ въ послѣдствіи членомъ Россійской академіи, обога-

---

* См. *Русскую Талію* (стр. 39).

** П. Сумароковъ (см. *Отеч. записки* изд. Свиньина 1822 г. декабрь, № XXXII, стр. 306) говоритъ, что со времени представленій Ярославцевъ, „кадеты уже не были призываемы ко двору для представленій“, какъ это дѣлалось прежде.

*** *Лѣтопись русскаго театра*, кн. А. А. Шаховскаго (*Репертуаръ*, 1840 г., № 6). *Истор. взглядъ на русскій театръ* Греча (*Русская Талія*, 1825 г., стр. 21).

тилъ русскій театръ многими піесами, какъ переводными, * такъ и оригинальными, былъ первымъ устроителемъ театральнаго училища, своими совѣтами помогалъ многимъ начинающимъ артистамъ и литераторамъ, написалъ похвальное слово Сумарокову (помѣщенное во 2-й части сочиненій и переводовъ Россійской академіи), нѣсколько мелкихъ стихотвореній (напечатанныхъ въ *Трудолюбивой Пчелѣ*) и исторію русскаго театра, къ сожалѣнію, утраченную. И нѣкоторые другіе изъ товарищей Волкова прославились какъ литераторы: Поповъ издалъ свои сочиненія и переводы подъ названіемъ *Досуговъ* и написалъ десять томовъ русскихъ сказокъ и старинныя диковинки, кромѣ того онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, славянское баснословіе, одноактную комедію *Отгадай, не скажу* и комическую оперу *Анюта*, немного уступающую Аблесимовскому *Мельнику*, и перевелъ нѣсколько піесъ, въ томъ числѣ *Севильскаго цирюльника* Бомарше. Чулкову принадлежитъ *Пересмѣшникъ* и множество другихъ забавныхъ разказовъ, и кромѣ того оригинальная одноактная комедія *Какъ хочешь назови*. Соколовъ сочинилъ комедію *Сибирскій шаманъ* и другія піесы, игранныя на театрѣ съ большимъ успѣхомъ. О литературныхъ трудахъ Ѳ. Г. Волкова я скажу послѣ.

Жадный къ знаніямъ и убѣжденный что безъ науки мертво и само искусство, Волковъ до того желалъ просвѣщенія что, не находя въ тогдашнемъ Петербургѣ нужныхъ для себя пособій, не только не жалѣлъ своего жалованья, но даже закладывалъ свою одежду чтобы добыть изъ-за моря нужныя книги: Коробановъ, въ своемъ сочиненіи *Основаніе русскаго театра*, приводитъ любопытное „покорнѣйшее доношеніе въ канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса, находящихся въ ономъ комедіантовъ Ѳедора и Григорія Волковыхъ“. Въ этомъ доношеніи Ѳ. Волковъ проситъ выдать ему и его брату причитающееся имъ за весь 1756 годъ жалованье, чтобы выкупить вещи заложенныя имъ для уплаты за выписанныя имъ изъ-за моря книги, на покупку которыхъ онъ заложилъ свою лисью епанчу за 19 рублей, да

* Онъ перевелъ трагедіи: *Беверлей*, *Игрокъ*, *Безбожникъ*, оперы: *Діанино древо*, *Рѣдкая вещь*, передѣлалъ на русскіе нравы комедіи: *Раздумчивый*, *Демократъ*, *Лунатикъ*, и сочинилъ оперу *Танюша или счастливая встрѣча* и др. піесы.

суконный красный плащъ за 13 руб. А Григорью Волкову нужны были 2 руб. для покупки Жильблаза на французскомъ языкѣ. * Поступившимъ въ корпусъ товарищамъ Волкова, а также и присоединеннымъ къ нимъ восьми молодымъ придворнымъ пѣвчимъ, было назначено жалованья по

* Вотъ въ подлинникѣ это донотеніе:

„Въ канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса, находящихся въ ономъ комедіантовъ Ѳедора и Григорья Волковыхъ

„Покорнѣйшее донотеніе.

„Предъ нѣкоторымъ временемъ выписалъ я Ѳедоръ Волковъ изъ-за моря потребныхъ для меня нѣсколько книгъ театральныхъ и проспективическихъ, но какъ я не имѣлъ заплатить за оныя готовыхъ у себя тогда денегъ, что принужденъ былъ нѣкоторыя свои вещи, о которыхъ упомянуто будетъ, заложивъ, занять и на то употребить. Но понеже тѣ заложенныя вѣщи мнѣ нынѣ, а особливо для наступающаго зимняго времени, весьма нужны, то, какъ необходимо должно оныя откупить такъ и вновь покупкою исправиться, такожъ и мнѣ, Григорью Волкову, потребное для себя по причинѣ приходящаго зимняго времени купить надлежитъ, а что и кому надобно о томъ въ приложенномъ реестрѣ изъяснено.

„Того ради канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса покорнѣйше просимъ въ разсужденіи предписанной необходимости выдать принадлежащее намъ, Ея Императорскаго Величества жалованье за весь нынѣшній 1756 годъ, сколько причтется.

„И на сіе покорнѣйше просимъ учинить милостивую резолюцію. Сентября 1756 года. Ѳедоръ Волковъ, Григорей Волковъ.

Реестръ:

Ѳедору Волкову.

На выкупъ:

Епанчи лисей	19	руб.	коп.
Плаща суконнаго краснаго	13	„	„
На покупку:			
Тулупа калмыцкаго	8	„	„
Штановъ кафовыхъ	3	„	„
Фуфайки теплой	1	„	„
Одѣяла бумажнаго	3	„	50 „
На сапоги наличныя	2	„	50 „
На содержаніе служителей	5	„	— „
На пудру и помаду и протчей мелочной расходъ	2	„	— „
Итого	57	„	— „

50 руб. и по парѣ въ годъ суконнаго платья, Ѳедору Волкову по 100 руб. * Менѣе способные товарищи Волкова, не поступившіе въ корпусъ, были награждены и отправлены обратно въ Ярославль. ** Въ корпусъ же поступило 12 человѣкъ, какъ ярославскихъ актеровъ, такъ и спавшихъ съ голоса придворныхъ пѣвчихъ. *** Ихъ было велѣно содержать во всемъ противъ кадетовъ, „а вмѣсто мундира сдѣлать изъ дикаго одинакаго суконаго платья того же цвѣта и подбоя съ шелковыми или гарусными петлями и пуговицами, шляпы съ золотымъ позументомъ, да каждому по одной парѣ чулковъ

Григорью Волкову.

Шубы волчей	14	р.	—	к.
Сапоговъ личныхъ	2	р.	50	к.
Пряжекъ съ композиціей	1	р.	—	к.
Фуфайки теплой	1	р.	—	к.
Четырехъ томовъ Жилблаза на франц. языкѣ.	2	р.	—	к.
Штановъ кафовыхъ	3	р.	—	к.
Двухъ паръ чулковъ шелковыхъ	—	р.	50	к.
Струнъ скрипичныхъ	2	р.	—	к.
Итого.	26	р.	—	к.

(См. *Основаніе Русскаго театра*, Коробанова, стр. 106—109).

* Какъ это видно изъ отношенія изъ кабинета ея императорскаго величества, въ канцелярію главнаго кадетскаго корпуса, отъ 8-го марта 1756 года, за подписью барона Черкасова; отношеніе это помѣщено въ приложеніяхъ къ книгѣ Коробанова *Основаніе Русскаго театра* (стр. 98—99).

** Это были: регистраторъ Иконниковъ, купеческій сынъ Скачковъ, два брата Егоровы и Михайловъ (см. *От. Зап.* 1822 г., XII, 304, 306).

*** Избранные въ актеры пѣвчіе и Ярославцы поступали въ кадетскій корпусъ для обученія ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1752 г., 14-го марта пѣвчіе: 1) Петръ Власьевъ, 2) Григорій Емельяновъ, 3) Павелъ Ивановъ, 4) Козьма Лукьяновъ, 5) Ѳедоръ Максимовъ, 6) Евстаѳій Григорьевъ и 7) Лука Ивановъ. Того же 10-го сентября „ярославскіе комедіанты: 1) Иванъ Дмитревскій и 2) Алексѣй Поповъ". Въ 1754 г. 20-го января, ея императорскаго величества пѣвчій Прокофій Приказный. Того же года февраля 26-го и марта 21-го московскіе комедіанты: 1) Григорій и 2) Ѳедоръ Волковы (см. Списокъ комедіантовъ, обучавшихся въ кадетскомъ корпусѣ, приложенный къ книгѣ Коробанова *Основаніе русскаго театра*., стр. 104).

отдавались по чинамъ. По словамъ записокъ Штелина, * съ 1757 г. стали въ театръ пускать публику за деньги, которыя и причислялись къ 5.000 р. ассигнованнымъ на содержаніе театра. Тогдашній репертуаръ составляли піесы Сумарокова, Хераскова, Дмитревскаго и др. Піесы Ломоносова игрались весьма рѣдко, какъ свидѣтельствуетъ Штелинъ. ** Не мало игралось піесъ переводныхъ, и въ числѣ ихъ *Поліевктъ* Корнеля и *Андромаха* Расина, и почти весь Мольеръ. Особеннымъ успѣхомъ изъ піесъ Мольера пользовались *Амфитріонъ*, *Скапеновы обманы* и *Лѣкарь противъ воли*. Въ это время талантъ Волкова выказался въ полномъ блескѣ и, по словамъ современниковъ, превосходилъ даже дарованіе знаменитаго Дмитревскаго. Читая стихи своихъ ролей нѣсколько протяжно, на распѣвъ, Волковъ своимъ звучнымъ и гармоническимъ голосомъ и исполненною страсти игрою, по словамъ современниковъ, увлекалъ и соотечественниковъ, и иностранцевъ. Штелинъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* за 1779 г. называетъ характеръ его игры *бѣшенымъ*, *** то-есть порывистымъ, исполненнымъ жара и вдохновенія. Хотя Волковъ былъ актеръ самоучка и не видалъ великихъ образцовъ драматическаго искусства, но иностранцы, видѣвшіе его игру, отзывались о немъ какъ о великомъ актерѣ. **** По словамъ Штелина, „Волковъ съ одинаковою силою игралъ и комическія, и трагическія роли. † Авторъ *Недоросля*, Фонвизинъ, въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи“, говоря о знакомствѣ своемъ съ Волковымъ, называетъ его „мужемъ великаго разума, который имѣлъ большія способности и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ“.

Въ 1759 г., Сумароковъ, радѣя о распространеніи русскаго театра, испросилъ высочайшее разрѣшеніе отправить Волкова съ Шумскимъ въ Москву, для устройства и тамъ русскаго театра. †† Въ Москвѣ они нашли театръ уже устро-

---

* *С.-Петербургскій Вѣстникъ* 1779 г. т. IV, стр. 93.

** Тамъ же, стр. 99.

*** Тамъ же, стр. 94.

**** *Драматическій Альбомъ* Арапова, стр. XVIII.

† *С.-Петербургскій Вѣстникъ* 1779 г. т. IV, стр. 94.

†† *Опытъ истор. словаря о россійскихъ писателяхъ* Новикова, стр. 39; *Записки, принадлежащія къ исторіи россійскаго театра* (*Русскій* 1868 г., № 19).

еннымъ въ домѣ Локателли, у Краснаго пруда. Театръ этотъ состоялъ подъ покровительствомъ Московскаго университета. Директоромъ этого театра былъ М. М. Херасковъ, а актерами большею частію студенты Московскаго университета. Изъ нихъ особенно отличались, какъ актеры, И. И. Булгаковъ и Д. И. Фонвизинъ, въ послѣдствіи авторъ *Недоросля*.* Въ самый день пріѣзда Волкова въ Москву, на этомъ театрѣ играли двѣ *увеселительныя драмы*: *Обращенный міръ* и *Сердечный магнитъ*, переведенныя съ италіянскаго студентомъ Е. Булгаковымъ, а также комическую драму *Графъ Карамелли*, тоже переведенную съ италіянскаго студентомъ Каринымъ.** Вскорѣ по возвращеніи Волкова въ Петербургъ, театръ въ домѣ Локателли разстроился, и Волковъ выпросилъ разрѣшеніе перевести въ Петербургъ съ московскаго театра знаменитую тогдашнюю актрису Троепольскую съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ,*** а также и ея мужа, актрису Михайлову, съ жалованьемъ по 450 р.,**** и нѣсколькихъ московскихъ студентовъ, особенно отличавшихся на Локателліевомъ театрѣ. † Волкову хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на настоящемъ театрѣ замѣчательная драма moralité Дмитрія Ростовскаго *Кающійся грѣшникъ*, и онъ выпросилъ позволеніе сыграть ее. Императрица, всегда благоволившая къ талантливому Волкову, дала свое согласіе и *Кающійся грѣшникъ* былъ представленъ со всѣмъ великолѣпіемъ возможнымъ въ тогдашнее время. ††

Въ самое Рождество 1761 года скончалась императрица Елизавета Петровна, и по случаю ея кончины, театры были закрыты, но со вступленіемъ на престолъ Екатерины II въ 1762 году, какъ говоритъ Штелинъ, „начались паки на всѣхъ театрахъ представленія.“ ††† Спектакли, какъ русскіе, такъ и

---

* *Драматическій Альбомъ* Арапова, стр. XIX.

** См. статью Касаткина *Москов. Вѣдом.* 1858 г. № 47.

*** См. *Русскую Талію*, стр. 29.

**** См. тамъ же.

† *Драматическій Альбомъ* Арапова, стр. XX, *Русская Талія* стр. 24.

†† *Энциклопедическій Лексиконъ* Плюшара, т. XI, стр. 355. *Основаніе русскаго театра* Коробанова, стр. 33. *Ярослав. литерат. сборникъ* 1851 г., стр. 120—121. *Драматическій Альбомъ* Арапова, стр. XXI. Есть также указанія, что при императрицѣ Елизаветѣ играна и другая драма Димитрія Ростовскаго, *Эсеиръ*.

††† *С.-Петербургскій Вѣстникъ* 1779 г. т. IV, октябрь, стр. 255.

иностранные, были распредѣлены по днямъ, и для русскихъ назначена была середа.*

Осенью 1762 года, по случаю коронаціи Екатерины, придворнымъ актерамъ было предписано отправиться въ Москву, но по пріѣздѣ въ эту столицу Волковъ игралъ одинъ только разъ, въ трагедіи Сумарокова *Семира*. Это была его послѣдняя роль.

По случаю прибытія Екатерины въ Москву для коронаціи, открылся рядъ блестящихъ праздниковъ. Въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ громадный маскарадъ, мысль и устройство котораго принадлежатъ Волкову. Сочинивъ планъ своего великолѣпнаго сатирическаго маскарада: *Торжествующая Минерва*, Волковъ обратился къ Хераскову, который изготовилъ ему объяснительные къ его программѣ стихи. Сумарокова Волковъ упросилъ написать хоры, а нѣкоторые написалъ самъ. Послѣ большихъ хлопотъ, все было наконецъ устроено: костюмы и машины были готовы, и 30-го января 1763 года появилась афиша, которою извѣщалось:

„Сего мѣсяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, то-есть въ четвертокъ, субботу и воскресенье, по улицамъ: Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровкѣ, отъ 10-ти часовъ утра за полдни, будетъ ѣздить большой маскарадъ, названный *Торжествующая Минерва*, въ которомъ изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели. По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься, и на сдѣланномъ на то театрѣ представятъ народу разныя игралища, пляски, комедіи кукольныя, фокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія, станутъ доставать деньги своимъ проворствомъ, охотники бѣгаться на лошадяхъ и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масленицы, съ утра и до ночи, въ маскѣ и безъ маски, кто какъ похочетъ, всякаго званія люди.“

Наступили назначенные дни, и этотъ громадный маскарадъ тронулся торжественнымъ шествіемъ по московскимъ улицамъ. Двѣсти огромныхъ колесницъ, устроенныхъ механикомъ Брегонціемъ, были везены запряженными въ нихъ, отъ 12-ти до 24-хъ въ каждой, разубранными волами. Дѣйствовавшихъ въ этомъ маскарадѣ, большею частію набранныхъ изъ охотниковъ, было до 4.000 человѣкъ.**

* Тамъ же, сентябрь, стр. 166 и 167.

** *Отечественныя Записки*, 1823 г., № 35, стр. 372. *Ярославскій*

Маскарадное шествіе открывалось предвозвѣстникомъ торжества со свитою и раздѣлено было на отдѣленія. Предъ каждымъ несли на богато-украшенномъ шестѣ особенный знакъ. Первый знакъ былъ обвѣшанъ куклами и колокольчиками съ надписью: „Упражненіе малоумныхъ“. За нимъ слѣдовалъ хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ, пересмѣхавшій слабомысліе и дурачество. Это былъ дворъ Момуса. Большія литавры издавали пронзительный звукъ, и два знамени Момуса бренчали звонками; везли нѣсколько театровъ, на которыхъ вертѣлись и прыгали куклы, а по сторонамъ ѣхало двѣнадцать человѣкъ на деревянныхъ коняхъ съ погремушками. Флейтщики и барабанщики шли въ блестящихъ кольчугахъ. Далѣе ѣхалъ верхомъ Родомонтъ, представитель глупыхъ забіякъ, бренча своею саблей и поглядывая на всѣ стороны съ презрительно, наглою осанкой; за нимъ слѣдовалъ каррикатурный пажъ, поддерживая его длинную косу. Служители комическаго старика-пустохвала, въ шутовскомъ платьѣ, несли открытый портшезъ, въ которомъ сидѣлъ пустохвалъ, спѣсившись богатствомъ и щегольствомъ. Потомъ шелъ надутый педантъ, сопровождаемый скоморохами, книгохранительница сумазброднаго враля волокла коробъ съ его фоліантами; дикари, представляя невѣждъ, бѣжали гурьбой за педантомъ. Далѣе слѣдовалъ арлекинъ. Двѣнадцать человѣкъ въ шутовскомъ платьѣ, съ бубнами и погремушками, скакали предъ быкомъ, котораго вели двое прислужниковъ; на быкѣ сидѣлъ человѣкъ, держа въ рукѣ домъ, вертящійся на всѣ стороны. Момусъ, покровитель шутовства, со своею свитой, заключалъ первое отдѣленіе маскарада, и далеко раздавались съ присвистомъ и прискачкой хоры весельчаковъ.

Второе отдѣленіе представляло *пьянство*, слѣдующее за невѣжествомъ. Знакъ предъ нимъ былъ увѣнчанъ виноград-

---

литературный сборникъ, стр. 123. Подробности этого маскарада описаны въ особой книжкѣ, напечатанной въ 1763 г. въ Москвѣ при университетѣ, но эта книжка составляетъ большую рѣдкость, и я пользовался не ею, а перепечаткой ея въ *Москвитянинѣ* 1850 г. за октябрь мѣсяцъ, стр. 109—128. Къ сожалѣнію, книжка эта въ *Москвитянинѣ*, какъ говоритъ Касаткинъ въ № 48 *Москов. Вѣдомостей* за 1858 г., перепечатана съ нѣкоторыми цензурными пропусками. При описаніи этого маскарада я пользовался и статьей *Маяка* за 1840 годъ.

ными кистями, надъ которыми возвышалась козлиная голова; надпись на знакѣ: *Смѣхъ и безстыдство.* Показалась украшенная хрусталемъ и раковинами пещера Пана, окруженная пляшущими и поющими нимфами. Сатиры и вакханки въ зеленыхъ вѣнкахъ, съ жезлами обвитыми виноградными кистями, шли съ плясками; иныя несли корзины винограда, другія прыгали, звеня въ бряцалки и стуча въ тамбурины. Дряхлые сатиры ѣхали на козлахъ, пересмѣхаемые бѣгущими за ними; двое подвигались на свиньяхъ и двое шли съ обезьянами. Колесница Бахуса везена была тиграми. Козлоногая свита слѣдовала за Бахусомъ, стуча въ тамбурины; вели осла, на которомъ покачивался пьяный Силенъ, поддерживаемый сатирами. Наконецъ, народъ съ хохотомъ видѣлъ какъ пьяницы тащили сидящаго на бочкѣ толстаго, краснолицаго откупщика; къ бочкѣ были прикованы цѣпями корчемники и цѣловальники съ мѣрками. Двѣ стойки съ винными флягами, окруженныя игравшими на гудкахъ, балалайкахъ, рыляхъ и волынкахъ, заключали отдѣленіе Бахуса, сопровождавшееся хоромъ пьяницъ.

Предъ третьимъ отдѣленіемъ маскарада былъ знакъ или щитъ съ надписью: *Дѣйствія злыхъ сердецъ.* Знакъ этотъ представлялъ ястреба терзающаго голубя, паука спускающагося на муху, кошачью голову съ мышью въ зубахъ и лисицу давящую пѣтуха. Нестройный хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ шелъ въ видѣ разныхъ животныхъ, представителей Эзоповыхъ басенъ. Наконецъ появилось Несогласіе, окруженное бойцами и борцами, которые нападали другъ на друга, махая ножами и кинжалами; три фуріи, хлещущія бичами, преслѣдовали ихъ.

Отдѣленіе четвертое представляло *Обманъ.* На знакѣ была изображена маска, окруженная змѣями, кроющимися въ розахъ, съ надписью: *Пагубная прелесть.* За знакомъ шли цыганы и цыганки, пьющіе, поющіе и пляшущіе; колдуны и ворожеи приманивали стаю чертей и чертенятъ. Обманъ, окруженный аферистами и прожектерами, былъ предшествуемъ хоромъ, исчислявшимъ разные виды обмановъ.

Отдѣленіе пятое было посвящено посрамленію *невѣжества.* На знакѣ выставленъ былъ нетопырь, черныя сѣти и ослиная голова. Хоръ представлялъ слѣпыхъ, ведущихъ другъ друга; четыре человѣка, держа замерзшихъ змѣй, грѣли и

отдували ихъ. Невѣжество величалось на ослѣ, и толпа лѣнивыхъ, зѣвая, сопровождала Праздность и Злословіе.

Отдѣленіе шестое обличало *ябеду и лихоимство*. На знакѣ видно было изображеніе гарпіи, окруженной крапивой, крючками, денежными мѣшками и изломанными вѣсами. Подъ знакомъ надпись: *Всеобщая пагуба*. Ябедники, сопровождаемые духами ябеды, и стряпчій крючкотворецъ открывали шествіе. Подъячіе шли со знаменами, на которыхъ написано было крупными буквами: *завтра*. Нѣсколько замаскированныхъ длинными, огромными крючьями тащили за собою взяточниковъ, обвѣшенныхъ крючками; повѣренные и сочинители ябедъ шли съ сѣтьми, опутывая и стравливая идущихъ людей разнаго званія; хромая Правда тащилась на костыляхъ съ переломленными вѣсами, сутяги и аферисты гнали ее, колотя въ спину туго набитыми денежными мѣшками. Лихоимство, прислуживаемое криводушниками, сидѣло на яйцахъ, изъ которыхъ вылуплялись гарпіи. При хорѣ: „Взятки жизни красота“, два пріятеля, Кривосудъ Обираловъ и Взятколюбъ Обдираловъ, ѣхали, бесѣдуя о взяткахъ, а прислужники ихъ разсыпали вокругъ на пути крапивныя сѣмена. Наконецъ шли обобранные тяжущіеся съ пустыми мѣшками, печально опустивъ головы.

Отдѣленіе седьмое имѣло на знакѣ изображенія летающихъ четвероногихъ звѣрей и человѣческое лицо, обращенное внизъ; оно представляло *міръ на выворотъ*. Хоръ былъ въ одеждахъ на изнанку, два трубача ѣхали на верблюдахъ, а литаврщикъ на быкѣ, четверо шли задомъ; слуги въ ливреяхъ везли открытую карету, въ которой разлеглась лошадь; щеголи везли другую карету, съ посаженною въ ней обезьяною; нѣсколько карлицъ съ трудомъ поспѣвали за великанами, за ними подвигалась люлька со спеленатымъ въ ней старикомъ, котораго кормилъ мальчикъ. Въ другой люлькѣ лежала старушка, играла въ куклы и сосала рожокъ, а за нею присматривала маленькая дѣвочка съ розгой; наконецъ, везли свинью, покоющуюся на розахъ; за нею брелъ оркестръ пѣвцовъ и музыкантовъ, въ которомъ главныя лица были: поющій оселъ и козелъ игравшій на скрипкѣ; четыре маляра ѣхали на коровахъ. Діогенъ съ фонаремъ въ рукѣ катился на бочкѣ. Гераклитъ и Демокритъ, смѣхъ и горе, несли шаръ земной, а за ними шесть вѣтряныхъ мельницъ, махая крыльями, представляли любителей пустословія.

Отдѣленіе восьмое назначено было къ осмѣянію *Тщеславія и спѣси.* Знакъ украшался павлиньимъ хвостомъ, окруженнымъ нарцизами, а подъ ними зеркало съ отразившеюся въ немъ надутою харей и съ надписью: *Самолюбіе безъ достоинствъ.* Хоръ составляли невольники. За трубачами и литаврщиками слѣдовали скороходы, слуги, пажи, гайдуки, предшествуя пышной каретѣ спѣси и окружая ее.

Отдѣленіе девятое представляло *Мотовство и Бѣдность* съ сопровождающими ихъ. На знакѣ виденъ былъ опрокинутый рогъ изобилія, изъ котораго сыпались золото и соръ, съ надписью: *Безпечность о добрѣ.* Хоръ шелъ въ платьяхъ обшитыхъ картами, два знамени были составлены изъ множества сшитыхъ картъ. Потомъ шли рядомъ пиковый валетъ, король и дама, за ними трефовый валетъ, король и дама, послѣ того червонные, потомъ бубновые. Ихъ сопровождала слѣпая фортуна. За нею шли съ гордымъ видомъ счастливые игроки, печальные и съ растрепанными волосами шли проигравшіеся, за ними брели двѣнадцать нищихъ съ котомками.

Цѣлая толпа картежниковъ, съ колодами картъ, сопровождала шествіе, замыкавшееся колесницей Венеры, съ сидящимъ возлѣ нея Купидономъ. Нѣсколько мущинъ и женщинъ привязаны было цвѣтами къ колесницѣ; наконецъ, шли Роскошь, Бѣдность и Скупость со своими послѣдователями: мотами, убогими и скрягами въ характерныхъ маскахъ; четырнадцать кузнецовъ шли за скрягами; за ними подвигалась огнедышащая Этна, на которой Вулканъ съ циклопами ковалъ громовыя стрѣлы на пораженіе пороковъ.

Все это составляло только половину маскараднаго шествія, другая была еще великолѣпнѣе.

Она открывалась колесницей Юпитера громовержца, и послѣдующія за ней группы были одна другой пріятнѣе. За хоромъ пастуховъ, игравшихъ на флейтахъ, слѣдовали двѣнадцать пастушекъ. Хоръ дѣтей съ оливковыми вѣтвями славилъ дни золотаго вѣка и сошествіе Астреи на землю.

Двадцать четыре часа, въ одеждѣ блестящей золотомъ, окружали золотую колесницу, въ которой Астрея призывала улыбкой радость. Ее сопровождалъ хоръ поэтовъ, увѣнчанныхъ лаврами; далѣе появился цѣлый Парнасъ съ музами и Аполлонъ въ колесницѣ.

Земледѣльцы съ орудіями полевыхъ работъ, искусства,

науки, художества, при звукѣ трубъ и литавръ, предшествовали колесницѣ Добродѣтели, которую окружали сановитые старцы въ бѣлой одеждѣ и лавровыхъ вѣнкахъ. Герои, наиболѣе прославленные исторіей, ѣхали на бѣлыхъ коняхъ; за ними шли законодатели и философы. Хоръ дѣтей, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зеленѣющими вѣтвями, съ вѣнками на головахъ, предшествовалъ колесницѣ торжествующей Минервы. Надъ нею видна была Побѣда и Слава. Хоръ и оркестръ гремѣли:

Веселитеся народы,
Воздухъ, и земля, и воды,
Матерь ваша, Россы, вамъ
Затворила Янв храмъ.

Маскарадное шествіе заключалось горой Діаны, озаренною лучезарными свѣтилами. *

Три дня двигался этотъ маскарадъ по московскимъ улицамъ. Несмотря на холодную погоду, балконы и окна были наполнены зрителями; самыя крыши домовъ были покрыты любопытными, и кромѣ того множество народа провожало эту процессію по улицамъ, а еще болѣе многолюдныя толпы встрѣчали ее, по возвращеніи, у зимнихъ горъ, освѣщенныхъ разноцвѣтными огнями. **

Но дорого заплатилъ Волковъ за этотъ маскарадъ: онъ стоилъ ему жизни. Разъѣзжая верхомъ для наблюденія за порядкомъ маскарада, Волковъ сильно простудился и слегъ въ постель. Новиковъ *** говоритъ, что Волковъ получилъ сильную простуду, потомъ горячку, и скоро, несмотря на всѣ медицинскія пособія, его не стало. Онъ скончался 4-го апрѣля 1763 г., на 35 году отъ рожденія. Какъ разсказываютъ *Записки принадлежащія къ исторіи Россійскаго театра*, „тѣло Волкова съ великолѣпіемъ и богатою церемоніей погребено въ присутствіи знатнѣйшихъ придворныхъ кавалеровъ и великаго множества людей различнаго сословія въ Андрониковѣ монастырѣ“. ****

---

* *Маякъ* 1840 г. *Московскія Губернскія Вѣдомости* 1852 г., № 52, *Антрактъ* 1864 г. № 48.

** Статья Касаткина въ *Моск. Вѣдом.* 1858 г. № 48.

*** *Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*, стр. 40.

**** *Русскій* 1868 г. № 19.

Сумароковъ на смерть Волкова написалъ элегію, посвященную ихъ общему другу Дмитревскому. *

Бо́льшая часть литературныхъ трудовъ Волкова состоитъ изъ переводовъ. ** Кромѣ пасторали *Эвмонъ и Берса*, переведенной съ нѣмецкаго, имъ переведена съ италіянскаго опера Метастазіо *Титово милосердіе*, и еще нѣсколько комедій съ нѣмецкаго. Онъ перевелъ также нѣкоторыя комедіи Мольера, а именно: *Любовь докторъ*, *Жоржъ Данденъ*, *Les précieuses ridicules* и *Сициліецъ*. Кромѣ того, имъ переведены съ французскаго піесы: *Волшебный поясъ* Руссо и *Обманутый, прибитый и довольный опекунъ* Данкура. ***

* Вотъ эта „Элегія къ Дмитревскому на смерть Волкова“:

Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Преставился мой другъ, прости мой другъ любезный!
На вѣки Волкова пресѣкался часы!
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ,
Пегасовъ предо мной источникъ замерзаетъ.
Расиновъ я театръ явилъ, о Россы! вамъ.
Богиня! я тебѣ поставилъ пышный храмъ!
Въ небытіе теперь сей храмъ перенесется,
И основаніе его уже трясется.
Се смысла моего и тщанія плоды!
Се вѣка цѣлаго прилежность и труды!
Дмитревскій! что̀ зачнемъ мы съ сей теперь судьбою!
Разстался Волковъ нашъ со мною и съ тобою,
И съ музами на вѣкъ. Воззри на гробъ его.
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Котораго, какъ насъ, потомство не забудетъ;
Переломи кинжалъ; котурна ужь не будетъ.
Простись съ отторженнымъ отъ драмы и отъ насъ.
Простися съ Волковымъ уже въ послѣдній разъ.
Въ послѣднемъ какъ ты съ нимъ игранія прощался,
И молви, какъ тогда Оскольду извѣщался,
Пустивъ днесь горькія струи изъ смутныхъ глазъ:
Коликимъ горестямъ подвластны человѣки!
Прости, любезный другъ, прости, мой другъ, на вѣки!

** Лѣскинъ въ своей статьѣ, *Ѳ. Г. Волковъ, основатель русскаго театра*, помѣщенной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1869 г., № 33, говоритъ, что Волковъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, поставилъ на своемъ Ярославскомъ театрѣ комедію своего сочиненія: *Всякой Еремей про себя разумѣй*, но неизвѣстно откуда г. Лѣскинъ заимствовалъ это свѣдѣніе.

*** *Библіографическія записки*, 1858 г., № 7, стр. 208 и 209.

Изъ оригинальныхъ произведеній Волкова, кромѣ программы маскарада *Торжествующая Минерва*, извѣстно нѣсколько пѣсенъ, а именно; „Ты проходишь мимо кельи дорогая“ и „Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню“, слова и музыка которыхъ сочинены самимъ Волковымъ. * До насъ дошла также его эпиграмма, сказанная имъ на какого-то господчика:

Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ.
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ.
Полно, не спорьте: и конь и дѣтина
Оба красивы, да оба скотина.

Новиковъ, бывшій студентомъ въ то время какъ Волковъ пріѣзжалъ въ 1759 г. въ Москву, свидѣтельствуетъ, что Ѳедоръ Григорьевичъ писалъ много стихотвореній, и между прочимъ сталъ сочинять изъ 40 строфъ оду Петру Великому, но остановился на 15-й строфѣ, и не кончилъ. Новиковъ говоритъ что „ода сія достойна великой похвалы“. **

Ѳ. Г. былъ первымъ русскимъ опернымъ композиторомъ. Извѣстно, что музыку первой русской оперы *Цефалъ и Прокрисъ* написалъ *иностранецъ* Арайя, точно также и ко второй оперѣ *Альцеста* музыку написали *иностранцы* Раупахъ и Старцеръ, на третью *Селевкъ*—опять *иностранецъ* Арайя, но на четвертую *Танюша, или счастливая встрѣча* (комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ и въ русскихъ нравахъ, соч. И. А. Дмитревскаго) музыку написалъ уже *Русскій*, а именно Ѳ. Г. Волковъ. Такимъ образомъ основатель русскаго театра является и первымъ русскимъ опернымъ композиторомъ. ***

---

* Новиковъ *Опытъ Историческаго Словаря Россійскихъ писателей* стр. 41.

** См. тамъ же.

*** Въ библіотекѣ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ хранится коллекція старинныхъ афишъ, собранная покойнымъ актеромъ Носовымъ. Въ этой любопытной коллекціи сохранилась и афиша *Танюши*. Приводимъ вполнѣ эту любопытную афишу: „Сего 27-го ноября 1756 года, на Васильевскомъ островѣ, на Головинскомъ вольномъ театрѣ, россійскими придворными актерами будетъ представлена *Танюша, или Счастливая встрѣча*, комическая опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ и въ русскихъ нравахъ, соч. перваго придворнаго актера И. А. Дмитревскаго, музыка актера Ѳ. Г. Волкова. Дѣйствующія лица: *Старовѣковъ*, помѣщикъ—*Ѳ. Волковъ*, *Буркинъ*, унтеръ-офицеръ—*С. Рожевскій*, *Савелій*, староста деревни—*Н. Клу-*

Уважая драматическія произведенія Димитрія Ростовскаго, Волковъ съ большимъ тщаніемъ переписалъ его піесы и поднесъ ихъ императрицѣ Екатеринѣ II, а та подарила ихъ любителю русской старины, князю Г. Г. Орлову. *

По свидѣтельству Дмитревскаго, литературные труды Волкова уважались его современниками, но онъ былъ недоволенъ ими и охотно замѣнялъ на сценѣ свои переводы чужими. Такая черта безпристрастія и отсутствія авторскаго самолюбія не очень-то обыкновенна. Волковъ вскорѣ даже уступилъ и пожалованный ему титулъ „перваго придворнаго актера". Хотя бо́льшая часть его біографовъ и говорятъ, что только послѣ смерти Ѳ. Г. Волкова титулъ этотъ достался его ученику, И. А. Дмитревскому, но изъ афиши оперы *Танюша* видно, что уже въ 1756 г., т.-е. при жизни Волкова, и съ небольшимъ черезъ годъ послѣ изданія указа объ учрежденіи русскаго театра, титулъ этотъ принадлежалъ Дмитревскому, а Волковъ назывался просто актеромъ.

Волковъ былъ средняго роста, нѣсколько полонъ, съ открытымъ и умнымъ выраженіемъ лица, со вьющимися по плечамъ темно-русыми волосами и звучнымъ гармоническимъ голосомъ. Изъ дошедшихъ до насъ его портретовъ, самымъ сходнымъ считается сдѣланный его другомъ, въ свое время извѣстнымъ граверомъ Чемесовымъ. ** Новиковъ гово-

---

*тарев*ъ, *Танюша*, дочь его—*Е. Бѣлоградская*, *Варинька*, подруга ея—*Мусина-Пушкина*, *Алексѣй*, женихъ Тани—*Г. Марцинкевичъ*, *Ѳедулъ*, садовникъ—*Григ. Волковъ*, *Фока*, сынъ его, женихъ Вари—*Я. Шумскій*. Гости, слуги и крестьяне. Начало будетъ въ 5 часовъ, (См. *Историческій очеркъ русской оперы*, В. Моркова, стр. 2, 8 и 159).

* Князь А. А. Шаховской въ своей *Лѣтописи русскаго театра* (*Репертуаръ* 1840 г., № 6) говоритъ: „Семь изъ этихъ трагедій были списаны въ Ярославлѣ учредителемъ русскаго театра Ѳ. Г. Волковымъ и поднесены императрицѣ Екатеринѣ II. Я, узнавъ о томъ, выпросилъ позволеніе покойнаго государя императора Александра Павловича отыскать сію рукопись въ библіотекѣ Эрмитажа, но исканіе мое было безполезно. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, участвовавшій въ перепискѣ трагедій Св. Димитрія, сказалъ мнѣ что государыня пожаловала ихъ ревнителю всего россійскаго, князю Г. Г. Орлову; тогда я обратился въ библіотеку мраморнаго дворца, нѣкогда ему принадлежавшаго и купленнаго въ казну со всѣмъ въ немъ находящимся, но и въ ней не нашлось желаемаго."

** Подъ этимъ портретомъ находится слѣдующая надпись: „Желая сохранить память сего мужа, вырѣзалъ я сіе лица его изображеніе со врученіемъ онаго Николаю Николаевичу Мотонису и Григорію

ритъ о Волковѣ: „Съ перваго взгляда казался онъ нѣсколько суровъ и угрюмъ, но сіе исчезало когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели: друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществовать."

Волковъ всю жизнь свою посвятилъ искусству, оно одно занимало всю его душу, и въ сердцѣ его не оставалось мѣста для другой любви. Волковъ не былъ женатъ, и какъ увѣряютъ, никогда не былъ даже влюбленъ.*

В. РОДИСЛАВСКІЙ.

Васильевичу Козицкому, по завѣщанію его самого, любезнаго моего и ихъ друга. Свидѣтельствую искреннюю мою съ нимъ дружбу. Графъ Чемесовъ." Снимокъ съ этого портрета приложенъ къ *Драматическому Альбому* П. Н. Арапова.

* Изъ ярославской дѣятельности Ѳ. Г. Волкова, князь А. А. Шаховской сдѣлалъ піесу *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, или день рожденія русскаго театра*, напечатанную въ *Репертуарѣ* 1840 г., № 6. Въ своей *Лѣтописи русскаго театра* кн. Шаховской говоритъ объ этой піесѣ, что она „представляетъ это происшествіе (т.-е. устройство перваго Волковскаго спектакля въ Ярославлѣ) сколько можно ближе къ истинѣ", но, къ сожалѣнію, онъ не сохранилъ въ ней вполнѣ исторической правды и сдѣлалъ не мало анахронизмовъ. Такъ, желая не оставить піесу безъ женской молодой роли, онъ ввелъ въ нее вымышленное лицо Груни, крестницы Полуткина, и заставилъ ее играть роль Веры. На театрѣ Волкова не было актрисъ, и Ваня Нарыковъ исполнялъ въ день рожденія русскаго театра обѣ женскія роли. Піеса кн. Шаховскаго была играна въ московскомъ Маломъ театрѣ и въ день столѣтняго юбилея русскаго театра, 6-го декабря 1856 г., а на Большомъ театрѣ игрались въ этотъ день двѣ піесы, выбранныя по конкурсу, нарочно объявленному для столѣтняго юбилея русскаго театра: В. Р. Зотова и графа В. А. Соллогуба. Въ піесѣ графа В. А. Соллогуба Ѳ. Г. Волковъ является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Намъ извѣстны еще двѣ піесы, въ которыхъ Волковъ является тоже дѣйствующимъ лицомъ, а именно: піеса Куликова, игранная въ 1860 г. на сценѣ Александринскаго театра, и другая—„Начало русскаго театра", помѣщенная въ *Дѣтскомъ журналѣ* Залѣсскаго за 1859 годъ. Московскій Артистическій Кружокъ 9-го февраля нынѣшняго года праздновалъ память Волкова. Торжество началось заупокойною обѣдней и панихидой, отслуженными въ Андроньевскомъ монастырѣ архимандритомъ этого монастыря съ братіей, а вечеромъ въ Кружкѣ прочтена была авторомъ этой статьи біографія Волкова, потомъ любителями сыграна піеса кн. Шаховскаго *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ*, а въ заключеніе нарочно написанный діалогъ (дѣйствующими лицами котораго являются Жизнь, Искусство и Веселость) былъ прочитанъ его авторомъ, кн. Кугушевымъ.

ДВА ВЕЧЕРА

РАЗКАЗЪ.

(Посвящается баронессѣ А. Н. Д.)

I.

Было около десяти часовъ вечера. Въ Москвѣ, въ столовой большаго стараго дома, накрывали чай. Два лакея суетились, бранились и носили изъ буфета то поднось съ чашками и стаканами, то хлѣбъ и печенья въ корзинкѣ и прочія принадлежности чайнаго комфорта. На особой тарелкѣ былъ принесенъ калачъ. Мѣдный поддонникъ подъ самоваръ обозначалъ уже его будущее мѣсто по правую руку отъ поднося съ чашками. Высокій лакей принесъ шкатулку съ чаемъ и сахаромъ и поставилъ ее рядомъ съ самоваромъ на особомъ маленькомъ столикѣ. Потомъ онъ принесъ высокій жестяной ящикъ и поставилъ его на стулѣ рядомъ съ маленькимъ столикомъ. Сдѣлавъ все это, онъ сталъ скоро и небрежно приставлять стулья къ столу, подбрасывая ихъ предварительно кверху. Онъ поставилъ уже нѣсколько стульевъ, когда другой лакей внесъ въ комнату тяжелый самоваръ. Мелкимъ, частымъ шагомъ поднесъ онъ его къ столу и почти уронилъ на поддонникъ; освобожденными руками отряхнулъ что-то съ груди своей, потомъ поправилъ волосы на головѣ и почесалъ ее. Затѣмъ подошелъ къ стѣнѣ, всталъ на стулъ, и прибавилъ огня въ большой керасиновой лампѣ, висѣвшей на стѣнѣ. Потомъ, снявъ съ рояли двѣ горѣвшія свѣчи и поста-

вивъ ихъ на обоихъ концахъ чайнаго стола, почтительно отошелъ отъ стола въ уголъ комнаты, и повернувшись въ него лицомъ, сталъ, какъ бы скрываясь отъ всѣхъ, надѣвать на руки чистыя нитяныя перчатки.

— А мнѣ принесъ перчатки? спросилъ высокій лакей ставившій стулья.

— Самъ не можешь сходить? отвѣчалъ тотъ грубо.

— Да вѣдь я просилъ тебя!

— Я спрашивалъ, Лукерья Семеновна не даетъ.

— Врешь все.. Норовишь какъ бы насупротивъ товарища сдѣлать.

Въ отвѣтъ на это обладатель перчатокъ фыркнулъ на всю комнату. Высокій лакей нахмурился, и обставивъ, наконецъ, кругомъ стола стулья, отправился въ гостиную, откуда слышался шумный и веселый женскій говоръ. На одну секунду голоса стихли, но потомъ опять заговорили. Наконецъ послышалось какъ что-то было сдвинуто съ мѣста, и немного погодя въ залу весело вбѣжала невысокая, рыженькая молодая дѣвушка, съ черными, бойкими глазками. Подкидывая и затѣмъ ловя руками связку ключей, она направилась прямо къ концу стола гдѣ былъ самоваръ, быстро открыла шкатулку, всыпала чай въ серебряный чайникъ такого же металла и стала наполнять его кипяткомъ. Паръ тонкою и сильною струей стремился ей въ лицо. Накрывъ полотенцемъ налитый кипяткомъ чайникъ, она стала проворно пересыпать изъ жестянки въ шкатулку сахаръ. За ней въ комнату, мѣрнымъ шагомъ, вошла высокая, полная, сѣдая женщина съ очень кроткимъ и добрымъ лицомъ, и сѣла на противоположномъ самовару концѣ стола. Это была мать семейства и жена главы дома, отставнаго генерала, находившагося въ это время съ гостемъ въ своихъ собственныхъ апартаментахъ. За матерью, почти рядомъ, вошли три ея младшія дочери, разныхъ лѣтъ и наружностей. За ними слѣдовала Нѣмка, пріятельница жившей нѣкогда въ домѣ гувернантки, отличавшаяся необыкновенно высокимъ ростомъ, здоровымъ тѣлосложеніемъ и необыкновенно спокойнымъ характеромъ.

Старшая дочь, Nadine, разливала чай. Вторая, высокая и хорошенькая брюнетка, Lise, сѣла подлѣ нея. Третья, любимица матери, кроткая, съ вѣчно заспанными глазками, Маруся, сѣла, какъ и подобало, около родительницы, а младшая,

еще очень юная Sophie, по привычкѣ, вѣроятно, сидѣть съ гувернанткой, которой еще не успѣла забыть, усѣлась рядомъ съ Нѣмкой близь самовара.

Разговоръ, прекратившійся было на время перехода изъ гостиной въ залъ и должно-быть очень интересовавшій старшихъ членовъ семьи, начался снова.

Первая заговорила Nadine.

— Я вамъ говорю, maman, что Саша не можетъ понравиться Евгенію Александровичу, и именно потому что ея лицо совершенно не въ его вкусѣ. Я помню, что до его отъѣзда отсюда, шесть лѣтъ тому назадъ, ему нравились блондинки. А какая же Саша блондинка?

Въ это время лакей, надѣвшій чистыя перчатки, сталъ разносить на подносѣ чай. Не получившій перчатокъ слуга несъ сзади корзину съ хлѣбомъ. Калачъ остался на столѣ. Высокая Нѣмка разрѣзала его на мелкія части.

— Что ты, другъ мой, говоришь! сказала мать, взявъ свою чашку съ подноса:—какъ будто въ людяхъ нравится одно только лицо, или вообще одна наружность. Евгеній Александровичъ вѣдь не такъ молодъ и вѣтренъ какъ ты, дружокъ мой. Саша дѣвушка умная, образованная, развитая и такъ мила что, я увѣрена, онъ будетъ отъ нея безъ ума.

— А я такъ въ этомъ не увѣрена, мама, сказала вторая дочь.— Я ему сегодня цѣлый день толковала про нее и даже показывала ему ея карточку, но онъ сказалъ что она ему вовсе не нравится.

— О, какія еще вы дѣти, друзья мои, сказала мать, и немного погодя прибавила:—да будетъ ли Саша сегодня? Вотъ ужъ десять часовъ, а ея еще нѣтъ.

— О, она навѣрное будетъ, поспѣшила отвѣтить Nadine.— Саша сказала что она изъ концерта непремѣнно пріѣдетъ, и притомъ прибавила, что если въ концертѣ будетъ скучно, то она ранѣе окончанія попроситъ мать уѣхать оттуда.

— Что же, Nadine, ты не посылаешь папа и Евгенію Александровичу чай? спросила мать.

— Папа сказалъ чтобъ я не посылала чай къ нему, что они сюда придутъ, и ему уже ходили докладывать что чай готовъ.

— Знаешь, мама, какъ странно! заговорила вторая дочь.— Еще до пріѣзда Евгенія Александровича я говорила Сашѣ о немъ. Я говорила ей о нашей давнишней дружбѣ съ нимъ, о

его умѣ, о его добротѣ. Разказывала ей всѣ подробности о немъ, о его жизни и вообще старалась приготовить ихъ встрѣчу и заинтересовать ее имъ. Сегодня вдругъ она говоритъ мнѣ, когда мы ѣздили звать ее къ намъ: „Пріѣхать къ вамъ, друзья мои, я пріѣду непремѣнно, вы сами знаете какъ я васъ люблю, но встрѣчей съ вашимъ Нагибинымъ меня не убѣждайте, потому что вашъ cousin интересуетъ меня очень мало.“

— Какъ же ты хочешь, Lise, чтобы Саша могла тебѣ иначе отвѣчать? Можетъ ли ее, въ самомъ дѣлѣ, интересовать Евгеній Александровичъ, котораго она никогда не видала и не знала?

— Но вѣдь я, мама, ей про него все, все разказала. Я даже разказала ей что знаю про его несчастную любовь къ Боренкиной. Оказывается что она эту исторію уже слышала отъ кого-то.

— На это я тебѣ скажу, Lise, что ты сдѣлалась такою болтуньей, мой другъ, что это становится даже неприлично. Я это уже не разъ въ тебѣ замѣчала. Ты такъ еще молода, что тебѣ о подобныхъ вещахъ и знать бы не слѣдовало, а тѣмъ болѣе говорить.

Вторая дочь, выслушавъ такую рѣчь матери, произнесенную почти строго, вскочила съ своего стула, подбѣжала къ ней и стала цѣловать, приговаривая:

— Мама, прости меня. Я думала что могу говорить то что знаю, и тѣмъ болѣе про Евгенія Александровича, котораго люблю.

Слова прерывались поцѣлуями.

— Нельзя, мой другъ, говорить все что знаешь и въ особенности то что касается другихъ. Едва ли Евгеній Александровичъ, несмотря на любовь твою къ нему, будетъ этимъ доволенъ.

Говоря это, мать отвѣчала поцѣлуями на поцѣлуи своей дочери.

Патетическая сцена была прервана приходомъ главы дома, отставнаго генерала Ащеулова, въ сопровожденіи молодаго человѣка высокаго роста съ очень пріятною и благородною наружностію. Темные волосы, выразительные черные глаза, матовая блѣдность лица дѣлали молодаго человѣка интереснымъ и даже красивымъ. Это былъ Евгеній Александровичъ Нагибинъ, родственникъ и другъ семейства Ащеуловыхъ. Онъ

шелъ тихо и весело позади высокаго, стараго и плѣшиваго генерала.

— Евгеній Александровичъ! идите сюда! садитесь здѣсь! говорили громко и разомъ три голоса: матери и двухъ ея старшихъ дочерей.

— Иду и сажусь между двумя сестрами, если только это окажется возможнымъ.

— Возможно и очень, Евгеній Александровичъ, говорила Lise, и пересѣвъ на рядомъ стоявшій стулъ, уступила свое мѣсто Нагибину.

— Знаете ли вы, Евгеній Александровичъ, что̀ значитъ сидѣть между двумя сестрами? Вы притомъ сами напросились.

— Если я самъ напросился, такъ ужъ это ничего не значитъ, Елизавета Сергѣевна.

— Ну, это-то все равно. Это значитъ что вы въ нынѣшнемъ году будете женаты, и непремѣнно.

— Ужъ это рѣшительно невозможно, такъ какъ я думаю никогда не жениться. Вы это слышали отъ меня не разъ.

— Еще бы, сказалъ генералъ.

Генералъ очень любилъ вставлять въ свою рѣчь возгласъ „еще бы“.

— Евгеній Александровичъ! говорила Nadine: — готовьтесь сегодня познакомиться съ нашею милою Сашей и положительно сдѣлать такъ чтобъ она вамъ понравилась.

— Разъ какъ вамъ это такъ упрямо хочется, то этого не будетъ, отвѣчалъ онъ шутя. (Ему подали въ это время чай.)— Вы знаете что я также капризенъ, продолжалъ онъ тѣмъ же шутливымъ тономъ,—а вы говорили такъ много хорошаго про вашего друга Оленину, что я подозрѣваю въ вашихъ разказахъ о ней значительную долю пристрастія.

— Я прекращаю разговоръ о ней, сказала, обидѣвшись, Nadine. — Вопервыхъ, прекращаю его потому, что онъ можетъ повести насъ опять къ спору, который бываетъ между нами такъ часто съ минуты вашего пріѣзда, а вовторыхъ, можетъ быть не далѣе какъ черезъ полчаса вы увидите ее сами.

Въ это время въ передней послышался звонокъ.

— А можетъ-быть даже и ранѣе? сказалъ Нагибинъ.

Чрезъ нѣсколько секундъ послѣ звонка въ комнату не вошла, а скорѣе влетѣла, улыбаясь и согнувшись тѣломъ напередъ, молодая, высокая и красивая дѣвушка лѣтъ двадцати. Эта брюнетка, со жгучими черными глазами, была ожидаемая

Саша, то-есть Александра Николаевна Оленина. Не глядя ни на кого, не поворотивъ даже хорошенькой головки въ ту сторону откуда стремились къ ней на встрѣчу всѣ четыре сестры Ащеуловы, она подбѣжала къ женѣ генерала, необыкновенно живо и граціозно нагнулась, поцѣловала ее и проговорила: „Добрый вечеръ, милая Антонина Егоровна“. Отъ нея она также скоро подскочила къ генералу, протянула ему руку и сказала: „Здравствуйте, ваше превосходительство“. Затѣмъ, повернувшись назадъ, стала перецѣловывать всѣхъ сестеръ обступившихъ ее, успѣвая въ то же время снимать со своихъ маленькихъ рукъ бѣлыя перчатки.

Здороваясь, сестры говорили всѣ заразъ, и гостья успѣвала отвѣчать всѣмъ на вопросы. Необыкновенно живая натура ея давала ей возможность и способность и слушать, и отвѣчать, и дѣлать все что̀ нужно, въ одно время.

— Какъ! Ты одна Саша? спросила ее генеральша, когда поцѣлуи окончились. Генеральша поворачивала въ это время свою голову въ разныя стороны, и какъ будто искала кого-то.

— Мы не дождались окончанія концерта, и я завезла maman къ Синицынымъ, а сама скорѣй сюда къ вамъ. Я должна буду отсюда заѣхать за maman.

Все это проговорено было Олениной очень скоро и самымъ пріятнымъ, звучнымъ голосомъ.

— Знаешь, Nadine, продолжала Оленина,—кого я видѣла сегодня въ концертѣ? Ну, угадай? Звѣринцева, того самаго о которомъ я тебѣ разказывала. Мы еще ѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ прошломъ году изъ Петербурга до Берлина.

Послѣднія слова она проговорила еще скорѣй.

— Помню, помню, отвѣчала та.

— Онъ такъ исхудалъ, бѣдный, что его узнать нельзя. Я ему говорю: М-г Звѣринцевъ, вы, вѣроятно, влюблены, что такъ похудѣли, и влюблены можетъ-быть на столько, что вамъ необходимо лѣчиться гомеопатіей. Онъ сталъ конечно допытываться, почему онъ долженъ непремѣнно лѣчиться гомеопатіей, и я ему сказала: потому что тамъ есть лѣкарство подъ названіемъ „ignatia“, помогающее, что̀ можно прочесть въ лѣчебникѣ, отъ несчастной любви.

Всѣ засмѣялись.

— Это ты ему сказала, Саша?

— Да, а что? Согласись сама, что еслибы любовь его не была несчастна, то онъ не исхудалъ бы такъ.

— Но почему ты думаешь что онъ исхудалъ отъ любви?

— О! Навѣрное такъ. Онъ такой сердечкинъ, сказала она шутливымъ, но рѣшительнымъ тономъ, не допускавшимъ возраженія.

— Ну, Саша, перебила ихъ генеральша,—иди сюда, садись чай пить. Прежде, впрочемъ, позволь тебѣ представить Евгенія Александровича Нагибина, ты о немъ вѣрно уже слышала. Прошу сойтись съ нимъ, жаловать его и полюбить такъ же какъ мы его любимъ.

— Да, еще бы, сказалъ генералъ.

При словахъ „позволь тебѣ представить", Нагибинъ всталъ и отвѣсилъ самый почтительный поклонъ, наклонивъ низко голову. Въ это время Оленина въ первый разъ взглянула на него. По окончаніи рѣчи генеральши, она направилась къ Нагибину съ протянутою рукой. Нагибинъ пожалъ эту руку, сохраняя самый серіозный видъ.

— Очень рада, monsieur Нагибинъ. Я такъ много слышала про васъ отъ вашихъ и моихъ друзей, говорила она, любезно улыбаясь ему,—и только одно, одно, хорошее....

Оленина сѣла за столъ, и ей подали чай. Всѣ уже отпили свой и свободно слушали ея неумолкаемый и веселый разказъ про концертъ. Она говорила скоро и непринужденно. Въ разказѣ она часто перебрасывалась съ одного обстоятельства на другое.

Говоря, она оборачивала голову во всѣ стороны, часто смѣялась и еще чаще мѣняла выраженіе на своемъ хорошенькомъ и умномъ личикѣ. Всѣ съ удовольствіемъ и почти съ увлеченіемъ слушали ея пѣвучій разказъ, полный остроумія. Ея веселость и необыкновенная оживленность обаятельно и заразительно дѣйствовали на всѣхъ. Генералъ каждую минуту говорилъ: „еще бы". Лиза хохотала отъ души, такъ же какъ и сама Оленина. Обращаясь къ Нагибину, разкащица принимала болѣе серіозный видъ и довольно часто останавливала на немъ свой взглядъ.

Чай былъ оконченъ, но разказъ, вѣроятно, никогда бы не кончился, еслибы Лиза не встала, не схватила Оленину подъ руку и не умчала ее въ гостиную. Всѣ точно сговорились встать съ своихъ мѣстъ и послѣдовали за ними. Генералъ пошелъ первый, какъ и подобало по чину и положенію.

Младшая изъ сестеръ, схвативъ за руку высокую Нѣмку, потащила ее за нимъ. Прислуга стала убирать чай и столъ.

Въ дверяхъ, Надина подошла къ Нагибину и спросила его:

— Какъ нравится вамъ Саша? Только прошу говорить откровенно.

Онъ какъ-то особенно улыбнулся и отвѣчалъ не сразу:

— Вы прежде, Надежда Сергѣевна, спросите: понравилась ли мнѣ она? А потомъ ужь, судя по моему отвѣту, спросите: какъ?

— Вы этимъ хотите сказать что Саша вамъ не понравилась!

— Вы приказали говорить откровенно. Да, она мнѣ не особенно нравится.

— Какъ хотите, а я рѣшительно не могу и не хочу вамъ вѣрить, Евгеній Александровичъ, сказала Nadine почти сердито.

— Напрасно. Мнѣ нѣтъ причины скрывать. Не подумайте пожалуста чтобъ я хотѣлъ только упорствовать, прибавилъ Нагибинъ.

Въ это время Лиза, подъ руку съ Олениной, опять пронеслись мимо нихъ обратно въ залъ. Lise кричала и звала:

— Nadine! Евгеній Александровичъ! Возвратитесь въ залъ! Саша будетъ пѣть.

Nadine повернулась назадъ и сказала Нагибину:

— Вернитесь, послушайте ее.

— Сейчасъ, сію секунду, отвѣчалъ онъ, и ускорилъ свои шаги, но направляясь въ гостиную, а не назадъ.

Nadine, возвратясь въ залъ, подошла къ роялю, гдѣ Оленина разбросала уже всѣ ноты.

— Вашъ Нагибинъ положительно дуренъ и мнѣ не нравится, Nadine, сказала Оленина, быстро повернувшись къ подошедшей.—Прости меня что говорю такъ откровенно о вашемъ другѣ. Онъ даже не симпатиченъ и какой-то чванный, надутый, продолжала она, дѣлая гримаску при этихъ словахъ.—Не фатъ ли онъ? Вы, можетъ-быть, слишкомъ свыклись съ нимъ и потому многаго въ немъ не замѣчаете, друзья мои?

Лиза стояла тутъ же и во всѣ глаза смотрѣла на сестру. Слова Олениной, казалось, не понравились обѣимъ сестрамъ.

Надина, едва скрывая свое неудовольствіе, отошла отъ рояля, а Лиза сѣла за рояль и стала брать аккорды.

Оленина взяла въ руки ноты, выбранныя ею изъ хаоса остальныхъ, подошла къ Лизѣ и сказала:

— Хочешь, я спою тебѣ *Грѣшницу*? ты такъ любишь этотъ романсъ! Я рѣшаюсь сегодня пѣть, а между тѣмъ чувствую, что послѣ концерта буду пѣть дурно.

— Ты не можешь пѣть дурно, Саша, сказала Лиза.—Ну, я начинаю, прибавила она и сыграла аккомпаниментъ.

Оленина начала пѣть. Ея симпатичный, полный и сильный голосъ рѣшительно задѣвалъ душу. Замѣтно было, что она училась много и дѣльно. Романсъ удался совершенно. Перешли къ другому, который она спѣла еще лучше. Когда второй романсъ былъ конченъ, Надина обратилась къ Олениной съ просьбой:

— Саша, спой, пожалуста, для меня, послѣднюю пѣснь Вани изъ *Жизни за Царя*. Ты ее такъ хорошо поешь.

— Съ удовольствіемъ, мой ангелъ, сказала Оленина, и стала искать ноты.

Во время пѣнія въ залъ вошелъ генералъ подъ руку съ Нагибинымъ. Генеральша оставалась въ гостиной и, по своему обыкновенію, раскладывала пасьянсъ. Нѣмка, вѣроятно въ память своей пріятельницы, ушла укладывать Софи спать. Было ужь болѣе одиннадцати часовъ.

Генералъ, войдя въ залъ, сѣлъ на стулъ у самой двери. Нагибинъ тихо перешелъ комнату поперекъ, сталъ въ двухъ шагахъ отъ рояля и смотрѣлъ прямо въ лицо Олениной.

Пѣсня была кончена.

Генералъ громко сказалъ, захлопавъ руками:

— Чудесно, Александра Николаевна, превосходно, и прибавилъ:—„еще бы!“

— Monsieur Нагибинъ, вы очень непріятный слушатель для поющихъ, сказала Оленина, поворачиваясь къ нему.— Вы смотрите такъ упорно и прямо въ лицо. Она сдѣлала удареніе на словѣ: „упорно“.

— Будьте снисходительны, mademoiselle Оленина, отвѣчалъ онъ, подходя къ ней ближе.—Слушающій васъ забываетъ невольно и себя, и все. Слушая васъ, можно дѣйствительно не вникнуть въ то что̀ дѣлаешь, а потому я употребляю мѣры предосторожности и отхожу подалѣе, къ окну.

Онъ отошелъ къ окну.

— И хорошо сдѣлаете, я буду свободнѣе пѣть.

Спѣтъ былъ еще романсъ.

Нагибинъ не унимался.

— Вы очень строги, mademoiselle Оленина, сказалъ онъ, подходя опять къ ней.—Такая хорошая пѣвица какъ вы не можетъ быть пѣвицей неопытною, а такую пѣвицу едва ли можетъ конфузить или какъ-нибудь безпокоить взглядъ слушателя, и притомъ очарованнаго ея пѣніемъ.

— Конфузить и безпокоить, положимъ, что нѣтъ, но мѣшать и немного стѣснять положительно можно даже всякую пѣвицу, я это всегда испытываю на себѣ. Вообще, прибавила она, — это иногда можетъ быть непріятно, а потому я и требую отъ васъ впередъ чтобы вы всегда стояли, когда я буду пѣть, вотъ тутъ. Она, указала, улыбаясь, на окно.

— Слушаю-съ, и буду такъ исполнителенъ, что если во время вашего пѣнія буду находиться и въ другой комнатѣ, то тотчасъ же явлюсь сюда.

Оленина не отвѣчала. Она перебирала ноты.

— Не поете ли вы, monsieur Нагибинъ? вдругъ спросила она, повернувшись къ нему.

— Онъ прежде пѣлъ и, говорятъ, очень не дурно, отвѣчала за него Лиза; — но вообрази себѣ, Саша, что послѣ одной исторіи, говорила она лукаво, смотря на Нагибина,—онъ пересталъ пѣть и танцовать, и этому, кажется, уже шесть лѣтъ. Исторія эта, продолжала она,—была въ родѣ той отъ которой лѣчатъ твоимъ лѣкарствомъ, то-есть лѣкарствомъ которое ты совѣтовала сегодня Звѣринцеву.

Она, говоря это, смѣялась.

У Нагибина слегка подернулось лицо.

— О, такъ вотъ что! сказала Оленина протяжно.

Она при этомъ улыбалась, устремляя удивленный взглядъ на него.

— Я не знаю и не понимаю о чемъ говоритъ нашъ общій другъ Елизавета Сергѣевна, но я дѣйствительно не пою и не танцую болѣе шести лѣтъ.

— Но это странно, monsieur Нагибинъ. Вы еще такъ молоды, и отказаться отъ всего этого, и въ особенности отъ танцевъ, это предосадно; я люблю ихъ сама на столько, что мнѣ кажется только и живу настоящею жизнью на балѣ, когда танцую.

— Я хоть этого вполнѣ не понимаю, но допускаю, что въ ваши лѣта и въ положеніи совершенно спокойномъ и безза-

ботномъ можно съ удовольствіемъ относиться къ балу и ко всѣмъ его прелестямъ, сказалъ Нагибинъ.

— Вы говорите что это возможно только въ положеніи беззаботномъ, и допускаете это положеніе во мнѣ? Развѣ я кажусь вамъ беззаботною?

— Да, извините, вы мнѣ кажетесь немного такою.

— Monsieur Нагибинъ, но это не любезно говорить такія сужденія прямо въ глаза.

— Я не могу лгать, mademoiselle Оленина.

Она покраснѣла и повернулась къ нему спиной. Она нагнула свою головку и положила указательный палецъ правой руки на губы. Она молчала какъ будто надувшись. Lise и Nadine смѣялись и смотрѣли на нее. Послѣдняя даже встала съ своего мѣста и подошла ближе къ ней. Нагибинъ тоже немного покраснѣлъ, но улыбался.

Молчаніе длилось не долго.

— Я не позволяю вамъ впередъ, monsieur Нагибинъ, заговорила Оленина, полушутя,—говорить мнѣ такія вещи прямо въ глаза. Слышите? мягче прибавила она, повернувшись опять къ нему.

— Слышу, что вы запрещаете мнѣ говорить вамъ про васъ правду, а приказываете лгать. Хорошо-съ, извольте; вы нѣли сегодня замѣчательно дурно, mademoiselle Оленина, протяжно и натянуто проговорилъ онъ.

— Молчите, monsieur Нагибинъ, или я разсержусь, говорила она досадливо.—Лиза, прибавила она,—давай танцовать, сдѣлаемъ туръ вальса? Nadine! душка! сыграй намъ, просила она ее, подбѣжавъ и цѣлуя ее.

— Съ удовольствіемъ отвѣчала Nadine, пошла и сѣла къ роялю.

Оленина обняла правою рукой талію Лизы, и онѣ понеслись подъ звуки вальса и закружились по комнатѣ какъ вихрь. Платья ихъ, высоко подымаясь, задѣвали стулья, столъ, рояль, Нагибина и даже самого генерала. Нагибинъ сперва стоялъ и серіозно смотрѣлъ на беззаботно и весело вертящуюся пару. Когда пара дѣлала восьмой кругъ по комнатѣ, серіозность его не выдержала, онъ сталъ понемногу улыбаться, и наконецъ повеселѣлъ совсѣмъ. Когда танцовавшія, утомленныя и запыхавшись, освободились другъ отъ друга и почти упали въ изнеможеніи одна на диванъ, а другая на стулъ, его лицо опять измѣнило выраженіе, и на немъ

отразилось чувство не то зависти, не то досады. Можетъ-быть, ему думалось, что и онъ могъ бы также повертѣться, можетъ-быть даже еще скорѣе, еще долѣе, но что-то мѣшало ему и не позволяло. Наконецъ, можетъ-быть, просто что-нибудь вспомнилось ему.

— Уфъ! я устала, проговорила Оленина, переводя духъ. — Я едва жива, Lise, ты закружила меня.

Грудь ея высоко и часто поднималась.

— Помилуй, Саша, это не я, а ты. Я давно готова была остановиться.

— Дотанцоваться, а пожалуй, на этотъ разъ вѣрнѣе, докружиться до такого изнеможенія, сказалъ со своего мѣста Нагибинъ громко, — едва ли можетъ доставить удовольствіе! Мнѣ кажется, что mademoiselle Оленина хотѣла только доказать мнѣ на дѣлѣ справедливость сказаннаго ею относительно ея любви къ танцамъ!

— Это видно что monsieur Нагибинъ никогда не любилъ танцовать и никогда не находилъ въ танцахъ удовольствія, отвѣчала Оленина. — Когда я несусь и кружусь въ вальсѣ, то чувствую такую прелесть въ этой быстротѣ движенія, въ замираніи духа, что закрываю глаза и отдаю себя на волю провидѣнія.

— И провидѣніемъ вашимъ дѣлается въ это время не болѣе не менѣе какъ ангажировавшій васъ кавалеръ, сказалъ Нагибинъ насмѣшливо.

— Хотя бы и такъ. Вы даже можете стать имъ, если рѣшитесь подойти и пригласить меня танцовать.

— На этотъ разъ обязанность вашего провидѣнія такъ легка и доступна всякому, что я въ состояніи поблагодарить и отказаться отъ этой роли.

— По случаю особенной легкости и доступности этой роли, я ее и предлагаю вамъ, сказала Оленина.

Нагибинъ поклонился. Оленина нахмурилась. Лиза, отдохнувъ, подошла къ ней, и поцѣловавъ ее, спросила:

— Ты отдохнула, Саша?

— Да, отвѣчала та, поднимаясь съ дивана; — пойдемъ къ твоей maman въ гостиную, да и пора сбираться, прибавила она, смотря на свои часы.

— Еще бы, проговорилъ генералъ, сидѣвшій все время безмолвнымъ зрителемъ и слушателемъ на стулѣ у двери.

Онъ всталъ и направился къ себѣ.

Всѣ остальные вошли въ гостиную. Генеральша продолжала раскладывать свой нескончаемый пасьянсъ.

Оленина подошла къ ней, поцѣловала ее шаловливо и нѣжно, и сказала:

— Мы безпокоили васъ, добрая Антонина Егоровна? Я такъ шумѣла, дурачилась.

— Напротивъ, друзья мои, я люблю когда вамъ бываетъ весело и бываю довольна когда вы веселитесь. Хорошо что вспомнила, вдругъ вспохватилась генеральша. Она положила карты и откинулась на спинку кресла.—Я хотѣла тебя просить, Саша, продолжала она. Оленька въ это время стала около нея на колѣни, мило нагнула голову, приготовляясь слушать, и руками оперлась на ручки кресла.—Я хотѣла тебя просить, Саша, повторила генеральша,—чтобы ты сказала твоей maman, что я прошу ее пріѣхать завтра къ намъ въ карты поиграть. Ко мнѣ обѣщала пріѣхать обѣдать вдова Кокова, которую ты знаешь, а старикъ Лёфнеръ пріѣдетъ вечеромъ. Онъ третьяго дня только пріѣхалъ изъ деревни и опять скоро уѣзжаетъ. Твоя maman любитъ играть съ нимъ. Не забудь, скажи же ей все это и проси пріѣхать, да пораньше. Для partiи мужу будетъ еще кое-кто. Ты тоже пріѣзжай.

— Очень рада, вы вѣдь знаете съ какимъ удовольствіемъ я къ вамъ ѣзжу, Антонина Егоровна. Завтра воскресенье и день Грязевыхъ, но я все-таки пріѣду къ вамъ, если только maman не потребуетъ моей поѣздки туда. У Грязевыхъ такая скука, такая натянутость, прибавила Оленина, задумываясь.

— Такъ не забудь же сказать maman.

— Не забуду, конечно, а теперь прощайте, chère Антонина Егоровна, мнѣ пора ѣхать за maman.

— Ну, ступай, прощай, не смѣю удерживать.

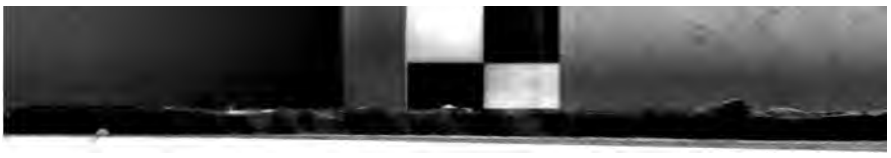
Онѣ поцѣловались.

Оленина встала съ колѣнъ, вынула перчатки изъ кармана и стала надѣвать ихъ.

Нагибинъ ходилъ около оконъ и отыскивалъ свою шляпу.

Nadine и Lise, обнявшись, стояли около Олениной.

— Завтра утромъ, говорила Оленина натягивая перчатки,—я опять ѣзжу верхомъ въ манежѣ. Отчего никто изъ васъ



ни разу не пріѣдетъ посмотрѣть какъ я ѣзжу или взглянуть на мою лошадь? Говорятъ, я уже не дурно сижу и смѣло ѣзжу.

— Я нѣсколько разъ сбиралась, отвѣчала Lise,—и всякій разъ не удавалось. Что-нибудь непремѣнно мѣшало. Вотъ и завтра это невозможно: nana все утро, кажется, будетъ разъѣзжать.

Проговоривъ это, она вопросительно взглянула на мать.

— Да, дѣти, сказала генеральша,—и не мѣшайте ему, не просите у него кареты.

Перчатки были надѣты. Нагибинъ наконецъ отыскалъ свою шляпу и подошелъ къ столу у котораго всѣ стояли.

— Ну, прощай, Lise, прощай, Nadine, говорила Оленина, цѣлуясь нѣжно по нѣсколько разъ съ каждою. — Прощайте еще разъ, сказала Оленина генеральшѣ, и нагнувшись къ ней, поцѣловала ее. Оленина пошла было изъ гостиной, но остановилась, повернулась къ Нагибину, скоро и низко присѣла ему и проговорила:

— Очень рада что познакомилась съ вами.

Она почти побѣжала изъ гостиной. Сестры провожали ее.

Нагибинъ поклонился на эту фразу, но уже вслѣдъ ей, и она не видала поклона.

— Такъ до завтра? говорили сестры по очереди.

— Да, да, до завтра, adieu, прощайте, слышался голосъ Олениной изъ смежной комнаты, а потомъ изъ передней.

Слова заключились еще нѣсколькими поцѣлуями. Нагибинъ молча, задумавшись, стоялъ у стола и смотрѣлъ какъ генеральша доканчивала пасьянсъ.

Сестры вернулись что-то говоря въ гостиную и сѣли тоже у стола. Послышался скрипъ отъ колесъ кареты отъѣзжавшей по замерзшему снѣгу.

— Что призадумались такъ, другъ мой Евгеній Александровичъ? сказала генеральша, не поднимая глазъ отъ картъ.

— Я немного усталъ сегодня, Антонина Егоровна.

— Отъ какихъ это трудовъ, батюшка мой, продолжала генеральша, не переставая то снимать карту съ одной кучки и перекладывать ее на другую, то считая, то тыкая пальцемъ по картамъ. Иной разъ цѣлая кучка приподнималась и пересматривалась, и опять клалась на свое мѣсто. — Отъ какихъ трудовъ утомились такъ? подѣлитесь съ нами, говорила она.

— Отъ многихъ, Антонина Егоровна, а главное, отъ вечера

проведеннаго хотя и весело, но все-таки въ обществѣ, отъ котораго, живя въ деревнѣ и сидя за дѣломъ, я было отвыкъ совсѣмъ.

— Maman, перебила его Nadine,—едва ли что кромѣ скуки могло такъ утомить сегодня у насъ Евгенія Александровича. Онъ цѣлый вечеръ смотрѣлъ какимъ-то букой, ко всему относился съ такимъ неудовольствіемъ, что, казалось, онъ всѣми силами старался доказать намъ какъ ему не нравится Саша.

— Этотъ выводъ, Антонина Егоровна, сказалъ Нагибинъ,—сдѣланъ изъ того отвѣта, который я далъ Надеждѣ Сергѣевнѣ на вопросъ ея о томъ какъ мнѣ нравится Оленина.

— Что же вы отвѣчали? спросила генеральша.

— Я сказалъ что она мнѣ не нравится.

— И правду отвѣтили? сказала старуха пытливо, смотря ему прямо въ глаза.

— Истинную, отвѣчалъ Нагибинъ, выдерживая твердо ея взглядъ.

Генеральша перестала на него смотрѣть и собирала карты. Нескончаемый пасьянсъ былъ наконецъ оконченъ, ко всеобщему удивленію.

— Насильно милъ не будешь, не нравится, такъ не нравится, говорила она раздумывая и перетасовывая карты и затѣмъ вкладывая ихъ въ особый футляръ.—Да и что жь ему говорить неправду? Кому это нужно? Что до меня касается, сказала она помолчавъ немного,—я Сашу очень люблю, она мнѣ очень симпатична. Она своею молодостью и энергіей оживляетъ меня, старуху. Я вѣдь давно ее знаю, у ней славная душа, и дѣвочка она умная и съ хорошими правилами.

— Противъ этого, конечно, я ничего не могу сказать, я ее такъ мало знаю. Впрочемъ, несмотря на то что она мнѣ не понравилась, я все-таки нахожу ее очень милою и оригинальною. Первое впечатлѣніе она производитъ однако не совсѣмъ выгодное для себя: она кажется слишкомъ самонадѣянною и самоувѣренною.

Съ этими словами Нагибинъ сталъ прощаться. Онъ приблизился къ генеральшѣ, взялъ ея руку, и поцѣловавъ, сказалъ:

— Покойной ночи, Антонина Егоровна.

— Прощайте, мой другъ. Пріѣдете завтра? спросила она, цѣлуя его въ лобъ.

— Можетъ-быть, но навѣрное не обѣщаю.

— Какъ такъ? Отчего не обѣщаете? Нѣтъ, какъ хотите, сказала она рѣшительно,—извольте пріѣхать.

— Постараюсь. Употреблю всѣ силы свои, говорилъ онъ шутливо и улыбаясь,—чтобы преодолѣть всѣ препятствія и явиться къ вамъ.

Онъ пожалъ по очереди руки обѣимъ сестрамъ, простился общимъ поклономъ и пошелъ.

— А что вы утромъ дѣлаете, Евгеній Александровичъ? кричала ему вслѣдъ генеральша.

Онъ остановился.

— Утромъ.... (Онъ задумался на секунду.) Утромъ.... все буду ѣздить по дѣламъ.

— Обѣдать пріѣдете?

— Благодарю васъ, завтра не могу. Вѣрнѣе что доставлю себѣ это удовольствіе послѣ завтра, если позволите.

— Вѣдь вы знаете, другъ мой, что мы вамъ всегда очень, очень рады.

Нагибинъ поклонился еще разъ. Всѣ отвѣтили на его поклонъ наклоненіемъ головы, и онъ вышелъ.

II.

Въ семействѣ Ацеуловыхъ, по отъѣздѣ гостей, поговорили немного и недолго. Генералъ, побывавъ въ своихъ апартаментахъ и возвратясь въ гостиную, былъ не мало удивленъ, не найдя тамъ уже никого изъ гостей. Когда ему сказали что уже довольно поздно, что уже около часа ночи, онъ пересталъ удивляться отъѣзду гостей, торжественно произнесъ „еще бы“, простился съ супругой, перекрестилъ и перецѣловалъ дѣтей, пожелалъ имъ покойнаго сна, которымъ самъ уже не всегда пользовался, спросилъ пріѣдутъ ли Олениныі завтра, и пошелъ опять въ свою половину, положивъ руки въ карманы панталонъ, для чего пришлось приподнять довольно высоко генеральское пальто по бокамъ и показать красную подкладку, мѣстами уже не крѣпкую. Онъ любилъ носить это пальто и привыкъ держать руки всегда въ карманахъ брюкъ. Вообще генералъ былъ человѣкъ привычекъ. Антонина Егоровна простилась съ дочерьми совершенно такъ же какъ и генералъ, и захвативъ съ собою футляръ съ картами, отправилась въ свою спальню. Сестры послѣдовали за

ней, говоря о томъ кто будетъ завтра, и что необходимо завтра провести вечеръ повеселѣе.

Оленина заѣхала за матерью, какъ говорила, къ Синицынымъ. Игра въ карты не была еще окончена, но играли двѣнадцатый робберъ. Madame Оленина была въ выигрышѣ всѣ одиннадцать робберовъ, и теперь у ней уже была записана партія 13. Хотя эта неблагонадежная цифра и безпокоила ее, ибо, по выраженію Лефнера, это означало чортову дюжину, но все-таки она нашла что дочь пріѣхала за ней совершенно во́-время, и была ею довольна.

Дочь Олениной была милая и хорошая дѣвушка, какъ отзывались о ней всѣ ее знавшіе. Она была умна и хороша собой: всѣ находили ее такою. Мать считала ее капризною и своенравною, но несмотря на это любила дочь и незамѣтно подчинялась ей во всемъ. Сама Оленина уже три года выѣзжала въ свѣтъ, много веселилась, но никогда еще никто ей серіозно не нравился. „Всѣ какъ-то на одинъ ладъ“, отзывалась она о всѣхъ своихъ знакомыхъ мущинахъ. Уже давно слышала она о Нагибинѣ и знала о немъ всѣ мельчайшія подробности отъ своихъ друзей Ащеуловыхъ. Она считала ихъ всѣхъ увлеченными имъ и въ своей причудливой головкѣ укладывала и его также въ разрядъ всѣхъ тѣхъ которые были „всѣ на одинъ ладъ“. Она давно подготовлялась Ащеуловыми къ пріѣзду Нагибина и къ знакомству съ нимъ. Она знала всю эту знаменитую исторію его несчастной любви къ Борениной. Она знала что эта несчастная любовь была причиной его отъѣзда изъ Москвы, его одиночества и большой перемѣны его какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Любопытство, и только одно любопытство увидать героя этой знаменитой исторіи придавало предстоявшей встрѣчѣ нѣкоторый интересъ для Олениной.

Теперь она встрѣтила его, она увидала этого разочарованнаго героя, какъ называли его всѣ. Ѣхавши отъ Ащеуловыхъ въ каретѣ одна, а потомъ домой отъ Синицыныхъ съ матерью, она перебирала въ головѣ всѣ мельчайшія подробности проведеннаго вечера. Ее вдругъ поразила оригинальность Нагибина, которой она не ожидала. Ее удивило его странное обращеніе съ ней, и въ особенности то что онъ почти не обратилъ на нее вниманія, по крайней мѣрѣ такого, какое обращали на нее всѣ, и какого она сама бы желала. Ее озадачило то что онъ вовсе не похожъ на тѣхъ

которые всѣ „на одинъ ладъ“. Она жалѣла что не всмотрѣлась въ него больше, подробнѣе. Въ особенности ей было досадно сознаться что онъ мало говорилъ съ ней, и какъ будто не имѣлъ на это никакого желанія, а скорѣй былъ занятъ чѣмъ-то своимъ собственнымъ. Не можетъ же быть чтобъ онъ былъ до сихъ поръ влюбленъ, когда послѣ этой исторіи прошло уже нѣсколько лѣтъ. Если онъ даже не танцуетъ никогда на вечерахъ, разсуждала она, онъ все-таки могъ бы, хоть изъ одной любезности, согласиться на ея приглашеніе и протанцовать съ ней. Она мысленно начинала сравнивать его то съ тѣмъ, то съ другимъ, и къ удивленію своему, находила его лучше, или проще, или интереснѣе, или просто спокойнѣе тѣхъ кого она знала. Былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ что-то другое и лучше ихъ? Все это сильно занимало ея воображеніе, даже какъ будто безпокоило и мучило ее. „Завтра увижу его опять, всмотрюсь больше въ него и постараюсь разгадать его,“ рѣшила она внутри себя. „Нужно будетъ упросить maman поѣхать туда пораньше, такъ часамъ къ семи. Онъ вѣрно у нихъ обѣдаетъ, и я буду имѣть время поболѣе поговорить съ нимъ и разъяснить себѣ что онъ такое. Можетъ-быть даже онъ пріѣдетъ въ манежъ! Можетъ-быть захочетъ посмотрѣть какъ я ѣзжу! Онъ, кажется, слышалъ какъ я объ этомъ говорила и какъ просила Ащеуловыхъ пріѣхать посмотрѣть меня и мою лошадь.“ Она кончила тѣмъ что была бы очень и очень довольна еслибъ онъ пріѣхалъ въ манежъ. И мысли о немъ давили ее какъ кошемаръ и въ каретѣ, и у Синицыныхъ, потомъ дома и даже въ постели.

Нагибинъ, надѣвъ шубу въ передней Ащеуловыхъ, вышелъ на крыльцо и крикнулъ: „Иванъ!“

Къ подъѣзду, скрыпя, подъѣхали сани. Прозябшая отъ сильнаго морозу лошадь едва дала возможность Нагибину сѣсть въ нихъ и помчалась такъ что кучеръ съ трудомъ сдерживалъ ее. Сани не выѣхали еще изъ воротъ, а носъ Нагибину защипало, и онъ принужденъ былъ спрятать его еще глубже въ воротникъ шубы.

Прозябшій конь друга Нагибина, князя Б., у котораго онъ остановился пріѣхавъ изъ деревни на нѣсколько дней, скоро подкатилъ его къ дому. Когда, на звонъ колокольчика, дернутаго нетерпѣливою рукой, выбѣжалъ слуга, Нагибинъ

вообразить себя танцующимъ. Да ты, наконецъ, знаешь, что я никогда не любилъ этого глупаго движенія.

— Однимъ словомъ, что бы тамъ ни было, Евгеній, а ты съ первой встрѣчи влюбился, сказалъ князь.

— Ну, этого, положимъ, нѣтъ, и быть не никогда можетъ, сказалъ Нагибинъ, приподнимаясь съ кресла.—Меня даже удивляетъ что на меня могло быть сдѣлано впечатлѣніе, въ которомъ теперь признаюсь. Еще болѣе удивляюсь, что я могъ поддаться этому впечатлѣнію.

Они помолчали немного. Нагибинъ ходилъ по комнатѣ.

— Однако прощай! Тебѣ и мнѣ пора спать. Я даже усталъ отъ цѣлаго дня.

Нагибинъ протянулъ руку, проговоривъ это.

— Прощай. Отъ души желаю тебѣ покойной ночи послѣ такихъ впечатлѣній, сказалъ князь, улыбаясь и пожимая ему руку.—Кстати: что ты дѣлаешь завтра? не поѣдешь ли въ театръ вечеромъ?

— Съ удовольствіемъ. Я еще и не былъ въ театрѣ. Поѣдемъ. Я хоть и обѣщалъ пріѣхать къ Ащеуловымъ опять вечеромъ, но не поѣду; успѣю быть у нихъ и послѣзавтра.

— А утромъ что дѣлаешь?

— Да надо къ Пирогову съѣздить за деньгами, если онъ самъ ихъ утромъ не привезетъ. Потомъ еще кой-куда надо. Думалъ даже въ манежъ съѣздить, давно не видалъ его, а въ былое время я посѣщалъ его часто.

— Браво! значитъ въ манежъ я ѣду не одинъ?

— Развѣ ты ѣдешь? Зачѣмъ ты ѣдешь? спрашивалъ Нагибинъ съ волненіемъ и какъ-то нерѣшительно.

— Какъ зачѣмъ! Завтра воскресенье, а по этимъ днямъ тамъ бываютъ многіе, играетъ музыка, и вообще бываетъ довольно весело.

— Ты говоришь: много бываетъ, сказалъ Нагибинъ раздумывая,—такъ ступай одинъ, а я не поѣду. Не хочу съ Москвой близко сталкиваться, тѣмъ болѣе что скоро покидаю ее.

Они простились и разошлись.

Не совсѣмъ покойно засыпалъ Нагибинъ. Онъ долго и долго ворочался и заснулъ почти подъ утро.

III.

На другой день, Ащеуловы встали довольно поздно изъ-за обѣденнаго стола. Былъ уже седьмой часъ вечера, когда все семейство чинно провожало въ гостиную изъ столовой вдову Кокову.

Во всѣхъ комнатахъ было полное освѣщеніе. Генералъ велъ отъ обѣда подъ руку въ свой кабинетъ обѣдавшаго у нихъ постоянно по воскресеньямъ толстаго господина, своего партнера за картами. Толстый господинъ занималъ видное мѣсто, и какъ всегда по праздникамъ, такъ и сегодня, былъ въ вицъ-мундирѣ съ металлическими пуговицами.

— Еще бы не покурить, Михаилъ Ивановичъ, послѣ обѣда, говорилъ генералъ.—Пойдемте ко мнѣ, а здѣсь рѣдко намъ разрѣшаютъ это удовольствіе, а съ трубочкой и показываться не позволяютъ. Развѣ только иногда поздно вечеромъ выхожу сюда съ трубочкой.

Генералъ всякое воскресенье повторялъ это толстому господину послѣ обѣда.

Въ гостиной въ это время вдова Кокова усаживалась въ кресло.

— Вы вѣдь знали, Антонина Егоровна, моего покойнаго Михаила Степановича, помните какой былъ рѣдкій человѣкъ.

— Какъ мнѣ не знать его, какъ мнѣ не помнить вашего мужа, добрая и милая Ольга Ивановна! говорила генеральша. —Вѣдь до женитьбы своей онъ былъ какъ родной въ домѣ моей покойной матушки.

— Онъ былъ рѣдкій человѣкъ, повторяла Кокова.—Вообразите, оставалось всего три мѣсяца до пятидесятилѣтняго юбилея службы, и вдругъ....

Кокова не договорила,

— Да, Ольга Ивановна, при такомъ случаѣ невольно вспомнишь о томъ что жизнь наша въ рукахъ Всевышняго, и не можемъ мы знать нашего часа, а должны быть всегда готовы перейти въ другую жизнь. Это же самое налагаетъ на оставшихся здѣсь обязанность безропотно переносить всѣ посылаемыя намъ испытанія.

Онѣ задумались объ послѣ такого разсужденія.

Въ комнату вошелъ лакей и сталъ приготовлять ломберный столъ для картъ.

— Къ папа прошли Кузнецовъ и Заливайскій, сказала вошедшая Nadine.

— Подойдите ко мнѣ, моя милая Надежда Сергѣевна, сказала Кокова ласковымъ голосомъ,—и поцѣлуйте меня.

Nadine весело исполнила ея желаніе.

— Кого вы ждете къ себѣ, моя милая, сегодня?—и недождавшись отвѣта, Кокова продолжала:—а васъ видѣли третьяго дня на Кузнецкомъ мосту съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Я все, все, знаю, говорила она вкрадчиво и взявъ за руку Nadine. — Что жь, я очень рада, это очень хорошо.

— Этотъ молодой человѣкъ, Ольга Ивановна, отвѣчала Nadine, понявъ смыслъ послѣднихъ словъ Коковой,—былъ никто иной какъ Нагибинъ. Вы его знаете.

— Ахъ, батюшки! Какъ мнѣ не знать его? Онъ мой ближайшій сосѣдъ по имѣнію. Что жь его у васъ не видать? Иль уже опять укатилъ?

— Нѣтъ, онъ не уѣхалъ и, вѣроятно, сегодня будетъ у насъ.

Изъ спальни чрезъ гостиную пронеслась, а не пробѣжала Lise.

— Что это, ужь не пожаръ ли? испуганно и безпокойно спрашивала Кокова, вскакивая даже съ кресла.

— Нѣтъ, ничего, Ольга Ивановна, успокойтесь, говорила Nadine, усаживая ее опять.—Lise пробѣжала такъ скоро, вѣроятно, потому что Оленины пріѣхали.

— Она меня даже испугала. Я смерть какъ боюсь пожара.

Вслѣдъ за этими словами дѣйствительно въ гостиную вошла низенькая, но еще не очень старая женщина съ добрымъ лицомъ и съ остатками прежней красоты на немъ. Это была Оленина. За ней шла, цѣлуясь съ Lise, ея дочь.

Генеральша пошла къ нимъ на встрѣчу.

— Здравствуйте, Елена Дмитревна, заговорила генеральша, протягивая обѣ руки входившей. Онѣ дважды поцѣловались.

— Здравствуйте, Антонина Егоровна. Добрый вечеръ, Ольга Ивановна. Давно мы не видались, говорила Оленина.

Ея дочь, поцѣловавшись съ генеральшей, присѣла Коко-

вой, выслушала отъ нея: „здравствуйте, моя красавица“; потомъ горячо поцѣловалась съ Nadine, и всѣ втроемъ, взявшись за руки, весело направились изъ гостиной.

Въ дверяхъ онѣ встрѣтили старика во фракѣ, въ черномъ парикѣ и съ Георгіемъ въ петлицѣ. Это былъ Лёфнеръ, отставной генералъ, нѣкогда лихой кавалеристъ, сохранившій и до сихъ поръ любовь къ молодымъ дѣвушкамъ, лошадямъ и картамъ.

Когда онъ говорилъ своимъ густымъ басомъ, то всѣ присутствующіе, чувствовали себя не совсѣмъ ловко и спокойно.

— Вотъ онѣ, мои милыя барышни, говорилъ онъ ухмыляясь, и каждой отдѣльно одною рукой пожималъ руку, а другою трепалъ по рукѣ сверху.

Всѣ три присѣли ему.

— Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ! Наконецъ-то пожаловали! пожалуйте сюда, раздались голоса старухъ. — Пожалуйте. Ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ!

Лёфнеръ пошелъ на зовъ, а дѣвицы, освободившись отъ его ласкъ, направились въ залъ, откуда скоро послышались музыка, пѣніе и хохотъ. Лёфнеръ подошелъ къ ручкамъ старушекъ. Послѣ привѣтствій и недолгаго разговора, генеральша встала, сказавъ что „не зачѣмъ терять золотое время“, съ чѣмъ вполнѣ согласилась Оленина, любившая поиграть въ карты, и подошла къ готовому карточному столу. Она зажгла двѣ свѣчи у горѣвшихъ уже другихъ двухъ и такимъ образомъ поставила по свѣчѣ на четырехъ концахъ стола. Двѣ свѣчи обыкновенно зажигались прежде, для того чтобъ успѣли обгорѣть болѣе, и чтобы свѣтъ такимъ образомъ падалъ не съ одной высоты и не портилъ зрѣнія. Генеральша распечатала колоду и подала вынимать карты.

Лёфнеру пришлось играть первый робберъ съ Коковой, и даже выбирать мѣсто и сдавать, такъ какъ у него оказался тузъ пикъ.

— Какое мѣсто выбрать намъ, матушка Ольга Ивановна, говорилъ Лёфнеръ, подходя къ столу.

Онъ взялся сперва за спинку одного кресла, потомъ нерѣшительно перешелъ къ другому.

— Здѣсь, матушка, сядемъ, чтобы не проиграть.

Онъ остановился у другаго кресла.

— Нѣтъ, ужь къ стѣнѣ не сяду, говорила Кокова.—Я тамъ

всегда проигрываю. Ступайте ужь вы туда. Да еще въ разрѣзъ стола, противъ щели выбралъ мѣста, говорила она, видимо недовольная выборомъ мѣстъ. — Ахъ, какой! Михайло Степановичъ никогда, бывало, не сядетъ противъ щели первый.

Всѣ сѣли. Лёфнеръ погадалъ и началъ сдавать синими. Въ отдѣленіи у генерала уже играли въ карты.

Въ залѣ дѣвицы, поигравъ и попѣвъ немного, ходили втроемъ и тихо разговаривали.

Оленина разказывала какъ она утромъ была въ манежѣ, какъ тамъ было весело. Она разказала, какъ почти все время ѣздила съ княземъ Б., молодымъ человѣкомъ котораго она во многомъ отличаетъ отъ другихъ; что она была очень рада его видѣть, и прочее въ этомъ родѣ. Оленина разказывала, по обыкновенію, оживленно и весело, но Лиза и Надина хорошо замѣтили безпокойство въ ея глазахъ и вообще замѣтили его во всей въ ней. Она оглядывалась всякій разъ когда дверь въ корридоръ отворялась. Если кто-нибудь входилъ изъ корридора, она провожала вошедшаго взглядомъ до его ухода въ дверь кабинета или буфета, какъ будто чего-то ожидала отъ проходившаго. Сестры замѣтили что она нѣсколько разъ спросила ихъ: гдѣ папа и съ кѣмъ онъ играетъ въ карты? какъ будто, называя лицъ, онѣ кого-нибудь пропустили или не назвали. Оленина требовала отъ сестеръ въ свою очередь подробнаго разказа о томъ какъ онѣ провели день, кто у нихъ обѣдалъ и прочее. Вдругъ въ передней раздался звонокъ, заставившій Оленину вздрогнуть и перемѣниться въ лицѣ. Въ залу вошла однако дѣвица де-Моль, подруга Лизы, знакомая тоже и Олениной.

Всѣ, кромѣ Олениной, обрадовались ея пріѣзду.

Ходить вчетверомъ оказалось неудобно и тѣсно. Предпочли сѣсть на диванъ, стоявшій въ углу около рояля, съ небольшимъ столикомъ предъ нимъ, относившимся во время чая къ большому столу подъ шкатулку съ чаемъ и сахаромъ. Сѣли на диванѣ и стульяхъ.

Дѣвица де-Моль имѣла разказъ въ запасѣ, которымъ и заняла собесѣдницъ. Она съ ужасомъ и подробно передавала о томъ что съ ними случилось и чего еще не знали Ащеуловы. Дѣло состояло въ томъ что вчера утромъ, когда она возвращалась съ тёткой съ Кузнецкаго моста парой въ саняхъ, около магазина Депре на Петровкѣ стояла чья-то лошадь, запряженная тоже въ сани, и когда они поровнялись съ нею,

то эта лошадь чуть было не схватила зубами съ головы тетки капоръ. Испуганная тетка чуть-было не вытолкнула племянницу изъ саней, шарахнувшись въ ея сторону отъ злой лошади, и при этомъ такъ закричала, что собственная ихъ пара понесла, и притомъ такъ понесла, что кучеръ уже не могъ справиться и повернуть въ Столешниковъ переулокъ, а долженъ былъ проѣхать по Петровкѣ и чрезъ Страстной бульваръ. Такъ онѣ испуганныя и вернулись домой.

Надина и Лиза, ужасаясь разказа о такомъ необыкновенномъ происшествіи, то покачивали головой, то говорили: „ахъ! каково! какъ это ужасно! неужели!“ и произносили разныя другія сочувственныя восклицанія.

Оленина сидѣла задумчиво, чего съ ней до сихъ поръ почти никогда не случалось. Она ничего не слыхала изъ разказа и продолжала молчать когда онъ былъ оконченъ.

Въ это время дверь изъ буфета отворилась. Оленина опять вздрогнула и выпрямилась на диванѣ, какъ будто ждала чего-то, но вошелъ тотъ самый лакей который вчера надѣвалъ въ углу бѣлыя перчатки, и сталъ сдвигать столъ и приготовлять чай.

Оленина ждала Нагибина, а его все не было. Не былъ онъ ни въ манежѣ, ни за обѣдомъ Ащеуловыхъ, и теперь его не было. Она страдала, не видя его.

Нагибинъ въ это время былъ въ театрѣ. Онъ бы навѣрное исполнилъ свое рѣшительное намѣреніе и не пріѣхалъ къ Ащеуловымъ, еслибы не другъ его князь Б. Послѣдній не видался съ Нагибинымъ цѣлый день и встрѣтился лишь въ театрѣ, куда они взяли рядомъ билеты. Какъ только вошелъ въ театръ опоздавшій Нагибинъ, князь разказалъ ему про свою ѣзду верхомъ въ манежѣ съ Олениной, и о томъ какъ подалъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ и подробнымъ разспросамъ, случайно сказавъ что Нагибинъ остановился у него. Самолюбіе Нагибина было задѣто окончательно; не дождавшись даже антракта, онъ покатилъ къ Ащеуловымъ.

По отъѣздѣ Нагибина, другъ его, подумавъ о тщетѣ сего міра и странностяхъ людскаго характера, просидѣлъ въ театрѣ до конца спектакля.

Чайный столъ у Ащеуловыхъ былъ почти уже накрытъ, но стулья еще не были поставлены вокругъ стола, когда Нагибинъ, съ чувствомъ нѣкоторой затаенной робости, вошелъ изъ передней въ комнату отдѣлявшую послѣднюю отъ гостиной.

Направо въ дверь была видна зала съ чайнымъ столомъ, а подалѣе виденъ былъ диванъ и сидѣвшія на немъ. Войдя, онъ заглянулъ было въ залу, выказавъ намѣреніе войти туда, но почему-то поворотилъ и пошелъ въ гостиную. Онъ слышалъ голоса Лизы и Надины звавшіе его, но все-таки твердо и покойно на видъ вошелъ въ гостиную. Сдѣлавъ общій поклонъ при входѣ, онъ увидалъ радостно повернувшіяся къ нему лица генеральши и Коковой. Нагибинъ подошелъ къ первой и поцѣловалъ ея руку, затѣмъ протянулъ руку съ низкимъ и почтительнымъ поклономъ Коковой, а потомъ Лёфнеру, и поклонился Олениной.

— Здравствуйте, другъ мой, сказала генеральша, цѣлуя его;— что раньше не пріѣхали?

Въ то время какъ онъ кланялся всматривавшейся въ него Олениной, Ацеулова протянула всю руку, указывая на него, и сказала:

— Елена Дмитревна! представляю вамъ Евгенія Александровича Нагибина, о которомъ вы уже знаете отъ насъ.

— Очень, очень рада познакомиться, М-г Нагибинъ, сказала Оленина. Она откинулась направо на ручку кресла, выказывая желаніе пожать его руку. Нагибинъ поспѣшилъ къ ней, сказавъ:

— Я имѣлъ честь встрѣчать васъ, лѣтъ семь тому назадъ, у тетки моей княгини Горецкой, но это такъ давно, что вы, вѣроятно, забыли меня.

— Чтобъ именно это были вы, не помню и не смѣю увѣрять. Но помню хорошо, что всякій разъ какъ я бывала у покойной тетушки вашей, а это случалось часто, она представляла мнѣ своего племянника и приговаривала: это мой единственный оставшійся близкій родной. Такъ это вы были? Очень, очень рада. Мы были очень дружны съ вашею тетушкой, досказала Оленина и опять обратилась къ столу. Она вообще не любила чтобы что-нибудь мѣшало теченію игры и въ особенности мѣшало запоминать ее; тѣмъ болѣе на этотъ разъ спѣшила она прекратить разговоръ, такъ какъ играла съ Лёфнеромъ, который никогда не прощалъ ей ошибки въ игрѣ.

— Вы вѣдь видѣли, Александръ Ивановичъ, обратилась она къ Лёфнеру,—что я второй разъ снесла трефу?

— Видѣлъ, матушка, видѣлъ и посмотрю, сказалъ онъ, ударяя съ силой рукой по столу, бросивъ на середину его карту:—

что вы теперь снесете?—Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „теперь“.

Нагибинъ счелъ эту минуту самою удобною чтобъ удалиться.

Онъ однако не сразу вышелъ изъ гостиной. Онъ подошелъ, снимая перчатки, къ круглому столу, стоявшему около дивана съ большою лампой подъ абажуромъ; приподнялъ одинъ альбомъ, взглянулъ въ средину его и положилъ на мѣсто; потомъ приподнялъ другой и тоже положилъ; потомъ, такимъ же образомъ, еще два. Онъ бросилъ перчатки въ шляпу, отнесъ ее къ окну и поставилъ на стулъ стоявшій около. Потомъ подошелъ опять къ столу, вынулъ часы, поднесъ ихъ ближе къ лампѣ и нѣкоторое время, скорѣе думая о чемъ-то, смотрѣлъ на нихъ.

Положивъ часы обратно въ карманъ, поигралъ немного цѣпочкой, подошелъ къ карточному столу, заглянулъ въ карты Коковой и наконецъ рѣшился направиться изъ гостиной.

Нагибинъ медленно вошелъ въ залъ, и первые встрѣтившіе его глаза были глаза Олениной. Онъ почти сконфузился. Она опустила ихъ тотчасъ же.

— Здравствуйте, Евгеній Александровичъ, кричала Lise, протянувъ ему руку. Онъ прибавилъ шагу, пожалъ руку ей, потомъ Nadine, затѣмъ поклонился дѣвицѣ де-Моль и потомъ Олениной.

— Отчего вы такъ поздно? откуда вы? спрашивала его Nadine.

— Я былъ въ театрѣ, надо же развлечь себя.

— Это хорошій признакъ, Евгеній Александровичъ, вы начинаете желать развлеченій, значитъ возвращаетесь къ обыкновенной человѣческой жизни, говорила она.—Видите, какъ пріѣздъ въ Москву благотворно подѣйствовалъ на васъ! Я не приглашаю васъ садиться съ нами, потому что несутъ самоваръ, и мы переходимъ всѣ къ столу.

Переходъ къ столу однако не удался.

Перешла дѣйствительно только она одна, начавъ опять всыпаніе чая лопаточкой и затѣмъ разливаніе его.

Нагибинъ вынулъ папиросу и отошелъ нѣсколько шаговъ, чтобы закурить ее у рояля. Папиросы разрѣзались въ залѣ, но только самаго тонкаго калибра. Лиза съ дѣвицей де-Моль встали съ своихъ мѣстъ и пошли. Въ это время молодой, краснощекій, не высокаго роста съ курчавою головой

офицеръ скорыми шагами вошелъ въ комнату, очень низко и ломаясь раскланялся, и подошелъ къ Nadine.

— Наконецъ я имѣю и честь, и время быть у васъ, началъ онъ очень развязно, и затѣмъ продолжалъ что-то въ этомъ родѣ и тонѣ.

Лива съ дѣвицей де-Моль исчезли куда-то.

Нагибинъ, закуривъ папиросу, стоялъ у рояля и упрямо смотрѣлъ на Оленину.

Нѣсколько разъ Оленина тоже взглядывала на него, но встрѣтивъ его упорный взглядъ, быстро отводила глаза въ сторону.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Офицеръ громко, часто и много говорилъ что-то Nadine.

— М-г Нагибинъ! вдругъ приподнявъ рѣшительно глаза на него, сказала Оленина.

Нагибинъ подошелъ къ дивану.

— Наше знакомство началось такъ странно, продолжала она;—мы съ первой встрѣчи почти поссорились, и вы, кажется, намѣрены его такъ продолжать?

Оленина говорила примирительно.

Нагибинъ немного подумалъ и отвѣчалъ улыбаясь:

— Простите, но и вы мнѣ казались готовою продолжать начавшееся знакомство не измѣняя его характера.

— Я? Нисколько. Я даже готова найти всѣ ваши странности естественными, въ уваженіе вашего горя. Въ особенности эти странности можно простить послѣ вашего долгаго одиночества и затворничества.

— Я согласенъ, mademoiselle Alexandrine, что одиночество или, по-вашему, затворничество могутъ имѣть свое вліяніе на умѣнье человѣка вести себя въ обществѣ. Я, какъ отшельникъ, прошу у васъ прощенія, за высказавшіяся, совершенно противъ моего желанія, странности.

— Охотно извиняю и искренно уважаю вашу нелюдимость, какъ слѣдствіе вашего горя.

— Какимъ это горемъ вы объясняете мою нелюдимость и мои странности, mademoiselle Alexandrine? Я не знаю о чемъ вы говорите.

— Не запирайтесь, Евгеній Александровичъ, я знаю ваше горе. Простите что затронула его, не имѣя на то никакого права. Но я другъ вашихъ друзей, не забывайте этого. Они

разказали мнѣ ваше прошлое. Я не менѣе друзей вашихъ сумѣю понимать его и сочувствовать ему.

— Благодарю васъ, Александра Николаевна, но это дѣла давно минувшихъ дней. Я самъ уже начинаю забывать свое прошлое; не вспоминайте о немъ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, я сталъ другимъ человѣкомъ, едва ли къ чему-нибудь годнымъ.

Онъ говорилъ искренно.

— Не вѣрю, Евгеній Александровичъ, говорила Оленина ласково и улыбаясь.—Вы право все тотъ же. Вы только придумали извѣстнымъ образомъ нести свой крестъ. Вы страдали много и долго, и наконецъ привыкли страдать, вотъ и все. Я, допуская привычки вообще, допускаю и возможность свыкнуться съ страданіями.

— Можетъ-быть вы и правы.

— Я, признаюсь вамъ, не вполнѣ довѣряю, продолжала она,— горькимъ жалобамъ нашихъ московскихъ Манфредовъ; я не вѣрю въ притупленіе чувствъ въ человѣкѣ, въ невозможность снова воскреснуть для счастія и въ прочія подобныя этимъ мечты напускнаго разочарованія. Въ искренность же вашего горя, Евгеній Александровичъ, говорю искренно, я вѣрю. Я вполнѣ убѣждена что вы удалились въ деревню, бѣжали отъ общества, не для того чтобы прослыть Байрономъ. Скажите, Евгеній Александровичъ, положа руку на сердце: неужели ваше горе не ослабѣло до сихъ поръ? Провѣрьте себя хорошенько, не въ воображеніи ли вашемъ живетъ оно теперь болѣе чѣмъ въ сердцѣ; не гоститъ ли оно у васъ потому что вы свыклись съ нимъ, пожалуй полюбили его и сами его отъ себя не отпускаете? Попробуйте сами разстаться съ нимъ, не удерживайте только его, и, вѣрьте мнѣ, оно само пройдетъ, само васъ покинетъ. Вѣчное горе, какъ вѣчная радость, невозможны. Конечно, я еще не знаю жизни, я еще неопытна и жила только одною мыслію, но повѣрьте моей неопытности, она улыбнулась при этомъ, — вы все тотъ же Евгеній Александровичъ. Вы живете нелюдимымъ, вы поссорились, такъ сказать, съ обществомъ, но не потому чтобы вамъ непремѣнно этого хотѣлось, не потому чтобъ у васъ явилась потребность къ такой жизни, а потому что вамъ вообразилось что это такъ надо. Потрудитесь теперь вообразить, говорила она опять улыбаясь,—что вы все это дѣлали неразсудительно. Не стѣсняйте себя необходимостью горя, и у

васъ неминуемо проявится потребность жить иначе, проявится желаніе воротиться къ кругу отъ котораго вы оторвали себя добровольно.

— Покуда этого желанія еще не проявлялось, сказалъ Нагибинъ медленно.

— Погодите, проявится. Вы все тотъ же какимъ вы были предъ вашимъ горемъ. Повѣрьте мнѣ, Евгеній Александровичъ, убѣждала она его.

Онъ съ увлеченіемъ смотрѣлъ на нее. Она продолжала:

— За вами остались всѣ данныя чтобы вы могли быть еще счастливымъ. Это счастіе легко можетъ явиться и послѣ страданій, какъ за бурей бываетъ прекрасная погода.

— Все это, можетъ-быть, и такъ. Благодарю васъ за пророчество, Александра Николаевна, но вы забываете что буря наноситъ иногда существенный вредъ гдѣ проходитъ, разоряетъ и часто совершенно уничтожаетъ существующее въ природѣ.

— Время и силы природы возстановляютъ опустошенія причиненныя бурей, сказала она.

— Да, и на мѣстѣ, напримѣръ, пораженныхъ деревьевъ вырастаютъ иногда новыя.

Оленина улыбнулась.

— Можетъ-быть, я теперь имѣю удовольствіе говорить уже съ Евгеніемъ Александровичемъ вторымъ? спросила она.

— Пожалуй, сказалъ онъ тоже смѣясь.

— Евгеній Александровичъ второй, вы все стоите! Позвольте предложить вамъ мѣсто на диванѣ.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ онъ, и сѣлъ на диванъ почти рядомъ съ ней, такъ какъ мѣсто, на которое она указала ему, оказалось именно рядомъ.

Заботами Надины имъ подали чай и поставили предъ ними маленькій столикъ. Они продолжали говорить, говорили очень дружески, и никто не мѣшалъ имъ.

Лиза съ дѣвицей де-Моль возвратились изъ своего путешествія по другимъ комнатамъ въ залъ и усѣлись къ чайному столу. Лишь только онѣ пришли, ихъ атаковалъ курчавый офицеръ, рѣшительно не любившій стоять покойно на одномъ мѣстѣ. Всякое слово его, произносимое притомъ громко, сопровождалось жестомъ обѣихъ рукъ, для чего онъ подымалъ ихъ вмѣстѣ съ саблей, которую все время держалъ предъ собой. Опуская руки, онъ сильно стучалъ саблей объ полъ.

Чѣмъ громче было словесное выраженіе мысли, тѣмъ сильнѣе отзывался полъ. Онъ горячо доказывалъ что княгиня Пудовикова должна была, даже была вынуждена, и что наконецъ ей было крайне необходимо дать тотъ балъ, о которомъ уже было разглашено по городу. Онъ доказывалъ эту необходимость тѣмъ, что княгиня купила на дняхъ домъ, и прибавилъ къ этому что многіе находили его выводъ совершенно логичнымъ. Покончивъ съ домомъ и баломъ, онъ перешелъ къ кучеру дѣвицы де-Моль. Онъ рѣшительно находилъ невѣроятнымъ чтобы кучеръ не могъ повернуть въ Столешниковъ переулокъ ихъ пары. Онъ говорилъ что онъ самъ умѣетъ хорошо править, что понимаетъ это дѣло въ совершенствѣ, такъ какъ не разъ правилъ тройками, и даже въ темныя ночи. Онъ просилъ позволенія рекомендовать имъ хорошо извѣстнаго ему кучера.

Оленина говорила въ это время Нагибину:

— Неужели вы такъ-таки совершенно одни провели эти годы въ деревнѣ?

— Да, совершенно одинъ. Я не разъ, впрочемъ, уѣзжалъ оттуда и побродилъ по свѣту. Былъ почти цѣлый годъ за границей. Одну зиму прожилъ въ Петербургѣ. Путешествовалъ немного по югу Россіи, но послѣднее время я жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ.

— Я очень мало знакома съ жизнію въ деревнѣ, и мнѣ кажется, я не въ состояніи была бы прожить въ ней одна даже короткое время.

— Если можно свыкнуться со страданіями, Александра Николавна, то можно привыкнуть къ деревнѣ и ея скукѣ. Человѣкъ притомъ легко можетъ жить одною своею внутреннею жизнью.

— Конечно, это возможно, но я думаю, что не всѣ люди одарены такою способностью.

— Мнѣ кажется что человѣкъ, въ случаѣ надобности и необходимости, можетъ оказаться ко всему способнымъ.

— Евгеній Александровичъ, вы мнѣ вчера казались неспособнымъ говорить даже такъ, какъ вы говорите сегодня. Pardon! проговорила она.—Вчера мнѣ было досадно смотрѣть на васъ, и я дала себѣ слово, во что бы то ни стало, доискаться въ васъ способности быть человѣкомъ въ обществѣ съ другими людьми.

И вижу, вы доискались! Какъ легко открыть человѣку

его способности! Я самъ былъ убѣжденъ что не могу даже разговориться, а вы только покапризничали со мной, и я оказался уже Нагибинымъ вторымъ.

Они оба засмѣялись.

— Если ужь мнѣ это удается, то я буду продолжать капризничать. Можно, Евгеній Александровичъ? спросила она, понижая голосъ.

— Должно, если вамъ удаются капризы, отвѣчалъ онъ.

Чай окончился. Столъ былъ убранъ. Nadine, посмѣявшись съ курчавымъ офицеромъ, подошла къ роялю и заиграла вальсъ, тотъ же самый увлекательный вальсъ, который она играла наканунѣ. Офицеръ быстро отстегнулъ свою саблю, однимъ скачкомъ поставилъ ее въ углу, а другимъ подлетѣлъ къ дѣвицѣ де-Моль и раскланялся предъ ней, стукнувъ шпорами. Дѣвица де-Моль положила свою руку ему на плечо, онъ обхватилъ ея талію, и они закружились.

— Сата! Душка! кричала Лиза, направляясь къ Олениной. — Пойдемъ со мной.

Оленина съ готовностью приподнялась съ дивана и онѣ, такъ же какъ и наканунѣ, весело завертѣлись по комнатѣ.

У Нагибина опять что-то защемило въ груди, когда Оленина пошла танцовать. Онъ впивался въ нее глазами. Она улыбалась ему, когда приближалась къ дивану. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ по залѣ, дѣвицы остановились. Офицеръ подбѣжалъ къ Лизѣ, та согласилась, и они понеслись. Оленина подошла къ Нагибину; онъ приподнялся съ дивана.

— Евгеній Александровичъ второй, хотите быть моимъ провидѣніемъ? сказала она улыбаясь, и подвинулась къ нему очень близко. Она смотрѣла ему прямо въ глаза и улыбалась.—Нагибинъ второй, продолжала она топомъ просящаго,— не имѣетъ причинъ отказываться.

— Напротивъ, онъ-то и имѣетъ ихъ, потому что первый танцовалъ когда-то.

— Ну, что жь! идете? умоляла она его глазами.

Нагибинъ оставался минуту въ нерѣшимости.... и уступилъ.

— Евгеній Александровичъ, что съ вами? Браво! браво! раздались голоса Лизы и Надины, когда онѣ увидали его танцовавшимъ. Лиза аплодировала и кричала, подпрыгивая: — Прелесть, прелесть!

Когда они остановились, Оленина крѣпко пожала руку Нагибину. У него закружилась голова отъ непривычныхъ

для него движений, и онъ потянулъ руку къ голове. Лиза бросилась въ гостиную разказывать это необыкновенное происшествіе матери.

Надина подошла къ Нагибику. Всѣ какъ будто были обрадованы.

— Это мы должны тебя благодарить, Саша, обратилась она къ ней.—Теперь, Евгеній Александровичъ, вы не можете болѣе отказываться отъ танцевъ.

Онъ продолжалъ держать себя за голову.

— Maman даетъ намъ прекрасную мысль, говорила Лиза, возвращаясь изъ гостиной. — Она совѣтуетъ протанцовать французскую кадриль.

Мысль понравилась. Офицеръ растаркивался уже предъ дѣвицей де-Моль.

— А вы должны быть опять моимъ провидѣніемъ, Евгеній Александровичъ, и если эта роль легка и непротивна вамъ сегодня, вы танцуете со мной? Да? допрашивала его Оленина.

— Да вотъ вамъ дама чтобы руководить ею, отдѣлывался Нагибинъ, указывая на Лизу.

— А я хочу чтобы въ со мной танцовали, вѣдь вы позволили мнѣ капризничать.... говорила она шутливо. — Идемте, слышите! я прошу васъ, безъ всякихъ отговорокъ, прибавила она, взявъ его за руку.

Нагибинъ шелъ какъ школьникъ котораго ведутъ на расправу.

— Я уже забылъ какъ танцуютъ. Я перезабылъ фигуры, говорилъ онъ.

— Я вамъ и укажу, и напомню, упрямый и самолюбивый человѣкъ, говорила Оленина, ведя его за руку.

Надина заиграла. Офицеръ охорашивался, стоя съ дѣвицей де-Моль около двери въ буфетъ. Нагибинъ съ Олениной стали противъ нихъ.

Начали кадриль.

Лиза стояла около Нагибина, смѣялась и показывала ему что надо дѣлать.

Нагибину какъ будто понравилось танцовать, онъ не на шутку развеселился и расходился. Кадриль танцовали шумно и весело. Офицеръ ловко и старательно исполнялъ свою обязанность и занималъ безъ умолку дѣвицу де-Моль разговоромъ.

Во время кадрили вышелъ генералъ изъ своихъ апарта-

ментовъ и провожалъ уѣзжавшаго толстаго господина въ вицъ-мундирѣ. Генералъ любезно здоровался по дорогѣ и жалъ руки тѣмъ кого еще не видалъ. Увидавъ Нагибина танцующимъ, онъ остановился, улыбнулся и почти закричалъ:

— Ба, Евгеній Александровичъ! танцуетъ! Прогрессъ! Вотъ не ожидалъ! Еще бы! прибавилъ онъ.

Господинъ въ вицъ-мундирѣ проигралъ, а потому шелъ чрезъ залу скоро, обходя танцующихъ, и все кланялся, прискакивая на одной ногѣ.

Къ концу кадрили въ залу вышли партнеры генерала. Партія генеральши въ это время тоже окончилась. Кокова торопилась, чтобы отъѣхавъ въ каретѣ Ащеуловыхъ, успѣть прислать ее для отвоза Лёфнера.

Генеральша со старухой Олениной тоже вышли въ залу. Къ нимъ подошли партнеры генерала.

Кадриль кончилась.

— Благодарю васъ, Александра Николаевна, за возвращеніе меня къ жизни, говорилъ Нагибинъ, кланяясь ей.

Оленина ничего не отвѣчала, но нѣкоторое время не вынимала своей руки изъ руки Нагибина.

— Когда вы ѣдете? вдругъ спросила она его не громко.

— Хотѣлъ ѣхать послѣ завтра.

— Опять въ деревню? и надолго?

— Да, опять въ деревню и, вѣроятно, надолго.

— Что васъ тянетъ туда?

— Не знаю. Но вѣдь и здѣсь нѣтъ причинъ оставаться? сказалъ онъ, немного подумавъ.

Она взглянула на него во всѣ глаза. Потомъ улыбнулась и сказала:

— Причинъ нѣтъ для Нагибина перваго.

— А для втораго? развѣ есть? живо спросилъ онъ.

— Саша! ѣдемъ! раздался голосъ Олениной старухи.

Оленина стала прощаться, не отвѣтивъ ему ничего. Она прощалась молча, медленно, не такъ какъ обыкновенно. Оленины пошли въ переднюю. Нагибинъ слѣдовалъ за ними. Всѣ пошли провожать.

Оленина мать протянула руку Нагибину и сказала:

— Я буду очень, очень рада, monsieur Нагибинъ, видѣть васъ у себя.

Нагибинъ молча и низко поклонился.

Въ передней была толкотня, въ ней сдѣлалось уже такъ тѣсно, что офицеръ съ дѣвицей де-Моль и Nadine отрети-

ровались въ залу. Люди суетились, отыскивая верхнюю одежду. Генералъ только что проводилъ своихъ партнеровъ и оставался въ передней, держа подъ-руку Лёфнера.

Нагибинъ пробрался къ Олениной-дочери. Она протянула ему руку, онъ крѣпко сжалъ ее. Онъ отыскалъ ея шубу и сталъ подавать ее ей.

— Такъ прощайте, сказала она:—вы рѣшительно ѣдете?

— Не знаю. Не рѣшилъ. Можетъ-быть и совсѣмъ не уѣду.

— Почему? проговорила она, точно обрадовавшись этому отвѣту.

Онъ набрасывалъ ей шубу на плечи.

— Почему? повторила она.

— Нагибинъ второй страстно хочетъ остаться въ Москвѣ. Какъ вы ему посовѣтуете? Рѣшайте скорѣй!

Голосъ его дрожалъ немного.

Она поблѣднѣла. Глаза ея сдѣлались влажны. Она держалась за вѣшалку рукой и молчала, пока лакей надѣвалъ ей теплые сапоги.

— Когда и куда вы ѣдете, monsieur Нагибинъ? спросила его громко мать Олениной, почти уже въ дверяхъ которыя вели въ сѣни. Она не выходила, поджидая дочь.

— Отвѣчайте, умоляю васъ, что̀ долженъ я сказать вашей матери? шепталъ онъ.

Она молчала.

— Ради Бога, отвѣчайте скорѣй что̀ я долженъ сказать.

— Оставайтесь, промолвила она едва слышнымъ голосомъ.

— Теперь не ѣду никуда, madame Оленина, а остаюсь въ Москвѣ, сказалъ онъ громко, твердо и радостно.

— Еще бы, проговорилъ генералъ, взмахнувъ рукой для чего-то кверху.

— Очень рада, вотъ и прекрасно! Конечно оставайтесь: въ Москвѣ веселѣй, отвѣчала старуха Оленина.

— Еще бы, произнесъ генералъ внушительно и повторилъ слова Олениной: „въ Москвѣ веселѣй“, какъ эхо повторяетъ чужіе звуки, не понимая ихъ смысла.

Черезъ мѣсяцъ, обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ у Николы Явленнаго, на Арбатѣ, въ 8 часовъ вечера. Кареты стояли въ два ряда по улицѣ, вплоть до самыхъ Арбатскихъ воротъ.

С. ТАНѢЕВЪ.

АРТЕЗІАНСКІЙ КОЛОДЕЗЬ

ВЪ МОСКВѢ

Поверхность земнаго шара представляетъ намъ воду и сушу. Вода, образуя моря или океаны, покрываетъ около трехъ четвертей всей земной поверхности, и раздѣлена на ней весьма неравномѣрно. Внутри земнаго шара вода также занимаетъ большое пространство, перерѣзывая его какъ бы жилами во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Вытекая оттуда на материки или сушу, она собирается въ источники, ручьи и наконецъ въ рѣки, эти водяные пути, разнообразно извивающіеся. Несмотря на все это, вода, составляющая одну изъ самыхъ жизненныхъ стихій, не вездѣ, не во всѣхъ странахъ находится въ томъ изобиліи, въ какомъ она необходима для растеній, для животныхъ и для самого человѣка. Дабы восполнить этотъ недостатокъ, мы часто принуждены бываемъ прибѣгать къ искуственнымъ способамъ для добыванія воды изнутри земли. Въ настоящее время эти способы доведены до замѣчательнаго совершенства, и представляютъ большой интересъ не только въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи, но и по своимъ научнымъ основаніямъ. Я намѣренъ въ настоящей статьѣ сказать нѣсколько словъ вообще объ этихъ способахъ, и потомъ остановиться на одномъ изъ нихъ по преимуществу.

Какіе же это способы?

Самые употребительные способы для добыванія воды изнутри земли—*колодцы*, обыкновенные или рытые, трубчатые или американскіе, и буровые или артезіанскіе.

Рытые или обыкновенные колодцы всѣмъ извѣстны и не требуютъ никакихъ объясненій. Трубчатые или американскіе изобрѣтены недавно, и въ короткое время успѣли уже обратить на себя всеобщее вниманіе. Они придуманы Американцемъ Нортономъ, и потому называются иначе *Нортоновскими* колодцами.

Подъ названіемъ Нортоновскаго или американскаго колодца разумѣются кованыя желѣзныя трубки, навинчивающіяся одна на другую, въ большемъ или меньшемъ числѣ, по мѣрѣ надобности, и вбиваемыя въ землю до глубины того слоя, въ которомъ находится вода. Каждая трубка длиною въ сажень, а въ діаметрѣ отъ 1¼ до 2 дюймовъ, и нѣсколько болѣе. Существенная часть всего аппарата состоитъ изъ кованой желѣзной трубки A (фиг. 1), имѣющей стальное остріе и снабженной отверстіями на пространствѣ около двухъ футовъ, начиная со дна. Трубка эта вбивается въ землю при помощи бабы C, которая поднимается на блокахъ B, и при паденіи ударяется о выдающуюся часть D. Послѣдняя состоитъ изъ двухъ штукъ, которыя вмѣстѣ свинчиваются на трубкѣ, и, для бо́льшаго сцѣпленія между собою и съ трубкой, на внутренней поверхности покрыты зазубринами. Когда эта выдающаяся часть, при движеніи трубки внизъ, приблизится къ землѣ, ее отвинчиваютъ и прикрѣпляютъ къ трубкѣ на большей высотѣ. Часть, поддерживающая блоки, такимъ же образомъ перевинчивается выше, и по мѣрѣ надобности, привинчиваются ко вбиваемой трубкѣ новыя, чтобы увеличить длину ея. Впрочемъ, въ колодцахъ подзнѣйшаго и лучшаго устройства, блоки, при помощи коихъ поднимаютъ бабу, прикрѣпляются къ особому постоянному треножнику, какъ это видно на фиг. 3, чрезъ что̀ устраняется перевинчиваніе этой части и сберегается время. Какъ только трубка вбита въ слой, содержащій въ себѣ воду (что̀ узнается обыкновенно посредствомъ лота, опускаемаго въ трубку), къ ней прикрѣпляется такъ-называемый очистительный насосъ (cleansig pump); а когда начнетъ течь чистая вода, то его замѣняютъ простымъ насосомъ. Очистительный насосъ вытягиваетъ песокъ и землистыя части, окружающія нижнюю часть трубки, и образуетъ вокругъ нея резервуаръ для воды, какъ это показано въ B на фиг. 2. На томъ же чертежѣ C обозначаетъ верхнюю границу слоя содержащаго воду. Увеличивая число колодцевъ и соединяя ихъ верхнія отверстія,

можно получить значительное количество воды. Въ Англіи такое устройство примѣнено съ большимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ заведеніяхъ и пивоварняхъ.

По новости предмета, я полагаю, будетъ нелишнимъ описать нѣсколько опытовъ, которые были произведены въ Англіи съ Нортоновскимъ колодцемъ, и указать при этомъ еще на нѣкоторые дополнительные къ нему механизмы.

При опытахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, прежде всего былъ опущенъ въ землю трубчатый колодезь, сдѣланный по образцу тѣхъ которые въ настоящее время употребляются Англичанами въ Абиссиніи, и которымъ они обязаны почти всѣми успѣхами своей абиссинской экспедиціи. Трубка имѣла въ діаметрѣ не болѣе одного дюйма съ четвертью; баба вѣсила 70 фунт. Трубка эта въ 17 минутъ была вбита двумя работниками на глубину 14 футовъ. Лотъ, опущенный въ трубку, показалъ въ ней около пяти футовъ воды. Тогда былъ привинченъ насосъ, и чрезъ 19 минутъ, считая отъ начала работы, вода накачивалась уже совершенно свободно. Предложили вынуть трубку, чтобы видѣть сколько нужно времени для этого, и менѣе чѣмъ въ полторы минуты весь аппаратъ былъ вынутъ изъ земли, при помощи рычага. За тѣмъ трубка въ 2 дюйма въ діаметрѣ была вбита на 30 фут. глубины, сравнительно, въ столь же короткое время, и было получено значительное количество воды. Потомъ подвергли испытанію трубку еще бо́льшаго діаметра, и при этомъ понадобилось употребить особый механизмъ. Трубка большаго діаметра оказываетъ весьма сильное противодѣйствіе ударамъ бабы: послѣ каждаго удара она отскакиваетъ или приподнимается; необходимо было уничтожить это противодѣйствіе. Нортонъ достигнулъ этого весьма остроумнымъ механизмомъ, представленнымъ на фиг. 3. Онъ состоитъ изъ поперечной перекладины, которая накладывается на верхній конецъ трубки. Къ обоимъ концамъ этой перекладины прикрѣпляются особые снаряды въ видѣ двухъ призмъ, на которыя уже дѣйствуетъ сила, удерживающая трубку отъ приподниманія къ верху. Отъ нижнихъ концовъ призмъ проведены цѣпи къ вороту, при помощи котораго можно, смотря по надобности, подвергнуть трубку большему или меньшему давленію, отъ 4 до 20 тоннъ. Такимъ образомъ противодѣйствіе трубки уничтожается, и она свободно уступаетъ ударамъ бабы. При описываемомъ опытѣ трубка безъ труда была вбита на 14

футовъ, и въ ней оказалось до 5 фут. воды, которая, по мѣрѣ выкачиванія, становилась все чище и чище.

При употребленіи Нортоновскаго колодца необходимо обратить вниманіе еще на нѣкоторыя обстоятельства. Бываютъ случаи что трубка засоряется, и вода не въ состояніи проникать въ нее, несмотря на то что достигла уже слоя содержащаго въ себѣ воду. Это случается, когда трубка проходитъ чрезъ сыпучіе пески, или чрезъ вязкія глины, — обстоятельства, составляющія, какъ извѣстно, большое препятствіе и при копаніи обыкновенныхъ колодцевъ. Засореніе происходящее отъ сыпучаго песку, въ Нортоновскомъ колодцѣ предотвращено тѣмъ, что въ продырявленную часть трубки вставляется другая, также продырявленная, а въ промежутокъ между ними помѣщается проволочная сѣтка; это устройство, очевидно, служитъ вмѣсто фильтра. Въ песчано-сыпучихъ почвахъ оно вполнѣ удовлетворяетъ цѣли, но не можетъ воспрепятствовать засоренію трубки вязкою глиной. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такъ: наполняютъ трубку водою и производятъ на нее сильное давленіе. Этимъ давленіемъ вода продавливается сквозь засорившіяся отверстія, и тѣмъ очищаетъ ихъ.

Нортоновскій колодезь имѣетъ большое преимущество предъ обыкновеннымъ, въ особенности относительно своей подвижности, или возможности перенесенія его изъ одного мѣста въ другое, относительно дешевизны и скораго добыванія воды. Но употребленіе его ограничивается только извѣстными почвами; онъ можетъ быть опускаемъ исключительно только въ рыхлыя и мягкія почвы, легко уступающія острому концу трубки; напротивъ, тамъ гдѣ почва состоитъ изъ известняка, песчаника и другихъ твердыхъ породъ, такой колодезь неприложимъ. Въ настоящее время во Франціи и Англіи принято за правило снабжать войска Нортоновскими колодцами во время передвиженія ихъ по такимъ мѣстамъ которыя не богаты водой, и особенно хорошею водой. Въ предѣлахъ Россіи, безъ сомнѣнія, найдется много такихъ мѣстностей, въ которыхъ Нортоновскіе колодцы могутъ быть употреблены съ большою пользой.

Вообще, какъ обыкновенные, такъ и Нортоновскіе колодцы удовлетворяютъ, такъ-сказать, только первой потребности, по тому количеству воды которое ими доставляется. Но для того чтобы добыть воду гораздо въ большемъ и

постоянномъ или неизмѣняемомъ количествѣ, устраиваются буровые или *артезіанскіе* колодцы. Такъ называютъ ихъ отъ французской провинціи Артуа или *Артезіи*, гдѣ съ давняго времени они имѣли обширное и счастливое примѣненіе.

Артезіанскій колодезь,—это вертикальная скважина, которая, при помощи буренія, опускается на большую глубину, на 50, на 100, 200 саженъ и болѣе, вообще до водянаго слоя имѣющаго большій или меньшій наклонъ. Посредствомъ этой скважины вода собственнымъ напоромъ поднимается до самаго верха, или даже выше его и бьетъ фонтаномъ.

Артезіанскіе колодцы въ настоящее время сдѣлались самою насущною потребностью, не только какъ средство добывать подземную воду для домашняго употребленія, но и какъ могучая движущая сила. Артезіанская вода выходитъ большею частью такимъ непрерывнымъ и обильнымъ потокомъ, что можетъ служить для разнообразнѣйшихъ цѣлей въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Трудно исчислить всѣ примѣненія артезіанской воды какъ движущей силы. Она вращаетъ мельничныя колеса, движетъ огромные молота въ фабричныхъ заведеніяхъ. На сахарныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ въ Англіи давно употребляютъ почти исключительно эту воду. Цѣлые города снабжаются артезіанскою водой; проведенная подземными трубами, она служитъ для орошенія улицъ, садовъ, бьетъ фонтанами, составляющими украшеніе и освѣженіе города. Внѣ городовъ служитъ для орошенія луговъ и полей. Кромѣ того, артезіанская вода обладаетъ особеннымъ свойствомъ, именно постоянною температурой и вообще болѣе высокою чѣмъ температура окружающаго воздуха, а иногда и очень высокою. Это свойство воды въ наукѣ содѣйствовало рѣшенію весьма важнаго физическаго вопроса, именно, опредѣленію внутренней теплоты земли, а въ жизни получило обширное приложеніе. Этою теплою подземною водой согрѣваются огромныя фабричныя заведенія и оранжереи для охраненія экзотическихъ растеній отъ холода; артезіанская вода проводится также въ пруды гдѣ содержится рыба, не выдерживающая крайностей температуры, ни большаго холода зимой, ни сильнаго тепла лѣтомъ; артезіанскою водой, имѣющею постоянную температуру, можно устранить эти крайности. Наконецъ, употребляютъ ее непосредственно для теплыхъ ваннъ. Такое обширное примѣненіе артезіанской воды очень

много зависѣло отъ того, что этотъ способъ добыванія ея даетъ самые обильные и самые постоянные результаты, и въ то же время есть самый дешевый изъ всѣхъ извѣстныхъ способовъ.

Жителямъ Африки, Азіи и Америки артезіанскіе колодцы, повидимому, были извѣстны съ самыхъ отдаленныхъ временъ, хотя далеко не въ томъ видѣ, какого достигли они въ послѣдствіи. Въ западной Европѣ древнѣйшіе артезіанскіе колодцы принадлежатъ Италіи и устроены тамъ, какъ полагаютъ, въ началѣ XII вѣка. Въ Россіи буреніе артезіанскихъ колодцевъ относится также къ весьма отдаленному времени. Первоначальное учрежденіе ихъ въ Пермской губерніи исторически извѣстно со второй половины XVI столѣтія, а въ Старой Русѣ, въ Новгородской губерніи, еще со временъ древнихъ Новгородцевъ, почти за 400 лѣтъ до насъ. Тѣ и другіе были устроены собственно для добыванія соленой воды или подземныхъ разсоловъ, употреблявшихся для выварки соли. Послѣ такого ранняго появленія артезіанскихъ колодцевъ въ Россіи, казалось, можно было ожидать что они сдѣлаются у насъ столь же обыкновенны какъ и въ другихъ странахъ Европы, но вышло наоборотъ. По странной судьбѣ многихъ полезныхъ начинаній въ нашемъ отечествѣ, мы должны были и въ этомъ отстать отъ западной Европы. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія у насъ почти не было другихъ артезіанскихъ колодцевъ, кромѣ пермскихъ и старорусскихъ. Къ сожалѣнію, и въ настоящее время они не имѣютъ того обширнаго приложенія, какого бы слѣдовало ожидать отъ нихъ.

Вопросъ объ артезіанскихъ колодцахъ, полагаю, не можетъ быть безынтересенъ для читателей. Но это такой обширный предметъ, что желающій изложить его затрудняется не столько недостаткомъ, сколько обиліемъ матеріала. Мнѣ предстоитъ сдѣлать выборъ. Но можно ли колебаться въ этомъ выборѣ? Зачѣмъ ходить далеко за примѣрами, когда на нашихъ глазахъ, въ самой Москвѣ, производится буреніе артезіанскаго колодца? И какой колодезь въ Европѣ или въ другой части свѣта можетъ представить намъ болѣе интереса чѣмъ тотъ который устроенъ для нашего собственнаго удобства?

Московскій артезіанскій колодезь еще не доведенъ до конца и возбуждаетъ много толковъ въ публикѣ, впрочемъ,

весьма естественныхъ, какъ по новости предмета, такъ и потому что не всѣ же на столько знакомы съ физическими условіями Москвы чтобы въ состояніи были болѣе или менѣе ясно представить себѣ: осуществимо ли у насъ такое предпріятіе, или неосуществимо; если осуществимо, то въ какой степени; удовлетворитъ ли оно потребностямъ города и т. п. Въ настоящей статьѣ я постараюсь отвѣтить на эти вопросы. Но прежде нежели перейду къ описанію самого колодца, нахожу необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ понятій, относящихся къ этому предмету.

Вопервыхъ, откуда происходитъ подземная вода, питающая артезіанскіе колодцы? Составляетъ ли она внутри земли особые водоемы, образовавшіеся со времени самого происхожденія земли, или накопляется тамъ мало-по-малу, постоянно прибывая по мѣрѣ истощенія ея ключами и другими способами? Много было ученыхъ споровъ объ этомъ предметѣ, наконецъ рѣшили что подземная вода есть та же самая, которая составляетъ моря или океаны на поверхности земли. Горькая морская вода, обращаясь въ паръ отъ дѣйствія солнечной теплоты и очищаясь такимъ образомъ отъ посторонніхъ примѣсей, переносится вѣтромъ на материкъ, плаваетъ надъ нимъ въ воздухѣ въ видѣ тумана или облаковъ, и потомъ ниспадаетъ на землю дождемъ и снѣгомъ. Тутъ одна часть воды испаряется, входитъ въ растенія, уносится рѣками, а другая проникаетъ въ землю на бо́льшую или ме́ньшую глубину. Оттуда она опять подымается на поверхность земли, собирается въ рѣки и посредствомъ ихъ возвращается въ моря чтобы снова начать свое нескончаемое круговращеніе.

Какимъ образомъ однако вода, падающая изъ атмосферы въ видѣ дождя или снѣга, пробирается внутрь земли?

Опыты показали что почвы, составляющія самую верхнюю оболочку земли, не пропускаютъ воды на большую глубину; даже послѣ сильныхъ и продолжительныхъ дождей онѣ смачиваются не глубже трехъ, четырехъ или шести футовъ. Однѣ только песчаныя почвы пропускаютъ воду какъ сквозь рѣшето. То же самое отчасти надо сказать о всѣхъ трещиноватыхъ породахъ, каковы въ особенности трещиноватые известняки. Но и въ этихъ случаяхъ вода останавливается на первой встрѣтившейся ей плотной породѣ, также на глинахъ и мергеляхъ. Это та самая вода которая добывается

обыкновенными и Нортоновскими колодцами. Въ самыя же нѣдра земли или на бо́льшую глубину вода проходитъ совсѣмъ другими путями.

Извѣстно что земная кора состоитъ изъ различныхъ слоевъ, изъ которыхъ одни плотны и непроницаемы для воды, а другіе рыхлы и до того скважисты, что въ состояніи воспринимать, всасывать и пропускать сквозь себя воду. Къ водопроницаемымъ слоямъ принадлежатъ по преимуществу пески, рыхлые песчаники и трещиноватые известняки, а къ непроницаемымъ слоямъ относятся глины или мергели, и всѣ плотныя породы. Кромѣ того извѣстно, что въ иныхъ мѣстахъ земные слои имѣютъ положеніе горизонтальное или плоское какъ столъ, а въ другихъ болѣе или менѣе изогнуты и подняты. Такъ почти во всѣхъ долинахъ, окруженныхъ горами или возвышенностями, они представляются въ видѣ огромной чаши или котловины. Это значитъ что въ самой срединѣ долины слои болѣе или менѣе плоски, а по направленію къ горамъ или возвышенностямъ и на ихъ склонахъ они бываютъ приподняты. Теперь легко представить себѣ что атмосферная вода, падающая въ видѣ дождя или снѣга на эти приподнятые кверху слои, необходимо должна пробираться по трещинамъ, и особенно чрезъ рыхлыя породы, далеко внутрь земли, и образовать въ ней слои пропитанные водой, совершенно параллельные съ тѣми слоями которые воды не пропускаютъ. Дѣйствительно, если опускать трубу или скважину внутрь земли на значительную глубину, то можно встрѣтить иногда нѣсколько такихъ водяныхъ слоевъ, принадлежащихъ различнымъ глубинамъ и раздѣленныхъ между собой плотными слоями.

Казалось бы, вода, проникшая въ такія глубокія нѣдра, должна бы была оставаться внутри земли. Но мы знаемъ что она опять выходитъ наружу. Какая же сила подымаетъ воду на поверхность земли или даже заставляетъ ее бить фонтаномъ, какъ въ артезіанскихъ колодцахъ?

Восхожденіе воды изнутри земли объясняется гидростатическимъ давленіемъ или закономъ сообщающихся трубокъ. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что если возьмемъ трубку изогнутую въ два колѣна, въ видѣ латинской буквы U (фиг. 4), и нальемъ воды въ эту трубку, то вода въ обоихъ колѣнахъ будетъ стоять на одинаковой высотѣ. Теперь поло-

жимъ, что одно колѣно этой трубки вставлено въ сосудъ, изъ котораго она непрерывно наполняется водой, и что другое колѣно внизу отрѣзано и заперто краномъ (фиг. 5). Когда отопремъ кранъ, вода, стремящаяся придти въ уровень, или достигнуть той же высоты, на которой стоитъ она въ сосудѣ, будетъ бить изъ короткаго колѣна фонтаномъ. Это физическое явленіе объясняется тѣмъ, что каждая частица водянаго столба находящагося въ трубкѣ испытываетъ на себѣ давленіе, соотвѣтствующее тому положенію въ какомъ находится она относительно верхняго горизонта воды. Давленіе водянаго столба находящагося въ длинномъ колѣнѣ и побуждаетъ воду подниматься чрезъ короткое колѣно.

На основаніи этого физическаго закона, какъ извѣстно, проводится вода въ разныя части города, и устраиваются фонтаны. Наши городскіе фонтаны изъ мытищинской воды устроены на основаніи того же закона. Мытищинская вода проведена до Москвы изъ села Большихъ Мытищъ и поднята въ резервуаръ, устроенный въ Сухаревой башнѣ; оттуда она спускается сперва вертикальными трубами, а потомъ горизонтальными или наклоненными, въ разныя части города. Все это устройство въ сущности представляетъ собою нашъ аппаратъ фигуры пятой. Сосудъ наполненный водой, это резервуаръ Сухаревой башни; длинное колѣно съ небольшимъ отрѣзкомъ другаго, это вертикальныя и другія трубы, распредѣляющія мытищинскую воду по городскимъ улицамъ. Теперь, если этой водѣ, протекающей по трубамъ и какъ бы запертой краномъ, въ какомъ-либо мѣстѣ открыть выходъ наружу, посредствомъ вертикальныхъ трубокъ, то она, стремясь достигнуть той же высоты, на которой стоитъ въ резервуарѣ Сухаревой башни, будетъ бить фонтаномъ, потому что фонтанныя трубки имѣютъ такую малую высоту сравнительно съ высотою резервуара Сухаревой башни, что представляются какъ бы короткимъ колѣномъ согнутой трубки.

Строго говоря, вода, протекающая по трубамъ, никогда не въ состояніи достигнуть той самой высоты, до которой она должна была бы достигнуть вслѣдствіе гидростатическаго закона. Такъ въ московскихъ фонтанахъ вода не въ состояніи подняться до высоты резервуара Сухаревой башни; этому препятствуютъ: треніе воды о трубы, сопротивленіе

воздуха и нѣкоторыя другія причины, значительно сдерживающія движеніе воды.

Искусственные фонтаны, о которыхъ мы говорили, какъ бы ни были они различны по своему наружному устройству, въ сущности одинаковы между собою, потому что всѣ имѣютъ сходство съ сообщающимися трубками и основаны на гидростатическомъ законѣ. На основаніи того же закона происходятъ и *естественные* фонтаны, именно поднятіе воды изнутри земли ключами и артезіанскими колодцами. Это также фонтаны.

Представимъ себѣ, что какая-либо часть земной коры имѣетъ видъ чаши или котловины, состоящей изъ различныхъ слоевъ, изъ которыхъ одни проводятъ воду, а чрезъ другіе она проходить не въ состояніи. На предлагаемомъ чертежѣ (фиг. 6) представлена именно такая котловина, состоящая изъ трехъ словъ a, b, c, изъ коихъ верхній и нижній, известнякъ и глина, непроницаемы для воды, а средній, песчаный, проницаемъ. Атмосферная вода, падая на поднятые края этой котловины, будетъ проникать только въ рыхлый песчаный слой b, и не находя себѣ выхода ни вверхъ, ни внизъ, наполнитъ его собою. Вслѣдствіе того гидростатическаго закона, о которомъ мы говорили выше, вода, находящаяся въ самой срединѣ котловины, въ точкѣ p, будетъ подвержена давленію или напору водянаго столба, котораго высота ph. Теперь, если въ верхнемъ известняковомъ слоѣ сдѣлается отверстіе dp, естественное или искусственное, то этимъ самымъ водѣ, заключающейся въ песчаномъ слоѣ b, будетъ отрытъ выходъ, и она, повинуясь дѣйствующему на нее давленію, поднимется до высоты ph, выше поверхности земли, и будетъ бить фонтаномъ.

Объяснимся еще иначе. Всякій водяной слой, находящійся въ вышеозначенныхъ условіяхъ, представляетъ собою нашъ аппаратъ (фиг. 5), какъ бы обращенный сифонъ съ однимъ длиннымъ колѣномъ, сифонъ, у котораго не достаетъ другаго, короткаго колѣна. Когда это недостающее короткое колѣно замѣнится естественною трещиной въ землѣ, составится родникъ или ключъ, а когда, вмѣсто трещины, пробуримъ вертикальную и правильную скважину, получимъ артезіанскій колодезь. Вода въ обоихъ случаяхъ будетъ подыматься до той высоты, до которой достигнетъ водяной слой въ верхнемъ поднятомъ краѣ. Чѣмъ значи-

тельнѣе высота, на которой находятся поднятые края, тѣмъ выше будетъ подыматься вода.

Такимъ образомъ буровую скважину или артезіанскій колодезь можно сравнить съ коротким колѣномъ такого сифона, у котораго длиннѣйшее естественное колѣно открывается на высокихъ склонахъ какой-либо горы, и тамъ изъ атмосферныхъ осадковъ, дождя и снѣга, почерпаетъ свой запасъ, какъ бы изъ сосуда постоянно наполненнаго водой.

На основаніи предложенной теоріи легко рѣшается самый важный практическій вопросъ относящійся къ артезіанскимъ колодцамъ, именно: какія мѣстности должны быть избираемы для заложенія артезіанскихъ колодцевъ, или какія мѣстности служатъ ручательствомъ за успѣхъ подобныхъ предпріятій.

Изъ того что̀ мы сказали выше слѣдуетъ само собою, что при выборѣ мѣстностей для артезіанскаго колодца прежде всего необходимо обратить вниманіе на ея наружный видъ или рельефъ. Вообще она должна имѣть видъ болѣе или менѣе обширной котловины, или такого пространства, которое бы кругомъ или съ нѣкоторыхъ сторонъ замыкалось возвышенностями или горами. Далѣе, слои, составляющіе такую котловину, необходимо должны быть болѣе или менѣе изогнуты, или по крайней мѣрѣ имѣть наклоненіе, и представлять видъ чаши, краями своими выходящей наружу. Наконецъ, необходимо чтобъ эта чаша или котловина состояла изъ породъ рыхлыхъ, легко проводящихъ воду, и другихъ плотныхъ, не проводящихъ воды. Всѣ эти требованія понятны сами собою. Я сдѣлаю только одно замѣчаніе. Подъ названіемъ котловинъ, избираемыхъ для заложенія артезіанскихъ колодцевъ, не надо разумѣть такое пространство, которое бы непремѣнно замыкалось близкими горами или возвышенностями. Напротивъ, горы или возвышенности могутъ находиться иногда на весьма большомъ разстояніи. Нѣкоторые артезіанскіе колодцы бьютъ посреди пространнѣйшихъ равнинъ; гдѣ же, спрашивается, искать водяныхъ столбовъ, которые бы своимъ давленіемъ понуждали воду выходить наружу? Этихъ столбовъ надо искать за предѣлами того пространства которое можно обнять глазомъ, за 50, за 100, за 200 верстъ и болѣе. Можетъ показаться сомнительнымъ, чтобы подземные водяные слои могли имѣть такое огромное протяженіе, въ 200 верстъ и болѣе. Дѣйстви-

тельно, еслибы не было достовѣрно извѣстно, что пространства земли въ 200 или 300 верстъ весьма часто имѣютъ совершенно одинаковое образованіе. Впрочемъ, въ доказательство того, что подземные водяные слои простираются иногда очень далеко, мы укажемъ на явленіе замѣченное многими мореплавателями. Посреди морей есть ключи прѣсной воды: вода этихъ ключей, безъ всякаго сомнѣнія, должна притекать съ твердой земли, ниже морскаго дна, между тѣмъ какъ такіе ключи встрѣчались мореплавателямъ въ разстояніи ста миль и болѣе отъ ближайшаго берега.

Послѣ этихъ общихъ понятій объ артезіанскихъ колодцахъ, перехожу къ частному описанію Московскаго артезіанскаго колодца.

Устройство въ Москвѣ артезіанскаго колодца вызвано тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся городскіе жители относительно снабженія ихъ водой. Это положеніе весьма ярко и со всею точностью изображено барономъ Дельвигомъ въ его отчетѣ о дѣйствіи Московскихъ водопроводовъ *, горнымъ инженеромъ Бабинымъ въ той запискѣ которая была читана имъ въ Обществѣ Любителей Естествознанія, и потомъ представлена въ Московскую городскую думу, ** и наконецъ самою думой въ докладѣ коммиссіи объ устройствѣ въ Москвѣ артезіанскаго колодца.

Москва въ настоящее время снабжается водой посредствомъ двухъ искусственныхъ водопроводовъ: одного изъ ключей села Большихъ Мытищъ ***, а другаго изъ ключей Сокольничьей рощи. Первый доставляетъ въ сутки до 500 тысячъ ведръ, а второй до 40 тысячъ ведръ. Сокольничьимъ водопроводомъ снабжаются колодцы въ Сокольничьей слободѣ и два Калančевскіе, противъ станціи Николаевской желѣзной дороги, а Мытищинскимъ—всѣ городскіе фонтаны, водоразборные колодцы и 36 отдушинъ для пожарныхъ случаевъ. Количество воды, доставляемое Москвѣ означенными водопроводами, оказывается слишкомъ недостаточнымъ для жителей. Такъ многіе изъ обывателей, при всемъ желаніи провести

* *Журн. путей сообщенія*, 1860 г. кн. 2, 1861 г. кн. 4 и 1864 г. кн. 1. Также въ *Руководствѣ къ устройству водопроводовъ*.

** *О водоснабженіи Москвы и проектѣ устройства въ ней артезіанскаго колодца*. 1865 г. 11 февраля.

*** Въ разстояніи одной версты отъ села Большихъ Мытищъ и въ 15 верстахъ отъ городской заставы по Ярославскому шоссе.

весьма неудобнымъ, потому что водопроводы по цѣлымъ мѣсяцамъ оставались въ бездѣйствіи: весною отъ засоренія всасывающихъ трубъ мутною водой, а зимой отъ замерзанія воды въ водопроводахъ. Одинъ изъ этихъ недостатковъ, конечно, можно было бы устранить фильтраціей москворѣцкой воды, а другой—болѣе глубокимъ проложеніемъ трубъ, но устройство фильтровъ для очищенія 275 тыс. ведръ въ сутки, поддержаніе этого устройства и новое проложеніе трубъ потребовали бы такихъ же издержекъ какія были уже употреблены на проведеніе москворѣцкой воды, около 140.000 руб. сер. (безъ прокладки трубъ).

Все это заставило городское управленіе снова обратиться къ Мытищинскимъ ключамъ и сдѣлать попытку: нельзя ли увеличить ихъ притокъ. Къ счастью, такое увеличеніе оказалось возможнымъ. Баронъ Дельвигъ, вступившій въ управленіе водопроводомъ послѣ генерала Максимова, нашелъ что мытищинскіе ключи слишкомъ подперты, и что количество даваемой ими воды можетъ быть увеличено пониженіемъ подпорнаго горизонта воды въ бассейнѣ и водопроводѣ. * Такимъ пониженіемъ баронъ Дельвигъ достигъ того что Мытищинскіе ключи, вмѣсто 330 тыс. ведръ въ сутки, стали давать 500 тыс. Получивъ столь счастливый результатъ, онъ полагалъ что, въ случаѣ надобности, тѣмъ же способомъ можно будетъ еще болѣе увеличить количество мытищинской воды, но послѣдующіе опыты не оправдали этого ожиданія.

Послѣ этого, городское управленіе, для восполненія недостающаго количества воды, обратило свое вниманіе на другіе ключи, находящіеся въ самой Москвѣ и по сосѣдству съ нею. Изъ такихъ ключей болѣе другихъ извѣстны: ключи Ходынскаго поля, близъ Андреевской богадѣльни, за Трехгорною заставой, на Дѣвичьемъ полѣ (колодезь Вавилонъ), за Рогожскою заставой, въ Преображенскомъ, на Введенскихъ

* Дѣло въ томъ что Мытищинскій бассейнъ не былъ достаточно углубленъ въ тотъ слой который заключаетъ въ себѣ воду, такъ что многіе ключи этого слоя не втекали въ бассейнъ. Баронъ Дельвигъ углубилъ его во всю толщу водянаго слоя, до самой почвы, и чрезъ то далъ возможность образоваться гораздо большему притоку ключевой воды. Сообразно съ этимъ былъ понижекъ горизонтъ воды и въ водопроводѣ, который находится съ бассейномъ совершенно въ такихъ же условіяхъ въ какихъ сосуды имѣющіе между собою сообщеніе и наполненные водой.

горахъ, близь Андроньева монастыря и на Арбатѣ. Самыми обильными изъ числа поименованныхъ ключей оказались находящіеся близь Андреевской богадѣльни и на Ходынскомъ полѣ за Тверскою заставой.

Андреевскіе ключи расположены немного выше горизонта рѣки Москвы, внизу обрывистаго берега, и представляютъ двѣ группы: одну при самой богадѣльнѣ, гдѣ находится семь колодцевъ, а другую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ богадѣльни, гдѣ находится одинъ колодезь. Если соединить всѣ эти колодцы однимъ общимъ водопріемникомъ, то, по приблизительному соображенію, можно будетъ получить изъ нихъ до 100 тыс. ведръ въ сутки. Но для проведенія этой воды въ Замоскворѣчье, въ замѣнъ тамошняго мытищинскаго водоснабженія, потребуется поднимать ее значительно выше чѣмъ воду изъ ходынскихъ ключей. Притомъ андреевская вода не столь хорошаго качества какъ ходынская. Значитъ, проведеніе воды изъ ходынскихъ ключей имѣетъ преимущество предъ андреевскими, даже въ томъ случаѣ еслибъ они не въ состояніи были давать болѣе 100 тыс. ведръ въ сутки, то-есть столько же сколько и андреевскіе. Но Ходынскіе ключи и въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество предъ Андреевскими. Когда въ 1867 году, по распоряженію правленія IV округа путей сообщенія, былъ заложенъ колодезь на Ходынскомъ полѣ, именно близь скаковаго круга, то оказалось что тамошніе ключи могутъ доставлять около 300 тыс. ведръ въ сутки, особенно если опустить колодезь еще на бо́льшую глубину.

Городская дума, получивъ эти свѣдѣнія, просила правленіе IV округа, углубить Ходынскій колодезь сколько нужно, и въ точности опредѣлить то количество воды на которое могутъ расчитывать городскіе фонтаны.

Согласно съ желаніемъ думы, Ходынскій колодезь былъ углубленъ въ 1868 году, и въ октябрѣ того же года измѣрено количество воды имъ доставляемое. Измѣреніе это производилось особою коммиссіей, составленною изъ лицъ командированныхъ правленіемъ IV округа и распорядительною городскою думой. Опыты производились непрерывно съ 9-го по 16-е октября, и привели къ тому заключенію, что Ходынскій колодезь въ состояніи доставлять отъ 270 тыс. до 300 тыс. ведръ въ сутки, и что на то же

количество должны быть разчитаны трубы, насосы и машины для проведенія воды въ городскіе фонтаны.

Устройство Ходынскаго колодца обошлось городу въ 21.874 руб., а окончательное устройство водопровода предположено въ 79.425 руб. Значитъ, полное устройство дополнительнаго водоснабженія на 300 тыс. ведръ въ сутки обойдется въ 101.299 руб.

Городская коммиссія была того мнѣнія что, принимая во вниманіе количество и качество воды Ходынскаго колодца, вышеозначенная затрата не можетъ считаться непроизводительною, даже если, въ послѣдствіи, на содержаніе новаго дополнительнаго водопровода, сверхъ этой временной суммы, потребуется еще ежегодный расходъ до 17.000 руб. На основаніи этого отзыва, городская дума рѣшила отпустить сумму потребную на устройство Ходынскаго водопровода и просила правленіе IV округа чтобъ устройство это было окончено въ возможно-скорое время, именно къ осени текущаго 1869 года.

Такимъ образомъ Москва можетъ надѣяться, что къ концу нынѣшняго года она будетъ получать воды около 840 т. ведръ въ сутки. Цифра сама по себѣ довольно значительная, но далеко не достигающая того количества какое необходимо для полнаго удовлетворенія городскихъ жителей. Откуда же взять недостающее количество воды? Казалось, всѣ средства были истощены. Но въ это самое время горный инженеръ Бабинъ предлагаетъ городской думѣ устроить въ Москвѣ артезіанскій колодезь. Это единственный и надежный исходъ изъ того затрудненія, въ которомъ находится городъ, и потому предложеніе г. Бабина было принято думою съ полнымъ сочувствіемъ и безъ всякихъ колебаній.

Само собою разумѣется, что проектъ г. Бабина предварительно былъ подвергнутъ думой всестороннему обсужденію. Для этого была составлена особая коммиссія изъ лицъ принадлежащихъ къ думѣ, изъ составителя проекта и еще двухъ приглашенныхъ, занимающихся научно этимъ предметомъ.

Вопросы обсуждавшіеся въ коммиссіи преимущественно были таковы: находится ли Москва въ тѣхъ физическихъ условіяхъ какія необходимы для артезіанскаго колодца? Откуда возьмется вода, и какая вода, будетъ ли она годиться для питья, не получится ли такой же разсолъ какой дали

нѣкоторые изъ прежнихъ артезіанскихъ колодцевъ въ Россіи? Наконецъ, будетъ ли она въ достаточномъ количествѣ для города, и не потребуется ли съ его стороны еще какихъ-либо дополнительныхъ устройствъ, водоподъемныхъ машинъ и т. п.? Вопросы чрезвычайно серіозные и заслуживающіе того чтобы мы на нихъ остановились, прежде нежели перейдемъ къ самимъ буровымъ работамъ.

Для того чтобы рѣшить находится ли Москва въ благопріятныхъ условіяхъ для артезіанскаго колодца, надо припомнить тѣ обстоятельства, на которыя обращается вниманіе вообще при выборѣ мѣстностей для заложенія такихъ колодцевъ. Эти обстоятельства были уже мною указаны. Для этого необходимо, вопервыхъ, чтобы положеніе занимаемое Москвой имѣло видъ котловины, или такого пространства, которое бы со всѣхъ сторонъ или съ нѣкоторыхъ было окружено возвышенностями или горами. Вовторыхъ, эта котловина должна состоять изъ слоевъ рыхлыхъ, легко проводящихъ воду, и другихъ плотныхъ, не проводящихъ воды. Кромѣ того, эти слои должны быть болѣе или менѣе изогнуты, или по крайней мѣрѣ имѣть наклоненіе, и чрезъ то представлять видъ чаши, краями своими выходящей наружу. Вотъ условія необходимыя для успѣха артезіанскаго колодца. Спрашивается: положеніе Москвы удовлетворяетъ ли этимъ условіямъ?

Съ перваго взгляда можетъ показаться сомнительнымъ чтобы пространство, посреди котораго находится Москва, было котловиной. Повидимому, въ сосѣдствѣ ея нигдѣ нѣтъ такихъ возвышенностей или горъ, относительно которыхъ она представлялась бы лежащею въ котловинѣ. Въ близкомъ сосѣдствѣ дѣйствительно нѣтъ, но если мы взглянемъ на географическую карту Россіи, то увидимъ что Москва лежитъ въ котловинѣ, или въ такомъ пространствѣ, которое почти со всѣхъ сторонъ замыкается значительными возвышенностями. Съ сѣверо-запада и запада ее окружаютъ Валдайскія горы, а съ юга и юго-запада такъ-называемая Орловская вызвышенность, простирающаяся отъ Витебска до Воронежа. Эти возвышенности подымаются отъ 900 до 1000 футовъ надъ уровнемъ моря, между тѣмъ какъ положеніе Москвы надъ моремъ равняется только 490 футамъ. Очевидно, все пространство между валдайскими и орловскими возвы-

ценностями представляетъ котловину, и Москва занимаетъ въ ней почти самую средину.

Такимъ образомъ въ физико-географическомъ отношеніи, или по наружному виду, Москва находится въ котловинѣ. Но таково ли внутреннее образованіе этой котловины какое требуется для артезіанскаго колодца?

Московскую котловину по преимуществу составляютъ двѣ системы слоевъ, лежащія одна надъ другою. Древнѣйшая изъ нихъ, или нижняя, называется въ геологіи *девонскою системой*, а болѣе новая, или верхняя — *системою горнаго известняка*, или просто *горнымъ известнякомъ*. Послѣдній называется иначе *каменноугольнымъ известнякомъ*, потому что заключаетъ въ себѣ каменный уголь, тотъ самый который въ настоящее время возбуждаетъ большой интересъ по своимъ разработкамъ въ Тульской губерніи и другихъ лежащихъ на орловской возвышенности.

Относительное положеніе и другія свойства девонскихъ и горноизвестняковыхъ слоевъ, составляющихъ Московскую котловину, опредѣлены весьма многими изслѣдованіями. Для того чтобы дать болѣе осязательное понятіе о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привели эти изслѣдованія, здѣсь прилагаются два чертежа, представляющіе геологическій разрѣзъ Московской котловины по направленію отъ сѣвера къ югу. Это изображеніе того что̀ мы увидѣли бы, еслибы слои, составляющіе Московскую котловину, были разрѣзаны вертикальною плоскостью сверху до низу, отъ поверхности до самаго основанія.

Въ одномъ изъ прилагаемыхъ разрѣзовъ (фиг. 7) можно видѣть относительное положеніе системъ девонской и горноизвестняковой. Девонская система, подъ буквами d и e, составляетъ тутъ самую нижнюю часть котловины, и вмѣстѣ съ тѣмъ высокія окраины ея, валдайскую съ сѣвера и орловскую съ юга. По среднему протяженію котловины девонская система покрыта горнымъ или каменноугольнымъ известнякомъ, который представленъ буквами b и c.

Указаннымъ разрѣзомъ я желалъ передать одну общую идею о внутреннемъ образованіи Московской котловины. Другой разрѣзъ, представляющій только южную половину котловины, отъ Орла до Москвы, и составленный на основаніи буровыхъ скважинъ, производившихся около Серпу-

хова, Подольска и Москвы, гораздо нагляднѣе перваго, и ведетъ ко многимъ соображеніямъ.

Тутъ ясно видно, что обѣ системы, девонская и горно-известняковая, состоятъ изъ различныхъ слоевъ, a, b, c, d, e и f; однѣми изъ этихъ буквъ обозначаются породы плотныя или непроницаемыя для воды, именно глины и известняки, а другими—породы рыхлыя или песчаныя, пропускающія воду. Замѣтимъ при этомъ, что песчаные слои, пропускающіе воду и представляющіе для насъ особенный интересъ, находятся только при основаніи котловины, именно въ нижнемъ ярусѣ горнаго известняка d, и особенно въ нижнемъ ярусѣ девонской системы f.

Изъ того же разрѣза видно, что слои, образующіе котловину, не горизонтальные, не плоскіе, а имѣющіе паденіе или наклоняющіеся, и наклоняющіеся по направленію къ Москвѣ. Это наклоненіе или паденіе слоевъ не болѣе одной сажени на версту, и потому на небольшомъ пространствѣ замѣчено быть не можетъ; но что оно дѣйствительно есть, это доказывается тѣми измѣреніями, о которыхъ я говорилъ выше, а еще болѣе буровыми работами, которыя производились около Серпухова, Подольска и около Москвы за Трехгорною заставой. Девонскіе слои въ Валдайскихъ горахъ и въ Орловской возвышенности, какъ видно изъ прилагаемыхъ разрѣзовъ, выходятъ своими краями наружу, и лежатъ на высотѣ отъ 900 до 1.000 фут. надъ уровнемъ моря, напротивъ, въ Подольскѣ, въ 35 верстахъ отъ Москвы, такіе же слои встрѣчены буровою скважиной уже болѣе чѣмъ на 400 фут. ниже уровня моря. Столь глубокое залеганіе девонскихъ слоевъ, сравнительно съ окраинами котловины, безъ сомнѣнія, могло произойти только вслѣдствіе наклоненія ихъ по направленію къ Москвѣ. Такое же наклоненіе представляютъ и слои горнаго известняка. Это видно изъ того, что каменный уголь, заключающійся въ этихъ слояхъ,* на южной окраинѣ котловины, именно около Тулы, выходитъ на самую поверхность земли; напротивъ, въ Серпуховѣ онъ лежитъ уже на глубинѣ 300 фут., а въ Подольскѣ еще глубже, на глубинѣ 750 фут. Это также есть слѣдствіе наклоненія слоевъ.

---

* На фиг. 8 каменный уголь въ слоѣ d представленъ черными линіями.

Итакъ физическое положеніе Москвы совмѣщаетъ всѣ условія, обезпечивающія успѣхъ артезіанскаго колодца: она лежитъ посреди обширной котловины, и такой котловины, какая требуется для артезіанскаго колодца, именно: состоитъ изъ слоевъ двоякаго рода, плотныхъ или непроводящихъ воды, и рыхлыхъ или проводящихъ воду; притомъ тѣ и другіе слои, наклоняясь по направленію къ Москвѣ, представляются огромною чашей. Наружные края этой чаши, Валдайскія и Орловскія возвышенности, необходимо должны воспринимать въ себя атмосферную воду и проводить ее по рыхлымъ песчанымъ слоямъ до самой Москвы. Понятно, что если въ какомъ-либо мѣстѣ Москвы пробурить скважину до песчаныхъ слоевъ, то вода въ нихъ заключающаяся, повинуясь собственному напору, подымется по скважинѣ до самой поверхности земли, или выше ея.

Глубина Московской артезіанской скважины, по всѣмъ соображеніямъ, должна быть значительная, потому что песчаные слои, заключающіе воду, находятся, какъ замѣчено было выше, только въ самой нижней части котловины, по крайней мѣрѣ на глубинѣ 200 или 220 саженъ.

Показавъ полную возможность получить въ Москвѣ артезіанскую воду, перехожу къ вопросамъ относительно качества и количества этой воды, то-есть, будетъ ли она годиться для питья, и получится ли въ такомъ количествѣ чтобы могла удовлетворить требованіямъ города.

Всякая артезіанская вода, къ какой бы котловинѣ она ни принадлежала, питается обыкновенно атмосферною водой, то-есть дождемъ и снѣгомъ падающимъ на окраины котловины. Понятно, чѣмъ обширнѣе окраины, воспринимающія атмосферную воду, тѣмъ артезіанская вода должна быть обильнѣе. Москва въ этомъ отношеніи находится въ самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Окраинами, воспринимающими атмосферную воду, служатъ для нея валдайскія и орловскія возвышенности, имѣющія весьма обширное протяженіе. Притомъ онѣ такъ расположены, что почти кругомъ обхватываютъ котловину, вслѣдствіе чего атмосферная вода почти со всѣхъ сторонъ должна притекать къ Москвѣ, занимающей самую средину котловины. Едва ли во всей Европейской Россіи можно указать еще на другую мѣстность, столь же благопріятную для артезіанской воды какъ Москва. Всѣ

болѣе замѣчательные артезіанскіе колодцы въ Россіи получаютъ воду изъ одной какой-либо окраины; такъ, пермскіе—съ западнаго склона Урала, а Старорусскіе, почитающіеся однимъ изъ самыхъ обильныхъ въ цѣлой Европѣ,—съ одной западной стороны Валдайскихъ горъ. Можно полагать навѣрное, что Московскій колодезь не долженъ давать менѣе полмилліона ведръ въ сутки. Предположеніе это кажется намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Петербургскій артезіанскій колодезь, устроенный за четыре года предъ симъ, воспринимаетъ воду изъ весьма пологой окраины, и все-таки даетъ въ сутки около 300 т. ведръ.

Изъ тѣхъ же примѣровъ, на которые я указалъ, слѣдуетъ, что Московская артезіанская вода, какъ выходящая изъ непрерывныхъ слоевъ, подымающихся своими краями болѣе чѣмъ на 400 фут. надъ уровнемъ Москвы, по всей вѣроятности, будетъ бить на столько выше городскихъ улицъ, что для распредѣленія своего по трубамъ не потребуетъ никакихъ подъемныхъ механизмовъ.

Что касается до качества ожидаемой нами воды, то Москва и въ этомъ отношеніи находится въ весьма благопріятныхъ условіяхъ. Многихъ смущаетъ то, что Московская котловина съ востока и запада окружена такими мѣстностями, которыя издавна извѣстны по своимъ подземнымъ разсоламъ, каковы Пермская и Новгородская губерніи. Но ни та, ни другая мѣстность не могутъ имѣть вліянія на Московскій колодезь, какъ лежащія внѣ Московской котловины. Кромѣ того, пермскіе разсолы принадлежатъ со всѣмъ къ другой формаціи чѣмъ та изъ которой предполагается получать московскую артезіанскую воду. Нельзя сказать того же относительно старорусскихъ разсоловъ, также принадлежащихъ къ девонской формаціи, какъ и московская артезіанская вода. Повидимому, это обстоятельство должно было грозить намъ опасностью, но изъ геологіи очень хорошо извѣстно, что одна и та же формація, по различію мѣстныхъ условій, при которыхъ она образовалась, можетъ быть весьма неодинакова. Есть много девонскихъ мѣстностей которыя вовсе не заключаютъ въ себѣ ни каменной соли, ни разсоловъ. Даже и та девонская формація которая лежитъ на западномъ склонѣ Валдайскихъ горъ, и къ которой относятся старорусскіе разсолы, не на всемъ протяженіи обнаружи-

ваетъ одинаковый характеръ, и тутъ соленые разсолы являются чисто мѣстнымъ обстоятельствомъ. Прибалтійская окраина этой формаціи, именно Лифляндская губернія, имѣетъ до 20 артезіанскихъ колодцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не даетъ соленой воды, всѣ прѣсную. Значитъ, присутствіе соли не составляетъ для девонскихъ формацій необходимой принадлежности; напротивъ, большею частью соли въ нихъ не бываетъ. Къ такимъ же формаціямъ, то-есть, не заключающимъ въ себѣ соли, принадлежитъ и девонская формація московской котловины. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ неизвѣстно чтобы гдѣ-нибудь находились въ ней каменная соль или разсолы. Послѣ этого трудно предполагать чтобы московская артезіанская вода была соленая, а не прѣсная.

Положимъ однако, что вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, непредвидѣнныхъ наукою, получится вода соленая, непригодная ни для питья, ни для приготовленія пищи. Городъ и въ этомъ случаѣ ничего не потеряетъ. Вѣдь употребленіе воды не ограничивается однимъ домашнимъ бытомъ. Отчего же не пропустить ее подземными трубами по всей Москвѣ, какъ это сдѣлано въ Парижѣ, и не употреблять для орошенія улицъ, садовъ, и для устройства фонтановъ на площадяхъ, не только для украшенія города, но и для освѣженія воздуха въ лѣтнее жаркое время? Московскій колодезь, по всей вѣроятности, будетъ давать не менѣе полумилліона ведръ въ сутки. Развѣ нельзя такую массу воды съ огромною выгодой употребить на тушеніе пожаровъ? Притомъ надо замѣтить, что для пожаровъ эта вода, по содержанію въ ней солей, должна быть гораздо дѣйствительнѣе обыкновенной, потому что выдѣляющіяся изъ нея соли облегаютъ предметы и затрудняютъ ихъ горѣніе. Она лучше обыкновенной воды для пожаровъ еще въ томъ отношеніи, что и въ самую холодную зиму будетъ имѣть довольно высокую температуру. Кромѣ того, соленая артезіанская вода, по своему химическому составу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ имѣть какое-либо врачебное употребленіе. Превосходнымъ примѣромъ этого служатъ артезіанскіе разсолы Старой Русы, въ Новгородской губерніи. Нѣкогда они употреблялись для выварки соли, а въ настоящее время нашли болѣе выгоднымъ употреблять ихъ почти исключительно для врачебныхъ ваннъ. Тамошніе разсолы оказались особенно полезными противъ

золотушныхъ болѣзней и привлекаютъ къ себѣ множество больныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Другой примѣръ представляетъ петербургская артезіанская вода. По разложенію академика Струве, она имѣетъ одинаковый химическій составъ съ минеральною водою Крейцнахъ, съ тою только разницей, что петербургская вода втрое слабѣе Крейцнахской. Значитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ петербургская артезіанская вода можетъ замѣнить собою столь извѣстную по своимъ цѣлебнымъ силамъ Крейцнахскую воду.

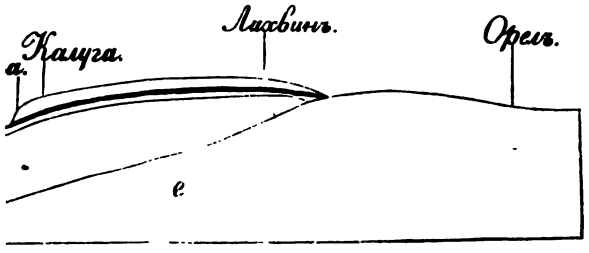
Сообразивъ всѣ предыдущія обстоятельства, коммиссія признала проектъ г. Бабина основаннымъ на точныхъ научныхъ данныхъ и весьма важнымъ для экономіи городскаго хозяйства. На основаніи этого доклада, дума утвердила проектъ г. Бабина, и для производства работъ пригласила его же, какъ лицо давно извѣстное по своей опытности.

По утвержденіи проекта, прежде всего надо было избрать мѣстность гдѣ удобнѣе заложить колодезь. Выборъ такой мѣстности былъ порученъ той же коммиссіи и производителю работъ. Они избрали для этого верхнюю часть Яузскаго бульвара, по слѣдующимъ соображеніямъ. Вопервыхъ, въ этой мѣстности углубленіе скважины можно было начать почти прямо съ той формаціи подъ которою долженъ находиться водяной слой, именно съ горнаго или каменно-угольнаго известняка, прикрытаго тутъ небольшими наносами и юрскими глинами. Вовторыхъ, эта мѣстность находится недалеко отъ наиболѣе населенныхъ частей города, и какъ городская собственность, не требовала никакихъ издержекъ. Кромѣ того, въ пользу ея говорили: близость ея къ Яузѣ, на случай отвода артезіанской воды во время постройки зданія, въ которомъ поставится резервуаръ для распредѣленія воды по городу; возвышенное положеніе мѣстности, необходимое для того чтобъ уменьшить высоту зданія для резервуара; возможность, при окончательномъ открытіи артезіанскаго колодца, устроить тутъ особую площадь, уничтоженіемъ верхней части Яузскаго бульвара и нижней Покровскаго. Наконецъ, въ случаѣ неудовлетворительныхъ качествъ воды, ее легко отвести на близълежащія по правому берегу Яузы пустопорожнія земли, гдѣ артезіанская вода можетъ быть употреблена какъ врачебное средство, если окажется для этого пригодною, и наконецъ какъ фабричный двига-

тель, еслибы качества ея не дозволяли дать ей другое назначеніе.

Буреніе началось 4-го февраля 1867 года. Проходя юрскія и горноизвестняковыя формаціи (на фиг. 8, buk. a и b), г. Бабину приходилось бороться съ большими затрудненіями, то съ плывучими песками и сильнымъ притокомъ воды, то съ глинами, которыя заваливали скважину, то съ обвалами твердыхъ породъ, то, наконецъ, съ тѣми кремнистыми прослойками которые такъ обыкновенны въ нашемъ горномъ известнякѣ. Одинъ изъ такихъ прослойковъ, встрѣтившійся на глубинѣ 68 саженъ, оказался столь крѣпкимъ, что, при толщинѣ не болѣе семи вершковъ, могъ быть пройденъ только въ двѣ недѣли, причемъ лезвее долотъ, изготовляемыхъ обыкновенно изъ лучшей англійской стали, иступлялось совершенно послѣ двухчасовой работы. Для устраненія плывучихъ песковъ, встрѣтившихся на глубинѣ семи аршинъ отъ поверхности, и сильнаго притока воды потребовалось самое тщательное закрѣпленіе. Для этого основная труба или матица, служащая для начала и направленія скважины, была задѣлана въ шахтѣ бетономъ на портландскомъ цементѣ, и кромѣ того ограждена трубой изъ котельнаго желѣза. Для устраненія глинистыхъ обваловъ, встрѣтившихся въ верхнемъ ярусѣ горнаго известняка на двухъ различныхъ глубинахъ (67½ и 91½ саж.), оказалось необходимымъ поставить еще двѣ такъ-называемыя осадныя трубы, одну въ другую. Но вслѣдъ за постановкой послѣдней изъ этихъ трубъ, при дальнѣйшемъ буреніи, обнаружился обвалъ твердыхъ породъ, который гораздо опаснѣе глинистыхъ, и надо было поставить еще третью осадную трубу, такъ что діаметръ скважины отъ 32½ дюймовъ уменьшился до 17½ дюйм.

Несмотря на всѣ эти препятствія, требовавшія большаго искусства для ихъ устраненія, успѣхъ буровыхъ работъ превзошелъ тѣ ожиданія которыя были высказаны г. Бабинымъ въ предложеніи своемъ объ устройствѣ колодца. Основываясь на буреніи Подольской скважины, самой глубокой и самой близкой къ Москвѣ, г. Бабинъ испрашивалъ на буреніе 4½ года, причемъ предполагалось вести работу слѣдующимъ образомъ: въ первый годъ углубить скважину на 40 саж., во второй — на 50, въ третій — на 60, въ четвертый на 65, и на пятый годъ покончить работу. По этому разчету, къ марту нынѣшняго года буровая скважина должна



7

была бы имѣть около 100 саж. глубины, между тѣмъ какъ къ этому времени она была опущена на глубину 136 саженъ.

Буреніе Московскаго колодца превзошло наши ожиданія еще въ другомъ отношеніи. За основаніе работъ и всѣхъ предположеній относительно колодца былъ принятъ г. Бабинымъ геологическій разрѣзъ, на который я имѣлъ уже случай указывать (фиг. 8). Онъ составленъ горнымъ инженеромъ, полковникомъ Романовскимъ, который болѣе пятнадцати лѣтъ занимался изслѣдованіемъ подмосковныхъ губерній, въ особенности для отысканія тамъ каменнаго угля; съ тою же цѣлью производилось имъ и буреніе около Серпухова, Подольска и около самой Москвы, за Трехгорною заставой. Понятно, что послѣ такихъ продолжительныхъ изслѣдованій, онъ имѣлъ возможность составить себѣ весьма близкую идею о геологическомъ строеніи Московской котловины. Эту идею онъ выразилъ приводимымъ мною разрѣзомъ. Буреніе Московскаго колодца должно было служить самою лучшею повѣркой того въ какой степени идеально составленный разрѣзъ согласуется съ дѣйствительностью. Геологія нынѣшняго времени есть наука столь же положительная какъ и другія естественныя науки, и потому мы не сомнѣвались, что между геологическимъ разрѣзомъ и дѣйствительностью не будетъ большой разницы, но никакъ не могли надѣяться чтобъ идеальный разрѣзъ и дѣйствительность, такъ сказать, совпали между собой, или были сходны до малѣйшихъ подробностей. Это истинное торжество науки. Буровою скважиной пройдены тѣ самыя породы которыя ожидались по разрѣзу, и что особенно замѣчательно, почти на той же самой глубинѣ на которой предполагалось ихъ встрѣтить. Такъ, напримѣръ, слой красныхъ и зеленоватыхъ глинъ, постоянно встрѣчающійся въ нашемъ горномъ известнякѣ, подъ Серпуховымъ лежитъ наружѣ, а около Подольска встрѣченъ буровою скважиной уже на глубинѣ 50-ти саженъ. При разстояніи Подольска отъ Москвы въ 35 верстъ, а по прямому направленію нѣсколько менѣе, этотъ слой, при паденіи въ одну сажень на каждую версту, долженъ былъ оказаться въ Москвѣ на 35 саженъ глубже нежели въ Подольскѣ, и слѣдовательно встрѣтиться на глубинѣ отъ 80 до 90 саженъ. И дѣйствительно, слой красныхъ и зеленоватыхъ глинъ встрѣченъ московскою скважиной на глубинѣ 86 саженъ.

Укажемъ еще на другой примѣръ совпаденія разрѣза съ дѣйствительностью, примѣръ, который имѣетъ большое промышленное значеніе. Каменный уголь, принадлежащій къ нижнему ярусу горнаго известняка, на южной окраинѣ котловины, именно въ Тульской губерніи, составляетъ довольно толстые слои и выходитъ почти на самую поверхность земли. Но тѣ же слои, по направленію къ Москвѣ, становятся все тоньше и опускаются на бо́льшую и бо́льшую глубину: подъ Серпуховымъ они встрѣчены буровою скважиной на глубинѣ 55 саж., а близъ Подольска—107 саж. Судя по этому, каменный уголь подъ Москвой долженъ былъ совершенно выклиниться, или образовать едва замѣтныя прослойки, и опуститься на бо́льшую глубину. По вычисленію, такіе прослойки предполагалось встрѣтить на глубинѣ около 145 саженъ. И дѣйствительно, буровая скважина встрѣтила ихъ на глубинѣ 142, 144 и 147 саж. Значитъ, вопросъ о московскомъ каменномъ углѣ можно считать совершенно покончеными; уже нѣтъ надобности дѣлать новыя попытки открыть каменный уголь въ самой Москвѣ, потому что каменный уголь лежитъ тутъ на глубинѣ отъ 142 до 147 саженъ, и такими ничтожными прослойками, которыя не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ буреніе показало намъ еще одно совпаденіе идеальнаго разрѣза съ дѣйствительностію, совпаденіе представляющее особенный интересъ, потому что имѣетъ прямое отношеніе къ устройству самаго колодца. Мы нѣсколько разъ упоминали, что одни песчаные слои въ состояніи дать artesianскую воду, и что такіе слои въ московской котловинѣ находятся только въ нижнемъ ярусѣ горнаго известняка и въ нижнемъ девонскомъ ярусѣ. Строго говоря, самыми надежными или обѣщающими наибольшій притокъ воды, по всѣмъ соображеніямъ, почитались одни девонскіе песчаные слои. Эти соображенія основаны преимущественно на томъ что песчаные слои нижняго девонскаго яруса толсты, непрерывны, и вслѣдствіе этого должны свободно проводить воду, между тѣмъ какъ песчаные слои нижняго горнаго известняка не такъ удобны для движенія воды, потому что, отъ частой перемежаемости съ глинами, они тонки и не совсѣмъ правильны. Кромѣ того, девонскія окраины, выходящія наружу, лежатъ гораздо выше и круче чѣмъ окраины нижняго

горнаго известняка; значитъ, атмосферная вода, падающая на девонскія окраины, должна подыматься по скважинѣ выше чѣмъ та которая падаетъ на окраины горнаго известняка. На основаніи этихъ наблюденій, г. Бабинъ въ предложеніи своемъ объ устройствѣ Московскаго колодца, настаивалъ на томъ что для полнаго успѣха необходимо опустить скважину до нижнихъ девонскихъ песчаниковъ, какъ свободно проводящихъ воду, не отрицая однако что артезіанская вода можетъ показаться и въ томъ случаѣ, когда буровая скважина достигнетъ нижняго горнаго известняка. Все это не только оправдалось, но и превзошло ожиданія. Едва достигли скважиной до перваго песчанаго слоя, принадлежащаго къ нижнему горному известняку, какъ открылась вода, и поднялась въ скважинѣ выше прежняго уровня на пять саженъ.

Объяснимъ это обстоятельство нѣсколько подробнѣе. Мы говорили выше что слой плывучаго песка, встрѣтившійся на глубинѣ семи аршинъ отъ поверхности, потребовалъ закрѣпить матицу бетономъ и оградить ее еще трубою изъ котельнаго желѣза. Такое закрѣпленіе оказалось столь прочнымъ, что притокъ воды изъ плывучаго песку вовсе прекратился, и горизонтъ ея, по мѣрѣ отливки, понижался все болѣе и болѣе, пока буреніе не сравнялось съ первымъ слоемъ известняка, лежащаго на глубинѣ десяти саженъ. При дальнѣйшемъ буреніи и послѣ спуска первыхъ осадныхъ трубъ, вода понизилась еще на сажень, и въ этомъ положеніи, то-есть на одиннадцати саженяхъ отъ поверхности, не повышалась и не понижаясь, оставалась на одномъ горизонтѣ въ теченіе восьмнадцати мѣсяцевъ буренія. Но когда буреніемъ достигли рыхлыхъ песчаниковъ нижняго горнаго известняка, дававшихъ первую возможность открыть артезіанскую воду, она вдругъ поднялась на пять саженъ выше прежняго уровня и остановилась такимъ образомъ на шести саженяхъ отъ поверхности. Въ присутствіи коммиссіи, назначенной городскою думой для обслѣдованія этого факта, пробовали отливать воду, но она тотчасъ же снова принимала свое прежнее положеніе. Можно было бы подумать что прибывшая вода произошла отъ поврежденія матицы и отъ боковыхъ притоковъ, но стѣны ея, по тщательному осмотру, оказались въ совершенной исправности. Значитъ, поднявшаяся вода дѣйствительно

есть артезіанская, то-есть вытекающая изъ нижняго горнаго известняка и имѣющая свое начало изъ окраинъ котловины, изъ тамошнихъ атмосферныхъ осадковъ.

Могутъ спросить однако: почему же этотъ первый притокъ артезіанской воды остановился на шести саженяхъ отъ поверхности, а не бьетъ фонтаномъ?

Это обстоятельство объясняется свойствомъ тѣхъ песчаныхъ слоевъ, изъ которыхъ поднялась вода. Песчаные слои нижняго горнаго известняка, давшіе эту воду, вопервыхъ, не имѣютъ достаточной толщины и правильности, какія необходимы для свободнаго движенія воды; вовторыхъ, наружныя окраины этихъ слоевъ, воспринимающія атмосферную воду, недостаточно возвышены надъ мѣстомъ гдѣ производится буреніе. Еслибы наружное отверстіе буровой скважины, находящееся теперь на высотѣ верхней части Яузскаго бульвара, можно было понизить на семь или на восемь саженъ, еслибы, напримѣръ, оно было вровень съ горизонтомъ Яузы, то и этотъ притокъ билъ бы фонтаномъ. Казалось, отчего же было не заложить скважину ниже чѣмъ верхняя часть Яузскаго бульвара: мы имѣли бы теперь бьющую артезіанскую воду. Такъ, но эта вода, бьющая фонтаномъ надъ горизонтомъ Яузы, потребовала бы для распредѣленія своего по городскимъ улицамъ, имѣющимъ большею частью весьма высокое положеніе сравнительно съ Яузой, водоподъемныхъ машинъ и постройки весьма высокаго зданія для резервуара. Наконецъ, малое поднятіе первой артезіанской воды очень много зависитъ и отъ буровой скважины въ ея теперешнемъ состояніи, именно отъ того что теперешняя скважина не вездѣ имѣетъ одинаковый діаметръ. Вслѣдствіе постановки осадныхъ трубъ, она представляется въ видѣ огромнаго бинокля, узкимъ концомъ обращеннаго къ низу. При такомъ устройствѣ, подымающаяся вода должна встрѣчать переходы изъ меньшаго діаметра скважины въ большій, и чрезъ то значительно ослабляться въ своемъ движеніи.

Принявъ во вниманіе все предыдущее, коммиссія постановила такое заключеніе: вопервыхъ, что поднявшаяся въ буровой скважинѣ вода есть дѣйствительно артезіанская, и что на открытіе ея перваго притока, хотя и не слишкомъ значительнаго, должно смотрѣть какъ на весьма утѣшительное обстоятельство, доказывающее несомнѣнную возможность

имѣть въ Москвѣ артезіанскую воду; вовторыхъ, что дальнѣйшее продолженіе буровыхъ работъ въ настоящее время желательно болѣе чѣмъ когда-либо; втретьихъ, необходимо чтобы прежде нежели буровая скважина достигнетъ нижнихъ девонскихъ слоевъ, обѣщающихъ самый главный притокъ воды, были приняты мѣры, которыя оградили бы отъ случайностей внезапнаго поднятія воды, и вмѣстѣ съ тѣмъ дали бы возможность судить о дѣйствительномъ ея напорѣ.

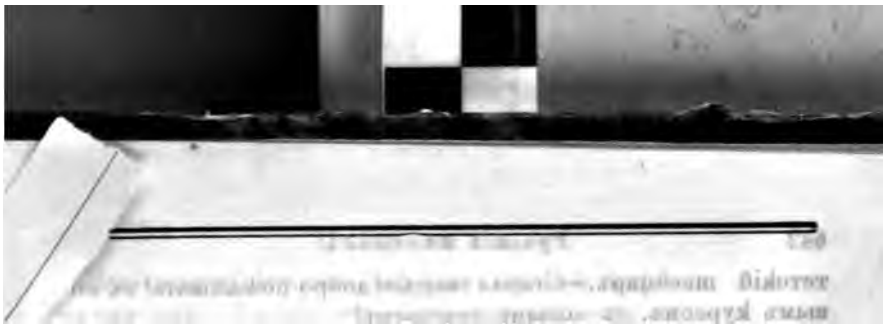
Послѣднее заключеніе коммиссіи имѣло въ виду чтобъ артезіанская вода, внезапно поднявшаяся изъ нижнихъ девонскихъ слоевъ, не встрѣтила для себя какихъ-либо препятствій въ самой скважинѣ, и не уклонилось отъ настоящей дороги. Для устраненія такихъ случайностей, по мнѣнію г. Бабина, необходимо чтобы діаметръ скважины былъ одинаковъ по всей ея длинѣ, для чего онъ предложилъ поставить во всю скважину одну цѣльную трубу одинаковаго діаметра, а пространство, которое останется между поставленною трубой и трубами уже находящимися въ скважинѣ, задѣлать гидравлическимъ цементомъ.

Послѣ осмотра коммиссіи и сдѣланнаго ею заключенія, буреніе открыло еще два обстоятельства, служащія новымъ доказательствомъ что мы приближаемся къ своей цѣли. Одно изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что на глубинѣ 147 саж. встрѣтился третій прослоекъ каменнаго угля, впрочемъ, такой же ничтожный какъ и два первыхъ. Значитъ, заключеніе наше относительно московскаго каменнаго угля остается въ прежней силѣ. Второе обстоятельство касается артезіанской воды; продолжая углублять скважину по нижнему горному известняку, буреніе встрѣтило новый песчаный слой, также заключающій въ себѣ воду, но незначительный по своей толщинѣ; вода, выступившая изъ этого втораго слоя, поднялась въ скважинѣ на 14 верштковъ выше прежняго уровня.

Итакъ по устройству московскаго артезіанскаго колодца мы быстро приближаемся къ желанной цѣли. Въ настоящее время буровая скважина опущена на глубину 148 саж. По всему вѣроятію, осталось углубить ее еще на 70 саженъ, или нѣсколько болѣе, чтобы получить воду изъ нижнихъ девонскихъ слоевъ, воду, которая бы выступила въ большомъ количествѣ, и была бы въ состояніи подняться выше буровой

скважины. Однимъ словомъ, мы наканунѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ событій въ лѣтописяхъ Москвы. Безъ всякаго сомнѣнія, Москвичи съ большою признательностію отзовутся о Викторѣ Алексѣевичѣ Бабинѣ, какъ составителѣ проекта и производителѣ работъ, и о той коммиссіи, которой городская дума довѣрила обсудить дотолѣ небывалое у насъ предпріятіе, и высказать ей свое мнѣніе. Коммиссіи предстоялъ тяжелый трудъ: вопервыхъ, самой убѣдиться въ возможности предлагаемаго проекта, и вовторыхъ, другихъ убѣдить въ томъ же. Коммиссія превозмогла эти затрудненія единственно твердымъ внутреннимъ сознаніемъ, что обсуждаемое ею предпріятіе принесетъ громадную пользу городу и избавитъ его отъ столь же громадныхъ издержекъ. Скажимъ же ей, городской думѣ, и ея главнымъ двигателямъ наше русское спасибо.

Г. ЩУРОВСКІЙ.



ПАНУРГОВО СТАДО

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Въ kontuakѣ.

18-го сентября 1861 года, утромъ, въ половинѣ девятаго часа, Хвалынцевъ шелъ въ университетъ. Въ этотъ день открывались лекціи. Шелъ онъ бодро и весело, въ ожиданіи встрѣчъ со старыми товарищами, со знакомыми профессорами.

„Что-то предстоитъ на нынѣшній годъ? kakія дѣла, kakіе интересы? будетъ ли все такъ же, по-прежнему, процвѣтать своя домашняя, университетская „публицистика“? что̀ *Сборникъ* студентскій? что̀ „kасса“, сходки? Фишеръ, конечно, по-прежнему будетъ вѣщать, что „педагогика раздѣляется на три половины, изъ которыхъ первая говоритъ о воспитаніи, но вторая равно о воспитаніи, а за то третья.... тоже о воспитаніи“. Ну да, впрочемъ, Фишеръ — Богъ съ нимъ! Еще одинъ годъ—кандидатскій дипломъ въ руки—и гуляй себѣ Константинъ Семеновичъ по бѣлому свѣту, распоряжайся своею личностью kакъ признаешь удобнѣе!“

Весело мечтая такимъ образомъ, Хвалынцевъ почти и не замѣтилъ kакъ очутился предъ университетскимъ подъѣздомъ.

— А! старая гвардія! привѣтливо, kакъ стараго знакомаго, встрѣтилъ его въ сѣняхъ, на площадкѣ, почтенный универси-

тетскій швейцаръ.—Старая гвардія! добро пожаловать! съ новымъ курсомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Здорово, Савельичъ! Спасибо тебѣ! А что̀ новаго?

— О, новаго много, много новаго! полны карманы наложить новостей, и то не оберешься! махнувъ рукой, ухмыльнулся старый Савельичъ.—Письмо есть къ вашей милости, нѣсколько дней ужь лежитъ.

И порывшись у себя на столикѣ, гдѣ у него обыкновенно раскладывались письма адресованныя въ университетъ на имя студентовъ, онъ старчески внимательно, поодаль отъ глазъ, разобралъ надпись и подалъ Хвалынцеву запечатанный конвертъ.

— Ну, ладно, послѣ прочтемъ на досугѣ, проворчалъ себѣ подъ носъ студентъ, и сунувъ письмо въ боковой карманъ разстегнутаго сюртука, повѣсилъ пальто и быстрыми шагами поднялся наверхъ по лѣстницѣ. Какъ разъ на верхней площадкѣ, носъ къ носу, столкнулась съ нимъ единая отъ полицейско-университетскихъ властей.

— Ай, ай, господинъ Хвалынцевъ, опять воротнички! опять воротнички у васъ выпущены! и въ прошломъ году воротнички, и въ позапрошломъ воротнички, и нынче опять воротнички, говорила власть, тщетно стараясь принять авторитетный тонъ, ибо чувствовала что въ послѣдніе годы авторитетъ ея сильно расшатался.

— Ну да, Александръ Ивановичъ, и воротнички, и волосы длинноваты, это вѣдь мой всегдашній недостатокъ! Ничего, свои люди, какъ нибудь сочтемся! полушутя, полунебрежно отвѣтилъ студентъ, проскальзывая въ дверь мимо власти, которая только развела руками да головой во слѣдъ ему покачала.

Въ длинномъ университетскомъ коридорѣ, тамъ и сямъ, около аудиторій, слонялись довольно уже людныя группы студентовъ. Въ этихъ слоняющихся группахъ даже непривычный глазъ могъ бы сразу отличить новичковъ отъ „старой гвардіи“, по выраженію Савельича. Старая гвардія бойко ходила, громко говорила, весело смѣялась и держала себя по-домашнему „своими людьми“, съ видимою независимостью; новички же, тщательно застегнутые на всѣ пуговицы, отличались несмѣлостью движеній и взглядовъ, и въ выраженіи лица еще всецѣло носили робкое и почти идеальное благоговѣніе ко „храму науки“.

Мимоходомъ кивнувъ кой-кому головой, кой-кому пожавъ на ходу руку, Хвалынцевъ миновалъ наконецъ длинный коридоръ и спустился внизъ, въ курильную комнату, прозванную студентами по-просту „коптилкой“. Тамъ—все по-старому: тѣ же грязножелтыя стѣны, тѣ же двѣ-три убогія скамьи, тотъ же дымъ и окурки, тотъ же подслѣповатый сторожъ со своимъ запахомъ, и тотъ же бородатый маркитантъ въ синей поддевкѣ, а у маркитанта все тѣ же неизмѣнные бутерброты съ колбасой и сыромъ да слоеные пирожки съ яблоками, вкусъ которыхъ уже много лѣтъ отмѣнно хорошо знакомъ всему университету.

Коптилка была полна молодежью. Кромѣ синихъ студентскихъ воротниковъ, составлявшихъ, конечно, значительное большинство, тутъ въ разныхъ углахъ виднѣлось довольно таки много военныхъ усовъ съ офицерскими погонами, нѣсколько черныхъ чамарокъ и кавказскихъ чекменей, нѣсколько поддевокъ, партикулярныхъ сюртуковъ и жакетокъ. Несмотря на ранній часъ утра, табачный дымъ уже стоялъ коромысломъ, и не одинъ десятокъ молодыхъ звучныхъ голосовъ кричалъ и надсѣдался что̀ есть мо́чи, горячо стараясь перекричать всѣхъ остальныхъ, чтобы подать свое личное мнѣніе въ какомъ-то общемъ спорѣ. Что̀ это былъ за споръ, свѣжему человѣку разобрать не представлялось ни малѣйшей возможности, потому что коптилка была преисполнена невообразимымъ гамомъ и гуломъ. Въ одной изъ группъ, прислонясь спиною къ окну, стояла молодая и довольно недурненькая собою дѣвушка, съ кокетливо отброшенными назадъ короткими волосами, въ синей кашемировой юпкѣ, безъ кринолина, и съ узенькою ленточкой синяго галстучка, облегавшаго мужской стоячій воротничокъ батистовой манишки. Фланелевая темная гарибальдійка скрывала ея стройную талію. Дѣвушка, поминутно щуря изъ-подъ синихъ очковъ свои глазки, курила наотмашъ папиросу и горячо о чемъ-то говорила цѣлой группѣ разношерстной молодежи. Подлѣ нея, взмостившись на подоконникъ и свѣсивъ оттуда ноги, сидѣлъ и ораторствовалъ молодой студентъ въ золотыхъ очкахъ. Выразительные глаза и красивое, но не совсѣмъ пріятное лицо его носило на себѣ явный отпечатокъ еврейскаго типа. По его костюму, которому онъ тщательно старался придать демократическую небрежность, все-таки ясно можно было

видѣть, что студентъ этотъ—сынъ очень богатыхъ родителей.

— А! Хвалынцевъ! Вотъ и онъ! здравствуй! Сюда, сюда! скорѣй сюда! дѣло есть! Слышалъ? накинулось на студента нѣсколько наиболѣе знакомыхъ ему молодыхъ людей, едва лишь онъ успѣлъ переступить порогъ коптилки.

— Въ чемъ дѣло, господа? какое дѣло? гамъ такой что и разобрать ничего невозможно.

— Общее дѣло! Петлю надъ нами затягиваютъ! мертвую петлю! говорятъ, сходки запрещены, кричали разные голоса.

— Какъ запрещены? возразилъ удивленный Хвалынцевъ.

— Да это не все: касса отъ насъ отобрана, пособія изъ нея присуждаются не студентами, а инспекторомъ; редакторовъ и депутатовъ будетъ избирать правленіе университета.

— То есть, университетскій совѣтъ? въ видѣ наиболѣе точной поправки спросилъ Хвалынцевъ.

— Нѣтъ, не совѣтъ, а правленіе, то-есть канцелярія: секретарь, синдикъ, казначей и чиновники.

— Вздоръ! Это не имѣетъ смысла!

— О смыслѣ не говорятъ, говорятъ о фактѣ.

Хвалынцевъ недоумѣло пожалъ плечами.

— Вы нынче держали переходной экзаменъ? спросилъ его съ окошка студентъ въ золотыхъ очкахъ и съ еврейскимъ типомъ лица.

— Нѣтъ, не держалъ; а что?

— А то что, значитъ, похерятъ изъ университета.

— За что? Коли я по праву могу не держать изъ третьяго въ четвертый!

— По праву? было такое да сплыло! Теперь, если вы не держите экзамена, или не выдержали его, вонъ безъ дальнихъ разговоровъ! Свидѣтельства о бѣдности тоже похерены: и бѣдный, и богатый—все равно плати 50 рублей, а нѣтъ ихъ—вонъ! Матрикулы какія-то вводятъ....

— Какъ.... что.... матрикулы?... Это еще что такое? что это за матрикулы?

— Чортъ ихъ знаетъ!... Яснаго понятія на этотъ счетъ не имѣется.

— Господа, да этого быть не можетъ! этому вѣрить нельзя! проговорилъ озадаченный Хвалынцевъ.

— Повѣришь какъ на собственной шкурѣ почувствуешь.

— Да вы что? Вы за правительство, что ли? вызывающимъ

токомъ обратился къ нему одинъ изъ близъ-стоявшихъ студентовъ.

Хвалынцевъ вспыхнулъ, и несмущенно глядя ему въ глаза, произнесъ твердо и отчетливо:

— За здравый смыслъ. Все это, повторяю, не имѣетъ смысла. Кто вамъ сказалъ это?

— Да вы откуда сами-то? Изъ Японіи, что ли, пріѣхали? Кто сказалъ!... Весь городъ говоритъ! въ газетахъ офиціально отпечатано!

— А намъ-то было ли объявлено офиціально чрезъ попечителя, чрезъ ректора, чрезъ начальство?

— Начальство!... Ха, ха, ха! Начальство струсило!... Его и нѣтъ, оно и не показывается!

— Что же дѣлать теперь?

— Объ этомъ-то вотъ и толкуется!

Хвалынцевъ, по пріѣздѣ изъ Славянобубенска, все лѣто, почти до вчерашняго дня, прожилъ у одного своего пріятеля, въ тиши и глуши чухонской деревушки на финляндскомъ берегу, прожилъ безъ газетъ, безъ писемъ, безъ новостей, и теперь вернулся въ Петербургъ къ началу курса, не имѣя обо всѣхъ университетскихъ перемѣнахъ ни малѣйшаго понятія. Все услышанное въ коптилкѣ ударило его какъ обухомъ. Чувство досады и злобы охватило его. Какъ, за что, почему? закипали въ немъ протестующіе вопросы.

Число людей наполнявшихъ коптилку съ каждою минутой возрастало, и общій шумъ становился все сильнѣе. Сдѣлалось ужь очень тѣсно и душно, табачный дымъ ѣлъ глаза, шумъ голосовъ, старавшихся перекричать другъ друга, немилосердно раздиралъ барабанную перепонку. И все-таки невозможно было понять что-либо въ этомъ гамѣ, и чѣмъ больше наполнялась коптилка, тѣмъ запутаннѣе становилось дѣло. Каждый въ отдѣльности зналъ какія причины вызвали эту сходку, но никто не понималъ о чемъ въ сущности въ данную минуту идетъ весь этотъ гвалтъ, о чемъ и кто собственно споритъ, чего кто хочетъ, что слѣдуетъ предпринять и на что рѣшиться? Лекціи уже читались въ аудиторіяхъ, но о нихъ не думали: большинство студентовъ было въ коптилкѣ. Ежеминутно то одинъ ораторъ, то вдругъ нѣсколько заразъ вскакивали на скамейки, на подоконники, кричали, махали руками, тщетно требуя слова—шумъ не умолкалъ. А если кому изъ этихъ ораторовъ и удавалось на нѣсколько

— Господа! за что же? Развѣ они не такіе же студенты? Развѣ они не товарищи наши? попытался-было Хвалынцевъ противустать вопящимъ голосамъ. — Что за разъединеніе! Быть-можетъ имъ также было бы близко и дорого наше общее дѣло! За что же мы лишаемъ ихъ права принять въ немъ участіе?

— За то что они аристократы! ретиво возразилъ богатый студентъ еврейскаго типа.

— Но они студенты! горячо вступился Хвалынцевъ.—Единодушія, господа, надо! Чѣмъ больше насъ будетъ безъ различія кастъ и сословій, тѣмъ лучше!

Нѣсколько крайнихъ изъ „волчьей партіи“ взъѣлись на Хвалынцева.

— Заступникъ аристократовъ! Адвокатъ бѣложилетниковъ! раздались ихъ негодующіе возгласы:—Противъ всѣхъ! противъ общественнаго мнѣнія!

— Подъ судъ! подъ судъ за это! рявкнулъ чей-то голосъ.

— Подъ судъ адвокатовъ и заступниковъ! Подъ судъ барскихъ лизоблюдовъ! подхватили еще нѣсколько голосовъ.— Сходку собрать, сходку! Судить! Выгнать! Къ чорту! Это измѣна общему дѣлу! Это подлость!

Хвалынцевъ побагровѣлъ отъ негодованія.

— Кто произнесъ слово подлость, тотъ глупъ! смѣло и громко сказалъ онъ, обводя взоромъ сомкнувшуюся вокругъ него многочисленную кучку.—Если онъ не трусъ, то пусть выйдетъ сюда, и я докажу ему почему я считаю его глупымъ. Суда же я не боюсь, потому знаю что я правъ, а что я не барскій лизоблюдъ, такъ это знаютъ мои товарищи, и порукой въ томъ мое трехлѣтнее студентство. На такую выходку можно отвѣчать только презрѣніемъ. Но, господа! съ жаромъ заключилъ онъ:—умоляю васъ, оставимте на время наши личные счеты: судить меня вы успѣете и послѣ, напередъ подумаемте лучше о нашемъ общемъ дѣлѣ! Да только потолковѣе!

— Браво! браво! Молодецъ!... Дѣльно! Хорошо! закричали и захлопали вокругъ него въ ладоши, и за тѣмъ немедленно поднялся прежній гамъ и шумъ, и споры, и опять потерялась всякая возможность разобрать что-либо въ этой кутерьмѣ и безладицѣ.

Хвалынцевъ, убѣдясь наконецъ что сегодня тутъ ника-

кихъ толковыхъ результатовъ не добьешься, собрался уже подняться наверхъ и идти въ аудиторію, какъ вдругъ до его плеча кто-то дотронулся.

— Господинъ Хвалынцевъ.... извините.... позвольте вамъ напомнить о себѣ, обратился къ нему высокій, но очень еще молодой человѣкъ, въ сильно заношенномъ партикулярномъ платьѣ:—мы съ вами видѣлись еще въ Славнобубенскѣ.... помните, литературное-то чтеніе.... Шишкина, можетъ, помните? Шишкина.... Читали еще вмѣстѣ.... Я вотъ Шишкинъ-то самый и есть!

И онъ раскланялся съ широкою, добродушно-привѣтливою улыбкой.

— А, какъ же, какъ же! Помню! протянулъ ему руку Хвалынцевъ.—Какими вы судьбами здѣсь? Давно ли?

— Съ середины августа.... Обстоятельства, знаете, нѣкоторыя заставили пріѣхать. Я тутъ съ однимъ товарищемъ, можетъ знаете, Свитка Василій? Ну, такъ я вотъ съ нимъ.... Поступилъ вольнослушателемъ.

— Ну, очень пріятно встрѣтиться! еще разъ пожалъ ему руку Константинъ Семеновичъ, намѣреваясь удалиться.

— Господинъ Хвалынцевъ, хотя я и не знаю васъ, но позвольте отъ души пожать вамъ руку! подойдя къ обоимъ, произнесъ молодой человѣкъ въ черной чамаркѣ.

Хвалынцевъ поглядѣлъ на него недоумѣвающимъ удивленнымъ взглядомъ.

— Ахъ, вотъ и кстати! Позвольте познакомить! предупредительно вмѣшался Шишкинъ. — Мой товарищъ, про котораго я сейчасъ говорилъ, Василій Свитка! Васъ называть не нужно: онъ уже знаетъ васъ.

— Да, подтвердилъ съ поклономъ товарищъ Шишкина,— хотя я только сегодня впервые узналъ васъ, но я васъ уже уважаю.

— За что же это? нѣсколько смущенно пожалъ плечами Хвалынцевъ.

— За вашъ честный и смѣлый поступокъ! отчетливо и съ пріятно вѣжливою улыбкой проговорилъ Свитка, немного склоняясь предъ Константиномъ Семеновичемъ:—вы не задумались сдѣлать вызовъ на объясненіе тому трусу, который оказался трусомъ; вы одинъ почти противъ всѣхъ не задумались смѣло высказать ваше мнѣніе въ защиту этихъ

аристократиковъ. Дѣйствительно, никто не имѣлъ ни малѣйшаго права и повода оскорбить ихъ такимъ образомъ, пока они имѣютъ честь носить студентскій мундиръ. И вы одинъ только противъ всѣхъ возвысили голосъ. Это съ вашей стороны и смѣло, и честно. Позвольте за это пожать вашу руку!

Слова эти, хотя Хвалынцевъ и нашелъ ихъ какъ-то выдѣланно фразистыми, весьма пріятно пощекотали его самолюбіе, и онъ добродушно, крѣпко и съ видимымъ удовольствіемъ стиснулъ протянутую ему руку.

Тонкій фиміамъ осторожной лести закрался въ темный уголочекъ его души. Хвалынцеву было и пріятно, несмотря на подмѣченную фразистость Василія Свитки, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ онъ себя какъ-то гордѣе, удовлетвореннѣе.

— Мы, конечно, будемъ встрѣчаться здѣсь, продолжалъ Свитка,—а потому мнѣ было бы очень, очень пріятно считать васъ своимъ знакомымъ.

— Ну, такъ будемте знакомы! охотно согласился Константинъ Семеновичъ, въ третій разъ потрясая руку Свитки:—и будемте безъ фасоновъ, по-студентски!

— Ба, ба, ба! знакомыя все лица! пробасилъ надъ самымъ его ухомъ голосъ Ардаліона Полоярова.—Здравствуйте, Шишкинъ! Сегодня мы съ вами еще и не поздоровались. А вѣдь вы, кажись, господинъ Хвалынцевъ? прищурился онъ на студента.

— Такъ точно, господинъ Хвалынцевъ, съ твердымъ удареніемъ, сухо и въ упоръ ему отвѣтилъ Константинъ Семеновичъ.

— Ну вотъ, я васъ и узналъ! Здравствуйте! Давайте лапку!

И не дожидаясь чтобы студентъ протянулъ ему руку, онъ безцеремонно взялъ его повыше кисти и хлопнулъ его ладонью по всей своей пятернѣ, въ которой сжалъ и потрясъ пальцы Хвалынцева.

— Однако, милостивый государь, вы ужь слишкомъ того.... безъ церемоніи! рѣзко замѣтилъ ему обозлившійся Хвалынцевъ.

— Что за церемоніи, помилуйте! Мы вѣдь не аристократы какіе! беззастѣнчиво возразилъ Полояровъ:—что на душѣ, то и на дѣлѣ.

— Все это прекрасно, только я-то, помнится, никогда не имѣлъ съ вами фамильярнаго знакомства.

— Э, батенька, я и ни съ кѣмъ церемонныхъ-то знакомствъ не имѣю! махнулъ рукой Ардаліонъ: — я вѣдь человѣкъ прямой. Мы вѣдь съ вами никакихъ столкновеній не имѣли: такъ чего же намъ?!.. А что если я тогда былъ секундантомъ у Подвилянъскаго, такъ это что жь? дѣлое прошлое! А я собственно ни противъ васъ, ни противъ Устинова ничего не имѣю, да и все это, знаете, въ сущности-то, одна только ерунда! Ей-Богу, ерунда! Порядочнымъ людямъ изъ-за такого вздора расходиться нечего! Все это—се-сонъ-де-пустяки! Дайте-ка мнѣ папиросу.

Хвалынцевъ только и могъ улыбнуться да пожать плечами на эту до наивности безстыдную наглость, и желая поскорѣй отвязаться, подалъ ему раскрытый портъ-сигаръ.

— Э, вишь ты, какія у васъ богатыя папиросницы, замѣтилъ онъ, вытягивая сигаретку;—во всемъ-съ видна дворянская-то струйка! А мы, батенька, по простотѣ: коли есть курево, такъ въ бумажномъ картузикѣ носимъ. Оно и дешево, и сердито! Вы долго еще пробудете здѣсь?

— До конца лекцій.

— Ну, такъ вѣрно еще встрѣтимся. До свиданья!

Хвалынцевъ небрежно кивнулъ ему головой, подалъ еще разъ руку Шишкину и Свиткѣ, и удалился изъ шумной и дымной конторки.

II. Славнобубенскія вѣсти.

Придя домой въ самомъ скверномъ настроеніи духа, Хвалынцевъ вспомнилъ что въ карманѣ у него есть письмо. Взглянулъ на конвертъ: штемпель славнобубенской почтовой конторы. „Вѣрно отъ Устинова,“ подумалъ онъ, распечатывая, и не ошибся: письмо, дѣйствительно, было отъ него.

„Любезный другъ Константинъ Семеновичъ!

„Давно уже собирался писать тебѣ, долго раскачивался, раскачивался (то лѣнь, то дѣло) и наконецъ раскачался. Приготовься выслушать длинный рапортъ, если это тебя хоть сколько-нибудь интересуетъ. Съ чего бы только начать? По свойственному людямъ себялюбію, начну прежде всего съ самого себя. Поживаю отлично скверно, до того скверно, что бѣжалъ бы куда глаза глядятъ, да жаль что некуда! И не

то чтобы былъ нездоровъ—нѣтъ, мать-природа въ избыткѣ надѣлила меня вожделѣннымъ, а просто жить скверно, въ нравственномъ смыслѣ. Едва ли даже повѣришь ты, если я скажу, что глупая и пошлая клевета о моей принадлежности къ тайной полиціи получила самое широкое развитіе, проникла во всѣ углы и закоулки богоспасаемаго Славнобубенска и въѣлась во всеобщее убѣжденіе столь прочно, что шпіонство мое стало на степень непреложнаго, несомнѣннаго факта. Это поставило меня въ невыносимое положеніе, не лишенное, однако, самыхъ комическихъ сторонъ. Разныя власти и чиновники, у которыхъ рыльце въ пуху, стали сильно меня побаиваться и оказывать всяческія любезности, но ты хорошо поймешь то чувство которое заставляетъ меня уклоняться отъ воспріятія ихъ любезностей, а эта уклончивость еще болѣе упрочиваетъ въ нихъ убѣжденіе что я „тайный агентъ“. Зачастую приходится мнѣ получать безыменныя письма, съ просьбами „донести куда слѣдуетъ“. И еслибы ты только могъ представить себѣ, какихъ невообразимыхъ мерзостей, какихъ извѣтовъ, подвоховъ и подкоповъ исполнены эти анонимныя писанія. Вся закулисная сторона славнобубенской жизни, отъ стола любаго присутственнаго мѣста до арестантской камеры, отъ пріемной губернатора до спальной чужой жены—все это служитъ удобнымъ матеріаломъ для этихъ писемъ, гнусныхъ до примитивной, наивной, несознающей себя подлости! Хотя къ заигрываніямъ властей и можно иногда относиться съ комической точки зрѣнія, но, воля твоя, жить въ этой средѣ и знать что каждый чувствуетъ въ тебѣ шпіона, это невыносимо! Я совершенно бросилъ общество, нигдѣ не показываюсь, со всѣми почти пересталъ кланяться, и все-таки тяжело! Вѣдь это приходится ежедневно выносить нравственную пытку. Я ретивѣе ударился въ свои занятія, въ учительство—но увы! прежде столь сильное нравственное вліяніе мое на учениковъ теперь совершенно исчезло: я ничего не могу подѣлать! Самолюбіе, сознаніе своего человѣческаго достоинства, чувство долга, наконецъ, не позволяютъ мнѣ смалодушничать, бросить все, признать себя побѣжденнымъ и бѣжать отсюда, я еще борюсь пока, и буду бороться, но борьба, подчасъ, черезчуръ ужъ тяжела становится, тяжела потому что безцѣльна, потому что этимъ донкихотскимъ боемъ съ вѣтряными мельницами только свое я,

свое самолюбіе тѣшишь, а въ результатѣ бокамъ твоимъ все же больно! Какъ тамъ ни презирай среду за ея баранью глупость и пошлость, а она вотъ все-таки деспотически давитъ тебя, и ты ежеминутно чувствуешь надъ собой силу ея гнета!

„Но довольно пока о себѣ, поговоримъ вообще о градѣ Славнобубенскѣ. Здѣсь — чортъ его знаетъ! — какая-то невообразимая кутерьма происходитъ. Возьмемъ, напримѣръ, гимназію. На послѣднемъ учительскомъ совѣтѣ, Феликсъ Подвиляньскій внесъ на всеобщее обсужденіе вопросъ: не признаетъ ли совѣтъ благопотребнымъ и даже необходимымъ, для наиболѣе успѣшнаго умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ, и для ознакомленія ихъ съ ходомъ событій современной жизни Россіи, въ которой имъ придется быть дѣятелями, допустить въ гимназіи безпрепятственное чтеніе *Колокола* и прочихъ заграничныхъ изданій? Коментаріевъ я никакихъ не дѣлаю, но скажу что предложеніе это, пущенное на голоса, отвергнуто большинствомъ одного только голоса, и то лишь изъ приличія поданнаго предсѣдателемъ противъ Подвиляньскаго. Въ чиновныхъ и чиновничьихъ сферахъ проявился какой-то новый, особенный жанръ: ругать на повалъ все что носитъ на себѣ русское имя, дарить высокомѣрнымъ презрѣніемъ все что отличается русскими симпатіями. Слово *патріотъ* стало у насъ какимъ-то позоряющимъ ругательствомъ. Предсѣдатель казенной палаты однажды не на шутку обидѣлся, когда къ нему обратились чтобъ онъ далъ въ какомъ-то вопросѣ свое мнѣніе, „какъ добрый патріотъ“, и отвѣчалъ что онъ слишкомъ считаетъ себя развитымъ человѣкомъ чтобы держаться такихъ узкихъ, отжившихъ понятій, какъ нелѣпое понятіе о патріотизмѣ. Особенно дамы преуспѣваютъ. Эти-то съ чего? ужь Господь ихъ знаетъ! Слышно что кое-гдѣ по городу гуляютъ какія-то прокламаціи, подъ названіемъ *Великорусс* и *Къ молодой Россіи*, но видѣть ихъ самому еще не приходилось, а толки-то—толки объ этомъ предметѣ идутъ горячіе и нескончаемые! Впрочемъ, Славнобубенскъ вообще веселится. Здѣсь живетъ нѣкто графъ Северинъ Маржецкій, высланный сюда на жительство по политическимъ дѣламъ. Я, конечно, его не знаю, но кажется, что это открытая, честная и добрая душа. Онъ очень богатъ и постоянно щедрою рукой помогаетъ, безъ разбора, всѣмъ славнобубенскимъ бѣднымъ.

Его очень хвалятъ. Онъ живетъ открыто, бываетъ за-просто у очень многихъ, даже и не изъ важныхъ, а у себя задаетъ еженедѣльно вечера, на которые съѣзжается, безъ разбору, чуть не весь Славнобубенскъ. Вотъ что̀ значитъ цивилизованный человѣкъ: ссыльный и притомъ аристократъ по происхожденію, а ни тѣни ненависти къ Русскимъ, ни тѣни кичливости въ выборѣ своихъ знакомствъ — ровенъ, милъ и любезенъ со всѣми, безъ различія. Я раза два видѣлъ его въ городскомъ саду: старикъ, а еще, можно сказать, красавецъ. Наши барышни и барыни просто съ ума по немъ сходятъ, и распѣваютъ все какіе-то польскіе гимны, которые у насъ тутъ теперь въ большой модѣ между барышнями. Ну, что̀ жъ бы тебѣ еще сказать о Славнобубенскѣ? Ахъ, да! Жандармскій полковникъ Пшецыньскій, арестовавшій тебя въ Высокихъ Снѣжкахъ, недавно получилъ Анну на шею за Снѣжковское укрощеніе, и по этому поводу лихо откалывалъ (съ орденомъ на шеѣ) мазурку на семейномъ вечерѣ въ лѣтнемъ помѣщеніи клуба. Это обстоятельство можетъ напомнить тебѣ мудрое изреченіе россійскихъ прописей, что „усердіе не остается безъ награды“.

„Всѣ эти новости я знаю черезъ Татьяну Николаевну, которая поручила тебѣ очень и очень кланяться. Ты, вѣроятно, вскорѣ увидишь ее въ Петербургѣ. Онѣ съ теткой намѣреваются провести тамъ зиму. А мнѣ, стало-быть, будетъ еще грустнѣе и темнѣе въ моей и безъ того неприглядной жизни. Это вѣдь единственный домъ гдѣ я бываю, гдѣ я просто отдыхаю душой, гдѣ мнѣ тепло и уютно, а теперь этого не будетъ.... Только и останется у меня одинъ старый маіоръ Петръ Петровичъ. Да, впрочемъ, и его-то жизнь не приглядѣе моей. Съ дочкой-то его, кажись, что-то не хорошее. Она скрываетъ, отецъ не видитъ, а кончится чѣмъ-нибудь нехорошимъ. У меня просто душа болитъ за этого старика, да и ее-то, бѣдную, жаль.... Мерзавецъ Полояровъ!

„Нашъ бывшій кружокъ совершенно распался; впрочемъ, это началось при тебѣ. Воскресная школа осталась безъ всякаго призора, потому что съ завѣдывателями ея случился нѣкоторый скандаликъ. Заодно ужъ посплетничаю тебѣ и объ этомъ! Въ послѣднее время завѣдывала ею знаменитая Лиденька Затцъ, вмѣстѣ съ плюгавенькимъ Анцыфровымъ. Только вдругъ, въ одно прекрасное утро, по Славнобубенску разнесся слухъ что Анцыфровъ (вообще, по отъѣздѣ Полоя-

рова, ютившійся подъ ея крылышкомъ) похитилъ Лиденьку отъ мужа; другіе же разказывали что не Анцыфровъ Лиденьку, а Лиденька Анцыфрова похитила и увезла съ собою въ Питеръ, но при этомъ взяла отъ мужа обязательство въ ежемѣсячномъ обезпеченіи, и тотъ, будто бы, далъ таковое съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ, видишь ли, сколько великихъ дѣятелей эмигрировали изъ Славнобубенска, и все это богатство достается на долю вашего Питера! Однако, довольно сплетничать. Скажи-ка лучше что̀ это за слухи о новыхъ правилахъ опубликованныхъ для университетовъ? Чѣмъ вызвана такая явная несправедливость относительно бѣдняковъ, если только это справедливо? Вѣдь я, напримѣръ, будь я теперь въ университетѣ, я бы не имѣлъ возможности кончить курсъ. За что̀ все сіе бысть? Пиши мнѣ, пожалуста, обо всемъ объ этомъ, а пока желаю тебѣ всякаго благополучія.

„Твой Андрей Устиновъ.“

Это письмо измѣнило настроеніе Хвалынцева. Вѣсть о скоромъ пріѣздѣ Горевой окрылила его, какъ птицу въ ясномъ воздухѣ, свѣтлою радостью. „Она пріѣдетъ.... Она не забыла своего обѣщанія; она помнитъ его, велѣла ему очень, очень кланяться“—Хвалынцевъ еще и еще разъ перечелъ это мѣсто изъ Устиновскаго письма—„чего же болѣе? Теперь-то и жить, теперь-то и работать!... Зная что она тутъ, близко,—она, такая свѣтлая, умная, милая, хорошая,— что она будетъ награждать его трудъ своимъ вниманіемъ, участіемъ, дарить за него своею лаской. Господи! да тутъ чего же не сдѣлаешь! да тутъ почувствуешь силы Атланта! Одинъ, еще одинъ только годъ труда — а тамъ рука объ руку, вмѣстѣ, ступай, работай, наслаждайся и живи, живи, живи!“

Хвалынцевъ вспрыгнулъ съ кушетки, и быстрыми шагами радостно заходилъ по комнатѣ.

III. Прокламація и сходка 23-го сентября.

Всю недѣлю въ университетѣ продолжались волненія. Большая и шумная сходка собралась 20-го сентября. Предъ началомъ ея было выѣшено воззваніе, приглашавшее студентовъ къ единодушію, но единодушія, столь желаемаго въ данныхъ обстоятельствахъ, не было, хотя необходимость его

сознавалась почти каждымъ членомъ университетской корпораціи. На этой сходкѣ, равно какъ и наканунѣ, присутствовало въ стѣнахъ университета очень много постороннихъ лицъ, служащихъ и не служащихъ, которыя видимо заявляли свое сочувствіе студентскому дѣлу. Сходка 20-го сентября не выработала никакихъ опредѣленныхъ положеній, не пришла ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, кромѣ того, что всеобщее недовольство возросло еще болѣе. Оно возрастало съ каждымъ днемъ, и у многихъ переходило въ озлобленіе. Толковали что всякія сходки положительно и безусловно воспрещены дополненіемъ къ министерскимъ правиламъ отъ 21-го іюня, но никто изъ начальствующихъ лицъ не появлялся предъ студентами съ объявленіемъ объ этомъ воспрещеніи. Ни начальство, ни полицейско-университетскія власти ни разу не появились ни на одной студентской сходкѣ: они словно исчезли куда-то. Студенты же вполнѣ за собою считали свое шестилѣтнее право сходокъ, пока имъ не объявлено прямо и формально о ихъ воспрещеніи, и пока не розданы еще вновь вводимыя матрикулы. Всѣ эти дни университетъ былъ полонъ народомъ и вмѣщалъ въ стѣнахъ своихъ аудиторій до полуторы тысячи человѣкъ.

23-го сентября, въ субботу, съ утра еще въ сборной залѣ стояла огромная толпа. На дверяхъ этой залы была вывѣшена прокламація, которая потомъ висѣла безпрепятственно въ теченіи шести часовъ сряду. Ни единая душа изъ начальства, по примѣру предыдущихъ дней, не появлялась даже въ виду студентовъ.

Хвалынцевъ еще внизу, въ швейцарской, услышалъ о какой-то прокламаціи, и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами спѣшно направился въ сборную комнату, изъ которой одни выходили, другіе входили, такъ что отливъ постоянно пополнялся новымъ приливомъ, и такимъ образомъ толпа ни на минуту не уменьшалась.

Не безъ труда пробрался Хвалынцевъ поближе къ дверямъ на которыхъ висѣло воззваніе, желая поближе разузнать въ чемъ дѣло.

Одинъ изъ студентовъ читалъ громко и явственно:

„Натъ вѣкъ желѣзный, вѣкъ царей,
Штыковъ, законовъ безтолковыхъ,
Плодитъ безъ счету не людей —
Людишекъ, дрянненькихъ, грошовыхъ.“

„Правительство бросило намъ перчатку, теперь посмо-
„тримъ, сколько наберется у насъ рыцарей чтобы поднять ее?
„На словахъ ихъ очень много: куда ни обернешься — вездѣ
„красные, только какъ бы намъ не пришлось краснѣть за нихъ.

„*Студенты буйствуютъ, студенты своевольничаютъ*“,
„брюзжатъ сѣдоволосые столпы отечества (прямые столпы), и
„вотъ являются предъ глазами публики декреты: впускать въ
„университетъ только платящихъ (выражаясь прямѣе: душить
„невѣжествомъ массу); запретить всякія сходки (то-есть, di-
„videre et imperare, а какъ imperare—почувствуемъ въ послѣд-
„ствіи). Вотъ покуда два образчика нѣжности.

„Этого мало? Да конечно. Но это только цвѣтки.... Но что
„же намъ дѣлать? Да нечего.... молчать. И поэтому *молчите*,
„*молчите*, *молчите*.

„Русскій народъ издавна отличался долготерпѣніемъ. Били
„насъ Татары — мы молчали просто, били цари — молчали и
„кланялись, теперь бьютъ Нѣмцы—мы молчимъ и уважаемъ
„ихъ.... Прогрессъ!... Да, въ самомъ дѣлѣ, что намъ за охота
„заваривать серіозную каку? Мы вѣдь широкія натуры, го-
„товыя на грязные полицейскіе скандальчики, подъ пьяную
„руку. Это только тамъ гдѣ-то на западѣ есть такіе дурни,
„которыхъ ведетъ на подвиги одно пустое слово—*la gloire*.

„Теперь намъ запрещаютъ рѣшительно все, позволяютъ
„намъ сидѣть скромно на скамьяхъ, слушать цензурованные
„страхомъ лекціи, вести себя прилично, какъ слѣдуетъ въ
„классѣ, и требуютъ не *разсуждать*, слышите ли — не *разсу-*
„*ждать*!... Ха, ха, ха!“

По толпѣ пробѣжалъ громкій смѣхъ. Чей-то голосъ вы-
крикнулъ: „слушаемъ, ваше превосходительство! ради ста-
раться!“ и общій смѣхъ разлился еще дружнѣе.

„Но, господа“, снова продолжалъ чтецъ: „если, паче чаянія,
„взбредетъ намъ что и мы тоже люди, что у насъ есть голо-
„вы чтобы мыслить, языкъ — чтобы не доносить, а говорить
„то что мыслимъ, есть цѣлыхъ пять чувствъ — чтобы воспри-
„нимать ощущенія отъ правительственныхъ ласкъ и глазомъ,
„и ухомъ, и прочими благородными и неблагородными часта-
„ми тѣла, что если о всемъ этомъ мы догадаемся нечаянно?
„Какъ вы думаете, что изъ этого выйдетъ? Да ничего.... По-
„смотрите на эпиграфъ и увидите что выйдетъ.“

— Вздоръ! Не правда! Межь нами найдутся честные люди!

Это незаслуженные укоры! раздались тамъ и сямъ протестующіе возгласы.

„Всѣ данныя имѣются у насъ теперь чтобъ обмануться въ „нашихъ словахъ“, говорилось далѣе въ прокламаціи.

— И обманетесь! обманетесь! Вы ужь и обманулись! громко отвѣчали на это слушатели.

Студентъ продолжалъ читать:

„Мы—легіонъ, потому что за насъ здравый смыслъ, общественное мнѣніе, литература, профессора, безчисленные кружки свободномыслящихъ людей, западная Европа, все лучшее, передовое за насъ. Насъ много, болѣе даже чѣмъ шпіоновъ. Стóитъ только показать что насъ много. Теперь кто „же противъ насъ? Пять, шесть олигарховъ, тирановъ, подлыхъ, крадущихъ, отравляющихъ рабовъ, желающихъ быть „господами; они теперь выворачиваютъ только тулупы чтобы „пугать насъ, какъ малыхъ дѣтей, и чтобъ еще болѣе уподобиться своей братьѣ—звѣрямъ, но бояться ихъ вечего, стóитъ только пикнуть что мы не боимся; потомъ противъ насъ „нѣсколько тысячъ штыковъ, которые не смѣютъ направить „противъ насъ. Вотъ и все. Что же тутъ страшнаго?“

Иванъ Шишкинъ, стоявшій и слушавшій въ толпѣ, какъ-то вдругъ почувствовалъ что и точно ничего нѣтъ страшнаго.

„Итакъ всѣ, кто не боится, пусть сплачиваются въ мас„су и.... пусть будетъ что будетъ. Худаго не можетъ быть. „Мы не за худое.“

— Бояться?!.. Хе-хе! Чего бояться? Плевать! съ выразительною интонаціей прибавилъ Ардаліонъ Полояровъ и, ради пущей изобразительности, отмѣнно хорошо плюнулъ на полъ, словно бы этимъ самымъ дѣйствіемъ торжественно и всенародно подтвердилъ что и взаправду плевать на всѣхъ и вся. Его выходка нѣкоторымъ весьма понравилась: ее встрѣтили одобрительнымъ смѣхомъ — обстоятельство очень польстившее Полоярову.

„Главное, бойтесь разногласія и не трусьте энергическихъ „мѣръ“, вѣщала далѣе прокламація. „Имѣйте въ головѣ одно: „*стрѣлять въ насъ не смѣютъ*, изъ-за университета въ Пе„тербургѣ вспыхнетъ бунтъ. Уже теперь наши начальники „твердятъ, покачивая головами: „*Стотыда не спокойна*“ „На „нашихъ мы менѣе надѣемся чѣмъ на *Поляковъ*. Въ нихъ „болѣе благороднаго самоотверженія; они умѣли смѣло поку„шаться нѣсколько разъ на пріобрѣтеніе своей свободы,

„умѣли безъ страха идти на пытку, въ рудники, страдать за „идею, и поэтому нашъ братскій призывъ къ нимъ—принять „самое дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, подѣлиться съ „нами своею энергіей.“

Кое-гдѣ между слушателями послышался легкій говоръ, и шепотъ сомнѣнія.

„Энергія, энергія, энергія!“ гласила въ заключеніе прокламація: „Вспомнимъ что мы молоды, а въ это время люди „бываютъ благородны и самоотверженны; не пугайтесь ни„чего, повторяемъ еще разъ, хотя бы пришлось всему уни„верситету идти въ келью богомольнаго монастыря.

„Судите!... Но не напоминайте собою эпиграфа.“ *

Когда окончилось это чтеніе, Хвалынцевъ пробрался въ корридоръ, который былъ полонъ народомъ. Едва успѣлъ Константинъ Семеновичъ перекинуться кое-съ кѣмъ изъ знакомыхъ нѣсколькими словами, какъ мимо него понеслась огромная гурьба, съ криками: „на сходку! на сходку! въ актовую залу!“ Студенты бѣжали, опережая другъ друга. Увлеченный общимъ потокомъ, и Хвалынцевъ направился туда же.

Комнаты, прилегающія къ актовой залѣ, были биткомъ набиты народомъ. Въ толпѣ пробѣгалъ сильный ропотъ: двери залы оказались запертыми. Начальство, думая помѣшать сходкѣ, отдало приказъ не отпирать ихъ. Нѣкоторые предлагали собраться, все равно, въ XI-й аудиторіи, но XI-я аудиторія, устроенная амфитеатромъ и самая обширная изъ всѣхъ остальныхъ, не могла вмѣстить въ себѣ всего числа людей желавшихъ присутствовать на сходкѣ. Напрасно прождавъ здѣсь довольно долгое время и видя въ этой замкнутой двери явное намѣреніе помѣшать сходкѣ, студенты подняли сильный ропотъ. Толпа оставалась въ нерѣшительности что ей дѣлать и на что рѣшиться, какъ вдругъ кому-то пришла мысль направиться въ корридоръ смежный съ актовою залой, куда выходили стеклянныя двери. Толпа повалила на этотъ зовъ,—въ корридорѣ раздался трескъ и звонъ вышибленнаго стекла, чья-то рука чрезъ образовавшееся отверстіе отодвинула задвижку, которою дверь запиралась—и препятствіе было устранено. Шумный потокъ тѣсной и густой толпы хлынулъ въ актовую залу и въ минуту наполнилъ ее.

* См. *Колоколъ* 1861 г., листъ 116, стр. 966. „Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ.“

Толпа студентовъ между тѣмъ возросла до девятисотъ человѣкъ, увеличиваясь партикулярными лицами, такъ или иначе пріобщившими себя къ студентскому кругу. Улица была уже почти запружена, поэтому нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ личностей, пользовавшихся авторитетомъ между товарищами, желая предупредить неумѣстное столкновеніе съ полиціей, подали мысль отправиться на большой дворъ чтобы быть такимъ образомъ все-таки въ стѣнахъ университета, не подлежащаго вѣдѣнію общей блюстительницы градскаго порядка, и толпа хлынула въ ворота.

Долго еще шумѣли, судили, рядили внутри двора, но никто еще не зналъ окончательно на что̀ слѣдуетъ рѣшиться въ данномъ положеніи. Наконецъ притащили откуда-то лѣстницу и приставили ее къ стѣнѣ. Эта лѣстница послужила трибуной для ораторовъ. Полояровъ вскарабкался на дрова сложенныя въ большомъ количествѣ тутъ же на дворѣ, и съ высоты своего поста ежеминутно порывался вѣщать народу. Рядомъ съ нимъ взгромоздились еще нѣсколько личностей, и между ними та хорошенькая студентка которую замѣтилъ Хвалынцевъ недѣлю тому назадъ въ курильной комнатѣ.

На лѣстницѣ то появлялись, то исчезали фигуры студентовъ, нѣсколько ораторовъ смѣняли одинъ другаго; толпа то слушала, то шумѣла среди всеобщихъ совѣщаній.

— Депутатовъ! послать къ попечителю депутатовъ за объясненіемъ! раздавались изъ среды ея громкіе голоса.

— Нѣтъ, ждать на дворѣ пока пріѣдетъ попечитель, кричали другіе.

— Чего тамъ ждать! просто всѣмъ, какъ есть всѣмъ идти къ попечителю и требовать объясненій! взывали третьи.

— Требовать немедленнаго открытія университета! уничтоженія матрикулъ! отмѣны платы! слышались разные голоса.

— Господа! господа! вопилъ на дровахъ Ардаліонъ Полояровъ:—господа, я прошу слова! Если мы общественная сила, господа, то надо дѣйствовать рѣшительно и силой взять то что̀ намъ принадлежитъ. Высадимъ просто любыя двери и займемъ университетъ! И университетъ будетъ открытъ, и выгнать насъ изъ него не посмѣютъ. Войдемте, господа, силой.

Хвалынцевъ пробрался къ лѣстницѣ, и послѣ нѣкоторыхъ усилій ему удалось вскарабкаться на эту трибуну.

— Господа! громко и рѣшительно началъ онъ: — одну минуту терпѣнія и вниманія! Выслушайте меня!

Студенты въ теченіе трехъ лѣтъ успѣли хорошо узнать Хвалынцева. Въ очень многихъ кружкахъ онъ пользовался любовью, какъ добрый и честный товарищъ, и уваженіемъ какъ хорошій, дѣльный, работящій студентъ. Поэтому, при появленіи его на лѣстницѣ, толпа замолкла и приготовилась выслушать.

— Законъ запретилъ намъ выбирать и посылать нашихъ депутатовъ для заявленія нашихъ нуждъ и потребностей, началъ онъ свою рѣчь:—исполнимте законъ, не станемъ ему противиться.

Кое-гдѣ зашикали, нѣсколько голосовъ закричали: „вонъ! долой!“ но Хвалынцевъ не смутился.

— Между тѣмъ, намъ надо же знать: за что, какъ, по какому случаю закрытъ университетъ? продолжалъ онъ: — наконецъ, если начальство нашло нужнымъ прекратить чтеніе лекцій, то зачѣмъ заперты университетская и наша собственная, студентская, библіотеки? зачѣмъ заперта лабораторія, тогда какъ и тѣ, и другая бываютъ открыты постоянно и даже во время каникулъ, когда нѣтъ лекцій? Мы имѣемъ полное и неоспоримое право знать за что насъ лишили лекцій, лабораторіи и библіотекъ? Съ насъ взяли установленную плату за слушаніе лекцій, за право быть студентами; слѣдовательно, мы имѣемъ право на слушанье лекцій и право на объясненіе, за что и надолго ли насъ лишили университета?

— Браво! браво! Такъ! Хорошо! одобрительно закричали въ толпѣ.

Хвалынцевъ выждалъ пока умолкъ этотъ крикъ одобренія и продолжалъ:

— Но какимъ путемъ добиться необходимыхъ объясненій? Депутаты запрещены; адресы письменные и запросы наши, какъ уже доказано фактомъ, не передаются по назначенію. Что же дѣлать? Мнѣ кажется что тѣ которые предлагаютъ отправиться всѣмъ университетомъ къ попечителю и требовать у него объясненій имѣютъ на своей сторонѣ тотъ шансъ что это—единственный возможный намъ путь, послѣ запрещенія депутатовъ. Но такъ какъ въ сосѣднихъ зданіяхъ спрятаны жандармы, то это явно показываетъ что отъ насъ ожидаютъ уличныхъ безпорядковъ и демонстрацій. Господа! обманемте ихъ ожиданія и надежды! Мы пойдемъ всѣмъ университетомъ къ попечителю, но пойдемъ

такъ что никому не удастся, при всемъ желаніи, сдѣлать изъ насъ фрондеровъ и демонстраторовъ. Пока мы еще не лишены права свободно и чинно ходить по улицамъ. Поэтому я, господа, предлагаю: отнюдь не выходя изъ предѣловъ легальности, идти смирно, благочинно, не по улицѣ, а по тротуару, по два, а много по три человѣка въ рядъ, на извѣстномъ разстояніи пара отъ пары, чтобы не мѣшать постороннимъ прохожимъ и чтобы насъ не могли назвать толпой. Куреніе папиросъ, громкіе возгласы и прочее тому подобное строго устраняется. Согласны ли вы, господа, на мою программу?

— Браво! Хорошо! Отлично! Согласны! Всѣ согласны! дружно подхватили въ толпѣ, и Хвалынцевъ сошелъ съ лѣстницы, привѣтствуемый горячими рукожатіями многихъ своихъ товарищей.

— Хвалынцевъ! Господинъ Хвалынцевъ! кричалъ ему съ дровъ Ардаліонъ Полояровъ: — все это отлично, только легальность-то эта ужь вовсе напрасно! А по-моему, коли идти, то такъ чтобы чертямъ было тошно! Дернуть бы эдакъ марсельезку хорошенькую, или „Долго насъ помѣщики душили“, а то что такъ-то! Идти какимъ-то пансіономъ благородныхъ дѣвицъ! Ну, на чорта ли это похоже! Надо, господа, заявить открыто что мы—сила, прежде всего! У насъ за плечами вся западная Европа стоитъ и смотритъ на насъ, а мы вдругъ—пансіономъ благородныхъ дѣвицъ! Ха, ха, ха, ха!

— Депутатъ! депутатъ отъ медицинской академіи! Слушайте! смотрите! зашумѣли въ толпѣ, и дѣйствительно на лѣстницѣ показался какой-то медико-хирургическій студентъ и объявилъ, что онъ, отъ лица медиковъ, выражаетъ сочувствіе студентамъ университета.

Медику похлопали, покричали „браво“, пожали руки въ знакъ благодарности.

Послѣ него вскарабкался на лѣстницу какой-то офицеръ и тоже заявилъ, съ своей стороны, сочувствіе.

И офицеру тоже хлопали, покричали „браво“ и пожали руку.

Офицеръ сошелъ съ трибуны и присоединился къ той группѣ гдѣ стояло нѣсколько чамарокъ, и между ними Василій Свитка съ Иваномъ Шишкинымъ, которые тоже пожали ему руку, горячо и благодарно, какъ доброму и близкому знакомцу.

— Господа! Товарищи! раздался на дровахъ звучный и полный увлеченія женскій голосокъ.

Толпа обернулась на этотъ зовъ: на дровахъ стояла и махала платкомъ хорошенькая студентка.

— Желаю вамъ полнаго, счастливаго успѣха, говорила она:— отъ всей души желаю! Только помните одно, господа: какъ можно болѣе единодушія! Единодушіе! единодушіе и единодушіе! Это мое послѣднее слово!

— Браво! браво, Попова! Браво, студентка! Молодецъ Попова! Благодаримъ! зашумѣла толпа, и чинно, тихо, въ величайшемъ порядкѣ, стала выходить съ университетскаго двора на набережную.

Путь лежалъ чрезъ Дворцовый мостъ и по Невскому проспекту отъ Адмиралтейства до Владимірской.

Василій Свитка нагналъ дорогой Хвалынцева.

— Спасибо вамъ, великое спасибо! заговорилъ онъ, горячо пожимая ему руку:—недѣлю тому назадъ вы показали благородную смѣлость противъ толпы, а сегодня показали хорошее умѣніе владѣть этою толпой и направлять ее. О, это золотое качество! Это драгоцѣнное свойство, а я вижу, что вы имъ отлично владѣете. И главное, умѣли направить-то съ величайшимъ тактомъ и вполнѣ легально. Вотъ что̀ важно! Отъ этого много зависитъ!

„Чего этотъ баринъ все комплименты мнѣ говоритъ!“ пробѣжала мысль въ головѣ Хвалынцева; но самолюбіе было опять-таки польщено и заглушило зародышъ сомнѣнія. „А впрочемъ онъ, кажется, хорошій господинъ“, успокоительно убаюкалъ себя Константинъ Семеновичъ и не безъ удовольствія отвѣтилъ привѣтомъ на горячее пожатіе Свитки.

— Эхъ, право! заговорилъ подошедшій въ эту минуту Полояровъ:—и на кой чортъ вы эту тишину и спокойствіе выдумали! Этимъ только мы показываемъ имъ будто боимся ихъ. Съ марсельезкой-то эффектнѣе было бы.

— Ну, ступайте на другой конецъ улицы и пойте себѣ, коли вамъ нравится! досадливо оборвалъ его Хвалынцевъ.

— Кто? Я-то? насмѣшливо прищурился Полояровъ.

— Да, вы-то!

— Да меня.... полиція заберетъ.

— Ну, вотъ то-то же и есть. А вы не смущайтесь, вы покажите ей ваше гражданское мужество.

— Хе, хе... Оно конечно... Но, знаете, одинъ въ полѣ не воинъ. Кабы всѣ, другое дѣло; всѣхъ не тронутъ! А вы, господинъ Хвалынцевъ, я васъ полюбилъ, ей-Богу полюбилъ! продолжалъ Ардаліонъ, отчасти въ протекторскомъ, отчасти въ подлаживающемся тонѣ: — а васъ не зналъ прежде... Вѣдь я, признаться сказать, думалъ все что вы шіонъ.

— Представьте, что я зналъ васъ прежде и всегда думалъ что вы дуракъ, съ дерзкимъ смѣхомъ и твердо глядя ему въ глаза, напрямикъ отвѣчалъ Хвалынцевъ.

Полояровъ отшатнулся назадъ и побагровѣлъ отъ злости. Онъ всегда былъ нагалъ съ тѣми кто смущался полояровскимъ свойствомъ, и чѣмъ кто болѣе смущался, тѣмъ наглость его становилась сильнѣй и назойливѣй; ею онъ постоянно бралъ верхъ и придавалъ себѣ тонъ авторитета. Но вдругъ коса нашла на камень. Онъ никакъ не ожидалъ подобнаго отпора и осѣкся сразу. Онъ почувствовалъ ясно что Хвалынцевъ не струситъ и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не струситъ предъ его внушительною особой. Даже вся закипѣвшая въ немъ злость въ минуту оказалась безсильною предъ твердымъ, прямымъ и спокойнымъ взглядомъ студента. Онъ почувствовалъ себя какъ-то нравственно слабѣе Хвалынцева, почувствовалъ какую-то подчиненность болѣе сильному и смѣлому человѣку, и потому сразу въ душѣ возненавидѣлъ его. Но ни ненависти, ни даже оскорбленія показать не рѣшился, а такъ какъ эта пилюля была имъ проглочена въ присутствіи другихъ лицъ, то Ардаліонъ моментально сообразилъ за лучшее—обратить все дѣло въ шутку.

— Хе, хе, хе!... Однако вы, батенька, тово... шутникъ... ей Богу, шутникъ! принужденно улыбаясь мило пріятельскою улыбкой, заговорилъ онъ:—такъ-таки и дуракъ, по-вашему? Хе, хе, хе!... Нѣтъ-съ, батенька, кто знаетъ меня поближе, тотъ не скажетъ что Ардаліонъ Полояровъ дуракъ, да и вы не скажете когда узнаете... Но шутникъ, право, шутникъ!

— За шутку шуткой, отвѣчалъ Хвалынцевъ:—знаете пословицу: что посѣешь, то и пожнешь.

— Да я не обижаюсь!... Кто же вамъ сказалъ что я обижаюсь? На все обижаться, такъ и печенокъ не хватитъ!... Вѣдь брань на вороту не виснетъ, скажу я вамъ другую пословицу. Да это все се-сонъ-де-пустяки, а дайте-ка мнѣ лучше папиросочку. Смертъ, курить хочется!

— Вѣдь былъ же уговоръ—на улицѣ не курить.

— Да что мнѣ уговоръ! Я человѣкъ независимый и ливреи не ношу, хотя бы и студентской. А впрочемъ, коли скупитесь дать, мы и свою достанемъ.

И онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ куренія, отсталъ отъ Хвалынцева.

— Какъ вамъ нравится этотъ субъектъ? спросилъ послѣдній у Василія Свитки.

— Знаю я его. Пустельга; ни къ чорту не годенъ! съ презрительною миной махнулъ рукой Свитка.

Колонна студентовъ чинно тянулась по Невскому проспекту. Множество встрѣчныхъ посторонникъ лицъ, оглядывая съ изумленіемъ это собраніе студентскихъ фуражекъ, шинелей и пальто, спѣшили освѣдомляться въ чемъ дѣло и присоединялись къ шествію. Такимъ образомъ процессія тянулась почти на цѣлую версту, и все увеличивалась постоянно присоединяющимися партіями разныхъ лицъ, мущинъ и женщинъ, военныхъ, моряковъ, гимназистовъ, чиновниковъ, кадетовъ и даже уличныхъ разнощиковъ. Студенты, межъ тѣмъ, несмотря на возрастающее скопище народа, шли попарно, либо по три человѣка, чтобы не занимать весь тротуаръ, не производить замѣшательства на улицѣ, и въ нѣкоторомъ разстояніи между парами, дабы, по возможности, менѣе походить на корпоративное скопище. Но масса ихъ синихъ околышей была такъ велика, что стараніе это осталось совершенно тщетнымъ, и шествіе, невольно, само по себѣ, принимало видимый характеръ уличной демонстраціи. На дорогѣ встрѣтился имъ попечитель, который ѣхалъ въ университетъ. Онъ не остановился и проѣхалъ мимо. Но узнавъ, уже въ университетѣ, цѣль съ которою отправились студенты, поспѣшилъ вернуться домой.

Въ Колокольной улицѣ толпа остановилась предъ домомъ гдѣ жилъ попечитель.

У подъѣзда стоялъ полицеймейстеръ съ казакомъ ординарцемъ, и потребовалъ чтобы студенты немедленно же разошлись.

— Мы разойдемся тогда, отвѣчали ему,—когда получимъ объясненіе отъ попечителя. Если вамъ угодно чтобъ это случилось поскорѣе, то пошлите за нимъ своего казака.

Полицеймейстеръ отказался и въ бездѣйствіи продолжалъ стоять себѣ у подъѣзда.

Толпа запрудила всю улицу. Любопытные изъ публик

взбирались на ступеньки сосѣднихъ подъѣздовъ, на тумбы, на фонари, на фундаментъ ограды Владимірской церкви, чтобы съ болѣе возвышеннаго пункта видѣть что происходитъ въ средѣ студентской толпы. Чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ и попечитель.

Его окружили и стали требовать объясненій. Попечитель, совершенно справедливо находя неудобнымъ объясненіе съ толпой на улицѣ, просилъ ее разойтись.

Въ эту минуту показались въ улицѣ конные жандармы.

— Жандармы! давить будутъ! вскрикнуло нѣсколько человѣкъ, и вся толпа пришла въ ярость. Забыто было и объясненіе, и попечитель. Раздались свистки, шиканье и крики: „вонъ! вонъ!“

Жандармы шагомъ двигались далѣе.

Толпа всею гурьбой кинулась къ нимъ на встрѣчу и охватила ихъ съ фронта и съ фланговъ. Среди криковъ и шиканья, поднялись въ воздухѣ палки, въ особенности знаменитая дубина Ардаліона Полоярова работала исправно, „ради пользы общественной“. Жандармы удалились.

Студенты снова окружили попечителя и продолжали объясненіе.

— Но что же вамъ угодно, наконецъ, господа? въ видимомъ затрудненіи спросилъ попечитель.

— Долой матрикулы! долой министерство! долой пятидесяти-рублевую плату! все долой! съ трудомъ можно было разслышать крики въ общемъ шумѣ и гвалтѣ раздраженной толпы. Съ минуты одержанія побѣды надъ жандармами, спасительное благоразуміе было забыто, дурныя страсти и буйные инстинкты стали усиленно бродить и разгуливаться въ толпѣ.

— Мы хотимъ знать почему закрытъ университетъ? приступили къ попечителю немногіе изъ наиболѣе благоразумныхъ и скромныхъ въ своихъ требованіяхъ.

Попечитель пожалъ плечами. Почти получасовые резоны и убѣжденія его имѣли тотъ смыслъ, что объясняться на улицѣ онъ не можетъ, а дастъ отвѣтъ въ университетѣ.

— Нѣтъ, на улицѣ! здѣсь же! сейчасъ! вопилъ Полояровъ:— университета нѣтъ! университетъ закрытъ! значитъ, въ университетѣ нельзя давать объясненій! Требуйте, господа, на улицѣ! Напирайте, не отпускайте!... На улицѣ, чортъ возьми,

на улицѣ! завопилъ онъ, въ заключеніе, что было мочи, во всю свою здоровенную глотку.

Многіе подхватили его возгласъ.

Между тѣмъ въ Колокольной заблистали мѣдныя каски пожарныхъ, появились отряды городовыхъ съ револьверами, жандармовъ съ саблями и рота стрѣлковаго баталіона, которая была остановлена на пути своемъ въ крѣпость, куда шла для занятія карауловъ. Отряды эти загородили выходъ изъ улицы со стороны Владимірской.

— Войско! Сбродъ всякій! Сволочь полицейская! Гнать ихъ отсюда! Вонъ! долой! снова поднялись яростные крики и вопли, и толпа вторично готова была ринуться на войско, какъ вдругъ раздался рѣзкій звукъ сигнальнаго рожка.

— Господа! насъ атакуютъ!... это атака!.... Въ насъ будутъ стрѣлять! сейчасъ стрѣляютъ! смутно пронесся по толпѣ тревожный говоръ. У многихъ вырвался короткій вопль ужаса. Ужасъ и томительная тоска ежемгновеннаго ожиданія отразились на многихъ лицахъ. Многіе поблѣднѣли, перепугались и, растерянные, заметались во всѣ стороны. Поднялась суета, смятеніе, суматоха. Тамъ и сямъ непріятно рѣзко послышался женскій визгъ. Смущеніе и паника были написаны почти на каждой мгновенно поблѣднѣвшей физіономіи. Ардаліонъ Полояровъ, блѣдный, дрожащій, перепуганный, суетился чуть ли не болѣе всѣхъ, и усердно работая руками и ногами, какъ можно скорѣе искалъ себя выхода изъ толпы, и наконецъ, прорвавшись кое-какъ къ тротуару, въ попыхахъ опрокинулъ какую-то торговку съ яблоками, разсыпалъ весь ея товаръ и, словно заяцъ подъ кочку, далъ поскорѣй стрекача въ первый попавшійся подъѣздъ, въ которомъ и скрылся благополучно за стеклянною дверью.

— Ахъ, трусы, трусы! злобно и презрительно ворчалъ себѣ сквозь зубы Василій Свитка:—и тутъ постоять за себя не могутъ!... А для довершенія эффекта, хорошо кабы разомъ горошкомъ хватили, подумалъ онъ:—послѣдствія, дастъ Богъ, были бы добрыя.... поднялось бы скорѣй.

— Господа, чего вы! стараясь придать себѣ спокойствіе и хладнокровіе, громко обращался къ студентамъ стоявшій рядомъ со Свиткой Хвалынцевъ:—не стыдно ли? Студенты, мущины!... Стрѣляютъ? Ну, что же, умѣйте стоять честными людьми, коли дѣло дошло до этого!

Его слова и спокойный видъ подѣйствовали на многихъ.

Многимъ стало и въ самомъ дѣлѣ стыдно, особенно послѣ того какъ голосъ Хвалынцева былъ поддержанъ молодою дѣвушкой студенткой.

Чрезъ минуту болѣе половины всей этой толпы уже очнулось и было готово встрѣтить огонь. „Ура!“ громко и радостно вырывалось изъ нея, вмѣстѣ съ другими ободрительными криками и возгласами.

— Господа! успокойтесь! опаснаго нѣтъ ровно ничего, снуя по толпѣ, убѣждали между тѣмъ нѣсколько офицеровъ.—Это не пальба и не атака, это сигналъ „разсыпать цѣпь“; васъ просто хотятъ оцѣпить, окружить всѣ выходы и забрать удачнѣе.

Убѣжденія и доводы компетентныхъ людей возымѣли достодолжное дѣйствіе и на остальныхъ студентовъ. И они тоже вскорѣ оправились отъ паники, вполнѣ овладѣвъ собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ вернулась прежняя самоувѣренность, и вся толпа снова ринулась къ жандармамъ.

Во всеобщей суматохѣ, жандармскій офицеръ и два-три солдата, спертые со всѣхъ сторонъ, обнажили сабли. Это уже переполнило чашу ярости и раздраженія. Снова раздались крики: „войско вонъ! полиція вонъ!“—и толпа уже смѣло двинулась къ выходу изъ улицы.

Войско на нѣсколько шаговъ подалось впередъ, но попечитель, почтенный кавказскій генералъ, сталъ между солдатами и толпою, и этимъ быстрымъ, удачнымъ движеніемъ ему счастливо удалось предупредить столкновеніе.

Войско разступилось и пропустило мимо своихъ рядовъ толпу студентовъ съ попечителемъ, который шелъ въ головѣ молодежи. Эта толпа направилась обратно въ университетъ, гдѣ должно было произойти обѣщанное объясненіе.

Между тѣмъ вѣсть объ этомъ происшествіи быстро разнеслась по городу. Толпы народа, всѣхъ званій, возрастовъ и состоянія, затопили близлежащія улицы. Многіе провожали это шествіе, многіе ограничивались простымъ любопытствомъ, глазѣньемъ. Вездѣ шли самые разнорѣчивые толки. Въ иныхъ кучкахъ выражали сочувствіе студентамъ, въ другихъ сочувствіе полиціи.

— Это, братцы, все дворяне, все помѣщичьи дѣти бунтуютъ, объяснялъ одинъ зипунъ съ солдатскими усами:—это все за то что царь крестьянъ у нихъ отнялъ да волю далъ, такъ это они таперича за то за самое!

— Нѣтъ, это все Поляки! Извѣстно, на то и Полякъ чтобы бунтовать! Полякъ завсегда бунтуетъ! объясняли другіе зипуны и чуйки, и это послѣднее объясненіе было наиболѣе общимъ, наиболѣе распространеннымъ въ простомъ народѣ.

— Это, братцы, они за то что, слышно, ихнее заведеніе закрыли, толковали иные извощики:—мы это доподлинно знаемъ, потому завсегда возимъ ихъ на Островъ въ это самое заведеніе.

Уличные мальчишки бѣгали по улицамъ, висли на флангахъ студентской толпы и, подпрыгивая, кричали: „бунтъ! бунтъ!...“

Ардаліонъ Полояровъ, убѣдясь наконецъ что никакой серіозной опасности нѣтъ и не будетъ, покинулъ свое временное убѣжище въ сѣняхъ за подъѣздомъ, и присоединясь къ толпѣ студентовъ, уськалъ и натравливалъ мальчишекъ:

— Кричи, ребята: „Рѣжь публику! Рѣжь публику“ кричи! жарь погромче! На пряники получите!

— Господинъ Полояровъ! Что вы глупости-то дѣлаете? оберкнувшись на него, досадливо огрызнулся Хвалынцевъ:— или вамъ, въ самомъ дѣлѣ, угодно натравливать на насъ полицію?

— А что же? Я—ничего! осклабясь, оправдывался Ардаліонъ:—я ихъ только добру учу, чтобъ они „республику“ кричали.... Общественное мнѣніе, знаете.... Это ничего! это все пустое!...

Между тѣмъ студенты снова собрались на университетскомъ дворѣ. Когда они подходили къ цѣли своего путешествія, то увидѣли что на площади, между университетомъ и академіей, готовъ уже былъ отрядъ жандармовъ. За университетомъ тоже стояли солдаты, спѣшно вызванные изъ казармъ Финляндскаго полка.

Начальство пожелало объясниться со студентами чрезъ депутацію.

— Но вѣдь депутаціи запрещены самимъ начальствомъ? возразили на ихъ желаніе.

— Все равно; высылайте депутатовъ.

Это „все равно“ породило въ толпѣ недоумѣніе: какъ же, молъ, такъ? часъ тому назадъ депутаты запрещены, черезъ часъ опять дозволены; законъ межь тѣмъ не отмѣненъ, а говорятъ „все равно, высылайте“. Въ этомъ „все равно“ студенты явно увидѣли свою побѣду, свое торжество. Сту

денты уполномочили для переговоровъ бывшую редакціонную комиссію и еще нѣсколько другихъ товарищей.

Объясненія депутатовъ съ начальствомъ длились довольно долгое время. Толпа студентовъ на университетскомъ дворѣ терпѣливо ждала возвращенія уполномоченныхъ. Къ ней присоединилось много постороннихъ лицъ: партикулярныхъ и военныхъ, моряковъ, медиковъ, юнкеровъ и воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній.

Въ это время на дворъ вошелъ, сѣдой какъ лунь, адмиралъ, который пріобрѣлъ себѣ всесвѣтную почтенную извѣстность своими учеными морскими путешествіями. Онъ шелъ мѣрными шагами, заложивъ руки назадъ, и смотрѣлъ на толпу. Толпа почему-то нашла его взглядъ гордымъ и презрительнымъ. Студенты встрѣтили его смѣхомъ, а одинъ изъ нихъ, выступивъ впередъ, назойливо обратился къ нему шутовски-вѣжливымъ тономъ:

— Ваше превосходительство! позвольте у васъ попросить папироску! Ваше превосходительство, одолжите пожалуста папироску! Ваше превосходительство! а, ваше превосходительство! я прошу папироску! Я у васъ прошу, ваше превосходительство! одну только папироску—не болѣе, ваше превосходительство!

Студенты хохотали.

Старикъ внимательно поглядѣлъ на стоявшихъ вблизи морскихъ офицеровъ, и не сказавъ ни слова, пошелъ со двора.

Наконецъ появились депутаты. Толпа съ нетерпѣніемъ жаднаго любопытства бросилась къ нимъ навстрѣчу.—„Что? какъ? въ чемъ дѣло?“ раздалась со всѣхъ сторонъ перекрестная перестрѣлка тысячи вопросовъ.

— Господа! объявили депутаты:—начальство поручило передать вамъ, что университетъ будетъ открытъ 2-го октября.

— Браво! очень хорошо! Но зачѣмъ не сегодня? Зачѣмъ не сейчасъ? Мы требуемъ сегодня же! сейчасъ! сію минуту!! безъ оттяжки! безъ разговоровъ! раздались въ залѣ шумныя замѣчанія.

— А закрытъ онъ пока, продолжали депутаты,—какъ бы вы думали, для чего?

— Ну? ну?!

— Закрытъ онъ пока только.... для изготовленія матрикулъ.

Толпа засмѣялась. Натяжка этого объясненія была слишкомъ очевидна.

— Библіотека и лабораторія будутъ открыты съ завтрашняго же дня, то-есть съ 26-го сентября, передавали далѣе депутаты, — и никто изъ студентовъ арестованъ не будетъ. Намъ дано честное слово въ непремѣнномъ исполненіи этихъ обѣщаній.

Это извѣстіе было встрѣчено одобреніемъ толпы, но многіе выразили недовѣрчивое сомнѣніе.

— За симъ мы передали рѣшеніе субботней сходки, продолжали депутаты:—мы объявили, что студенты новымъ правиламъ ни въ какомъ случаѣ подчиняться не будутъ, и что если начальство не хочетъ отмѣнить ихъ, то пусть лучше не открываетъ университета, а если начальство вздумаетъ употребить старинную тактику, то-есть, по одному заставлять подписывать матрикулы, то студенты, конечно, подпишутъ ихъ, но правилъ исполнять не будутъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ согласіе ихъ будетъ вынужденное.

Эти слова были встрѣчены точно также взрывомъ самыхъ шумныхъ одобреній въ одной части студентовъ, тогда какъ другая часть была недовольна такимъ отвѣтомъ: она требовала безусловнаго уничтоженія матрикулъ.

— Наконецъ, господа, депутація поручилась что студенты тотчасъ же по выслушаніи ея отвѣта разойдутся, завершили свой отчетъ уполномоченные:—поэтому, господа, не ставьте насъ и себя въ ложное положеніе, разойдемся спокойно!

Студенты, кучками толкуя между собой, немедленно стали очищать университетскій дворъ и расходиться въ разныя стороны отдѣльными группами. Очень многіе были недовольны и неудовлетворены отвѣтомъ.

— Браво! викторія! весело шумѣлъ Полояровъ:—почти полная викторія! То-есть, такъ сказать: „ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

V. Докладчикъ „Центра“.

Въ этотъ же самый день, часу въ восьмомъ вечера, Василій Свитка слѣзъ съ извощичьихъ дрожекъ на углу Канонерской улицѣ, въ Коломнѣ, и спѣшно поднялся по лѣстницѣ большаго каменнаго дома. На одной изъ дверей, выходившихъ на эту лѣстницу, была прибита доска съ надписью: „типографія І. Колтышко“. Онъ постучался и спросилъ управляющаго типографіей. Рабочій отворявшій дверь проводилъ

его въ типографскую контору. Тамъ сидѣлъ и сводилъ kakie-то счеты человѣкъ лѣтъ тридцати, довольно щедушный, рыжеватой наружности.

— А! вотъ вы! Наконецъ-то, нетерпѣливо обратился онъ по-польски къ вошедшему изъ-за своей высокой конторки:— что̀ такое было сегодня? Что̀ за происшествіе? Садитесь и разказывайте скорѣе. Наши рабочіе болтаютъ: бунтъ?

— Ну, бунтъ не бунтъ, а могло бы быть около того.

И Свитка разказалъ исторію нынѣшняго утра.

Управляющій выслушалъ внимательно и пунктуально, какъ бы формальное служебное донесеніе, и спросилъ:

— А наши? Какъ держали себя наши?

— Съ величайшимъ тактомъ. Да вѣдь наши не дураки, лицомъ въ грязь не ударятъ! похвалилъ Свитка съ самодовольною миной.

— Однако, что̀ жь они?

— Да что̀ жь.... Послѣ суботней сходки, мы вечеромъ собрали свой сеймикъ. Утромъ тамъ была прокламація.... въ нашихъ запокивали. Мы положили—на время отбросить старую систему и сблизиться. Оно лучше; дѣло будетъ казаться болѣе общимъ.

— Ну, а между вожаками были наши? любопытно спросилъ управляющій.

— Ни одного! Дѣло вели Русскіе.

— Ни одного?!... Прекрасно! Если такъ, то дѣйствительно съ тактомъ.

— Мы порѣшили еще на сеймикѣ инціативу предоставить Русскимъ, а самимъ отнюдь не выдвигаться. Быть въ толпѣ—дѣло другое. Мы честно были въ толпѣ и честно вели себя, но въ вожаки—ни, ни!

— А относительно сліянія, какое впечатлѣніе на Русскихъ? спросилъ управляющій.

— О, еще бы! подхватилъ Свитка.—Очень польщены! Многіе вѣдь сомнѣвались. Наши вообще не балуютъ ихъ общеніемъ, поэтому теперь тѣ очень и очень довольны. О братствѣ кричатъ.

— Кричатъ? Гм... Ну, и пусть ихъ кричатъ!

— На здоровье! Нашихъ вѣдь оттого не убудетъ! Итакъ, пане Лѣсницкій, будутъ мнѣ какія инструкціи? впадая въ нѣсколько офиціальный тонъ и съ полупоклономъ подымаясь съ мѣста, спросилъ Свитка.

— А какъ же, какъ же!... Подождите, торопиться еще некуда, удержалъ его управляющій, и вставъ изъ-за конторки, заходилъ, руки въ карманы, по комнатѣ въ сосредоточенномъ обдумываніи чего-то.

На нѣкоторое время наступило молчаніе, наполняемое мѣрнымъ шумомъ типографской скоропечатной машины за стѣной.

— Вотъ въ чемъ дѣло, медленно началъ Лѣсницкій, какъ бы обдумывая каждое свое слово:—на дняхъ въ *Центрѣ* было совѣщаніе.... Рѣшено, по возможности осторожно и съ обдуманнымъ выборомъ, притягивать къ дѣлу и Русскихъ, то-есть, собственно къ *нашему* дѣлу, поясниль онъ;— обстоятельства еще покажутъ впереди какъ выгоднѣе: направить ли ихъ на свою особую дѣятельность, какъ уже направлена „Земля и Воля“, а мы будемъ въ этомъ случаѣ только, незамѣтно для нихъ, руководить и контролировать; или же изъ наиболѣе пригодныхъ сдѣлать прямыхъ нашихъ бойцовъ? Объ этомъ теперь еще вопросъ въ Центрѣ.

— Да развѣ мы сами не справимся? съ горделиво-увѣреннымъ достоинствомъ спросилъ Свитка:—развѣ петербургскій Центръ все еще не полагается на однѣ польскія, народовыя силы?

— Э, нѣтъ, не въ томъ дѣло! перебилъ управляющій:—во-первыхъ, говоря откровенно между нами, Русскіе имѣютъ очень основательную пословицу насчетъ того что выгодно чужими руками жаръ загребать. Это одно. А другое вотъ въ чемъ: русскіе бойцы въ нашемъ дѣлѣ очень хорошая декорація предъ Европой, предъ глазами западнаго общественнаго мнѣнія.

— То-есть, какъ же такъ? сомнѣваясь и морщась спросилъ Свитко.

— А очень просто! Если ужь Москали, наши заклятые враги, наши палачи, сами идутъ очистительными жертвами въ польскій народовый лагерь и бьются за польскую независимость, развѣ этотъ фактъ не освящаетъ еще болѣе предъ глазами всего міра наше святое дѣло? Намъ нуженъ извѣстнаго рода декорумъ. Если ужь сами Русскіе за насъ, то Европа и подавно! Была бы общественная совѣсть на нашей сторонѣ, и намъ облегчится побѣда! Присутствіемъ русскихъ бойцовъ правительство будетъ озадачено, сконфужено; оно не будетъ знать кого наконецъ считать своими, гдѣ

врага, гдѣ друзья его, оно вконецъ уже растеряется и рухнетъ... по крайней мѣрѣ рухнетъ для Польши. Вотъ для чего нужны намъ Русскіе! Можете вы указать на кого-нибудь изъ подходящихъ между студентами? заключилъ онъ вопросомъ, останавливаясь предъ Свиткой.

Тотъ подумалъ и назвалъ нѣсколько именъ.

— Но болѣе всѣхъ, какъ мнѣ кажется, значительно промолвилъ онъ,—будетъ подходить одинъ....

— Кто такой? съ живостью спросилъ Лѣсницкій.

— Студентъ Хвалынцевъ.

— А!... Я немножко слыхалъ ужь про него.... Что жь, какъ вы его находите?

— Я наблюдалъ его и даже, такъ сказать, выщупывалъ слегка.... вотъ въ эти послѣдніе дни.

— Да, ну, и что жь?

— Да вотъ какъ скажу: человѣкъ смѣлый, рѣшительный, въ крутыя минуты хорошо владѣетъ собой.... Говоритъ немного, но бойко и рѣзко, и при этомъ отлично умѣетъ опираться на легальность.... Я ужь въ немъ эту черточку подмѣтилъ. Все старается въ колею легальности!

— А, это очень важно! въ скобкахъ замѣтилъ Лѣсницкій.

— То-то же и есть! не безъ самодовольствія отозвался Свитка:—на товарищей имѣетъ вліяніе. Когда всѣ думали что будутъ стрѣлять, онъ стоялъ рядомъ со мной, ну, и онъ былъ одинъ изъ немногихъ которые нисколько не смутились.... напротивъ, безъ излишняго азарта, совсѣмъ спокойно пристыдилъ товарищей, и тѣ оправились.... Да, да, имѣетъ вліяніе!... И въ то же время на сознательное увлеченіе способенъ.

Свитка, въ подтвержденіе своей характеристики, разказалъ еще поведеніе Хвалынцева въ коптилкѣ и на университетскомъ дворѣ.

— Ого! да этотъ совсѣмъ годится! Такихъ бы побольше! подалъ свое мнѣніе управляющій, не безъ удовольствія потирая руки.—Хорошо! Очень хорошо! Я сообщу о немъ.

— Такъ что же, пане Лѣсницкій, вербовать даете благословеніе?

— Вербовать! Вербовать непремѣнно! Найдите возможность показать намъ его. Да и остальныхъ, кого думаете, тоже вербуйте.

— Хорошо, а Хвалынцева покажу вамъ поближе при первомъ удобномъ случаѣ.

— Очень желаю. А пока до свиданія; теперь можете отправляться, наскоро откланялся управляющій.

Свитка удалился, а Лѣсницкій, почти немедленно по его уходѣ, отправился во внутренніе покои смежной квартиры, съ экстреннымъ докладомъ о только что полученныхъ новостяхъ.

VI. Сходка 27-го сентября.

На другое утро многіе студенты явились въ университетскую библіотеку за книгами. Дверь была заперта, и на ней равно какъ и на всѣхъ наружныхъ выходахъ, прибито было объявленіе, что по случаю повторившихся безпорядковъ, чтеніе лекцій прекращено, и входъ въ университетъ закрытъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Тутъ же было узнано что вся депутація, высланная вчера, и много другихъ студентовъ арестованы въ ночь и отправлены въ казематы крѣпости. Нѣкоторые очевидцы ночнаго арестованія товарищей сообщали, что оно было производимо внѣ законныхъ основаній: арестуемымъ не предъявляли предписанія начальства, не объявляли причинъ ареста, а нѣкоторыхъ посторонніхъ лицъ будто бы брали по подозрѣнію что они раздѣляютъ студентскій образъ мыслей.*

Всѣхъ студентовъ арестованныхъ въ эту ночь было сорокъ два человѣка.

Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній, положено было собрать на завтрашній день новую сходку, въ десять часовъ утра, на университетскомъ дворѣ.

Студенты начали собираться въ университетѣ ранѣе назначеннаго срока, еще до девяти часовъ. Предполагалось

---

* Въ „Офиціальной запискѣ по дѣлу о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ“ читаемъ: „Въ дѣлѣ комиссіи находится актъ о задержаніи студента Коленичевко. Приставъ Выборгской части, Ф., арестовавшій его, выразился въ офиціальномъ актѣ слѣдующимъ образомъ: „Хотя въ спискѣ студентовъ, подлежащихъ аресту, Коленичевко и не значится, но онъ, приставъ, счелъ не лишнимъ и его арестовать!“ Коленичевко жилъ въ отдѣльной квартирѣ, одинъ, и у него никто не проживалъ изъ лицъ подлежавшихъ аресту. Такимъ же образомъ одинъ изъ надзирателей 3-й части арестовалъ одного гимназиста, за то что онъ, по мнѣнію его, надзирателя, „раздѣляетъ образъ мыслей студентовъ“.

вступить въ новое объясненіе съ попечителемъ. Онъ вскорѣ пріѣхалъ и былъ окруженъ въ швейцарской толпою, которая обратились къ нему съ упреками. Попечитель объяснялъ что депутаты арестованы административною властью въ смыслѣ зачинщиковъ всѣхъ происшедшихъ безпорядковъ. Но всѣ объясненія не приводятъ ни къ какому результату. Въ это время пріѣхалъ генералъ-губернаторъ и вмѣстѣ съ попечителемъ удалился въ университетскую канцелярію.

Между тѣмъ студентовъ собралось уже довольно много, и сходка на дворѣ была открыта. На мѣсто арестованныхъ явились новые руководители, и вотъ, послѣ долгихъ преній, былъ принятъ большинствомъ голосовъ адресъ министру. Смыслъ адреса заключался въ томъ что въ университетѣ никакихъ зачинщиковъ нѣтъ и не было, что всѣ студенты одного и того же мнѣнія и дѣйствовали единодушно безъ чьихъ бы то ни было подстрекательствъ, и потому пусть начальство или освободитъ арестованныхъ товарищей, или же заберетъ остальныхъ. Прикатили откуда-то кадку, опрокинули ее вверхъ дномъ, положили на нее листы бумаги и приступили къ подпискѣ адреса.

Вдругъ раздался барабанный бой. Это подходилъ Финляндскій полкъ въ полномъ составѣ. Часть его помѣстили у однихъ воротъ университетскаго зданія, часть у другихъ. На набережной, предъ воротами, разъѣзжали верхомъ, въ каскахъ съ султанами, видимо озабоченные нѣсколько генераловъ, адъютантовъ и штабъ-офицеровъ. Попечитель стоялъ въ воротахъ, между студентами и войскомъ. Онъ былъ въ простомъ сюртукѣ и фуражкѣ. Тротуаръ по набережной былъ занятъ массами самой разнородной публики и густою цѣпью городской полиціи и жандармовъ.

Однако, не взирая на это грозное предупрежденіе, студенты рѣшились не расходиться до окончанія сходки и, въ случаѣ нападенія войска или жандармовъ, стоять смирно и отнюдь не пускать въ дѣло палокъ. Подняли вопросъ, избрать ли депутатовъ для подачи адреса, или идти съ нимъ опять всею массой, какъ третьяго дня? Бо́льшая часть видѣла въ послѣднемъ способѣ ручательство въ томъ что всѣхъ ихъ арестуютъ, а коли брать, то пусть берутъ всѣхъ. Противная же партія говорила, что хотя очень вѣроятно что депутатовъ и арестуютъ, но лучше арестъ нѣсколькихъ

человѣкъ чѣмъ стычка съ войсками. Многіе не ручались за то что они хладнокровно, безъ сопротивленія, выдержатъ натискъ солдатъ, а тогда все дѣло будетъ испорчено. И наконецъ, шествіе массой останется еще въ запасѣ, какъ послѣднее, крайнее средство. Большинство голосовъ рѣшило избрать депутатовъ.

Въ это самое время была отдана команда, и баталіонъ сталъ входить на университетскій дворъ.

Въ публикѣ, стоявшей на набережной, раздались свистки, шиканье и громкіе крики протеста и негодованія.

Приказано тотчасъ же ударить отбой, и войска возвратились на прежнее мѣсто.

Студенты продолжали стоять и выбирать депутатовъ. Рѣшили отправить ихъ съ адресомъ сейчасъ же, и ожидать возвращенія.

Едва успѣли тѣ отправиться и дойти до воротъ, какъ раздались крики: „депутатовъ забрали! депутаты арестованы!“ и вся толпа ринулась къ воротамъ выручать ихъ.

Городскія власти старались успокоить взволнованную массу и убѣждали что депутаты никакъ не будутъ арестованы, что онѣ, власти, просто хотятъ только переговорить немного съ ними, и потому просятъ господъ студентовъ ни мало не безпокоиться, а возвратиться во дворъ и безъ опасеній продолжать свою сходку.

Властямъ отвѣчаютъ что третьяго дня, ночью, арестовали же депутатовъ прошлой сходки.

Власти на это возражаютъ, что хотя и точно депутаты арестованы, но онѣ, власти, тутъ ни при чемъ, и что, наконецъ, если депутаты и арестованы, то отнюдь не какъ депутаты, а какъ зачинщики, и что потому пусть господа студенты, пожалуста, ни мало не тревожатся и сдѣлаютъ такое одолженіе удалиться во дворъ и продолжать свои пренія.

Студенты отвѣчаютъ что удаляться во дворъ они не желаютъ, а чтобы сдѣлать пріятное властямъ, пожалуй, согласны отступить на нѣсколько саженъ.

Власти очень любезно соглашаются на эти нѣсколько саженъ, и затѣмъ вступаютъ въ объясненія съ депутатами, говоря что онѣ ни подъ какимъ видомъ не могутъ пропустить ихъ къ министру. Депутаты отвѣчаютъ что въ

такомъ случаѣ студенты пойдутъ всею массой. Шествія массы власти опять же никакъ не желаютъ. Выборные говорятъ что студенты точно такъ же его не желаютъ, и что поэтому надо пропустить ихъ, выборныхъ. Власти отвѣчаютъ что пропустить ихъ не могутъ. Безплодный споръ на эту тему длится около четверти часа; обѣ стороны говорятъ и много любезнаго, и много довольно рѣзкаго другъ другу, но къ соглашенію придти не могутъ. Наконецъ, власти соглашаются пропустить депутатовъ, но съ тѣмъ условіемъ чтобы студенты не дожидались ихъ отвѣта, а разошлись бы немедленно. Студенты на это не соглашаются и настаиваютъ на пропускѣ безусловномъ. На безусловный пропускъ опять-таки власти не соглашаются. Обѣ стороны спорятъ и выходятъ изъ себя. Наконецъ власти объявляютъ что онѣ имѣютъ приказъ считать сборище студентовъ за обыкновенную толпу, такъ какъ университетъ закрытъ и, слѣдовательно, студентовъ не существуетъ. Депутаты соглашаются что и въ самомъ дѣлѣ закрытъ, и что поэтому власти, пожалуй, и могутъ думать что студентовъ не существуетъ, что они, депутаты, даже готовы на время согласиться въ этомъ со властями, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же призвали убѣждать насъ попечителя? Вѣдь онъ, стало быть, намъ больше не начальникъ! Власти обходятъ молчаніемъ столь коварный вопросъ и объявляютъ депутатамъ, что если студенты тотчасъ же не разойдутся, то чрезъ полчаса будетъ двинуто войско. Депутаты объявляютъ объ этомъ сходкѣ, которая рѣшаетъ что, пожалуй, можно и разойтись, что депутаты могутъ отправиться съ адресомъ въ другое время, а буде кто желаетъ узнавать новости касательно университета, то для этого, начиная съ завтрашняго дня, ежедневно собираться въ два часа пополудни на Невскомъ проспектѣ, гдѣ и можно будетъ сговориться насчетъ плана дѣйствій. Но расходясь, студенты требуютъ чтобы войско, неизвѣстно для чего, отступило на сто шаговъ. Власти отдаютъ приказъ, и войско отступаетъ. Студенты спокойно проходятъ мимо рядовъ и расходятся. Власти разъѣзжаются, войско уходитъ въ казармы.

VII. Въ два часа на Невскомъ.

На слѣдующій день, въ два часа пополудни, Невскій проспектъ представлялъ очень оживленное зрѣлище. Это было не то обычное оживленіе, какимъ онъ кипитъ ежедневно между часомъ и четырьмя. Такое оживленіе было на немъ, конечно, какъ всегда, и въ этотъ день, но оно носило на себѣ совершенно особый отпечатокъ, благодаря вчерашнему рѣшенію сходки.

Къ двумъ часамъ, тамъ и самъ, стали появляться небольшія группы студентовъ. Они ходили обыкновеннымъ прогулочнымъ образомъ, встрѣчались съ другими подобными же группами, останавливались, горячо толковали между собою и расходились, или же составляли одну слитую группу, которая принимала совмѣстную прогулку, разомкнувшись однако же на столько, чтобы къ ней не могъ придраться никакой полицейскій хожалый. Тутъ происходили встрѣчи съ новыми кучками, съ новыми группами, члены однѣхъ переходили на мѣсто другихъ, и снова расходились, и снова натыкались на новыя кучки. Такимъ образомъ, между университетскою молодежью шелъ обмѣнъ мыслей, замѣчаній, наблюденій и новостей, и все это, при помощи широкихъ тротуаровъ Невскаго проспекта, живо передавалось изъ одной группы въ другую, изъ другой въ третью и т. д. Множество лицъ, такъ или иначе близкихъ студентству и принадлежавшихъ университету въ качествѣ вольнослушателей, любителей, студентокъ, и множество лицъ къ университету не принадлежащихъ, но почему-либо сочувствующихъ студентскому движенію, явились тоже на Невскій. У большей части изъ нихъ въ какомъ-нибудь аттрибутѣ костюма проглядывалъ синій цвѣтъ — цвѣтъ воротниковъ студентской формы. У многихъ служащихъ были надѣты синіе галстуки, или синія ленточки на шляпѣ. Ардаліонъ Полояровъ вывѣсилъ на свою скомканную войлочную шляпу широкую синюю атласную ленту, которой хватило бы на цѣлый длинный кушакъ женскаго платья. Этою лентой онъ позаимствовался у Лиденьки Затцъ, и такимъ образомъ, съ широко развѣвающимися позади его синими хвостами, разгуливалъ по Невскому, сожалѣя объ

одномъ, что его козьмодемьянская дубина не могла быть, ради сей оказіи, перекрашена въ синій цвѣтъ. Женщины тоже отличались чѣмъ-нибудь синимъ: ленточкой, галстучкомъ, шляпкой, платьемъ, зонтикомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Синій цвѣтъ долженствовалъ изображать собою видимый знакъ сочувствія студентскому дѣлу и какъ бы давалъ право предъявителю его на участіе въ разспросахъ и преніяхъ о студентскихъ интересахъ.

Это былъ какой-то день синяго цвѣта на Невскомъ проспектѣ.

Разныя офиціальныя лица озабоченно и шибко катались въ это самое время туда и сюда вдоль по Невскому. Они внимательно посматривали на бродячія кучки синихъ околышей, на группы служащихъ и женщинъ, отличавшихся какою-либо синею вывѣской, и казалось ожидали что вотъ-вотъ сейчасъ что-то такое вспыхнетъ, что-то начнется....

Но ничего не вспыхивало, и ничего не начиналось.

Время шло, синія кучки шлялись, полиція, и явная и не явная, усердно наблюдала—первая наблюдала, занимая фронтовою вытяжкой свои посты, вторая—въ различныхъ образахъ шныряла тутъ и тамъ, вездѣ и нигдѣ, принюхивалась, прислушивалась, старалась какъ-нибудь затесаться промежъ синихъ кучекъ, и той и другой было здѣсь нынче количество изрядное, но.... все-таки ничего не вспыхивало, и ничего не начиналось....

И Василій Свитка, и панъ Лѣсницкій, и Иванъ Шишкинъ тоже гуляли по Невскому, но только безъ малѣйшихъ внѣшнихъ отличій синяго цвѣта. За то маленькій Анцыфровъ, вмѣстѣ съ Лиденькой Затцъ, прицѣпили себѣ цѣлыя кокарды, одинъ къ мерлушечьей шапкѣ, другая къ лѣвому плечу на бурнусѣ, и въ такомъ видѣ, подъ ручку, прогуливались рядомъ съ Ардаліономъ Полояровымъ, который сегодня рѣшительно обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими развѣвающимися по вѣтру лентами.

— Ба! Хвалынцевъ! Вотъ и вы, наконецъ, появились! растопыривъ руки, загородилъ ему дорогу Полояровъ. — Слыхали-съ? Университетъ-то?... Казарму сдѣлали! Рота солдатъ и день и ночь внутри дежуритъ, ворота всѣ заперты, никого не впускаютъ, и даже тѣ кто живетъ-то тамъ, такъ и тѣ выходятъ не иначе какъ съ билетомъ.... Вотъ оно, какіе порядки!

— Что жь, этого надо было ожидать, пожалъ плечами студентъ.

— Нѣтъ, но это.... это чортъ знаетъ что! Это свинство! Это возмутительно! входя въ паѳосъ, продолжалъ Ардаліонъ.

— Возмутительно! Свинство! Подлость! пищалъ изъ-подъ его руки Анцыфровъ.

— Что жь прикажете дѣлать?

— Что дѣлать? А вотъ! Идти и выгнать! пояснилъ Ардаліонъ, показавъ свою дубину.

— Поставятъ цѣлый баталіонъ.

— И баталіонъ выгнать!

— И баталіонъ выгнать, и всѣхъ выгнать! поддакивалъ и горячился плюгавенькій.

Хвалынцевъ, не желая продолжать пустыхъ рѣчей, махнулъ рукой.

— Ступайте и выгоните, сказалъ онъ, надѣясь поскорѣй отъ нихъ отвязаться.

— Нѣтъ, господинъ Хвалынцевъ, вмѣшалась Лиденька Затцъ: — въ васъ, я вижу, развитъ непозволительный индифферентизмъ, вы равнодушны къ общему дѣлу. Если вы порядочный господинъ, то этого нельзя-съ, или вы не принадлежите къ молодому поколѣнію и заодно съ полиціей, а только такой индифферентизмъ.... Вы должны отъ него отказаться, если вы честный господинъ, и если хотите чтобъ я васъ уважала.

И пошла, и пошла Лиденька, какъ мелкою дробью, сыпать словами на эту тему.

Хвалынцевъ, не дослушавъ ея, вѣжливо приподнялъ фуражку и поднялся на лѣсенку къ Доминику.

— Э? батенька! Постойте-ка минутку! На два слова! догналъ его Полояровъ: — вы куда? Къ Доминику?

— Какъ видите.

— Ну, такъ и я съ вами зайду. Потолкуемте малость самую.

Они вошли въ ресторанъ, Хвалынцевъ усѣлся за особымъ столикомъ и спросилъ себѣ котлетку. Полояровъ помѣстился тутъ же подлѣ него и потребовалъ себѣ того же.

— Н-да-а-съ, я вамъ скажу, пришли времена! со вздохомъ началъ онъ вполголоса, подозрительно и сурово озираясь во всѣ стороны:—знаете ли что, будемте-ка лучше говорить потише, а то вѣдь здѣсь, поди-ка, и стѣны уши имѣютъ.... Всѣ,

вездѣ, повсюду, весь Петербургъ стоитъ и подслушиваетъ... весь Петербургъ! Я вамъ скажу, то-есть, на каждомъ шагу, повсюду-съ!... Что ни тумба, то шпіонъ, что ни фонарь, то полицейскій!

— Такъ лучше не говорить, если вы такъ опасаетесь. Да и не къ чему: все и безъ того хорошо извѣстно, новаго ничего вѣдь не скажемъ, замѣтилъ Хвалынцевъ.

— Какъ знать-съ, можетъ что и новое въ голову придетъ, возразилъ Ардаліонъ: — мысль требуетъ обмѣна. Теперича я вотъ какъ полагаю: времена-съ, батюшка мой, такія, что всѣ честные дѣятели должны сплотиться воедино, тогда мы, точно, будемъ настоящею силой. Каждый на это дѣло обязанъ положить свою лепту.... Тутъ рядомъ идутъ принципы экономическіе, соціальные и политическіе. Знакомы вы съ соціалистами?

— Вы ужъ мнѣ предлагали однажды этотъ вопросъ.

— Да-да, помню!... Ну такъ, стало-быть, съ вами толковать можно. Мы, батенька, проводимъ въ жизнь эти самые принципы, для насъ они дѣло плоти и крови-съ!

— То-есть, кто же это „мы“? спросилъ студентъ.

— Мы! то-есть, я, напримѣръ.... я, Анцыфровъ, Затцъ.... Вотъ пріятель есть у меня одинъ, Лукашка,—у, какая у бестіи богатая башка, я вамъ скажу! Ну, вотъ мы, и еще есть нѣкоторые.... Люди-то найдутся-съ! У насъ, сударь мой, слово нейдетъ въ разладъ съ дѣломъ.

— О! Въ самомъ дѣлѣ? улыбнулся Хвалынцевъ.

— Да вы не улыбайтесь сомнительно! подхватилъ Ардаліонъ:—я вамъ не пустяки болтаю. Да вотъ какъ скажу вамъ: прежде всего принципы экономическіе и соціальные. Нужно весь строй этого глупаго и подлаго общества радикально измѣнить, передѣлать, сломать и уничтожить; все это должно рушиться!

— И что же будетъ тогда? спросилъ студентъ, съ наивно-невиннымъ видомъ.

— А будетъ то чему уже положено нѣкоторое начало, утвердительно сказалъ Полояровъ.—Да вотъ, хоть наша коммуна, къ примѣру сказать. Это, дѣло прочное-съ, и оно привьется, оно пойдетъ въ жизнь, потому у насъ все общее: общій трудъ, общій фондъ. Я, напримѣръ, литераторъ (это слово произнесъ онъ съ оттѣнкомъ горделиваго достоинства),

ну, занимаюсь литературнымъ трудомъ, пописываю статейки тамъ въ разныхъ журналахъ и получаю, значитъ, свою плату; другой коробки клеитъ, третья при типографскомъ дѣлѣ — каждый свое зарабатываетъ, и въ общій фондъ, на общія потребности. Квартира у насъ общая, чай-сахаръ общій, столъ общій, а главное—убѣжденія общія. Тутъ, сами видите, принципъ экономическій тѣсно связанъ съ соціальнымъ. Это, батюшка мой, разумный и явный протестъ противъ неравномѣрнаго распредѣленія капиталовъ, противъ эксплуатирующаго собственничества, протестъ за право каждаго на святой трудъ, и борьба противъ обособляющихъ элементовъ.

— То-есть что же вы разумѣете подъ обособляющими элементами? спросилъ Хвалынцевъ, котораго понемногу стали забавлять полояровскіе куріозы.

— Обособляющіе элементы, это.... это, какъ бы вамъ сказать.... Велите-ка прежде дать мнѣ еще водки рюмку, а потомъ и обособляющіе элементы пойдутъ у насъ!

Хвалынцевъ тотчасъ же исполнилъ просьбу Полоярова.

— Обособляющіе элементы, это, изволите ли видѣть, началъ онъ поучающимъ тономъ, — напримѣръ, чинъ, сословіе, каста—это обособляющій элементъ; капиталъ сосредоточенный въ однѣхъ рукахъ, который естественно требуетъ эксплуатаціи чужаго труда—то же обособляющій элементъ; потомъ, напримѣръ, семья — опять же обособляющій элементъ. Поэтому борьба противъ кастъ, сословій, противъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, противъ семьи, брака и тому подобныхъ мерзостей составляетъ задачу новыхъ людей нашего времени. Стало-быть, вы видите что тутъ, изъ связи принциповъ экономическихъ и соціальныхъ, вытекаютъ сами собой и принципы политическіе, додуматься не трудно! Понимаете-съ? многозначительно подмигнулъ онъ глазомъ. — Дайте-ка мнѣ папироску!

Хвалынцевъ подозвалъ гарсона и сталъ расплачиваться.

— Э-хмм.... Послушайте, батенька, отворотясь отъ гарсона, тише чѣмъ вполголоса обратился Ардаліонъ къ Константину Семеновичу:—заплатите-ка ему заодно ужь и за меня.... совсѣмъ изъ ума вонъ: деньги забылъ, не захватилъ съ собой.

Хвалынцевъ со всею любезною предупредительностью поспѣшилъ исполнить просьбу Ардаліона Михайловича.

— Н-да-съ, батюшка мой! закуривъ папироску, глубоко и

какъ-то интимно вздохнулъ Полояровъ, какъ обыкновенно вздыхаетъ человѣкъ, когда сбирается сокровенничать отъ сердца.—Вотъ, вы видите меня. Кромѣ честнаго труда, ничего не имѣю, а между тѣмъ вы знаете ли, что я.... что вотъ этотъ самый Ардаліонъ Полояровъ, говорилъ онъ, начиная входить въ нѣкоторый умѣренный пафосъ и тыча себя въ грудь указательнымъ пальцемъ;—н-да-съ! вотъ этотъ самый человѣкъ, не далѣе какъ нынѣшнею весной, могъ бы быть богачомъ, капиталистомъ! Да вѣдь какъ-съ! Громадный капиталъ вотъ уже совсѣмъ въ рукахъ былъ, взять бы его да въ карманъ положить, а я нѣтъ-съ! И не то чтобы капиталъ-то сомнительный,—нѣтъ, своимъ собственнымъ честнымъ трудомъ добытый, никому за него не обязанъ!

— И что жь? спросилъ Хвалынцевъ.

Полояровъ махнулъ рукой.

— Э! дуракъ былъ.... не умѣлъ пользоваться! съ досадой сорвалось у него съ языка, и студентъ замѣтилъ какъ лицо его передернула какая-то скверная гримаска досадливаго сожалѣнія о чемъ-то. Но Ардаліонъ вдругъ спохватился.—То-есть, вотъ видите ли, сталъ онъ поправляться въ прежнемъ рисующемся тонѣ:—все бы это я могъ легко имѣть, капиталъ, цѣлый капиталъ, говорю вамъ, потому, все это было мое, по праву, но.... я самъ добровольно отъ всего отказался.

— Это для чего же? полюбопытствовалъ студентъ.

— Для идеи! да, милостивый государь, для идеи-съ и изъза идеи-съ! съ удареніемъ и внушительно-горделиво отчеканилъ Полояровъ.—Я всѣмъ пожертвовалъ, все бросилъ: и не задумался, нѣтъ, въ ту жь минуту бросилъ и отказался!... Даже, если ужь вы такъ знать хотите, связи съ любимою женщиной порвалъ, какъ только почуялъ первый кличъ идеи. Нашъ братъ, батюшка мой, наставительно прибавилъ онъ почти шепотомъ:—это тотъ же аскетъ: тамъ гдѣ дѣло идеи, нѣтъ ни отца съ матерью, ни дома, ни любовницы, ни капитала, всѣмъ жертвуешь, все отвергаешь!

— Такъ и слѣдуетъ! со скрытою ироніей похвалилъ его Хвалынцевъ.

Полояровъ, тѣмъ не менѣе, принялъ это за чистую монету.

— А, вы понимаете это! Вашу руку! Дайте пожать ее! многозначительно промолвилъ онъ.—Послушайте, голубчикъ, у меня до васъ будетъ одна маленькая просьбица, вдругъ

перемѣнилъ онъ тонъ и заговорилъ въ фамильярно-заигрывающемъ и пріятельски-заискивающемъ родѣ:—не можете ли одолжить мнѣ на самый короткій срокъ сущую бездѣлицу: рублишекъ десятокъ, не болѣе.... Я долженъ за свою послѣднюю статью получить послѣзавтра.... Мы съ вами сочтемся.

— Нѣтъ, извините, не могу, къ сожалѣнію! отозвался Хвалынцевъ.

— Гм.... не можете.... Ну, такъ хоть пятишницу дайте....

— Къ сожалѣнію, и въ этомъ принужденъ отказать вамъ.

— Э, да вѣдь вы, голубчикъ, мы знаемъ васъ! Вы человѣкъ денежный! Въ нѣкоторомъ родѣ собственникъ! подмигивалъ Полояровъ:—у васъ деньгà водится!... Одолжите, если не можете пяти, хоть зеленую.... Ей Богу! честное слово, отдамъ, какъ только получу.

Хвалынцевъ, видя что тутъ ничего не подѣлаешь, вынулъ и далъ ему трехрублевую бумажку.

— Сочтемся! пробурчалъ Ардаліонъ, пряча ее въ карманъ и даже не кивнувъ головой. — А послушайте-ка, батенька, примолвилъ онъ,—переходите-ка въ нашъ лагерь, въ нашу коммуну! Ей-богу, самое любезное дѣло! Вы подумайте! Это статья дѣльная. У насъ вѣдь и женщины есть въ нашей общинѣ, какъ-то двусмысленно прибавилъ Полояровъ, словно имѣлъ затаенную мысль поддѣть на этотъ соблазнительный крючокъ Хвалынцева.

— Нѣтъ, слуга покорный, иронически поклонился Константинъ Семеновичъ, и пошелъ изъ ресторана.

Полояровъ подозрительно и сурово поглядѣлъ ему во слѣдъ и мрачно нахлобучилъ на глаза свою войлочную шляпу. Длинные хвосты широкихъ лентъ, развѣваясь, понеслись за нимъ сзади. Онъ вышелъ на Невскій и пошелъ отыскивать Анцыфрова съ Лиденькой, которыхъ и нашелъ, наконецъ, у Аничкина моста.

— Послушай, Полояровъ, это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! запальчиво обратилась къ нему Лиденька (съ пріѣздомъ въ Петербургъ она очень прогрессировалась и, не стѣснялась никѣмъ и ничѣмъ, „по принципу“, говорила Полоярову съ Анцыфровымъ прямо „ты“).—Это чортъ знаетъ что! Съ какой стати ты водишься съ этимъ господиномъ?

— Съ какимъ господиномъ? покосясь на нее, проворчалъ Ардаліонъ: — чего ты?!

— Съ этимъ фатишкой, аристократишкой.... Чего ты увязался за нимъ къ Доминику?

— Увязался!... Вовсе не увязался! Я самъ по себѣ былъ. Скорѣй же ужъ онъ самъ за мной увязался, а ужъ никакъ не я! оправдывался Полояровъ.

— Я изъ нашего давешняго разговора совершенно убѣдилась что этотъ господинъ и невѣжа, и подлецъ! раздраженно тараторила Лиденька: — заодно съ жандармами, заодно съ полиціей! Оправдываетъ правительство....

— Ну, гдѣ же оправдываетъ! попытался было заступиться Ардаліонъ.

— Пожалуста, ты не противорѣчь! перебила Затцъ:—сама знаю что̀ говорю! Учить меня нечего! Этотъ гнусный индифферентизмъ, этотъ небрежный тонъ, какъ будто *удостоиваетъ, снисходитъ*, говоря съ нами; еле поклонился.... уходитъ, руки не протягиваетъ.... Нахалъ, подлецъ, фатишка и мерзавецъ! А ты съ нимъ якшаешься!

— Да, честное же слово, онъ самъ! Я и не думалъ.... Мнѣ что̀? Мнѣ на него плевать! отчурался Ардаліонъ отъ ея нападеній.

— А мы съ Анцыфровымъ положительно убѣждены что этотъ господинъ въ связи съ третьимъ отдѣленіемъ! брякнула вдругъ Лиденька.

— Ну, вотъ!... Почему ты думаешь?

— Такъ. Это мое убѣжденіе.

— На чемъ же оно основано?...

— А хоть на томъ что онъ не арестованъ.... Почему онъ не арестованъ, когда другихъ то и дѣло берутъ?... Зачѣмъ? Почему? я тебя спрашиваю....

— Гм!... глубокомысленно промычалъ Полояровъ, подумавъ надъ ея словами: — а впрочемъ, чортъ его знаетъ! Мнѣ и самому, пожалуй, сдается, что тутъ что-то подозрительное....

— Да ужъ повѣрь что такъ. У меня на этотъ счетъ нюхъ! Отличный нюхъ есть! горячо убѣждала Лиденька.—Наконецъ, вспомни, въ Славнобубенскѣ эта дружба его съ отъявленнымъ, патентованнымъ шпіономъ; развѣ это не достаточное доказательство?

— Ну, да чортъ съ нимъ! Шпіонъ такъ шпіонъ! Намъ-то что̀? Не знаться съ нимъ больше, да и вся недолга! порѣшилъ Полояровъ.

— Нѣтъ, братъ, Ардаліона, ты этого такъ не говори! вмѣшался золотушный пискунокъ: — это такъ оставить нельзя! Долгъ каждаго порядочнаго господина, если мы узнали такую штуку, нашъ прямой долгъ чести предупредить поскорѣй порядочныхъ людей объ этомъ, а то вѣдь другіе пострадать могутъ....

— Конечно! разумѣется! подхватила Лиденька:—Чѣмъ болѣе шпіоновъ будутъ извѣстны, тѣмъ болѣе мы безопасны.

Вскорѣ столкнулись они съ одною студентскою кучкой и затесались въ нее.

— Господа, будьте осторожнѣе со студентомъ Хвалынцевымъ, внушительно-вѣскимъ тономъ предупредила Лиденька.

— Съ Хвалынцевымъ?... Что̀ такъ? отозвались ей изъ кучки.

— Да ужь такъ!... мы только для вашей же пользы предупреждаемъ: будьте поосторожнѣй! погрозился Анцыфровъ:— знаете, чай, пѣсенку:

„У отца у нашего
Ловкихъ слугъ довольно....“

Студенты переглянулись. По лицамъ ихъ пробѣжала тѣнь сомнѣнія, недоумѣнія.... Однако сообщеніе Лиденьки было принято къ свѣдѣнію.

Два-три такихъ „будьте поосторожнѣй“, оброненныя въ двухъ, трехъ кучкахъ, послужили совершенно достаточнымъ поводомъ чтобы молва полетѣла изъ одной группы въ другую, изъ другой въ третью и т. д., и т. д. — и тѣнь сомнѣнія на личность честнаго товарища была брошена, а иные приняли ее тотчасъ же, сразу, за несомнѣнную истину.

VIII. Герой въ иныхъ витаетъ сферахъ.

Выйдя отъ Доминика, Хвалынцевъ пошелъ по направленію къ Полицейскому мосту. Не доходя Голландской церкви, близь магазина Юнкера, онъ почувствовалъ что кто-то легонько дотронулся сзади до его локтя, обернулся, и вдругъ онѣмѣлъ отъ неожиданнаго радостнаго изумленія.

Предъ нимъ стояла Татьяна Николаевна Горева.

Лицо ея улыбалось и радовалось.

— Господи!... Да вы ли это? воскликнулъ студентъ, протягивая ей обѣ руки.—Здравствуйте! Когда? Давно ли?

— Вчера только пріѣхали, отвѣчала она голосомъ переполненнымъ волненія. — А какъ я рада что встрѣтилась!... Вѣдь я все думала, да ломала себѣ голову какими бы судьбами отыскать васъ? хотѣла дать знать, увѣдомить, говорила она, глядя ему въ лицо свѣтлыми, радостными глазами: — сегодня утромъ даже въ университетъ нарочно съѣздила, но тамъ Богъ знаетъ что̀ такое: все заперто.... солдаты.... останавливаютъ, не пропускаютъ, такъ ничего и не добилась! Вдругъ выхожу отъ Юнкера, а вы тутъ какъ тутъ!... Ну, какъ я рада! Здравствуйте еще разъ! Да жмите же что ли руку-то крѣпче! Ну, вотъ такъ! Теперь хорошо, по-дружески! Да что̀ это у васъ такое множество студентовъ на Невскомъ? Это у васъ всегда такъ бываетъ?

— Нѣтъ, не всегда, отвѣчалъ Хвалынцевъ, — но что̀ и какъ, это слишкомъ долго разказывать.

— Ну, хорошо, разкажете и послѣ; а теперь вамъ нечего дѣлать? Если нечего, то пойдемте къ намъ. Тетушка рада будетъ. Мы здѣсь близехонько: въ Малой Морской, Hôtel de Paris. Хотите?

Хвалынцевъ предложилъ ей руку, и они отправились.

Тетка обрадовалась ему какъ родному. Обѣ онѣ оставили его у себя обѣдать,—и Константинъ Семеновичъ, незамѣтно ни для нихъ, ни для самого себя, досидѣлъ въ ихъ номерѣ до поздняго вечера. Разговорамъ и распросамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца и,—какъ это всегда бываетъ у хорошихъ, сердечно близкихъ и давно невидавшихся знакомыхъ, которымъ есть что̀ попередать другъ другу,—разказы перебивались вопросами, вопросы разказами, одинъ разговоръ быстро, по мгновенно блеснувшему, кстати или не кстати, воспоминанію, смѣнялся другимъ, другой перебивался вдругъ внезапнымъ вопросомъ или замѣчаніемъ, затѣмъ опять переходилъ къ продолженію старой, оставленной темы. Тутъ фигурировали и Славнобубенскъ, и Москва, и Петербургъ, и общіе знакомые, и книги, и новыя сочиненія, и студенты, и кой-какія маленькія сплетни, къ которымъ кто жь не питаетъ маленькой слабости?—и театръ, и вопросы о жизни, о политикѣ, о Лиденькѣ Затцъ, и музыка, и современныя событія, и тѣ особенные полунамеки, полувзгляды, полу-

улыбки, которыя очень хорошо и очень тонко бываютъ понятны людямъ, когда у нихъ, при встрѣчѣ, при взглядѣ одного на другаго, сильнѣй и порывистѣй начинаетъ биться сердце, и въ этомъ сердцѣ сказывается какое-то особенное радостно-щемящее, хорошее и свѣтлое чувство.

Кажется, ужь обо всемъ вдосталь наговорились, а между тѣмъ и Татьяна Николаевна, оставшись одна предъ своей постелью, и Хвалынцевъ, возвращаясь къ себѣ домой, оба одинаково и равно чувствовали что темы для разговоровъ далеко еще не истощены, что далеко не все еще сказалось, о чемъ бы хотѣлось высказаться, что много и много еще нужно будетъ передать другъ другу....

Хвалынцевъ сталъ бывать у нихъ ежедневно. Весь молодой, внутренній міръ его, на первые дни, такъ всецѣло наполнился этимъ присутствіемъ, этою близостью любимой дѣвушки, что онъ рѣшительно позабылъ все остальное на свѣтѣ—и университетъ, и студентовъ, и науку, о которой еще такъ ретиво мечталъ какую-нибудь недѣлю тому назадъ. Для него, на первыхъ порахъ, перестало быть интереснымъ или, просто сказать, совсѣмъ перестало существовать все что̀ не она.

Почти цѣлые дни напролетъ проводилъ онъ съ нею у тетки. Татьянѣ Николаевнѣ такъ жадно хотѣлось все видѣть, все осмотрѣть, все узнать, со всѣмъ познакомиться—чувство слишкомъ хорошо знакомое всѣмъ людямъ долго зажившимся въ провинціи и попавшимъ наконецъ на „свѣтъ Божій“. Хвалынцевъ взялся быть ея неизмѣннымъ чичероне. Ей хотѣлось быть и въ Эрмитажѣ, и въ музеяхъ, и въ публичной библіотекѣ, и въ академіи художествъ, и въ оперѣ, и въ русскомъ театрѣ, и во французскомъ, и на клубныхъ семейныхъ вечерахъ, и послушать какъ читаютъ россійскіе литераторы на публичныхъ чтеніяхъ, и поглядѣть на этихъ россійскихъ литераторовъ, каковы-то они суть въ натурѣ, по наружности; словомъ, желаніямъ Татьяны Николаевны не было конца, и кидалась она на все это съ жадною любознательностью новичка, который наконецъ-то дорвался до столь желаннаго и долго жданнаго предмета, о которомъ ему еще такъ давно и такъ много мечталось.

Проводя у Горевыхъ почти все свое время, Хвалынцевъ только вскользь успѣвалъ слѣдить за ходомъ университетскихъ событій, за движеніемъ и толками въ обществѣ,

которые были вызваны этими событіями. А между тѣмъ въ городѣ толковали что нѣсколько гвардейскихъ полковъ заявляютъ сильное движеніе въ пользу студентовъ и положительно отказываются идти, если ихъ пошлютъ противъ нихъ; что студентовъ и многихъ другихъ лицъ то и дѣло арестовываютъ, хватаютъ и забираютъ гдѣ ни попало, и какъ ни попало, и днемъ, и ночью, и дома, и въ гостяхъ, и на улицѣ, что министръ не принялъ университетской депутаціи съ адресомъ. О новыхъ правилахъ и матрикулахъ, распубликованныхъ министерствомъ отъ 28-го сентября, въ обществѣ ходили самые нелестные толки. Большинство публики образованныхъ слоевъ было ими сильно недовольно. Заграничныя газеты то и дѣло печатали самыя неутѣшительныя корреспонденціи изъ Россіи, преисполненныя затаеннаго злорадства: для нихъ Россія представлялась теперь крѣпостью, подъ которую повсюду подведены пороховыя мины, крѣпостью, которая сама себя подкопала. Газеты эти весьма злобно и остроумно критиковали министерскія правила. *Колоколъ* билъ набатъ, и даже *Le Nord* замѣтилъ что многія изъ этихъ правилъ годны скорѣе для десятилѣтнихъ мальчишекъ чѣмъ для студентовъ. Петербургская журналистика хранила молчаніе, и только изрѣдка гдѣ-нибудь, между строками, прорывался темный, сочувственный студентамъ, намекъ на современныя университетскія событія. Толковали между студентами и въ обществѣ что всѣ офицеры артиллерійской академіи подали по начальству рапортъ, въ которомъ просятъ удерживать 5% изъ ихъ жалованья на уплату за бѣдныхъ студентовъ; съ негодованіемъ передавали также что стипендіи бѣднымъ студентамъ будутъ отнынѣ выдаваться не въ университетѣ, а чрезъ полицію, въ полицейскихъ камерахъ; толковали что профессора просили о смягченіи новыхъ правилъ, потомъ просили еще чтобъ имъ было поручено изслѣдовать все дѣло, и получили отказъ и въ томъ, и въ другомъ, просили о смягченіи участи арестованныхъ студентовъ—и новый отказъ. Нѣкоторые вѣстовщики распространяли, подъ рукой, слухи, будто студентовъ въ крѣпости пытаютъ, что ихъ будутъ ссылать въ Сибирь, растрѣливать, и много еще подобныхъ нелѣпостей, и эти послѣднія нелѣпости, точно такъ же какъ и вѣсти основательныя, находили таки свое приложеніе въ нѣкоторыхъ сферахъ общества,

и распространялись даже усерднѣе и скорѣе чѣмъ извѣстія болѣе положительнаго и разумнаго свойства.

Хвалынцевъ, увлеченный теперь дѣлами своего сердца болѣе чѣмъ дѣлами студентства, не былъ на сходкѣ которая собралась около университета 2-го октября—день, въ который начальство словесно обѣщало открыть лекціи; но лекціи открыты не были. По этому поводу на сходкѣ произошли нѣкоторыя демонстраціи, результатомъ которыхъ были немедленные аресты. Между прочимъ арестовано тутъ же нѣсколько лицъ къ университету не принадлежавшихъ.

11-го октября, вернувшись поздно вечеромъ домой, Хвалынцевъ нашелъ на столѣ у себя слѣдующее письмо:

„Нужды нѣтъ что письмо это безъ подписи. Будьте твердо увѣрены что вамъ пишетъ другъ и тайный вашъ доброжелатель. Вы въ правѣ принять или отвергнуть совѣтъ, внушенный уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ къ вамъ. Зачѣмъ вы покинули вашихъ товарищей, ваше общее дѣло? Васъ не видать было нигдѣ: ни въ условные часы на Невскомъ, ни на сходкѣ 2-го октября, ни на частныхъ сходкахъ у товарищей. Многіе озадачены вашимъ поведеніемъ. Здѣсь уже успѣли пустить слухи что вы (не расхохочитесь только!), что вы—шпіонъ. Сколь ни глупо, а многіе вѣрятъ. Вамъ надо поведеніемъ своимъ снять съ себя эту мерзкую клевету. Завтра открывается университетъ для взявшихъ матрикулы. Не-матрикулисты намѣрены собраться предъ началомъ лекцій чтобы не допустить малодушныхъ товарищей своихъ покориться министерскимъ фуркуламъ. Имъ помѣшаютъ, ихъ не допустятъ заявить свою покорность и смиренномудріе. Мы ждемъ васъ завтра, какъ честнаго товарища, на предстоящей сходкѣ.

„Вашъ искренній доброжелатель.“

Письмо это и озадачило, и раздосадовало Хвалынцева. „Что за тайный доброжелатель? Что за контроль надъ частною жизнью человѣка, надъ личными его отношеніями? Меня не видать тамъ-то и тамъ-то! Да вамъ-то какое дѣло? И сейчасъ уже „шпіонъ“.... Господи, какъ это у нихъ все скоро!... И глупо, и больно, и досадно!...“

И нервно крутя пальцами въ трубочку письмо, Хвалынцевъ заходилъ по комнатѣ. Онъ принялъ къ сердцу полученное извѣстіе, и втайнѣ его печалило, грызло и бѣсило

заявленіе о его шпіонствѣ: „что это—нелѣпое ли предостереженіе, съ цѣлью пострацать, или въ самомъ дѣлѣ правда?“ Кровь кидалась ему въ голову какъ только начиналъ онъ думать и воображать себѣ что его фамилія сопоставляется „съ этимъ словомъ“. Хвалынцевъ—шпіонъ!.. „Э, нѣтъ, мои милые, я вамъ докажу... я вамъ докажу что такъ нельзя!.. Это ужь слишкомъ!..“ злобно бормоталъ онъ, стиснувъ зубы, а разсудокъ межъ тѣмъ скромно подшептывалъ въ это самое время простой вопросъ: „чѣмъ же ты это, любезный другъ, имъ докажешь?“ И досадливая злоба еще пуще подступала къ его сердцу.

Онъ долго не могъ уснуть. Все одна и та же оскорбительная мысль, все то же злобное чувство, даже и въ коротком, перерывчатомъ снѣ, не давали ему покоя.

IX. Студентскій день.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, онъ поѣхалъ къ Горевымъ.

Татьяна Николаевна сразу замѣтила что ему какъ-то не по себѣ.

— Что съ вами нынче? почти на первомъ же словѣ спросила она.

— А вотъ, прочтите и узнаете, отвѣтилъ онъ, подавая вчерашнее письмо.

Та развернула бумагу и быстро принялась читать. По ея лицу можно было видѣть какое впечатлѣніе производитъ на нее это посланіе.

— Какія мерзости! вырвалось у нея съ негодованіемъ, когда она дочла до послѣдней строки:—неужели это правда? Неужели и у васъ такія нелѣпости распространяются такъ же легко и быстро какъ въ Славнобубенскѣ?

— А что жь, мудренаго нѣту!

— Но послѣ этого мало-мальски самостоятельному человѣку просто жить нельзя! Чуть высказалъ мнѣніе несогласное съ большинствомъ—сейчасъ шпіонъ, сейчасъ подлецъ! Да это хуже всякаго рабства!

Хвалынцевъ пожалъ плечами.

— Устиновъ правъ: среда, дѣйствительно, тотъ же палачъ

и деспотъ, тихо сказалъ онъ:—какъ ее ни презирай, а она, помимо твоего презрѣнія, дастъ-таки почувствовать себя слишкомъ чувствительнымъ образомъ.

Татьяна Николаевна остановилась въ какой-то внутренней, сосредоточенной борьбѣ со своимъ собственнымъ раздумьемъ. Рѣшить ли такъ, или эдакъ? высказывалось въ ея взорѣ, въ ея суровой морщинѣ надъ бровями, въ ея медленномъ и рѣдкомъ подергиваніи углами губъ. Видно было, что обвиненіе павшее на Хвалынцева слишкомъ успѣло задѣть ее за живое.

— Послушайте, Константинъ Семеновичъ! рѣшительно подняла наконецъ она на него свои глаза:—хоть это все и мерзость, и глупость, но... мнѣ кажется, оставлять безъ вниманія такія вещи не должно. Ваше имя, ваша честь должны стоять слишкомъ высоко! Они не должны ни минуты оставаться подъ какою бы то ни было тѣнью!

— Что жь прикажите дѣлать? горько улыбнувшись, спросилъ онъ.

— Что дѣлать? быстро и оживленно подхватила дѣвушка:—прежде всего разъяснить это дѣло. Можетъ-быть, все это не болѣе какъ плоская шутка какого-нибудь благопріятеля, не слишкомъ разборчиваго на средства; въ такомъ случаѣ наказать его за это, выставить его поступокъ на позоръ товарищей.

— О, помилуйте! до того ли имъ теперь! перебилъ студентъ.—Въ университетѣ идетъ дѣло поважнѣй моего личнаго самолюбія. Да и едва ли шутка: мы, надо сознаться, слишкомъ скоры на самые рѣшительные приговоры.

Горева снова задумалась.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что: уважаете вы вашихъ товарищей, или нѣтъ? Уважаете вы общее мнѣніе студентской массы?

— Вопросъ даже излишній, возразилъ Хвалынцевъ: — я самъ студентъ.

— Значитъ, уважаете, утвердительно заключила дѣвушка.— Ну, такъ поѣзжайте сейчасъ же на сходку! Сейчасъ поѣзжайте! Тамъ вы сами воочію убѣдитесь на сколько тутъ правды, и если *да*, то постарайтесь своимъ поведеніемъ доказать товарищамъ что они на вашъ счетъ заблуждаются. Поѣзжайте! Вотъ вамъ рука моя на счастье.... Я буду ждать васъ....

Хвалынцевъ съ любовью и благодарностью поцѣловалъ протянутую ему руку и отправился на сходку.

Подъѣзжая къ университету, онъ еще издали увидѣлъ огромную толпу, запрудившую всю набережную. Въ этой толпѣ пестрѣла самая разнообразная публика, сѣрѣли ряды войска, надъ которыми виднѣлись тонкія, частыя иглы штыковъ; нѣсколько гарцующихъ на мѣстѣ всадниковъ замѣтно выдавались надъ головами; еще далѣе — стройный рядъ конныхъ жандармовъ.... Все это могло бы предвѣщать нѣчто недоброе, еслибы частое повтореніе подобныхъ явленій за послѣднее время не пріучило студентовъ смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто весьма обыкновенное, въ родѣ необходимой декораціи при театральной комедіи.

Хвалынцевъ расплатился съ извощикомъ и спѣшно отправился пѣшкомъ по набережной. Квартальный надзиратель и нѣсколько полицейскихъ пропустили его безпрепятственно. Онъ уже съ трудомъ пробирался между рядами солдатъ съ одной стороны и массою публики съ другой, какъ вдругъ дорога ему была загорожена крупомъ строевой лошади. На сѣдлѣ красовался какой-то генералъ.

— Негодяи, говорилъ онъ, показывая на студентовъ,—надо дать имъ хорошій урокъ.

Вся кровь бросилась въ голову Хвалынцева.

— Ваше превосходительство! крикнулъ онъ: — будьте поразборчивѣе въ вашихъ выраженіяхъ!

Генералъ повернулся, желая поймать голосъ осмѣлившійся встрѣтить его слова столь громкимъ протестомъ.

Нѣсколько человѣкъ впереди публики, видимо интересовавшіеся Хвалынцевымъ, разомъ оттерли его и скрыли въ толпѣ. Хвалынцевъ рванулся было впередъ, но его задержали и, закрывая, продолжали оттирать назадъ.

Отчасти сконфуженный генералъ шагомъ поѣхалъ далѣе, къ университету.

Хвалынцевъ, съ трудомъ пролагая себѣ дорогу въ толпѣ, отправился въ томъ же направленіи. Вотъ засинѣли предъ нимъ студентскіе околыши, вотъ уже онъ примкнулъ къ ихъ толпѣ. На сердцѣ у него было такъ смутно и такъ тревожно: онъ не зналъ какъ отнесутся теперь къ нему его товарищи; онъ втайнѣ боялся за свое доброе имя и сознавалъ что минута встрѣчи съ ними должна быть роковою, что

послѣ нея нужно рѣшиться на что-нибудь такое, что̀ бы сразу разубѣдило ихъ, разсѣяло всѣ предубѣжденія. Но чѣмъ именно должно быть это *что-нибудь такое*, въ чемъ оно должно заключаться?—студентъ не зналъ и не могъ еще дать самому себѣ яснаго отчета; онъ только былъ твердо увѣренъ что *что-нидудь такое* онъ сдѣлаетъ, что оно будетъ, и будетъ непремѣнно. У страха глаза велики, говоритъ пословица. У предубѣжденнаго въ какую-либо сторону человѣка они точно такъ же велики, а Хвалынцевъ явился сюда уже предубѣжденнымъ, настроеннымъ въ извѣстномъ направленіи, и потому былъ способенъ видѣть въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ пожатіи руки, въ каждомъ словѣ и движеніи знаменательное для себя явленіе, — явленіе направленное противъ его личности въ дурную, враждебную сторону. Можетъ-быть, въ сущности, многаго изъ того что̀ ему казалось вовсе и не было, но ужь онъ-то самъ, по внутреннему настроенію, склоненъ былъ глядѣть на все преувеличенными глазами и объяснять себѣ все такъ, какъ подсказывало ему его собственное, болѣзненное чувство. Ему показалось что на него весьма многіе стали вдругъ косо глядѣть, что нѣкоторые какъ будто уклонились отъ встрѣчи съ его взглядомъ, отъ его поклона, что самыя рѣчи какъ будто становились сдержаннѣе при первомъ его появленіи въ томъ или другомъ мѣстѣ толпы. Болѣзненное чувство досады и незаслуженнаго оскорбленія подымалось въ его душѣ, а на подобное настроеніе очень много повліяла также и дурно проведенная ночь, и возбужденіе нервовъ, и неожиданное столкновеніе съ ораторствовавшимъ генераломъ. „А вѣдь струсилъ, подло струсилъ“, самъ себя упрекалъ въ душѣ Хвалынцевъ:— „слѣдовало бы не прятаться въ толпѣ, а выйти прямо къ нему и честно сказать: „это я сказалъ!“ а я почти безпрепятственно позволилъ оттереть себя.... Арестовали бы — ну, и пускай!... Тогда бы, по крайней мѣрѣ, всѣ знали, всѣмъ бы было извѣстно....“

„И все вздоръ! И никто бы не зналъ, и никому не было бы извѣстно!“ слѣдовалъ въ немъ новый потокъ мыслей:— „то было бы тамъ, а *они* здѣсь, откуда жь бы узнали *они*? Никто изъ нихъ этого и не увидѣлъ бы.... Доказать.... Но чѣмъ доказать.... Нужно, необходимо нужно что-то такое сдѣлать, чтобы всѣ видѣли, чтобы всѣ поняли.... Но что̀ такое сдѣлать?... Что̀ именно нужно?...“

Чѣмъ болѣе поддавался Хвалынцевъ этимъ мыслямъ, тѣмъ все смутнѣе и тяжеле становилось ему, и онъ вдругъ какъ-то почувствовалъ себя одинокимъ, чужимъ, лишнимъ среди этой толпы товарищей, отторгнутымъ отъ нея членомъ, отторгнутымъ вслѣдствіе какого-то тайнаго, невѣдомаго, высшаго приговора. Ему стало очень горько и больно; досада и злость, и сознаніе своего одиночества, своего безсилія, еще пуще стали сжимать и щемить его душу.

„Какъ я приду *къ ней*? Что я скажу *ей*?... Она вѣдь ждетъ меня, она сама, можетъ, такъ же страдаетъ", думалось ему. „Нѣтъ, надо *сдѣлать*!... надо сейчасъ доказать имъ.... Но, Господи! Что же я сдѣлаю!... О, будь толпа за меня, будь я по-прежнему безъ малѣйшей тѣни въ ея глазахъ, я былъ бы силенъ ею.... я все бы сдѣлалъ тогда, все было бы такъ легко и такъ просто.... а теперь — чортъ знаетъ! — словно связанъ по рукамъ и ногамъ, словно паутиной какой-то спутанъ...."

— Господинъ Хвалынцевъ! Господинъ Хвалынцевъ! послышался вдругъ ему чей-то дружелюбный, привѣтливый голосъ.

Константинъ Семеновичъ обернулся на зовъ и увидѣлъ на тротуарѣ набережной, между массой публики, Василія Свитку, который, улыбаясь, махалъ ему рукой.

Хвалынцевъ, погруженный въ свои тяжелыя думы и ощущенія, обрадовался этому голосу, будто какому-то спасительному, благовѣстному звуку. Онъ поспѣшилъ пробраться къ Свиткѣ, съ чувствомъ, весьма близкимъ къ чувству утопающаго, которому вдругъ представляется доска или сучокъ прибрежнаго кустарника.

Свитка стоялъ въ рядахъ публики, но нѣсколько человѣкъ его сосѣдей, какъ показалось Хвалынцеву, составляли какъ будто особую кучку знакомыхъ между собою людей. Тутъ былъ и Шишкинъ, и Лѣсницкій, физіономія котораго показалась студенту нѣсколько знакомою: онъ вспомнилъ что видѣлъ, кажись, этого самаго господина вмѣстѣ со Свиткой, и въ университетѣ однажды, и въ тотъ день когда въ условленные часы гулялъ по Невскому.

Кромѣ этого господина, тутъ же стояло нѣсколько офицеровъ, между которыми особенно выдѣлялась фигура капитана генеральнаго штаба съ очень умнымъ, энергическимъ лицомъ. Этотъ капитанъ разговаривалъ съ блондиномъ чиновничьей наружности, очень скромнымъ и приличнымъ на

видъ. Нѣсколько выдвинутая впередъ нижняя челюсть и тонкія, подобранныя и сжатыя губы, несмотря на общую болѣзненность физіономіи, придавали его лицу какое-то презрительное и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическое, твердое выраженіе рѣшимости и силы. Это лицо было изъ тѣхъ что невольно останавливаютъ на себѣ нѣкоторое вниманіе. Онъ стоялъ въ распахнутомъ, бобровомъ пальто, и между развернувшимися бортами его кацне Хвалынцевъ замѣтилъ какой-то орденъ на его шеѣ. Несмотря на то что сѣрые глаза его дышали наглостью, общее выраженіе ума и энергіи, вмѣстѣ съ изящною скромностью манеры держать себя, имѣло въ себѣ нѣчто подкупающее и даже располагающее въ его пользу.

— А молодцы матрикулисты! ей-Богу молодцы! не безъ увлеченія похвалилъ Свитка, дружелюбно пожимая руку Хвалынцева.

— А что такъ? спросилъ этотъ.

— Да какъ же! Собрали сходку и торжественно изорвали свои матрикулы.... Это — фактъ утѣшительный! Нематрикулисты хотѣли помѣшать лекціямъ, но оказалось что и мѣшать нечему: все само собою сдѣлалось какъ не надо лучше.

Хвалынцевъ съ высоты тротуара оглядѣлъ толпу. Болѣе двухсотъ студентовъ-матрикулистовъ стояли отдѣльною группой; человѣкъ полтораста, изъ невзявшихъ матрикулъ, помѣщались неподалеку отъ нихъ.

Вдругъ раздалось:

— Впередъ!... Обходи!

И рота солдатъ двинулась на толпу матрикулистовъ. Съ другой стороны ее окружили конные жандармы. Среди крика, шума и свалки послышались удары и вопли.

Вдругъ Хвалынцевъ замѣтилъ что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него грохнулся на мостовую человѣкъ. Онъ вглядѣлся и узналъ знакомаго: то лежалъ одинъ кандидатъ университета, кончившій курсъ нынѣшнею весной. Лицо его было облито кровью. Первымъ движеніемъ студента было броситься къ нему на помощь, но чья-то сильная рука предупредила его порывъ.

— Останьтесь!... Куда вы!?.. Бога ради останьтесь! шепталъ ему Свитка, крѣпко ухвативъ его подъ руку.

Хвалынцевъ отъ сильнаго волненія не могъ выговорить ни слова, и только взглядомъ и жестами показывая на окровавленнаго человѣка, все порывался къ нему.

Въ это время двое солдатъ подняли лежачаго и подсобили ему держаться на ногахъ, а одинъ даже обмахнулъ обшлагомъ грязь съ полы его пальто. Очевидно подъ впечатлѣніемъ сильной боли, онъ плохо сознавалъ что̀ дѣлается вокругъ него и несвязно бормоталъ какія-то слова. Солдаты, подхвативъ его подъ руки, утащили куда-то.

Солдаты окружили и оттѣснили на нѣкоторое разстояніе толпу матрикулистовъ. Лежащихъ тотчасъ же подняли и отправили въ госпиталь.

— Въ крѣпость!... Маршъ! скомандовалъ кто-то изъ начальства.

И толпа матрикулистовъ, окруженная конвоемъ, двинулась съ мѣста.

— Берите и насъ!... Арестуйте и насъ вмѣстѣ съ ними! Мы хотимъ быть съ нашими товарищами! раздались вдругъ крики изъ особой толпы нематрикулистовъ,—и вся она хлынула впередъ, на соединеніе съ арестованными.

Конвой разступился и безпрепятственно допустилъ это соединеніе.

Хвалынцевъ снова бросился впередъ.

— Да куда же вы, наконецъ?!.. Куда вы! съ досадой остановилъ его Свитка.

— Пустите! рванулся тотъ отъ него локтемъ: — мое мѣсто тамъ.... вмѣстѣ съ ними.... Оставьте меня!

— Не оставлю! спокойно возразилъ Свитка: — прежде всего—это глупо!... Что̀ за неумѣстное донъ-кихотство!...

— Какое вамъ дѣло до меня!... Мнѣ не нужно нянекъ!... Пустите же, говорю вамъ!

И онъ успѣлъ вырваться изъ-подъ руки Свитка и кинулся впередъ.

Какой-то городовой налетѣлъ на него, и ухвативъ за шиворотъ, потащилъ къ арестованной толпѣ. Хвалынцевъ не противился.

— Оставить!... Пусти его, каналья! строго начальственнымъ тономъ проговорилъ въ эту самую минуту капитанъ генеральнаго штаба, подоспѣвшій на выручку вмѣстѣ съ двумя-тремя офицерами, которые доселѣ стояли въ толпѣ, около Свитка.

Городовой тотчасъ же выпустилъ шиворотъ Хвалынцева, и почтительно вытянувшись предъ офицерами, спѣшно взялъ руку подъ козырекъ.

Двое изъ нихъ въ ту жь минуту подхватили подъ руки студента и, почти насильно, оттащили его въ толпу народа, на тротуаръ набережной.

А въ это время студенты подъ конвоемъ успѣли уже двинуться далѣе.

Хвалынцевъ, слишкомъ много перечувствовавшій и перестрадавшій въ эту ночь и въ это утро, взволнованный, раздраженный и возмущенный видомъ стычки, видомъ крови, наконецъ не выдержалъ. Ощущенія его за все это время были слишкомъ сильны и слишкомъ тягостно-разнообразны. Отворотясь отъ толпы, онъ облокотился на гранитныя перила набережной, судорожно закрылъ лицо руками и нервно зарыдалъ. Это были рыданія болѣзненнаго озлобленія.

— Полноте.... успокойтесь, тихо говорилъ ему Свитка, облокотившійся рядомъ съ нимъ на перила.

— Оставьте, говорю! злобно прошипѣлъ студентъ: — чего вамъ отъ меня надо?... Кто васъ просилъ мѣшаться?... По какому праву?...

— По праву товарища, спокойно пояснилъ Свитка.

— Вы мнѣ не товарищъ.... Мои товарищи тамъ.... А я не съ ними!...

— Ну, а кого жь бы вы особенно удивили, еслибы были съ ними? съ дружескою насмѣшкой возразилъ Свитка:—Эхъ, господинъ Хвалынцевъ! Донъ-кихотство вещь хорошая, да только не всегда!... Я возмущенъ, можетъ-быть, не менѣе, но.... если мстить, то мстить разумнѣе, прибавилъ онъ шепотомъ и очень многозначительно:—быть бараномъ въ стадѣ еще не велика заслуга, коли въ человѣкѣ есть силы и способность быть вожакомъ....

Хвалынцевъ окинулъ его недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Полноте, успокойтесь, говорю вамъ, продолжалъ Свитка: — первый актъ траги-комедіи, можно сказать, конченъ.... ну, и слава Богу!... Полноте же, будьте мущиной!... Пойдемте ко мнѣ и потолкуемъ о дѣлѣ.... Я довезу васъ.... Я не отпущу васъ теперь одного: вы слишкомъ взволнованы, вы можете надѣлать совершенно ненужныхъ глупостей. Давайте вашу руку!

Въ тонѣ Василія Свитки было столько чего-то авторитетнаго, столько спокойствія и благоразумнаго сознанія своего права и силы, и рѣшительности, что Хвалынцевъ, успѣвшій

уже до извѣстной степени нравственно ослабѣть подъ ударами столькихъ впечатлѣній, почти безпрекословно подчинился волѣ этого новаго и неожиданнаго ментора.

Свитка наналъ извощика и повезъ Хвалынцева на свою квартиру, въ 18-ю линію Васильевскаго Острова.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

(*До слѣд.* №).

УЧРЕЖДЕНІЕ

АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ

У ТУРЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ *

(ИЗЪ ИСТОРІИ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

V.

Для иноковъ Славскаго монастыря, питавшихъ надежду что на соборномъ совѣщаніи 8-го іюля должно послѣдовать окончательное рѣшеніе вопроса о бѣлокриницкомъ священствѣ, неудачный исходъ этого новаго собора былъ событіемъ заслуживавшимъ полнаго вниманія. И какъ только депутаты некрасовскихъ обществъ и разныя лица, присутствовавшія на соборномъ засѣданіи, оставили монастырь, настоятель инокъ Макарій и прочіе славскіе отцы, вмѣстѣ съ журиловскими и нѣкоторыми другими сторонниками бѣлокриницкой іерархіи, приступили къ совѣщанію что́ имъ остается предпринять теперь и какъ должно повести дѣло. Вразумить и привлечь на свою сторону противниковъ іерархіи не оставалось никакой надежды: только что прекратившіяся пренія служили тому очевиднымъ доказательствомъ; не подлежало сомнѣнію, что рѣшеніе дѣла они отложили до Покрова только съ намѣреніемъ оттянуть его и запутать. Съ другой стороны имѣлось въ виду что и они сами, приверженцы бѣлокриницкой іерархіи, теперь не такъ малосильны, чтобы нельзя

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.

было однимъ открыть сношенія съ митрополіей по вопросу о священствѣ. Итакъ, не взирая на силу и упорство противниковъ, не начать ли дѣло однимъ, — не приступить ли къ избранію лицъ на священныя степени? Представлялись нѣкоторыя затрудненія къ поставленію епископа при такомъ раздѣленіи народа, долженствовавшаго составить его паству; но ничто не могло препятствовать поставленію священниковъ и діаконовъ для самой обители Славской. Итакъ, не избрать ли и не отправить ли въ Бѣлую-Криницу достойныхъ изъ числа братіи по крайней мѣрѣ для поставленія въ священническій и діаконскій чинъ? Вотъ о чемъ держали совѣтъ славскіе отцы по отъѣздѣ сарыкойскихъ и прочихъ некрасовскихъ депутатовъ, враждебныхъ бѣлокриницкому священству. Цѣлая ночь прошла въ этихъ совѣщаніяхъ; къ утру послѣдовало рѣшеніе—отправить въ митрополію для поставленія во священники и діаконы двухъ достойныхъ иноковъ, которые и были немедленно избраны. „9-го числа сего іюля,—писали старцы Славскаго монастыря,—съ возсіяніемъ солнца возсіяла въ сердцахъ нашихъ благодать Божія, не взирая на всѣ развраты противниковъ нашихъ, и сдѣлали братскій совѣтъ—избрать себѣ духовника изъ братіи нашей, и съ Божіей помощію избрали изъ среды себя двухъ иноковъ: перваго Аркадія, постриженника отца Дороѳея, во священники, и втораго Іакова, въ діаконы.“ * Въ тотъ же день изъ Славскаго монастыря дано было знать о состоявшемся рѣшеніи не только журиловскому обществу, изъявившему особенное усердіе къ принятію бѣлокриницкаго священства, но и въ другія некрасовскія общества—сарыкойское, славское, каменское, людямъ извѣстнымъ своею расположенностію къ новоучрежденной іерархіи. Всѣ одобряли предпріятіе славскихъ отцовъ, желали ему благополучнаго окончанія и спѣшили дѣлать посильныя приношенія на необходимые по сему случаю расходы; а журиловское общество, кромѣ того, въ надеждѣ имѣть и собственнаго священника, рѣшилось приступить къ устроенію церкви въ своей слободѣ.

Вообще сторонники бѣлокриницкой іерархіи теперь ликовали, какъ будто одержавъ побѣду надъ противниками,—„всѣ радовались по великомъ безнадежіи, ибо предъ симъ пришли

* Прошеніе, поданное Амвросію славскими отцами, 23-го іюля 1847 г.

въ великое уныніе въ страшныхъ отъ раздорныхъ лицъ сопротивленіяхъ".* Въ этомъ благодушномъ настроеніи духа они придумали, что напрасно дѣлаютъ дѣло въ половину, что слѣдуетъ теперь же, какъ было предположено съ самаго начала, приступить къ избранію и епископа для всѣхъ некрасовскихъ слободъ. Полагали, что противная партія не можетъ, да едва ли и рѣшится воспрепятствовать этому дѣлу; притомъ же разчитывали, что новопоставленный епископъ удобнѣе можетъ подѣйствовать и на сумнящихся, которыхъ посему и положили „предоставить промыслу Божію и попеченію пастыря, коего опредѣлитъ имъ Господь". **

Для избранія епископа назначено было въ Славскомъ скиту общее собраніе. „По истеченіи нѣсколькихъ дней по избраніи двухъ чиновъ,—писали славскіе отцы,—внезапу во всѣхъ нашихъ единодушныхъ братіяхъ, какъ въ иночествующихъ, такъ равно и въ мірскихъ, воспылало прежнее усердіе—имѣть намъ у себя епископа, о чемъ все время подвизались. Посему и паки собрались на таковое согласіе 20-го числа іюля мѣсяца, на память святаго и славнаго пророка Иліи." ***

Собраніе происходило въ скитскомъ „молитвенномъ храмѣ"; присутствовали, кромѣ иноковъ Славскаго скита, избранныя лица отъ обществъ журиловскаго, славскаго, сарыкойскаго и другихъ. По открытіи засѣданія, журиловскіе старики обратились съ просьбой къ настоятелю иноку Макарію, чтобы принялъ на себя званіе епископа всѣхъ некрасовскихъ старообрядскихъ слободъ. Эта честь была предложена Макарію какъ начальному изъ старцевъ и достойному уваженія за простоту нрава и добрую жизнь; но способнымъ къ архіерейскому служенію, которое требовало, даже по понятіямъ Некрасовцевъ, и ума, и знанія правилъ церковныхъ, и способности къ управленію, едва ли кто считалъ его, а самъ онъ—менѣе всѣхъ. Макарій благодарилъ за честь, но отъ епископства рѣшительно отказался, подъ предлогомъ своей болѣзненности. Тогда его же, какъ предсѣдателя, начали просить чтобъ указалъ достойнаго человѣка на сію высокую степень, — благословилъ, кого имъ

---

* Тамъ же.

** Прошеніе, поданное Амвросію журиловскимъ обществомъ.

*** Прошеніе Амвросію, 23-го іюля 1847 г.

слѣдуетъ выбрать. Старецъ Макарій всталъ съ мѣста, и указавъ на Аркадія, бывшаго настоятеля Лаврентьева монастыря, сказалъ: „вотъ мужъ сильный понести иго епископства,—его убѣждайте!“ Здѣсь инокъ Макарій высказалъ только общее желаніе присутствующихъ, которое, безъ сомнѣнія, ему было извѣстно и которое самъ онъ раздѣлялъ вполнѣ,—онъ только назвалъ человѣка, уже всѣми предназначеннаго въ епископы, ибо по общему и справедливому мнѣнію, во всемъ братствѣ Славскаго монастыря не было никого способнѣе Аркадія стать во главѣ новоучреждаемаго некрасовскаго духовенства, особенно при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, которыя требовали отъ будущаго епископа много ума и твердости характера чтобъ устроить и привести въ порядокъ церковныя дѣла. Итакъ предложеніе инока Макарія было встрѣчено общимъ сочувствіемъ: „возгласила вся братія,—пишутъ участники этого собора, — возгласилъ весь міръ, всѣ единодушно возгласили (обращаясь къ Аркадію): буди намъ пастырь и вождь ко спасенію!“ *

Нѣтъ сомнѣнія, что пріобрѣтеніе епископства уже тогда составляло предметъ желаній для инока Аркадія, который былъ вообще неравнодушенъ къ власти и почестямъ: соборное прошеніе, притомъ же столь единогласно и усердно предложенное, не могло такимъ образомъ встрѣтить противодѣйствія съ его стороны, и онъ, конечно, не замедлилъ бы дать свое согласіе. Но въ его жизни было обстоятельство, составлявшее, по силѣ каноническихъ правилъ, одно изъ существенныхъ препятствій къ принятію архіерейскаго сана, которое инокъ Аркадій и считалъ необходимымъ поставить на видъ собору своихъ избирателей, не безъ надежды однакоже, какъ по всему видно, что въ отношеніи къ нему это обстоятельство не будетъ признано препятствіемъ *непреодолимымъ*. Въ молодыхъ лѣтахъ, живя въ Кременчугѣ, Аркадій женился. Потому ли что онъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, какъ утверждаютъ нѣкоторые,** или потому что пробудилась въ немъ сильная наклонность къ иночеству, которая дѣйствительно была въ его характерѣ, только, поживъ нѣсколько лѣтъ съ женою, Аркадій ушелъ въ

* Прошеніе журналов. общ.

** См. П. И. Мельникова *Очерки поповщины* (*Русск. Вѣст.* 1867 г. № 2, стр. 645.)

монастырь, склонивъ къ тому же и свою супругу, которая была еще жива въ то время, когда началось дѣло объ избраніи Аркадія въ епископы. Все это однакоже не могло служить препятствіемъ для Аркадія принять епископскій санъ: препятствіе заключалось въ томъ что жена его, до вступленія съ нимъ въ бракъ, уже находилась въ супружествѣ, что онъ былъ женатъ на вдовѣ; а таковыхъ церковныя правила рѣшительно воспрещаютъ производить не только въ архіерейскій санъ, но даже во священники и діаконы.* Имѣя въ виду эти правила, которыя ему хорошо были извѣстны, Аркадій могъ бы съ твердою рѣшительностью отклонить сдѣланное ему предложеніе, даже не входя въ объясненіе побуждающей къ тому причины, о которой, надобно замѣтить, онъ и вообще не любилъ говорить. Но снѣдаемый желаніемъ епископства, и руководясь любимою старообрядскою мыслію, что въ настоящія, гонительныя для церкви, *нужныя* времена можетъ быть и *закону препятженіе*, онъ питалъ надежду, что и правила, возбраняющія ему принятіе архіерейскаго сана, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, признаны будутъ также подлежащими *препятженію, удобообходимыми*. Вотъ почему онъ и рѣшился откровенно объяснить своимъ избирателямъ „богословныя вины", возбраняющія ему безпрекословно принять ихъ предложеніе.

Итакъ, подобно старцу Макарію, инокъ Аркадій сталъ отклонять отъ себя избраніе на епископство, но не по слабости здоровья, а по недостоинству, и исповѣдалъ предъ собо-

---

* Именно, 18 пр. Свв. Апостолъ гласитъ: „Пущеницу, или рабу, или *вдовицу*, или плясавицу поимъ, не священникъ есть." Толкованіе: „Аще кто... вдовицу поиметъ, таковый въ священническій чинъ не можетъ пріятъ быти." Правило это подтверждено и ограждено въ послѣдствіи новыми постановленіями, вошедшими въ составъ Кормчей. Такъ въ старопечатной Кормчей, въ статьѣ: *Отъ свитка новыхъ заповѣдей Іустиніана царя*, подъ числомъ 2-мъ, содержится заповѣдь: „заповѣдуемъ убо, *божественнымъ вину послѣдующе правиломъ*, егда кто на поставленіе епископства приводится... да не будетъ съ женою живый, или жену убо имый, не дѣвою къ нему пришедшу, или вдовицу". То же подтверждено въ заповѣдяхъ подъ числомъ 28 и 48. Въ послѣдней говорится: „аще чтецъ вторую жену поиметъ, или первую убо вдовицу.... ктому во инъ церковный степень да не видитъ. Аще же въ кій-либо большій видитъ степень, да извержется".

ромъ истинную причину, ради которой считаетъ себя недостойнымъ такого избранія. Для большинства присутствовавшихъ это признаніе было, конечно, новостью; но многіе, особенно выходцы Лаврентьева монастыря, давно знали важнѣйшія обстоятельства Аркадіевой жизни. И если первые были нѣсколько смущены услышанною ими новостью, то эти послѣдніе, съ своей стороны, поспѣшили смягчить для нихъ силу впечатлѣнія. Самъ инокъ Макарій, очевидно предупрежденный относительно настоящаго случая, сталъ говорить, что вина Аркадія вѣры не касается, а есть точію „грѣховная", подлежащая прощенію, почему и препятствіемъ для него къ пріятію епископства поставлена быть не можетъ, особенно если взять во вниманіе настоящія обстоятельства, когда для „христіанъ некрасовскихъ" нуженъ именно пастырь, подобный Аркадію. Но съ важнѣйшими доводами въ извиненіе Аркадія и къ убѣжденію его принять епископскій санъ выступилъ „великій книгчій" — инокъ Евфросинъ. Онъ доказывалъ, что въ настоящее время церковь существуетъ не на „обдержныхъ правилахъ", и потому нынѣ руководствоваться церковными правилами въ полной ихъ силѣ никакъ невозможно: слѣдственно и правила относящіяся къ представленному Аркадіемъ обстоятельству удобно могутъ быть устранены въ настоящемъ случаѣ, ради нужныхъ обстоятельствъ, особенно если послѣдуетъ на то общее соборное рѣшеніе. Вообще, по собственному свидѣтельству славскихъ иноковъ, „въ отвѣтъ на объявленныя отъ Аркадія нѣкія богословныя вины, которыя возбранили ему принять епископскую должность, были представлены еще важнѣе его причины, по коимъ можно имѣть ему на сей предметъ разрѣшеніе". Но Аркадій, повидимому, оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи — не принимать архіерейства. Противъ доводовъ Евфросина онъ замѣтилъ, между прочимъ, что хотя Славскій соборъ судитъ снисходительно о его дѣлѣ, но, быть-можетъ, совершенно иначе взглянетъ на это дѣло соборъ Бѣлокриницкій, отъ котораго собственно и зависитъ поставленіе его въ епископскій санъ. Евфросинъ отвѣтилъ что онъ самъ поѣдетъ въ Бѣлую Криницу и лично объяснится съ отцомъ Павломъ. „Надѣюсь на щедроты Божія, — прибавилъ онъ, — что посредствомъ всеосвященнаго собора сіе дѣло разрѣшено будетъ, поелику имъ во всемъ дана власть отъ Бога вязати и рѣшити." Къ этому настоятель инокъ Макарій съ братіей присоединили и свое моленіе,—

„всѣи вообще рекли ему: возложи, отче, все сіе недоумѣніе, вкупѣ и немощь свою, на Бога и на Пречистую Его Матерь, Заступницу роду христіанскому, которая едина можетъ все наше недоумѣніе разрѣшить, и немощи наши понести, и все наше намѣреніе во благое произвесть.“ * Наконецъ и весь народъ, увлеченный этимъ умилительнымъ преніемъ между просящими и отрицающимся, приступивъ къ Аркадію, воскликнулъ: „грѣхи твои, отче, на насъ да будутъ,—мы за тебя отвѣтствуемъ“. Что Евфросинъ будетъ сопровождать ставленниковъ въ Бѣлую Криницу, это Аркадію уже было извѣстно, какъ дѣло заранѣе условленное: на его поддержку, да еще на расположеніе инока Павла онъ и разчитывалъ главнымъ образомъ, когда рѣшился принять архіерейство и съ этою именно цѣлію предложить на соборное разсужденіе существовавшее къ тому препятствіе. На соборѣ Славскомъ дѣло прошло вполнѣ удовлетворительно, что́ уже ручалось и за вѣрный успѣхъ его на соборѣ Бѣлокриницкомъ,— и вотъ Аркадій, какъ бы уступая только общему усердному моленію, послушанія ради, далъ послѣдній отвѣтъ: „буди воля Господня и святыхъ отецъ молитва!“ **

Такъ послѣдовало въ Славскомъ скиту избраніе епископа всѣхъ некрасовскихъ старообрядскихъ слободъ, — и, говоря по справедливости, избранъ былъ человѣкъ наиболѣе способный управлять церковными дѣлами добруджинскихъ раскольниковъ. Теперь, по окончаніи этого важнаго дѣла, оставалось только отправить избранныхъ лицъ въ митрополію для произведенія въ назначенныя имъ степени, избравъ почетныхъ депутатовъ для сопровожденія ихъ и представленія митрополиту Амвросію. Отъ Славской обители депутатомъ уже вызвался ѣхать инокъ Евфросинъ; журиловское общество, какъ принимавшее особенно близкое участіе въ дѣлѣ, назначило собственно отъ себя двухъ „нарочитыхъ“ людей: старика Григорья Архипова и Исая Иванова; депутатами отъ прочихъ обществъ согласились ѣхать Савва Рукавишниковъ и братъ его Онисимъ Ивановъ съ сыномъ. Затѣмъ составлено было отъ всего собора общее прошеніе „высокопреосвященнѣйшему владыкѣ митрополиту Амбросію и его намѣстнику преосвященному епископу Кириллу, и строителю

* Прошеніе Амвросію.

** Прошеніе журилов. общества.

киновіи высокопреподобнѣйшему архимандриту отцу Геронтію, и смиренному и трудолюбивому отцу, иноку Павлу". Въ этомъ прошеніи изложена исторія избранія всѣхъ трехъ лицъ, представляемыхъ для возведенія въ священныя степени, и разумѣется, съ большою подробностью говорилось о томъ, какъ все братство и весь народъ умоляли Аркадія согласиться на принятіе епископства, не взирая на препятствующія тому „богословныя вины". „Итако, полагаясь на милость Божію и Его Пречистую Матерь", писано далѣе въ прошеніи, „отправляемъ отъ себя къ вашему всеосвященному собору сего, избраннаго промысломъ Вышняго себѣ пастыря, отца Аркадія и двоихъ иноковъ: отца Аркадія и отца Іакова, и просимъ освященную главу начальника собора высокопреосвященнѣйшаго владыку г. митрополита Амвросія, да возложеніемъ рукъ святительскихъ получатъ благодать Святаго Духа, а чрезъ нихъ и мы да получимъ грѣхамъ нашимъ разрѣшеніе и совершенное прощеніе. Тѣмъ же просимъ васъ: хиротонисай намъ, о святая главо! перваго въ епископа, а втораго въ священника, третьяго же въ діяконы, и помолися о насъ Господу Богу со всѣмъ Богомъ собраннымъ соборомъ, да процвѣтетъ и прозябнетъ милость Божія въ сердцахъ всѣхъ вѣрныхъ, подобно же да возсіяетъ свѣтъ въ сердцахъ во всѣхъ сопротивляющихся истинѣ, да и тіи съ нами въ единомъ согласіи пребудутъ, якоже были прежде, ихъ же врагъ діаволъ завистію отъ насъ отторгнулъ, да вси вкупѣ единодушно усты и сердцемъ прославимъ единаго надо всѣми Вседержителя Бога! Ему слава во вѣки, аминь." *

23-го числа это прошеніе было подписано славскимъ настоятелемъ иноком Макаріемъ и всѣмъ братствомъ, согласнымъ на пріятіе священства, также представителями

* Подлин. прошеніе въ Бѣлокр. арх. Оно переписано Евфросиномъ; но въ составленіи его, какъ можно судить по складу рѣчи, и самъ Аркадій принималъ участіе; на немъ есть даже собственноручныя помѣтки Аркадія. Такъ, напримѣръ: прошеніе имѣетъ эпиграфъ: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, воздвигнувый рогъ (намъ) *спасенія намъ въ дому Давыдовѣ отрока своего и прочее.*" Слова напечатанныя курсивомъ вписаны рукою Аркадія. Кромѣ того, на полѣ сдѣлана его же рукой слѣдующая замѣтка, относящаяся къ этому эпиграфу: „Сей ирмосъ пѣтъ журиловскими пѣвчими при началѣ сего дѣла".

обществъ: журиловскаго, славскаго и сарыкойскаго. * Отъ журиловскаго общества, кромѣ того, составлено было особое прошеніе на имя Амвросія, которое должны были вручить ему назначенные отъ нихъ депутаты. Журиловцы также излагали въ краткихъ словахъ исторію избранія Аркадіева и умоляли „высокопреосвященнѣйшую особу, куръ митрополита Амбросія, произвести имъ пастыря и учителя Христова стада словесныхъ овецъ, достопочтеннѣйшаго во иноцѣхъ отца Аркадія въ епископа". **

Снабженные этими прошеніями и напутствованные молитвами и благословеніями, депутаты, съ избранными на священныя степени лицами, отправились въ митрополію. Сюда они пріѣхали 9-го числа августа мѣсяца, и въ тотъ же день представлялись митрополиту Амвросію, которому вручили и привезенныя прошенія отъ обществъ. *** Выслушавъ переводъ прошеній и получивъ объясненіе о какихъ „богословныхъ винахъ", возбраняющихъ Аркадію принятіе архіерейскаго сана, идетъ рѣчь въ этихъ прошеніяхъ, Амвросій объявилъ, что по правиламъ церковнымъ, Аркадія дѣйствительно нельзя произвести ни въ какую священную степень, тѣмъ паче въ санъ архіерея, и что онъ, Амвросій, вопреки правиламъ, столь яснымъ и рѣшительнымъ, не поступитъ. Но такъ какъ избраніе Аркадія, яко достойнаго къ пріятію архіерейства,

* Отъ Сарыкойскаго общества подписаны: Вавила Петровъ, Іосифъ Семеновъ, Ефимъ Гапѣевъ, Алексѣй Гавриловъ Рогачевскій, Иванъ Трифоновъ, Артамонъ Каракашевъ. Впрочемъ, подписи всѣхъ этихъ лицъ не подлинныя: видно что въ прошеніи только хотѣли назвать главныя лица изъ всѣхъ трехъ обществъ, согласныя на принятіе священства.

** Прошеніе журиловск. общ. въ Бѣлокр. арх.

*** Въ *памятникѣ происходящихъ для Бѣлокриницкаго монастыря*, подъ 9-мъ числомъ августа 1847 года записано: „Прибыли сего числа изъ Турціи, отъ задунайскихъ некрасовскихъ старовѣрческихъ обществъ въ Бѣлокриницкій монастырь почтенные депутаты: изъ обители Славской иноковъ Евфросинъ; изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исай Ивановъ, изъ купцовъ Савва Ивановъ Рукавишниковъ и Онисимъ Ивановъ съ сыномъ, и представили г. митрополиту Амбросію, съ письменнымъ прошеніемъ отъ обители и обществъ, *трехъ* благоговѣйныхъ иноковъ: двухъ Аркадіевъ и Іакова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ старовѣрческихъ обществъ, перваго въ епископа, втораго въ священноиноковъ, а третьяго въ діакона."

учинено было въ Славскомъ монастырѣ по соборному рѣшенію, то Амвросій призналъ нужнымъ и теперь предоставить дѣло на разсмотрѣніе собора, о составленіи котораго и издалъ повелѣніе. * На мнѣніе Амвросія Аркадій и Евфросинъ сначала не обратили большаго вниманія, ибо знали что вся сила не въ Амвросіѣ, а въ инокѣ Павлѣ, что этотъ послѣдній управляетъ всѣми дѣлами по митрополіи и Амвросій безпрекословно подчиняется его указаніямъ; а на инока Павла они разчитывали смѣло, какъ на человѣка вполнѣ къ нимъ расположеннаго и умѣющаго оцѣнить соображенія и планы которыми они въ настоящемъ случаѣ руководились. Дѣйствительно, Павелъ принялъ самое живое участіе въ ихъ дѣлѣ, которое притомъ касалось такъ близко интересовъ новой, его трудами основанной и дорогой его сердцу іерархіи; лучшаго архіерея для Некрасовцевъ, какъ давно извѣстный ему инокъ Аркадій, онъ не могъ и желать; ему, конечно, было пріятно и то, что ищетъ епископскаго поставленія отъ митрополита Амвросія тотъ самый игуменъ Аркадій, который нѣкогда, и еще въ недавнее время, такъ недовѣрчиво и съ такими „сумнѣніями“ относился къ его предпріятію объ учрежденіи собственныхъ старообрядскихъ епископствъ: такая полная побѣда надъ человѣкомъ подобнымъ Аркадію могла служить вѣрнымъ залогомъ будущихъ успѣховъ бѣлокриницкаго священства во всемъ старообрядскомъ мірѣ. Относительно же препятствій къ произведенію Аркадія въ священныя степени, представляемыхъ каноническими правилами, Павелъ раздѣлялъ мнѣніе инока Евфросина что препятствія сіи, ради нужныхъ обстоятельствъ, можно признать не имѣющими силы, и питалъ увѣренность что соборъ Бѣлокриницкій, а затѣмъ и самъ митрополитъ Амвросій, съ своей стороны, мнѣніе это примутъ безъ прекословія. Но митрополитъ Амвросій на этотъ разъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: несмотря на представленныя ему объясненія и доводы относительно возможности отступленія отъ правилъ при настоящемъ случаѣ, онъ, съ замѣча-

---

* Въ *памятникѣ происходящихъ дѣлъ*, подъ тѣмъ же числомъ въ графѣ „послѣдовавшихъ рѣшеній“, записано: „По силѣ прошенія задунайскихъ депутатовъ г. митрополитомъ Амбросіемъ повелѣно быть собору для лучшаго разсмотрѣнія, и избранія, и поставленія задунайскимъ обществамъ епископа и послѣдующихъ.“

тельною въ его положеніи твердостью, держался своего первоначальнаго мнѣнія относительно Аркадія. Любимой раскольниками теоріи „случайныхъ или нужныхъ обстоятельствъ“, ихъ ученія о церкви, существующей „не по обдержнымъ правиламъ“, и тѣмъ не менѣе будто бы истинной и древлеправославной, Амвросій не принималъ и не понималъ (хотя самъ принятъ былъ старообрядцами въ силу этихъ именно ложныхъ теорій и ученій): церковныя правила ясно и рѣшительно повелѣваютъ не возводить въ священныя степени, „аще кто вдовицу пойметъ“,—и этихъ правилъ онъ не хотѣлъ нарушить даже для самого Аркадія, несмотря на всѣ его личныя достоинства. Таково было твердо выраженное мнѣніе Амвросія, мнѣніе, противъ котораго и соборъ Бѣлокриницкій идти не могъ. Надлежало повиноваться. Для Аркадія такой неожиданно-печальный исходъ его дѣла былъ, разумѣется, пораженіемъ чувствительнымъ, и въ послѣдствіи, когда заходила рѣчь объ этомъ событіи, онъ обыкновенно отзывался объ Амвросіѣ очень рѣзко и не обинуясь порицалъ его поступокъ; * теперь же, покоряясь обстоятельствамъ, онъ умѣлъ съ обычнымъ самообладаніемъ затаить нанесенную ему обиду, и радъ былъ что имѣлъ возможность отступить по крайней мѣрѣ не теряя своего достоинства, ибо могъ сказать что рѣшеніе Амвросія вполнѣ согласно съ его собственными желаніями и убѣжденіями, которыя онъ такъ рѣшительно заявилъ на соборѣ Славскомъ и которыми долженъ былъ пожертвовать только ради послушанія, покоряясь общесоборному желанію и всенароднымъ моленіямъ.... Не менѣе прискорбно было и задунайскимъ депутатамъ, что митрополитъ Амвросій не утвердилъ къ поставленію во епископы избранное и излюбленное ими лицо; но ихъ утѣшили тѣмъ, что епископа они все-таки имѣть будутъ, и что избраніе Аркадія устранено для ихъ же пользы, ибо для нихъ, при происходящемъ теперь раздорѣ въ некрасовскихъ селеніяхъ, особенно важно и необходимо имѣть такого епископа, который не могъ бы представить противной партіи ни малѣйшаго повода къ возраженіямъ относительно законности его

* Выше, въ одномъ изъ примѣчаній, мы привели уже отзывы Аркадія объ Амвросіи, вызванные именно сдѣланнымъ со стороны Кирилла напоминаніемъ, что митрополитъ Амвросій призналъ его, Аркадія, недостойнымъ къ пріятію архіерейства.

поставленія. Возвратиться безъ епископа, не довершивъ дѣла стоившаго такихъ тяжкихъ трудовъ, некрасовскимъ депутатамъ, разумѣется, было не желательно, да и сами бѣлокриницкія власти, въ интересахъ новоучрежденной іерархіи, допустить этого не могли. Итакъ, нужно было избрать новое лицо для поставленія въ епископы задунайскимъ старообрядцамъ. Выборъ остановился, какъ и слѣдовало ожидать, на другомъ инокѣ Аркадіи, прибывшемъ собственно для поставленія во священника. Митрополитъ Амвросій одобрилъ и безпрекословно утвердилъ этотъ выборъ. 11-го августа состоялось опредѣленіе—инока Аркадія Дороѳеева произвести по степенямъ во епископа, а инока Іакова поставить въ діаконы. *

15-го августа, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, Амвросій поставилъ Аркадія въ діакона; потомъ, 17-го числа, во священника (тогда же посвященъ въ діаконы инокъ Іаковъ); ** а въ слѣдующій воскресный день, 24-го августа, назначено было и поставленіе во епископа. Настала этотъ памятный для задунайскихъ раскольниковъ день. „Священноинокъ Аркадій, милостію Божіею нареченный во святѣйшую епископію богохранимаго мѣста Славы“, въ обычное время произнесъ архіерейскую присягу, гдѣ между прочимъ давалъ такое обѣщаніе, ставившее его въ зависимость отъ Бѣлокриницкой митрополіи: „Еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдати и ни единымъ же нравомъ противная

---

* Въ *памятникѣ происходящихъ дѣлъ* подъ этимъ числомъ записано: „*По благоусмотрѣнію* г. митрополита Амвросія и всего освященнаго собора, присуждено производить одного инока Аркадія Дороѳеева по степенямъ во епископа, инока же Іакова въ діакона, *а другій инокъ Аркадій сильно заболѣлъ.*“ Итакъ въ официальномъ документѣ, писавшемся „на память предбудущимъ родамъ“, инокъ Павелъ скрылъ истинную причину того, почему сей *другій инокъ Аркадій* не получилъ поставленія ни на какую священную степень, и даже для объясненія этого обстоятельства прибѣгъ ко лжи (мы увидимъ что подобную ложь онъ допустилъ даже въ ставленной грамотѣ епископа Аркадія): очевидно, по мнѣнію инока Павла, дѣло о поставленіи Аркадія Лаврентьевскаго въ епископы служило не къ чести этого послѣдняго, вообще принадлежало къ числу такихъ, о которыхъ онъ, инокъ Павелъ, считалъ полезнѣйшимъ не сообщать правду „предбудущимъ родамъ“.

** *Памятн. происх. дѣлъ.*

мудрствовати во всемъ животѣ своемъ, во всемъ послѣдуя и повинуяся преосвященному господину моему митрополиту бѣлокриницкому Амвросію.... И внегда позоветъ мя къ себѣ господинъ мой преосвященный митрополитъ бѣлокриницкій Амвросій, или въ случаѣ блюститель престола его, безъ всякаго извѣта и слова идти мнѣ на соборъ; хотя бы князь, или боляре, и удерживать мя хотѣли, отнюдь не буди мнѣ ослушатися повелѣнія господина моего митрополита бѣлокриницкаго Амвросія николи же.“ * Поставленіе во епископа совершилъ самъ Амвросій, отъ котораго потомъ Аркадій получилъ и ставленную грамоту за собственноручною его подписью. ** Въ этой грамотѣ, по содержанію совершенно сходной со всѣми выдаваемыми раскольничьимъ архіереямъ, *** собственно объ Аркадіи и возведеніи его на архіерейскую степень говорилось слѣдующее: „Азъ смиренный Амбросій митрополитъ, Божіимъ промысломъ удостоившійся удержавати новоучрежденный архіерейскій престолъ бѣлокриницкій, и подчиненныя сему престолу церкви не дремлющима очима посѣщати и укрѣплати, якоже подобаетъ, во спасеніе. А какъ древлеистинной христіанской нашей религіи цѣлыя общества находятся въ разныхъ государствахъ, и всѣ оныя, по особымъ сношеніямъ, предварительно во учрежденіе архіерейскаго престола въ Бѣлой-Криницѣ единодушно съ почтеніемъ согласовались: потому нынѣ, узнавъ совершенное учрежденіе сего престола, прибыли изъ Турецкой державы задунайскихъ казацкихъ обществъ депутаты *съ общественнымъ прошеніемъ, дабы изъ числа* присланныхъ вкупѣ съ ними, предъизбранныхъ на всеобщемъ соборѣ, тамошняго же Славскаго скита благоговѣйныхъ иноковъ *двухъ Аркадіевъ, который по благоусмотрѣнію нашему съ освящен-*

* Бѣлокр. арх.

** *Памятн. происх. дѣлъ:* „Священноинокъ Аркадій Задунайскаго Славскаго скита.... сего (24-го) числа г-мъ митрополитомъ поставленъ епископомъ богоспасаемаго мѣста Славы и всѣхъ задунайскихъ старовѣрческихъ обществъ.“ Въ другой графѣ: „Преосвященный епископъ Аркадій Славскій снабденъ ставленною грамотою за подписомъ самого г-на митрополита Амвросія, съ приложеніемъ его печати.“

*** Онѣ составлены по образцу ставленной грамоты Амвросія, съ которой въ Бѣлой-Криницѣ былъ сдѣланъ славянскій переводъ (Бѣлокр. арх.).

нымъ соборомъ окажется достойнѣйшимъ, того хиротонисать постепенно и поставить епископомъ славскимъ * и для всѣхъ прочихъ задунайскихъ слободъ, кои суть въ вѣрѣ согласны и единодушны, понеже они не имѣютъ у себя собственно своего законнаго духовнаго пастыря. *Вслѣдствіе чего* повелѣно отъ насъ быти правильному соборному разсмотрѣнію въ присутствіи моемъ, и *по учиненнымъ справкамъ* заблагоразсудили признать наидостойнѣйшимъ инока Аркадія Дороѳеева, котораго азъ, смиренный митрополитъ Амвросій, хиротонисавъ постепенно первѣе въ иподіакона и діакона, потомъ въ пресвитера, и наконецъ произведъ въ епископа, вруча ему архипастырскій жезлъ новоопредѣленной епархіи Славской, яко достойну сущу воспріяти архіерейское предстательство." ** Эта ставленная грамота, выданная Аркадію, хотя не отличалась правдивостью, но тѣмъ не менѣе служила для него законнымъ актомъ, окончательно утверждающимъ его въ званіи „епископа славскаго и всѣхъ прочихъ задунайскихъ слободъ".

Итакъ задунайскіе старообрядцы, со времени первыхъ начинаній, первыхъ хлопотъ по дѣлу объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи относившіеся къ нему съ особеннымъ сочувствіемъ, наконецъ, послѣ долгихъ неудачъ и „превратностей", имѣли своего епископа! Депутаты ихъ въ Бѣлой-Криницѣ ликовали; ликовали и бѣлокриницкія власти: ибо Аркадій былъ не только первый епископъ Некрасовцевъ, но и

---

* Здѣсь инокъ Павелъ, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ редакція ставленной грамоты, очевидно, говоритъ неправду, опять изъ желанія прикрыть понесенное Аркадіемъ Лаврентьевскимъ пораженіе: въ обществѣнномъ прошеніи задунайскихъ старообрядцевъ вовсе не говорилось что они предоставляютъ Амвросію съ освященнымъ соборомъ избрать достойнѣйшаго изъ двухъ Аркадіевъ для поставленія въ архіереи; напротивъ, они писали ясно и опредѣленно: „хиротонисай намъ, о святая глава, *перваго* (Аркадія Лаврентьевскаго) *во епископа, а втораго* (Аркадія Дороѳеева) *во священника.*"

** *Сборникѣ* Антонія. Въ этотъ свой сборникъ Антоній, нынѣшній московскій архіепископъ, жившій нѣкоторое время въ Бѣлой-Криницѣ, вписалъ нѣсколько болѣе важныхъ, по его мнѣнію, документовъ изъ бѣлокриницкаго архива. Въ числѣ этихъ документовъ находится и ставленная грамота Аркадія, которой въ имѣющихся у насъ бумагахъ бѣлокриницкаго архива не обрѣтается.

первый котораго Бѣлокриницкая митрополія дала старообрядцамъ „иныхъ государствъ“. *

Своихъ заботъ о новоучреждаемой Славской епархіи бѣлокриницкія власти не ограничили только поставленіемъ для нея епископа и діакона. Такъ какъ Некрасовцы желали имѣть и священника, поставленнаго въ Бѣлой-Криницѣ, на каковую должность и присланъ былъ инокъ Аркадій, столь неожиданно получившій теперь епископскую степень, то въ удовлетвореніе этого желанія присудили послать за Дунай одного изъ лучшихъ священноиноковъ Бѣлокриницкаго монастыря, Евфросина, который былъ первымъ ставленникомъ изъ всѣхъ старообрядцевъ посвященныхъ Амвросіемъ въ священный санъ. ** Отпуская Евфросина, митрополія, дѣйствительно, приносила нѣкоторую жертву Славской епископіи, а тѣмъ бо́льшую жертву приносилъ самъ священноинокъ Евфросинъ, рѣшившись, ради пользы старообрядства, ѣхать въ такое мѣсто, гдѣ не могъ ожидать себѣ ни особенныхъ выгодъ, ни спокойствія. Была и еще просьба со стороны Некрасовцевъ которую бѣлокриницкіе правители съ такою же готовностью спѣшили удовлетворить. Въ „общественномъ прошеніи“ на имя Амвросія и прочихъ задунайскіе старообрядцы писали: „осмѣливаемся просить вашу святыню снабдить насъ нужными потребами, ибо мы, по скудости нашей,

---

* Правда, *по титулу*, у Некрасовцевъ и прежде Аркадія существовалъ епископъ—намѣстникъ митрополіи Кириллъ, ибо ему дано было названіе епископа *майносскаго*; но Кириллъ, скоро произведенный въ званіе митрополита бѣлокриницкаго, никогда въ своей епархіи не бывалъ, да и самая эта епархія существовала только въ воображеніи бѣлокриницкихъ учредителей архіерейства, такъ какъ (и это замѣчательно) изъ всѣхъ некрасовскихъ селеній имянно одинъ Майносъ не принялъ и доселѣ не принимаетъ австрійскаго священства. Итакъ Кирилла Майносскаго признать первымъ епископомъ Некрасовцевъ и первымъ изъ поставленныхъ въ „иныя государства“ въ строгомъ смыслѣ нельзя, и эта честь безспорно принадлежитъ Аркадію Славскому.

** Въ *памятникѣ происходящихъ дѣлъ*, подъ 30-мъ числомъ октября 1846 года (день посвященія Евфросина въ дьякона), объ немъ записано: „Сей инокъ Евфросинъ есть первый самый новопоставляемый въ священно-служители, и изъ числа пяти персонъ избралъ его промыслъ Божій жребіемъ въ діакона, въ церкви, на соборномъ богомолебствіи.“

не имѣемъ у себя нужныхъ вещей, принадлежащихъ къ церкви Божіей, ни антиминсовъ, ни сосудовъ, ни служебниковъ, ниже потребниковъ, ни прочихъ нужныхъ потребъ,—кромѣ только имѣемъ одно желаніе." * И вотъ что̀, по современной записи, сдѣлано было въ удовлетвореніе этой просьбы Бѣлокриницкою обителью, въ то цвѣтущее для нея время богатою всякими церковными потребами: „снабдили епископа Аркадія всею церковною принадлежностію, — какъ-то: святыхъ иконъ цѣлый иконостасъ, священныхъ одеждъ—ризы и омофоры и прочихъ, книгъ въ ихъ новоучрежденную епископію дали довольно, число новоосвященныхъ антиминсовъ — пять, довольно дали и святаго мура." **

Наконецъ пришло время новопоставленному славскому епископу со всею его свитой отправляться восвояси. Для него устроены были торжественные проводы; разставанье было вообще самое радушное: „и провождаема была, сказано въ современной записи, вся ихъ свита отъ всей братіи бѣлокриницкой со звономъ и пѣніемъ духовнымъ, и со многою радостію и любовными лобзаніи раскланялись." ***

Путешествіе новаго славскаго епископа совершалось довольно медленно: только въ послѣднихъ числахъ сентября достигъ онъ предѣловъ своей епархіи и вступилъ въ нее не безъ опасеній. На пути лежало селеніе Камень, извѣстное своею непріязненностью къ бѣлокриницкой іерархіи. Мы видѣли что еще Амвросія, когда онъ ѣхалъ изъ Константинополя чрезъ некрасовскія селенія въ Браиловъ, предупреждали объ опасностяхъ со стороны каменскихъ жителей. И Аркадію нельзя было надѣяться отъ нихъ хорошей встрѣчи; даже, по всей вѣроятности, онъ постарался бы миновать, или проѣхать поскорѣе ихъ селеніе. Но случилось не такъ: съ каменскими жителями произошла необыкновенная перемѣна, какъ скоро они узнали что не только есть у нихъ свой

---

* Бѣлокриницкій архивъ.

** *Сборникъ* Антонія. Объ антиминсахъ и въ *памятникѣ происходящихъ дѣлъ* записано, подъ 24-мъ числомъ августа, что Аркадію выдано ихъ пять. Мура къ тому времени въ Бѣлой-Криницѣ имѣлся, дѣйствительно, значительный запасъ: его, какъ извѣстно, сварили постомъ того же 1847 года. (Подробности мироваренія описаны въ статьѣ В. В. Борисова: *Какъ мы ѣздили за муромъ въ Бѣлую-Криницу. Русск. Вѣстн.* 1864 г. № 3).

*** *Сборникъ* Антонія.

собственный епископъ, но и скоро къ нимъ явится, что они увидятъ его воочію. „Когда, повѣствуетъ Гончаровъ, пріѣхалъ въ Браиловъ господинъ нашъ новопоставленный епископъ Аркадій, каменскіе услыхали, собрали кругъ и объявили міру: что̀ будемъ дѣлать? Епископъ въ Браиловѣ и будетъ сюда! Міръ весь закричалъ: надобно послать стариковъ на встрѣчу ему съ хлѣбомъ и просить его чтобъ онъ посѣтилъ насъ своимъ честнымъ пріѣздомъ! И когда узнали что уже ѣдетъ близко: тогда вышли ему на встрѣчу, весь народъ отъ стараго и до малаго собрался, и стали. Когда онъ пріѣхалъ до нихъ, они всѣ поклонились ему до земли онъ же ихъ благословилъ, и пошли прямо въ часовню съ пѣніемъ.“ Это было наканунѣ праздника Покрова Богородицы: каменскіе жители просили Аркадія отпраздновать у нихъ этотъ праздникъ, и Аркадій съ радостью исполнилъ ихъ желаніе. Вообще, ему доставилъ большое утѣшеніе этотъ радушный и торжественный пріемъ при самомъ вступленіи его въ предѣлы епархіи, притомъ же сдѣланный каменскими жителями, отъ которыхъ ничего подобнаго онъ не могъ и ожидать. Само собою разумѣется, еще радостнѣе и торжественнѣе была встрѣча устроенная славскою братіей: „срѣтоша ихъ за полиоприща со святыми иконами и хоругвями и звономъ и, отъ безмѣрныя радости не могуще удержатися, вопіяху до небесъ благодарственныя пѣсни, поклоняющеся и цѣлующе, мняху зрѣти самихъ апостоловъ къ нимъ пришедшихъ.“ * Точно также ликовали и Журиловцы. О томъ что въ санѣ епископа встрѣчали не своего первоначальнаго избранника, едва ли кому приходило и на мысль при тогдашнемъ праздничномъ настроеніи духа; да и кромѣ того съ послѣдовавшею перемѣной мирились тѣмъ охотнѣе, что всѣ знали новопоставленнаго епископа Аркадія какъ человѣка вполнѣ достойнаго полученной имъ степени, и по доброму нраву, и по воздержной жизни. Журиловцы, всѣмъ обществомъ, не преминули даже, вскорѣ по пріѣздѣ новопоставленнаго владыки, препроводить въ Бѣлую-Криницу благодарственное посланіе Амвросію „за рукоположеніе преосвященнаго епископа Аркадія и за милосердіе къ нимъ сирымъ и страннымъ и не имѣвшимъ гдѣ главы подклонити,

* Тамъ же.

а нынѣ чающимъ обрѣсти покой." * Они извѣщали также бѣлокриницкихъ благодѣтелей своихъ, что по Божіей милости все у нихъ благополучно, построеніе церкви идетъ успѣшно, и если Господь поможетъ, въ праздникъ Введенія надѣются освятить. Съ первыхъ чиселъ ноября они начали уже разсылать въ разныя старообрядскія общества приглашенія на предназначенное въ этомъ мѣсяцѣ освященіе храма.

Такимъ образомъ первый некрасовскій епископъ австрійскаго поставленія мирно и съ благими надеждами вступилъ въ управленіе своею паствой; но не долго пришлось ему наслаждаться миромъ и благоденствіемъ: прежніе, испытанные и искусные во враждѣ противники бѣлокриницкаго священства не дремали, и для Аркадія съ его клиромъ и малою паствой скоро наступило время тяжелыхъ испытаній.

VI.

Сарыкойскіе депутаты, бывшіе на Славскомъ соборѣ 8-го іюля, возвратились домой съ полною увѣренностью что дѣло о священствѣ имъ удалось оттянуть до Покрова, и что до того времени можно будетъ и совсѣмъ потушить его. Это они и передали своему сарыкойскому обществу, которое было очень довольно такимъ исходомъ дѣла. Но вотъ, на другой же день по пріѣздѣ депутатовъ, пришло извѣстіе что за ночь славскіе отцы успѣли не только рѣшить вопросъ о принятіи бѣлокриницкаго священства, но уже выбрали и достойныхъ людей для поставленія въ попы и дьяконы. Это извѣстіе для Сарыкойцевъ было чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ непріятнѣе. Вскорѣ потомъ стало извѣстно что славскіе иноки съ Журиловцами выбрали человѣка и для поставленія въ епископа. Эта вторая, еще болѣе важная новость привела весь сарыкойскій міръ въ неописанное волненіе. Собрали большой кругъ, „весь народъ отъ стараго даже до малаго". Есаулъ объявилъ что̀ случилось и предложилъ міру разсудить что̀ теперь остается дѣлать.

— Всему этому дѣлу причиной Гончаръ! замѣтили въ толпѣ.

Гончаровъ былъ здѣсь, налицо, — и, кто стоялъ къ нему

* Подлинное посланіе, тщательно переписанное по-уставному, въ бѣлокриницкомъ архивѣ. Послано 1-го ноября 1847 г., а получено 2-го декабря.

поближе, сейчасъ же схватили его, чтобы приступить къ расправѣ. Осипъ Семенычъ не потерялъ присутствія духа.

— Господа! сказалъ онъ:—что вы дѣлаете? Развѣ въ этомъ дѣлѣ такъ поступать можно? Тутъ надо правила разсматривать, по правиламъ дѣйствовать!

Одинъ изъ горячихъ Сарыкойцевъ, Андрей Тихой, по сему случаю такъ непригоже выразился о правилахъ, что самимъ Некрасовцамъ стало за него стыдно. Народъ заговорилъ:

— Что жь это такое? На что похоже? Такъ кощунствовать!

Гончаровъ воспользовался благопріятною для него минутой и незамѣтнымъ образомъ вышелъ изъ толпы, — „помаленьку, задомъ“, какъ самъ онъ выражается.

Московскій гость Семенъ Слезкинъ подалъ тогда мысль написать въ Москву къ тамошнимъ „христіанамъ“, попросить у нихъ совѣта какъ поступить въ настоящихъ обстоятельствахъ: можно ли заимствоваться священствомъ отъ Амвросія, о которомъ есть подозрѣніе что онъ обливанецъ. Слезкинъ указалъ и человѣка способнаго дать желаемый отвѣтъ—дворника изъ Рогожской, Ивана Александрова Гусева, который былъ извѣстенъ между московскими поповцами какъ большой начетчикъ, ревнитель старой вѣры и горячій противникъ новоучрежденной бѣлокриницкой іерархіи. На кругу приняли совѣтъ Слезкина; письмо написать поручили Михайлѣ Иванову Кудрявцеву, очень искусному въ составленіи витіеватыхъ раскольничьихъ эпистолій, и приказали ему непремѣнно упомянуть въ письмѣ что о поливательномъ въ Грекахъ крещеніи согласно свидѣтельствуютъ всѣ Кубанцы живущіе близь Царя-града.

— Это вы напрасно хочете писать, замѣтилъ сидѣвшій въ кругу Кубанецъ Левонъ Горя,—насъ вы не мѣшайте въ это дѣло.

— Намъ Чигалакъ сказывалъ, возразили Левону,—что онъ видалъ какъ Греки обливаютъ.

Въ эту самую пору Чигалакъ, тоже Кубанецъ, шелъ мимо, возвращаясь изъ шинка. Его пригласили въ кругъ и стали разспрашивать.

— Левонъ Мартынычъ, скажи ты намъ, Бога ради, мы слышали, будто ты видалъ что Греки обливаютъ.

— Нѣтъ люди добрые, самъ я не видалъ, нечего напрасно говорить, отвѣчалъ онъ;—а сказывалъ мнѣ Андрей Лебедокъ, что будто онъ видалъ. Больше я ничего не знаю.

Кудравцевъ приготовилъ письмо. Читать его и подписывать нужно было всѣмъ міромъ, и опять по сему случаю составили большой кругъ. Письмо начиналось витіеватымъ обращеніемъ къ дворнику Ивану Александрову, гдѣ ему восписывались похвалы приличныя только великимъ вселенскимъ учителямъ: „истинныя православныя вѣры блюстителю, крѣпкому поборнику догматовъ святыя соборныя и апостольскія восточныя церкви, зѣльному проповѣдателю божественнаго писанія, ревнителю горнаго Іерусалима житія“, и пр. и пр. Затѣмъ слѣдовалъ разказъ объ Амвросіи и о разногласіяхъ возникшихъ между Некрасовцами относительно принятія отъ него священниковъ. „Рожденіе его, Амвросія, въ городѣ Юнусѣ.... А вблизи сего города Юнуса наши христіане неподалеку жительствовали и нынѣ по торговой части занимствующіе часто бываютъ и очевидно нѣсколько разъ видѣли греческое крещеніе и свидѣтельствуютъ предъ иконой что въ Грекахъ, въ Юнусѣ, даже и по всей Греціи, погружаетъ младенца до плечъ іерей трижды, а потомъ изъ той же купели трижды обливаетъ безъ погруженія. И мы сему ихъ свидѣтельству несумнѣнно вѣруемъ, и васъ нашею совѣстью увѣряемъ что истинно есть свидѣтельство.“ Вина за то что, несмотря на обливанство Амвросія, многіе изъ Некрасовцевъ согласились принять отъ него священство, въ письмѣ слагалась главнымъ образомъ на Аркадія, Лаврентьева монастыря настоятеля, и того же монастыря иноka Ефросина: они на соборахъ защищали Амвросія и склонили въ его пользу славскихъ иноковъ, такъ же двѣ слободы, Журиловку и Славу, по ихъ же настоянію избраны епископъ, священникъ и діаконъ и отправляются для поставленія къ митрополиту въ Бѣлую Криницу. „И теперь вы, милостивѣйшей государь и о Христѣ благотворитель Іоаннъ Александровичъ, — писано было въ заключеніе, — разсудите сей раздоръ церковный, будетъ ли въ семъ раздорѣ благодать Св. Духа дѣйствовать или нѣтъ; и просимъ васъ, Господа ради, если къ вамъ будутъ отъ сего числа изъ Бѣлой Криницы письмы въ Москву, или изъ-за Дуная о поставленіи за Дунай епископа, и будутъ васъ увѣрять что Задунайцы согласны, то не вѣрьте ихъ письмамъ, Господа ради: понеже мы не согласны отъ греческаго патріарха за вышепоявленное греческое крещеніе принимать священство, если не докажутъ изъ отеческихъ правилъ; а если правило велитъ отъ

таковаго хиротонисанія принимать священство, то безъ сомнѣнія будемъ согласны принять оное отъ бѣлокриницкаго митрополита.... Мы запедшіе съ давнихъ временъ въ Турцію, и божественныхъ книгъ мало у насъ имѣется: то, Господа ради, просимъ и молимъ васъ слезно, не презрите нашего къ вамъ слезнаго прошенія, воспишите къ намъ по полученіи сей епистоліи, на которомъ ваши московскіе и прочіе всѣ христіане окрестные положеніи основываются и како разумѣютъ о семъ митрополитѣ." Такимъ образомъ Некрасовцы обращались къ московскимъ старообрядцамъ за совѣтомъ и вмѣстѣ съ рѣшительнымъ, по совѣсти, увѣреніемъ что Амвросій дѣйствительно обливанецъ. Письмо это, прочитанное на кругу, очень понравилось Сарыкойцамъ; за подписями поэтому недостатка быть не могло. Сначала предложили подписаться вѣдомымъ сторонникамъ бѣлокриницкаго священства: Гончарову и Еремѣю Гапѣеву. Гончаровъ сказалъ: „я не подпишусь".

— За что не подпишешься?

— За то самое что вы неправильно написали.

— Какъ неправильно? Въ чемъ неправильно?

— Сами знаете! отвѣтилъ Гончаровъ и больше говорить не сталъ.

Еремѣй также отказался отъ подписи: „я забылъ за это дѣло писать!" Спросили Кубанца Го́рю, велитъ ли за нихъ, Кубанцевъ, дѣлать подписи. Го́ря тоже сказалъ: „насъ понапрасно не подписывайте!"

„И вотъ они сами начали подписываться, разказываетъ Гончаровъ. Чудо было зрѣти и удивленію достойно, какъ они со тщаніемъ къ подписи толпились,—другъ друга рѣяху, даже сдѣлали шумъ большой: одинъ кричитъ: „меня подписывай!" а другіе горланютъ: „насъ подписывай!" А я сидѣлъ и удивлялся безумному ихъ успѣху, что другой даже не знаетъ никакой должности христіанскаго порядка, а кричитъ: „подпишите меня!" молитвы іисусовой не умѣетъ, а о законѣ толкуетъ!"

Все время пока избранные на священство кандидаты ѣздили для поставленія въ Бѣлую Криницу, прошло у Сарыкойцевъ въ шумныхъ совѣщаніяхъ: какъ поступить имъ когда пріѣдетъ новопоставленный епископъ со священствомъ. По словамъ Гончарова, „всѣ стали яко изумлены и яко піяни отъ зависти и злобы, и начали ежедневно кругъ собирать и

совѣтовать что̀ будемъ дѣлать. Итакъ сдѣлался народъ что сумазбродный, и между собою ежедневный споръ стали дѣлать, и другъ друга ненавидѣть, яко врага суща. А бѣдные монахи—Іовъ, и Илія, и Филаретъ, оставя еже по Евангелію житіе пустынное и безмолвное, начаша въ мірѣ пребывати и нелѣпая, и странная, и чуждая инокамъ начаша творити.“ Въ это же время одинъ изъ славскихъ жителей, Платонъ Семеновъ, горячій противникъ новоучреждаемаго священства, подалъ первую мысль — передать дѣло на судъ турецкому правительству. „Ежели бы міръ съ умомъ былъ, говорилъ онъ кое-кому изъ близкихъ, — такъ поѣхалъ бы въ Бабу, да сказалъ бы начальству что наши-де взяли греческую вѣру, соединились съ Греками, и теперь вамъ, Туркамъ, могутъ зло учинить.“ Когда эти рѣчи дошли до старцовъ, одни ихъ одобряли: „это онъ хорошо выдумалъ,— такъ и надобно сдѣлать!“ другіе, поразсудительнѣе, говорили что это опасная затѣя: „дѣло большое противъ Царя кляузы дѣлать, помилуй Богъ чего худаго! тогда и намъ бы не досталось страдать!“

Между тѣмъ пріѣхалъ и новопоставленный епископъ. Каменскіе старообрядцы, какъ выше сказано, учинили ему торжественную встрѣчу. Этого событія Сарыкойцы никакъ не ожидали; на каменскихъ они сильно разчитывали какъ на своихъ союзниковъ. Понятно, что случившееся на Камнѣ ихъ сильно раздосадовало. Но окончательный ударъ нанесло имъ извѣстіе что въ праздникъ Введенія во храмъ Пр. Богородицы назначено торжественное освященіе новопостроенной журиловской церкви, что журиловскіе Некрасовцы повсюду разослали уже и приглашенія на это празднество. Сарыкойцы разсудили что такое событіе, какъ освященіе церкви, да еще совершаемое епископомъ, чего съ незапамятныхъ временъ не бывало у старообрядцевъ, произведетъ сильное впечатлѣніе на народъ и многихъ увлечетъ къ принятію новаго священства, — что поэтому необходимо принять самыя рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ кто вздумалъ бы ѣхать въ Журиловку на праздникъ,—воспретить поѣздку даже подъ страхомъ смерти. На этомъ и порѣшили старики послѣ долгихъ совѣщаній. Есаулъ сдѣлалъ по селу заклички: кто поѣдетъ въ Журиловку на освященіе церкви, пусть забираетъ жену и дѣтей, и выѣзжаетъ совсѣмъ, а то убьютъ и разграбятъ.

Угроза, очевидно, направлена была противъ тѣхъ кого подозрѣвали въ расположенности къ бѣлокриницкому священству. Такихъ, кромѣ Гончарова, было извѣстно до пяти зажиточныхъ казаковъ—Вавила Петровъ, Еремѣй Гапѣевъ, Алексѣй Гавриловъ Рогачевскій, Артамонъ Каракашъ. Они также собрались посовѣтоваться что̀ теперь дѣлать, и единогласно рѣшили ѣхать на освященіе, несмотря ни на что̀,—пущай разоряютъ! Чтобы рѣшеніе было прочно, они, по старообрядскому обычаю, встали и положили *начàлг*. Рано утромъ, наканунѣ праздника Введенія, Гончаровъ съ женой и дочерью отправился въ Журиловку. Поѣхали и другіе. Народу въ Журиловкѣ собралось довольно; на утро ожидали епископа съ духовенствомъ, и къ празднику все было готово, но праздника справить не удалось.

Въ тотъ же день, наканунѣ Введенія, упомянутый выше Платонъ Семеновъ сдѣлалъ доносъ турецкому начальству въ Бабадагѣ.

— Вы здѣсь начальники? спросилъ онъ явившись прямо въ собраніе турецкаго меджлиса.

— Мы начальники.

— Что̀ же вы здѣсь разсматриваете?

— Какое дѣло есть, то и смотримъ.

— Ну, такъ плохо же вы смотрите; какбы вы смотрѣли хорошенько, не допустили бы себя до разоренія.

Турки встревожились.

— До какого разоренія? что̀ такое говоришь ты?

— А развѣ вы не знаете что наши приняли греческую вѣру и согласились съ Греками дѣлать вамъ зловредство? Я жалѣючи васъ говорю вамъ объ этомъ.

Меджлисъ потребовалъ чтобъ указаны были главные зачинщики и виновники этого дѣла. Платонъ назвалъ прежде всѣхъ Гончарова, потомъ епископа, священника и діакона. Въ Славскій скитъ немедленно отправили гаваса за Аркадіемъ и прочими лицами; тогда же послали приказъ въ Журиловку, чтобы Гончаровъ и старики журиловскіе немедленно ѣхали въ Бабадагъ. Когда утромъ 21-го ноября явились они въ кунакъ, меджлисъ уже былъ въ полномъ сборѣ, и только что Гончаровъ предсталъ предъ лицо этого судилища, какъ аянъ отдалъ гавасамъ приказъ: *хапысъ онъ ра!* Гончарова схватили и отвели въ тюрьму. Не входя въ разбирательство дѣла, туда же приказали отвести и Аркадія со священно-

инокомъ Евфросиномъ и съ діакономъ, а прочихъ отпустили по домамъ, строго наказавъ чтобы въ слѣдующее воскресенье, 23-го ноября, народъ изо всѣхъ селеній явился для суда и расправы. Такимъ образомъ этотъ день, котораго Журиловцы давно ждали чтобъ отпраздновать освященіе своей новой церкви, оказался однимъ изъ самыхъ злополучныхъ для епископа и для всего общества Некрасовцевъ принявшихъ бѣлокриницкое священство; съ этого дня начинается для Аркадія и главныхъ его сторонниковъ тяжелая пора испытаній.

Въ воскресенье съѣхались въ Бабадагъ Некрасовцы изъ Сарыкоя, Славы и Журиловки; пріѣхалъ и настоятель Славскаго скита инокъ Макарій съ братіей; собралось столько народу что не могли и помѣститься на дворѣ кунака. Аянъ приказалъ гавасамъ надѣть полное вооруженіе, „аки на нѣкую великую штурму“, по выраженію Гончарова. Меджлисъ въ полномъ составѣ явился производить судъ. Народъ раздѣлился на двѣ стороны,—на одной стояли Сарыкойцы и славскіе, не расположенные къ бѣлокриницкому священству, на другой—Журиловцы и скитскіе. Стали допрашивать, кто хочетъ принять греческую вѣру, то-есть священство отъ Амвросія, и кто не хочетъ. Изъ среды Сарыкойцевъ выступилъ впередъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Амвросія, Якушка Тюлень, и зычнымъ голосомъ провозгласилъ: „кто не хочетъ въ греческую вѣру? подымай руки!“ Весь народъ, кромѣ журиловскихъ и скитскихъ, подняли руки къ верху, „даже смотрѣть было ужасно, замѣчаетъ Гончаровъ,—и яко громъ загремѣлъ, закричали: не хотимъ въ греческую вѣру!“ Тогда и съ противной стороны вышелъ журиловскій церковный строитель Михайла Андреевъ и также провозгласилъ: „кто согласенъ принять епископа? выходи сюда!“ Но едва сказалъ онъ это, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ тюрьму къ Гончарову. Потомъ вызвали и прочихъ главныхъ сторонниковъ новаго священства, которые подписались на прошеніи къ Амвросію о поставленіи епископа—изъ Журиловскихъ еще Дмитрія Сеткаря, и славскихъ атамана Букула Карпѣева и уставщика Ефима Гапѣева: ихъ также отвели въ тюрьму. Затѣмъ Макарію со славскими иноками велѣли отправляться домой. Старецъ Макарій заплакалъ уходя, и посмотрѣвъ на темницу, гдѣ заключенъ былъ Аркадій съ прочими узниками, громко сказалъ: *не бойся малое стадо*,

яко Отецъ нашъ небесный благоизволи дати намъ царствіе! Турки спросили Тюленя что старикъ говоритъ? Тюлень отвѣчалъ: это онъ вашу и нашу вѣру ругаетъ! Макарія велѣли воротить и отвести въ тюрьму, куда и пошелъ онъ „съ великою радостію и восторгомъ“. Теперь нужно было какъ-нибудь кончить дѣло съ народомъ,—хотѣли именно ото всѣхъ получить подписку что священства отъ Бѣлокриницкой митрополіи не желаютъ и не принимаютъ. Сарыкойскіе и славскіе готовы были немедленно подписаться; журиловскіе отвѣчали что не откажутся отъ епископа и священниковъ, хотя бы за нихъ и пострадать пришлось. Къ нимъ приступили съ угрозами, говорили что разорятъ въ конецъ, если не дадутъ подписей, исключатъ изъ казацкаго званія, лишатъ всѣхъ казацкихъ привилегій, станутъ брать харачъ и т. п. Журиловцы крѣпились; однакоже ихъ силой заставили подписаться. Этимъ на первое время и конченъ былъ судъ. Сарыкойскіе и славскіе отправились домой съ торжествомъ и долго пировали по случаю побѣды надъ противниками: „хорошо кабы ихъ тамъ совсѣмъ покончили!“ говорили они о посаженныхъ въ тюрьму. У Журиловцевъ, напротивъ, и у славскихъ иноковъ большое было горе.

На слѣдующій день сарыкойскіе и славскіе старики опять пріѣхали въ Бабадагъ и явились предъ меджлисомъ. Здѣсь разсматривали и читали ставленную грамоту Аркадія: на грамотѣ была греческая подпись Амвросія, и Тюлень показалъ ее Туркамъ въ удостовѣреніе что епископъ дѣйствительно соединился съ Греками. Потомъ разсмотрѣли вчерашнія подписки Некрасовцевъ, обязавшихся не принимать ни епископовъ, ни поповъ отъ Амвросія, и члены меджлиса скрѣпили ихъ своими подписями. А относительно посаженныхъ въ тюрьму постановили содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ.

Съ Гончаровымъ посажено было пять человѣкъ: инокъ Макарій, Михайло Андреевъ, Дмитрій Сеткарь, Викулъ Карпѣевъ и Ефимъ Гапѣевъ. Мѣсто, куда ихъ заключили, представляло замѣчательный образецъ турецкихъ тюремъ по маленькимъ городамъ. Это была какая-то холодная, смрадная и темная конюшня: „Такая была несусвѣтная тьма, пишетъ Гончаровъ, что даже другъ друга въ глаза не видать, а тѣснота такая что негдѣ даже и повернуться; огонь свѣтили въ ноши и во дни.“ Къ заключеннымъ никого изъ знакомыхъ и близкихъ не пускали: „Даже кто принесетъ хлѣба,

дондеже не дастъ 5 или 6 левовъ, такъ не допустятъ и хлѣба подать." Аркадію съ двумя товарищами отвели тюремное отдѣленіе нѣсколько почище: „хоть и Бога не знаютъ, замѣтилъ по этому случаю Гончаровъ, а законный чинъ почитаютъ!" *

Семь недѣль Гончаровъ съ товарищами просидѣлъ въ этомъ тяжеломъ заключеніи. Никакія просьбы родныхъ объ облегченіи ихъ участи не имѣли успѣха: противники, торжествовавшіе побѣду, только глумились надъ заключенными. Такъ однажды Тюлень явился къ ихъ женамъ съ предложеніемъ походатайствовать объ освобожденіи узниковъ: тѣ обрадовались, начали просить его и дали ему каждая по 30 левовъ. Тюлень, дѣйствительно, пришелъ въ тюрьму.

— Что, вы все еще сидите? спросилъ онъ.

— Сидимъ, отвѣчали ему.

— Это ты, Макарій?

— Это я, отвѣчалъ инокъ Макарій.

— Ну, что же, хорошо вамъ сидѣть?

— Намъ хорошо, отвѣчалъ Макарій,—не знаю, тебѣ хорошо ли будетъ.

— Ну, сидите же, сидите....

Этимъ разговоромъ Тюлень и расплатился за полученныя имъ десятки левовъ. Между тѣмъ бабадагскія власти разсудили, что содержать въ тюрьмѣ нѣсколько человѣкъ, и въ

* Подобнымъ же образомъ въ послѣдствіи описывалъ положеніе заключенныхъ Аркадій (Лаврентьевскій) въ письмѣ къ Кириллу: „За обстоятельствы наши подробно васъ увѣдомить не достаетъ нашего ни разума, ни памяти, ни числа нашихъ бѣдствій, развѣ что мало воспишетъ на сей хартіи. Отъ ноября мѣсяца, по прибытіи вскорѣ въ здѣшнюю страну, толь сильно сатана возрыча, и отъ злобы и зависти весь адъ воздвигну своими бѣсы. Многія искушенія претерпѣли отъ безбожныхъ Турокъ, чрезъ цѣлую зиму по клеветѣ ложной: преданы были турецкой кустодіи трое освященныхъ лицъ—епископъ, священникъ и діаконъ; славскихъ двое—уставщикъ и атаманъ; журиловскихъ двое — Митрій Ивановичъ Сеткарь, Михаилъ Андреичъ церковный строитель, Іосифъ Семеновичъ Гончаровъ. Содержались долгое время въ конюшнѣ съ лошадьми, въ зимнее время, такъ что у многихъ отпали и отболѣли подошвы. Прочее помолчу, которыхъ бѣдъ не могу и описать: ибо владыка нашъ желаетъ въ будущемъ быти прославленъ. Таже не буду писать подробно о нашихъ изкушеніяхъ, да не прогнѣваю Господа, иже вся вѣсть." (Письмо отъ 13-го августа 1848 г. въ *Сборн.* Антонія.)

томъ числѣ такое значительное лицо какъ епископъ, нельзя же безъ сообщенія о томъ высшимъ чинамъ. Во второй половинѣ января 1848 года, спустя именно семь недѣль со времени заключенія Аркадія и Гончарова съ прочими, они послали донесеніе рущукскому губернатору Садыкъ-пашѣ, причемъ препроводили и отобранныя отъ Некрасовцевъ подписки о нежеланіи имѣть новоучрежденное священство, въ доказательство того что лица содержащіяся подъ стражей единственные и главные виновники заведенія у Некрасовцевъ этого новаго священства. Тогда же, вѣроятно изъ опасенія отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ, они облегчили нѣсколько и положеніе заключенныхъ.

Когда журиловскіе узнали что дѣло ихъ послано въ Рущукъ „къ апашѣ“, они также отправили туда посольство — хлопотать предъ начальствомъ за своихъ узниковъ и вообще объяснить ему сущность дѣла. Садыкъ-паша выслушалъ ихъ, и чтобъ изслѣдовать надлежащимъ образомъ дѣло, послалъ въ Бабадагъ своего чиновника, который по пріѣздѣ въ городъ немедленно началъ слѣдствіе. Бабадагскому чиновничеству не по душѣ было это слѣдствіе; но приходилось все-таки отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ общее собраніе меджлиса приглашены были опять сарыкойскіе, славскіе и журиловскіе Некрасовцы. Изъ показаній членовъ меджлиса, также сарыкойскихъ и славскихъ жителей, рущукскому чиновнику не трудно было убѣдиться что они дѣйствовали безъ достаточныхъ основаній, по личной только враждѣ и по злобѣ на заключенныхъ; единственнымъ законнымъ основаніемъ служили для меджлиса подписки данныя самими Журиловцами, что новаго священства и они принимать не желаютъ. На это обстоятельство присланный губернаторомъ чиновникъ и обратилъ особенное вниманіе. Онъ спросилъ Журиловцевъ:

— Вы жалуетесь что заключили вашего епископа и другія лица, что не дозволяютъ вамъ имѣть духовенство какое вы желаете: зачѣмъ же вы сами подписались что этого епископа и духовенство это принимать не хочете?

— Какъ же намъ было не подписаться, отвѣчали Журиловцы,—когда намъ дѣлали разныя пристрастія и разными бѣдами грозили, говорили: коли не подпишетесь, разоримъ село ваше, и харачъ платить будете, и разошлемъ васъ по селеніямъ! За то мы и подписались, страха ради неблагополучнаго событія.

— Неправду вы говорите! закричалъ, услышавъ это, одинъ изъ членовъ меджлиса, Мустафа.

— Нѣтъ, мы говоримъ сущую правду, смиренно отвѣтили Журиловцы.

— Видно что вы судили неправильно, замѣтилъ по сему случаю рущукскій чиновникъ, — и людей понапрасну вы тираните.

Этимъ замѣчаніемъ меджлисъ обидѣлся до крайности; всѣ члены поднялись со своихъ мѣстъ и вышли изъ кунака. Чиновникъ остался одинъ. Окончивъ слѣдствіе, онъ успокоилъ журиловскихъ стариковъ, сказалъ имъ что ихъ дѣло правое. На другой день онъ вытребовалъ для допроса троихъ заключенныхъ—Михаила Андреева, Гончарова и инока Макарія. „Пришли гавасы въ тюрьму, повѣствуетъ самъ Гончаровъ, взяли насъ и привели къ нему. Онъ когда увидѣлъ насъ, спросилъ: за что вы посажены? Мы поклонились ему и заплакали слезно. Онъ намъ сказалъ весьма ласково: не бойтесь и разкажите какъ дѣло было. Мы ему разказали все подробно. Онъ намъ еще сказалъ: не бойтесь; я отпишу что ваше дѣло справедливо, а самъ поѣду въ Тульчу и тамъ буду ожидать отъ апаши отвѣта.“

Послѣ этого перваго слѣдствія Журиловцы дѣйствительно ободрились и начали усердно хлопотать объ освобожденіи заключенныхъ. За то и Сарыкойцы, въ союзѣ съ бабадагскимъ начальствомъ, напали на нихъ съ новымъ ожесточеніемъ, и послали начальству въ Рущукъ новые доносы, особенно на скитскихъ иноковъ; * у себя же поставили правиломъ, если кто вмѣстѣ съ Журиловцами и вообще пріемлющими новое священство соединится въ моленіи, не иначе принимать такихъ въ общеніе какъ подъ третій чинъ, а кто будетъ крещенъ или вѣнчанъ новыми попами, тѣхъ перекрещивать и снова вѣнчать. Въ этой взаимной борьбѣ пріемлющихъ и не пріемлющихъ бѣлокриницкое священство прошло еще два мѣсяца, пока чиновникъ, производившій слѣдствіе,

* Вслѣдствіе этихъ доносовъ едва не разрушена была скитская церковь: „поѣхали они (Сарыкойцы) къ начальству съ сильною клеветой, и были вынуждены начальники пріѣхать вмѣстѣ съ ними въ скитъ къ церкви, и хотѣли церковь разорить. Но видѣвши отцы стали весьма горько и слезно плакать. Видитъ начальство ихъ горькое рыданіе, умилосердилось, оставило,—только разорило колокольню.“ (Гончаровъ).

послалъ наконецъ изъ Тульчи все дѣло въ Рущукъ на разсмотрѣніе губернатора. Садыкъ-паша разсмотрѣвъ дѣло, и принимая въ разчетъ новые доносы отъ Сарыкойцевъ, нашелъ нужнымъ послать на мѣсто другаго чиновника, болѣе значительнаго, Тифтедаря-эфенди, котораго снабдилъ важными полномочіями. Тифтедарь на пути въ Бабадагъ видѣлся въ Тульчѣ съ прежнимъ слѣдователемъ и имѣлъ бесѣду о дѣлѣ Некрасовцевъ съ тульчинскимъ начальствомъ, которому дѣло это было довольно извѣстно. Всѣ держались того мнѣнія что никакихъ опасныхъ для турецкаго правительства замысловъ въ принятіи новаго священства со стороны Некрасовцевъ не было, и что лица посаженныя въ тюрьму терпятъ неволю напрасно, только по злобѣ на нихъ противной партіи, не желающей новаго священства. Такимъ образомъ Тифтедарь-эфенди пріѣхалъ въ Бабадагъ расположенный дѣйствовать въ пользу журиловской стороны. Онъ пріѣхалъ 9-го апрѣля, въ Великій Пятокъ, и немедленно сдѣлалъ распоряженіе чтобы сарыкойское, славское и журиловское общества явились для допросовъ. На другой день, въ великую субботу, собрался меджлисъ въ полномъ составѣ: „семнадцать чиновниковъ было, кромѣ простыхъ людей“. Изъ Сарыкоя, Славы и Журиловки пріѣхали выборные. Послѣ допроса и разсмотрѣнія дѣла Тифтедарь-эфенди сдѣлалъ опредѣленіе—всѣхъ содержащихся въ тюрьмѣ выпустить на свободу. Бабадагское начальство и на этотъ разъ не хотѣло подчиниться рѣшенію присланнаго губернаторомъ чиновника; сарыкойскіе и славскіе депутаты, съ своей стороны, также требовали настойчиво — не освобождать заключенныхъ. Но Тифтедарь, несмотря на все это, былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, и узники были бы немедленно выпущены на волю, еслибы не случилось слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ заключенныхъ, Дмитрій Сеткарь, „изнемогъ отъ малодушія и ослабѣлъ въ терпѣніи“, послалъ сказать Сарыкойцамъ что отказывается отъ новаго священства. Сарыкойцы и бабадагское начальство воспользовались этимъ обстоятельствомъ и поставили его на видъ рущукскому чиновнику какъ доказательство что и сами заключенные сознаются наконецъ что они виноваты. Тифтедарь былъ приведенъ этимъ въ недоумѣніе. Приказалъ привести Сеткаря на кунакъ: здѣсь, къ великому огорченію Журиловцевъ, онъ объявилъ, что дѣйстви-

тельно отрекается отъ новаго священства. * Тогда наши нужнымъ допросить и прочихъ заключенныхъ: привели на кунакъ Михайла Андреева и Гончарова. „И стало начальство насъ спрашивать: вы согласны такъ, какъ Сеткарь? Михайло говоритъ: а Сеткарь какъ положился? Они говорятъ намъ: отрекитесь поповъ своихъ, за нихъ же вы страждете, и идите къ сарыкойскому (попу) подъ третій чинъ; а ежели не хотите, то сопрѣете въ тюрьмѣ. Михайло сказалъ имъ: люди добрые, не могу я того сдѣлать чтобъ отца своего духовнаго проклинать! Видятъ начальники что мы несогласны, начали Михайла просьбами и ласкательствомъ просить, ухватя его за руки говорятъ: ты только скажи: *истемем*, а по-русски сказать: *не хочу*. И болѣе часу просили отъ него одного слова, но не получили.“ Михайла Андреева съ Гончаровымъ опять посадили въ тюрьму, и всѣ усилія Тифтедаоря-эфенди освободить заключенныхъ послѣ этого не имѣли уже успѣха. „Начало начальство Сарыкойцамъ и Славцамъ говорить: у васъ завтра великъ праздникъ, треба ихъ пустить! А они говорятъ: не пускайте! Дондеже не проклянутъ своихъ поповъ и не отрекутся, пусть сидятъ! Начальникъ сказалъ: у васъ праздникъ великъ, надобно отпустить! А они единогласно кричатъ: не пущай!.. И ту пору былъ Христакій тульчинскій и Татаринъ Абдулъ, и тѣ, варвары суще, просили ихъ за насъ; но они и слухать не хотѣли, только то и говорятъ: дондеже не отрекутся епископа, нельзя ихъ пустить!“ Несмотря на всѣ свои полномочія, чиновникъ Садыкъ-паши принужденъ былъ отъ нихъ отступиться; уѣзжая, онъ однакоже далъ рѣшительный приказъ бабадагскому начальству—выпустить на свободу всѣхъ посаженныхъ въ тюрьму, а журиловскимъ старикамъ велѣлъ пріѣхать въ Рущукъ, если ихъ дѣло затянется еще дольше.

Итакъ бабадагскимъ узникамъ приходилось и праздникъ Пасхи просидѣть въ тюрьмѣ. „Когда журиловскіе старики пріѣхали изъ Бабы, повѣствуетъ Гончаровъ, то приложили и себѣ и всему міру скорбь на скорбь и плачъ на плачъ: ибо всѣ надѣялись видѣть ихъ (узниковъ) свободными, но когда услыхали что опять посадили ихъ, то вмѣсто радост-

* Сеткарь послѣ этого былъ выпущенъ изъ тюрьмы, но потомъ, черезъ недѣлю, посаженъ снова, такъ какъ на дѣлѣ отрекаться отъ новаго священства и идти подъ третій чинъ къ сарыкойскому бѣглому попу не согласился.

наго торжества нападе на вся плачъ и рыданіе и вопль многъ, и отъ многія печали и туги сердечныя мало кто помнилъ что настоящій день праздникъ есть Пасхи. И когда отпѣли часы, сказали; господа православные христіане! Чтò же? Будемъ стараться за нашихъ страдальцевъ которые сидятъ въ тюрьмѣ! Народъ услышалъ это слово, всѣ единогласно сказали: согласны не только стараться, но и умирать готовы всѣ за нихъ! А Ѳедосей Яковлевъ Воронинъ сказалъ: господа, я согласенъ свою голову положить за нихъ! Итакъ разошлись по домамъ. Это дѣло было мѣсяца апрѣля 8-го (11?) числа 1848 года, на первый день Пасхи. А потомъ пріѣхали къ намъ наши старики и разказали намъ какъ праздновали и разговѣлись съ горькими слезами и какъ сказали всѣ что готовы за насъ умирать. Мы, слышавши отъ нихъ что міръ православныхъ христіанъ, все общество не оставило насъ въ забвеніи, мало обвеселилися, и яко отъ глубокаго и тяжкаго сна, отъ унынія и печали возбудилися и на волю Божію возложилися."

Какъ только прошла Святая недѣля, журиловскіе старики дѣйствительно отправились въ Рущукъ „стараться за своихъ страдальцевъ". Услышавъ объ этомъ, бабадагское начальство, чтобъ избѣжать отвѣтственности, поспѣшило исполнить распоряженіе Тифтедаря-эфенди объ освобожденіи заключенныхъ. На Ѳоминой недѣлѣ собрался меджлисъ; призвали Михайла Андреева, Гончарова, иноka Макарія и объявили имъ что они свободны, могутъ идти по домамъ, что только епископъ, священникъ и діаконъ останутся до времени подъ стражей. Услышавъ это, старикъ Макарій сказалъ начальству:

— Если вы нашу священную особу не пущаете, то и я не пойду отселѣ; я для нихъ хотя воды принесу, или въ чемъ другомъ послужу имъ.

Но Макарія выслали изъ тюрьмы насильно.

Между тѣмъ журиловскіе старики лично изложили свою жалобу рущукскому губернатору Садыкъ-пашѣ. Ихъ показанія были согласны съ донесеніемъ Тифтедаря-эфенди, и потому Садыкъ-паша изъявилъ готовность имъ покровительствовать. Но чтобы кончить дѣло у Некрасовцевъ, жившихъ въ имперіи на особыхъ правахъ и преимущественно въ отношеніи къ религіи находившихся въ исключительномъ положеніи, онъ не видѣлъ иного средства какъ переписать

всѣхъ принимающихъ новое священство и непринимающихъ, опредѣлить такимъ образомъ которыхъ больше по числу и которыхъ меньше и отдѣлить однихъ отъ другихъ. Это порученіе онъ возложилъ на одного изъ первыхъ своихъ чиновниковъ — Аметъ-эфенди, а въ помощники и спутники ему назначилъ любимца своего — Грека Стамакія. Аметъ-эфенди поѣхалъ сначала въ Мачинъ и Тульчу собрать нужныя ему свѣдѣнія, а Стамакій отправился прямо въ некрасовскія слободы „ревизовать, кто куда согласенъ". Въ Сарыкоѣ всѣ объявили что новаго священства не принимают: „хотя и были согласные, но страха ради утаилися, да не постраждутъ что̀ таково, яко же и мы", замѣчаетъ Гончаровъ; въ Славѣ оказались и согласные, и несогласные на принятіе бѣлокриницкаго священства; а въ Журиловкѣ всѣ рѣшительно, за исключеніемъ какого-то Маргульки, объявили себя на сторонѣ епископа и новыхъ поповъ. Придавъ этимъ показаніямъ законную, офиціальную форму, Стамакій представилъ ихъ Амету-эфенди, который не замедлилъ пріѣхать въ Бабадагъ. Здѣсь, въ полномъ собраніи меджлиса, онъ объявилъ чтобъ отнынѣ тѣ, которые не хотятъ принимать новоучрежденное священство, предоставили принявшимъ это священство полную свободу пользоваться имъ безвозбранно. Между тѣмъ Стамакій, еще на пути въ некрасовскія селенія, заѣзжалъ въ Бабадагъ и отдалъ приказаніе отпустить Аркадія со всѣми прочими которые еще содержались подъ стражей, что̀ и было немедленно исполнено.

Такимъ образомъ новопоставленный славскій епископъ, почти полгода проведшій въ заключеніи *, получилъ наконецъ свободу, и дѣло Некрасовцевъ сторонниковъ бѣлокриницкаго священства областнымъ турецкимъ правительствомъ рѣшено въ ихъ пользу. Впрочемъ и послѣ этого противная партія не успокоилась; недовольная судомъ областнаго

* Аркадій со священникомъ Евфросиномъ и діакономъ Іаковымъ взяты были подъ стражу 22-го ноября 1847 года, а освобождены въ первой половинѣ мая 1848 года. На допросѣ, производившемся въ 1854 г., Аркадій самъ показалъ: „были подъ присмотромъ почти шесть мѣсяцевъ до 8 го мая 1848 года. Рущукскіе паши Садыкъ-паша, а по смерти его Сеидъ-паша, производили сами строгое изслѣдованіе, но ничего не открывъ, отпустили насъ свободно". (Дѣло объ Аркадіи, Алимпіи и Ѳеодорѣ въ министерствѣ внутрен. дѣлъ. № 46).

начальства, она рѣшилась перенести дѣло на судъ верховнаго правительства въ Константинополѣ, и вожди этой партіи съ увѣренностью говорили что австрійскимъ попамъ не бывать у Некрасовцевъ, что заводчиковъ этого новаго священства они опять засадятъ въ тюрьму и уморятъ тамъ.

VII.

Угрозы и похвальба Сарыкойцевъ не могли не тревожить Аркадія и преданную ему часть некрасовскаго населенія Добруджи; клеветы, которыми старались они подѣйствовать на правительство, были такъ важны что нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Къ этимъ тревогамъ присоединилась новая: въ некрасовскихъ селеніяхъ появилась холера, и народъ началъ впадать въ уныніе. Вообще, первое время по освобожденіи Аркадія изъ-подъ стражи было исполнено разныхъ тревогъ и опасеній; тѣмъ не менѣе однакоже славскій епископъ поспѣшилъ воспользоваться свободой чтобъ исполнить самыя необходимыя дѣла, и прежде всего совершить освященіе давно приготовленной журиловской церкви, такъ неожиданно оттянувшееся на долгое время, и поставить для журиловскихъ Некрасовцевъ священника, въ которомъ теперь, по случаю повальной болѣзни, имѣлась особенная нужда, тѣмъ больше что священноинокъ Евфросинъ вскорѣ по освобожденіи заболѣлъ холерой. * Славскіе отцы справедливо разсуждали что такое празднество, какъ освященіе церкви, благотворно подѣйствуетъ на духъ народа, впадавшаго въ уныніе, и на самихъ противниковъ новоучрежденнаго священства. 27-го мая совершено было это освященіе церкви со всѣмъ возможнымъ для перваго некрасовскаго епископа благолѣпіемъ и на всѣхъ дѣйствительно произвело впечатлѣніе очень сильное: народу казалось, что съ этого времени

* Аркадій Лаврентьевскій писалъ въ Бѣлую-Криницу отъ 19-го августа 1849 года: „Холера у насъ явилась съ Троицына дня и доселѣ еще изрѣдка тревожитъ; потянулась далѣе, въ Турцію. Священноинокъ Евфросинъ весьма былъ труденъ; но теперь сталъ поправляться. Іеродіаконъ Пахомій холерою умре. Отецъ Стефанъ умре. Аркадій келарь оздравѣ. Инокъ Макарій, вашъ подкеларщикъ, холерой умре. Писатель сего письма былъ боленъ, но Богъ воздвигъ." (Бѣлокр. арх.).

сказано было въ офиціальной записи, „на всякій часъ смертнаго случая, наипаче по нынѣшней обдержащей смертоносной болѣзни холеры, дабы не довести здѣшній старовѣрческій народъ въ прежнее бѣдствованіе священствомъ и не навести неудовольствій сосѣдственнымъ державамъ въ пріятіи опять иностраннаго священства", * въ самомъ же дѣлѣ для того чтобъ имѣть готоваго намѣстника Кириллу, какъ скоро этотъ послѣдній вступитъ въ званіе дѣйствительнаго „бѣлокриницкаго митрополита и верховнаго святителя всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ". По общему согласію избранъ былъ священноинокъ Онуфрій, котораго и надлежало теперь поставить въ епископы. По этому дѣлу и открылась надобность бѣлокриницкимъ властямъ войти въ сношеніе съ славскимъ епископомъ, который, какъ единственный существовавшій тогда, кромѣ Амвросія и Кирилла, раскольничій епископъ, по правиламъ, долженъ, былъ принять участіе въ поставленіи Онуфрія. 23-го августа, когда еще не состоялось и соборное избраніе Онуфрія, инокъ Павелъ нашелъ удобнымъ послать Аркадію приглашеніе чтобы пожаловалъ на поставленіе новоизбраннаго епископа. Приглашеніе это, очевидно, сдѣлано было только для формы, такъ какъ въ Бѣлой-Криницѣ хорошо знали что славскому епископу, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, невозможно было предпринять путешествіе въ Австрію, и даже полагали что Аркадій все еще находится въ заключеніи. Поэтому не дожидаясь и отвѣта изъ Славской епископіи, въ Бѣлой-Криницѣ рѣшились приступить къ поставленію Онуфрія, которое и совершено было 29-го августа однимъ только епископомъ Кирилломъ. Но дабы придать этому дѣйствію вполнѣ законный видъ, въ современной офиціальной записи указаны для него слѣдующія основанія: „А какъ другой епископъ, задунайскій Аркадій, находится подъ слѣдствіемъ у Турокъ и не можетъ прибыть, но *прислалъ отъ себя отношеніе*, а болѣе иныхъ единовѣрныхъ епископовъ нашихъ не предвидится: то на основаніи староцерковнаго законоположенія 28 и 29 заповѣди, иже въ Кормчей въ главѣ 42, на листахъ 302 и 318, и по силѣ правилъ монастырскаго устава о святителѣ и древлесбывшимся святоподобіямъ, самъ единъ г—нъ епископъ Кириллъ сего числа соборнѣ и надлежащимъ чиномъ произвелъ священника

* *Памятникъ происход. дѣлъ.*

Онуфрія Иванова во епископы, опредѣливъ ему епархію въ Мунтіи Ибраиловъ съ прочими единовѣрными тамошними обществами". * Впрочемъ, вскорѣ послѣ этого, и именно 3-го числа сентября, препровождено было Аркадію извѣщеніе о совершившемся рукоположеніи Онуфрія, съ просьбой прислать согласіе на утвержденіе этого дѣйствія. ** Спустя ровно мѣсяцъ, октября 2-го, Аркадій Лаврентьевскій, отъ имени славскаго епископа, отвѣтствовалъ на это извѣщеніе и на первое письмо изъ Бѣлой Криницы обширнымъ посланіемъ. Признаніе Онуфрія въ санѣ епископа дано славскимъ владыкой съ полною готовностью: „Доношу вамъ во извѣстіе что получили мы ваши письмы, посланныя вами августа 23-го и сентября 3-го, въ двухъ конвертахъ, въ которыхъ просите, изобразить вамъ наше согласіе на соборное ваше дѣйствіе согласно 19-му правилу иже во Антіохіи Сиртѣй собора. Мы объявляемъ съ подтвержденіемъ наше согласіе нижеслѣдующимъ: о поставленіи епископа Онуфрія ничтоже прекословимъ, но и подписую своею рукой на концѣ сего письма. Хотя и двумъ или тремъ епископамъ повелѣваютъ правила св. отецъ быти на поставленіи епископа, но обаче во время нужды или въ гоненіи мнози святіи отцы единъ епископъ епископа поставляли, якоже повѣствуетъ въ прологѣ, сентября 12-го, священномученикъ Автономъ Корнилія епископомъ единъ постави, и декабря 15-го, въ житіи древлеписьменномъ, Стефанъ Сурожскій Филарета епископа единъ постави, и иніи мнози. И тогда по инѣмъ странамъ многимъ епископамъ сущимъ: нынѣ же, въ болѣзненное сіе и мятежное время, кольми паче!" На сдѣланное же въ первомъ бѣлокриницкомъ письмѣ приглашеніе лично прибыть въ митрополію, Аркадій отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и при этомъ довольно обстоятельно

* *Памятникъ происход. дѣлъ.* Такимъ образомъ и здѣсь инокъ Павелъ нашелъ нужнымъ солгать „на память предбудущимъ родамъ". Никакого *отношенія* отъ задунайскаго Аркадія, по дѣлу о поставленіи епископа Онуфрія, *прислано* не было и быть не могло: на извѣщеніе объ этомъ предполаемомъ поставленіи, отправленное изъ Бѣлой-Криницы 22-го августа, отвѣтъ былъ посланъ Аркадіемъ только 2-го октября (какъ видно изъ подлиннаго письма его отъ этого числа), а въ митрополіи былъ полученъ уже въ 1849 году, 25-го февраля (какъ видно изъ собственноручной отмѣтки самого инока Павла на этомъ письмѣ).

** Въ тотъ же день было послано и въ Крайзамтъ донесеніе о поставленіи Онуфрія въ епископа *(Памят. происход. дѣлъ).*

изобразилъ затруднительное положеніе въ какомъ находился тогда славскій епископъ. „Мы теперь вскорѣ отъ своего мѣста никакъ не можемъ отлучиться, по главной причинѣ: первое, хотя Божіею помощію и рѣшено наше дѣло отъ начальства и священство оставлено быть на мѣстѣ, но навѣтницы наши сарыкойскіе и славскіе не престаютъ оклеветати насъ начальству, что будто мы имѣемъ списки съ Австрійцами о царскихъ дѣлахъ; а какъ вамъ уже извѣстно что и первѣе мы оклеветаны, что будто мы приняли греческій законъ и имѣли заговоръ съ ними на царя, и еще оклеветали будто наши иноки безпрестанно ходятъ за границу, туда и сюда. Если выѣхать изъ Турціи, то не токмо что намъ паки возвратиться сюда не попустятъ, но и оставшее наше священство до конца искоренятъ и осиротятъ священствомъ нашихъ единоплеменныхъ, и вотще будетъ все ихъ страданіе, и подвигъ, и издержки. Второе: навѣтники наши сарыкойскіе и славскіе, когда, паче чаянія ихъ, начальникъ наше дѣло рѣшилъ и священство оставилъ на мѣстѣ, тогда они отъ злобы и зависти обратились на скитъ и начали наводить безмѣрную на иноковъ клевету и на рѣшеніи дѣла въ томъ подписались что до священства дѣла не имѣть, а скитъ разорить, и бабинское начальство ихъ руку держитъ, въ томъ подписались и послали апашѣ. * И мы послѣ того посылали человѣка къ апашѣ, и апаша отказалъ: „когда слободы и бабинское начальство скиту не хощетъ, то и я не хощу“. И только велѣлъ намъ зиму въ скитѣ пробыть, а на весну Богъ вѣсть что будетъ. И сего ради мы теперь во многомъ смущеніи и колебаніи пребываемъ. Третіе: путь нашъ къ вамъ чрезъ Молдаву, а Молдава наполнена русскимъ духомъ: а вамъ извѣстно каковъ проходъ нашему званію около русскаго духа! И намъ въ таковыхъ случаяхъ полезнѣйшее разсуждати подобаетъ, якоже Св. Іоаннъ Лѣствичникъ глаголетъ: „двоимъ зломъ предлежащимъ легчайшее избирати подобаетъ“. Зло есть ослушаніе, злѣйшее же есть сію область священства лишити. Тѣмъ же и святіи отцы лѣности ради преслушающихъ запрещеніемъ облагаютъ, неудобства же ради отрицающихся, не приходящихъ на соборъ, не истязуютъ.“ **

* То-есть къ Сеидъ-пашѣ, рущукскому генералъ-губернатору.

** Подлинникъ руки Аркадія Лаврентьевскаго въ Бѣлокриницкомъ архивѣ. Тщательность, съ какою изложены здѣсь причины не допо-

Козни „враждебниковъ“ въ письмѣ Аркадія изображены довольно вѣрно. Рѣшеніемъ рущукскаго генералъ-губернатора, какъ мы сказали выше, сарыкойскіе и славскіе руководители партіи, противной новоучрежденному священству, были недовольны; они громко вопіяли что Журиловцы задарили деньгами губернатора Садыкъ-пашу, почему этотъ послѣдній и рѣшилъ дѣло въ ихъ сторону, что они пойдутъ искать правды въ Царѣградѣ, принесутъ жалобу самому султанскому правительству. И это не была пустая угроза: Сарыкойцы и славскіе выбрали депутатовъ ѣхать въ Константинополь съ жалобой на Журиловцевъ и на неправильное рѣшеніе ихъ дѣла рущукскимъ начальствомъ, именно выбрали Ивана Шмаргуна, Якушку Тюленя и Осипа Крученаго. Сначала эти депутаты съѣздили въ Бабадагъ за совѣтомъ и наставленіями къ тамошнему начальству, у котораго постоянно находили поддержку, и которое теперь особенно раздосадовано было на Журиловцевъ, потому что за нихъ получило строгій выговоръ отъ рущукскаго Садыкъ-паши. Въ Бабадагѣ депутатамъ вручили жалобу, которую они должны были подать верховному турецкому правительству: бабадагское начальство жаловалось на неправильное рѣшеніе дѣла о новоучрежденномъ некрасовскомъ священствѣ въ областномъ правленіи и требовало подвергнуть наказанію главныхъ заводчиковъ этого дѣла, каковыми указаны были: епископъ, священникъ и діаконъ, а изъ мірянъ: Гончаровъ, Сеткарь и Михайло Андреевъ. Жалобу эту подписали всѣ члены бабадагскаго меджлиса и приложили къ ней „меджлисскую печать“. На такой смѣлый поступокъ они рѣшились вѣроятно потому что Садыкъ-паша, оказавшій покровительство Журиловцамъ, около этого самаго времени умеръ, и на его мѣсто въ Рущукъ ожидался новый генералъ-губернаторъ. Бумаги, которыми бабадагское начальство снабдило сарыкойскихъ депутатовъ, придали этимъ послѣднимъ еще больше

ляющія славскому епископу прибыть на соборъ въ Бѣлую Криницу, объясняется тѣмъ что въ присягѣ при поставленіи на епископство, какъ выше сказано, онъ давалъ обѣщаніе: „внегда позоветъ мя къ себѣ господинъ мой преосвященный митрополитъ Амвросій, или въ случаѣ блюститель престола его безъ всякаго извѣта и слова ити мнѣ на соборъ; хотя бы князь или боляре и удерживать мя хотѣли, откюдь не буди мнѣ ослушатися повелѣнія господина моего митрополита“.

смѣлости. Воротясь въ село, они съ торжествомъ показывали ихъ своимъ единомышленникамъ: „Видите что̀ мы дѣлаемъ? Не бойтесь, начальство наше, что̀ захотимъ, то и будетъ! Вы только деньги готовьте, а за дѣло не безпокойтесь: это наша работа!“ Денегъ имъ собрали (о чемъ, по свидѣтельству Гончарова, всего больше и хлопоталъ Тюлень съ товарищами), снабдили всѣмъ нужнымъ, и они отправились въ Царьградъ.

Журиловцамъ нужно было употребить и съ своей стороны какія-либо мѣры для защиты принятаго ими священства въ Константинополѣ. Похлопотать ради общаго дѣла вызвался опять Гончаровъ. Константинополь онъ зналъ хорошо, имѣлъ здѣсь не мало пріятелей и покровителей, даже среди людей очень близкихъ къ правительству, услугами которыхъ онъ имѣлъ уже случай пользоваться, когда вмѣстѣ съ инокомъ Павломъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи Амвросія. И теперь онъ могъ поэтому довольно вѣрно разчитывать на успѣхъ; но тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ вести дѣло съ крайнею осторожностью, и особенно заботился чтобы настоящую цѣль своей поѣздки въ Константинополь сохранить въ секретѣ отъ Сарыкойцевъ: онъ говорилъ что ѣдетъ по своимъ собственнымъ торговымъ дѣламъ, которыя по случаю шестимѣсячнаго ареста значительно разстроились. Гончаровъ отправился сначала въ Тульчу, чтобы взять мѣсто на пароходѣ. Здѣсь, къ немалому удовольствію, узналъ онъ что константинопольскіе друзья дѣйствительно не забыли его: какой-то человѣкъ вручилъ ему записку изъ Царяграда, въ которой извѣщали что одинъ важный чиновникъ, „тайныхъ дѣлъ смотритель“, посланъ изъ Дивана въ Бабадагъ, и что ему, Гончарову, непремѣнно нужно повидаться съ этимъ чиновникомъ. Такъ какъ оказалось что чиновникъ, о которомъ шла рѣчь, въ это самое время находился въ Тульчѣ, то Гончаровъ рѣшился не упускать удобнаго случая съ нимъ повидаться. Свиданіе устроилось, и вотъ какъ описалъ его самъ Гончаровъ: „Я тотчасъ пошелъ къ Саввѣ Иванову Рукавишникову и разказалъ ему все дѣло. Онъ мнѣ говоритъ: „хорошо, мы пойдемъ съ тобой къ аяну Сеину“. Приходимъ мы съ нимъ; сказали ему что мы хотимъ съ пріѣзжимъ чиновникомъ повидаться; взяли два ока черной икры свѣжей. Аянъ намъ говоритъ: „хорошо что вы теперь пришли, онъ идетъ къ Иванчѣ въ гости, и я пойду туда, и всѣ наши старики тамъ

будутъ: мы ваше дѣло знаемъ!“ И сказалъ мнѣ: „неси туда икру!“ Самъ пошелъ впередъ, а я иду за нимъ. Приходимъ мы къ Иванчѣ. Чиновникъ сидитъ на крыльцѣ: аянъ подошелъ къ нему, поклонился и сѣли оба рядомъ, а я поклонился и сталъ, и икру держу. Онъ глянулъ на меня, а я заплакалъ. Аянъ началъ ему разказывать наше дѣло все по порядку, а потомъ и старики стали разказывать, а я стою и не могу за слезами и слова сказать. Онъ приказалъ Христакію икру отъ меня принять. И какъ они ему разказали все подробно и завѣряли, я не могу измѣрить, какой похвалы или благодарности достойны отъ насъ за толикое ихъ усердіе! Послѣ всего сказалъ мнѣ онъ: „казакъ! не бойся, вамъ худо не будетъ ничего!“ Я ему поклонился и пошелъ.“

Послѣ этого свиданія съ турецкимъ вельможей, Гончаровъ отправился въ Константинополь еще съ большею надеждой на успѣхъ. Здѣсь онъ повелъ дѣло весьма искусно, слѣдилъ за всѣми поступками своихъ противниковъ, проникалъ всюду гдѣ надѣялся получить нужное свѣдѣніе, отыскивалъ благодѣтелей, предъ которыми кланялся и плакалъ, вообще показалъ себя такимъ дипломатомъ, съ которымъ трудно было состязаться разнымъ Тюленямъ и Крученымъ. Тюлень съ товарищами былъ уже въ Константинополѣ, когда пріѣхалъ туда Гончаровъ, и этотъ послѣдній, чтобъ удобнѣе слѣдить за ними, нарочно остановился на одной съ ними квартирѣ, которую отыскать ему было не трудно, такъ какъ всѣ Некрасовцы, пріѣзжавшіе въ Царьградъ, обыкновенно останавливались въ одномъ мѣстѣ. Здѣсь, немедленно по пріѣздѣ, Гончаровъ навелъ о нихъ новыя справки: оказалось что именно теперь они отправились въ Диванъ подавать прошеніе, „разувалъ“. Гончаровъ пошелъ туда же, въ надеждѣ встрѣтиться съ ними на дорогѣ. Такъ дѣйствительно и случилось. Сарыкойцы, никакъ не ожидавшіе этой встрѣчи, остановились въ изумленіи какъ только его увидѣли. „Я подошелъ къ нимъ, разказываетъ Гончаровъ, и поклонился: они стоятъ и только поглядываютъ на меня, а ничего не говорятъ. Потомъ Крученый сталъ ругаться: „зачѣмъ тебя принесло сюда!“ и многими непристойными словами поруцалъ. А я съ ними говорю *не осердясь, не ревніемъ, но ласково*: „господа, я по своей надобности пріѣхалъ, вы знаете сколько я просидѣлъ! А также имѣю жену, и дѣти,—чѣмъ-нибудь надобно кормиться!“ Тюлень говоритъ своимъ: „намъ же лучше что онъ

самъ сюда пріѣхалъ, его и такъ прислали бы сюда въ терсяню (тюрьму), а то самъ пріѣхалъ!“ *А я съ ними говорю все ласково.*“

Прежде нежели хлопотать у своихъ вельможныхъ „пріятелей“ и „доброжелателей“, Гончарову нужно было узнать содержаніе поданнаго Сарыкойцами прошенія. Онъ отправился къ одному хорошо знакомому купцу, Решидъ-эфенди, съ которымъ Некрасовцы вели обыкновенно торговыя дѣла, въ томъ предположеніи что навѣрное кто-нибудь изъ пріѣхавшихъ депутатовъ былъ у него и разказывалъ что они дѣлаютъ въ Константинополѣ. Гончаровъ не ошибся: Решидъ дѣйствительно видѣлся съ Иваномъ Шмаргуномъ и получилъ отъ него такія печальныя извѣстія о самомъ Осипѣ Семенычѣ что пришелъ въ неописанное изумленіе когда этотъ послѣдній предсталъ предъ нимъ своею собственною особой. „Онъ меня какъ увидалъ, повѣствуетъ Гончаровъ, то у него изъ глазъ даже слезы тронулись, всталъ онъ, ухватилъ меня за руку, сталъ разспрашивать, говоритъ: „вы живы?“ Я ему сказалъ: „слава Богу!“ А потомъ и говоритъ мнѣ что „Иванъ былъ у меня и разказывалъ за васъ что ты ихъ теперь не увидишь, то-есть васъ. Я у него спросилъ почему такъ? Онъ мнѣ сказалъ что вы съ Греками соединились вѣрою воедино и для насъ худо сдѣлать умыслили, а они узнавши скоро дали знать начальству, а начальство приказало посадить ихъ, и есть шесть мѣсяцевъ какъ они сидятъ. Садыкъ-пата много денегъ взялъ отъ нихъ, а наше бабинское начальство дало намъ *шляпы*, и послали насъ сюда, мы по этому дѣлу и пріѣхали.“ Выслушавъ это, Гончаровъ передалъ Решиду „настоящую правду, какъ было дѣло“, разказалъ и сколько пришлось высидѣть въ неволѣ. „Онъ весьма радъ сталъ и говоритъ: „слава Богу что вы живы. Но вѣрь, Гончаръ, какъ я услыхалъ что они говорили объ васъ, и такъ мнѣ жалко васъ стало что даже и торговля сдѣлалась не мила!“—„А не знаешь ли ты гдѣ они разувалъ писали?“ спросилъ Гончаровъ. Оказалось что Решидъ-эфенди и это слышалъ отъ Ивана, и могъ дѣйствительно сообщить Гончарову кто писалъ для Сарыкойцевъ разувалъ.

Такимъ образомъ Гончаровъ узналъ что было ему нужно и на слѣдующій день отправился къ „разувальщику“, взявъ въ подарокъ ему „икры и сухой рыбы“. За этотъ подарокъ Гончарову охотно дали точную копію прошенія, съ

которою и явился онъ въ тотъ же день къ своимъ могущественнымъ покровителямъ. Гончаровъ, вообще очень осторожный на слово когда приходится говорить о панѣ Чайковскомъ и другихъ польскихъ выходцахъ въ Турціи, ради извѣстныхъ цѣлей покровительствовавшихъ расколу, съ которыми и тогда уже находился онъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, не назвалъ по имени этихъ „пріятелей“ своихъ и „доброжелателей“; но изъ самого разказа его можно понять кто эти значительныя лица состоящія въ сношеніяхъ съ турецкими министрами и такъ близко принимающія къ сердцу религіозные интересы Некрасовцевъ. Вотъ что̀ именно разказываетъ Гончаровъ о великихъ услугахъ, оказанныхъ ему въ то время цареградскими друзьями: „Пошелъ я къ своимъ *пріятелямъ*, и начали мы прошеніе читать. Я даже утерпѣть не могъ, услыхавши сколько они (Сарыкойцы) клаузовъ написали на насъ,* слезно заплакалъ; а наши *доброжелатели* стали меня утѣшать, — говорятъ: не бойся ты за это! Взяли и написали прошеніе противъ этого, объясная насъ, военному министру, сераскиръ-пашѣ, и послали со мною своего драгомана (переводчика). Когда мы пришли къ нему, подалъ я ему прошеніе и объясненіе, а драгоманъ ему разказалъ все по ряду, какъ было дѣло. Прочиталъ онъ прошеніе мною поданное и объясненіе, и *той часъ поѣхалъ къ садразану*, ** а намъ приказалъ съ драгоманомъ дожидаться. Часа черезъ два пріѣхалъ назадъ отъ садразана и говоритъ мнѣ: теперь не бойся ничего; хотя и померъ Садыкъ-паша, но на мѣсто его будетъ Сеидъ-паша, *и мы ему дадимъ особое предписаніе*; а ты напиши своимъ старикамъ чтобъ они и епископъ поѣхали къ пашѣ непремѣнно. Я поклонился ему, и пошли.“

Итакъ достаточно было Гончарову заручиться рекомендаціей своихъ вельможныхъ „пріятелей“ и „доброжелателей“, чтобы получить доступъ къ военному министру и чтобы этотъ послѣдній самъ лично тотчасъ же отправился къ великому визирю ходатайствовать за него, хлопотать по его дѣлу. Отвѣтъ привезенный сераскиръ-пашой отъ перваго сановника имперіи могъ служить для Гончарова вѣрнымъ

* Эти именно клаузы и были исчислены въ приведенномъ выше письмѣ Аркадія въ Бѣлую-Криницу.

** Великій визирь.

ручательствомъ, что отнынѣ можно не безпокоиться за существованіе и безопасность некрасовскаго священства. Съ этого времени онъ, дѣйствительно, вполнѣ успокоился за успѣхъ дѣла, и возвратившись отъ сераскиръ-паши, согласно его приказанію, немедленно написалъ письмо журиловскимъ старикамъ, чтобъ они были „благонадежны“ и непремѣнно повидались бы съ новымъ губернаторомъ Сеидъ-пашей, когда онъ прибудетъ въ Рущукъ.

Свиданіе съ „пріятелями“ и съ военнымъ министромъ происходило 26-го мая. Гончаровъ имѣлъ вѣрное извѣстіе, что на слѣдующій день будетъ совершено въ Журиловкѣ освященіе церкви: на радостяхъ ему захотѣлось отпраздновать надлежащимъ образомъ это событіе и самихъ „враждебниковъ“ сдѣлать невольными участниками празднества. Приготовивъ обѣдъ, купилъ вина, и принявъ смиренный видъ, пошелъ къ Тюленю съ товарищами; „господа! оставьте вы враждовать на насъ и злобиться, давайте мы любовно поторжествуемъ!“ Сарыкойцы подивились немного, съ чего это Гончаровъ придумалъ устроить „любовное торжество“; но какъ великіе охотники до подобныхъ торжествъ, не отказались раздѣлить съ нимъ трапезу. „И этотъ день, замѣчаетъ Гончаровъ, они со мною весьма добры были *возлѣ вина*; а моего расположенія не знаютъ, по какой оказіи я торжествую, — а я того ради что достовѣрно знаю что нашу церковь святили.“ Въ послѣдствіи сарыкойскіе ходаки узнали, конечно, эту „оказію“ и должны были согласиться что бороться съ Гончаровымъ было имъ не по плечу.

Проживъ еще нѣсколько времени въ Константинополѣ, по своимъ собственнымъ дѣламъ, Гончаровъ отправился домой; а сарыкойскіе депутаты все еще дожидались рѣшенія по ихъ жалобѣ, каждый почти день ходили навѣдываться въ Диванѣ, и все никакого отвѣта! Наконецъ имъ вручили бумагу для доставленія новому рущукскому губернатору: это было предписаніе Сеидъ-пашѣ заняться дѣломъ Некрасовцевъ и кончить его примиреніемъ обѣихъ враждующихъ партій. Впрочемъ, сарыкойскіе депутаты совсѣмъ не знали содержанія полученной ими бумаги. На пути изъ Царяграда они нарочно заѣхали въ Журиловку чтобы похвалиться и постращать Журиловцевъ этою бумагой: „вотъ бумага чтобы ваше дѣло разорить, а Гончара и Мишку, и Сеткаря, и все священство пошлютъ въ терсяню!“ Съ такою же похвальбой

объявили о своемъ мнимомъ успѣхѣ у себя дома, въ Сарыкоѣ, на кругу. Потомъ отправились въ Бабадагъ, представить бумагу по начальству: здѣсь сказали что съ этою бумагой имъ нужно ѣхать въ Рущукъ, „къ апашѣ“, потому что она адресована на его имя. Сарыкойцамъ ужь и прискучили эти убыточныя поѣздки въ Рущукъ; но Тюлень съ товарищами урезонилъ стариковъ тѣмъ что это въ послѣдній разъ, и больше не понадобится ѣздить: „теперь имъ послѣднее рѣшеніе будетъ, и болѣе имъ свѣта не видать!“ Прочитавъ предписаніе изъ Дивана, Сеидъ-паша, съ своей стороны, велѣлъ написать приказъ бабадагскому начальству, чтобы позаботились о прекращеніи раздора между Некрасовцами. Опять сарыкойскимъ депутатамъ вручили бумагу, и опять они пріѣхали домой хвалиться, что скоро епископа съ Гончаромъ и другими сообщниками посадятъ въ тюрьму. Оставалось представить бумагу старымъ пріятелямъ—бабадагскому начальству; но пріятели на этотъ разъ ограничались краткимъ отвѣтомъ: „*неки*, а по-русски: хорошо!“ Въ Бабадагѣ, очевидно, поняли, что и новый генералъ-губернаторъ не намѣренъ благопріятствовать Сарыкойцамъ, и что дѣйствовать вопреки высшему начальству больше не приходится. Неопредѣленный бабадагскій отвѣтъ, само собою разумѣется, не очень понравился Тюленю съ товарищами; но для поддержанія своего достоинства онъ передалъ его Сарыкойцамъ по-своему: начальство-де сказало ему, что черезъ пятнадцать дней епископа и прочихъ съ нимъ совсѣмъ выгонятъ изъ Турціи! Народъ обрадовался; нашлись однакоже и такіе, которымъ это извѣстіе показалось неправдоподобно: „напрасно такъ говорятъ, замѣчали они, не можетъ этого быть“. Этимъ невѣрующимъ пришлось дорого расплатиться за невѣріе: собранъ былъ полный кругъ, и старики объявили: „начальство сказало что чрезъ пятнадцать дней епископа выгонятъ изъ Турціи, а нѣкоторые сему не вѣруютъ и прекекуютъ, и народъ смущаютъ“. Прекекующихъ вызвали на средину и спросили: „вы говорили что епископа не выгонятъ изъ Турціи? Они сказали: говорили. Тогда ихъ приказали завалить и плетьми сѣчь.“ Тогда же выгнаны были изъ Сарыкоя три семьи, о которыхъ извѣстно было что онѣ согласны принять епископа.

Между тѣмъ въ Бабадагѣ все еще медлили исполненіемъ губернаторскаго предписанія. Это побудило журиловскихъ

старикомъ ѣхать въ Рущукъ, чтобы напомнить Сеидъ-пашѣ объ окончательномъ разсмотрѣніи ихъ дѣла. Губернаторъ отвѣчалъ что пошлетъ въ Бабадагъ своего чиновника помирить ихъ съ Сарыкойцами. Чиновникъ, Бинь-паша, скоро пріѣхалъ; по его приказанію, бабадагское начальство разослало повѣстки по некрасовскимъ селеніямъ, чтобы старики и выборные въ наискорѣйшемъ времени явились на кунакъ для выслушанія окончательнаго рѣшенія по ихъ дѣлу. Старики собрались, и Бинь-паша въ полномъ собраніи меджлиса объявилъ Сарыкойцамъ и Славцамъ, „чтобы до Журиловцевъ и до ихъ священства дѣла не имѣли никакого“.—„Нашъ царь, прибавилъ онъ, не пытаетъ никого о законѣ,—кто какъ хочетъ, такъ и молится Богу. И вотъ я говорю вамъ: распишитесь съ Журиловцами въ томъ, чтобы вы одинъ до другаго никакого дѣла не имѣли, и живите смирно.“ Сарыкойцы, подъ вліяніемъ разказовъ и обѣщаній Тюленя, никакъ не ожидали такого рѣшенія и крайне смутились; самъ Тюлень вздумалъ сдѣлать Бинь-пашѣ возраженіе.

— Ифендимъ, сказалъ онъ,—вѣдь мы и опять найдемъ ворота въ Царьградъ!

— А! ты опять поѣдешь? крикнулъ Бинь-паша:—а не хочешь ли, я заколочу тебя въ желѣза да отошлю въ тюрьму?

Вообще, замѣчаетъ Гончаровъ, по случаю угрозы Тюленя начальникъ такъ осерчалъ, „какъ будто на него кто жаромъ сыпнулъ“; а Тюлень, когда услышалъ о тюрьмѣ и кандалахъ, притихъ и „какъ будто онѣмѣлъ“. Вмѣстѣ съ этимъ и все его вліяніе на общественныя дѣла у Сарыкойцевъ кончилось

Объявивъ рѣшеніе начальства по дѣлу Некрасовцевъ, Бинь-паша потребовалъ подписокъ, что та и другая сторона довольны этимъ рѣшеніемъ: „вы не хотите этихъ поповъ имѣть, сказалъ онъ сарыкойскимъ и славскимъ старикамъ,—такъ и напишите; а вы, журиловскіе, напишите, что поповъ этихъ держать будете“. Журиловцы немедленно составили приговоръ и подписались, что судомъ остаются довольны: но Сарыкойцамъ все еще не хотѣлось давать подписку. Тогда само бабадагское начальство, прежде такъ усердно державшее ихъ руку, посовѣтовало имъ не упорствовать; аянъ-Ремидъ сказалъ: „ну же, подписывайтесь! полно вамъ врать!“ Скрѣпя сердце и они подписали приговоръ, что до журиловскихъ и до священства ихъ никакого дѣла имѣть не будутъ: только они, ради собственнаго утѣшенія, внесли въ этотъ приговоръ

условіе чтобы правительство воспретило существованіе Славскаго скита. * Такимъ образомъ дѣло о новомъ священствѣ у Некрасовцевъ было наконецъ рѣшено: желающимъ имѣть это священство правительство дозволило безпрепятственно имъ пользоваться, оградивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякихъ притязаній и нападеній со стороны тѣхъ которые принять его не пожелали.

„Это было, пишетъ Гончаровъ въ заключеніе своего сказанія,—это было въ 1848 году, сентября 14-го числа, на праздникъ Воздвиженія честнаго креста: кончилъ судъ, отдѣлилъ Журиловцевъ отъ Сарыкойцевъ, чтобъ они до насъ не имѣли дѣла никакого.“

VIII.

Первое время послѣ того какъ турецкимъ правительствомъ дозволено безпрепятственное существованіе новоучрежденнаго священства у Некрасовцевъ, было все еще довольно тревожнымъ временемъ для славскаго епископа и его паствы. Особенно смущало его то обстоятельство, что Сарыкойцы хлопотали предъ начальствомъ объ уничтоженіи скита, въ которомъ имѣлъ жительство Аркадій и находилось значительное число иноковъ вполнѣ ему преданныхъ. Отъ монастыря посылали въ Рущукъ ходатая къ Сеидъ-пашѣ, чтобъ онъ оставилъ безъ вниманія и эту просьбу Сарыкойцевъ; но губернаторъ не показалъ особеннаго желанія дѣйствовать въ защиту славскихъ иноковъ и только дозволилъ имъ прожить въ монастырѣ наступающую зиму. ** Неутѣшительно было и то что Сарыкойцы и послѣ подписки, которую взялъ съ нихъ Бинь-паша, продолжали „дышать огнепальною яростію“ противъ склонявшихся къ принятію священства, особенно когда такіе появлялись въ ихъ собственномъ селеніи. Но

* Это и имѣлъ въ виду Аркадій, когда писалъ въ Бѣлую Криницу: „навѣтники наши сарыкойскіе и славскіе, когда, паче чаянія ихъ, начальникъ наше дѣло рѣшилъ и священство оставилъ на мѣстѣ, тогда они отъ злобы и зависти обратились на скитъ и начали наводить безмѣрную на иноковъ клевету и на рѣшеніи дѣла въ томъ подписались, что *до священства дѣла не имѣть, а скитъ разорить*.... Въ томъ подписались и послали апашѣ“ (письмо отъ 2-го октября 1848 г.).

** Письмо Аркадія въ Бѣлую Криницу отъ 2-го октября 1848 г.

мало-по-малу тревожное время проходило, и этому способствовало именно то обстоятельство, что въ средѣ самихъ противниковъ новаго священства все больше и больше появлялось желающихъ принять это священство: такихъ желающихъ особенно много появилось въ Славѣ, Тульчѣ, Браиловѣ, такъ что въ началѣ 1849 года епархія славскаго епископа была уже довольно обширна и многолюдна.

Въ этомъ году, который можно назвать временемъ упроченія бѣлокриницкой іерархіи у турецкихъ раскольниковъ, Аркадій поставилъ не мало священниковъ и дьяконовъ для старообрядскихъ обществъ, гдѣ образовались такимъ образомъ приходы, и освятилъ нѣсколько церквей. 10-го мая было, напримѣръ, освященіе церкви въ городѣ Браиловѣ, 20-го августа — въ селеніи Камень, 28-го августа — въ Тульчѣ. Особенною торжественностью отличалось это послѣднее. О немъ писали въ Бѣлую Криницу: „Чудное позорище! Вси языцы въ семъ градѣ ужаснулися видя и слыша торжественное освященіе сей церкви, видя епископа нашего съ шестью священники и двомя діаконы освящающаго церковь сію! Иноки и иноки рѣдкіе остались по своимъ келіямъ, но вси подвигнулись быть на освященіи! Весь градъ наполнился народа нашего!“ * Около того же времени готовились къ освященію церкви въ Славскомъ скиту, такъ какъ начальство и по прошествіи зимы не безпокоило скита и даже позволило заняться устроеніемъ церкви. ** Вообще Аркадій и приближенные къ нему люди были очень довольны своимъ положеніемъ; объ одномъ только жалѣли они, — о томъ что священноинокъ Евфросинъ, раздѣлявшій первоначальные труды ихъ и огорченія, пожелалъ возвратиться въ Бѣлокриницкій монастырь. Но Евфросинъ потому и уѣзжалъ, что его миссія кончилась, что надобности въ немъ уже не было, такъ какъ некрасовскія селенія и монастырь болѣе не нуждались въ священникахъ. Такимъ образомъ и это обстоятельство только свидѣтельствовало объ упроченномъ положеніи новой іерархіи въ Добруджѣ. Евфросина проводили съ почестями: Аркадій наградилъ его наперснымъ крестомъ, ***

* Письмо журиловскаго общества, отъ 30-го августа 1849 г.

** Тамъ же.

*** Объ этомъ упоминается въ письмѣ Аркадія въ Бѣлую Криницу отъ 20-го марта 1851 г. „Посланы вами письма отъ обществъ благо-

а журиловское общество препроводило въ митрополію благодарственное за него посланіе, въ которомъ говорилось о немъ съ великимъ уваженіемъ: „мы лишаемся изъ среды нашего духовенства одного и самаго перваго священника нашего, отца Евфросина, претерпѣвавшаго съ нами тюремное заключеніе: онъ присутствовалъ и первенство имѣлъ во всѣхъ торжествахъ нашихъ; онъ былъ у насъ первый священникъ по епископіи. Онъ нынѣ оставилъ насъ; возвращается къ вамъ. Мы благодаримъ Господа, благодаримъ и ваше преосвященство за кроткаго и любимаго нами сего священника. Возгласимъ ему вси: аксіосъ, аксіосъ, аксіосъ! Достоинъ высшей степени за его крогость! Да просвѣтится свѣтъ его предъ человѣки! Сіе наше начертаніе вручаемъ священноиноку отцу Евфросину для поднесенія вашему преосвященству со всѣмъ вашимъ освященнымъ соборомъ и боголюбивыми иноки.“ *

Умноженіе паствы и съ тѣмъ вмѣстѣ расширеніе епархіи славскаго епископа скоро указали надобность даже въ поставленіи втораго епископа для Некрасовцевъ. Дѣло объ этомъ начиналось еще въ 1849 году, и новаго архіерея предполагалось назвать епископомъ майносскимъ, такъ какъ прежній майносскій епископъ Кириллъ тогда именовался уже митрополитомъ бѣлокриницкимъ; вмѣстѣ съ этимъ имѣлось въ виду возвести Аркадія въ санъ архіепископа, и такимъ образомъ учредить въ Славѣ архіепископію. ** Въ 1849 году исполнить это преднамѣреніе оказалось неудобнымъ; но въ слѣдующемъ году оно было приведено въ исполненіе. Починъ этого дѣла и прежде и теперь принадлежалъ собственно бѣлокриницкимъ властямъ: возведеніемъ въ архіепископское достоинство они желали оказать вниманіе и одолженіе Аркадію и вмѣстѣ упрочить его зависимость отъ новаго бѣлокриницкаго митрополита, которому весьма желательно и

дарныя и священноиноку отцу Евфросину *свидѣтельство о усаловании крестъ*“. (Бѣлокриницкій архивъ.)

* Письмо журиловскаго общества отъ 30-го августа 1849 г. (Бѣлокриницкій архивъ.)

** *Въ Памятникѣ происходящихъ дѣлъ* подъ 13-мъ іюня 1849 г. записано: „епископу Аркадію Славскому (послано сообщеніе) касательно о учрежденіи тамо архіепископіи и избраніи на епископію Майносскую достойнаго человѣка, и прибыть въ Ибраиловъ для совершенія дѣла.“

нужно было, чтобы заграничное старообрядское духовенство признало и за нимъ принадлежавшія Амвросію права „верховнаго святителя всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ". Въ августѣ 1850 года епископъ Онуфрій, вмѣстѣ съ самимъ инокомъ Павломъ, отправился въ Цилли для свиданія съ Амвросіемъ и для врученія ему условленныхъ 500 червонцевъ годичнаго жалованья. Предположено было, что на возвратномъ пути оттуда они заѣдутъ въ Добруджу и, если найдутъ удобнымъ, лично устроятъ дѣло объ открытіи новой епископской каѳедры у задунайскихъ старообрядцевъ и объ учрежденіи Славской архіепископіи, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы новый архіепископъ, самостоятельно распоряжаясь въ предѣлахъ своей области даже поставленіемъ епископовъ, самъ однакоже находился попрежнему въ зависимости отъ Бѣлокриницкой митрополіи. На этотъ случай Кириллъ снабдилъ Онуфрія довѣрительною грамотой, въ которой именно поручалъ ему: „если будетъ возможность поставить въ Славской епархіи намѣстника, то въ рукоположеніи лично содѣйствовать славскому господину епископу Аркадію, а потомъ учредить архіепископію и произвести самого господина Аркадія изъ епископа въ архіепископа законнымъ правомъ, дабы онъ впредь могъ самъ, съ содѣйствіемъ своего намѣстника, поставлять другихъ епископовъ въ европейской Турціи, и въ Азіи, и въ Африкѣ. по его собственному усмотрѣнію, *нашей же митрополіи долженъ давать извѣстіе, и самъ архіепископъ славскій долженъ зависимъ быть непремѣнно отъ нашей митрополіи.*" * Въ концѣ сентября Онуфрій и Павелъ пріѣхали въ Славскій монастырь. Видя что положеніе іерархіи у турецкихъ старообрядцевъ достаточно упрочено, они объяснили Аркадію и старшей славской братіи главную цѣль своего пріѣзда. Само собою разумѣется, что Аркадій былъ не противъ возведенія въ санъ архіепископа. Никакихъ препятствій не было найдено и къ учрежденію новой архіерейской каѳедры; но будущаго епископа нашли удобнѣйшимъ поставить не для Майноса, который съ рѣшительною враждебностью относился къ новой іерархіи, а для города Тульчи. Итакъ нужно было избрать достойнаго человѣка на тульчинскую каѳедру. Объ Аркадіи Лаврентьев-

* Довѣрительная грамота подписана августа 9-го дня 1850 г. (копія въ Бѣлокриницкомъ архивѣ.)

скомъ, послѣ недавней, всѣмъ памятной неудачной попытки возвести его въ епископскій санъ, очевидно, не могло быть и рѣчи; выборъ остановился на другомъ лаврентьевскомъ же инокѣ, — Алимпіи, который долго проходилъ съ усердіемъ разныя монастырскія послушанія, и котораго Аркадій успѣлъ уже произвести во священника. * Формальное избраніе Алимпія на тульчинскую каѳедру происходило 26-го сентября, въ Тульчѣ, въ общемъ собраніи духовенства и старшей братіи Славскаго монастыря, также уполномоченныхъ лицъ отъ славскаго и тульчинскаго обществъ. Здѣсь Онуфрій предъявилъ довѣрительную Кириллову грамоту на избраніе и поставленіе новаго епископа для задунайскихъ старообрядцевъ, въ исполненіе которой и учиненъ былъ слѣдующій *соборный приговоръ*: „на вновь опредѣленную Тульчинскую епархію избрали мы во епископа изъ среды всѣхъ освященныхъ и иночествующихъ лицъ одного Славской обители благоговѣйнаго священноинока Алимпія, который есть человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, честнаго и трезваго поведенія, проходилъ довольно число лѣтъ въ иночествѣ и до самыхъ своихъ сѣдинъ нося духовное оно иго безпрерывно въ видѣ дѣйствительнаго инока, со всякимъ тщаніемъ и усердіемъ, находился въ смиреніи и послушаніи во всякихъ монастырскихъ службахъ, а наипаче рано и поздно трудился въ пономарской должности много лѣтъ, при наблюденіи церковной чистоты и порядка; потомъ былъ и окомъ церковнаго устава, сирѣчь церковнымъ уставщикомъ; наконецъ во священноинокахъ донынѣ существовалъ для всего братства въ епископіи и для здѣшнихъ единовѣрныхъ гражданъ и прочихъ окрестныхъ духовникомъ: а потому по видимости нашей и судили его быть достойна сего епископскаго сана по самой истинѣ.“ ** 27-го числа, въ тульчинской церкви святаго апостола

* Алимпій, въ мірѣ Абрамъ Ивановъ Вскрицевъ, былъ уроженецъ города Калуги; родился въ 1795 г.; въ монастырь (Лаврентьевъ) ушелъ имѣя отъ роду 20 лѣтъ.

** Приговоръ подписали, кромѣ Аркадія и Онуфрія, слѣдующія „священныя“ лица: Славской епископіи священноинокъ Виталій, священноіерей Василій Каменскій, священноіерей Даніилъ Журиловскій, Славской епископіи діаконъ Ѳеодосій, діаконъ Симеонъ Журиловскій. Потомъ слѣдуютъ: инокъ Макарій, Славскаго скита настоятель и той же обители соборные старцы, въ томъ числѣ Аркадій и Евфросинъ (инокъ же Павелъ въ подписаніи приговора не участвовалъ).

учредить намѣсто [illegible]
ма желаемъ и усерд[illegible]
произвести, согласно предъ[illegible]
ckаго господина епископа Аркадія согласуемъ и
преки глаголемъ: понеже онъ господинъ епископ
есть достоинъ таковаго сана и власти предъ
въ здѣшней епархіи сущими священными лицы
нивъ порученіе, Онуфрій и Павелъ прямо изъ Т
Браиловъ и Молдавію, отправились въ Бѣлую-Кр

Такимъ образомъ, по прошествіи двухъ лѣтъ
злоключеній въ самомъ началѣ постигшихъ перв
па задунайскихъ старообрядцевъ, его положен
столько упрочено, что онъ могъ принять званіе
па и имѣть, въ качествѣ намѣстника, подчинен
гаго некрасовскаго архіерея. Уже это одно обс
достаточно свидѣтельствуетъ что турецкое пр
весьма снисходительно смотрѣло на возникшу
казаковъ іерархію, и сарыкойскіе враждебники,
рыхъ притомъ постепенно сокращалось, уже бы
не страшны. Но теперь заводчики новой іерархіи
цевъ уже не довольствовались и тѣмъ что прави

Наконецъ подписались депутаты славскаго и тульчан
ства (бѣлокриницкаго архива копія, съ Павловой помѣ
линный приговоръ изъ дѣла архіепископіи славской*).

* Приговоръ этотъ подписали тѣ же лица, которыя
подъ приговоромъ объ избраніи Адриніа. За подписями

стѣсняетъ духовенства и предоставило ему полную свободу существованія: имъ желательно было чтобы существованіе ихъ новой іерархіи утверждено было на прочномъ законномъ основаніи, чтобы верховное правительство издало законный актъ, которымъ бы навсегда обезпечено было самостоятельное, независимое ея существованіе, и она поступила бы такимъ образомъ подъ защиту и покровительство высшей государственной власти. Дабы начать объ этомъ дѣло въ Константинополѣ, имъ нужно было заручиться одобрительнымъ отзывомъ о некрасовскомъ духовенствѣ мѣстнаго начальства, за которымъ они и обращались не одинъ разъ къ бабадагскимъ чинамъ; но эти послѣдніе, быть-можетъ все еще питая нерасположеніе къ нимъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, въ выдачѣ свидѣтельства рѣшительно отказали. Тогда Гончаровъ, полагаясь на свои связи съ вельможными покровителями, рѣшился приступить къ дѣлу и безъ одобренія отъ мѣстныхъ начальствъ: съ нимъ отправился въ Константинополь, въ качествѣ втораго общественнаго депутата, его старый сотрудникъ—Михайло Андреевъ. Это было вскорѣ послѣ учрежденія Славской архіепископіи, и самое возведеніе Аркадія въ архіепископское достоинство, безъ сомнѣнія, служило новымъ побужденіемъ безотлагательно начать хлопоты о предоставленіи некрасовскому священству особыхъ правъ. Въ мартѣ 1851 года Аркадій Лаврентьевскій писалъ между прочимъ въ Бѣлую Криницу: „по сіе число у насъ все благополучно. Журиловскіе депутаты, Михайло Андреевъ и Іосифъ Семеновъ Гончаровъ, по общественному дѣлу находятся въ Царѣградѣ и между прочимъ подали прошеніе министру о нашей архіепископіи, дабы правительство выдало намъ ферманъ (указъ) на утвержденіе, и сія просьба пошла по дистанціямъ. Что будетъ, Богъ вѣсть. Къ намъ въ Тульчу назначенъ паша на управленіе, коему будутъ принадлежать наши города и всѣ наши Некрасовцы: слухъ имѣемъ, что ему поручено и о нашей архіепископіи произвести секретное слѣдствіе и потомъ донести въ Царьградъ, отколь ожидать должно или ферманъ, или отказъ о ономъ дѣлѣ.“ * Но Гончаровъ не слишкомъ нуждался въ добрыхъ отзывахъ о некрасовскомъ духовенствѣ

* Письмо отъ 20-го марта 1851 г. Подлинн. въ бѣлокриницкомъ архивѣ.

новаго тульчинскаго паши: константинопольскіе друзья приняли такое живое участіе въ его дѣлѣ, что ему удалось легко и свободно провести его по всѣмъ „дистанціямъ“. Положеніе дѣлъ на Востокѣ было тогда очень тревожно, и въ виду грядущихъ событій, панъ Чайковскій съ товарищами находилъ весьма нужнымъ тѣснѣе сблизиться съ Некрасовцами, и упрочить за собой и за турецкимъ правительствомъ ихъ расположеніе и преданность дарованіемъ ихъ духовенству такихъ правъ, какими не пользовалось и православное греческое духовенство. Вотъ почему Садыкъ-паша съ особеннымъ усердіемъ принялся хлопотать по дѣлу Гончарова. Онъ самъ поручился за совершенную благонадежность въ политическомъ и иныхъ отношеніяхъ новаго некрасовскаго духовенства, — и этого ручательства Гончарову было вполнѣ достаточно чтобы начать дѣло безъ „одобренія“ отъ мѣстныхъ властей; онъ указалъ ему порядокъ дѣлопроизводства, открылъ ему доступъ во всѣ присутственныя мѣста столицы и вездѣ являлся его ходатаемъ и помощникомъ. * При поручительствѣ и съ помощію такой „высокой особы“, Гончаровъ скоро и успѣшно „прошелъ всѣ дистанціи, достигнулъ до самаго высочайшаго императорскаго престола, вступило дѣло въ государственную канцелярію“. Случилось, правда, во время дѣлопроизводства одно обстоятельство, сильно напугавшее Гончарова; но тревога оказалась напрасною. Такъ какъ дѣло шло собственно о духовенствѣ, то въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ сообразили, что оно ближайшимъ образомъ касается константинопольскаго патріарха, и потому препроводили его для зависящихъ распоряженій въ патріархію. Отъ патріархіи Гончаровъ не ожидалъ ничего добраго своему дѣлу, тѣмъ болѣе что зналъ хорошо какое близкое участіе принималъ недавно константинопольскій патріархъ въ дѣлѣ Амвросія, начатомъ по требованію русскаго правительства. Сильно озабоченный, онъ поспѣшилъ принять мѣры къ возвращенію дѣла изъ патріаршей канцеляріи, какъ поступившаго туда по ошибкѣ. Но оказалось что и самъ патріархъ призналъ дѣло до него не касающимся и потому возвратилъ его безъ всякихъ съ своей стороны

* Объ участіи Садыкъ-паши и прочихъ въ доставленіи фирмана Некрасовцамъ подробно говорится въ книгѣ: *Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій*, стр. 34—40.

замѣчаній. Такимъ образомъ это неожиданное и единственное затрудненіе, встрѣченное Гончаровымъ, устранилось само собою. Наконецъ въ послѣднихъ числахъ іюня Гончарову выданъ былъ самимъ султаномъ подписанный и засвидѣтельствованный высшими сановниками имперіи фирманъ, которымъ турецкое правительство еще разъ объявляло свою волю, чтобы съ Игнатъ-казаками, его вѣрными подданными, всѣ обходились благосклонно, „дабы они подъ его покровительскимъ крыломъ свободнымъ воздухомъ въ благополучіи отдыхали“, а относительно религіи и духовенства Игнатъ-казаковъ дѣлало распоряженіе, „чтобы нынѣ свободно и въ предтекущія времена пользовались они, Игнатъ-казаки, своею собственною, отъ другихъ не принадлежащею вѣрой, и чтобы никакая другая церковная власть въ ихъ дѣла не мѣшалась, *имѣючи* (такъ какъ имѣютъ) *они собственное свое священство*“. * Эти послѣднія слова имѣли особенную важность для Аркадія и всей его паствы: въ нихъ заключалось и признаніе верховною властію дѣйствительнаго, законнаго существованія у Некрасовцевъ ихъ *собственнаго* священства, и предоставленіе этому именно священству полнаго и безпрепятственнаго распоряженія церковными дѣлами у Некрасовцевъ.

Полученіе фирмана было истиннымъ праздникомъ для Славской архіепископіи: старцы возносили молитву за добраго султана, благодарили и осыпали похвалами неутомимаго Осипа Семеновича, поздравляли другъ друга съ полученіемъ „монаршей милости“. По случаю такого радостнаго событія предположено было устроить и нарочитое торжество: „нынѣ,— писалось въ извѣстительномъ посланіи изъ Славской обители,—нынѣ въ нашихъ архипастырѣхъ и во всѣхъ отцѣхъ и въ мірскихъ положено: въ память сей монаршей милости въ непродолжительномъ времени составить свѣтлый праздникъ во всѣхъ нашихъ церквахъ и принести Всемогущему Господу Богу и Возбранной Воеводѣ Пречистой Богородицѣ благодарственныя молитвы и обще молить Господа Бога за кроткаго нашего царя; вѣчно благодаримъ и молимъ Бога о здравіи и спасеніи трудившагося безмездно раба Христова Іосифа“. Но прежде всего надлежало предъявить фирманъ

* Фирманъ вполнѣ напечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ: *Раскол какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій*, подъ № 3.

мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, такъ какъ въ немъ было сказано: „повелѣваемъ всѣмъ нашимъ каймаканамъ и начальникамъ, дабы нынѣшній нашъ фирманъ въ точности и вѣрно исполненъ былъ". „Фирманъ объявили мы, говорится въ томъ же извѣстительномъ посланіи,—тульчинскому каймакану, начальнику пяти городовъ, или уѣздовъ: онъ принялъ его съ великимъ благоговѣніемъ и приказалъ завести въ журналъ кадіи, то-есть прокурора, отъ слова до слова, ради покровительства нашихъ всѣхъ единовѣрныхъ. Объявили и в нашемъ городѣ, называемомъ Бабадагъ, и также завели в журналъ. Объявляемъ и въ Мачинѣ, ради покровительств Каменской церкви, священства и жителей ея." Затѣмъ пожелали какъ можно скорѣе извѣстить о своей радости и ближайшихъ по мѣсту жительства старообрядцевъ; съ этою цѣлію составлено было Аркадіемъ Лаврентьевскимъ отъ имени и по порученію архіепископа Аркадія извѣстительное посланіе, въ которомъ повѣствовалось какъ именно и чрезъ кого полученъ былъ фирманъ; * къ посланію приложена была и точная копія съ самого фирмана. И посланіе, и фирманъ просили, для общаго свѣдѣнія, прочесть по церквамъ: „объявляемъ всѣмъ нашимъ единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ: благоугодно архіепископіи Славской чтобы прочитано было въ церквахъ каменской, и браиловской и всѣмъ христіаномъ до города Яссъ, а изъ Яссъ чтобы въ наискорѣйшее время доставили мануиловскимъ церквамъ, а изъ Мануиловки препроводили бы въ Бѣлокриницкую митрополію, и дабы вручили своеручно отцу нашему и владыкѣ высокопреосвященному митрополиту Кириллѣ и его намѣстнику владыкѣ Онуфрію со всѣмъ священнымъ соборомъ и всей богоподвижной братіи, а наипаче трудившимся въ семъ дѣлѣ отцамъ Павлу и Алимпію." Къ Павлу и Алимпію въ посланіи сдѣлано было особое, многозначительное обращеніе: „Трудъ вашъ, отцы святіи, принесъ намъ пользу не точію душевную, но и гражданскую. Нашъ добрый императоръ проникнулъ угнетенія наши отъ сѣвернаго повѣтрія, высочайше повелѣваетъ всѣмъ своимъ начальникамъ, чтобы покровительствовать насъ и дабы мы подъ его крыломъ отды-

* Посланіе это было уже вполнѣ напечатано въ той же книгѣ, на стр. 35—36.

хали, вѣру свою содержали, церкви и священство безпрепятственно имѣли бы свое собственное, а не заимствовали бы отъ Россіи, какъ прежде!"

Такъ рады были въ Славской архіепископіи султанскому фирману, и радовались не напрасно. Полученіе фирмана было важнымъ событіемъ въ исторіи бѣлокриницкаго священства у турецкихъ раскольниковъ: съ этого собственно времени его существованіе является совершенно прочнымъ и вполнѣ обезпеченнымъ,—утвержденнымъ на законномъ основаніи и съ законно усвоенными ему правами; съ этого собственно времени и Аркадій съ Алимпіемъ получили полную, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемую свободу распоряженія по дѣламъ церковнымъ, въ предѣлахъ власти предоставленной имъ Бѣлокриницкою митрополіей, — свободу, которою они пользовались дѣйствительно до самаго того времени какъ взяты были Русскими * и, по распоряженію правительства, отправлены въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, гдѣ Алимпій умеръ, Аркадій же находится и понынѣ.

Н. СУББОТИНЪ.

---

* О взятіи Аркадія и Алимпія см. въ книгѣ: *Расколъ какъ орудіе...*, стр. 50—54.

ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ

Въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* помѣстилъ нѣсколько замѣчаній о тѣхъ неблаговидныхъ уловкахъ къ которымъ прибѣгаетъ *Вѣстникъ Европы* въ вопросѣ о классическомъ образованіи. Въ статьѣ моей представлены были подробныя и обстоятельныя выписки изъ петербургскаго журнала, доказывавшія несомнѣннымъ образомъ что онъ морочилъ публику, приписывая разнымъ отечественнымъ и иностраннымъ ученымъ мнѣнія о какихъ тѣ никогда не помышляли, и заставляя ихъ говорить совершенно противное тому что они говорили въ дѣйствительности. Доводы мои были до такой степени убѣдительны, что я не могъ, конечно, ожидать сколько-нибудь серіознаго возраженія на нихъ. Такъ и случилось: *Вѣстникъ Европы* благоразумно уклонился отъ спора, но за то излилъ на меня цѣлый потокъ ругательствъ, утверждая что обнаруживать его продѣлки значитъ „истреблять все честное въ молодомъ поколѣніи“. Изъ этого я могъ только заключить что мы не совсѣмъ сходимся въ понятіяхъ о чести, чему въ сущности я очень радъ; но полемическій пріемъ петербургскаго журнала отнюдь не удивилъ меня, ибо это одинъ изъ самыхъ любимыхъ его пріемовъ.

Въ то самое время, когда выставлены были мною на показъ подвиги *Вѣстника Европы*, появилась біографія Т. Н. Грановскаго — одного изъ тѣхъ справедливо уважаемыхъ

писателей, авторитетомъ коихъ тщился прикрыть себя этотъ журналъ въ своихъ изступленныхъ нападкахъ на основаніи нашей учебной реформы. Какое, повидимому, благопріятное для него обстоятельство, еслибъ онъ сознавалъ себя сколько-нибудь правымъ! Стоило бы ему лишь обратиться къ упомянутой книгѣ чтобы подтвердить свои увѣренія что извѣстный нашъ ученый дѣйствительно колебался когда-нибудь между различными системами научнаго образованія. Но повторяемъ, *Вѣстникъ Европы* не могъ сдѣлать этого, не изобличивъ самого себя безжалостнымъ образомъ. Въ біографіи Грановскаго онъ встрѣтилъ бы, между прочимъ, слѣдующее мѣсто:

„Грановскій указывалъ, что не только непреходящая красота искусства классическаго міра, но и наука его сохраняютъ вѣчное значеніе для человѣчества. Мало наукъ, которыхъ начала не примыкаютъ къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ. Всѣ мѣткія замѣчанія высказанныя Грановскимъ указывали на необходимость для здравой педагогіи ставить на первомъ планѣ древнюю филологію какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія.... Онъ нерѣдко высказывалъ замѣчаніе что здравый смыслъ русскаго народа переходитъ у него въ недостатокъ, дѣлая его мало способнымъ къ увлеченію и энтузіазму, что его поражаетъ способность русскаго человѣка къ отрицанію. Понятно какъ такое воззрѣніе усиливало въ немъ желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ систему воспитанія которая развивала бы гармонически всѣ способности учащагося, не принося ни одной изъ нихъ въ жертву другой, воспитанія, изъ котораго юноша выносилъ бы чистое понятіе о красотѣ и возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства....“

Или вотъ еще собственныя слова самого Т. Н. Грановскаго:

„Нельзя не замѣтить опаснаго заблужденія тѣхъ защитниковъ естествовѣдѣнія, которые видятъ въ немъ вѣнецъ современной образованности и хотятъ дать ему первое мѣсто въ воспитаніи, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ науками историческаго и филологическаго содержанія.... Но этотъ споръ имѣетъ не одно теоретическое значеніе; онъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе, и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Смѣемъ думать что побѣда останется не на сторонѣ такъ-называемыхъ реалистовъ...“

Замѣтьте возвышенный, благородный тонъ которымъ говоритъ Грановскій о задачахъ педагогіи, и сравните его съ гаерскимъ тономъ г. Стасюлевича, трактующаго о томъ же самомъ предметѣ въ своемъ журналѣ и объявившаго недавно что учить дѣтей древнимъ языкамъ значитъ „распарывать ротъ до ушей латинскими и греческими склоненіями“: вы поймете тогда маленькую разницу между ученымъ въ настоящемъ значеніи этого слова и мнимымъ мудрецомъ который, къ стыду нашего общества, забрался было однажды на университетскую каѳедру!

Приведенныя нами выписки (а мы могли бы привести ихъ, конечно, несравненно больше) показываютъ почему *Вѣстникъ Европы*, и въ ругательной статьѣ своей противъ меня, и въ своемъ разборѣ біографіи Грановскаго, не захотѣлъ коснуться мнѣній бывшаго московскаго профессора о классическомъ образованіи. Упомянуть объ этихъ мнѣніяхъ значило бы и Грановскаго причислить къ разряду людей которые исполнены будто бы непонятной вражды къ юному поколѣнію и изъ враждебнаго чувства хотятъ „распарывать ему ротъ до ушей“: очевидно что г. Стасюлевичъ не могъ рѣшиться на это, ибо въ настоящее время онъ считаетъ выгоднымъ для себя не порицать, а восхвалять покойнаго ученаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ не счелъ бы, конечно, нужнымъ церемониться съ его авторитетомъ. Извѣстно что когда г. Стасюлевичъ пробивалъ еще себѣ дорогу, то однимъ изъ первыхъ его дебютовъ была ожесточенная статья противъ диссертаціи Грановскаго объ аббатѣ Суггеріи,—статья, въ которой этотъ господинъ, хотѣвшій сдѣлать въ послѣдствіи наши университеты увеселительными заведеніями для всѣхъ половъ и возрастовъ и такъ успѣшно старающійся нынѣ опошлить самые серіозные вопросы въ своемъ журналѣ, горько сѣтовалъ на Грановскаго за то что тотъ выразилъ мнѣніе о необходимости сдѣлать науку занимательною для нашей публики. Подобная ересь сильно возмутила такого суроваго жреца науки какъ г. Стасюлевичъ! Мы не вспомнили бы, впрочемъ, объ этой статьѣ, еслибы не слѣдующее куріозное обстоятельство: одинъ изъ учениковъ и друзей Т. Н. Грановскаго написалъ на нее отвѣтъ гдѣ доказывалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ что уже тогда г. Стасюлевичемъ изобрѣтенъ былъ „особый ему свойственный пріемъ разбирать ученые труды....“ „Что же это за произвольное иска-

женіе словъ автора, говорилъ онъ, что̀ за выпускъ цѣлыхъ фразъ, которыми авторъ поясняетъ мысль свою? Мы должны замѣтить г. Стасюлевичу, что наука имѣетъ также свое судилище и что это судилище награждаетъ подобныя критики своимъ справедливымъ осужденіемъ“ (*Отечественныя Записки* 1850). Итакъ прекрасный обычай искажать чужія мнѣнія усвоенъ редакторомъ *Вѣстника Европы* не со вчерашняго дня: еще въ то время, когда въ качествѣ новичка онъ „робкими шагами“ выступалъ на литературное поприще, онъ успѣлъ уже сочинить для себя особый пріемъ, который безъ разбора прилагаетъ теперь къ Грановскому, Ренану, Маколею, Фоулеру и др.

Но, повторяю, я избавилъ бы г. Стасюлевича отъ этихъ непріятныхъ припоминаній и ничего не сказалъ бы о безсодержательномъ и пустомъ отвѣтѣ его журнала на мою замѣтку, еслибы не былъ вызванъ къ тому нѣсколькими выходками въ іюньской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Одинъ изъ его сотрудниковъ, какой-то г. А., увѣряетъ именно что въ замѣткѣ этой „помѣщена грязь“, и что кромѣ того она содержитъ нѣчто въ родѣ доноса. Вотъ упреки къ которымъ я не могу оставаться равнодушнымъ.

Что касается грязи, то пусть *Вѣстникъ Европы* вникнетъ только въ слѣдующее: въ замѣткѣ, о которой идетъ рѣчь, я ограничился тѣмъ что съ буквальною точностью представилъ искаженія которыя онъ надѣлалъ въ сочиненіяхъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ говорившихъ о классицизмѣ, и возстановилъ подлинные слова этихъ ученыхъ. Мое дѣло было сопоставить то и другое и сказать публикѣ: смотрите и судите.... *Вѣстникъ Европы* называетъ это грязью. Я также полагаю что дѣло не совсѣмъ чисто, но пусть же этотъ почтенный журналъ будетъ безпристрастенъ и сознается что грязь принадлежала не мнѣ.

Теперь о доносахъ.... Извѣстно что это самое любимое орудіе къ которому прибѣгаетъ г. Стасюлевичъ противъ своихъ противниковъ. Если послушать его, то онъ исполненъ самыхъ лучшихъ и благихъ намѣреній, но вынужденъ претерпѣвать, именно за нихъ, невыносимыя гоненія отъ какой-то мрачной партіи, которая клевещетъ, доноситъ на него и старается выставить его вреднымъ человѣкомъ. И не одинъ только онъ испытываетъ это бѣдствіе: подобную же участь раздѣляетъ съ нимъ большинство петербургскихъ журна-

листовъ, недостаточно оцѣненныхъ ненавистною Москвой. Изъ Москвы постоянно направлены покушенія опорочить невинность такихъ страдальцевъ за истину какъ гг. Стаховичи, Некрасовы, Скарятины, Юматовы.... Вотъ по поводу этой-то пѣсни, усердно распѣваемой *Вѣстникомъ Европы* и другими подобными ему изданіями, мнѣ хочется представить здѣсь нѣсколько объясненій.

Національное и патріотическое направленіе, которое возникаетъ съ 1863 года въ русскомъ обществѣ и отраженіемъ коего является журналистика (увы! далеко не во всѣхъ своихъ органахъ), вынуждено до сихъ поръ дѣйствовать при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Главнѣйшее его затрудненіе состоитъ въ томъ что ему приходится имѣть дѣло съ интригой которая считаетъ, конечно, существеннымъ своимъ интересомъ избѣгать всякой гласности и окружать себя непроницаемою тайной. Каждый разъ какъ выступала она наружу, достаточно было нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ чтобы нанести ей пораженіе. Такія событія какъ польскія возстанія 1830 или 1863 годовъ далеко не страшны сами по себѣ: гораздо опаснѣе и страшнѣе являлись предшествовавшія этимъ возстаніямъ и непосредственно слѣдовавшія за ними, когда интрига прикрывалась маской благонамѣренности и обнаруживала, по внѣшности, весьма дружелюбныя чувства относительно Россіи. Подъ этой личиной враждебныя намъ силы выиграли самыя лучшія свои побѣды. Къ чему привели мятежи 1830 и 1863 годовъ? Ровно ни къ чему. А что достигнуто было въ тѣ періоды времени когда Польша и западный край наслаждались, повидимому, образцовою тишиной и спокойствіемъ? Тутъ благопріятели наши успѣли втихомолку ополячить русское населеніе западныхъ губерній, успѣли возвести громадное количество шляхты въ дворянское сословіе, искусно возстановляли крестьянъ, съ помощью экзекуцій, противъ русскаго правительства, препятствовали исполненію высочайшихъ повелѣній относительно облегченія участи крестьянскаго сословія въ царствѣ Польскомъ, занимали единомышленниками своими вліятельныя должности въ администраціи и совершили множество подвиговъ о которыхъ было бы долго распространяться здѣсь, но которые одинаково свидѣтельствуютъ о ихъ ловкости и искусствѣ. Мы упомянули лишь о Поляхъ. Что же касается Остзейскаго края, то ни разу не происходило тамъ ничего даже

похожаго на возстаніе, что̀ не помѣшало, однако, этому краю очутиться теперь въ несравненно болѣе отчужденномъ положеніи отъ Россіи чѣмъ былъ онъ двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ.

Люди глубоко проникнутые національными интересами поставили себѣ задачей бороться именно съ этимъ скрытымъ, тайнымъ зломъ, которое разъѣдало нашъ государственный организмъ и причинило намъ столько бѣдствій. Они осмѣливаются думать что было бы слишкомъ близоруко выжидать пока зло обнаружится явными смутами и потрясеніями. Въ подобныя минуты выступаетъ на первый планъ грубая сила, справедливое торжество коей окупается цѣной тяжкихъ жертвъ и пролитія человѣческой крови, къ которымъ никто, конечно, не въ состояніи относиться равнодушно. Именно съ цѣлью избѣжать этой печальной необходимости и сдѣлать ненужными усмирительныя и карательныя мѣры, должно зорко слѣдить за интригой когда еще она разставляетъ свои сѣти, и не допускать ничего такого что̀ не согласно съ національными интересами страны. Единственно вѣрное для того средство есть полная и безусловная гласность, и печать не можетъ оказать лучшей услуги правительству и обществу какъ содѣйствовать имъ въ разоблаченіи всего что̀ имѣетъ въ виду сбить нашу политику съ истиннаго пути и посѣять въ умахъ вредныя недоразумѣнія.

Не трудно понять что подобный образъ дѣйствій долженъ возбуждать неистовое озлобленіе въ тѣхъ ловкихъ мастерахъ дѣла, для которыхъ особенно важно что бы все оставалось, по пословицѣ, „шито и крыто.“ Какъ? до сихъ поръ они имѣли возможность работать въ тайнѣ, а теперь самыя искусныя ухищренія ихъ выставляются наружу? Какъ? до сихъ поръ удавалось имъ приводить къ благополучному концу свои предпріятія прежде чѣмъ кто-нибудь успѣвалъ спохватиться о ихъ замыслахъ, а теперь эти замыслы дѣлаются тотчасъ же достояніемъ всей публики? Стóитъ ли послѣ того удивляться что вся ненависть враждебныхъ Россіи партій обращена противъ тѣхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей которые проникнуты патріотическимъ направленіемъ: онѣ стараются опорочить ихъ намѣренія, заподозрить ихъ цѣли, стараются, наконецъ, набросить тѣнь на личныя ихъ побужденія и свойства. Онѣ-то, между прочимъ, усердно клеймятъ своихъ противниковъ названіемъ

„доносчиковъ“.... Все это, повторяемъ, какъ нельзя болѣе понятно и естественно съ ихъ стороны, но несравненно труднѣе понять что между людьми русскими, которымъ должествовали бы быть, повидимому, дороги русскіе интересы, встрѣчается не мало такихъ которые охотно идутъ на эту удочку. А между тѣмъ фактъ этотъ несомнѣненъ. Чѣмъ же объяснить его? объясняется онъ тѣмъ, что въ обществѣ нашемъ находится, къ сожалѣнію, не мало элементовъ которые отчасти безсознательно, а отчасти съ дурными цѣлями поддаются враждебной интригѣ. Несчастная, антинаціональная система воспитанія, господствовавшая у насъ столь долгое время, непривычка заниматься самыми близкими и дорогими намъ вопросами, вслѣдствіе ихъ безгласности и подцензурности, фальшивое популярничанье, поддающееся на всякую грубую лесть, неудовлетворенное самолюбіе, наконецъ корысть, вотъ та мутная вода въ которой ловкимъ людямъ весьма удобно ловить рыбу....

Теперь что касается г. Стасюлевича, то мы отнюдь не думаемъ чтобъ онъ питалъ самъ собою какіе-либо вредные и опасные замыслы. Было бы даже забавно предположить будто онъ проникнутъ какою-то непонятною враждой къ Россіи и русскому народу: что̀ сдѣлалъ ему русскій народъ, и какіе могутъ быть у него съ нимъ счеты? Мы не въ состояніи предположить чтобы г. Стасюлевичъ, совершенно сознательно, рѣшился дѣйствовать заодно съ людьми которые преслѣдуютъ враждебныя государству цѣли и намѣренія; но чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ ожесточеніе его противъ той части нашей печати которая, по мѣрѣ силъ и способностей, старается вѣрно служить національному дѣлу? Отчего онъ такъ падокъ на злостныя обвиненія ея въ доносахъ и кляузничествѣ? Отчего такъ ревностно проповѣдуетъ онъ въ своемъ журналѣ теоріи которыя не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительными интересами и потребностями нашего общества? По крайнему убѣжденію нашему, загадка эта объясняется только слѣдующимъ образомъ: Господь Богъ не надѣлилъ г. Стасюлевича особенными способностями и талантами; всѣ литературные и ученые труды его носили на себѣ отпечатокъ крайней посредственности и ограничивались весьма жидкими компиляціями; даже познанія его болѣе чѣмъ сомнительны, какъ было доказано ему не разъ и весьма убѣдительнымъ образомъ. А между тѣмъ, кажется, самолюбіе

развито въ г. Стасюлевичѣ далеко не соразмѣрно со скромными дарами которыми одарило его небо, и безпрерывно побуждаетъ его искать популярности и видной роли: отсюда что-то тревожное и лихорадочное во всей его дѣятельности, отсюда кокетничанье его съ молодежью во время университетскихъ смутъ 1861 года, отсюда печальная шаткость убѣжденій, заставлявшая его отстаивать классическую систему образованія, когда засѣдалъ онъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, и издѣваться самымъ вульгарнымъ образомъ надъ этою системой теперь, когда онъ заискиваетъ расположенія нашихъ петербургскихъ прогрессистовъ извѣстнаго сорта.... Понятно что такой дѣятель — сущій кладъ для людей болѣе ловкихъ и изворотливыхъ чѣмъ онъ самъ: стóитъ только дѣйствовать на его тщеславіе, воспѣвать хвалы его мудрости, удивляться его либерализму, и онъ будетъ съ чужаго голоса говорить что̀ ему самому не пришло бы въ голову, не понимая хорошенько о чемъ и для чего онъ говорúтъ. Очевидно что подобные люди не въ состояніи нести полной отвѣтственности за собственныя дѣйствія, и если грѣшатъ чѣмъ-нибудь, то развѣ избыткомъ невинности.

Быть-можетъ, г. Стасюлевичу покажется предположеніе мое черезчуръ неосновательнымъ и голословнымъ. Въ такомъ случаѣ я представлю ему нѣсколько доказательствъ.

Въ прошломъ году появилась книга г. Самарина о положеніи дѣлъ въ нашемъ балтійскомъ краѣ. Книга эта вышла за границей; она была допущена въ продажу съ большими ограниченіями, а потомъ и вовсе запрещена, и уже по этому самому совершенно отъ воли журналиста зависѣло говорить о ней или обойти ее молчаніемъ. Г. Стасюлевичъ счелъ нужнымъ говорить. Открываю декабрьскую книжку *Вѣстника Европы* за 1868 годъ гдѣ помѣщенъ отчетъ объ упомянутомъ сочиненіи, и что̀ же нахожу тамъ? Это не простое порицаніе, нѣтъ, это бѣшеный вопль, какъ будто г. Стасюлевичъ былъ оскорбленъ въ самыхъ священныхъ своихъ правахъ, какъ будто необозримая пропасть разверзлась внезапно подъ его ногами. Не разбирая справедливы ли аргументы автора или нѣтъ, не касаясь нисколько основнаго содержанія книги, онъ видитъ въ ней доносъ, — постыдный и возмутительный доносъ.... По мнѣнію его, г. Самаринъ прибѣгъ къ „полицейскому пріему заглядыванья въ душу“,

пріему „изобрѣтенному въ Москвѣ“, и которымъ заразилась-де вся московская журналистика. „Эта система“, читаемъ въ *Вѣстникѣ Европы*, „повела бы къ террору, но она выве„детъ только самихъ авторовъ ея, въ концѣ концовъ, на „свѣжую воду. Надо надѣяться такъ, полагаясь на здравый „смыслъ русскаго народа который не позволитъ видѣть себя „на привязи и не послушаетъ ничьихъ угрозъ и ничьего под„стрекательства....“ Что̀ можетъ быть страшнѣе подобныхъ обвиненій, но посмотримъ же въ какой мѣрѣ созпательно дѣйствовалъ г. Стасюлевичъ выступая съ ними противъ одного изъ уважаемыхъ литераторовъ.

Доносъ!... Но доносить можно не иначе какъ на кого-нибудь. Предполагается всегда что имѣются одно или нѣсколько лицъ, которыя должны пострадать отъ доноса: но кто же эти лица въ настоящемъ случаѣ? Развѣ г. Самаринъ называлъ кого-нибудь по имени въ своей книгѣ? Развѣ указывалъ онъ именно на такихъ-то и такихъ-то общественныхъ дѣятелей въ балтійскомъ краѣ, которые оппозиціей своею правительственнымъ распоряженіямъ и непріязнью къ русскому народу способствуютъ нынѣ отчужденію его отъ Россіи? Раскрываемъ книгу г. Самарина, и видимъ, что въ двухъ или трехъ ея мѣстахъ упоминается о г. Вальтерѣ, но упоминается по поводу всѣмъ извѣстной и давно уже забытой исторіи, въ которой самъ г. Вальтеръ рѣшился публично высказать свои ученія; упоминается также о г. Боккѣ, но г. Боккъ находится теперь подъ покровительствомъ прусскихъ законовъ, и никакія обличенія не могутъ причинить ему ни малѣйшаго вреда. Г. Самаринъ тщательно избѣгаетъ говорить о лицахъ,—онъ указываетъ только на существованіе зла,—зла, которое возникло не въ самое послѣднее время, а создано годами, даже цѣлыми десятками лѣтъ, подъ вліяніемъ всего строя общественной жизни въ балтійскомъ краѣ. Предположимъ же теперь что правительство дѣйствительно истолковало бы слова г. Самарина въ смыслѣ доноса, и вознамѣрилось бы прибѣгнуть къ „системѣ террора“, которая заставляетъ трепетать г. Стасюлевича отъ негодованія и страха: противъ кого же обратилось бы оно съ этою системой? Не огуломъ ли противъ всѣхъ Нѣмцевъ обитающихъ въ остзейскихъ губерніяхъ? Не это ли испугало редактора *Вѣстника Европы*? Я не имѣю чести знать его лично; по писаніямъ и дѣйствіямъ его я составилъ о немъ

понятіе какъ о человѣкѣ весьма наивномъ, но не дерзаю однако думать чтобы наивность его простиралась до такой степени. Не смѣю предположить чтобы воображеніе г. Стасюлевича было болѣзненно потрясено картиной всѣхъ балтійскихъ Нѣмцевъ, потрясающихъ цѣпями и издающихъ жалостные вопли изъ глубины казематовъ. Пусть онъ успокоится за нихъ....

Изобрѣтенный въ Москвѣ полицейскій пріемъ заглядыванья въ душу!... Но неужели однако утверждать что нѣмецкое общество прибалтійскаго края усиливается сохранить для себя учрежденія отдѣльныя отъ государственныхъ учрежденій остальной имперіи, что русскій языкъ не допускается тамъ ни въ судахъ, ни въ администраціи, ни даже въ школахъ содержимыхъ на казенныя деньги, что на тамошнихъ крестьянъ не распространены благодѣянія реформы 19-го февраля 1861 года, что православная церковь находится тамъ въ приниженномъ положеніи и т. п., — неужели утверждать все это значитъ „полицейскимъ образомъ заглядывать въ душу?..“ Вѣдь все это факты общеизвѣстные и несомнѣнные, въ которыхъ можетъ убѣдиться всякій свернувъ изъ Динабурга по дорогѣ въ Ригу. Для чего же тутъ заглядывать въ душу, и о какомъ заглядываніи идетъ тутъ рѣчь? Или, быть-можетъ, г. Стасюлевичъ негодуетъ на московскую печать зачѣмъ она не восхищается явленіями о которыхъ упомянули мы сейчасъ, зачѣмъ видитъ она въ нихъ зло, а не высшее благо для Россіи; но что̀ же дѣлать если таковъ ея взглядъ,—взглядъ высказываемый ею вполнѣ искренно, откровенно и на основаніи доказательствъ?

По поводу заглядыванія въ душу мы можемъ указать г. Стасюлевичу на одинъ весьма краснорѣчивый фактъ, совершившійся на дняхъ. Профессоръ Дерптскаго университета, г. Ширренъ, издалъ за границей брошюру съ подробнымъ изложеніемъ profession de foi нѣмецкой партіи въ балтійскомъ краѣ. Въ брошюрѣ этой говорится что основныя черты въ характерѣ русскаго народа — распущенность и безпечность, что русскій народъ охотно мирится съ самымъ грубымъ варварствомъ, что онъ не въ состояніи произвести ничего прочнаго и долговѣчнаго, что такимъ былъ онъ всегда и что нѣтъ даже отдаленныхъ признаковъ (nicht das entfernteste Anzeichen), по которымъ можно было бы предположить объ измѣненіи его коренныхъ свойствъ къ лучшему

что народъ этотъ не имѣетъ ни прошедшаго, ни будущаго (kennt keine Vergangenheit und hat keine Zukunft), что въ политической и общественной своей жизни онъ постоянно руководился лишь грубыми инстинктами и ни разу не достигалъ яснаго сознанія своихъ цѣлей и намѣреній, что онъ исполненъ тупой ненависти ко всякому истинному превосходству и величію, что Русскіе могутъ быть терпимы въ балтійскомъ краѣ лишь какъ пришельцы и иноземцы, что настоящее отечество остзейскихъ Нѣмцевъ не въ Россіи, а на западѣ, что къ западу тянутъ они всѣми своими симпатіями и стремленіями. Г. Ширренъ читалъ въ Дерптскомъ университетѣ русскую исторію, и можно себѣ представить какъ сочувственно относился онъ къ прошлымъ судьбамъ русской націи, какія понятія и убѣжденія старался онъ внушать своимъ слушателямъ! Представимъ же теперь что кому-нибудь (не принадлежащему, конечно, къ рядамъ нѣмецкой интеллигенціи) пришлось бы выслушать одну изъ подобныхъ лекцій: былъ бы онъ справедливъ или нѣтъ, еслибы закипѣло въ немъ негодованіе въ виду всѣхъ этихъ любезностей, расточаемыхъ съ каѳедры русскому народу, любезностей, за которыя г. Ширренъ, какъ акуратный Нѣмецъ, никогда не пропускалъ, конечно, срока получать казенное жалованье? И что̀ еслибъ онъ далъ публично высказаться этому негодованію? Было ли бы это „полицейскимъ заглядываніемъ въ душу“ или нѣтъ? Пусть г. Стасюлевичъ отвѣтитъ на нашъ вопросъ, и пусть не забываетъ онъ, что въ теченіе шести лѣтъ московская печать, столь падкая, по его словамъ, на полицейскіе пріемы, ни разу, къ сожалѣнію, не упомянула о характерѣ профессорской дѣятельности г. Ширрена.

Не ясно ли послѣ всего этого что когда г. Стасюлевичъ позоритъ названіемъ доносчиковъ всѣхъ кто берется обличать происки нѣмецкой партіи въ балтійскомъ краѣ, то по самому сносному и снисходительному для него объясненію, онъ говоритъ въ чужаго голоса не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ? Я понимаю, напримѣръ, что люди въ родѣ г. Ширрена прибѣгаютъ къ подобнымъ навѣтамъ: это какъ нельзя болѣе въ ихъ интересѣ; нечего удивляться что они не разбираютъ средствъ для защиты своего темнаго дѣла. Но къ какой статьи г. Стасюлевичъ такъ усердно тянетъ съ ними одну ноту?

Если редакторъ *Вѣстника Европы* найдетъ приведенный

мною примѣръ недостаточно доказательнымъ, то я представлю ему другой, еще болѣе убѣдительнаго свойства.

Въ 1867 году г. Кельсіевъ, глубоко разочарованный своею печальною дѣятельностью за границей, вознамѣрился разорвать всякую связь со своимъ прошедшимъ и возвратиться въ отечество. Не было ни малѣйшаго основанія предполагать чтобъ этотъ переворотъ въ немъ не былъ искрененъ, а потому лучшіе люди нашего общества отнеслись сочувственно къ его честной рѣшимости и къ великодушнымъ дѣйствіямъ правительства, которое не захотѣло чтобъ онъ пострадалъ за прежнія ошибки. Г. Кельсіевъ взялся за перо. Ему показалось не лишнимъ познакомить публику со всѣмъ чѣмъ обогатилъ его опытъ въ теченіе прежней скитальческой жизни; но съ перваго же вступленія его на литературное поприще нѣкоторые изъ органовъ нашей печати отнеслись къ нему съ крайнимъ озлобленіемъ, и особенно сильныя нападки пришлось ему вынести отъ *Вѣстника Европы*. Грушницкій, престидижитаторъ, рыболовъ, искатель приключеній, и Богъ знаетъ сколько еще любезныхъ названій, свидѣтельствующихъ одинаково объ ярости г. Стасюлевича и о его благовоспитанности, посыпалось тотчасъ же на голову г. Кельсіева.

Чему приписать подобныя выходки? Говорили (не подкрѣпляя, однако, слова свои доказательствами) что г. Кельсіевъ дѣйствуетъ неискренно, что онъ рисуется предъ публикой, что въ произведеніяхъ своихъ онъ толкуетъ безпрерывно о самомъ себѣ, упрекали его что на заглавномъ листкѣ своей книги или въ объявленіи о ней (не помнимъ хорошенько) онъ назвался „бывшимъ эмигрантомъ“, будто бы желая возбудить интересъ покупателей и т. п. Но если личность г. Кельсіева и выступаетъ на первый планъ во всемъ что̀ писалъ онъ по возвращеніи своемъ въ Россію, то развѣ это не понятно со стороны человѣка говорившаго именно о личныхъ своихъ впечатлѣніяхъ, о происшествіяхъ въ которыхъ онъ самъ принималъ непосредственное участіе. Пусть укажутъ намъ на какіе бы то ни было вообще мемуары, авторы коихъ, повѣствуя о лицахъ и событіяхъ своего времени, не отводили бы себѣ болѣе или менѣе обширнаго мѣста. Допустимъ что г. Стасюлевичъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ какое-нибудь право быть строго придирчивымъ къ г. Кельсіеву. Сдѣлаемъ даже еще одну уступку: предположимъ что у редактора *Вѣстника Европы* были достаточныя причины

заподозрить искренность г. Кельсіева, хотя онъ и не счелъ нужнымъ объяснить публикѣ, что̀ послужило ему основаніемъ для подобныхъ подозрѣній. Мы еще могли бы объяснить себѣ, въ такомъ случаѣ, его образъ дѣйствій, — но нѣтъ, раздраженіе г. Стасюлевича было вызвано совершенно другимъ обстоятельствомъ. Почти прямо и безъ обиняковъ обвиняетъ онъ г. Кельсіева въ доносахъ,—въ томъ, что г. Кельсіевъ присоединился къ какимъ-то писателямъ которые избрали будто бы своею задачей порочить невинность, клеветать на самыя благія намѣренія, подслуживаться кому слѣдуетъ наушничествомъ и постыдными навѣтами. „Чѣмъ болѣе стараются они (то-есть уже цѣлая компанія, а не одинъ г. Кельсіевъ) прикрываться *патріотизмомъ*, даже либерализмомъ и наилучшими побужденіями,—эти презрѣнные спекулянты гноя,—тѣмъ отвратительнѣе они. А масса отъ нихъ не отворачивается: она еще не *дозрѣла* до того чтобы самые пріемы ихъ внушали ей омерзеніе и вызывали съ ея стороны убійственное для такихъ спекулянтовъ отчужденіе отъ всего чтò бы они ни производили (*Вѣстн. Евр.* іюнь 1868 г.)." Итакъ *Вѣстникъ Европы* высказался: вотъ въ чемъ главная вина г. Кельсіева.

Я показалъ сейчасъ до какой степени безсмысленны подобные же упреки обращенные противъ автора *Окраинъ Россіи*; но предположимъ что при невѣроятныхъ, совершенно неестественныхъ натяжкахъ, г. Стасюлевичъ нашелъ бы тутъ средство вывернуться какъ-нибудь. Онъ можетъ сказать что, правда, г. Самаринъ не называлъ никого по имени, но указывалъ на цѣлую партію дѣйствующую въ духѣ враждебномъ государственнымъ интересамъ Россіи, хотя всякій пойметъ что вездѣ гдѣ только живутъ не идіоты и не сумасшедшіе, считается гражданскимъ долгомъ каждаго противиться стремленіямъ враждебнымъ своей странѣ. Онъ можетъ сказать что упоминая очень часто въ своей книгѣ о г. Бокклѣ, г. Самаринъ не имѣлъ права предположить что нѣмецкое общество прибалтійскаго края раздѣляетъ теоріи г. Бокка, хотя дѣло идетъ вовсе не о теоріяхъ, а о положительныхъ фактахъ, о цѣломъ порядкѣ вещей возникшемъ въ этомъ краѣ. Кто же создалъ его? Не одинъ же, конечно, г. Бокъ. Вотъ еслибы г. Самаринъ началъ приписывать всѣ печальныя явленія въ Остзейскихъ провинціяхъ исключительно г. Бокку, на томъ только основаніи что г. Бокъ усердно восхваляетъ

ихъ, то это было бы дѣйствительно странно; но нѣтъ рѣшительно ничего страннаго въ предположеніи что прибалтійскіе порядки возникли, развились и окрѣпли при усиліяхъ не одного лица, а цѣлой корпораціи или партіи, вполнѣ сочувствующей имъ. Допустимъ, впрочемъ что подобные аргументы, весьма убѣдительные для здраваго смысла, не имѣютъ никакого вѣса въ глазахъ г. Стасюлевича. Но пусть же онъ объяснитъ намъ теперь, какимъ образомъ г. Кельсіевъ попалъ въ разрядъ доносчиковъ? Вѣдь онъ говорилъ лишь о лицахъ съ которыми свела его судьба за границей, и которыя никогда не были русскими подданными? Въ книгѣ его, возбудившей столь цѣломудренное негодованіе *Вѣстника Европы*, шла рѣчь исключительно о галицкихъ Полякахъ или о польскихъ выходцахъ населяющихъ турецкія области, которымъ русское правительство, еслибы даже оно и пожелало того, не было бы въ состояніи причинить ни малѣйшихъ непріятностей. Кому же доносилъ на нихъ г. Кельсіевъ? Аали-пашѣ или графу Бейсту? Г. Кельсіева не было въ Россіи когда происходило польское возстаніе 1863 года, а потому онъ и не касался его, а говорилъ лишь о тѣхъ дѣятеляхъ этого возстанія (какъ напримѣръ объ Абихтѣ) которыхъ онъ зналъ въ рядахъ эмиграціи и которые давно уже поплатились жизнью за свое преступленіе; слѣдовательно вреда отъ него они не могли уже потерпѣть. Гдѣ же тутъ доносъ? Откуда же это ожесточеніе противъ человѣка явившагося изобразить происки заграничной революціонной партіи, которая, впрочемъ, сама отнюдь не скрываетъ ни враждебныхъ намѣреній, ни дѣйствій своихъ противъ Россіи? Повторяемъ еще разъ: пусть *Вѣстникъ Европы* обвиняетъ г. Кельсіева въ чемъ угодно, но мы касаемся тутъ только самого главнаго возведеннаго на него нареканія, то-есть поползновенія къ доносу. На кого же доносилъ онъ?....

Надѣемся что г. Стасюлевичъ понялъ теперь въ какомъ очутился онъ нелѣпомъ положеніи! По крайней мѣрѣ для публики совершенно ясно что всѣ эти толки о доносахъ имѣютъ цѣлью только помѣшать разоблаченію интриги, которая прежде всего требуетъ для себя мрака, скрытности и негласности. Вотъ чего хочется ловкимъ людямъ! Для этого-то съ такимъ азартомъ готовы они клеветать на всякаго кому дороги интересы своего народа, и для

„необходимости, *чтобы хорошенько изучить ее и потомъ бичевать ее сатирахъ, что вы собираете въ ней оригиналы для своихъ поэтическихъ каррикатуръ.* Эта ваша геніальная догадка подтверждалась тѣмъ что вы дѣйствительно читывали „намъ сатиры на эту сферу, хотя и воздерживались отъ печатанія ихъ. Такое поэтическое самоотверженіе, насильно „гнавшее васъ въ сферу столь несоотвѣтствующую вашимъ „поэтическимъ идеаламъ и столь несимпатичную вашей музѣ, „съ любовью воспѣвавшей меньшую братію, мужиковъ, дере„венскихъ русскихъ людей, *еще болѣе возвышало васъ въ на„шихъ глазахъ...*“ Что вы скажете объ этомъ признаніи? И послѣ этого еще говорятъ что наивность играетъ малую роль во всѣхъ нелѣпостяхъ которыя происходили и происходятъ предъ нашими глазами! Вѣроятно гг. Антоновичъ и Жуковскій еще долго удивлялись бы гражданскимъ доблестямъ г. Некрасова, еслибъ одинъ, какъ выражаются они, „крупный фактъ“ окончательно не сбилъ ихъ съ толку. „Вопреки всѣмъ „нашимъ геніальнымъ соображеніямъ и проницательнымъ до„гадкамъ, оказалось что вы витаете въ высшей сферѣ вовсе „не для сатиры и каррикатуры, а для совершенно противо„положныхъ цѣлей.... Оказалось что вы прикидываетесь ка„занскимъ сиротою, который насчетъ либерализма ничего „знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, который не повиненъ „ни душою, ни тѣломъ въ прегрѣшеніяхъ либеральнаго жур„нала, представляете дѣло такъ какъ будто весь либерализмъ „проистекаетъ отъ вашихъ сотрудниковъ, которые такъ лов„ки и изворотливы что умѣютъ замаскировать и скрыть свои „либеральныя литературныя затѣи и проказы отъ самыхъ „зоркихъ глазъ, что вы не можете справиться съ ними, что „напротивъ они васъ держатъ въ рукахъ и пр. Неизвѣст„но какъ при этомъ объяснялось существованіе вашихъ „либерально-забористыхъ стихотвореній; вѣроятно ихъ то„же писали ваши сотрудники и насильно заставляли васъ „подписываться подъ ними. Какъ бы то ни было, но толь„ко у высокопоставленныхъ лицъ, имѣвшихъ въ своемъ „вѣдѣніи литературу, сложилось такое убѣжденіе: Некрасовъ „благонамѣреннѣйшій и надежнѣйшій литераторъ; все зло про„исходитъ отъ его генеральнаго штаба, который, пользуясь „невнимательностью или оплошностью своего патрона, распро„страняетъ непохвальный крайній либерализмъ; впрочемъ „Некрасовъ все-таки обуздываетъ и сдерживаетъ своихъ

„сотрудниковъ, и потому они въ его уздѣ еще могутъ быть „терпимы, а безъ этого, предоставленные самимъ себѣ, они... „и т. д. Вотъ оно какъ дѣло повернулось! Сказанное здѣсь не „выдумка, не предположеніе и догадка, не слухъ или сплетня, „а фактъ,—фактъ дѣйствительный, неопровержимый, непре„ложный, котораго и вы не станете отрицать...“

Исповѣдь, изъ которой мы привели эти строки, не позволяетъ сомнѣваться въ своей искренности уже потому что она касается не личностей только, но самого направленія которому авторы ея служили съ необычайнымъ рвеніемъ. Вотъ что говорятъ они о такъ-называемомъ „радикализмѣ“, который однажды, ни къ селу, ни къ городу, началъ проникать въ нашу литературу.

„Каждый изъ нихъ (то-есть изъ доморощенныхъ филосо„фовъ и литераторовъ), какъ истый снигирь, подхватилъ се„бѣ какую-нибудь нотку и пошелъ на всю жизнь развивать „ее по-своему на всѣ лады. Пока въ модѣ было только обли„чать и нести наружу всякій соръ, всякій несъ соръ. Когда „дѣло дошло до болѣе философическихъ вещей, каждый счи„талъ нужнымъ выдумать какую-нибудь сверхъестественную „собственную философію. Но такъ какъ все желавшее тво„рить не могло умѣститься въ литературѣ, то явился сонмъ „литераторовъ разносившихъ свои и чужія мысли по своимъ „знакомымъ, комментируя ихъ при этомъ, конечно, какъ слѣ„дуетъ. Благодаря всему этому стали выходить неожиданные „ростки, слагаться философскія тенденціи, переступавшія „предѣлы всякой строгости и даже всякаго смысла. Пошли „въ ходъ сентенціи въ родѣ того что заниматься искусствомъ „подло, кончившіяся чуть ли не тѣмъ что подло трудиться. „Весь этотъ возмутительный и капитальный вздоръ, без„нравственный вздоръ, могъ приводить только въ озлобленіе „людей со смысломъ. Хуже всего было то что эти самые из„мыслители подобныхъ нравственныхъ пошлостей, при пер„вомъ допросѣ о томъ откуда они занялись такимъ вздоромъ, „трусили, отрекались, валили все съ своей больной головы на „здоровую. Спрашивается, какое чувство было здѣсь торже„ствующимъ, какое чувство руководило всѣмъ этимъ про„цессомъ и мѣшало либерализмъ съ возмущающею пошлостью? „Что кромѣ лицемѣрія и раболѣпства предъ модой минуты „могло объяснить такое явленіе? Только не зная какъ и ку„да идти, боясь постоянно оступиться, показаться нелибе-

„ральнымъ, нашъ либералъ могъ попадать въ тѣ непроходи„мыя дебри, въ которыхъ мы могли его наблюдать....“

Трудно было бы мѣтче и вѣрнѣе охарактеризовать то фальшивое и гадкое движеніе которое обуяло одно время нашу журналистику и получило особенно сильное развитіе въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ! Гг. Антоновичъ и Жуковскій ловко схватили всѣ забавныя его стороны, не пощадивъ при этомъ даже самихъ себя; такъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ своей книжицы, они весьма зло трунятъ надъ расплодившимися теперь переводами книгъ естественнаго содержанія надъ людьми „которые перепортили въ русскомъ переводѣ много превосходныхъ иностранныхъ сочиненій и такимъ образомъ перепорченными изданіями загородили путь неиспорченнымъ“. Если вспомнимъ что и самъ г. Антоновичъ не мало въ этомъ упражнялся (въ *Русскомъ Вѣстникѣ* было весьма убѣдительно доказано какія свѣдѣнія обнаружилъ онъ, взявшись перелагать на отечественный языкъ одно англійское сочиненіе), то всякій оцѣнитъ, конечно, замѣчательное мужество, съ которымъ онъ отважился нынѣ на подобное признаніе. Но дѣло не въ томъ. Въ настоящее время г. Антоновичъ, трудящійся въ весьма жалкомъ изданьицѣ, подъ названіемъ *Космосъ*, опечаленъ по-прежнему различными недоумѣніями и сомнѣніями, хотя предметъ ихъ уже измѣнился: онъ успѣлъ кое-какъ разгадать г. Некрасова, но вотъ предъ нимъ является новый сфинксъ въ лицѣ г. Стасюлевича. Дѣло въ томъ что въ *Вѣстникѣ Европы* появились воспоминанія о Бѣлинскомъ И. С. Тургенева, и въ этихъ воспоминаніяхъ нашъ знаменитый романистъ помѣстилъ нѣсколько весьма справедливыхъ, но не совсѣмъ лестныхъ замѣчаній о тѣхъ людяхъ за которыми съ легкой его руки сохранилось прозвище нигилистовъ. Это обстоятельство повергло г. Антоновича въ грустное раздумье. *Вѣстникъ Европы*, такъ разсуждаетъ онъ, обнаруживаетъ наклонность къ либерализму развившемуся у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ: въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ его находится г. Пыпинъ который процвѣталъ нѣкогда въ *Современникѣ*, „онъ печатаетъ у себя статьи съ эпиграфами изъ Добролюбова, а не изъ *Отцовъ и дѣтей*“; онъ поклоняется кумирамъ предъ которыми еще такъ недавно благоговѣли у насъ юныя и неопытныя головы: чѣмъ же объяснить что на ряду со всѣмъ этимъ *Вѣстникъ Европы*

выступаетъ съ отзывами далеко невыгодными для жрецовъ отжившаго культа? Гдѣ искать разрѣшенія столь мудреной загадки? Неужели бѣдному г. Антоновичу придется снова вспомнить о г. Некрасовѣ?...

Вотъ видите ли, г. Стасюлевичъ, сколько неразрѣшимыхъ вопросовъ возбуждаетъ ваша дѣятельность! Не лучше ли же покаяться сразу, если не для насъ, то хоть ради успокоенія гг. Антоновича и Жуковскаго, и сказать имъ: „Друзья мои, я самъ не знаю чего хочу, куда иду и чего добиваюсь. Вся бѣда въ томъ что, по остроумному вашему выраженію, я — какъ истый снигирь — привыкъ пѣть съ чужаго голоса и никогда не полагался слишкомъ на собственный разумъ. Я былъ профессоромъ исторіи, горячо защищалъ одно время классицизмъ и вдругъ сдѣлался теперь его противникомъ; я не прочь пощеголять крайнимъ либерализмомъ, и въ то же время, для сохраненія приличія, готовъ потрунить надъ нимъ; мнѣ хотѣлось бы сохранить репутацію патріота, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не пропускаю случая предавать поруганію всякаго кому дороги національные интересы. Пожалѣйте обо мнѣ, но не берите съ меня примѣра...“ Можемъ увѣрить г. Стасюлевича что подобная исповѣдь будетъ разумнѣе и поучительнѣе всего что онъ до сихъ поръ проповѣдывалъ въ своемъ журналѣ....

Р.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

Екатерина Первая, соч. В. В. Андреева (*Осьмнадцатый Вѣкъ*, кн. III.).

Издатель *Русскаго Архива*, г. Бартеневъ, началъ издавать съ прошедшаго года историческій сборникъ подъ названіемъ *Осьмнадцатый Вѣкъ*, въ которомъ кромѣ сыраго историческаго матеріала печатаются и изслѣдованія. Мысль давать мѣсто изслѣдованіямъ рядомъ съ историческими матеріалами заслуживаетъ полнаго одобренія. Вкусъ къ чтенію сыраго историческаго матеріала, замѣтно распространившійся въ русской публикѣ въ послѣднее время, есть явленіе доказывающее, конечно, пріобрѣтенную уже ею привычку побѣждать трудности несовременнаго, иногда и довольно неудобопонятнаго языка, желаніе знакомиться съ подробностями минувшихъ эпохъ и сознаніе важности прямыхъ, непосредственныхъ извѣстій; но подобное чтеніе представляетъ и нѣкоторыя неудобства. Читая какой-нибудь отзывъ или извѣстіе современника, положимъ, Петра или Екатерины, отнюдь не слѣдуетъ считать его непреложною истиной. Извѣстія и отзывы людей прошедшаго вѣка о современныхъ имъ дѣлахъ также разнорѣчивы какъ нынѣшніе толки о событіяхъ и людяхъ настоящаго времени; а такъ какъ невозможно чтобы всякій былъ въ состояніи произвести критическую оцѣнку предлагаемыхъ ему мемуаровъ или писемъ минувшихъ эпохъ, то намъ нерѣдко случалось слышать очень странныя мнѣнія, хотя и основанныя на первоначальныхъ источникахъ. Штелинъ, напримѣръ,

составилъ свои анекдоты о Петрѣ Великомъ по разказамъ близкихъ къ Петру людей, его сотрудниковъ; однако тотъ кто сталъ бы руководствоваться Штелиномъ впалъ бы въ грубыя и смѣшныя ошибки. Поэтому особенно важны изслѣдованія и вообще литературно-историческія статьи, гдѣ разсматриваются многіе матеріалы, сопоставляются между собою, подвергаются критической оцѣнкѣ, и гдѣ слѣдовательно люди и событія описываются съ наибольшею правдоподобностію. Объ одномъ изъ такихъ изслѣдованій, именно объ изслѣдованіи г. Васильчикова о графахъ Разумовскихъ, помѣщенномъ въ сборникѣ г. Бартенева, мы заявляли недавно со всѣмъ сочувствіемъ котораго оно заслуживаетъ.

Но прежде всѣхъ другихъ качествъ требуемыхъ отъ подобныхъ статей, надобно чтобъ онѣ были основаны на серіозныхъ, правдивыхъ, авторитетныхъ свидѣтельствахъ. Въ противномъ случаѣ онѣ будутъ только усиливать неправильныя понятія сообщаемыя недостовѣрными свидѣтельствами. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ за границей были напечатаны мемуары нѣкоего Вильбуа, подлинность которыхъ тогда же подвергнута было сомнѣнію. Почему впрочемъ не прочесть ихъ, почему не сообщить ихъ въ переводѣ русской публикѣ, и почему не принять ихъ къ свѣдѣнію, говоря о временахъ Петра и Екатерины I; но положить эти мемуары въ основаніе статьи о Петрѣ Великомъ или Екатеринѣ, руководствоваться ими преимущественно предъ другими, несомнѣнными и неопровержимыми матеріалами, значитъ обнаружить неумѣніе приняться за дѣло или желаніе щегольнуть оригинальностію въ ущербъ истинѣ. А такова именно статья, заглавіе которой выше выписано и которая, къ удивленію, нашла мѣсто въ сборникѣ г. Бартенева, даже на первомъ мѣстѣ этого сборника. Вильбуа не есть лицо вымышленное, онъ дѣйствительно находился въ русской службѣ при Петрѣ I; но чтобъ именно имъ были написаны записки изданныя подъ его именемъ въ 1853 году, это сомнительно; да еслибъ и точно онъ былъ ихъ авторомъ, достовѣрность ихъ ни мало отъ того не выиграла бы. Кастера писалъ о Екатеринѣ II какъ очевидецъ, и пользовался разказами о ней отъ людей лично ее знавшихъ, точно такъ же какъ Штелинъ о Петрѣ, но тѣмъ не менѣе ни одинъ серіозный писатель не дастъ имъ безусловной вѣры. Другой писатель изъ числа тѣхъ которыми г. Андреевъ руководствуется

есть Мотлей, напечатавшій въ 1749 году довольно плохую исторію Петра, давно забытую и имѣющую характеръ компиляціи. Кромѣ этихъ двухъ писателей г. Андреевъ выставилъ подъ своею статьей еще нѣсколько иностранныхъ именъ болѣе или менѣе уважительныхъ, но не удостоилъ поименовать ни Устрялова, ни Соловьева, которые, какъ извѣстно, черпали свои свѣдѣнія въ русскихъ государственныхъ, а первый изъ нихъ и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ архивахъ. Изъ Русскихъ одинъ покойный Арсеньевъ удостоился его довѣрія!

За то статья его напоминаетъ тѣ шаловливыя историческія упражненія которыя наполняли наши журналы лѣтъ 12—15 тому назадъ и которыя составляютъ совершенный анахронизмъ въ настоящее время. Екатерина, которая одною рукой поднимала кочергу, держа ее за конецъ, падаетъ у г. Андреева въ обморокъ, неожиданно увидѣвъ брата; Петръ удивлялся будто бы способности Екатерины быть императрицей, и эта же Екатерина, въ своемъ дворцѣ и будучи женой русскаго царя, освѣдомляется будто бы у шведскаго генерала Шлиппенбаха о здоровьи своего перваго мужа, драгуна Іогана, и съ тактомъ которому удивляется г. Андреевъ, замѣчаетъ: „не правда ли что *мой* Іоганъ былъ бравый малый?“.... Подобныя несообразности возможны только со стороны автора который гонялся исключительно за пикантностію и черпаетъ безразлично изъ источниковъ достовѣрныхъ и недостовѣрныхъ, пользуется безъ всякой критики свидѣтельствами какъ тѣхъ кто по особымъ причинамъ писали панегирики, такъ и тѣхъ что писали пасквили. О томъ что Екатерина удивляла будто бы своею способностью быть императрицей свидѣтельствуетъ Бассевичъ, министръ герцога Голштинскаго, который держался только благосклонностью своей тещи, а потому свидѣтельство идущее съ этой стороны такъ же подозрительно какъ и то которое влагаетъ въ уста Екатерины вышеприведенныя несообразныя замѣчанія о драгунѣ Іоганѣ. Г. Андреевъ говоритъ объ этомъ драгунѣ и о бракѣ его съ Маріенбургскою сиротой какъ о дѣлѣ вполнѣ достовѣрномъ; но онъ даже не поименовалъ всѣ существующія о томъ извѣстія и не далъ возможности читателю убѣдиться въ несомнѣнности факта, о которомъ однакожь вовсе умалчиваютъ писатели авторитетные. Г. Андреевъ съ неменьшею увѣренностію говоритъ о томъ что

бракъ между Петромъ и Екатериной состоялся въ 1711 году; но онъ ни слова не говоритъ о томъ что профессоръ Соловьевъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, и что въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей* былъ напечатанъ въ 1861 году документъ, дающій основаніе думать что этотъ бракъ былъ заключенъ не прежде, а послѣ Прутскаго похода, именно въ 1712 году. Г. Андреевъ ни слова не говоритъ о мѣстѣ рожденія Екатерины, довольствуясь замѣчаніемъ что принявшій ее въ свой домъ пасторъ Глюкъ не имѣлъ надобности дѣлать о томъ справки. Но если Глюкъ не наводилъ о томъ справокъ, то наводилъ ихъ Петръ, и собранныя имъ свѣдѣнія давно напечатаны, а г. Устряловъ дѣлаетъ съ своей стороны очень остроумныя догадки, уясняющія этотъ вопросъ. Извѣстно ли все это г. Андрееву?

Мы не намѣрены, впрочемъ, слѣдить далѣе за разказомъ г. Андреева, ни опровергать его извѣстія. Онъ написалъ свою статейку, очевидно, не задаваясь никакою серіозною мыслію. Она стоила ему не много труда и говоритъ воображенію читателей: можетъ-быть, именно этого онъ и хотѣлъ достигнуть. Но насъ удивляетъ что подобная статейка, которая нисколько не удивила бы насъ лѣтъ десять тому назадъ въ *Русскомъ Словѣ*, нашла мѣсто въ 1869 году и въ серіозномъ изданіи. Издатель *Осьмнадцатаго Вѣка* оговариваетъ что статья г. Андреева была написана прежде чѣмъ появился тотъ томъ исторіи Соловьева гдѣ говорится о Екатеринѣ I. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было ее печатать?

П. Щ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

МАЙ.

	Стр.
Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ. Гл. I—II. *Н. С. Тихонравова*	5
Женитьба Атуева. Разказъ. *Я. П. Полонскаго*	39
Графъ Панинъ усмиритель Пугачевщины. Гл. IV. *Д. А. Анучина*	138
Учрежденіе архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ. Гл. I—IV. *Н. И. Субботина*	169
Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины II. *А. Н. Куломзина*	216
Бѣлые голуби. Гл. XIII—XVIII. *П. И. Мельникова*	244
Воспоминанія самовара. *И. Г.*	295
Могиканы реализма. *Н. И. Соловьева*	336
Литературныя замѣтки. 1. *Joseph II und Katharina von Russland, ihr Briefwechsel*; herausgegeben von A. R. Arneth. Wien, 1869.—2. *Россія и Европа*, соч. Данилевскаго (*Заря* №№ I—IV). *П. Щ.*	346

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія доктора Бреди. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. (Окончаніе.) Часть третья. Гл. I—IV.

— II —

ІЮНЬ.

	Стр.
Графъ Панинъ усмиритель Пугачевщины. (Окончаніе.) *Д. А. Анучина*	363
Судьбы русскаго языка на Жмуди. *Бѣлорусса*	404
Политическая система Петра III. Гл. V. *П. Щебальскаго*	438
Союзы рабочихъ въ Англіи. *Густава де-Молинари*	467
Польскіе агенты въ Царѣградѣ. *В. И. Кельсіева*	520
Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ. *В. И. Родиславскаго*	545
Два вечера. Разказъ. *С. В. Танѣева*	574
Артезіанскій колодезь въ Москвѣ. *Г. Е. Щуровскаго*	610
Панургово стадо. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IX. *В. В. Крестовскаго*	641
Учрежденіе архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ. Гл. V—VIII. *Н. И. Субботина*	703
Одинъ изъ нашихъ литературно-политическихъ типовъ. *Р.*	760
Библіографическая замѣтка. *Екатерина Первая*, соч. В. В. Андреева. *(Осьмнадцатый Вѣкъ*, кн. III.) *П. Щ.*	780

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія доктора Бреди. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. V—IX.

ПОДПИСКА НА 2-Е ПОЛУГОДІЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ, со множествомъ политипажныхъ рисунковъ въ текстѣ; къ каждому нумеру прилагается парижская раскрашенная гравюра и большая вырѣзная выкройка или листъ рисованныхъ выкроекъ и узоровъ.

Въ текстѣ *Моднаго Магазина* помѣщаются рисунки *полныхъ туалетовъ* (фигуры во весь ростъ), кромѣ множества головокъ, поясныхъ фигуръ, новыхъ работъ и разныхъ принадлежностей туалета. Сверхъ того въ каждомъ нумерѣ помѣщаются рисунки наиболѣе интересныхъ явленій русской современной жизни, виньетки къ стихотвореніямъ, иллюстраціи къ повѣстямъ и разсказамъ и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На полгода съ 1-го іюля: въ Петербургѣ безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкою 4 р.; въ Москвѣ безъ доставки 3 р. 75 к., съ доставкою 5 р.; съ пересылкою въ другіе города 5 р.

Годовая цѣна съ 1-го января: въ Петербургѣ безъ доставки 6 р., съ доставкою 7 р.; въ Москвѣ 6 р. 50 к. и 8 р.; въ другихъ городахъ 8 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ, въ редакціи *Моднаго Магазина*, по Литейной, противъ Бассейной, № 45. Въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія въ Петербургъ, въ редакцію *Моднаго Магазина*.

— Bono Francis! Bono! прервалъ Макъ Финъ, махнувъ рукою. — Allons! Allons!

— J'ai l'honneur, monsieur le général, началъ опять Французъ, нѣсколько озадаченный.

— Oui! oui! commissaire général, произнесъ Макъ Финъ. Vous savez. Pas général du tout.

— Mais de cette brigade, au moins, n'est ce pas général? продолжалъ Французъ.—Je suis le colonel de Tranche Longueville du 4-me régiment, á vos ordres. Auriez vous la bonté, monsieur le général de vous donner la peine....

Къ счастію, въ эту минуту подъѣхалъ Багшо со штабомъ. Вильмотъ, отлично говорившій по-французски, все разъяснилъ, и Макъ Финъ возвратился въ мракъ безвѣстности.

Сдѣланъ былъ привалъ, пили „vin d'honneur“ на мельницѣ, и мы снова двинулись, послѣ того какъ полковникъ de Tranche Longueville выразилъ свое мнѣніе что трудно будетъ дѣйствовать въ полѣ, если наши коммиссаріатскіе офицеры будутъ носить золотые галуны на шапкахъ и имѣть видъ генераловъ.

— Это происходитъ, вѣроятно, отъ важности, которую вы приписываете ѣдѣ, говорилъ онъ, грызя въ то же время палочку шоколада,—но это можетъ повести къ недоразумѣніямъ.

Мы простились въ то самое время какъ солдаты съ обѣихъ сторонъ начали брататься. 4-й линейный полкъ произвелъ вообще хорошее впечатлѣніе на Бенгальскихъ Тигровъ.

— Они славные ребята, сколько я могъ разобрать ихъ языкъ, Билль, говорилъ одинъ солдатъ другому.

— Но зачѣмъ это они носятъ красные штаны?

— А должно-быть затѣмъ же зачѣмъ мы носимъ красныя куртки. Они то же что мы, только выворочены вверхъ ногами.

— Ребята, видѣли ли вы офицера въ юпкѣ? Прекрасную даму въ мундирѣ, съ кадушкой водки?

— Какъ же! Я видѣлъ, и получилъ отъ нея стаканчикъ. На ней шесть юпокъ. Она, должно-быть, себѣ на умѣ, хоть на вино и не скупится.

При новыхъ крикахъ: Vivent les Anglais! и Bono Francis! мы ушли, и черезъ часъ съ пригорка открылся предъ нами изгибъ, въ который врѣзалось синее море, бьющееся о скалы бѣлою пѣной. Солнце садилось за облаками, скрывавшими противоположный берегъ, и поднимался теплый, тяжелый вѣтеръ. Старики посматривали на небо.

— Къ ночи, кажется, будетъ дождь, замѣтилъ Багто Потсу, а палатокъ нѣтъ, да и вообще, можно сказать, никакого убѣжища.

Полковникъ былъ совершенно правъ: пошелъ дождь, и не было палатокъ и никакого убѣжища. Да еще какой дождь! Словно рѣка пролилась въ рѣшето. Нельзя было трубку закурить, шинели промокли насквозь, а между тѣмъ капитанъ Танжентъ, со своими усердными саперами, отмѣривалъ и чертилъ работы, долженствующія защитить перешеекъ отъ Русскихъ. Подвозу не было. Возы Макъ Фина не являлись. Но человѣкъ иногда живетъ надеждой, у которой своя легкая, подкрѣпляющая кухня. Буря понемногу утихла, промочивъ насъ сколько было возможно, и мы успѣли выразить мнѣніе что „это стыдъ“ и осыпать укоризнами коммиссара Макъ Фина и пожаловаться на судьбу свою, пока не заснули, тревожимые нѣсколько тысяченожками, которыхъ дождь выгналъ изъ норъ. Такъ покоились мы до утра, и слышался лишь крикъ часовыхъ, да лай собакъ изъ отдаленной деревни. Рано утромъ прибыли палатки для штаба, а вслѣдъ за ними и полковой багажъ. Шесть барановъ и быкъ съ громадными рогами, котораго земледѣльческіе труды должны бы избавить отъ предстоявшей ему участи, приведены были подъ конвоемъ къ Макъ Фину, вмѣстѣ съ кулями муки и другими подобными припасами. Вернувшись съ искусной рекогносцировки, въ которой набралъ много грязи и ровно никакихъ свѣдѣній, Багто весьма обрадовался улучшенію нашего положенія.

— Вотъ вамъ, Бреди, сказалъ Потсъ, подавая мнѣ бумагу помѣченную: „По дѣламъ службы“.—Доктору нѣтъ отдыха!

Дѣйствительно, это былъ приказъ отъ Макъ Филиппа тотчасъ же явиться къ нему въ Галлиполи, какъ только прибудетъ докторъ Сквилсъ, находившійся на пути къ нашему полку.

— Счастливецъ! Вы скоро выберетесь изъ этого прелестнаго мѣста! Болѣзни уже появились между солдатами размѣщенными въ городѣ.

V. Приключеніе Стендиша.

Вечеромъ ѣхалъ я по грязной, узкой, извилистой дорогѣ, окаймленной глиняными и деревянными жилищами, составлявшей главную улицу Галлиполи. Всѣ двери были заперты, окна затворены. Кое-гдѣ мѣтки мѣломъ обозначали квар-

тиры офицеровъ. Жителей не было видно, но я замѣчалъ мимоѣздомъ глаза выглядывавшіе изъ оконъ. Я отыскивалъ квартиру главнаго доктора, но не у кого было спросить гдѣ она. Да еслибъ и было у кого, на какомъ языкѣ предложилъ бы я вопросъ? Малони, ѣхавшій за мною съ моими чемоданами и медицинскими принадлежностями, тоже былъ человѣкъ неученый. Я ѣхалъ, оглядываясь кругомъ, поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, какъ вдругъ кто-то назвалъ меня по имени:

— Бреди! Теренсъ! Куда вы ѣдете?

Я поднялъ глаза. Стендишъ стоялъ у окна втораго этажа, такъ близко отъ меня, что я могъ рукой достать до него.

— Остановитесь на минуту, и войдите ко мнѣ. Колотите въ дверь изо всей силы, и я буду кричать, а бабка Пападулосъ васъ впуститъ. Я не могу сойти по причинамъ которыя объясню вамъ.

Я сталъ стучаться, а Стендишъ началъ кричать; скоро послышался скрипъ затворовъ, говоръ на новогреческомъ языкѣ, и наконецъ дверь отворила дрожащая старуха въ короткой куртке, панталонахъ и желтыхъ туфляхъ, съ нѣсколькими молетами на приглаженныхъ волосахъ. Двое дѣтей, быстроглазыхъ и длинноволосыхъ, держались за нее. Я вошелъ въ пріемную—темное, склепообразное пространство, уставленное большими глиняными кружками, напомнившими мнѣ Али-Бабу и сорокъ разбойниковъ, и скудною мебелью, едва видневшеюся при свѣтѣ лампады горѣвшей у стѣны предъ иконой святаго. Въ одномъ углу была обезьяна, изъ другаго услышалъ я хрюканье свиньи, кромѣ того визгъ и писк привлекъ вниманіе Малони, который просунулъ голову въ дверь и спросилъ: „Не въ правѣ ли мы брать здѣсь всякую живность какая намъ понравится? Вотъ тутъ отличнѣйшій поросенокъ.“

Бабка Пападулосъ проводила меня до подножія весьма скрипучей лѣстницы, круто упиравшейся въ потолокъ, въ которомъ продѣлана была западня. Я поднялся, и просунувъ голову надъ поломъ верхняго этажа, оглянулъ комнату, въ которой ожидалъ меня Стендишъ. Комната была футовъ въ пятнадцать квадратныхъ. Стѣны глиняныя, на полу между досками широкія трещины, потолокъ глиняный, потемнѣвшій отъ дождя, окна съ рамами безъ стеколъ. Въ одномъ концѣ находилось возвышеніе, поднимавшееся на нѣсколько

верщковъ надъ поломъ, прикрытое кускомъ стараго ковра и большимъ плащомъ. Это былъ „диванъ“. Револьверъ висѣлъ на стѣнѣ; въ одномъ углу былъ ящикъ, въ другомъ сѣдло. Не было ни стула, ни стола; когда я вошелъ, Стендишъ всталъ съ чемодана, на которомъ сидѣлъ. На немъ была охотничья куртка, большіе сапоги и длинная фланелевая рубашка. Лицо его было не брито, усы запущены.

Мы обмѣнялись привѣтствіями, и я отъ души разсмѣялся его наружности.

— Да, смѣйтесь и изумляйтесь, другъ мой! Есть чему! Вотъ я здѣсь жертва всѣхъ „ужасовъ войны“, обобранъ, обворованъ, ограбленъ. Я разскажу вамъ все. Начну съ начала.

„Проводивъ васъ, я постарался добыть квартиру, но Французы, пришедшіе прежде насъ, завладѣли почти всѣми домами въ городѣ. Я не могъ достать ничего съѣстнаго, багажъ мой не былъ выгруженъ, поэтому я отправился на *Колхиду*, пообѣдалъ хорошо и крѣпко заснулъ, какъ вдругъ, ранехонько, будитъ меня капитанъ и объявляетъ, что ему телеграфировали съ берега чтобъ онъ тотчасъ же отправлялся обратно въ Мальту. Вѣтеръ по Дарданелламъ дулъ адскій. Нельзя вообразить себѣ чтобы море могло такъ разыграться въ такое короткое время. Ближе подойти къ берегу *Колхиды* было нельзя, „а еслибы капитанъ послалъ васъ на берегъ въ лодкѣ, объяснилъ мнѣ шкиперъ,—при такомъ вѣтрѣ и теченіи „пришлось бы долго ждать, и онъ могъ бы подвернуться не„пріятностямъ. Я могу высадить васъ вотъ на этотъ бригъ „что подлѣ насъ, говоритъ онъ,—тамъ вы легко добудете лодку.“ Я и отправился съ моими чемоданами да двумя-тремя ящиками провизіи, и какъ ни близко было разстояніе, гребцамъ пришлось порядочно поработать, и не мало хлебнули мы морской воды. Бригъ, судно легкое, такъ и плясалъ. Нашъ мичманъ подчалилъ лодку къ кормѣ, и мы стали искать каната, крича во все горло, но напрасно. Мы подтянулись къ носу и тутъ увидѣли канатъ висящій съ борта. Я ухватился за него и сталъ влѣзать, какъ вдругъ кто-то пустилъ его съ палубы, и я шлепнулся внизъ; и еще милость Божія что я не упалъ въ море, между судномъ и лодкой; но матросы меня ухватили. Они взялись за канатъ и стали тянуть его, пока онъ не напрягся снова. Я опять полѣзъ, и на этотъ разъ добрался до перилъ и вскочилъ на палубу. Одинъ изъ матросовъ влѣзъ за мной чтобы подать мои вещи. Ни души не было видно.

Мнѣ было какъ-то жутко оставаться одному, но мои вещи поспѣшно поднимали, и не успѣлъ я обдумать что̀ мнѣ дѣлать, какъ матросъ воротился уже къ товарищамъ, и лодка летѣла по теченію и вѣтру къ *Колхидѣ*, винтъ которой уже вертѣлся, и якорь поднимался.

„Я оглянулся кругомъ и закричалъ. На палубѣ, кромѣ меня съ моими пожитками, никого и ничего не было. Я пробрался назадъ ко входу въ каюту, толкнулъ дверь и собирался сойти внизъ съ вопросомъ: „Есть ли кто тамъ внизу?“ какъ вдругъ кто-то крѣпко схватилъ меня за руку, и оглянувшись, я увидѣлъ такого безобразнаго разбойника, хуже какихъ не встрѣчалъ. Онъ выпучилъ на меня свои злодѣйскіе глаза изъ-подъ густыхъ бровей, словно хотѣлъ испугать меня. Это былъ приземистый, плечистый парень въ красномъ колпакѣ, съ серьгами въ ушахъ, въ малиновой рубашкѣ, въ засученныхъ до колѣнъ панталонахъ, босоногій; за поясомъ былъ заткнутъ у него огромный ножъ. Я оттолкнулъ его, и взявшись за револьверъ, который носилъ подъ кожанкой, сказалъ по-французски:

„— Я желаю говорить съ капитаномъ. Мнѣ нужна лодка доѣхать до берега. Я заплачу хорошо.

„— Sono Greco, non so Francese.

„Я собралъ всѣ мои свѣдѣнія въ итальянскомъ языкѣ, пріобрѣтенныя въ Мальтѣ, чтобъ объяснить что̀ мнѣ нужно, но негодяй не понималъ меня. Я еще разъ попытался сойти въ каюту, но онъ опять схватилъ меня за руку, а свободною рукой подалъ знакъ, на который явились, Богъ вѣсть откуда, четверо его товарищей. Такой страшной, безобразной шайки не найдешь нигдѣ, кромѣ какъ на галерахъ. Злобные, голодные дикари, всѣ обвѣшанные оружіемъ.

„— Я хочу видѣть вашего капитана, и увижу! воскликнулъ я, и внезапнымъ, сильнымъ движеніемъ я вырвался у негодяя который держалъ меня. Въ эту минуту судно качнулось, я покатился внизъ по лѣстницѣ и ударился объ ноги человѣка, выскакивавшаго изъ койки въ очень грязной каютѣ, освѣщенной только одною висячею лампой. Ему, должно-быть, представилось что къ нему ворвались пираты, или Богъ вѣсть что̀, ибо не успѣлъ я подняться, какъ онъ приставилъ мнѣ ко лбу весьма холодное отверстіе пистолетнаго дула. Полуфранцузскимъ, полуитальянскимъ языкомъ я старался] объяснить кто я и что̀ мнѣ нужно, какъ вдругъ

„Я былъ совершенно озадаченъ. Мошенникъ. юноша, съ энергическою наружностью, можно ск сивый. Взглядъ его исполненъ былъ бѣшенства.

„— Я въ вашихъ рукахъ, сказалъ я.—Мнѣ и в приходило что̀ я могу вызвать такой гнѣвъ, когд ту капитана *Колхиды*, я взлѣзъ на вашъ корабл просить лодки. Мы кричали долго.

„— Да! О! Конечно! воскликнулъ онъ съ горьк кой.—Вы, Англичане, владыки міра. Вы идете куда но, дѣлаете что̀ заблагоразсудите, вступаете на чуж въ чужіе замки, земли, грабите, захватываете, пр и вся вселенная должна находиться въ вашемъ ра Отчего я здѣсь? кричалъ онъ. — Отчего я здѣ минуту? Оттого что ваше проклятое племя разо Я принималъ грузъ въ Одессѣ, какъ вашъ адмир прокламацію, произнесъ свой приговоръ: объявле во имя просвѣщенія и Турціи. Боже мой! Вы д Турокъ! Пришлось мнѣ бѣжать, оставить грузъ з я заплатилъ, заплатилъ все что̀ было у меня, бѣж кою шайкой нищихъ, а вотъ теперь вы являет на корабль и требуете лодки. Чортъ бы васъ взя я вчера не вышелъ изъ Босфора, и если завтра изъ Дарданеллъ, вы, пожалуй, заставите меня пере глійскія войска. Ступайте на палубу, прочь съ гл или я убью васъ.

„Бѣшенство этого негодяя было по истинѣ д

и не ожидайте ничего. Убирайтесь съ корабля какъ взобрались на него. Чрезъ десять минутъ мы отправляемся. Вы очутитесь въ странномъ обществѣ и за страннымъ дѣломъ, если останетесь, увѣряю васъ. А теперь, повторяю, прочь съ глазъ моихъ.

„Когда я вошелъ на палубу, экипажъ хлопоталъ около моего багажа. Мои бутылки, опоражниваясь, развеселяли ихъ; чемоданы и сундуки были открыты, имущество мое расхищалось. Они взглянули не идетъ ли за мной капитанъ, но видя что я одинъ, снова принялись за свое дѣло. Я былъ разсерженъ и опрометчивъ. Я бросился на нихъ съ крикомъ: „мошенники! оставьте мои вещи!“ и началъ раздавать полновѣсные удары за Англію, водку, провизію и одежду, но бой былъ неравный. Меня схватили за ноги, опрокинули на перила и первый встрѣтившійся мнѣ злодѣй, стиснувъ мнѣ горло, замахнулся ножомъ мнѣ на грудь. Скажу вамъ, что въ эту минуту всякая-всячина, о женѣ, дѣтяхъ и тому подобномъ, промелькнула у меня въ умѣ; я увидѣлъ въ газетахъ извѣстіе о себѣ, но судно качнулось, и ножъ вонзился въ перила, лишь слегка обрѣзавъ мнѣ руку. Чрезъ секунду ударъ, безъ сомнѣнія, повторился бы, но подбѣжалъ капитанъ и ударами, пинками и криками остановилъ злодѣевъ. Однако вино раздражило ихъ.

„— Я велѣлъ имъ не трогать васъ. Сторгуйтесь съ ними о лодкѣ. Не хочу приказывать имъ рисковать жизнью. Что сдѣлано, того ужь не поправишь, но вы можете выкупить свое платье. Вы Англичанинъ, у васъ навѣрное есть золото.

„И сказавъ нѣсколько словъ злобнымъ животнымъ, между которыми одинъ только не глядѣлъ разбойникомъ съ ногъ до головы, онъ опять пошелъ на корму.

„— Eh ben, Signor! quanto darete per un'barca? спросилъ мичманъ.

Я предложилъ наполеонъ. Собаки засмѣялись мнѣ въ глаза. Они меня обнюхивали, болтая на всевозможныхъ языкахъ, и я, можетъ-быть весьма неблагоразумно, предложилъ пять наполеоновъ.

„— Давайте сотню, такъ мы поговоримъ съ вами, отвѣчали они.—Время скверное, лодка плохая, грести далеко.

„Пока я торговался съ ними, мучимый внутренно смертельнымъ страхомъ, показалась шкуна подъ французскимъ

флагомъ, идущая къ намъ: она подобрала паруса и минуты черезъ двѣ стала на якорь по направленію отъ насъ къ Галлиполи, не болѣе какъ въ четверти мили. Появленіе этой шкуны, не знаю почему, ободрило меня.

„— Довольно, сказалъ я, — это мое послѣднее слово. Я дамъ вамъ пять наполеоновъ. Довезите меня до этой шкуны. Я не буду жаловаться на ваше воровство, но больше не дамъ. А если вы задержите меня, такъ поплатитесь дорого.

„— Ну, заплатите же теперь, сказалъ мичманъ.

„Я носилъ золото въ парусинномъ мѣшкѣ, прикрѣпленномъ къ поясу. У меня было наполеоновъ восемьдесятъ. Какъ вынулъ я мѣшокъ, какъ заблестѣли и зазвенѣли золотые, злодѣи не выдержали. Мичманъ хотѣлъ вырвать у меня мѣшокъ; но я увернулся отъ него, побѣжалъ къ носу корабля, и вскарабкался сколько могъ дальше на бугшпритъ, крича:

„— Ни за что, негодяи! Скорѣе умру!

„Я ухватился за бугшпритъ рукою и сталъ махать платкомъ. Онъ развѣвался по вѣтру; соленыя брызги летѣли мнѣ въ лицо. Я все держался, поглядывая на злодѣевъ, которые переговаривались между собою, придумывая какъ бы обойти меня. Но скоро нашлось имъ другое дѣло. Капитанъ опять появился на палубѣ. Не удостоивая меня вниманія, онъ отдалъ приказаніе экипажу, и негодяи, къ которымъ присоединились еще нѣсколько человѣкъ, начали поднимать якорь. Судно качалось отъ напряженія каната; брызги били мнѣ въ лицо, я едва держался за скользкую мачту. На шкунѣ не было признака жизни, моихъ отчаянныхъ сигналовъ не замѣчали. Но Провидѣніе послало мнѣ въ эту минуту нежданную помощь, и я былъ спасенъ—отъ чего—самъ не знаю. Идя прямо противъ вѣтра и теченія, появился во всемъ грозномъ величіи и силѣ англійскій военный корабль. Онъ вышелъ изъ-за ближняго мыса, направляясь къ намъ подъ старымъ, знакомымъ флагомъ. Но увы! Пожалуй онъ остановится, или повернетъ къ Галлиполи. Якорь нашъ засѣлъ крѣпко, не легко было негодяямъ поднять его; однако, онъ подавался при каждомъ оборотѣ колеса; но еще скорѣе подвигался военный корабль, и я съ замираніемъ сердца, загнувъ назадъ голову, перевѣсился въ ту сторону, на сколько возможно, чтобы видны были мои сигналы. Капитанъ и экипажъ ничего не замѣчали, они заняты были своимъ дѣломъ.

Наконецъ, однако, капитанъ взглянулъ въ томъ же направленіи какъ я и увидѣлъ военный корабль. Господи, какъ подскочилъ онъ! Какое испустилъ ругательство. Саженяхъ въ двадцати отъ него, или менѣе, красовалась вырѣзанная на носу фигура *Ганнибала*. Да будетъ благословенъ тотъ человѣкъ который изобразилъ древняго Карѳагенянина въ полномъ римскомъ облаченіи, и тотъ кто приладилъ маленькій винтъ въ остовѣ этого корабля! На палубѣ толпились люди, множество офицеровъ съ золотыми галунами на шапкахъ, съ телескопами и трубками, и всѣ пристально глядѣли на меня, какъ я, забывъ о всякой опасности, махалъ платкомъ и шляпой какъ сумасшедшій.'

„— Бога ради, помогите! кричалъ я.

„Мнѣ что-то отвѣчали,—я не могъ разобрать что̀ именно,—и исполинъ какъ будто повернулъ въ нашу сторону. Капитанъ бросился ко мнѣ.

„— Перестаньте кричать! Мои люди отвезутъ васъ. Я позволяю, только съ условіемъ что̀ вы поѣдете сейчасъ же. Лодку уже спускаютъ. Скорѣе! Я не желаю видѣть у себя на кораблѣ этихъ господъ!

„Лодку спустили, и самъ не знаю какъ очутился я въ ней. Четыре сидѣвшіе въ ней негодяя молча и съ опасеніемъ поглядывали на военный корабль, уже очень близко подошедшій къ *Авинѣ*—имя, начерченное золотыми буквами на носу разбойничьяго судна. Они быстро стали грести къ французской шкунѣ. Напрасно указывалъ я на военный корабль. Непривлекаемый болѣе моими сигналами и видя что греческая лодка направляется къ Французу, *Ганнибалъ* заключилъ что все, должно-быть, благополучно и пошелъ дальше своею дорогой. Чрезъ нѣсколько минутъ я, съ оставшимися у меня пожитками, очутился на маленькой шкунѣ *Belle Etoile* изъ Марселя, и разказалъ шкиперу мою исторію.

„— Sacre matin! воскликнулъ онъ.—Ah! les coquins! Heh! les scélérats! Voyez! ils se sauvent! и т. д. Стоило послушать какія испускалъ онъ восклицанія, пока греческое судно поворачивало, и потомъ, распустивъ паруса, полетѣло по теченію какъ птица. Вотъ и конецъ моего разказа. Французъ, да хранитъ его Богъ на пути по водамъ, Этьенъ Полидоръ Матье Детанъ, какъ написалъ онъ мнѣ весьма грязною рукой, далъ мнѣ лодку до берега. Генералъ-квар-

тирмейстеръ отвелъ мнѣ сіе изящное помѣщеніе, за которое я плачу г-жѣ Пападулосъ весьма дорогую цѣну. Я пріискалъ слугу, Италіянца знатнаго происхожденія, который теперь, надѣюсь, покупаетъ мнѣ на базарѣ пару штановъ. Все что удалось мнѣ спасти вы видите предъ собою. Я послалъ первое письмо въ *Геркулесъ*. Куда ни заброситъ меня судьба, будьте увѣрены что я вездѣ буду искать случая встрѣтиться съ вами, и не забывайте своего стараго друга, съ которымъ привелось вамъ очутиться вмѣстѣ на театрѣ войны."

— А этотъ капитанъ, который, по вашимъ словамъ, такъ хорошо говорилъ по-англійски, былъ онъ Англичанинъ?

— Кажется, нѣтъ; развѣ „западный Британецъ", какъ О'Коннель предлагалъ назвать вашихъ соотечественниковъ.

— Что же могъ онъ здѣсь дѣлать на греческомъ бригѣ?

— Этого ужь я не знаю. Экипажъ его казался способнымъ на все. И какъ оно ни странно, а мнѣ думается что я гдѣ-то прежде уже видѣлъ его.

Виргиліо, слуга Италіянецъ, явился съ парою греческихъ шароваръ, которые пришлись отлично по большимъ сапогамъ, а я отправился разыскивать главнаго доктора Макъ-Филиппа. Послѣ многихъ трудовъ я наконецъ нашелъ его во временномъ госпиталѣ, не въ слишкомъ хорошемъ настроеніи духа, такъ какъ онъ только что вернулся туда послѣ ежедневно повторявшагося пренія съ сэръ-Джорджемъ, который, чувствуя себя всегда здоровымъ, считалъ докторовъ своими природными врагами. Мнѣ были указаны мои обязанности, и я помѣстился съ полдюжиной медиковъ въ домѣ греческаго священника. Дѣла намъ было довольно. Корабли приходили ежедневно на пути въ Скутари, и съ каждаго приходилось принимать больныхъ.

VI. Видѣніе въ Галлиполи.

Въ Галлиполи скоро собралась англійская военная сила тысячи въ четыре человѣкъ и большое количество французскаго войска. Въ хлопотахъ этой новой жизни я былъ почти счастливъ одно время; меня отрывали насильно отъ заботъ и тревогъ, которыя овладѣвали мною на досугѣ. Но въ почтовые

дни заботы и тревоги поднимались во мнѣ снова: товарищи думали что ко мнѣ сильно приступаютъ кредиторы. Добрый мой старикъ Бетсъ возвратился въ свое гнѣздо въ Пиренеяхъ, но скоро переѣхалъ оттуда въ Канны съ маіоромъ Турнбуллемъ, „который сталъ очень раздражителенъ въ шахматахъ“. Онъ аккуратно велъ переписку со мной. Отъ сэръ-Дениса я получалъ по временамъ короткія письма, а однажды пришло въ его пакетѣ нѣсколько листковъ бумаги, къ сожалѣнію крестообразно исписанныхъ, которыя я читалъ и перечитывалъ цѣлый день. Письмо это, изъ Лондона, было слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Теренсъ, дядюшка велитъ мнѣ писать вамъ, полагая что вамъ будетъ пріятно получить нѣсколько строкъ отъ меня, но онъ уже сообщилъ вамъ что всѣ старанія наши отыскать мою милую Мабель остались безуспѣшны, и стало-быть вы уже знаете что наиболѣе интересуетъ всѣхъ насъ. Я очень смущена его унынiемъ. Онъ говоритъ что считалъ себя для нея вмѣсто отца. Удивительно что она не написала. Безъ сомнѣнія, она нашла бы возможность написать, еслибы серіозно захотѣла. При всей сдержанности, у ней была привязанность къ намъ и теплое сердце; ужасно ничего не знать о ней! Надѣюсь что въ слѣдующемъ письмѣ буду имѣть возможность сказать вамъ что мы получили вѣсти о ней или отъ нея. У бѣднаго дядюшки пропасть своихъ хлопотъ. Онъ очень сердитъ на жителей Кильмойля и готовъ оставить намѣреніе выстроить заново замокъ. Джеральдъ согласенъ съ нимъ, а я не согласна. Если замокъ и будетъ возстановленъ, такъ въ меньшихъ размѣрахъ. Вы, вѣроятно, встрѣтитесь съ Джеральдомъ, такъ какъ онъ адъютантъ при генералѣ Крукенкрѣ, командующемъ бригадой, которая, по словамъ газетъ, будетъ помѣщена въ Галлиполи. Конечно, вы присмотрите за нимъ, если понадобится. Я надѣюсь что ему не потребуется ваша помощь, и вы сами также не будете вынуждены обращаться за пособіемъ къ своимъ товарищамъ, докторамъ, но извѣстія газетъ о болѣзняхъ въ войскахъ нѣсколько тревожатъ насъ. Дядя мой увѣренъ что Русскихъ не такъ легко будетъ запугать какъ думаютъ нѣкоторые. Какъ бы я желала быть въ состоянiи запугать ихъ! Здѣсь мы живемъ очень тихо и довольно уединенно. Сэръ-Денисъ очень занятъ дѣлами, и мы не принимаемъ приглашенiй, чему я очень рада, ибо вовсе не расположена выѣзжать. Сколько мы съ вами пережили съ тѣхъ поръ какъ рвали вмѣстѣ цвѣты на лугахъ въ Лохъ-на-Каррѣ! Сколько вынесли мы испытанiй и горя! Мы собираемся провести лѣто за границей, какъ только сэръ-Денисъ устроитъ дѣла. Я только поставила условіемъ поселиться невдалекѣ отъ города куда почта ходитъ исправно, чтобъ аккуратно получать письма. Роза Прендер-

гастъ писала мнѣ вскорѣ послѣ вашего отъѣзда; она въ очень дурномъ настроеніи духа. Вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Соединенные Штаты, она вернулась въ Sacré Coeur въ Анжерѣ и поговариваетъ о постриженіи. Братъ ея гдѣ-то въ Европѣ. Онъ и посовѣтовалъ ей искать убѣжища въ монастырѣ. Какъ страшно будетъ, если эта война затянется. Вы знаете гдѣ искать утѣшенія и подкрѣпленія. Каждое утро и каждый вечеръ я молюсь за васъ и за всѣхъ кто намъ дорогъ. Не забудьте сообщить мнѣ здорова ли теперь ваша голова.

„Вашъ искренній другъ навсегда
„Мери Бутлеръ."

„P. S. Безъ постскрипта нельзя. Сэръ-Денисъ много разказалъ мнѣ такого чего я не знала, о разныхъ личностяхъ въ Индіи и о родствѣ вашемъ съ нами. Я не совсѣмъ хорошо все понимаю, но сочувствую вамъ еще сильнѣе прежняго. Мистрисъ Консидинъ старается передать кому-нибудь Лохъна-Карръ. Сынъ ея только и занимается что скачками. Лондонскій повѣренный, купившій маленькое имѣніе Прендергастовъ, пріобрѣлъ его для какой-то иностранной дамы; у Розы ничего бы не осталось, еслибы не завѣщаніе отца, отказавшаго усадьбу ей, а не Морису, и назначившаго къ ней душеприкащиковъ. Въ народѣ ходятъ престранные толки. Говорятъ будто слуги Индійцы знали о нападеніи, были заодно съ какими-то иностранцами, которыхъ видѣли по сосѣдству. Такъ какъ намъ пришлось значительно уменьшить хозяйство, то дядя отослалъ всѣхъ темнокожихъ слугъ своихъ обратно въ Индію.

„М. Б."

Хорошо что у солдатъ есть кто-нибудь кто молится за ихъ дома. Они люди набожные, и въ тревогахъ похода, предъ сраженіемъ и послѣ него, не забываютъ своего Создателя. Но кто можетъ думать о Немъ среди стука оружія, когда смерть носится въ воздухѣ, кругомъ стоны умирающихъ и крики дерущихся? Немногимъ, помнится, отличались мы отъ Турокъ послѣ первой высадки, развѣ тѣмъ что муэзинъ призывалъ ихъ къ молитвѣ два раза въ день, и они, большею частію, шли. Насъ никто не звалъ къ молитвѣ, и мы не ходили. Но когда появилась въ лагерѣ холера, когда пришла зима, и мы очутились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ болѣе страшнымъ чѣмъ Русскіе, тогда стали болѣе уважать священниковъ, отличавшихся великою бѣдностью и не имѣвшихъ средствъ даже перемѣнить свою изношенную одежду.

. Никогда не видалъ я такого смѣшенія экзальтаціи съ унынiемъ, какъ въ этотъ сборъ войскъ въ Галлиполи. Бумъ.... бумъ.... бумъ.... орудіе за орудіемъ; старые дома дрожатъ, стекла лопаются въ рамахъ, штукатурка валится со стѣнъ, черепицы падаютъ съ крышъ на улицу. Греки втайнѣ хмурятся, Турки кланяются, восклицая „бисмилла!“ всѣ собаки лаютъ, коршуны кричатъ въ испугѣ.

„Кто тамъ еще? Чортъ бы взялъ это салютованіе! Домъ развалится!“ То генералъ, то адмиралъ, то герцогъ Кембриджскій пристававшій къ берегу и преспокойно разгуливавшій по городу въ охотничьей куртклѣ, то принцъ Наполеонъ, весь въ перьяхъ и галунахъ, привѣтствуемый залпомъ изъ ста орудій съ французской эскадры и крикомъ, который произвелъ такое впечатлѣніе на Стендишева слугу Италіянца, что онъ тутъ же исчезъ и болѣе уже не показывался. Шла непрерывная борьба за жизнь: провіанта не доставало, на коммиссаріатъ не всегда можно было положиться. Важные офицеры толпились у хлѣбныхъ и мясныхъ лавокъ, споря за ломти, за бараньи головы и печенки; однажды я встрѣтилъ моего почтеннаго полковника идущаго по улицѣ съ кускомъ мяса на концѣ палки, весьма торжественно, какъ будто это ему нравилось. Наконецъ въ одинъ прекрасный день появилась на стѣнѣ ветхой греческой хижины надпись мѣломъ, начерченная не весьма прямымъ почеркомъ: „Grand Restaurant de l'Armée Alliée de l'Orient“. Натуралисты удивляются какъ хищныя птицы издалека чуютъ падаль. Пусть тотъ кто сомнѣвается одаренъ ли человѣкъ такимъ же чутьемъ, обратитъ вниманіе какъ въ лагерѣ или въ чужомъ городѣ люди пронюхиваютъ пищу. Спустя немного часовъ цѣлый табунъ лошадей стоялъ у двери „большаго“ ресторана, а внутри его слышалось вавилонское смѣшеніе языковъ. Ловкій хозяинъ, припасшій нѣсколько кочней капусты, мѣшокъ картофеля, три бараньи головы, немного муки и мѣхъ тенедосскаго вина, скоро былъ вынужденъ объявить своимъ крикливымъ посѣтителямъ что онъ въ состояніи угостить ихъ только трубкой, табакомъ и кофе. Его оставили въ живыхъ съ условіемъ что на слѣдующій день онъ будетъ готовъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Какое благополучіе! Не у многихъ изъ насъ было что варить, даже еслибъ и былъ человѣкъ способный сварить что-нибудь. Все пригодное какъ-то само собою исчезало изъ котомокъ, если и находилось въ

нихъ, и невольно, съ чувствомъ зависти, вспоминались древніе Греки, у которыхъ мясо „жарилось искусно“, когда радовой Добсъ ставилъ предъ вами порцію, плодъ его долгихъ стараній. Въ „большомъ“ ресторанѣ подавался супъ изъ бараньей головы, не чрезмѣрно приправленный волосами, мясо съ лукомъ и чеснокомъ, куры, не совсѣмъ лишенныя перьевъ, пилавъ и безвкусныя яичницы. Можно было имѣть хлѣбъ, вино, турецкій табакъ, и кофе. Такимъ образомъ въ ресторанѣ, въ особенности когда завелись два новые оловянные подсвѣчника, стѣны вымылись и украсились нѣсколькими гравюрами, великодушно пожертвованными офицерами обѣихъ армій, не было недостатка въ великолѣпіи и оживленіи. Однажды вечеромъ, изливая другъ другу обычныя неудовольствія, мы сидѣли за доской на козлахъ, служившею намъ столомъ (она была покрыта желтымъ коленкоромъ, приколоннымъ съ боковъ), суровый капитанъ нашихъ старыхъ знакомцевъ 4-го линейнаго полка объяснялъ несправедливость, какой подвергся онъ вслѣдствіе „избирательной системы“, молодому прапорщику, который излагалъ, съ своей стороны, неудобства покупки мѣстъ для движенія впередъ по службѣ. Артиллерійскій маіоръ, такъ долго каменѣвшій на Востокѣ что трудно было замѣтить остатокъ жизни подъ сухою оболочкой, и съ полдюжины офицеровъ заняты были обличеніемъ разныхъ неправильностей, а маіоръ Гудъ, потягивая трубку, сообщалъ мнѣ отрывочныя свѣдѣнія о туземцахъ,—какъ вдругъ мы услышали движеніе въ городѣ, невнятный шумъ и крикъ и потомъ вдалекѣ барабанный бой.

— C'est l'ennemi! вскричалъ капитанъ Пети.

— Неужели это Русскіе? спросилъ мистеръ Смитъ.

— Ну, вотъ! проворчалъ маіоръ.—Откуда взяться Русскимъ? Дѣло однако плохое: это пожаръ, а пожаръ, скажу вамъ, не шутка въ такомъ мѣстѣ.

Маіоръ былъ правъ. На небѣ виднѣлось зарево, и летящія головешки доказывали что пожаръ не далеко. Мы побѣжали къ мѣсту.

— Чей домъ горитъ? спросилъ маіоръ.

— Отца Сергія! отвѣчалъ запыхавшійся Грекъ съ великою радостью, ибо пожаръ всегда подаетъ поводъ къ мелкому воровству.

— Ахъ, чортъ возьми, это моя квартира! воскликнулъ маіоръ.

— И моя тутъ же! добавилъ я.—Мы живемъ дверь о дверь съ вами.

Когда я бѣжалъ по лѣстницѣ чтобы спасти мое имущество, за мной слѣдовала толпа французскихъ солдатъ съ крикомъ: „Cassez tout! Cassez tout!“ и мнѣ едва удалось убѣдить ихъ отказаться отъ этого новаго способа тушить пожаръ. Маіоръ, въ свою очередь, выдержалъ такую же борьбу съ нашими энергическими союзниками. Когда дома разрушились, и бабка Пападулосъ, отецъ Димитрій, отецъ Сергій и другіе почтенные граждане погорѣли окончательно, явился, важно маршируя, безъ неприличной поспѣшности, подъ начальствомъ полковника Вигноля, сильный отрядъ англійскаго войска съ тремя бочками для тушенія пожара. Къ счастію, позади дома отца Сергія былъ большой садъ, въ которомъ пріютился священникъ со всѣмъ своимъ семействомъ, какъ только показался огонь. Садъ былъ окруженъ высокою стѣной, горящія развалины служили оградой спереди; мы выбросили туда все наше имущество. Цвѣты были смяты сѣдлами, футлярами для револьверовъ, ящиками съ лѣкарствомъ, сапогами, саблями, чемоданами; яблони покрылись простынями, одѣялами, платьемъ. Мы стали совѣщаться съ маіоромъ.

— Гдѣ намѣрены вы спать сегодня? спросилъ я его.—Вѣдь надо же ночевать гдѣ-нибудь, а теперь не легко будетъ найти квартиру.

— Здѣсь, отвѣчалъ маіоръ рѣшительно. — Достаньте одѣяла два; ночь свѣжа. Можемъ протянуть ноги вонъ къ тому огню, онъ, не бось, не погаснетъ. Такъ какъ дома обрушились, такъ задавить насъ нечему. Снаружи разставили часовыхъ; наши люди будутъ охранять насъ сзади; слѣдовательно, мы можемъ преудобно проспать до утра.

И хладнокровный воинъ, постеливъ себѣ постель, закурилъ свою неизмѣнную трубку, раздавилъ ногой нѣсколько луковицъ и скоро погрузился въ дремоту. Съ меньшимъ искусствомъ, я послѣдовалъ его примѣру. На другое утро я былъ пробужденъ лучами солнца, ударявшими мнѣ въ глаза, и увидѣлъ маіора погрузившаго голову въ кадку съ водой, и мистера Малони, проведшаго ночь съ Армянами при лошадяхъ.

— Это все отъ того что священникамъ позволяютъ жениться, разсуждалъ мистеръ Малони.—Оно ужь и для міранъ то тяжело, а если священникъ женится, такъ вотъ что происходитъ. Начинаютъ запивать. Батюшка съ матушкой вчера вечеромъ вытянули цѣлый мѣхъ вина, и матушка опьянѣла хуже батюшки. Отецъ Матъ тоже любитъ выпить стаканчикъ, но онъ никогда не допивается до того чтобы поджечь Кильмойль.

На слѣдующую ночь послѣ той, въ которую сгорѣли дома отца Димитрія, отца Сергія, к-жи Пападулосъ и еще многихъ другихъ почтенныхъ гражданъ, немного потерявшихъ отъ пожара, мы съ маіоромъ Гудомъ разбили нашу палатку въ саду отца Сергія. Я говорю нашу палатку, потому что маіоръ, хвалившійся знаніемъ турецкаго языка, отправился со мной къ почтенному старому мусульманину въ весьма короткой курткѣ, весьма широкихъ шароварахъ, и весьма грязной фескѣ, и пользуясь моимъ блестящимъ мундиромъ доктора Бенгальскихъ Тигровъ, съ помощью разныхъ ухищреній и вымысловъ, неизвѣстныхъ мнѣ, склонилъ этого обязательнаго сановника, завѣдывавшаго палатками, прислать одну изъ нихъ въ садъ отца Сергія. Садъ священника, какъ я уже сказалъ, былъ предназначенъ единственно для хозяйственныхъ цѣлей. Въ немъ были деревья покрытыя зрѣющими фигами и яблоками, по ветхимъ каменнымъ стѣнамъ вился виноградъ и абрикосы, но главную роль игралъ здѣсь, безъ сомнѣнія, лукъ. Обширныя гряды этого пахучаго растенія разстилались подъ деревьями, охватывая мѣстами островъ картофеля, или пучекъ морковки, и среди этого моря разбили мы свою палатку. Всѣ наши пожитки были перенесены въ нее, лукъ подъ нею былъ стоптанъ. Джупъ бомбардиръ и Анжело, нѣкогда бригадиръ папскихъ драгунъ, изготовили намъ ужинъ. Онъ состоялъ изъ печенки, тщательно зажаренной гомерическимъ способомъ на палкахъ, на огнѣ разведенномъ чуть не подъ ногами нашихъ лошадей. Сильно чувствовалась приправа лукомъ. Пили мы воду изъ колодца, слегка окрашенную нашими соединенными порціями рома. Десертомъ служили намъ двѣ длинныя трубки, купленныя у Турка на базарѣ, и горы табаку. Говорили мы о войнѣ, о Туркахъ, о Донъ-Кихотѣ, котораго маіоръ постоянно читалъ по-испански и переводилъ для меня мѣстами на англійскій языкъ. Еще разъ стоптали мы докучный лукъ, упрямо поднимавшійся

на свѣжемъ ночномъ воздухѣ, и легли на простынях по обоимъ бокамъ палатки. „Доброй ночи, докторъ!“—„Доброй ночи маіоръ!“ Огни погасли, то-есть каждый изъ насъ задулъ свою свѣчку, воткнутую въ бутылку подлѣ постели. Только что я засыпалъ, какъ меня заставило вздрогнуть довольно сердитое восклицаніе маіора.

— Вы это, пожалуста, оставьте! Я терпѣть не могу такихъ шутокъ!

— Что̀ оставить, маіоръ? Я ничего не дѣлалъ.

— Да вы бросили чѣмъ-то въ меня и попали мнѣ въ бокъ, вотъ и все.

— Честное слово, я этого не дѣлалъ.

— Не дѣлали?

— Увѣряю васъ. Я было ужь почти заснулъ.

— Ну, такъ оставьте же. Прощайте.

Я опять засыпалъ, вдругъ.... брр.... что-то сильно шлепнуло меня въ ухо.

— Спасибо, маіоръ Гудъ, это вы, должно-быть, въ отместку. Ну, теперь намъ можно заснуть.

— Что̀ такое, докторъ? проворчалъ маіоръ изъ-подъ одѣяла.— Что̀ вы говорите?

— Говорю что мнѣ попало въ ухо. Брошено славно, нечего сказать.

— Увѣряю васъ, мистеръ Бреди, что вы ошибаетесь. Я васъ не думалъ трогать.

— Странно. Кто-нибудь, должно-быть, подшучиваетъ надъ нами.

Маіоръ что-то проворчалъ, и я опять начиналъ дремать, какъ услышалъ будто кто-то скребетъ рукой снаружи по парусинѣ палатки. Звукъ приближался и сталъ такъ внятенъ что я спросилъ: „кто тамъ?“ Отвѣта не было.

— Маіоръ Гудъ! закричалъ я: — кто-то бродитъ около палатки.

Мы оба поднялись и прислушались.

— Это, вѣроятно, воры, прошепталъ маіоръ. — Они хотятъ выгнать насъ изъ палатки чтобы потомъ стащить что̀ здѣсь найдется. Держите пистолетъ наготовѣ; только не застрѣлите себя или меня; надѣнемъ сапоги и подождемъ что̀ будетъ.

Я услышалъ бряцаніе его шпаги, когда онъ обнажалъ ее. Мы сидѣли навостривъ уши.

— Это очень странно, замѣтилъ маіоръ,—на краю сада ночуютъ Малони, Джупъ, Анджело и Армяне; ворота я самъ заперъ, входя; чрезъ стѣны перелѣзть нельзя, чтобъ онѣ не свалились; нельзя также пробраться спереди чрезъ раскаленные кирпичи; я думаю.... Въ эту минуту палатка сильно потряслась, словно человѣкъ упалъ на одинъ изъ державшихъ ее канатовъ.

— Держите вправо! крикнулъ маіоръ, выскакивая изъ палатки.

Я, съ пистолетомъ въ рукахъ, выскочилъ въ противоположную сторону обѣжалъ кругомъ и споткнулся на колъ въ ту минуту какъ маіоръ, въ рубашкѣ, летѣлъ мнѣ натрѣчу, свистя въ воздухѣ италіянскимъ клинкомъ.

— Тутъ бродятъ какіе-то негодяи; надо ихъ подкараулить. Оставайтесь въ палаткѣ, ложитесь и не трогайтесь, пока я не позову. Если подойду къ палаткѣ, такъ я два раза кашляну. Я повиновался. Чрезъ нѣсколько минутъ маіоръ вошелъ, возвѣстивъ кашлемъ о своемъ приближеніи. У лошадей и прислуги все въ порядкѣ, сказалъ онъ. — Ворота заперты; стѣны не тронуты. Я заглядывалъ на всѣ деревья. Часовой на улицѣ у пожарища завѣряетъ что никто не проходилъ; никто даже не двигался въ городѣ уже болѣе часа. Мы, должно-быть, пугнули бродягъ; теперь попробуемте уснуть. Мы опять улеглись. Опять я дремалъ, какъ что-то тихонько шмыгнуло около моего подбородка и коснулось моего носа. Я схватилъ неизвѣстный предметъ желѣзною рукой. Это былъ макъ, затоптанный нами и теперь приподнявшійся.

— Я поймалъ вора!

— Какъ? Гдѣ? Что?

— Это макъ. Онъ щекоталъ меня по носу.

Маіоръ испустилъ восклицаніе и скоро захрапѣлъ. Я тоже заснулъ. Я странствовалъ гдѣ-то на развалинахъ Кильмойля, какъ вдругъ палатка затряслась, словно хотѣла обрушиться. Когда мы оба проснулись, она еще дрожала.

Маіоръ былъ очень сердитъ, и я также.

— Не видна ли вамъ звѣзда сквозь парусину въ ростъ человѣка? спросилъ онъ.

Я взглянулъ. — Видна.

— Такъ не сводите глазъ съ нея. Взведите курокъ пистолета. Если кто пройдетъ, окликните, и потомъ стрѣляйте. Я сдѣлаю то же. Если кто пострадаетъ, такъ самъ виноватъ.

Минуты чрезъ двѣ звѣздочка скрылась, и палатка освѣтилась двумя вспышками; маіоръ выстрѣлилъ съ своей стороны. Бумъ! грянуло снаружи ружье часоваго. Вскочила военная прислуга и Армяне, крича на разныхъ языкахъ. Лошади стали биться. Мы выбѣжали поднимать убитыхъ, и страшно насмѣшливое га, га, га раздалось надъ нами въ воздухѣ. На улицахъ поднялась суматоха, собаки лаяли, барабаны били тревогу, скорымъ шагомъ сходились патрули.

— По чемъ же вы стрѣляли, часовой?

— Да, должно-быть, по привидѣнію, промолвилъ Санди.—Оно шмыгнуло мимо меня, словно мѣшокъ съ крыльями, прямо чрезъ раскаленные камни.

Слѣдующую ночь мы съ маіоромъ спали въ палаткѣ съ двумя дирами на пустырѣ за садомъ. До сихъ поръ мы не понимаемъ этого случая и не можемъ принять объясненія сэръ-Джорджа, который, услышавъ эту исторію, сказалъ:

— Славную тревогу подняли вы, маіоръ Гудъ, съ докторомъ, изъ-за бѣлой совы, какихъ здѣсь очень много.

Вотъ уже второй разъ ссылались на сову чтобъ объяснить явленія которыхъ она едва ли могла быть причиной.

VII. Непріятель подступаетъ къ намъ.

Бенгальскіе Тигры опять на пути къ новому мѣсту на театрѣ войны.

Мы разбили лагерь въ Девнѣ, у красивой рѣчки текущей чрезъ плотину старой мельницы въ глубокій омутъ, который каждое утро наполнялся сотнями жадныхъ купальщиковъ. Палатки были раскинуты на склонѣ отлогой горы надъ берегомъ; въ нѣкоторомъ разстояніи, среди лѣсистой долины, напоминавшей англійскій паркъ, разстилалось широкое озеро. Тутъ стояли всѣ полки легкой дивизіи, двинувшіеся отъ Галлиполи въ Варну, а отъ Варны къ этому прекрасному склону. Носились слухи что мы идемъ въ Силистрію на помощь осажденнымъ Туркамъ, и солдаты рады были отдѣлаться отъ ученія и отъ всѣхъ упражненій, производившихся на дворѣ казармъ.

Наша легкая кавалерія разъѣзжаетъ по окрестностямъ Дуная, отыскивая неосторожныхъ казаковъ, забравшихся слишкомъ далеко отъ своей линіи. Слава Богу что мы въ

движеніи. Люди здоровы, и полки, еще застѣнчивые какъ дѣвицы на первомъ балѣ, начинаютъ мало-по-малу знакомиться другъ съ другомъ; происходятъ маленькія празднества, незатѣйливыя, но пріятныя. Солдаты построили бесѣдку изъ сучьевъ и вѣтокъ, взятыхъ въ сосѣднихъ лѣсахъ. Диванами служатъ кучи травы и листьевъ и коммиссаріатскія кадки. Простое тенедосское вино очень вкусно. Бесѣдка увѣшена цвѣтными бумажными фонарями, густая туча табачнаго дыма отгоняетъ докучныхъ насѣкомыхъ. Exoritur clamor virorum, пѣніе и громкій хоръ, ибо въ тѣ дни легкая дивизія была очень весела и слегка подшучивала надъ достопочтеннымъ вождемъ своимъ и его особенностями.

— Спой намъ пѣсню легкой дивизіи, Петръ.

— Слушайте! слушайте! кричатъ всѣ.

И Петръ поетъ на народный мотивъ.

Слабости ветерана доставили дивизіонному поэту сюжетъ многихъ пѣсенъ, погибшихъ для свѣта, ибо бѣдный Петръ лежитъ нѣмой и безгласный подъ глыбой земли у Воронцовской дороги, а съ нимъ и его пѣсни.

Опять онъ поетъ на другой мотивъ, и хоръ громко ему подтягиваетъ.

Послѣ одного изъ такихъ вечеровъ за попойкой, я ушелъ рано, читать доставленныя мнѣ письма. Я ждалъ отвѣта на грустное посланіе, въ которомъ осмѣлился выразить.... самъ не знаю что. Когда почта ушла, я передумалъ свои слова и испугался чтобъ они не оскорбили ея. У себя я нашелъ однако только короткое письмо отъ мистера Бетса, записку отъ маіора Турнбулля, въ которой онъ выражалъ опасеніе что старый другъ нашъ дряхлѣетъ, ибо „характеръ у него становится нестерпимый“, да нѣсколько строкъ отъ моего милаго Джака Виндо. Онъ сдѣлался командиромъ *Слокома*,—еще шагъ впередъ для него, ибо это былъ тяжелый, весьма тяжелый фрегатъ, принадлежащій къ черноморской эскадрѣ. Онъ надѣялся скоро увидаться со мной на своемъ бортѣ, или отыскать мою квартиру въ лагерѣ. Да, вотъ еще записка отъ Стендиша. Онъ былъ въ Варнѣ, держась, какъ онъ выражался, поближе къ своему операціонному базису и продовольствію, и звалъ меня къ себѣ.

„Благородный членъ нижней палаты, писалъ онъ, обратилъ вниманіе парламента на мою пищу и употребилъ всѣ старанія чтобъ уморить меня съ голоду, но все-таки для васъ найдется кусокъ чего-нибудь, если вы навѣстите меня.“

Съ большимъ трудомъ разобралъ я эти посланія, ибо въ палатку проникали міріады весьма мелкихъ крылатыхъ насѣкомыхъ и поминутно гасили мою свѣчу. Бѣлая парусина чернѣла отъ нихъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, я легъ на постель, закрылъ лицо простыней и заснулъ.

Голосъ госпитальнаго ординарца разбудилъ меня.

— Что такое? Развѣ нельзя позвать мистера Сквилса?

— Онъ уже тамъ. Схватило вдругъ. Люди кричатъ по всему лагерю. (Голосъ ординарца слегка дрогнулъ.) — Нѣкоторымъ очень плохо.

— Что же такое, какъ вы думаете? Отъ дурной воды?

— Извольте посмотрѣть сами, отвѣчалъ ординарецъ робко.

Я поспѣшилъ въ госпитальную палатку. Да, предо мной, лицомъ къ лицу, былъ непріятель котораго я всего болѣе страшился: холера посѣтила насъ. Отъ такого непріятеля не было защиты кромѣ бѣгства. Не безъ смятенія снялся лагерь, и дивизія двинулась къ Монастырю. Но склонъ горы покрытъ былъ черными буграми.

— Я предостерегалъ генерала, говорилъ Макъ Филиппъ.— Дѣло очевидное. Здѣсь обычный путь холеры отъ Дуная къ Черному морю, и она всегда посѣщаетъ Девну. Посмотрите, подлѣ насъ озеро и долина, изъ которой каждый вечеръ бѣлый туманъ поднимается до самыхъ палатокъ; кругомъ лѣса, стѣсняющіе воздухъ, наполненные гніющими листьями.

Бѣдствіе слѣдовало за бѣдствіемъ. Пришло извѣстіе что холера разразилась въ Варнѣ, а потомъ появилась и на флотѣ. Ужасный пожаръ уничтожилъ наши склады и магазины въ городѣ. Причины его никто не зналъ; но потомъ припомнили что въ самый пожаръ изъ залива вышелъ бригъ, на который не обратили вниманія среди общаго смятенія. Англійскіе офицеры говорили что судно это было греческое и предъявляло французскія бумаги; Французы завѣряли что понятія о немъ не имѣютъ. Отъ Стендиша я получилъ отчетъ о пожарѣ, въ которомъ онъ говорилъ между прочимъ:

„Представьте себѣ что когда мы бѣжали къ магазинамъ съ пріятелемъ вашимъ, маіоромъ Гудомъ, который состоялъ здѣсь при главномъ штабѣ, въ узкомъ переулкѣ я встрѣтилъ этого негодяя, капитана греческаго брига. Онъ шелъ поспѣшно съ нѣсколькими изъ своихъ разбойниковъ въ противоположномъ направленіи. Кажется, онъ узналъ меня, и во всякое другое время я бы поговорилъ съ нимъ, но мы торопились, и только потомъ, соображая разныя обстоятельства за-

слухи о греческомъ суднѣ вышедшемъ изъ пристани во время пожара, мнѣ пришло въ голову что слѣдовало бы арестовать его.“

Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ подробностей о пожарѣ, Стеадишъ продолжалъ:

„Капитанъ Десмондъ, въ которомъ вы принимаете участіе, чуть не отправился на тотъ свѣтъ. Онъ ѣдетъ въ отпускъ, въ Константинополь, поправлять свое здоровье.“

Джеральдъ былъ плохой корреспондентъ, и въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ прислалъ мнѣ лишь одну коротенькую записку, такъ что я махнулъ на него рукой и до сихъ поръ зналъ о немъ лишь по приказамъ касавшимся бригады генерала Крукенкра. Наконецъ пришло желанное время, и союзныя арміи, упустивъ нѣсколько драгоцѣнныхъ недѣль, потерявъ въ Болгаріи и Добруджѣ не меньше людей чѣмъ при Альмѣ и Аккерманѣ, двинулись въ Крымъ.

— Куда это мы идемъ? спрашивалъ сержантъ Мурфи у сержанта Валлона.

— Въ Крымъ, отвѣчалъ сержантъ Валлонъ снисходительно.—Это то же самое мѣсто что̀ крымская Татарія, о которой мы слышали, сержантъ Мурфи.

— Крымская Татарія? Странное имя. Ужь не оттуда ли идетъ кремортартаръ? замѣтилъ сержантъ Мурфи сомнительно.—Мѣсто, должно-быть, здоровое, хоть за то спасибо.

Главная каюта судна *Городъ Лондонъ* сіяла огнями; по обѣимъ сторонамъ двухъ длинныхъ столовъ сидѣли офицеры въ красныхъ и синихъ мундирахъ: штабные, армейскіе, коммиссаріатскіе, медики. Капитанъ Джонъ Каргиллъ предсѣдательствовалъ за столомъ; честные глаза его блестѣли подъ густыми бровями, точно сторожевые огни на берегу. По правую руку его сидѣлъ генералъ дивизіи къ которой я принадлежалъ, будучи временно причисленъ къ штабу. Деласи, статный и воинственный на видъ, выслушивалъ съ улыбкой соображенія своего адъютанта, поясняемыя линіями портвейна, разставленными на столѣ, и редутами изъ корзинъ съ изюмомъ и миндалемъ. При каждомъ движеніи непріятеля или союзниковъ, капитанъ Джонъ Каргиллъ съ удовольствіемъ потиралъ руки и говорилъ:

— Такъ, такъ! Это хорошо, полковникъ. Я съ вами согласенъ.

Макъ-Филиппъ разсуждалъ со старшимъ офицеромъ о сравнительныхъ достоинствахъ системъ Рейда и Дюгальда Стюарта, иногда вдаваясь въ оцѣнку преподаванія метафизики въ Глазговѣ и Эдинбургѣ. Стендишъ съ великимъ юморомъ чертилъ въ забаву окружавшей его молодежи воображаемую сцену для *Лондонской Иллюстраціи*: „Высадка спеціальнаго корреспондента *Геркулеса* и смерть издателя *Русскаго Инвалида*“. Меня мучилъ Мармадукъ Блоссомъ, докторъ медицины, генеральный инспекторъ госпиталей, недовольный мною за пренебреженіе энтомологіей и за то что я не сохранилъ и не прислалъ ему нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, погасившихъ мою свѣчу въ ту ночь какъ появилась холера. Онъ горѣлъ любовью къ наукѣ и не обидѣлъ бы мухи, развѣ для ея же пользы, или молодаго доктора, развѣ для его наставленія. Онъ однако любилъ живучіе экземпляры, и чѣмъ дольше бились они на булавкѣ, тѣмъ пріятнѣе было Мармадуку Блоссому.

Мы всѣ стремились къ невидимой еще цѣли, къ точкѣ въ нѣсколькихъ миляхъ на западъ отъ мыса Таркэна, и при всемъ томъ назначеніе наше было опредѣленнѣе нашихъ плановъ. Съ палубы открывалось такое зрѣлище, какого не видалъ никто изъ насъ, да, можетъ-быть, не видали и далекіе предки наши. Еслибы звѣзды съ неба спустились на воду, не больше было бы блеска и мерцанія на темномъ морѣ. Соединенный флотъ Англіи и Франціи, вмѣстѣ съ турецкою эскадрой, провожали свои войска плывшія на сотняхъ кораблей среди киммерійскаго мрака въ страну гдѣ его обитель. На каждой мачтѣ висѣлъ фонарь. Когда суда скользили по колеблющимся волнамъ, огни мерцали какъ искры на тлѣющей головешкѣ. Не нашлось бы ни одного человѣка на кораблѣ, ни одного во всемъ флотѣ, у котораго не было бы своихъ заботъ, но чужія заботы не облегчали моихъ. Такъ думалъ я въ то время какъ Макъ Филиппъ, подсѣвъ къ Блоссому, вступилъ въ разсужденіе о медицинскихъ вопросахъ, которые возникнутъ когда мы сойдемся съ непріятелемъ.

— Я согласенъ съ вами что опасно уменьшать жизненную энергію при серіозныхъ операціяхъ, говорилъ Макъ-Филиппъ.—Но боль великій врагъ жизни. Если хлороформъ дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ боли, вы согласитесь что его слѣдуетъ употреблять, если нѣтъ положительныхъ указаній на его неумѣстность.

— Никакимъ образомъ, возразилъ Блоссомъ.—Я не согласенъ съ вами. Боль можетъ быть весьма полезна. Это знакъ подаваемый природой, сознающею опасность. Я считаю хорошимъ признакомъ, когда больной кричитъ подъ ножомъ. По моимъ замѣчаніямъ, спокойствіе часто указываетъ на недостатокъ животной энергіи.

— Ну, если придется, я заору какъ слѣдуетъ, будьте покойны, усмѣхнулся юный капитанъ Потсъ. — Не такъ ли, докторъ?

Но Мармадукъ Блоссомъ и Макъ Филиппъ не были расположены раскрывать Потсу тайны своего искусства, и перешли къ общему разговору о невѣжествѣ публики въ медицинскихъ вопросахъ. Въ примѣръ Макъ Филиппъ привелъ общераспространенное понятіе о количествѣ страданія.

— Говорятъ что на полѣ сраженія, гдѣ всюду валяются раненые, должно быть огромное количество страданія. Это нелѣпо! Нельзя сложить страданіе одного человѣка со страданіемъ другаго и подвести общій итогъ.

— Конечно, нѣтъ, согласился Блоссомъ.—Это безсмыслица.

— Но согласитесь что страдающихъ должно быть множество, вмѣшался Потсъ,—а ихъ вѣдь можно сложить.

— Я думаю, вы не станете доказывать, капитанъ Потсъ, что если у одного изъ вашихъ солдатъ болятъ зубы, и у васъ также, то ему или вамъ отъ этого больнѣе?

— Нѣтъ, но я стану доказывать что насъ двое съ зубною болью, и что слѣдовательно зубной боли тутъ вдвое больше чѣмъ еслибы былъ только одинъ. Однако я вижу что вы оба собираетесь напасть на меня и бѣгу на палубу выкурить сигару.

— Грустно, Макъ Филиппъ, сказалъ докторъ, — очень грустно!

— Дѣйствительно, Блоссомъ. Сыграемте-ка партію въ шахматы.

Нѣсколько дней спустя я видѣлъ какъ оба эти почтенные джентльмена, засучивъ рукава, среди толпы помощниковъ, пилили, рѣзали, сондировали, забывъ всѣ свои теоріи.

VIII. Высадка.

Выйдя въ одно утро на палубу, мы увидѣли предъ собою низкій берегъ, похожій на берегъ Эссекса во время

отлива. Де-Ласи со штабомъ стояли на задней палубѣ вокругъ сигнальнаго офицера, который разбиралъ языкъ флаговъ. Намъ приказывали высадиться на лежащій предъ нами плоскій берегъ, за которымъ виднѣлось узкое озеро. Съ другой стороны широкія, унылыя съ виду равнины разстилались до горизонта, гдѣ Чатырдагъ съ хребтомъ своимъ поднимался словно острова среди моря. Какъ всѣ разглядывали берегъ, на которомъ многимъ суждено было остаться на вѣки! Наша экспедиція имѣла всю заманчивость приключеній въ неизвѣстныхъ странахъ. Начальникъ нашъ зналъ о Крымѣ немного больше чѣмъ Язонъ о Колхидѣ, когда онъ поднялъ паруса Арго. Ни души не было видно; но говорили что въ немногихъ миляхъ разстоянія высокій берегъ рѣки, впадающей въ море между нами и Севастополемъ, занятъ былъ войскомъ. Флотъ, наконецъ, подошелъ къ берегу внѣ легкаго прибоя. Воздухъ омраченъ былъ тучами дыма изъ трубъ, служившими какъ бы покровомъ для высадки. По данному сигналу, отъ боковъ кораблей отчалили длинныя вереницы лодокъ; въ нихъ виднѣлись синія и красныя пятна, изъ которыхъ въ нѣсколько минутъ должны были сомкнуться желѣзные баталіоны и овладѣть берегомъ.

— Какъ же мы будемъ прибирать раненыхъ? спросилъ Макъ Филиппъ у штабнаго офицера.—Если будутъ драться, такъ, полагаю, будутъ и раненые, а походные госпитали Блоссома всѣ выгружены въ Варнѣ.

— Это дѣло докторовъ, отвѣчалъ капитанъ Нефью.—До меня это не касается.

— А будетъ касаться, когда пуля засядетъ вамъ въ лядку, возразилъ Макъ Филиппъ сердито:—тогда вы сочтете это штабнымъ дѣломъ. Но что тамъ такое? Видѣли ли вы когда-либо что-нибудь подобное? воскликнулъ онъ, указывая пальцемъ на берегъ.

Первая лодка Англичанъ пристала, и генералъ сэръ-Джорджъ принималъ мѣры для завладѣнія землей. Партія застрѣльщиковъ собралась на берегу, а генералъ сталъ взбираться на песчаный бугоръ, не подозрѣвая того,—что видно было всему флоту,—что кучка казаковъ его замѣтила и съ копьями на перевѣсъ скакала къ нему.

— Держу десять противъ одного что они его заколютъ, Пикельсъ! вскричалъ Нагетъ.—Смотрите, я, кажется, вижу усмѣшку на лицѣ этого молодца въ мѣховой шапкѣ что теперь подъѣзжаетъ.

— Идетъ! закричалъ Пикельсъ:—золотыми? Держу!

— Нѣтъ, нейдетъ, Пикельсъ, поздно сказали! Вы выждали пока старикъ остановился, а стрѣлки двинулись впередъ. Ужасная штука. Каково еслибъ они закололи генерала на глазахъ всего флота? Вотъ они. Стрѣлки по нимъ стрѣляютъ. Наши строятся; глядите на третью лодку!

Высадиться было не трудно; но что̀ дѣлать у „печальной воды“ по колѣно въ мокромъ пескѣ, при недостаткѣ пищи и отсутствіи всякаго убѣжища? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Ночью пошелъ дождь, взмывая камни на взморьѣ и со свистомъ хлеща по морю, и я очутился въ прекрасномъ обществѣ подъ опрокинутою телѣгой, оказавшеюся отличнымъ проводникомъ для воды. Я даже не могъ чувствовать состраданія къ бѣдному Стендишу, который лежалъ въ холодной ваннѣ на пескѣ подлѣ меня и погруженъ былъ въ глубокое отчаяніе, оттого что записная книжка вся взмокла у него въ карманѣ, и письмо въ *Геркулесъ* погибло.

— И я предвижу, это совершенно несомнѣнно, пророчествовалъ Багшо изъ-подъ зонтика леди Гайрекъ, который она оставила этому доблестному воину, простившись съ мужемъ и вернувшись на корабль,—Русскіе сейчасъ же явятся съ артиллеріей, станутъ по ту сторону озера, и сметутъ насъ съ берега. Почти то же едва не случилось въ Каттервальской тѣснинѣ. А съ кораблей стрѣлять нельзя. Я не далъ бы вотъ чего, заключилъ Багшо, щелкнувъ пальцами и изливъ цѣлую лохань воды съ зонтика себѣ на шею,—за все здѣшнее войско. Весьма возможно, что Французы нарочно насъ заманили.

„Отрада является утромъ.“ Но отрада заключалась лишь въ отсутствіи положительнаго страданія. Вся толпа вокругъ меня ожила. Со мною были съѣстные припасы на три дня въ котомкѣ, фляжка съ водкой, мундиръ и шпага, которая подвернулась ночью мнѣ подъ голову, такъ что я всталъ съ прекраснымъ отпечаткомъ королевскаго герба на правой щекѣ. Вода размочила котомку, такъ что сухари и мясо смѣшались вмѣстѣ и составили какой-то весьма непривлекательный на видъ пудингъ. Воздухъ былъ очень суровъ, и хоть я не имѣю этой привычки по утрамъ, я отыскалъ свою фляжку, откупорилъ ее и влилъ немного водки въ металлическій стаканчикъ. То есть влилъ бы, еслибы могъ. Но жидкость не показывалась, не слышалось плесканья во внутренности.

Злодѣйская рука ограбила меня во время сна. Но у каждаго изъ насъ были тутъ свои невзгоды и заботы, и каждый принужденъ былъ забыть ихъ для исполненія своихъ обязанностей. Вотъ ѣдетъ вдоль узкаго перешейка между озеромъ и моремъ, сидя превосходно на прекрасномъ конѣ, старикъ необыкновенно благосклонной, симпатической наружности. Генеральскій плюмажъ мягко зыблется на утреннемъ вѣтеркѣ; мундиръ могъ бы служить образцомъ для любаго парада, сапоги лоснятся такъ же какъ и шпоры. Лицо его носило печать привѣтливой важности. Тутъ не было тѣхъ крупныхъ чертъ какъ у Кромвеля или Тюреня, не было той массивности какъ у Валленштейна, не было гордой красоты Марльборо, не было непреклонной выразительности Веллингтона, огня и тонкости Сентъ-Арно. Лицо это отличалось безмятежностью, спокойствіемъ, почти загадочнымъ, и изящною благосклонностью. Такія лица можно видѣть надъ старомодными галстуками въ окнахъ клубовъ въ улицѣ Сентъ-Джемсъ; или у каминовъ въ деревенскихъ усадьбахъ. Этотъ типъ узнаете вы въ семейныхъ портретныхъ галлереяхъ, и многіе де-Линьи, Шварценберги, Галласы восхищали человѣчество, общество и арміи подобною наружностью и осанкой. Не столько свита, сколько пристегнутый къ груди пустой рукавъ, возвѣстилъ войскамъ что предъ ними лордъ Раглань. Были тутъ полки которые не знали его въ лицо. Но всѣмъ было извѣстно что вождь ихъ лишился руки на войнѣ съ Французами, войска которыхъ, служащія племяннику человѣка носившаго для лорда Раглана въ молодости лишь названіе „Корсиканца“, теперь стояли въ одномъ строѣ съ Англичанами. Онъ проѣхалъ сквозь толпу, тѣснившуюся на взморьѣ, съ ласковою улыбкой, словно прогуливался въ Роттенъ-Рау.

День проходилъ за днемъ, мы все стояли, берегъ этотъ сталъ намъ наконецъ ненавистенъ. Съ флота подвозили провизію, безпрерывно приходили лодки отъ дымящихся кораблей. Ночи были прекрасны; можно было спать въ плащахъ, съ камнями подъ головой, вмѣсто подушки. Я безпрестанно бѣгалъ отъ одного больнаго къ другому. Страшный непріятель переѣхалъ съ нами черезъ море.

— Слуга генерала очень плохъ. Нельзя ли вамъ придти къ нему поскорѣе?

У края соленаго озера лежитъ бѣднякъ на одѣялѣ; подлѣ него стоитъ на колѣняхъ молодой человѣкъ въ запачканной

черной одеждѣ, держитъ его за руки и съ непокрытою головой тихо молится. Умирающій слабо повторяетъ его слова и глядитъ въ свѣтлое, лазуревое небо; тусклый взглядъ возвѣщаетъ уже приближеніе Утѣшителя. Священникъ наклоняется, шепчетъ что-то на ухо умирающему и скрещиваетъ на груди его холодныя руки. Когда поднялся онъ, я испустилъ восклицаніе:

— Дикъ Больтонъ! Вы здѣсь?

— Мы съ вами ужь помочь не можемъ, любезный Бреди. Нѣсколько торопливыхъ вопросовъ, минута посвященная воспоминаніямъ о прошломъ, вотъ все что мы могли дать другъ другу, ибо мы оба нужны были въ другихъ мѣстахъ.

— Когда увижусь съ вами, разкажу вамъ о Прендергастѣ. Гдѣ я его видѣлъ, какъ вы думаете,—если только это былъ не двойникъ его? Въ Перѣ; онъ выходилъ на берегъ изъ каика. Не забудьте же. Вторая бригада третьей дивизіи. Да хранитъ васъ Богъ, до слѣдующей встрѣчи.

Намъ не суждено было встрѣтиться. Изнуренный усталостью, когда слѣдовалъ пѣшкомъ за арміей, Дикъ Больтонъ сраженъ былъ врагомъ котораго привыкъ не страшиться. Онъ покоится подъ курганомъ, который любившая его паства воздвигла надъ его тѣломъ среди поросшей виноградомъ долины, въ далекой странѣ.

IX. Мы наступаемъ на непріятеля.

Большая должна произойти перемѣна въ человѣкѣ чтобъ онъ пересталъ увлекаться войной; не столько, можетъ-быть, самымъ пыломъ сраженія, гдѣ часто обнаруживается дурная сторона, сколько разнообразіемъ и возбужденіемъ походной жизни. Новое ощущеніе находиться въ опасности отъ людей которыхъ вы никогда не видали, которымъ нѣтъ причины ненавидѣть васъ, которыхъ вы обязаны убивать сколько можете, зная что за это всѣ товарищи будутъ васъ чествовать. У большей части людей надо бы измѣнить составъ мозга чтобъ они перестали радоваться такому убійству, и надо, кажется, отказаться отъ надежды что настанетъ день, когда народъ судомъ общественнаго мнѣнія будетъ осужденъ какъ убійца за то что велъ войну, въ особенности войну удачную.

Я стоялъ на песчаномъ бугрѣ и видѣлъ какъ войска двигались отъ берега на непріятеля. Зрѣлище было такое что грудь стѣснилась и замирало сердце, даже мое, хотя я все время хлопоталъ съ больными и только что отправилъ на корабли грузъ безнадежныхъ страдальцевъ. Свѣжесть утренняго воздуха, оживленное движеніе, снующія взадъ и впередъ транспортныя суда, ихъ сигнальные флаги и паруса, торжественный ходъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, предшествуемыхъ авангардомъ легкихъ пароходовъ, удивительная точность съ какою каждый четвероугольникъ красныхъ мундировъ занималъ свое мѣсто, какъ бригада строилась за бригадой, и смыкались дивизіи, растягиваясь по волнистымъ лугамъ, усѣяннымъ цвѣтами; адъютанты, скачущіе отъ одной кучки всадниковъ къ другой; темныя массы артиллеріи, черная кайма стрѣлковъ на краю живой волны, катящейся по равнинѣ; слѣва кавалерія, сіяющая касками, саблями, копьями, толпы прислуги, обозныя арбы, то была картина, нѣтъ, не картина, а воплощеніе войны, исполненное такой грозной прелести, которою позволительно увлекаться и гордиться царямъ. Думалъ ли я тогда о моемъ призваніи? Нисколько! Мнѣ хотѣлось скакать съ этою пестрѣющею кавалеріей или идти во главѣ послушной колонны. Зачѣмъ принужденъ я ухаживать за жалкимъ пушкаремъ, которому только-что раздавило ногу орудіемъ, и который никогда уже не сядетъ на лошадь, не присоединится къ товарищамъ! Грезы разлетаются, предо мною опять отрезвляющая дѣйствительность долга.

Когда наконецъ пришла моя очередь двинуться съ моими Тиграми, весь энтузіазмъ мой чуть не заглохъ въ удушливой жарѣ походнаго строя. Какой угодно герой, послѣ многихъ дней, проведенныхъ въ тѣснотѣ на кораблѣ, при недостаткѣ воды, въ узкомъ суконномъ платьѣ, вспотѣетъ подъ крымскимъ солнцемъ. Я получилъ право купить себѣ лошадь. Однажды утромъ кавалерія захватила нѣсколько жалкихъ туземцевъ, и Татаринъ, весьма смущенный недовѣріемъ къ доброкачественности англійскихъ золотыхъ,—онъ пробовалъ ихъ по-англійски, зубами,—продалъ мнѣ четвероногое, которое непремѣнно пало бы отъ старости и слабости, еслибы не безпрестанное пришпориванье и не окружающій шумъ. Брейтонскія дюны, съ менѣе рѣзкими очертаніями, съ болѣе синимъ моремъ и съ бо́льшимъ количествомъ цвѣтовъ въ

травѣ, вотъ мѣстность по которой мы идемъ сомкнутымъ строемъ, отъ котораго сіяніе солнца отражается на каждомъ шагу несчетными лучами. Предъ нами на горизонтѣ, гдѣ высится уступами синѣющая вершина Чатырдага, поднимаются въ тихомъ воздухѣ столбы дыма, то черные, то бѣловатые.

Часъ за часомъ мы идемъ впередъ. Идемъ тихо, потому что надо давать роздыхъ людямъ и сохранять порядокъ. Въ одну изъ такихъ остановокъ, когда армія распадается на милліарды единицъ, когда складывается въ кучу оружіе, закуриваются трубки, и невнятный гулъ, смѣхъ и крикъ многихъ тысячъ стоитъ надъ равниной, мы съ маіоромъ Гудомъ отправились къ нашей кавалеріи, очень красиво прикрывавшей нашъ фронтъ легкою бригадой. Мы подъѣхали къ узкой рѣчкѣ, лѣниво текущей къ морю по широкой долинѣ. У дороги подлѣ моста стоялъ оштукатуренный домъ; онъ почернѣлъ отъ дыма сгорѣвшихъ службъ, крыша потрескалась и развалилась. Маіоръ былъ человѣкъ предусмотрительный. „Кавалерія навѣрное не успѣла обшарить это мѣсто,“ сказалъ онъ. „Войдемте и посмотримъ: не осталось ли тутъ чего-нибудь.“ Мы слѣзли, привязали лошадей къ двери почтовой станціи и вошли въ домъ. Комната за комнатой, все одно и то же: сломанная мебель, открытые, пустые ящики, разбросанное по полу платье, вездѣ признаки поспѣшнаго бѣгства. Когда отворили мы одну дверь, кошка стремительно проскочила у насъ между ногъ и за нею козленокъ; но послѣдняго Гудъ въ ту же минуту свалилъ выстрѣломъ изъ револьвера.

— Вотъ намъ и обѣдъ дня на два! воскликнулъ онъ.—Да напрасно мы и кошку-то упустили; кошачье мясо можетъ сдѣлаться рѣдкостью. Я обдѣлаю козленка, а вы ступайте дальше попытать счастья. Не щадите ничего съѣстнаго.

Я сошелъ на дворъ въ ту минуту какъ Стендишъ выбѣжалъ изъ-за угла съ дымящимся револьверомъ въ рукахъ, преслѣдуя подстрѣленную индѣйку. Онъ загналъ ее въ тлѣющія развалины сарая.

— Вотъ! воскликнулъ онъ:—еще минута, и она бы изжарилась какъ есть, съ перьями. Поистинѣ, Теренсъ, на походѣ становишься ужасно голоденъ и безсовѣстенъ. Намъ все это кажется шуткой. Какъ бы мы однако озлились, еслибы Французы стали душить нашихъ домашнихъ животныхъ около Клафамъ-Коммона?

И мы, какъ три мародера, поѣхали дальше, съ добычей за сѣдломъ, пока не приблизились къ линіи кавалерійскихъ разъѣздовъ, остановившихся въ лощинѣ. На склонѣ впереди ихъ виднѣлся рядъ всадниковъ, ѣхавшихъ къ намъ. Скоро мы увидѣли длинныя казацкія пики и маленькихъ лошадокъ.

Казаки наступали размахивая копьями, ихъ лошадки бодро скакали по склону. Вдругъ струйка дыма поднялась отъ одного, потомъ другой разрядилъ карабинъ, и выстрѣлы покатились по всей линіи, и лошадки запрыгали и заиграли пуще прежняго. Наши разъѣзды отвѣчали, и въ ихъ рядахъ произошло такое же движеніе, прыганье и брыканье. Но никто не былъ раненъ, только пыль взвилась съ земли, да пули посвистывали въ воздухѣ.

— Вотъ вамъ доказательство на сколько полезенъ кавалерійскій огонь, сказалъ Гудъ.—Однако, смотрите, вотъ они собираются атаковать не на шутку.

Онъ указалъ на гору предъ нами. Тамъ дѣйствительно поднимался цѣлый лѣсъ копій. Появилась густая масса всадниковъ. Они построились тремя колоннами: центръ былъ синій, правое крыло бѣлое, а лѣвое свѣтло-сѣрое.

— Ага! Такъ я и думалъ, продолжалъ маіоръ. — Вотъ лордъ Кардиганъ со своею бригадой. Но гдѣ же его орудія? Эти господа скоро дадутъ намъ отвѣдать своего свинцу.

Разъѣзды наши отступали. Казаки съ крикомъ преслѣдовали ихъ. Вдругъ синій центръ разомкнулся и на горѣ появились восемь черныхъ точекъ. Клубъ бѣлаго дыма вылетѣлъ отъ одной изъ нихъ, и въ ту же минуту, съ рѣзкимъ свистомъ, картечь ударила въ землю у самыхъ ногъ моего пони, обдавъ маіора и Стендиша градомъ песку и мелкихъ камней.

— Мы прямо подъ ихъ выстрѣлами на кавалерію. Они, пожалуй, принимаютъ насъ за штабъ по вашему великолѣпному галуну. Свернемте влѣво, совѣтовалъ нашъ менторъ, не переставшій ни на минуту курить сигару.

Онъ еще не кончилъ какъ бомба лопнула надъ нами и послышался свистъ осколковъ. Вотъ опять выстрѣлъ, и другой, и третій, ядра сыпались вокругъ насъ. Но Гудъ не допускалъ быстрыхъ движеній.

— Не скачите! Не торопитесь. Тихою рысцой влѣво, господа.

Зрѣлище было красивое. Кавалерія медленно отступала, поворачивая по-эскадронно и глядя въ лицо непріятелю, а

Русскіе наступали со своими орудіями, словно хотѣли настигнуть насъ, пока бригада не ушла подъ прикрытіе артиллеріи и не подоспѣла армія. Вдали позади насъ виднѣлись Англичане, двигаясь какъ морская волна и испещряя зеленые луга красными и бѣлыми полосами; сквозь тучи пыли отъ лошадиныхъ копытъ и колесъ скачущихъ орудій, мы различали нашу артиллерію, спѣшившую на выручку. Русскія пушки не переставали стрѣлять по кавалеріи, и мѣстами падала лошадь, мѣшались на минуту ряды, когда ударяло въ нихъ ядро. Но скоро роли перемѣнились. Англійская батарея построилась подлѣ насъ и открыла огонь, за нею другая. Русская конница остановилась, подобрала свои орудія и скрылась за горой.

— Что̀ такое? пропыхтѣлъ толстый стрѣлковый капитанъ, раскраснѣвшійся оттого что бѣжалъ со своею командой.— Развѣ завязалось дѣло?

— Чуть не захватили врасплохъ нашу кавалерію, вотъ и все, отвѣчалъ Гудъ. — Спасъ болѣе случай чѣмъ распорядительность. Но люди вели себя прекрасно.

Арміи остановились на ночь у береговъ рѣчки. Не думаю что было такъ разчитано и что наперед позаботились о возможности добыть воду. Я знаю что въ этомъ походѣ была какая-то разъединяющая сила, смущавшая новичка. Оно не замѣтно было, пока полки не располагались бивуаками. Но тутъ проявлялась ужасная разрозненность: сотни людей бродили по бивачнымъ огнямъ, отыскивая свои полки, обозы и лошади перемѣшивались съ рядами. Я привязалъ своего пони у огня, разведеннаго слугою Гуда, и вмѣстѣ съ нимъ и Стендишемъ, сталъ глядѣть со вниманіемъ, какъ Арманинъ жарилъ нашего козленка и индѣйку.

— Гдѣ наши фисташки? спросилъ Стендишъ весело.—Я въ жизнь мою не обѣдывалъ лучше. Теперь трубочку и спать.

Маіоръ былъ очень пасмуренъ. Онъ всталъ и началъ прохаживаться между лежащими людьми, которыхъ почти не было видно, потому что ночь была темная, хотя и звѣздная, а огней было мало. Мы со Стандишемъ уже спали, когда онъ вернулся. Онъ слегка коснулся моего плеча и шепнулъ:

— Встаньте и пройдитесь со мною. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Я молча пошелъ за нимъ, осторожно ступая между спя

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03684 2463

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD